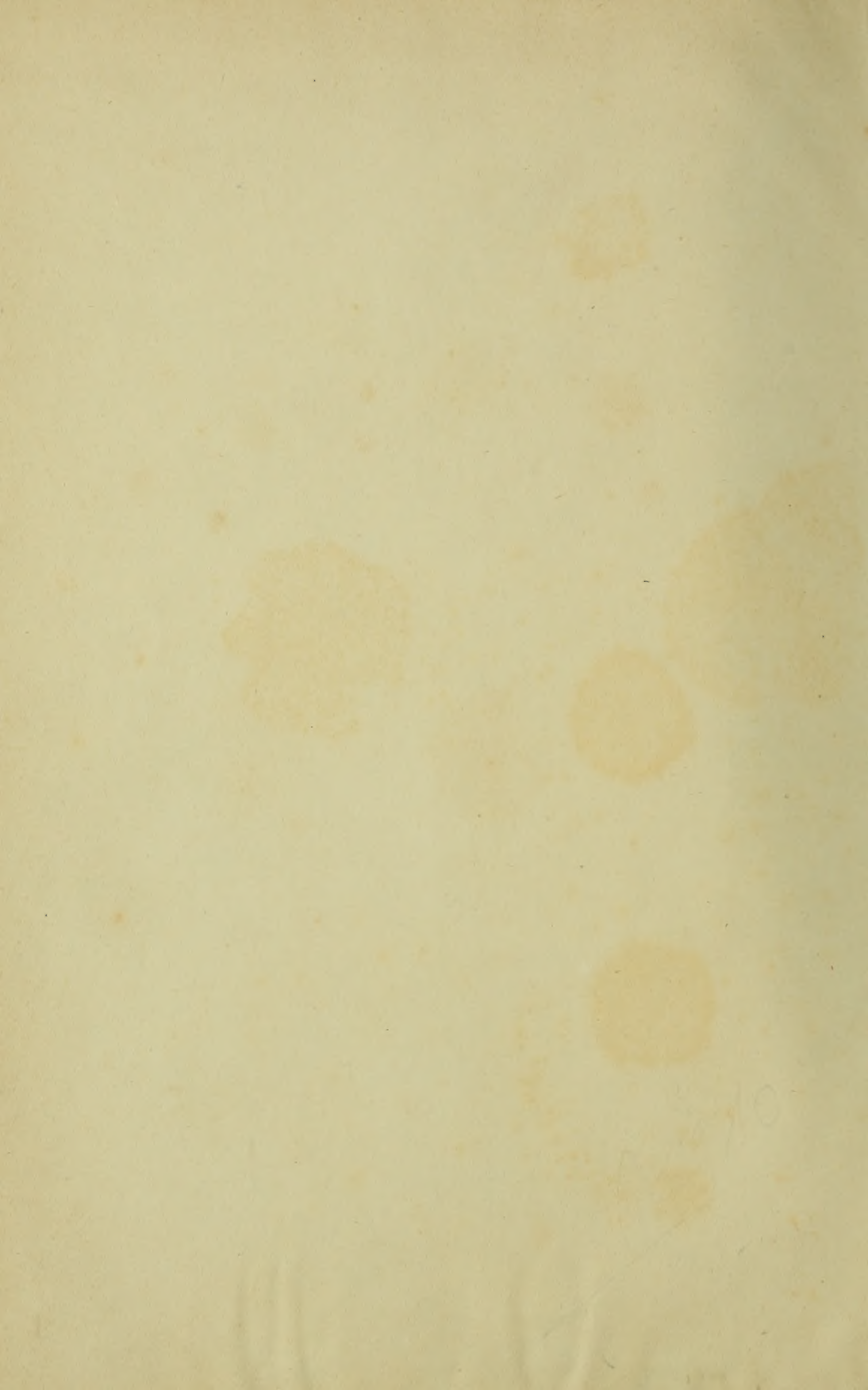
EX LIBRIS
JAN HOLASEK
DUKE
UNIVERSITY
LIBRARY



П. Н. Полевой.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Исторія русской словесности

Polevoi

П. Н. Полевой.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Istoriia Russkoi slovesnosti;

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО
НАШИХЪ ДНЕЙ.

Второе стереотипное изданіе.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1903.

Арт. зав. А. Ф. МАРКСА. Измайловскій пр., № 29.
Дозволено цензурою. СПБ. 3 декабря, 1902 г.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Томъ первый.

NB. Просимъ вклеить въ началѣ перваго тома *передъ „предисловіемъ"*.

ПРЕДИСЛОВІЕ

И

ВВЕДЕНІЕ.

„Словесность есть не что иное, какъ шнуровая книга современнаго капитала идей и знаній...“

Н. Надеждинъ.

Предисловіе.

Издавая въ свѣтъ нашъ настоящій трудъ по Исторіи Русской Словесности, мы задавались одною, главною цѣлью: — въ общедоступной формѣ изложенія дать возможно-полную картину умственной и духовной жизни русскаго народа, насколько она проявилась въ словѣ устномъ, писанномъ или печатномъ, начиная съ древнѣйшихъ произведеній народной словесности, еще полныхъ наивной грубости и простоты, до совершеннѣйшихъ твореній нашихъ классическихъ писателей и поэтовъ, ученыхъ и публицистовъ. Но наша „Исторія Русской Словесности“ была бы далеко не полною и не законченною, если бы мы ограничились однимъ общимъ обзоромъ произведеній русской словесности во всемъ ихъ объемѣ, или изложеніемъ біографическихъ фактовъ, рисующихъ намъ личную жизнь и дѣятельность русскихъ писателей...

Исторія Словесности, на нашъ взглядъ, можетъ явиться полною и законченною лишь въ томъ случаѣ, если она, занимаясь фактами *литературной жизни писателей* и обзоромъ ихъ произведеній, въ то же время даетъ понятіе и объ обществѣ, среди котораго писатели жили и дѣйствовали. Безъ этого необходимаго дополненія, Исторія Словесности будетъ представлять собою сухой и скучный перечень именъ и заглавій, не имѣющій серьезнаго образовательнаго значенія; да и самая „исторія писателей“, помимо своей связи съ исторіей общества, обратится въ текстъ біографическаго словаря, пригодный для справокъ, но неудобный для чтенія...

Не слѣдуетъ забывать, что писатель настолько же немыслимъ безъ общества, насколько развитое, образованное обще-

ство немыслимо безъ писателей. Писателю нужна публика, читающая и сочувствующая, публика способная его понять, поднять его энергію, оцѣнить его убѣжденія и направленіе, его нравственныя цѣли. Вотъ почему одною изъ важнѣйшихъ задачъ Исторіи Словесности должно быть выясненіе степени вліянія писателей на современное поколѣніе и вся дѣятельность ихъ должна быть разсматриваема не иначе, какъ въ тѣсной связи съ современными условіями общественной жизни и господствовавшими въ ней воззрѣніями, понятіями и нравами. Нельзя упускать изъ виду, что писатели, среди современнаго имъ общества, являются лишь избранными представителями и провозвѣстниками того общественнаго движенія, которое, незримо для всѣхъ насъ, совершается непрерывно среди послѣдовательно - смѣняющихся, наростающихъ поколѣній...

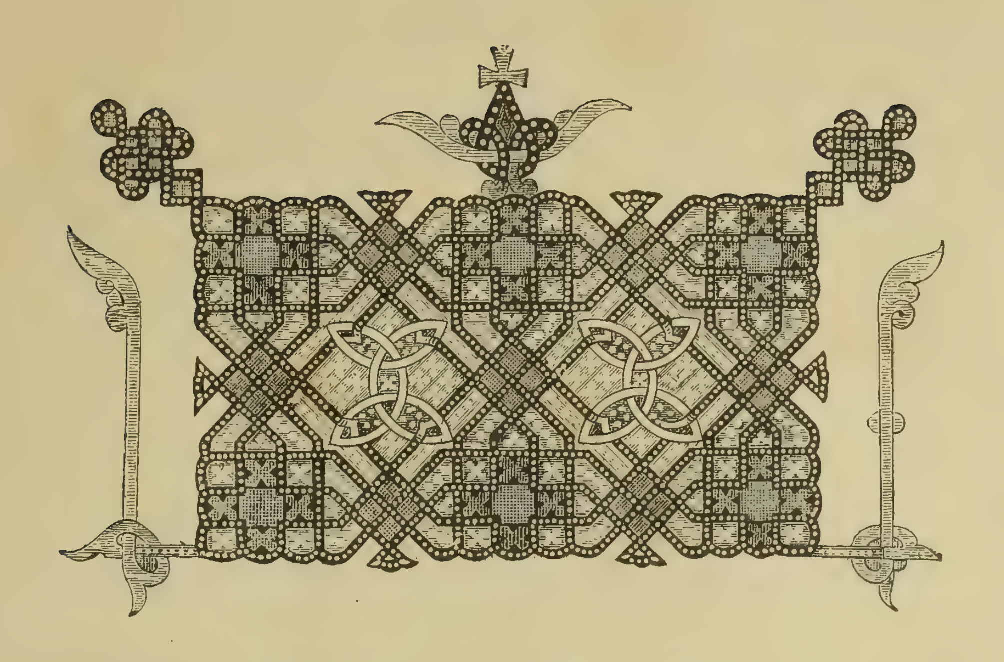
При такомъ взглядѣ на значеніе дѣятельности писателя, мы, конечно, должны были въ нашей Исторіи Русской Словесности отвести видное мѣсто и исторіи русскаго просвѣщенія, и обзору поступательнаго движенія русской исторической и словесной науки вообще, насколько она можетъ и должна входить въ область Русской Словесности.

Излагая Исторію Русской Словесности въ тѣсной связи съ тѣми различными условіями и вліяніями, которыя въ разное время способствовали ея развитію или задерживали ея ростъ, мы стараемся дать читателю, при каждомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторое представленіе о томъ, какъ постепенно, въ различныя эпохи, видоизмѣнялся и развивался русскій книжно - литературный языкъ. Въ этихъ видахъ мы даемъ возможность читателю ознакомиться съ нашимъ литературнымъ языкомъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Іоаннъ Вишенскій писалъ къ князю Острожскому о русско-славянскомъ языкѣ, что онъ есть „плодоноснѣйшій и Богу любимѣйшій", когда Ломоносовъ наивно восхвалялъ качества и достоинства современнаго ему русскаго литературнаго языка и превозносилъ его предъ всѣми европейскими языками—и до нашего времени, избалованнаго гармоническими стихами Пушкина и Лермонтова и высоко художественною прозою Тургенева и Гончарова.

Въ какой степени удалось намъ выполнить нашу трудную задачу—судить не намъ...

П. Полевой.

10 декабря 1899 г.



ВВЕДЕНІЕ.

Ἐν ἀρχῇ ἦν λόγος...

„Въ началѣ бѣ Слово“ — такъ вдохновенный Евангелистъ начинаетъ свое благовѣствованіе. Такъ всего справедливѣе будетъ и намъ, именно этими словами Евангелиста, начать введеніе къ нашему труду по Русской словесности. Начать съ тѣхъ завѣтныхъ словъ, которыя должны быть намъ вдвойнѣ дороги, потому что они были, вѣроятно, первыми, начертанными на церковно-славянскомъ языкѣ въ переводѣ братьевъ-первоучителей славянскихъ.

Да, въ основѣ всякой словесности, несомнѣнно, лежитъ *слово*—это чудное дѣтище пытливаго разума и творческой силы, вложенной Богомъ въ душу человѣка; *слово,* служащее выраженіемъ всей внутренней жизни человѣка и всѣхъ его многообразныхъ отношеній къ окружающей природѣ. Безъ *слова* не было бы словесности, которая представляетъ собою общую сложность всѣхъ произведеній ума и души человѣка, выраженныхъ словомъ; однакоже смѣло можно сказать, что самую обширную и самую богатую словесность, устную и письменную, было гораздо легче создать каждому народу, нежели создать массу словъ, необходимыхъ ему для воплощенія всей совокупности понятій, которыя служатъ для выраженія внутренней дѣятельности человѣка и являются мощнымъ орудіемъ для поддержанія его внѣшнихъ отношеній ко всему міру. Если для созданія той или другой богатѣйшей и разнообразнѣйшей словесности народу нужно было прожить разумною жизнью нѣсколько столѣтій, то не слѣдуетъ забывать, что

на содзаніе словъ, составляющихъ языкъ, на созданіе того грамматическаго и логическаго строя, при помощи котораго отдѣльныя слова становятся способными выражать опредѣленную мысль—на эту тяжкую работу ушли тысячелѣтія... Тысячелѣтія эти протекли между тѣмъ первобытнымъ періодомъ, когда человѣкъ каменнаго и пещернаго періода, пользуясь своею природною способностью произносить членораздѣльные звуки, сталъ создавать первыя, быть-можетъ, звукоподражательныя слова, — и до того времени, когда онъ выступилъ, наконецъ, на поприще исторической жизни, хотя бы даже и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова...

Языкъ, какъ живое цѣлое, какъ духовное созданіе творческой силы человѣка, обладаетъ способностью жить и развиваться, и совершенствоваться, и, въ такой же мѣрѣ—слабѣть, утрачивать силу и значеніе, и окончательно вымирать, заодно съ создавшимъ его народомъ. Если народъ не одаренъ отъ природы богатыми задатками къ развитію въ будущемъ, если онъ не выказываетъ способности подняться выше уровня бытовыхъ условій бродячаго дикаря-охотника или полудикаго кочевника, то и жизнь его остается постоянно на одной и той же стадіи развитія, и языкъ обладаетъ лишь существенно-необходимымъ ему запасомъ словъ, для выраженія ограниченнаго круга понятій, доступныхъ малоразвитому народу. И, въ этомъ случаѣ, языкъ можетъ тысячелѣтія оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, не развиваясь, не усиливаясь, не дополняя запаса своихъ словъ — и тысячелѣтія пройдутъ для него безслѣдно и безплодно. Если же народъ одаренъ отъ природы способностью къ дальнѣйшему развитію, благодаря которой ищетъ себѣ все лучшихъ и лучшихъ условій жизни, то онъ постепенно переходитъ отъ однѣхъ формъ быта къ другимъ и, наконецъ, доживаетъ до первыхъ стадій гражданскаго строя жизни. Сообразно съ этими переходами и языкъ такого народа постепенно развивается, богатѣетъ запасомъ словъ и достигаетъ бо̀льшей гибкости и выразительности. Однимъ словомъ, языкъ служитъ самымъ живымъ и самымъ непосредственнымъ отраженіемъ жизни каждаго народа.

Но, собственно говоря, развиваться настоящимъ образомъ языкъ начинаетъ только тогда, когда народъ выступитъ на поприще исторической жизни и начнетъ переживать ея различные фазисы: когда бытъ его уже не ограничивается однѣми обыденными потребностями первой необходимости, а, напротивъ того, начинаетъ подчиняться высшимъ побужденіямъ и цѣлямъ общественнаго строя жизни. И, по мѣрѣ того, какъ жизнь народа развивается, становится разнообразнѣе и сложнѣе — развивается и языкъ его, и даетъ ему полную возможность выразить, обозначить

особымъ словомъ всѣ разнообразныя и сложныя явленія новаго строя его быстро-развивающейся жизни.

Обыкновенно, въ томъ періодѣ, когда народъ выступаетъ на поприще исторической жизни, онъ уже обладаетъ болѣе или менѣе развитою письменностью. Возрастающія потребности жизни усложняются уже настолько, что одного словеснаго выраженія мысли бываетъ недостаточно: является необходимость письменнаго закрѣпленія выраженной мысли, необходимость облеченія въ письменную форму многихъ явленій и фактовъ жизни, является высшая потребность вполнѣ созрѣвшаго въ своемъ развитіи человѣка—потребность записывать факты для памяти или же для того, чтобы подѣлиться съ другими своею мыслью, своимъ впечатлѣніемъ, своимъ наблюденіемъ и опытомъ... Зарождается литература, и тогда уже наступаетъ новый періодъ въ развитіи языка, путемъ постепенной научной разработки его и путемъ всесторонняго изученія различныхъ его элементовъ.

Сообразно съ ходомъ развитія жизни народа, въ тѣсной связи съ нею, развивается, какъ мы видѣли, и языкъ... И по мѣрѣ того, какъ онъ становится вполнѣ пригоднымъ для выраженія мысли, чувства, впечатлѣнія—народъ, даже и далеко еще не достигнувшій высшихъ ступеней развитія, пользуется имъ для удовлетворенія различныхъ потребностей, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ, и нравственныхъ: складываетъ пѣсни, въ которыхъ выражаетъ свои чувства, создаетъ обширный запасъ сказокъ, въ которыхъ дѣйствительность такъ игриво и такъ неразрывно сливается съ вымысломъ, проявляетъ свою практическую мудрость, свое остроуміе и наблюдательность въ загадкѣ и въ заговорѣ, въ пословицѣ и поговоркѣ. Этими произведеніями бываетъ богата словесность каждаго, даже и весьма юнаго народа, и очень часто случается, что вся умственная жизнь и дѣятельность народа только этими произведеніями и выражается, и ограничивается. Народъ, создавшій массу пѣсенъ и сказокъ, сходитъ со сцены, не оставивъ по себѣ никакихъ болѣе прочныхъ памятниковъ, и все, созданное имъ, пропадаетъ безслѣдно. Случается и наоборотъ: народъ, достигающій возможности жить историческою жизнью, при посредствѣ письменности, переходитъ отъ этихъ наивныхъ произведеній устной словесности къ произведеніямъ письменной литературы; отъ творчества, въ которомъ, болѣе или менѣе, *принимаетъ участіе весь народъ* (такъ какъ произведенія народной словесности передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію) — къ *творчеству личному*, которое уже отражаетъ на себѣ народность лишь настолько, насколько та или другая личность олицетворяетъ собою общій характеръ народа. Случается нерѣдко, что письменность въ народѣ является очень рано, развивается при

такихъ условіяхъ, при такихъ господствующихъ вліяніяхъ, которыя сосредоточиваютъ умственную дѣятельность народа въ рукахъ высшаго слоя общества, въ рукахъ ограниченнаго меньшинства; и тогда письменная литература начинаетъ развиваться и расти по готовой программѣ, по чуждымъ образцамъ, и не только забываетъ свою народную основу, въ видѣ устной словесности, но даже относится къ ней съ пренебреженіемъ и порицаніемъ. Нарождается письменная литература и забывается устная народная словесность.

Вслѣдствіе такихъ различныхъ условій развитія народной жизни, могутъ существовать народы, не имѣющіе никакой письменной литературы и обладающіе обширной и богатой устной народной поэзіей; и, наоборотъ, народы, стоящіе на высшей ступени развитія и образованности, обладающіе обширной и разнообразной литературой, чаще всего не имѣютъ никакой устной, народной словесности — уже давно изсякнувшей и забытой всѣми.

Мы, русскіе, были, въ этомъ отношеніи, счастливѣе весьма многихъ европейскихъ народовъ. Обладая обширною и разнообразною устною словесностью, мы перешли къ письменной литературѣ при весьма благопріятныхъ условіяхъ, благодаря которымъ высшіе образованные классы общества не отдѣлялись рѣзкою гранью отъ народа, какъ это было на Западѣ; а потому и письменная литература наша ужъ очень рано стала не только воспринимать и допускать вліяніе устной народной словесности, но и стремиться къ воплощенію лучшихъ элементовъ народной жизни въ формѣ литературныхъ произведеній.

Древнѣйшія времена.

Періодъ устной народной словесности.

I.

Обще-арійское происхожденіе славянскихъ народовъ.—Отголоски обще-арійскаго прошлаго. — Языки славянскіе и языкъ русскій. — Вліянія на него иноземныя и иноплеменныя.

Русскій народъ является въ настоящее время наиболѣе могущественнымъ въ политическомъ смыслѣ и подавляющимъ по численности представителемъ обширной семьи народовъ славянскихъ, которые только еще начинаютъ выступать на поприще самостоятельной политической жизни. Семья народовъ славянскихъ, въ свою очередь, принадлежитъ къ обширному древнѣйшему Арійскому или Индо-Европейскому племени, отъ котораго ведутъ свое начало почти всѣ народы, населяющіе Европу.

Въ новѣйшее время, путемъ сравнительнаго изученія всей обширной группы языковъ *Арійскаго или Индо-Европейскаго племени*, ученые пришли къ тому заключенію, что всѣ Арійцы, когда-то, въ весьма отдаленное время, жили въ одной общей прародинѣ и говорили однимъ общимъ языкомъ. Арійскія преданія указываютъ, какъ на мѣсто этой общей прародины, на ту возвышенную часть Азіи, откуда берутъ начало рѣки Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, съ одной стороны, и рѣки, текущія въ Индійскій океанъ — съ другой. Съ теченіемъ времени, однакоже, этотъ народъ арійскій сталъ распадаться на отдѣльныя вѣтви, по мѣрѣ того, какъ арійцы выселялись изъ прародины и осѣдали на новыхъ посельяхъ.

Сообразно этому распаденію и этимъ выселеніямъ, и первоначальный, общій всѣмъ арійцамъ языкъ-праотецъ тоже распадался на новые, отдѣльные другъ отъ друга языки, нарѣчія и поднарѣчія.

Ученые предполагаютъ, что сначала арійцы распались на двѣ главныя вѣтви: *восточную* и *западную*. Восточная вѣтвь выдѣлила изъ себя впослѣдствіи два племени: *Иранское* и *Индійское*, населившія Иранъ и Индію. Западная вѣтвь, въ разное время, выселилась постепенно въ Европу и здѣсь распалась также на двѣ вѣтви: на *сѣверно-европейскую* или *славяно-германскую* вѣтвь, и на *южно-европейскую* или *греко-итало-кельтійскую*.

Обще-арійское прошлое.

Впослѣдствіи, славяно-германская вѣтвь, въ свою очередь, распалась — на *германскую и славяно-литовскую*. Отъ первой произошли германцы, отъ второй—славяне и литовцы.

Объ этомъ отдаленномъ общеарійскомъ прошломъ народовъ арійскихъ были добыты данныя опять-таки путемъ сравнительнаго языкознанія. Ученые, въ этой области наблюденія, пришли къ убѣжденію, что арійцы, даже и въ обще-арійскомъ періодѣ, стояли на степени развитія, весьма далекой отъ первобытнаго дикаго состоянія. Судя по нѣкоторымъ даннымъ языка, арійцы, въ этомъ обще-арійскомъ періодѣ, были племенемъ кочующимъ, пастушескимъ, но уже знакомымъ съ нѣкоторыми отраслями земледѣлія, хотя и въ весьма первобытной формѣ. Сравнительное языкознаніе указываетъ на существованіе у нихъ семьи и весьма опредѣленныхъ степеней родства. Любопытною чертою этого весьма отдаленнаго періода является то, что въ обще-арійскомъ запасѣ словъ не существуетъ словъ и выраженій, относящихся къ быту военному и морскому.

Періодъ странствованій.

За этимъ обще-арійскимъ періодомъ наступилъ для всѣхъ арійскихъ народовъ періодъ долгихъ странствованій и переселеній, пока они не осѣли на опредѣленной территоріи. И даже послѣ того, какъ они осѣли и обособились въ отдѣльныя племена, странствованія и передвиженія ихъ, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, все еще продолжались. Такъ, напримѣръ, древнѣйшія славянскія преданія указываютъ намъ на Дунай и придунайскія мѣстности, какъ на исконную родину славянъ. Есть основаніе вѣрить этимъ преданіямъ и предполагать, что славяне, много вѣковъ сряду, пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, гдѣ память о нихъ сохранилась въ названіи мѣстностей даже и тамъ, гдѣ давно уже нѣтъ слѣдовъ славянскаго поселенія. Въ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе и о послѣдующемъ движеніи славянъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Объ этомъ обще-славянскомъ періодѣ, изъ сравнительнаго изученія языковъ славянскихъ, узнаемъ, что въ теченіе его сла-

вяне были уже племенемъ вполнѣ осѣдлымъ и земледѣльческимъ, что они жили въ селеніяхъ и въ городахъ, что имъ извѣстны были и первыя основы общественности, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ словъ: *право, судъ, правда;* замѣтимъ, однакоже, что изъ того же сравненія языковъ выясняется, насколько были слабы понятія о собственности и какъ малоопытны были славяне въ торговлѣ: у нихъ нѣтъ общихъ всѣмъ славянскимъ народамъ терминовъ для обозначенія „наслѣдованья", „имущества" и „денегъ" (какъ единицы извѣстнаго рода цѣнности).

Распаденіе славянъ на двѣ вѣтви.

Изъ тѣхъ же фактовъ, доставляемыхъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ языковъ, узнаемъ, что славяне, уже задолго до начала нашей исторической эры, еще въ то время, когда пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, распались на двѣ вѣтви: *сѣверо-восточно-южную* и *западную.* По мѣрѣ разселенія славянскихъ племенъ на сѣверъ, сѣверо-востокъ и югъ, и всѣ нарѣчія славянскія, принадлежавшія къ этимъ двумъ вѣтвямъ, начинали все болѣе и болѣе другъ отъ друга отдаляться и разъединяться и, въ первой вѣтви, опредѣлились три языка: а) *древне-болгарскій* [1]), въ составъ его входитъ *церковно-славянскій* языкъ нашей древней письменности, и отъ него произошелъ нынѣшній *ново-болгарскій;* б) *сербскій* языкъ, съ нарѣчіемъ хорутанскимъ, и в) *русскій* языкъ, съ его важнѣйшими нарѣчіями.

Во второй вѣтви опредѣлились четыре языка: а) *чешскій*, съ нарѣчіемъ словацкимъ; б) *польскій*; в) *лужицкій* и г) *полабскій* — уже давно и безслѣдно исчезнувшій и вымершій; на немъ говорили славянскія племена, жившія по берегамъ Балтійскаго моря и прибрежнымъ его островамъ.

Русскій народъ и русскій языкъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ мѣсто русскаго языка въ семьѣ языковъ славянскихъ, замѣтимъ кстати, что *собственно русскимъ* онъ сталъ называться весьма поздно (не ранѣе, какъ съ половины IX вѣка по Р. Х.), потому что ни византійцамъ, ни другимъ западнымъ своимъ сосѣдямъ русскій народъ не былъ извѣстенъ ранѣе подъ своимъ настоящимъ именемъ, подъ именемъ *Руси* и *русскихъ* [2]), и только съ X вѣка это имя начинаетъ поглощать всѣ частныя, видовыя названія славянскихъ племенъ, посе-

---

[1]) Говоря «древне-болгарскій», мы вовсе не хотимъ этимъ сказать: языкъ древняго финско-тюркскаго племени тѣхъ болгаръ, которые въ VII в. по Р. Хр. перешли съ Волги на Дунай, насѣли на славянъ дунайскихъ и создали болгарское царство. Дѣло въ томъ, что эти болгары, завоевавъ славянское племя, болѣе ихъ образованное и развитое, очень скоро подчинились его нравственному вліянію, т.-е. приняли его языкъ, нравы и вѣрованія и совершенно съ нимъ ассимилировались, передавъ ему только свое имя.

[2]) Варяги-Русь, призванные «княжить и володѣть» славянскими и финскими племенами, представляли собою горсть дружинниковъ, сгруппированныхъ около одного княжескаго рода. Понятно, что они еще скорѣе, чѣмъ болгары среди славянъ дунайскихъ, растаяли въ общей славянской массѣ, и еще быстрѣе утратили свои отличительныя черты и усвоили себѣ языкъ и нравы добровольно покорившихся имъ славянъ.

лившихся на территоріи нынѣшней Россіи. Даже и нашъ древній лѣтописецъ, подробно излагая, гдѣ и какъ разселились славянскія племена на этой территоріи, говоритъ о тѣхъ, которыя поселились на озерѣ Ильменѣ, что они сохранили свое исконное названіе славянъ:—„прозвались своимъ именемъ“, и этимъ какъ бы противополагаетъ славянъ ильменскихъ (будущихъ новгородцевъ) всѣмъ остальнымъ племенамъ, будто бы получившимъ прозвища отъ своихъ новыхъ поселій.

Русскій языкъ и различныя вліянія на него.

Отдѣлившись отъ общей семьи языковъ славянскихъ, русскій языкъ сталъ развиваться самостоятельно, но сохранилъ нѣкоторую, бо̀льшую близость къ языкамъ сербскому и болгарскому. Вліяніе, оказанное послѣднимъ изъ этихъ языковъ на языкъ русскій, было даже весьма значительно, такъ какъ многія книги богослужебныя и Св. Писаніе мы получили, при введеніи у насъ христіанства, изъ Византіи, въ переводахъ съ греческаго языка на древне-болгарскій.

Затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго разселенія русскаго племени, вслѣдствіе сношеній и болѣе тѣснаго сближенія съ сосѣдними племенами, а отчасти и вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, въ языкѣ русскомъ происходили постепенно нѣкоторыя видоизмѣненія въ формахъ и произношеніи, а отчасти и въ томъ, что въ запасъ словъ входило много новаго лексическаго матеріала. Такъ, на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и востокѣ сильно было вліяніе племенъ финскихъ и финско-тюркскихъ, а впослѣдствіи—вліяніе татарскаго языка; на сѣверо-западѣ и западѣ—вліяніе литовскаго и польскаго языковъ. Послѣднее вліяніе было настолько сильно, что развились даже два самостоятельныхъ нарѣчія: *бѣлорусское* на сѣверо-западѣ, *южно-русское* или *малорусское* на юго-западѣ. Сѣверно-русское нарѣчіе, господствовавшее въ сѣверныхъ областяхъ Руси, въ связи съ болѣе мягкимъ нарѣчіемъ центральныхъ областей, господствовавшимъ въ Москвѣ и Владимірѣ, съ теченіемъ времени сложилось въ одно цѣлое — въ такъ-называемое *великорусское* нарѣчіе, которое постепенно вошло въ офиціальные документы и, съ теченіемъ времени, явилось языкомъ государственнымъ.

Иноземное вліяніе книжное началось во времена введенія на Руси христіанства съ того, что въ русскій языкъ внесено было весьма много словъ греческихъ, и внесеніе ихъ не прекращается понынѣ (въ области научныхъ терминовъ); гораздо менѣе замѣтно было временное вліяніе скандинавское, внесенное пришлыми варягами, которые были быстро поглощены и вполнѣ ассимилированы русскою народностью.

Татарское иго и долгія сношенія съ народами азіатскими, въ свою очередь, внесли въ нашъ языкъ много словъ изъ языковъ

восточныхъ, и эти слова остаются и въ наше время въ общемъ употребленіи. Въ XVII столѣтіи, наканунѣ эпохи преобразованій, русскій книжный языкъ воспринялъ много словъ латинскихъ и польскихъ; и затѣмъ, въ эпоху преобразованій и въ теченіе первой половины XVIII вѣка, въ русскій языкъ—разговорный, книжный и офиціальный—внесена была масса словъ голландскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ. Эти внесенія, при нынѣшнихъ, непрерывныхъ сношеніяхъ Россіи съ Западомъ, хотя и въ меньшей степени, но продолжаются непрерывно и, вѣроятно, будутъ продолжаться, пока будетъ поддерживаться живая духовная связь между народами цивилизованнаго міра

II.

Народная поэзія въ связи съ языческими вѣрованіями, преданіями и условіями быта.—Какъ слагались народныя пѣсни?—Живучесть народной поэзіи.—Вліяніе, оказанное христіанствомъ на поэзію народную.—Періодъ двоевѣрія.—Поэзія народная въ соотношеніи съ дѣйствительностью.

Съ той поры, когда народъ начинаетъ жить сознательною жизнью, въ немъ, весьма естественно, проявляется желаніе выражать свои мысли и впечатлѣнія—дѣлиться своею внутреннею жизнью съ окружающими. Одновременно является желаніе закрѣпить, такъ или иначе, эти мысли и впечатлѣнія, и для этой цѣли слагается такая форма рѣчи, которая облегчала бы запоминаніе. Такою формою, предпочтительно передъ другими, является форма ритмическая, тѣсно связующая слово съ музыкой и пѣніемъ — форма *пѣсни*.

Народъ, въ первоначальной пѣснѣ своей, вѣроятно, прославлялъ древнихъ языческихъ боговъ, величалъ, привѣтствовалъ и воспѣвалъ своихъ богатырей и героевъ, пѣснью сопровождалъ свои празднества и освѣщалъ важнѣйшія событія своей обыденной жизни. Вслѣдствіе этого и явились въ народѣ пѣсни *обрядныя* и *былевыя, бытовыя* или *семейныя*. (Пѣсня. Живучесть пѣсни.)

Само собою разумѣется, что, первоначально, у такихъ пѣсенъ были личные авторы; но особенности и признаки ихъ личнаго творчества, никѣмъ не признаваемаго, какъ исключительное право, при одинаковомъ уровнѣ въ развитіи массы, быстро стирались, по мѣрѣ того, какъ произведеніе переходило изъ устъ въ уста и, такимъ образомъ, становилось общимъ достояніемъ массы. Конечно, при передачѣ подобнаго произведенія, многое въ немъ передѣлывалось и измѣнялось, многое примѣнялось къ извѣстнымъ условіямъ быта, иногда даже къ вкусамъ слушателей; но оно становилось извѣстно всѣмъ, и, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, переживало вѣка. Такою живучестью пѣсня была,

главнымъ образомъ, обязана тому, что память народная твердо и свободно удерживала въ себѣ сотни стиховъ и десятки пѣсенъ. Постоянно повторяя старыя, и вытверживая новыя пѣсни съ общаго народнаго голоса, народъ примѣнялъ пѣсню и къ обрядовымъ дѣйствіямъ и къ обыденнымъ явленіямъ жизни своей, наполняя ею свои долгіе зимніе досуги и сопровождая труды лѣтней страдной поры, привѣтствуя ею первыя вѣянія наступающей весны, напутствуя ею же, при проводахъ зимы, морозы и вьюги, ослабѣвающіе съ наступленіемъ весеннихъ пригрѣвовъ. Еще будучи ребенкомъ, выслушивалъ и запоминалъ каждый эти пѣсни, которыя потомъ связывалъ и самъ съ опредѣленнымъ обрядомъ, съ извѣстными эпохами своей жизни; а въ старости—научалъ имъ сыновей и внучатъ своихъ, передавая имъ преданія отдаленной старины, влагая имъ въ уста тѣ слова пѣсни, которымъ самъ придавалъ вѣщее значеніе... И пѣсня, переходя такимъ образомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, переживала вѣка, оставаясь священнымъ достояніемъ души народной...

Вліяніе христіанства.

Но старые боги отжили свой вѣкъ; наступившія новыя времена принесли съ собою новую вѣру въ Бога Всемогущаго и Всевѣдущаго, и эту новую вѣру стали усердно распространять въ народѣ разные проповѣдники, проникнутые высокою идеею своего призванія, далекіе отъ міра, отъ его соблазновъ и радостей. Отрицая всѣ языческія вѣрованья, всѣ обряды и повѣрья, эти провозвѣстники слова Божія стали сурово порицать и мірское веселье, и игры „на полянахъ между селами“, и пѣсни, унаслѣдованныя отъ старины, и „пляски съ топотомъ и свистомъ“ подъ звукъ гудка и сопѣли и первобытныхъ звончатыхъ гуслей. Пѣсни подверглись гоненію, какъ плоды „бѣсовской“ игры ума, празднества языческія замѣнились новыми празднествами—христіанскими; обряды прежніе—обрядами новыми.

Періодъ двоевѣрія.

Но—какъ забыть пѣсню, которая шла изъ вѣковъ отдаленныхъ, которая жила съ народомъ и дожила до новой вѣры и во всей своей цѣлости сохранилась народною памятью? Обряды измѣнились, отъ обычаевъ пришлось отстать,—но съ пѣснью народъ не разстался; онъ перенесъ ее въ нѣсколько измѣненномъ видѣ на празднества христіанскія, пріурочивая ее, какъ умѣлъ, къ новымъ обрядамъ и новымъ обычаямъ—и вотъ, наступилъ *періодъ двоевѣрія*. Въ этотъ періодъ старыя начала, языческія, еще борются въ его душѣ съ новыми, христіанскими, а новыя понятія, даже и противъ воли его, мѣшаются со старыми; и новыя имена святыхъ, неизвѣстныхъ и потому именно грозныхъ, насильственно вносятся въ его память, изгоняя изъ нея старыхъ боговъ, отъ которыхъ ему трудно отстать, которымъ мудрено отучиться вѣрить. И вотъ, измѣненная, приноровленная къ новымъ

условіямъ жизни, пѣсня переживаетъ и новую вѣру, и переходитъ въ послѣдующіе вѣка, къ грядущимъ поколѣніямъ. Почти также, какъ съ пѣснью обрядовой, народъ поступаетъ и съ пѣснью былевою, которая также не даромъ переживаетъ вѣка...

Въ отдаленномъ періодѣ сѣдой древности, еще полной вѣрою въ древнихъ боговъ, еще полной страха передъ могущественными силами природы, народъ видитъ во всемъ сверхъестественное, необычайное, и даже всѣ качества и свойства человѣка возводитъ до чрезвычайныхъ, преувеличенныхъ размѣровъ. Выше всего цѣня силу физическую и твердое мужество, народъ представляетъ своихъ богатырей гигантами, способными совершать подвиги, невозможные для простого смертнаго. Но, переживая вѣка, обогащаясь житейскимъ опытомъ, убѣждаясь мало-по-малу въ ничтожествѣ силъ человѣческихъ и въ великомъ значеніи благого Промысла Божія, народъ начинаетъ сводить своихъ героевъ съ той высоты, на которую его вознесло непомѣрно-развитое воображеніе первобытной эпохи, и болѣе и болѣе приравнивать ихъ къ общему уровню смертныхъ... Богатыри, въ пѣсняхъ ближайшей къ намъ эпохи, обращаются въ простыхъ казаковъ, и борются они не противъ Змѣевъ-Горыничей, а противъ разбойниковъ или противъ татаръ; и перевѣсъ надъ противникомъ часто беретъ уже не сила, а хитрость и умѣнье. Одновременно съ такимъ перерожденіемъ героевъ въ простыхъ смертныхъ, въ былевой пѣснѣ измѣняются и упоминаемыя въ ней бытовыя условія, уже не вполнѣ понятныя для людей позднѣйшей эпохи: *воевода* обращается въ *генерала*, *теремъ* и *гридница* — въ *комнату*, *палица* семипудовая — замѣняется *ружьемъ* и *саблей*. Пѣсня, постепенно, низводится до дѣйствительности, а случайно уцѣлѣвшіе отрывки древняго былевого эпоса сохраняются лишь въ немногихъ дальнихъ и глухихъ углахъ на память о старинѣ стародавней... Вырожденіе пѣсни.

III.

Религіозныя вѣрованія и повѣрья восточной вѣтви славянъ.—Остатки древнихъ языческихъ празднествъ и обрядовъ, и соединенныя съ ними обрядовыя пѣсни.— Пѣсни бытовыя.

Наши свѣдѣнія о религіозныхъ вѣрованіяхъ у славянъ вообще очень скудны и неполны; особенно скудны они по отношенію къ восточной вѣтви славянъ, разселившихся въ предѣлахъ древней Руси. Мы почти вынуждены придти къ тому убѣжденію, что отличительною чертою вѣрованій у славянъ восточныхъ являлась крайняя простота и немногосложность ихъ религіозныхъ воззрѣній, не только по сравненію съ остальными народами арійскаго племени, но даже и по сравненію съ нѣкоторыми изъ остальныхъ племенъ

славянскихъ. Такъ, напр., у славянъ балтійскихъ (можетъ-быть, подъ вліяніемъ сосѣднихъ германцевъ) видимъ много боговъ, опредѣленныя формы богослуженія, установившееся сословіе жрецовъ, богато разукрашенные и красиво-отстроенные храмы, полные идоловъ. А у славянъ восточныхъ не видимъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни правильнаго идолослуженія, ни даже рѣзко-опредѣленныхъ типовъ божествъ. Простыя вѣрованія восточныхъ славянъ носили на себѣ характеръ первобытнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы, которыхъ вліяніе и значеніе сознавалось, но представлялось въ образахъ блѣдныхъ, неясныхъ, еще не носившихъ на себѣ печати вполнѣ сознательнаго типическаго представленія.

Свѣдѣнія о древнихъ богахъ.

Древнѣйшій лѣтописецъ опредѣленно упоминаетъ только о двухъ богахъ: Перунѣ и Волосѣ (или Велесѣ), котораго называетъ *скотьимъ богомъ* (т.-е. богомъ, покровителемъ стадъ). Изъ договоровъ русскихъ съ греками знаемъ, что имена этихъ боговъ упоминались при клятвахъ и при заключеніи договоровъ, и это указываетъ ясно на то, что поклоненіе имъ было весьма распространеннымъ и даже имѣло довольно важное значеніе. Изъ другихъ памятниковъ узнаемъ о другихъ, второстепенныхъ богахъ: о Стрибогѣ, который имѣлъ какое-то отношеніе къ вѣтрамъ и къ погодѣ, о Хорсѣ, о Родѣ и Роженицахъ, значеніе которыхъ весьма темно и запутанно, несмотря на толкованія нашихъ ученыхъ. Византійскіе писатели утверждаютъ, однакоже, что между всѣми славянами распространено было вѣрованіе въ единое, Верховное Существо, правившее всѣмъ міромъ. Можно догадываться, по нѣкоторымъ намекамъ русскихъ памятниковъ, что у восточныхъ славянъ это Верховное Существо называлось *Сварогомъ*, и что оно было олицетвореніемъ свѣта и неба, надъ которымъ этотъ богъ властвовалъ. Соотвѣтствующимъ Сварогу божествомъ женскаго пола являлась *мать-сыра-земля*, производящая все видимое человѣку и питающая его. Сыновьями этого вышняго бога почитались *солнце* (подъ именемъ *Даждьбога*) и *огонь*, которые, по свидѣтельству этого древняго памятника, даже и величались *Сварожичами*.

Поклоненіе солнцу и огню.

Красному солнышку, оживлявшему всю природу своими лучами, пробуждавшему ее отъ зимняго сна, посвящались особыя празднества, сопровождавшіяся обрядовыми играми, плясками и пѣснями, въ которыхъ прославляли солнце и его благодѣянія, просили вёдра и урожая.

Огню также молились, приписывая ему вѣщее священное значеніе, на которомъ основывалось самое уваженіе славянина къ его домашнему очагу, также выражавшееся особыми обрядами и чествованіемъ того существа, которое носило характерное на-

званіе „дѣдушки домового" и являлось духомъ-покровителемъ семьи и семейнаго очага.

Обоготвореніе воды и лѣсовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что славяне поклонялись еще и *водамъ,* видимо ставя воды земныя — рѣки, озера и ручьи—въ тѣсную связь съ водами небесными. Поклонялись и вѣковымъ дремучимъ *лѣсамъ,* среди которыхъ устраивали свои поселки. Пылкое воображеніе славянина населяло и воды, и лѣса особыми миѳическими существами — *водяными* и *лѣшими,* — отъ которыхъ въ тѣсной зависимости находились различныя условія быта; поэтому славянинъ старался умилостивить эти существа, принося жертвы „кладязямъ, источникамъ и рощеніямъ", развѣшивая свои скромныя приношенія по вѣтвямъ деревьевъ, опуская краюху хлѣба съ солью или иныя жертвы въ рѣки и озера.

Вода и огонь—благодѣтельныя и вмѣстѣ губительныя стихіи—стояли въ сознаніи славянъ, какъ и прочихъ арійскихъ народовъ, очень близко къ представленію о *смерти.* Огонь пожиралъ и уничтожалъ; вода тоже поглощала и губила; вотъ почему, вѣроятно, представленіе о смерти, о загробной жизни тѣсно связывалось, въ славянской древности, съ огнемъ и водою. По водѣ приплывали весною и выходили на землю—насладиться земною жизнью, полюбоваться оживленною природою—тѣни усопшихъ, олицетворявшіяся въ образѣ *русалокъ;* съ другой стороны, огню предавались тѣла усопшихъ, въ томъ убѣжденіи, что этимъ облегчается имъ переходъ въ иной невѣдомый міръ, въ царство мертвыхъ. Въ связи съ этими и подобными имъ воззрѣніями на смерть и загробную жизнь стояли и самые обряды погребенія, обычные у славянъ.

Понятіе о безсмертіи души.

На основаніи этихъ обрядовъ, византійскіе писатели утверждали, что славяне, вѣрующіе въ единое, могущественное Верховное Существо, вѣрили также и въ *безсмертіе души.* Но это вовсе не подтверждается тѣмъ, что намъ извѣстно о похоронныхъ обрядахъ славянъ: изъ нихъ скорѣе можно вывести тотъ выводъ, что у славянъ понятіе о загробной жизни было самое матеріальное, и эта жизнь представлялась имъ не болѣе, какъ продолженіемъ ихъ земного существованія, въ той недальней сторонушкѣ безызвѣстной, куда „вѣтрышки не провѣваютъ, люто звѣрьё не прорыскиваетъ, малая птичка не пролётываетъ"—какъ говорится въ одномъ старинномъ причитаніи [1]).

Язычество отжило свой вѣкъ и уступило мѣсто христіанству; но напрасно было бы думать, что этотъ переходъ отъ однихъ рели-

[1]) На эту матеріальность воззрѣній, въ особенности, указываетъ то, что вмѣстѣ съ покойникомъ сожигались (или погребались) и рабы его, и домашнія животныя, и оружіе, и домашняя утварь—и даже запасъ пищи... Очевидно, все это дѣлалось для того, чтобы доставить усопшему и въ загробной жизни тѣ же удобства, какими онъ пользовался въ своей земной жизни.

гіозныхъ воззрѣній къ другимъ совершился легко и быстро. Христіанство вступило въ свои права, а язычество боролось и отстаивало свою старину, свои преданья и повѣрья, свой обычай. Проповѣдникамъ новаго ученія, какъ мы уже видѣли выше, приходилось рѣшаться на уступки, вступать въ нѣкотораго рода соглашенія со своею упорною паствою. Приходилось убѣждать язычниковъ въ томъ, что ихъ боги могутъ быть приравнены къ нѣкоторымъ святымъ, что и самые ихъ праздники, совпадавшіе, по времени, съ праздниками христіанскими, легко могутъ быть замѣнены послѣдними; временно допускались даже въ подобныя праздества языческія игрища, языческіе обряды, и пѣсни, которыя христіанамъ представлялись „бѣсовскими“ и „богомерзкими“. Такимъ образомъ, Перунъ, богъ грома и молніи, отождествленъ былъ съ пророкомъ Ильею, въ праздникъ котораго народъ и доселѣ еще ждетъ грозы и грома; бога Волоса замѣнили святые: Власій, Флоръ и Лавръ, и понынѣ почитаемые народомъ, какъ покровители стадъ. Отличительныя черты какого-то третьяго бога были перенесены на Св. Георгія... Такимъ же образомъ и нѣкоторыя празднества въ честь солнечныхъ божествъ были соединены съ праздникомъ Рождества Христова и съ Ивановымъ днемъ (24 іюня) и съ Юрьевымъ днемъ (23 апрѣля); а празднества въ память усопшихъ отнесены къ празднику Св. Троицы.

Перерожденіе боговъ.

Остатки древнихъ вѣрованій.

Праздники эти сохранили за собою даже кое-какіе темные намеки на издавна-существовавшіе обычаи, кое-какія упоминанія такихъ пѣсенъ и такихъ названій и возгласовъ, которые уже давно утратили всякій смыслъ и значеніе въ существующей дѣйствительности. Такъ, напр., на Рождествѣ, деревенская молодежь въ различныхъ концахъ Россіи ходитъ по дворамъ съ пѣснями, въ которыхъ величаетъ какую-то *Коляду*, *Колядушку*, и за это собираетъ съ домохозяевъ угощенье... Это называется „колядовать“. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ (которыя называютъ *колядскими*) эта никому неизвѣстная *Коляда* называется даже „святою“:

«Наканунѣ Рождества
Мы ходили, мы искали
Коляду святую».

Одна изъ этихъ пѣсенъ весьма замѣчательна по тѣмъ подробностямъ, которыя въ ней упоминаются, и, видимо, сохраняетъ смутное, отдаленное воспоминаніе о чемъ то въ родѣ языческаго жертвоприношенія:

«За рѣкою, за быстрòю,
Ой Колядка, ой Колядка!
Лѣсà стоятъ дремучіе.
Въ лѣсахъ огни горятъ,

Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ-то молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы—
Поютъ пѣсни-Колядушки.
Ой Колядушка, ой Колядушка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ:
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...»

Точно такимъ же отпечаткомъ сѣдой языческой старины отличаются обрядовыя пѣсни, которыя поются въ Юрьевъ день весенній (23 апрѣля). Въ нихъ слышится отголосокъ былого обращенія къ божеству:

«Юрій, вставай рано.
Отмыкай землю,
Выпущай росу—
На теплое лѣто
На буйное жито и т. д.»

Въ обрядовыхъ пѣсняхъ (веснянкахъ) и хороводныхъ плясахъ, которыми во многихъ мѣстахъ встрѣчаютъ крестьяне весну, постоянно повторяется припѣвъ:

«Ой, Дидъ, ой Ладо»—

который также имѣетъ какое-то отношеніе къ языческой старинѣ, хотя въ настоящее время утратилъ всякій смыслъ.

Особенно богатъ всякими обрядовыми пѣснями и обрядовыми дѣйствіями день *Ивана Купала*, какъ называетъ народъ день св. *Іоанна Крестителя* (24 іюня). Это, очевидно, было одно изъ самыхъ важныхъ языческихъ празднествъ въ честь солнца, совпадавшее съ самою жаркою порою лѣтняго времени. И вся обстановка этого празднества въ народѣ, до настоящаго времени, полна такихъ подробностей, которыя нѣкогда могли собою представлять обряды солнечнаго культа. Такъ, въ канунъ Иванова дня, почти повсемѣстно зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ или водятъ около нихъ хороводы. Въ иныхъ мѣстахъ, зажигаютъ колесо, обвитое по ободу соломой—несомнѣнно символическое изображеніе солнца—и скатываютъ его въ рѣку, какъ бы желая этимъ показать, что оно уже теряетъ съ этого дня свою жгучую силу и поворачиваетъ къ холоду. При этомъ, въ особыхъ купальскихъ пѣсняхъ, воспѣвается какой-то *Купало*, у котораго „голова вся въ золотѣ", и котораго просятъ, чтобы онъ „далъ котлы золота"—вѣроятно намекая на то, что въ этотъ день ищутъ кладовъ и собираютъ всякіе цвѣты и травы, разыскивая между прочимъ несуществующій цвѣтокъ

папортника, который долженъ указывать путь къ золоту, скрытому подъ землею.

Остатки древнихъ обычаевъ.

Не менѣе этихъ празднествъ богаты обрядовыми пѣснями русскія народныя свадьбы. Эти пѣсни, которыми сопровождаются всѣ дѣйствія свадебнаго торжества, въ большей своей части, представляютъ собою напоминанія о такихъ дѣйствіяхъ и условіяхъ, которыя когда-то были необходимою принадлежностью всякой свадьбы, а теперь представляютъ собою только прикрасу ея, не вполнѣ понятную и не объяснимую на основаніи современныхъ условій быта. Такъ, напр., въ современной народной свадьбѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ земли русской, видимъ, въ сопровождающихъ свадьбу обрядахъ, подобіе *похищенія невѣсты* (древняго *умыканія*), подобіе выкупа ея у родныхъ и односельцевъ (т.-е. у рода и племени), видимъ, какъ подруги невѣсты прячутъ и ее, и ея приданое отъ жениха и его поѣзжанъ, и какъ потомъ выдаютъ и то, и другое, по особому уговору съ женихомъ... Все это становится для насъ ясно только въ томъ случаѣ, когда мы припомнимъ разсказъ нашего древнѣйшаго лѣтописца о свадебныхъ обычаяхъ у славянъ въ языческія времена. Изъ этого разсказа узнаемъ, что уже и тогда существовали двѣ формы въ заключеніи брака: одна изъ нихъ состояла въ томъ, что „молодые люди сходились на игрищахъ между селами, и женихъ, по предварительному уговору, умыкалъ (похищалъ) свою невѣсту“; другая форма была проще: „женихъ не ходилъ по невѣсту; невѣсту вводили подъ вечеръ въ его домъ, а на утро приносили ему то, что за нею давали (т.-е. приданое)“. Любопытное напоминаніе о первой формѣ браковъ видимъ даже и въ самомъ выраженіи „играть свадьбу“ [1]), такъ какъ ей предшествовали игрища.

Не станемъ здѣсь приводить образцы *свадебныхъ* пѣсенъ, которыхъ извѣстно (т.-е. собрано и записано уже) нѣсколько сотъ; скажемъ только, что въ общемъ онѣ представляютъ собою полную картину весьма сложной обрядовой стороны русской свадьбы. Замѣтимъ, однакоже, очень любопытную и важную общую черту всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ русскихъ: и по музыкѣ, и по словамъ, онѣ являются невеселыми, заунывными, въ особенности тѣ, которыя поются на дѣвичникѣ: въ нихъ невѣста горько оплакиваетъ свою дѣвическую беззаботную жизнь съ подругами, и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуется неволя, ожидающая ее въ семьѣ мужа.

Къ бытовымъ или семейнымъ пѣснямъ слѣдуетъ отнести и похоронные плачи и причитанія, чрезвычайно богатые по содержанію, по глубокому чувству, которымъ они проникнуты, и по

[1]) Въ этомъ же смыслѣ любопытно выраженіе: «играть пѣсни», намекающее на связь многихъ пѣсенъ съ древними обрядовыми играми.

обилію картинныхъ подробностей, при описаніи разставанія души съ тѣломъ, или при описаніи той „недальней сторонушки“—куда „и не колоденъ путь, да безповоротный“. Всѣ эти „плачи“ и „причитанія“, полные потрясающаго лиризма, чрезвычайно разнообразны по формѣ и характеру своему, и нерѣдко представляютъ весьма удобную почву для импровизаціи со стороны талантливой плачеи.

Заставка, заимствованная изъ рукописныхъ памятниковъ XIV—XV вѣка.

IV.

Пѣсни былевыя.—Древнѣйшее наслоеніе былинъ.—Два цикла былинъ: кіевскій и новгородскій.—Богатыри и ихъ подвиги.—Сказители былинъ.—Историческая дѣйствительность въ пѣснѣ.

Творческая сила народа, по мѣрѣ вступленія его въ жизнь общественную и на переходѣ къ исторической эпохѣ, сказалась не въ однѣхъ только пѣсняхъ обрядовыхъ и семейныхъ. Очень рано пробудилась въ народѣ и другая потребность: передавать въ формѣ эпической пѣсни преданія отдаленной старины и прославлять выдающихся дѣятелей живой современности или недавняго прошлаго, поразившихъ воображеніе народа своими подвигами, или, вообще, характеромъ своей дѣятельности. Эти эпическія пѣсни, несмотря на свой гиперболическій характеръ, несмотря на всѣ преувеличенія и фантастическіе вымыслы, которыми онѣ украшались, представлялись народу *былью*, потому что онѣ дѣйствительно могли быть, въ древнѣйшей основѣ своей, пріурочены къ живымъ лицамъ и дѣйствительнымъ событіямъ. Въ этомъ именно смыслѣ эти эпическія пѣсни и называются въ народѣ *былинами* и противополагаются *сказкамъ* — разсказамъ чисто-фантастическаго характера; отсюда и народное присловье: „сказка—складка, а пѣсня—быль“. **Пѣсня-быль.**

Главное содержаніе эпическихъ пѣсенъ или былинъ, которыми очень богата русская народная поэзія, составляетъ разсказъ о подвигахъ русскихъ богатырей стародавняго времени, которые группируются въ народной памяти около личности князя Владиміра Краснаго Солнышка, какъ рыцари средне-вѣковыхъ сказаній около Карла Великаго или „добраго короля Артура“. Какъ тѣ собирались нѣкогда за его знаменитымъ „круглымъ столомъ“, такъ и богатыри Владиміра Краснаго Солнышка собираются на „пированье“ **Богатыри кіевскіе.**

за его „почестный столъ", въ „славномъ городѣ стольномъ Кіевѣ", который въ былинахъ представляется не только центромъ „земли Свято-Русской", но чуть ли не центромъ всего свѣта бѣлаго. Сюда-то, въ Кіевъ, къ „ласкову князю Владиміру" отовсюду съѣзжаются всякіе удальцы и богатыри „силушкой помѣряться", на людей посмотрѣть и себя показать. Здѣсь всѣ они образуютъ около князя Владиміра нѣчто цѣлое—входятъ въ составъ его дружины, и, вступая, по его приказанію или просьбѣ, въ борьбу съ иноплеменниками, грудью отстаиваютъ отъ нихъ землю русскую. Эти иноплеменники и всякіе враги земли русской олицетворяются въ видѣ страшныхъ великановъ, въ родѣ Жидовина или Идолища Поганаго, или въ видѣ чудовищныхъ змѣевъ—Горыничей, Тугариновъ-Змѣевичей—или въ видѣ Соловья-Разбойника, который свистомъ своимъ валитъ съ ногъ и коня, и всадника... Важнѣйшими изъ этихъ богатырей, — наиболѣе близкими къ князю Владиміру, изображаются въ былинахъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алёша Поповичъ и Потокъ Михайло Ивановичъ. Около каждаго изъ подобныхъ былинныхъ героевъ скопляется цѣлый рядъ сказаній, составляющихъ тэмы отдѣльныхъ былинъ; и въ этихъ былинахъ каждый изъ поименованныхъ нами богатырей является цѣльною, вполнѣ опредѣленною, типическою личностью.

Илья Муромецъ.

Илья Муромецъ рисуется въ былинахъ прямодушнымъ и неподкупно-честнымъ въ своихъ отношеніяхъ и къ князю Владиміру, и ко всѣмъ богатырямъ, своимъ сотоварищамъ. Какъ истый крестьянскій сынъ, онъ нѣсколько грубоватъ въ своихъ пріемахъ и рѣчахъ, невоздерженъ въ пированьи и не прочь пошумѣть и подраться во хмѣлю; но спокоенъ и справедливъ даже и въ порывѣ гнѣва. Онъ сильнѣе всѣхъ богатырей кіевскихъ, и отличенъ при этомъ нѣкоторыми особенностями, которыхъ не видимъ ни въ одномъ изъ остальныхъ богатырей, его товарищей; такъ мы знаемъ, что онъ получаетъ силу отъ трехъ вѣщихъ старцевъ, которые предсказываютъ ему, что „смерть ему на бою не писана"—т.-е. другими словами, даютъ ему право безстрашно и увѣренно вступать въ битву съ кѣмъ бы то ни было... И Илья свято хранитъ ихъ завѣтъ и не щадитъ ни поту, ни крови въ борьбѣ съ врагами земли русской...

Добрыня.

Прямою противоположностью Ильѣ Муромцу является другой любимецъ князя Владиміра Краснаго Солнышка—Добрыня Никитичъ, по роду принадлежащій къ дружинной средѣ. Отличительною чертою Добрыни, кромѣ мужества и храбрости, является особая черта его характера — прирожденное *вѣжество*, умѣнье говорить красиво и умно, умѣнье очаровывать своею любезностью. Высоко-поэтическимъ и глубоко-нравственнымъ настроеніемъ отзывается одна изъ былинъ о Добрынѣ, въ которой разсказывается, какъ

онъ, уѣзжая въ дальній походъ, далъ женѣ своей волю, по истеченіи извѣстнаго срока, выйти замужъ за кого ей вздумается, съ однимъ исключеніемъ: „не выходи только за смѣлаго Алёшу Поповича". Вѣрная жена ждала своего мужа и долѣе назначеннаго срока, и всѣмъ отказывала; но, наконецъ, сдалась на уговоры князя Владиміра и его супруги-княгини, которые и просватали ее именно за Алёшу Поповича. Въ самый день свадьбы возвращается Добрыня изъ дальняго похода, узнаетъ обо всемъ, переряжается „удалымъ скоморошиной" [1]), беретъ въ руки гуселки-яворчатыя, и является на свадебное пиршество. Никѣмъ не узнанный, онъ садится сначала „на печкѣ на запечьи, гдѣ есть мѣсто скоморошеское", и начинаетъ наигрывать на своихъ гусляхъ. Его игра нравится, ее хвалятъ и оцѣниваютъ по достоинству и приглашаютъ „скоморошину" сѣсть поближе; потомъ приглашаютъ сѣсть за столъ. Онъ соглашается только съ тѣмъ уговоромъ, что ему предоставленъ будетъ выборъ мѣста по его вкусу—и выбираетъ мѣсто какъ разъ противъ своей жены. Подготовивъ ее темными намеками и иносказаніями, онъ, наконецъ, подаетъ ей кубокъ, въ который опустилъ свой перстень, и жена, узнавъ его по перстню, бросается къ его ногамъ съ мольбою о прощеніи... Жену онъ прощаетъ, но обращается съ горькою, укоризненною рѣчью къ князю Владиміру и его княгинѣ, и эта рѣчь проникнута глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства... Приводимъ ее по одному изъ варьянтовъ этой прекрасной былины:

Говорилъ Добрыня, сынъ Никитиничъ:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дóлогъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку-Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко-Владиміръ, тотъ тутъ сватомъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою—
Они у живого мужа жену просватали».
Тутъ солнышку-Владиміру ко стыду пришло...

И только уже закончивъ эту рѣчь, Добрыня рѣшается „поучить" Алёшу Поповича: беретъ его за „желты кудри, бьетъ о кирпиченъ полъ", но и тутъ довольствуется лишь весьма снисходительною расправою, благодаря заступничеству Ильи Муромца, который является миротворцемъ между обоими богатырями.

Алёша Поповичъ (слѣдовательно, происходящій изъ духовнаго сословія) опять-таки живая противоположность и Добрынѣ, Алёша Поповичъ.

[1]) *Скоморохами* назывались народные пѣвцы, потѣшавшіе толпу своими шутовскими играми, пѣснями и потѣхами; сохранившееся намъ древнее изображеніе этихъ потѣхъ мы помѣстили на стр. 21.

и Ильѣ Муромцу. Отличительною чертою его нравственнаго типа является непомѣрная — и часто даже излишняя и неумѣстная— смѣлость, молодечество, хвастовство своею удалью. При этомъ онъ неразборчивъ и въ средствахъ, избираемыхъ для достиженія извѣстной цѣли, и нерѣдко прибѣгаетъ къ уловкамъ и даже къ обману. „Не возьметъ гдѣ силою, такъ возьметъ хитростью“—говоритъ о немъ Илья Муромецъ. Въ то же время Алёша и женолюбивъ, и не твердъ въ своемъ словѣ...

Потокъ и Дюкъ.

Не таковъ Потокъ Михайло Ивановичъ,—этотъ истый рыцарь „безъ страха и упрека“. Полюбивши Марью — Лебедь Бѣлую,—онъ женится на ней, и они полагаютъ между собою такой завѣтъ: „когда одинъ изъ нихъ умретъ, тогда и другому за нимъ живому въ гробъ лечь“... И Потокъ, вѣрный данному слову, приказываетъ себя, живого, опустить въ могилу жены, которая умираетъ раньше его... [1])

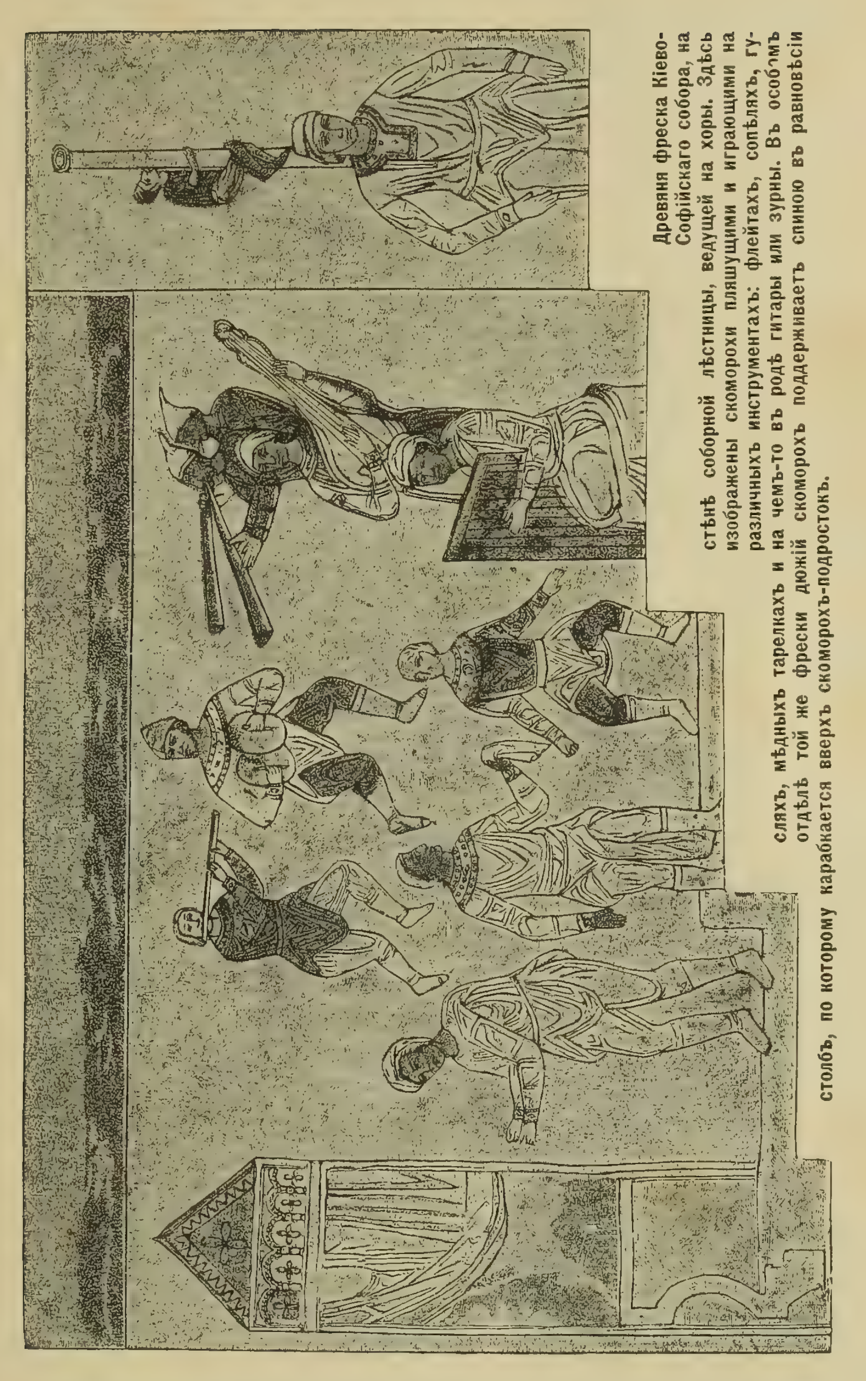
Около этихъ избранныхъ и важнѣйшихъ богатырей—цѣлая фаланга второстепенныхъ и третьестепенныхъ лицъ, такъ или иначе примыкающихъ къ этому циклу сказаній о богатыряхъ кіевскихъ, группирующихся вокругъ Владиміра Краснаго Солнышка. Изо всѣхъ этихъ Василіевъ Казнеровичей, Чурилъ Пленковичей и Ивановъ Гостиныхъ сыновей, выдвигаются, въ особенности, двѣ личности,—Дюкъ Степановичъ и Соловей Будиміровичъ: одинъ— богачъ-бояринъ, другой — заѣзжій гость изъ-за моря. Былины о нихъ отличаются удивительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ красокъ и мѣстами достигаютъ замѣчательной образности и красоты въ эпическихъ подробностяхъ и описаніяхъ.

Дюка Степановича выхваляютъ былины за несмѣтное богатство его и за красоту, о которой онъ очень заботится, прихорашиваясь и принаряжаясь во всякія дорогія ткани и цѣнные уборы. Богатству и казнѣ Дюковой, по описанію былины, „нѣтъ ни счета, ни смѣты“. Попытался-было Владиміръ-князь послать въ домъ къ Дюку оцѣнщиковъ, но оказалось, что у нихъ на это описаніе не хватило ни чернилъ, ни перьевъ. На покупку одного этого матеріала придется продать и Кіевъ, и Черниговъ... И настроенное на этотъ ладъ воображеніе пѣвца былины даетъ намъ такое восторженное описаніе вооруженія Дюкова, что приведенный выше отзывъ о его богатствахъ уже не представляется намъ преувеличеннымъ...

«Самъ-то Дюкъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ;
Немного съ Дюкомъ живота пошло,

---

[1]) Въ могилу опускаютъ Потока «съ копіемъ и оружіемъ...» И въ этой любопытной чертѣ былины мы не можемъ не видѣть отдаленнаго воспоминанія о томъ древнемъ обычаѣ погребенія, который существовалъ въ до-христіанскую эпоху на Руси.



Древняя фреска Кіево-Софійскаго собора, на стѣнѣ соборной лѣстницы, ведущей на хоры. Здѣсь изображены скоморохи пляшущими и играющими на различныхъ инструментахъ: флейтахъ, сопѣляхъ, гусляхъ, мѣдныхъ тарелкахъ и на чемъ-то въ родѣ гитары или зурны. Въ особомъ отдѣлѣ той же фрески дюжій скоморохъ поддерживаетъ спиною въ равновѣсіи столбъ, по которому карабкается вверхъ скоморохъ-подростокъ.

Объяснительное примѣчаніе. О скоморохахъ, какъ объ особомъ классѣ народныхъ пѣвцовъ и потѣшниковъ, упоминаютъ уже и древнѣйшіе наши памятники. Такъ въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, которое написано Несторомъ, видимъ, что скоморохи потѣшаютъ пѣснями, играми и плясками князя Святослава Кіевскаго, который сидитъ на пиру со своею дружиною. Преподобный Ѳеодосій застаетъ скоморошескія игры и веселье въ самомъ разгарѣ и останавливаетъ его шумъ и разгулъ, обращаясь къ князю съ простымъ вопросомъ: «Тако-же будетъ на томъ свѣтѣ?»—Позднѣе, въ XV—XVI столѣтіи скоморохи вызываютъ противъ себя царскіе указы и строгія мѣры взысканія со стороны властей духовныхъ и свѣтскихъ.

Что куякъ и панцырь чѝста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчуга на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей.
...Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи.
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шемаханскаго;
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѐлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѐлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ.
А и еще есть во колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѐламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и несвѣдомо;
Потому тѣмъ стрѐламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки во̑ Новѣгородѣ;
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены̀ онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,—
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы за синѝмъ моремъ,—
Своимъ устьемъ впала въ синё-море.
...Леталъ орелъ надъ синѝмъ моремъ,
А ронилъ онъ перьице во синё-море...
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублей, во тысячу.—
Почему тѣ три стрѣлки до̀роги?
Потому онѣ до̀роги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю, по до̀рогу самоцвѣтному;
...Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночѝ тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ—
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ стрѐлки до̀роги».

Съ такою же любо̀вью и эпической подробностью описываются златоверхіе терема, построенные Соловьемъ Будиміровичемъ въ саду племянницы князя Владиміра, Запавы Путятишны, за которую Соловей пріѣхалъ свататься, и еще тотъ чудный, разукрашенный всякими прикрасами „Соколъ-Корабль", на кото-

ромъ богатый гость прибылъ въ Кіевъ изъ-за моря, приведя съ собою еще тридцать кораблей съ товаромъ.

«Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухо̀морья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль,
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля,
Вмѣсто очей было вставлено
По до̀рогу каменю, по яхонту,
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,
И Якутскому, вѣдь Сибирскому;
Вмѣсто уса̀ было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра̀ копья Мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
Два горностая, два зимніе;
У того было Сокола корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по-тури̇ному,
Бока взведены по-звѣри̇ному» [1]).

Изъ-за этой пестрой толпы богатырей и иноземныхъ заѣзжихъ-гостей, примкнувшихъ къ удалой дружинѣ князя Владиміра Кіевскаго, изъ-за мощныхъ плечъ Ильи Муромца и Добрыни, смотрятъ на насъ, однакоже, еще болѣе крупныя фигуры другихъ богатырей, относящихся, очевидно, къ иной, болѣе отдаленной, болѣе первобытной эпохѣ, когда человѣку, ничтожному силами и скудному средствами для борьбы со стихійными силами природы, приходилось безропотно передъ ними склоняться и считать ихъ неодолимыми. **Богатыри старшіе: Святогоръ и Микула.**

Къ такимъ колоссальнымъ типамъ богатырей принадлежатъ въ нашихъ былинахъ двое: *Святогоръ-богатырь* и *Микула Селяниновичъ*. Первый изъ нихъ представляется въ былинахъ ве-

---

[1]) Обычай придавать кораблямъ видъ оживленныхъ существъ—звѣрей или птицъ—стоялъ въ тѣсной связи съ весьма древними представленіями о кораблѣ, какъ о существѣ одушевленномъ.

ликаномъ и обладателемъ такой страшной силы, отъ которой ему самому тяжело, потому что его уже и земля на себѣ не держитъ:

«Грузно (ему) отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени...»

такъ поется о немъ въ былинахъ.

Въ одномъ изъ сказаній о Святогорѣ, мы видимъ, что онъ поражаетъ своею громадностью даже самого Илью Муромца: „лежитъ на горѣ, и самъ какъ гора". Къ людямъ, даже и одареннымъ такою сверхъестественною силою, какою обладаетъ Илья Муромецъ, Святогоръ можетъ относиться только съ снисходительнымъ пренебреженіемъ.

Но и Святогоръ уступаетъ въ силѣ Микулѣ Селяниновичу—богатырю-пахарю. Тотъ свободно носитъ въ сумочкѣ при себѣ *тягу земную*, которую еле-еле можетъ приподнять Святогоръ. И пашню пашетъ онъ такою сохою, которую вся дружина мимоѣзжаго князя Вольги Святославича не можетъ выдернуть изъ земли, а онъ самъ, Микула, одною рукою бросаетъ за ракитовъ кустъ. Широкими и яркими чертами набросана намъ въ былинѣ о Микулѣ могучая трудовая дѣятельность этого богатыря-пахаря:

«Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по ка̀мешкамъ почеркиваютъ;
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки помётываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать;
Каменья, коренья вывертываетъ...»

Или далѣе, когда онъ самъ говоритъ о предстоящемъ урожаѣ и радуется ему заранѣе:

«А я ржи напашу̀, да во скирды складу,
Во скирды складу, да домой вы̀волочу;
Домой вы̀волочу, да дома вы̀молочу,
Драни надеру, да пива наварю,
Пива наварю, да мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ».

Въ этихъ немногихъ фразахъ чрезвычайно сильно высказывается не только та преданность, которую народъ питаетъ къ своему исконному труду, но еще и глубокое пониманіе высокаго значенія, которое онъ придаетъ пахарю [1]).

---

[1]) Эта былина о богатырѣ-пахарѣ принадлежитъ, по мнѣнію нашихъ ученыхъ, къ древнѣйшему наслоенію нашего народнаго эпоса. Она стоитъ въ связи съ народными преданіями о томъ, что хлѣбопашество было введено на землѣ богами, что первое *рало* (т.-е. плугъ) упало на землю съ неба и т. п. Не даромъ ученые наши относятъ Микулу Селяниновича, вмѣстѣ съ Ильею Муромцемъ и Святогоромъ-богатыремъ, къ богатырямъ *старшимъ*, т.-е. принадлежащимъ въ области вымысла къ болѣе отдаленному времени, нежели всѣ остальные богатыри.

Богатыри новгородскіе.

Въ сторонѣ отъ кіевскаго цикла былинъ, совершенно отдѣльно отъ него и внѣ всякой связи съ его содержаніемъ, стоитъ циклъ былинъ *новгородскихъ*, которыя воспѣваютъ намъ только двоихъ героевъ: Садко богатаго *гостя* (т.-е. купца, торгующаго за моремъ), гордаго своимъ богатствомъ и обиліемъ товаровъ, и *Василія Буслаева* — буйнаго и разудалаго боярскаго сына, который ведетъ постоянную борьбу съ „мужиками новгородскими". Эти два типа, цѣликомъ взятые изъ живой новгородской дѣйствительности, набросаны въ былинахъ бойкою кистью; можно почти сказать, что былины о Садкѣ и о Василіи Буслаевѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дополняютъ исторію вольнолюбиваго Новгорода нѣсколькими живыми чертами, тогда какъ въ большей части кіевскихъ былинъ историческая правда является только случайнымъ отголоскомъ дѣйствительности.

Садко, богатый гость.

Былины о Садкѣ въ особенности богаты фантастическимъ элементомъ; для него превосходнымъ фономъ является то бурное море, съ которымъ богатому гостю постоянно приходилось вѣдаться. Удивительно живо и ярко описывается въ былинѣ пребываніе Садки въ подводныхъ палатахъ Морского Царя, который собирается за него выдать одну изъ своихъ дочерей, и очень охотно пускается въ пляску, подъ музыку звончатыхъ гусель, на которыхъ Садко мастерски умѣетъ играть. Но пляска Морского Царя не на радость людямъ:

«Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода сомутилася;
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много тонуть имѣньица,
Стало много тонуть людей праведныхъ...»

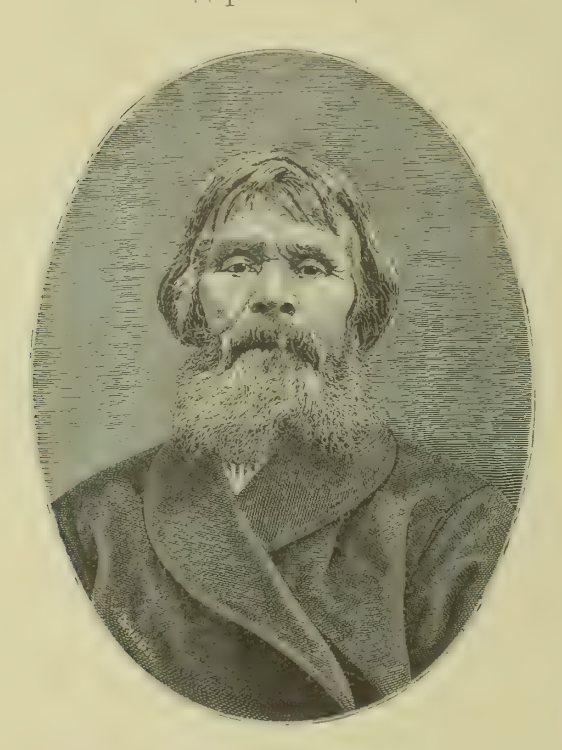
Тогда народъ взмолился къ Николѣ Угоднику, и тотъ, явившись Садкѣ во снѣ, запретилъ ему играть передъ Морскимъ Царемъ на гусляхъ — и указалъ ему путь изъ подводнаго царства на родину.

Не менѣе этой былины, описывающей странствованія Садки по морской пучинѣ, любопытна и другая былина о немъ же, по которой мы знакомимся съ Садкой, какъ съ зазнавшимся богачомъ. Былина очень картинно описываетъ намъ, какъ онъ на пиру похвасталъ своей „безсчетной золотой казной" и побился объ закладъ, что выкупитъ на нее всѣ товары новгородскіе; и какъ потомъ постепенно приходилъ къ убѣжденію, что ничтожны богатства одного лица передъ богатствами цѣлой страны, и что жалка̀ и смѣшна̀ была его похвальба. Онъ прямо приходитъ, наконецъ, къ такому — вполнѣ разумному и естественному — выводу:

«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій:
Побогаче меня славный Новгородъ».

Васька Буслаевъ.

Былины о Васькѣ Буслаевѣ — этомъ беззавѣтномъ удальцѣ новгородскомъ — нѣсколько грубѣе по содержанію, но за то еще ближе къ дѣйствительности, нежели былины о Садкѣ, въ которыхъ фантазія преобладаетъ надъ дѣйствительностью. Съ поражающимъ реализмомъ рисуется намъ въ нихъ весьма непривлекательная картина внутренней жизни Великаго-Новгорода, дикая необузданность разгулявшагося молодца, который все бьетъ и крушитъ вокругъ себя, не признавая надъ собою никакой власти, никакого сдерживающаго начала... Бьетъ и крушитъ онъ не одинъ, а заодно съ дружиною такихъ же безшабашныхъ удальцовъ, какъ онъ самъ, задорныхъ, необузданныхъ и безпощадныхъ въ своемъ задорѣ. Несчастные, побитые Василіемъ Буслаевымъ мужики новгородскіе, чтобы избавиться отъ страшнаго буяна, не находятъ ничего лучше, какъ пойти съ жалобою къ Васильевой матери, „матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ“, и мать, во вниманіе къ ихъ просьбамъ, идетъ унимать свое расходившееся дѣтище. И вотъ, тотъ самый буянъ, который никого не хотѣлъ уважить, который и на убѣжденія старца - Пилигримища отвѣчалъ ударомъ телѣжной оси—склоняется на первое слово своей матери и даетъ ей отвести себя домой, какъ расшалившагося ребенка... Черта наивная и вѣрная по отношенію къ древне-русскимъ нравамъ!



Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ—сказитель былинъ, крестьянинъ Олонецкой губ.

Само собою разумѣется, что былины, сложенныя, вѣроятно, очень давно (многія изъ нихъ, можетъ-быть, даже восходятъ, по времени происхожденія, къ эпохѣ первыхъ князей русскихъ), дошли до насъ не въ своей первоначальной редакціи, а во множествѣ варьянтовъ; многое въ нихъ забылось, многое измѣнилось или примѣнилось къ условіямъ жизни послѣдующихъ вѣковъ, но основа ихъ осталась та же, прежняя, рисующая намъ и бытъ, и нравы временъ весьма отдаленныхъ.

Одинъ изъ большихъ знатоковъ нашей народной былевой поэзіи, извѣстный собиратель былинъ, П. Н. Рыбниковъ, очень

вѣрно опредѣляетъ значеніе и свойство былевой поэзіи, уцѣлѣвшей до нашего времени:

П. Н. Рыбниковъ о былинахъ.

„Наша эпическая поэзія остановилась на первой ступени развитія — *былинахъ,* и не успѣла перейти въ эпопею. Но за то многія былины, смотря по тожеству изображаемаго ими быта и міросозерцанія, сами собою группируются въ циклы: *старшихъ богатырей, Владиміровъ, Новгородскій, Московскій, казацкій* и т. д.“ Но устная передача, конечно, повліяла на содержаніе и на изложеніе былинъ и привела къ измѣненіямъ, изъ которыхъ иныя представляютъ собою только естественное развитіе былинъ. Такъ, напр., нѣкоторыя „старины“ (прозаическія изложенія былинъ) дошли до насъ и въ краткомъ видѣ, и въ длинныхъ пересказахъ, въ которыхъ отдѣльныя пѣсни являются эпизодами. Въ противуположность этому, нѣкоторые варьянты объ Ильѣ и Добрынѣ разрослись до огромныхъ размѣровъ и захватили въ свой составъ почти всѣ подвиги воспѣваемыхъ ими богатырей. Другое измѣненіе въ былинахъ: всякаго рода анахронизмы и подновленія, въ родѣ, напр., замѣны старшихъ богатырей младшими, или пріурочиванье новыхъ чертъ къ древнѣйшему времени. Третье измѣненіе: — ослабленіе эпическаго склада (подвиги богатырей стушевываются и богатыри приравниваются къ обыкновеннымъ смертнымъ), при чемъ былины переходятъ иногда въ побывальщину или даже сказку...“

Василій Петровичъ Щеголёнокъ — сказитель былинъ, крестьянинъ Олонецкой губерніи.

П. Н. Рыбниковъ приходитъ къ тому заключенію, что „наше поколѣніе застало былевую поэзію уже *совсѣмъ сложившеюся*“. Теперь слагаются еще только историческія пѣсни, а новыя былины не слагаются болѣе... „Я имѣлъ случай неоднократно наблюдать, какъ напрасны были усилія лучшихъ пѣвцовъ возстановить былину, забытую ими... Если возстановить былину трудно, то сложить ее вновь, въ пору ослабленія эпическаго настроенія, почти невозможно...“

„Пѣсня-быль“ осталась въ памяти народной, какъ дорогой завѣтъ старины, и хранилась, какъ святыня, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе особыми сказителями и сказительницами, которые къ эпическому складу пѣсни приноровили извѣстный протяжный ладъ и не-то „поютъ“, не-то „сказываютъ“ былины. Многіе изъ такихъ народныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ (какъ убѣдились въ этомъ въ недавнее время) обладаютъ и теперь счастливою способностью запоминать и хранить въ своей памяти по нѣскольку тысячъ стиховъ эпической поэзіи, и повторять одну и ту же пѣсню много и много разъ подъ рядъ, не измѣняя въ ней ни одного слова [1]).

Сказители и калики.

Въ заключеніе того, что сказано нами выше о былинахъ, необходимо добавить, что онѣ сохранились у насъ въ народѣ только на дальнихъ окраинахъ Земли Русской: въ Сибири, въ Пермскомъ краѣ, на Сѣверѣ, въ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерніи. Главными хранителями былинъ въ Олонецкомъ краѣ, какъ болѣе изслѣдованномъ въ этомъ отношеніи, являются *сказители и калики-пищіе.* Первые изъ нихъ, люди по большей части состоятельные и степенные, поютъ „по охотѣ“ и хранятъ былины по любви къ этого рода поэзіи; вторые — пѣвцы по ремеслу и поютъ за деньги. Переходную стадію между тѣми и другими составляютъ странствующіе пѣвцы-портные, которые зимою переходятъ изъ деревни въ деревню, занимаясь своимъ мастерствомъ.

Сказители, на вопросъ о томъ, откуда они научились своимъ былинамъ и старинамъ, отвѣчаютъ, что они научились былинамъ, „наслушали“ ихъ отъ „великихъ, досюльныхъ“ сказителей, и называютъ (напр., въ Олонецкой губ.) имена Ильи Елустафьева, Игнатія Иванова Андреева, Ѳеодора Яковлева и другихъ, давно-умершихъ—еще доселѣ живущія въ народной памяти. Выше помѣстили мы портреты двухъ такихъ прославленныхъ сказителей, отъ которыхъ наши собиратели былинъ, П. Н. Рыбниковъ и А. Ѳ. Гильфердингъ, записали лучшіе варьянты былинъ.

Историческія пѣсни.

Есть, однакоже, основаніе предполагать, что народное творчество, въ различныя эпохи, также подчинялось извѣстнаго рода требованіямъ вкуса и новизны; и потому, въ то самое время, когда старая былевая поэзія забывалась и исчезала или вырождалась въ форму сказки о богатыряхъ или такъ-называемой бывальщины,—нарождалась новая былевая поэзія, но уже въ видѣ *исторической пѣсни*, т.-е. такой, которая, подражая въ тонѣ и складѣ стариннымъ былинамъ, почерпала, однакоже, содержаніе изъ живой

[1]) Только этою способностью запоминанія и можетъ быть объяснено то любопытное явленіе, что записи былинъ XVII и XVIII вѣковъ почти не отличаются отъ многихъ варьянтовъ тѣхъ же былинъ, записанныхъ въ наше время: — такъ мало пострадали эти варьянты отъ времени!

современности, излагала событія и упоминала лица, которыя еще у всѣхъ были въ памяти. Чѣмъ болѣе яркій слѣдъ оставляла по себѣ та или другая эпоха, чѣмъ большимъ значеніемъ и вліяніемъ пользовался въ извѣстную эпоху тотъ или другой дѣятель, тѣмъ бо̀льшее количество пѣсенъ слагалось о немъ въ народѣ. Такимъ образомъ многія важнѣйшія эпохи русской исторіи и многіе изъ важнѣйшихъ ея дѣятелей были увѣковѣчены въ народѣ историческими пѣснями: Татарскій погромъ, времена Грознаго, завоеваніе Сибири, Скопинъ-Шуйскій — народный любимецъ въ Смутное время, — Стенька Разинъ, выказывавшій себя защитникомъ правъ народныхъ, борьба за старую вѣру, колоссальная личность Петра Великаго съ его сподвижниками, Отечественная война — все это нашло себѣ отголосокъ въ народной поэзіи...

Остапъ Вересай, знаменитый пѣвецъ-бандуристъ.

Малороссійскія думы.

Къ этому же кругу историческихъ пѣсенъ примыкаетъ обширный и богатѣйшій кругъ малороссійскихъ *историческихъ думъ*, живописующій намъ въ лицахъ и событіяхъ весь долгій періодъ кровавой борьбы, которую въ теченіе двухъ вѣковъ Малороссія вела то съ татарами, то съ Польшей за свою вѣру и независимость. *Думы* эти поются особымъ классомъ пѣвцовъ-бандуристовъ (большею частью слѣпцовъ), которые хранятъ ихъ въ своей памяти и, какъ священный завѣтъ прошлаго, передаютъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Особый, весьма богатый отдѣлъ пѣсенъ полу-историческихъ,

полу-бытовыхъ составляютъ пѣсни *разбойничьи, казацкія и солдатскія.* Хотя бо̀льшая часть ихъ не имѣетъ прямого отношенія ни къ какимъ историческимъ лицамъ и событіямъ, однакоже, всѣ онѣ относятся къ опредѣленнымъ эпохамъ, въ теченіе которыхъ казачество и разбойничество составляли обычныя явленія русской дѣйствительности и играли въ ней немаловажную роль; точно такъ же, какъ и солдатство съ рекрутчиной, въ теченіе долгаго времени тяготѣвшей надъ русскимъ народомъ, какъ великое бѣдствіе, оставили по себѣ такіе глубокіе слѣды въ народномъ быту, что не могли не отразиться въ народной поэзіи. Чрезвычайно любопытно то отношеніе къ разбойничеству и казачеству, которое высказывается въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи: разбойникъ и казакъ—по представленію народному,—одинаково вольные люди, удальцы, добрые молодцы, живущіе *своимъ ремесломъ.* Народъ не чуждается ихъ: — они возбуждаютъ даже зависть къ себѣ, а иногда внушаютъ и уваженіе своею отвагою и смѣлостью. Атаманы и есаулы—казацкіе и разбойничьи—пользуются большимъ значеніемъ, возводятся иногда въ этихъ пѣсняхъ въ народные герои: они украшаются фантастическимъ вымысломъ, имъ приписываются даже сверхъестественныя свойства, ихъ выставляютъ хитрыми вѣдунами и волшебниками, опытными въ чарахъ...

Отъ всѣхъ этихъ пѣсенъ вѣетъ стариною XVI и XVII вѣка, когда тяжело жилось русскому человѣку въ тѣсныхъ рамкахъ новыхъ, недавно народившихся формъ жизни, и невольно влекло его въ дикую степь, на славный тихій Донъ, на раздольную Волгу-матушку, или въ непроходимую глушь лѣсовъ заволжскихъ—лишь бы унести свою голову отъ тяжелыхъ поборовъ, отъ невыносимаго гнета властей и необузданнаго произвола помѣщиковъ.

V.

Сказка, въ соотношеніи съ пѣсней.—Древній видъ сказки въ животномъ эпосѣ.—Общая индо-европейская основа сказокъ.—Бытъ и нравы, изображаемые въ сказкѣ.—Фантастическій элементъ; элементъ назидательный и сатирическій.

Сказка принадлежитъ къ древнѣйшимъ родамъ народной поэзіи, и, вѣроятно, ранѣе пѣсни, служила человѣку выраженіемъ для его первоначальныхъ впечатлѣній и наблюденій надъ окружающей природой и свойствами человѣка. Сказка, какъ по формѣ, такъ и по внутреннему содержанію своему, очевидно, древнѣе бытовой пѣсни, которая принадлежитъ уже (даже и въ древнѣйшихъ образцахъ своихъ) къ болѣе позднему и болѣе сознательному періоду творчества, когда область фантазіи была уже ограничена и житейскимъ опытомъ, и новыми условіями жизни. Вѣроятно, въ этотъ, бо-

лѣе поздній періодъ народной жизни, и сложилась извѣстная пословица—„сказка складка, а пѣсня быль"... На этотъ болѣе поздній періодъ отчасти указываетъ и самый складъ пѣсни — мѣрныя строки, строго-опредѣленные эпитеты, тщательно выработанный стиль—противоположностью которымъ служитъ простое, свободное, иногда весьма лаконическое, иногда крайне расплывчатое изложеніе сказки...

Сказки о животныхъ.

Едва-ли не первообразомъ сказокъ являются тѣ краткіе, сжатые разсказы о животныхъ, въ которыхъ человѣкъ надѣляетъ ихъ своими свойствами, своею душою, своимъ умомъ, своимъ характеромъ, даже навязываетъ имъ свой языкъ и свои обычныя условія жизни... Эти краткіе разсказцы о животныхъ, то поучительнаго, то шутливаго содержанія, извѣстные подъ названіемъ *животнаго эпоса* (вѣрнѣе было-бы сказать: *эпоса о животныхъ*), встрѣчаются у всѣхъ народовъ, и древнихъ, и новѣйшихъ, и притомъ почти съ одинаковымъ содержаніемъ... Мало того, самыя свойства звѣрей, участвующихъ въ этихъ разсказахъ, неизмѣнно и одинаково приписываются имъ и въ древнѣйшей индійской сказкѣ, и въ новѣйшей,—греческой, русской, нѣмецкой—какъ если бы объ этихъ звѣряхъ разсказывало одно и то же лицо, передавая одни и тѣ же наблюденія надъ ихъ нравами, приписывая имъ тѣ же личныя свойства и повторяя тѣ же эпизоды. Въ теченіе долгаго времени это сходство „сказокъ о животныхъ" истолковывалось, совершенно естественно, простымъ заимствованіемъ и непосредственною передачею ихъ отъ народа къ народу. Но сравнительное изученіе языковъ, которое привело и къ сравнительному изученію произведеній народной словесности у различныхъ народовъ — побудило ученыхъ придти къ иному и весьма любопытному выводу...

Общая основа сказокъ.

Изъ сравненія сказокъ у различныхъ народовъ индо-европейскаго племени, оказалось, что бо̀льшая часть сказочнаго запаса у всѣхъ народовъ чрезвычайно близка, какъ по главнымъ, преобладающимъ тэмамъ своего внутренняго содержанія, такъ и по пріемамъ изложенія, и по множеству подробностей, постоянно вводимыхъ въ сказочный разсказъ. Сходство это было настолько поразительно и настолько явно, что уже о заимствованіяхъ и преемствѣ не могло быть рѣчи, и ученые пришли постепенно къ тому заключенію, что сказки у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени исходятъ изъ одной общей основы и, вѣроятно, въ первоначальномъ своемъ видѣ, относятся къ той отдаленной эпохѣ, когда народы этого племени еще пребывали въ своей прародинѣ и составляли одинъ народъ.

Бытовая сторона сказокъ.

На эту отдаленную, обще-арійскую эпоху иногда прямо, иногда косвенно и намекомъ, указываетъ и самое содержаніе сказокъ, кото-

рыя могутъ быть отнесены къ древнѣйшимъ памятникамъ, имѣющимъ обще-арійское происхожденіе. Мы видимъ, что выводимые въ нихъ герои постоянно странствуютъ по дремучимъ лѣсамъ, черезъ которые проложены чуть примѣтныя тропы; что на этихъ тропахъ, по которымъ они ѣдутъ почти на-угадъ, имъ безпрестанно встрѣчаются всевозможныя препятствія, полагаемыя имъ враждебными силами природы и стихій, которымъ боязливо-настроенное воображеніе пробуждающагося народа придаетъ страшные, чудовищные образы, иногда олицетворяя ихъ въ видѣ уродливыхъ и злобныхъ карликовъ, или-же въ видѣ могущественныхъ великановъ, иногда въ видѣ громадныхъ, крылатыхъ и многоглавыхъ змѣевъ, пышущихъ огнемъ и покрытыхъ непроницаемою чешуею. Лишь изрѣдка, мѣстами, рѣдкими оазами, въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, являются избушки, въ которыхъ старыя вѣдуньи, принимающія на себя видъ полу-миѳической бабы-яги, указываютъ добрымъ молодцамъ путь по лѣснымъ трущобамъ и даютъ имъ у себя ночлегъ. Каждый перекрестокъ на дорогѣ представляетъ путнику почти непреодолимое затрудненіе: по одной дорогѣ ѣхать—коня голодомъ заморить; по другой—самому съ голоду сгинуть. Все въ этихъ сказкахъ указываетъ на крайнюю пустынность и безлюдность земли, на рѣдкое населеніе, раздѣленное большими пространствами пустынь, на неизбѣжность постоянныхъ скитаній и странствованій—несомнѣнный отголосокъ кочевого, бродячаго быта. Любопытна и самая цѣль странствованій этихъ героевъ изъ конца въ конецъ извѣстнаго имъ „свѣта бѣлаго“, кстати сказать, очень не обширнаго. Большею частью, цѣлью такихъ странствованій въ тридесятое царство или даже въ царства подземныя и подводныя, бываетъ *добываніе дѣвицы себѣ въ невѣсты* или *добываніе какой-нибудь диковинки* въ родѣ необыкновенной птицы и рѣдкаго растенія, или *воды*, обладающей цѣлебными свойствами... И въ этомъ нельзя не видѣть слѣда той эпохи, когда человѣкъ еще только обзаводился первыми, необходимѣйшими удобствами своей домашней осѣдлости, по переходѣ отъ охотничьяго и кочевого быта къ земледѣльческому. Въ самомъ добываніи этихъ вѣщихъ и диковинныхъ коней, которые приходятъ, невѣдомо откуда, топтать посѣвы бѣлояровой пшеницы, въ самомъ обузданіи ихъ — нельзя не видѣть первыхъ опытовъ знакомства съ коневодствомъ, въ видѣ прирученія дикихъ косячныхъ жеребцовъ и кобылицъ, громадными стадами бродившихъ по степи. Нравы людей въ этихъ древнихъ сказкахъ представляются дикими и жестокими: всѣ эти человѣкообразныя чудовища, бабы-яги и великаны, пожирающіе маленькихъ дѣтей и похищающіе молодыхъ дѣвушекъ, представляются намъ отголосками воспоминаній о каннибализмѣ какой-нибудь отдаленной эпохи; а жестокія наказанія, въ родѣ сдира-

нія кожи, вырѣзанія ремней изъ спины и т. п., свидѣтельствуютъ о томъ, что эти сказки сложились въ эпоху преобладанія полнѣйшаго произвола, въ которую, собственно говоря, право на существованіе имѣли только счастливые избранники, одаренные тою физическою мощью, какою сказки въ избыткѣ надѣляютъ своихъ любимыхъ героевъ. Единственною защитою слабаго являлись *обманъ* и хитрая уловка (большею частью очень злая), къ которымъ слабый вынужденъ былъ прибѣгать для своего спасенія. Вся эта основа переплетена старинными, давно отжившими вѣрованіями и повѣрьями, проникнута міровоззрѣніемъ, которое теперь представляется намъ чуждымъ и непонятнымъ, и ярко рисуетъ намъ ту первобытную эпоху, когда человѣкъ еще жилъ жизнью, близкою къ природѣ, непосредственно подчиненною ея законамъ, когда онъ часто прислушивался къ ея голосу и истолковывалъ по-своему ея явленія, побужденія и призывы.

Живучесть сказокъ и ихъ перерожденіе.

Благодаря простотѣ и немногосложности своей внѣшней формы—свободнаго, простого разсказа—сказка оказалась наиболѣе живучимъ изъ всѣхъ произведеній народной поэзіи. Въ то время, когда древняя обрядовая и былевая пѣсни забывались и терялись, отживая свой вѣкъ, сказка продолжала жить и дожила до нашего времени, постепенно видоизмѣняясь, пополняясь новыми нарощеніями и легко примѣняясь къ измѣнившимся условіямъ быта. Древняя основа, представляющаяся намъ теперь чисто-фантастическимъ эпосомъ странствованій и приключеній—осталась и уцѣлѣла въ массѣ дошедшихъ до насъ сказокъ; но на этой основѣ выросли и совершенно новыя произведенія, въ которыхъ мѣсто сказочныхъ героевъ занимаютъ уже вполнѣ обыкновенные смертные—люди изъ общей массы народа: крестьяне, солдаты, батраки, мельники, купцы, попы; мѣсто сказочныхъ царевенъ заступили простыя дѣвушки; мѣсто страшныхъ вѣдьмъ и людоѣдовъ—злыя мачехи, которымъ иногда еще приписываются всякія сверхъестественныя свойства и даже опытность въ волшебствѣ... На мѣсто всемогущихъ чародѣевъ явились дѣятелями въ сказкѣ простые деревенскіе колдуны, которыхъ каждый смышленый солдатъ или прохожій умѣетъ провести и образумить. Сказка понизила тонъ своего разсказа и изъ области фантазіи спустилась въ область практической жизни и дѣйствительности.

И это перерожденіе сказки началось уже давно. Подъ вліяніемъ христіанства, глубже и глубже проникавшаго въ массу народа, сказка внесла въ свое содержаніе элементъ нравственно-назидательный: добро торжествуетъ надъ зломъ, слабый находитъ защиту отъ сильнаго въ молитвѣ или въ скоро явившейся помощи свыше, и, вообще говоря, сказка, въ большей части случаевъ, приводитъ къ утѣшительному нравственному выводу. Подъ влія-

ніемъ плохихъ общественныхъ порядковъ, подкупности судей, судебной ябеды и волокиты, сказка обращается иногда въ настоящую сатиру и излагается, при соблюденіи всякихъ судейскихъ формальностей и современнаго юридическаго языка, въ видѣ „*Суднаго дѣла Леща съ Ершомъ*", или забавнаго сказанія о „*Судѣ Шемякѣ*".

Историческія личности въ сказкахъ.

Съ равною готовностью и умѣньемъ, сказка пользуется и историческими личностями и событіями для пополненія своего богатаго матеріала—вводитъ въ свое дѣйствіе и Іоанна Грознаго, и Петра Великаго, и рисуетъ ихъ намъ благодушными покровителями народа и правдивыми цѣнителями русскаго ума и находчивости. Наконецъ, по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени, полному всякихъ техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній, практическихъ сдѣлокъ и хитроумныхъ вымысловъ, сказка, мало-по-малу, начинаетъ обращаться въ простой разсказъ бытового характера, который хотя и начинается попрежнему, съ неизбѣжнаго „жилъ да былъ", но въ которомъ, однакоже, весь интересъ разсказа сводится къ вопросамъ простой наживы или убытка...

Но живучесть сказки, какъ произведенія народнаго духа, изумительна!.. Начиная отъ сѣдой древности и до нашихъ дней, она, постепенно развиваясь и видоизмѣняясь, идетъ почти непрерывною чередою, связывая первыя попытки необузданной фантазіи людей съ первыми начатками повѣстей и сказокъ уже чисто литературнаго характера, явившимися въ нашей древней письменности XIV и XV вѣковъ и въ печатной литературѣ конца XVII и начала XVIII вѣковъ. И до сихъ поръ та же наивная сказка, которая была постоянной утѣхой полудикаго арійца и служила одинаковой забавой дѣда, разсказывавшаго ее, и внука, внимательно ее слушавшаго, — тѣшитъ, попрежнему, стараго и малаго, даетъ и теперь матеріалъ для поэтическаго вымысла и для литературной обработки, и освѣжаетъ утомленный умъ и воображеніе современнаго человѣка наивною прелестью своего разсказа.

VI.

Загадка—одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ народнаго устнаго творчества. — Загадка и сказка. — Загадка, какъ забава. — Пословица. — Чрезвычайное богатство русскихъ пословицъ. — Поговорки и присловья.

Глубокая древность загадки.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что первыя загадки были первыми опытами ума и наблюдательности человѣка, выраженными въ словѣ, и что основы многихъ народныхъ загадокъ явились еще въ ту пору, когда народъ создавалъ свой языкъ, руководясь въ своемъ творчествѣ то сравненіемъ, то звукоподражаніемъ, то внѣшнимъ и случайнымъ сходствомъ признаковъ въ двухъ совершенно различныхъ предметахъ. Создать умную, кратко и ловко выраженную въ словѣ загадку и теперь не легко;

тѣмъ болѣе мудреною должна была представляться эта умственная задача въ наивный первобытный періодъ народной жизни, полный яркихъ впечатлѣній и туманныхъ образовъ. Человѣкъ, способный создать загадку, долженъ былъ представляться, для всѣхъ окружающихъ, мудрецомъ, свыше одареннымъ свойствами, которыя даются отъ Бога немногимъ избранникамъ. Вотъ почему загадываніе загадокъ въ глубокой древности являлось не просто забавою, и не игрою ума, а испытаніемъ мудрости. Загадки загадывались взрослыми и серьезными людьми взрослымъ-же людямъ; съ разгадкою загадокъ связывались, въ народныхъ преданіяхъ, крупные заклады... Если вѣрить древнимъ арійскимъ сказаніямъ, разгадыванье загадокъ являлось иногда вопросомъ жизни и смерти: неразгадавшій загадку платился жизнью; въ свою очередь, платился жизнью и тотъ загадчикъ, загадка котораго была разгадана.

Вѣщее значеніе загадки.

Отголоски этихъ древнихъ сказаній и этого вѣщаго и важнаго значенія загадокъ видимъ во многихъ нашихъ сказкахъ. Загадываютъ загадки вѣщія дѣвы-царевны, испытывая разумъ добрыхъ молодцовъ, и предлагаютъ имъ, въ случаѣ удачи—свою руку, въ случаѣ неудачи, требуютъ, чтобы смѣльчаки поплатились головою. Загадываютъ загадки и могущественные сказочные цари, и отгадавшихъ загадку награждаютъ золотою казною, а неотгадавшихъ—сажаютъ въ темницу. Загадываютъ загадки смертнымъ и разныя сказочныя чудовища, бабы-яги и Кощеи, и позднѣе заступившіе ихъ мѣсто—бѣсы. Многія сказки только на разгадываніи загадокъ и основаны; въ этомъ разгадываніи заключается вся суть ихъ содержанія, а всѣ остальныя подробности составляютъ не болѣе, какъ необходимую рамку, — обстановку разсказа. Иногда, въ тѣхъ же сказкахъ, мудрый совѣтъ, покупаемый дорогою цѣною, дается въ загадочной формѣ завѣта или условнаго указанія; напримѣръ: „подыми да не опусти", а въ дальнѣйшемъ теченіи сказочнаго разсказа, сложныя обстоятельства даютъ почерпнутый изъ опыта отвѣтъ, какъ разгадку этого завѣта.

Загадки-забавы.

Даже и въ формѣ забавы, какою теперь загадка обычно является въ народѣ на вечеринкахъ, бесѣдахъ и посидѣлкахъ, она все еще не утратила до нѣкоторой степени своего серьезнаго значенія, и остается испытаніемъ, если не ума, то, по крайней мѣрѣ, находчивости и умѣнья быть забавнымъ въ обществѣ... Чѣмъ больше парень или дѣвушка знаютъ загадокъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ они значеніе пріятныхъ собесѣдниковъ, бывалыхъ и опытныхъ въ обращеніи съ людьми.

Различные виды загадокъ.

Многія изъ загадокъ чрезвычайно художественны по формѣ и складу своему; многія другія весьма древни, и встрѣчаемыя въ нихъ сравненія и уподобленія являются, видимо, отголосками воззрѣній на природу, унаслѣдованныхъ отъ сѣдой старины. Такъ

напримѣръ; „Стоитъ дубъ, а на дубу 12 гнѣздъ; въ каждомъ гнѣздѣ по 4 синицы; у каждой синицы по 14 яицъ — семь бѣленькихъ и семь черненькихъ“. (*Годъ, мѣсяцъ, недѣли, дни и ночи*).

Другія загадки забавны по сопоставленію такихъ свойствъ и признаковъ различныхъ предметовъ, которые, повидимому, ничего не имѣютъ между собою общаго; однакоже, народное остроуміе умѣетъ ихъ сблизить и привести къ опредѣленному выводу. Напримѣръ: „быкъ желѣзный, а хвостъ льняной“ (*Игла съ ниткой*);— „въ потемкахъ родится, съ огнемъ помираетъ“ (*Воскъ*); — „крыльями машетъ, а улетѣть не можетъ“ (*Вѣтряная мельница*).

Третьи, наконецъ, не могутъ быть вполнѣ понятны каждому, безъ знанія народнаго быта, потому что основываются на сличеніи мелочныхъ подробностей бытовой обстановки народа.

Болѣе всего неудачными и неуклюжими оказываются тѣ загадки, которыя сложились подъ вліяніемъ книжнымъ, преимущественно библейскимъ.

Пословицы.

Рядомъ съ загадкою слѣдуетъ поставить еще одинъ весьма распространенный и важный родъ народной словесности: *пословицу*. Такъ называются краткія изреченія, заключающія въ себѣ одну мысль, одинъ выводъ или наблюденіе, извлеченные народомъ изъ долгаго многовѣкового опыта жизни. Пословицу справедливо называютъ „плодомъ народной мудрости“, потому что высказанная въ ней мысль, переходя изъ устъ въ уста, обходя весь народъ, должна была подчиняться общей провѣркѣ и оцѣнкѣ, и, конечно, оставалась въ памяти у всѣхъ только тогда, когда она всѣмъ нравилась, всѣмъ приходилась по вкусу и всѣмъ казалась равно мѣткой и справедливой.

Внѣшняя форма пословицы.

По отношенію къ формѣ, настоящая пословица постоянно распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна представляетъ собою какъ бы условіе („если . . . “), а другая—выводъ, заключеніе („то и . . . . .“). Напримѣръ: „за чѣмъ пойдешь, то и найдешь“, „у семи нянекъ, дитя безъ глазъ“, „тише ѣдешь, дальше будешь“ и т. п. Кромѣ этого внѣшняго отличія, пословицы, по большей части, подчиняются нѣкотораго рода ритму: въ нихъ слышится какой-то особый складъ, двѣ составныя части ихъ большею частью заканчиваются созвучіями, а иногда и въ срединѣ каждой изъ нихъ вставляются однозвучныя слова. Напримѣръ „богатому жаль корабля, бѣдному—кошеля“, „богатаго отъ тароватаго не разберешь“. Эта форма, конечно, выработалась временемъ, какъ бы въ облегченіе запоминанью; и самая сущность пословицъ, конечно, не создавалась сознательно и послѣдовательно, какъ слагались пѣсни или сказки, какъ создаются произведенія народнаго творчества… Каждая пословица въ началѣ своемъ была непремѣнно случайнымъ созданіемъ одного человѣка, была не болѣе какъ однимъ изъ тѣхъ удачныхъ „кры-

латыхъ“ словъ, которыя въ-пору и во-время срываются съ языка... Мѣткое замѣчаніе, удачная характеристика, рѣзкое и справедливое сужденіе, подхваченныя со стороны, притомъ же людьми умѣлыми, съ бойкою, краткою и сильною рѣчью,—обращается въ пословицу: „то хвалитъ, то сразу съ ногъ валитъ“, „вершочекъ на землѣ, саженька подъ землей“, „птичка не величка, ноготокъ востеръ“, „много желать—добра не видать“, „горька работа, да хлѣбъ сладокъ“.

Пословицы историческія и бытовыя.

Пословицы принадлежатъ, какъ видно изо всего предыдущаго, къ такого рода памятникамъ народной словесности, которые живутъ вмѣстѣ съ народомъ, постоянно нарождаясь и пополняясь и, отъ вѣка до вѣка, возрастая въ количествѣ, иногда даже отражая собою различныя явленія народной жизни. Такъ, многія пословицы вызваны были историческими событіями, а другія явились естественнымъ отраженіемъ извѣстныхъ условій быта въ опредѣленную эпоху, напр. „посла не сѣкутъ, не рубятъ, а жалуютъ“. Очень многія пословицы остались намъ, напримѣръ, живымъ напоминаніемъ татарскаго ига („не въ пору гость хуже татарина“, „жилъ бы въ ордѣ да въ добрѣ“); другія произошли подъ впечатлѣніемъ вѣчевыхъ порядковъ, третьи напоминаютъ о временахъ боярщины, о старинныхъ судейскихъ порядкахъ, напр. „таковъ-сяковъ, а все лучше приказныхъ дьяковъ“; извѣстная поговорка: „вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день“—даже и прямо произошла подъ впечатлѣніемъ царскаго указа о закрѣпленіи крестьянъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ они жили, и о лишеніи ихъ права перехода (въ Юрьевъ день) отъ помѣщика къ помѣщику. Другое присловье: „погибъ какъ шведъ подъ Полтавой“ — не требуетъ даже и объясненія, прямо указывая на вызвавшее ее событіе.

Пословицы книжныя и литературныя.

Пословица, какъ и загадка, рано уже стала пополняться книжнымъ путемъ, сначала почерпая содержаніе изъ Св. Писанія, а затѣмъ, и изъ свѣтскихъ произведеній книжной литературы; пополненіе это продолжается и донынѣ, и даже на нашей памяти, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, въ весьма богатый и обильный запасъ русскихъ пословицъ внесено очень много новыхъ, созданныхъ нашими классическими писателями (преимущественно Грибоѣдовымъ и Крыловымъ); напримѣръ, „грѣхъ не бѣда, молва не хороша“,—„слона и не примѣтилъ“,—„въ сердцѣ лжецъ всегда отыщетъ уголокъ“,—„а возъ и нынѣ тамъ“.

Присловье и поговорки.

Пополняясь съ одной стороны, пословица, съ другой стороны, вырождалась въ *присловье* и въ *поговорку*, причемъ утрачивался и основной ея смыслъ, а иногда даже и нарушался ея строй, ея внѣшняя форма, такъ какъ выводъ отпадалъ... Напримѣръ: „не до жиру, быть бы живу“; „сухая ложка ротъ деретъ“; „на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ“; „отставной козы барабанщикъ“; „глаза какъ плошки, не видятъ ни крошки“.

Напрасно было бы думать, однакоже, что пословица — этотъ „плодъ народной мудрости“—служитъ выраженіемъ только лучшихъ сторонъ человѣческой природы. Въ созданіи ея участвуетъ весь народъ, со всѣми, заключающимися въ немъ дурными и хорошими элементами, потому и создаваемая имъ пословица должна одинаково отражать всѣ стороны народнаго типа: одно настроеніе производитъ одну, глубокую по смыслу и высоконравственную по настроенію, пословицу; другое — другую, противоположную первой во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ этого, конечно, еще никакъ нельзя придти къ тому выводу, къ которому приходятъ нѣкоторые моралисты, утверждая, что „есть много пословицъ грубыхъ и оскорбительныхъ для нравственнаго чувства“... Пословица тутъ ни при чемъ: есть много грубыхъ и оскорбительныхъ для нравственнаго чувства сторонъ и чертъ въ народномъ быту, и пословица служитъ только ихъ живымъ отраженіемъ...

Нужно-ли упоминать о томъ, что пословицы относятся, по первоначальному своему происхожденію, къ эпохѣ весьма отдаленной, и что уже древнѣйшій нашъ лѣтописецъ приводитъ въ текстѣ своей лѣтописи многія пословицы, обращавшіяся въ современной ему массѣ народа (напр., „туго аки въ Роднѣ“, „погибоша яко Обри“ и т. д.); пословицы эти, отчасти, весьма древни, отчасти же имѣютъ прямое отношеніе къ живой современности.

Исторія Русской Словесности.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ начала письменности до татарщины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дунайскіе славяне и Византія.—Крестъ, вмѣсто меча.—Братья-первоучители, изобрѣтающіе славянскую азбуку.—Два алфавита.—Возникающая Русь.—Связи ея съ Болгаріею.—Внесеніе на Русь первыхъ начатковъ грамотности и письменности.

Византія, въ половинѣ IX вѣка, представляла собою странное зрѣлище могущественнаго, обширнаго и просвѣщеннаго государства, которое, порвавъ окончательно свои связи съ Западомъ, увидѣло себя лицомъ къ лицу съ варварскими народами, грозною тучею наступавшими и съ востока, и съ сѣвера. Предстояла несомнѣнная, неизбѣжная необходимость борьбы, къ которой Византія была не готова, къ которой у нея не было ни силъ, ни охоты. Приходилось вступать въ нескончаемые переговоры, входить въ соглашенія, ослѣпляя варваровъ внѣшнимъ блескомъ своего величія, привлекая чарами своей образованности и роскоши, посылая къ нимъ проповѣдниковъ и учителей.

Крестъ Христовъ былъ мощнымъ орудіемъ въ рукахъ Византіи и ограждалъ ее, вѣрнѣе всякаго меча, отъ натиска молодыхъ народовъ, выступавшихъ постепенно на историческую сцену изъ глубины еще недавно окружавшаго ихъ „киммерійскаго“

мрака. Проповѣдники, высланные изъ Византіи, неутомимо проповѣдывали и крестили, и всюду указывали на столицу имперіи, какъ на центръ распространяемой ими религіи, а на патріарха и императора, какъ на двухъ главныхъ представителей и защитниковъ христіанской Церкви; и этимъ путемъ они способствовали установленію живой связи между отживающею Византіею и новообращенными варварами.

Братья первоучители.

Въ числѣ такихъ миссіонеровъ, постоянно и ревностно подготовлявшихся въ Византіи къ выполненію своего тяжелаго призванія, въ первой половинѣ IX вѣка, явились два человѣка, которымъ суждено было пріобрѣсти всемірную извѣстность и навѣки обезсмертить свое имя тою дивною, неоцѣненною услугою, которую они оказали всему славянству.

То были два грека, уроженцы города Солуни, *Константинъ* и *Меѳодій*, родные братья и сыновья вельможи (патриція) Льва. Замѣтимъ прежде всего, что Солунь (иначе, Ѳессалоника) лежалъ въ самомъ центрѣ Македоніи и былъ окруженъ славянскими поселеніями, такъ что всѣ жители Солуни были съ дѣтства знакомы съ мѣстнымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Затѣмъ, не вдаваясь далѣе въ подробности біографіи братьевъ-первоучителей, которая слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, мы выдѣлимъ изъ нея только тѣ факты, которые могутъ имѣть существенное значеніе для нашей задачи.

Азбука славянская.

По древнему и вполнѣ достовѣрному свидѣтельству, азбука славянская (вѣроятно, по звукамъ своимъ, приспособленная къ потребностямъ того славянскаго нарѣчія, которое было господствующимъ въ Македоніи, около Солуни) была составлена братьями-первоучителями около 855 года [1]). Около того же времени были переведены ими на славянскій языкъ Св. Писаніе и богослужебныя книги. Есть возможность предположить, что съ этими письменами и книгами направились они, для проповѣди, въ Хазарію въ 858 году, тѣмъ болѣе, что должны были знать, какъ много славянскихъ племенъ живетъ по пути въ Хазарскую землю и даже подчинены власти хазарскаго хакана [2]).

Четыре года спустя (въ 862 г.), братья-первоучители направились въ Моравію, несомнѣнно уже съ готовыми переводами священныхъ книгъ. Всѣмъ извѣстно, что̀ именно побудило ихъ туда отправиться, и какъ быстро, какъ успѣшно пошла тамъ ихъ пропо-

---

[1]) Свидѣтельство черноризца Храбро, жившаго въ концѣ IX или началѣ X вѣка, недолго спустя послѣ Кирилла и Меѳодія.

[2]) Путь братьямъ-первоучителямъ въ Хазарію лежалъ черезъ Херсонесъ въ Тавридѣ. И вотъ, въ одномъ изъ ихъ житій находимъ извѣстіе странное и маловѣроятное, изъ котораго узнаемъ, будто Константинъ нашелъ въ Корсуни «русскія книги», Псалтирь и Евангеліе, и человѣка, говорившаго «русскимъ языкомъ»...

вѣдь, благодаря тому, что они проповѣдывали слово Божіе „на языкѣ, понятномъ для славянъ". Но далеко не всѣ знакомы съ весьма важнымъ свидѣтельствомъ житія братьевъ-первоучителей, по которому императоръ Михаилъ, отправляя лично-извѣстныхъ ему Константина и Меѳодія въ Моравію, сказалъ имъ: „вы оба солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ по-славянски". Совершивъ великое дѣло проповѣди на языкѣ славянскомъ въ Моравіи и введя въ тамошней церкви славянское богослуженіе, Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) удалился въ Римъ, гдѣ и скончался 14 февраля 869 г. Меѳодій пережилъ его на 16 лѣтъ [1]) и неусыпными трудами своими способствовалъ тому, что славянская проповѣдь, славянское богослуженіе и славянскія богослужебныя книги укоренились въ прилегающихъ къ Моравіи земляхъ славянскихъ, и преимущественно въ Болгаріи. Сюда были изгнаны изъ Моравіи, послѣ смерти Меѳодія, ближайшіе ученики его—Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеларъ и Гораздъ—и всѣ сторонники ихъ (въ томъ числѣ около двухсотъ священниковъ). Здѣсь, въ особенности въ царствованіе просвѣщеннаго болгарскаго царя Симеона (892 г. по 927 г.), письменность славянская сдѣлала большіе успѣхи, такъ какъ на славянскій языкъ переведено было съ греческаго много книгъ не только церковныхъ и духовнаго содержанія, но и научныхъ, и назидательныхъ, вслѣдствіе чего количество рукописей славянскихъ въ короткое время возросло весьма значительно.

Составъ новаго алфавита.

Подъ именемъ славянской письменности и славянскихъ рукописей, мы разумѣемъ *все написанное новымъ алфавитомъ*, который былъ изобрѣтенъ братьями-первоучителями, и преимущественно младшимъ изъ нихъ, Константиномъ или (въ иночествѣ) Кирилломъ. Онъ былъ человѣкъ высокоразвитой и образованный, даже ученый лингвистъ, такъ какъ зналъ нѣсколько языковъ, и потому, вѣроятно, принялъ на себя, главнымъ образомъ, трудъ составленія алфавита, приспособленнаго къ потребностямъ славянской фонетики. Этотъ алфавитъ, за которымъ сохранилось названіе *кириллицы*, составленъ былъ весьма искусно, и, по современному свидѣтельству, заключалъ въ себѣ первоначально 38 буквъ; для изображенія всѣхъ звуковъ, какіе имѣются въ греческомъ языкѣ и въ языкѣ славянскомъ, взяты были буквы изъ греческаго алфавита; для тѣхъ звуковъ славянскихъ, которыхъ не имѣется въ греческомъ языкѣ, заимствованы были буквы изъ восточныхъ алфавитовъ — коптскаго, армянскаго и еврейскаго; а для носовыхъ звуковъ придуманы изобрѣтателемъ славянскаго алфавита особые знаки (юсы Ѫ, Ѧ).

Значительно позже, въ эпоху наибольшихъ гоненій, воздвиг-

[1]) Скончался въ 885 г., 6 апрѣля, въ Велеградѣ.

нутыхъ папами противъ славянскаго богослуженія, среди нѣкоторыхъ западныхъ славянъ (главнымъ образомъ въ приморской Хорватіи) возникъ еще другой алфавитъ, получившій названіе *глаголицы* (или *глаголиты*). Изобрѣтеніе его приписываютъ блаженному Августину, весьма уважаемому Римскою Церковью; а цѣль

шанхъовьца азъѥсмьдвьрьми
номожашекътовънидетьспсеть
нкънндеть. ннзндеть. нпажнть
обрящеть ∴

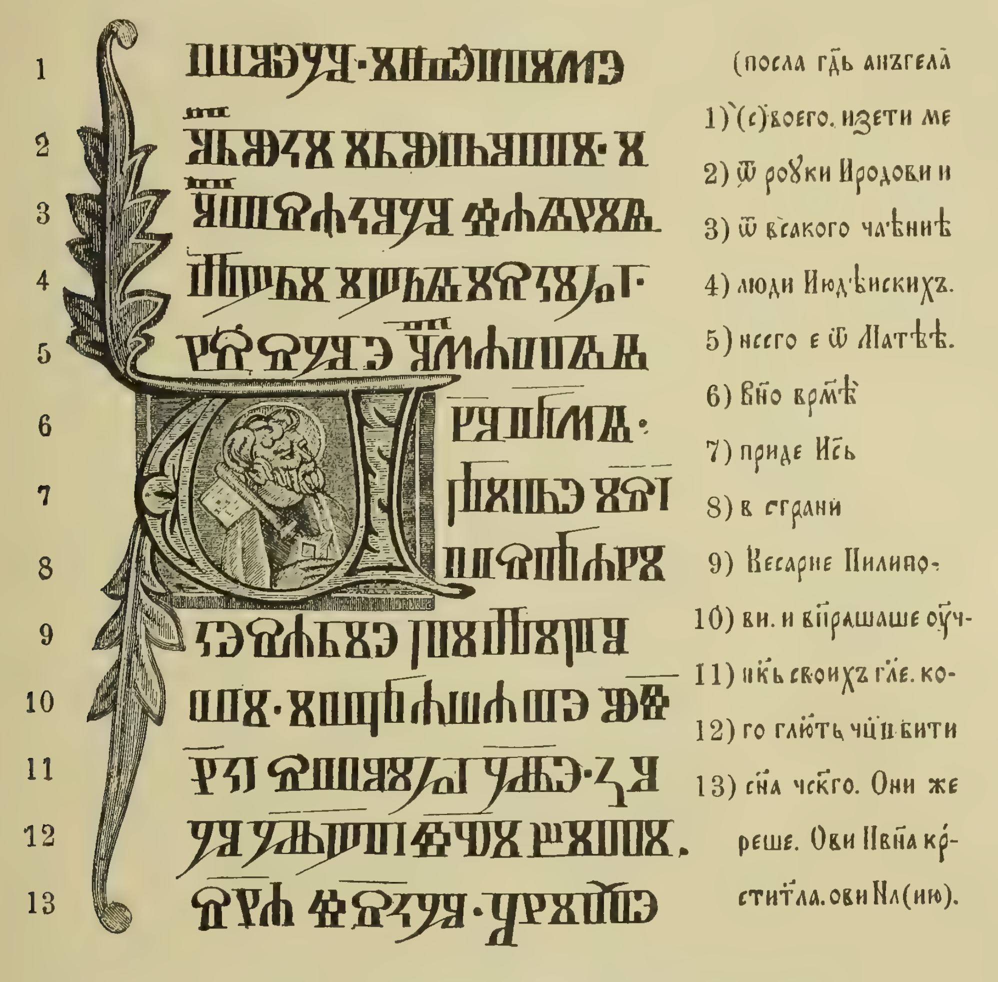
ВЪПАТЪК ЕНЕ ЕВА

ѿ иоана глава ?с
Реѥгь къпришьдъшинмъкънию
моунюдеомъ сегорадимюцьлюв
гь юакоазъполагаюдшюмою дапа
къіпрнимоую. никътожевъзьм
тьнеѿмене нъазъполагаюосебе
овластьвоимамъ положитн ю но
властьимамъпакъіприяти ю с.
ю заповедьприятъоцамоего
распьражепакъібъість въиюден
хъ заслове сан глаахж жемно
знѿнихъбесъиплать и неисто

Образецъ кириллицы. Листокъ изъ Туровскаго Евангелія XI вѣка, хранящагося въ Виленской публичной библіотекѣ.

изобрѣтенія этой азбуки объясняютъ различно: одни видятъ въ созданіи этой азбуки попытку скрыть подъ ея своеобразными и замысловатыми начертаніями столь дорогую для славянства нарождающуюся славянскую письменность; другіе, едва-ли не съ большею справедливостью, предполагаютъ, что глаголица была изобрѣтена въ противодѣйствіе кириллицѣ и какъ бы въ подрывъ

ея быстрому и успѣшному распространенію. Какъ бы то ни было, но эта новая азбука (глаголица) успѣха не имѣла и нашла себѣ примѣненіе лишь среди весьма ограниченной части славянскихъ племенъ, тогда какъ кириллица сразу пріобрѣла обширное примѣненіе въ Болгаріи и въ другихъ придунайскихъ земляхъ. Позднѣе ей открылось новое и обширное поприще для распространенія, когда Византіи удалось просвѣтить свѣтомъ христіан-



Образецъ глаголицы. Отрывокъ изъ Реймскаго глаголическаго Евангелія (Texte du Sacre) съ подстрочнымъ толкованіемъ академика И. И. Срезневскаго, буква въ букву.

ства ту Русь, которая, словно грозовая туча, начинала собираться въ сильное государство на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго и, быстро сплавляя разрозненныя славянскія племена въ одно цѣлое, грозила Византіи грядущими набѣгами и опустошеніями...

Набѣги Руси на Византію и начались съ половины IX вѣка, и нагнали страхъ на Царьградъ. Ожиданіе варваровъ въ столицѣ Имперіи обратилось въ нѣкотораго рода кошмаръ, и даже слухъ о возможности ожидаемаго набѣга со стороны Руси уже приво-

дилъ въ трепетъ все населеніе столицы. Забыто было даже древнее названіе Понта Эвксинскаго и замѣнилось болѣе современнымъ и болѣе страшнымъ названіемъ „Русскаго моря“ — той коварной стихіи, по которой подъ стѣны Византіи приплывали утлыя ладьи грозныхъ руссовъ.

Начались обычныя попытки Византіи къ обузданію варваровъ мирнымъ путемъ, — торговыя сдѣлки, подарки, подкупы, — и, наконецъ, въ началѣ X вѣка удалось византійскимъ проповѣдникамъ забросить на Русь первыя сѣмена просвѣщенія, вмѣстѣ съ христіанской проповѣдью.

Болгарія и Русь. Въ данномъ случаѣ, конечно, Византія могла успѣшно воздѣйствовать на Русь только при помощи и посредствѣ сосѣднихъ и родственныхъ намъ болгарскихъ славянъ, у которыхъ именно около этого времени (т.-е. въ концѣ IX и началѣ X вв.) было уже много написано книгъ на славянскомъ языкѣ, и еще болѣе было ихъ переведено съ греческаго. А такъ какъ въ то время различіе между языками отдѣльныхъ племенъ славянскихъ чувствовалось менѣе, чѣмъ въ настоящее время, то эта письменность славянская—эти книги Св. Писанія и богослужебныя, надъ переводомъ которыхъ потрудились братья-первоучители,—могли быть съ полнымъ успѣхомъ перенесены греческими и болгарскими миссіонерами на Русь. Здѣсь, языкъ этихъ книгъ, въ отличіе отъ народнаго языка, получилъ названіе „церковно-славянскаго“ [1]), такъ какъ первоначально являлся исключительно языкомъ Церкви и ея потребностей и во многомъ не былъ сходенъ съ языкомъ русскимъ.

Впослѣдствіи, однакоже, изъ смѣси этого церковно-славянскаго языка съ древне-русскимъ, при посредствѣ первыхъ нашихъ писателей, почти безъ исключенія принадлежавшихъ къ русскому племени и, главнымъ образомъ, къ духовному сословію, мало-по-малу, образовался нашъ книжный, литературный языкъ, который и сталъ служить для письменнаго изложенія.

Здѣсь-то, на пространствѣ обширной и непрестанно-возраставшей Руси, и грамота славянская, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ нашли себѣ прочное убѣжище. Кириллица явилась на Руси рукописною азбукою и вплоть до XVI вѣка служила для нуждъ нашей письменности; а потомъ ея же очертанія приняты были въ основу печатнаго алфавита нашихъ первопечатныхъ книгъ. Только уже при Петрѣ Великомъ, подъ вліяніемъ стремленія подражать Западу во всемъ, изобрѣтена была та, несходная съ кириллицею, форма нашихъ печатныхъ буквъ, которою стали печатать у насъ всѣ книги, не относившіяся къ церковному обиходу. Эта новая

---

[1]) Тотъ же языкъ называется у насъ въ научномъ смыслѣ языкомъ *древне-болгарскимъ*, такъ какъ перенесенныя къ намъ изъ Болгаріи книги богослужебныя и иныя были написаны на языкѣ болгарскихъ славянъ.

азбука получила впослѣдствіи названіе *гражданской*, въ отличіе отъ кирилловской или церковной печати, которою (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) до̀ сихъ поръ печатаются у насъ церковныя и богослужебныя книги, какъ бы во славу безкорыстнымъ, святымъ трудамъ братьевъ-первоучителей, которымъ всѣ мы, въ значительной степени, обязаны своимъ просвѣщеніемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Письменный матеріалъ и писцы въ эпоху внесенія къ намъ грамотности.—Способъ письма и характеръ украшеній рукописи.—Книги и книголюбцы.—Цѣны на книги.— Главные центры письменности.—Древнѣйшій памятникъ русской письменности.

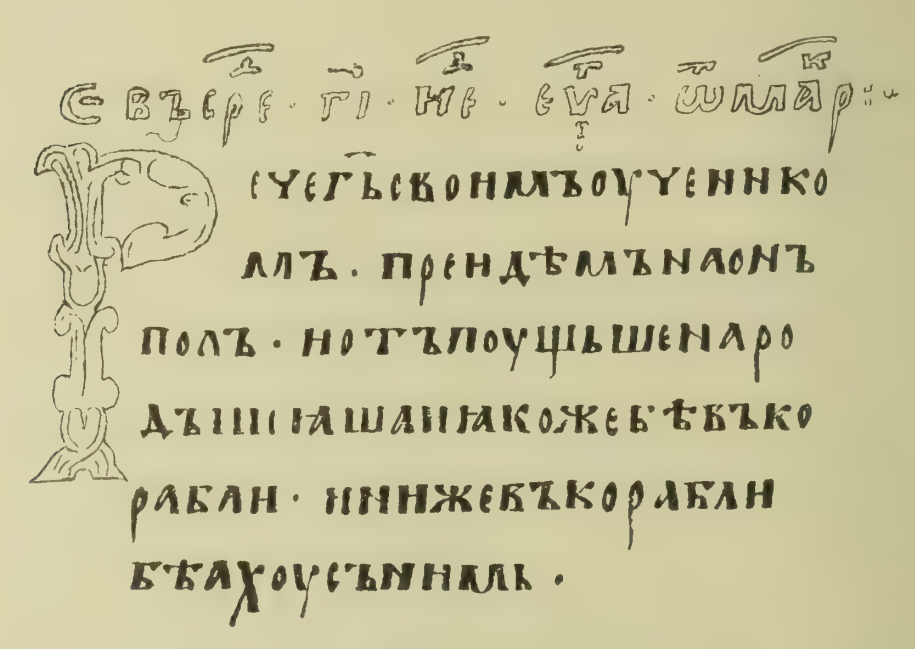
Наши предки, въ эпоху внесенія къ намъ грамотности, научившись этому искусству отъ учителей своихъ, грековъ и болгаръ, писали не совсѣмъ такъ, какъ мы пишемъ въ настоящее время. Еще и теперь всѣмъ памятно, въ нашемъ поколѣніи, то время, когда въ общемъ употребленіи были только гусиныя перья; всѣмъ еще памятны и тѣ затрудненія, тѣ неудобства, которыя связаны были съ этимъ орудіемъ письма (въ особенности съ его очинкою), которое, однакоже, было исключительнымъ въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, и, конечно, придавало особый характеръ и почерку, и самому способу писанія. Но гусиное перо было роскошью и удобствомъ, о которомъ еще почти не имѣли понятія наши предки въ IX вѣкѣ. Они писали, вмѣсто перьевъ, тростями (кала̀мами), которыя привозились на Русь изъ Греціи; вмѣсто нынѣшней бумаги, изготовляемой изъ перемолотыхъ тряпокъ, въ связи со всякими примѣсями, они употребляли только *пергаменъ* — письменный матеріалъ, выдѣлывавшійся изъ свиной или телячьей кожи и также привозившійся съ далекаго Востока. Извѣстный знатокъ нашей древней письменности, академикъ Срезневскій такъ опредѣляетъ намъ свойства письменнаго матеріала въ первые вѣка нашей письменности:

Матеріалъ для письма.

„До половины XIV вѣка книги писались только на пергаменѣ— какъ говорилось: на „*мѣхѣ*“ или „*кожѣ*“, и пергаменъ для книгъ большею частью употребляемъ былъ безъ скупости. Есть и очень древніе образчики того, что вся или почти вся книга писалась на отборномъ пергаменѣ, такъ что всѣ или почти всѣ листы въ ней безъ зализей и сшивокъ, а на страницахъ оставлены широкія поля („берега̀“) во всѣ стороны. Рукописей, писанныхъ на очень дурномъ пергаменѣ, сравнительно, очень немного; рукописей, писанныхъ на смытомъ или соскобленномъ пергаменѣ (палимпсестовъ), нѣтъ вовсе.— Употребленіе бумаги начинается со второй половины или, лучше сказать, съ послѣдней четверти XIV вѣка,

и бумага эта (бомбицина) была большею частью очень хорошаго достоинства.

„Пергаменныя книги *въ листъ* (т.-е. собственно въ ½ листа) и въ восьмую долю листа писались гораздо рѣже, чѣмъ въ четвертую долю; бумажныя — чаще въ листъ. Тетради для писанія приготовлялись впередъ: прочерчивались остріемъ для обозначенія длины и ширины страницы и каждой строки, по одному и тому же размѣру, такъ что во всей книгѣ количество строкъ на страницѣ, ихъ длина и разстояніе между ними оставались одни тѣ же. Писали обыкновенно надъ чертами, проведенными остріемъ. Книги въ листъ писали обыкновенно въ два столбца; книги въ четвертую долю и въ восьмую — обыкновенно въ одинъ столбецъ.“



Образецъ устава, заимствованный изъ Мстиславова Евангелія.

Матеріалъ, на которомъ приходилось писать, и орудіе письма опредѣляли способъ письма. Писали широко, толстою чертою; ставили буквы прямо, отдѣльно одна отъ другой, безъ всякой связи съ ближайшими буквами. Каждая буква отдѣлывалась и заканчивалась съ полною отчетливостью. Начальныя буквы и заглавія разрисовывались киноварью (красною краскою) и украшались разнообразными фигурами и узорами; иногда заглавнымъ буквамъ придавали видъ цвѣтовъ, птицъ и звѣрей; изрѣдка покрывали ихъ позолотою и красками. Писецъ былъ въ то же время и художникомъ, и умѣлъ съ равнымъ искусствомъ владѣть и перомъ, и кистью... Чрезвычайно страннымъ представляется намъ то, что, судя по нѣкоторымъ рукописнымъ миніатюрамъ, изображающимъ древнихъ писцовъ, они писали не на

И понеже оубо въжделѣлъ еси никыи питателникъ
словоу добросъставлено оу тебѣ и извѣстно оуписа
нию изложено оубыти, ıако сказоующе древнѣа
словеса· и которїи обладаша и прѣва, и даже до
где достигоша· и которїи цр҇твоваша, и даже до
колико лѣтъ· мы оубо въсприемлемъ тагож
троуда сего, аще и не ждано дѣло и троудное· оуть
шаѫтъ бо нашѧ ѫже въ словесехъ троуды, велицїи
даровство и любоутнество· и троуда агова ра
и болѣзнънаго, дарове прохлаждаѫтъ въдавае

дефте
ра

ПНЕ

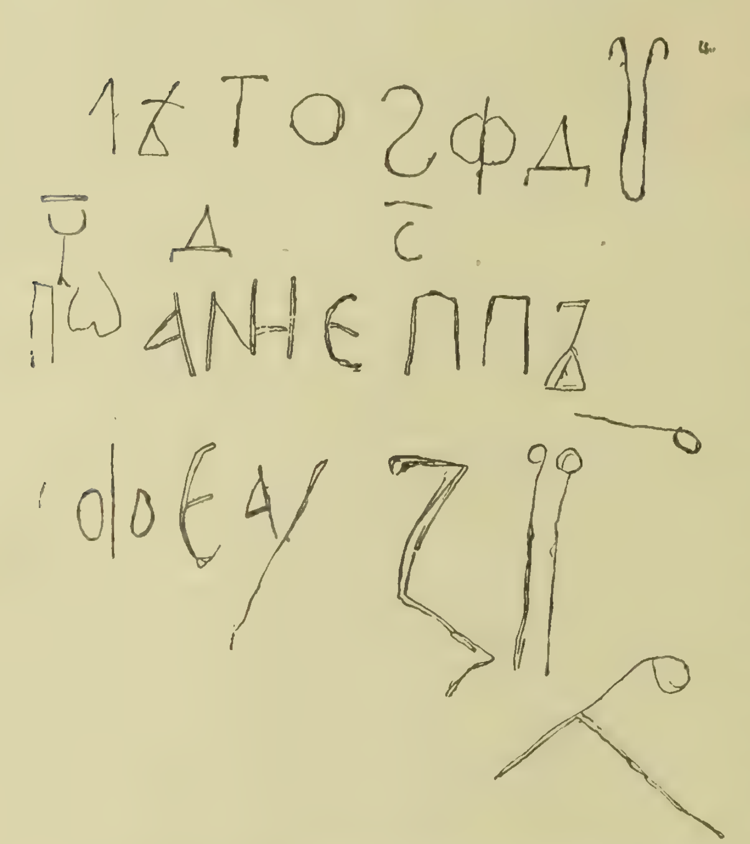
ѡже ѿ матфеа стое благовѣ
стование. глава а҃.
Книга родьства ис҃ ха с҃на
двдва с҃на авраамлѧ. авраамъ ро
ди исаака, исакъ же роди иакова. иаковъ же роди
ноудоу и братию его. ноуда же ро
ди, фареса и зароу ѿ фамары.
фаресъ же роди есрома. есро
мъ же роди арама. арамъ же ро
ди аминадава. аминадавъ же
роди наассона. наасъсонъ же
роди салъмона. салъмонъ же
роди вооза ѿ рахавы. воозъ
же роди овида ѿ роуфы. ови
дъ же роди несьсѣа. несѣи же
роди двда цр҇ѧ. двдъ же цр҇ь ро
ди, соломона ѿ оуриевы, соло

Образцы полуустава, заимствованные изъ рукописей XIV—XV вѣка.

столѣ, какъ мы пишемъ, а на разогнутой лѣвой рукѣ, опертой локтемъ о колѣно.

Уставный почеркъ.

Древнѣйшимъ почеркомъ нашихъ харатейныхъ (пергаменныхъ) рукописей былъ почеркъ *уставный* или *уставъ*, почти исключительно господствовавшій на Руси отъ XI до конца XIV вѣка. Каждая буква устава, простая или сложная, писалась отдѣльно и не разомъ, а въ нѣсколько пріемовъ руки. Только съ XIV вѣка рѣзко отдѣлились отъ устава два другіе способа письма: *уставная скоропись* и *связная скоропись*. Первая скоропись была преимущественно отличительнымъ признакомъ письма великорусскаго; вторая скоропись — отличіемъ письма западно-русскаго. При этомъ, постепенно начинаетъ распространяться *вязь*, употребляемая обычно въ тѣхъ написяхъ — на различныхъ предметахъ или на поляхъ рукописей — гдѣ надо было много словъ умѣстить на небольшомъ пространствѣ. Для этой цѣли нѣсколько буквъ, входящихъ въ составъ слова, искусно связывались въ одну фигуру, и эти буквы-фигуры сопоставляли и сплетали между собою такъ ловко, что изъ нихъ выходилъ причудливый и красивый узоръ.

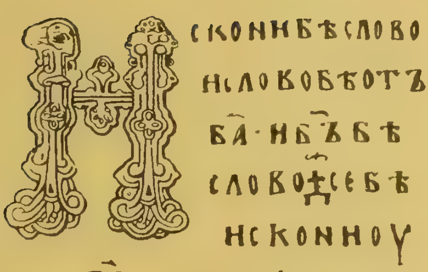


Древнѣйшая (IX вѣка) изъ доселѣ извѣстныхъ написей кириллицею на могильной плитѣ въ Македоніи.

Изъ того, что академикъ Срезневскій называетъ *уставною скорописью*, въ концѣ XIV вѣка выработался новый почеркъ, по сравненію съ уставомъ, менѣе крупный и болѣе связный—такъ-называемый *полууставъ*, который преобладалъ въ нашей письменности до начала XVI вѣка.

Рядомъ съ полууставомъ, по мѣрѣ развитія дѣловой переписки, въ актахъ, грамотахъ и другихъ документахъ, стала пре-

Остромирово Евангеліе (1056—1057 гг.).



Раздѣливъ слова и уничтоживъ титла, читаемъ тотъ же текстъ такъ:

Заглавіе: Евангеліе отъ Іоанна: глава первая.

Искони бѣ слово
и слово бѣ отъ
Бога, и Богъ бѣ
слово. Се бѣ
искони у
Бога, и тѣмъ вся бы-
ша, и безъ него ни
что же не бысть
сже бысть. Въ то
мъ животъ бѣ, и
животъ бѣ свѣтъ
человѣкомъ. И свѣ
тъ въ тьмѣ свѣти
ться, и тьма его
не объятъ. И бысть
человѣкъ посланъ
отъ Бога, имя ему
Іоаннъ. Тотъ приде
въ свидѣтель
ство да свидѣте

Примѣчаніе. О рукописи Остромирова Евангелія такъ подробно говорится въ текстѣ книги нашей, что мы не считаемъ за нужное дополнить здѣсь свѣдѣнія какими бы то ни было подробностями.

Искони бѣ слово
и слово бѣ отъ
ба. и бъ бѣ
слово. се бѣ
искони у
ба. и тѣмь вса бꙑ
шѧ. и без него ни
чьто же не бꙑсть
еже бꙑсть. въ то
мь животъ бѣ. и

животъ бѣ свѣтъ
чловѣкомъ. и свѣ
тъ въ тьмѣ свьти
тьсѧ. и тьма его
не объятъ. бꙑсть
чловѣкъ посъланъ
отъ ба. имѧ емоу
иоанъ. тъ приде
въ съвѣдѣтель
ство. да съвѣдѣте

обладать *скоропись*, отличающаяся неправильностью и незаконченностью въ начертаніи буквъ, которыя тѣсно сбиты и снабжены множествомъ излишнихъ крючковъ, росчерковъ и вычурныхъ добавокъ къ буквамъ.

Списыванье книгъ.

Дороговизна письменнаго матеріала, вынуждавшая цѣнить каждый лоскутокъ пергамена или бумаги, побуждала каждаго писца относиться къ списыванію книгъ, какъ къ дѣлу, весьма важному, требующему и большихъ свѣдѣній, и даже особой помощи свыше. Поэтому къ писанію книгъ приступали съ благоговѣйною молитвою; дописанную до конца книгу заканчивали благодареніемъ Всевышнему, обращеніемъ къ читателю съ просьбою о снисхожденіи, а иногда даже и подробнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца, числа и дня, въ который писаніе книги было окончено. Иные писцы добавляли, къ подробному обозначенію времени написанія книги, еще упоминаніе о какомъ-нибудь историческомъ событіи, которое было современно окончанію труда. Такъ какъ списываніе книгъ было дѣломъ весьма медленнымъ и труднымъ, то въ нѣкоторыхъ книгахъ находимъ подробное обозначеніе, сколько именно времени была писана та или другая книга [1]).

Трудъ, которому посвящалось нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и годы [2]), конечно, вызывалъ окончаніемъ своимъ весьма понятное чувство радости, которое очень характерно выражено въ концѣ одного изъ лѣтописныхъ нашихъ сборниковъ:

Какъ радуется женихъ, при видѣ невѣсты своей, такъ радуется писецъ, при видѣ послѣдняго листа, какъ радуется купецъ полученію барыша или кормчій—прибытію въ пристань, или странникъ — возвращенію въ отечество, такъ точно радуется и списатель книги окончанію своего труда...“

Въ другихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются и такія приписки, въ которыхъ „списатель“ выражаетъ надежду на спасеніе

---

[1]) Образцомъ подобныхъ приписокъ къ древнимъ рукописнымъ книгамъ можетъ служить памятная запись, помѣщенная въ концѣ знаменитаго Остромирова Евангелія: «Слава Тебѣ Господи, цесарю небесный, такъ какъ Ты сподобилъ меня написать это Евангеліе. Началъ я его писать въ лѣто 6564-е, а окончилъ его въ лѣто 6565-е. Написалъ же Евангеліе это рабу Божію, нареченному въ крещеніи Іосифъ, а мірски Остромиръ, родственнику Изяслава князя... который тогда держалъ обѣ волости и отца своего Изяслава и брата своего Владиміра; самъ же Изяславъ-князь правилъ столъ отца своего Ярослава, въ Кіевѣ, а столъ брата своего поручилъ править своему родственнику Остомиру, въ Новѣ-городѣ. Я, Григорій дьяконъ написалъ это Евангеліе... началъ же его писать въ мѣсяца октября 20-го... а окончилъ мѣсяца мая въ 12-е число...» То-есть, писалось почти семь мѣсяцевъ (294 листахъ), т. е. по 1½ листка въ день.

[2]) На самое скорое переписываніе книги употреблялось много времени. Апостолъ 1220 г. (240 листовъ въ книгѣ) написанъ въ два мѣсяца безъ нѣсколькихъ дней, т. е. по 4½ л. въ день. И это была средняя, общая норма. Рукописи болѣе трудныя и требовавшія бо́льшей отчетливости, писались еще медленнѣе. Такъ лѣтопись монаха Лаврентія (въ 1377 г.) была переписана въ 75 дней, т. е. по 2⅓ листка въ день.

души за свой трудъ, очевидно, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что списываніе книгъ есть, въ нѣкоторомъ родѣ, духовный подвигъ; въ другихъ припискахъ списатели книгъ просятъ у читателей извиненія за свои невольныя описки и ошибки, или смиренно молятъ о томъ, чтобы читатели „поминали ихъ въ своихъ молитвахъ.“

При такомъ взглядѣ на книгу, какъ нѣчто священное, конечно, и взглядъ на искусство списыванія книгъ долженъ былъ держаться весьма высокій: переписыванье книгъ считалось занятіемъ до такой степени почтеннымъ, что первѣйшія духовныя лица, а изъ свѣтскихъ—князья и княгини—посвящали свои досуги этому занятію. Даже и самое переплетеніе рукописныхъ книгъ имѣло тогда значеніе занятія важнаго и почтеннаго, такъ какъ переплетать рукописи, толково сопоставляя страницы въ надлежащей послѣдовательности, могъ только человѣкъ грамотный, основательно знакомый съ содержаніемъ переплетаемаго имъ сочиненія.

Уваженіе къ книгѣ выражалось въ томъ, что *книголюбцы* стремились украшать ея внѣшность, не жалѣя денегъ на переплеты книгъ, и не только старались дать имъ переплеты прочные, вѣковые, но и снабжали эти переплеты дорогими застежками, покрывали доски ихъ серебряными, вызолоченными листами, украшали финифтью, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

Не всегда подобные переплеты дѣлались дома: для нихъ не находилось мастеровъ на Руси и потому иногда книга отправлялась для переплета въ Царьградъ. Въ Мстиславовомъ Евангеліи XII вѣка есть приписка нѣкоего Наслава, свидѣтельствующая о томъ, что драгоцѣнный переплетъ этой книги былъ сдѣланъ именно въ Царьградѣ. И дѣйствительно, по образцу этого драгоцѣннаго переплета можно судить, до чего достигали иногда требованія вкуса нашихъ предковъ. Болѣе позднія придѣлки въ немъ не мѣшаютъ угадать, каковъ былъ его древній видъ. Цѣнность дорогихъ переплетовъ не могла быть вѣрно опредѣляема даже и въ то время, когда они приготовлялись, вѣроятно потому, что дорогіе камни выдавались отдѣльно, изъ княжеской сокровищницы, а не покупались нарочно. По этой причинѣ Наславъ о цѣнности Мстиславова Евангелія говоритъ: „цѣну же евангелія сего единъ Богъ вѣдаетъ“.

Уваженіе къ книгѣ, однакоже, и въ XI вѣкѣ выражалось не въ одномъ только движеніи къ ея внѣшности. Оно было весьма разумнымъ, какъ это видимъ изъ одного современнаго отзыва о книгѣ, въ которомъ говорится, что люди „изъ книгъ учатся путямъ покаянія, и въ словахъ книжныхъ обрѣтаютъ мудрость и воздержаніе“... „Въ книгахъ неисчетная глубина: ими утѣшаемся въ печали; онѣ—узда воздержанія...“ Но, съ другой стороны, видимъ, что уваженіе было не только къ книгѣ, а и вообще къ каждому лоскутку писанной бумаги, и что оно, въ значительной

степени, походило на нѣкоторый суевѣрный страхъ, внушаемый грамотой; такъ, напр., одно изъ духовныхъ лицъ, даже въ XII в., обращаясь къ св. Нифонту, епископу новгородскому, за разрѣшеніемъ важныхъ вопросовъ вѣры и обрядности, наивно спрашиваетъ его: „нѣтъ ли грѣха ходить по грамотѣ, которая изрѣзана и брошена, но на которой еще видны слова?“

Намъ сохранились любопытныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что цѣны на книги, въ этотъ начальный періодъ нашей письменности, были чрезвычайно высоки.

Для опредѣленія цѣнности книгъ важно припомнить показанія Русской Правды о цѣнѣ пергамена. При производствѣ дѣла, цѣною въ 12 гривенъ продажи, въ Русской Правдѣ назначено: „*за мѣхъ двѣ ногаты*“. На наши деньги это будетъ 13$^1/_3$ коп., или, считая, что серебро въ средніе вѣка было въ семь разъ дороже, чѣмъ теперь, это будетъ болѣе 90 коп. сер. А такой *мѣхъ*, конечно, не превышалъ по размѣрамъ восьмой доли цѣльнаго листа. Если $^1/_8$ листа пергамена стоила болѣе 90 коп., то цѣлый листъ стоилъ болѣе 7 рублей. По этому расчету небольшая книжка въ 80 листовъ въ 8-ю долю, для которой употреблено было только 10 листовъ пергамена, безъ письма, должна была стоить около 80 рублей (8 гривенъ кунъ). Восемь гривенъ кунъ и заплатилъ князь Владиміръ Волынскій протопопицѣ за молитвенникъ, пожертвованный имъ церкви св. Георгія — по свидѣтельству Волынской лѣтописи. Изъ этого числа, не болѣе половины, т. е. 4-хъ гривенъ, пошло за написаніе.

Первые писцы, явившіеся у насъ на Руси, были, по всѣмъ вѣроятіямъ, родомъ изъ славянъ болгарскихъ. Ранѣе всего явились они, конечно, въ двухъ главныхъ центрахъ русской жизни, преобладавшихъ надъ другими въ начальную эпоху нашей исторіи:—въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, гдѣ, около двухъ первыхъ (Софійскихъ) соборовъ, возникли и первыя училища. Эти два центра современной политической жизни сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главными центрами письменности, изъ которыхъ книги расходились во всѣ концы Русской земли. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу быстрыхъ успѣховъ письменности въ Новгородѣ можетъ служить тотъ фактъ, что уже отъ половины XI вѣка намъ сохранился превосходный списокъ Евангелія, писанный русскимъ писцомъ, дьякономъ Григоріемъ, для новгородскаго посадника Остромира въ 1056—1057 гг. Отсюда и самое Евангеліе названо „Остромировымъ“.

Это—великолѣпная пергаменная рукопись, въ листъ (длиною 8 вершковъ, шириною безъ малаго 7 вершковъ), содержитъ въ себѣ 294 листа, писанныхъ крупнымъ уставомъ, мѣстами украшенныхъ фигурными заставками и начальными буквами, разрисо-

ванными золотомъ и четырьмя красками: зеленою или голубою, красною и бѣлою. Къ книгѣ приложены три большихъ изображенія Евангелистовъ [1]). Въ этой драгоцѣнной рукописи мы обладаемъ величайшимъ сокровищемъ: какъ въ смыслѣ древности, такъ и въ смыслѣ внѣшней красоты памятника, это замѣчательный образецъ письменнаго искусства нашихъ предковъ. Никому изъ славянъ, кромѣ насъ, русскихъ, не выпало на долю счастье сохранить подобный памятникъ отъ своей рукописной старины.

Извѣстный знатокъ нашихъ древнихъ памятниковъ языка, академикъ И. И. Срезневскій, говоря о значеніи Остромирова Евангелія въ ряду другихъ древнихъ памятниковъ, замѣчаетъ, что „оно важно еще и потому, что представляетъ собою древній славянскій языкъ почти въ ненарушенномъ древнѣйшемъ его строѣ"; сверхъ того, „важно еще Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшая изъ доселѣ открытыхъ русскихъ рукописей, отмѣченныхъ годами" [2]).

По написи, сохранившейся на одной изъ страницъ Остромирова Евангелія, узнаемъ, что оно принадлежало нѣкогда къ библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Неизвѣстно, когда и кѣмъ было оно поднесено императрицѣ Екатеринѣ II, въ покояхъ которой эта рукопись была отыскана Я. А. Дружининымъ и поднесена имъ-же въ 1806 г. императору Александру I, передавшему ее на храненіе въ только-что учрежденную Императорскую Публичную Библіотеку. Въ 1843 году знаменитый нашъ ученый, А. Х. Востоковъ, издалъ эту рукопись съ подробнымъ объясненіемъ текста и тщательно составленною грамматикою самаго памятника. Въ 1883 г. рукопись Остромирова Евангелія была издана fac-simile на иждивеніе купца Савинкова, а нѣсколько ранѣе оно было облечено въ прекрасный и весьма цѣнный окладъ, чеканной работы, въ которомъ оно и хранится, подъ стекломъ, въ особой витринѣ, какъ истинная и великая святыня.

---

[1]) Четвертое—изображеніе св. Матѳея, на л. 87, осталось не нарисованнымъ.

[2]) Необходимо обратить здѣсь вниманіе читателя на то, что Остромирово Евангеліе есть древнѣйшая изъ *сохранившихся* рукописей нашихъ (съ обозначеніемъ года), *но не первая наша рукописная книга.* Мы имѣемъ положительныя и вполнѣ достовѣрныя указанія на то, что существовали рукописныя книги, писанныя и ранѣе Остромирова Евангелія — при Владимірѣ I и епископѣ Іоакимѣ († 1030 г.) и при Владимірѣ Ярославичѣ въ 1047 г. («Книги пророковъ съ толкованіями», писанныя попомъ Упиромъ Лихымъ).

Остромирово Евангеліе (1056—1057 гг.).

Образецъ миніатюръ этого памятника.

Изображеніе евангелиста Луки, прилагаемое нами къ первому выпуску «Исторіи Русской Словесности», представляетъ собою одну изъ трехъ миніатюръ, приложенныхъ къ рукописному тексту Остромирова Евангелія. Четвертая, для которой оставлено мѣсто, не была нарисована. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что и художникъ, исполнявшій этотъ рисунокъ, какъ и два остальныхъ, былъ русскій, точно такъ же, какъ и писецъ, писавшій рукопись. Конечно, слѣдуетъ предположить, что художникъ работалъ по готовому византійскому образцу.

На самомъ рисункѣ двѣ пояснительныя надписи: 1) надъ головою евангелиста: «*А(постолъ) Лукас*». 2) Правѣе, около изображенія тельца: «Симь образомь тельчемь дхъ стый явися Луцѣ»,—т. е. «въ этомъ образѣ тельца Духъ Святый явился Лукѣ»

обладать *скоропись*, отличающаяся неправильностью и незаконченностью въ начертаніи буквъ, которыя тѣсно сбиты и снабжены множествомъ излишнихъ крючковъ, росчерковъ и вычурныхъ добавокъ къ буквамъ.

Дороговизна письменнаго матеріала, вынуждавшая цѣнить каждый лоскутокъ пергамена или бумаги, побуждала каждаго писца относиться къ списыванію книгъ, какъ къ дѣлу, весьма важному, требующему и большихъ свѣдѣній, и даже особой помощи свыше. Поэтому къ писанію книгъ приступали съ благоговѣйною молитвою; дописанную до конца книгу заканчивали благодареніемъ Всевышнему, обращеніемъ къ читателю съ просьбою о снисхожденіи, а иногда даже и подробнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца, числа и дня, въ который писаніе книги было окончено. Иные писцы добавляли, къ подробному обозначенію времени написанія книги, еще упоминаніе о какомъ-нибудь историческомъ событіи, которое было современно окончанію труда. Такъ какъ списываніе книгъ было дѣломъ весьма медленнымъ и труднымъ, то въ нѣкоторыхъ книгахъ находимъ подробное обозначеніе, сколько именно времени была писана та или другая книга [1]. Списываніе книгъ

Трудъ, которому посвящалось нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и годы [2], конечно, вызывалъ окончаніемъ своимъ весьма понятное чувство радости, которое очень характерно выражено въ концѣ одного изъ лѣтописныхъ нашихъ сборниковъ:

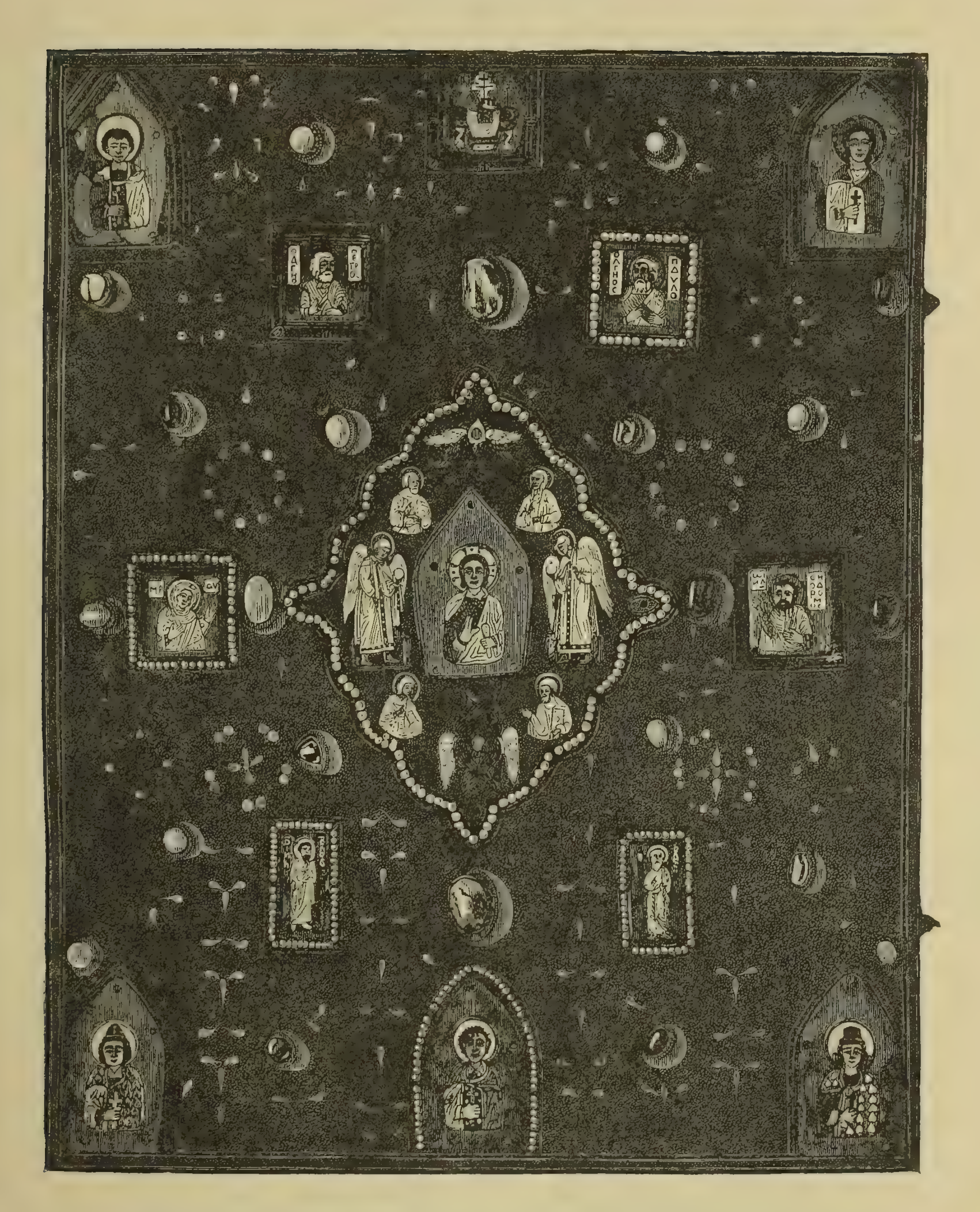
„Какъ радуется женихъ, при видѣ невѣсты своей, такъ радуется писецъ, при видѣ послѣдняго листа, какъ радуется купецъ полученію барыша или кормчій прибытію въ пристань, или странникъ возвращенію въ отечество, такъ точно радуется и списатель книги окончанію своего труда...“

Въ другихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются и такія приписки, въ которыхъ „списатель“ выражаетъ надежду на спасеніе

[1] Образцомъ подобныхъ приписокъ къ древнимъ рукописнымъ книгамъ можетъ служить памятная запись, помѣщенная въ концѣ знаменитаго Остромирова Евангелія. «Слава Тебѣ Господи, царю небесный, такъ какъ Ты сподобилъ меня написать это Евангеліе. Началъ я его писать въ лѣто 6564 г., а окончилъ его въ лѣто 6565 г. Написалъ же Евангеліе это рабу Божію, нареченному въ крещеніи Іосифъ, а мірски Остромиръ, родственнику Изяслава князя, который тогда держалъ обѣ волости и отца своего Ярослава и брата своего Владиміра; самъ же Изяславъ князь правилъ столъ отца своего Ярослава, въ Кіевѣ, а столъ брата своего поручилъ править своему родственнику Остромиру, въ Новѣгородѣ. Я, Григорій дьяконъ, написалъ это Евангеліе: началъ же его писать въ мѣсяца октября 21 го..., а окончилъ мѣсяца мая въ 12 е число...» То есть, писалось почти семь мѣсяцевъ (294 листахъ), т. е. по 1½ листка въ день.

[2] На самое скорое переписываніе книги употреблялось много времени. Апостолъ 1220 г. (210 листовъ въ книгѣ) написанъ въ два мѣсяца безъ нѣсколькихъ дней, т. е. по 4½ л. въ день. И это была средняя, обычная норма. Рукописи болѣе трудныя и требовавшія большей отчетливости, писались еще медленнѣе. Такъ лѣтопись монаха Лаврентія (въ 1877 г.) была переписана въ 75 дней, т. е. по 2½ листка въ день.

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ (1056—1057 г.).

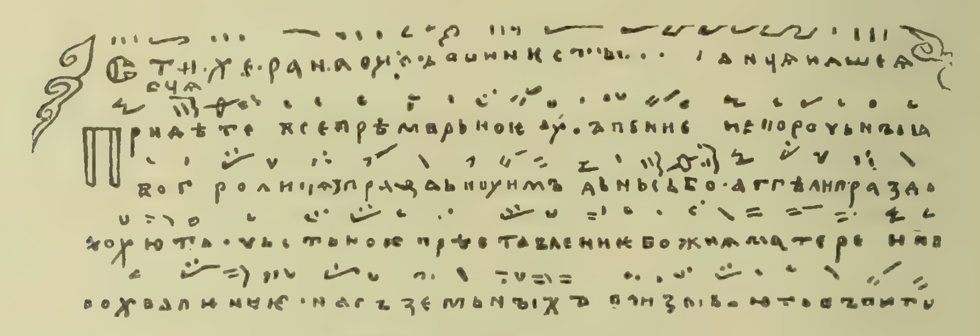


Драгоцѣнный древній окладъ Мстиславова Евангелія (XII вѣка), изготовленный по заказу князя Мстислава въ Царьградѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первыя школы на Руси.—Первыя произведенія литературныя, вызванныя вліяніемъ византійскимъ.—Поученія и проповѣди.—Лука Жидята, Иларіонъ и Ѳеодосій Печерскій.—«Похвалы» и «житія».—Черноризецъ Іаковъ и преподобный Несторъ.

Первые шаги грамотности на Руси были вынужденные, вызываемые настоятельными потребностями новообращенной паствы. По мѣрѣ распространенія христіанства въ обширныхъ областяхъ Руси южной и сѣверной—того духовенства, которое прибыло къ намъ изъ Греціи и Болгаріи, оказалось вскорѣ недостаточно. Это послужило поводомъ къ заботамъ Владиміра и сыновей его о возможномъ распространеніи грамотности, для подготовки людей,



Образецъ рукописи съ нотами.

годныхъ къ поступленію въ духовное сословіе. И вотъ, Владиміръ, по свидѣтельству древней лѣтописи нашей, велитъ отбирать дѣтей у лучшихъ кіевскихъ гражданъ и отдавать ихъ въ ученье по церквамъ, при которыхъ священники и причты обучали ихъ чтенію и письму. Достойный сынъ Владиміра, Ярославъ Мудрый посвятилъ на то же благое дѣло новыя заботы; по его повелѣнію, собрано было въ Новѣгородѣ до 300 дѣтей для обученія грамотѣ—все дѣти священниковъ и важнѣйшихъ гражданъ новгородскихъ. Самъ Ярославъ ревностно заботился о распространеніи грамоты: лѣтопись изображаетъ намъ его великимъ книголюбцемъ, который читалъ книги ночью и днемъ, и, собирая около себя иноковъ и монаховъ (единственныхъ представителей образованности въ современномъ обществѣ), поощрялъ ихъ къ переводу греческихъ книгъ на славянскій языкъ. По желанію и заказу князя, многія книги были писцами переписаны, другія же куплены самимъ княземъ, который положилъ основаніе древнѣйшему изъ нашихъ книгохранилищъ, „сложивъ“ книги эти при новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Заботы этихъ первыхъ поборниковъ просвѣщенія увѣнчались успѣхомъ; почва для грамотности оказалась удобною и вскорѣ принесла плоды... Явилось желаніе учиться и научать другихъ; развилась охота къ чтенію, къ перепискѣ рукописей греческихъ и болгарскихъ на мѣстѣ, т.-е. въ Византіи, въ Болгаріи и на

Другой образецъ рукописи съ нотами.

Аѳонѣ, къ скопленію книжныхъ богатствъ на Руси, а затѣмъ даже къ переводамъ и подражанію подлинникамъ тѣхъ произведеній, изъ которыхъ состояла современная византійская литература. Даже и то, что, повидимому, являлось на молодой почвѣ русскаго просвѣщенія вполнѣ самостоятельною попыткою, было несомнѣнно вызываемо византійскими образцами и возрастало подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ.

Тѣмъ не менѣе, однакоже, пріятно отмѣтить въ Исторіи Русской Словесности тотъ фактъ, что появившіяся въ первой половинѣ XI вѣка литературныя произведенія принадлежали чисто-русскимъ людямъ, даже и воспитавшимся на русской почвѣ.

Эти первые опыты русскихъ дѣятелей на поприщѣ литературы и истекали прямо изъ тѣхъ обязанностей, которыя они несли на себѣ по отношенію къ своей паствѣ,—какъ пастыри церкви.

Это — рядъ проповѣдей, поученій и посланій, вызываемыхъ современными потребностями недавно внесеннаго на Русь христіанства. Одни изъ этихъ поученій и посланій истолковываютъ важнѣйшія истины христіанской религіи и опровергаютъ ложныя толкованія ея различныхъ догматовъ; другія порицаютъ выказываемую народомъ приверженность къ языческимъ обычаямъ, которые представляются „погаными“ и „бѣсовскими“. Въ нѣкото-

рыхъ поученіяхъ высказывается желаніе защитить, такъ успѣшно принявшееся на Руси православіе отъ вліянія католической и іудейской пропаганды, вѣроятно, уже достаточно сильной и въ ту эпоху.

Первыми русскими писателями были два лица, принадлежавшія къ высшему духовенству: *Лука Жидята*, поставленный епископомъ новгородскимъ въ 1036 г., и *Иларіонъ*, митрополитъ кіевскій съ 1051 года. О первомъ изъ нихъ мы почти ничего не знаемъ; о второмъ — Иларіонѣ, знаемъ, что онъ былъ долгое время священникомъ въ любимомъ княжескомъ селѣ Берестовѣ, близъ Кіева, и прославился своими подвигами благочестія и любовью къ уединенію, побудившею его ископать въ при-днѣпровскомъ лѣсу пещеру, которая впослѣдствіи послужила зачаткомъ знаменитой Кіево-Печерской обители. Впослѣдствіи, по желанію Ярослава Мудраго, онъ былъ поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ въ митрополиты Кіева и всей Руси.

Отъ Луки Жидяты дошло до насъ только одно поученіе; но это поученіе замѣчательно-ясно изображаетъ намъ и положенія автора-проповѣдника среди своей паствы, и нравственный уровень той паствы, къ которой онъ обращался со своею проповѣдью. Это „поученіе къ братіи“, любопытное по лаконизму языка и простотѣ своего содержанія, представляетъ собою простое изложеніе заповѣдей и Символа вѣры; а къ этому изложенію присоединено напоминаніе о важнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина по отношенію къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому. Приводимъ здѣсь этотъ древнѣйшій памятникъ русской литературы цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, и лишь съ весьма незначительными подновленіями языка и слога:

„Вотъ, братія, прежде всего, эту заповѣдь должны мы, христіане, держать: вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына, и Св. Духа, какъ научили апостолы, утвердили св. Отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутрени, и къ обѣдни, и къ вечернѣ, и въ своей клѣти прежде Богу помолись, а потомъ уже ложись спать. Въ церкви стойте со страхомъ Божьимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ иномъ; но молите Бога всею мыслью, да отпуститъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ и больше съ братьями, и пусть не будетъ у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ. Не рой брату яму, чтобы тебя Богъ не ввергнулъ въ еще худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло, другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобы не назвали тебя сыномъ дьявола; помири, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи, — да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и

милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (т. е. рабамъ) будьте милостивы".

Практическая мораль проповѣди.

Покончивъ съ этою общею частью своего поученія, Лука Жидята переходитъ къ частностямъ, имѣющимъ примѣненіе именно въ средѣ его паствы.

„Игрищъ бѣсовскихъ вамъ, братья, не прилично творить, также — говорить срамныя слова, сердиться ежедневно. Не презирай другихъ, не смѣйся ни надъ кѣмъ, въ напастяхъ терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды: помните, что, можетъ-быть, завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе Слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, а царя чтите. Рабы, повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи; не пей не во время и всегда пейте съ умѣренностью, а не до пьянства. Не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ. Не ѣшьте нечистаго; святые дни чтите — Богъ же мира со всѣми вами. Аминь".

Это поученіе — не только цѣлый катехизисъ вкратцѣ, но и цѣлый кодексъ нравственныхъ правилъ, потребныхъ христіанину. Проповѣдникъ, видимо, желаетъ не только научить, но и дать возможность „братьямъ" запомнить тѣ истины, тѣ догматы, тѣ правила нравственности, которыя могутъ быть имъ полезны въ жизни и душеспасительны. Памятникъ этотъ тѣмъ и важенъ, тѣмъ и дорогъ для насъ, что онъ, съ очевидною ясностью, представляетъ намъ *первую проповѣдь перваго проповѣдника*, среди паствы, еще не твердой ни въ догматахъ, ни въ морали христіанства.

Митрополитъ Иларіонъ.

Отъ митрополита Иларіона дошли до насъ три „слова"; наиболѣе замѣчательное между ними: „Слово о законѣ, данномъ черезъ Моисея, и о благодати и истинѣ, происшедшей черезъ Іисуса Христа". Мы не станемъ входить въ изложеніе этого „слова", чисто-догматическаго и потому имѣющаго спеціально-богословскій интересъ. Но необходимо отмѣтить нѣкоторыя особенности этого важнаго памятника. Все „Слово о законѣ" есть прямая противоположность приведенному выше поученію Луки Жидяты. Содержаніе „Слова" заключается въ указаніи преимуществъ христіанства передъ іудействомъ, и превосходства благодати Христовой, Новаго Завѣта, передъ закономъ, даннымъ черезъ Моисея. Разъясняя эту тэму, избранную для „Слова", Иларіонъ приходитъ

къ тому выводу, что принятіе христіанства было величайшимъ счастьемъ для Руси, сравниваетъ Русь языческую съ Русью христіанскою, и заканчиваетъ свое произведеніе восторженною „похвалою“ Владиміру Равноапостольному, просвѣтившему Русь крещеніемъ. Въ авторѣ виденъ человѣкъ образованный, начитанный и опытный въ изложеніи своихъ мыслей; притомъ же онъ самъ говоритъ, что писалъ „не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжной“. Ясно, что такіе „насытившіеся сладости книжной“ уже были въ современномъ русскомъ обществѣ, и что Иларіонъ писалъ для людей, способныхъ его понять. Въ этомъ именно смыслѣ послѣднія слова Иларіонова поученія заключаютъ въ себѣ важное свидѣтельство для исторіи нашего просвѣщенія; что же касается самаго „Слова о законѣ и благодати“, то оно представляетъ собою явленіе, совершенно исключительное въ своемъ родѣ. Одинъ изъ историковъ Русской Церкви говоритъ объ этомъ произведеніи, что „изъ всѣхъ памятниковъ письменности до-монгольскаго періода, его можно приравнивать, по качествамъ и достоинствамъ, только къ „Слову о полку Игоревѣ“; и добавляетъ еще: „Слово Иларіона“ есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою, изъ новыхъ рѣчей, идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина“.

Ѳеодосій Печерскій.

Третьимъ писателемъ русскимъ, въ томъ же XI вѣкѣ, былъ знаменитый игуменъ кіево-печерскаго монастыря, *Ѳеодосій* (съ 1062 года). За тридцать лѣтъ до своего избранія въ игумены, Ѳеодосій явился въ числѣ первыхъ иноковъ въ эту обитель, которой суждено было впослѣдствіи дважды сдѣлаться разсадникомъ просвѣщенія въ древней Руси. Обстоятельства его жизни, предшествовавшія его поступленію въ монастырь, до такой степени любопытны и своеобразны, такъ живо рисуютъ намъ тотъ вѣкъ, что мы не считаемъ возможнымъ умолчать о нихъ и сообщимъ нѣкоторыя данныя изъ „житія“ Ѳеодосія, написаннаго преподобнымъ Несторомъ-лѣтописцемъ.

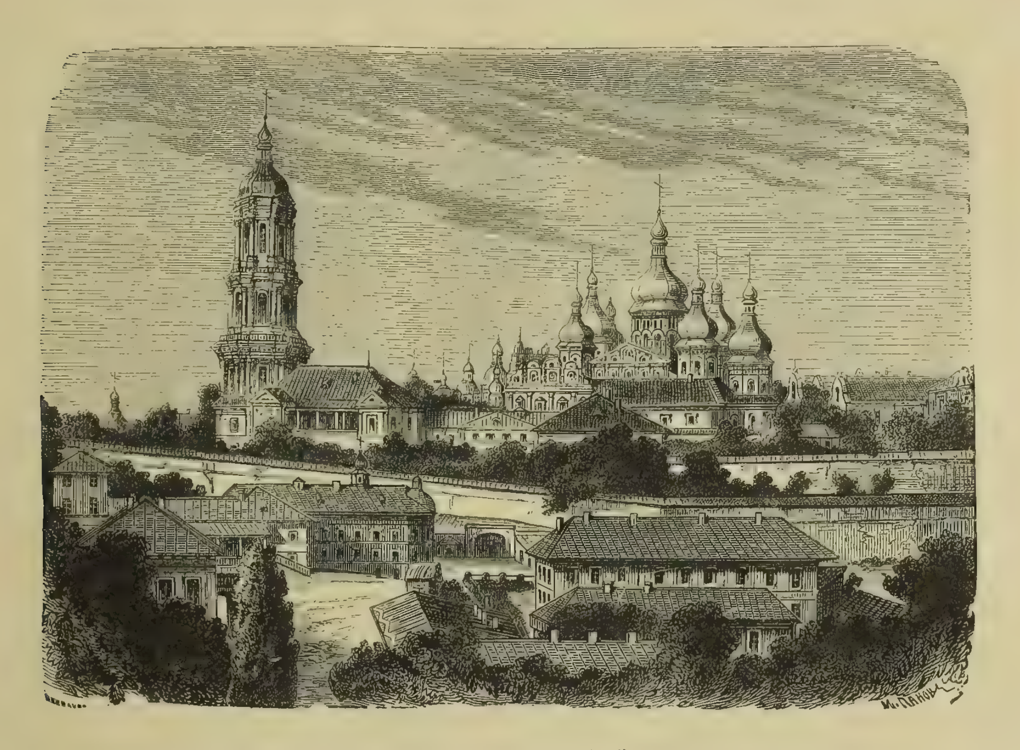
Ѳеодосій родился въ Василевѣ, въ Кіевской области, отъ родителей, принадлежавшихъ къ высшему сословію общественному; но отрочество свое провелъ въ Курскѣ, гдѣ отецъ его занималъ какое-то служебное положеніе. Страсть къ подвижничеству и исканіе „пути къ спасенію“ проявились у Ѳеодосія уже въ отроческомъ возрастѣ и особенно усилились послѣ смерти отца, когда Ѳеодосію было еще только 13 лѣтъ. Любимымъ его занятіемъ было хожденіе въ церковь для присутствованія при богослуженіи, а затѣмъ совмѣстная работа съ рабами, которыхъ мать посылала работать на селѣ и въ полѣ. Мать увѣщевала Ѳеодосія этого не дѣлать и одѣвала его въ хорошую одежду; а вмѣсто работъ посы-

Первоначальные центры письменности и грамотности въ древней Руси: Софійскій соборъ въ Новгородѣ (въ его современномъ видѣ) съ южной стороны.

Первоначальные центры письменности и грамотности въ древней Руси: Софійскій соборъ въ Кіевѣ (въ его современномъ видѣ).

лала его на игры со сверстниками. Но Ѳеодосій уклонялся отъ исполненія ея воли, и она часто „въ запальчивости и гнѣвѣ била его, ибо была здорова и сильна, какъ мужчина, такъ что, если бы кто, не видя ея, услышалъ разговоръ ея, то счелъ бы ее за мужчину". Постоянно преданный одной мысли—„какъ спастись ему отъ соблазновъ міра"—юноша прослышалъ однажды, что люди странствуютъ къ святымъ мѣстамъ, и, потихоньку отъ матери, ушелъ изъ дома вмѣстѣ со странниками.

Мать Ѳеодосія, узнавъ объ этомъ, пустилась за нимъ въ погоню; послѣ продолжительнаго преслѣдованія она нагнала бѣглеца, Мать Ѳеодосія.



Кіево-Печерская лавра (общій видъ).

и, въ порывѣ гнѣва, схвативъ сына за волосы, повалила его на землю и даже топтала ногами. Побранивъ странниковъ, она вернулась въ домъ свой, ведя святого связаннымъ, словно какого-нибудь злодѣя. Она была въ такомъ гнѣвѣ, что, и придя домой, била еще разъ сына, пока тотъ не изнемогъ; послѣ того, ввела его въ отдѣльную горницу, и въ ней, привязавъ его и затворивъ, оставила. Блаженный же юноша все это терпѣлъ съ радостью и за все это благодарилъ Бога въ молитвѣ къ Нему. Потомъ мать Ѳеодосія смиловалась, отвязала его и (черезъ два дня) дозволила ему вкусить пищи; однакоже изъ предосторожности заковала его ноги въ цѣпи, чтобы онъ опять отъ нея не ушелъ. Потомъ сердце горячо - любящей матери смягчилось окончательно, и она стала

молить и просить сына, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Θеодосій обѣщалъ ей исполнить эту просьбу, и снова весь предался Богу. „Замѣтивъ, что часто не бываетъ литургіи, по неимѣнію просфоръ для совершенія ея, юноша рѣшилъ самъ посвятить себя на это дѣло. Такъ онъ и исполнилъ. Онъ началъ печь просфоры и продавать ихъ, когда же бывала отъ этого прибыль, то отдавалъ ее нищимъ; а на вырученныя отъ продажи деньги покупалъ жито, мололъ его своими руками и снова приготовлялъ просфоры“... „Всѣ сверстники его издѣвались надъ нимъ за такое занятіе; святой же переносилъ все это съ кротостью и смиреніемъ“.

Удаленіе въ обитель.

Но Θеодосію было мало этихъ трудовъ: онъ жаждалъ подвиговъ, жаждалъ суроваго изнуренія плоти. Съ этою цѣлью онъ заказалъ для себя у кузнеца тяжелыя вериги, надѣлъ ихъ на себя и сталъ носить. Желѣзо въѣлось въ его тѣло; а онъ оставался покоенъ, какъ будто не чувствовалъ никакой боли. Но, однажды, когда, по приказанію матери, онъ сталъ при ней переодѣваться въ чистую одежду „и въ простотѣ сердечной не остерегался“, мать увидѣла на рубашкѣ его кровь отъ въѣвшагося желѣза и вновь начала на него гнѣваться: въ запальчивости разорвала она на немъ рубашку, била его и сорвала съ него вериги...“ Блаженный перенесъ это со смиреніемъ; но мысль о духовномъ подвигѣ его не покидала. Прослышавъ о монастыряхъ кіевскихъ, онъ устремился туда всей душою—и, еще разъ уйдя изъ дома, скрылся безслѣдно... Руководимый Богомъ, онъ пришелъ въ Кіевъ, но всѣ попытки его попасть въ монастырь оказались тщетными. „Монахи, видя простого отрока, одѣтаго въ худую одежду, не хотѣли принять его. Только блаженный Антоній, поселившійся въ пещерѣ, на мѣстѣ будущей обители Печерской, пріютилъ его у себя, провидя въ немъ великаго подвижника. Здѣсь Θеодосій постригся и облеченъ былъ въ иноческую одежду.

Четыре года спустя послѣ постриженія Θеодосія, мать узнала отъ прибывшихъ изъ Кіева, что сына ея видѣли тамъ, и что онъ пребываетъ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Она тотчасъ же отправилась туда, обходила всѣ монастыри и всюду искала Θеодосія. Наконецъ, ей указали на пещеру Антонія. Приказавъ сказать старцу, будто она пришла издалека, наслышавшись объ его святости, мать Θеодосія хитростью вызвала его на бесѣду. Старецъ, ничего не подозрѣвая, вышелъ къ ней. Тогда она стала его разспрашивать о своемъ сынѣ, говоря: „я столько сокрушалась о немъ, не зная, живъ-ли онъ?“ Старецъ же, будучи простъ и не зная хитрости ея, сказалъ ей: „сынъ твой здѣсь; не сокрушайся о немъ; онъ живъ. Если хочешь видѣть его, то иди сегодня домой, а я пойду и уговорю его; иначе онъ ни съ кѣмъ не желаетъ видѣться“.

Мать и сынъ.

Но уговоры Антонія были напрасны, и старецъ на другой день вынужденъ былъ объявить матери: „много просилъ я его, чтобы вышелъ къ тебѣ, но онъ не хочетъ". Тогда мать Ѳеодосія уже не со смиреніемъ стала говорить старцу, а кричать на него съ гнѣвомъ: „ты меня обидѣлъ, старецъ! Взялъ сына моего, скрылъ его въ пещерѣ, и не хочешь мнѣ показать его. Выведи мнѣ сына моего, иначе умру отъ скорби: — сама себя погублю передъ дверьми этой пещеры, если не покажешь мнѣ его".

Антоній, смущенный этимъ порывомъ, сталъ опять просить Ѳеодосія, и тотъ, наконецъ, вышелъ къ матери. Она же, увидѣвъ сына въ великомъ изнеможеніи (ибо лицо его измѣнилось отъ трудовъ и воздержанія), обняла его и горько заплакала; потомъ, нѣсколько успокоившись, она сѣла и стала просить сына вернуться домой, добавляя: „дѣлай въ домѣ своемъ по волѣ своей, только не разлучайся со мною". Блаженный же сказалъ ей твердо: „матушка, если хочешь видѣть меня каждый день, то иди и постригись въ одномъ изъ женскихъ монастырей кіевскихъ. Тогда, приходя сюда, ты будешь меня видѣть. Если же не сдѣлаешь этого, то никогда не увидишь лица моего".

И сердце суровой, но горячо-любящей матери не выдержало: она уступила желанію сына—и постриглась...

Характеръ Ѳеодосія.

Мы нарочно привели здѣсь эти трогательныя страницы житія Ѳеодосія, чтобы ознакомить читателя съ двумя живыми типами, заимствованными изъ древне-русской жизни, и въ особенности съ характеромъ преподобнаго Ѳеодосія, который, уже и въ ранней юности, обладалъ такою твердостью духа и такою необычайною силою убѣжденія. Изъ дальнѣйшихъ фактовъ біографіи Ѳеодосія, собранныхъ въ томъ же самомъ житіи, видимъ, что Ѳеодосій является однимъ изъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе опредѣленныхъ типовъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей литературы. Это сильная, энергическая натура, глубоко воспринявшая идеи христіанства. Отъ ранней юности онъ уже создаетъ себѣ идеалъ человѣка-христіанина, и всю жизнь свою стремится къ тому, чтобы не только осуществить это назначеніе въ себѣ самомъ, но и другихъ увлечь своимъ примѣромъ на путь нравственнаго совершенствованія. Эта послѣдняя черта—желаніе дѣйствовать примѣромъ, не ограничиваясь только одними поученіями,—выказываетъ намъ Ѳеодосія съ особенно привлекательной стороны. „Любовь къ Богу можетъ быть выражена только дѣлами, а не словами",—говоритъ Ѳеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій; и постоянно, въ теченіе всей своей жизни, старается проводить ту же мысль и на дѣлѣ, чѣмъ, въ значительной степени, напоминаетъ намъ другого, позднѣе жившаго, великаго подвижника—св. Сергія. Введя строгій уставъ въ обители кіево-печерской, гдѣ ему пришлось

быть игуменомъ, Θеодосій строже всего примѣнялъ этотъ уставъ къ себѣ самому. Самъ постоянно занятый, онъ требовалъ, чтобы и братія работала неустанно, заботился о томъ, чтобы всѣ, подобно ему, не придавали никакого значенія мірскимъ благамъ, а все бы приносили въ жертву своему ближнему. „Мы должны отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ",—говоритъ Θеодосій въ словѣ „*о терпѣніи и милостыни*",—„а не пребывать въ праздности, переходя изъ кельи въ келью". Въ обители Θеодосія, дѣйствительно, всѣ трудились — и Θеодосій болѣе всѣхъ, не зная покоя ни днемъ, ни даже ночью: часто случалось, что онъ, въ ночное время, когда вся братія засыпала, выходилъ изъ монастыря, уходилъ въ Кіевъ, и тамъ половину ночи проводилъ у городскихъ воротъ, въ горячемъ спорѣ съ кіевскими евреями, стараясь убѣдить ихъ въ превосходствѣ православія надъ іудействомъ. Чрезвычайно важно для характеристики Θеодосія то, что хотя онъ вмѣнялъ всѣмъ въ обязанность борьбу съ іудействомъ и католичествомъ, однакоже не забывалъ той дѣятельной, христіанской любви, которую старался внушить братіи по отношенію къ своимъ ближнимъ; — такъ, напримѣръ, въ бѣдѣ, въ нуждѣ, Θеодосій повелѣваетъ помогать и католикамъ наравнѣ съ православными, хотя и воспрещаетъ православнымъ ѣсть съ ними изъ одного блюда.

Θеодосій, какъ подвижникъ.

Строгій и взыскательный къ себѣ самому, Θеодосій не оказывалъ снисхожденія и къ слабостямъ другихъ людей, какъ бы высоко ни стояли они, по своему общественному положенію. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда великій князь Изяславъ былъ свергнутъ съ великокняжескаго престола братомъ своимъ Святославомъ, Θеодосій открыто укорилъ Святослава въ беззаконіи, даже не хотѣлъ поминать его въ церкви за службой и продолжалъ попрежнему поминать Изяслава. Ни гнѣвъ Святослава, ни угрозы его окружающихъ — ничто не могло заставить Θеодосія отступиться отъ его образа дѣйствій, и такая твердость его убѣжденій должна была чрезвычайно сильно вліять на окружавшую его братію и народъ.

Та же сила, энергія и твердость убѣжденія сказываются и въ немногихъ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ Θеодосія. Намъ сохранились: два поученія Θеодосія къ народу, десять поученій къ кіево-печерскимъ инокамъ (только пять поученій сохранились намъ вполнѣ: остальныя дошли въ отрывкахъ) и два посланія къ великому князю Изяславу (чисто-догматическаго характера).

Поученія, ясно отражающія личность проповѣдника, совершенно отличны по характеру и по общему складу своему отъ поученій вышеупомянутыхъ нами духовныхъ лицъ и отъ подобныхъ же произведеній ближайшей, послѣдующей эпохи XII вѣка.

Даже и теперь, читая поученія Ѳеодосія, мы представляемъ себѣ, что народъ и братія должны были, несомнѣнно, понимать ихъ, такъ какъ онъ обращалъ въ нихъ свой проницательный взглядъ на самыя существенныя стороны современной русской жизни, и заботился, съ одной стороны — объ искорененіи важнѣйшихъ недостатковъ въ своей паствѣ, а съ другой—объ утвержденіи въ ней правильнаго пониманія обязанностей христіанина.

Образность поученій Ѳеодосія.

Не довольствуясь, подобно Лукѣ Жидятѣ, простымъ повтореніемъ правилъ нравственности и пересказомъ догматовъ вѣры, Ѳеодосій излагаетъ свои мысли и назиданія въ такихъ сильныхъ, ярко-начертанныхъ образахъ, которые должны были производить впечатлѣніе на слушателей и невольно врѣзались въ ихъ памяти. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ поученій, возставая противъ пьянства, сильно распространеннаго не только въ народѣ, но и въ высшихъ классахъ общества, Ѳеодосій сравниваетъ пьянаго съ бѣсноватымъ и говоритъ:

„Бѣсноватый страдаетъ по неволѣ и можетъ удостоиться жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по собственной волѣ и будетъ преданъ на вѣчную муку; къ бѣсноватому придетъ іерей, сотворитъ надъ нимъ молитву, и прогонитъ бѣса; а надъ пьянымъ, хотя бы сошлись іереи всей земли и сотворили молитву, то все же не прогнали бы изъ него бѣса самовольнаго пьянства“...

Въ другомъ поученіи, укоряя всю братію въ нерадѣніи къ исполненію обязанностей, Ѳеодосій весьма удачно сравниваетъ иноковъ съ воинами и говоритъ:

„Когда надъ спящею ратью затрубитъ труба воинская, никто изъ воиновъ не станетъ спать: а воину-то Христову прилично-ли лѣниться? Вѣдь воины-то изъ пустой, преходящей славы позабываютъ и женъ, и дѣтей, и имѣніе... Даже и голову свою ни во что не ставятъ, лишь бы не принять на себя сраму... А между тѣмъ они сами смертны, и слава ихъ кончится съ жизнью. Съ нами же не то будетъ: если стерпимъ, борясь съ нашими супостатами, и одолѣемъ, то удостоимся вѣчной славы и несказанной чести“.

Похвалы и житія.

Рядомъ съ литературными формами *поученій*, *проповѣдей* и *посланій*, конечно, принесенными къ намъ изъ Византіи, у насъ въ XI вѣкѣ развивались и еще два вида прозаическихъ произведеній: „похвала“ и „житіе“. „Похвалы“ представляютъ собою нѣчто въ родѣ „акаѳистовъ“, т.-е. краткаго обзора заслугъ и подвиговъ того или другого святого или подвижника, соединеннаго съ прославленіемъ его и съ молитвеннымъ обращеніемъ къ нему. Древнѣйшею изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ была та „Похвала великому князю Владиміру“, которую митрополитъ Иларіонъ присоединилъ въ концѣ къ „Слову о законѣ и благодати“. Впослѣдствіи этою

„похвалою“ весьма искусно пользовались позднѣйшіе лѣтописцы, какъ готовою формою для прославленія другихъ князей, извѣстныхъ своею святостью.

Черноризецъ Іаковъ.

Рядомъ съ „похвалою“, въ видѣ краткаго перечня заслугъ, явилось и „житіе“—подробное изложеніе біографическихъ фактовъ о томъ или другомъ лицѣ, отъ рожденія его до самой кончины [1]). Подобныхъ житій отъ XI вѣка дошло до насъ четыре. Два изъ нихъ: *«Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ»* и *«Житіе св. Владиміра»*, принадлежатъ нѣкоему черноризцу Іакову, иноку кіево-печерской лавры, о которомъ мы знаемъ только то, что онъ былъ близокъ къ князю Изяславу [2]), и что Ѳеодосій предлагалъ братіи поставить его игумномъ послѣ себя. „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ“ сохранилось въ весьма многихъ спискахъ, и это, конечно, указываетъ на то, что его любили читать и что оно было весьма распространено. Какъ „сказаніе“, такъ и „житіе св. Владиміра“, богатыя фактами и прекрасно изложенныя, послужили впослѣдствіи однимъ изъ источниковъ лѣтописнаго труда, составленнаго другимъ инокомъ кіево-печерской обители, преподобнымъ Несторомъ.

Сочиненія Нестора.

Оставляя этотъ знаменитый трудъ въ сторонѣ до одной изъ ближайшихъ главъ, упомянемъ здѣсь только о двухъ другихъ сочиненіяхъ Нестора, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, предшествовали его главному труду. Эти сочиненія—два житія: одно—*Ѳеодосія Печерскаго*, изъ котораго мы почерпали свѣдѣнія о знаменитомъ игуменѣ кіево-печерской обители; другое—*житіе свв. Бориса* и *Глѣба*. Первое изъ нихъ замѣчательно тѣмъ, что оно написано по изустнымъ преданіямъ, сохранившимся въ обители о Ѳеодосіи, какъ объ одномъ изъ ея основателей, и, вѣроятно, написано подъ живымъ впечатлѣніемъ важнаго событія — обрѣтенія мощей преподобнаго Ѳеодосія,—въ которомъ самъ Несторъ лично принималъ дѣятельное участіе (въ 1091 г.). „Житіе Бориса и Глѣба“ значительно слабѣе житія Ѳеодосія, и представляетъ какъ бы литературный опытъ на тэму, которая въ то время сдѣлалась излюбленною для всѣхъ, обладавшихъ талантомъ и умѣньемъ излагать. Грустная судьба двухъ братьевъ-мучениковъ, представлявшихъ завидный для современниковъ примѣръ братолюбія среди раздоровъ и родственныхъ распрей, привлекала къ себѣ своими трогательными и поучительными страницами, которыя съ наслажденіемъ читали всѣ, искавшіе въ книгахъ поученія и назиданія.

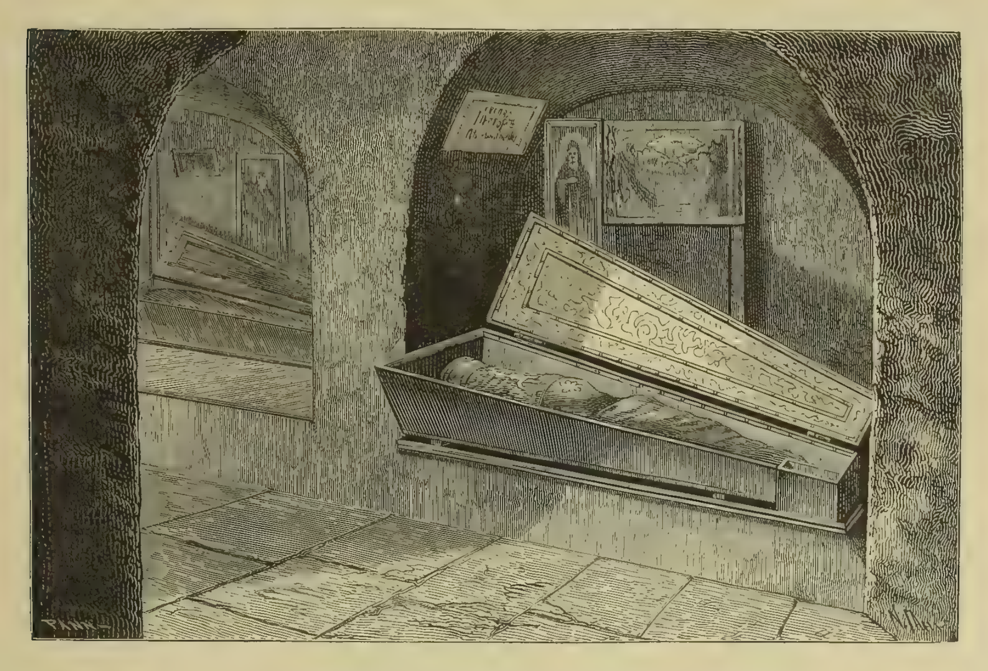
Житіе это, вмѣстѣ со сказаніемъ на ту же тэму черноризца Іакова, было объяснено и издано покойнымъ академикомъ И. И.

---

[1]) Житія также заканчиваются иногда «похвалами»; такою «похвалою» заканчивается, напримѣръ, «житіе Владиміра», написанное черноризцемъ Іаковомъ.

[2]) Это видно изъ посланія къ этому князю, написаннаго Іаковомъ черноризцемъ.

Срезневскимъ, въ видѣ полнаго снимка съ текста и со всѣхъ миніатюръ, украшающихъ древнѣйшій изъ множества списковъ этого произведенія. Образцы миніатюръ, заимствованныхъ изъ этого памятника, мы приводимъ далѣе на стр. 91—93.



Мощи Преподобнаго Нестора (въ Кіево-Печерской лаврѣ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Размноженіе книгъ. — Изборники и другіе своды книжной премудрости. — Митрополитъ Никифоръ и его посланія къ Владиміру Мономаху. — Творенія Кирилла Туровскаго.

Христіанство послужило источникомъ просвѣщенія для Руси и дало первый толчокъ къ введенію у насъ грамотности. Грамотность нашла себѣ на Руси много благопріятныхъ условій для распространенія; мало-по-малу установился даже и вполнѣ правильный взглядъ на грамотность, какъ на одну изъ первѣйшихъ потребностей христіанина, потому что въ вѣрѣ и благочестіи онъ могъ утверждаться „только почитаніемъ книжнымъ". Отсюда, какъ мы видѣли, уже очень рано родилась въ духовенствѣ и въ высшихъ классахъ общества страсть къ собиранію книгъ, и въ концѣ XI, въ началѣ XII вѣка у насъ, вслѣдствіе этого, и при монастыряхъ, и въ палатахъ князей явились уже книгохранилища, довольно значительныя по количеству книгъ. Книгохранилища эти постепенно пополнялись новыми книгами, изъ тѣхъ центровъ, гдѣ книгописаніе было обычнымъ ежедневнымъ трудомъ. Такой

Первыя книгохранилища.

дѣятельности весьма усердно посвящали себя скромные иноки кіево-печерской обители, которые охотнѣе бесѣдовали съ книгой, чѣмъ съ живымъ собесѣдникомъ; и мы знаемъ достовѣрно, что изъ этой обители книги расходились по всему лицу земли Русской.

Страсть къ собиранію книгъ.

Но страсть къ собиранію книгъ и къ книгописанію проявилась не въ однѣхъ обителяхъ и не только въ средѣ иноковъ. Сыновья и внуки Ярослава Мудраго наслѣдовали отъ него любовь къ распространенію грамотности и къ собиранію книгъ. Объ одномъ изъ нихъ, Святославѣ, лѣтопись сообщаетъ намъ, что онъ „наполнилъ клѣти свои книгами“. О Константинѣ Всеволодовичѣ лѣтопись говоритъ также, что онъ собралъ около себя множество книгъ; однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, изъ которыхъ бо̀льшую часть онъ самъ купилъ, а нѣкоторую часть получилъ въ даръ отъ патріарховъ. Князь Николай Святоша, внукъ того князя Святослава, который „наполнилъ свои клѣти книгами“, отличался такъ же, какъ и дѣдъ его, замѣчательною страстью къ собиранію книгъ; въ самомъ началѣ XII вѣка, слѣдуя призванію своему, онъ постригся въ монахи, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и свое богатое собраніе книгъ принесъ въ даръ обители.

Изборники.

Книги, собираемыя и помѣщаемыя въ этихъ хранилищахъ, были большею частью *переводныя* и притомъ, главнымъ образомъ, компилятивнаго содержанія. Кромѣ книгъ Священнаго Писанія и цѣликомъ переведенныхъ твореній отцовъ Церкви, древнерусскія книгохранилища изобиловали преимущественно „изборниками“ (т.-е. сборниками), изъ которыхъ иные состояли изъ статей однороднаго содержанія, напримѣръ, поученій, проповѣдей, отрывковъ изъ писаній отцовъ Церкви, и являлись въ обращеніи подъ общими названіями „Златоустовъ“, „Златоструевъ“, „Злотыхъ цѣпей“, „Измарагдовъ“ и т. п.; другія же состояли изъ выписокъ самаго разнообразнаго содержанія, по различнымъ вопросамъ духовно-нравственнымъ и даже по различнымъ отраслямъ общихъ знаній, и чаще всего не имѣли опредѣленныхъ заглавій.

Палеи и Пчелы.

Изъ сборниковъ перваго рода болѣе всего распространенными въ раннюю пору нашей письменности были два—*Палеи* и *Пчелы*. „Палеи“, рано перенесенныя въ переводѣ на Русь, представляли собою сборники богословскаго содержанія съ преимущественно-полемическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ весь подборъ статей былъ направленъ противъ іудейства и ветхозавѣтная исторія была изложена такъ, что цѣлые отдѣлы въ ней были пропущены и особенное вниманіе обращено только на то, что можно было поставить въ тѣсную символическую связь съ исторіей Но-

Заглавный листъ «Шестоднева» Іоанна Экзарха Болгарскаго по древнѣйшей рукописи XII—XIII вв.

Рукопись эта въ настоящее время хранится въ Московской Сѵнодальной (Патріаршей) библіотекѣ. На первыхъ листахъ ея сохранились слѣды надписи патріарха Никона, которая указываетъ, что въ 1661 г. онъ внесъ ее вкладомъ въ библіотеку своей излюбленной Воскресенской обители. Содержаніе рукописи—описаніе шести дней міроздания.

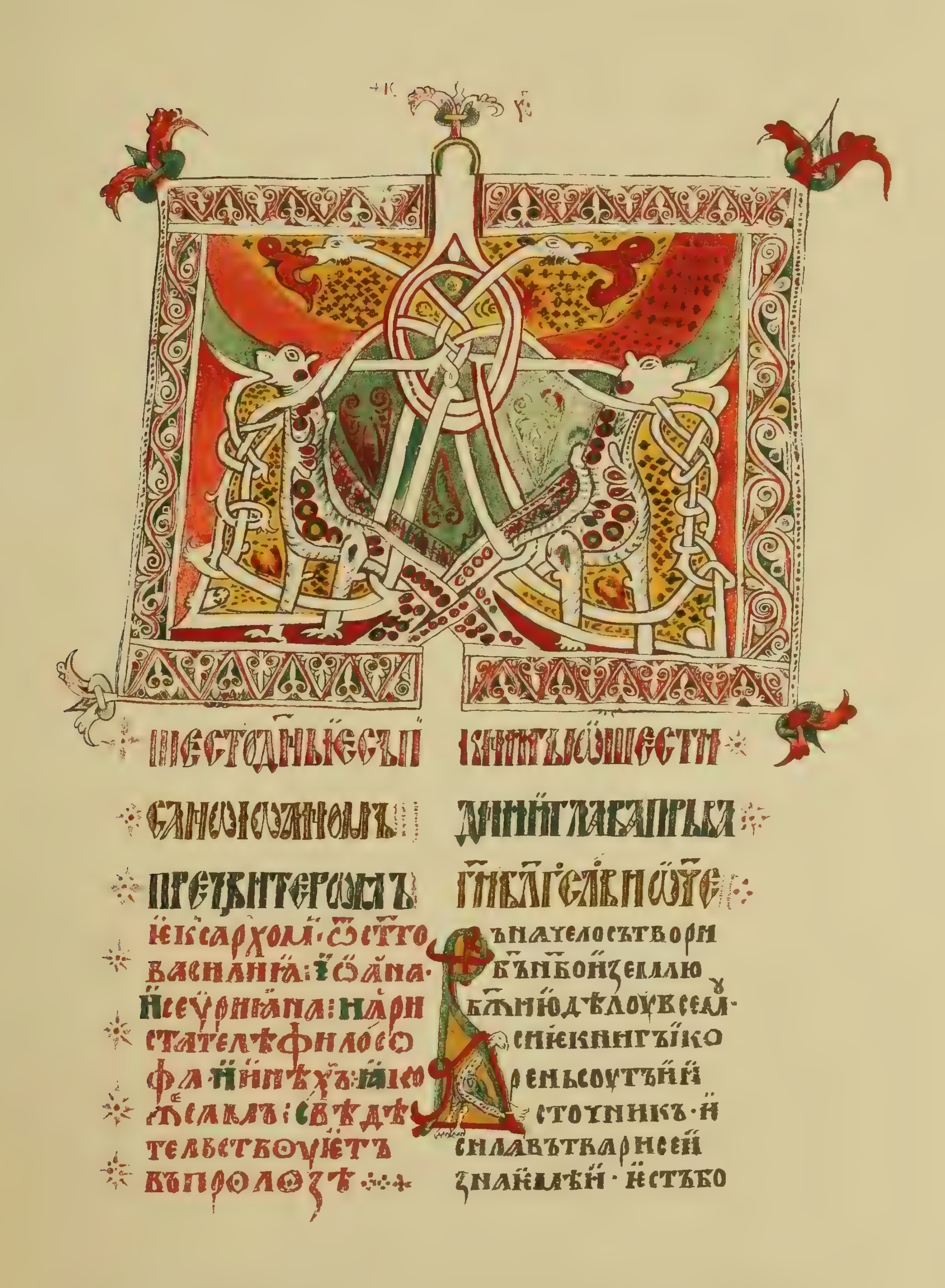
Текстъ подписи подъ рисункомъ и его поясненіе.

ШЕСТОДНЬЕСЪП
САНОІОАНОМЪ
ПРЕСВИТЕРОМЪ
ЭКСАРХОМ ОТЪ СТГО
ВАСИЛИЯ: ІОАНА
ИСЕУРИЯНА: И АРИ
СТАТЕЛѢ ФИЛОСО
ФА И ИНѢХЪ: ЯКО
ЖЕ САМЪ: СВѢДѢ
ТЕЛЬСТВУЕТЪ
ВЪ ПРОЛОЗѢ.

КНИГЫОШЕСТИ
ДНИИГЛАВАПРЬВА
ГИБЛГСЛВИОЧЕ
ВЪ НАЧЕЛОСЪТВОРИ
БЪ НБО И ЗЕМЛЮ
БЖИЮ ДѢЛУ ВСЕМУ
СИЕ КНИГЫ КО
РЕНЬ СОУТЬ И И
СТОЧНИКЪ. И
СИЛА ВЪ ТВАРИ СЕЙ
ЗНАЕМѢЙ. ЕСТЬ БО

Уничтоживъ титла, раздѣливъ слова и измѣнивъ древнее правописаніе на нынѣшнее, прочтемъ тотъ же текстъ такъ:

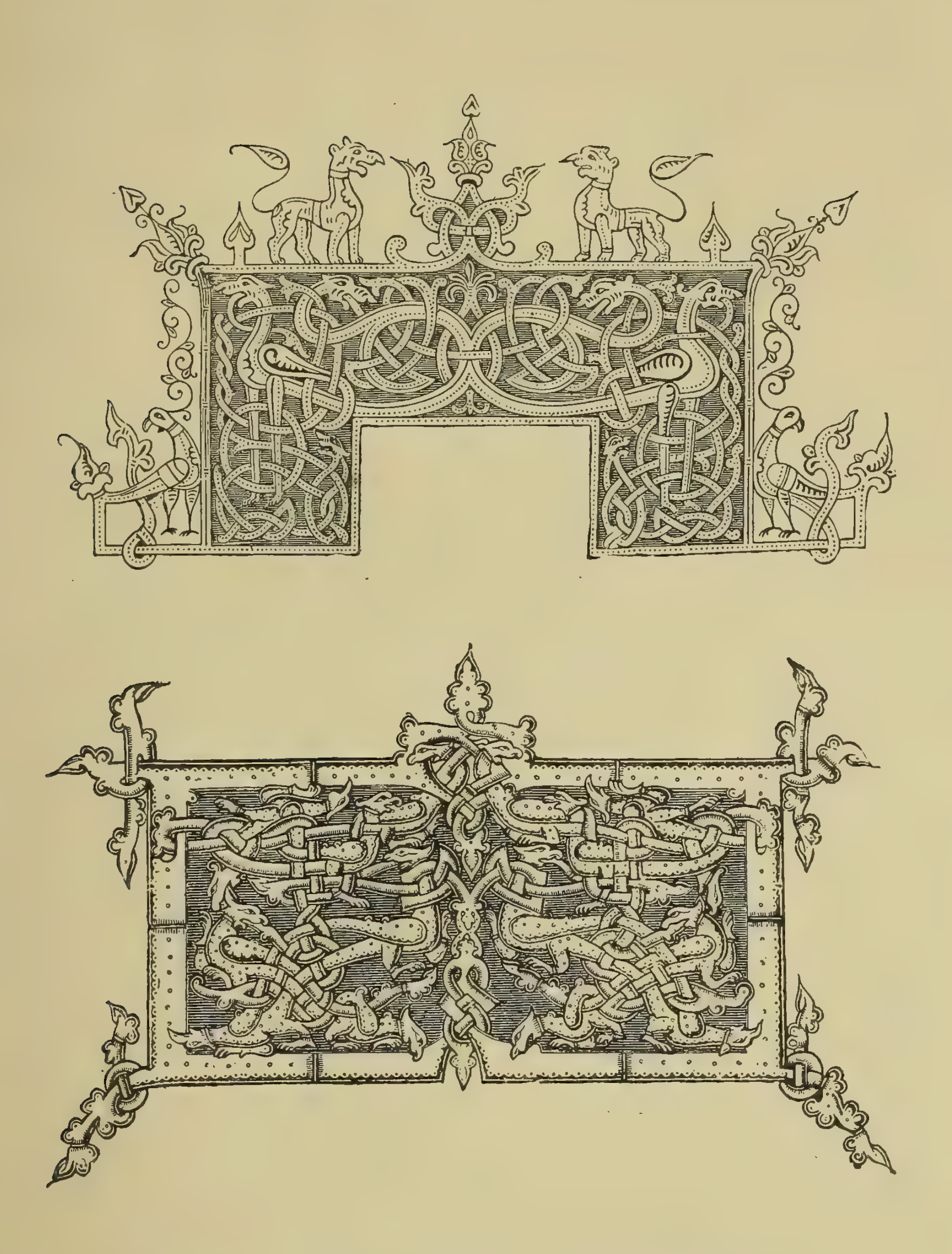
«Шестоденье писано Іоанномъ Пресвитеромъ Экзархомъ отъ (т. е. на основаніи) св. Василія, Іоанна и Севрияна и *Аристателя* философа и иныхъ, яко же самъ свидѣтельствуетъ въ Прологѣ. Книги о шести дній (т. е. дняхъ творенія) глава перва(я). Господи Благослови Отче. Въ наче(а)ло(ѣ) створи Богъ небо и землю. Божію дѣлу всему сии книги корень суть и источникъ и сила въ твари сей знаемѣ(о)й. Есть бо» и т. д.



ЗАГЛАВІЕ „ШЕСТОДНЕВА“ ІОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКАГО ПО ДРЕВНѢЙШЕЙ РУКОПИСИ КОНЦА XII ИЛИ НАЧАЛА XIII ВѢКА.

(Уменьшено въ $2^{1}/_{2}$ раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.



Образцы рукописныхъ заголовковъ изъ рукописей XIV—XV вѣка.

Объяснительное примѣчаніе: Помѣщаемые нами на этой страницѣ заголовки нашихъ древнихъ рукописей даютъ намъ понятіе о томъ характерѣ рукописныхъ украшеній, который преобладалъ въ нашей письменности, въ ея среднемъ періодѣ. Главною основою рукописнаго украшенія въ этомъ періодѣ является *плетеніе*, болѣе или менѣе замысловатое и запутанное и украшенное весьма ловко вставленными въ это плетеніе головами и даже цѣлыми фигурами диковинныхъ птицъ, миѳическихъ звѣрей и чудовищныхъ змѣевъ. Въ основѣ всѣхъ подобныхъ украшеній лежитъ подражаніе византійскимъ рукописнымъ орнаментамъ, какъ общему ихъ характеру, такъ и мелкимъ частностямъ и подробностямъ. Только уже значительно позже, въ XVI вѣкѣ орнаментація нашихъ рукописей стала проявлять нѣкоторую оригинальность и заимствовать образцы изъ иныхъ, не византійскихъ источниковъ.

ваго Завѣта. Чаще всего Палея начиналась *Шестодневникомъ* (т.-е. разсказомъ о шести дняхъ сотворенія міра) и заканчивалась царствованіемъ Соломона; а въ заключеніе въ ней приводились изреченія ветхозавѣтныхъ пророковъ и даже языческихъ философовъ о Христѣ.

Но къ этой основѣ прибавлялось иногда очень многое, не имѣющее ничего общаго съ богословскимъ вѣдѣніемъ. Такъ, по поводу библейскихъ сказаній о мірозданіи, прибавлялись статьи о строеніи человѣческаго тѣла и разсужденіе о небѣ, о землѣ, о водѣ, о солнцѣ, о перемѣнѣ дня и ночи, объ „умаленіи лунномъ“ и разныхъ дивахъ и чудовищахъ природы (въ родѣ „малой рыбицы Эхидны или птицы Феникса“). Къ библейскимъ сказаніямъ примѣшивались *апокрифы* (т.-е. отвергнутые Церковью библейскіе разсказы) и даже баснословныя, чисто-мірскія сказанія, въ родѣ повѣсти о Китоврасѣ, о судахъ Соломоновыхъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ *Палеи* встрѣчаются даже кое-какія историческія свѣдѣнія, напримѣръ, списокъ царей вавилонскихъ, персидскихъ, египетскихъ и римскихъ до Тиверія, и краткій обзоръ византійскихъ царствованій до паденія Византіи.

Пчелы [1]) представляютъ собою сборники отдѣльныхъ изреченій и краткихъ выписокъ изъ Св. Писанія, изъ твореній отцовъ Церкви, изъ богословскихъ и философскихъ сочиненій, причемъ, эти выписки, вращаясь преимущественно въ области нравственной философіи и обыденной житейской морали, заимствовались безразлично и у византійскихъ писателей, и у древнихъ греческихъ философовъ, и у римскихъ поэтовъ языческаго періода. Рядомъ съ выписками изъ притчей Соломоновыхъ, изъ Эклезіаста, изъ Іисуса, сына Сирахова, въ *Пчелахъ* находимъ изреченія, заимствованныя у Геродота, Демокрита, Плутарха, Эврипида, Демосѳена, Сократа, Катона и Аристотеля. Это—какъ бы учебники практической мудрости, предлагающіе свой матеріалъ, свой запасъ рѣшеній, предостереженій, совѣтовъ и указаній на всѣ случайности житейскаго обихода.

Изборникъ Святослава.

Къ числу любопытныхъ безымянныхъ „изборниковъ“, съ весьма разнообразнымъ подборомъ статей, принадлежатъ и дошедшія къ намъ отъ XI вѣка двѣ превосходныя и драгоцѣнныя рукописи, извѣстныя подъ названіемъ „Изборниковъ Святослава“. Первая и болѣе древняя рукопись этого наименованія, по содержанію своему, есть не что иное, какъ переводъ съ греческаго подобнаго же подлинника, сдѣланный въ Болгаріи, для болгарскаго царя Симеона и, впослѣдствіи, списанный для черниговскаго князя Святослава Ярославича, съ нѣкоторыми незначительными отмѣнами въ текстѣ. Списокъ этотъ сдѣланъ былъ въ 1073 году, на прекрасномъ пергаменѣ, четкимъ уставнымъ почеркомъ.

Онъ заключаетъ въ себѣ собраніе выписокъ и отрывковъ, какъ богословскаго, такъ и мірского характера, изъ отцовъ Церкви и другихъ писателей; среди статей философскаго содержанія (напримѣръ: о „естествѣ", о „собствѣ", о „количествѣ и качествѣ"), и чисто-риторическаго (напримѣръ: статьи объ „образѣхъ", т.-е. о тропахъ и фигурахъ), встрѣчаемъ тамъ и „поученія о злой женѣ", и „сказаніе о двѣнадцати драгоцѣнныхъ камняхъ на одеждѣ первосвященника". Текстъ рукописи, въ которомъ переписчикъ не вездѣ сумѣлъ сгладить слѣды болгарскаго правописанія, украшенъ цвѣтными заставками, рамками, съ сидящими на нихъ павлинами, и знаками зодіака, начертанными на поляхъ рукописи.

Любопытною особенностью этой драгоцѣнной рукописи оказывается приложенная къ ней миніатюра, изображающая князя Святослава Ярославича съ семействомъ; художникъ изобразилъ князя съ книгою въ рукахъ, какъ бы желая этимъ показать, что книга эта написана по его заказу. Кромѣ этого „Изборника Святославова", существуетъ еще другой, писанный на три года позже (1076 г.), также извѣстный подъ названіемъ „Святославова"; но этотъ болѣе однороденъ по содержанію и состоитъ изъ статей духовно-нравственныхъ и назидательныхъ.

Никифоръ и Кириллъ Туровскій.

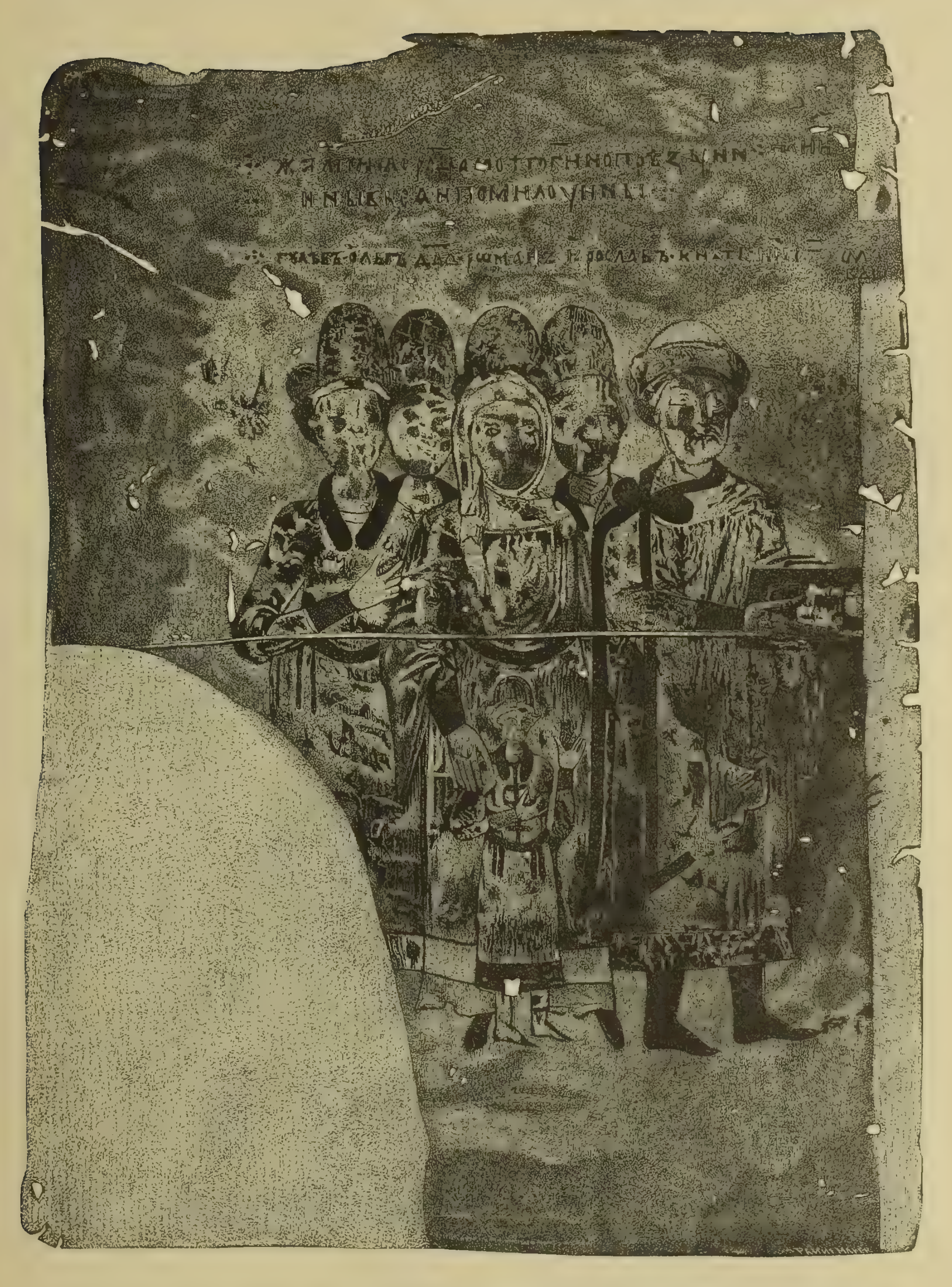
Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ распространенія образованія въ духовенствѣ, по мѣрѣ размноженія книжности и грамотности въ высшихъ слояхъ общества, должны были измѣняться и тѣ произведенія, съ которыми духовные пастыри обращались къ своей паствѣ или къ своимъ ближайшимъ духовнымъ дѣтямъ—князьямъ и боярамъ. Въ этомъ именно смыслѣ большую разницу видимъ мы между уцѣлѣвшими до нашего времени произведеніями XI и XII вѣка. И эта разница становится для насъ вполнѣ ясною, если мы припомнимъ, что уже Иларіонъ, въ своемъ словѣ о „законѣ и благодати", называлъ свою паству „не невѣдущими людьми, но насытившися сладости книжной..." Если онъ могъ это сказать въ половинѣ XI вѣка, то мы можемъ предположить, что 50—60 лѣтъ спустя, проповѣдникъ, конечно, уже долженъ былъ имѣть дѣло съ паствой, значительно болѣе просвѣщенной. Въ этомъ насъ и убѣждаютъ произведенія кіевскаго митрополита *Никифора* и еще болѣе—произведенія *Кирилла*, епископа туровскаго.

Никифоръ былъ родомъ грекъ, получилъ воспитаніе въ Византіи и поставленъ былъ кіевскимъ митрополитомъ въ началѣ XII вѣка (отъ 1104—1121 г.). По намеку, внесенному имъ въ одно изъ его Словъ, мы можемъ заключить, что онъ плохо зналъ русскій языкъ (или плохо владѣлъ имъ) и потому не могъ самъ предлагать паствѣ свои Слова и поученія лично. Ученый историкъ нашей Церкви предполагаетъ, что Никифоръ писалъ свои

поученія по-гречески и давалъ ихъ переводить на русскій языкъ; но это нисколько не уменьшаетъ ихъ достоинства и значенія по отношенію къ той современности, которая ихъ вызвала. Изъ дошедшихъ до насъ произведеній митрополита Никифора [1]) въ литературномъ смыслѣ интересно и важно для насъ только одно посланіе къ Мономаху „о постѣ и воздержаніи чувствъ“, и, повторяемъ, важно не въ отношеніи къ личности проповѣдника, воспитавшагося на византійской почвѣ, а по отношенію къ тому духовному сыну, съ которымъ онъ говоритъ такимъ возвышеннымъ языкомъ, употребляя въ рѣчи своей такіе туманные образы и такія хитроумныя сравненія и полагая въ основу всего своего сочиненія такой запутанный и отвлеченный строй мысли. Посланіе къ Мономаху о „постѣ и воздержаніи чувствъ“ начинается съ похвалъ этому князю, о которомъ Никифоръ говоритъ, что онъ „въ благочестіи воспитанъ и постомъ воздоенъ, а воздержаніемъ своимъ во время поста возбуждаетъ во всѣхъ удивленіе“. „Что скажу я такому князю,—продолжаетъ проповѣдникъ:—который большею частію спитъ на сырой землѣ, избѣгаетъ дома своего, отвергаетъ свѣтлое платье, по лѣсамъ ходитъ въ одеждѣ сиротинской (т.-е. рабской, простой) и, только по нуждѣ, вступая въ городъ, надѣваетъ на себя одежду властелинскую? Что говорить такому князю, который другимъ любитъ готовить обѣды обильные, а самъ служитъ гостямъ, работаетъ своими руками, и подаяніе котораго доходитъ даже до полатей; другіе насыщаются и упиваются, а князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь самою малою пищею и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ... Руки его ко всѣмъ простерты; никогда не прячетъ онъ своихъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота или серебра; но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста“... Набросавъ такую яркую характеристику доблестнаго князя, ловкій проповѣдникъ желаетъ высказать ему и нѣчто назидательное, нѣчто горькое; но для этой цѣли совсѣмъ уклоняется въ сторону отъ главнаго и естественнаго теченія своей рѣчи и, ударяясь въ туманную область психическаго анализа, дѣлаетъ большой обходъ. Онъ высказываетъ князю прямо, что съ нимъ о постѣ говорить нечего, а лучше будетъ побесѣдовать о „самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаетъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло“. Источникъ этотъ, по мнѣнію проповѣдника, самая душа человѣка, и потому онъ пытается ближе ознакомить князя

Посланіе къ Мономаху.

[1]) До насъ дошли три его посланія противъ латинянъ: одно изъ нихъ написано для Владиміра Мономаха и въ отвѣтъ на его запросъ; другое, какъ предполагаютъ, къ волынскому князю; одно посланіе къ Мономаху «о постѣ и воздержаніи чувствъ» и «поученіе о постѣ»—къ народу.



Князь Святославъ и его семейство (по миніатюрѣ, приложенной къ «Изборнику Святославову», 1073 г.).

съ составомъ души нашей, указывая на три главныя стремленія души: *словесное* (разумъ), *яростное* (чувство) и *желанное* (воля). У этихъ трехъ главныхъ силъ или стремленій души человѣческой есть и *особые слуги* (по выраженію Никифора), черезъ которые душа дѣйствуетъ или проявляетъ себя. „Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь черезъ своихъ воеводъ и слугъ во всей твоей странѣ, такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу черезъ пять слугъ своихъ, т.-е. черезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе". Изъ всѣхъ пяти чувствъ Никифоръ отдаетъ предпочтеніе зрѣнію, „такъ какъ оно насъ не можетъ обманывать, тогда какъ черезъ слухъ можетъ доходить до насъ многое невѣрное и ложное"... „Кажется мнѣ, князь мой",—осторожно замѣчаетъ проповѣдникъ, ловко пользуясь сравненіемъ слуха со зрѣніемъ, — „что, не будучи въ состояніи видѣть все самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ, и въ отверстый слухъ твой входитъ стрѣла; такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательнѣе, вспомни объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ, вспомни о всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ всѣхъ, помяни и отпусти, да и тебѣ отпустится; отдай, да и тебѣ отдастся"... Но и такой легкій укоръ за излишнее довѣріе къ наушничеству Никифоръ спѣшитъ смягчить, оговорить... „Не опечалься, князь, словомъ моимъ", — говоритъ онъ въ заключеніе, — „не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобой, и потому я написалъ тебѣ это. Нѣтъ; такъ, просто пишу я тебѣ для напоминанія, такъ какъ въ немъ нуждаются владыки земные; многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены".

Проповѣдь Кирилла Туровскаго.

Еще далѣе Никифора, по той же дорогѣ риторическихъ ухищреній, фигуръ и прикрасъ пошелъ другой проповѣдникъ XII вѣка—*Кириллъ, епископъ Туровскій* (умеръ около 1188 г.), отъ котораго дошли до насъ 12 Словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, сочиненія объ иноческой жизни, молитвы, каноны и проч. По свидѣтельству житія Кириллова, оказывается, что имъ было написано гораздо болѣе того, что до насъ дошло, и что въ числѣ безслѣдно исчезнувшихъ его сочиненій находились многія посланія къ князю Андрею Боголюбскому.

Сочиненія Кирилла Туровскаго могутъ служить хорошимъ примѣромъ образованности и начитанности представителей высшаго русскаго духовенства во второй половинѣ XII вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же служатъ явнымъ указаніемъ на то, что наши проповѣдники далеко стали отставать отъ русской дѣйствительности, слишкомъ усердно поддавшись слѣпому подражанію византійскимъ образцамъ. Насколько пріятно поражала насъ чрезвычайная простота и естественность изложенія въ проповѣдяхъ

Θеодосія Печерскаго и ихъ тѣсная связь съ народною жизнью — настолько же чуждымъ представляется намъ краснорѣчіе Кирилла, напыщенное, витіеватое, переполненное сравненіями, аллегоріями, символизмомъ и иносказаніями... Мысль теряется въ обиліи риторическихъ и стилистическихъ прикрасъ, которыя обращаютъ его проповѣдь въ какой-то пестрый узоръ, среди котораго сущность затемняется черезчуръ-усердными заботами о внѣшней формѣ и прикрасахъ рѣчи...

„Слова" или проповѣди Кирилла къ народу предназначены были для воскресныхъ дней, начиная отъ Вербной недѣли и до Троицына дня, и хотя современные ему цѣнители духовнаго краснорѣчія и сравнивали его съ Златоустомъ и называли „златословеснымъ витіей", однакоже мы склонны думать, что даже и наиболѣе развитые изъ тѣхъ слушателей, къ которымъ Кириллъ Туровскій обращался въ своихъ проповѣдяхъ, должны были, вѣроятно, многое въ нихъ не понимать. Съ общими пріемами изложенія въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго насъ легко могутъ ознакомить слѣдующіе отрывки изъ его „Слова" на Вербное воскресеніе.

„Сегодня Христосъ отъ Виѳаніи входитъ въ Іерусалимъ, возсѣвъ на жребя осля, да совершится пророчество Захаріино... Жребя—вѣрованіе язычниковъ, которыхъ посланные Христомъ апостолы отрѣшаютъ отъ лести дьявольской... Апостолы на жребя ризы возложили, на которыя сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище Св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу по пути,—одни, ризы свои, а другіе—вѣтви древесныя. Добрый, правый путь міродержателямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ! Постлавши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда входятъ они въ царство небесное. Ломающіе вѣтви древесныя суть простые люди, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь ровняютъ, и къ Богу приходятъ".

Сильно-развитая фантазія автора часто придаетъ символическое значеніе даже самымъ обыкновеннымъ явленіямъ природы, пользуясь ими, какъ средствами, къ ближайшему истолкованію глубокаго смысла различныхъ событій Св. Писанія. Такъ въ „Словѣ", сказанномъ въ Θомино воскресенье, онъ пользуется для своей цѣли *весною*, каждому явленію которой придаетъ символическое значеніе.

„Нынѣ весна красуется, оживляя земную природу; вѣтры, тихо вѣя, придаютъ плодамъ обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую траву рождаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, кре-

щеніемъ возрождающая человѣческую природу. Вѣтры—помыслы грѣхотвореній, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, приносятъ душеполезные плоды; земля же нашей природы, принявъ на себя Слово Божіе, какъ сѣмя, и боля постоянно страхомъ Божіимъ, рождаетъ духъ спасенія"...

Часто случается, что фантазія проповѣдника не сдерживается и каноническими предѣлами книгъ Св. Писанія, и почерпаетъ свои образы и сравненія изъ апокрифическихъ сказаній; иногда проповѣдь Кирилла обращается въ цѣлый діалогъ, который ведутъ между собой выведенныя проповѣдникомъ лица. Иногда все „Слово" его излагается въ видѣ одной притчи; такъ, напримѣръ, „Слово о душѣ и тѣлѣ человѣческомъ" изложено въ видѣ притчи „О хромцѣ и слѣпцѣ".

Вообще говоря, вся дѣятельность Кирилла, какъ проповѣдника и духовнаго оратора, въ значительной степени, напоминаетъ характеромъ своимъ и пріемами нашу позднѣйшую кіевскую школу проповѣдниковъ, воспитанную на схоластической основѣ польско-католическихъ и уніатскихъ учебныхъ заведеній.

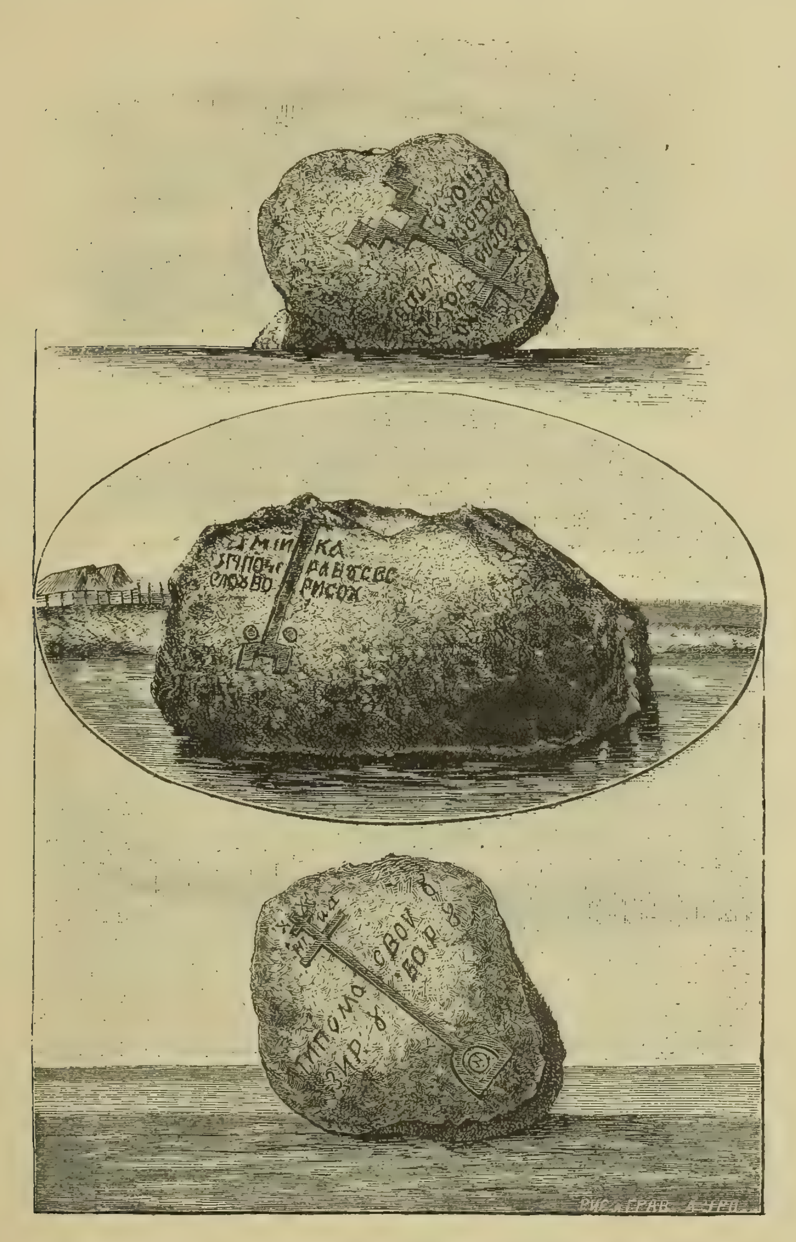
ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отраженіе исторической дѣйствительности въ литературѣ. Пасхальныя таблицы и монастырскія записи, какъ основа лѣтописи. — Лѣтописные своды. Патерикъ Печерскій.—Труды Нестора и его преемниковъ въ области монастырскихъ сказаній.

Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе осязательныхъ признаковъ вступленія народа на поприще исторической жизни является, обыкновенно, сознательное отношеніе къ дѣйствительности — потребность отмѣчать и записывать явленія окружающей насъ жизни, какъ замѣчательныя и важныя, такъ и тѣ, которыя только представлялись современнику замѣчательными и важными, по личному его воззрѣнію. Ясными признаками наступленія этого періода являются всякаго рóда памятныя записи: на камняхъ, на скалахъ, на стѣнахъ церквей, на придорожныхъ крестахъ, на отдѣльныхъ предметахъ церковнаго и домашняго обихода.

Одновременно еще сильнѣе и осязательнѣе проявляется эта потребность въ средѣ людей книжныхъ и грамотныхъ по преимуществу въ центрахъ современной письменности. Образованнѣйшимъ сословіемъ древней Руси XI и XII вв. были лица духовныя; центрами письменности были монастыри. Здѣсь-то, въ монастыряхъ и нужно искать тѣхъ нравственныхъ побужденій, которыя привели къ первымъ попыткамъ создать *лѣтопись*, хотя, впрочемъ, образцы для нея очень рано указаны были въ византійскихъ хроникахъ. Такъ назывались византійскія лѣтописи,

въ которыхъ разсказъ начинается отъ сотворенія міра, съ изложенія библейской ветхозавѣтной исторіи, потомъ исторіи древнихъ царствъ и наконецъ доходитъ до исторіи Византіи. Двѣ такія хроники еще въ X вѣкѣ были переведены на славянскій языкъ



Двинскіе камни съ написями князя Бориса Всеславьевича Полоцкаго.

въ Болгаріи, а именно: хроника Зосима Малалы и Георгія Амортола,—и въ XI вѣкѣ были уже извѣстны на Руси. Но лѣтопись русская, несмотря на византійскіе образцы, началась вполнѣ самостоятельно, возникнувъ изъ накопившагося матеріала краткихъ

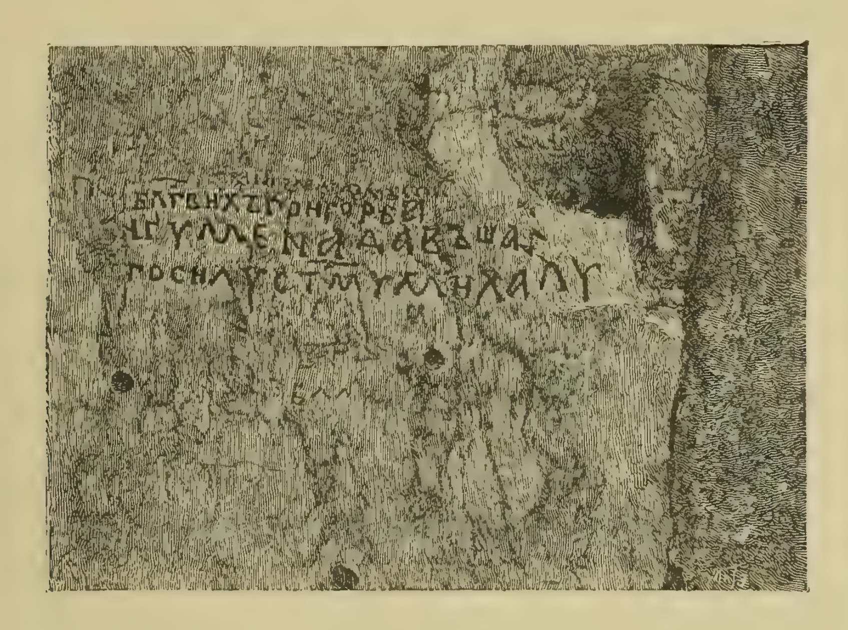
Пасхальныя таблицы.

историческихъ записей, которыя, по предположенію ученыхъ, велись на поляхъ „пасхальныхъ таблицъ“. Такъ назывались небольшіе куски пергамена, по которымъ, за нѣсколько лѣтъ впередъ, было разсчитано и отмѣчено, въ какое число прійдется Пасха въ томъ или другомъ году... Такія таблицы, по современному обычаю, разсылались въ извѣстные сроки по церквамъ и монастырямъ, и такъ какъ письменный матеріалъ цѣнился чуть не на

Древняя (XII в.) напись на камнѣ кн. Василія (Рогволода Борисовича), въ Могилевской губ.

вѣсъ золота, то духовенству, вѣроятно, уже очень рано пришла въ голову счастливая мысль—пополнять пробѣлы пергамена пасхальныхъ таблицъ бѣглыми повременными замѣтками. Эти замѣтки могли касаться и дѣйствительной исторической жизни княжества или города, и внутренней жизни монастыря. Монахъ помѣщалъ въ пробѣлахъ этихъ таблицъ, противъ года, иногда свѣдѣнія о войнѣ съ иноплеменными, иногда извѣстія о падежѣ на скотъ, или о „предивной звѣздѣ“ (кометѣ), появившейся на горизонтѣ, или о чудесахъ мѣстной иконы. Съ удивительною простотою, противъ

нѣкоторыхъ годовъ тотъ же монахъ помѣщалъ и такое извѣстіе: „ничего не бысть“ или „была тишина“, т.-е. не было ни войнъ, ни усобицъ. Эти первоначальныя, краткія памятныя записи, съ теченіемъ времени накопляясь и пополняясь отрывочными сказаніями, свѣдѣніями, почерпнутыми отъ очевидцевъ, слухами, преданіями, выписками изъ документовъ—приводили къ созданію тѣхъ первыхъ, недошедшихъ до насъ, мѣстныхъ лѣтописей, которыя потомъ, какъ ручьи сливаются въ рѣку, слились въ общіе лѣтописные своды. Древнѣйшій изъ этихъ сводовъ, составленіе котораго приписывается Нестору, уже извѣстному намъ



Древняя напись на скалѣ въ с. Бакотэ, Ушицкаго уѣзда Подольской губерніи.

иноку кіево-печерскаго монастыря, относится къ концу XI или началу XII вѣка.

Лѣтописные своды.

И вотъ для той компилятивной работы, которая была необходима при составленіи подобнаго лѣтописнаго свода, въ рукахъ инока-лѣтописца были уже и готовые византійскіе образцы хроникъ. Руководясь отчасти ими, но гораздо болѣе своимъ личнымъ талантомъ, вкусомъ и умѣньемъ, усердный бытописатель создалъ изъ разнообразнаго и разрозненнаго матеріала то прекрасное цѣлое, которое дошло до насъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Повѣсти временныхъ лѣтъ.“ [1])

Новѣйшая историческая наука доказала положительно, что Несторъ, котораго имя не находится ни на одномъ изъ списковъ

---

[1]) Полное заглавіе этого драгоцѣннаго памятника: «*Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть*».

„Повѣсти временныхъ лѣтъ“ — не былъ ея исключительнымъ авторомъ; точно также не былъ ея авторомъ Сильвестръ — игуменъ, имя котораго попадается на многихъ древнѣйшихъ спискахъ этого памятника. Но инокъ Несторъ, котораго кіево-печерское преданіе называетъ „лѣтописцемъ“, могъ быть однимъ изъ составителей этого обширнаго свода историческихъ извѣстій, хронологическихъ данныхъ, отдѣльныхъ сказаній, мѣстныхъ преданій и выписокъ изъ современныхъ актовъ и изъ иноземныхъ источниковъ—могъ именно потому, что имя его значится на части „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, представляющей собою памятникъ несомнѣнно XII вѣка (хотя дошедшій до насъ въ спискѣ XIV вѣка). Любопытною и важною особенностью „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по сравненію съ другими русскими лѣтописями оказывается то, что она, по весьма мѣткому замѣчанію историка Соловьева, является уже „образцомъ лѣтописца всероссійскаго“—т.-е. посвященнаго интересамъ всей тогдашней Руси, между тѣмъ какъ преобладающимъ типомъ вообще былъ типъ лѣтописи мѣстной. Поэтому „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ принималась всѣми послѣдующими лѣтописцами за образецъ изложенія и почти цѣликомъ была внесена во всѣ лѣтописи, писанныя послѣ 1110 г., которымъ „Повѣсть“ оканчивается.

Содержаніе повѣсти временныхъ лѣтъ.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“ начинается съ небольшого вступленія, въ которомъ, подражая византійскимъ хронографамъ, нашъ лѣтописецъ повѣствуетъ, какъ Симъ, Хамъ и Іафетъ — сыновья Ноевы—раздѣлили землю послѣ потопа. Вслѣдъ за подробнымъ перечисленіемъ странъ и народовъ древняго міра, лѣтописецъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ, послѣ столпотворенія Вавилонскаго, Богъ раздѣлилъ всѣ народы на 72 языка и какъ племя Афетово заняло Западъ, а потомъ и сѣверныя страны: отъ этого племени производитъ онъ и славянъ, и затѣмъ уже переходитъ къ описанію ихъ жизни на берегахъ Дуная. Послѣ того, онъ излагаетъ подробно ихъ разселеніе по рѣкамъ и землямъ на территоріи древней Руси, описываетъ обычаи и нравы различныхъ племенъ славянскихъ и заканчиваетъ свое вступленіе разсказомъ о просвѣщеніи Моравіи христіанствомъ. Начиная съ 862 года—съ призванія варяговъ,—онъ ведетъ подробную лѣтопись всѣмъ замѣчательнымъ событіямъ, происходившимъ на Руси до его времени и въ его время, и доводитъ ее почти до конца княженія Святополка Изяславича (до 1110 г.). Весь древнѣйшій періодъ нашей исторіи, до начала XI вѣка, лѣтописецъ излагаетъ въ видѣ отдѣльныхъ округленныхъ и законченныхъ разсказовъ; видно, что онъ помѣщаетъ ихъ на страницахъ своей лѣтописи, въ той формѣ, въ какой они доходили къ нему изъ устъ народа, какъ преданіе отдаленной старины. Съ начала XI вѣка, разсказъ лѣтописца становится по-

дробнѣе и обстоятельнѣе: видно, что въ этотъ періодъ онъ могъ уже руководиться сообщеніями современниковъ и очевидцевъ.

Мораль лѣтописца.

Это отчасти подтверждается и значительною неровностью въ способѣ изложенія различныхъ частей „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Мѣстами событія излагаются живо и образно, передается даже и самое впечатлѣніе событія, выносимое очевидцемъ-разсказчикомъ; мѣстами сухо и блѣдно, — такъ какъ свѣдѣніе, очевидно, получено изъ третьихъ рукъ. Въ изложеніи нѣтъ связи, нѣтъ выводовъ и вообще очень слабъ личный элементъ, такъ какъ лѣтописецъ-авторъ не придаетъ никакого значенія своему личному мнѣнію; его мораль и его критика постоянно сводятся къ одному надъ всѣмъ преобладающему убѣжденію: все благое отъ Бога и отъ Его Промысла, все злое отъ дьявола; всякая удача и счастье являются наградою за благочестіе и добрыя дѣла, всѣ бѣдствія и несчастія посылаются намъ въ наказаніе за наши грѣхи и нерадѣніе къ Церкви. Важно, однакоже, то, что лѣтописецъ, несмотря на всю разрозненность древней Руси XII вѣка, несмотря на нескончаемые княжескіе родовые счеты и усобицы, является въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" не кіевскимъ инокомъ, не черниговцемъ и рязанцемъ, а простымъ русскимъ человѣкомъ, вполнѣ сознающимъ, что и Кіевъ, и Рязань, и Черниговъ, и Новгородъ — только части одной Русской земли, только дѣти одной матери.

Источники лѣтописи.

Самъ авторъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" указываетъ намъ на двоихъ современниковъ своихъ—Юрья Тороговича и 90-лѣтняго старца Яна, какъ на живые источники нѣкоторыхъ частей своего разсказа; первый изъ нихъ, новгородецъ, вѣроятно торговый человѣкъ, сообщилъ ему свѣдѣнія о дальнемъ Сѣверѣ Руси, о Печорѣ и Югрѣ; Янъ—сынъ воеводы Ярослава Мудраго, внукъ Остромира, другъ Ѳеодосія Печерскаго, могъ сообщить ему много историческихъ свѣдѣній о князьяхъ, ихъ походахъ и войнахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что и въ средѣ самой братіи Кіево-Печерскаго монастыря много было людей, отъ которыхъ дошли до лѣтописца свѣдѣнія о разныхъ концахъ Руси, о бытѣ племенъ, обитавшихъ близъ ея предѣловъ, о распространеніи христіанства въ различныхъ областяхъ ея. Между иноками кіевопечерскими были люди всѣхъ сословій и состояній, были русскіе и иноплеменники, были люди много странствовавшіе и много видѣвшіе на своемъ вѣку. Тутъ видимъ и Варлаама—сына боярина, и Ефрема—княжого конюшаго, и Ефрема—родомъ грека, и Моисея—венгерца, долго жившаго въ плѣну у короля Болеслава, и Никона Сухого, испытавшаго всѣ тягости плѣна у половцевъ, и, наконецъ, Іеремію Прозорливаго—бывшаго очевидцемъ крещенія Русской земли при Владимірѣ.

Начало Патерика.

Живыя, трогательныя преданія объ этихъ братіяхъ постоянно хранились какъ святыня въ стѣнахъ Кіево-Печерской обители и очень рано послужили матеріаломъ для отдѣльныхъ сказаній объ этихъ подвижникахъ, а потомъ для составленія общаго *Патерика Печерскаго*, т.-е. свода сказаній объ отцахъ Печерской обители. Основаніе Патерику было положено трудами Нестора, описавшаго житіе одного изъ двухъ главныхъ основателей обители, Ѳеодосія Печерскаго (выше приводили мы изъ него отрывки), а можетъ-быть и другими, менѣе замѣтными тружениками. Этотъ богатый матеріалъ житій и сказаній, накопившійся въ теченіе XII вѣка въ стѣнахъ Кіево-Печерской обители, былъ въ XIII вѣкѣ собранъ, дополненъ и изложенъ въ новой общей редакціи иноками того же монастыря, *Симономъ* и *Поликарпомъ*. Послѣдній изъ нихъ прямо говоритъ въ своемъ посланіи къ архимандриту Акиндину, что онъ изложилъ житіе многихъ печерскихъ угодниковъ отчасти на основаніи разсказовъ, слышанныхъ отъ Симона [1]), причемъ сознается, что въ изложеніи житій подражалъ древнимъ патерикамъ, т.-е., вѣроятно, византійскимъ образцамъ, очень рано занесеннымъ на русскую почву, вмѣстѣ съ Пчелами, Палеями и прочими сборниками, которыми изобиловала современная византійская литература.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Успѣхи образованности на Руси.—Уровень образованія древне-русскихъ князей и княженъ.—Религіозное направленіе образованія.—Страсть къ паломничеству.—Паломники.—Путешествія игумена Даніила.

Князья ревнители просвѣщенія.

Выше мы уже (см. стр. 68) указали, какъ быстро успѣла развиться на Руси XI — XII вѣка, въ средѣ нашихъ князей, благородная страсть къ книгамъ и къ собиранію книжныхъ сокровищъ. Такая страсть могла, конечно, свидѣтельствовать только о томъ, что и образованность, и начитанность книжная быстро возрастали въ высшемъ сословіи древней Руси. Дѣйствительно, и сыновья, и внуки Ярослава Мудраго унаслѣдовали отъ него любовь къ распространенію грамотности и къ самообразованію. Одинъ изъ сыновей Ярослава, Всеволодъ, былъ извѣстенъ, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени; о немъ мы знаемъ (изъ современнаго свидѣтельства), что ему зна-

---

[1]) Симонъ — изъ иноковъ кіево-печерскихъ возведенный впослѣдствіи въ епископы владимірскіе, написалъ еще весьма любопытное *увѣщательное посланіе* къ Поликарпу; въ этомъ посланіи онъ выразилъ то чувство, которое всѣ иноки кіево-печерскіе питали къ своей обители: «Вся славу и власть мою—пишетъ онъ—счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ пришлось хотя бы хворостиною торчать за воротами Печерскаго монастыря, или хоть соромъ валяться въ немъ и быть попираему людьми».

комы были пять языковъ, въ числѣ которыхъ, конечно, былъ и греческій, такъ какъ знаніе его было весьма распространено въ русской княжеской средѣ XII вѣка. Сынъ Всеволода—знаменитый Владиміръ Мономахъ—тоже отличался обширною начитанностью и глубокимъ, прочувствованнымъ пониманіемъ тѣхъ благъ, какія образованіе вноситъ въ нравы общества. Внукъ Мономаха, князь Михаилъ Юрьевичъ „съ греки и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ". О Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ всю жизнь заботился объ устроеніи училищъ, въ которыхъ нанятые имъ учителя обучали, между прочимъ, и греческому, и латинскому языку; на эти заботы издержалъ онъ все свое имѣніе, такъ что, по смерти, смольняне похоронили добродѣтельнаго князя на свой счетъ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ и о Константинѣ Всеволодовичѣ также находимъ въ лѣтописи указанія, свидѣтельствующія о томъ, что они, будучи лично-образованными людьми, прилагали заботы и объ образованіи духовенства, и о распространеніи училищъ, окружали себя учеными греками, посылали на Аѳонъ опытныхъ и знающихъ писцовъ для списыванья книгъ и т. п.

Евфросинія Полоцкая.

Княжны и княгини, въ ревности и усердіи къ образованію, вѣроятно, также не отставали отъ князей. Многія изъ нихъ, овдовѣвъ, основывали обители, въ которыхъ являлись игуменьями, и, конечно, были вполнѣ грамотными представительницами своей иноческой общины. Замѣчательною женскою личностью изъ княжеской среды представляется намъ княжна *Евфросинія Полоцкая*, до постриженія носившая имя Предславы. Постриглась она въ молодыхъ еще лѣтахъ, и съ разрѣшенія епископа поселилась въ небольшой кельѣ, пристроенной къ Полоцкому Софійскому собору; здѣсь посвятила она себя особаго рода духовной дѣятельности: занялась списываньемъ священныхъ книгъ, которыя отдавала въ продажу, и деньги, вырученныя отъ продажи книгъ, раздавала нищимъ [1]). Въ глубокой старости—Евфросинія совершила еще и другой подвигъ благочестія: подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, она отправилась въ Св. Землю на поклоненіе Гробу Господню.

Странствованья въ Св. Землю

Эти странствованья въ Св. Землю, тогда только что освобожденную отъ мусульманскаго ига, были обще-распространеннымъ на Руси обычаемъ,—общимъ увлеченіемъ, почти болѣзнью вѣка. Шли и ѣхали по обѣту въ Св. Землю князья и бояре, княгини и княжны, иноки и міряне, купцы и простолюдины, поддаваясь одному общему стремленію—побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самъ Господь „ходилъ

---

[1]) Изъ приведенныхъ нами данныхъ (см. выше стр. 51) о цѣнѣ книгъ, мы можемъ предполагать, что пожертвованія княжны Евфросиніи были весьма значительны.

по землѣ", и поклониться Его Св. Гробу. Шли цѣлыми партіями, цѣлыми ватагами, подобно западнымъ пилигримамъ, шли иногда побираясь по дорогѣ милостынею и прокармливаясь Христовымъ именемъ, а иногда и силою добывая себѣ то, что было необходимо въ пути, потому что среди этихъ страннических ватагъ проявлялись и элементы бродяжничества, неугомонные и буйные. Люди, слабые волею, сорвавшись съ насиженнаго мѣста, увлекаемые общимъ потокомъ, часто совсѣмъ пропадали и погибали въ этихъ нескончаемыхъ скитаніяхъ съ мѣста на мѣсто, и, даже не побывавъ въ Палестинѣ, не возвращались и на родину, гдѣ все у нихъ было либо запродано, либо заброшено; иные не доходили до цѣли путешествія по слабости физической, по недостатку силъ и средствъ матерьяльныхъ. Въ народѣ явилось даже особое наименованіе для подобныхъ странниковъ:—ихъ стали называть *каликами-перехожими*, и соотвѣтственно

Церковь Полоцкаго Спасо-Евфросиніевскаго монастыря.

Народный типъ каликъ.

названію, въ которомъ уже чувствуется нѣкоторое представленіе о шатаньи и безцѣльныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, сталъ складываться въ понятіяхъ народа и особый типъ „каликъ", очень близкій къ типу западныхъ пилигримовъ. По изображенію народныхъ пѣсенъ, сохранившихъ намъ этотъ типъ, „калика" является удалымъ добрымъ молодцемъ, который готовъ лицомъ къ лицу встрѣтиться со всякою опасностью и умѣетъ оградить себя отъ нея тяжелою „шелепугою подорожною". Калики, являясь во дворъ къ князю Владиміру, поютъ духовныя пѣсни, но при этомъ подхватываютъ

Крестъ преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой.

Крестъ, по описанію одного изъ мѣстныхъ знатоковъ церковной археологіи, представляетъ собою ничто иное, какъ ковчегъ для храненія «драгоцѣнныхъ памятниковъ страданій Христовыхъ, частицъ мощей св. угодниковъ Божіихъ и другихъ предметовъ христіанскаго благоговѣнія, которые преподобная Евфросинія выписывала для своей обители изъ Константинополя и Іерусалима», а можетъ-быть и лично пріобрѣла во время своего странствованія въ Св. Землю. Крестъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его 11 3/5 вершка, верхній поперечникъ (титло) 3 вершка, нижній 4 5/8 вершка.

Весь крестъ обложенъ золотыми и сребро-вызолоченными листами, украшенъ по краямъ мелкимъ жемчугомъ, по лицу 8-ю драгоцѣнными камнями и 20-ю искусно-исполненными маленькими образками, византійской работы (перегородчатая эмаль).

Современная надпись *), разобранная и въ подлинности своей удостовѣренная извѣстнымъ знатокомъ нашей письменной древности, академикомъ И. И. Срезневскимъ, гласитъ, что крестъ «сдѣланъ» въ 1161 году и что Евфросинія приноситъ его въ даръ въ монастырь свой, въ церковь Св. Спаса». Вкладчица грозитъ проклятіемъ всякому, кто дерзнетъ похитить этотъ крестъ или вынести его изъ монастыря. Несмотря на различныя невзгоды, перенесенныя крестомъ въ вѣкъ Уніи и ея борьбы съ іезуитами, крестъ, во исполненіе начертаннаго на немъ завѣта, и нынѣ хранится въ возстановленной (съ 1841 г.) Спасской обители, на хорахъ Спасской церкви, въ Полоцкѣ—въ той самой кельѣ, гдѣ, по преданію, преподобная Евфросинія подвизалась нѣкогда въ списываніи книгъ.

---

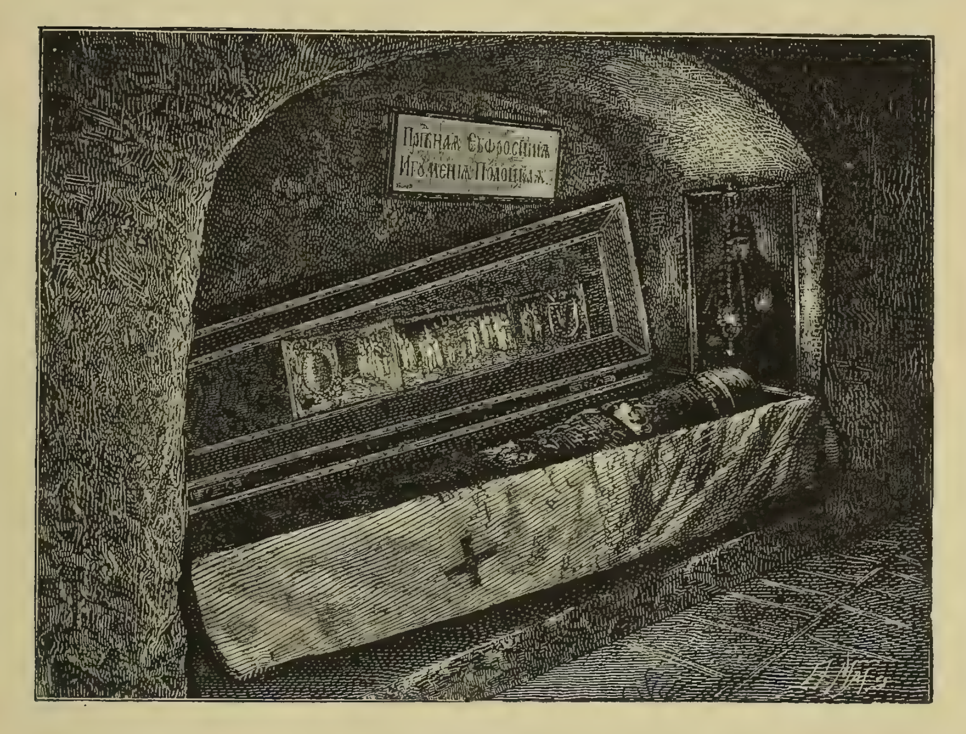
*) Она идетъ по боковой поверхности креста.

КРЕСТЪ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНІИ, КНЯЖНЫ ПОЛОЦКОЙ, 1161 г.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

всѣмъ хоромъ такъ неистово и зычно, что „со всѣхъ теремовъ верхи опадаютъ"...

«Становилися калики во единый кругъ,
Клюки—посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ.
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали...»



Мощи преподобной Евфросиніи въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Или въ другомъ мѣстѣ той же пѣсни.

«Скричатъ калики зычнымъ голосомъ—
Со теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися».

Судя по словамъ другой пѣсни, даже и въ живописныя лохмотья своего страническаго одѣянія эти удалые калики-перехожіе умѣютъ вносить извѣстную долю щегольства и прикрашиваютъ ее на всѣ лады:—такъ Алёша Поповичъ встрѣчаетъ въ чистомъ полѣ калику-перехожаго, и видитъ, что:

«Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико (у лаптей) унизано краснымъ золотомъ;
Шуба соболиная, долгополая,

Шляпа сорочинская, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго».

Запрещеніе странствованій.

Вѣроятно, это пристрастіе къ странствованію въ Св. Землю приводило ко многимъ неблагопріятнымъ явленіямъ и злоключеніямъ въ русской общественной жизни XII вѣка, потому что современное русское духовенство рѣшается прямо возставать противъ излишества обѣтовъ, которые многими давались крайне легкомысленно. Такъ св. Нифонтъ, епископъ новгородскій, на вопросъ черноризца Кирика: „не грѣхъ ли возбранять странствованья въ Іерусалимъ?" — отвѣчалъ прямо: „Не только не грѣхъ, но и большое добро, когда идутъ для того, чтобы быть праздными и только ѣсть и пить". Напротивъ того, умный епископъ совѣтуетъ даже „подвергать эпитиміи тѣхъ, которые даютъ присягу идти въ Іерусалимъ, ибо присяга эта губитъ нашу землю".

Само собою разумѣется, однакоже, что многіе странствовали въ Св. Землю и по глубокому религіозному побужденію, подобно княжнѣ Евфросиніи Полоцкой; одинъ изъ подобныхъ, глубоко-религіозныхъ и убѣжденныхъ паломниковъ [1]) въ Св. Землю оставилъ намъ даже, отъ начала XII вѣка, весьма любопытное описаніе своего путешествія, подъ названіемъ „Хожденіе игумена Даніила".

Хожденіе Даніила.

Кто былъ игуменъ Даніилъ — мы этого не знаемъ, потому что самъ онъ, по скромности, не указалъ, въ какой области и въ какой обители онъ игуменствовалъ и просто называетъ себя „игуменомъ земли русской". По нѣкоторымъ намекамъ подлинника предполагаемъ, однакоже, что онъ былъ уроженцемъ Черниговской области. Въ началѣ своего сочиненія, Даніилъ говоритъ, что „по любви къ св. мѣстамъ, описалъ все, что видѣлъ грѣшными своими очами", и, нимало не величаясь своимъ подвигомъ, признается, что пишетъ свое описаніе не для себя только, а и „ради вѣрныхъ людей", которые бы, читая его книгу, могли бы думою, и мыслью, вознестись къ тѣмъ св. мѣстамъ и такимъ образомъ „получить равную мзду съ ходившими къ нимъ". Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ начинается изложеніе „хожденій", въ которыхъ личность автора и его личныя впечатлѣнія совершенно оказываются устраненными, а на первый планъ, какъ и слѣдовало ожидать, выдвинуто подробнѣйшее описаніе святынь, къ которымъ игуменъ Даніилъ подходитъ съ глу-

---

[1]) Паломниками назывались странники въ Св. Землю, потому что они приносили съ собою оттуда вѣтви *паломъ* (т.-е. пальмъ), съ которыми обычно стояли потомъ у заутрени въ Вербное воскресеніе.

бокимъ благоговѣніемъ и радостнымъ чувствомъ истиннаго христіанина. Планъ его описанія очень немногосложенъ и простъ, а изложеніе ясно и не запутано никакими эпизодическими подробностями и уклоненіями. Сначала онъ разсказываетъ путь къ Царьграду, потомъ отъ Царьграда до Іерусалима, причемъ перечисляетъ всѣ достопримѣчательности Іерусалима; покончивъ съ этимъ „дивнымъ градомъ", онъ описываетъ свое путешествіе къ р. Іордану, къ Іерихону, Виѳлеему и горѣ Ѳаворской. Съ совершенно искреннимъ чувствомъ игуменъ Даніилъ восклицаетъ: Содержаніе „Хожденія".

„Великая радость бываетъ всякому христіанину, увидѣвшему св. градъ Іерусалимъ; и никто не можетъ не прослезиться, видя землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ-Богъ походилъ ради нашего спасенія"...

Съ особенною любовью и тщаніемъ описываетъ благочестивый авторъ церковь Воскресенія Христова и Гробъ Господень. „Съ любовью и слезами—такъ пишетъ онъ: — облобызалъ я то святое и честное мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа, и съ радостью великою вышелъ изъ гроба".

Съ глубокимъ благоговѣніемъ и съ великою простотою душевною, игуменъ Даніилъ разсказываетъ намъ, какъ въ праздникъ „водокрещенія", въ самую полночь, Духъ Святой сходилъ на воды іорданскія, къ которымъ въ это время собирались „тысячи народа". Это схожденіе Св. Духа, до разсказу Даніила, бываетъ видимо только для „достойныхъ людей", а не для всего народа; но все же у всѣхъ на душѣ бываетъ радостно и весело. Такъ же подробно и съ такою же теплою вѣрою разсказываетъ Даніилъ „О схожденіи свѣта съ небеси, ко Гробу Господню" въ великую заутреню. Опровергая сказанія другихъ странниковъ, утверждающихъ, будто свѣтъ сходитъ къ Св. Гробу въ видѣ голубя и въ видѣ молніи, Даніилъ говоритъ: „ничего того не видно: ни голубя, ни молніи, но невидимо сходитъ съ неба благодать Божія, и зажигаются лампады надъ Гробомъ Господнимъ".

Подобно всѣмъ другимъ путешественникамъ западнымъ, и игуменъ Даніилъ повторяетъ много совершенно баснословныхъ разсказовъ о Палестинѣ. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ о чрезмѣрной „сладости водъ іорданскихъ", о какой-то чудной рыбѣ, „которую любилъ самъ Христосъ", и которая водится въ морѣ Тиверіадскомъ, о ладанѣ-темьянѣ, будто бы „падающемъ съ неба на деревья, на островѣ Кипрѣ, какъ роса, въ іюнѣ и августѣ". Даніилъ приводитъ также и многія апокрифическія сказанія, сложившіяся въ Палестинѣ, напр. о Голгоѳѣ, объ Елеонской горѣ, о томъ, что антихристъ долженъ родиться именно въ Капернаумѣ, о той пещерѣ, гдѣ жилъ Мельхиседекъ и будто бы

„началъ служить литургію хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣсноками“ и т. д. [1]).

Настроеніе паломника.

Передавая всѣ эти подробности подъ вліяніемъ того исключительнаго религіознаго настроенія, которое, конечно, было преобладающимъ въ каждомъ паломничествѣ, Даніилъ, въ то же время, не обращаетъ никакого вниманія на любопытнѣйшую эпоху и историческія личности, которыхъ видитъ вокругъ себя. Не слѣдуетъ забывать, что онъ посѣтилъ Іерусалимъ въ то время, когда крестоносцы овладѣли всей Палестиной и основали въ ней Іерусалимское королевство; что онъ даже вступалъ въ личныя сношенія съ королемъ Балдуиномъ, который принялъ его дружелюбно и позволилъ „поставить кандило (лампаду) отъ русской земли на Св. Гробъ“. Ни о самомъ королѣ, ни о впечатлѣніи свиданія съ нимъ, ни о той блестящей свитѣ рыцарей и паладиновъ, которая его окружала, Даніилъ не проговаривается ни единымъ словомъ. Зато во всемъ его сочиненіи громко высказывается, ничѣмъ не заглушаемое, чувство любви и горячей привязанности къ родинѣ, къ Русской землѣ. Онъ нигдѣ не забывалъ ее, и вездѣ, на всемъ дальнемъ пути своемъ, служилъ обѣдни, поминая за службою „имена князей русскихъ, и княгинь ихъ и дѣтей, и монаховъ, и игуменовъ, и бояръ, и дѣтей своихъ духовныхъ“... „И за то благодарю Бога—продолжетъ Даніилъ:—что Онъ сподобилъ меня, худого, записать имена князей русскихъ въ лаврѣ Св. Саввы, гдѣ и нынѣ они поминаются на службѣ“... Съ особеннымъ чувствомъ разсказываетъ Даніилъ о томъ, какъ онъ въ Великую пятницу ходилъ помолиться Гробу Господню и поставилъ на немъ лампаду съ елеемъ „отъ всей Русской земли...“ „Въ головахъ стояла лампада греческая, на персяхъ Св. Гроба Господня лампада отъ всѣхъ монастырей, а на срединѣ—русская лампада, которую поставилъ я, грѣшный“.

Есть основаніе думать, что „Хожденіе игумена Даніила“ очень понравилось его современникамъ и пріобрѣло большой кругъ читателей, потому что этотъ памятникъ нашей литературы XII вѣка дошелъ до насъ во множествѣ списковъ. „Хожденіе“ читали, изучали, распространяли весьма охотно; оно явилось образцомъ, которому позднѣйшіе паломники (XV и XVI в.) стали подражать и въ планѣ, и въ расположеніи частей, и даже въ пріемахъ изложенія при своихъ описаніяхъ Св. Земли.

---

[1]) Въ этомъ противоположеніи слышится отголосокъ того полемическаго отношенія къ латинству, которымъ были проникнуты всѣ древнѣйшіе памятники нашей литературы. Отраженіемъ того же направленія являются и слѣдующія замѣтки Даніила о лампадахъ надъ Гробомъ Господнимъ. «Благодатію Божіею тѣ три лампады (греческая, всѣхъ монастырей и русская) внизу зажглись, а лампады фряжскія (т.-е. поставленныя латинянами), которыя повѣшены вверху, не зажглись ни одна (отъ схожденія св. свѣта въ Великую заутреню)».

Путешествіе Антонія.

Гораздо менѣе интереса представляетъ другое путешествіе, совершенное въ концѣ XII вѣка въ Царьградъ — новгородскимъ архіепископомъ *Антоніемъ*. Оно все посвящено мелочному описанію святыхъ мощей и различныхъ диковинокъ, которыми переполнены были ризницы Св. Софіи и другихъ храмовъ и обителей Византіи. Антоній заполняетъ страницы своего путешествія перечисленіемъ того, что ему показываютъ греки-священники и монахи, и наивно сообщаетъ легенды, связанныя съ такими реликвіями, какъ „Самуиловъ рогъ" или „палица Моисеева", или „сучецъ отъ лозы Ноевой, юже насади по потопѣ". Описанія Царьграда, составленныя архіепископомъ Антоніемъ, имѣютъ только историческій интересъ, а никакъ не литературный; оно важно тѣмъ, что писано за четыре года до взятія и разграбленія Царьграда крестоносцами, и, благодаря этому обстоятельству, Антоній могъ видѣть въ столицѣ Византійской Имперіи многое такое, чего уже не видѣли позднѣйшіе путешественники.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые опыты свѣтской литературы. — Вліяніе, оказанное «Пчелами» и «Изборниками». — Поученіе Владиміра Мономаха. — Литературное значеніе этого памятника.—Моленіе Даніила Заточника.

Свѣтская литература.

Всѣ доселѣ упомянутые нами памятники были произведеніями авторовъ, принадлежавшихъ къ духовному сословію. Но факты, свидѣтельствующіе о быстромъ распространеніи образованности въ княжеской средѣ и въ высшемъ слоѣ общества, собранные нами въ предыдущей главѣ, даютъ намъ полную возможность предполагать, что рядомъ съ литературою духовною должна была, весьма естественно, развиться и литература свѣтская. Миряне—князья и бояре—читали и переписывали книги, проникались ихъ духомъ и убѣжденіями, странствовали въ Святую Землю и Царьградъ, выносили оттуда живыя и яркія впечатлѣнія, письменно сносились другъ съ другомъ, съѣзжались на съѣзды, на родственные пиры и празднества, участвовали въ общихъ предпріятіяхъ, жили жизнью шумною, дѣятельною, а подчасъ полною тревогъ и опасностей, и постоянно богатою впечатлѣніями, волненіями, заботами—этою основою всякаго литературнаго и поэтическаго настроенія... Судя по нѣкоторымъ даннымъ, по нѣкоторымъ скуднымъ указаніямъ и упоминаніямъ, по небольшимъ осколкамъ, уцѣлѣвшимъ отъ періода XII вѣка — свѣтская литература начинала уже развиваться у насъ и пріобрѣтать нѣкоторое значеніе, когда нахлынувшее на насъ изъ глубины азіатскихъ степей страшное татарское нашествіе притоптало и уничтожило зарождающуюся литературу и образованность въ самомъ ея расцвѣтѣ и насиль-

ственно направило русскую культуру по единственному пути духовнаго просвѣщенія.

Немногіе памятники свѣтской литературы, уцѣлѣвшіе до нашего времени отъ XII вѣка—немногіе, но, конечно, не единственные—весьма замѣчательны по своимъ литературнымъ достоинствамъ и даютъ намъ право думать, что русское общество XII вѣка, въ высшемъ слоѣ своемъ, стояло, по развитію и образованности, едва ли ниже западно-европейскаго рыцарства. Эти немногіе памятники — *«Поученіе Владиміра Мономаха»*, *«Слово о полку Игоревѣ»* и *«Слово Даніила Заточника»* — исходятъ всѣ изъ среды княжеской или близкой къ князю, и даютъ намъ довольно полное и достаточно ясное представленіе о тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ интересахъ, которые въ этой средѣ преобладали въ данную эпоху.

Поученіе Мономаха.

„Поученіе Владиміра Мономаха" является въ древне-русской литературѣ подобіемъ тѣхъ древнѣйшихъ „Домостроевъ", которыми изобиловали въ раннемъ періодѣ западно-европейскія литературы. Форма „Поученія отца къ сыну" или „отца къ дѣтямъ", въ которыхъ преподавались не только душеспасительныя правила жизни, но и важнѣйшія основы практической житейской мудрости—была весьма обычною и общераспространенною въ византійской и западно-европейской литературѣ. Въ одномъ изъ тѣхъ „Изборниковъ Святослава" 1076 г., о которыхъ мы подробно говорили выше (см. стр. 70), помѣщенъ одинъ изъ образцовъ подобнаго рода поученій, а именно „Поученіе дѣтямъ Ксенофонта и Ѳеодоры", которое могло быть извѣстно Владиміру и, можетъ-быть, подало ему мысль написать подобное же поученіе своимъ дѣтямъ. Но весь тонъ „Поученія", написаннаго Мономахомъ и весь характеръ изложенія его—вполнѣ оригинальны и съ самой лучшей стороны рисуютъ намъ привлекательную личность князя-автора, одного изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своей эпохи.

Особенно пріятно видѣть въ этомъ поученіи, что Мономахъ—человѣкъ энергичный и неутомимо-дѣятельный, и въ нравственной и въ религіозной сторонѣ своего произведенія, является не отвлеченнымъ моралистомъ, а вполнѣ убѣжденнымъ христіаниномъ,—не ограничивается однимъ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ благочестія, а ставитъ въ обязанность каждому вѣрующему дѣла милосердія и любви. Поразительны также (даже и для настоящаго времени) понятія Мономаха объ отношеніяхъ къ ближнимъ, въ особенности къ тѣмъ, которые, по общественному положенію, стояли далеко ниже его.

Поводъ написанія Поученія.

Въ началѣ поученія Мономахъ описываетъ поводъ, по которому онъ рѣшился написать это сочиненіе въ назиданіе дѣтямъ. Едва только ему удалось уладить усобицы съ однимъ изъ князей

русскихъ, какъ на пути своемъ въ далекую [1]) Ростовскую область онъ уже былъ встрѣченъ посольствомъ отъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, которые звали его вмѣстѣ воевать противъ Ростиславичей Галицкихъ. Мономахъ отвергъ ихъ предложеніе; но эта вѣсть о предстоящихъ на Руси новыхъ раздорахъ сильно опечалила Мономаха, и онъ (какъ онъ самъ намъ разсказываетъ) въ грустномъ настроеніи развернулъ Псалтирь и попалъ на слѣдующее мѣсто: „вскую печалуешься душе? вскую смущаеши мя?“ Утѣшенный псалмопѣвцемъ, Мономахъ тутъ же рѣшился написать

Образецъ рукописной миніатюры (изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ). Угощеніе митрополита и его клира княземъ.

поученіе дѣтямъ своимъ, дабы оградить ихъ отъ возможности совращенія съ пути истиннаго и отдалить отъ тѣхъ усобицъ и раздоровъ, которые терзали Русскую землю.

„Дьяволъ, врагъ нашъ, — такъ пишетъ Владиміръ Мономахъ, въ началѣ своего поученія, — побѣждается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Ради Бога, дѣти мои, не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжки: это не то, что отшельничество, или иночество, или голодъ, **Нравственныя наставленія.**

[1]) «На далеча пути, на саняхъ сѣдя»—такъ и начинаетъ Мономахъ свое «Поученіе». Любопытно, что тутъ же онъ упоминаетъ о Псалтири, которая, слѣдовательно, захвачена были имъ въ дорогу, и съ которою онъ, очевидно, не разставался и въ путешествіяхъ.

какъ терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди... Послушайте же меня и если не все примете, то хоть половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась въ постель. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если вы здоровы; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь: этими ночными поклонами и пѣніемъ побѣждается дьяволъ и мы получаемъ прощеніе дневныхъ грѣховъ своихъ. Даже и на конѣ сидя, если ни съ кѣмъ не разговариваете, то, чѣмъ думать безсмыслицу, лучше повторяйте постоянно въ умѣ: „Господи помилуй!"—если ужъ другихъ молитвъ не знаете... Эта молитва лучше всѣхъ. Главнѣе же всего не забывайте убогихъ и по силѣ, какъ можете, кормите ихъ; больше другихъ подавайте сиротѣ и сами оправляйте вдовъ, не позволяя сильнымъ губить человѣка. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте, и другимъ не приказывайте убить. Въ разговорѣ, что̀ бы вы ни говорили—доброе или злое—не клянитесь Богомъ и крестомъ. Нѣтъ въ этомъ никакой нужды. Когда же придется вамъ цѣловать крестъ къ братьѣ или къ кому-либо другому, то цѣлуйте подумавши, можете-ли сдержать клятву, и поцѣловавши, остерегайтесь, чтобы не погубить души своей, преступивъ крестное цѣлованіе. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и надѣляйте ихъ: пусть молятся за насъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, но скажемъ такъ: всѣ мы смертны — нынѣ живы, а завтра во гробѣ... Старыхъ чти, какъ отца; молодыхъ, какъ братьевъ.

Практическая мораль Поученія.

„Въ домѣ своемъ не лѣнитесь и за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тіуна (управителя), ни на отрока (слугу), чтобы гости не посмѣялись надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь въ излишествѣ; сторожей сами наряжайте; когда же всѣмъ распорядитесь, ложитесь и сами между воиновъ, но вставайте рано; оружія же съ себя не снимайте—въ попыхахъ, не разглядѣвши ночью, человѣкъ часто погибаетъ отъ лѣности своей...

„Остерегайтесь лжи и пьянства: въ этихъ порокахъ душа и тѣло погибаетъ.

„Если вамъ случится куда пойти по своимъ дѣламъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни своихъ, ни чужихъ [1]), чтобы васъ не проклинали. На дорогѣ, или гдѣ остановитесь, напойте, накормите алчущаго; особенно же чтите гостя, откуда бы

---

[1]) То-есть, ни въ своихъ областяхъ, ни въ чужихъ, черезъ которыя прійдется проѣзжать.

онъ къ вамъ ни пришелъ—простой-ли, знатный-ли человѣкъ или *гость* [1]); если не можете его одарить чѣмъ инымъ, то угостите хорошенько: странствуя, они-то и разносятъ добрую или худую славу о человѣкѣ.

„Больного навѣстите и къ мертвому ступайте, потому что всѣ мы смертны; и никого не пропустите мимо себя, не опривѣтствовавъ: всякому скажите доброе слово.

„Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти.

Образецъ рукописной миніатюры (изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ). Перевезеніе мощей св. Глѣба.

Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; вотъ такъ-то и отецъ мой, дома сидя, разумѣлъ пять языковъ—въ томъ и честь ему была отъ другихъ земель.

„Прежде всего, не лѣнитесь по отношенію къ церкви; солнце не должно застать васъ на постели. Такъ дѣлалъ блаженной памяти отецъ мой и всѣ добрые люди: за утреней воздавалъ хвалу Богу... затѣмъ слѣдуетъ сѣсть думать (то-есть совѣщаться) съ

[1]) Здѣсь, подъ именемъ *гостя*, слѣдуетъ разумѣть заѣзжаго, странствующаго купца.

дружиною, или людей разбирать судомъ, или на ловъ (на охоту) отправиться, или по другому дѣлу ѣхать, или лечь спать: спанье въ полдень указано отъ Бога—ибо искони почиваетъ въ это время и звѣрь, и птица, и человѣкъ".

За этимъ слѣдуетъ въ „Поученіи" подробное исчисленіе всѣхъ походовъ, въ какихъ Владиміръ Мономахъ принималъ участіе, и всѣхъ опасностей, какимъ онъ подвергался на войнѣ и на охотѣ въ теченіе 13 лѣтъ, и отсюда прямой переходъ къ заключенію.

Воспоминанія о пережитомъ.

„И Богъ сохранилъ меня невредимаго, хотя я и съ коня много разъ падалъ, и голову себѣ разбилъ дважды, и руки и ноги не разъ повреждалъ себѣ, не щадя ни головы своей, ни жизни. И то, что слѣдовало бы сдѣлать отроку моему (т. е. слугѣ), то дѣлалъ я самъ и на войнѣ, и во время лововъ, ночью и днемъ, на зноѣ и холоду, не давая себѣ покоя... Дѣлалъ самъ все необходимое, соблюдая порядокъ и въ дому своемъ, и ловчими завѣдывая самъ, и конюхами, и о соколахъ, и о ястребахъ прилагая заботу. Въ то же время и простого человѣка, и убогую вдовицу не давалъ въ обиду сильнымъ, и за церковнымъ порядкомъ и службами успѣвалъ присматривать самъ... Не подумайте, дѣти мои, или другой кто, читая это, чтобы я хвалилъ себя или выставлялъ смѣлость свою: я только восхваляю Бога и прославляю Его милость за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, въ теченіе стольких лѣтъ уберегъ отъ смерти и сотворилъ меня не лѣнивымъ и годнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Желаю только того, чтобы, прочитавъ эту грамотку, и вы бы устремились на всѣ добрыя дѣла... Не бойтесь, дѣти, смерти ни на войнѣ, ни отъ звѣря; но, съ помощію Божіею, смѣло дѣлайте свое дѣло, какъ надлежитъ мужамъ... Коли не будетъ на то воли Божіей, то, подобно мнѣ, никто изъ васъ не можетъ погибнуть ни отъ воды, ни на войнѣ, ни отъ звѣря, а если отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не въ силахъ будутъ васъ отъ нея избавить".

Оставляя въ сторонѣ важное историческое и бытовое значеніе этого памятника, не касаясь вопроса о весьма значительной и разносторонней начитанности Мономаха, которая выразилась множествомъ вписанныхъ въ „Поученіе" (и опущенныхъ нами) цитатъ изъ Св. Писанія и отцовъ Церкви—мы не можемъ не обратить вниманія на литературное значеніе этого важнаго памятника. Вчитываясь въ него, мы живо представляемъ себѣ весь нравственный кругозоръ одного изъ выдающихся представителей русскаго общества въ началѣ XII вѣка, знакомимся съ его убѣжденіями, воззрѣніями на жизнь, на самое назначеніе человѣка, какъ мужа, какъ воина, какъ властелина, какъ супруга, и какъ

общественнаго дѣятеля. И тотъ образъ князя-хозяина и рачителя, усерднаго и добросовѣстнаго блюстителя своихъ и чужихъ интересовъ, который возникаетъ передъ нами, оказывается чрезвычайно привлекательнымъ, почти идеальнымъ... Невольно радуешься тому, что такія свѣтлыя и гуманныя личности, яркими, лучезарными звѣздами блестятъ на мрачномъ фонѣ русскаго удѣльнаго періода, полнаго насилій, напрасно пролитой крови и безсмысленныхъ усобицъ...

Вліяніе „Пчелъ“

Выше упоминали мы о томъ, что во внѣшней формѣ, а, можетъ-быть, и въ основной идеѣ „Поученія Мономахова“ можно предполагать отчасти вліяніе тѣхъ „Поученій отъ отца къ сыну“, которыя уже очень рано входятъ въ составъ нашихъ „Изборниковъ“. Предположеніе это тѣмъ болѣе представляется нынѣ вѣроятнымъ, что отъ того же XII вѣка дошелъ до насъ другой памятникъ, прямо явившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Пчелъ“, которыя предлагали каждому готовый матеріалъ нравственныхъ сентенцій, пословицъ, притчей и выписокъ, примѣнимыхъ ко всякаго рода соображеніямъ и обстоятельствамъ. Этотъ памятникъ—*Слово Даніила Заточника* [1]), представляющее собою довольно курьезную компиляцію, сопоставленную изъ всякаго рода выписокъ и заимствованій (преимущественно изъ „Притчей Соломоновыхъ“ и „Премудрости Іисуса сына Сирахова“), изъ русскихъ пословицъ, изъ темныхъ и не вполнѣ понятныхъ намъ намековъ на современныя историческія условія жизни и на частныя обстоятельства жизни самого автора. Изъ содержанія этого „Слова“ узнаемъ только, что какой-то Даніилъ,—человѣкъ, повидимому не старый, неизвѣстно какого происхожденія и званія, стоявшій сначала въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ современныхъ князей, прогнѣвилъ князя и былъ, по его повелѣнію, заточенъ гдѣ-то на озерѣ Лаче (въ нынѣшней Олонецкой губерніи). Нигдѣ авторъ „Слова“ не проговаривается, за какую именно вину онъ попалъ въ немилость и заточеніе; однакоже, по рѣзкимъ выходкамъ его противъ женщинъ и приближенныхъ къ князю думцевъ, можно предположить, что Даніилъ приписывалъ свое несчастіе именно наговорамъ думцевъ княжескихъ и козням женщинъ. Не вдаваясь въ рѣшеніе вопроса о томъ, къ какому именно князю написано было моленіе несчастнаго заточника, потому что рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ никакого значенія для нашей задачи, — перейдемъ прямо къ самому памятнику и заимствуемъ изъ него нѣсколько отрывковъ, которые ознакомятъ читателя съ его нѣсколько безсвязнымъ содержаніемъ и съ весьма запутаннымъ способомъ изложенія, какъ бы

Слова Даніила Заточника.

---

[1]) *Заточникъ*—заключенный, заточенный, посаженный въ заключеніе.

нарочно усвоеннымъ для того, чтобы затуманить основную мысль всего сочиненія.

Во всемъ „Словѣ Даніила Заточника“ нѣтъ даже и тѣни какого-нибудь плана. Вслѣдъ за витіеватымъ и кудрявымъ вступленіемъ, Даніилъ обращается къ князю съ мольбою о томъ, чтобы онъ смиловался надъ его бѣдственнымъ положеніемъ, и по этому поводу вдается въ рядъ сравненій между щедрымъ и скупымъ княземъ, между мудрымъ и безумнымъ мужемъ, между разумными и неразумными совѣтниками, между доброю и злою женою. И между всѣми этими сравненіями не видимъ никакой внутренней, живой связи, никакой послѣдовательности въ чередованіи ихъ, никакой мѣры въ нагроможденіи этихъ отдѣльныхъ мыслей, разсужденій, уподобленій... Эта вычурная витіеватость въ изложеніи мыслей придаетъ „Слову“ Заточника характеръ совершенно противоположный „Поученію Мономаха“, гдѣ все такъ просто, такъ спокойно и серьезно изложено, гдѣ логика доступна каждому, и впечатлѣніе отъ всего произведенія получается цѣльное, полное... Здѣсь, напротивъ того, мы видимъ передъ собою какое-то лирическое, нѣсколько напыщенное, причитаніе, въ которомъ авторъ самъ не можетъ совладать съ накопившимся у него въ головѣ матерьяломъ и накипѣвшимъ на сердцѣ запасомъ чувствъ, образовъ, впечатлѣній, укоровъ и жалкихъ словъ,—и все это пускаетъ въ обращеніе разомъ, не связывая и не приводя въ порядокъ...

Общій характеръ памятника.

„Вострубимъ, братіе, какъ бы въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бить въ серебряные органы, возвѣемъ мудрости свои!“ — такъ начинаетъ свое „Слово“ Даніилъ Заточникъ.—„Не воззри на меня, княже господине,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ князю, — какъ волкъ на ягненка: воззри на меня, господине, какъ мать на младенца. Взгляни, господине, на птицъ небесныхъ, которыя ни орутъ, ни сѣютъ, и въ житницы не собираютъ, а надѣются на милость Божію: такъ точно и мы, князь-господинъ, желаемъ твоей милости, потому, господине мой, что кому—богатство, а мнѣ—горе лютое; кому — Лачъ-озеро, а мнѣ, сидящему при немъ, плачъ горькій; кому Новгородъ, а у меня (у избы) углы опали. Потому-то и взываю къ тебѣ, князь-господинъ, одолѣваемый нищетою: помилуй меня, не дай мнѣ всплакать, какъ Адаму въ раю. Избавь меня отъ этой нищеты, какъ серну отъ тенетъ, какъ птицу отъ западни, какъ утку отъ когтей носящагося (надъ ней) ястреба, какъ овцу отъ пасти львиной. Я, князь-господинъ, словно дерево придорожное: многіе порубаютъ его и мечутъ въ огонь; такъ точно и меня всѣ обижаютъ, потому что я огражденъ грозою твоего гнѣва. Въ печали человѣка утѣшить—не то же-ли, что жаждущаго въ знойный день

напоить студеной водою? И птица вѣдь радуется веснѣ, какъ и младенецъ матери; такъ и я, князь, радуюсь твоей милости; ибо, какъ весна украшаетъ землю цвѣтами, такъ и ты, князь-господинъ, оживляешь всѣхъ своею милостью — и сирыхъ и вдовъ, угнетаемыхъ вельможами. Но, въ то время, когда ты будешь наслаждаться многими кушаньями, то вспомни, что я ѣмъ одинъ сухой хлѣбъ; а когда станешь пить сладкое питье, то вспомни, что я принужденъ пить одну теплую воду, засоренную отъ вѣтра. Когда же ляжешь на мягкія перины, подъ соболье одѣяло, то вспомни, что я здѣсь лежу подъ однимъ платномъ, и умираю отъ стужи, и что дождевыя капли, словно стрѣлы, пронизываютъ меня холодомъ до самаго сердца. Князь щедрый,—какъ рѣка съ пологими берегами, текущая сквозь дубровы и напояющая не только людей, но и скотъ, и всѣхъ звѣрей; а князь скупой не то же-ли, что рѣка, текущая между высокими каменистыми берегами: нельзя никому ни пить, ни коня напоить".

Заключеніе Слова Заточника.

Затѣмъ Даніилъ открыто высказываетъ свое неудовольствіе противъ тіуновъ и слугъ княжескихъ, отъ столкновенія съ которыми трудно бываетъ уберечься; и вдругъ переходитъ къ сравненію умнаго человѣка съ неразумнымъ. При этомъ онъ очень ловко пытается выгородить князя отъ всякой отвѣтственности за нѣкоторые его поступки, и сваливаетъ эту отвѣтственность на приближенныхъ князя и на злыхъ женъ. „Не море топитъ корабли, — говоритъ онъ, — но вѣтры; и не огонь распаляетъ желѣзо, а вздыманіе мѣховъ; такъ же точно и князь не самъ впадаетъ въ многія дурныя дѣла, а думцы его на нихъ наводятъ. Вѣдь съ добрымъ-то думцею князь додумается до высокаго престола, а со злымъ думцею можетъ и малаго престола лишиться".

За этими намеками слѣдуетъ (до конца „Слова") яростная выходка противъ злыхъ женъ, на которыхъ безпощадно обрушается Даніилъ Заточникъ, отчасти изливая накипѣвшее у него въ сердцѣ чувство негодованія, отчасти повторяя общія мѣста византійскихъ писателей, которые относятся къ женщинѣ съ большимъ озлобленіемъ и нескончаемыми порицаніями, выставляя ее на общій позоръ и осмѣяніе, какъ образецъ всевозможныхъ пороковъ, недостатковъ и неразумія [1]).

Не знаемъ, достигъ-ли Даніилъ Заточникъ своей цѣли: умилостивилъ-ли князя, къ которому обращался со своими мольбами? Но знаемъ, что его произведеніе обратило на себя вниманіе современниковъ, которые не только переписывали его и вносили въ

[1]) Статьи «о злыхъ женахъ», исходившія, вѣроятно, изъ того аскетическаго направленія, которое было такъ сильно распространено въ византійской литературѣ, уже очень рано были перенесены и на русскую почву. Уже въ одномъ изъ Изборниковъ Святослава (1073 г.) находимъ статью «о злыхъ женахъ».

разные сборники, не только перечитывали и изучали, но даже и подражали ему, подъ различными наименованіями, въ послѣдующія столѣтія, примѣняя содержаніе „Слова“ къ инымъ лицамъ, инымъ событіямъ и иной эпохѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Князь и дружина. — Пѣвцы княжескіе. — Борьба съ иноплеменниками. — Слово о полку Игоревѣ, какъ прославленіе княжескихъ подвиговъ. — Поэтическія достоинства памятника и его исторіи.

Дружина.

Около князя жила и собиралась его дружина—бояре и мужи княжескіе. Близкая къ князю, по развитію и образованности, тѣсно связанная съ нимъ служебными и взаимно-обязательными отношеніями, дружина, въ тотъ удѣльно-вѣчевой періодъ пользовалась завиднымъ положеніемъ матеріальнымъ и большою свободою дѣйствій. Дружинѣ живется привольно и весело при князьяхъ, которые ее кормятъ и одѣваютъ, дѣлятъ съ нею власть и казну свою, добычу и славу воинскую. „Князь, среди дружины,—такъ говоритъ историкъ Соловьевъ, — старшій братъ, а не повелитель; онъ не таится отъ дружины, и дружина знаетъ всякую его думу; онъ ничего не щадитъ для дружины:—ни ѣды, ни питья; ничего не копитъ себѣ — все дѣлитъ съ нею. А не хорошъ князь, думаетъ свою думу врознь отъ дружины, скупъ князь или завелъ любимца—дружинники покидаютъ его... Имъ легко это сдѣлать: они не связаны съ областью, гдѣ правитъ покинутый ими князь; они—русскіе, а Русская земля велика и князей въ ней много: каждый изъ нихъ съ радостью приметъ добраго воина“.

Воинъ нуженъ каждому князю въ это тревожное время, когда кругомъ кипитъ междоусобная борьба, ежечасно готовая вспыхнуть и натворить всякихъ бѣдъ — когда ежедневно можно ждать тревожныхъ вѣстей отъ степныхъ сторожей о томъ, что дикіе кочевники готовятся къ набѣгу на русскія области и уже двинули свои гибельныя полчища къ нашимъ предѣламъ.

Кочевники.

Начиная со второй половины XI вѣка, въ степяхъ нашихъ, на мѣсто прежнихъ печенѣговъ и торковъ, являются страшные половцы, и въ теченіе двухъ вѣковъ тяготѣютъ надъ приднѣпровскою Русью, какъ темная грозовая туча, ежечасно готовая разразиться громами и ливнями, гибелью и опустошеніемъ. Лѣтописи наши переполнены описаніями половецкихъ набѣговъ, и страницы ихъ дышатъ еще тѣмъ ужасомъ, который внушали эти кочевники, стремительно налетавшіе на беззащитные города и села, чтобы все ограбить и разорить, захватить громадный полонъ и предать огню и мечу все, чего нельзя было увезти съ собою.

Страшное бѣдствіе соединяетъ, сплочиваетъ разрозненныя силы безпокойныхъ князей, враждующихъ между собою... Начинается рядъ походовъ „всею землею", противъ общаго врага: половцевъ смиряютъ, оттѣсняютъ отъ русскихъ предѣловъ. Обаяніе страха, вызваннаго первыми столкновеніями съ ихъ темною силою, мало-по-малу разсѣевается. Въ XII вѣкѣ походы противъ половцевъ являются уже вполнѣ народными движеніями, которыми въ одинаковой степени руководитъ стремленіе къ борьбѣ противъ общаго врага и жажда славы, молодечество, удаль. Оба эти стремленія ясно выражаются даже и въ лѣтописныхъ разсказахъ о походахъ князей на половцевъ—и есть основаніе предположить, что каждый изъ подобныхъ походовъ, яркою чертою врѣзываясь въ память близкой къ князю дружины, дѣлившей съ нимъ труды и опасности, вызывалъ разсказы о подвигахъ отдѣльныхъ лицъ, воодушевлялъ княжескихъ пѣвцовъ къ прославленію князей, „утерших потъ" и проливших кровь за Русскую землю, и побуждалъ ихъ слагать пѣсни въ честь и хвалу князя и дружины.

Общіе походы противъ нихъ.

Современные памятники несомнѣнно удостовѣряютъ насъ въ томъ, что такіе *княжескіе пѣвцы* входили въ составъ княжеской дружины, а можетъ быть являлись при дворѣ князей и изъ среды народа, такъ какъ лѣтописи сообщаютъ намъ о любопытномъ обычаѣ народномъ:—встрѣчать восторженными, прославительными пѣснями князей, возвращающихся изъ похода противъ иноплеменниковъ съ отбитымъ у нихъ русскимъ полономъ.

Прославленіе княжескихъ подвиговъ.

Одна изъ такихъ пѣсенъ, несомнѣнно сложенная въ XII вѣкѣ княжескимъ пѣвцомъ, уцѣлѣла до нашего времени, какъ живой отголосокъ старины, какъ единственное въ своемъ родѣ отраженіе той пестрой, привольной и разнообразной дѣйствительности, среди которой жили наши предки въ періодъ, предшествовавшій мрачной эпохѣ татарщины. Эта пѣснь—„Слово о полку Игоревѣ" (т.-е. о походѣ Игоря), сложенная въ память о походѣ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря противъ половцевъ, въ 1185 г. Во время этого небольшого и притомъ несчастливо-окончившагося похода, русскіе были окружены и понесли полное пораженіе; князья и дружины ихъ попались въ плѣнъ, и долго въ немъ оставались. И этотъ небольшой, неудачный походъ былъ воспѣтъ княжескимъ пѣвцомъ, какъ важный подвигъ ратный, можетъ-быть потому, что смѣлый походъ Игоря полюбился ему по своей замѣчательной удали и молодечеству; а можетъ-быть и потому, что его привлекала личность князя, который выступалъ на похвальное и достославное дѣло борьбы съ „погаными" въ то время, когда другіе напрасно тратили силы на братоубійственную вражду и усобицы.

Слово о полку Игоревѣ.

Лѣтописи наши сохранили намъ довольно подробныя свѣдѣ-

нія о походѣ князя Игоря, къ которому тоже относятся весьма сочувственно, съ большой похвалой отзываясь и о князѣ, и о его отважномъ подвигѣ. Изложеніе событія, по общему тону, характеру и подробностямъ очень близко, почти тождественно и въ лѣтописяхъ, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Видно, что эта торжественная пѣснь сложена современникомъ, близко-знакомымъ со всѣми частностями описываемаго похода, съ современными условіями древне-русской жизни и со всѣми важнѣйшими представителями современной княжеской среды. На эту тѣсную связь съ современностью отчасти указываетъ самъ авторъ „Слова" въ своемъ вступленіи, заявляя, что онъ намѣренъ воспѣть походъ князя Игоря *по былинамъ сего времени*, а не по *замышленію Боянову*—т. е. по дѣйствительнымъ фактамъ, по тому, что дѣйствительно было, а не по вымыслу *пѣвца Бояна*, о которомъ онъ говоритъ съ почтительнымъ преклоненіемъ передъ его талантомъ, какъ пѣвца вдохновеннаго. „Боянъ-то вѣщій,—такъ вспоминаетъ объ этомъ пѣвцѣ авторъ „Слова"—когда хотѣлъ кого-нибудь воспѣть въ пѣснѣ, то растекался мыслью вширь и вдаль, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ взлеталъ подъ облака. Вѣщіе персты свои онъ возлагалъ на оживленныя имъ струны, и онѣ тотчасъ сами собой рокотали славу князьямъ". При этихъ воспоминаніяхъ о Боянѣ, авторъ „Слова" перечисляетъ намъ и тѣхъ князей, которыхъ онъ воспѣвалъ, и тѣмъ самымъ даетъ намъ прочную историческую основу этому неизвѣстному намъ русскому поэту, который (судя по князьямъ) жилъ, вѣроятно, въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка.

Пѣвецъ Боянъ.

Отъ воспоминаній о Боянѣ и о старыхъ временахъ, авторъ „Слова о полку Игоревѣ" переходитъ къ дѣйствительности и заявляетъ о своемъ намѣреніи воспѣть „нынѣшняго Игоря", который, „исполнившись ратнаго духа, повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю Русскую". Затѣмъ начинается „трудная (т. е. скорбная) повѣсть" о подвигахъ Игоря, которую изслѣдователи этого памятника довольно удачно подраздѣляютъ на три части.

Содержаніе Слова о полку Игоревѣ.

Въ первой части заключается главное ядро всей повѣсти о походѣ Игоря, въ которой историческая истина—событіе и дѣйствительность — хитро и изящно переплетены съ поэтическими прикрасами, съ яркими картинами природы, которую пѣвецъ изображаетъ полною вѣщихъ голосовъ и знаменій и глубоко сочувствующею его излюбленному герою. Игорь выступаетъ въ походъ, хотя въ затменіи солнца, покрывающемъ путь его тьмою, провидитъ указаніе на несчастливый исходъ своего предпріятія. Но онъ не падаетъ духомъ, ободряетъ своихъ воиновъ и говоритъ имъ: „хочу либо голову сложить, либо испить шеломомъ изъ

Дона“. Въ Путивлѣ встрѣчается онъ съ братомъ своимъ Всеволодомъ, который, выражая ему пріязнь, хвалитъ своихъ воиновъ-курянъ. „Они опытные воины;—говоритъ Всеволодъ,—подъ военными трубами повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены... Имъ всѣ пути вѣдомы, всѣ овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены; сами они скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, — ищутъ себѣ чести, а князю своему славы“. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе битвъ, сначала удачныхъ, потомъ несчастливыхъ для русскаго оружія... „Половцы идутъ и отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ окружаютъ полки русскіе“. Всѣ князья бьются храбро, но храбрѣе всѣхъ— Всеволодъ, котораго пѣвецъ сравниваетъ съ разъяреннымъ туромъ: „гдѣ яръ-туръ проскакалъ (восклицаетъ пѣвецъ), золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамъ рядами лежатъ половецкія головы“. Но половцы одолѣваютъ мужество подавляющимъ множествомъ... „Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до разсвѣта летаютъ стрѣлы каленыя, звучатъ сабли о шеломы, трещатъ копья булатныя...“ „Черна земля подъ копытами коней,—она посѣяна костями и полита кровью: печалью долженъ взойти этотъ посѣвъ на Русской землѣ!“ И затѣмъ, переходя отъ описанія битвы къ воспоминанію о княжескихъ усобицахъ, пѣвецъ горько жалуется на то, что „въ князьяхъ не стало единомыслія на поганыхъ“. „Они сами на себя куютъ крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ на Русскую землю“.

Вторая часть „Слова о полку Игоревѣ“ начинается съ описанія вѣщаго сна, который видитъ князь Святославъ Кіевскій. Сонъ не сулитъ ничего добраго;—и точно: ближніе бояре великаго князя сообщаютъ ему печальную вѣсть о неудачѣ, постигнувшей его сыновей, о гибели ихъ войска и дружины, о ихъ собственномъ плѣненіи. Старый князь Святославъ оплакиваетъ своихъ сыновей и, въ горячемъ порывѣ обращаясь мысленно ко всѣмъ современнымъ русскимъ князьямъ, молитъ ихъ „вступиться за обиду сего времени, за землю Русскую, за рать Игореву“. Одновременно и супруга Игорева, Ярославна, сердцемъ чуя невзгоду, бродитъ одинокая по стѣнамъ города Путивля, смотритъ въ даль степную, непроглядную, и горько сокрушается о своемъ миломъ супругѣ. Этотъ „плачъ Ярославны“—одно изъ самыхъ поэтическихъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ“—превосходно переданъ въ переложеніи нашего поэта А. Н. Майкова:

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:
«Полечу кукушечкой къ Дунаю,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,

Оботру кровавы раны князю
На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ...»
Тамъ она въ Путивлѣ, раннимъ-рано,
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ-вѣтрило! Что ты, господине,
Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь-вѣешь—развѣваешь
На ковыль-траву мое веселье...»
Тамъ она въ Путивлѣ, раннимъ-рано,
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой Словутичъ!
По землѣ прошелъ ты половецкой,
Пробивалъ ты каменисты горы!
Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
До земли Кобяковой носилъ ихъ...
Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою,
По сырымъ зорямъ на сине море!..»
Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое, тресвѣтлое ты, Солнце!
Ахъ, для всѣхъ красно, тепло ты, Солнце!
Что жъ ты, Солнце, съ неба устремило
Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ?
Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
Сушишь, гнешь не смоченные луки,
Замыкаешь кожаныя тулы...»

Въ третьей, самой краткой части „Слова" описывается возвращеніе Игоря изъ плѣна половецкаго. Пѣвецъ, проникнутый радостнымъ чувствомъ, при описаніи этого счастливаго исхода, набрасываетъ поэтическую картину общаго веселья, общаго сочувствія къ Игорю, и со стороны людей, и со стороны самой природы: „страны радуются, города веселятся и прославляютъ пѣснями князей, сначала старыхъ, а потомъ и молодыхъ". Но этого мало: вся природа оберегаетъ Игоря отъ всякихъ бѣдъ и опасностей и благопріятствуетъ его бѣгству изъ плѣна: „черняди и гоголи охраняютъ князя, когда онъ плыветъ рѣкою; дятлы стукомъ своимъ ему къ водѣ путь указываютъ, соловьи пробуждаютъ его ранымъ-рано на разсвѣтѣ"... Вотъ, наконецъ, онъ и на Руси, уже ѣдетъ вверхъ по Днѣпру, къ Богородицѣ Пирогощей—благодарить за избавленіе отъ плѣна. „Воспоемъ же и мы пѣснь Игорю Святославичу, Буй-Туръ Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Да здравствуютъ князья и дружина, вступающіе въ борьбу за христіанъ

противъ полчищъ поганыхъ. Князьямъ — слава, а дружинѣ — аминь". — Такъ кончаетъ свою пѣснь неизвѣстный намъ высокоталантливый пѣвецъ.

Одною изъ отличительныхъ сторонъ „Слова о полку Игоревѣ", по сравненію съ другими древне-русскими литературными памятниками, является любопытная смѣсь чисто-языческихъ вѣрованій и представленій съ христіанскими воззрѣніями. *Богъ указываетъ* Игорю путь изъ земли половецкой на Русь; приводится припѣвъ Бояна: „ни хитру, ни горазду суда Божія не минуть"; половцы называются *погаными* въ отличіе отъ *православныхъ*. И, рядомъ съ этими выраженіями, авторъ „Слова" называетъ Бояна „*Велесовымъ внукомъ*"; вѣтры — *Стрибожьими внуками;* русскій народъ — *Даждьбожьимъ внукомъ;* упоминаются и другія миѳологическія существа, въ родѣ *Хорса*, какой-то *Троянъ*, какой-то *Дивъ*, кличущій сверху дерева... Видно, что пѣвецъ-христіанинъ еще не забылъ старыхъ боговъ, еще не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ вѣрованья въ нихъ, и, при удобномъ случаѣ, давъ просторъ своей фантазіи, невольно о нихъ вспоминаетъ. Двоевѣріе пѣвца.

Несмотря на этотъ, нѣсколько странный, двоевѣрный характеръ памятника, совершенство внѣшней и внутренней стороны „Слова" представляется намъ поразительнымъ. Историческая основа тѣсно связана въ немъ съ поэтическою формою изложенія и притомъ такъ, что исторія не исключаетъ собою вымысла, а вымыселъ не затемняетъ исторіи. Почти правильное соотношеніе частей, послѣдовательность изложенія и даже нѣкоторая цѣльность всего памятника — даютъ намъ право предположить, что „Слово о полку Игоревѣ" было *не* единственнымъ поэтическимъ произведеніемъ княжескихъ пѣвцовъ въ XII вѣкѣ. До этого произведенія, конечно, были еще и другія, подобныя же, и отвергать существованіе только потому, что они не дошли до насъ — невозможно. Самъ авторъ „Слова" вспоминаетъ о Боянѣ и о его пѣсняхъ, и опредѣляетъ даже время дѣятельности этого пѣвца, перечисляя воспѣтыхъ имъ князей. А. Н. Майковъ, въ своемъ прекрасномъ предисловіи къ переводу „Слова", говоритъ совершенно справедливо: „эта пѣсня — одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней кіевской Руси, дошедшей до насъ... Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, — погибла; и, конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главной причиной ея гибели". Достоинство и значеніе памятника.

Исторія этого памятника нашей древней литературы довольно любопытна. Драгоцѣнная (до сихъ поръ единственная) рукопись „Слова о полку Игоревѣ" сохранилась до начала нынѣшняго вѣка. Она была открыта извѣстнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія екатерининскаго времени, графомъ А. И. Му- Исторія памятника.

синымъ-Пушкинымъ. Графъ отыскалъ этотъ замѣчательный памятникъ въ 1795 году, въ своей обширной библіотекѣ; списокъ памятника, принадлежавшій, по почерку, къ концу XIV или къ началу XV вѣка, внесенъ былъ въ рукописный сборникъ, незадолго передъ тѣмъ купленный графомъ отъ архимандрита Іоиля и хранившійся дотолѣ въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ. Драгоцѣнную рукопись, которая поразила графа своимъ оригинальнымъ содержаніемъ, онъ показывалъ многимъ любителямъ и знатокамъ нашей рукописной старины, и, между прочимъ, нашему исторіографу Н. М. Карамзину. Зная, какъ императрица Екатерина интересуется изученіемъ русской старины и народности, графъ приказалъ изготовить точный списокъ съ рукописи „Слова“, и поднесъ его государынѣ [1]). Затѣмъ, въ 1800 году, графъ издалъ въ свѣтъ первое изданіе „Слова“ подъ заглавіемъ: «*Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новгородъ-Сѣверскаго, Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе*» [2]). Это изданіе графа было перепечатано Шишковымъ (въ 1805 г.) въ „сочиненіяхъ и переводахъ“, издаваемыхъ Россійскою академіею—и затѣмъ въ 1812 г. рукопись „Слова“ погибла въ страшномъ московскомъ пожарѣ, поглотившемъ библіотеку графа, вмѣщавшую въ себѣ массу другихъ книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ.

Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

Вызванныя памятникомъ сомнѣнія.

Первое появленіе въ печати этого драгоцѣннаго памятника возбудило массу противорѣчивыхъ толковъ. Одни восхищались безусловно, сравнивали его съ произведеніями Гомера и даже съ пѣснями шотландскаго барда Оссіана, которыя всѣмъ вскружили головы въ началѣ нынѣшняго вѣка; другіе, напротивъ, находили, что „Слово“ написано несвойственнымъ поэзіи языкомъ, грубою прозою, на языкѣ полуобразованномъ, почти мертвомъ, отчего и

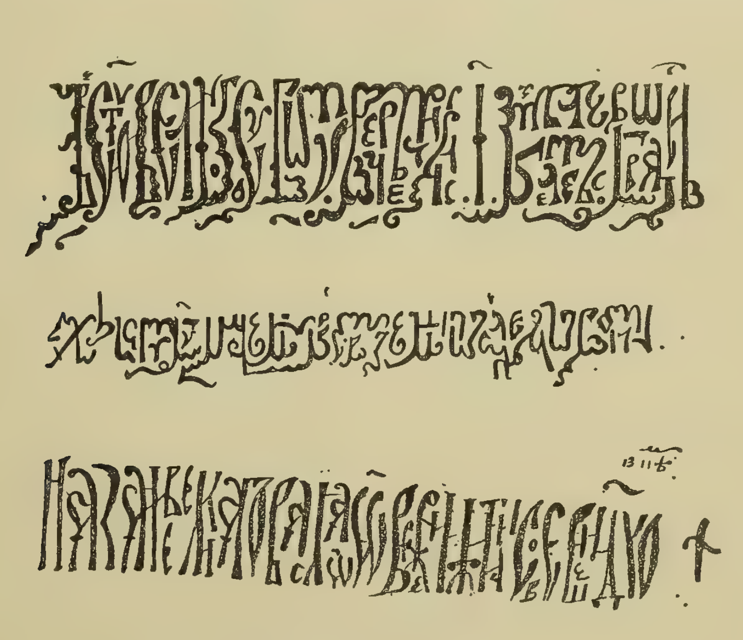
---

[1]) Въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія этотъ списокъ былъ отысканъ академикомъ П. П. Пекарскимъ въ бумагахъ Екатерины.

[2]) Изданіе это составляетъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость.

вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь славянскаго съ русскимъ". Съ большимъ недовѣріемъ относилась къ „Слову" и критика ученая; никто не признавалъ достоинствъ и значенія памятника; многіе изъ скептиковъ даже прямо подозрѣвали въ „Словѣ" подлогъ со стороны графа Мусина-Пушкина. Время сомнѣній миновало тогда, когда изученіе древне-русскаго языка дошло, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, до высокой степени развитія; только путемъ изученія языка въ „Словѣ о полку Игоревѣ" и сравненія его съ языкомъ другихъ, современныхъ ему памятниковъ древне-русской литературы, ученые признали въ „Словѣ" несомнѣнное произведеніе XII вѣка, современное тѣмъ событіямъ, которыя въ немъ описываются. Въ этомъ отношеніи особенно важны труды князя П. П. Вяземскаго и Е. В. Барсова, объяснившихъ каждое слово замѣчательнаго подлинника. Изъ многихъ переложеній „Слова" на современный нашъ русскій языкъ особенно выдѣляются, по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, переводы Л. Мея и А. Н. Майкова. Послѣдній изъ этихъ переводовъ замѣчателенъ и какъ попытка разъясненія многихъ темныхъ мѣстъ „Слова". Такими темными мѣстами—вѣроятно, вслѣдствіе описокъ или невѣрной передачи нѣкоторыхъ выраженій первоначальнымъ списателемъ—памятникъ изобилуетъ, и они, вѣроятно, останутся въ немъ для всѣхъ вѣчною загадкою, пока не будетъ разысканъ другой списокъ того же памятника. Но на это—увы!—остается очень мало надежды, послѣ всего, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ сдѣлано для изученія и изслѣдованія древне-русской литературы.

Результаты ближайшаго изученія памятника.



Образцы рукописной вязи.

Періодъ второй.

Отъ начала Татарщины до временъ Грознаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало XIII вѣка. — Состояніе образованности.—Просвѣщенные пастыри и учители.—Авраамій Смоленскій.—Симонъ и Поликарпъ.—Патерикъ Печерскій.—Татарское нашествіе и его бѣдствія.—Церковь спасаетъ просвѣщеніе.—Отголоски Татарщины въ произведеніяхъ Кирилла митрополита кіевскаго и Серапіона.

Русская жизнь въ началѣ XIII вѣка шла своимъ обычнымъ чередомъ, постепенно расширяясь и развиваясь, полная движенія, полная разнообразія и оживленія въ центрѣ, полная тяжкой колонизаціонной работы и борьбы съ иноплеменниками на окраинахъ. Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, которыя здѣсь было-бы неумѣстно выяснять, центръ исторической жизни, уже въ первой четверти XIII вѣка, перемѣстился изъ Кіева далѣе на сѣверо-востокъ Руси, въ далекій Суздальскій край; общіе интересы жизни стали дробиться, и изъ центровъ старыхъ переходить въ новые, вновь возникающіе. Древній Кіевъ оставался, попрежнему, центромъ образованности и книжнаго просвѣщенія, наравнѣ съ Великимъ Новгородомъ; попрежнему, разсылалъ во всѣ концы Руси епископовъ и пастырей церковныхъ; но около нихъ всюду уже собираются мѣстные дѣятели, среди которыхъ обильно всхо-

дятъ сѣмена духовнаго просвѣщенія, всюду образуются кружки грамотныхъ людей, и такимъ образомъ, книжное просвѣщеніе и письменная литература начинаютъ, мало-по-малу, проявляться и въ другихъ областныхъ центрахъ сѣвера и сѣверо-востока Руси: въ Ростовѣ, Муромѣ, Ярославлѣ, Рязани и Твери. Такъ, напримѣръ, лѣтопись, которая велась первоначально только въ Кіевѣ и въ Новѣгородѣ, теперь заводится и въ другихъ, болѣе мелкихъ областныхъ центрахъ русской жизни. Лѣтописцы, близко наблюдающіе жизнь своего центра, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ намъ о мѣстныхъ епископахъ, что они были люди „книжные и учительные", т.-е. образованные, начитанные и способные поучать паству. Такой отзывъ встрѣчаемъ у лѣтописцевъ и о Кириллѣ I, митрополитѣ кіевскомъ, и о Кириллѣ, епископѣ ростовскомъ, и о Симеонѣ, епископѣ тверскомъ, правившихъ паствами въ различныхъ концахъ Руси въ первой половинѣ XIII вѣка. Особенно любопытны свѣдѣнія, сохранившіяся объ Аврааміи, игуменѣ смоленскомъ (ум. 1221 г.), рисующія намъ этого талантливаго и просвѣщеннаго дѣятеля въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Въ житіи, написанномъ его ученикомъ, онъ выставляется горячимъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, котораго стекались слушать всѣ жители города; такое вниманіе къ его проповѣднической дѣятельности вызывалось тѣмъ, что онъ умѣлъ вразумительно и ясно истолковывать своей паствѣ Св. Писаніе и говорилъ настолько просто, что его въ равной степени понимали люди всѣхъ сословій и всѣхъ возрастовъ. Въ то же время онъ занимался и живописью; любимымъ сюжетомъ его произведеній было изображеніе страшнаго суда и странствованій души по мытарствамъ. Эти выдающіяся личныя качества Авраамія возбудили къ нему зависть во многихъ, и духовенство стало на него жаловаться епископу, обвиняя его въ еретичествѣ и пристрастіи къ чернокнижію. [1]) Надъ головою Авраамія стала собираться гроза, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ бѣжать изъ Смоленска.

Образованные пастыри. Авраамій.

Около того же времени видимъ во Владимірѣ (на Клязьмѣ) извѣстнаго своею образованностью и литературными трудами епископа Симона, о которомъ мы уже упоминали выше (см. стр. 82), по поводу его „посланія" къ Поликарпу, иноку кіево-печерскаго монастыря. Въ этомъ „посланіи" Симонъ увѣщевалъ Поликарпа примириться съ игуменомъ Акиндиномъ (съ нимъ Поликарпъ былъ въ ссорѣ и поэтому готовъ былъ покинуть обитель Печерскую); онъ приводитъ ему, въ образецъ, примѣры подвижни-

Симонъ, епископъ владимірскій.

---

[1]) Сохранились довольно темные намеки на то, что онъ будто бы читалъ какія-то *«глубинныя»* книги. Не стоятъ-ли онѣ въ связи съ извѣстнымъ стихомъ о Голубиной Книгѣ, и не заключали-ли въ себѣ какихъ-нибудь апокрифическихъ сказаній о мірозданіи?

ческой жизни, сообщаетъ нѣсколько разсказовъ о печерскихъ подвижникахъ и излагаетъ сказаніе о построеніи „великой Печерской церкви“. Это посланіе просвѣщеннаго пастыря такъ сильно подѣйствовало на инока Поликарпа, что тотъ не только примирился съ Акиндиномъ, но, въ посланіи къ нему, даже рѣшился высказать готовность—продолжать трудъ, начатый Симономъ. Онъ и дѣйствительно написалъ еще 12 житій тѣхъ печерскихъ угодниковъ, которые не вошли въ посланіе Симона. Всѣ эти сказанія о подвижникахъ печерскихъ потомъ составили одинъ общій сборникъ, извѣстный подъ названіемъ *Патерика Печерскаго.*

Нашествіе.

Такъ шла на Руси жизнь духовная и умственная, зарождая и развивая новыя потребности, очищая поле для дѣятельности, привлекая и міряиъ къ движенію книжному и литературному, какъ вдругъ — ни для кого нежданно и негаданно — на Русскую землю обрушилось страшное нашествіе татарское и залегло непреодолимой преградой дальнѣйшему поступательному движенію русской образованности и общественности. Остановилась жизнь историческая—задержалось надолго умственное движеніе и стремленіе къ книжному просвѣщенію. Не до школъ и не до книгъ было молодому русскому обществу, когда всѣ лучшія силы его устремились на непосильную борьбу съ дикимъ и безпощаднымъ врагомъ, а всѣ стремленія духовныя были поглощены инстинктомъ самоохраненія. Къ тому же, въ общемъ и сплошномъ погромѣ городовъ и областей, потрясены были и лучшія основы нашей образованности, уничтожены тѣ запасы и матеріальныя средства нашего, еще молодого, просвѣщенія, которые накоплены были тяжкимъ трудомъ и усерднымъ раченіемъ многихъ поколѣній въ теченіе почти двухъ съ половиною вѣковъ. Безвозвратно погибли сотни уже довольно богатыхъ библіотекъ, хранившихся въ стѣнахъ церквей и монастырей, въ палатахъ князей и вельможъ, и лишь въ немногихъ, удаленныхъ отъ центра мѣстахъ уцѣлѣли скудные остатки нашихъ начальныхъ книгохранилищъ. Такимъ образомъ рукописная книга, и до татарскаго нашествія бывшая у насъ дорогою и цѣнною частью достоянія, въ періодъ татарщины сдѣлалась почти сокровищемъ... Страшное оскудѣніе матеріальное вело прямымъ путемъ къ еще болѣе страшному оскудѣнію умственному и нравственному.

Церковь и просвѣщеніе.

Въ эту страшную годину бѣдствій, русская Церковь, болѣе, чѣмъ когда-либо, явилась истинною спасительницею и усердной хранительницей тѣхъ зачатковъ просвѣщенія, какіе успѣли народиться и произрасти на русской почвѣ до начала XIII вѣка. Татары, пользуясь раздоромъ и усобицами русскихъ княжествъ, успѣли быстро одолѣть русскую военную силу; но русская Церковь поразила ихъ своимъ множествомъ храмовъ, благолѣпіемъ

служенія и прочно-установившеюся внѣшней обрядовой стороной; полудикимъ кочевникамъ, стоявшимъ въ ту пору еще на степени жалкаго фетишизма [1]), показались грозными эти „воины Христовы“, безстрашно возносившіе молитвы „единому невѣдомому Богу“. И вотъ, ханы татарскіе берутъ, уже въ самомъ началѣ татарщины, русскую Церковь подъ свое покровительство, избавляютъ бѣлое и черное духовенство отъ всякихъ даней и поборовъ, даютъ милостивые *ярлыки* (охранныя грамоты) митрополитамъ, и въ этихъ ярлыкахъ указываютъ, чтобы никто не смѣлъ взять, изодрать или попортить иконы, книги и иныя богослужебныя вещи... „дабы духовные не проклинали хановъ, а молили Бога за нихъ и за все ихъ племя, и благословляли ихъ“... Смертная казнь грозила каждому, кто вздумалъ бы преступить велѣнія ханскія, выраженныя въ этихъ ярлыкахъ.

И Церковь русская воспользовалась своими правами и льготами на великое благо русскаго народа: ограждая и утверждая въ сердцѣ русскихъ людей самое дорогое достояніе ихъ—вѣру отцовъ,—она охраняла вмѣстѣ съ нею и свѣтъ ученія, и уваженіе къ книгѣ, къ умственной дѣятельности. И едва только первое впечатлѣніе ужаса, наведеннаго на русскихъ людей страшнымъ татарскимъ погромомъ, стало сглаживаться и проходить—духовенство уже спѣшило воспользоваться этою карою Божіею, какъ могущественнымъ орудіемъ для воздѣйствія на свою паству, для внушенія ей и поддержанія въ ея средѣ высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

Отъ Кирилла II, митрополита кіевскаго (1243—1280 г.), дошло до насъ „Правило Церковное“, изложенное имъ въ формѣ рѣчи или проповѣди, съ которой онъ обратился къ духовенству на Соборѣ, созванномъ во Владимірѣ, въ 1274 г. Въ этой проповѣди и онъ указываетъ на татарщину, какъ на наказаніе, постигнувшее насъ за отступленіе отъ правилъ жизни, преподанныхъ Церковью. „Какую выгоду получили мы — восклицаетъ Кириллъ:—оставивъ божественныя правила? Не разсѣялъ-ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты-ли наши города? Не пали ли наши сильные князья отъ острія меча? Не отведены-ли въ плѣнъ наши чада? Не запустѣли-ли святыя Божіи церкви? Не томимся-ли мы каждый день отъ безбожныхъ и нечестивыхъ язычниковъ? И все это намъ за то, что мы не хранимъ правилъ святыхъ отецъ нашихъ“. Кириллъ II.

Въ „поученіи къ попамъ“, которое прибавлено было Кирилломъ къ „Правилу“, онъ весьма разумно и мягко поучаетъ па-

---

[1]) Татары, въ началѣ XIII в., были еще язычниками и поклонялись идоламъ, священнымъ огнямъ и тѣнямъ предковъ... Гораздо позднѣе они приняли магометанство.

стырей Церкви, какъ слѣдуетъ имъ обращаться со своею паствою... „Разумѣйте, какъ учить дѣтей вашихъ духовныхъ: учите не слабо, чтобы не облѣнились, и не жестоко, чтобы не отчаялись"... И какъ бы желая самъ соблюсти это прекрасное правило, онъ заканчиваетъ свое „поученіе" тѣмъ, что обѣщаетъ „облегченіе бѣдствій отъ поганыхъ" въ будущемъ, если духовенство и паства соблюдутъ всѣ, предлагаемыя имъ, правила вѣры и нравственности.

Серапіонъ. Другой проповѣдникъ, болѣе Кирилла II сильный словомъ и духомъ, еще ярче выставляетъ въ своихъ проповѣдяхъ бѣдственное положеніе Руси, вызванное, по его словамъ, именно тѣмъ, что „мы не послушали евангелія, не послушали апостола, не послушали пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста"... Живыми и яркими чертами набрасываетъ онъ картину бѣдствій, тяготѣющихъ надъ Россіею:

„Богъ, видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы отвергли Его заповѣди, навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, нещадящій ни юной красоты, ни старческой немощи, ни дѣтскаго возраста. Мы сами навлекли на себя гнѣвъ Бога нашего—и вотъ: разрушены храмы, осквернены священные сосуды, потоптана святыня; святители стали жертвою меча, тѣла преподобныхъ иноковъ выброшены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и братій нашихъ, словно вода обильная, наполнила землю; крѣпость князей и воеводъ нашихъ исчезла; храбрые наши, исполнившись страха, бѣжали; множество дѣтей и братій нашихъ отведены въ плѣнъ... Села наши поросли мелколѣсьемъ; величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось на долю другимъ; трудомъ нашимъ воспользовались поганые, и земля наша стала ихъ достояніемъ. А мы сами стали поношеніемъ для сосѣднихъ земель и посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. И все почему? Потому, что, какъ дождь съ неба, свели на себя грозу гнѣва Господня!"

Такъ говоритъ вдохновенный проповѣдникъ, призывая всѣхъ исправиться, покаяться, отстать отъ старыхъ грѣховъ, обновить въ себѣ ветхаго человѣка, забыть о ссорахъ и распряхъ во имя братолюбія, во имя любви и единенія противъ общаго врага—отъ котораго, рано или поздно, милосердый Богъ долженъ былъ избавить своихъ провинившихся, но покаявшихся и исправившихся сыновъ.

Къ сожалѣнію, объ этомъ талантливомъ и горячемъ проповѣдникѣ, отъ котораго до насъ дошло всего только пять поученій, мы знаемъ очень немногое: *Серапіонъ* (впослѣдствіи причтенный къ лику святыхъ) былъ возведенъ изъ архимандритовъ

кіево-печерской обители въ епископы владимірскіе въ 1274 г., а въ 1275 г. скончался. Полагаютъ, что всѣ сохранившіяся намъ поученія его были написаны имъ для его новой паствы и относятся, слѣдовательно, къ послѣднему году его жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новый центръ политическій и религіозный. — Москва. — Вліяніе татарщины на нравы, обычаи и общее направленіе русской жизни.—Монастырь и его идеалы.— Митрополитъ Кипріанъ и Кириллъ Бѣлозерскій. — Архіепископъ Василій и его посланіе о раѣ земномъ.

Одниміъ изъ ближайшихъ послѣдствій татарщины было то, что сила политическаго тяготѣнія стала собирать Русскую землю около Москвы, и вслѣдствіе этого, мало-по-малу, совершенно измѣнились и направленіе, и характеръ древне-русской жизни. Она уже не могла течь прежнею широкою и привольною волной и, видимо, стала устанавливаться въ опредѣленныхъ берегахъ. Этотъ переходный періодъ, въ теченіе котораго изъ разрушенныхъ областей и княжествъ стало постепенно складываться цѣльное и сплоченное государство, былъ періодомъ тяжкимъ, полнымъ борьбы и мрака. Лучшимъ представителямъ общества приходилось въ это время затрачивать всѣ силы на защиту личности и собственности отъ насилія и произвола, сначала отбиваясь отъ алчныхъ татаръ, а потомъ противоборствуя властолюбивой Москвѣ, опиравшейся на татарскую власть и силу. „Въ этихъ тяжкихъ условіяхъ, при полномъ отсутствіи безопасности—и внутренней, и внѣшней,—нравы грубѣли, суровый и мрачный оттѣнокъ замѣтно ложился на всѣ произведенія духа; а постоянная привычка руководствоваться инстинктомъ самоохраненія вела къ преобладанію всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными“,— по справедливому замѣчанію нашего историка С. М. Соловьева. Однимъ словомъ, общество русское переживало тотъ тяжкій и бѣдственный періодъ, когда, по словамъ историка, „имущества гражданъ сохранялись въ церквахъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хоть и не всегда, безопасныхъ; а сокровища нравственныя имѣли нужду тоже въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ пустыняхъ и монастыряхъ“. При такихъ условіяхъ, конечно, всякіе зачатки свѣтской литературы должны были надолго исчезнуть; и не только занятіямъ литературнымъ, но даже самой грамотности оказалось возможно существовать только внутри монастырской ограды, только подъ защитою Церкви. А такъ какъ Москва съ теченіемъ времени стала не только важнымъ центромъ политическимъ, но и церковно-административнымъ (послѣ перевода въ

Тяжкія времена.

нее митрополіи), то важность этого новаго центра должна была вскорѣ привлечь и тѣ лучшія силы духовныя и нравственныя, которыя въ этотъ періодъ успѣшнѣе всего развились въ духовенствѣ, какъ въ привилегированной средѣ обезпеченной нравственно и морально.

Московскіе митрополиты.

Дѣйствительно, въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, видимъ во главѣ умственнаго движенія древней Руси трехъ митрополитовъ московскихъ: св. Петра, св. Алексія и Кипріана—и каждый изъ нихъ оставилъ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ древнерусской литературѣ.

Отъ *св. Петра* дошли до насъ два поученія, написанныхъ очень просто и прямо указывающихъ на тѣ общественныя язвы, отъ которыхъ онъ старается остеречь свою паству. Чрезвычайно характерно то увѣщаніе, съ которымъ онъ обращается „къ міpянамъ, попамъ и дьяконамъ“:

„Будьте истинными пастухами вашего стада, а не простыми наемниками, которые молоко съѣдаютъ и волну снимаютъ; а о самихъ овцахъ не имѣютъ попеченія“...

Св. Алексій (1293—1377 г.) происходилъ изъ рода черниговскихъ бояръ, и сначала былъ епископомъ владимірскимъ, а потомъ митрополитомъ московскимъ. Это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Будучи въ Царьградѣ (онъ ѣздилъ туда для поставленія въ митрополиты около 1355 г.), онъ своею рукою списалъ полный списокъ Новаго Завѣта и сдѣлалъ въ немъ необходимыя исправленія по греческимъ текстамъ, такъ какъ былъ хорошо знакомъ съ греческимъ языкомъ. Окружное посланіе, въ которомъ онъ обращается къ своей паствѣ при вступленіи на епископскій престолъ, проникнуто умомъ свѣжимъ и здравымъ; въ немъ все ясно и наглядно, все выражено въ образахъ сильныхъ и рѣзко-опредѣленныхъ. „Оставивъ всѣ дѣла свои,— такъ говоритъ онъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: — на церковную молитву стекайтесь безъ лѣности, и не говорите: отпоемъ дома“... „Какъ храмина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣться, такъ и домашняя молитва не можетъ (быть) безъ церковной“. Такъ же образно напоминаетъ онъ православнымъ о необходимости говѣнія и причащенія Св. Тайнъ: „овцу назнаменанную (отмѣченную знакомъ) неудобно бываетъ украсть; такъ и вы, овцы словеснаго стада, не пропускайте ни котораго говѣнія безъ того знаменія, но будьте причастниками тѣлу и крови Христовой“.

Митрополитъ *Кипріанъ* (1376—1406), родомъ сербъ, о которомъ лѣтопись отзывается, какъ о мужѣ *вельми книжномъ и учительномъ*, былъ дѣйствительно человѣкъ разнообразной начитанности и рѣдкой, по тому времени, учености. Владѣя свободно греческимъ языкомъ, онъ, во время пребыванія въ Студійскомъ мо-

настырѣ, въ Царьградѣ, занимался и переводами съ греческаго, и списываніемъ книгъ. Пріѣхавъ въ Россію, онъ привезъ съ собою весьма много рукописей сербскихъ. Вѣроятно, этою ученостью и разнообразною начитанностью и объясняется то, что Кипріанъ— первый изъ высшихъ представителей русскаго духовенства — заговорилъ о книгахъ *ложныхъ* или *апокриѳическихъ* и помѣстилъ списокъ ихъ въ своемъ требникѣ [1]). Изъ сочиненій митрополита Кипріана до насъ дошли: *житіе св. Петра*, нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ, по поводу разныхъ церковныхъ вопросовъ, и прощальная грамота. Въ своихъ посланіяхъ, Кипріанъ касается двухъ чрезвычайно важныхъ и жизненныхъ вопросовъ, которые въ слѣдующемъ вѣкѣ должны были поднять цѣлую бурю ожесточенныхъ споровъ и вызвать рядъ сомнѣній и опасеній. Онъ напоминаетъ о *приближающейся кончинѣ міра* и очень круто ставитъ вопросъ *о монастырскихъ имѣніяхъ*, который уже начиналъ выдвигаться на очередь въ современномъ русскомъ обществѣ. Въ посланіи къ Аѳанасію, игумену Высоцкаго монастыря, онъ говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „Нынѣ послѣднее время, и лѣтамъ окончаніе приходитъ и конецъ вѣку сему; бѣсъ же вельми рыкаетъ, хотя (т.-е. желая) всѣхъ поглотити, по небреженію и лѣности нашей: ибо оскудѣла добродѣтель, престала любовь, удалилась простота духовная“, — и въ словахъ его слышится только отголосокъ обще-распространеннаго предразсудка, въ ту пору одинаково волновавшаго и Западъ, и Востокъ Европы [2]).

Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ.

Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ рѣшается Кипріаномъ чрезвычайно круто, съ суровостью и прямотою простого инока: „Села и людей держать инокамъ не предано св. отцами. Какъ можетъ тотъ, кто разъ отрекся отъ міра и всего мірского, опять обязываться мірскими дѣлами и снова созидать то, что раззорилъ?.. Древніе отцы не пріобрѣтали ни селъ, ни богатствъ, ни стяжаній“.

Кириллъ Бѣлозерскій.

Современникомъ Кипріана былъ другой, весьма просвѣщенный инокъ, преподобный *Кириллъ*, основатель и игуменъ Бѣлозерской обители. Это былъ человѣкъ неутомимый въ чтеніи и списываньи книгъ, и притомъ весьма любознательный: въ принадлежавшей ему книгѣ правилъ, писанной его рукою, мы нахо-

[1]) О ложныхъ книгахъ уже упоминается въ «Церковномъ Правилѣ» митрополита кіевскаго Кирилла II: «ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ убѣгайте» — говоритъ онъ духовенству, однакоже, не опредѣляетъ, какія книги считаетъ ложными.

[2]) Этотъ предразсудокъ уже въ XIII в. проникъ къ намъ на Русь; уже Авраамію Смоленскому приписываютъ «Слово», въ которомъ встрѣчается такая мысль: «человѣкъ былъ созданъ Богомъ въ восполненіе отпадшихъ отъ него ангеловъ, и міръ можетъ существовать только 7,000 лѣтъ».

димъ выписки изъ физики Галена, объясняющія происхожденіе грома и молніи, обсуждающія вопросъ о падающихъ звѣздахъ, устройствѣ земли, землетрясеніяхъ, моряхъ и четырехъ стихіяхъ. Свою любовь къ книгамъ и просвѣщенію Кириллъ сумѣлъ внушить и бѣлозерскимъ инокамъ, которые впослѣдствіи собрали въ стѣнахъ своей обители богатую библіотеку.

Сочиненія Кирилла.

Изъ сочиненій Кирилла до насъ дошли три посланія къ сыновьямъ Дмитрія Донского, замѣчательныя по тому ровному, твердому и спокойному тону, которымъ этотъ инокъ преподаетъ свои совѣты и указанія князьямъ... Онъ говоритъ съ ними, какъ „вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ“ — по выраженію поэта. Въ одномъ изъ этихъ посланій, обращенномъ къ великому князю Василію Дмитріевичу, по поводу его распри съ суздальскими князьями, Кириллъ пишетъ между прочимъ:

„Ты, господинъ, пріобрѣтаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную тѣмъ своимъ смиреніемъ, что посылаешь ко мнѣ, грѣшному, нищему, страстному и недостойному, съ просьбою помолиться за тебя... Я, грѣшный, съ братіею своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ съ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ; если же ошибется кормчій, то всему кораблю причинитъ пагубу. Такъ, если кто-нибудь изъ бояръ согрѣшитъ, то повредитъ этимъ одному себѣ; если же самъ князь— то причинитъ вредъ всѣмъ людямъ... Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая смута происходитъ между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими. Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они—свою, и черезъ это между христіанами происходитъ великое кровопролитіе. Такъ посмотри, господинъ, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и, по своему смиренію, уступи имъ... Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, Бога-ради, пожалуй ихъ по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и отъ того начали враждовать. Такъ покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы они не погибли, скитаясь въ татарскихъ странахъ“.

Необычайною гуманностью и высокимъ пониманіемъ самой сущности христіанства отличаются и тѣ совѣты, которые въ другомъ посланіи Кириллъ даетъ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому. Убѣждая, чтобы князь самъ давалъ управу крестьянамъ, преподобный говорилъ ему: „То, господинъ, тебѣ вмѣнится выше молитвъ и поста...“ Побуждая его подавать милостыню, онъ прибѣгаетъ и къ такому доводу: „Такъ какъ вы, князья, поститься не можете, а молиться лѣнитесь, то, вмѣсто всего этого, милостыня исполнитъ вашъ недостатокъ.“

Обитель, основанная Кирилломъ на Бѣломъ озерѣ, была одною изъ многихъ, возникшихъ на Руси въ XIV и XV вв. Въ то время, когда обитель Кіево-Печерская, разоренная татарами, лежала въ развалинахъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси обители возникали одна за другою. Тяжкія бѣдствія, пережитыя Русью въ теченіе XIII вѣка, вслѣдствіе татарскаго нашествія, а въ XIV вѣкѣ постоянные раздоры князей, нѣсколько разъ возвращавшаяся жестокая моровая язва, опустошавшая цѣлыя области — все это были такія именно явленія, которыя менѣе всего способны были привязать къ жизни, придать ей цѣну и значеніе великаго, единственнаго блага. Невольно хотѣлось вѣрить въ близость быстро-наступающей и всѣми ожидаемой кончины міра — и все это способствовало усиленію въ русскомъ обществѣ стремленія къ иноческой жизни, къ отрѣшенію отъ всего мірского. Инымъ казалось, что въ мірѣ, среди нескончаемыхъ кровавыхъ распрей, раздоровъ и насилій, невозможно спастись; другимъ, истомленнымъ борьбою, жизнь становилась постылою, и они, искренно пренебрегая мірскими благами, жаждали подвига, самоотреченія и самоистязанія; третьи, наконецъ, просто искали отдыха отъ непосильной тяготы жизни — отдыха въ спокойномъ и мирномъ уединеніи... Одни шли въ монастырь, другіе — въ пустынную глушь, въ лѣсныя дебри. Но и около пустынножителя вскорѣ собиралась братія, и пустынь разрасталась въ обитель, на которую отовсюду изливались щедрыя пожертвованія — и монастыри росли и множились во всѣхъ концахъ Русской земли, то группируясь около такихъ центровъ, какъ Москва и Новгородъ, то разбрасываясь на далекія окраины. Такъ создалось въ XIV вѣкѣ около 80 обителей, такъ прибавилось къ нимъ въ XV в. еще 70 новыхъ; такъ постепенно возникли среди этого множества большихъ и малыхъ монастырей обители знаменитыя: Троице-Сергіевская, основанная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, Бѣлозерская, основанная преподобнымъ Кирилломъ, Сорская, основанная преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ, Волоколамская—преподобнымъ Іосифомъ Волоцкимъ, и Соловецкая—преподобными Зосимою и Савватіемъ. Въ этихъ обителяхъ, мало-по-малу, накопились большія книжныя богатства и образовались центры, въ которыхъ воспитались многіе изъ дѣятелей на поприщѣ нашей древне-русской письменности. Здѣсь, въ монастыряхъ, занимались списываньемъ книгъ, вели лѣтописи, создавали житія святыхъ, сказанія о монастырскихъ святыняхъ и основаніи самихъ обителей, и составляли разные сборники. Отсюда же, изъ-за стѣнъ тѣхъ же обителей, широкими лучами проливался во всѣ стороны, въ глушь и дебри лѣсныя, свѣтъ первыхъ начатковъ цивилизаціи и гражданственности. Мало того: въ годы бѣдствій и всякихъ не-

Стремленіе къ иночеству.

Новыя обители.

взгодъ, монастыри являлись житницами для алчущихъ и гостепріимно предлагали свой кровъ всѣмъ несчастнымъ...

Значеніе монастырей

Понятно, что при такомъ значеніи монастырей, въ народѣ сложилось весьма возвышенное понятіе объ иноческой жизни. Къ тому же и въ средѣ самого монашества явились люди, восторженно-восхвалявшіе монастырскую жизнь, возводившіе ее въ идеалъ житія человѣческаго... Такъ, напр., Матѳей, епископъ Сарайскій, восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ поученій:

Любите монастыри: это дома святыхъ и пристаница всего міра. Вступивъ въ нихъ, вы видите игумена, пасущаго свое стадо, а чернецовъ, нимало ему не прекословящихъ, ради страха Божія. Видимъ, какъ одинъ, воздѣвъ руки горѣ, возносится сердцемъ къ престолу Божію; другой плачетъ въ келіи, лежа ницъ; одинъ работаетъ, какъ плѣнный, а другой стоитъ въ церкви, какъ каменный и мертвый, вознося къ Господу молитвы за весь міръ... Приходите въ эти святыя мѣста, просить у иноковъ благословенія, посылайте туда дѣтей своихъ, приглашайте (иноковъ) къ себѣ въ домы для благословенія и поученія..."

Но—увы! — несмотря на это восторженное восхваленіе монастырей, быстрое возрастаніе ихъ благосостоянія и обиліе даровъ, приносимыхъ въ казну монастырскую отъ князей, бояръ и другихъ благочестивыхъ людей—привели вскорѣ къ тому, что монастыри отъ скудости быстро перешли къ богатству, стали владѣть большими землями, множествомъ селъ со стадами и угодьями, и строгость монастырскихъ уставовъ уже не спасала болѣе иноковъ отъ мірскихъ соблазновъ... Митрополитъ Кипріанъ уже произнесъ свой суровый приговоръ, и вопросъ объ устроеніи иноческой жизни на иныхъ началахъ уже начиналъ занимать умы его современниковъ, а въ слѣдующемъ вѣкѣ сдѣлался однимъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ въ духовной литературѣ.

Св. Василій, архіепископъ новгородскій.

Отъ половины XIV вѣка дошелъ до насъ весьма важный памятникъ, ясно указывающій намъ на уровень развитія въ средѣ высшихъ представителей русскаго духовенства и на тотъ кругъ вопросовъ, которые способны были привлекать ихъ вниманіе. Мы говоримъ о весьма любопытномъ посланіи новгородскаго архіепископа, *св. Василія* (1331 — 1352 г.), къ тверскому епископу Ѳеодору. Посланіе написано по вопросу о *земномъ раѣ,* который, видимо, не только занималъ, но даже волновалъ умы. Какъ видно изъ посланія, въ Твери произошли споры по этому вопросу въ духовенствѣ и въ народѣ. Епископъ Ѳеодоръ училъ совершенно правильно, что земной рай, въ которомъ нѣкогда жили наши прародители, уже не существуетъ на землѣ и что рай есть *только мысленный*, духовный. Противъ такого мнѣнія архіепископъ Василій счелъ своимъ пастырскимъ долгомъ выступить съ посланіемъ,

которое представляетъ любопытную смѣсь ученыхъ богословскихъ доводовъ—добытыхъ изъ довольно обширной начитанности—съ апокрифическими сказаніями и даже съ весьма немудрыми вымыслами новгородскихъ мореходовъ.

Въ началѣ своего посланія, архіепископъ Василій пишетъ Ѳеодору, что прежде, чѣмъ приступить къ посланію, онъ „провелъ много дней въ изысканіи исправленія божественнаго закона", и приходитъ къ такому убѣжденію: „въ Писаніи мы нигдѣ не нашли о томъ святомъ раѣ, чтобы онъ уничтожился". И затѣмъ начинаетъ приводить весьма внушительные доводы, ссылаясь

Посланіе Василія о раѣ.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на Бѣломъ озерѣ.

то на Пареміи, то на Прологъ, то на апокрифическія сказанія о св. Макаріи и св. Ефремѣ, то на Св. Писаніе, то на Іоанна Златоуста, который о тѣхъ двухъ мѣстахъ сказалъ: „Насадилъ Богъ рай на Востокѣ, а на Западѣ приготовилъ мученіе: такъ точно, какъ во дворѣ царскомъ утѣхи и веселье, а внѣ двора — темница..." „Но не дозволено Богомъ, братъ мой, чтобы люди могли видѣть св. рай, а муки еще и доселѣ можно видѣть на Западѣ; многіе изъ дѣтей моихъ, новгородцевъ, тому свидѣтели: на дышущемъ морѣ червь виденъ не усыпающій, слышенъ скрежетъ зубовъ и течетъ рѣка молненная Моргъ; видно даже, какъ вода входитъ въ преисподнюю и вторично выходитъ изъ нея три раза въ день. И если всѣ тѣ мѣста мученій не пропали, то скажи

мнѣ, братъ, какъ бы могло исчезнуть это святое мѣсто (т. е. рай)?..“ И потомъ опять идетъ рядъ доводовъ изъ апокрифическихъ сказаній и изъ Св. Писанія, и даже изъ собственнаго, личнаго вѣдѣнья и соображенія... „Ни одно изъ дѣлъ Божіихъ, братъ мой, не можетъ быть тлѣнно; всѣ дѣла Божіи нетлѣнны. Я собственными глазами видѣлъ, братъ, что вотъ какъ затворилъ Христосъ городскія ворота (въ Іерусалимѣ), идучи на добровольное мученіе, такъ ихъ и до сихъ поръ отворить не могутъ“... [1]) Но главный свой доводъ въ пользу дѣйствительнаго существованія рая на землѣ архіепископъ Василій почерпаетъ опять-таки изъ разсказовъ своихъ духовныхъ дѣтей, новгородскихъ мореходовъ, и приберегаетъ его къ концу посланія:

„А то мѣсто св. рая находилъ и Моиславъ новгородецъ съ сыномъ своимъ Яковомъ—повѣствуетъ онъ въ концѣ посланія;—всѣхъ ихъ было три юмы (морскихъ судна), и одна изъ нихъ погибла послѣ долгихъ блужданій; а двѣ другія потомъ долго носило вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. И видѣли они, что на той горѣ чудной лазурью написанъ Деисусъ [2]), удивительно громадный по размѣрамъ, какъ бы не человѣческими руками сотворенный, но Божіею благодатью; и свѣтъ въ томъ мѣстѣ былъ самосіянный, такой, что человѣку и не высказать словами. И долго оставались они на томъ мѣстѣ, а солнца не видѣли, хотя свѣтъ былъ и сильный, болѣе сильный, нежели свѣтъ солнца; а на тѣхъ горахъ были слышны многія ликованія и веселые возгласы. И повелѣли они одному изъ друзей своихъ взойти по шеглѣ (бревно съ зарубами) на ту гору, дабы посмотрѣть, что это за свѣтъ, и откуда несутся эти ликующіе голоса; и когда онъ взошелъ на ту гору, то всплеснулъ руками, засмѣялся, и побѣжалъ вдаль отъ друзей своихъ по направленію къ голосамъ. Они же очень тому удивились и послали другого, наказавъ ему, чтобы онъ къ нимъ возвратился и сказалъ: что тамъ такое на горѣ? Но и тотъ поступилъ такъ же, и не подумалъ возвратиться къ нимъ, а съ великою радостью побѣжалъ отъ нихъ прочь. Тогда они перепугались, и начали раздумывать про себя, говоря: „если бы даже и смерть приключилась, а все же намъ слѣдовало бы видѣть свѣтлость этого мѣста“ — и послали на гору третьяго, привязавъ его за ногу веревкою; и тотъ то же хотѣлъ сдѣлать, что и первые два—радостно всплеснулъ руками и побѣжалъ, забывъ о веревкѣ на ногѣ своей; но они сдернули его веревкой внизъ, и

[1]) Архіепископъ Василій самъ совершилъ хожденіе въ св. Землю, какъ видно изъ этого указанія, и потому къ имени его часто присоединяется прозваніе *Калики*.

[2]) *Деисусомъ*—позднѣе, въ XVI—XVII вѣкѣ—называли образъ-складень, состоявшій изъ трехъ частей: по срединѣ—иконы Спасителя, на право отъ него, иконы Божіей Матери, а на лѣво—иконы Іоанна Богослова. Но здѣсь подъ названіемъ *Деисуса* слѣдуетъ, кажется, разумѣть Крестъ Господень.

онъ оказался мертвъ. Такъ они побѣжали (на ладьяхъ своихъ) обратно: не дано имъ было болѣе видѣть ту неизреченную свѣтлость, ни слышать тамошняго веселія и ликованія. А тѣхъ мужей, братъ мой, еще и понынѣ дѣти и внучата живутъ въ добромъ здоровьѣ".

Такъ заканчиваетъ архіепископъ Василій, наивно повторяя тѣ басни, которыя были распространены одинаково и на Востокѣ, и на Западѣ. Почти дословно, тѣ же свѣдѣнія повторялъ, сто лѣтъ спустя, одинъ изъ путешественниковъ въ Индію (Іоаннъ-де-Гезе), который указывалъ, какъ на мѣсто земного рая, на одинъ изъ прибрежныхъ острововъ Индіи; а чистилище видѣлъ гдѣ-то на скалистомъ и мрачномъ островѣ среди моря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Путешествія въ Царьградъ Новгородца Стефана и другихъ лицъ.—Лѣтописныя повѣсти и украшенныя сказанія.—Идеализація историческихъ лицъ.—Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

Несмотря на всѣ ужасы и бѣдствія, перенесенныя Россіею во время татарщины, связь съ Византіей—религіозная и культурная—не порывалась. Въ XIV вѣкѣ сношенія наши съ Византіей были часты и оживленны: сношенія церковныя, по поводу продолжавшейся нашей зависимости отъ царьградскаго патріаршаго престола были почти непрерывными, а сношенія торговыя, хотя и не были частыми, но все же поддерживались. Притомъ, путешествіе къ св. мѣстамъ, на дальній Палестинскій Востокъ, были значительно затруднены въ это время, и странствовавшіе по обѣтамъ уже начинали довольствоваться путешествіями на поклоненіе царьградскимъ святынямъ. И вотъ, въ числѣ трехъ лицъ, предпринимавшихъ путешествіе въ Царьградъ въ XIV вѣкѣ и оставившихъ намъ описанія своихъ путешествій, мы видимъ смиреннаго инока—*новгородца Стефана*, стремившагося въ Царьградъ на поклоненіе святынямъ греческимъ; видимъ еще смоленскаго дьякона Игнатія, сопутствовавшаго митрополиту Пимену, во время его путешествія въ Царьградъ по дѣламъ церковнымъ; и еще какого-то дьяка Александра, ѣздившаго въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ. Послѣдній даетъ намъ лишь весьма краткій обзоръ видѣнныхъ имъ въ Царьградѣ святынь, которыя, очевидно, онъ осматривалъ вскользъ, между дѣломъ. Болѣе интересно и болѣе подробно, по описанію царьградскихъ святынь, путешествіе дьякона Игнатія, который, сверхъ того, добавилъ къ этому описанію два, нимало не связанныхъ съ нимъ, эпизодическихъ разсказа: о смерти султана Амурата и о блестящемъ вѣнчаніи на царство греческаго императора Мануила.

Царьградъ, вмѣсто Іерусалима.

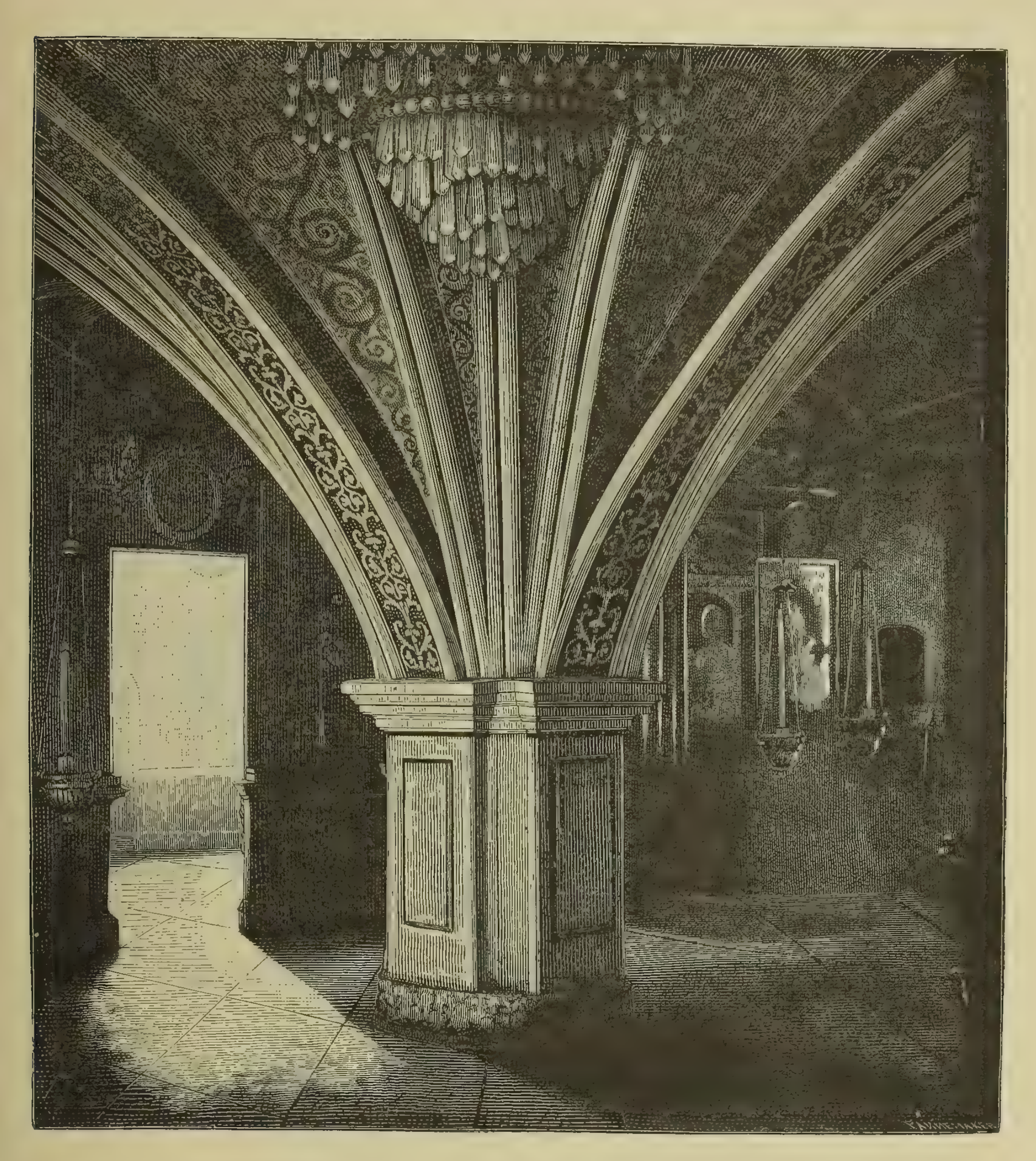
Хожденіе инока Стефана.

Инокъ Стефанъ даетъ намъ описаніе Царьграда не только подробное и по многимъ частностямъ своимъ любопытное, но и весьма гладко, весьма литературно изложенное. Видно, что онъ былъ знакомъ съ „хожденіемъ Даніила“ и даже какъ бы старается ему подражать; такъ, напримѣръ, описывая святыни, онъ передаетъ и тѣ легенды, которыя ему о нихъ сообщали—и легенды эти при-

Архіепископскій дворъ въ Новѣгородѣ.

нимаетъ на вѣру съ изумительною наивностію и легковѣріемъ. Изъ его разсказовъ видно, что греки-провожатые безпощадно пользовались простотою и Стефана, и его спутниковъ; что доступъ къ святынямъ былъ открытъ только для тѣхъ, кто могъ платить щедро и часто. Какъ человѣкъ, родившійся въ странѣ съ деревянными городами и храмами, инокъ Стефанъ болѣе всего изумляется тѣмъ громаднымъ постройкамъ изъ камня, тѣмъ монолитнымъ колоннамъ, увѣнчаннымъ изваяніями, которыя онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, испещренныя сверху до низу надписями и покрытыя пылью

многихъ вѣковъ. „Уму непостижимо,—говоритъ Стефанъ,—какъ это столько времени прошло, а камню ничего не дѣлается“. Мимоходомъ Стефанъ приводитъ въ своемъ описаніи разсказъ о не-



Бывшая палата новгородскихъ владыкъ, въ Новѣгородѣ.

чаянной встрѣчѣ въ Царьградѣ съ двумя земляками, Иваномъ и Добрилой, которыхъ давно уже считали на родинѣ безъ вѣсти пропавшими. Но безъ вѣсти пропавшіе новгородцы преспокойно жили въ Студійскомъ монастырѣ и занимались списываніемъ книгъ для отсылки на Русь; по свидѣтельству Стефана, много книгъ

(„уставовъ, тріодей и иныхъ") изготовлялось для Руси въ этомъ монастырѣ... Фактъ немаловажный для исторіи нашей письменности.

Отдѣльныя сказанія.

Въ XIV вѣкѣ особенно развивается одинъ изъ родовъ нашей литературы исторической: „*отдѣльныя сказанія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ*", которыя обращали на себя преимущественное вниманіе современниковъ или поражали ихъ воображеніе какими-нибудь необычайными обстоятельствами. Многія изъ такихъ сказаній явились уже очень рано и были даже внесены въ наши лѣтописные своды. Такими сказаніями были, большею частью, разсказы, слышанные лѣтописцемъ отъ современниковъ, очевидцевъ или участниковъ въ томъ или другомъ событіи—разсказы, богатые цѣнными подробностями и знакомящіе насъ съ личными воззрѣніями современниковъ событія. Таковы были первоначальныя сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, или разсказъ объ ослѣпленіи Василька. Позднѣйшія продолженія лѣтописи нашей заключали въ общемъ составѣ своемъ также много отдѣльныхъ сказаній; напримѣръ, сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о походѣ Игоря на половцевъ, о Липицкой битвѣ, о битвѣ при Калкѣ, о нашествіи Батыя и т. п. Мало-по-малу, сказанія эти, переполняя лѣтопись, начинаютъ появляться и въ сборникахъ въ видѣ отдѣльныхъ статей подъ различными названіями,—*повѣданій, повѣстей, сказаній*, даже *словъ*. Тревожная эпоха татарщины, нарушившая обычное теченіе русской жизни, взбаламутившая изъ конца въ конецъ Русскую землю, внесла смущеніе и въ ту спокойную иноческую среду, въ которой велась лѣтопись. Страшныя, грозныя, мрачныя дѣянія, совершаемыя невѣрными, и противополагаемые имъ свѣтлые, дивные подвиги народныхъ героевъ—способствовали развитію такого настроенія духа, которому не соотвѣтствовало ровное теченіе лѣтописнаго разсказа. Чувство преобладало надъ разумомъ, тревожное волненіе брало верхъ надъ спокойнымъ обсужденіемъ, сильно развитая впечатлительность не давала возможности строго и обдуманно взвѣшивать факты. И вотъ, простое сказаніе или повѣсть перерождается въ такъ-называемое *украшенное сказаніе* и *умильную повѣсть*. Въ этой формѣ, сказанія и повѣсти являются уже произведеніями чисто-литературными; въ нихъ уже проявляется сознательное желаніе извѣстнымъ образомъ освѣтить, украсить, прославить тотъ или другой историческій фактъ или рядъ фактовъ, относящихся къ жизни извѣстнаго историческаго дѣятеля. Подъ этимъ настроеніемъ, авторы сказаній нерѣдко впадаютъ въ нѣкоторый гиперболизмъ, въ чрезмѣрныя восхваленія, въ преувеличенія качествъ описываемыхъ героевъ, въ несообразныя и несоразмѣрныя сравненія: и событіе оказывается украшеннымъ неестественными подробностями, а лицамъ приписаны въ нихъ такія качества и добродѣтели, какими, въ совокупности,

Умильныя повѣсти.

едва-ли могъ обладать кто-либо изъ смертныхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, въ одномъ изъ такихъ сказаній описывается Александръ Невскій:

„Ростомъ онъ былъ больше всѣхъ другихъ людей; голосъ его раздавался въ народѣ, какъ труба; лицо у него было какъ у Іосифа Прекраснаго; а сила его равнялась половинѣ силъ Сампсоновыхъ; и далъ ему Богъ Соломонову премудрость, а храбрость римскаго царя Еуспасіана (Веспасіана)“ [1]).

Сказанія XIII вѣка.

Большая часть такого рода сказаній вращается, главнымъ образомъ, или около борьбы съ татарами, или около борьбы со шведами, также пытавшимися наложить свою тяжелую руку на русскія области. Къ XIII вѣку относятся: «*Сказаніе о великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ*», «*Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя*», «*Сказаніе объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго въ ордѣ отъ Батыя*» и «*Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ и о храбрости его*». Къ XIV вѣку, въ теченіе котораго этотъ литературный родъ особенно укоренился и развился у насъ, относятся: «*Магнушево рукописаніе*», «*Сказаніе объ убіеніи князя Михаила Тверскаго въ ордѣ отъ Узбека*», «*Сказаніе о взятіи и разореніи Москвы Тохтамышемъ*», «*Повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана*“, «*Слово о томъ какъ бился Витовтъ съ Темиръ-Кутлуемъ*», «*Слово о житіи и преставленіи Дмитрія Донскою*», и наконецъ—цѣлый рядъ *сказаній о Мамаевомъ побоищѣ*, т. е. Куликовской битвѣ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе читателямъ объ общей обработкѣ сюжета въ подобныхъ сказаніяхъ, мы передадимъ здѣсь вкратцѣ „Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя“, отличающееся особенною живостью красокъ и поэтическимъ одушевленіемъ въ изложеніи.

Рязанское сказаніе о Батыѣ.

„Пришелъ за грѣхи наши безбожный царь Батый на русскую землю, и послалъ къ князю Юрію Игоревичу Рязанскому пословъ, требуя десятины отъ всего: и отъ князей, и отъ людей, и отъ коней“. Такъ начинается рязанское сказаніе, а затѣмъ въ немъ описываются совѣщанія князей: къ Батыю рѣшаютъ отправить молодого князя Ѳеодора Юрьевича съ другими, и просить его—не воевать рязанской земли. Князь Ѳеодоръ ласково принятъ Батыемъ, который не отвергъ и его даровъ. Но тутъ одинъ рязанскій бояринъ-измѣнникъ шепнулъ Батыю, что у Ѳеодора—жена красавица. Батый потребовалъ, чтобы Ѳеодоръ показалъ ему жену свою. На это юный князь улыбнулся, и отвѣчалъ ему: „когда насъ одолѣешь, тогда и женами нашими владѣть будешь“. Батый приказалъ убить Ѳеодора и всѣхъ его спутниковъ—и князей, и

[1]) Всего любопытнѣе то, что сказаніе, изъ котораго мы заимствуемъ эти строки, было написано современникомъ Александра Невскаго, однимъ изъ приближенныхъ его, отъ него самого слышавшимъ разсказъ о Невской битвѣ.

бояръ—и бросить тѣла ихъ звѣрямъ и птицамъ на растерзаніе. Одинъ изъ пѣстуновъ князя, именемъ Аполоница, успѣваетъ скрыть тѣло князя, питомца своего, и спѣшитъ съ вѣстью о его кончинѣ къ благовѣрной княгинѣ Евпраксіи, женѣ Ѳеодора. Когда эта горестная вѣсть дошла до Евпраксіи, она бросилась съ вершины высокой настѣнной башни и *заразилась* (т. е. убилась) на смерть, вмѣстѣ съ своимъ младенцемъ-сыномъ, котораго держала на рукахъ. „И на томъ мѣстѣ,—добавляетъ сказаніе—впослѣдствіи построился городъ Зарайскъ“...

Князь Юрій Игоревичъ Рязанскій, оплакавъ гибель юнаго сына и соединившись съ другими сосѣдними князьями, выступилъ навстрѣчу надвигавшимся татарскимъ полчищамъ. Произошла сѣча ужасная... „Удальцы же и рѣзвецы рязанскіе такъ крѣпко бились, что земля подъ ними стонала и полки Батыевы пришли въ смятеніе“. Однако же, несмѣтное множество одолѣло горсть храбрыхъ: „всѣ равно пили и испили единую общую чашу смерти, всѣ полегли вмѣстѣ“.

Вслѣдъ за битвою, Рязань была взята, уничтожена и стерта съ лица земли. Но часть рязанцевъ, избѣжавшихъ гибели, собралась подъ начальствомъ богатыря рязанскаго, Евпатія Коловорота, который явился грознымъ мстителемъ за погибшихъ князей рязанскихъ. Напавъ врасплохъ на татаръ, Евпатій наводитъ на нихъ ужасъ. Самъ Батый встревоженъ и съ нѣкоторымъ опасеніемъ разспрашиваетъ плѣнниковъ: „кто они, и откуда пришли?“ Они отвѣчали: „мы вѣры христіанской, рабы князя Юрія Игоревича отъ полка Евпатія Коловрата, посланы тебѣ должную честь воздать... Не подивись на насъ, царь, что мы не успѣваемъ наливать чаръ на великую силу татарскую“. Тогда Батый высылаетъ противъ Евпатія своего шурина Таврула, который хвалится, что привезетъ къ Батыю Евпатія живымъ. Но Евпатій, съѣхавшись съ нимъ, разсѣкаетъ его на̀-полы до самаго сѣдла; затѣмъ побиваетъ еще много татарскихъ вельможъ и богатырей, пока татары не окружаютъ его множествомъ „*саней со снарядомъ*“, убиваютъ и приносятъ его тѣло къ Батыю напоказъ. „И подивился Батый богатырскому тѣлу Евпатія и сказалъ: „Братъ Евпатій, гораздо ты меня употчивалъ съ малою твоею дружиною; да много побилъ и знаменитыхъ богатырей сильной орды; если бы ты у меня, царя, служилъ, то я бы тебя противъ сердца своего держалъ“. И повелѣлъ царь Батый отдать тѣло Евпатія остальной его дружинѣ, отпустилъ ее съ честью и невелѣлъ ей дѣлать никакого зла“.

Плачи въ сказаніяхъ.

Къ этому сказанію прибавленъ, какъ и ко многимъ другимъ сказаніямъ, „плачъ князя Игоря Игоревича о братіи, побіенной отъ нечестиваго царя Батыя“. Такіе „плачи“ присоединяются

иногда и къ сказаніямъ, излагающимъ событія радостныя и достославныя (напр. побѣду надъ Мамаемъ), но сопряженныя съ гибелью многихъ храбрыхъ воиновъ.

Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

Выдающееся мѣсто между всѣми остальными сказаніями XIV вѣка занимаютъ, конечно, сказанія *о Мамаевомъ побоищѣ*, — событіи, которое во всѣхъ концахъ Русской земли нашло себѣ радостные отголоски въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей. Послѣ полуторавѣкового ига—первая побѣда надъ „погаными“, первое

Напись на крестѣ посадника Новгородскаго, Иванка Павловича.

дружное усиліе еще разъединенной Руси, увѣнчавшееся успѣхомъ и превосходившее самыя пламенныя надежды. Въ разныхъ концахъ Руси, по поводу Куликовской побѣды, сложилось много разныхъ сказаній и, вѣроятно, даже пѣсенъ; въ однихъ сильнѣе отразилось вліяніе народной фантазіи, въ другихъ—вліяніе книжное. Въ послѣднихъ рѣзко бросается въ глаза подражаніе „Слову о полку Игоревѣ“—и, правду сказать, довольно неудачное. Видно, что это поэтическое произведеніе было извѣстно автору сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, что оно считалось образцовымъ, и потому

изъ него кстати, и некстати, заимствовали цѣлыя фразы, подражали его поэтическимъ пріемамъ, а нѣкоторыя мѣста подлаживали слово въ слово къ тому, что нравилось и казалось особенно привлекательнымъ въ „Словѣ“.

Подражанія старымъ образцамъ.

Въ древнѣйшемъ изъ многихъ, дошедшихъ до насъ списковъ этого важнаго „сказанія“, оно носитъ такое заглавіе: „Сказаніе о Задонщинѣ [1]) великаго князя господина Димитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича“. Это сказаніе, очевидно, сводное, составное изъ многихъ другихъ, и начинается съ нѣкотораго вступленія, въ которомъ авторомъ сказанія выставленъ какой-то бояринъ Софроній, и по этому поводу вспоминается о Боянѣ, въ городѣ Кіевѣ „гораздномъ гудцѣ“, прославлявшемъ древнихъ князей. Въ данномъ случаѣ, упоминаніе этого имени представляетъ собою не болѣе какъ стилистическую прикрасу, напоминающую избитый пріемъ ложно-классическихъ поэтовъ, которые въ началѣ своихъ произведеній испрашивали себѣ вдохновенія отъ Аполлона и музъ. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ жаворонку и соловью, которымъ авторъ также предлагаетъ воспѣть славу великому князю Димитрію Ивановичу, и наконецъ описываются сборы войска въ разныхъ мѣстахъ Руси.

И вотъ, словно грозныя тучи, идутъ отовсюду на Русскую землю полчища „поганыхъ“, и вся природа грозитъ имъ гибелью въ своихъ знаменіяхъ. Однакоже, первыя стычки русскихъ съ татарами неудачны: много православныхъ побито, а побѣда все на сторонѣ „поганыхъ“. Тогда горько всплакались о своихъ мужьяхъ боярыни московскія; а жена боярина Микулы даже обратилась къ Дону съ мольбой: „Донъ, Донъ, быстрый Донъ! Ты прошелъ землю половецкую, пробилъ берега харалужные; прилелѣй моего Микулу Васильевича“ [2]).

Въ субботу же на Рождество Пресвятой Богородицы „изрубили христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ“. Во время битвы, братъ великаго князя, Владиміръ Андреевичъ, проситъ его о помощи: „Татары храбрую дружину у насъ истребили, а въ трупьѣ человѣчьи борзые кони и скочить не могутъ, и въ крови бродятъ по колѣно“. Тогда и самъ князь великій обращается съ мольбой къ своимъ боярамъ: „Братья-бояре и воеводы, и дѣти боярскіе, вотъ гдѣ найдете вы ваши сладкіе московскіе меды и добудете себѣ великія мѣста и женамъ своимъ“. Вслѣдъ за тѣмъ вражье войско смято дружнымъ натискомъ русскихъ. Татары бѣгутъ, „скрежеща зубами и раздирая

---

[1]) Задонщина—т. е. походъ за Донъ.

[2]) Совершенно, какъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Даже и слова взяты прямо изъ устъ Ярославны; даже и «земля половецкая» оставлена, хотя въ XIV вѣкѣ самое упоминаніе о ней было уже едва-ли понятно, такъ какъ народъ давно успѣлъ забыть о половцахъ.

лица свои“. Самъ Мамай ищетъ убѣжища въ Хаѳестѣ градѣ и вынужденъ сносить насмѣшки жителей его:

„Не бывать тебѣ, Мамай поганый, въ Батыя-царя! Пришелъ ты на Русь съ девятью ордами и съ семьюдесятью князьями, а нынѣ бѣжишь самъ-девять въ Лукоморье. Нешто тебя князья русскіе гораздо употчивали? Ни князей съ тобой нѣтъ, ни воеводъ; нешто ты гораздо упился у быстраго Дона, на полѣ Куликовомъ, на травѣ-ковылѣ?“

А Русская земля въ то же время веселится и радуется, хотя Донъ три дня течетъ, окрашеный русской кровью. Великій князь Дмитрій Ивановичъ самъ считаетъ убитыхъ и трогательно прощается съ ними, говоря:

„Знать суждено вамъ было пасть, межъ Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ? Здѣсь положили вы головы за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите мнѣ, братья, и благословите насъ; а вамъ всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ вѣкѣ“.

И таковы всѣ эти сказанія о битвѣ Куликовской, съ небольшими отличіями, съ небольшими вставными эпизодами, указывающими на общее желаніе всѣхъ земель заявить о своемъ участіи въ этомъ великомъ событіи. Хотя всѣ эти сказанія большею частію незамѣчательны въ литературномъ отношеніи, въ особенности по сравненію съ тѣмъ памятникомъ XII вѣка, который послужилъ имъ образцомъ для подражанія; однакоже всѣ они важны по духу своему, какъ первое выраженіе русскаго самосознан'я за долгій періодъ татарскаго ига, какъ выраженіе того радостнаго настроенія, которое охватило всѣхъ русскихъ людей послѣ этой первой побѣды, одержанной надъ татарами...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глубокій мракъ невѣжества.—Митрополитъ Фотій и его посланія. — Общественное мнѣніе и голосъ церкви въ пользу мужественной борьбы съ татарами.—Геннадій, архіепископъ новгородскій.— Его заботы о просвѣщеніи.— Борьба противъ ереси жидовствующихъ.—Первый полный сводъ Библіи.

Конецъ XIV и начало XV вѣка были самымъ печальнымъ періодомъ въ исторіи нашего духовнаго и умственнаго развитія. Общество русское начинало выходить изъ того печальнаго положенія, въ которое оно было поставлено эпохой татарщины; значительное улучшеніе матеріальныхъ и политическихъ условій его жизни, начиная съ половины XIV вѣка, привело его къ нѣкоторому оживленію, пробудило въ немъ различныя, до той поры невѣдомыя ему стремленія, привело къ вопросамъ и сомнѣніямъ — и тогда

только сталъ ощущаться всѣми лучшими людьми тотъ страшный, непроглядный мракъ, который тяжкою, свинцовою тучею тяготѣлъ надъ всею Русскою землею... То былъ мракъ невѣжества, вызванный татарщиной и самъ по себѣ гораздо болѣе тяжкій, чѣмъ даже иго татарское. Даже и въ наиболѣе образованномъ классѣ и въ средѣ монашества и высшаго духовенства—уровень образованія былъ очень не высокъ и ограничивался простою начитанностью и грамотностью въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. умѣніемъ читать и писать... Очень немногіе изъ этой среды поднимались выше такого незавиднаго уровня и, при крупныхъ природныхъ дарованіяхъ, находили возможность расширить кругъ своихъ свѣдѣній, удовлетворяя жаждѣ знаній, потребности просвѣтить себя... Но уже внѣ круга духовенства и монашества мракъ царилъ полный и повсемѣстный: въ житіи Дмитрія Донского прямо говорится, что онъ *не былъ хорошо изученъ книгамъ*; о Василіи Темномъ знаемъ, что онъ *былъ неграмотенъ*, а множество актовъ историческихъ свидѣтельствуютъ намъ, что масса лицъ, даже боярскаго сословія, не умѣла подписать своего имени. Въ такомъ же глубокомъ невѣжествѣ коснѣло, какъ мы увидимъ далѣе, громадное большинство низшаго духовенства, наравнѣ со всѣми другими сословіями и со всею массою народа.

Отсутствіе школъ. Ни о какихъ школахъ свѣдѣній за это время не имѣемъ; не было и средствъ къ просвѣщенію, и что всего хуже—въ обществѣ царило полное равнодушіе къ его распространенію. А между тѣмъ, невѣжество и грубость нравовъ въ низшемъ духовенствѣ и недостаточность книжнаго образованія даже и въ высшихъ представителяхъ духовнаго сословія [1]) приводили къ весьма печальному явленію: къ зарожденію ересей, которыя находили себѣ весьма удобную почву для распространенія во всѣхъ слояхъ общества. Мало того: при полномъ безсиліи духовенства въ борьбѣ съ болѣе книжными и болѣе просвѣщенными еретиками, ереси грозили поколебать единство и твердыя основы православной Церкви. И среди всего этого мрака невѣжества, среди полнаго убожества умственнаго, словно двѣ путеводныя звѣзды, сіяютъ два имени, достопамятныхъ въ исторіи нашего просвѣщенія: имя *Геннадія*, архіепископа новгородскаго, и *Іосифа (Санина)*, игумена Волоколамскаго монастыря... Два имени на пространствѣ цѣлаго вѣка!

---

[1]) Историкъ русской церкви, митрополитъ Макарій, пишетъ: «*Епископы русскіе—люди не книжные*—такъ говорилъ папѣ Евгенію митрополитъ Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ, и если мы заподозрѣли-бы этого свидѣтеля, то сборникъ поученій, переведенный на русскій языкъ (въ 1343 или 1407 г.), въ руководство именно архіереямъ, чтобы они могли по немъ, каждое воскресеніе и праздникъ, проповѣдывать въ храмахъ,—удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки не всѣ были въ состояніи сами отъ себя поучать народъ истинной вѣрѣ». (И. Р. Ц., V, 257).

Въ самомъ началѣ XV вѣка, во главѣ русской Церкви видимъ митрополита *Фотія* — грека родомъ, усерднаго къ дѣламъ вѣры, но не владѣвшаго русскимъ языкомъ въ достаточной степени для полнаго выясненія своей мысли и достаточнаго вразумленія паствы. Его управленіе русскою Церковью было особенно несчастливымъ: Кіевская область и значительная часть Руси юго-западной отпали отъ русской Церкви и отдѣлилась, при Витовтѣ, въ отдѣльную митрополію; приходилось бороться съ значительно-усилившеюся ересью *стригольниковъ* и съ весьма серьезными церковными непорядками во Псковѣ; при этомъ Русь еще страдала отъ разныхъ стихійныхъ бѣдствій: засухъ, голодовъ и черной смерти, терпѣла и отъ разныхъ внутреннихъ неурядицъ... И Фотій, по обще-распространенному въ то время мнѣнію, считавшій всѣ эти бѣдствія небесною карою за наши грѣхи, находилъ только одно утѣшеніе для своей паствы: указывалъ на эти явленія, какъ на знаменія близкой кончины міра...

Знаменія близкой кончины міра.

„...Сей вѣкъ мало-временный преходитъ",—говоритъ Фотій въ одномъ изъ своихъ поученій: — „Грядетъ ночь: житія нашего престатіе (т.-е. окончаніе)... Седьмая тысяча [1]) (лѣтъ) совершается, осьмая приходитъ и не преминетъ, и ужъ никакъ не пройдетъ... Блаженъ, кто уготовилъ себя къ осьмой тысячѣ будущей и безконечной, и сего ради молю васъ: будемъ дѣлать дѣла свѣта, пока еще житіе наше стоитъ"...

Тягостно звучитъ это напоминаніе о наступающей кончинѣ міра изъ устъ лица, поставленнаго во главѣ Церкви и однакоже зараженнаго печальнымъ предразсудкомъ и, наравнѣ со всѣми, ожидающаго близкой кончины міра, которому будто бы предназначено было существовать не долѣе, какъ 7000 лѣтъ. Можно себѣ представить, какъ такое страшное предсказаніе должно было отзываться на паствѣ, которая не дерзала недовѣрять своему архипастырю и, въ напрасныхъ ожиданіяхъ кончины міра, теряла послѣднюю опору энергіи и силъ душевныхъ.

Возбужденіе противъ татаръ.

По счастію, не всѣ русскіе люди смотрѣли на жизнь такъ мрачно, какъ архипастырь Фотій, и, несмотря на грозящую кончину міра, не думали складывать руки и покорно склонять голову передъ рѣшеніемъ судьбы. То сознаніе народнаго единства, то оживленіе, которое, какъ мы упоминали выше, проявилось въ средѣ русскихъ людей конца XIV вѣка, послѣ Куликовской битвы, побуждало къ дальнѣйшей борьбѣ съ татарскою силою, хотя и надломленной, но все еще грозно тяготѣвшей надъ Русскою землею. Современный Іоанну III лѣтописецъ конца XV вѣка, не-

[1]) Фотій управлялъ русскою Церковью между 6918 и 6939 г. (т.-е. 1410—1431 г.), слѣдовательно, до конца седьмой тысячи лѣтъ оставалось всего 69 лѣтъ.

годуя на бояръ, совѣтовавшихъ государю мириться съ Ахматомъ, восклицаетъ:

„О, храбрые, мужественные сынове русскіе, потщитеся сохранить свое отечество, Русскую землю, отъ поганыхъ! Не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши плѣненія и грабленія св. церквей и домовъ вашихъ, и убіенія дѣтей вашихъ и поруганія женъ и дочерей вашихъ! Многія великія и славныя земли пострадали отъ турокъ, потому что не выступили противъ врага мужественно. И погибли тѣ народы, и отечество свое изгубили и землю и государство, и скитаются по чужимъ странамъ, какъ бѣдные странники, достойные вполнѣ и плача, и слезъ... И всѣ поносятъ ихъ и оплевываютъ, какъ не мужественныхъ. Пощади, Господи, насъ, православныхъ христіанъ, отъ такого бѣдствія“.

Посланіе Геронтія.

Это живой голосъ живой души! Это ясно-выраженное настроеніе значительнаго большинства русскихъ людей, которое нашло себѣ отголосокъ и въ высшихъ представителяхъ современнаго Іоанну III духовенства. Въ то время, когда Іоаннъ III, выступивъ съ войскомъ изъ Москвы противъ хана Ахмата (въ 1480 г.), медлилъ и колебался, и даже сбирался вступить въ переговоры съ ханомъ, митрополитъ Геронтій, отъ лица всего русскаго духовенства, счелъ долгомъ отправить къ великому князю увѣщательное посланіе, въ которомъ убѣждаетъ его твердо стоять за святую вѣру, за церкви Божіи и „за все множество народа— людей православныхъ, ихъ же Христосъ искупилъ честною Своею кровію“ — и указываетъ на то, что всѣхъ, кому суждено пасть въ предстоящей борьбѣ съ невѣрными, ожидаетъ въ будущей жизни „съ мучениками радованье“ и вѣнецъ мученическій.

Посланіе Вассіана.

Гораздо яснѣе высказывается архіепископъ ростовскій, ***Вассіанъ***, духовникъ Іоанна, человѣкъ весьма къ нему близкій и пользовавшійся большимъ довѣріемъ съ его стороны. Видя, что соборное посланіе духовенства не возымѣло настоящаго дѣйствія, Вассіанъ рѣшился отправить къ великому князю, отъ себя лично, другое посланіе, написанное весьма искусно и убѣдительно.

„Нынѣ, Государь великій“,—такъ начинаетъ Вассіанъ свое посланіе,—„надлежитъ вспоминать намъ, а вамъ насъ слушать; и вотъ нынѣ я дерзнулъ написать къ твоему благородству, такъ какъ хочу нѣчто вспомнить отъ божественнаго писанія, насколько Господь вразумилъ меня на крѣпость и утвержденіе твоей державы. Дошли до насъ слухи, будто въ то время, когда уже бесерменинъ Ахматъ приближается и погубляетъ христіанство и въ особенности похваляется на тебя и твое отечество — ты передъ нимъ смиряешься и молишь его о мирѣ, и къ нему посылаешь,

а онъ все такъ же дышитъ гнѣвомъ и твоего моленія не слушаетъ, но хочетъ до конца разорить христіанство... Прослышали мы и о томъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ уши льстивыя слова и совѣтуютъ тебѣ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ... Умоляю тебя, не слушай ты такого совѣта ихъ! Разсуди, что̀ совѣтуютъ тебѣ эти льстивые и лжеименитые, почитающіе себя христіанами? Да только то, чтобы, побросавъ щиты свои и ни мало не сопротивляясь этимъ окаяннымъ сыроядцамъ, предавъ и христіанство, и свое отечество, ты бы, вмѣстѣ съ ними, какъ бѣглецъ, скитался по инымъ странамъ. Помысли же, всемудрый Государь, отъ какой славы и въ какое безчестіе сводятъ они твое величество, послѣ того, какъ такое множество народа погибло и столько церквей Божіихъ было раззорено и осквернено? И кто же будетъ настолько каменносердеченъ, что не восплачетъ объ этой погибели? Убойся же и ты, о, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ кровь погибшихъ?.. И куда же хочешь ты бѣжать, или гдѣ воцариться, погубивъ врученное тебѣ отъ Бога стадо? И вотъ теперь, когда, какъ слышно, безбожный агарянскій народъ приблизился къ странамъ нашимъ, къ отечеству, — выходи же скорѣе къ нему навстрѣчу, взявъ на помощь Бога и Пречистую Богородицу, и всѣхъ святыхъ, и прими за образецъ себѣ прежде бывшихъ твоихъ прародителей великихъ князей: они не только Русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но даже и другія страны завоевывали, хотя бы, напр., Игорь или Святославъ, или Владиміръ, которые брали дань съ греческихъ царей; а потомъ и Владиміръ Мономахъ — какъ и когда онъ бился съ окаянными половцами за Русскую землю; да и многіе другіе, которые тебѣ болѣе насъ извѣстны. Также и достойный похвалъ великій князь Дмитрій, твой прародитель, каково мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными? Самъ даже впереди всѣхъ бился, не щадя своей жизни ради избавленія христіанъ... Не усомнился онъ и не испугался множества татаръ, не воротился назадъ, не сказалъ себѣ самому: у меня жена и дѣти, и богатства много; если даже и захватятъ мою землю, то я поселюсь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... Нѣтъ! Съ увѣренностью устремился онъ на подвигъ и выѣхалъ напередъ и лицомъ къ лицу сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамая, усиливаясь исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ: — потому-то и всемилостивый Богъ послалъ ему скорую помощь, и ангеловъ, и св. мучениковъ, чтобы они помогали ему на супротивныхъ. Если же ты на это скажешь, что мы еще отъ прародителей нашихъ клятвою обязаны не поднимать руки и не воз-

ставать противъ царя (т.-е. хана); то послушай же, боголюбный царь. Если клятва бываетъ по нуждѣ, то намъ повелѣно прощать такія клятвы и разрѣшать, и мы—святѣйшій митрополитъ и весь боголюбивый соборъ—ихъ прощаемъ и разрѣшаемъ, и благословляемъ тебя противъ него, не какъ противъ царя, но какъ противъ разбойника, хищника и богоборца; лучше тебѣ солгать да остаться въ живыхъ, нежели держаться истины и погибнуть, пустивъ тѣхъ (т.-е. татаръ) въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святымъ церквямъ. Не слѣдуетъ тебѣ уподобиться окаянному Ироду, который не хотѣлъ клятвы преступить (т.-е. неправильно данной), и погибъ.“

Мы нарочно привели почти цѣликомъ это сильное и горячее посланіе энергичнаго Вассіана къ его духовному сыну, великому князю, чтобы ближе ознакомить читателей съ воззрѣніями и логическими выводами лучшихъ представителей современнаго Іоанну общества—увы!—весьма не многочисленныхъ.

Архіепископъ Геннадій.

Рядомъ съ Вассіаномъ упомянемъ и о другомъ современникѣ Іоанна, который тоже заботился „о чести и спасеніи“ великаго князя, господина своего, но съ совсѣмъ иной стороны, не имѣвшей ничего общаго съ политикой. То былъ уже упомянутый нами выше *Геннадій*, архіепископъ новгородскій (1485—1504), который памятенъ намъ своими заботами о просвѣщеніи духовенства и упорною борьбою противъ ереси жидовствующихъ, которая побудила его приняться за другіе, почтенные и важные труды. Мракъ общераспространеннаго невѣжества былъ въ то время настолько великъ, что нельзя было даже найти достаточно грамотныхъ людей для поставленія въ священники. Въ виду этого, Геннадій обратился къ митрополиту Симону и просилъ его ходатайствовать передъ государемъ объ учрежденіи начальныхъ школъ грамотности для духовенства. Въ посланіи, обращенномъ по этому поводу къ митрополиту, Геннадій пишетъ, между прочимъ:

Его заботы о школахъ.

„Билъ я челомъ Государю великому князю, чтобы велѣлъ училища устроить. Вѣдь я своему Государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ. Когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенью выучить, да и ставлю его, и отпускаю тотчасъ же, поучивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ... Ну, а вотъ приведутъ ко мнѣ мужика, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтирь, а онъ и по тому едва бредетъ. Я ему откажу; а они кричатъ: „земля, господинъ, такая—не можемъ добыть человѣка, чтобы грамотѣ умѣлъ“; но вѣдь это всей землѣ позоръ, что нѣтъ человѣка, кого бы можно въ попы поставить. Бьютъ мнѣ челомъ: „пожалуй, господинъ, вели учить.“ Вотъ я и при-

кажу учить его ектеньямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, ужъ и просится прочь, ужъ не хочетъ учиться; а иной и учится, да не усердно, и потому живетъ не долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ. А мнѣ что же дѣлать: силы моей нѣтъ поставлять ихъ въ попы, не учивши. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ (митрополита Симона) благословеніемъ это дѣло исправится...“

При этомъ Геннадій даетъ даже и готовую программу для этихъ будущихъ училищъ: въ нихъ предлагаетъ онъ „обучать азбукѣ, подтитульнымъ словамъ и Псалтиря со слѣдованіемъ накрѣпко“. И затѣмъ, приводя возмутительные примѣры безграмотности ставленниковъ, Геннадій добавляетъ: „По мнѣ, такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ черезъ пророка: „Ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебе, да не будеши мнѣ служитель“.

Не знаемъ, была ли уважена просьба почтеннаго архипастыря? Но знаемъ, что къ такимъ усиленнымъ хлопотамъ объ училищахъ его побуждало печальное убѣжденіе въ томъ, что невѣжество, главнымъ образомъ, способствуетъ распространенію ересей и въ массѣ народа, и въ средѣ духовенства. Необходимость общаго и, главнымъ образомъ, богословскаго образованія чувствовалась преимущественно въ борьбѣ съ ересью *жидовствующихъ* (явившейся въ Новгородѣ въ 1471 г.), среди которой много было людей образованныхъ и, притомъ, отлично знакомыхъ съ св. Писаніемъ *въ полномъ его составѣ*. А между тѣмъ въ русской письменности, до того времени, не было „полной Библіи“, т.-е. полнаго собранія всѣхъ каноническихъ книгъ св. Писанія, и это было тѣмъ болѣе прискорбно, что жидовствующіе почерпали многіе доводы своего ученія именно изъ тѣхъ книгъ св. Писанія, которыхъ не доставало православнымъ. Почему ихъ не было? — Это вопросъ, на который было бы довольно трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе, что свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ былъ сдѣланъ, несомнѣнно, полный переводъ книгъ св. Писанія. По всѣмъ вѣроятіямъ, древніе переводы книгъ ветхозавѣтныхъ, рѣдко употреблявшіеся въ церковномъ обиходѣ, затерялись. И вотъ, первою заботою Геннадія было—собрать рукописи всѣхъ древнихъ переводовъ книгъ св. Писанія съ греческаго, какіе только могли быть въ его время отысканы въ библіотекахъ. Когда переводы были собраны, оказалось, что нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта [1]) не

Его борьба противъ ереси.

Его заботы о полномъ текстѣ Библіи.

---

[1]) А именно: 2 книги Паралипоменонъ, три книги Эздры, книга Юдиѳи, Товіи, Премудрости Соломоновой и двѣ книги Маккавейскія.

отыскиваются въ переводѣ на русскій языкъ, и Геннадій немедленно рѣшился пополнить эти пробѣлы. Книга Эсѳирь была, по его приказу, переведена съ еврейскаго языка, остальныя же шесть книгъ переведены съ латинскаго, по тексту Іеронимовскаго перевода Библіи (извѣстнаго подъ названіемъ *Вульгаты*). Такимъ образомъ составился полный сводъ всѣхъ библейскихъ книгъ, сохранившійся до нашего времени въ Сѵнодальной библіотекѣ и извѣстный подъ именемъ *Геннадіевскаго* или *Сѵнодальнаго списка Библіи.*

Заключительная приписка въ концѣ Геннадіевскаго списка Библіи.

Сотрудники Геннадія.

Этотъ большой трудъ, конечно, могъ быть совершенъ Геннадіемъ только при помощи многихъ сотрудниковъ, работами которыхъ онъ лично руководилъ. Ему даже не можетъ быть поставлено въ укоръ то обстоятельство, что нѣкоторыя библейскія книги были имъ внесены въ его сводъ въ переводахъ съ латинскаго, а не съ греческаго (что было противно преданіямъ Восточной Церкви). Причина этого вполнѣ ясна: среди кружка людей, въ которомъ совершался трудъ Геннадія, не нашлось никого, настолько знакомаго съ греческимъ языкомъ, чтобы переводы недостающихъ книгъ могли быть сдѣланы съ греческаго текста. Недостатокъ въ знающихъ, опытныхъ переводчикахъ, вынуждалъ Геннадія прибѣгать къ помощи латинщиковъ, получив-

шихъ образованіе на Западѣ и даже къ помощи людей, завѣдомо расположенныхъ къ Риму. Такъ, въ числѣ сотрудниковъ Геннадія упоминается и *Ѳеодоръ еврей,* отъ котораго Геннадій получилъ переводъ книги Эсѳирь, сдѣланный съ еврейскаго; упоминается и доминиканецъ *Веніаминъ,* славянинъ родомъ. Упоминается и *Дмитрій Герасимовъ,* состоявшій переводчикомъ посольскаго приказа — одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей конца XV вѣка, о которомъ намъ еще придется упоминать далѣе.

Новая пасхалія.

Въ концѣ своей пастырской дѣятельности, „въ самый разгаръ борьбы съ жидовствующими", архіепископъ Геннадій предпринялъ и еще одинъ трудъ, выказывающій въ немъ человѣка просвѣщеннаго и неспособнаго поддаваться нелѣпымъ предразсудкамъ, державшимъ все современное, не только русское, но и западно-европейское общество, подъ гнетомъ страха и трепетныхъ ожиданій близкой кончины міра. При митрополитѣ Зосимѣ начато было пасхальное расчисленіе на восьмую тысячу лѣтъ; но пріостановлено (можетъ-быть изъ осторожности или опасенія) на 20-мъ году; Геннадій продолжилъ этотъ трудъ еще на 70 лѣтъ, и—что гораздо важнѣе—присоединилъ къ нему предисловіе, въ которомъ выяснилъ всю нелѣпость ожиданій кончины міра и, въ подтвержденіе своего мнѣнія, привелъ мѣста св. Писанія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря.—Его книга „Просвѣтитель", какъ памятникъ его борьбы противъ еретиковъ.—Отношенія Іосифа къ вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ.—Нилъ Сорскій и бѣлозерскіе старцы.—Вассіанъ Косой.

Выше видѣли мы, какъ неутомимый Геннадій, архіепископъ новгородскій, энергично боролся противъ возраставшей и быстро распространявшейся ереси жидовствующихъ. Боролся онъ сначала словомъ — этимъ могучимъ духовнымъ орудіемъ—потомъ, видя, что оно безсильно противъ возрастающаго зла, прибѣгнулъ къ помощи властей земныхъ, просилъ и молилъ о мѣрахъ строгости противъ еретиковъ, и, съ ужасомъ, увидѣлъ, что жидовствующіе успѣли склонить на свою сторону и власти земныя: митрополитъ Зосима и многіе изъ приближенныхъ къ великому князю бояръ открыто потворствовали ереси, которая нашла себѣ сторонниковъ и въ самой семьѣ великокняжеской. Тогда Геннадій рѣшился призвать къ себѣ на помощь *Іосифа Волоцкого*, который уже пользовался громкою славою человѣка, обладающаго несокрушимою силою рѣчи, истекающей изъ глубокаго религіознаго настроенія. И Іосифъ радостно отозвался на призывъ и не-

медленно выступилъ страшнымъ и грознымъ поборникомъ православія.

Іосифъ Волоцкой. Преподобный Іосифъ (въ мірѣ Иванъ Санинъ) род. въ 1440 г., въ Волокѣ-Ламскомъ. На седьмомъ году, при самомъ вступленіи въ отрочество, онъ былъ отданъ, для обученія грамотѣ, въ Крестовоздвиженскій монастырь, и уже не возвращался въ міръ; по страстному влеченію къ иноческой жизни, на 20 году онъ уже постригся въ обители Пафнутія Боровскаго, и, по прошествіи 17 лѣтъ, настолько успѣлъ прославиться чистотою и строгостью своей жизни, что, по смерти основателя монастыря, братія избрала его игуменомъ, находя его одного достойнымъ. Братія была Іосифомъ довольна и проникнута къ нему уваженіемъ; но Іосифъ держался слишкомъ высокихъ идеаловъ иночества и потому не могъ быть доволенъ братіею. Ему казалось, что въ другихъ обителяхъ и жизнь иноковъ чище и строже, и порядки лучше, и уставъ суровѣе; и вотъ онъ, временно сложивъ съ себя игуменство, задался смѣлымъ замысломъ: простымъ монахомъ-странникомъ рѣшился онъ обойти всѣ обители сѣвернаго края Руси—и пустился въ путь. Много лѣтъ сряду продолжалось его странствованіе; въ однѣхъ обителяхъ онъ останавливался на болѣе долгій, въ другихъ—на болѣе короткій срокъ, наблюдалъ и присматривался, и наконецъ возвратился въ свой монастырь и задумалъ въ немъ измѣнить жизнь по тому образцу, который сложился въ умѣ его за эти годы странствованія... Но онъ сразу увидалъ, что братія относится къ его замыслу не сочувственно. Тогда онъ покинулъ свою обитель и вторично удалился къ себѣ на родину, въ Волокъ-Ламскій; здѣсь основалъ онъ свою обитель, ввелъ въ ней очень строгій свой уставъ и первый сталъ подавать братіи примѣръ въ его соблюденіи [1]).

Здѣсь, въ тихомъ уединеніи и полномъ удаленіи отъ міра, Іосифъ, страстно прилежавшій къ книгамъ, постоянно ихъ читая и переписывая, мало-по-малу пріобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія. Обладая свѣжимъ логическимъ умомъ и превосходною памятью, онъ быстро усвоилъ себѣ все то, что въ ту пору было доступно на Руси изъ области богословія и исторіи, твореній отцовъ Церкви и толкованій на св. Писаніе — и все прочтенное помнилъ такъ отчетливо и ясно, какъ если бы читалъ по книгѣ. Одаренный, при этихъ качествахъ и знаніяхъ, сильною и энергическою рѣчью, необычайно твердою волею и замѣчательною смѣлостью, Іосифъ является грознымъ поборникомъ православія противъ *жидовствующихъ*, которые любили препираться о вѣрѣ, вы-

[1]) Онъ былъ въ такой степени строгъ къ себѣ, что отказался отъ свиданія со своею матерью, инокиней, когда она пришла проститься съ нимъ, наканунѣ кончины своей.

соко цѣнили слово, какъ орудіе разума, а среди невѣжественнаго духовенства встрѣчались большею частью съ людьми мало-убѣжденными, нетвердыми въ знаніи догматовъ и безсильными въ подтвержденіи своихъ убѣжденій текстами, почерпнутыми изъ книгъ. Геннадій зналъ, кого вызвать на борьбу съ ними!

«Просвѣтитель» Іосифа.

Не вдаваясь въ исторію этой борьбы, упорной, продолжительной и ожесточенной—такъ какъ она всецѣло принадлежитъ Исторіи Русской Церкви,—скажемъ только, что, въ результатѣ борьбы и всей полемической дѣятельности Іосифа, памятникомъ осталось обширное его полемическое сочиненіе, извѣстное подъ заглавіемъ «*Просвѣтитель*». Эта книга содержитъ въ себѣ предисловіе, въ которомъ авторъ излагаетъ исторію ереси „жидовствующихъ" и ея распространеніе въ Новгородѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ въ 16-ти обширныхъ „словахъ" (нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку главъ) подробно разбирается все ученіе еретиковъ. Здѣсь приводится масса доводовъ для опроверженія ихъ заблужденій, и, сверхъ того, попутно, дается въ руки православныхъ цѣлый кодексъ нравственныхъ правилъ, которымъ должно слѣдовать въ жизни, чтобы не впасть въ соблазнъ различныхъ лжеученій. Кромѣ того, въ „Просвѣтителѣ" нѣкоторыя главы посвящены и рѣшенію вопросовъ, которые, хотя и не имѣли никакого отношенія къ опроверженію ереси, однакоже были вызваны и возбуждены той борьбой, которая длилась около двадцати лѣтъ и коснулась различныхъ сторонъ древне-русской жизни.

Въ предисловіи къ „Просвѣтителю", Іосифъ съ грустью говоритъ о томъ, что „въ великой землѣ Русской", отъ временъ ея крещенія „въ продолженіе 470 лѣтъ, никто не видѣлъ ни еретика, ни отступника; но дьяволъ, для извращенія и смущенія православной вѣры посѣявшій по всей вселенной сѣмена зловѣрія, опуталъ своими кознями и землю Русскую".

Затѣмъ начинается, какъ мы уже упоминали выше, изложеніе исторіи ереси и опроверженіе всѣхъ ея лжеученій по частямъ. По поводу многихъ такихъ опроверженій, Іосифъ, вслѣдъ за ними, прибавляетъ отъ себя различныя правила житейской мудрости и простого общежитія, отчасти заимствованныя изъ Отцевъ Церкви, отчасти же изъ памятниковъ поучительной литературы, болѣе близкой къ намъ эпохи, напримѣръ, изъ поученія Владиміра Мономаха. Опуская все то, что имѣетъ спеціально богословскій интересъ, мы обратимъ вниманіе именно на эти добавленія къ „Словамъ", и на тѣ „Слова", которыя могутъ имѣть обще-литературный интересъ, т. е. служатъ выраженіемъ эпохи и личности автора.

Идеалъ гражданина и христіанина.

Такъ, въ 7-мъ „Словѣ", къ разсужденію о почитаніи иконъ, Іосифъ добавляетъ еще весьма пространное изложеніе общихъ обя-

занностей христіанина и гражданина, подъ заглавіемъ: „како подобаетъ поклонятися другъ другу и како подобаетъ поклонятися и служити царю или князю, и како подобаетъ Господу Богу поклонятися и ему одному служити". Это полное начертаніе жизни для всякаго гражданина, съ указаніемъ всѣхъ его обязанностей, съ предостереженіемъ противъ всѣхъ соблазновъ, и съ такими суровыми правилами благочестія и чистоты нравовъ, которыя носятъ на себѣ совершенно аскетическій характеръ и достижимы только для инока. „Поникая долу, умъ простирай къ небеси, ступаніе имѣй кроткое, гласъ умѣренный, слово благочинное, пищу и питіе немятежное, при старѣйшихъ молчи, премудрѣйшихъ послушай, преимущимъ имѣй повиновеніе, а къ равнымъ себѣ и къ меньшимъ любовь нелицемѣрную; мало говори, а больше разумѣвай, не будь дерзокъ въ словѣ, не излишествуй бесѣдою, стыдѣніемъ украшайся, трудись руками, за все благодари, въ скорбяхъ терпи, ко всѣмъ имѣй смиреніе, храни сердце отъ лукавыхъ помышленій... Больше всего воздерживайся отъ бесѣдъ женскихъ и отъ винопитія; вино и жены заставятъ отступить и разумныхъ... Читай завѣщанныя книги и отреченныхъ отнюдь не читай. Всякому, созданному по образу Божію, главы своей наклоняти не стыдися; сверстниковъ своихъ встрѣчай мирно, меньшихъ принимай съ любовью, передъ честнѣйшими не лѣнись стоять"... Такъ наставляетъ Іосифъ, увлекаясь своимъ идеаломъ человѣка и гражданина.

Защита монашества.

Въ 11-мъ „Словѣ", самомъ обширномъ изъ всѣхъ, Іосифъ защищаетъ монашество отъ нападковъ „жидовствующихъ" и защищаетъ горячо и весьма искренно, потому что самъ отъ ранней юности былъ ревностнымъ и усерднымъ инокомъ. „Жидовствующіе" отрицали и осуждали монастыри и монашество, имѣя въ виду тѣ недостатки и неустройства, которые вкрались въ ихъ бытъ въ XIV и въ XV вѣкахъ; Іосифъ же подходитъ къ тому же вопросу со стороны исторической, со стороны идеала монашеской жизни и заслугъ монашества и заканчиваетъ утвержденіемъ, „что никто изъ мірянъ ни чудесъ не сотворилъ, ни мертвыхъ не воскресилъ, ни даровалъ свѣтъ слѣпымъ: все сіе,—и знаменія, и чудеса— сотворили преподобные и богоносные отцы наши, носившіе иноческій образъ".

Вопросъ о судѣ и казни.

Въ 13-мъ „Словѣ", Іосифъ касается вопроса, который и въ недавнее время былъ поднятъ однимъ изъ русскихъ мыслителей. Онъ утверждаетъ, что иноки не только должны осуждать еретиковъ, но и всячески стараться объ истребленіи ихъ, а власти свѣтскія должны ихъ казнить. „Жидовствующіе" же ссылались на слова Спасителя: „не судите, да не судимы будете", и на слова Златоуста, который говорилъ, что не должно ненавидѣть, ни

убивать ни невѣрнаго, ни еретика, ибо, иначе, „рать не смиримая была бы постоянно и повсюду“... Iосифъ, возражая еретикамъ на первый ихъ доводъ, очень наглядно сравниваетъ въ этомъ случаѣ пастырей и учителей Церкви — съ пастухами, а еретиковъ — съ волками; „пастухи, — говоритъ Iосифъ, — оставляютъ звѣрей въ покоѣ, пока они не вредятъ стаду; но при нападенiи ихъ на стадо, вооружаются и убиваютъ ихъ“.

По отношенiю къ словамъ Златоуста, Iосифъ говоритъ, что они могутъ относиться только къ духовнымъ лицамъ, но никакъ не къ мiрянамъ, или къ власти свѣтской — къ царямъ, князьямъ и судьямъ, которымъ въ прямую обязанность вмѣнено судить и казнить еретиковъ.

Этими возраженiями своими Iосифъ вызвалъ противъ себя цѣлую бурю возраженiй и недовольства не со стороны еретиковъ и ихъ сторонниковъ, а со стороны нѣкоторыхъ частей монашества, которая расходилась съ Iосифомъ и въ вопросѣ о необходимости примѣненiя строгихъ мѣръ по отношенiю къ еретикамъ, и еще въ другомъ важномъ вопросѣ: о монастырскихъ имѣнiяхъ. Эта часть монашества, выдѣлявшаяся изъ остальной массы иноковъ,— представителемъ и защитникомъ которыхъ являлся Iосифъ Волоцкой,—была въ своемъ родѣ явленiемъ весьма своеобразнымъ, выходящимъ изъ ряда. Эти противники Iосифа отрицали многiя формы и стороны установившейся на Руси иноческой жизни. То были—такъ называемые *Кирилловскiе* и *Вологодскiе „старцы“* — т. е. иноки, принадлежавшiе къ братiи Кириллова и Вологодскихъ монастырей, но жившiе внѣ стѣнъ обителей въ уединенныхъ скитахъ, разбросанныхъ среди дремучихъ лѣсовъ, по берегамъ Бѣла-озера. Во главѣ ихъ стоялъ заклятой врагъ Iосифа, инокъ *Вассiанъ Косой* [1]). Вассiанъ и „старцы“, послѣ второго собора противъ еретиковъ, на которомъ послѣднiе были осуждены, горячо возстали противъ Iосифа, который требовалъ строгихъ мѣръ для наказанiи еретиковъ. Намъ сохранилась эта любопытная полемика „старцевъ“ съ Iосифомъ, въ которой всѣ отвѣты старцевъ, какъ говорятъ, были редактированы Вассiаномъ. Iосифъ утверждалъ, что „грѣшника или еретика что̀ руками убить, что молитвою — одно и то же“. Старцы же на это отвѣчали: „Сынъ Божiй пришелъ въ мiръ для грѣшниковъ, чтобы спасти погибшихъ“. Iосифъ возражалъ: „Моисей скрижали разбилъ, узнавъ, что израильтяне поклонились золотому тельцу.“ Старцы отвѣчали: „да, это правда; но когда Господь Богъ хотѣлъ погубить израильтянъ, за ихъ отступничество — тотъ же Моисей воспротивился, и сказалъ: „если ихъ

Iосифъ и старцы.

[1]) Въ иночествѣ Вассiанъ, а въ мiрѣ *князь Патрикѣевъ*, насильно постриженный Iоанномъ III въ монахи въ то время, когда партiя Софiи и Василiя восторжествовала надъ партiею его внука Димитрiя и невѣстки Елены.

погубишь, то прежде ихъ меня погуби". Въ отвѣтъ на другіе примѣры строгости, приводимые Іосифомъ изъ Ветхаго Завѣта, старцы отвѣчали: „тогда былъ Ветхій Завѣтъ, намъ же въ новой благодати Владыко явилъ христолюбивый союзъ, чтобы не осуждать брату брата"... „Спаситель вонъ и блудницы не осудилъ". Расходясь до такой полной противоположности въ вопросѣ о казни еретиковъ, „старцы" и Вассіанъ, какъ мы увидимъ далѣе, расходились съ нимъ и въ другомъ важномъ вопросѣ „о значеніи и назначеніи монастырей", который, на практикѣ, сводился къ вопросу *о монастырскихъ имѣніяхъ;* но, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этой весьма важной и характерной полемикѣ, мы должны дополнить нѣсколькими словами характеристику Іосифа и опредѣлить значеніе его „Просвѣтителя".

Значеніе „Просвѣтителя".

Хотя до насъ и, кромѣ „Просвѣтителя" Іосифова, дошло нѣсколько различныхъ посланій, изъ которыхъ многія заслуживаютъ вниманія по выраженнымъ въ нихъ мыслямъ [1]) и по общему духу своему, однакоже, главнымъ трудомъ всей его жизни является именно „Просвѣтитель". Не вдаваясь въ разборъ его по достоинству, какъ сочиненія богословскаго, мы должны признать за этимъ трудомъ его важное значеніе въ историко-литературномъ отношеніи, какъ перваго по времени и весьма обширнаго по объему сочиненія полемическаго, въ которомъ авторъ занимается разсмотрѣніемъ всевозможныхъ вопросовъ и прилагаетъ къ ихъ разбору совершенно правильную систему: задается извѣстнымъ вопросомъ, излагаетъ свое возраженіе и подтверждаетъ это возраженіе ссылкою на авторитеты: на тексты Св. Писанія, на мнѣнія Отцевъ Церкви, на извѣстныя ему историческія сочиненія.

Ученая критика обвиняетъ автора въ томъ, что онъ не всегда удачно подбираетъ цитаты свои и не выказываетъ достаточной разборчивости въ указаніи авторитетовъ, сопоставляя важное съ неважнымъ и заслуживающее полнаго довѣрія и уваженія съ незначительнымъ и недостовѣрнымъ. Но все же трудъ Іосифа является замѣчательнымъ памятникомъ эпохи и какъ бы выводомъ изъ всего прожитаго и передуманнаго въ древней Руси до конца XV вѣка: это трудъ — достойный геніальнаго самоучки, который употреблялъ чрезвычайныя усилія ума и характера, чтобы примирить уже явно обнаруженныя нестроенія древне-русской жизни и дѣйствительности съ тѣми идеалами, которые онъ носилъ въ душѣ своей.

Съ такой же чисто-идеальной стороны подходитъ Іосифъ и

---

[1]) Изъ нихъ болѣе замѣчательны и болѣе извѣстны три слѣдующія: «о растригшемся чернецѣ», «къ вельможѣ—о его рабѣ», «къ вельможѣ—о милованіи рабовъ».

къ роковому вопросу *о монастырскихъ имѣніяхъ*, который, какъ мы видѣли выше, уже и за полвѣка до него, волновалъ умы... Но въ этомъ вопросѣ онъ встрѣтилъ другого, суроваго противника, не меньше его прославившагося иноческими подвигами, не уступавшаго Іосифу ни въ умѣ, ни въ знаніяхъ, ни въ достоинствѣ нравственномъ. Противникъ этотъ былъ уже выше упомянутый нами, *Нилъ Сорскій*.

Преподобный *Нилъ Сорскій* (изъ рода бояръ Майковыхъ, род. 1433 г., ум. 1508 г.) былъ также отъ раннихъ лѣтъ инокомъ Кириллова монастыря и отличался въ средѣ братіи чрезвычайною Нилъ Сорскій.

Видъ Соловецкаго монастыря въ настоящее время.

строгостью жизни; но тѣ условія иночества, которыя онъ вокругъ себя видѣлъ въ богатой общежительной обители, не удовлетворяли его. Не надѣясь нигдѣ встрѣтить въ русскихъ монастыряхъ иныя, болѣе строгія условія жизни, онъ рѣшилъ отправиться въ далекое странствованіе на Востокъ: въ Византію, на Аѳонъ — чтобы тамъ отыскать лучшее и болѣе достойное подражанія. Тамъ онъ посѣщалъ по преимуществу отдѣльные скиты и небольшія пустыни, присматривался къ жизни отшельниковъ—строгой, скудной и далекой отъ всѣхъ житейскихъ заботъ — и подъ ихъ руководствомъ напитывалъ душу свою, главнымъ образомъ, писаніями отцевъ-пустынниковъ: Нила Синайскаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника. Настроенный этимъ чтеніемъ и

образцами той жизни, которую онъ кругомъ себя видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ, Нилъ рѣшился, по возвращеніи на Русь, положить и у насъ начало скитской жизни. Поэтому онъ не вернулся вновь въ Кирилловскую обитель, а устроилъ себѣ, неподалеку оттуда, въ глухомъ лѣсу, на рѣкѣ Сорѣ, отдѣльный скитъ (впослѣдствіи обратившійся въ Сорскую пустынь). Здѣсь онъ установилъ тотъ бытъ, о которомъ мечталъ отъ ранней юности; въ основу скитской жизни онъ положилъ обязательный трудъ для каждаго инока, который долженъ былъ служить ему средствомъ для пропитанія [1]), и полное отрицаніе всякой собственности, всякаго стяжанія... Основою и верхомъ счастія въ иноческой жизни Нилъ полагалъ возможность — „умереть для всякаго земного попеченія".

Уставъ скитскаго житія.

Зная, что въ остальныхъ общежительныхъ монастыряхъ, по мѣрѣ разбогатѣнія, совершенно утрачивался истинный духъ иночества и внѣшняя обрядность начинала преобладать надъ внутреннимъ содержаніемъ жизни, Нилъ Сорскій, напротивъ, старался отвлечь иноковъ отъ этой внѣшней обрядности къ навыку внутренняго, духовнаго созерцанія, и на этомъ основаніи прямо говорилъ имъ: „умная (т. е. умственная) молитва выше тѣлесной; тѣлесное дѣланіе — листъ, а внутреннее, умное — плодъ. Кто молится только устами, а не умомъ, тотъ молится воздуху, ибо Богъ внемлетъ уму". Всѣ подобныя, весьма высокія мысли объ иночествѣ Нилъ изложилъ прекрасно въ своемъ «*Уставѣ или преданіи о скитскомъ житіи*» и тамъ, на основаніи сочиненій другихъ отцевъ-пустынниковъ, развилъ цѣлую теорію необходимости борьбы съ „помыслами", какъ источникомъ человѣческихъ страстей и пороковъ. Такихъ помысловъ онъ насчитываетъ восемь: „чревообъѣданіе, сладострастіе, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе и гордость". Послѣдніе два помысла онъ справедливо почиталъ наиболѣе опасными, и, какъ на главный способъ противодѣйствія имъ, указываетъ на *постоянное памятованіе о смерти*...

Борьба противъ стяжанія.

При такихъ высокихъ и прекрасныхъ идеалахъ иночества, Нилъ, конечно, не могъ сочувствовать постоянному возрастанію монастырскихъ имуществъ, пагубно вліявшему на чистоту монастырской жизни; не могъ сочувствовать тому, что писалъ Іосифъ Волоцкой въ одномъ изъ своихъ посланій („къ вельможѣ о рабѣ"), совѣтуя каждому боголюбивому человѣку давать Богу „десятину не только отъ имѣній, но и отъ чадъ, и отъ рабовъ". Его горячею проповѣдью нестяжанія звучитъ та укоризненная рѣчь, съ которою его ученикъ, инокъ Вассіанъ Косой, обращался къ современному монашеству:

---

[1]) «Кто не хочетъ трудиться—замѣчаетъ Нилъ:—тотъ пусть и не ѣстъ.»

„Господь говорилъ: *продай имѣнія твои*, а мы, вступивши въ монастырь, не перестаемъ пріобрѣтать всячески чужія села и имѣнія, выпрашивая ихъ у вельможъ или покупая... И вмѣсто того, чтобы, по заповѣди, безмолвствовать въ монастырѣ и питаться рукодѣліемъ, своими трудами, мы безпрестанно объѣзжаемъ города и въ руки богатыхъ смотримъ, разнымъ образомъ лаская ихъ и раболѣпно угождая имъ, чтобы получить отъ нихъ или село, или деревнюшку, или серебро, или что-нибудь изъ скота..."

Вопросъ о монастырскихъ селахъ.

И вотъ, на соборѣ 1503 года, Нилъ Сорскій выступилъ съ открытымъ предложеніемъ: *«чтобы селъ у монастырей не было, и чтобы монахи кормились трудами рукъ своихъ»*. Само собою разумѣется, что подобное, смѣло-высказанное предложеніе было встрѣчено соборомъ весьма недружелюбно: дѣло было весьма щекотливое и касалось слишкомъ близко матеріальныхъ интересовъ монашества. Къ тому же, Іосифъ Волоцкой принялъ эти интересы подъ свое покровительство, и очень кстати привелъ два весьма существенныхъ и вѣскихъ довода въ пользу владѣнія монастырей имѣньями. Сначала онъ указалъ на то, что монастыри будто бы принимаютъ приношенія богатыхъ съ цѣлью благотворенія [1]). Затѣмъ онъ указалъ на монастыри, какъ на мѣста воспитанія для епископовъ и вообще для лицъ, которымъ предстоитъ занять высшія іерархическія должности. „Если у монастырей селъ не будетъ,—говорилъ Іосифъ, — то какъ же честному и благородному человѣку постричься?.. А если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію или архіепископа, или епископа, и на высшія честныя власти? А если не будетъ честныхъ старцевъ, то и вѣра будетъ поколеблена". Мнѣніе Іосифа, какъ и слѣдовало ожидать, взяло верхъ; но и на сторонѣ Нила Сорскаго оказалось много убѣжденныхъ послѣдователей, и вотъ между ними и *Осифлянами* (т. е. сторонниками Іосифовскихъ мнѣній объ имѣніяхъ монастырскихъ) поднялась такая же горячая полемика, какъ и по поводу вопроса о казни еретиковъ.

Осифляне и старцы.

Полемика эта указала съ достаточною ясностью на большіе недостатки монастырскаго быта, полнаго всякихъ нестроеній именно потому, что монастыри были слишкомъ богаты и обезпечены, и что вниманіе иноковъ было поглощено заботами о мірскихъ благахъ. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, какъ въ партіи Іосифа, такъ и въ средѣ сторонниковъ Нила Сорскаго, дошло до того, что Іосифъ Волоцкой, въ завѣщаніи къ братіи, заповѣдалъ ей не имѣть никакихъ общеній съ учениками Нила Сорскаго; а Вассіанъ, въ свою очередь, старался остеречь всѣхъ

[1]) До нѣкоторой степени, онъ былъ, конечно, правъ, въ особенности по отношенію къ своему монастырю, въ которомъ, во время голода, кормилось постоянно отъ 400 до 500 человѣкъ...

приверженцевъ своего дорогого учителя отъ всякихъ сношеній съ „Осифлянами", о которыхъ вообще сложилось такое невыгодное мнѣніе, что они—„люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей и имѣній желатели". На утвержденіе, высказываемое Іосифлянами, будто безъ имѣній монастыри запустѣютъ, Вассіанъ очень мѣтко напомнилъ имъ стихъ псалмопѣвца: „не видѣхъ праведнаго оставлена, ниже сѣмени его, ищуща хлѣба" (XXXVI, 25).

Вскорѣ послѣ всей этой словесной борьбы, оба противника—и Іосифъ, и Нилъ Сорскій—скончались. Но борьба не окончилась со смертью ихъ: язвы были вскрыты и требовали исцѣленія... И мнѣніе Нила нашло себѣ вскорѣ поддержку въ другомъ, такомъ же, какъ и онъ, горячемъ идеалистѣ-подвижникѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Свѣтская литература XV вѣка.—Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ.—Отчетъ спутниковъ митрополита Исидора, сопровождавшихъ его въ Италію.—Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина.—Сказанія, вызванныя исторической дѣйствительностью.—Повѣсти и сказки, занесенныя на Русь съ Востока и Запада.

Закончивъ обзоръ умственной жизни XV вѣка, насколько она выразилась въ литературѣ и проявилась въ личности важнѣйшихъ изъ числа современныхъ литературныхъ дѣятелей, мы должны прибавить къ нашему обзору еще нѣсколько словъ, касающихся собственно свѣтской литературы.

Несмотря на то, что XV вѣкъ, какъ мы уже неоднократно упоминали, принадлежитъ къ самымъ темнымъ эпохамъ въ исторіи просвѣщенія и литературы на Руси, несмотря и на то, что и развитію русской жизни въ эту эпоху значительно мѣшали весьма стѣснительныя историческія условія, въ видѣ отношеній къ ордѣ и тягостнаго процесса политическаго объединенія Руси, — жизнь все же беретъ свое: нарождаются новыя формы выраженій мысли, возбуждаются новые вопросы, расширяется умственный и нравственный кругозоръ накопленіемъ новаго опыта, новыхъ наблюденій, новыхъ воззрѣній и взглядовъ... Вотъ почему и въ весьма еще ограниченномъ кругу произведеній свѣтской литературы, въ которой встрѣчаемся все съ тѣми же самыми родами—путешествіемъ, сказаніемъ и повѣстію—мы не можемъ, однакоже, не замѣтить нѣкотораго обновленія и освѣженія. Изъ путешествій, принадлежащихъ къ XV вѣку, извѣстны два путешествія къ Святымъ мѣстамъ: *Зосимы* іеродіакона Троицкой обители, и гостя *Василія*; болѣе ихъ заслуживаютъ вниманія описанія путешествія въ Италію, написанныя двумя суздальцами—іеромонахомъ *Симеономъ* и епископомъ *Аврааміемъ*. Въ числѣ путешествій видимъ и въ

Новыя путешествія.

высшей степени важный памятникъ, имѣющій значеніе не только для русской, но и для обще-европейской литературы: это — „*Хожденіе за три моря* тверского купца *Аѳанасія Никитина*», посѣтившаго Индію за 28 лѣтъ до Васко-де-Гамы [1]).

Первыя два путешествія представляютъ собою мало замѣчательнаго въ смыслѣ литературномъ. Іеродіаконъ Зосима начинаетъ свое описаніе путешествія съ кіевскихъ святынь и въ Іерусалимъ попадаетъ черезъ Царь-градъ и Аѳонъ. Весьма сухое описаніе свое онъ дополняетъ заимствованіями изъ „хожденія игумена Даніила“ и изъ „*Странника*“ инока Стефана.

Нѣсколько болѣе интереса представляетъ путешествіе гостя Василія, человѣка торговаго и наблюдательнаго, и притомъ избравшаго совсѣмъ новый путь въ Іерусалимъ — черезъ Малую Азію, которую онъ прошелъ всю пѣшкомъ, отъ города Бруссы. Любопытно въ его путешествіи именно то, что онъ относится къ окрестнымъ, сосѣднимъ Палестинѣ, странамъ совсѣмъ иначе, нежели къ самой Палестинѣ. Проходя по этимъ странамъ, онъ является внимательнымъ наблюдателемъ, даже смѣтливымъ купцомъ, все замѣчаетъ и описываетъ: города и ихъ жителей, восточные базары и бани, даже тѣ караванъ-сараи, въ которыхъ ему приходится останавливаться. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на греческія христіанскія церкви, еще уцѣлѣвшія среди страны, уже окончательно завоеванной турками. Но какъ только онъ вступилъ на почву Святой Земли, его описаніе путешествія совершенно измѣняетъ характеръ: онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе только на святыняхъ, говоритъ только о святынѣ, да о библейскихъ легендахъ и воспоминаніяхъ, связанныхъ съ нею. Ко всему остальному въ Св. Землѣ онъ относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ къ незаслуживающему вниманія.

Спутники Исидора.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора, іеромонахъ *Симеонъ*, посѣтившій проѣздомъ во Флоренцію многіе города Ливоніи, Германіи и Италіи, чрезвычайно наивно передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ проѣзда по странѣ и обзора городовъ. Впечатлѣнія эти чисто-дѣтскія, и нигдѣ нейдутъ далѣе внѣшней стороны предметовъ; онъ не замѣчаетъ ни отличія въ правахъ, ни отличія въ управленіи страною, никакой рѣзкой разницы, которая должна была бы поразить каждаго русскаго, выѣзжавшаго въ Европу; ему бросались въ глаза только диковинки, которыхъ онъ не могъ видѣть у себя дома, на Руси: мудренаго устройства часы, курьезные фонтаны, готическіе храмы, каналы, замѣняющіе улицы въ Венеціи — и только. Наблюдательность его не простирается далѣе этого...

---

1) Аѳанасій Никитинъ, пробывъ три года въ Индіи, умеръ на обратномъ пути въ Русскую землю въ 1472 году, а Васко-де-Гамо посѣтилъ Индію въ 1497 году.

Описаніе мистеріи.

Другой спутникъ Исидора, суздальскій епископъ Авраамій, оставилъ намъ, въ своемъ отчетѣ о путешествіи, подробнѣйшее описаніе представленія мистеріи, на которой ему удалось присутствовать въ одномъ изъ флорентійскихъ монастырей. Мистерія изображала „Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы" и, видимо, очень понравилась Авраамію, который не иначе называетъ ее какъ *«чудное видѣніе и хитрое дѣланіе»*, передавая въ этихъ словахъ свое впечатлѣніе и отъ самаго дѣйствія мистеріи, и отъ той роскошной обстановки, въ которой это дѣйствіе происходило.

Аѳанасій Никитинъ.

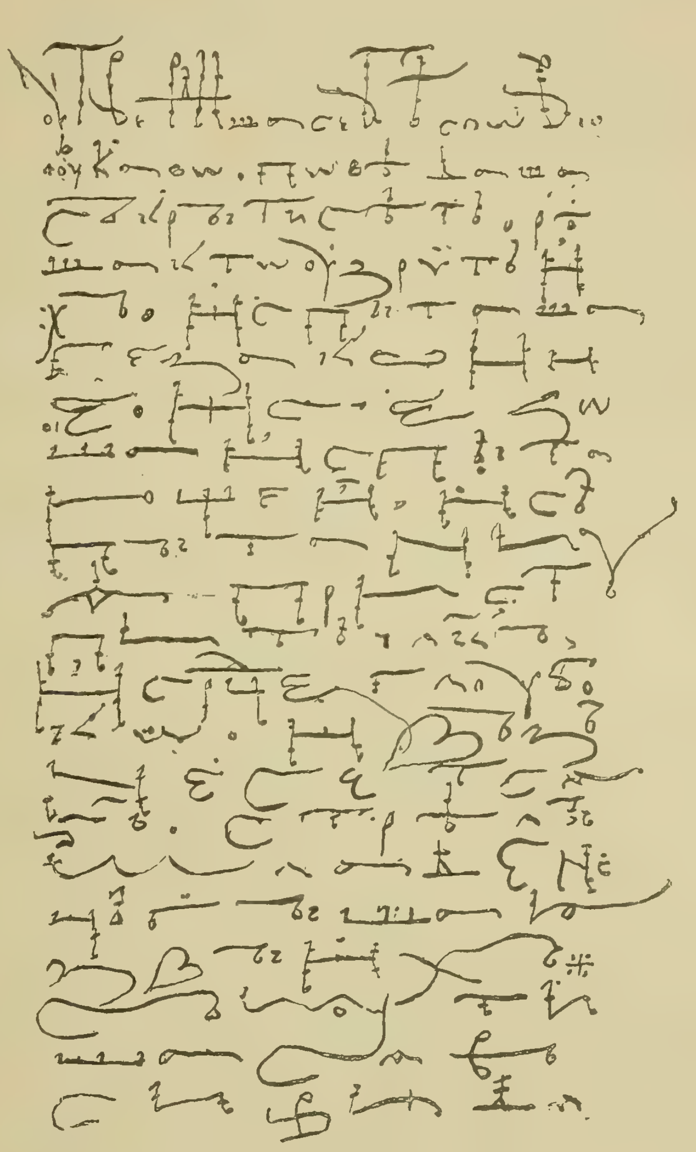
Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается *«Хожденіе за три моря»* тверского купца Аѳанасія Никитина. Эти три моря: Черное, Хвалынское (т. е. Каспійское) и Индѣйское. Цѣль путешествія чисто-комерческая: выгодный сбытъ товаровъ, пріобрѣтеніе барышей и результатъ весьма плачевный — полное разореніе, долгія скитанія по непривѣтной чужбинѣ, среди всякихъ бѣдъ, опасностей и лишеній, и преждевременная кончина въ Смоленскѣ, на обратномъ пути въ Тверь. Въ началѣ своего „Хожденія" онъ такъ объясняетъ побужденіе, заставившее его рѣшиться на это далекое и трудное странствованіе: бесерменскіе, т. е. среднеазіатскіе, купцы, которыхъ было много въ Твери и во всѣхъ русскихъ при-волжскихъ городахъ, увѣрили его, что въ Индіи можно выгодно сбыть русскіе товары, а оттуда можно вывезти на Русь много такого товару, который охотно раскупятъ на Руси. И вотъ, смѣлая мысль—завязать сношенія съ Индіей, плыть за тридевять земель въ тридесятое царство—запала въ душу предпріимчиваго тверича и не давала ему покоя. Наконецъ, онъ присоединился со своимъ товаромъ и товарищами къ русскому посольству, отправлявшемуся въ Шемаху, предполагая пробраться въ Индію черезъ Персію. Но уже по дорогѣ въ Персію его до-чиста ограбили татары: отняли все, даже до церковныхъ книгъ, которыя онъ взялъ съ собою, чтобъ не отстать отъ церковнаго обихода. Но, вѣроятно, онъ сумѣлъ что-нибудь сохранить или скрыть часть денегъ, потому что, и ограбленный, онъ все же достигъ Индіи, и жилъ тамъ три года, все же и продавалъ, и покупалъ, и занимался еще кое-какими оборотами. Есть также основаніе предполагать, что Аѳанасій Никитинъ владѣлъ до нѣкоторой степени однимъ изъ восточныхъ языковъ: иначе трудно было бы ему пробыть столь долго на чужбинѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Хожденія" онъ даже вноситъ въ своемъ текстѣ на какомъ-то чуждомъ и странномъ языкѣ цѣлыя фразы и строки [1]; но наши оріенталисты не нашли въ этой тарабарщинѣ никакого смысла и даже

[1]) Аѳанасій Никитинъ прибѣгаетъ къ этимъ фразамъ на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится говорить о вещахъ, по его мнѣнію, щекотливыхъ и неприличныхъ.

не могли опредѣлить, изъ какого языка эти фразы заимствованы.

Описаніе Индіи.

Въ своемъ описаніи Индіи Никитинъ выказываетъ себя человѣкомъ любознательнымъ и наблюдательнымъ. Онъ ко всему присматривается и все видимое имъ описываетъ довольно живо и подробно; но, конечно, многое остается для него совершенно непонятнымъ (напр., дѣленіе населенія на касты), а многое невѣроятное кажется ему не только возможнымъ, но даже и заслуживающимъ его довѣрія. Такъ, напр., онъ совершенно серьезно вставляетъ въ свое описаніе Индіи баснословные разсказы о птицѣ Гукукъ и о царствѣ обезьяньемъ. Но все же его путешествіе, при многихъ своихъ недостаткахъ, стоитъ гораздо выше всего, что подъ названіемъ „Хожденій“ и „Странствованій“ было извѣстно въ предыдущую эпоху. Онъ уже относится къ предмету своего описанія какъ человѣкъ любознательный, не задаваясь никакимъ одностороннимъ направленіемъ, не ограничивая свой кругъ наблюденій однимъ сухимъ перечнемъ городовъ, зданій, храмовъ. Онъ разсказываетъ обо всѣхъ достопримѣчательностяхъ, „какія ему удалось видѣть“, съ одинаковымъ участіемъ и интересомъ; мало того, онъ уже вselect



Образецъ тайнописи XV вѣка.

тривается въ нравы и обычаи народа, въ религіозные обряды и церемоніи, въ произведенія природы, даже наблюдаетъ климатическія условія Индіи; толкуетъ и о кумирняхъ, и о пристаняхъ, и объ алмазныхъ копяхъ. Въ авторѣ виденъ человѣкъ живой и умный, и очень находчивый въ тѣхъ незавидныхъ условіяхъ, въ какія онъ былъ поставленъ. Только одна сторона жизни тягостно отзывается на настроеніи духа Аѳанасія Никитина: полная невозможность соблюдать обряды своей вѣры среди этихъ иновѣрцевъ и язычниковъ. Онъ тяготится тѣмъ, что не можетъ ходить въ церковь, не можетъ соблюдать постовъ и даже не имѣетъ возможности опредѣлить время ихъ наступленія и продолженія.

Какимъ путемъ возвратился онъ на Русь — объ этомъ въ его „Хожденіи" не упоминается; но по нѣкоторымъ намекамъ Аѳанасія Никитина можно предположить, что онъ возвращался черезъ Малую Азію и Константинополь [1]); а затѣмъ уже слѣдовалъ обычнымъ путемъ всѣхъ русскихъ людей, попадавшихъ случайно въ Европу или убѣгавшихъ изъ турецкаго плѣна; а именно — черезъ Италію, Германію и польско-литовскія области, потомъ въ Смоленскъ, до котораго уже было рукой подать отъ русскаго рубежа... Въ концѣ своего сочиненія, уже предвкушая скорое свиданіе со своей дорогой родиной, онъ съ восторгомъ говоритъ о Русской землѣ и ставитъ ее выше всѣхъ извѣстныхъ ему и видѣнныхъ имъ земель.

Повѣсти и сказанія XV вѣка.

Изъ всего, сказаннаго выше о путешествіяхъ XV вѣка нельзя не прійти къ выводу, что они стоятъ значительно выше путешествій предшествующей эпохи; самый предметъ описанія наблюдается авторами внимательнѣе и объективнѣе, безъ всякой, заранѣе намѣченной, предвзятой цѣли, а потому и элементъ личный, выраженный впечатлѣніями и воззрѣніями автора, становится все болѣе и болѣе уловимымъ, и болѣе осязательнымъ. То же самое слѣдуетъ сказать о *повѣстяхъ* и о *сказаніяхъ* XV вѣка; они именно тѣмъ и отличаются отъ повѣстей и сказаній предыдущей эпохи, что въ нихъ уже весьма сильно ощущается личное вліяніе автора и тѣсная связь съ живою, историческою дѣйствительностью, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній. Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ уже начинаетъ проявляться желаніе авторовъ связать фабулу своего разсказа съ извѣстнаго рода идеей. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти *о походѣ Іоанна III на Новгородъ*, приписываемой митрополиту Филиппу I, авторъ старается доказать законность притязаній Москвы на Новгородъ. Въ повѣсти *о Флорентійскомъ соборѣ* (какъ на автора ея указываютъ на суздальскаго іеромонаха Симеона, спутника Иси-

[1]) Если бы онъ въ Константинополѣ не былъ, то не могъ бы сравнивать изображеніе Бута (Будды) со статуей Юстиніана въ Царьградѣ.

дорова), авторъ выставляетъ всѣ неправды Исидора и является горячимъ защитникомъ православія противъ всякихъ ухищреній со стороны Римской Церкви. Въ повѣсти *„о созданіи и о взятіи Царьграда“* еще сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, сказывается это идейное начало. Она была очень распространена и видимо очень нравилась въ чтеніи: ее охотно и часто переписывали, ее цѣликомъ заносили въ лѣтописные изборники. Послѣ разсказа объ основаніи Царьграда, будто бы сопровождавшагося символическими видѣніями и вѣщими предсказаніями, начинается разсказъ объ осадѣ Царьграда турками и о тѣхъ знаменьяхъ, которыя при этомъ были. Авторъ повѣсти уже не довольствуется тою простою и немногосложною моралью, которая была обычною у другихъ лѣтописцевъ — не объясняетъ паденіе Царьграда и всего греческаго царства однимъ только „попущеніемъ Божіимъ“ и „карою за грѣхи“. Причину паденія онъ прямо указываетъ въ общественной испорченности и въ нравственной слабости правительства, которое не могло установить правды въ судахъ, и народъ держало въ крайнемъ порабощеніи. „Въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди не храбры и къ бою противъ недруговъ не смѣлы: ибо порабощенный человѣкъ срама не боится и чести себѣ не добываетъ“... Съ удивительнымъ безпристрастіемъ авторъ повѣсти беретъ сторону турокъ противъ грековъ и изображаетъ султана Махмуда II, взявшаго Царьградъ, государемъ мудрымъ, строгимъ и правдивымъ; съ смѣлостью и легкостью сужденій, поражающею насъ въ русскомъ человѣкѣ половины XV вѣка, онъ замѣчаетъ, что и въ русскомъ царствѣ мало правды и если бы „къ вѣрѣ христіанской да правда турецкая была“, то не оставалось бы желать лучшаго. Несмотря, однакоже, на эту русскую „неправду“, въ повѣсти есть все же весьма утѣшительное для нашихъ предковъ указаніе на то, что нѣкогда наступитъ такое время, когда русскій народъ побѣдитъ турокъ и овладѣетъ Царьградомъ. Судя по многимъ подробностямъ и указаніямъ повѣсти, есть основаніе думать, что она написана подъ живымъ впечатлѣніемъ событія, потрясшаго всю Европу, т.-е., вскорѣ послѣ 1453 года.

Отчасти въ томъ же смыслѣ отношеній Византіи къ Руси, любопытна и повѣсть *„о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“*, написанная для новгородскаго архіепископа Геннадія уже извѣстнымъ намъ Димитріемъ Герасимовымъ [1]), усерднымъ помощникомъ Геннадія по составленію полнаго списка Библіи. Повѣсть „о бѣломъ клобукѣ“, повидимому, была написана авторомъ, чтобы выяснить, от- Повѣсть о бѣломъ клобукѣ.

[1]) Или «Димитріемъ Толмачемъ», какъ его называютъ другіе. *Толмачъ* — то же, что и переводчикъ. Димитрій Герасимовъ былъ, дѣйствительно, толмачемъ при посольскомъ приказѣ, въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI вѣка.

куда взялся бѣлый клобукъ, издавна присвоенный новгородскимъ владыкамъ. Происхожденіе „бѣлаго клобука" объясняется авторомъ довольно неправдоподобно, возводится ко времени Константина, который будто бы отправилъ этотъ клобукъ римскому папѣ Сильвестру; но клобукъ какими-то судьбами очутился вновь въ Царьградѣ и посланъ былъ оттуда одному изъ новгородскихъ епископовъ; въ сущности же въ основѣ повѣсти лежитъ то стремленіе къ возвеличенію возникающаго русскаго царства, наслѣдующаго величіе Византіи, которое въ XVI вѣкѣ сложилось въ цѣлый рядъ весьма искусно и складно построенныхъ легендъ и спеціальныхъ сказаній.

Свѣтская литература XV вѣка.

Но мы, конечно, очень бы ошиблись, если бы предположили, что кромѣ вышеприведенныхъ нами повѣстей, связанныхъ съ современной историческою дѣйствительностью, не было въ XV вѣкѣ другихъ произведеній свѣтской литературы, предназначенныхъ для легкаго чтенія. Рукописные сборники XV вѣка, напротивъ того, заключаютъ въ себѣ очень много „повѣстей" и „сказокъ" самаго разнообразнаго содержанія. Есть основанія думать, что первыя произведенія свѣтской литературы, при посредствѣ болгарской и сербской письменности, были занесены къ намъ на Русь въ началѣ XIII вѣка и даже въ XII вѣкѣ, тогда, когда у насъ въ высшихъ слояхъ общества стала развиваться потребность въ чтеніи занимательномъ и разнообразномъ. Но всѣ эти „повѣсти" и „сказки" были произведеніями иноземными, занесенными къ намъ случайно, въ числѣ другого рукописнаго матерьяла, въ видѣ переводовъ на славянскій языкъ и въ видѣ южно-славянскихъ пересказовъ и передѣлокъ. Такимъ образомъ проникли къ намъ средне-вѣковыя сказанія, *объ Александрѣ Македонскомъ и о Троянской войнѣ*; а рядомъ съ ними и сказочныя произведенія азіатскаго Востока, съ которымъ Византія стояла въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, и отрывки индѣйскаго животнаго эпоса, заимствованнаго изъ „Калилы и Димны" [1]), или же сказокъ, извлеченныхъ изъ обширнѣйшаго арабскаго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ „Тысячи и одной ночи". Изъ этого сборника несомнѣнно была заимствована одна изъ „повѣстей", ранѣе другихъ перенесенная на русскую почву—„*повѣсть о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ и Наливѣскія страны*", извѣстная также подъ названіемъ „*Слова объ Акирѣ Премудромъ*" [2]). Чтобы дать понятіе о сказаніяхъ, какъ о литературномъ родѣ, изложимъ вкратцѣ содержаніе этой древней повѣсти.

[1]) Такъ называется арабская передѣлка индійскаго сборника сказокъ о животныхъ, извѣстнаго подъ названіемъ «Гитопадесы».

[2]) Любопытно, что «повѣсть о Синагрипѣ» была уже отыскана Мусинымъ-Пушкинымъ въ томъ самомъ сборникѣ, въ которомъ помѣщалась рукопись «Слова о полку Игоревѣ».

„Въ землѣ Алевицкой и Анизорской правитъ царь Синагрипъ (по другимъ спискамъ—Сенеграфъ). У него ближайшій помощникъ и довѣренное лицо — Акиръ Премудрый. Акиръ всѣмъ надѣленъ отъ Бога — и богатствомъ, и мудростью, и славой, и высокимъ почетомъ въ государствѣ; недостаетъ ему только дѣтей, и онъ пламенно молится Богу о томъ, чтобы Онъ даровалъ ему наслѣдника. Свыше, однакоже, получаетъ онъ указаніе: взять „*въ сына мѣсто*" своего племянника (сына сестры), Анадана. Премудрый Акиръ преклоняется передъ волею неба, и воспитываетъ Анадана, какъ родное дитя, научаетъ его всей премудрости „земной и небесной — словно сосудъ наполняетъ жемчугомъ многоцѣннымъ" и даже вводитъ его въ милость царя Синагрипа. За всѣ эти благодѣянія Анаданъ заплатилъ Акиру самою черною неблагодарностью; обвинилъ его передъ царемъ въ измѣнѣ и такъ сумѣлъ вооружить Синагрипа противъ Акира, что тотъ не пустилъ своего вельможу на глаза, и велѣлъ своему конюшему Анбугилу предать Акира злой смерти. Однакоже, Анбугилъ, многимъ обязанный Акиру, вмѣсто него казнитъ преступника Сутура, а самаго Акира сажаетъ на Сутурово мѣсто въ темницу.

Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ оплакивали Акира, царь приказалъ отдать Анадану все имѣніе, дворъ и домъ его благодѣтеля. По прошествіи нѣкотораго времени, является отъ восточнаго царя „Фараона Египецкаго" грозный посолъ Елтега, и предлагаетъ Синагрипу отгадать загадки Фараоновы: „а если не отгадаетъ — грозитъ полонить и повоевать всю землю Синагрипову". Царь обѣщаетъ дать полъ-царства тому, кто избавитъ его отъ такой напасти. Но никто изъ вельможъ, ни самъ Анаданъ, не въ силахъ разгадать „Фараоновы загадки"... Видя затруднительное положеніе царя, Анбугилъ рѣшается сообщить ему, что Акиръ Премудрый не казненъ по его повелѣнію, а живъ и сидитъ въ темницѣ. Обрадованный царь спѣшитъ въ темницу и находитъ тамъ Акира, закованнаго въ желѣзо и „обросшаго волосами съ головы и до земли, а бородою до самаго пояса". Царь проситъ Акира, чтобы онъ вывелъ его изъ затрудненія. Акиръ приказываетъ тотчасъ же прогнать палками Елтегу, посла Фараонова; а самъ отправляется въ Египетъ во главѣ блестящаго посольства. Тамъ Акиръ изумляетъ всѣхъ своею изобрѣтательностью и хитростью и вынуждаетъ царя Фараона признать себя побѣжденнымъ въ мудрости — и, въ виду этого, платить тяжкую дань Синагрипу. Когда онъ возвращается домой, царь, въ вознагражденіе за оказанную Акиромъ услугу, предлагаетъ ему великіе дары; но Акиръ, вмѣсто всякихъ даровъ, требуетъ отъ царя выдачи Анадана, и царь исполняетъ его желаніе. Тогда Акиръ приказалъ Анадана приковать къ городскимъ воротамъ цѣпями и рядомъ съ нимъ положить три мѣдныхъ

прута. И ударилъ его Акиръ самъ трижды, приговаривая: „не рожденъ — такъ и не сынъ, не купленъ — такъ и не холопъ“. И заповѣдалъ онъ всѣмъ гражданамъ алевицкимъ и анизорскимъ, всѣмъ, кто пройдетъ черезъ тѣ городскія ворота, — точно такъ же бить и позорить Анадана всякій день, а смерти не предавать. Анаданъ, однакоже, не вынесъ своего позора, и черезъ нѣсколько дней умеръ, и тѣло его было брошено псамъ на съѣденіе... Самъ же Акиръ сталъ попрежнему служить царю Синагрипу и еще много лѣтъ сряду продолжалъ собирать дань съ египетскаго царя“.

Варлаамъ и Іосафатъ.

Къ этой древней повѣсти, по простотѣ и немногосложности содержанія, очень близка и другая — такъ-называемая „*Исторія о Варлаамѣ и Іосафатѣ*“. Содержаніе ея все заключается въ томъ, что мудрый пустынникъ Варлаамъ обращаетъ въ христіанство индійскаго царевича Іосафата, несмотря на всѣ гоненія со стороны жестокаго отца его, Авенира. Варлаамъ является подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объясняетъ Іосафату, что камень этотъ изображаетъ царствіе небесное, котораго легче всего достигнуть уединеніемъ и молитвою.

Дѣяніе Девгеніево.

Ко всѣмъ этимъ сказаніямъ, которыя перенесены были къ намъ уже очень рано при посредствѣ южно-славянскихъ переводовъ и передѣлокъ византійскаго текста, впослѣдствіи стали прибавляться переводимыя съ греческаго на русскій языкъ мѣстныя византійскія сказанія; къ числу такихъ произведеній, относится, напр., прекрасная повѣсть „*о дѣяніи Девгеніевѣ*“ — гдѣ героемъ является „прекрасный Девгеній“ — храбрый витязь, изумляющій всѣхъ своимъ мужествомъ на войнѣ, а также и въ борьбѣ съ дикими звѣрями и съ многоглавыми змѣями. Послѣ многихъ подвиговъ, онъ побѣждаетъ славнаго витязя Стратига, и его четверыхъ сыновей-богатырей, и женится на его дочери Стратиговнѣ, сверхъ красоты одаренной и мужествомъ и храбростью, и въ этомъ отношеніи не уступающей мужчинамъ.

Позднѣе, черезъ Псковъ и Новгородъ, и отчасти черезъ Литву и Польшу, къ намъ стали уже съ Запада проникать нѣкоторыя произведенія средне-вѣковой рыцарской романтической литературы, а также множество мелкихъ, отдѣльныхъ произведеній, въ видѣ новеллъ и сказокъ, которыми были вообще богаты европейскія литературы въ XIV и XV вѣкахъ.

Слово о Басаргѣ купцѣ.

Но мы оставимъ пока въ сторонѣ всѣ эти случайно-занесенныя къ намъ произведенія иноземной литературы и остановимся только на одномъ произведеніи, извѣстномъ подъ заглавіемъ: „*Слово о Басаргѣ купцѣ*“. Эта повѣсть представляется особенно важною именно въ томъ смыслѣ, что мы въ ней видимъ первую попытку разработки оригинальнаго русскаго сюжета, въ примѣненіи къ обычной сказочной основѣ.

Въ краткомъ изложеніи ознакомимъ нашихъ читателей и съ этою любопытною повѣстью.

Жилъ въ Кіевѣ купецъ, именемъ Дмитрій Басарга. Онъ отплылъ однажды на кораблѣ, по торговымъ дѣламъ, за море и взялъ съ собою, для утѣшенія, сына своего, Борзомысла. На морѣ разыгралась буря, занесла на островъ, на которомъ жители были христіане, а правилъ ими царь-язычникъ. Въ гавани этого острова увидѣлъ Басарга 330 кораблей купеческихъ и узналъ отъ жителей, что у ихъ царя такой обычай: каждому заѣзжему купцу задавать три загадки; если онъ тѣ загадки не отгадаетъ, то требовать, чтобъ онъ переходилъ въ его языческую вѣру; а если не захочетъ перейти — заключать его въ тюрьму. „Вотъ и тѣ 330 купцовъ, чьи корабли ты видѣлъ въ гавани, тоже не могли царскихъ загадокъ отгадать и попали въ тюрьму“,—такъ сообщили Басаргѣ мѣстные жители. Пришлось и Басаргѣ идти къ царю и услышать отъ него три загадки: „первая — много-ли, мало-ли всего отъ востока до запада? Вторая—чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ? Третья — что есть то, чтобы не смѣялся поганый надъ христіанами?“ Выслушалъ купецъ три загадки и получилъ отъ царя шесть дней сроку на отгадываніе. Приходитъ домой въ горѣ и, сокрушаясь и плача, разсказываетъ сыну, какая на него бѣда пришла. Сынъ его слушаетъ, утѣшаетъ и смѣется, къ удивленію и досадѣ отца; однакоже, ободряетъ его и говоритъ, что такія пустыя загадки можно давать только дѣтямъ, для потѣхи, и что онъ нисколько не затруднится ихъ разгадать. Но отецъ былъ неутѣшенъ и горевалъ въ теченіе всѣхъ шести дней. Когда же онъ, въ назначенное время, отправился къ царю, то захватилъ съ собою и сына, съ однимъ изъ слугъ; свиданіе это въ повѣсти обставлено различными, весьма любопытными подробностями, которыя мы здѣсь опускаемъ. Борзомыслъ, котораго сначала царь Несміянъ не хотѣлъ и на глаза къ себѣ допустить, сумѣлъ овладѣть вниманіемъ его и сталъ разрѣшать загадки за отца своего. Первую загадку — „много ли, мало ли всего отъ востока до запада?“ — онъ разрѣшилъ такъ: „ни много, ни мало — день да ночь, ибо солнце обходитъ всю землю отъ востока и до запада въ одинъ день, а въ ночь опять на востокъ возвращается“. Царь былъ отвѣтомъ доволенъ, одарилъ и угостилъ отца и сына, и слугу, и отпустилъ ихъ домой до завтра. Поутру ребенокъ сталъ отгадывать царю его вторую загадку: „чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ, а ночью прибываетъ?“ —и, въ присутствіи всѣхъ царскихъ вельможъ, отгадалъ загадку такъ: „днемъ отъ солнца во всемъ мірѣ убываетъ десятая часть изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а ночью десятая часть воды въ нихъ же прибываетъ изъ глубины моря-окіяна“. Тутъ царя ужъ зло

взяло, и онъ, ни слова не сказавъ, отпустилъ и отца, и сына, и слугу ихъ, до завтра, на корабль. А поутру онъ созвалъ бояръ и вельможъ, и сказалъ имъ: „какъ бы мнѣ не посрамиться передъ отрокомъ? Такъ вотъ я что придумалъ:—какъ только отгадаетъ онъ третью загадку, такъ сейчасъ схватить ихъ и всѣмъ рубить головы". Когда же пришелъ Басарга съ сыномъ и слугою и царь велѣлъ Борзомыслу отгадать третью загадку, тотъ сказалъ ему: „Великій царь Несміянъ! Ты высоко сидишь на своемъ престолѣ, а я отрокъ малый и малоумный; хоть я и отгадаю твою загадку: ты все же можешь меня погубить. А вотъ ты, царь, сойди съ престола и пусти меня на престолъ сѣсть, и дай мнѣ свое одѣяніе, и мечъ, и жезлъ — и я твою загадку отгадаю, и будетъ она всѣмъ слышна"... И царь впалъ въ такое неразуміе, что исполнилъ желаніе отрока, — пустилъ его на престолъ, и далъ ему свой мечъ, жезлъ и одѣяніе. А Борзомыслъ возсѣлъ на престолъ и вдругъ крикнулъ громкимъ голосомъ: „купцы и бояре, и люди добрые! Въ какого Бога хотите вѣровать?" И возопили всѣ, какъ бы едиными устами: „хотимъ вѣровать въ Отца и Сына и Св. Духа". Тутъ Борзомыслъ отсѣкъ мечомъ голову царю Несміяну и сказалъ: „вотъ тебѣ и третья разгадка — не смѣйся поганый надъ христіанами". Затѣмъ онъ обратился ко всему народному множеству съ вопросомъ — кого хотятъ они выбрать въ цари? И былъ единогласно выбранъ въ цари на мѣсто Несміяна. Повѣсть заканчивается заботами Борзомысла объ остальныхъ 330 купцахъ, посаженныхъ Несміяномъ въ темницу, и заботами о благоденствіи его подданныхъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Монастырская литература въ XV вѣкѣ.—Житія и авторы житій.—Позднѣйшая ихъ обработка.—Духовныя повѣсти ранняго періода.

Монастыри, въ древнѣйшій періодъ русской жизни, были долгое время единственными центрами, изъ которыхъ грамотность и книжность лучами распространялись во всѣ стороны. Затѣмъ, на весьма короткое время, стала подниматься и развиваться понемногу литература свѣтская. Но грозная эпоха татарщины потоптала и уничтожила эти первые всходы, и среди мрака обуявшаго насъ невѣжества и безграмотности, опять одни монастыри засіяли, какъ единственные центры умственной и духовной дѣятельности. Выше мы уже видѣли, какіе именно литературные роды преобладали въ монастырской литературѣ: велась лѣтопись, составлялись, по мѣстнымъ преданіямъ, житія мѣстныхъ подвижниковъ, и изъ многихъ житій сопоставлялся, съ теченіемъ времени, патерикъ той или другой обители.

„Житія“ видѣли мы въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ нашей литературы: уже Несторъ - лѣтописецъ и черноризецъ Іаковъ были авторами житій. По мѣрѣ же распространенія и усиленія монашества въ XIV и XV вѣкахъ литература житій развилась и распространилась чрезвычайно: житій явилось множество, и рядомъ съ ними, въ видѣ отдѣльныхъ повѣствованій, множество описаній чудесъ и сказаній объ основаніи монастырей, пустынь и скитовъ. Но въ многочисленныхъ произведеніяхъ этой монастырской литературы, въ особенности въ житіяхъ, слѣдуетъ различать нѣсколько рѣзко выдѣляющихся періодовъ развитія. Древность житій.

Образцами древнѣйшаго періода житій на сѣверо-востокѣ Руси являются памятники ростовской письменности; житія ростовскихъ святыхъ: *Исаіи, Леонтія, Авраамія, Игнатія, Петра-царевича Ордынскаго.* Въ основу этихъ древнихъ житій положены были мѣстныя легенды о святыхъ, сложившіяся вскорѣ послѣ смерти или обрѣтенія мощей того или другого святого и сохранявшіяся долгое время въ видѣ изустнаго преданія между братіей или въ народѣ. Ростовскія житія.

Въ періодъ конца XIII и начала XIV вѣка являются житія-біографіи, составленныя современниками или, по крайней мѣрѣ, со словъ современниковъ. Сюда относятся: *житіе Авраамія,* написанное въ Смоленскѣ, *Варлаама и Аркадія*—въ Новѣгородѣ, *Александра Невскаго*—во Владимірѣ, *князя Михаила Тверского*—въ Твери, *митрополита Петра*—въ Ростовѣ. Во всѣхъ этихъ житіяхъ-біографіяхъ находимъ много любопытныхъ фактовъ, историческихъ и бытовыхъ, знакомящихъ отчасти и съ личностями ихъ авторовъ, и съ источниками, которыми они пользовались для составленія житія. Такъ, изъ житія Авраамія Смоленскаго узнаемъ, что Смоленскъ, въ его время, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ развитія книжности и письменности. Оказывается, что изъ книгохранилища одного подгородняго монастыря Авраамій бралъ для прочтенія житія восточныхъ святыхъ: Антонія, Саввы и др., а также житія Ѳеодосія Печерскаго и сочиненія Златоуста, Ефрема Сирина и даже нѣкоторыя апокрифическія книги.

Игуменъ монастыря, обладавшаго этимъ богатымъ книгохранилищемъ, представляется, въ житіи Авраамія, настолько начитаннымъ человѣкомъ, что при немъ никто не дерзалъ „отъ книгъ говорить“. Самъ Авраамій не ограничивался однимъ только чтеніемъ: онъ и переписываетъ книги, и собираетъ около себя искусныхъ писцовъ, съ помощью которыхъ составляетъ сборники изъ важнѣйшихъ отрывковъ своего личнаго чтенія.

Точно также и авторъ житія Авраамієва, инокъ *Ефремъ,* оказывается весьма начитаннымъ: онъ ссылается то на восточныя Инокъ Ефремъ.

житія, то на сочиненія Іоанна Златоуста, то на повѣсти, помѣщенныя въ сборникѣ „Златая Цѣпь“.

Весьма важная отличительная черта всѣхъ наиболѣе древнихъ сѣверно-русскихъ житій, сравнительно съ позднѣйшими, заключается въ томъ, что всѣ они придерживаются фактической основы, и эту основу излагаютъ сухо и сжато, не обращая ее въ назидательное риторическое разсужденіе.

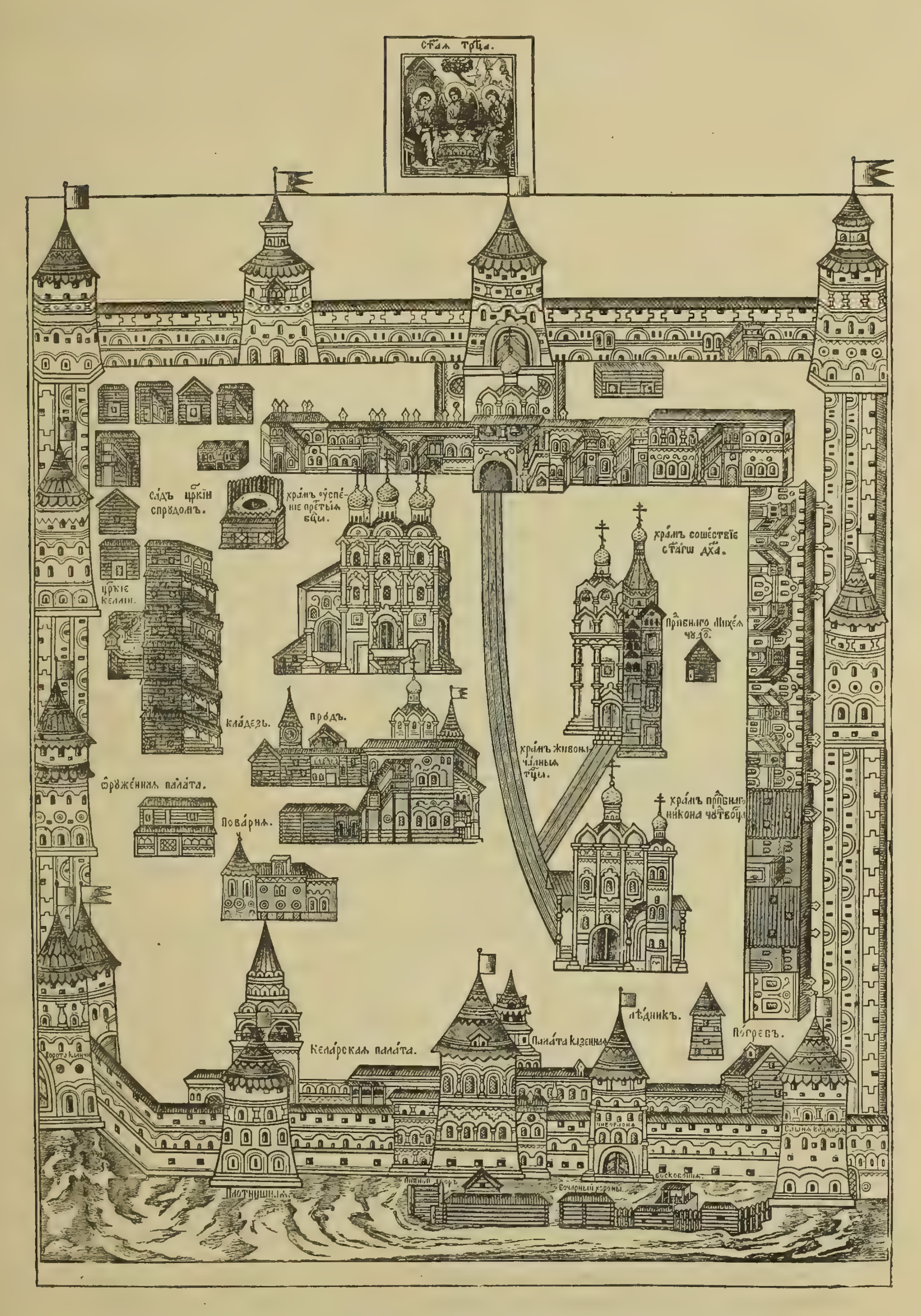
Житія XIV вѣка.

Въ концѣ XIV вѣка явились житія новыхъ сѣверно-русскихъ подвижниковъ, которые жизнью и дѣятельностью своею вызвали къ себѣ глубокопочтительное и признательное воспоминаніе въ потомствѣ; такъ появились житія такихъ славныхъ дѣятелей, какъ *Св. Сергій, Петръ и Алексѣй* митрополиты и т. п. Вслѣдъ за этими житіями, получившими большое распространеніе, должны были явиться житія менѣе крупныхъ, менѣе замѣчательныхъ подвижниковъ, пользовавшихся не столь обширною всероссійскою извѣстностью—житія такъ называемыхъ „мѣстно-чтимыхъ святыхъ“—и литература житій, въ особенности въ XV вѣкѣ, мало-по-малу разрослась до чрезвычайности. За составленіе житій принялись и митрополиты, и епископы—не одни простые иноки; въ изложеніи житій стали подражать не однимъ только древнимъ византійскимъ образцамъ, но и юго-славянскимъ (сербскимъ и болгарскимъ) изводамъ житій, занесеннымъ на Русь заѣзжими духовными лицами юго-славянскаго происхожденія.

Житія XV вѣка.

Въ XV вѣкѣ мы можемъ указать на нѣсколькихъ авторовъ, посильно трудившихся надъ написаніемъ житій. Такъ, митрополитъ *Кипріанъ* (родомъ сербъ) составилъ житіе *митрополита Петра;* епископъ пермскій *Питиримъ* написалъ краткое жизнеописаніе *Св. Алексѣя;* архіепископъ ростовскій *Вассіанъ* составилъ житіе преподобнаго *Пафнутія Боровскаго;* игуменъ Обнорскій *Алексѣй* составилъ житіе преподобнаго *Сергія Обнорскаго;* игуменъ *Геласій*—житіе преподобнаго *Саввы Вишерскаго;* инокъ *Иринархъ* описалъ житіе преподобнаго *Діонисія Глушицкаго*, собравъ о немъ свѣдѣнія отъ его учениковъ и почитателей. Затѣмъ, въ XV же вѣкѣ, какъ авторы многихъ житій, прославились—іеромонахъ *Епифаній* и инокъ *Пахомій Логоѳетъ* (родомъ сербъ).

Но всѣ эти житія, явившіяся въ XV вѣкѣ, уже не походятъ на житія предшествующаго періода. Прежнее фактическое и сухое изложеніе уступаетъ мѣсто болѣе правильному и послѣдовательному, но совершенно-искусственному повѣствованію. Полагаютъ, что весьма значительное вліяніе на переработку житій святыхъ должна была оказать церковная проповѣдь, состоявшая нерѣдко изъ похвальнаго слова къ святому или поученія на праздникъ святого. Этотъ родъ церковно-назидательныхъ произведеній способствовалъ тому, что историческая сторона все болѣе и болѣе



Общій видъ Троице-Сергіева монастыря (по древнему чертежу).

отодвигалась на задній планъ, а риторическое прославленіе святого начинало занимать въ житіи выдающееся мѣсто.

Новое направленіе житій.

Первыми провозвѣстниками новаго направленія въ изложеніи житій были сербы: митрополитъ *Кипріанъ* и *Пахомій Логоѳетъ*. Но рядомъ съ ними является и болѣе ихъ талантливый писатель—русскій—инокъ *Епифаній*, который, за свою образованность и знанія, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ *Премудраго*.

Въ то самое время, когда Кипріанъ трудился надъ составленіемъ житія Петра митрополита, Епифаній уже дѣйствовалъ на поприщѣ литературномъ. Происхожденіе этого талантливаго и замѣчательнаго писателя неизвѣстно; знаемъ только, что онъ много странствовалъ: былъ въ Царьградѣ, на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ; а большую часть жизни провелъ въ двухъ монастыряхъ: Ростовскомъ Св. Григорія Богослова, и Троице-Сергіевскомъ, особенно богатыхъ средствами для книжнаго образованія. Его перу принадлежатъ два прекрасно изложенныхъ и обширныхъ житія: *Преподобнаго Сергія Радонежскаго* и его друга *Стефана Пермскаго*. Особенно любопытно по своимъ подробностямъ послѣднее житіе: оказывается, что Епифаній самъ слышалъ изъ устъ Стефана разсказы о его просвѣтительныхъ трудахъ на далекой пермской окраинѣ [1]).

Въ похвалѣ, которой онъ заканчиваетъ житіе Стефана, онъ горько сѣтуетъ, что не могъ присутствовать при кончинѣ преподобнаго, и при этомъ обращается къ нему со слѣдующими трогательными словами: „помню, ты очень любилъ меня; при жизни твоей я часто досаждалъ тебѣ, препираясь съ тобою о какомъ-нибудь событіи, о словѣ, о стихѣ, или о строкѣ Писанія“... Ясно, что онъ писалъ, какъ очевидецъ, и это составляетъ наиболѣе важную и наиболѣе цѣнную сторону его твореній.

Другой составитель житій, пользовавшійся громкою извѣстностью въ XV вѣкѣ, былъ уже упомянутый нами выше инокъ—сербъ *Пахомій Логоѳетъ*. До его пріѣзда на Русь, мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній: знаемъ только, что онъ прибылъ къ намъ съ митрополитомъ Фотіемъ, поселился сначала въ Новѣгородѣ, а потомъ (съ 1440 г.) видимъ его уже въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ онъ и остается въ теченіе девятнадцати лѣтъ, непрестанно трудясь надъ составленіемъ различныхъ службъ святымъ, надъ сложеніемъ въ честь ихъ каноновъ, надъ описаніемъ обрѣтенія святыхъ мощей и чудесъ, надъ передѣлкою и обработкою старыхъ житій, которыя онъ то пополняетъ, то под-

[1]) Стефанъ Пермскій былъ другомъ Сергія, и каждый разъ, когда ѣздилъ по дѣламъ въ Москву, заѣзжалъ въ Сергіеву обитель; здѣсь-то и видѣлъ его Епифаній и наслаждался его бесѣдою.

повляетъ, то сглаживаетъ. Не довольствуясь такой многообразной дѣятельностью, неутомимый сербъ, между дѣломъ, списываетъ еще цѣлый рядъ книгъ для монастырской библіотеки. Все это Пахомій выполняетъ по заказу и по порученію митрополита и другихъ высшихъ духовныхъ властей. Такъ, въ 1459 г., его приглашаетъ новгородскій архіепископъ Іона пріѣхать въ Новгородъ и заняться тамъ написаніемъ житій мѣстныхъ угодниковъ и составленіемъ каноновъ для празднованія ихъ памяти. Пахомій остается тамъ три года, выполняетъ все, что ему заказываютъ, и получаетъ въ вознагражденіе отъ Іоны „множество золота и сребра и соболей“. Въ 1462 году, по порученію великаго князя Василія Васильевича и митрополита Ѳеодосія, Пахомій отправляется въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, чтобы тамъ на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о житіи св. Кирилла. Десять лѣтъ спустя, мы видимъ его снова въ Москвѣ, гдѣ онъ усердно трудится надъ житіями мѣстныхъ московскихъ угодниковъ. Отъ Пахомія Логоѳета, въ общей сложности, дошло до насъ 18 каноновъ, нѣсколько похвальныхъ словъ святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій. Впрочемъ, въ поясненіе такого обилія произведеній, мы должны замѣтить, что не всѣ они были оригинальными... Нѣкоторыя являются только переработкою того, что уже было написано до него.

Древняя икона преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго.

Рядомъ съ житіями древняго, первоначальнаго періода и житіями позднѣйшаго періода, которыя можно сравнить съ „украшенными сказаніями“, развился, въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ, еще новый литературный родъ, которому правильно дано названіе *легендъ* или *духовныхъ сказаній* о святыхъ. Это тѣ же жи-

тія первоначальнаго періода, но въ которыхъ истинныя событія смѣшаны съ народными преданіями и факты историческіе украшены вымыслами народной фантазіи. Изъ этого рода произведеній особенно замѣчательны: ростовская легенда „*о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ*“, смоленская легенда „*о св. Меркуріи*“, и муромскія легенды — „*о Маркѣ и Маріи*“ и „*о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи*“.

Для того, чтобы ознакомить читателей съ этимъ любопытнымъ литературнымъ родомъ, сообщаемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи содержаніе высоко-поэтической легенды „о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи Муромскихъ“.

„Случилось нѣкогда въ Муромѣ, когда тамъ княжилъ князь Павелъ, что къ женѣ его, по козпямъ дьявола, сталъ летать змѣй, который принималъ на себя образъ ея мужа. Много лѣтъ сряду не могла она никакъ отъ него избавиться. Наконецъ сказала мужу; но и тотъ ничѣмъ не могъ помочь женѣ въ ея бѣдѣ. Однакоже, ему однажды пришла въ голову такая мысль:—„Узнай отъ него хитростью,— сказалъ князь Павелъ,— отъ чего ему можетъ смерть приключиться?“

Княгиня такъ и поступила. Когда змѣй, по обыкновенію, прилетѣлъ къ ней, она, ласкаясь, задала ему роковой вопросъ. Змѣй не скрылъ отъ нея тайны и сказалъ: „смерть моя отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча“.

Княгиня передала это мужу, а тотъ своему младшему брату Петру. Князь Петръ сообразилъ, что змѣя убить предназначено ему и сталъ искать Агрикова меча. Тогда ему, въ сонномъ видѣніи, явился юноша и указалъ, гдѣ онъ можетъ искать завѣтнаго меча. По этому указанію Агриковъ мечъ былъ найденъ въ церкви женскаго монастыря Воздвиженія Животворящаго Креста, въ алтарной стѣнѣ, между камнями, въ скважинѣ. Этимъ завѣтнымъ мечомъ князь Петръ убилъ змѣя; но тотъ, издыхая, обрызгалъ его своею кровью. Отъ этой крови все тѣло князя покрылось струпьями и язвами, и князь тяжко заболѣлъ. Долго лѣчился онъ у разныхъ врачей, но исцѣленія не получалъ; затѣмъ, услышавъ, что въ предѣлахъ рязанскихъ есть искусные врачи, рѣшился туда отправиться. Когда онъ пріѣхалъ въ рязанскую область, въ деревню Ласково, одинъ изъ слугъ князя пошелъ разыскивать ему врача. Пришелъ въ избу и увидѣлъ дѣвушку за тканьемъ. Юноша обратился къ ней съ разспросами; но, къ крайнему своему удивленію, услыхалъ отъ нея какія-то загадочныя рѣчи, на которыя отъ нея потребовалъ разъясненій. Дѣвица пояснила ему свои загадки и поразила его своею мудростью. Оказалось, что эту дѣвицу зовутъ Февроніей.

Юноша повѣдалъ ей о болѣзни князя, и сталъ разспраши-

Текстъ приводимой здѣсь страницы Святославова Изборника читается такъ:

,,великыи въ князихъ князь сто
славъ (Святославъ) въжделаниемъ зѣло въж
делавъ держаливыи вдка (владыка). бави
ти покровеныя разумы въ г
лубинѣ многостръпътьныхъ
сихъ книгъ премудраго василі
я въразумѣхъ, повелѣ мнѣ нем(у)
дроувѣдию премѣноу сътворити
рѣчи инако, набъдяща тожь свто (святой)
разумъ его, я же акы бъчела лю
бодѣльна съ всяко(го) цвѣта псанн
го събьравъ акы въ единъ сътъ (сотъ) въ ве
льмысльное (велемысленное) сердце свое проливаетъ
акы сътъ сладокъ изъ оустъ (устъ) свои
хъ предъ боляры, на въразумѣ
ние тѣхъ мысльмъ. являяся и
мъ новый птоломѣ(й), не вѣрою нъ(но)
желание(мъ) паче, и сънбора дѣля мно
гочьстныихъ бжественныхъ къ
нигъ всѣхъ ими же и своя клѣте
испълнь вѣчьноую си память съ
твори еже памяти виноу въспріяти.

ИЗБОРНИКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА.
Писанъ въ 1073 году. Образецъ письма.
(Снимокъ уменьшенъ немного менѣе половины оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ИЗБОРНИКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА.
Писанъ въ 1073 году. Образецъ миніатюръ.
(Снимокъ уменьшенъ немного менѣе половины оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

вать о врачахъ. Февронія сказала ему на это, „что если князь захочетъ взять ее въ супруги, то она уврачуетъ его язвы". Отрокъ княжескій передалъ князю отвѣтъ Февроніи и разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ ея домѣ.

Князь явился къ Февроніи, но съ лукавымъ намѣреніемъ обмануть ее. „Пусть уврачуетъ, — сказалъ онъ, — тогда женюсь на ней". Но, увидѣвъ Февронію, онъ былъ пораженъ ея мудростью и смѣлою находчивостью отвѣтовъ. Февронія дала ему цѣлебное средство, которымъ приказала въ банѣ помазать бывшіе у князя на тѣлѣ струпья, кромѣ одного. И тѣло князя стало попрежнему чисто и гладко, такъ, что онъ былъ пораженъ своимъ быстрымъ исцѣленіемъ. Послалъ Февроніи дары, а жениться отказался. Февронія же дары не приняла и отослала ихъ обратно.

Но чуть только онъ вернулся домой, какъ у него отъ одного струпа болѣзнь опять разошлась по всему тѣлу, и онъ заболѣлъ хуже прежняго. Вскорѣ онъ долженъ былъ опять вернуться къ Февроніи за исцѣленіемъ, съ твердостью далъ ей слово, что на ней женится, и, когда исцѣлился, сдержалъ свое слово. И затѣмъ, вернувшись въ Муромъ, они жили мирно и счастливо, соблюдая всѣ заповѣди и обряды благочестія. Вскорѣ послѣ того, князь Павелъ померъ и князь Петръ наслѣдовалъ его княжество. Князя Петра бояре полюбили, а его жену не взлюбили изъ-за своихъ женъ, которыя относились къ ней очень непріязненно изъ-за ея простого происхожденія.

Однажды, бояре пришли къ князю Петру и сказали ему: „Тебѣ мы готовы служить вѣрой и правдой, но не желаемъ, чтобы княгиня Февронія государствовала надъ нашими женами. Поэтому, если хочешь нами править, возьми себѣ другую жену, другую княгиню; а Февронія пусть возьметъ себѣ богатства, сколько хочетъ, и идетъ, куда ей вздумается." Князь, никогда ни на что не гнѣвавшійся, сказалъ имъ со смиреніемъ:

„Пусть скажутъ объ этомъ самой Февроніи и послушаютъ, что она скажетъ?"

Тогда бояре затѣяли пиръ, и когда были уже на-веселѣ, то стали говорить Февроніи:

— Госпожа княгиня Февронія! Весь городъ и бояре тебѣ говорятъ: дай намъ, чего мы у тебя попросимъ.

Февронія отвѣчала имъ на это:

— Возьмите, чего просите.

Тогда всѣ бояре въ одинъ голосъ воскликнули:

— Мы всѣ хотимъ, чтобы супругъ твой былъ надъ нами княземъ; а жены наши не хотятъ, чтобы ты была надъ ними княгинею. Возьми богатства, сколько тебѣ нужно, и иди, куда хочешь.

— Что̀ просите, то и будетъ вамъ,—отвѣчала Февронія:— но только и вы дайте мнѣ, чего я у васъ попрошу.

Бояре поклялись, что ей ни въ чемъ отказу не будетъ, и тогда Февронія сказала:

— Ничего иного не прошу у васъ, какъ только супруга своего князя Петра.

— Какъ самъ князь Петръ пожелаетъ, — отвѣчали бояре, а сами про себя задумали, что когда князь Петръ уйдетъ, кто-нибудь изъ ихъ же среды будетъ княземъ.

Блаженный же князь Петръ „власть свою ни во что вмѣнилъ" и удалился изъ города, вмѣстѣ съ супругою своею, и поплыли они на судахъ по рѣкѣ Окѣ. Но на другой же день утромъ, когда слуги начинали складывать добро княжеское въ суда, подоспѣли изъ Мурома вельможи и объявили князю, что въ Муромѣ происходитъ мятежъ и кровопролитіе, такъ какъ бояре борются изъ-за власти. Для прекращенія этого общаго бѣдствія, послы умоляли князя Петра вернуться и княжить по-прежнему.

Князь Петръ, не помня зла, вернулся въ городъ вмѣстѣ со своею супругою, и они оба правили княжествомъ для общаго блага до конца жизни.

Когда же приблизилось время ихъ смерти, они стали просить у Бога, чтобы ихъ преставленіе было въ одинъ и тотъ же часъ. По взаимному соглашенію, они рѣшили, что ихъ должно положить въ одномъ гробѣ, раздѣленномъ перегородкою. И оба супруга въ одно время облеклись въ монашескія ризы. Князь Петръ въ монашескомъ чинѣ нареченъ былъ Давидомъ, а Февронія — Евфросиной.

Представленіе ихъ произошло такъ. Однажды Февронія работала воздухи въ соборный храмъ Пречистыя Богородицы, вышивая на нихъ лики святыхъ. И вдругъ князь Петръ присылаетъ ей сказать, что онъ уже отходитъ отъ жизни. Февронія проситъ его подождать, когда окончитъ воздухи. Онъ присылаетъ къ ней въ другой разъ, наконецъ—въ третій. Тогда Февронія воткнула иглу, привертѣла ее ниткой и послала сказать князю Петру, что она готова умереть съ нимъ одновременно.

Неразумные люди пренебрегли завѣщаніемъ супруговъ, и задумали положить ихъ въ разные гробы и похоронить ихъ въ разныхъ мѣстахъ; но совершилось чудо: оба супруга на утро очутились въ одномъ и томъ же гробу, заготовленномъ ими еще при жизни. Ихъ опять разлучили, и опять на другой день оба они оказались вмѣстѣ... Послѣ этого никто уже не дерзнулъ прикоснуться къ тѣмъ святымъ тѣламъ, которыя такъ и остались въ одномъ гробѣ."

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Апокрифическія сказанія и ихъ значеніе въ древне-русской литературѣ.—Апокрифы и отреченныя книги.—Вліяніе апокрифическихъ сказаній на литературу народную.—Духовные стихи.

Рядомъ съ книгами Св. Писанія, съ твореніями Отцовъ Церкви, съ книгами назидательными и учительными, изъ Византіи, черезъ Болгарію, уже съ XI вѣка, къ намъ стали проникать и книги *апокрифическія* [1]). Такъ называлась громадная масса произведеній, которая, въ первые же вѣка христіанства, сложилась въ подражаніе тому основному образцу всѣхъ европейскихъ литературъ, который представляла собою Библія, въ составѣ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Произведенія эти создавались на основаніи Св. Писанія, въ подражаніе библейскимъ книгамъ; дѣйствующими лицами въ нихъ являлись лица библейскія и въ основу ихъ содержанія избирались библейскія событія; даже самый разсказъ въ этихъ произведеніяхъ часто ведется прямо отъ лица того или другого библейскаго дѣятеля. Но эта библейская основа дополнена фантазіей, украшена вымысломъ досужихъ авторовъ и такими мелочными подробностями, какихъ мы никогда не встрѣчаемъ въ библейскомъ разсказѣ. Притомъ же апокрифическія сказанія и касаются именно тѣхъ сюжетовъ библейскихъ, о которыхъ въ Библіи упоминается вскользь и мимоходомъ, и которые, вслѣдствіе этого, даютъ бо́льшій просторъ фантазіи авторовъ. Очевидно, что въ первыя эпохи христіанства апокрифическія сказанія вызваны были весьма естественнымъ стремленіемъ дополнить и объяснить то, что было неясно въ Библіи, или же отвѣтить на тѣ вопросы, которые сами собою истекаютъ изъ библейскаго разсказа. Важнымъ матеріаломъ для апокрифическихъ сказаній должны были служить и тѣ преданія [2]), которыхъ существовало великое множество рядомъ съ окончательно установившимся и очищеннымъ отъ нихъ текстомъ книгъ Св. Писанія. Вотъ почему первоначальные апокрифы и не преслѣдовались Церковью, и даже весьма просвѣщенные пастыри Церкви придавали имъ значеніе, почти равное съ книгами каноническими, — даже ссылались на нихъ [3]), какъ на книги Св. Писанія.

Преслѣдованіе противъ книгъ апокрифическихъ, со стороны высшей церковной іерархіи, началось только съ тѣхъ поръ, какъ завязалась борьба съ ересями и еретики стали искать подтвер-

---

[1]) Книги апокрифическія, т.-е. сокровенныя, тайныя, получили свое названіе отъ греч. слова апокрюпто—утаиваю, скрываю.

[2]) Источниками многихъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ послужили древне-іудейскія преданія, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ еврейскаго Талмуда.

[3]) Такъ поступаетъ, напр., архіепископъ новгородскій Василій въ своемъ посланіи о раѣ (см. выше, стр. 117).

жденія своимъ заблужденіямъ въ нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненіяхъ. Желая оградить кругъ христіанскаго чтенія отъ вредныхъ посторонних измышленій и примѣсей, которыя подделывались подъ тонъ и духъ Св. Писанія, Церковь строго опредѣлила кругъ тѣхъ книгъ, которыя дѣйствительно должны были входить въ составъ Св. Писанія: имъ и дано было названіе книгъ *каноническихъ*. Одновременно явились и перечни (индексы) *книгъ ложныхъ и истинныхъ*, которые очень рано перешли и въ нашу письменность. Одинъ изъ такихъ списковъ помѣщенъ былъ уже и въ „Изборникѣ Святослава" (1073 г.); другіе явились впослѣдствіи въ видѣ дополненія къ различнымъ церковнымъ уставамъ; наконецъ, въ XIV в., какъ мы видѣли выше, самъ митрополитъ Кипріанъ посвятилъ разсмотрѣнію „книгъ истинныхъ и ложныхъ" цѣлую особую статью. Не мѣшаетъ замѣтить, что изъ громадной массы апокрифическихъ сказаній далеко не всѣ были цѣликомъ пересажены на русскую почву: нѣкоторыя были извѣстны только въ отрывкахъ и передѣлкахъ; но многія пользовались большою извѣстностью и чрезвычайнымъ распространеніемъ въ нашей древней письменности. Къ числу такихъ излюбленныхъ апокрифическихъ сочиненій слѣдуетъ отнести: сказаніе *объ Адамѣ и Евѣ; о древѣ крестномъ; о праведномъ Энохѣ; о потопѣ и Ноѣ; объ Авраамѣ*, и въ особенности—*Завѣты 12-ти патріарховъ; Списаніе Афродитіана Персянина о Рождествѣ Іисуса Христа; преніе Іисуса Христа съ діаволомъ; хожденіе Богородицы по мукамъ; хожденіе Апостола Павла по мукамъ; вопросы Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ; бесѣды трехъ Святителей; сказаніе о 12-ти пятницахъ; слово Меѳодія Патарскаго и Луцидаріусъ.*

Книги истинныя и ложныя.

Древность апокрифовъ.

Апокрифическія сказанія перешли къ намъ на Русь очень рано, какъ мы уже упоминали о томъ выше (см. стр. 70). Уже Несторъ заноситъ въ свою лѣтопись нѣкоторыя апокрифическія сказанія, вѣроятно заимствованныя имъ изъ *Палеи*.

Одновременно съ апокрифическими сказаніями перешло къ намъ много другихъ произведеній, принадлежавшихъ къ особому литературному роду, который получилъ начало отъ смѣшенія вѣрованій классическаго язычества съ народными суевѣріями среднихъ вѣковъ. Такимъ путемъ сложилась мало-по-малу цѣлая литература *гадательныхъ* книгъ, содержаніе которыхъ почерпнуто было изъ круга народныхъ суевѣрій и предразсудковъ, въ родѣ: „*волховниковъ*", „*трепетниковъ*", „*сонниковъ*", *громниковъ*", или „*путниковъ*". Этого рода произведеніямъ пастыри Церкви стали придавать названіе *отреченныхъ* или *богоотмётныхъ* книгъ; но любопытно то, что даже и образованнѣйшіе представители духовенства постоянно смѣшивали эти книги съ книгами апокрифическими. На этомъ основаніи митрополитъ Кипріанъ, перечисляя въ статьѣ своей: „о

книгахъ истинныхъ и ложныхъ" различныя апокрифическія сказанія, ставилъ, рядомъ съ ними, такія отреченныя книги, какъ *Чаровникъ, Громникъ, Сносудецъ* (истолкователь сновъ), *Путникъ* (истолкователь встрѣчъ на пути), *Звѣздочетецъ* (гадатель по звѣздамъ). Изъ свидѣтельствъ того же митрополита Кипріана узнаемъ, что, какъ тѣ, такъ и другія сочиненія пользовались большимъ распространеніемъ и успѣхомъ въ средѣ русскихъ грамотныхъ людей, и въ то самое время, когда церкви часто нуждались въ богослужебныхъ книгахъ и спискахъ Св. Писанія, въ обращеніи между грамотными людьми были широко распространены объемистые сборники, „исполненные басенъ, худые номоканонцы, лживыя молитвы" и т. п. Въ понятіяхъ грамотныхъ людей эта апокрифическая и отвлеченная литература такъ перепуталась съ литературою духовною и назидательною, что усердный „списатель", переписывая отреченную книгу, въ родѣ „Сказанія о двѣнадцати пятницахъ", былъ убѣжденъ, что совершаетъ подвигъ христіанскаго смиренія и благочестія; а образованный и умный игуменъ, которому попадался въ руки сборникъ, состоявшій изъ пестрой смѣси твореній Св. Отцевъ, апокрифовъ и отреченныхъ книгъ, помѣчалъ только иногда на поляхъ рукописи; „прочтохъ много добрыхъ вещей и простоты много".

Несмотря на вполнѣ ложную, фантастическую обстановку въ изложеніи апокрифическихъ, библейскихъ сюжетовъ, несмотря на множество неестественныхъ и излишнихъ подробностей, которыми переполнены апокрифическія сказанія, они постоянно находили себѣ читателей и почитателей и оказали весьма осязательное вліяніе на развитіе нашей литературы. Трудно было бы указать хотя бы одно литературное произведеніе русское (въ періодъ, предшествующій XV вѣку), въ которомъ бы хотя сколько-нибудь не отразилось вліяніе апокрифовъ, не проявилось бы знакомство съ ними или не упоминалась хотя какая-нибудь подробность, заимствованная изъ апокрифическихъ сказаній. Такое значеніе апокрифическихъ сказаній въ особенности становится намъ понятнымъ, если мы припомнимъ, что, при бѣдности свѣтской литературы, апокрифы въ значительной степени удовлетворяли потребности въ чтеніи занимательномъ, въ чтеніи, отвѣчающемъ на наши вопросы, которымъ нельзя было найти разрѣшеніе ни въ Св. Писаніи, ни въ твореніяхъ Отцевъ Церкви. Такъ, напр., изъ апокрифовъ любознательный читатель находитъ возможность узнать, какъ и когда были сотворены и пали ангелы, какъ жилъ и умеръ на землѣ Адамъ, по изгнаніи изъ рая; чѣмъ питаются праведники въ раю, въ какомъ возрастѣ и видѣ возстанутъ изъ гробовъ усопшіе... Другіе апокрифы привлекали читателей заманчивымъ, сказочнымъ содержаніемъ своимъ, какъ, напр., „Сказаніе о Соломонѣ

Значеніе апокрифическихъ сказаній

и Китоврасѣ"; иные же, несомнѣнно, поражали своими высокими поэтическими достоинствами, какъ напр., „Хожденіе Богородицы по мукамъ", полное глубокаго трагизма и самаго нѣжнаго, трогательнаго чувства.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній и той свободы въ обработкѣ библейскихъ сюжетовъ, которая проявлялась въ апокрифахъ, сложился и выработался особый родъ произведеній народной поэзіи, извѣстный подъ названіемъ *духовныхъ пѣсенъ* и *духовныхъ стиховъ*.

Духовные стихи

Въ кругъ сюжетовъ духовной пѣсни входятъ всѣ элементы, свойственные литературѣ духовной и преимущественно монастырской: отвлеченность идеаловъ, отреченіе отъ всего мірского, воспѣваніе подвиговъ благочестія и смиренія, прославленіе святыхъ подвижниковъ. Духовная пѣсня почерпаетъ сюжеты отовсюду: и изъ житій святыхъ, и изъ каноновъ въ честь ихъ, и изъ апокрифическаго сказанія, и изъ непосредственнаго религіознаго настроенія пѣвца, вызваннаго впечатлѣніемъ „прекрасной пустыни". Поэтому среди духовныхъ пѣсенъ видимъ и стихъ *о Егоріи храбромъ*, и стихъ *объ Алексіи Божіемъ человѣкѣ* и *объ Іосафѣ-царевичѣ*, и *о крестной смерти* и *воскресеніи Спасителя*, и, рядомъ съ этимъ, сюжеты въ родѣ—*«Плача Адамова»*, пѣсни *«о разставаніи души съ тѣломъ»*, *пѣсни о женѣ Алмилуевой* и друг. Нѣкоторые изъ числа апокрифовъ даже цѣликомъ перелагаются въ пѣсни, какъ напримѣръ „Сонъ Богородицы".

Есть возможность предположить, что у насъ на Руси точно такъ же, какъ и на Западѣ, духовныя пѣсни слагались первоначально монахами, по монастырямъ, и отсюда уже переносились въ массу народа, при посредствѣ особаго класса пѣвцовъ — тѣхъ *странниковъ*, тѣхъ *каликъ-перехожихъ*, которые сначала шли ватагами черезъ всю Русь на поклоненіе Гробу Господню, въ дальній Іерусалимъ, а впослѣдствіи бродили по Руси, изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, по всѣмъ святымъ мѣстамъ русской земли, всюду находя себѣ радушный пріемъ и гостепріимный кровъ. Отсюда-то калики-перехожіе, эти вѣчные странники, выносили сложенныя въ монастыряхъ духовныя пѣсни и, свободно видоизмѣняя ихъ въ своей устной передачѣ, разносили по всей Руси.

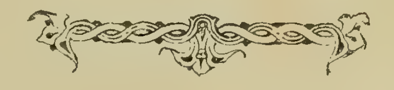
Переходя въ народѣ изъ устъ въ уста, духовная пѣсня постепенно становилась впослѣдствіи достояніемъ нищенствующей братіи, которая наконецъ вполнѣ овладѣла этимъ родомъ народной поэзіи, и въ настоящее время, какъ и два-три вѣка тому-назадъ, распѣваетъ духовные стихи по базарамъ и сельскимъ ярмаркамъ. Чаще всего духовные стихи поются *слѣпцами*. Вѣроятно, въ средѣ этихъ пѣвцовъ и сложились такія пѣсни, какъ стихъ „о богатомъ

и Лазарѣ", или „о Вознесеніи Христовомъ". Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ стихѣ, бытъ нищенствующей братіи возводится въ идеалъ, и она, живущая и питающаяся Христовымъ именемъ, представляется дорогою и близкою самому Христу. По этому стиху, даже и вознося̀сь на небо, Христосъ особо прощается съ нищею братіею, которая горько плачетъ и говоритъ ему: „Батюшка нашъ, Царь небесный! На кого Ты насъ покидаешь? Кто будетъ насъ поить-кормить, отъ темной ночи укрывать?"

Въ отвѣтъ на это, Христосъ, утѣшая нищую братію, обѣщаетъ, что дастъ ей гору золотую, рѣку медвяную, оставитъ ей сады-винограды, яблони кудрявы, дастъ манну небесную". Но Іоаннъ Златоустъ вступается и проситъ оставить иное, болѣе прочное наслѣдіе, которое никто бы не могъ отнять у нищей братіи:

«Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору золотую:
Не сумѣть имъ горою владѣти,
Не сумѣть имъ золотую поверстати
И промежду собою раздѣлити.
Зазнаютъ гору князи и бояре,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,
Зазнаютъ гору торговые люди.
....По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братію не допустятъ....
....Дай же Ты нищимъ-убогимъ
Имя Твое святое.
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя, Христа, величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темной ночи пріукрыты.»

Вотъ въ какой высокой поэтической формѣ воплощаютъ эти убогіе пѣвцы-калѣки свои чаянія и упованія и свою глубокую вѣру во имя Того, Кто кормитъ и ихъ, наравнѣ съ птицами небесными, „не собирающими въ житницы".



Періодъ третій.

Отъ начала XVI вѣка и до половины XVII вѣка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Положеніе русскаго общества въ началѣ XVI вѣка. — Максимъ Грекъ и его печальная судьба. — Вліяніе, оказанное на него Савонаролою. — Живое отношеніе къ русской современности. — Его неутомимая дѣятельность. — Кружокъ друзей Максима Грека.—Враги Максима Грека.—Его правдивость и твердость убѣжденій.— Его несчастія и ссылка.

Сильное и могущественное Московское государство грознымъ колоссомъ возрастало и крѣпло на сѣверо-востокѣ, отдаленное отъ Европы, словно китайскою стѣною, тѣми враждебными и недальновидными сосѣдями, которые, опасаясь русской мощи, пытались задержать ея ростъ тѣмъ, что не давали къ ней доступа европейскому прогрессу и просвѣщенію. Московское государство, вслѣдствіе такой обособленности, развивалось неестественно и черезчуръ своеобразно—одними верхними слоями общества—и власть, сосредоточенная въ рукахъ великихъ князей московскихъ, многое заимствовавшихъ съ азіатскаго Востока, успѣла возрасти къ началу XVI вѣка до крайнихъ предѣловъ. А въ то же время въ обществѣ не было никакой самобытной жизни — ни уваженія къ человѣческой личности, ни общественнаго мнѣнія, которое было

бы способно противодѣйствовать злоупотребленію властью, въ чьихъ-бы рукахъ она ни находилась. Притомъ-же, какъ мы это уже видѣли выше, русское общество, въ началѣ XVI вѣка, очевидно, уже дожило до крайняго предѣла въ развитіи тѣхъ началъ, которыя руководили его жизнью до этого времени... Въ обществѣ уже замѣчается недовольство и нѣкоторое броженіе; являются порицаніе и осужденіе, является желаніе внести больше свѣта и правды въ то „море зла", которое русскіе люди видятъ кругомъ себя и съ которымъ они безсильны въ борьбѣ. Уже въ концѣ XV вѣка слышатся отдѣльные и хотя энергическіе, но все же еще одинокіе протесты противъ существующаго порядка; а въ началѣ XVI вѣка мы уже видимъ мало-по-малу нарождающееся меньшинство, которое рѣшается даже вступить въ борьбу съ установившимся строемъ жизни. Это меньшинство, по особенно счастливой случайности, развивается у насъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отголосковъ того громаднаго прогрессивнаго движенія, которое охватило всю Европу въ XV и XVI вѣкахъ и вызвало въ ней такъ-называемую „Эпоху Возрожденія". Образованію этого меньшинства въ значительной степени способствовалъ, воспиталъ его и умственно и нравственно, человѣкъ, заслуги котораго въ исторіи русскаго просвѣщенія являются выдающимися и неоцѣненными. Этотъ человѣкъ былъ знаменитый *Максимъ Грекъ*.

Максимъ Грекъ былъ родомъ изъ Албаніи. Онъ родился въ городѣ Артѣ, около 1480 года. Въ ранней молодости онъ попалъ въ Италію, гдѣ и получилъ блестящее образованіе, такъ какъ въ ту пору сильно-возбужденнаго умственнаго движенія, образованность и просвѣщеніе, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, были не только главнымъ интересомъ во всѣхъ слояхъ итальянскаго общества, но и общимъ увлеченіемъ, общею модною болѣзнью вѣка, если можно такъ выразиться. Италія, во второй половинѣ XV вѣка, пріютила у себя тѣхъ греческихъ ученыхъ, которые искали спасенія отъ турецкаго ига; ученые эти принесли съ собою богатѣйшій запасъ древне-классическихъ рукописей, стали ихъ разработывать и увлекли за собою въ эту разработку и въ изученіе классическаго міра всѣ лучшіе умы Италіи. Классическій міръ, со всѣмъ обаяніемъ своей культуры и искусства, раскрылся передъ изумленными взорами итальянцевъ, такъ долго относившихся съ равнодушнымъ пренебреженіемъ къ классической почвѣ, на которой они жили—и они, со всею страстностью своего подвижнаго южнаго темперамента, предались изученію классическаго міра и безцѣнныхъ памятниковъ его науки и искусства. Это страстное увлеченіе охватило всѣхъ — отъ папъ, кардиналовъ и герцоговъ, отъ высочайшихъ художниковъ, до скромныхъ тружениковъ науки, до мѣщанъ и ремесленниковъ; оно привело, конечно, къ

Эпоха Возрожденія въ Италіи.

преувеличеньямъ, къ крайностямъ, вызвало такое пристрастіе ко всему классическому, что все, стоявшее внѣ области искусства и науки, внѣ изученія классицизма и слѣпого преклоненія передъ классицизмомъ во всѣхъ его проявленіяхъ — утратило всякую цѣну въ глазахъ современныхъ итальянцевъ и было почти предано забвенію. Знатные и богатые люди, не жалѣя и не считая, тратили громадныя суммы на пополненіе своихъ библіотекъ, на покупку древнихъ рукописей, на отысканіе и пріобрѣтеніе всевозможныхъ памятниковъ греческой и римской древности, на поддержку университетовъ и художниковъ, которыхъ около этого времени (также подъ вліяніемъ изученія классицизма) явилось множество, и притомъ высокоталантливыхъ, геніальныхъ... Но рядомъ съ этими благородными увлеченіями классицизмомъ, общественная жизнь изобиловала и такими проявленіями, которыя въ глазахъ людей серьезныхъ и разумныхъ должны были казаться какимъ-то страннымъ юродствомъ, почти безуміемъ. Старались подражать не только хорошимъ и существеннымъ сторонамъ классической жизни, вносили въ свою жизнь не только то, что вполнѣ заслуживало подражанія и усвоенія, но и многое ни для кого не желательное, дурное и вредное. Забывали о религіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, предавались, по примѣру временъ паденія Рима, безумной роскоши и утонченному разврату, проводя дни и ночи въ пирахъ и весельѣ, въ то время, когда народъ изнывалъ подъ гнетомъ нищеты и всевозможныхъ лишеній. Крайности и преувеличенія страстнаго увлеченія классицизмомъ отозвались и въ наукѣ: все преподаваніе основано было только на изученіи Платона и Аристотеля, какъ такихъ авторитетовъ, которые признавались болѣе незыблемыми, нежели самыя книги Св. Писанія. Максимъ Грекъ, близко знакомый съ современною итальянскою наукой, говорилъ прямо: „никакой догматъ — ни божественный, ни человѣческій—не считается въ итальянскихъ училищахъ твердымъ, если не будетъ утвержденъ силлогизмами Аристотеля". Подражаніе научнымъ увлеченіямъ древнихъ доходило до того, что, забывая о божественномъ Промыслѣ и всемогуществѣ Божіемъ, начинали подчинять всю жизнь человѣка мнимому вліянію небесныхъ свѣтилъ и, вслѣдствіе этого, считать одни часы и дни болѣе благопріятными человѣческимъ начинаніямъ, а другіе—менѣе. Дошло до того, что астрологія преподавалась съ университетскихъ каѳедръ, какъ положительная наука, и астрологи, въ такой же степени, какъ и врачи, стали занимать выдающееся мѣсто въ свитѣ папъ и кардиналовъ, королей и герцоговъ.

М. Грекъ въ Италіи.

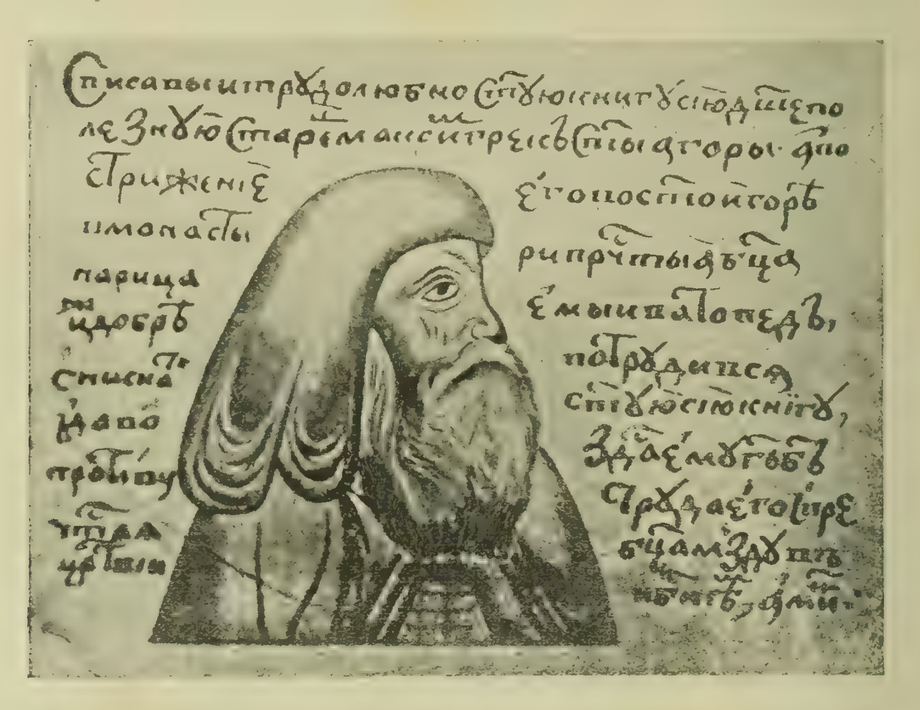
Въ самый разгаръ этой блестящей, яркой, шумной и разнообразной эпохи Возрожденія, *Максимъ Грекъ*, еще 20-ти-лѣтнимъ юношей, попалъ въ Италію. Здѣсь онъ сначала долго жилъ въ

Флоренціи, а потомъ въ Венеціи, гдѣ занимался науками подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго, Іоанна Ласкариса, и вступилъ въ тѣсныя, дружескія отношенія съ знаменитымъ типографомъ и издателемъ классиковъ, Альдомъ Мануціемъ. Во время этого пребыванія въ сѣверной Италіи, онъ изучалъ древнихъ греческихъ и латинскихъ классиковъ; есть даже основаніе думать, судя по собственному признанію Максима Грека, что онъ также заплатилъ извѣстную дань увлеченіямъ своей эпохи, и, можетъ-быть, даже поддался бы имъ вполнѣ, если бы не сошелся съ извѣстнымъ проповѣдникомъ того времени, Іеронимомъ Савонаролою, который такъ безпощадно громилъ и обличалъ пороки современнаго ему общества, за что и погибъ на кострѣ, несправедливо обвиненный въ ереси (1498 г.). Максимъ Грекъ былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, и, потрясенный силою его вдохновеннаго краснорѣчія, былъ увлеченъ его энергическимъ протестомъ противъ соблазновъ, отовсюду окружавшихъ итальянское общество. Съ той поры сердце его прониклось безпредѣльнымъ уваженіемъ къ Савонаролѣ, который оставилъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, какъ дивный проповѣдникъ, какъ идеально-честный человѣкъ и безпристрастный правдолюбецъ. Уваженіе и даже восторженное преклоненіе передъ Савонаролой еще болѣе возросло въ душѣ Максима Грека, когда тотъ закончилъ свой жизненный подвигъ мученической смертью, вмѣстѣ съ двумя своими послѣдователями. „Не отъ другого я слышалъ, но самъ видѣлъ ихъ и много разъ слушалъ ихъ поученія, видѣлъ въ этихъ преподобныхъ инокахъ горячую ревность ихъ къ слову Христа Спасителя и къ спасенію вѣрныхъ“,—такъ пишетъ Максимъ Грекъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что высоко-нравственная личность Савонаролы много способствовала юношѣ не только въ избраніи опредѣленнаго жизненнаго пути, но и въ бодромъ прохожденіи его. Въ 1507 году мы уже видимъ Максима на Аѳонѣ, въ одной изъ мѣстныхъ обителей: онъ страстно преданъ чтенію книгъ и рукописей, и, несмотря на свои молодыя лѣта, уже пользуется всеобщимъ уваженіемъ за свою ученость. Когда, десять лѣтъ спустя, изъ Москвы на Аѳонъ пришло предложеніе—прислать ко двору великаго князя въ Москву опытнаго переводчика и знатока книгъ и рукописей, при чемъ указывалось на одного изъ старыхъ иноковъ—аѳонскіе монахи, вмѣсто стараго, больного инока, заблагоразсудили отправить въ Москву молодого и энергичнаго Максима Грека.

М. Грекъ въ Москвѣ.

Онъ явился въ Москву въ 1518 г., въ правленіе Василія III, и тотчасъ же получилъ порученіе—разобрать богатѣйшую рукописную библіотеку князя. При ея разборѣ, Максиму удалось открыть драгоцѣнныя рукописи, и между ними онъ тотчасъ же ука-

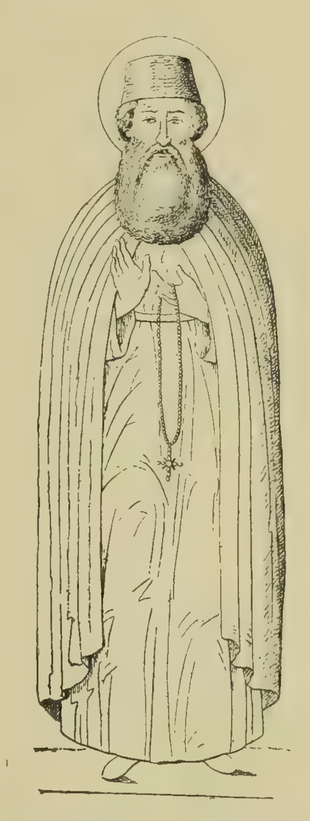
залъ на тѣ сочиненія, которыя еще не были переведены на славянскій языкъ. Тогда ему порученъ былъ переводъ Толковой Псалтири, и въ помощники ему, при переводѣ съ латинскаго, данъ былъ уже извѣстный намъ Дмитрій Герасимовъ, а для письма — два инока-скорописца. Дмитрій Герасимовъ былъ въ особенности необходимъ потому, что самъ Максимъ Грекъ еще не твердъ былъ въ славянскомъ языкѣ, т. е. той книжной прозѣ, которая была въ ходу во всей древне-русской письменности. Года полтора спустя, когда переводъ Псалтири былъ оконченъ, Максимъ хотѣлъ уѣхать изъ Москвы, и сталъ проситься на Аѳонъ,—но, по настоятельному желанію великаго князя и митро-



Древнее изображеніе Максима Грека, сохранившееся въ рукописи Соловецкой библіотеки конца XVI вѣка.

полита, онъ долженъ былъ остаться и принялъ на себя тяжелый и неблагодарный трудъ исправленія богослужебныхъ книгъ. Этотъ трудъ, съ одной стороны, послужилъ поводомъ къ тому, что Максимъ, увлекаясь своей трудной задачей, сталъ болѣе и болѣе обращать вниманіе на окружавшій его мракъ и коснѣніе русскаго общества въ глубокомъ невѣжествѣ, на извращеніе религіозныхъ вѣрованій и чисто-внѣшній характеръ благочестія и благоустройства церковнаго, на массу суевѣрій и предразсудковъ, не только въ народѣ, но и во всѣхъ классахъ общества. И вотъ онъ увлекся мыслью, что можетъ не однѣ книги исправить отъ грубыхъ описокъ и ошибокъ, но и въ самое общество русское внести свѣтъ и правду, и посѣять въ немъ сѣмена истиннаго

просвѣщенія, истинной религіозности и чистоты нравственной. Выполненію этой высокой задачи онъ посвятилъ всю свою жизнь, и ничего не вынесъ изъ своей неутомимой, безкорыстной и самоотверженной дѣятельности, кромѣ безысходныхъ страданій, длившихся болѣе четверти вѣка. Максимъ Грекъ, открыто высказывавшій порицанія церковнымъ нестроеніямъ, смѣло и прямо всѣмъ говорившій правду въ глаза, подавшій также свой вѣскій голосъ противъ монастырскихъ имѣній, — возбудилъ противъ себя массу враговъ, былъ обвиненъ ими и въ пристрастіи къ различнымъ ересямъ, и въ намѣренной порчѣ богослужебныхъ книгъ. Въ довершеніе всего, онъ дерзнулъ отнестись съ неодобреніемъ къ разводу великаго князя съ первой женой, Соломоніей, для вступленія въ бракъ съ Еленой Глинской. И вотъ, на соборѣ 1525 года онъ былъ осужденъ и отосланъ въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь—въ руки злѣйшихъ враговъ своихъ, Іосифлянъ. Можно себѣ представить, что пришлось ему здѣсь вытерпѣть! Итакъ, въ теченіе 28 лѣтъ, его переводили изъ одной монастырской тюрьмы въ другую, и освободили изъ заключенія уже больнымъ и дряхлымъ 73-хъ-лѣтнимъ старцемъ. Переведенный, подъ конецъ жизни, въ Троице-Сергіеву обитель, Максимъ Грекъ здѣсь и скончался въ 1556 году, здѣсь и погребенъ.



Изображеніе М. Грека, на Тромонинскихъ листахъ.

Труды М. Грека.

Максимъ Грекъ — писатель плодовитый и живой, разнообразный и талантливый. Научившись владѣть языкомъ, чуждымъ ему съ дѣтства, онъ оставилъ по себѣ массу сочиненій, свидѣтельствующихъ о его свѣтломъ умѣ, гуманномъ взглядѣ на жизнь и на всякія заблужденія человѣчества и объ удивительной чистотѣ душевной. Ни малѣйшаго ожесточенія или озлобленія противъ людей не слышится въ писаніяхъ этого подвижника, такъ много страдавшаго, такъ много терпѣвшаго всякихъ напрасныхъ обидъ и несправедливостей: вездѣ только одно исканіе правды и безпристрастное изложеніе истины въ томъ видѣ, какъ она представлялась самому автору.

Значительная доля всего, что написано Максимомъ Грекомъ, посвящена полемикѣ (чисто-догматическаго характера) противъ магометанства, іудейства (въ лицѣ послѣдователей секты жидов-

ствующихъ) и латинства, въ пользу котораго сильно ратовалъ докторъ великаго князя, Николай Нѣмчинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при великокняжескомъ дворѣ. Къ тому же разряду сочиненій слѣдуетъ отнести еще „слова" Максима Грека противъ астрологическихъ заблужденій, которыя старался распространить въ Москвѣ тотъ же Николай Нѣмчинъ. Въ этихъ „словахъ" Максимъ Грекъ говоритъ: „Не отъ звѣздъ и планетъ, но свыше, отъ самого Отца Святаго исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ на родъ человѣческій".

Въ другомъ мѣстѣ, намекая на то, что астрологи часто дерзаютъ давать совѣты и указанія правителямъ, Максимъ Грекъ добавляетъ:

„Одна нужнѣйшая астрологія для благочестивѣйшихъ царей — православная вѣра во святую и живоначальную Троицу и созидаемое на семъ твердомъ основаніи богоугодное жительство".

Много другихъ „словъ" посвящено Максимомъ Грекомъ борьбѣ противъ народныхъ суевѣрій, противъ излишней вѣры, придаваемой апокрифическимъ сказаніямъ, ложнымъ и отреченнымъ книгамъ, въ родѣ „Люцидарія". Цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей посвященъ разъясненію неправильно понимаемыхъ церковныхъ обрядовъ и разсѣянію дикихъ предразсудковъ, вкравшихся въ различное время въ отношенія вѣрующихъ къ церкви.

Нравоучительныя сочиненія М. Грека.

Но, для ближайшаго пониманія высокой и прекрасной личности такого дѣятеля, какъ Максимъ Грекъ, особенно важными являются его сочиненія *нравоучительныя*.

Здѣсь, разбирая всѣ условія и проявленія общественной жизни, обращая вниманіе на бытъ всѣхъ сословій, онъ то безпощадно бичуетъ пороки, наиболѣе распространенные среди его современниковъ, то изображаетъ идеалъ того правителя, дѣятеля или подвижника, который бы могъ быть желателенъ для пользы общей. Такъ, въ одномъ изъ посланій, какъ предполагаютъ, обращенныхъ къ юному Іоанну Грозному, Максимъ Грекъ набрасываетъ передъ нимъ величавый образъ царя, который долженъ представлять собою „образъ Божій на землѣ..." „Истиннымъ царемъ и самодержцемъ почитай того, благовѣрный царь, кто заботится правдою и благозаконіемъ устроять дѣла подвластныхъ и владычествовать надъ безсловесными страстями и похотями своей души"; и тотъ же царь, по представленію Максима Грека, „перестаетъ быть благодѣтелемъ для своихъ подданныхъ, когда душа его покрывается облакомъ скотскихъ страстей, яростію и гнѣвомъ безвременнымъ, пьянствомъ и похотьми непреподобными..."

Еще рѣзче и энергичнѣе высказывается Максимъ Грекъ противъ всякаго фарисейства и лицемѣрнаго внѣшняго благоче-

стія, не придавая ни малѣйшаго значенія исполненію обрядовъ безъ соблюденія внутренней чистоты и безъ „дѣлъ благочестія“...

Такъ, въ одномъ изъ „словъ“ онъ изображаетъ епископа, который, обращаясь къ Богу, говоритъ, что онъ всегда радѣлъ о благоговѣйномъ служеніи, о соблюденіи праздниковъ, объ украшеніи иконъ, объ устроеніи колоколовъ и т. п. Отвѣчая на это, Богъ—въ „словѣ“ Максима Грека—говоритъ, что все это пріятно ему только тогда, когда сопровождается добрыми дѣлами, и добавляетъ:

„Вы хвалитесь и думаете почтить меня мνромъ и доброшумными колоколами, — такъ послушайте же внятно и прилежно моего поученія и утвердите его въ сердцахъ вашихъ. Не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и многоцѣннаго мνра я сошелъ на землю и принялъ вашъ образъ, но ради вашего спасенія, которое для меня всего дороже, я претерпѣлъ съ любовью всѣ страданія. Для того я и повелѣлъ написать въ книгахъ мои спасительныя заповѣди и наставленія, чтобы вы могли знать, какъ угождать мнѣ. Вы же книгу моихъ словесъ снаружи и снутри обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силы заповѣдей моихъ, въ ней написанныхъ, не принимаете, и не только не исполняете, но поступаете противъ нихъ“.

Почти то же говоритъ онъ и въ „сказаніи о разрѣшеніи обѣта постнаго“. „Воздержаніе отъ душевредныхъ страстей составляетъ истинный и пріятный Богу постъ, — говоритъ въ этомъ сказаніи Максимъ Грекъ,—а одно воздержаніе отъ брашенъ не только не приноситъ пользы, но еще больше осуждаетъ“...

Особенною смѣлостью отличались нападки Максима Грека на современный монашескій бытъ и его несовершенства и недостатки. Въ своихъ статьяхъ о монашествѣ Максимъ Грекъ прямо становится на сторону Нила Сорскаго и Вассіана Косого и горячо возражаетъ противъ „любостяжательности“ монастырей и владѣнія имѣніями. „Какая правда въ томъ,—говоритъ онъ,—чтобы удалиться отъ своихъ имѣній будто бы ради Бога, а потомъ пріобрѣтать чужія. Ты снова впадаешь во всѣ попеченія, ослѣпляющія твои умственныя очи губительными безчиніями плоти, которыми, какъ дикимъ терніемъ, заглушается все, посѣянное свыше въ сердцѣ твоемъ. Ты опять созидаешь, что прежде раззорилъ, и опять страдаешь: убѣгая отъ дыма, безумно попадаешь въ огонь. Какъ можно, взявши крестъ или отрекшись отъ себя, снова заботиться о золотѣ и имѣніяхъ?“ М. Грекъ и монашество

Противуполагая нашему монашеству свое идеальное представленіе иночества, Максимъ Грекъ написалъ „сказаніе о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“, и въ немъ не затруднился русскимъ инокамъ указать, какъ на примѣръ, на монаховъ одного

католическаго (Картезьянскаго) монастыря. „Сіе пишу,—добавляетъ онъ,—чтобы показать православнымъ, что и у неправомудренныхъ (т.-е. неправо-вѣрующихъ) латинянѣ есть попеченіе о спасительныхъ евангельскихъ заповѣдяхъ; что по святымъ заповѣдямъ устрояютъ иноческое пребываніе у нихъ монахи, братолюбію, нестяжательности и молчанію которыхъ и намъ должно подражать, чтобы не оказаться ихъ ниже."

Приведенныхъ выписокъ достаточно для того, чтобы читатель могъ ознакомиться съ общимъ духомъ и настроеніемъ всѣхъ „писаній" Максима Грека, который, повторяемъ, занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія Россіи. „Писанія" эти создали ему великое множество враговъ, но зато свѣтлая и прекрасная личность ихъ автора собрала около него небольшой, тѣсный кружокъ друзей, почитателей и горячихъ приверженцевъ, которые преклонялись передъ его памятью и съ понятною гордостью называли себя его учениками и послѣдователями. Къ этому кружку принадлежали ближайшіе сотрудники Максима Грека по его переводческой дѣятельности: Дмитрій Герасимовъ, инокъ Силуанъ [1]) и Михаилъ Медоварцевъ; архимандритъ Новоспасскій Савва, казанскій архіепископъ Германъ, инокъ Отенскаго монастыря Зиновій [2]), дьякъ Нилъ Курлятевъ и знаменитый впослѣдствіи князь Андрей Михайловичъ Курбскій — просвѣщеннѣйшіе люди своего времени, которые воспитали свой умъ и духъ на идеяхъ Максима Грека, глубоко ими прониклись, и съ достоинствомъ поддержали въ жизни славу имени своего друга, наставника и учителя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Стоглавъ и его значеніе въ общественной исторіи XVI вѣка.—Попытки подведенія итоговъ прошлой жизни.—Домострой попа Сильвестра.

Максимъ Грекъ былъ осужденъ на соборахъ 1525 и 1531 гг., почти какъ еретикъ, за многія и тяжкія (хотя и мнимыя) вины, и самою тяжкою изъ этихъ винъ признавалась та, на которую никто изъ отцовъ Собора не рѣшался гласно и открыто указать, а именно: тѣ смѣлыя порицанія непорядковъ и нестроеній въ Русской Церкви и русскомъ обществѣ, которые дѣйствительно существовали и всѣмъ были извѣстны и вѣдомы. Максимъ былъ осужденъ на тяжкое монастырское заточеніе и провелъ въ немъ долгіе, плачевные годы, но его идеи—какъ фениксъ изъ огня—

[1]) Силуанъ или Сильванъ, инокъ Троицкой обители, состоявшій при М. Грекѣ писцомъ; впослѣдствіи былъ извѣстенъ своими глубокими грамматическими знаніями.

[2]) Зиновій прославился своею энергическою борьбою противъ ереси Ѳеодосія Косого и Матвѣя Башкина. Обитель Іоны Отенскаго расположена на р. Мстѣ, верстахъ въ 70 отъ Новгорода.

Юрьевская грамота 1130 года.

Текстъ ея читается такъ:

+„се азъ мьстиславъ володимирь снъ дьржа роу-
сьскоу землю въ свое княженіе повелѣлъ е-
смь сноу (сыну) своему всеволодоу отдати боуи-
цѣ стмоу (святому) георгіеви съ данию и съ вирами и съ
продажами. Да же который князь по моемъ кня-
женіи почьнеть хотѣти отъяти оу (у) стго (святого) георги-
я. а бъ (богъ) боуди за тѣмъ и стая (святая) бца (богородица) и тъ (тотъ) стыи (святый) гео-
рги оу (у) него то отимасть и ты игуменсиса.
ие и вы, братиѣ, донелѣ-же ся миръ (міръ) състоить.
молите ба (бога) за мя и за моѣ дѣти. кто ся изооста-
нетъ (останется) въ манастыри, то вы тѣмъ дължьни е-
сте молити за ны ба и при животѣ и въ съмь-
рти, а язъ далъ рукою своею и осеньнее по-
людие даровьное полтретиядесяте гри-
вьнъ стмоу (святому) же георгиеви а се я всеволодъ да-
лъ есмь блюдо серебрьно въ л грвнъ (гривенъ) серебра
стмоу же георгиеви велѣлъ есмь бити въ
не (него) на обѣдѣ коли игуменъ обѣдаетъ:
даже кто запъртитъ или тоу (ту) дань и се блю-
до да соудитъ емоу (ему) [Господь?] въ днь (день) пришестви-
я своего и тъ (тотъ) стыи (святый) георгии."

Эта древнѣйшая грамота писана отъ имени сына Мономахова, *Мстислава Владиміровича*, который былъ посаженъ отцомъ на княженіе въ Новѣгородѣ. Упоминаемый въ грамотѣ *Всеволодъ* есть сынъ Мстислава — *Всеволодъ-Гавріилъ*, знаменитый впослѣдствіи князь Псковской.

Грамота хранится въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, что близъ Новгорода, повыше его, стоитъ на берегу озера Ильменя.

Отверстіе въ пергаменѣ, внизу грамоты, служило для привѣшиванья печати, изображеніе которой помѣщено нами подъ грамотою. На одной сторонѣ печати — образъ Спасителя; на другой—Михаилъ Архангелъ.

ЮРЬЕВСКАЯ ГРАМОТА.

+ се азъ мьстиславъ володимирь снъ дьржа роу-
сьскоу землю въ свое княжение повелѣлъ е-
смь сноу своемоу всеволодоу отдати боу-
ицѣ стмоу георгиеви съ данию и съ вирами и съ
продажами да же который князь по моемь кня-
жении почьнеть хотѣти отъяти оу стго георги-
я а богъ боуди за тѣмь и стая бца и тъ стыи гео-
ргии оу него то отъимаеть и ты игоумене и-
и вы братие доньдеже ся миръ състоить
молите бога за мя и за моѣ дѣти · кто ся изооста-
неть въ манастыри · то вы тѣмь дължьни е-
сте молити за ны и при животѣ и къ съмь-
рти · а язъ далъ роукою своею · и осеньнее по-
людие даровьное полътретиядесяте гри-
вьнъ стмоуже георгиеви · а се я всеволодъ да-
лъ есмь блюдо серебрьно · въ · л · гривнъ серебра ·
стмоуже георгиеви · велѣлъ есмь бити в немь
на обѣдѣ коли игоуменъ обѣдаеть ·
даже кто запьртить или оудасть и себѣ ю-
до · да судить ему [illegible] пришествия [illegible]
и свой и тъ стыи [illegible] ·

НОВГОРОДСКАЯ ЮРЬЕВСКАЯ ГРАМОТА 1130 ГОДА, ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ ЮРЬЕВОМЪ МОНАСТЫРѢ.
(Снимокъ уменьшенъ на 1/3 противъ оригинала).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

возникаютъ изъ-подъ гнета утѣсненій и не гибнутъ во мракѣ его темницы... Все теченіе русской жизни ясно указываетъ на то, что великій подвижникъ и страдалецъ былъ правъ въ своихъ укорахъ, обращенныхъ къ духовнымъ властямъ и къ обществу, и вотъ, на соборѣ 1551 года самъ юный царь, во главѣ всего духовенства и высшихъ чиновъ государства, призналъ, что нестроеній и недостатковъ въ русской народной жизни и въ русской Церкви—великое множество, и что нужно всѣмъ стремиться къ изысканію средствъ для исправленія уже народившагося и еще нарождающагося зла.

Результатомъ собора 1551 г. явилась пространная записка о дѣяніяхъ собора, извѣстная подъ названіемъ *Стоглава*, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ *сто отдѣльныхъ главъ* и состоитъ изъ соборныхъ отвѣтовъ на царскіе вопросы, касающіеся различныхъ сторонъ церковной, народной и общественной жизни. Записка эта начинается съ изложенія исторіи собора; затѣмъ приводится рѣчь царя къ собору, въ которой онъ говоритъ: что „прежніе обычаи поисшатались, а прежніе законы порушены", а потому онъ и проситъ отцовъ собора „укрѣпить древнія преданія истинной нашей вѣры". Вслѣдъ за рѣчью помѣщены вопросы, отвѣты на вопросы и постановленія собора, рисующіе намъ весьма печальную картину общественной и народной жизни, картину, полную сумрака, закоснѣлаго невѣжества и изумительной грубости нравовъ. По вопросу о полной безграмотности ставленниковъ, „хотящихъ въ дьяконы и попы ставиться", соборъ постановилъ: „во всѣхъ городахъ выбрать добрыхъ священниковъ (т.-е. опытныхъ, надежныхъ) и дьяконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища для обученія пѣнію, чтенію и канонарханію" [1]... Но это, кажется, единственное положительное разрѣшеніе вопроса, гдѣ указана опредѣленная мѣра противъ извѣстнаго зла. Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ соборъ заявляетъ себя совершенно безсильнымъ противъ зла и ограничивается только безплодными запрещеніями, которыя мудрено было бы осуществить на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о чтеніи запрещенныхъ книгъ, въ родѣ „*Рафлей*", *Шестокрыла, Воронограя, Зодія, Альманаховъ, Звѣздочетья, Аристотелевыхъ вратъ* и т. д., соборъ постановилъ, чтобы и самъ царь, и всѣ святители „запретили съ великимъ духовнымъ прещеніемъ, чтобы православные христіане такихъ богоотреченныхъ, еретическихъ книгъ у себя не держали и не чли". Частные случаи проявленія общаго зла—недостатка въ просвѣщеніи, законности и гражданственности — невозможно было исправить однѣми

Стоглавъ о чтеніи книгъ.

[1]) Достойно вниманія, что этимъ же самымъ пастырямъ, полная безграмотность которыхъ только-что была оффиціально заявлена и признана на соборѣ, тотъ же соборъ предписываетъ: «учить народъ вѣрѣ и благочестію».

запретительными мѣрами, не истребивъ зла въ корнѣ, не измѣнивъ всего строя древне-русской жизни.

Но какъ его измѣнить? Какой разумный планъ, какую цѣль положить себѣ? Чѣмъ задаться? Чѣмъ утвердить „древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры“, какъ проситъ царь въ своей рѣчи — когда эти преданія „поисшатаны“ и „порушены“ жизнью и ея постоянно-нарастающими потребностями? Такъ, вѣроятно, думали многіе подъ первымъ впечатлѣніемъ собора—и среди этихъ многихъ нашелся одинъ серьезный и разумный человѣкъ, близкій къ царю и вполнѣ искренно озабоченный возможно-лучшимъ устроеніемъ жизни семейной и общественной; то былъ духовникъ юнаго царя, извѣстный священникъ придворной церкви Благовѣщенія *Сильвестръ*, вызвавшій незадолго передъ тѣмъ такую дивную перемѣну въ Іоаннѣ.

Домострой Сильвестра.

Сильвестру вздумалось собрать во-едино всякія душеполезныя правила житейской мудрости и общежитія, и составить изъ нихъ положительный кодексъ, на который смѣло могли бы опираться всѣ благомыслящіе люди и находить себѣ въ немъ руководство и указаніе на всевозможные случаи и запросы жизни. И вотъ изъ рукъ его вышелъ памятникъ, правда, компилятивнаго характера, избранный изъ многихъ источниковъ и пополненный практическими свѣдѣніями, заимствованными прямо изъ жизни; но памятникъ въ высшей степени любопытный и живо рисующій передъ нами и время, и личность автора [1]). „Домострой“ касается всѣхъ сторонъ жизни человѣка, какъ гражданина, мужа, семьянина и домохозяина; онъ указываетъ способъ дѣйствій, котораго каждый долженъ держаться и по отношенію къ Церкви, и по отношенію къ ближнимъ, и по отношенію къ старшимъ и младшимъ, къ женѣ, дѣтямъ, слугамъ и рабамъ. Весь заключающійся въ немъ матерьялъ распредѣленъ въ 63 главахъ, къ которымъ добавлено еще въ видѣ 64-й главы „*Посланіе и наказаніе* (т. е. наставленіе) *сыну моему Анѳиму*“, представляющее собою какъ бы извлеченіе и общій выводъ изъ всѣхъ предшествующихъ главъ Сильвестрова труда.

Первыя пятнадцать главъ „Домостроя“ посвящены правиламъ вѣры и благочестія. Правила эти очень строги и требованія религіозныя очень высоки; видно, что правила эти исходятъ отъ лица духовнаго, такъ какъ многія изъ нихъ исполнимы развѣ только для человѣка, совершенно уже отрекшагося отъ міра, но никакъ не для мірянина. „Домострой“ совѣтуетъ, по возможности, все

[1]) Новѣйшія изслѣдованія «Домостроя» доказываютъ, что въ этомъ сочиненіи лично Сильвестру принадлежитъ лишь весьма незначительная часть, какъ автору. Но едва ли можно отрицать то, что ему, несомнѣнно, принадлежитъ общая редакція всего труда и отчасти даже подборъ матеріала.

въ домѣ устраивать для моленья точно такъ же, какъ и въ церкви, со всякимъ благолѣпіемъ. Стѣны увѣшивать иконами не зря, а въ предписанномъ порядкѣ, украшать ихъ пеленами и закрывать завѣсою „всякія ради чистоты"…. Передъ иконами слѣдуетъ возжигать лампады, ставить свѣчи и „по всякомъ славословіи Божіи и по пѣніи погашати";…. „кадити благовоннымъ ладаномъ и ѳиміамомъ"…. „По вся дни въ вечерни мужъ съ женою и съ дѣтьми, и домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти (должны) вечерню, павечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, съ молитвою и съ поклоны"…. „А утромъ, вставъ, Богу молитися и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю (т.-е. въ воскресенье) и праздникъ—молебенъ". Несмотря на такое изобиліе домашней молитвы, „Домострой" не довольствуется этими указаніями и предлагаетъ какъ можно чаще ходить въ церковь и приносить туда съ собою свѣчи, ладанъ, просфоры и прочее, потребное для богослуженія. Къ этимъ наставленіямъ прибавленъ подробный уставъ, распредѣляющій, какъ и когда слѣдуетъ поститься, и какую пищу и питье въ какіе дни допускать къ употребленію [1]). Не забыты и дѣла благотворительности: странниковъ и нищихъ „Домострой" предписываетъ принимать, кормить и считать ихъ какъ бы членами семьи; запасливому хозяину этотъ кодексъ нравственности совѣтуетъ даже нарочно заготовлять излишній запасъ для того, чтобы, не отнимая отъ своихъ потребъ, удовлетворять и тѣхъ, кто, внѣ семьи и дома, нуждается въ пищѣ и питьѣ.

Слѣдующія одиннадцать главъ „Домостроя" посвящены обязанностямъ человѣка, какъ семьянина. Эти обязанности свидѣтельствуютъ объ очень невысокомъ уровнѣ развитія отношеній семейныхъ, объ исключительномъ преобладаніи мужа-домохозяина и о полномъ, безпрекословномъ подчиненіи всего дома его волѣ. — Жена въ домѣ не можетъ сдѣлать ни шагу, не посовѣтовавшись съ мужемъ или не получивъ отъ него приказаній: она только домоводка и старшая надъ слугами и рабами. Обязанности ея опредѣляются въ „Домостроѣ" слѣдующимъ образомъ: Домострой о семьѣ.

„Жена — хозяйка должна вставать въ домѣ первая, такъ, чтобы слуги никогда ее не будили, а она бы слугъ будила. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; кушанье мясное и рыбное—всякій приспѣхъ скоромный и постный,—и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобы и служанку могла научить. Если она все знаетъ, *мужнимъ наказаньемъ и грозою,* и своимъ добрымъ разумомъ, то все будетъ споро, и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь не была бы

[1]) «Домострой» совѣтуетъ даже всѣмъ мірянамъ носить на рукахъ четки, по которымъ можно было бы про себя творить молитвы.

Снимокъ съ Минеи 1096 года, такъ-называемой «Типографской». Въ величину оригинала.

Снимокъ страницы «Сильвестрова» сборника, писаннаго уставомъ половины XIV вѣка; нѣсколько уменьшенъ противъ оригинала.

безъ дѣла: тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно будетъ дѣлать; мужъ-ли придетъ, гостья-ли придетъ, всегда бы за рукодѣльемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, и мужу похвала. Со слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя женки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій день жена у мужа спрашивала бы и съ нимъ бы совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями должна бесѣдовать о рукодѣльи и о домашнемъ устройствѣ, и примѣчать, гдѣ увидитъ что̀ хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо; кто что укажетъ—(за это) низко челомъ бить, и, пришедши домой, все мужу сказать. Съ добрыми женщинами пригоже сходиться не для ѣды, не для питья, а для доброй бесѣды и науки, вникать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать. Спросятъ о чемъ про кого другіе—отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала, и сама о неподобномъ не спрашивать, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересуживать. (Жена должна) отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмѣльную брагу и квасъ, и до̀ма, и въ людяхъ; тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужого у себя не держать безъ мужняго вѣдома, обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу въ правду."

Домострой о женщинѣ.

Набросавъ эту программу, „Домострой" прибавляетъ къ ней и цѣлый рядъ указаній на тотъ случай, если бы не все, намѣченное въ программѣ, исполнялось какъ слѣдуетъ. „Жены мужей спрашиваютъ обо всякомъ благочиніи, и во всемъ имъ покоряются." Даже и въ церковь ходитъ жена „по возможности, по совѣту съ мужемъ"... Но на тотъ случай, „если жена по мужнему поученью не живетъ", „Домострой" предлагаетъ „учить ее съ любовью и благоразсуднымъ наказаніемъ". Это довольно общее и темное указаніе разъясняется „Домостроемъ" очень подробно, и открываетъ передъ нами наивно-грубую картину семейныхъ нравовъ...

„Если жена по мужнему поученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ, и, наказавъ, пожаловать и примолвить; а другъ на друга имъ не должно сердиться. Слугъ и дѣтей также смотря по винѣ наказывать, и раны возлагать, а наказавъ, пожаловать; а хозяйкѣ за слугъ печаловаться (заступаться)—такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе нейметъ, то плетью постегать, не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу—не бить, или подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить, и ничѣмъ желѣзнымъ или

деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руку держа".

Какъ ни тяжко, какъ ни противно нашему нравственному чувству сознаніе того, что положеніе русской женщины могло быть когда-то въ такой степени приниженнымъ; но все же несправедливо было-бы обвинить составителя „Домостроя" въ жестокости, въ варварствѣ... Вѣка татарщины прошли не безслѣдно для русской женщины, которая къ XVI вѣку успѣла уже сдѣлаться полною рабою своего мужа, теремною затворницею — старшею изъ слугъ главы семейства — и только. Женщина, которую нужно было въ кодексѣ нравственныхъ правилъ остерегать отъ злоупотребленія „хмѣльными напитками", отъ общенія „съ бездѣльными женками и волхвами", можетъ-быть и дѣйствительно нуждалась въ тѣхъ средствахъ назиданія и исправленія, какія рекомендуются „Домостроемъ".

Практицизмъ Домостроя.

Любопытною чертою нравовъ и эпохи можетъ служить для насъ то, что о дѣтяхъ, о ихъ воспитаніи, объ ихъ отношеніи къ родителямъ „Домострой" почти не упоминаетъ. Между строками можно читать, что отъ дѣтей требовалось только одно—безусловное послушаніе, повиновеніе волѣ родительской. Въ случаѣ же, если бы сынъ или дочь вздумали отступить отъ этого общаго правила, въ „Домостроѣ" (какъ мы уже видѣли выше) для нихъ было готово наказаніе и плетка. Вѣроятно, что вопросы о воспитаніи дѣтей и обученіи ихъ даже и не приходили въ голову составителю „Домостроя", потому что воспитанія никакого и не было, да и обученіе дочери состояло въ наученіи ея извѣстнымъ молитвамъ и рукодѣлію; а сыновей—только грамотѣ и промысламъ. Вслѣдствіе такого упрощеннаго отношенія къ дѣлу, даже и самый идеалъ юноши, какимъ его изображаетъ „Домострой", представляется чѣмъ-то весьма темнымъ и неопредѣленнымъ: это собственно даже и не идеалъ, а только подборъ выписокъ изъ поученій Отцовъ Церкви. Иное дѣло тамъ, гдѣ отношенія къ дѣтямъ переходятъ на почву матерьяльныхъ интересовъ, на почву практическую: тамъ „Домострой" даетъ цѣлый рядъ совѣтовъ и указаній, замѣчательно-своеобразныхъ. Такъ, напр., онъ указываетъ, что уже съ самаго рожденія дочери ей слѣдуетъ копить приданое, отдѣляя на ея имя и отъ приплода скота, и отъ всякихъ домашнихъ издѣлій: полотенъ, ширинокъ и убрусовъ; постепенно шить ей бѣлье и откладывать въ особый сундукъ; точно такъ же поступать и съ шитьемъ, и съ низаньемъ, и съ уборами для нея; постепенно же подготовить ей и образа, и посуду, и оловянную, и мѣдную, и деревянную — „и прибавливати по немножку всегда и не вдругъ: себѣ не въ досаду, и всего будетъ полно. Ино дочери растутъ, и страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое прибываетъ, и

какъ замужъ сговорять, то все готово". А въ случаѣ если дочь до замужества умретъ, то нѣтъ надобности заботиться о ея поминовеньи: и поминанья, и сорокоустъ по душѣ ея, и милостыню изъ того же „ея надѣлка" выдаютъ. Предусмотрительно и просто.

Остальныя главы „Домостроя", съ XXVI и до предпослѣдней, сплошь заняты подробнѣйшими наставленіями, касающимися управленія домомъ и вообще домоводства въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.

Совѣтуя всѣмъ жить по средствамъ [1]), „Домострой" входитъ во всѣ мелочи и подробности заготовки различныхъ запасовъ для дома; запасы всѣ дѣлаются на годъ, и, какъ на весьма любопытную черту современныхъ нравовъ, слѣдуетъ указать на то, что запасы эти заготовляетъ и закупаетъ мужъ, а жена обязана только сберегать ихъ. Съ такою же подробностью даются въ „Домостроѣ" наставленія относительно всякихъ домашнихъ рукодѣлій и работъ; богатымъ людямъ предлагается даже и такой совѣтъ — имѣть у себя въ домѣ ремесленниковъ изъ своихъ же людей, чтобы всѣ издѣлія обходились, при домашнемъ производствѣ, дешевле. Къ нѣкоторымъ спискамъ „Домостроя" приложены даже полные перечни всѣмъ кушаньямъ, распредѣленные по постамъ, праздникамъ и днямъ года. Эти перечни лучше всего доказываютъ намъ, что „Домострой", вѣроятно, былъ весьма распространенною справочною книгою, изъ которой многіе научались правиламъ житейской мудрости, и эти правила были постоянно подъ рукою.

Заключеніе Домостроя.

Домострой заканчивается главою, которая имѣетъ особое заглавіе: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну"—нѣчто въ родѣ наставленія и завѣщанія Сильвестра къ сыну своему Анѳиму. Здѣсь, извлекая изъ Домостроя самую суть, Сильвестръ предлагаетъ это сокращенное извлеченіе изъ своего кодекса въ руководство сыну, и, по наивному пріему многихъ древне-русскихъ людей, ставитъ свою жизнь и дѣятельность въ примѣръ и образецъ сыну. Написано это посланіе прекрасно и личность Сильвестра, насколько она въ немъ рисуется, представляется намъ весьма привлекательною.

„Ты видишь, сынъ мой, какъ я жилъ въ этой жизни, въ благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ Писаніемъ, какъ Божіею милостью, и отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ; какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею и прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не уко-

[1]) Всякому человѣку онъ совѣтуетъ жить «по промыслу и по добытку, и по своему имѣнію», а служащему человѣку «по государскому жалованью и по доходу».

рялъ и ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и черезъ то враги дѣлались друзьями... Никого не презиралъ, ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ; голодныхъ, по силѣ, кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства, на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, а всегда доброхотствуютъ намъ: а кто изъ нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ много сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ, и здѣсь, и въ Москвѣ я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ—грамотѣ, писать и пѣть; иныхъ—иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлью [1]); однихъ — серебряному мастерству, а иныхъ—всякой торговлѣ. А твоя мать многихъ дѣвицъ, и вдовъ, и убогихъ воспитала въ должномъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужъ повыдала..."

Эта весьма привлекательная картинка домашняго и семейнаго быта, на которую составитель „Домостроя" указываетъ сыну, въ значительной степени сглаживаетъ то тяжелое впечатлѣніе, которое производятъ многія изъ указаній его суроваго кодекса. *Свѣдѣнія о Сильвестрѣ.*

Въ заключеніе всего сказаннаго о „Домостроѣ", сообщимъ все, что намъ извѣстно о Сильвестрѣ. Къ сожалѣнію, извѣстно объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ очень немногое. Знаемъ только, что онъ былъ новгородскимъ священникомъ и вызванъ былъ въ Москву митрополитомъ Макаріемъ въ 1547 г. Вѣроятно, онъ лично сталъ извѣстенъ Макарію въ то время, когда Макарій былъ архіепископомъ новгородскимъ; можетъ быть даже, что онъ, какъ человѣкъ книжный и письменный, принималъ нѣкоторое участіе въ трудахъ Макарія по собиранію матерьяла для „Четьи-Миней". Въ Москвѣ, въ качествѣ духовника и ближайшаго совѣтника при юномъ царѣ, Сильвестръ пробылъ въ должности священника въ придворной Благовѣщенской церкви около шести лѣтъ. Въ 1553 г., послѣ разрыва съ Іоанномъ, Сильвестръ добровольно принялъ иночество въ Кирилловомъ монастырѣ. Семь лѣтъ спустя, царскій гнѣвъ и опала настигли его и здѣсь. По царскому указу онъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Соловецкую обитель, гдѣ и скончался.

Отъ Сильвестра, кромѣ „Домостроя", дошли до насъ еще три посланія: одно къ Іоанну Грозному, написанное вскорѣ послѣ *Посланія Сильвестра.*

[1]) Подъ книжнымъ рукодѣліемъ, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть переплетное мастерство.

московскаго большого пожара, рисуетъ намъ ужасающую картину нравовъ той придворной среды, которая окружала Іоанна, и призываетъ его къ искорененію разврата. Это посланіе имѣетъ важное историческое значеніе въ развитіи личности и характера Грознаго. Два другія посланія, къ князю Горбатому-Шуйскому, писаны: первое, во время его намѣстничества въ Казани, заключаетъ въ себѣ различныя наставленія нравственнаго и религіознаго характера; второе утѣшаетъ его въ горѣ, когда онъ подвергся царской опалѣ, сопряженной съ лишеніемъ имущества. Для написанія этого посланія, изъ котораго мы видимъ, что Сильвестръ былъ дѣйствительно близокъ и друженъ съ княземъ, требовалось, конечно, много мужества и твердости духа въ эпоху Іоанна Грознаго, который, карая опальныхъ, очень часто еще суровѣе каралъ тѣхъ, кто дерзалъ имъ выказывать дружбу и расположеніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Домострой» попа Сильвестра и «Четьи-Минеи» митрополита Макарія. — Составъ Четьи-Миней. — Чѣмъ руководствовался митрополитъ Макарій при выборѣ житій въ свой сборникъ. — Азбуковники.

„Домострой“ попа Сильвестра очевидно произошелъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Стоглава“, такъ опредѣленно и ясно указывавшаго на недостатки и нестроенія русской церковной и народной жизни. Вслѣдствіе этихъ указаній и явилось у попа Сильвестра желаніе установить извѣстный строй „благоразсудливаго и порядливаго житія“ — преподать на всѣ случаи жизни правила и указанія со ссылками на авторитеты. Подобнымъ же образомъ и другое указаніе Стоглаваго собора, касавшееся недозволеннаго чтенія книгъ апокрифическихъ и отреченныхъ, способно было вызвать въ другомъ современникѣ Грознаго, митрополитѣ Макаріи, желаніе доставить всѣмъ грамотнымъ русскимъ людямъ опредѣленный кругъ *дозволеннаго чтенія*, за предѣлы котораго не слѣдовало выходить благочестивому русскому человѣку.

Автографъ митрополита Макарія.

Такимъ побужденіемъ, вѣроятно, руководствовался онъ, когда предпринялъ свой громадный трудъ—собрать воедино „всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются“, — и создалъ громадный сборникъ, уцѣлѣвшій и до нашего времени подъ заглавіемъ „Великихъ Четьи-Миней“ митрополита Макарія.

Свѣдѣнія о митрополитѣ Макаріи.

Имя митрополита *Макарія*, правившаго московскою каѳедрою въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ (1542 — 1564 г.), тѣсно связано съ лучшею эпохою царствованія Грознаго и со многими громкими и свѣтлыми его дѣлами. Онъ выписалъ изъ Новгорода попа Сильвестра и способствовалъ сближенію съ нимъ Іоанна; онъ вѣнчалъ Іоанна супружескимъ и царскимъ вѣнцомъ и руководилъ всѣмъ Стоглавымъ соборомъ, намѣчая главные вопросы, вложенные въ уста юнаго царя, и приводя въ порядокъ отвѣты и постановленія собора. Онъ напутствовалъ Іоанна въ славный казанскій походъ энергическою рѣчью, ободрялъ его подъ стѣнами упорно несдававшагося города и привѣтственною рѣчью торжественно возвѣщалъ всѣмъ „побѣду и одолѣніе на враговъ, дарованныя Богомъ юному царю“. Съ его именемъ связано и столь важное событіе,

Видъ монастыря преподобнаго Пафнутія Боровскаго.

какъ введеніе на Руси *книгопечатанія*, совершившееся по „изволенію государя“ и по благословенію митрополита.

Труды митрополита Макарія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна біографія этого образованнѣйшаго человѣка своего времени, отличавшагося страстною любовью къ книгамъ и громадною начитанностью, не щадившаго ни трудовъ, ни матерьяльныхъ пожертвованій на свои обширныя литературныя предпріятія. Мы знаемъ о немъ только то, что онъ происходилъ изъ иноковъ обители Пафнутія Боровскаго, что онъ горячо любилъ старину и древность, и заботился о сохраненіи и подновленіи ея памятниковъ. Постоянно дѣятельный и постоянно занятый чтеніемъ и разборомъ накопленныхъ имъ книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ, онъ, съ видимымъ наслажденіемъ, вносилъ свою лепту въ русскую современную письменность, поднимая на свои плеча такіе труды, которые, конечно, всякому другому были бы не по силамъ. Помимо своихъ трудовъ историческихъ (о которыхъ мы упомянемъ въ свое время), онъ задумалъ (около 1529—1530 гг.) собрать въ одинъ общій сводъ *всѣ житія святыхъ, чтимыхъ Русскою Церковью*, и къ этому своду пріурочить „всѣ книги чтомыя, какія обрѣтались въ Русской землѣ“. Этотъ громадный сборникъ, въ которомъ матерьялъ для чтенія распредѣленъ былъ по числу мѣсяцевъ года, въ 12-ти толстыхъ томахъ, получилъ названіе „*Четьи-Миней*“ или мѣсячныхъ чтеній. Такое названіе вызвано было самымъ планомъ сборника, въ основу котораго принята послѣдовательность церковнаго календаря, такъ что даже и писанія Отцовъ и учителей Церкви въ Минеяхъ помѣщены подъ тѣми числами мѣсяцевъ, когда совершается ихъ память.

Составленіемъ этого сборника Макарій занялся еще задолго до своего возведенія въ санъ митрополита „всея Руси“. „Писалъ я“,—такъ говоритъ онъ въ предисловіи, — „сіи святыя, великія книги въ великомъ Новѣгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, и писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ, многимъ измѣненіемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и всякихъ почестей; особенно много трудовъ и подвиговъ подъялъ я отъ исправленія иностранныхъ и древнихъ реченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и, сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить, а иное и донынѣ въ нихъ осталось неисправлено; мы оставили это тѣмъ, кто послѣ насъ, съ Божіею помощью, можетъ исправить“.

Смѣлая попытка *собрать во-едино всѣ книги чтомыя*,— была самымъ блистательнымъ образомъ приведена въ исполненіе Макаріемъ; въ его сводъ вошли, кромѣ краткихъ и пространныхъ житій святыхъ, торжественныя и похвальныя слова на праздники и памяти святыхъ, книги Св. Писанія съ истолкованіями, творенія Св. Отцовъ, учителей и писателей церковныхъ, патерики

іерусалимскіе, египетскіе, синайскіе, печерскіе и скитскіе. Рядомъ съ житіями, въ сводѣ Макарія явились и легенды или духовныя сказанія о святыхъ, въ родѣ легенды о Петрѣ-царевичѣ Ордынскомъ, смоленской легенды о св. Меркуріи, муромской — о Петрѣ и Февроніи. Введены сюда и писанія несвятыхъ мужей, и сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, но уже вошедшія во всеобщее употребленіе, какъ матерьялъ для чтенія; такія книги и сочиненія нельзя было пріурочивать къ церковному календарю, а потому онѣ помѣщены въ видѣ особыхъ приложеній къ послѣднимъ числамъ нѣкоторыхъ мѣсяцевъ. Такъ, въ концѣ іюньской книги помѣщенъ „Странникъ" игумена Даніила; въ концѣ іюльской — книга Іоанна, экзарха болгарскаго, и „Пчела"; въ концѣ августовской — книга Козьмы Индиклопова, посланіе Фотія - патріарха, разныя посланія русскихъ князей, патріарховъ, епископовъ и т. д.

Характеръ дѣятельности Макарія.

Переписка всего свода была окончена въ 1522 году; въ общемъ, надъ составленіемъ этого свода Макарій трудился около 20 лѣтъ и успѣлъ внести въ него 1.300 житій. При этомъ онъ дѣйствовалъ не какъ простой компиляторъ, а какъ человѣкъ литературно-образованный и придававшій значеніе не только содержанію, но и внѣшности собираемыхъ и сопоставляемыхъ имъ сочиненій. Изъ многихъ изводовъ одного и того же житія, онъ выбиралъ лучшій, по его мнѣнію; иныя житія приказывалъ переправлять по отношенію къ слогу или особенностямъ языка, сохранившаго слѣды первоначальной болгарской или сербской редакціи; иныя же приказывалъ и совсѣмъ передѣлывать и составлять зàново. Такъ, напр., бояринъ *Михаилъ Тучковъ*, по желанію Макарія, вновь написалъ житіе Михаила Клопскаго, „затѣмъ, что прежнее было очень просто написано". То предисловіе, которое почтенный авторъ-бояринъ предпосылаетъ своему изложенію житія, выясняетъ намъ его воззрѣнія на эту задачу и, вѣроятно, отчасти, воззрѣніе самого митрополита Макарія.

„Слышалъ я нѣкогда", — пишетъ бояринъ Тучковъ, — „какъ читали книгу о Тройскомъ плѣненіи. Въ этой книгѣ сплетены многія похвалы эллинамъ отъ Омира и Овидія. Ради одной ихъ буйственной храбрости, память о нихъ сохранилась такъ долговременно... Во сколько же болѣе должны мы похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ нашихъ чудотворцевъ, которые одержали столь великую побѣду надъ врагами и получили отъ Бога столь великую благодать, что не только люди, но и ангелы почитаютъ и славятъ ихъ. Мы-ли, послѣ этого, оставимъ эти чудеса втуне, не проповѣдуя о нихъ?"

Громадный трудъ митрополита Макарія дошелъ до насъ въ двухъ спискахъ: одинъ изъ нихъ хранится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ; другой принадлежалъ нѣкогда новгородскому Со-

фійскому собору и находится въ настоящее время въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи.

Многолѣтніе труды митрополита Макарія, по собиранію и разбору житій святыхъ, нашли себѣ живой отголосокъ на соборахъ 1547 и 1549 г.г., на которыхъ утверждена была канонизація новыхъ святыхъ русскихъ. По мысли царя Іоанна Васильевича и „по благословенію боголюбивѣйшаго митрополита Макарія всея Русіи", епископы русскіе, послѣ собора 1547 г., предприняли въ своихъ епархіяхъ обыскъ о великихъ новыхъ чудотворцахъ, собрали „житія, каноны и чудеса ихъ", пользуясь указаніями мѣстныхъ жителей „въ градахъ, и въ селахъ, и въ монастыряхъ, и въ пустыняхъ". Затѣмъ, въ 1549 году, они снова съѣхались въ Москву съ собраннымъ матерьяломъ, который здѣсь „соборнѣ" свидѣтельствовали и ввели въ составъ церковнаго писанія и чтенія, установивъ по этимъ житіямъ и канонамъ форму празднованія памяти новымъ чудотворцамъ. При этомъ, конечно, личное вліяніе митрополита Макарія было очень вѣско; вѣроятно подъ его вліяніемъ въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ, не вошли именно тѣ, которыхъ житія оказывались менѣе распространенными. Они не вошли въ составъ обширнаго свода митрополита Макарія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, остались ему неизвѣстны.

Азбуковники.

Выше видѣли мы, какъ митрополитъ Макарій жаловался на трудности, встрѣчаемыя имъ при составленіи свода житій, со стороны объясненія иностранныхъ словъ; и вотъ, какъ бы въ дополненіе къ его труду, въ томъ же XVI вѣкѣ, является первый *Азбуковникъ* или „*Алфовитъ* иностранныхъ словъ". Это явленіе любопытное и своеобразное—нѣчто въ родѣ энциклопедіи современной русской литературы и науки.

Отдѣльныя попытки составленія словарей, въ собственномъ смыслѣ слова, предназначенныхъ для объясненія иноземныхъ или иностранныхъ словъ, уже являлись и въ XIII, и въ XV вѣкѣ [1]. Потребность въ болѣе подробныхъ пособіяхъ объяснительнаго и справочнаго характера, необходимыхъ при чтеніи, сказалась въ составленіи Азбуковниковъ. Азбуковники состоятъ изъ объясненія словъ иноземныхъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ; между этими объясненіями помѣщаются добавленія и доказательныя выписки и ссылки. Подъ словами обозначается: изъ какого языка они заимствованы, а рядомъ съ ними стоитъ указаніе на книгу, изъ которой они взяты, или имя писателя, который по-

[1] Напр., «Рѣчь жидовскаго языка, преложена на русскую»—при Кормчей Новгородской 1282 г.; или же словарь славяно-русскихъ словъ, приложенный къ сочиненію Лѣствичника, въ спискѣ 1431 г.

мѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Такимъ образомъ Азбуковники указываютъ намъ, съ одной стороны, кругъ свѣдѣній нашихъ древне-русскихъ книжниковъ въ языкознаніи, а съ другой—кругъ сочиненій, какія чаще другихъ бывали въ обращеніи между нашими предками. Особенно любопытны доказательныя выписки и вставки Азбуковника, въ которыхъ встрѣчаются обширныя заимствованія и сообщенія изъ области богословія, исторіи, географіи, миѳологіи, естествознанія и даже реторики. Конечно, эти выписки часто бываютъ такъ же странны и наивны, какъ и самыя объясненія словъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ важны для насъ потому, что близко знакомятъ насъ съ уровнемъ знаній большинства грамотныхъ русскихъ людей. Прекрасную характеристику Азбуковника даетъ намъ покойный профессоръ Тихонравовъ въ одной изъ своихъ статей, гдѣ онъ говоритъ:

Тихонравовъ объ Азбуковникахъ.

„Вниманіе составителя (или составителей) Азбуковника сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшихъ временъ до половины XVI вѣка. Азбуковникъ вращается въ кругу домашняго русскаго чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ... Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славяно-русской литературы. На Азбуковникѣ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI вѣка: онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать *поисшатавшуюся русскую старину*, которымъ проникнуты „Стоглавъ“ и „Домострой“. Азбуковникъ старался устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины; онъ вѣритъ лишь въ силу ея авторитета. Онъ такъ же, какъ „Стоглавъ“ и „Домострой“, вооружается противъ отреченныхъ „свѣтскихъ“ книгъ; онъ только потому рѣшается привести ихъ заглавія „да не како, отъ неразумія, кто, прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога: зѣло-бо мерзостенъ передъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхвованію и чародѣйству, и *звѣздочетцамъ*, и *планетникамъ*, и *шестокрылу*, и любяй *гіомитрію*, и прочая таковая“... Преслѣдуя и порицая „любящихъ *гіомитрію* и прочая таковая“, Азбуковникъ остается вѣренъ древне-русской жизни; онъ черпаетъ свои свѣдѣнія научныя изъ Дамаскина, Іоанна-экзарха, Козьмы Индиклопова, Георгія Писида, хронографовъ, Скитскаго Патерика, Св. Писанія, Криницы Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопагита и житій святыхъ. Вотъ его авторитеты! Онъ воспитанъ древне-русскою литературою, онъ ея истолкователь и защитникъ“... [1]).

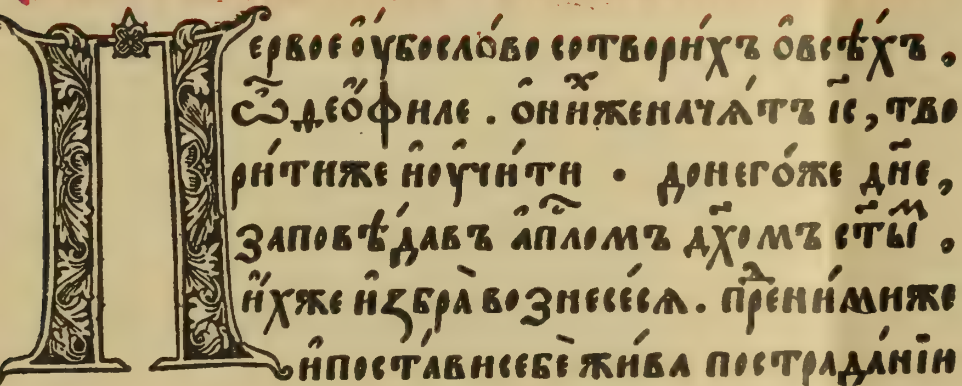
---

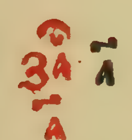
[1]) Отчетъ объ Уваровской преміи. 1878 г., стр. 50—51.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Краткій обзоръ книгопечатанія въ сосѣднихъ съ Московскою Русью земляхъ.— Что было поводомъ къ введенію книгопечатанія въ Россіи?—Постройка печатнаго двора въ Москвѣ. — Наши первопечатники и ихъ тяжкія невзгоды. — Первая русская печатная книга.

Первая русская печатная книга явилась слишкомъ на 120 лѣтъ позже первыхъ печатныхъ книгъ въ Германіи, Франціи и Англіи, слишкомъ 70 лѣтъ спустя послѣ того, какъ первая книга на славянскомъ языкѣ была отпечатана въ Краковѣ, и лѣтъ на 30 позже того, какъ печатаніе на славянскихъ языкахъ и славянскими буквами уже производилось въ Венеціи:—даже позже введенія книгопечатанія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Причину такого поздняго введенія у насъ книгопечатанія слѣдуетъ, конечно, искать въ томъ, что единственнымъ грамотнымъ и сколько-нибудь образованнымъ сословіемъ было у насъ высшее духовенство и монашество, и весьма незначительное число лицъ высшаго боярскаго сословія и сословія служилаго дворянства. При тогдашнемъ положеніи общества, ни одинъ сколько-нибудь важный шагъ впередъ не могъ быть сдѣланъ иначе, какъ сверху, съ разрѣшенія царя и благословенія владыки-митрополита, и всякая частная попытка внесенія въ жизнь какой бы то ни было новизны была бы сочтена за ересь, за волшебство или „нѣчто отъ таковыхъ“... Да притомъ и въ книгахъ печатныхъ большой нужды не ощущалось, потому-что книгописное искусство развито было сильно и книги „грудами лежали на торжищахъ“... Не то было въ южныхъ славянскихъ земляхъ, гдѣ и общество, и Церковь терпѣли страшный недостатокъ въ книгахъ, „уничтоженныхъ невѣрными“, или въ земляхъ славянскихъ, гдѣ католицизмъ стѣснялъ развитіе славянской письмен-





Первое оубо слово сотворихъ о всѣхъ,
ѡ Ѳеофиле. о нихже начатъ іс҃, тво
ритиже и оучити. до негоже дне,
заповѣдавъ апл҃омъ дх҃омъ ст҃ымъ,
ихже избра вознесеся. прѣд нимиже
и постави себѣ жива по страданіи
своемъ. во мнозѣхъ истинныхъ знамені
ихъ. дньми четыридесятьми являя
ся имъ и глаголя яже о црс҃твіи бж҃іи. с ни
миже играды, повелѣваше имъ ѿ іерусали
ма не ѿлучатися. но ждати обѣтованіе
ѡч҃ее, еже слышасте ѿ мене. яко іѡаннъ
оубо кр҃тилъ есть водою. выже имате кре
ститися дх҃омъ ст҃ымъ, не по мнозѣхъ
сихъ днехъ. онижеоубо сшедшеся, вопрашахꙋ

въ ст҃ую и великую нл҃ пасхи. и на вознесеніе
гн҃е

Первопечатный „Апостолъ“ 1564 года. Въ величину оригинала.

ности различными ухищреніями. Этими особыми условіями вызвано было также появленіе книгопечатанія въ Краковѣ, гдѣ Часословъ, Псалтирь и Октоихъ были напечатаны уже въ 1491 г., какимъ-то Швайпольтомъ Фѣолемъ. Но здѣсь оно скоро, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, прекратилось и перенесено было въ Венецію, потомъ явилось въ Угровлахіи, въ Прагѣ, гдѣ из-

Доконьчана бы сиа книга у великомь градѣ оу
краковѣ при державѣ великаго короля полскаго
казимира · и доконьчана бы мѣщанином краков
скымь швайполтомь, фѣоль, из нѣмець не
мецкого городоу, франкь · и скончаша по божией
нароженни ды · сѣтъ · девятьдесят и а лѣто·

Послѣсловіе къ Краковскому Часослову, напечатанному въ 1491 году Швайпольтомъ Фѣолемъ.

вѣстный ученый, докторъ *Францискъ Скорина*, напечаталъ Библію; потомъ на Волыни и, наконецъ, въ Москвѣ. Существовало еще недавно такое предположеніе, будто типографія въ Москвѣ была устроена датчаниномъ *Гансомъ Миссенгеймомъ*, котораго датскій король Христіанъ III прислалъ въ Москву, давъ ему втайнѣ порученіе—предложить царю принять протестантство [1]).

Но подробное изслѣдованіе всѣхъ документальныхъ данныхъ

[1]) Сохранилось извѣстіе, будто бы въ 1548 г. царь Іоаннъ Васильевичъ, между прочими мастерами, выписывалъ изъ Германіи и типографщиковъ. Но ихъ не пропустили въ Россію черезъ Ливонскую границу.

Єже ѿ Іѡанна стое еѵглїе бл.

Въ стѫѧ и велнкѫѧ неделѧ пасхы. зач. а

Въ началѣ бѣ слово. и слово бѣ

къ богꙋ и богъ бѣ слово. се бѣ и

скони къ богꙋ. вьсе тѣмь бышѧ.

и без него ничтоже бы еже бы.

Начальный листъ Евангелія (отъ Іоанна), напечатаннаго въ Угро-Влахіи, въ 1512 году.

нашихъ ученыхъ изслѣдователей привело къ тому выводу, что книгопечатаніе въ Москвѣ началось вполнѣ самостоятельно, при участіи чисто-русскихъ дѣятелей, которые, притомъ-же, оказа-

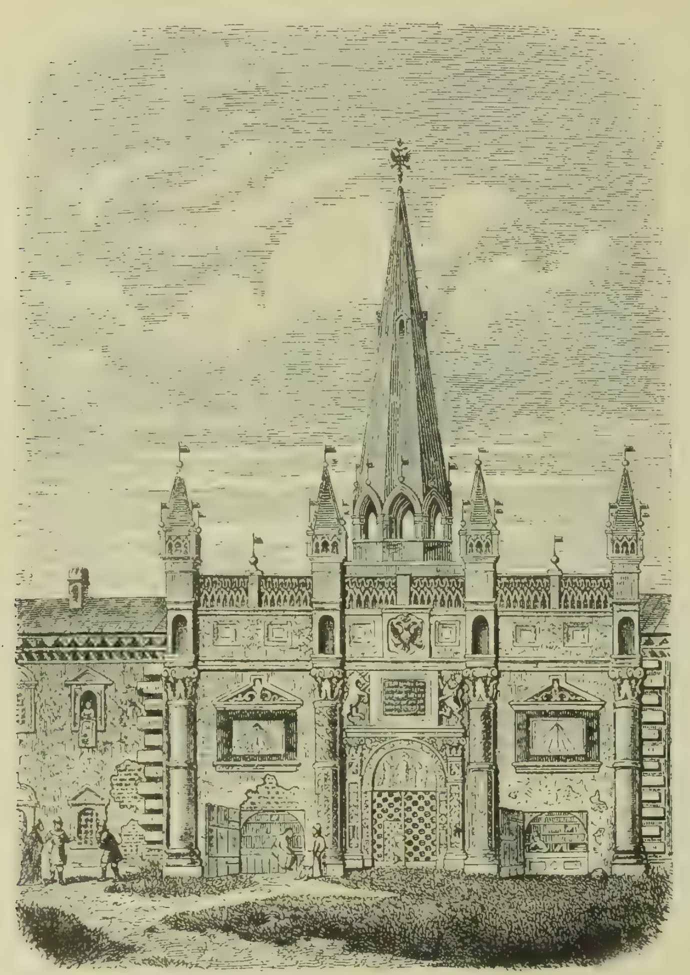
Изъ Библіи, изданной въ Прагѣ въ 1517 году Францискомъ Скориною. Портретъ издателя. Внизу монограмма его имени.

лись подготовленными къ своему дѣлу не нѣмецкими и не датскими мастерами, а итальянцами.

Легко может быть, что первыя побужденія къ занятію книгопечатаніемъ, какъ и первыя свѣдѣнія объ этомъ искусствѣ, внушены были русскому монарху итальянцами, которыхъ въ половинѣ XV вѣка уже много проживало въ Москвѣ. По крайней

Поводы къ введенію книгопечатанія.

мѣрѣ, иначе трудно было бы объяснить, почему именно всѣ термины нашего первоначальнаго печатнаго дѣла оказываются заимствованными съ итальянскаго... Эта гипотеза подтверждается и любопытнымъ сказаніемъ „о воображеніи печатнаго дѣла", написанномъ въ половинѣ XVII вѣка; въ этомъ сказаніи о нашихъ первопечатникахъ сказано, будто они, задолго до введенія у насъ книгопечатанія, уже пробовали печатать книги „малыми и неискусными начертаніями", а затѣмъ уже въ искусствѣ типографскомъ усовершенствовались подъ руководствомъ „*фрягювъ*" (т. е. итальянцевъ).



Видъ печатнаго двора въ Москвѣ, съ Никольской улицы, по рисунку XVII вѣка.

Книгопечатаніе и Стоглавъ.

Введеніе у насъ книгопечатанія въ царствованіе Грознаго неразрывно связано съ Стоглавымъ соборомъ 1551 года и съ именемъ Максима Грека. Въ числѣ особенно прискорбныхъ „нестроеній", царь указалъ въ своей рѣчи на соборѣ, что священныя и богослужебныя книги подвергаются въ рукахъ невѣжественныхъ писцовъ сильнымъ искаженіямъ, и требовалъ, чтобы приняты были мѣры къ пресѣченію этого зла. Соборъ занялся обсужденіемъ этого вопроса и пришелъ къ тому выводу, что слѣдуетъ установить извѣстнаго рода надзоръ за переписчиками, поручить этотъ надзоръ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ, а книги, неисправно-писанныя, слѣдуетъ отбирать, безъ всякой оплаты, и у продавца, и у покупателя. Но все это, конечно, оказалось исполнимо только на словахъ, а не на практикѣ. Не слѣдуетъ забывать, что съ конца XV вѣка, когда потребность въ книгахъ стала

возрастать, множество рукъ обратилось къ письменному труду. Кромѣ надежныхъ и опытныхъ писцовъ, твердыхъ въ грамотѣ, работавшихъ по монастырямъ и при епископахъ, явился еще особый классъ писцовъ-промышленниковъ, которые переписывали и богослужебныя, и всякія „книги четьи", по найму и заказу, на продажу. Рукописныя книги въ большомъ количествѣ продавались на торжищахъ.... Кому же было подъ силу всѣ эти книги пересмотрѣть, каждую порознь, и во всѣхъ исправить тѣ грубыя ошибки, которыми онѣ были переполнены?

Книгопечатаніе и М. Грекъ.

Въ 1553 году потребовалось закупить очень много книгъ богослужебныхъ для новыхъ храмовъ, воздвигаемыхъ царемъ во вновь завоеванномъ Казанскомъ царствѣ—и изъ всего закупленнаго количества книгъ лишь очень немногія оказались пригодными къ церковному употребленію. „Прочія же", по выраженію разсматривавшаго ихъ Максима Грека, были „всѣ растлѣны отъ переписующихъ ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ". Вѣроятно, этотъ случай побудилъ юнаго царя подумать о заведеніи въ Москвѣ типографіи, тѣмъ болѣе, что на эту мысль неоднократно наводилъ царя и Максимъ Грекъ, который, какъ мы видѣли выше, былъ даже близокъ и друженъ въ Венеціи съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ типографовъ своего времени, съ Альдомъ Мануціемъ. Максимъ Грекъ, говоря въ защиту типографскаго дѣла, могъ даже указать на прекрасные образцы его—печатныя книги, вывезенныя имъ изъ Венеціи. Онъ могъ даже указать на образцы славянской печати, вывезенные имъ оттуда же и изъ южно-славянскихъ земель.

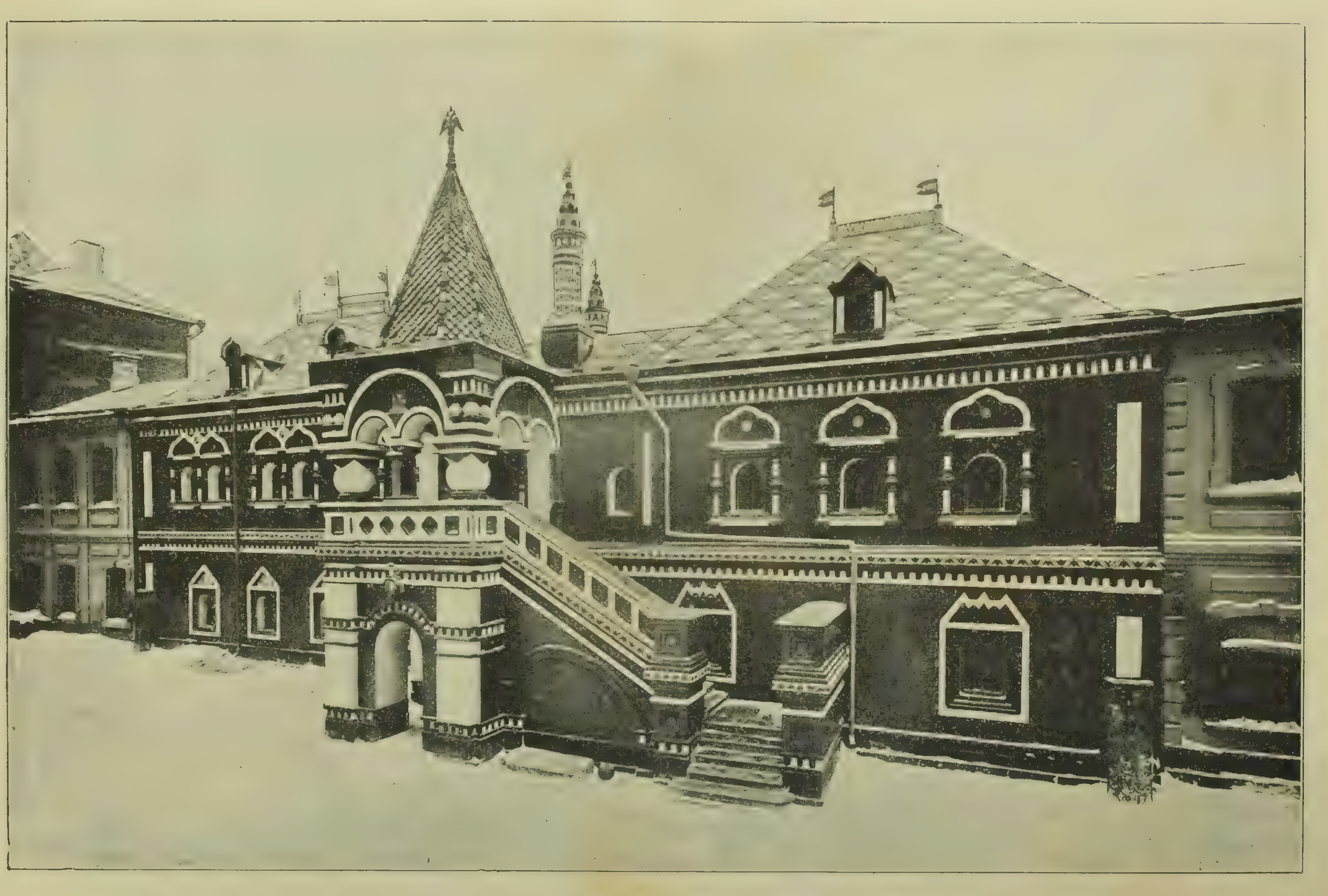
Какъ только мысль о введеніи на Руси книгопечатанія зародилась въ головѣ юнаго царя, митрополитъ Макарій постарался всѣми силами ее поддержать. По одному современному свидѣтельству, онъ будто бы даже сказалъ царю, что „эта мысль внушена ему Самимъ Богомъ", что это „даръ Свыше сходяй".

Печатный дворъ и первая книга.

Одобренный въ своемъ благомъ начинаніи, царь Іоаннъ Васильевичъ тотчасъ принялся приводить свою мысль въ исполненіе. Мѣсто для постройки „печатнаго двора" было избрано въ самомъ центрѣ города, на Никольской улицѣ, близъ Заиконоспасскаго монастыря [1]), въ самомъ средоточіи торговли книгами и иконами. Царь не жалѣлъ денегъ на постройку палаты для печатнаго дѣла и на обзаведеніе всѣмъ необходимымъ; но, несмотря на это, дѣло введенія книгопечатанія затянулось на цѣлое десятилѣтіе, и только уже 19 апрѣля 1563 г. на печатномъ дворѣ могла быть начата, а 1 марта 1564 г. окончена печатаньемъ „*первая въ Великой Руси*

---

[1]) Иначе: Спасскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ.



Видъ древняго зданія печатной палаты (внутри печатнаго двора) въ Москвѣ, по возобновленіи зданія въ 1874 году.

печатная книга „Дъяніи Апостольскія“,—въ листъ, напечатанная четко, крупно и красиво, съ гравированными заставками и заголовками, съ большими рѣзными заглавными буквами [1]).

Главный дѣятель, по введенію у насъ книгопечатанія, *Иванъ Ѳеодоровъ* (род. ок. 1520 г.), дьяконъ (несуществующей нынѣ) кремлевской церкви Николы Гостунскаго,—былъ человѣкъ замѣчательный по энергіи и по той любви къ дѣлу, которую онъ выказалъ, всею душою предавшись своему искусству, и посвятивъ ему всю жизнь. Около него, въ качествѣ помощника и второстепеннаго дѣятеля является *Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ* [2]). Что же касается Ивана Ѳеодорова, то онъ былъ, видимо, тонкимъ знатокомъ всѣхъ частностей типографскаго дѣла: умѣлъ самъ не только набирать книги, не только печатать ихъ, но и отливать литеры и вырѣзать матрицы (т.-е. формы для отливки литеръ). Дѣйствительно, тщательное изслѣдованіе первопечатнаго Апостола (1564 г.) дало возможность знатокамъ типографскаго дѣла опредѣлить, что весь шрифтъ, которымъ была отпечатана въ Москвѣ первая русская книга, не былъ вывезенъ изъ-за границы, или изъ славянскихъ земель, или изъ Литвы, а былъ изготовленъ (и притомъ весьма искусно) въ самой Москвѣ, по особому образцу, отличному отъ другихъ современныхъ славянскихъ шрифтовъ и сохраняющему „строгую чистоту и правильность московскаго пошиба письма во всѣхъ буквахъ и знакахъ“.

Наши первопечатники.

Послѣ первопечатнаго *Апостола*, въ слѣдующемъ году, тѣми же мастерами былъ отпечатанъ въ Москвѣ „*Часовникъ*“ (1565 г.), и затѣмъ печатанье пріостановилось надолго... Сами первопечатники,

---

[1]) Всѣ заголовки и заставки, помѣщенныя нами въ этой и послѣдующихъ главахъ нашей книги, заимствованы изъ нашихъ первопечатныхъ книгъ.

[2]) Т.-е. уроженецъ города Мстиславля (нынѣ въ Минской губ.).

гостѹнъского дїаконѹ иванѹ федоровѹ да пе
трѹ тимофѣевѹ мстиславцѹ на составленїе
печатномѹ дѣлѹ и къ их ѹпокоенїю, до
ндеже и на совершенїе дѣло их изыде. и пе
рвѣе начаша печатати сїа стыа книги,
дѣанїа апостольска. и посланїа соборнаа
и стаго апла павла посланїа, в лѣто .зо,
первое, апрїла, в, дї. на памать,
прпбнаго отца їоана палеврета, си рѣчь в ве
тхїа лавры, совершенни же быша, в лѣто
зо, второе, марта, в, а, днь,
при архиепископе афанасїе митрополите
всеа росїа в первое лѣто стител
ства его въ славѹ всемо
гѹщна и живона
чалныа трца
отца и сна
и стаго
дха
.
аминь.

Заключительныя строки первопечатнаго Апостола 1564 года.

Первопечатный „Апостолъ“ 1564 года. Изображеніе св. Евангелиста Луки, приложенное къ тексту.

по причинамъ, до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ, должны были поспѣшно бѣжать изъ Москвы, вѣроятно, обвиненные въ преднамѣренной порчѣ книгъ [1]). Существуетъ даже и такое преданіе, будто бы и самый типографскій домъ былъ сожженъ чернью, подстрекаемой какими-то недоброжелателями печатнаго дѣла. И вотъ для нашихъ первопечатниковъ наступило время скитаній и горестныхъ странствованій.

Сначала Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Тимофеевъ нашли себѣ

Входъ въ Справную палату въ древнемъ зданіи Печатнаго Двора (возобновленномъ въ 1874 г.).

убѣжище въ Литвѣ, и тамъ, подъ покровительствомъ гетмана Г. А. Хоткевича, въ его имѣніи Заблудовьѣ, напечатали „*Евангеліе учительное*“ (1569 г.). Но, повидимому, они были недовольны своею дѣятельностью здѣсь и искали возможности примѣнить ее на болѣе широкомъ поприщѣ... Сначала ушелъ Петръ Тимофеевъ въ Вильно, гдѣ основалъ большую типографію при помощи Зарѣцкихъ, Мамоничей и другихъ ревнителей православія [2]).

[1]) Иванъ Ѳеодоровъ при Львовскомъ Апостолѣ (1573 г.) помѣстилъ любопытное «Послѣсловіе», въ которомъ сообщилъ о судьбахъ русскаго книгопечатанія весьма важные факты; но о причинахъ бѣгства изъ Москвы говоритъ весьма глухо и неопредѣленно.

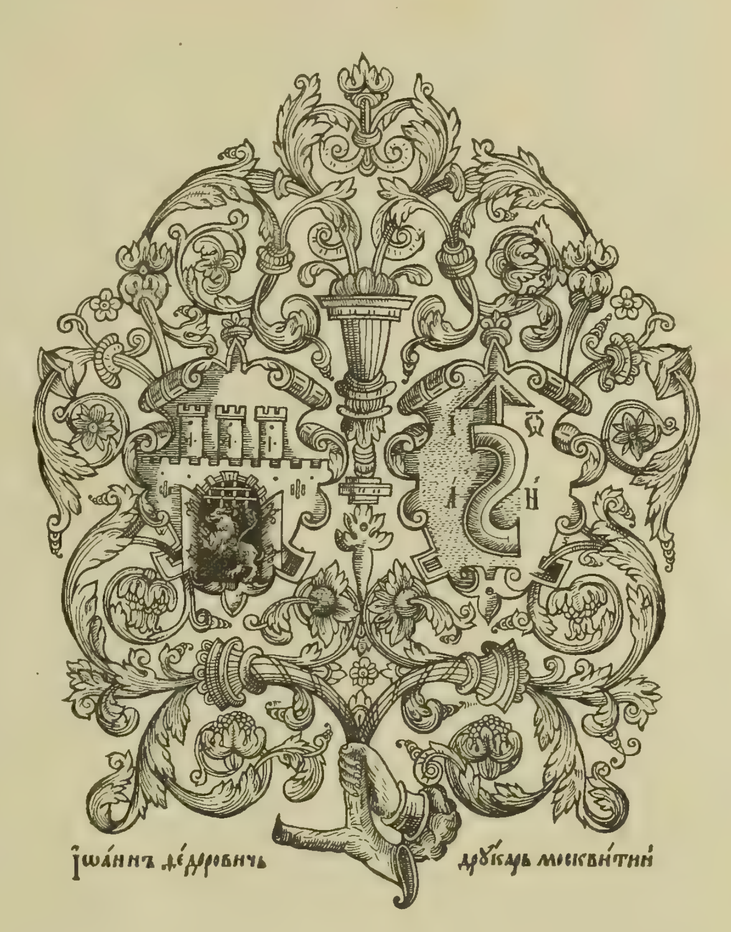
[2]) Типографія эта просуществовала 60 лѣтъ и прославилась многими замѣчательными изданіями.

Иванъ Ѳеодоровъ еще нѣкоторое время оставался въ Заблудовьѣ, даже напечаталъ тамъ „*Псалтырь съ Часословцемъ*“ (1570 г.); но вскорѣ и онъ остался безъ дѣла. Старый гетманъ, обласкавшій его и даже подарившій ему „на успокоеніе немалую деревню“, вѣроятно возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ католическомъ духовенствѣ и католической шляхтѣ своимъ покровительствомъ московскому печатнику и славянскому (слѣдовательно, православному) книгопечатанью. Это, конечно, побудило бога-

Образцовый первопечатный станокъ. Хранится въ Справной палатѣ древняго Печатнаго Двора.

таго и стараго вельможу покинуть это хлопотливое дѣло послѣ того, какъ онъ удовлетворилъ своей прихоти и напечаталъ двѣ книги. Онъ думалъ, что и самъ Иванъ Ѳеодоровъ будетъ разсуждать точно такъ же и предпочтетъ спокойное житье и занятіе хозяйствомъ въ своей деревнѣ хлопотливому занятію своимъ мастерствомъ. Но въ этомъ идеалистѣ и страстномъ приверженцѣ книжнаго дѣла старый гетманъ встрѣтилъ неожиданный отпоръ. Онъ отвѣчалъ добродушному вельможѣ, что не способенъ „коротать вѣкъ за плугомъ“ и что ему „надлежитъ вмѣсто житныхъ сѣмянъ, разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя и всѣмъ раздавать эту духовную пищу“. И дѣйствительно, онъ все бросаетъ,—и обезпеченное положеніе, и „немалую деревню“, забираетъ съ собой свой

типографскій запасъ и переѣзжаетъ во Львовъ. Здѣсь, однакоже, его встрѣтили не очень дружелюбно; лишь весьма немногіе изъ духовенства, да изъ гражданъ, принадлежавшихъ къ братству, доставили ему кое-какія средства, чтобъ завести типографію. Среди всякихъ „скорбей и бѣдъ“, онъ все же напечаталъ здѣсь въ 1574 г. „*Апостолъ*“ съ тѣмъ любопытнымъ „послѣсловіемъ“, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти біографическія данныя. И еще пять лѣтъ, кое-какъ перебиваясь, влачилъ онъ свое жалкое существованіе во Львовѣ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Иваномъ, который былъ переплетнымъ мастеромъ. Въ концѣ концовъ онъ дожилъ до такой крайности, что даже вынужденъ былъ заложить всѣ напечатанныя книги и всѣ принадлежности своей типографіи за 411 злотыхъ какому-то еврею.



Соединенный книгопечатный гербъ Ивана Ѳеодорова и города Львова.

Острожская библія.

Но и для этого усерднаго и увлекающагося труженика настaлъ, передъ концомъ его жизни, блистательный расцвѣтъ; и его мечты о широкомъ примѣненіи его полезной дѣятельности наконецъ сбылись. Въ 1580 г. мы видимъ его на Волыни, въ г. Острогѣ, во главѣ большой типографіи, устроенной тамъ знаменитымъ ревнителемъ православія, княземъ *Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ*. Подъ его высокимъ покровительствомъ Иванъ Ѳеодоровъ могъ вполнѣ предаться своему любимому искусству. Въ 1580 г. напечаталъ онъ здѣсь, по желанію князя, Новый Завѣтъ съ Псалтыремъ, въ одной книгѣ, которую называютъ «*первымъ овощемъ*» (т. е. первымъ плодомъ) новаго печатнаго дѣла. Въ томъ же 1580 г. напечатано было первое, а въ слѣдующемъ и второе

изданіе знаменитой *Острожской Библіи* — первой *полной печатной Библіи славянской.*

Эта книга представляетъ собою верхъ совершенства въ современномъ типографскомъ дѣлѣ. Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ шрифты, всѣ заставки и типографскія украшенія этой книги были изготовлены и отлиты самимъ Иваномъ Ѳеодоровымъ, и что внѣшняя красота книги вполнѣ соотвѣтствовала внутреннимъ достоинствамъ ея текста [1]). Но, увы!.. Эта Библія была лебединою пѣсней

Книгохранильная палата въ древнемъ зданіи Печатнаго Двора. На первомъ планѣ: снимокъ съ надгробной плиты Ивана Ѳеодорова.

нашего первопечатника. По причинамъ совершенно намъ неизвѣстнымъ, Иванъ Ѳеодоровъ вскорѣ, по отпечатаніи второго изданія Острожской Библіи, удалился изъ Острога. Мы видимъ его, еще въ 1581 г., переселившимся во Львовъ, гдѣ онъ, два года спустя, и умираетъ въ бѣдности, забытый всѣми (5 дек. 1583 г.). Тѣло его было погребено на кладбищѣ при Онуфріевской церкви; на его надгробной плитѣ, открытой въ недавнее время, оказалась,

[1]) Издатели Острожской Библіи, принявъ въ основу своего изданія текстъ Геннадіевской Библіи, значительно дополнили, исправили и улучшили его. Для этой цѣли нѣкоторые переводы библейскихъ книгъ они замѣнили новыми; другіе, сдѣланные съ латинскаго, исправили по греческимъ текстамъ; а одну изъ книгъ напечатали по переводу, который не былъ извѣстенъ Геннадію. Сверхъ того, вообще, они старались весь свой текстъ сблизить не съ Вульгатой, а съ текстомъ греческой библіи.

Внутренній видъ Справной палаты въ древнемъ зданіи Печатнаго Двора. Здѣсь помѣщается нынѣ музей Печатнаго дѣла и рукописный отдѣлъ библіотеки Московской Сѵнодальной типографіи.

начертанная рукою невѣдомаго почитателя или сына его Ивана, лестная его памяти надпись:

„...Друкарь Москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедбалое (покинутое) обновилъ...“ И далѣе — внизу: на той же плитѣ:

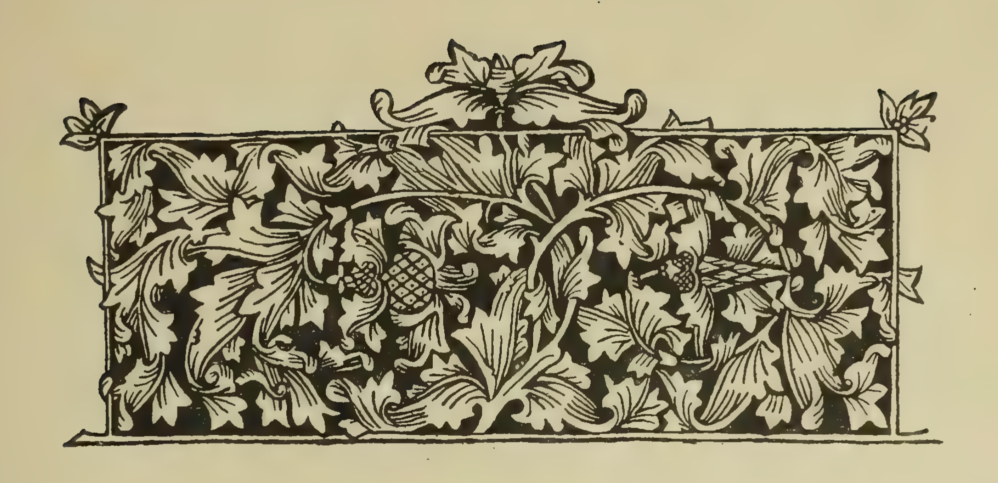
„...Друкарь книгъ предъ тымъ невиданныхъ...“

Послѣ этого значительнаго уклоненія въ сторону, по поводу изложенія печальной судьбы нашего знаменитаго первопечатника, намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ нашей московской типографіи.

Книгопечатный гербъ Григорія Александровича Хоткевича.

Андроникъ Невѣжа.

Три года спустя, послѣ бѣгства изъ Москвы нашихъ первопечатниковъ, печатаніе опять возобновилось на Печатномъ Дворѣ. Въ 1568 году была напечатана въ Москвѣ *Псалтирь* нѣкіимъ мастеромъ *Андроникомъ Невѣжею*, а въ слѣдующемъ году та же Псалтирь перепечатана въ типографіи, вновь устроенной въ Александровской Слободѣ—этой излюбленной резиденціи Грознаго и его новаго двора. Но книгопечатаніе не процвѣтало въ Москвѣ и елееле могло тягаться съ рукописнымъ изготовленіемъ книгъ, которыя, попрежнему, продолжали расходиться по лицу Русской земли.



ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпоха высшаго развитія царской власти.—Москва—третій Римъ.—Сочиненія Іоанна Грознаго.—Посланіе въ Кирилловъ монастырь.—Переписка Грознаго съ княземъ А. М. Курбскимъ.—Послѣдній дружинникъ.

Выше уже было замѣчено нами, что власть, сосредоточенная въ рукахъ князей московскихъ, начиная съ Іоанна III, возросла чрезвычайно и что, въ то же время, въ обществѣ не нашлось никакой силы, никакого начала, которое могло бы ей служить противовѣсомъ. Уже о Васильѣ III зоркій и наблюдательный Герберштейнъ писалъ въ своемъ описаніи Московіи, что „Московскій великій князь есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ владыкъ въ Европѣ"... Одновременно съ возрастаніемъ власти князей московскихъ слагалась и легенда о происхожденіи этой власти, будто бы по прямому преемству, отъ византійскихъ императоровъ; являлись, уже въ XV вѣкѣ, такія сказанія, какъ „повѣсть о Бѣломъ клобукѣ", которая должна была обозначить передачу изъ Византіи на Русь знаковъ высшаго іерархическаго достоинства; а въ XVI вѣкѣ другое—„сказаніе о шапкѣ Мономаха", которое къ Византіи же возводило и всѣ, употреблявшіеся при вѣнчаніи, знаки великокняжескаго и царскаго достоинства. Въ связи съ этими легендами явились и вымышленныя традиціи о происхожденіи Москвы, и о томъ высшемъ назначеніи, которое будто-бы испоконъ вѣковъ ей уготовано. „Пали и прешли два Рима—Западный и Восточный"—такъ гласили эти традиціи—„и третьимъ Римомъ суждено быть Москвѣ, а четвертому—никогда не бывать"... Отъ этихъ традицій оставался уже только одинъ шагъ до знаменитаго родословія, возводившаго древо царей московскихъ до временъ Августа, императора римскаго, съ которымъ они, будто бы, состояли въ ближайшемъ родствѣ... Среди такихъ-то и подобныхъ имъ легендъ и традицій созрѣлъ и проявился на московскомъ престолѣ такой

Дѣѧнїа ст҃ыхъ апл҃ъ списанаа ст҃ымъ апл҃омъ и еѵг҃листомъ лукою

зач а

Первое ѹбо слово сътворихъ о всѣхъ, ѡ Ѳеѡфиле. о нихже начатъ Іс, творитиже и ѹчити. донегоже дне, заповѣдавъ апл҃омъ дх҃омъ ст҃ымъ, ихже избра възнесесѧ. пред нимиже и постави себе жива по страданїи своем. въ мнозѣхъ истинныхъ знаменїихъ. днꙿьми четыри десѧтьми ꙗвлѧѧсѧ имъ и глѧ ꙗже о црс҃твїи бж҃їи. с нимиже и ꙗды, повелѣваше имъ ѿ Їерусалима не ѿлѹчатисѧ. но ждати обѣтованїе ѿчее, еже слышасте ѿ мене. ꙗко Іѡаннъ ѹбо крстилъ есть водою. вы же имате креститисѧ дх҃омъ ст҃ымъ, не по мнозѣхъ сихъ днехъ. они же ѹбо сшедшесѧ, въпрашахѹ

въ стѹю и великѹю нлю пасхи. и на възнесенїе гн҃е.

Страница изъ «Апостола», напечатаннаго во Львовѣ, въ 1574 году.

притча · ѡмытарѣ и фари[сеи]

Поученїи избранныи ѿ ст҃ого еѵг҃лія

и ѿ многих бжтвеных писанїи. глемаа ѿ архиереа и златоуст во всякую нлю, на поученїе хртоименитым людем, и на прочитаема. такоже и на гьскіа празники · ѡмытари, и фарисеи · еѵлїе, ѿлуки · слово · а ·

Еже о мытари и фарисеи притча и ѿ ина, яко поученїе нѣкое и подвиженїе оумышлено бысть стыми ѿцы, и оучинено пѣтися и прочитати в сію недѣлю, яко да направляемся и готовися на духовныя подвиги поста · сего ради и прово

Евангеліе учительное, 1569 года, отпечатанное нашими первопечатниками въ Заблудовьѣ.

страшный правитель, какъ Іоаннъ Грозный, который оставилъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ нашей исторіи и весьма видный слѣдъ въ современной ему литературѣ.

Отъ Грознаго дошли до насъ два произведенія: его „посланіе къ Кузьмѣ, игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря“, и „переписка съ княземъ А. М. Курбскимъ“—эти замѣчательные памят- Сочиненія Грознаго.

Гетманъ Литовскій, Григорій Александровичъ Хоткевичъ—извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія на Югѣ-Западѣ Руси.

ники нашей свѣтской литературы XVI вѣка, явившіеся послѣ двухъ-вѣкового перерыва, въ теченіе котораго грамотность сосредоточивалась почти исключительно въ одномъ духовномъ сословіи. Эти оба памятника свѣтской литературы, вышедшіе изъ-подъ пера Іоанна Грознаго, любопытны уже и потому, что въ нихъ еще впервые на русской почвѣ литературная форма послужила выраженіемъ личныхъ воззрѣній, впечатлѣній и мнѣній о вопросахъ отвле-

ченныхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ догматическими спорами, богословскими тезисами и бытовыми сторонами жизни духовенства или монашества. Въ произведеніяхъ Іоанна Грознаго мы видимъ живого и умнаго человѣка, который горячо и сильно высказывается по животрепещущимъ вопросамъ, и разборъ этихъ вопросовъ, видно, его волнуетъ, хватаетъ за живое и переполняетъ то негодованіемъ, то чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія.

Грозный и боярство.

Всматриваясь ближе въ характеръ и развитіе личности Іоанна Грознаго, какъ правителя, мы не можемъ опустить изъ виду тотъ важный фактъ исторической жизни Московскаго государства, что, по мѣрѣ возрастанія могущества великаго князя Московскаго, всѣ близкіе къ нему общественные элементы — духовенство и боярство — болѣе и болѣе утрачивали свое прежнее значеніе. Уже съ половины XV вѣка, та вольная и самостоятельная дружина, которая нѣкогда окружала великаго князя Московскаго, обратилась въ простую толпу придворныхъ, вполнѣ зависимую отъ произвола самого правителя, готовую на всѣ уступки и услуги, лишь бы этотъ произволъ направить себѣ на пользу. Отдѣльные княжескіе роды, нѣкогда гордые своимъ достоинствомъ и независимостью,

Книгопечатный гербъ князя К. К. Острожскаго.

своимъ богатствомъ и родословіемъ, были сокрушены Москвою и затерты въ ту общую массу боярства, въ которой, съ половины XV вѣка, рядомъ съ представителями старинныхъ родовъ русскихъ, видимъ и выходцевъ изъ Литвы, и крещеныхъ татарскихъ князьковъ... Само собою разумѣется, что эта толпа бояръ, безмолвная передъ княземъ, не опиравшаяся ни на какія законныя права, преданная однимъ своимъ личнымъ интересамъ, не способна была дать серьезный отпоръ все возраставшему произволу князя; она только окружала его сѣтью самыхъ разнообразныхъ интригъ, благодаря которымъ князь становился то игрушкой въ рукахъ одной партіи, то орудіемъ въ рукахъ другой. Самое духовенство, въ XIV вѣкѣ такъ сильно способствовавшее возвышенію и утвержденію власти великаго князя Московскаго, теперь оказывалось безсильнымъ и ослабленнымъ своими раздорами, своимъ пристрастіемъ къ мірскимъ благамъ, своимъ отчужденіемъ отъ стародавнихъ преданій. Произволу не было препонъ: не было ни такой силы, ни такого авторитета, который бы способенъ былъ сдержать, осадить его властные порывы. И вотъ онъ со всею страшною силою своихъ вожделѣній, со всею дикою разнузданностью своихъ прихотей и инстинктовъ, воплотился въ личности царя Іоанна Васильевича Грознаго.

Значеніе царствованія Грознаго.

Исторія его царствованія представляется намъ какою-то страшною волшебною сказкою, которая ведетъ насъ отъ одного поразительнаго и неожиданнаго эпизода къ другому, отъ одного невѣроятнаго и изумительнаго проявленія извращенной человѣческой личности къ такому, которое можетъ быть названо совершенно чудовищнымъ, неподходящимъ ни подъ какія обыденныя рамки человѣческихъ заблужденій. Ребенкомъ видимъ мы его среди крамолъ и борьбы разнузданныхъ придворныхъ партій, которыя завладѣли имъ и играютъ имъ, какъ игрушкой, прикрывая интересами юнаго царя свои грубыя цѣли, свою ненасытную корысть,

то развращая его, то раболѣпствуя передъ нимъ, то потворствуя его слабостямъ, то развивая въ немъ кровожадные инстинкты безпощадностью и мстительностью, которыя они сами проявляли по отношенію къ врагамъ своимъ.

Плоды воспитанія превзошли ожиданія воспитателей. Тотъ, кого одна партія двора старалась сдѣлать бичомъ для остальныхъ, сдѣлался вскорѣ самъ бичомъ для всего боярства. Онъ одинаково презиралъ всѣхъ, уважалъ только себя и свой личный произволъ, и въ этихъ видахъ старался до возможнаго предѣла возвысить значеніе своей личности и сана. Ему по вкусу пришлись тѣ московскія легенды и традиціи, которыя, въ теченіе послѣдняго вѣка, сложились около трона Московскихъ Государей, и онъ съ особенною любовью указывалъ на свое происхожденіе отъ знаменитыхъ предковъ—Владиміра Равноапостольнаго, Мономаха, Александра Невскаго и Дмитрія Донского. Съ такою же любовью и пристрастіемъ, Іоаннъ любилъ указывать въ отдаленномъ прошломъ идеалы, достойные подражанія въ настоящемъ—и въ то же время питалъ и ненависть, и отвращеніе ко всѣмъ завѣтамъ этого прошлаго, ко всему родовитому и именитому, ко всему способному предъявить извѣстныя права и преимущества или похвалиться заслугами предковъ. По этому именно побужденію имъ были уничтожены десятки боярскихъ и княжескихъ родовъ, и на мѣсто ихъ выдвинуты люди самаго невиднаго, неизвѣстнаго происхожденія; по тому же побужденію и самые монастыри, прославленные подвигами своихъ основателей-угодниковъ, обращены были въ мѣста для ссылки и насильственнаго постриженія опальныхъ вельможъ. По тому же побужденію и по страстному желанію все потоптать, все принести въ жертву своему авторитету, онъ рѣшился даже поднять руку на главу Церкви: на митрополита Филиппа, который не преклонился передъ его произволомъ... И вотъ, изъ этой-то безпрерывной и тревожной борьбы двухъ про-

тивоположныхъ началъ своего нравственнаго существа, изъ этой путаницы противорѣчій, Іоаннъ Грозный старался выйти при помощи ироніи, большею частью ѣдкой и злобной, и почти всегда вѣрно-намѣчавшей свою цѣль... Эта иронія, искусно скрытая подъ покровомъ внѣшняго спокойствія, представляетъ собою наиболѣе видную и яркую сторону всего, что было имъ написано.

Всѣ выдающіяся стороны Іоаннова литературнаго таланта ярко выступаютъ въ тѣхъ двухъ произведеніяхъ его пера, о которыхъ мы упоминали выше. Въ нихъ Іоаннъ является передъ нами человѣкомъ тонкаго и изворотливаго ума, достаточно начитаннымъ [1]), хотя и, видимо, не получившимъ никакого образованія; часто онъ даже не умѣетъ надлежащимъ образомъ воспользоваться тѣмъ запасомъ свѣдѣній, который хранится въ его памяти; отсюда запутанность въ изложеніи мысли и неясность въ способѣ выраженія ея, въ особенности тамъ, гдѣ Іоаннъ старается облечь свою мысль въ формы книжной рѣчи и оставляетъ народный способъ выраженія, который, видимо, былъ имъ превосходно усвоенъ.

Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (къ которому онъ особенно благоволилъ) было вызвано жалобами игумена Козьмы, который писалъ ему о невозможности воздержать иноковъ отъ общенія съ опальными боярами, насильно постриженными въ этомъ монастырѣ. Бояре продолжали и въ обители вести ту же разгульную и роскошную жизнь, какую они вели въ мірѣ, зазывали къ себѣ иноковъ и вовлекали ихъ въ свой разгулъ и бражничанье. Жалуясь Іоанну на братію, игуменъ просилъ его прислать въ обитель строгое наставленіе, съ которымъ должна была бы сообразоваться братія. Іоаннъ отвѣтилъ Козьмѣ довольно обширнымъ посланіемъ, въ которомъ противуполагаетъ идеальный образъ иноческаго со- **Посланіе въ Кир.-Бѣлозерскій монастырь.**

---

[1]) Онъ весьма свѣдущъ въ Св. Писаніи и близко знакомъ съ переводами сочиненій Отцовъ Церкви, съ русскими лѣтописями и съ хронографами, изъ которыхъ почерпалъ кое-какія свѣдѣнія и по Всеобщей Исторіи (Римской и Византійской).

вершенства тому нравственному упадку монашества, который въ большинствѣ современныхъ Іоанну обителей былъ явленіемъ общимъ; а затѣмъ, пользуясь случаемъ, онъ изливаетъ всю желчь своей ироніи противъ монашества, которое отрекается отъ завѣ-

Іоаннъ Грозный, по изображенію, помѣщенному въ «Титулярникѣ» XVII вѣка.

товъ великихъ русскихъ подвижниковъ и поблажаетъ развращеннымъ боярамъ.

„Подобаетъ вамъ"—такъ пишетъ Іоаннъ въ посланіи къ инокамъ—„усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать, о молитвѣ крѣпко подвизаться, а не

быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите все оружіе Божіе и не предавайте чудотворцево преданіе ради сластолюбія, какъ Іуда предалъ Христа ради серебра... Отцы святые! Въ маломъ допустите ослабу — большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено; а если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря у васъ уже совсѣмъ не будетъ: вмѣсто него будетъ царскій дворъ!.. Великіе свѣтильники, Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Дмитрій и Пафнутій, и многіе преподобные въ Русской землѣ установили уставы иноческому житію, крѣпкіе, какъ надобно спасаться; а бояре, пришедши къ намъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметевъ уставъ добръ — держите его, а Кирилловъ плохъ— оставьте его. Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, а завтра другой—иную слабость, и такъ, мало-по-малу, весь обиходъ монастырскій упразднится и будутъ у васъ обычаи мірскіе... Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и законъ каковъ былъ?—прочтите въ житіи чудотворцевъ; но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости; и теперь что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается... Вотъ въ нашихъ глазахъ, у Діонисія Преподобнаго, на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. А у васъ, сперва Іосифу Умнову дали оловянники въ келью; дали и Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину; а Шереметеву дали уже и поставецъ, и поварню. Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и поопоздали ужинать, да завѣдывающій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы, то подкеларникъ отвѣчалъ: „объ этомъ мнѣ приказу не было; теперь ночь—

взять негдѣ; государя боюсь, а Бога надо больше бояться". Такая у васъ тогда была крѣпость... А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь; а Хабаровъ къ нему приходитъ съ чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; и Шереметевъ, ни вѣсть со свадьбы, ни вѣсть съ роднпъ, разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи. А за монастыремъ у него дворъ, а на дворѣ запасы готовые всякіе—и вы, молча, смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью Шереметеву приносили: но, по монастырямъ и фряжское вино держать зазорно, не только что горячее! Такъ это-ли путь спасенія, это-ли иноческое пребываніе? Или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы? Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ въ хлѣбное время, если бы не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ, небось, съ голоду бы померли?.. То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не острижетъ, а холопъ холопства не избудетъ? У Троицы, при отцѣ нашемъ, келаремъ былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ; а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ любострастіемъ... Скажу еще страшнѣе: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ 12 убогихъ (т.-е. апостоловъ) станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселенною, тогда Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставить? Котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела?"

Разобравъ точно также отношеніе обители и къ другимъ инокамъ, Іоаннъ приходитъ къ такому заключенію:

„Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго, по любви къ вамъ и для иноческаго житія; больше писать нечего, а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ, такихъ же безлѣпицахъ намъ не до-

Глава, а҃.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Земля же бѣ невидима и неоукрашена. И тма верхꙋ бездны. И Дꙋхъ Божій ношашеся верхꙋ воды. И рече Богъ, да бꙋдетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ яко добро. И разлꙋчи Богъ междꙋ свѣтомъ и междꙋ тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тмꙋ нарече нощь, и бысть вечеръ и бысть оутро день единъ. И рече Богъ да бꙋдетъ твердь посредѣ воды, и бꙋдетъ разлꙋчаѧ посредѣ воды и воды, и бысть тако. И сотвори Богъ твердь. И разлꙋчи Богъ междꙋ водою, яже бѣ подъ твердію. И посредѣ воды, яже бѣ надъ твердію. И нарече Богъ твердь небо. И видѣ Богъ яко добро. И бысть вечеръ, и бысть оутро день вторый. И рече Богъ, да соберетсѧ вода яже подъ небесемъ, въ собокꙋпленіе едино. И да явитсѧ сꙋша, и бысть тако. И собрасѧ вода яже подъ небесемъ въ сонмы своѧ, и явисѧ сꙋша. И нарече Богъ сꙋшꙋ землю, а составы водныѧ нарече море. И видѣ Богъ яко добро. И рече Богъ, да прорастить земля быліе травное, сѣюще сѣмѧ по родꙋ и по подобію, и древо плодовитое творѧщее плодъ, емꙋже сѣмѧ его въ немъ по родꙋ на земли, и бысть тако. И изнесе земля быліе травное, сѣюще сѣмѧ по родꙋ и по подобію и древо плодовитое творѧщее плодъ, емꙋже сѣмѧ его въ немъ по родꙋ на земли, и видѣ Богъ яко добро. И бысть вечеръ и бысть оутро день третій. И рече Богъ, да бꙋдꙋтъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлꙋчати междꙋ днемъ и междꙋ нощію. И да бꙋдꙋтъ въ знаменіѧ и въ времена, и въ дни и въ лѣта. И да бꙋдꙋтъ въ просвѣщеніе на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли и бысть тако. И сотвори Богъ два свѣтила велица, свѣтило великое, въ начатокъ дни. Свѣтило же меньшее, въ начатокъ нощи и звѣзды. И постави ихъ Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли, и владѣти днемъ и нощію. И разлꙋчати междꙋ свѣтомъ и междꙋ тмою. И видѣ Богъ яко добро, и бысть вечеръ, и бысть оутро день четвертый. И рече Богъ, да изведꙋтъ воды, гады дꙋшъ живыхъ, и птицы летающа на земли по тверди небеснѣй, и бысть тако. И сотвори Богъ киты великіѧ, и всѧкꙋ дꙋшꙋ животныхъ гадъ, яже изведоша воды по родꙋ ихъ, и всѧкꙋ птицꙋ пернатꙋ по родꙋ. И видѣ Богъ яко добро. И благослови ѧ Богъ глаголѧ, растите сѧ и множитесѧ, и наполните воды яже въ морѣхъ, и птицы да оумножатсѧ на земли. И бысть вечеръ и бысть оутро день пятый. И рече Богъ, да изведе земля дꙋшꙋ живꙋ по родꙋ, четвероногаѧ и гады, и звѣрѧ земли по родꙋ. И бысть тако. И сотвори Богъ звѣрѧ земныѧ по родꙋ и скоты по родꙋ ихъ, и всѧ гады земли по родꙋ ихъ. И видѣ Богъ яко добро. И рече Богъ, сотворимъ человѣка по образꙋ нашемꙋ, и по подобію.

Острожская Библія 1580—1581 года. Въ величину оригинала.

кучали: намъ отвѣта за это не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе любо, то вы Шереметеву хоть золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте,—то вы вѣдаете! Установите съ Шереметевымъ свои преданія, а чудотворцево отложите, и хорошо будетъ! какъ лучше, такъ и дѣлайте. Сами вѣдайтесь, какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ ни до чего того дѣла нѣтъ. Впередъ о томъ не докучайте; говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду".

Иронія Іоанна является еще болѣе злою и колкою въ другомъ его произведеніи — въ *Перепискѣ съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ* [1]). Переписка съ А. М. Курбскимъ.

Князь Курбскій (родился около 1528 г.) — личность крупная и замѣчательная. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ боярскихъ родовъ, и ближайшимъ его предкомъ былъ святой чудотворецъ Ѳеодоръ Ростиславичъ, князь смоленскій и ярославскій, жившій въ концѣ XII вѣка и происходившій по прямой линіи отъ Владиміра Мономаха. Отецъ князя Андрея Михайловича отличался благочестіемъ и замѣчательною воинскою храбростью. Самъ Андрей Михайловичъ не уступалъ ему ни въ томъ, ни въ другомъ, и половину своей молодости провелъ на войнѣ: то подъ стѣнами Казани, то на Крымскомъ, то на Литовскомъ рубежахъ, то въ Ливоніи. При этомъ князь Андрей Михайловичъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, и принадлежалъ къ тѣсному кружку горячихъ приверженцевъ Максима Грека. Около 1563 года совершилась извѣстная рѣзкая перемѣна въ Іоаннѣ; ближайшіе друзья князя — Сильвестръ, Адашевъ, Шереметевъ и Воротынскій — подверглись опалѣ и были удалены отъ царскаго двора, а

[1]) Переписка съ Курбскимъ относится къ болѣе раннему періоду (1563—1579 г.г.). Вся переписка состоитъ изъ *двухъ* писемъ Іоанновыхъ, изъ которыхъ одно, по объему, равняется цѣлой книгѣ, и изъ *четырехъ* писемъ Курбскаго.

Репнинъ и Курлетевъ казнены... Тогда и князь А. М. Курбскій сталъ опасаться, что его должна будетъ постигнуть та же участь, и бѣжалъ въ Литву къ королю польскому, Сигизмунду-Августу, который уже давно присылалъ къ нему зазывные листы, суля ему милость и ласку, и богатое, привольное житье въ своемъ королевствѣ.

Покинувъ въ Юрьевѣ-Ливонскомъ жену, сына и зятя своего, князя Михаила Прозоровскаго, Курбскій (съ вѣдома и согласія ихъ) бѣжалъ въ Литву, и изъ перваго-же зарубежнаго города написалъ Іоанну письмо, исполненное упрековъ. Онъ отправилъ это письмо со своимъ вѣрнымъ слугою, Шибановымъ, въ Москву. Вѣрный слуга исполнилъ приказаніе Курбскаго, подалъ письмо самому царю, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ:

Гербъ князя А. М. Курбскаго.

„Отъ господина моего, а твоего измѣнника князя Курбскаго“.

Пылая гнѣвомъ, царь приказалъ Шибанову приблизиться, пробилъ его ногу своимъ остроконечнымъ посохомъ, налегъ на рукоять его и приказалъ дьяку читать письмо Курбскаго. Шибановъ, не шевелясь съ мѣста, стоялъ и молчалъ; алая кровь струилась изъ раны... [1]). Впослѣдствіи, онъ приказалъ его пытать, довѣдываясь отъ него подробностей о бѣгствѣ Курбскаго и о намѣреніяхъ князя; но и злѣйшими пытками не могли добиться отъ вѣрнаго холопа никакихъ показаній. Онъ страдалъ

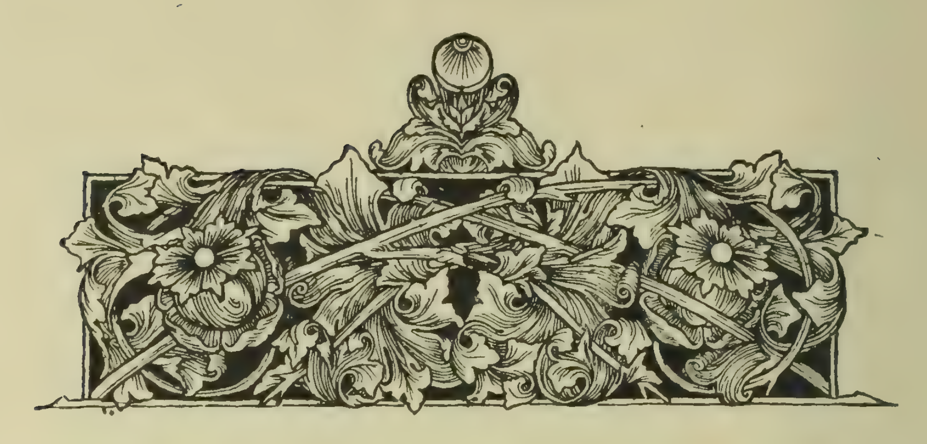
[1]) Этотъ страшный эпизодъ послужилъ для графа А. К. Толстого сюжетомъ его превосходной баллады, подъ заглавіемъ: Василій Шибановъ.

и молчалъ, и своимъ геройствомъ такъ поразилъ самого Іоанна, что тотъ даже и Курбскому приводитъ его въ примѣръ и образецъ преданности и вѣрности.

Словесная распря.

Съ того времени завязалась между княземъ Курбскимъ и Іоанномъ знаменитая ихъ переписка,—этотъ памятникъ борьбы послѣдняго дружинника съ княземъ и господиномъ — но уже борьбы словесной, такъ какъ время борьбы матерьяльной миновало для дружины, давно переродившейся въ Московскомъ Государствѣ въ служилое сословіе. Здѣсь, впервые, царю московскому пришлось услышать голосъ отдѣльной личности, вступившейся за свое право противъ всемогущаго властителя, и точно такъ же основывавшей эти права на преданіи, какъ на преданіи же самъ Іоаннъ любилъ основывать свое безпредѣльное и страшное могущество. Исходя изъ этого основанія, Курбскій, въ своихъ письмахъ, старается постоянно укорить Іоанна въ злоупотребленіяхъ властью, данной ему отъ Бога, старается доказать, что его правленіе только до тѣхъ поръ и было славнымъ, пока онъ былъ окруженъ доблестными боярами, которые были ему и совѣтниками, и сподвижниками на все благое. Іоаннъ, въ своихъ возраженіяхъ на эти доводы, имѣющія весьма серьезное основаніе, держится какъ разъ противуположной логики: онъ отвергаетъ всякое значеніе боярства и одному себѣ приписываетъ всю славу первыхъ лѣтъ своего царствованія. Сверхъ того, онъ пытается всѣми силами доказать Курбскому, что тотъ, своей измѣной, погубилъ не только свою душу, но и души предковъ своихъ — доводъ, весьма ловко придуманный, чтобы встревожить пугливую совѣсть благочестиваго князя.

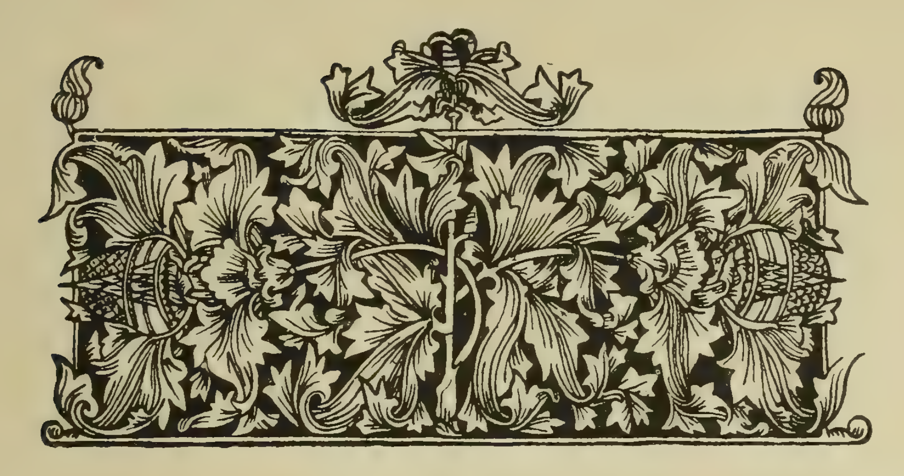
„Зачѣмъ же, о князь, если ты считаешь себя благочестивымъ",— такъ пишетъ онъ къ Курбскому, —„зачѣмъ отвергнулъ ты единородную свою душу? Что дашь ты взамѣнъ ея, въ день Страшнаго Суда? Если ты даже весь міръ пріобрѣтешь — смерть,



все-таки, на-послѣдяхъ похитить тебя! Чего же ты, изъ-за тѣла, и душу свою продалъ? Ты возъярился на меня, и, погубивъ свою душу, рѣшился даже на раззореніе церковное... Или же ты думаешь, окаянный, что убережешься раззоренія церковнаго? Никакъ! Коли тебѣ прійдется заодно съ ними (т.-е. съ литовцами) воевать (противъ насъ), тогда и церкви тебѣ прійдется раззорять, и иконы попирать, и христіанъ погублять... Помысли же, князь, какъ во время браннаго-то нашествія нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и истерзаемы конскими копытами"... „Если ты праведенъ и благочестивъ, то почему же не изволилъ ты отъ меня, строптиваго владыки, пострадать и вѣнецъ жизни (вѣчной) наслѣдовать? Ты, ради тѣла, погубилъ свою душу — и не на человѣка возъярился ты, но на Бога. Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты, и въ какую пропасть сошелъ ты душою и тѣломъ?.. Изъ самолюбія ты себя погубилъ... Я думаю, что и окружающіе тебя тамъ, имѣющіе разумъ, тоже могутъ понять твой злобный ядъ, да и то, что ты, изъ желанія мимолетной славы и богатства, все это сдѣлалъ, а не потому, чтобы отъ смерти бѣгалъ. Коли ты точно праведенъ и благочестивъ, какъ ты самъ о себѣ говоришь, такъ чего же ты испугался неповинной смерти: вѣдь такая-то смерть не есть смерть, а пріобрѣтенье. Все равно, вѣдь напослѣдокъ умрешь же!"

Рядомъ съ этой страшною логикою, Іоаннъ, въ періодъ своихъ успѣховъ въ Ливоніи, не пренебрегаетъ ни злой насмѣшкою, ни бранью, для униженія своего врага и для удовлетворенія своей ненависти... Но Іоаннъ, при всемъ своемъ умѣ и даже при несомнѣнномъ литературномъ талантѣ, не можетъ писать и излагать складно: онъ не прошелъ никакой школы, онъ, въ полномъ смыслѣ слова — только самоучка и начётчикъ. Этотъ недостатокъ ученія много вредитъ точности его изложенія и часто заставляетъ его распространяться въ излишнемъ многословіи...

Не то мы видимъ въ письмахъ Курбскаго. Не говоря уже о



томъ, что они написаны гораздо правильнѣе и что мысли въ нихъ изложены вполнѣ ясно, письма Курбскаго, сравнительно съ письмами Іоанна, поражаютъ своимъ приличнымъ тономъ, своею сдержанностью, даже нѣкоторою изысканностью выраженій. Изъ этихъ писемъ видно, что Курскій былъ человѣкъ образованный, воспитанный, умѣвшій тонко понимать и глубоко чувствовать многое изъ того, что едва ли было и доступно пониманію его противника. Курбскій, видимо, самъ это сознаетъ и постоянно ставитъ въ укоръ Іоанну грубость и рѣзкость его выраженій, его неумѣлость въ изложеніи мыслей и малограмотность. Такъ, въ самомъ началѣ своего второго письма къ Іоанну, Курбскій прямо говоритъ, что царю стыдно бы такъ нескладно писать, сравниваетъ его изложеніе, по непослѣдовательности, съ „бабьими бреднями“ и говоритъ, что царь пишетъ такимъ варварскимъ слогомъ, что не только искуснымъ и ученымъ людямъ, но даже и дѣтямъ читать его письма смѣшно и удивительно“: въ особенности же странно читать его письма въ „чужой землѣ, гдѣ находятся люди, опытные не только въ грамматикѣ и риторикѣ, но даже въ діалектикѣ и философіи“. Въ концѣ своего письма Курбскій прибавляетъ: Общій характеръ писемъ Курбскаго.

„Могъ бы я тебѣ отвѣчать на каждое твое слово; но мужамъ благороднымъ не прилично ссориться, словно рабамъ; въ особенности же стыдно христіанамъ изрыгать изъ устъ своихъ слова нечистыя и кусательныя“.

Въ отвѣтъ на брань и насмѣшки Іоанновы, Курбскій замѣчаетъ ему, что онъ не заслуживаетъ ни насмѣшекъ, ни брани, а сожалѣнія, какъ несчастный изгнанникъ, вынужденный къ скитанію по чужимъ землямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ писемъ, тамъ, гдѣ онъ вспоминаетъ о погибшихъ сотоварищахъ своихъ и въ гибели ихъ укоряетъ Іоанна — письма Курбскаго, по справедливому замѣчанію историка нашего, Соловьева, напоминаютъ „болѣзненный вопль изъ могилы“. Таково, напр., слѣдующее мѣсто изъ перваго посланія:

„Зачѣмъ, о царь!“—восклицаетъ тамъ Курбскій, —„зачѣмъ побилъ ты сильныхъ въ Израилѣ, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ? Зачѣмъ побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ пороги церковные обагрилъ? Чѣмъ провинились они передъ тобой, о царь! Или — чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель? Не прегордыя ли царства храбростью своею раззорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе, тщаніемъ разума ихъ, отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое имъ воздаяніе — всѣхъ насъ губишь! Или думаешь, что самъ ты безсмертенъ? Или, прельщенный ересью, полагаешь, что не будетъ суда Іисусова? Христосъ, сидящій на престолѣ Херувимскомъ, судья между мною и тобою“.

Дѣятельность Курбскаго въ Литвѣ.

Большую часть жизни, послѣ бѣгства въ Литву, князь Курбскій провелъ въ *Миляновичахъ*, мѣстечкѣ, близъ пожалованнаго ему города Ковля. Суровый и одинокій, среди сосѣдей „ненавистныхъ и лукавыхъ“, онъ жилъ замкнуто, никого у себя не принимая и предаваясь исключительно изученію латинскихъ классиковъ и переводамъ сочиненій Св. Отцевъ. На пользу православія, которое онъ старался всѣми силами поддержать въ Литвѣ, онъ перевелъ нѣкоторыя *бесѣды Іоанна Златоуста* и написалъ правдивую *исторію Флорентійскаго собора;* трудясь самъ, онъ и другихъ поощрялъ къ подобнымъ же трудамъ. И угасая на непривѣтной чужбинѣ, вдали отъ любимой и милой ему родины, о которой онъ не могъ забыть — князь Курбскій не переставалъ ей служить, поддерживая энергію въ средѣ неокатоличившейся русской знати и борясь съ іезуитами, попиравшими вѣру его отцовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Историческая литература: лѣтописи; лѣтописныя повѣсти и сказанія. — Первыя попытки складнаго и систематическаго изложенія исторіи. — Исторія Казанскаго царства. — „Исторія о дѣлѣхъ", написанная княземъ Курбскимъ.

По мѣрѣ того, какъ жизнь, слѣдуя своимъ путемъ, вызывала въ обществѣ новыя потребности, поднимала новые вопросы и создавала новыя формы, исторія—это отраженіе жизни общества—также начинала видоизмѣняться, и не ограничивалась уже болѣе одною формою лѣтописнаго изложенія. Лѣтопись, которую вели когда-то только по монастырямъ, стала, мало-по-малу, разрастаться въ болѣе широкій историческій разсказъ, въ которомъ личный авторскій элементъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе значенія и оказывалъ вліяніе на весь ходъ разсказа, даже на подборъ фактовъ. Когда власть княжеская стала усиливаться и стягивать разрозненныя области русской земли въ рукахъ великихъ князей московскихъ, тогда и лѣтописи, изъ стѣнъ монастырскихъ, стали переходить въ палаты княжескія, въ тѣсный кругъ грамотныхъ людей, приближенныхъ къ князю. Есть полнѣйшее основаніе думать, что эти первые, приближенные къ князю грамотѣи (въ особенности въ періодъ татарщины, когда грамотность была въ такомъ упадкѣ) были изъ духовнаго сословія и что изъ духовнаго сословія именно и произошли *княжескіе дьяки* [1])—эти секретари и чиновники. Въ руки дьяковъ, съ теченіемъ времени, перешло и веденіе лѣтописи, которая, съ XIV—XV вѣка, пріобрѣтаетъ въ современной общественной жизни характеръ документа: на нее ссылаются, ею оправдываютъ свои дѣйствія, на ней утверждаютъ свои права:—свидѣтельства *старой лѣтописи* считаютъ непреложнымъ доказательствомъ. Это указаніе на *старую лѣтопись* въ особенности представляется намъ важнымъ, какъ проти-

Лѣтопись старая и новая.

[1]) Самое названіе отчасти указываетъ на происхожденіе сословія.

воположеніе *лѣтописи новой*, которая велась у всѣхъ на глазахъ, и въ которую, очевидно, факты заносились уже съ извѣстнымъ разборомъ и критикой. Уже въ началѣ XV вѣка нашъ лѣтописецъ, восхваляя одного изъ своихъ предшественниковъ, „не украшая" пишущаго, говоритъ, что „первіи властодержцы безъ гнѣва повелѣвающа вся добрая и недобрая прилучившаяся написывать",—показываетъ этимъ весьма ясно, что уже и въ его время, и ранѣе существовало два рода лѣтописей: одна была *правительственною и оффиціальною*, а другая—*частною, келейною*. Въ описи царскаго архива временъ Грознаго даже прямо упоминаются черновые матерьялы лѣтописи—„списки черные, что написать въ лѣтописецъ лѣтъ новыхъ". Ясно, что съ черновыхъ набѣло писались въ лѣтопись факты съ опредѣленнымъ выборомъ, окраскою и направленіемъ; а отсюда уже не далекъ переходъ къ послѣдовательному историческому разсказу, прагматически связывающему факты.

Лѣтопись общая и мѣстная.

Одновременно съ лѣтописью оффиціальною, велась въ разныхъ мѣстахъ и лѣтопись неоффиціальная, лѣтопись оппозиціи и порицанія, служившая выраженіемъ частнаго, личнаго мнѣнія. Въ то самое время, когда лѣтописью всероссійскою становится съ конца XIV вѣка лѣтопись московская, да и во всѣхъ лѣтописяхъ Сѣверо-Востока Руси извѣстія московскія начинаютъ преобладать надъ всѣми остальными—продолжаютъ существовать и мѣстныя лѣтописи: тверскія, рязанскія, нижегородскія, новгородскія, псковскія. Эти мѣстныя лѣтописи, въ свою очередь, съ конца XV и начала XVI вѣка, начинаютъ входить въ составъ большихъ лѣтописныхъ сборниковъ, преимущественно составляемыхъ въ Москвѣ. Но и мѣстныя, частныя лѣтописи начинаютъ около этого времени утрачивать первоначальный свой характеръ полной обособленности; такъ, напримѣръ, новгородская лѣтопись уже не ограничивается одними только фактами новгородской жизни: въ софійскихъ лѣтописяхъ, которыя велись при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и изъ которыхъ въ XVI вѣкѣ создался такъ-называемый „Софійскій Временникъ", уже весьма подробно означается исторія Московскаго государства, которою, очевидно, всѣ уже гораздо болѣе интересовались, чѣмъ мѣстною исторіею обезличеннаго Новгорода.

Отдѣльныя сказанія и „Степенная книга".

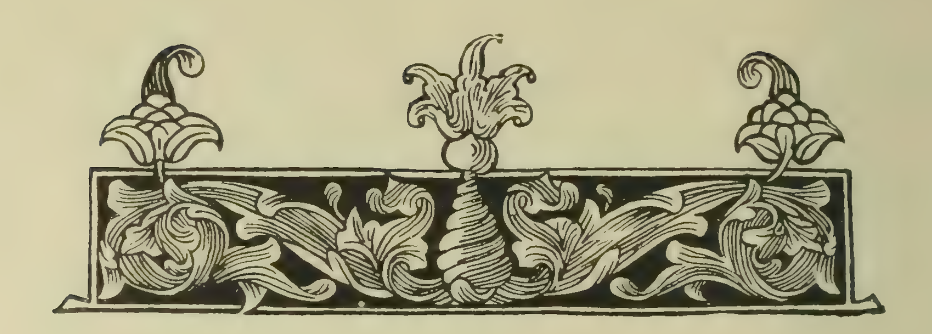
Личный элементъ, попрежнему, продолжаетъ проявляться въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, которыми XVI вѣкъ довольно богатъ. Между такими произведеніями въ особенности заслуживаютъ вниманія: „*Сказаніе о паденіи Пскова*"; „*Сказаніе о второмъ бракѣ великаго князя Василія III*", сочиненное *Паисіемъ Ярославовымъ*, „*Сказаніе о казни Новагорода при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ*" и „*Сказаніе объ осадѣ Пскова Баторіемъ*", написанное нѣкіимъ *Серапіономъ*.

Любопытны также явившіяся въ XVI вѣкѣ попытки приведенія историческаго матерьяла въ нѣкоторую систему. Одна изъ такихъ попытокъ приписывается (по замыслу и началу) митрополиту Кипріяну: это такъ - называемая „*Степенная книга*", въ которой изложены церковныя и гражданскія событія Русской исторіи съ исключительно религіозной точки зрѣнія; въ ней факты расположены по великимъ князьямъ, а великіе князья по родословному порядку или *по степенямъ рода великихъ князей*. Въ одномъ, болѣе раннемъ, спискѣ „Степенная книга" доведена до 13-й степени (современной Кипріяну), но впослѣдствіи она дополнялась, и главнымъ представителемъ ея явился митрополитъ Макарій, при которомъ она доведена была до 17-й степени [1]) (считая отъ князя Владиміра до Іоанна Грознаго) и ея содержанію придана была окончательная редакція. При такой обработкѣ и самый слогъ ея былъ значительно украшенъ, во вкусѣ времени. Въ образецъ этого слога приведемъ оттуда слѣдующія строки изъ похвалы Василію III:

„Поистинѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Тѣмъ убо бысть сей: истовый, велеумный правитель, вседоблій наказатель, истинный кормчій, изящный предстатель, молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрія образъ, терпѣнія столпъ, княземъ Русскимъ и боярамъ, и прочимъ вельможамъ, и всѣмъ людемъ, и всему священному собору благоразумный соглагольникъ", и т. д.

Къ началу XVI же вѣка относится и окончательная (первая) редакція *хронографа*, составленнаго по византійскимъ источникамъ,

[1]) Впослѣдствіи, «Степенная книга» была продолжена до Алексѣя Михайловича, т.-е. добавлена въ ней еще 18-я степень.



но со вставкою оригинальныхъ русскихъ статей, которыя внесены у мѣста и кстати въ плавный разсказъ о событіяхъ всеобщей исторіи.

История Казанскаго Царства.

Такою же любопытною и немаловажною попыткою является *Исторія Казанскаго Царства*, составленная священникомъ *Іоанномъ Глазатымъ*, который провелъ 20 лѣтъ въ плѣну въ Казани и послѣ освобожденія своего изложилъ все, что ему было извѣстно о казанскомъ царствѣ отъ его начала до самаго завоеванія Казани.

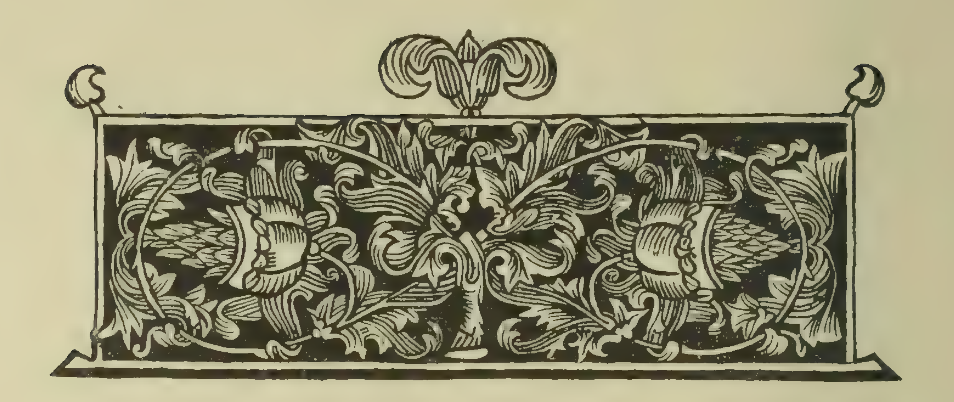
Историческій трудъ Курбскаго.

Но самымъ выдающимся явленіемъ въ исторической литературѣ XVI вѣка является, конечно, трудъ князя А. М. Курбскаго, подъ заглавіемъ: „*Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ* (т.-е. дѣяніяхъ), *яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими*“. Это уже настоящая прагматическая исторія, въ которой изложеніе событій ведется въ послѣдовательности и правильной связи, съ опредѣленіемъ причины и указаніемъ послѣдствій. Сочиненіе довольно объемистое (оно содержитъ въ себѣ девять главъ), представляетъ собою полное жизнеописаніе Іоанна Грознаго, отъ самаго дѣтства, и написано живо, горячо и съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Самъ Курбскій говоритъ, что написалъ это сочиненіе по просьбѣ многихъ, обращавшихся къ нему съ вопросами о причинѣ рѣзкой перемѣны, происшедшей въ характерѣ царя, который былъ сначала добрымъ и мудрымъ правителемъ, а потомъ сдѣлался страшнымъ мучителемъ своего народа. Отвѣтомъ на эти вопросы была книга, въ предисловіи къ которой Курбскій такъ объясняетъ цѣль своего труда:

„Славныя дѣла великихъ мужей мудрыми людьми въ исторіяхъ для того описаны, да ревнуютъ имъ грядущія поколѣнія; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла для того написаны, чтобы остерегались ихъ люди, какъ смертоноснаго яда или повѣтрія не только тѣлеснаго, но и душевнаго“.

Приступая къ своей „Исторіи“ съ такою назидательною цѣлью, Курбскій излагаетъ все, извѣстное ему объ Іоаннѣ, далеко не безпристрастно и все свое повѣствованіе строитъ и подлаживаетъ къ одной предвзятой мысли. По его убѣжденію, не одинъ только

Іоаннъ, но и всѣ князья московскіе отступились отъ старины, насильствами уничтожили другіе роды княжескіе, унизили боярство, и это привело къ великимъ бѣдствіямъ. Исходя изъ этого взгляда, Курбскій и всю „исторію“ Іоанна Грознаго излагаетъ вотъ съ какой точки зрѣнія: Іоаннъ, дурно воспитанный и окруженный дурными и безнравственными приверженцами, вселившими жестокость въ его сердце, былъ хорошимъ правителемъ только до тѣхъ поръ, пока около него стояли Сильвестръ и Адашевъ и добрые бояре. Сильвестру и Адашеву и добрымъ совѣтникамъ приписываются всѣ славныя дѣянія Іоанна; а чуть только эти совѣтники были устранены отъ дѣлъ, такъ тотчасъ произошла извѣстная перемѣна въ характерѣ Іоанна Грознаго. При этомъ, преувеличивая достоинство и значеніе Сильвестра и Адашева, умалчивая о дѣлахъ самого Грознаго, Курбскій ни однимъ словомъ не проговаривается о тѣхъ дѣйствіяхъ бояръ, которыми вызваны были первыя опалы и казни, описываемыя Курбскимъ весьма подробно. Въ виду такого односторонняго и пристрастнаго изложенія, одинъ изъ нашихъ историковъ справедливо замѣчаетъ о сочиненіи Курбскаго, что это „скорѣе памфлетъ, чѣмъ исторія“. Но, помимо всякихъ недостатковъ, которые могутъ уменьшать цѣну труда Курбскаго, этотъ трудъ все-же имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи Русской Словесности, какъ первое проявленіе вполнѣ сознательнаго отношенія автора къ воспроизводимой имъ дѣйствительности. Онъ приступаетъ къ этому воспроизведенію съ предвзятою мыслью, которую проводитъ отъ начала и до конца своего труда, построеннаго по опредѣленному, весьма стройному плану, изложенному вполнѣ литературно, красиво и складно. Эта исторія Курбскаго, можетъ-быть, единственное произведеніе въ древнемъ періодѣ нашей литературы, которое и теперь еще можно читать съ интересомъ и даже съ увлеченіемъ: такъ все въ немъ живо, ярко и рельефно. Не даромъ увлекся имъ и Карамзинъ, и создалъ, на основаніи его, свой типъ Іоанна Грознаго!



ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Свѣтскія повѣсти и сказанія въ XVI вѣкѣ. — Тѣсная связь их съ дѣйствительностью и современностью. Назиданіе, положенное въ основу нѣкоторыхъ сказаній.—Царь Иванъ Васильевичъ въ пѣсняхъ народныхъ.

Свѣтская литература повѣстей, сказокъ и сказаній всякаго рода, обильная уже въ XV вѣкѣ, продолжала разрастаться и въ XVI, пополняясь и оригинальными, и переводными произведеніями, изъ которыхъ многія проникали къ намъ черезъ Болгарію и Сербію. Князь Курбскій, въ предисловіи къ своему переводу книги Іоанна Дамаскина „Небеса“, горько жалуется на то, что „нынѣшняго вѣка мнимые учители больше въ болгарскихъ басняхъ и въ бабьихъ бредняхъ упражняются, читаютъ ихъ и хвалятъ, нежели великихъ учителей разумомъ наслаждаются“...

Названіе „басней“ и „бредней“, однакожъ, менѣе всего подходитъ ко многимъ повѣстямъ и сказаніямъ XVI вѣка, которыя, въ большинствѣ своемъ, стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ исторической дѣйствительностью и живою русскою современностью.

І. Грозный въ сказаніяхъ.

Крупная личность Іоанна Грознаго—перваго русскаго Царя—и то обиліе быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ событій, которыми такъ была богата его эпоха, видимо, сильно воздѣйствовало на умы современниковъ и придало извѣстное направленіе, извѣстный оттѣнокъ всему, что выходило около этого времени изъ-подъ пера грамотныхъ людей, всему, что создавалось вымысломъ книжниковъ или народной фантазіей. Чрезвычайно любопытно то, что, во многихъ сказаніяхъ, грозный Царь сближается съ „султаномъ Махмудомъ“ (Магометомъ II, покорителемъ Византіи) — который произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ своею личностью и дѣятельностью; сказанія восхваляютъ его за правдолюбіе и даже оправдываютъ тѣ жестокія мѣры, которыми онъ старался утвердить и поддержать правосудіе въ турецкихъ судахъ. Въ этомъ оправданіи высказывается довольно откровенно воззрѣніе на

подобныя-же мѣры Іоанна Грознаго, которыя многимъ, какъ мы увидимъ далѣе, могли представляться не простыми проявленіями прирожденной жестокости, а также—разумными дѣйствіями, направленными къ установленію равнаго для всякихъ сословій права на „правду Божію“.

На первомъ планѣ, въ ряду подобныхъ сказаній стоятъ два сказанія XVI вѣка: „*Сказаніе о турецкомъ царѣ Махмедѣ, какъ онъ хотѣлъ сжечь книги греческія*“ и „*Сказаніе о Петрѣ, Волошскомъ воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю, Ивану Васильевичу всея Руси*“. Оба сказанія одинаково приписываются одному и тому же автору, извѣстному *Ивану Пересвѣтову*, и, дѣйствительно, чрезвычайно близки между собою по внутреннему содержанію, по многимъ подробностямъ и—что всего важнѣе—по той основной мысли, которая, въ концѣ сказанія, приводитъ автора къ опредѣленному выводу.

Въ первомъ изъ этихъ сказаній разсказывается, какъ турецкій султанъ, послѣ завоеванія Константинополя, задумалъ рѣшиться на страшное дѣло: собрать въ одно мѣсто всѣ книги „греческаго закона“ (т.-е. церковно-божественныя), перевести ихъ на турецкій языкъ, а послѣ сжечь ихъ и оставить однѣ турецкія во всемъ завоеванномъ царствѣ греческомъ. Патріархъ, услышавъ о такомъ намѣреніи султана, пришелъ въ ужасъ и сталъ усердно молить Бога, чтобы Онъ избавилъ православное царство греческое отъ такой великой напасти. Богъ внялъ его молитвѣ, и, въ сонномъ видѣніи, воспретилъ султану исполнить задуманное имъ намѣреніе. Султанъ призвалъ къ себѣ патріарха и спросилъ его: „ты ли на меня жаловался своему Богу? Онъ привидѣлся мнѣ во снѣ, страшенъ зѣло и повелѣлъ мнѣ отдать вамъ книги ваши“. При этомъ султанъ прямо сознался патріарху, что ему теперь сталъ ясенъ гнѣвъ Божій, тяготѣющій на грекахъ, и что ему, султану, „невозможно было бы и помышлять о ихъ царствѣ, если бы того царства Богъ ему не выдалъ, и если бы на то не было воли Божіей“. И вотъ, по приказанію султана, книги греческія переведены на турецкій языкъ, и султанъ, предъ лицомъ всѣхъ своихъ начальныхъ людей, призналъ, что „вѣра христіанская лучше всѣхъ иныхъ вѣръ и законъ ихъ праведенъ; но христіане забыли о своемъ законѣ, и Богъ прогнѣвался на нихъ и предалъ ихъ въ наши руки“. Для того, чтобы съ турками не случилось того же, султанъ рѣшаетъ „утвердить правду накрѣпко“. Затѣмъ въ сказаніи описываются тѣ суровые законы и жестокія наказанія, какія были султаномъ введены противъ всякаго рода преступленій и, въ особенности, противъ несправедливости судей. Въ заключеніе сказанія, авторъ влагаетъ въ уста султану такія слова: „какъ грозы на людей не будетъ, такъ и книгъ законныхъ не станутъ

слушать:—какъ конь подъ человѣкомъ безъ узды, такъ и царство подъ царемъ безъ грозы".

Въ „сказаніи о Петрѣ, Волошскомъ воеводѣ", приводится точно такое же сравненіе между царствомъ русскимъ и царствомъ турецкимъ, какое уже видѣли мы въ „повѣсти о Царѣградѣ". Мнѣніе о царствѣ Русскомъ влагается не только въ уста самого Петра (лица, вполнѣ историческаго) [1]), но и въ уста какого-то служащаго у него москвитина, Васьки Мерцалова. Васька „гораздо знаетъ царство московское", и потому воевода Петръ его обо всемъ „подлинно распрашиваетъ". Петръ сказываетъ ему, что они „нынѣ за царство русское Бога молятъ и имъ хвалятся"; но далеко не все хвалитъ въ царствѣ Русскомъ: не хвалитъ царя за то, что онъ „даетъ города и волости вельможамъ своимъ держать, а вельможи отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ"... Недоволенъ онъ еще болѣе того вельможами царскими, которые „сами богатѣютъ и лѣнтяйничаютъ, а о царѣ и царствѣ его не болѣютъ и сами его царство обездоливаютъ и потому только и называются *на потѣхъ* слугами царскими, что *„цвѣтно и людно и конно" выѣзжаютъ, а крѣпко за вѣру крестьянскую (христіанскую) не стоятъ и противъ недруга лютою смертною игрою не играютъ*". Москвитинъ Васька можетъ возразить на это только одно, что „вѣра въ русскомъ царствѣ добрая, что красота церковная великая и служеніе въ церквахъ совершается благоговѣйное и безпрестанное..." Но и онъ вынужденъ согласиться съ воеводою Петромъ, что „правда въ московскомъ государствѣ умалился". На это Петръ, прослезившись, сказалъ: „коли по грѣхамъ въ московскомъ государствѣ правды нѣтъ, то у государя и всего добраго нѣтъ и онъ живетъ прежними чудотворцами да святительскими молитвами". Но въ заключеніе и какъ бы въ утѣшеніе онъ добавляетъ: „Если Христосъ по вѣрѣ помилуетъ, то и правду въ нихъ вселитъ".

Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа.

Въ сущности, въ обоихъ сказаніяхъ выражается одна и та же мысль: порицаніе русскимъ вельможамъ и боярамъ, и обвиненіе ихъ въ томъ, что изъ-за нихъ правды въ Русской землѣ не стало, а слѣдовательно—косвенное оправданіе тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя противъ этихъ вельможъ примѣнялись царемъ Іоанномъ Грознымъ. Та же личность Грознаго и обстоятельства его царствованія несомнѣнно играютъ роль еще въ одномъ литературномъ произведеніи XVI вѣка, а именно въ „*Повѣсти нѣкоего боголюбиваго мужа*". Историкъ нашъ Соловьевъ весьма удачно сопоставляетъ её съ однимъ мѣстомъ въ Псковской лѣтописи, которая

[1]) Петръ Стефановичъ, Молдавскій воевода, который въ 1535 г. прислалъ въ Москву своего боярина—хлопотать о протекторатѣ Московскаго Государства надъ Валахіею и Молдавіею.

очень своеобразно объясняетъ причину гнѣва и ненависти Іоанна противъ бояръ:

„Когда царь возвратился на Русь (изъ Ливоніи), то нѣмцы собрались изъ заморья да Литва пришла изъ Польши, и всѣ города (Ливонскіе) себѣ побрали, русскихъ людей въ нихъ побили, а къ царю прислали нѣмца, лютого волхва, именемъ Елисея, и былъ онъ у него въ приближеніи, любимцемъ. Безбожные нѣмцы узнали по своимъ гаданьямъ, что быть имъ до конца раззореннымъ: для этого они такого злого еретика и подослали къ царю, потому что падки русскіе люди къ волхвованію. Навелъ Елисей на царя страхованье (опасенье) на русскихъ людей, свирѣпство внушилъ; а къ нѣмцамъ на любовь преложилъ. И настилъ Елисей царя на убійство многихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ, напослѣдокъ и самому внушилъ бѣжать въ Англійскую землю, и тамъ жениться, а своихъ остальныхъ бояръ побить. Но Елисея до этого не допустили, самого смерти предали, да не до конца раззорится русское царство и вѣра христіанская“ [1].

Та же фабула, почти дословно, повторяется и въ „*Повѣсти нѣкоего боголюбиваго мужа*“, въ которой повѣствуется о царѣ праведномъ, боголюбивомъ и милостивомъ, строго исполнявшемъ заповѣди Божіи. Но „по дѣйствію дьявольскому“, явился къ нему одинъ злой чародѣй, сумѣлъ войти къ нему въ милость и началъ клеветать на людей неповинныхъ; царь оскорбилъ ихъ различными печалями и несправедливостями, и тѣмъ вооружилъ противъ себя. Но Богъ наказалъ его за это: поднялись противъ него окрестные города и области, повоевали его земли, а города раззорили и воинство побили и до самаго царствующаго града дошли. Царь только тѣмъ и спасся отъ бѣды неминучей, что чистосердечно покаялся въ своихъ поступкахъ и сжегъ чародѣя съ его товарищами.

Нѣкоторое отношеніе къ новому царству московскому и новымъ московскимъ традиціямъ имѣетъ „*Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ*“, которая, видимо, много разъ передѣлывалась и измѣнялась, благодаря тому, что самое содержаніе ея легко подчинялось передѣлкамъ и перестановкамъ. Въ основѣ своей, сказаніе было придумано византійскими книжниками для того, чтобы указать на происхожденіе византійскаго чина вѣнчанія и всѣхъ необходимыхъ для него царственныхъ утварей съ того далекаго, таинственнаго Востока, который изстари почитался колыбелью всякаго царственнаго могущества и мудрости. Поэтому сказаніе своди-

Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ.

[1] Здѣсь, подъ именемъ *Елисея* разумѣется медикъ царя Грознаго, *Бомелій* — голландецъ родомъ; по свидѣтельству иноземцевъ, это былъ большой негодяй, дѣйствительно побуждавшій Іоанна на убійства и въ помощь ему составлявшій отравы. Въ свою очередь обвиненный въ сношеніяхъ съ Баторіемъ, онъ былъ всенародно сожженъ въ Москвѣ.

лось къ такому немногосложному и нехитрому содержанію: греческій царь Левъ (или иной) посылаетъ въ Вавилонъ пословъ, которые на пути къ этому древнему городу встрѣчаютъ всякія препятствія; всѣ эти препятствія, благодаря личной своей мудрости и помощи свыше, преодолѣваютъ и возвращаются въ Византію, неся съ собой тѣ драгоцѣнныя царственныя утвари, которыми вѣнчались императоры византійскіе. Въ дальнѣйшихъ переработкахъ на русской почвѣ эта повѣсть о вавилонскомъ царствѣ дополняется нѣкоторыми подробностями; въ числѣ пословъ, отправленныхъ греческимъ царемъ въ Вавилонъ, является уже и Русинъ, Славянинъ; въ числѣ регалій царскихъ „Номахова (или Мономахова) шапочка". Въ болѣе позднихъ редакціяхъ то же сказаніе уже связывается со сказаніемъ о великихъ князьяхъ владимірскихъ, какъ первоначальныхъ основателяхъ Московскаго Государства, и о шапкѣ Мономаховой, будто бы присланной Владиміру Мономаху царемъ греческимъ Константиномъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ бармами и золотою цѣпью, также якобы добытыми съ Востока. Въ этомъ видѣ „сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ", наравнѣ съ гораздо болѣе раннею „повѣстью о бѣломъ клобукѣ", представляетъ еще одну литературную попытку связать только-что возникающее царство московское съ болѣе древнимъ царствомъ греческимъ, отъ котораго мы приняли вѣру и обязанность защищать православіе отъ невѣрныхъ.

Слово о Динарѣ царицѣ.

Совершенно одиноко стоитъ въ группѣ этихъ сказаній „*Слово о дѣвицѣ, Иверскаго царя дщери, Динаріи-царицѣ*". Основанная на сюжетѣ историческомъ и заимствованномъ изъ хронографа, эта повѣсть, конечно, должна была болѣе другихъ привлекать къ себѣ вниманіе грамотныхъ людей заманчивою оригинальностью своего содержанія. Главной героиней повѣсти является подъ именемъ Динаріи-царицы, историческое лицо — грузинская царица Тамара, правившая царствомъ грузинскимъ въ началѣ XII вѣка. Въ „Словѣ" о ней разсказывается приблизительно слѣдующее...

Динара въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ осталась наслѣдницей *Иверскаго властодержца* Александра Мелека, и мудро управляла народомъ. Персидскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери. Динара послала царю дары, но не думала отказываться отъ своей власти. Разгнѣвавшись, царь пошелъ противъ нея войною. Страхъ и трепетъ овладѣлъ всѣми вельможами юной царицы, но она сумѣла внушить имъ твердость и поднять ихъ духъ; облеклась въ броню, „*надѣла шлемъ и воспріяла копье въ дѣвичьи длани*". Принеся горячую и усердную молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда Динара пришла пѣшкомъ и босикомъ, „по острому каменью и жесткому пути", она мужественно выступила противъ враговъ, вступила съ

ними въ битву и убила одного персіянина. Враги ужаснулись ея вида и голоса, и побѣжали. Динара же, преслѣдуя ихъ, отсѣкла голову персидскому царю и на копьѣ принесла ее въ Тавризъ; города покорялись ей, одинъ за другимъ, и она съ богатою добычею вернулась въ отечество. Лучшую и самую цѣнную долю добычи она раздала въ храмы Божіи. Потомъ она правила народомъ 38 лѣтъ и „оставила царство" сродникамъ въ наслѣдство.

Крупная личность Іоанна Грознаго, отразившаяся въ современной ему свѣтской литературѣ повѣстей и сказаній, должна была найти себѣ отголосокъ и въ народной поэзіи. Завоеватель Казани и Астрахани, грозный бичъ боярства, тотъ, передъ кѣмъ трепетали всѣ (по выраженію сказаній) „питавшіеся отъ слезъ и крови народной", долженъ былъ, несомнѣнно, оставить видный слѣдъ въ народной памяти. Не украшая Грознаго, народъ сумѣлъ, однакоже, выставить его, въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, въ весьма привлекательномъ видѣ, а именно—другомъ народа, защитникомъ слабыхъ противъ сильнаго, сочувствующимъ всему русскому, народному, и мудро-правящимъ въ странѣ своей. Такимъ-то грознымъ, но справедливымъ царемъ является намъ Іоаннъ въ былинѣ о царскомъ шуринѣ Мастрюкѣ Темрюковичѣ, гдѣ царь Иванъ Васильевичъ хвалитъ и награждаетъ русскихъ борцовъ-молодцовъ за то, что они изувѣчили и побороли его шурина Мастрюка-татарина, о которомъ сокрушается Мастрюкова сестра-царица. Такимъ представляется онъ въ особенности въ былинѣ, извѣстной подъ названіемъ; „*Никитѣ Романовичу дано село Преображенское*". Былины о Грозномъ.

Эта высоко-поэтическая былина начинается съ того, что царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Грознаго; въ то время какъ царь-отецъ похваляется, что онъ вывелъ измѣну на Руси, сынъ-царевичъ осмѣливается возразить, что онъ не вывелъ ее и изъ бѣлокаменной Москвы. Царь требуетъ, чтобы сынъ указалъ измѣнниковъ, и сынъ указываетъ на его любимыхъ бояръ Годуновыхъ, сидящихъ съ нимъ за однимъ столомъ. Царь, въ гнѣвѣ, приказываетъ схватить сына и вести его на плаху. Но никто не рѣшается исполнить безумное приказаніе.

А и всѣ палачи испужалися,
Что и всѣ по Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачъ не пужается,
Единъ злодѣй выступается —
Малюта палачъ, сынъ Скуратовичъ;
Хватилъ онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву-рѣку.

Вѣсть объ этомъ доносится къ старому боярину Никитѣ Романовичу. Не теряя ни минуты, на неосѣдланномъ конѣ, старый бояринъ мчится вслѣдъ за Малютою, захвативъ съ собою только

одного любимаго своего конюха. Настигнувъ Малюту на полу-пути, кричитъ ему бояринъ зычнымъ голосомъ:

„Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ,
Не за свойскій кусъ ты хватаешься,
А и этимъ кусомъ ты подавишься...
Не переводи ты роды царскіе...“

Малюта „немилостивый палачъ“ говоритъ боярину, что его дѣло подначальное, что, ослушавъ царскаго приказа, онъ самъ долженъ будетъ лечь на плаху. „А чѣмъ окровенить саблю острую? и чѣмъ окровенить руки бѣлыя? Съ чѣмъ придти предъ царскія очи?“ Въ отвѣтъ на это, бояринъ предлагаетъ ему „сказнить“ своего любимаго конюха и уводитъ царевича „въ село Романовское, во боярское“. И вотъ, между тѣмъ какъ царь, глубоко опечаленный и раскаивающійся въ своемъ страшномъ поступкѣ, отпѣваетъ и хоронитъ боярскаго конюха, у стараго боярина Никиты Романовича — идетъ въ палатахъ шумный пиръ и веселье... Забѣгаютъ къ царю „бояре Годуновые“, докладываютъ ему, что старый бояринъ не сочувствуетъ его печали и дерзаетъ веселиться у себя на селѣ. „А грозный царь, онъ и крутъ добрѣ, посылаетъ посла немилостиваго“ — велитъ Никиту къ себѣ привести, и какъ только тотъ явился, царь ткнулъ его въ ногу своимъ острымъ посохомъ, „пришилъ его къ сырой земли“. И сталъ царь его допрашивать, „чему онъ добрѣ радошенъ?“

„Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?»

Никита отвѣчаетъ ему, „не съ упадкою“:

„Ты, грозный царь, Иванъ Васильевичъ,
Не вели меня казнить, прикажи говорить:
Для того у меня пиръ на веселѣ,
Въ трубочки трубятъ по-ратному,
Въ барабаны бьютъ по-воинскому —
Утѣшаютъ люди царевича,
Что меньшого Ѳедора Ивановича.“

„Много царь не выспрашивалъ“, пошелъ въ боярскія палаты и увидѣлъ тамъ сына своего за столомъ, на переднемъ мѣстѣ. Въ восторгѣ грозный царь жалуетъ боярину погребъ „злата и сребра“ и другой — питья разнаго; а затѣмъ выдаетъ ему тарханную грамоту, по которой его село Романовское получаетъ большія льготы...

«А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той грамотѣ тарханныя
Отнынѣ оно слыветъ и до вѣку...»

Сочувственно настроенное творчество народное не забываетъ

и о завоеваніяхъ Іоанна Грознаго; они такъ же воспѣты въ отдѣльныхъ пѣсняхъ и прославлены на память потомству. Взятіе Казани и Астрахани, завоеваніе Сибири, связавшее имя Грознаго съ именемъ другого народнаго любимца, удальца-атамана Ермака Тимоѳеевича — все это яркими чертами запечатлѣлось въ народной памяти и выразилось въ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, созданныхъ народной фантазіей.

Сказка о Горшенѣ.

Изъ области пѣсенъ личность Грознаго перешла даже и въ область сказокъ. Здѣсь онъ рисуется народнымъ героемъ, въ родѣ калифа Гаруна-Аль-Рашида; онъ бродитъ, никѣмъ не замѣчаемый, среди народа, присматривается къ его нуждамъ, отличаетъ добрыхъ отъ злыхъ и награждаетъ своими царскими милостями того смышленаго мужика, которому удается перехитрить или одурачить боярина. Такимъ изображается онъ въ *сказкѣ о горшенѣ,* который, случайно встрѣтясь съ царемъ, понравился ему своими бойкими и умными рѣчами. Между прочимъ, онъ сказалъ царю, что живетъ своимъ ремесломъ не худо, да и вообще-то „на свѣтѣ всего только три худа и есть: худой сосѣдъ, худая жена, да худой разумъ; а послѣднее-то худо хуже всѣхъ, потому что худой разумъ все съ тобой, и отъ него никуда не уйдешь“. Эту мысль горшеня блистательно и доказалъ царю. Онъ ухитрился продать товаръ свой глупому боярину на такихъ условіяхъ, что всѣ деньги боярина перешли въ карманъ горшени, а товару все еще много осталось незакупленнаго бояриномъ. Тогда горшеня предложилъ боярину: „свези меня на себѣ до моего двора — отдамъ тебѣ и товаръ, и всѣ деньги“. Бояринъ согласился: выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ. Поетъ себѣ горшеня и, противъ того дома, гдѣ былъ государь, высоко поднялъ голосъ; услыхалъ государь и вышелъ на крыльцо. „Да на чемъ же ты, горшенюшка, ѣдешь?“ спрашиваетъ царь. — „А на худомъ-то разумѣ, государь“. — „Ну, горшеня — умѣлъ товаръ продать; а ты, бояринъ, не съумѣлъ боярствомъ владѣть! Скидавай свою строевую одежду и сапоги, и отдай все горшенѣ; а ты, горшеня, скидавай кафтанъ и лапти. Обувай-ка ты ихъ, бояринъ; а ты, горшеня, надѣнь и носи его строевую одежду. Умѣлъ ты товаръ продать. И немного послужилъ, да много заслужилъ“.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Борьба съ Уніей на западѣ и юго-западѣ Руси. — Умственное и образовательное движеніе, вызванное этою борьбою. — Братства и братскія школы. — Основаніе Кіевской Академіи.—Что творилось въ Москвѣ въ это же время? Первыя школы и первые шаги по пути просвѣщенія.

Западная и юго-западная половина Руси, въ силу историческихъ обстоятельствъ подпавшая подъ власть Литвы и Польши, въ XVI вѣкѣ очутилась въ положеніи крайне-затруднительномъ. До того времени, русскіе подданные литовскихъ великихъ князей пользовались равными правами гражданскими со всѣми остальными подданными и не терпѣли никакихъ существенныхъ стѣсненій въ отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ, въ исповѣданіи своей православной вѣры. Но, послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею (Люблинской Уніей 1569 г.), обстоятельства значительно измѣнились: въ Польшу и Литву открытъ былъ доступъ іезуитамъ, которые должны были положить предѣлъ быстро распространявшемуся въ Польшѣ кальвинизму и лютеранству. Но іезуиты, какъ рьяные защитники католицизма, поняли свою задачу шире: они стали бороться не только съ кальвинизмомъ и лютеранствомъ, но и съ православіемъ, и всѣ усилія свои обратили на то, чтобы искоренить его во владѣніяхъ польскихъ королей. Началась жестокая борьба русскихъ людей съ іезуитами, за спиною которыхъ стоялъ самъ король, вся знать польская, все властное и богатое... Эта борьба за вѣру отцовъ, за родной языкъ и народность, какъ извѣстно, весьма несчастливо окончилась для православныхъ соборомъ 1596 года, гдѣ провозглашена была „Церковная Унія“ и положено начало неисчислимымъ насиліямъ, соблазнамъ и бѣдствіямъ для всего православнаго населенія Литвы и Польши... Въ концѣ концовъ, эта борьба привела къ кровавой казацкой расправѣ и—позднѣе — къ гибели Польши...

Однакоже, задолго до начала этой открытой борьбы, русскіе люди въ литовско-польскихъ владѣніяхъ уже почуяли близость какой-то надвигающейся грозы и стали стремиться къ соединенію въ болѣе тѣсные кружки, центрами которыхъ, естественно, должны были явиться приходскія православныя церкви.

Православныя братства на западѣ Руси.

Первыя проявленія этого стремленія не трудно прослѣдить

Виленскій Св. Троицкій монастырь—нѣкогда центръ православнаго братства.

уже съ конца XV вѣка, когда около тѣхъ же церквей заводятся *первыя православныя братства*, которыя должны были служить для православныхъ точкою нравственной опоры и поддерживать извѣстныя начала въ средѣ русскаго населенія, уже начинавшаго сознавать свою тяжкую безпомощность среди чуждыхъ ему проявленій общественнаго и религіознаго быта Литвы и Польши. Въ началѣ кругъ дѣятельности этихъ братствъ былъ весьма

ограниченнымъ: онъ исчерпывался почти исключительно благотворительностью. Дѣла любви и милосердія, взаимная помощь, которую обязывались подавать другъ другу члены братства, — вотъ что составляло главную основу ихъ дѣятельности. Такого рода православныя братства, учрежденныя по приходамъ, видимъ мы съ первой половины XV вѣка во *Львовѣ, Вильнѣ*, а затѣмъ — позднѣе — въ *Кіевѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и Брестѣ*. Но, когда нетерпимость іезуитовъ начинаетъ проявляться въ стѣсненіи правъ православнаго населенія и въ преслѣдованіяхъ всякаго рода, тогда братства церковныя измѣняютъ и цѣли свои, и самый характеръ своей дѣятельности: отъ дѣятельности благотворительной они переходятъ къ ревностной оборонѣ своей религіозной и національной независимости противъ покушеній католичества. Среди дѣлъ „любви и милосердія", братства уже и прежде, съ конца XV вѣка, заботились о распространеніи грамотности въ средѣ городского населенія; когда же православные были вы-

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Внизу, подъ портретомъ, его автографъ.

званы на борьбу съ іезуитской проповѣдью и на оборону своихъ религіозныхъ убѣжденій оружіемъ духовнымъ, тогда (въ концѣ XVI вѣка) братства посвящаютъ всѣ нравственныя и матерьяльныя средства свои на то, чтобы сравняться съ іезуитами въ образованности своихъ пастырей и проповѣдниковъ. При этомъ приходскія школы, въ которыхъ прежде православные обучались только чтенію и письму, оказываются, конечно, уже недостаточными: въ кругъ преподаванія этихъ школъ (съ конца XVI в.) вводится разомъ много новыхъ предметовъ, въ видѣ языковъ: греческаго, латинскаго, церковно-славянскаго, русскаго и польскаго; вводятся и науки: богословіе, грамматика, риторика, піитика, діалектика и другіе предметы.

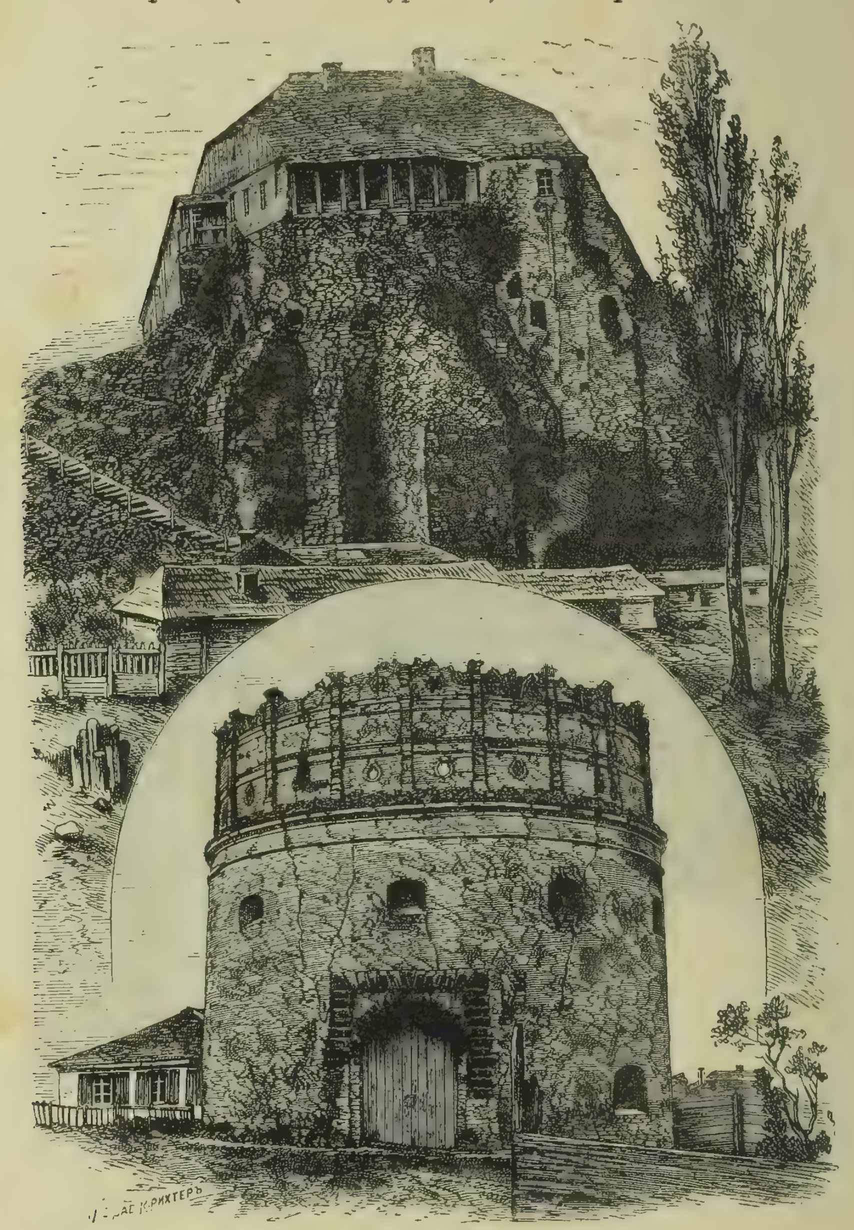
Высшія училища.

Первое изъ такихъ высшихъ училищъ заводитъ у себя въ Острогѣ извѣстный ревнитель православія, *князь Константинъ Острожскій*, въ 1580 г., и, вскорѣ послѣ того, такія же точно училища, почти одновременно, являются во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ и Кіевѣ. Видно, что всѣ эти училища явились подъ давленіемъ одной и той же тягостной исторической необходимости—явились плодомъ одного общаго стремленія, одновременно охватившаго все русское населеніе Литвы и Польши. Быстро и прочно принявшееся на доброй почвѣ образованіе привело къ тому, что вскорѣ православные могли уже выставить изъ среды своей смѣлыхъ и сильныхъ борцовъ, которые вступили въ ожесточенную словесную борьбу съ элементами, враждебными православію и народности. На помощь этимъ смѣлымъ борцамъ явилось, кстати и во-время, безсмертное изобрѣтеніе Гуттенберга, которое давало возможность мысли быстро выливаться въ форму печатнаго общедоступнаго слова, а печатному слову — еще быстрѣе распространяться въ массѣ... И такимъ образомъ зародилось и перешло въ жизнь то движеніе, которое спасло и православіе, и народность на западной и юго-западной окраинѣ Руси отъ полнаго обезличенія и неминуемой гибели.

Какъ сильно было это стремленіе къ образованію среди русскихъ людей на далекой, польско-литовской окраинѣ, мы это можемъ видѣть изъ переписки Курбскаго съ его друзьями, въ которой онъ разсказываетъ, какъ онъ приступалъ къ своимъ трудамъ по переводу твореній Св. Отцовъ. Не только онъ „самъ, будучи уже въ сѣдинахъ“, употребилъ нѣсколько лѣтъ на изученіе латинскаго языка; но и другихъ побуждалъ еще на большіе подвиги. Такъ онъ убѣдилъ *князя Михаила Оболенскаго*, также отъѣздчика [1]), отправиться въ Краковъ, чтобы „въ тамошней Академіи изучить высшія науки на языкѣ Римскомъ“. Тотъ провелъ

[1]) «Отъѣздчикъ»—т.-е. *отъѣхавшій* въ Литву изъ Московскаго Государства.

три года въ Краковской Академіи и потомъ оттуда поѣхалъ въ Италію для усовершенствованія въ наукахъ, покинувъ домъ и жену, и дѣтей. Въ Италіи пробылъ онъ два года, „и теперь возвратился здоровъ (пишетъ Курбскій) и въ праотеческомъ бла-



Замокъ князя К. К. Острожскаго и башня на Красной горкѣ въ городѣ Острогѣ.

гочестіи невредимъ, какъ корабль, преисполненный дорогихъ корыстей“...

Вслѣдствіе чисто-случайныхъ обстоятельствъ и частныхъ усилій одного изъ ревнителей просвѣщенія въ юго-западной Руси, па долю Кіева — этого древнѣйшаго центра русской образован-

Снимокъ съ рукописи «Четьихъ-Миней» митрополита Макарія, хранящейся въ Московской Синодальной библіотекѣ.

ности—еще разъ выпала весьма важная роль въ исторіи просвѣщенія Россіи. Кіевское братство, около 1589 года, учредило, при церкви Богоявленія, одно изъ тѣхъ высшихъ образовательныхъ училищъ, о которыхъ мы уже упоминали выше. Училище это съ 1594 года получаетъ наименованіе школы *„эллино-славянскаго и латино-польскаго письма"*.

Петръ Могила.

Счастливая случайность послала этой школѣ просвѣщеннаго и богатаго покровителя, въ лицѣ *Петра Могилы*, сына молдавскаго воеводы. Онъ родился въ 1597 году, и получилъ въ Парижскомъ университетѣ блестящее по тому времени образованіе. Затѣмъ онъ поселился въ Польшѣ, одно время служилъ даже въ военной службѣ, и здѣсь, будучи невольнымъ свидѣтелемъ страданій, претерпѣваемыхъ его единовѣрцами, проникся къ нимъ глубочайшимъ сочувствіемъ и рѣшился посвятить дѣятельность всей своей жизни и всѣ свои богатства на распространеніе между ними образованности, въ которой видѣлъ ихъ единственное спасеніе отъ козней іезуитизма. Задавшись этою цѣлью, Петръ Могила поступилъ въ 1625 г. въ монахи Кіево-Печерской Лавры; три года спустя былъ возведенъ въ архимандриты этой древней обители, а впослѣдствіи и въ митрополиты Кіевскіе.

Кіево-Могилянская коллегія.

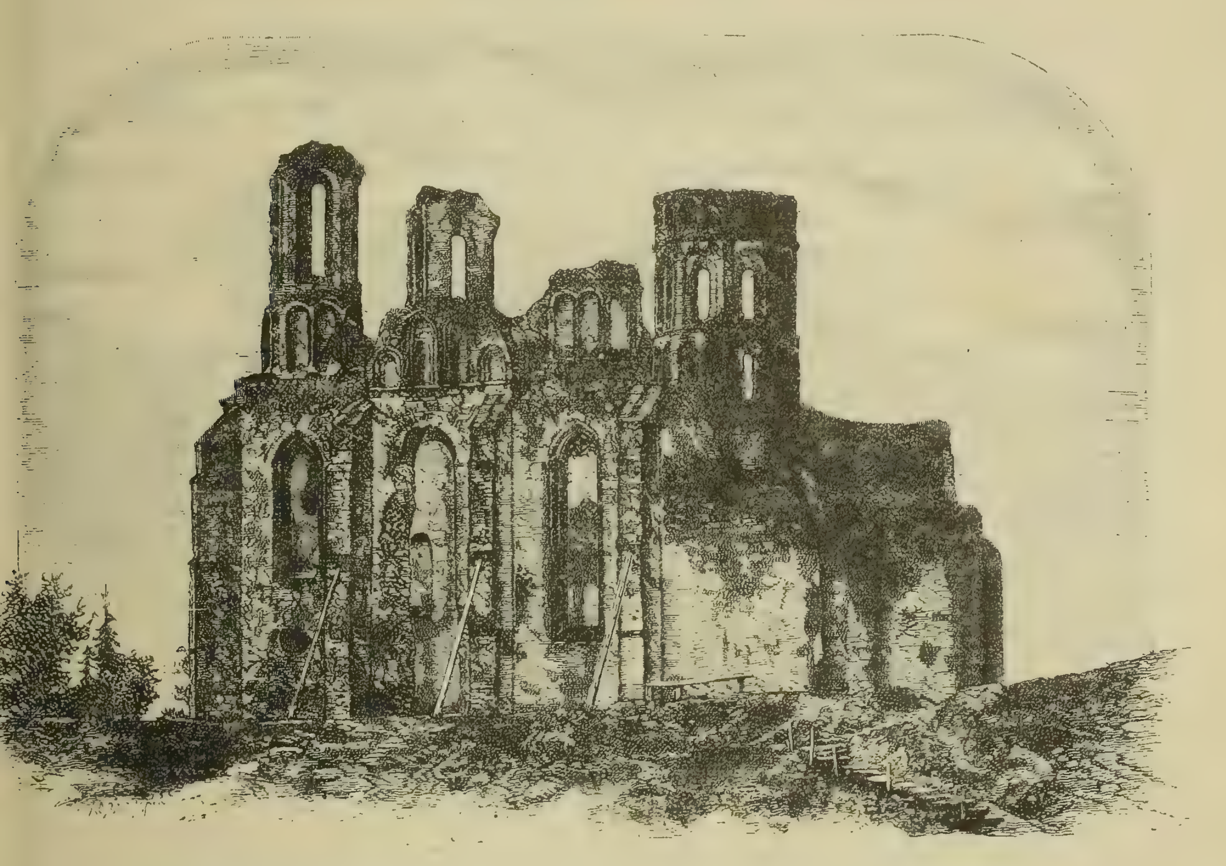
Первою заботою его было отправленіе на свой счетъ за границу нѣсколькихъ иноковъ и мірянъ для завершенія ихъ образованія и подготовленія къ преподавательской дѣятельности. По возвращеніи ихъ изъ-за границы, Петръ Могила приступилъ къ устроенію въ Кіевѣ такой-же точно коллегіи, какія были въ разныхъ мѣстахъ Польши заведены іезуитами на подобіе западно-европейскихъ духовныхъ коллегій. Мѣстомъ для учрежденія коллегіи онъ избралъ сначала Кіево-Печерскую лавру, но кіевское братство упросило его не разъединять силы русской общины и обратить въ коллегію кіевское братское Богоявленское училище. Петръ Могила изъявилъ на это согласіе и, съ 1631 г., братское училище было преобразовано въ „Кіево-Могилянскую коллегію" [1]).

Усердный ревнитель просвѣщенія выстроилъ на свои средства обширное новое каменное помѣщеніе для классовъ коллегіи, пожертвовалъ богатыя вотчины на ея содержаніе и поддержку бѣднѣйшихъ учениковъ, завелъ при коллегіи хорошую библіотеку и основалъ въ г. Винницѣ другое, низшее училище, которое должно было служить приготовительнымъ для поступающихъ въ коллегію. Не довольствуясь этими пожертвованьями, Петръ Могила и впослѣдствіи посвящалъ всѣ свои досуги на составленіе учебниковъ и учебныхъ пособій для своей коллегіи и на печатанье такихъ учебныхъ книгъ, которыя, по современ-

[1]) Въ 1701 г. оно же было переименовано въ «Кіевскую Академію».

нымъ педагогическимъ понятіямъ, должны были наиболѣе способствовать развитію учащейся молодежи и совершенствованью ея въ наукахъ.

Не переставая усердно заботиться о своей коллегіи до самаго конца жизни (Петръ Могила умеръ въ 1646 г.), онъ создалъ такой центръ, которому еще въ томъ же XVII вѣкѣ суждено было оказать серьезныя услуги не только мѣстному, но и всероссійскому просвѣщенію и литературѣ.



Развалины церкви Богоявленія въ бывшемъ замкѣ князей Острожскихъ, въ г. Острогѣ.

Въ это же время въ Москвѣ и во всемъ государствѣ Московскомъ русскіе люди переживали одинъ изъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ тягостныхъ моментовъ во всей исторіи Руси. То были года Смутнаго времени, самозванцевъ и междуцарствія, которые, по количеству бѣдствій, разореній и утратъ всякаго рода, ничуть не уступали первымъ временамъ Батыева нашествія; утраты нравственныя, понесенныя за этотъ періодъ, были еще гораздо страшнѣе всѣхъ неисчислимыхъ утратъ вещественныхъ и матерьяльныхъ! Люди „*расшатались*", „*измалодушествовались*", связи общественныя ослабли или порвались вовсе; нравы страшно загрубѣли; мракъ невѣжества еще болѣе усилился отъ того, что

инстинкты самосохраненія возобладали надъ всѣми высшими побужденіями человѣческими, да къ тому же, среди пожаровъ и разореній всякаго рода, погибла масса книжныхъ и рукописныхъ запасовъ, такъ что во многихъ церквахъ не по чемъ было ни служить, ни пѣть, ни читать... Въ пламени московскаго пожара, во время пребыванія въ Москвѣ поляковъ, сгорѣлъ и печатный дворъ, погибла и „вся штамба" (т.-е. шрифты, матрицы и проч.), а мастерà печатнаго дѣла разбѣжались по окрестнымъ городамъ.

Первое исправленіе книгъ.

По воцареніи Михаила Өеодоровича, печатный дворъ былъ вновь отстроенъ. „Хитрецы" печатнаго дѣла, *Никита Өедоровъ Фофановъ* съ товарищами, жившіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, вновь были вызваны въ Москву; но когда принялись за печатанье богослужебныхъ книгъ, то выяснился весьма печальный фактъ: прежде, чѣмъ печатать книги, надо было ихъ исправить, потому-что онѣ были переполнены грубѣйшими описками и ошибками. Исправленіе печатныхъ богослужебныхъ книгъ было поручено иноку Троицкаго Сергіева монастыря *Арсенію Глухому* и попу *Ивану Клементьевскому* (т.-е. изъ села Клементьева), а для высшаго надзора надъ ихъ работами былъ поставленъ прославившійся своими подвигами человѣколюбія въ Смутное время архимандритъ *Діонисій*. Этимъ „духовнымъ и разумнымъ старцамъ" поручено было наблюденіе за книжнымъ дѣломъ потому именно, что имъ „подлинно извѣстно книжное ученіе, и грамматику, и риторику знаютъ",—такъ гласитъ указъ новаго, молодого царя.

Страданія справщиковъ.

Но какъ только „духовные и разумные старцы" принялись за исправленіе книгъ, противъ нихъ поднялись невѣжественные иноки и начётчики, привыкнувшіе къ ошибкамъ, внесеннымъ въ книги, и защищавшіе печатную и писанную букву противъ здраваго смысла и внутренняго значенія. Благодаря этимъ темнымъ людямъ, справщики были открыто обвинены въ ереси и въ произвольномъ искаженіи текстовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Несчастныхъ (въ особенности Діонисія) заточили, стали истязать, домогались у нихъ признанія въ мнимой винѣ. Но старцы все терпѣли и сносили, защищались мужественно, отстаивали свою правоту и свои исправленія книжныя, и доказывали, что между ихъ порицателями „есть и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ: не знаютъ, *которыя въ азбукѣ буквы гласныя, согласныя и двоегласныя*, и что восемь частей слова надо разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги,—то имъ и на разумъ не вхаживало; а священная философія и въ рукахъ не бывала! А не зная этого, легко можно погрѣшить не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, если кто даже естествомъ и остроуменъ будетъ"...

Но никакія оправданія не помогали; споръ продолжался, оже-

сточеніе разрасталось и несчастные справщики продолжали терпѣть жестокія муки. Печальнѣе всего было то, что и высшіе представители духовенства не могли разрѣшить спора, затѣяннаго невѣждами; и только тогда, когда пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, Діонисій и его товарищи были оправданы и всѣ поправки ихъ подтверждены самимъ патріархомъ.

Тотъ же глубокій сумракъ тяготѣлъ надъ московской Русью даже и десять-пятнадцать лѣтъ спустя. Любопытнымъ памятникомъ этого сумрака осталось намъ описаніе диспута, происходившаго въ 1827 г., на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, въ присутствіи боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго и думного дьяка Ѳедора Лихачева. Поводомъ къ диспуту послужила книга *Катехизисъ* или „*Оглашеніе*", которую привезъ въ Москву самъ авторъ—*Лаврентій Зизаній*, протопопъ Корецкій, пріѣхавшій изъ Западной Руси просить патріарха Филарета, чтобы онъ приказалъ его книгу разсмотрѣть и исправить. Исправленіе началось съ того, что патріархъ зачеркнулъ заглавіе книги, и вмѣсто „Оглашеніе"—назвалъ ее „*Бесѣдословіе*", на томъ основаніи, что подъ именемъ „*Оглашенія*" уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, а „подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быти нелѣпо". Объ остальныхъ статьяхъ, которыя найдены въ книгѣ несогласными съ нашимъ церковнымъ преданіемъ, патріархъ велѣлъ переговорить съ Зизаніемъ богоявленскому игумену Ильѣ да Гришкѣ-справщику. Говорить велѣно „любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава". Каковъ былъ уровень знаній и каковы понятія этихъ представителей московской учености,—можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка этого любопытнаго диспута. Ученый диспутъ XVII вѣка.

Илья и Гришка, между прочимъ, говорили *Зизанію:*

— „У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затменіи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи и шибаніи, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ; но эти статьи взяты изъ книги астрологіи, а эта книга, астрологія, взята отъ волхвовъ эллинскихъ и отъ идолослужителей, а потому къ нашему православію не сходна".

Зизаній отвѣчалъ на это:

— „Я написалъ только для знанія—пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія".

— „А зачѣмъ писалъ для знанія?"—допытывались Илья и Гришка.

— „Да какъ же по-вашему писать о звѣздахъ?"

— „Мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ",—отвѣчали Илья и Гришка:—„сотворилъ Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ на тверди небесной свѣтить на землѣ и

владѣть днемъ и ночью; а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ".

— „Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?"—спросилъ Звзаній.

— „По повелѣнію Божію ангелы служатъ и ихъ водятъ"— отвѣчали ему московскіе мудрецы...

Потребность образованія.

Но и среди этого сумрака начинаетъ уже сказываться необходимость образованія; и само правительство, и частные люди начинаютъ заботиться о его распространеніи и объ усиленіи его средствъ. Въ 1633 году патріархъ учреждаетъ *первое высшее училище при Чудовомъ монастырѣ,* которое и получаетъ названіе *Чудовской или греко-латинской школы.* Нѣсколько лѣтъ спустя, по государеву же указу, переводится съ латинскаго языка „Полная космографія" *Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ* (1637 году). Въ 1639 г. выдается отъ государя „опасная" грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому голштинцу, *Адаму Олеарію,* и въ ней значится:

..... Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ; а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ". Наконецъ, въ 1649 году, бояринъ *Ртищевъ,* вмѣстѣ съ *Ординымъ-Нащокинымъ* и *Артемономъ Матвѣевымъ,* принадлежавшій къ числу наиболѣе образованныхъ покровителей и ревнителей образованія въ Россіи XVII вѣка, основываетъ еще одно *новое училище при Андреевскомъ монастырѣ* для обученія юношества и рѣшается вызвать для преподаванія въ училищѣ нѣсколько ученыхъ иноковъ изъ Кіева.

Во главѣ этихъ иноковъ является въ Москву человѣкъ весьма замѣчательный, іеромонахъ *Епифаній Славенецкій,* воспитавшійся въ Кіево-Могилянской коллегіи и въ заграничныхъ школахъ, обладавшій основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ и языка славянскаго (т. е. книжнаго). Съ пріѣзда этихъ иноковъ въ Москву, съ того дня, когда они получили возможность внести плоды своего образованія и учености въ среду русскаго юношества, начинается новая эпоха въ исторіи нашей образованности— новый періодъ въ исторіи нашей словесности.

Періодъ четвертый.

Отъ половины XVII вѣка до эпохи Преобразованія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отличительныя черты кіевской учености и литературы. — Выдающіяся достоинства и крупные недостатки всѣхъ ученыхъ дѣятелей юго-западной Руси. — Важнѣйшіе представители кіевской учености. — Новые литературные роды и виды. — Страсть къ виршамъ.

Общее направленіе образованія въ каждомъ народѣ опредѣляется тѣми нравственными потребностями, которыя вызываютъ это образованіе къ жизни, и тѣми историческими условіями, среди которыхъ оно зачинается. Это положеніе какъ нельзя лучше подтверждается на томъ примѣрѣ, который представляетъ намъ образовательное движеніе, такъ сильно проявившееся на всемъ Юго-Западѣ Руси въ половинѣ XVII вѣка. Не слѣдуетъ забывать, что это образовательное движеніе вызвано было необходимостью защитить и отстоять во что бы то ни стало православную вѣру и русскую народность отъ враждебныхъ началъ; съ этими началами приходилось вступить въ ожесточенную борьбу и биться съ ними равнымъ оружіемъ; а для этого надо было стремиться, во что бы то ни стало, къ поднятію общаго образовательнаго уровня въ массѣ народа и къ подготовкѣ такихъ бойцовъ, которые бы могли вступить въ состязаніе съ учеными и ловкими въ діалектикѣ іезуитами-проповѣдниками.

Успѣхи образованія въ Ю.-З. Руси.

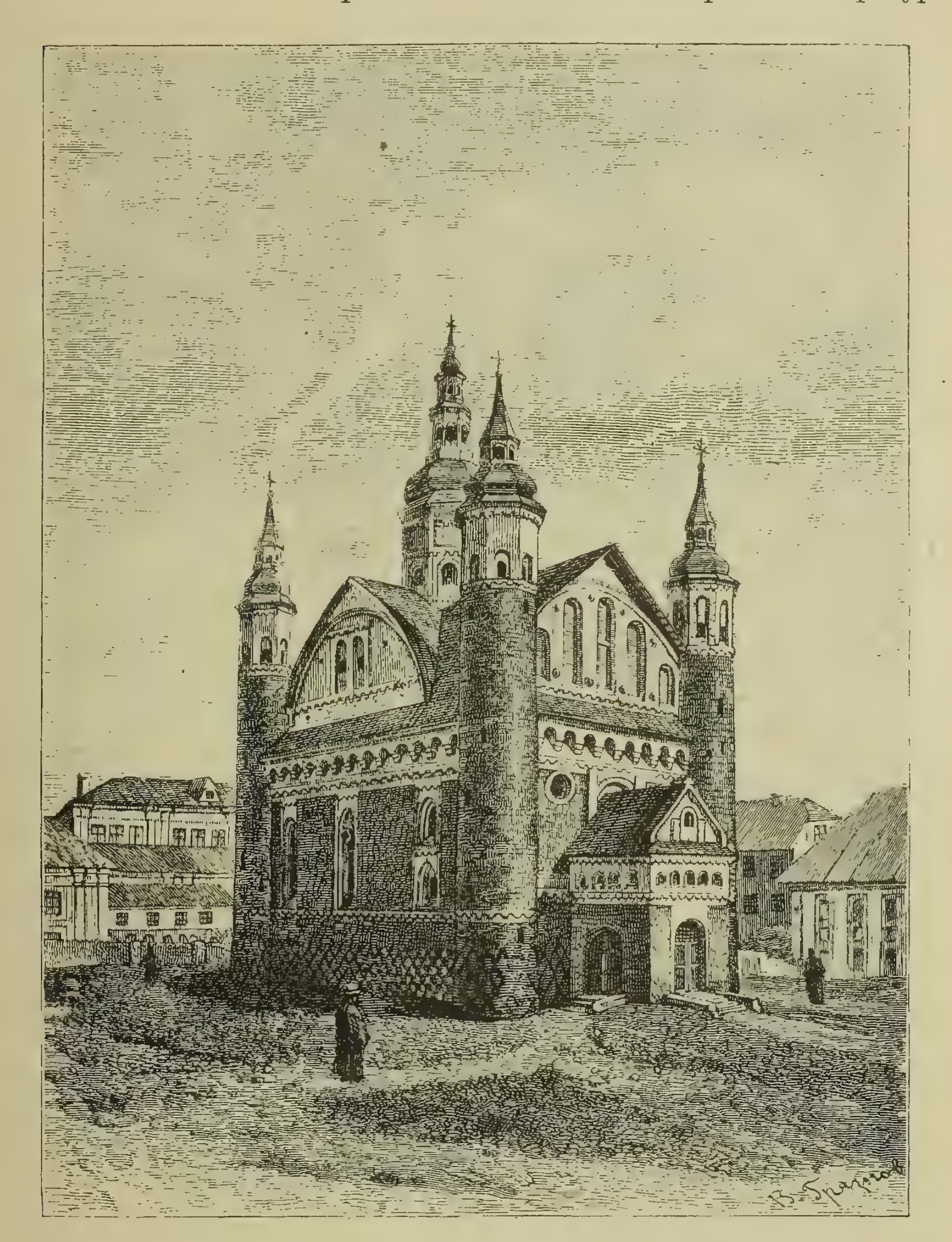
Съ этою именно цѣлью и была основана Петромъ Могилою Кіево-Могилянская коллегія, такъ естественно выросшая изъ высшихъ школъ при братствахъ, которыя возникли около приходскихъ церквей. Но Петръ Могила призналъ тѣ школы несоотвѣтствую-

щими положенію православной церкви въ польско-литовскихъ областяхъ. Онъ не только расширилъ въ нихъ объемъ преподаванія наукъ, но измѣнилъ самую систему ихъ преподаванія. Насколько въ братскихъ школахъ преобладалъ прежде греческій языкъ и греческое образованіе, настолько же теперь сталъ въ коллегіи преобладать языкъ латинскій, на которомъ производилось преподаваніе и печатались всѣ учебники, причемъ латинскій языкъ являлся для студентовъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ и въ школѣ, и дома. Только славянская грамматика и катехизисъ преподавались по-русски. Важнѣйшею изъ всѣхъ преподаваемыхъ наукъ было, конечно, богословіе. Вся система преподаванія этой науки была разсчитана такъ, чтобы уже на школьной скамьѣ подготовить людей, способныхъ бороться съ іезуитами и съ уніатами и защищать истины своей вѣры, опровергая и разоблачая заблужденія противной стороны; поэтому, послѣ каждаго научнаго положенія, въ учебникахъ помѣщался *рядъ возможныхъ на него возраженій и опроверженій*. Въ такомъ же полемическомъ направленіи производилось преподаваніе философіи, въ видѣ ряда диспутацій, въ которыхъ приходилось на практикѣ опровергать, подтверждать или доказывать то или другое положеніе. Даже экзамены производились не иначе, какъ въ видѣ публичныхъ диспутовъ, въ которыхъ одна сторона—доказывала, а другая—опровергала различныя воззрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ. Кромѣ катехизиса, славянской грамматики, богословія и философіи, изъ наукъ преподавались еще реторика, піитика и ариѳметика. Въ реторикѣ обо всѣхъ видахъ прозаическихъ сочиненій говорилось очень кратко, и все вниманіе было обращено на ораторскую рѣчь, которая признавалась важнѣйшею и необходимѣйшею формою сочиненій. Въ учебникахъ реторики подробно говорилось не только о различныхъ пріемахъ ораторскаго искусства, но преподавались даже самыя обстоятельныя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ сочинять и располагать рѣчи поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, надгробныя и т. д. Въ виду тѣхъ условій, среди которыхъ предстояло дѣйствовать будущимъ проповѣдникамъ, ихъ учили говорить рѣчи на латинскомъ, церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ. На тѣхъ же языкахъ студенты должны были владѣть и *стихотворною формою*, которая была вовсе не сродною нашему языку, богатому разнообразными удареніями, такъ какъ русскій стихъ, по образцу польскаго, насильственно подчиняли *силлабическому* стихосложенію [1]).

[1]) Напомнимъ читателямъ, что строка *силлабическаго* стихосложенія основывалась не на долготѣ и краткости отдѣльныхъ стопъ, а только на *опредѣленномъ количествѣ* слоговъ въ каждой строкѣ, на *цезурѣ* или пересѣченіи голоса около середины строки, и на *удареніи*, т. е. повышеніи голоса на предпослѣднемъ слогѣ.

Ораторство и вирши.

Направленіе ораторскаго искусства и стихотворныхъ произведеній (которыя, кстати сказать, не имѣли ничего общаго съ поэзіей) [1]), было чисто-искусственное и притомъ приноровленное къ обстоятельствамъ практической жизни, которымъ литература



Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь.

была предназначена служить. Такъ, по примѣру іезуитскихъ коллегій, поэзіи и ораторству придавалось по преимуществу направле-

[1]) Отъ латинскаго *versus*, силлабическимъ стихамъ стали придавать названіе «виршей». Вмѣсто: «писать стихами»—говорилось: «*писать на виршъ*».

ніе *панегирическое,* восхвалительное, преувеличенно-изображавшее доблести превозносимаго лица или достоинство и значеніе избраннаго предмета. Въ реторическомъ руководствѣ по поводу этихъ преувеличеній, помѣщались даже и такія наивныя указанія: распространяя что-либо при посредствѣ сравненія съ Богомъ, „мы не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или же, что онъ самъ Богъ: достаточно сказать, что или *кажется подобнымъ Богу,* или *немного ниже его*".

Въ стихотворной формѣ слагались такъ-называемые *псальмы* или *канты,* т. е. переложенія духовныхъ пѣснопѣній и общеупотребительныхъ молитвъ въ силлабическія вирши; въ той же формѣ писались и тѣ духовныя драмы, которыя разыгрывались на школьной сценѣ студентами. И тотъ, и другой литературный родъ были невиданною новинкою въ Русской Словесности, и порождены были подражаніемъ польскимъ образцамъ [1]).

На почвѣ такой подготовки и такого обученія въ коллегіи развилась и выросла обширная и разнообразная литература, главнымъ образомъ направленная на защиту вѣры и народности отъ прямого или косвеннаго вліянія со стороны католичества и Уніи. Само собою разумѣется, что преобладающимъ въ этой литературѣ было направленіе *полемическое,* къ которому относятся всѣ сочиненія, написанныя въ защиту православія и его догматовъ; не менѣе богатъ въ той же литературѣ отдѣлъ сочиненій по *богословію,* отчасти также направленныхъ къ поддержанію той же полемики; при такомъ направленіи, особенно богатымъ оказывается отдѣлъ проповѣдей, собираемыхъ въ обширные сборники подъ различными мудреными общими заглавіями. Одновременно, свѣтская литература Юго-Западной Руси выразилась цѣлымъ рядомъ произведеній драматическихъ, стихотвореніями на разные случаи и учебниками по разнымъ предметамъ.

Подражательное направленіе.

Большимъ недостаткомъ всѣхъ произведеній литературы, созданной кіевскими учеными, воспитавшимися въ Кіево-Могилянской коллегіи, было слѣпое подражаніе польскимъ и латинскимъ образцамъ и преобладаніе внѣшней формы надъ содержаніемъ произведенія. Но весьма важнымъ, неоцѣненнымъ достоинствомъ этой литературы являлась ея тѣсная связь съ жизнью и наукой. Все, въ сочиненіяхъ юго-западныхъ ученыхъ, излагалось въ строгой системѣ, на научномъ основаніи, въ связи и послѣдовательности; а при доказательствахъ и подтвержденіи извѣстной истины примѣрами, эти ученые поль-

[1]) Такимъ же точно подражаніемъ явились и тѣ мелкія лирическія стихотворенія, въ которыхъ вниманіе автора обращено было, главнымъ образомъ, не на содержаніе, а на ту фигуру, какая составлялась изъ строкъ; напримѣръ, фигуру яблока, кубка, пирамиды, яйца и т. п.

зовались уже не одними только текстами Св. Писанія и твореніями Отцовъ Церкви, но и фактами свѣтской науки, заимствованными въ равной мѣрѣ и изъ исторіи, и изъ философіи, и изъ естествознанія. И эта сторона даетъ литературнымъ произведеніямъ кіевской школы громадное преимущество надъ произведеніями современной московской литературы: эта именно сторона и представляетъ собою шагъ впередъ на пути прогресса и цивилизаціи.

Почва Юго-Запада Руси, на которой зародилось новое направленіе науки и литературы, оказалась весьма удобною и плодовитою: съ конца XVI вѣка и на пространствѣ всего XVII вѣка видимъ цѣлый рядъ ученыхъ и талантливыхъ дѣятелей, которые неутомимо трудятся на поприщѣ литературы богословско-полемической, исторической и ученой, и досуги свои посвящаютъ виршамъ и драматическимъ опытамъ. Послѣдовательно, одинъ за другимъ, выступаютъ со своими произведеніями Кириллъ Транквиліонъ, Исаія Копинскій, Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій, Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Иннокентій Гизіель, Лазарь Барановичъ, Іоасафъ Кроковскій, Іоаннъ Максимовичъ и Димитрій Ростовскій. Всѣ эти дѣятели первоначально обучались въ мѣстныхъ училищахъ, продолжали образованіе въ Кіево-Могилянской коллегіи, а многіе, для усовершенствованія въ наукахъ, ѣздили еще и въ заграничныя высшія училища; нѣкоторые изъ нихъ, съ теченіемъ времени, успѣли достигнуть высшихъ степеней духовной іерархіи — и всѣ они, безъ исключенія, всюду вносили любовь къ просвѣщенію и наукамъ, и живое, сильное, проповѣдное слово. Нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Епифанію Славинецкому, и, въ особенности, Симеону Полоцкому, суждено было провести бо́льшую часть жизни въ Москвѣ и тамъ принять на себя просвѣтительную миссію, соединивъ около себя лучшую часть русскаго высшаго общества и положивъ труды свои въ основу будущей реформы Великаго Преобразователя Россіи. Дѣятели кіевской науки.

Минуя всю ту ожесточенную полемику, которая поднялась между православными и католиками изъ-за Брестскаго собора (1596 г.), окончательно утвердившаго Унію въ ея правахъ, мы перейдемъ къ обзору того, что́ было сдѣлано въ литературѣ выдающимися представителями кіевской школы. Изложимъ этотъ періодъ нѣсколько подробнѣе и даже заглянемъ въ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ произведеній, чтобы нѣсколько ближе ознакомиться съ общимъ духомъ и направленіемъ писателей и ученыхъ кіевской школы.

Первымъ и весьма плодовитымъ писателемъ этой школы является ректоръ кіево-могилянской коллегіи, *Іоанникій Голятовскій* (ум. 1688 г.). Это былъ неутомимый и ревностный защит-

никъ православія отъ всякихъ постороннихъ вліяній и примѣсей, одинаково горячо готовый ратовать и противъ католиковъ съ уніатами, и противъ магометанъ, и противъ іудеевъ, среди которыхъ, около того времени, явился обманщикъ, называвшій себя Мессіею [1]). Для характеристики современныхъ религіозныхъ воззрѣній важно одно изъ его сочиненій, подъ заглавіемъ „*Души людей умершихъ*" — написанное противъ католическаго ученія о „чистилищѣ". Въ этомъ произведеніи авторъ подробно разсказываетъ о загробной жизни и о томъ, какъ распредѣляются души праведниковъ въ раю и души грѣшниковъ въ аду. Души праведниковъ размѣщаются на небесахъ въ девяти обителяхъ, соотвѣтственно девяти чинамъ ангельскимъ и тѣмъ обязанностямъ, какія на эти чины возложены. „Въ низшемъ отдѣленіи, въ хорѣ ангеловъ, которымъ поручено надзирать за душами людей во время земного ихъ бытія, витаютъ души крещеныхъ дѣтей, убогихъ, сиротъ, вдовъ и жившихъ честно въ супружескомъ союзѣ; во второмъ хорѣ, архангеловъ — священники и церковные учители; въ третьемъ хорѣ, обязанномъ наблюдать надъ государствами и народами, пребываютъ души царей, князей, воеводъ, *право правившихъ* и никому не сдѣлавшихъ обидъ; въ четвертомъ хорѣ, ведущемъ постоянную борьбу съ злыми духами, видимъ души *ры-*

Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Кутеинскій Оршанскій монастырь.

[1]) Такое сочиненіе Голятовскаго противъ евреевъ было весьма умѣстнымъ въ ту пору, когда евреи, пользуясь польской неурядицей, такъ страшно угнетали православныхъ, являясь то неумолимо-жестокими арендаторами, то откупщиками церквей и всѣхъ важнѣйшихъ духовныхъ потребностей русскаго населенія въ Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи.

царей, которые противились злымъ духамъ и побѣждали грѣхъ: въ пятомъ хорѣ — души чудотворцевъ; въ шестомъ — души дѣвственниковъ, пустынниковъ и иноковъ; въ седьмомъ — души справедливыхъ судей; въ восьмомъ хорѣ, херувимскомъ — души апостоловъ, епископовъ, митрополитовъ и т. д.; въ девятомъ — серафимскомъ — души мучениковъ". Устройство ада гораздо менѣе сложно, по представленію Голятовскаго: тамъ только два отдѣла: въ первомъ, вмѣстѣ съ душами мучениковъ, до пришествія Спасителя, пребывали души ветхозавѣтныхъ праведниковъ, ожидавшихъ его пришествія; оттуда онѣ и были возведены на небеса, а души язычниковъ тамъ и остались; во второмъ, *геенню огненной*, пребываютъ души грѣшниковъ, осужденныхъ на многоразличныя муки.

Тому же Голятовскому принадлежитъ и первое русское руководство по составленію проповѣдей: „*Наука альбо способъ сложенія казаній*" [1]). Здѣсь онъ излагаетъ всѣ правила и пріемы проповѣдническаго искусства, какъ его понимали въ современной схоластической школѣ, основываясь на образцахъ латинскихъ и польскихъ. Чрезвычайно любопытною, отличительною чертою этого руководства служитъ, между прочимъ, то, что авторъ постоянно ссылается на свои собственныя проповѣди, какъ на образецъ ораторскаго искусства. По этому руководству и по проповѣдямъ наиболѣе замѣчательныхъ проповѣдниковъ кіевской школы (Антонія Радивиловскаго или Лазаря Барановича) мы можемъ легко ознакомиться съ общимъ характеромъ и духомъ современнаго духовнаго ораторства. Учебные труды Голятовскаго.

Наука о сложеніи „казаній" весьма практично приложена Голятовскимъ къ его же сборнику проповѣдей, подъ заглавіемъ „*Ключъ разумѣнія*", и это въ значительной степени облегчаетъ ему ссылки на образцы. Голятовскій смотрѣлъ (какъ и всѣ его современники) на ораторское искусство не какъ на даръ Божій, не какъ на врожденную человѣку способность выражать мысль въ словѣ, и говорить красно, сильно и убѣдительно: онъ видитъ въ ораторствѣ только умѣнье, которымъ можетъ овладѣть каждый, при помощи извѣстныхъ усилій, при посредствѣ хорошаго руководства и знакомства съ классическими образцами. Проповѣднику нужно, прежде всего, твердо знать, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь, и какъ нужно составлять каждую отдѣльную ея часть? И вотъ онъ разсматриваетъ каждую изъ нихъ отдѣльно: *Экзордіумъ* (приступъ), *пропозицію* (предложеніе), *наррацію* (изложеніе) и *конклюзію* (заключеніе). Затѣмъ, переходя къ разсужденію о матеріяхъ для проповѣди, онъ, конечно, на первый планъ ставитъ

[1]) *Казаніе* — то же, что проповѣдь. Отсюда: казнодѣй — проповѣдникъ.

Св. Писаніе и Творенія Св. Отцовъ Церкви; но отводитъ видное мѣсто и свѣтскимъ наукамъ. Для оживленія проповѣди, по мнѣнію Голятовскаго, надо читать „исторіи и хроники о разныхъ церквахъ и странахъ: что̀ въ нихъ прежде происходило и что̀ теперь происходитъ; также книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ и камняхъ—все это замѣчать и приспособлять къ своей

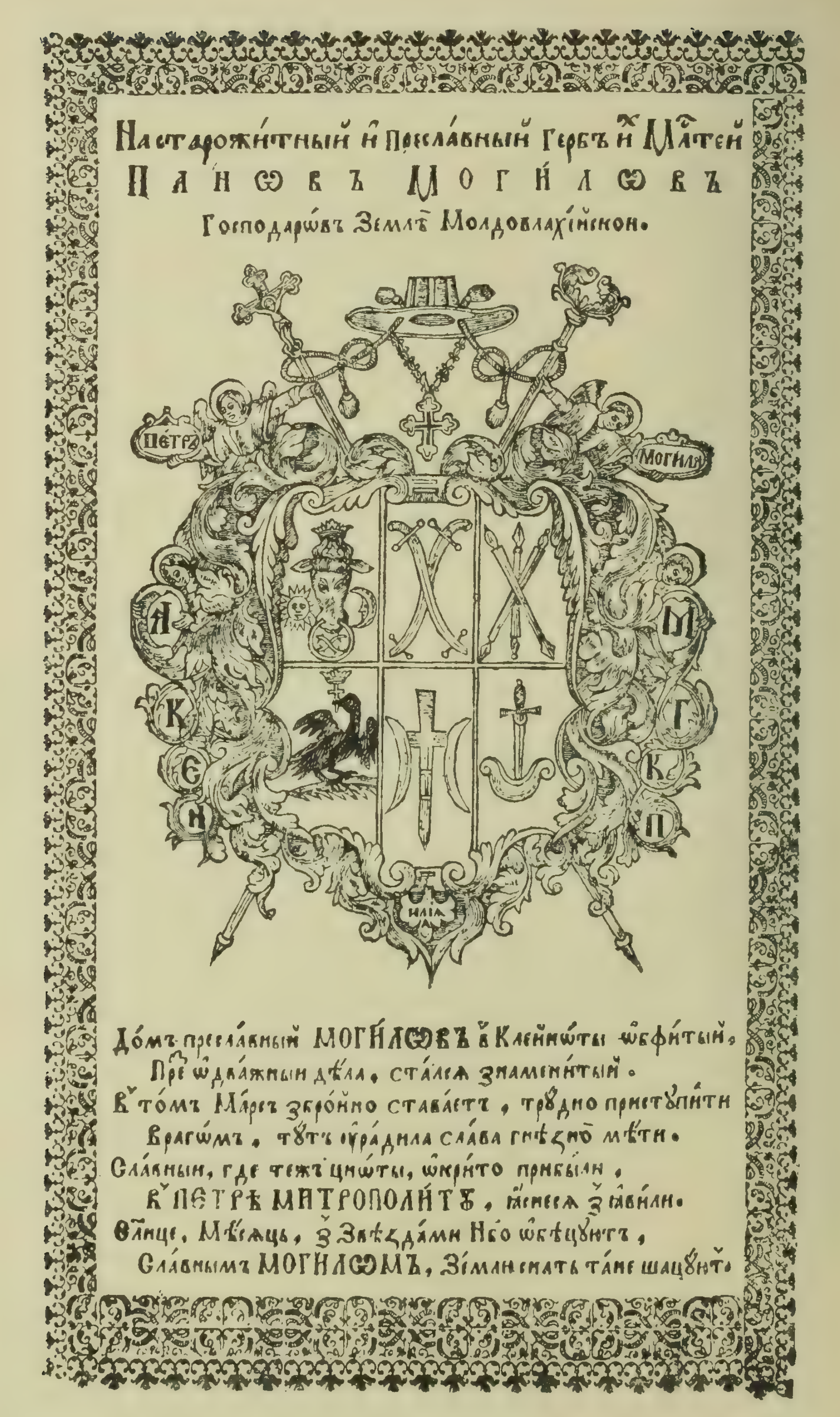
Петръ Могила, основатель Кіево-Могилянской коллегіи.

рѣчи; нужно читать и проповѣдниковъ нынѣшняго времени, и имъ слѣдовать". И въ этихъ наставленіяхъ слышится уже голосъ человѣка, европейски-просвѣщеннаго, не способнаго ни къ какой косности и застою, открывающаго каждому проповѣднику обширное поле дѣйствій, не придерживаясь исключительно одной только буквы текстовъ Св. Писанія.

Теорія краснорѣчія.

Важнѣйшею изъ всѣхъ сторонъ проповѣди, по мнѣнію Голятовскаго, должна быть ея *завлекательность*:—проповѣдникъ долженъ заставить себя слушать внимательно и безъ скуки. Для этой цѣли Голятовскій предлагаетъ ему пользоваться самыми разнообразными средствами и пріемами. Съ одной стороны — обязательными считаетъ онъ всякія украшенія риторическія и стилистическія; затѣмъ рекомендуетъ пользоваться всякими *циркумстанціями* (общими мѣстами или обстоятельствами), разсматривая въ своей проповѣди: „кто чинилъ? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какимъ способомъ? въ какое время?“ Но особенно важное значеніе придаетъ Голятовскій умѣнью пользоваться скрытымъ, внутреннимъ значеніемъ словъ и символистикой для того, чтобы изъ каждаго слова, изъ каждаго намёка, изъ подробностей герба, даже изъ того, что событіе происходило въ тотъ или другой день—извлекать тэмы для вступленія въ проповѣдь или для украшенія ея замысловатыми и вычурными прикрасами. Такъ, напримѣръ, въ день того или другого святого проповѣдь слѣдовало начинать съ истолкованія самаго имени и затѣмъ говорить о свойствахъ, выражаемыхъ именами; для вступленія въ надгробную рѣчь какого-нибудь вельможи или сановника, необходимо было внимательно разсмотрѣть его гербъ и къ подробностямъ герба примѣнить тотъ или другой текстъ Св. Писанія, которымъ и начать проповѣдь. Можно было заимствовать тэму для начала проповѣди отъ того дня, когда совершилось событіе, отъ того времени года, къ которому этотъ день относится... Можно было даже, ради возбужденія любопытства слушателей, „обѣщать имъ, что въ слѣдующей проповѣди сообщишь имъ „нѣчто важное или новое и никому неизвѣстное“ и т. д.

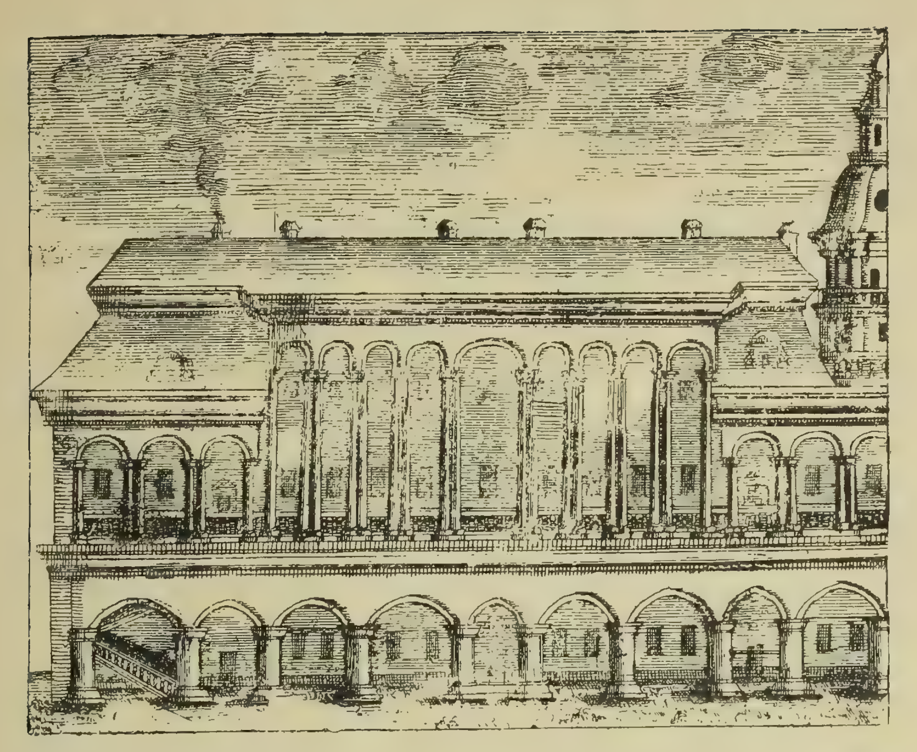
Придавая такое существенное значеніе внѣшней сторонѣ проповѣди, Голятовскій, сверхъ того, училъ проповѣдниковъ умѣнью пользоваться его собственными и всякими иными проповѣдями, какъ пригодною канвою для новыхъ ораторскихъ произведеній. По его мнѣнію и воззрѣніямъ, это все очень легко и просто должно было дѣлаться: „изъ слова на день св. великомученика Георгія, ты легко можешь составить другое слово на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ; та же будетъ тэма, тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія: только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія и т. д.“—такъ научаетъ Голятовскій. Точно такъ же легко, по его понятіямъ, цѣлое „слово“ обратить въ одну часть другого „слова“, и изъ одной части развить цѣлое „слово“: для этого нужно только „ту часть слова распространить и расширить, прибавить къ ней примѣры, подобія, изреченія и фигуры — и небольшая часть слова сдѣлается большимъ словомъ“.



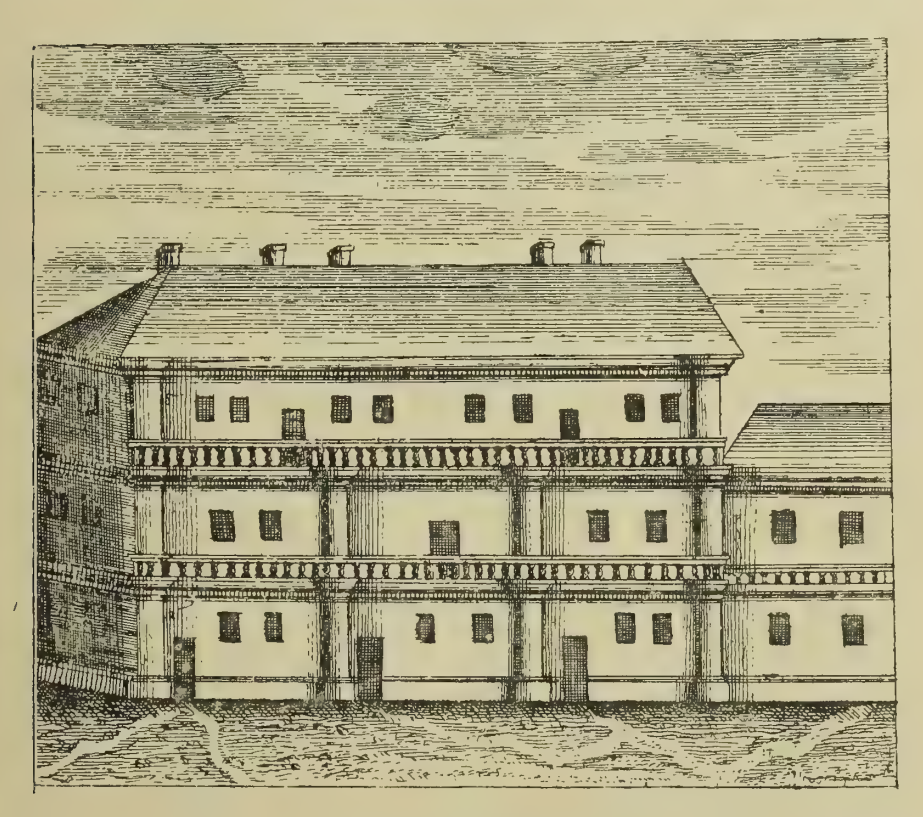
На старожитный и преславный Гербъ их Милостей
Пановъ Могилѡвъ
Господарѡвъ Земли Молдовлахійской.

До́мъ преславный МОГИЛѠВЪ в Клейнѡты ѡбфитый,
През ѡдважныи дѣла, сталсѧ знаменитый.
В то́мъ Марсъ збройно ставаетъ, трудно приступити
Врагѡмъ, тутъ оурадила слава гнѣздо мѣти.
Славныи, где тежъ цнѡты, ѡкрыто прибыли,
В ПЕТРѢ МИТРОПОЛИТѢ, ѩснесѧ зъѩвили.
Слнце, Мѣсяць, з Звѣздами Нбо ѡсвѣцуютъ,
Славнымъ МОГИЛѠМЪ, Зимане снать тане шацуютъ.

Титульный листъ кіевскаго изданія съ изображеніемъ герба «Пановъ Могиловъ».



Каменное помѣщеніе для классовъ Кіево-Могилянской коллегіи, воздвигнутое П. Могилою.
(По современному рисунку).



Каменное помѣщеніе для учениковъ Кіево-Могилянской коллегіи, построенное П. Могилою.
(По современному рисунку).

Послѣдователи Голятовскаго.

Ближайшими послѣдователями теоріи духовнаго краснорѣчія, развиваемой Голятовскимъ, были два оратора-современника, славившіеся своими проповѣдями во второй половинѣ XVII вѣка: *Антоній Радивиловскій* и *Лазарь Барановичъ*. Первый былъ игуменомъ кіево-николаевскаго монастыря и оставилъ по себѣ два обширныхъ сборника проповѣдей; „*Огородокъ* (т. е. садъ) *Маріи Богородицы*" (1676 г.), посвященный Богородицѣ, и „*Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ* (т.-е. розовыхъ) *сплетенный*" — посвященный Спасителю. Въ началѣ перваго сбор-

Ученики Кіево-Могилянской коллегіи, съ греческими и латинскими тезисами въ рукахъ. (По современному рисунку).

ника, авторъ такъ объясняетъ заглавіе своего труда: „сей начатокъ труда смиренно приноситъ Тебѣ въ жертву прахъ, пепелъ, недостойный рабъ и насадитель огородка... Молю, да за этотъ насажденный Тебѣ огородъ, Ты введешь меня, на второмъ пришествіи Сына Твоего, въ небесный огородъ вмѣстѣ со святыми"... Тотчасъ, вслѣдъ за этимъ, онъ считаетъ необходимымъ истолковать и мудреную заглавную гравюру на титульномъ листѣ книги [1]). „Какъ Новуходоносоръ" — такъ говоритъ онъ —„устроилъ въ Ва-

[1]) По современному издательскому обычаю во главѣ книги обыкновенно помѣщалась гравюра, изображающая, символически, все содержаніе книги въ видѣ рисунка, въ смыслъ и значеніе котораго очень было трудно вникнуть человѣку, незнакомому съ тонкостями современной схоластики и символизма. Далѣе, на стр. 261, 262 и 264 мы приводимъ образцы такихъ титульныхъ листовъ изъ кіевскихъ изданій.

вилонѣ висячій садъ на высокихъ каменныхъ столпахъ, такъ и ты, о Маріе, стоишь на Дарахъ Духа Святого, будто на столпахъ".

Лазарь Барановичъ.

Современникъ Радивиловскаго, *Лазарь Барановичъ*, архіепископъ черниговскій, оставилъ намъ также два сборника проповѣдей, на которыхъ въ значительной степени отразилась бурная и тревожная эпоха происходившихъ въ это время казацкихъ войнъ и борьбы за независимость Малороссіи.

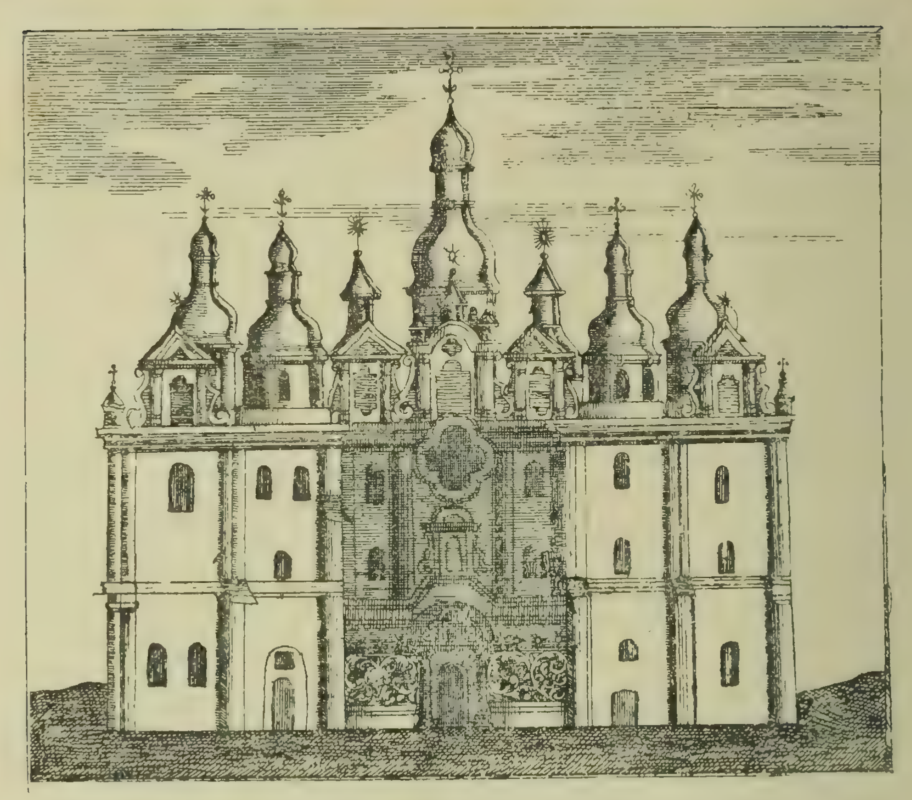
Первый изъ сборниковъ Лазаря Барановича, подъ заглавіемъ „*Мечъ духовный*", изданъ былъ въ 1666 г. и заключаетъ въ себѣ проповѣди на каждую недѣлю; второй — *Трубы словесъ проповѣдныхъ* (изданъ въ 1674 г.) состоитъ изъ проповѣдей на разные праздники церковные. Въ предисловіи къ первому, авторъ говоритъ: „въ сіи времена, полныя брани, ничто такъ не полезно, какъ мечъ, читатель возлюбленный!... Не таковъ сей мечъ, какъ у Петра, который урѣзалъ ухо Малху... Сей мечъ духовный, — глаголъ Божій, исходящій изъ устъ Христовыхъ, — не убиваетъ, но живитъ... Потому я и подаю сей мечъ духовный, — глаголъ Божій, исходящій ихъ устъ Божіихъ, — на помощь Церкви воюющей".

Барановичъ талантливѣе обоихъ своихъ современниковъ-ораторовъ—и Голятовскаго, и Радивиловскаго; притомъ онъ и строже ихъ относится къ своей задачѣ, не разбрасываясь въ выборѣ своихъ доводовъ и примѣровъ, „не прибавляя (по его собственнымъ словамъ) не только никакихъ басней, но даже исторій, внѣ Писанія святого и ученія церковнаго сущихъ". Но и онъ — сынъ своего схоластическаго вѣка,—и онъ поглощенъ заботами о чрезмѣрной витіеватости и вычурной украшенности въ изложеніи своихъ проповѣдей, чѣмъ много вредитъ ихъ стройности и ясному теченію основной мысли. Вездѣ — сопоставленія, сближенія, уподобленія, игра словъ, символистика весьма туманная и потому требующая истолкованій. Но, несмотря на это, многія изъ проповѣдей Лазаря Барановича проникнуты истиннымъ религіознымъ чувствомъ и способны растрогать слушателя, точно также, какъ и слѣдующее мѣсто его предисловія къ „Мечу духовному":

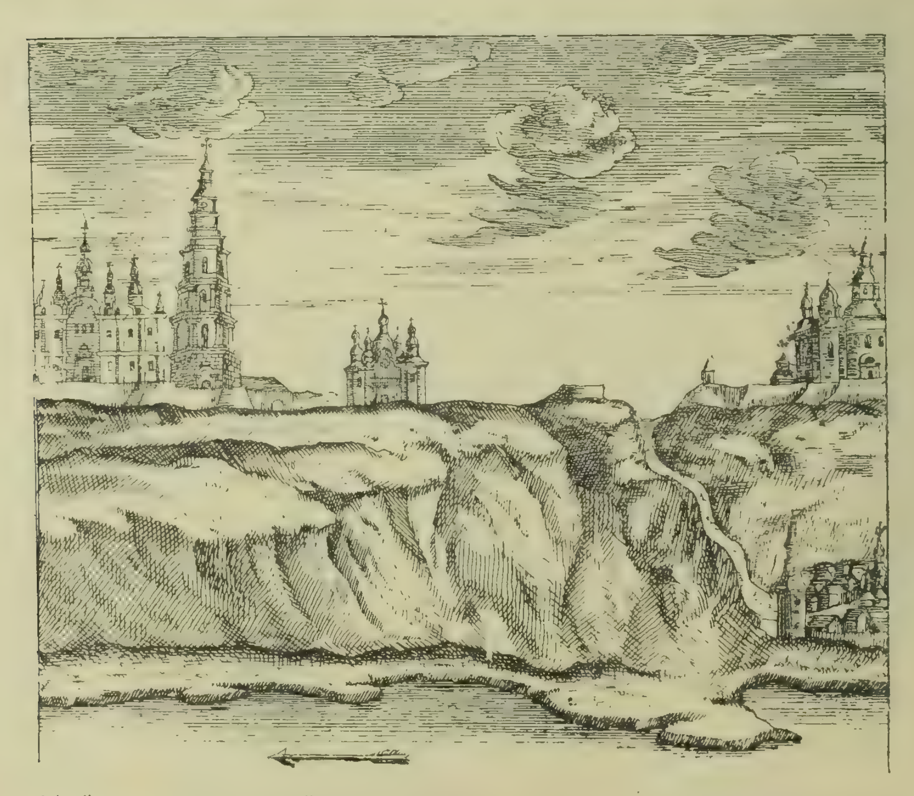
„Сіи проповѣди скорѣе съ одра смертнаго, чѣмъ съ амвона проповѣдуются [1]); вмѣсто амвона для меня былъ уже уготованъ одръ смертный, но Христосъ, тезоименитаго мнѣ Лазаря воскресившій изъ гроба, Тотъ же Жизнодавецъ коснулся своею благодатію и моего одра болѣзни смертной и сказалъ: тебѣ глаголю, возстани! Азъ же возстахъ и почахъ глаголати духомъ устъ Его— мечомъ духовнымъ".

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ сильно развившагося ду-

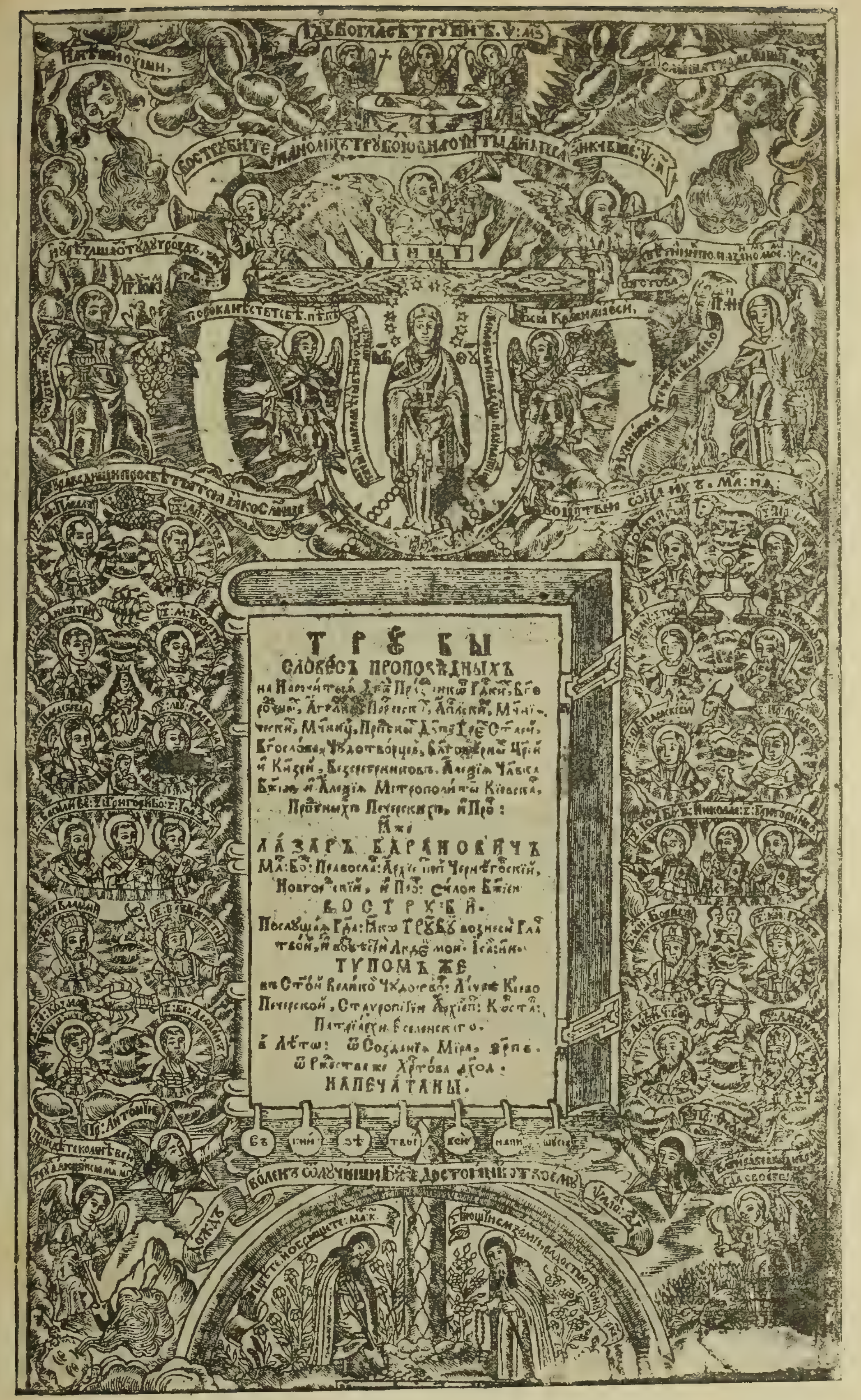
[1]) Во время изданія въ свѣтъ этого сборчика проповѣдей, авторъ былъ тяжко боленъ.



Видъ храма Успенія, въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ XVII в. (По современному рисунку).



Общій видъ Кіево-Печерской лавры, съ Днѣпра, въ XVII в. (По современному рисунку).



Титульные листы кіевскихъ изданій: къ книгѣ Лазаря Баоановича „Трубы словесъ проповѣдныхъ“.

ЕYХОЛОГІОN

албо

МОЛИТВОСЛОВЪ,

или

ТРЕБНИКЪ.

Имѣяй в себѣ церковная различная Послѣдованія Іерешм подобающая.

Ѿ стыхъ Аплъ прежде, потомже ѿ стыхъ и Бгоносныхъ Ѿтецъ в различныхъ временахъ преданная.

Нинѣ же блгсвенїем и поблаенїем, Ясне Превелеб: в Бзѣ о: Ѽца: Гсна Ѽца Петра Могилы ...митрополіти Кїевскагω, и проч:

Издан в Ст: великой Чудотвор: Лаврѣ Печер: Кіев: Ро: ахмѕ. Мца Декаб: ѕі, дня.

Титульные листы кіевскихъ изданій: къ книгѣ „Евхологіонъ альоо молитвословъ или Требникъ".

ховнаго ораторства, помимо риторическихъ руководствъ, въ теченіе XVII вѣка явилось еще много различныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для пополненія недостатка въ матерьялѣ, необходимомъ для духовнаго оратора. Такъ, напр., мы видимъ цѣлый рядъ сборниковъ, посвященныхъ чудесамъ Дѣвы Маріи и святыхъ. Сборники эти являются подъ различными заглавіями, въ родѣ: „*Небо новое, съ новыми звѣздами*, т.-е. *Преблагословенная Дѣва Марія съ чудами своими*“ (1665 г.); или же „*Скарбница, потребная всему свѣту*“, въ которомъ чудеса, допускаемыя Западною Церковью, дополнены чудесами Церкви русской. Въ числѣ этихъ сборниковъ особенно любопытенъ сборникъ св. Димитрія Ростовскаго, подъ заглавіемъ: „*Руно орошенное*“ (1680 г.), заключающій въ себѣ 24 чуда, по числу часовъ дня. Каждому изъ этихъ чудесъ посвящена особая глава, подраздѣленная на четыре части: 1) описаніе чуда, 2) бесѣду, 3) нравоученіе и 4) прилогъ, т.-е. разсказъ о чудѣ по восточнымъ или западнымъ источникамъ.

Рядомъ съ этою проповѣдническою литературою развилась, и даже очень быстро, литература учебная по важнѣйшимъ предметамъ школьнаго преподаванія—по славянскому языку, богословію и исторіи. Учебники.

Ранѣе всѣхъ явились учебники грамматическіе: *Лаврентій Зизаній* уже въ 1596 г. издалъ (первую) грамматику славянскаго языка, въ которой, кромѣ правилъ грамматическихъ, были изложены и правила стихосложенія, по образцу древне-греческаго. Затѣмъ въ 1619 г. вышла въ свѣтъ грамматика *Мелетія Смотрицкаго*. Само собой разумѣется, что эти грамматики не исходили изъ точнаго и внимательнаго изученія законовъ языка славянскаго (до этого было еще очень далеко), а только представляли нѣкоторое подобіе или примѣненіе грамматики славянской къ образцу грамматикъ классическихъ, и нерѣдко навязывали современному книжному языку такія формы греческаго и латинскаго синтаксиса, какихъ даже вовсе и не существовало въ языкѣ славянскомъ. Притомъ, съ теченіемъ времени, формы церковно-славянскаго языка сильно перемѣшались съ формами языка древне-русскаго, и авторы первыхъ грамматикъ положительно были неспособны отличать формы одного языка отъ формъ другого. Несмотря на всѣ эти недостатки, грамматика Смотрицкаго, какъ учебникъ, получила весьма обширное примѣненіе въ школахъ Юго-Запада и Сѣверо-Востока Руси, и даже геніальному Ломоносову пришлось еще обучаться въ школѣ по грамматикѣ Смотрицкаго.

Одновременно съ первыми грамматиками явились и первые опыты словарей; такъ Лаврентій Зизаній прибавилъ краткій словарь славянскаго языка къ своей грамматикѣ; а лѣтъ 30 спустя кіево-печерскій монахъ *Памва Берында* предпринялъ трудъ болѣе

Титульные листы кіевскихъ изданій: къ книгѣ „Столпъ Цнотъ“.

обширный, подъ общимъ заглавіемъ: *„Лексиконъ славяно-россійскій именъ толкованіе“* (1697 г.).

Катехизисы.

За грамматиками послѣдовали катехизисы. Одинъ изъ нихъ былъ уже упомянутъ нами въ концѣ прошлой главы (см. выше стр. 245). Мы видѣли, что онъ былъ представленъ въ Москвѣ патріарху Филарету, подвергся пересмотру и исправленію и, наконецъ, былъ напечатанъ. Вслѣдъ за этимъ катехизисомъ явился другой, подъ заглавіемъ: *„Православное исповѣданіе каѳолической вѣры“* — сочиненный *Исаіею Козловскимъ*, игуменомъ одного изъ кіевскихъ монастырей. Онъ составленъ былъ по порученію Петра Могилы, и потому часто называется „катехизисомъ Петра Могилы“.

Мелетій Смотрицкій, архіепископъ Полоцкій.

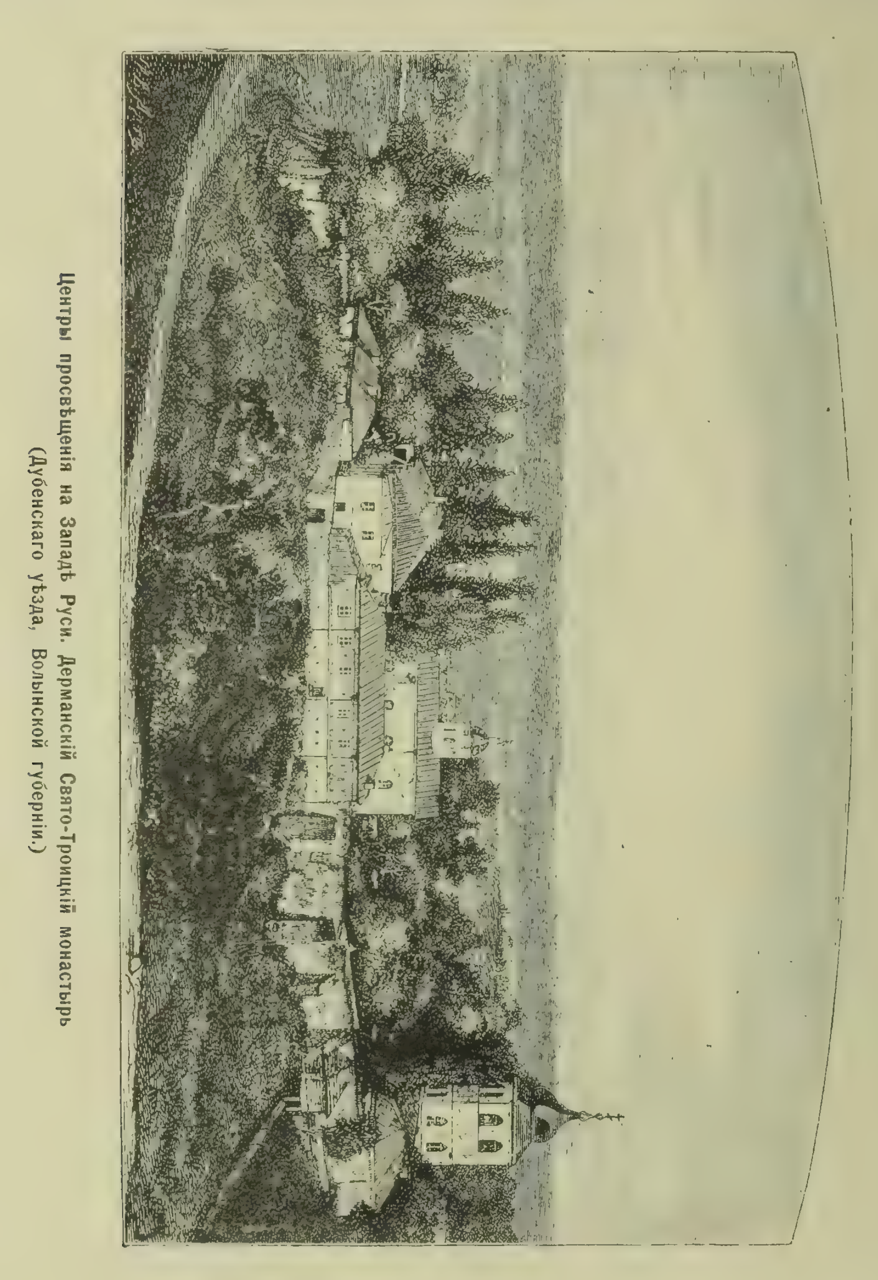
За катехизисами и грамматиками—этими насущнѣйшими пособіями всякаго школьнаго преподаванія — являются учебники богословія. Сначала *Кириллъ Транквиліонъ Ставровецкій* (учитель Львовскаго братства) издалъ въ свѣтъ, около 1618 г., свое *„Зерцало Богословія“*; затѣмъ, на томъ же поприщѣ трудятся: *Исаія Копинскій*, митрополитъ кіевскій, и *Иннокентій Гизіель*, архимандритъ Кіево-Печерской обители.

Наконецъ, между 1693 — 1697 гг. является замѣчательный учебникъ другого кіевскаго митрополита, *Іоасафа Кроковскаго*, въ которомъ всѣ отдѣльныя статьи дѣлятся на-двое: на часть *созерцательную* (догматическую) и часть *состязательную* (полемическую).

Историческіе учебники.

Здѣсь-же, на той же благодатной почвѣ русскаго Юго-Запада, явились и первые учебники по русской исторіи: *„Хроника“* игу-

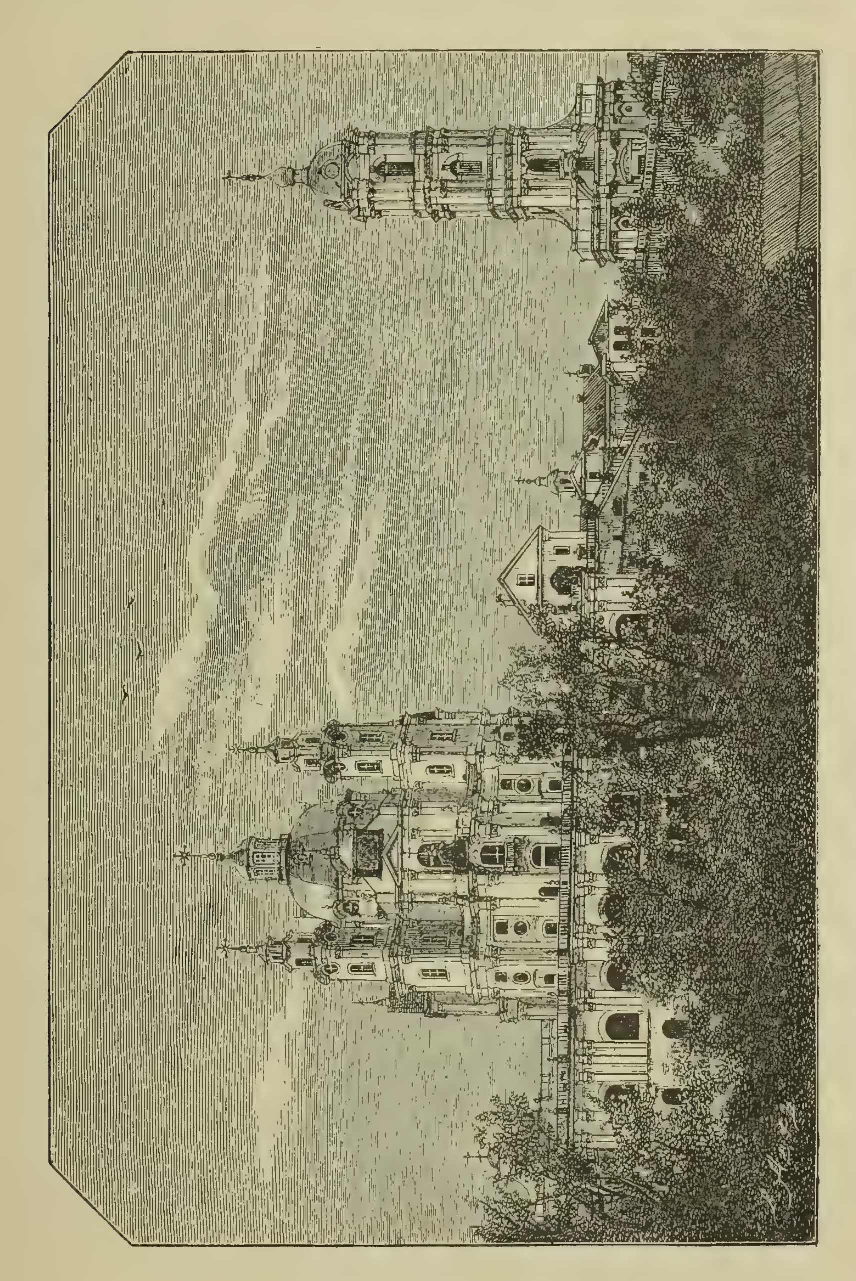
мена Кіево-Михайловскаго монастыря, *Θеодосія Сафоновича,* излагающая событія русской исторіи до конца XIII вѣка, и болѣе подробный, болѣе обширный трудъ Иннокентія Гизіеля, подъ заглавіемъ:—„*Синопсисъ*“ (обозрѣніе) *или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа и первоначальныхъ*



Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Дерманскій Свято-Троицкій монастырь (Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.)

князей богоспасаемаго града Кіева“. Гизіель воспользовался трудомъ Сафоновича, дополнивъ его событіями позднѣйшихъ вѣковъ. Изложеніе Гизіеля довольно напыщенно и переполнено восхваленіями и преувеличеніями во всемъ, что онъ повѣствуетъ о древнихъ

князьяхъ русскихъ. Много и баснословія, и наивныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ гипотезъ... Но, несмотря на всѣ эти крупные недостатки, учебникъ Гизіеля все же былъ явленіемъ замѣчательнымъ по тому времени; онъ несомнѣнно былъ плодомъ сознанія своей національной обособленности и долженъ былъ вызывать въ



Центры просвѣщенія на Западѣ Руси. Почаевская лавра (съ южной стороны).

сердцахъ всѣхъ русскихъ людей польско-литовскаго Юго-Запада надежды на лучшее будущее. Въ школахъ онъ продержался вплоть до половины XVIII вѣка, когда на смѣну его явились лучше-составленные учебники.

Духовная драма и вирши.

Для полной характеристики этого любопытнаго періода въ развитіи нашей словесности на русскомъ Юго-Западѣ, намъ остается упомянуть еще о двухъ любопытныхъ особенностяхъ того обильнаго запаса литературныхъ произведеній, которыя намъ оставила кіевская школа. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить тотъ литературный родъ, который, до XVII вѣка, былъ рѣшительно неизвѣстенъ въ русской литературѣ, и сталъ весьма обыкновеннымъ и сильно распространеннымъ литературнымъ родомъ въ средѣ писателей кіевской школы: — это *духовная драма*, о которой мы будемъ подробнѣе говорить въ одной изъ ближайшихъ главъ. Затѣмъ нельзя не упомянуть о чрезвычайномъ обиліи и распространенности *силлабическихъ стиховъ* или *виршей*, которыя всѣми писались по самымъ разнообразнымъ поводамъ и случаямъ житейскимъ, ради всякихъ торжествъ и празднествъ, семейныхъ и общественныхъ. Въ многихъ случаяхъ, стихи замѣняли собою торжественную и возвышенную прозу, а иногда являлись только простой украсой; — такъ наприм., каждая книга, выходившая въ свѣтъ, снабжалась, по современному обыкновенію, стихотворнымъ прологомъ или эпилогомъ, или, наконецъ, посвященіемъ какому-нибудь именитому современнику. Пристрастіе къ виршамъ было настолько велико и сильно, что иногда виршами писались цѣлыя книги. Въ виршахъ этихъ не было даже и тѣни какой бы-то-ни было поэзіи; содержаніе ихъ, большею частью, было посвящено какому-нибудь весьма обыденному духовно-нравственному назиданію — но на вирши была мода (заимствованная изъ Польши, отъ іезуитовъ) и вирши писались всѣми въ великомъ изобиліи. Чрезмѣрною, почти изумительною любовью къ „виршеплетенію“ отличался въ особенности *Іоаннъ Максимовичъ*, архіепископъ черниговскій, написавшій громадное стихотвореніе: „*Богородице, Дѣво радуйся*“ — заключавшее въ себѣ около 25.000 силлабическихъ виршей. Затѣмъ онъ изложилъ, также въ виршахъ, молитву „*Отче Нашъ*“ и „*восемь блаженствъ евангельскихъ*“. Не довольствуясь этимъ, онъ еще посвятилъ много труда и времени на то, чтобы издать „*Алфавитъ духовный, рифмами сложенный*“, и въ этомъ алфавитѣ имѣлъ терпѣніе собрать стихотворныя похвалы святымъ, которыя и расположилъ въ азбучномъ порядкѣ. Очевидно, что и этотъ „алфавитъ“ предназначался кропотливымъ и усидчивымъ „виршеписцемъ“ на пользу проповѣдниковъ, которые, въ концѣ своей торжественной праздничной проповѣди въ честь того или другого святого, могли пользоваться заимствованными изъ его „Алфавита“ виршами, какъ самымъ удобнымъ и излюбленнымъ заключеніемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Московскій застой. — Борьба изъ-за книжнаго исправленія.—Дѣятельность Никона, просвѣтительная и преобразовательная.—Кіевскіе ученые въ Москвѣ и ихъ отношеніе къ московскому духовенству.

Въ то время, когда на Юго-Западѣ Руси проявлялось новое и весьма сильное, весьма опредѣленное и характерное движеніе, свидѣтельствовавшее о быстромъ развитіи самосознанія во всей массѣ общества—въ Москвѣ жизнь текла по прежнему, среди глубокаго сумрака и застоя, въ который только едва начинали проникать первые, случайно-западавшіе лучи просвѣщенія. Просвѣщеніе, неизбѣжно вносившее измѣненія въ воззрѣнія и мнѣнія, вынуждавшее отказываться отъ застарѣлыхъ предубѣжденій и предразсудковъ,—не привлекало, а пугало огромное большинство современнаго московскаго общества, и главный отпоръ встрѣчало со стороны высшаго духовенства, которое, ко всякой попыткѣ расширить кругъ знаній и распространить школьное ученіе, относилось съ крайнимъ недовѣріемъ и нескрываемымъ недоброжелательствомъ. Уступки со стороны высшихъ представителей духовной власти вызывались только крайнею необходимостью — только такими печальными явленіями, какъ общая порча книгъ, возбуждавшая въ средѣ духовенства и народа соблазнъ и зловредныя заблужденія. Мы выше уже видѣли, какъ нерѣшительно и неловко приступали къ искорененію этого зла, избирая на это дѣло лучшихъ и надежнѣйшихъ людей, и въ то же время не довѣряя имъ, опасаясь ихъ и даже предавая ихъ на истязаніе и мученіе въ руки изступленныхъ невѣждъ и изувѣровъ... А между тѣмъ зло успѣло пустить глубокіе корни и настоятельная, необходимая борьба съ нимъ требовала громадной энергіи и твердости, при большихъ знаніяхъ и при умѣньи ими пользоваться. Чтобы оцѣнить энергію и рѣшимость первыхъ русскихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, необходимо припомнить, что *„вѣра въ букву“* Писанія и

богослужебныхъ книгъ была общимъ недостаткомъ огромнаго большинства грамотныхъ русскихъ людей, начиная отъ высшихъ представителей духовнаго сословія и до послѣдняго причетника. Грубѣйшія описки и ошибки писцовъ утвердились въ памяти цѣлыхъ поколѣній, какъ неприкосновенные и неизмѣняемые тексты, и на всѣ доводы людей ученыхъ и знающихъ, невѣжественные справщики и закоренѣлые фанатики отвѣчали неизмѣнно однимъ и тѣмъ же неопровержимымъ софизмомъ: „по этимъ книгамъ, которыя ты дерзаешь исправлять, святые мужи молились и угодили Богу... Ужели ты думаешь, что ты ихъ умнѣе или дальновиднѣе?“

Порча книгъ. И вотъ, по странной игрѣ случайностей, тотъ самый типографскій станокъ, который оказалъ такія неисчислимыя услуги распространенію просвѣщенія на Западѣ, при данныхъ условіяхъ московской жизни, способствовалъ быстрому усиленію и распространенію ересей и лжеученій, выпуская въ свѣтъ въ большомъ количествѣ книги священныя и богослужебныя, совершенно испорченныя невѣжественными справщиками. Особенно много такихъ книгъ было отпечатано и распространено въ патріаршество *Іосифа* (съ 1642 г. по 1652 г.) и значительную долю внесенныхъ за это время въ книги искаженій можно даже предположить преднамѣренными, такъ какъ справщиками являлись при этомъ патріархѣ лица, вскорѣ послѣ того заявившія себя открытыми противниками общепринятыхъ церковныхъ обычаевъ и мнѣній. То были: протопопъ *Аввакумъ*, прославившійся впослѣдствіи своей борьбою съ Никономъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора *Ѳеодоръ*, царскій духовникъ *Стефанъ Вонифантьевъ*, ключарь Успенскаго собора *Иванъ Нероновъ* и многія другія лица [1]), принадлежавшія къ тому же кружку. Они и стали во главѣ того движенія, которое открыто проявилось въ русскомъ обществѣ въ половинѣ XVII вѣка и стало впослѣдствіи извѣстно подъ общимъ наименованіемъ *раскола*.

Необходимость борьбы противъ невѣжества и его печальныхъ и зловредныхъ проявленій въ общественной жизни чувствовалась и предвидѣлась уже давно, и въ первой четверти XVII в. правительство принимаетъ уже мѣры для этой борьбы: заводитъ школы, вызываетъ ученыхъ иноземцевъ съ Запада, ищетъ потребныхъ и пригодныхъ себѣ людей даже въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, хотя противъ нихъ въ Москвѣ существовало нѣкоторое предубѣжденіе. Къ этому источнику пришлось обратиться поневолѣ: въ Москвѣ уже давно были въ ходу книги, сочиненныя кіевскими учеными и напечатанныя въ Кіевѣ. Въ числѣ первыхъ

---

[1]) Священники: *Логинъ* изъ Мурома, *Дамьянъ* изъ Костромы; московскіе попы: *Никита* и *Лазарь*; и наконецъ *князь Львовъ*, начальникъ печатнаго двора при патріархѣ Іосифѣ.

такихъ книгъ были: „*Учительное Евангеліе*“ Кирилла Транквиллліона и „*Катехизисъ*“ Лаврентія Зизанія. Къ этимъ книгамъ образованные представители московскаго духовенства относились весьма сурово, писали противъ нихъ „свитки укоризнъ“, отыски-

Царь Алексѣй Михайловичъ, по современному портрету въ «Титулярникѣ» XVII вѣка.

вали въ нихъ „погрѣшительныя словеса“ и даже указывали на „служеніе ересямъ“. Вслѣдствіе этого, иногда, книги кіевскихъ ученыхъ задерживались на рубежѣ и вовсе не допускались къ обращенію въ книжной торговлѣ; иногда царскими указами повелѣвалось даже истреблять всѣ вывезенные въ Москву экзем-

Письмо царя Алексѣя Михайловича, изъ Смоленскаго похода, къ сестрамъ.

пляры той или другой книги... Но эти книги были нужны, были желательны и пригодны, и окончательно преградить имъ путь въ Москву оказывалось невозможно. Вслѣдъ за книгами, въ Москву

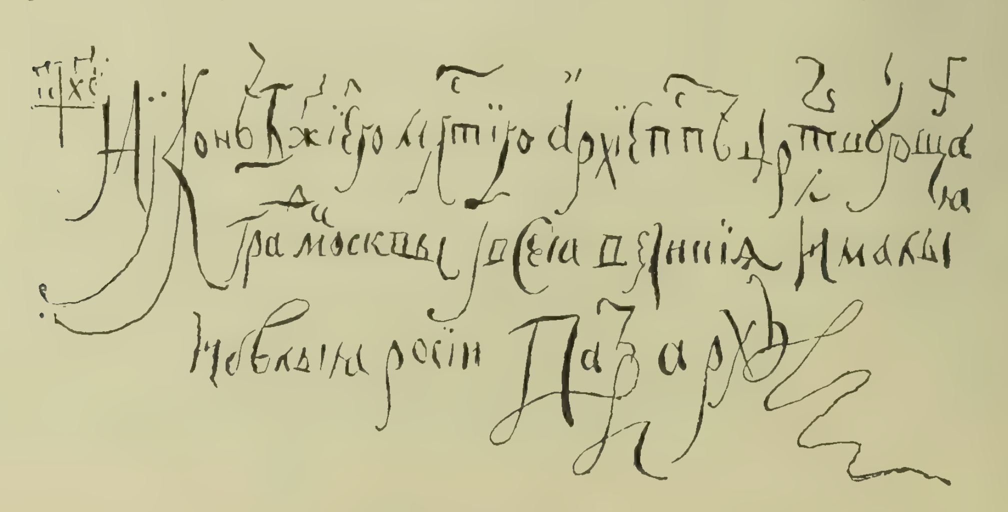
Патріархъ Никонъ съ клиромъ, по современному изображенію.

стали наѣзжать и авторы книгъ, вызываемые изъ Кіева для устройства училищъ, для составленія учебниковъ и пособій и для полемики съ нарождающимся расколомъ. Сношенія съ Кіевомъ усилились со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Первый вызовъ ученыхъ изъ Кіева былъ сдѣланъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1649 году, когда бояринъ Ртищевъ завелъ свое училище въ Андреевскомъ монастырѣ. Въ числѣ первыхъ прибывшихъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ явились два замѣчательныхъ дѣятеля: *Епифаній Славинецкій* и *Симеонъ Полоцкій*, люди способные, знающіе и трудолюбивые, оказавшіе цѣлый рядъ весьма серьезныхъ услугъ Русской Словесности и просвѣщенію. Они же явились и ближайшими, усерднѣйшими помощниками энергичнаго и настойчиваго борца противъ церковныхъ нестроеній и раскола— знаменитаго патріарха Никона.

Книгопечатный гербъ Никона.

Біографія Никона.

Біографія этого крупнаго историческаго дѣятеля, до возведенія въ санъ архіепископскій, очень немногосложна и не богата фактами. Никонъ родился въ 1605 г.; онъ былъ сынъ крестьянина Нижегородской области, села Вальдеманова. Отъ самой ранней юности онъ уже сталъ выказывать расположеніе къ аскетизму и уединенію и увлекаться тѣмъ идеаломъ созерцательнаго успокое-



Автографъ патріарха Никона.

нія, который для многихъ русскихъ людей въ XVII вѣкѣ являлся единственною нравственною цѣлью жизни. Двѣнадцати-лѣтнимъ отрокомъ онъ уже убѣгаетъ изъ родительскаго дома въ монастырь и тамъ поражаетъ всю братію своимъ суровымъ подвижничествомъ. Родители, однакожъ, не допускаютъ Никона до постриженія: они вызываютъ его изъ обители и почти вынуждаютъ жениться... Но Никонъ остается вѣренъ себѣ, и вскорѣ возвращается опять на ту же дорогу. Онъ уговариваетъ свою жену по-

Видъ Воскресенскаго (Ново-Іерусалимскаго) монастыря, основаннаго патріархомъ Никономъ.

стричься, постригается и самъ, и удаляется въ Соловецкую обитель. Въ 1646 году мы уже видимъ Никона игуменомъ въ Кожеозерскомъ монастырѣ; въ этомъ году онъ является по дѣламъ своего монастыря въ Москву и обращаетъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича, котораго поражаетъ величавая внѣшность и необычайная сила рѣчи Никона. По желанію царя, онъ уже не возвращается на Сѣверъ, остается въ Москвѣ и чрезвычайно быстро повышается по ступенямъ церковной іерархіи: два года спустя, мы видимъ его митрополитомъ новгородскимъ, а въ 1652 году—патріархомъ „всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи“.

Дѣятельность Никона.

Никонъ, человѣкъ умный и сильный волею, не даромъ принялъ на себя высокій санъ патріарха. Онъ задумалъ твердо и разумно править русскою Церковью и, сознавая необходимость исправленія церковныхъ книгъ, прежде всего рѣшился посвятить

этому трудному дѣлу свою несокрушимую энергію. Прекрасно понимая и ясно сознавая всю обширность и трудность этой задачи, онъ рѣшился обставить ея исполненіе всѣми условіями, которыя могли бы, съ одной стороны, обезпечить успѣхъ дѣла, а съ другой—убѣдили бы закоренѣлыхъ изувѣровъ и поклонниковъ буквы въ томъ, что они заблуждаются. Съ этою цѣлью Никонъ, прежде всего, собралъ въ Москвѣ соборъ (въ 1653—1654 гг.) и на немъ поднялъ вопросъ о необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ и по древнимъ славянскимъ рукописямъ; соборъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ Никона и постановилъ приступить къ исправленію книгъ немедленно. Никонъ, однакоже, не удовольствовался этимъ; онъ отправилъ постановленіе собора на разсмотрѣніе и утвержденіе константинопольскому патріарху и, только уже заручившись этимъ утвержденіемъ, рѣшился приступить къ дѣлу.

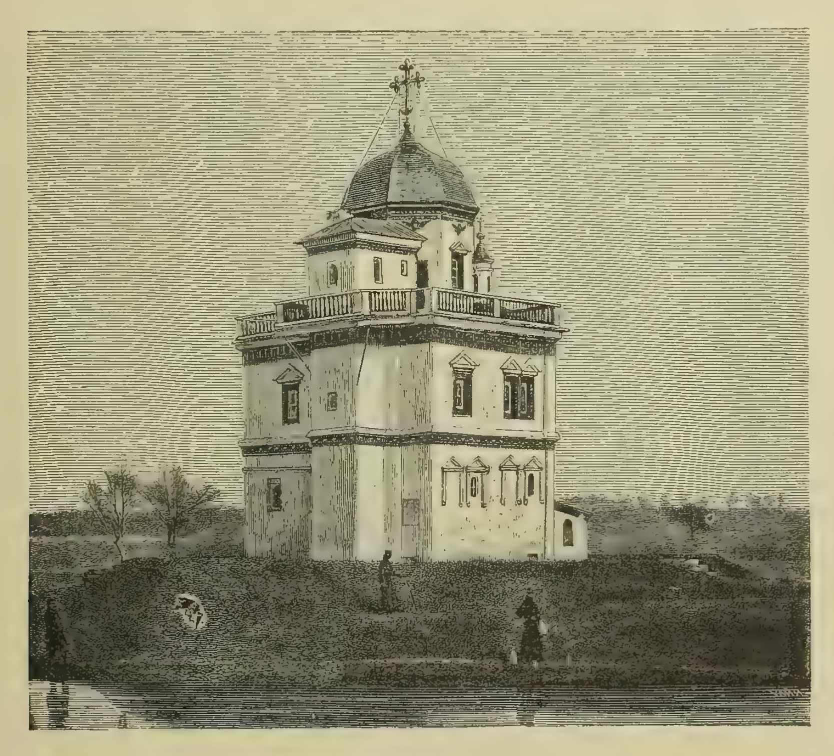
Удаливъ изъ типографіи тѣхъ невѣжественныхъ справщиковъ, о которыхъ одинъ изъ современниковъ говорилъ, что „они не знаютъ, кои въ азбукѣ письмена гласныя и согласныя и двоегласныя", Никонъ приставилъ къ печатанію и исправленію книгъ людей надежныхъ и несомнѣнно обладавшихъ обширными и прочными знаніями: Епифанія Славинецкаго и *Арсенія Грека*, котораго для этой цѣли вернулъ даже изъ ссылки [1]).

Чтобы доставить этимъ ученымъ справщикамъ полную возможность дѣлать исправленіе основательно, Никонъ приказалъ немедленно собрать изъ всѣхъ монастырскихъ библіотекъ, со всѣхъ концовъ Московскаго государства, древнѣйшія рукописи славянскія; одновременно онъ озаботился и о пріобрѣтеніи древнѣйшихъ греческихъ рукописей и съ этою цѣлью отправилъ въ Грецію и на Аѳонъ инока *Арсенія Суханова*, человѣка опытнаго въ этомъ дѣлѣ и уже не впервые совершавшаго поѣздку въ Грецію и на Востокъ [2]). Снабженный обширными полномочіями и обильными матерьяльными средствами, Арсеній Сухановъ добросовѣстно выполнилъ возложенное на него порученіе и вывезъ изъ Греціи множество книгъ и до 500 драгоцѣнныхъ греческихъ ру-

[1]) Арсеній Грекъ былъ человѣкъ ученый, получившій, подобно Максиму Греку, высшее образованіе въ Италіи. Въ Москву онъ прибылъ въ 1649 году съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ Лигаридомъ, и остался въ Москвѣ по личной просьбѣ царя Алексѣя Михайловича. Но и это особенное благоволеніе царя не спасло Арсенія отъ бѣдствій, которыя онъ навлекъ на себя рѣзкими отзывами о нѣкоторыхъ неправильностяхъ въ богослужебныхъ обрядахъ: за эти-то отзывы онъ и сосланъ былъ патріархомъ Іосифомъ въ Соловки.

[2]) Арсеній Сухановъ, за три года предъ тѣмъ, былъ посыланъ въ Грецію и Іерусалимъ для описанія церковныхъ чиновъ и составилъ это описаніе въ видѣ записокъ, въ которыхъ далъ полный отчетъ обо всемъ своемъ путешествіи. Запискамъ этимъ онъ придалъ названіе «Проскинитарія».

Скитъ Никона въ Воскресенскомъ (Ново-Іерусалимскомъ) монастырѣ.
По старому рисунку, какъ онъ былъ въ концѣ прошлаго и началѣ XIX вѣка.



Тотъ же скитъ, въ его нынѣшнемъ видѣ.
(По монастырской фотографіи).

кописей, которыя и положены были въ основу богатѣйшей патріаршей библіотеки.

Исправленіе книгъ.

Съ такимъ-то богатымъ матерьяломъ подъ руками, справщики приступили къ исправленію богослужебныхъ книгъ и прежде всего исправили и напечатали „*Служебникъ*“ (1655 г.), взамѣнъ того, который былъ напечатанъ съ важными и грубыми ошибками и искаженіями при патріархѣ Іосифѣ. „Служебникъ“ этотъ былъ представленъ Никономъ для одобренія на соборъ 1656 года, вмѣстѣ съ книгою „*Скрижаль*“, заключавшею въ себѣ объясненіе обрядовъ православной церкви; книга эта была переведена съ греческаго Арсеніемъ Грекомъ. Соборъ разсмотрѣлъ и „Скрижаль“, и „Служебникъ“, одобрилъ обѣ книги и постановилъ: новый „Служебникъ“ повсюду разослать по церквамъ и монастырямъ, а старый, Іосифовскій, повсюду отобрать и уничтожить.

Это постановленіе собора вызвало цѣлую бурю въ средѣ ревнителей старыхъ книгъ, которыя они стали впослѣдствіи отождествлять со „старою вѣрою“, будто бы поколебленною „новшествами“ Никона. Они стали подавать царю челобитныя, умоляя его защитить яко бы погибающее православіе; сами стали являться на печатный дворъ — ругать новыхъ „справщиковъ, кричать всюду, по площадямъ и базарамъ, что „древнее благочестіе“ поколеблено, и всенародно хулить дѣйствія патріарха, открыто напрашиваясь на борьбу съ нимъ. Борьба, какъ извѣстно, началась вскорѣ и для главныхъ зачинщиковъ движенія впослѣдствіи окончилась ссылками и казнями; но, съ другой стороны, и эти фанатики добились своего: они вызвали народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ *раскола*, весьма характерно проявившееся на первыхъ порахъ открытымъ сопротивленіемъ власти на дальнемъ Сѣверѣ, гдѣ съ 1656 года начинается „Соловецкій мятежъ“ и длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ подъ рядъ [1]).

Жезлъ Правленія.

Минуя всѣ подробности этой борьбы, не имѣющія значенія для Исторіи Русской Словесности, мы упомянемъ здѣсь только о важнѣйшихъ явленіяхъ той обширной литературы, которая была вызвана борьбою противъ раскола, и въ которой видную роль играли приглашенные въ Москву кіевскіе ученые. Въ этой литературѣ однимъ изъ первыхъ выступилъ смѣлый Симеонъ Полоцкій со своею книгою: „*Жезлъ правленія*“. Авторъ разбираетъ въ этой книгѣ челобитныя расколоучителей Никиты и Лазаря, опровергаетъ тѣ обвиненія, которыя они взводятъ на православныхъ, и для этихъ опроверженій весьма искусно пользуется ссылками на творенія Отцовъ Церкви, на

[1]) Соловецкіе монахи отказались принять новыя, «никоновскія», книги и, пользуясь неприступнымъ положеніемъ своей обители, цѣлое двадцатилѣтіе отсиживались за ся стѣнами отъ царскихъ воеводъ и войскъ, высылаемыхъ для ихъ усмиренія.

исторію и другіе источники; но, согласно обычаю времени, а отчасти и побужденный къ тому грубыми выходками расколоучителей, Симеонъ сводитъ мѣстами полемику съ ними на степень весьма рѣзкой площадной брани. „Клевещеши, окаянне!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ Никитѣ: — свинія еси, попирающе бисеры; вепрь еси гнусный въ царскомъ вертоградѣ, лисъ еси, губяй виноградъ церковный!..“ Обращаясь, въ другомъ мѣстѣ книги, къ другому расколоучителю, Лазарю, Симеонъ Полоцкій восклицаетъ: „Твое обличеніе оплевати паче и обругати подобаетъ, и уста лживые жезломъ, какъ псу лающему, заградити, нежели отвѣтъ тебѣ дати...“

Но рядомъ съ этою рѣзкою, задорною и ругательною полемикою, которая служитъ яркимъ отраженіемъ ожесточенія и злобы, охватившей обѣ борющіяся стороны, стали являться нѣсколько позднѣе и болѣе спокойные, и болѣе серьезные труды полемическіе, въ родѣ „*Увѣта духовнаго*“ (1682 г.), которымъ патріархъ Іоакимъ старался опровергнуть челобитныя соловецкихъ раскольниковъ, причемъ совершенно правильно вдавался въ разборъ исторіи прежнихъ ересей и лжеученій. Самою важною и самою серьезною изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ противъ раскола и притязаній раскольниковъ, было обширное сочиненіе *св. Дмитрія Ростовскаго,* подъ общимъ заглавіемъ „*Розыскъ*“. Воспользовавшись всѣмъ, что было противъ раскола до того времени написано, авторъ раздѣляетъ свой трудъ на три части, изъ которыхъ въ первой разсматриваетъ сущность раскольническихъ заблужденій и доказываетъ, что исповѣдуемая ими вѣра *не есть правая, не есть старая,* и проявляется лишь въ привязанности къ внѣшнимъ обрядамъ, которые они принимаютъ за сущность вѣры. Во второй части св. Дмитрій доказываетъ, что ученіе раскольниковъ ложно, потому что проповѣдуется людьми, самовольно присвоившими себѣ право проповѣди и отрицающими церковное преданіе. Въ третьей части св. Дмитрій разсматриваетъ дѣла, къ которымъ многихъ заблуждающихся приводитъ раскольническое ученіе, и старается выяснить, въ чемъ именно заключается истинная вѣра и сущность христіанской жизни. Розыскъ Д. Ростовскаго.

Отвлекаясь въ сторону отъ этой полемики, любопытно сравнить уже помянутыхъ нами выше троихъ писателей—Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и св. Дмитрія Ростовскаго— какъ типы литературныхъ и общественныхъ дѣятелей переходной эпохи конца XVII вѣка.

Епифаній Славинецкій былъ то, что мы называемъ въ настоящее время „кабинетный ученый“. Онъ получилъ солидное образованіе, сначала въ кіевской духовной академіи, а потомъ и за границей, и обладалъ весьма обширными свѣдѣніями по бого- Еп. Славинецкій.

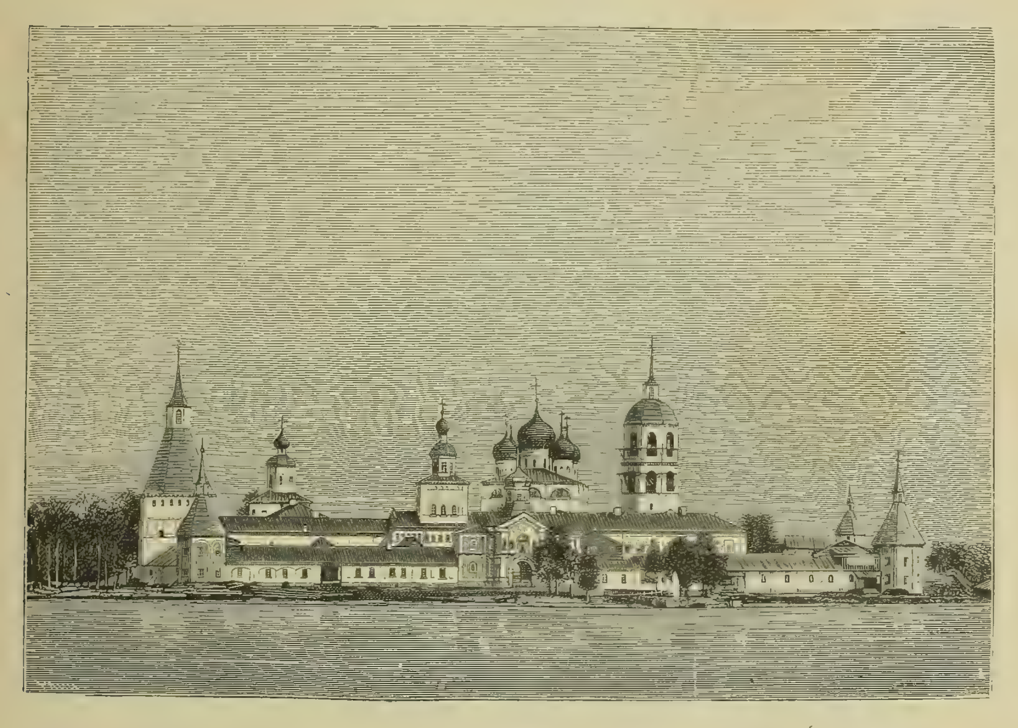
словію и словеснымъ наукамъ. Науку любилъ онъ искренно и безкорыстно, не связывая ее ни съ какими посторонними, утилитарными цѣлями, и посвящалъ ей весь свой досугъ; любилъ онъ и преподавать ее, и самъ долго былъ преподавателемъ, сначала въ кіевской братской школѣ, а потомъ въ патріаршемъ училищѣ при Чудовѣ монастырѣ. Сверхъ этой преподавательской дѣятельности, онъ занимался труднымъ дѣломъ исправленія книгъ и переводомъ твореній Отцовъ Церкви на русскій языкъ, и Русская Словесность обязана ему переводомъ „словъ“ свв. Аѳанасія, Григорія Богослова, св. Іустина и „Богословія“ Іоанна Дамаскина. Далѣе этой скромной дѣятельности ученаго переводчика, педагога и справщика Епифаній Славинецкій и не выдвигался, хотя и стоялъ во главѣ всего кружка вызванныхъ и вызываемыхъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ, и пользовался среди нихъ общимъ уваженіемъ.

С. Полоцкій. Не таковъ былъ *Симеонъ Полоцкій* [1]) — живой, энергичный, неутомимо-дѣятельный, отзывчивый на всѣ вопросы своего времени, умѣвшій ловко пользоваться всѣми новыми теченіями и прислушиваться къ новымъ вѣяніямъ. У него не было ни такихъ знаній, ни такихъ способностей, ни такой усидчивости, какими обладалъ Славинецкій, но зато у него было въ высокой степени развитое знаніе людей и практической жизни, при помощи котораго онъ сумѣлъ занять выдающееся положеніе въ московскомъ обществѣ и надолго сохранить его за собою. Неизвѣстно ни происхожденіе этого замѣчательнаго человѣка, ни тѣ условія, среди которыхъ онъ воспитался въ юности; знаемъ только, что онъ родомъ былъ изъ Полоцка и что въ Полоцкъ вернулся онъ изъ Кіево-Могилянской коллегіи, гдѣ былъ ученикомъ Лазаря Барановича; въ Полоцкѣ-же принялъ монашество и былъ назначенъ дидаскаломъ (т. е. преподавателемъ) въ братское училище при полоцкомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Есть основаніе предполагать, что онъ, послѣ Кіево-Могилянской коллегіи, побывалъ и въ польскихъ католическихъ училищахъ. Въ Полоцкѣ, во время ливонской войны, онъ сталъ лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу, понравился ему и былъ приглашенъ въ Москву. Тамъ, въ 1672 году, царь назначилъ его воспитателемъ къ юному царевичу Ѳеодору Алексѣевичу, который полюбилъ своего учителя и выказывалъ къ нему постоянное расположеніе до конца жизни. Расположеніе это было настолько сильно, что Симеонъ Полоцкій могъ занять въ обществѣ положеніе независимое, могъ свободно печатать свои проповѣди и сочиненія, несмотря на открытую непріязнь къ нему со стороны патріарха Іоакима и на всѣ обвиненія въ

[1]) Полное имя его было: Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситіановичъ Полоцкій.

неправославіи, даже въ латинствѣ, которыя взводили на него окружавшія патріарха лица. И вотъ, онъ выступилъ сначала съ полемическимъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ раскольническихъ челобитныхъ—съ „Жезломъ Правленія", о которомъ мы упоминали выше; затѣмъ напечаталъ обширное богословское сочиненіе, подъ заглавіемъ: „*Вѣнецъ вѣры*", изложенное въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ [1]), и, наконецъ, собралъ всѣ свои, весьма многочисленныя проповѣди въ два обширные сборника подъ заглавіемъ: „*Обѣдъ душевный*" и „*Вечеря душевная*".

Несмотря на эти вычурныя заглавія, вполнѣ соотвѣтствовавшія



Валдайскій Иверскій монастырь—мѣсто отдыха патріарха Никона, во время его переѣздовъ изъ Новгорода въ Москву.

современнымъ литературнымъ вкусамъ и воззрѣніямъ, проповѣди Симеона написаны языкомъ простымъ и яснымъ и, вѣроятно, были вполнѣ доступны современникамъ. Многія изъ нихъ драгоцѣнны по заключающимся въ нихъ описаніямъ современныхъ народныхъ суевѣрій, предразсудковъ и обычаевъ. Кругъ дѣятельности этого пло-

[1]) По обычаю, общепринятому въ средѣ кіевскихъ ученыхъ, Симеонъ, въ этой книгѣ, рядомъ съ вопросами, имѣющими важное значеніе, помѣщаетъ и цѣлый рядъ другихъ, мелкихъ и не имѣющихъ никакого отношенія къ богословію, въ родѣ слѣдующихъ: «зачѣмъ Христосъ родился въ декабрѣ? Въ какой часъ дня совершилось Благовѣщеніе и Рождество Христово? Могъ-ли Христосъ говорить тотчасъ послѣ своего рожденія? Зачѣмъ Спасителя пригвоздили ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями?» и т. п. Въ подтвержденіе отвѣтовъ, даваемыхъ на подобные вопросы, Симеонъ ссылается и на западныхъ богослововъ, и даже на апокрифическія сказанія.

довитаго и неутомимаго писателя, однакоже, далеко не исчерпывался этими обширными трудами богословскими, полемическими и проповѣдническими; онъ находилъ еще время писать силлабическія вирши по поводу каждаго сколько-нибудь выдающагося событія придворной и общественной жизни, и создалъ цѣлый рядъ духовныхъ драмъ, о которыхъ мы будемъ подробнѣе говорить въ одной

Типографская башня въ Валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ.

изъ послѣдующихъ главъ. Но самою важною заслугою Симеона Полоцкаго является (по тому времени), конечно, упорное и настойчивое стремленіе его къ распространенію и прочному укорененію образованія въ московскомъ государствѣ. И съ церковной каѳедры, къ великому смущенію приверженцевъ старины, онъ утверждалъ смѣло, что „и зло, и благо нисходитъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія; учиться же слѣдуетъ каждому — и монаху, и міряни̂ну, ибо чтеніе божественныхъ писаній

всѣмъ полезно: и мужчинамъ, и женщинамъ..." И въ присутствіи патріарховъ восточныхъ [1]) на соборѣ, Симеонъ обращается къ царю все съ тѣмъ же моленіемъ: „положи въ сердцѣ твоемъ училища—греческія, словенскія и иныя—назидати, учащихся умножати, учителей взыскати..."

Св. Дмитрій Ростовскій.

Третій изъ вышепомянутыхъ нами представителей кіевской учености, *св. Дмитрій Ростовскій,* вступилъ на поприще литературной дѣятельности въ самомъ концѣ XVII вѣка. Онъ такъ же, какъ Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій, получилъ образованіе въ кіевской академіи и затѣмъ былъ въ Черниговѣ проповѣдникомъ, обучаясь церковному краснорѣчію подъ руководствомъ Лазаря Барановича. Послѣ Чернигова онъ занималъ соотвѣтствующее положеніе въ Слуцкѣ, Батуринѣ и Кіевѣ, и, наконецъ, въ такой степени прославился своею проповѣдническою дѣятельностью, что обратилъ на себя вниманіе высшей духовной власти и былъ посвященъ въ митрополита сибирскаго. По слабости здоровья, онъ не могъ предпринять долгое и трудное путешествіе къ своей далекой паствѣ и возведенъ былъ въ санъ митрополита ростовскаго. Здѣсь онъ много лѣтъ сряду трудился на пользу духовнаго просвѣщенія, завелъ *первую въ Россіи духовную семинарію* и неутомимо боролся съ расколомъ. Выше мы уже упоминали о его „Розыскѣ"—капитальномъ полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ заблужденій старовѣровъ. Сверхъ этого объемистаго труда, памятникомъ ученаго усердія и знаній св. Дмитрія Ростовскаго остался его другой, по тому времени весьма важный догматическій трудъ—„*Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ, ко знанію христіанскому нужнѣйшихъ*" — въ которомъ онъ излагаетъ сущность христіанскаго ученія, придерживаясь отдѣльныхъ членовъ символа вѣры, и сообщаетъ важнѣйшія свѣдѣнія о семи вселенскихъ соборахъ; а въ концѣ излагаетъ ученіе о Троицѣ, о Церкви, объ образѣ Божіемъ, о святыхъ, о заповѣдяхъ, о молитвѣ и о христіанской добродѣтели вообще. Это весьма обстоятельное и ясное изложеніе догматической стороны религіи было особенно важно въ ту пору постоянныхъ, повсемѣстныхъ религіозныхъ споровъ и церковныхъ смутъ и послужило образцомъ для составленія всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ православныхъ катехизисовъ. Другимъ почтеннымъ памятникомъ религіознаго рвенія и литературнаго трудолюбія св. Дмитрія Ростовскаго остался намъ объемистый трудъ: сокращенное изложеніе Макарьевскихъ „Четьи-Миней". Но о немъ мы будемъ говорить далѣе, а теперь закончимъ нашъ краткій очеркъ лич-

[1]) Патріархи эти прибыли въ Москву на соборъ, созванный для суда надъ патріархомъ Никономъ.

ности и дѣятельности св. Дмитрія упоминаніемъ о томъ, что и онъ, подобно Симеону Полоцкому, посвящалъ свои досуги сочиненію духовныхъ драмъ, которыя и разыгрывались въ стѣнахъ ростовской духовной семинаріи ея воспитанниками. Просвѣщенный и дѣятельный, искренно-преданный идеѣ о необходимости возможно большаго распространенія просвѣщенія въ смыслѣ западно-европейскомъ, св. Дмитрій явился однимъ изъ первыхъ цѣнителей и сторонниковъ просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго. Не выходя изъ предѣловъ того круга дѣятельности, который опредѣлялся его духовнымъ саномъ, св. Дмитрій, однакоже, вполнѣ сочувствовалъ всему, что̀ творилось добраго въ современномъ ему русскомъ обществѣ, и „все человѣческое не считалъ себѣ чуждымъ". Этимъ онъ значительно отличался отъ всѣхъ московскихъ начётчиковъ и книжниковъ, которые сумрачно замыкались въ тѣсномъ кругу своей дѣятельности и боялись отступить отъ буквы текста или признать законность вторженія въ жизнь тѣхъ „новшествъ", которыя вносили свѣжую струю новыхъ вѣяній въ затхлую атмосферу московскаго застоя. Вообще говоря, св. Дмитрій прекрасно заканчиваетъ собою, какъ писатель-богословъ и какъ проповѣдникъ, тотъ рядъ дѣятелей, воспитанныхъ кіевскою академіею, который въ значительной степени способствовалъ пробужденію среди русскаго общества потребности къ интеллектуальной дѣятельности и къ выступленію на свѣтлый путь просвѣщенія и прогресса.

Значеніе кіевскихъ ученыхъ.

Въ исторіи нашего просвѣщенія кіевскіе ученые несомнѣнно играютъ важную роль: они были и первыми ходатаями объ учрежденіи училищъ, и первыми дѣятелями, при помощи которыхъ вновь-учреждаемыя училища могли правильно организоваться и устроиться. Газскій митрополитъ, *Паисій Лигаридъ*, побывавшій въ Москвѣ въ 1660 году, былъ пораженъ общимъ невѣжествомъ, царившимъ среди духовенства и высшихъ классовъ общества въ древней столицѣ Московскаго Государства, и совершенно справедливо указывалъ на это невѣжество, какъ на корень и основу быстро развивавшихся и преуспѣвавшихъ ересей. „Это зло", говорилъ онъ, „происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ неимѣнія народныхъ училищъ и библіотекъ. И если бы меня спросили, какіе столпы Церкви и Государства, я отвѣчалъ бы: училища, училища и училища". Прямымъ отвѣтомъ на это, вполнѣ вѣрное и безпристрастное мнѣніе сторонняго наблюдателя-иноземца были горячія проповѣди и обращенныя къ царю мольбы Симеона Полоцкаго. Настойчивымъ и непрестаннымъ напоминаніемъ о необходимости училищъ, Симеону Полоцкому, несмотря на всѣ препятствія и козни его противниковъ, удалось-таки добиться у царя Ѳеодора того, что, кромѣ Чудовскаго патріаршаго и Ртищевскаго училища

при Андреевскомъ монастырѣ, было заведено въ Москвѣ и третье, *типографское* училище при печатномъ дворѣ (1679 г.). Существовало даже намѣреніе придать этому третьему училищу значеніе высшаго учебнаго заведенія, въ родѣ академіи:—не только планъ этого заведенія, но даже и грамота объ учрежденіи академіи была изготовлена Симеономъ Полоцкимъ. Но онъ не дожилъ до выполненія своего излюбленнаго замысла. Сначала смерть царя Ѳеодора

Симеонъ Полоцкій.

и послѣдовавшія за нею стрѣлецкія смуты помѣшали учрежденію академіи, а затѣмъ явились новыя, болѣе существенныя препятствія...

Упреки въ латинствѣ.

Положеніе кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ эту пору значительно пошатнулось. На нихъ недружелюбно и подозрительно смотрѣли косные и сумрачные московскіе грамотѣи, окружавшіе патріаршій престолъ. Воспитанные вѣками въ томъ убѣжденіи,

что всякое ученіе и просвѣщеніе можетъ приходить въ Московское Государство только изъ Греціи или съ далекаго Востока, эти сторонники старины смотрѣли на выходцевъ изъ Кіева, воспитывавшихся въ Кіево-Могилянской коллегіи, какъ на *латинщиковъ*, т.-е. какъ на людей не только наклонныхъ къ латинству, но даже зараженныхъ пристрастіемъ къ латинскимъ (католическимъ) церковнымъ обычаямъ и догматамъ... [1]) Обвиненіе тяжкое, и отъ

Св. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій.

котораго трудно было вполнѣ очиститься и оправдаться людямъ, воспитывавшимся въ школахъ, устроенныхъ по образцу іезуитскихъ коллегій, и получившимъ образованіе на латинскомъ языкѣ. Къ тому же, недостаточно-знакомые съ московскими церковными

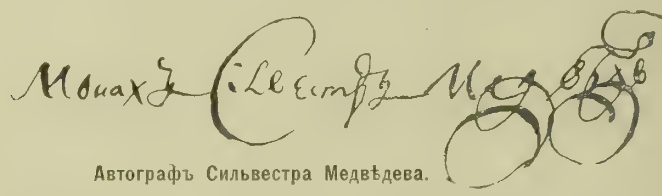
[1]) Кажется, единственнымъ исключеніемъ въ этомъ смыслѣ былъ Епифаній Славинецкій, отлично знакомый съ греческимъ языкомъ, постоянно занимавшійся переводами съ греческаго, а потому и пользовавшійся расположеніемъ патріарха.

обычаями, воспитанники кіевской академіи впадали иногда въ нѣкоторыя недоразумѣнія, дѣлали промахи, которыхъ значеніе преувеличивалось ихъ противниками, а главное—дозволяли себѣ и ученикамъ своимъ входить въ обсужденіе такихъ богословскихъ

Автографъ св. Дмитрія Ростовскаго. Письмо къ М. Г. Грохольскому.

вопросовъ, которые, по установившемуся въ московскомъ духовенствѣ преданію, не могли подлежать никакой критикѣ. Особенно сильно повредилъ кіевскимъ ученымъ извѣстный эпизодъ съ ученикомъ Симеона Полоцкаго, *Сильвестромъ Медвѣдевымъ,* который настолько увлекся латинскими богословскими трактатами, что въ своемъ сочиненіи „*Манна*“ рѣшился высказать неправославныя

воззрѣнія на догматъ о пресуществленіи св. Даровъ [1]). Противъ него поднялась такая буря, что онъ едва не погибъ, и, по его винѣ, даже и ни въ чемъ неповинные остальные кіевскіе ученые временно подверглись суровому гоненію... Результатомъ этого эпизода было значительное замедленіе въ открытіи высшаго учебнаго заведенія, отчасти по тому именно, что царевна Софья Алексѣевна предназначала въ главные руководители этого учебнаго заведенія именно Сильвестра Медвѣдева, какъ человѣка ученаго, энергичнаго и талантливаго. Въ этихъ видахъ онъ даже и посвятилъ царевнѣ-правительницѣ большое стихотворное посланіе, въ которомъ молилъ ее „о водвореніи наукъ въ Россіи". Но послѣ эпизода съ „Манной" и сама царевна Софія не могла защитить своего любимца; а патріархъ требовалъ, чтобы предположенная къ открытію академія была непремѣнно поручена ученымъ грекамъ, а не воспитанникамъ кіевской академіи. Въ подтвержденіе своихъ требованій онъ могъ бы, пожалуй, сослаться на безпощадный отзывъ о кіевскихъ уче-



Автографъ Сильвестра Медвѣдева.

ныхъ, данный іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳемъ, который такъ былъ противъ нихъ вооруженъ, что даже прямо совѣтовалъ не посвящать ихъ ни въ высшія степени духовной іерархіи, ни даже въ священники, какъ получившихъ воспитаніе „въ странѣ, глаголемой казацкая земля". Есть, однакожъ, полное основаніе думать, что невыгодное мнѣніе, высказываемое восточными патріархами о кіевскихъ ученыхъ, не столько происходило отъ того, что они опасались за чистоту православія, сколько вызывалось ихъ опасеніями—утратить свое давнее вліяніе на Россію...

Братья Лихуды.

Какъ бы то ни было, открытіе московской академіи замедлилось, и послѣдовало уже только въ 1685 году (въ зданіи Заиконоспасскаго монастыря), когда въ Москву прибыли ученые греки—братья *Іоанникій* и *Софроній Лихуды*, рекомендованные патріархомъ Досиѳеемъ. Академія эта получила названіе *Эллино-греческаго* училища и просуществовала подъ этимъ названіемъ до 1700 года [2]).

[1]) Онъ доказываетъ, что хлѣбъ и вино въ Евхаристіи пресуществляются въ тѣло и кровь Христову одними словами Спасителя («Пріимите, ядите» и т. д.), а не призываніемъ св. Духа. Это ученіе, на соборѣ 1689 г., было предано анаѳемѣ. Книгу «*Манна*» повелѣно сжечь, а самого С. Медвѣдева заточить въ Троицкой обители, гдѣ онъ и принесъ полное покаяніе въ своемъ заблужденіи.

[2]) Съ 1700 по 1775 годъ это высшее учебное заведеніе называлось «Славяно-латинской» академіей; затѣмъ, съ 1775 года стало называться «*Славяно-греко-латинской академіей*» и сохранило это названіе до 1814 года.

Въ народѣ же она была болѣе извѣстна подъ названіемъ *Заиконо-спасскихъ* школъ. Проектъ устава и программа преподаванія въ ново-учрежденной академіи были выработаны Симеономъ Полоцкимъ. Въ академіи предполагалось преподавать: грамматику, піитику, реторику, діалектику, философію и богословіе, право церковное и гражданское и другія свободныя науки. Но братья Лихуды значительно сократили эту обширную программу и въ теченіе

Чудовъ монастырь въ Москвѣ, при которомъ учреждено было первое, Патріаршее училище.

восьми лѣтъ преподавали (на греческомъ и латинскомъ языкѣ) грамматику, піитику, реторику, логику и физику. Изъ тѣхъ учебниковъ, которые братья Лихуды сами составляли, для удобства и пользы своихъ слушателей, видно, что они были люди дѣйствительно ученые и знающіе; можно даже думать, что ихъ преподаваніе было въ достаточной степени доступно и охотно воспринималось слушателями, потому что въ короткое время имъ удалось воспитать многихъ полезныхъ дѣятелей, которые впослѣдствіи сами явились преподавателями въ той же академіи или учеными справщиками типографіи. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ упоминанія:

Θеодоръ Поликарповъ, Николай Головинъ, Каріонъ Истоминъ и, въ особенности, *Палладій Роговскій*. Несмотря, однакоже, на эту успѣшность преподаванія братьевъ Лихудовъ, они не угодили патріарху іерусалимскому Досиѳею тѣмъ, что допустили у себя въ училищѣ преподаваніе на латинскомъ языкѣ и, по требованію патріарха, были за это удалены изъ академіи и приставлены сначала справщиками къ типографіи, а потомъ опредѣлены преподавателями при новгородскомъ духовномъ училищѣ. Самое же эллино-греческое училище было впослѣдствіи поставлено подъ непосредственное завѣдываніе митрополита рязанскаго *Стефана Яворскаго* (съ 1701 г.), и при немъ совершенно преобразовано по образцу кіевской академіи. Здѣсь-то впослѣдствіи и получилъ первоначальное образованіе нашъ знаменитый ученый поморъ—Ломоносовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Историческая литература въ концѣ XVII вѣка. — Лѣтописные своды. — Записки современниковъ. — Общія изложенія исторіи. — Путешествія. — Четьи-Минеи Св. Дмитрія Ростовскаго.

Предшествующія главы нашего труда представляютъ намъ XVII вѣкъ, сравнительно съ предшествующими вѣками русской жизни, по преимуществу, вѣкомъ оживленія и усиленнаго движенія въ области мысли. Въ началѣ—ужасы и бѣдствія Смутнаго времени; въ исходѣ первой половины вѣка и въ началѣ второй—ожесточенная борьба религіознаго характера; въ концѣ вѣка—страшный бунтъ Стеньки Разина, кровавыя стрѣлецкія смуты и возникающая грозная личность Петра... Все это должно было найти себѣ отраженіе въ литературѣ, которая, какъ мы уже видѣли въ XVI вѣкѣ, начала мало-по-малу входить въ свои права и служить гласнымъ выраженіемъ идей, волновавшихъ общество.

Какъ событія народной жизни находятъ себѣ отраженіе въ народной пѣснѣ, а отдѣльные эпизоды религіозной борьбы въ произведеніяхъ литературы полемической и въ направленіи пастырской проповѣди, такъ и весь ходъ государственной и общественной жизни выражается въ XVII вѣкѣ цѣлымъ рядомъ сочиненій историческихъ, оффиціальнаго и неоффиціальнаго характера, частныхъ хроникъ и личныхъ воспоминаній. Всѣ эти памятники имѣютъ важное значеніе историческое; многіе изъ нихъ — существенныя достоинства литературныя. Минуя частныя сказанія о Смутномъ времени, въ родѣ „*Лѣтописи о мятежахъ*“ или „*Повѣсти о Самозванцахъ*“, укажемъ, прежде всего, на такъ-называемую „*Рукопись Филарета*“, приписываемую одному изъ крупнѣйшихъ дѣятелей эпохи Смутнаго времени—*Филарету Никитичу Романову*. Не менѣе любопытны и относящіяся къ той же эпохѣ „*Записки князя Семена Шаховскаго*“ (отъ 1601—1649), въ которыхъ онъ разсказываетъ свои личныя приключенія и рисуетъ довольно полную и правдивую картину жизни служилаго дворянина въ XVII вѣкѣ.

Историческія сказанія.

Гораздо болѣе важно, по своимъ литературнымъ достоинствамъ „*Сказаніе объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря*“, написанное знаменитымъ келаремъ этой обители—*Авраамiемъ Палицынымъ* (ум. 1626 г.). Это — вполнѣ литературное произведеніе, рисующее намъ событія достопамятной эпохи, яркими красками изображающее ея важнѣйшихъ дѣятелей и героевъ, передающее намъ ихъ страданія, ихъ радости, ихъ упованія, поддерживаемыя чудесами и разсказами о чудесахъ св. покровителей и подвижниковъ знаменитой обители.

Лѣтописные своды.

Къ половинѣ XVI и къ половинѣ XVII вѣка относятся два весьма важныхъ лѣтописныхъ свода: *Воскресенскій* и *Никоновскій*. Первый изъ нихъ составленъ преимущественно по новгородскимъ и тверскимъ лѣтописямъ и заканчивается 1560 г.; второй (называемый *Никоновскимъ*, потому что въ концѣ его находится собственноручная надпись патріарха Никона) составленъ по тѣмъ рукописямъ, которыя накопились въ патріаршей библіотекѣ въ то время, когда Никонъ подбиралъ матерьялы для книжнаго исправленія. Въ немъ сохранились намъ свѣдѣнія, важныя потому, что они заимствованы изъ такихъ рукописей, которыя впослѣдствіи были утрачены и исчезли безслѣдно. Разсказъ этого „Никоновскаго“ лѣтописнаго свода доведенъ до 1630 г.

Историческіе обзоры.

Въ то время, когда въ средѣ людей, наиболѣе близкихъ къ патріарху Никону, составлялись вышеупомянутые лѣтописные своды, въ средѣ, близко стоявшей къ царю, явились новыя попытки создать нѣчто въ родѣ общихъ обзоровъ всей исторіи Московскаго государства. Появленіе подобныхъ обзоровъ вызывалось необходимостью частыхъ справокъ по лѣтописямъ и инозем-

нымъ хроникамъ для нуждъ „Посольскаго приказа“, на который возложены были всѣ дипломатическія сношенія съ Западомъ и Востокомъ. И вотъ, „ближній“ бояринъ и другъ царя Алексѣя Михайловича, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, съ товарищами своими по Посольскому приказу, съ приказными людьми и переводчиками, „строитъ“ новую „*Государственную большую книгу*“, или „*описаніе великихъ князей и царей россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими-жъ государи окрестными съ христіанскими и мусульманскими были въ ссылкахъ* (т.-е. въ сношеніяхъ), *и какъ великихъ государей именованье и титулы писаны по нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ патріарховъ и римскаго папы, и окрестныхъ государей всѣхъ персоны* (т.-е. портреты) *и гербы*“. „Персоны“ эти были писаны иконописцами *Иваномъ Максимовымъ* и *Дмитріемъ Львовымъ*, которые надъ изображеніемъ „персонъ“ и гербовъ трудились цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Любопытно, что книга эта „построена“ была, по обычаю времени, въ двухъ экземплярахъ: одинъ изъ нихъ былъ оставленъ для справокъ и руководства въ Посольскомъ приказѣ, а другой „*взнесенъ на Верхъ Государевъ*“, т.-е. въ собственные дворцовые покои царя.

Дьякъ Грибоѣдовъ.

Около того же времени дьякъ *Өедоръ Грибоѣдовъ* составилъ краткое повѣствованіе объ исторической судьбѣ Россіи подъ весьма пышнымъ и не совсѣмъ складнымъ заглавіемъ: „*Исторія, сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно-державствующихъ и святопожившихъ Богомъвѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй землѣ благоугодно державствовавшихъ*“. Грибоѣдовъ излагаетъ русскую исторію отъ Владиміра Равноапостольнаго до царя Өеодора Алексѣевича, преимущественно въ родословномъ порядкѣ, но весьма небрежно, такъ что иногда пропускаетъ цѣлыя княженія. Главная цѣль книги — вывести родъ московскихъ государей отъ „*Августа Кесаря Римскаго*“. Всему изложенію дьякъ-авторъ придаетъ характеръ панегирика, о которомъ не трудно получить надлежащее понятіе по слѣдующему отзыву объ Іоаннѣ Грозномъ:

„Житіе благочестно имѣя и ревностью по Бозѣ присно препоясуясь, и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, и народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя похвалы Богу возсылаху“.

Неудачный опытъ Грибоѣдова вызвалъ, однакоже, подражанія. Какой-то іеродіаконъ, *Тимоѳей Каменевичъ-Рвовскій*, также выпустилъ въ свѣтъ два историческихъ труда: „*О началѣ славяно-россійскаго народа*“ и „*Лѣтопись о началѣ Москвы*“; смоленскій свя-

щенникъ, *Андрей Лызловъ*, составилъ (въ 1692 г.) „*Скиѳскую исторію*“, въ которой пространно изложилъ свѣдѣнія о татарахъ и туркахъ; наконецъ тобольскій боярскій сынъ, *Сергѣй Кубасовъ*, выступилъ со своимъ сочиненіемъ, озаглавленнымъ „*Написаніе вкратцѣ о царяхъ московскихъ, о образѣ ихъ, и о возрастѣ, и о нравахъ*“. Свое „Написаніе“ онъ начинаетъ съ Іоанна III и заканчиваетъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Житія современниковъ.

Гораздо важнѣе этихъ первыхъ общихъ историческихъ опытовъ, въ смыслѣ литературномъ, оказываются записки современниковъ, дошедшія до насъ отъ XVII вѣка, и тѣ „житія“ или біографіи и автобіографіи, въ которыхъ рисуются намъ, болѣе или менѣе ярко, крупнѣйшія, типическія личности современныхъ общественныхъ дѣятелей. Сохранилось извѣстіе о томъ, что самъ царь, Алексѣй Михайловичъ, велъ „памятныя записки“ о своей жизни; но эти драгоцѣнныя записки до насъ не дошли; точно такъ же не сохранились намъ и записки боярина *Ордина-Нащокина*, одного изъ выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей второй половины XVII вѣка. Зато сохранились два любопытнѣйшихъ памятника: „*Житіе патріарха Никона*“, написанное горячимъ приверженцемъ, его келейникомъ Шушеринымъ, и „*Житіе протопопа Аввакума*“, злѣйшаго врага Никонова, имъ самимъ написанное и представляющее собою, по простотѣ и своеобразности изложенія, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній разсматриваемой нами эпохи.

Шушеринъ относится къ Никону, какъ горячій поклонникъ, и не щадитъ никакихъ усилій на то, чтобы оправдать его отъ всѣхъ взодимыхъ на него нареканій и обвиненій и выставить его идеаломъ добродѣтели — почти святымъ. Чрезвычайно любопытно и характерно то, что Шушеринъ, подробно перечисляя подвиги благочестія Никонова — постройку храмовъ и различные вклады, сдѣланные имъ въ церковную казну — въ то же время почти вскользь касается его заботъ объ исправленіи книгъ и, повидимому, не придаетъ этому важному дѣлу большого значенія. Аввакумъ рисуетъ намъ въ своей автобіографіи [1]) очень правдивую картину соврменныхъ нравовъ въ русской областной жизни, преисполненной народныхъ бѣдствій отъ безправія и отъ произвола властей. Съ стоическимъ хладнокровіемъ и твердостью глубоко-убѣжденнаго человѣка разсказываетъ онъ о своихъ страданіяхъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ, изрѣдка пересыпая свое повѣствованіе

[1]) Припомнимъ вкратцѣ важнѣйшія біографическія данныя объ Аввакумѣ; родился онъ между 1605—1610 гг.; вызванъ въ Москву патріархомъ Іосифомъ изъ Юрьева, гдѣ былъ протопопомъ, и опредѣленъ справщикомъ книгъ; при Никонѣ сталъ во главѣ раскола и сосланъ въ Сибирь; возвращенъ въ 1664 г.; осужденъ на Соборѣ 1666 г.; сосланъ въ Пустозерскъ и сожженъ, какъ еретикъ, въ 1681 году.

наивными замѣчаніями и сатирическими выходками. Его житіе и теперь читается съ интересомъ и возбуждаетъ къ себѣ невольное сочувствіе читателя горячею настроенностью автора, его готовностью постоять до конца за идею, его равнодушіемъ и къ земнымъ благамъ, и къ бѣдствіямъ. Въ каждой строкѣ автобіографіи Аввакума читатель невольно видитъ живой образъ того поколѣнія, которое вступило въ открытую борьбу съ новыми идеями при Никонѣ и—позднѣе—уступило только желѣзной волѣ Петра...

Ближній бояринъ, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Къ той же эпохѣ относится любопытное „*Житіе милостиваго мужа Θеодора Ртищева*", знаменитаго боярина, прилагавшаго такія усердныя заботы къ распространенію училищъ и стоявшаго во главѣ цѣлой общины переводчиковъ въ Андреевскомъ монастырѣ. Неизвѣстный авторъ сообщаетъ намъ въ этомъ житіи любопытныя свѣдѣнія о характерѣ и личности самого Ртищева, объ устроеніи имъ общины, о его благотворительной дѣятельности и отношеніи къ народу.

Записки. Къ восьмидесятымъ годамъ XVII вѣка относятся „*Записки Сильвестра Медвѣдева*", рьянаго сторонника царевны Софіи, описывающаго стрѣлецкій бунтъ и всѣми силами старающагося оправдать Софью отъ взводимыхъ на нее нареканій. Именно это оправданіе Софьи и было, кажется, основною цѣлью автора „Записокъ", который очень ловко умѣетъ пользоваться оффиціальными данными для того, чтобы избѣгнуть необходимости высказать прямо и открыто свое мнѣніе.

Къ самому концу XVII вѣка слѣдуетъ отнести „*Діаріушъ*“ (или „Дневникъ“) св. Димитрія Ростовскаго, начатый имъ въ 1681 году и оконченный въ 1703 г. Онъ важенъ только для освѣщенія литературной дѣятельности самого автора, и для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ муракѣ невѣжества, съ которымъ постоянно приходилось считаться архипастырю даже въ средѣ самого духовенства.

Но гораздо бо̀льшею заслугою св. Димитрія былъ другой важный трудъ его — „*Четьи-Минеи*“,—эти за̀ново-изложенныя житія святыхъ, составленныя на основаніи двухъ важнѣйшихъ источниковъ: Великихъ Четьихъ-Миней митрополита Макарія и выписанныхъ съ Аѳона книгъ *Симеона Метафраста*, который, уже въ X вѣкѣ, занимался собираніемъ житій святыхъ. Составленіемъ этого обширнаго, всѣмъ доступнаго сборника житій Димитрій Ростовскій оказалъ весьма важную услугу благочестивымъ русскимъ читателямъ, потому что Макарьевскія Четьи-Минеи не были никому доступны, а потребность въ такомъ назидательномъ чтеніи была весьма велика. Св. Димитрій изложилъ житія просто, безъ всякихъ вычурныхъ стилистическихъ украшеній; искренняя вѣра, которою его изложеніе проникнуто, придаетъ особенную цѣнность его разсказамъ, представляющимъ плодъ почти 20-тилѣтняго труда.

Путешествія.

Въ заключеніе этой главы, намъ остается еще сказать о путешествіяхъ, описанія которыхъ сохранились намъ отъ XVII вѣка. Наибольшаго вниманія, въ числѣ ихъ, заслуживаетъ, конечно, путешествіе инока *Арсенія Суханова*, который былъ посылаемъ патріархомъ Іосифомъ въ Грецію и на Востокъ для ближайшаго наблюденія и обстоятельнаго описанія греческихъ церковныхъ обычаевъ. Арсеній придалъ своему описанію путешествія названіе: „*Проскинитарій*“ и подраздѣлилъ его на три части; въ первой онъ описываетъ весь свой путь и всѣ тѣ мѣста, какія ему удалось посѣтить и видѣть; во второй—онъ говоритъ только о Іерусалимѣ; въ третьей—разсказываетъ, „како Греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ“. Въ этой-то именно части онъ, близко присмотрѣвшись къ Грекамъ, даетъ о нихъ отзывъ весьма неблагопріятный и не скрываетъ своего предубѣжденія противъ нихъ. Минуя нѣкоторыя другія путешествія XVII вѣка [1]), не представляющія литературнаго интереса, упомянемъ, однакоже, что въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе значительнаго развитія дипломатическихъ сношеній съ европейскимъ Западомъ, посольства въ различ-

[1]) Путешествіе казанца Василія Гагары въ Іерусалимъ и Египетъ въ 1634 году и «Хожденіе въ Персидское царство торговаго человѣка Ѳедота Котова въ 1623—1624 г.»

ныя европейскія страны стали довольно частымъ явленіемъ, и эти-то частыя посольства и поѣздки русскихъ людей за границу вызвали цѣлый рядъ любопытныхъ произведеній литературныхъ. Дѣло въ томъ, что каждый, посылаемый въ Европу, гонецъ, посолъ или посланникъ обязывался представить государю, черезъ начальника Посольскаго приказа, подробный отчетъ о своихъ наблюденіяхъ во время путешествія за границу; и вотъ, эти-то отчеты, извѣстные подъ названіемъ „*статейныхъ списковъ*", весьма полно и живо передаютъ намъ весь кругъ понятій русскихъ людей, ихъ воззрѣнія, ихъ предразсудки, ихъ наивное отношеніе къ западно-европейской цивилизаціи, быту и свѣтскимъ обычаямъ. Эти любопытные памятники, лучше всякихъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ, указываютъ намъ на ту китайскую стѣну, которая даже въ половинѣ XVII вѣка еще отдѣляла Московское Государство отъ Европы и которую разрушить удалось только Великому Преобразователю Россіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новые литературные роды, внесенные въ Московскую Русь кіевскими учеными.— Вирши и виршеслагательство.—Древне-русскія «Дѣйства» и западныя «Мистеріи».— Школьныя духовныя драмы.—Драмы С. Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго.— Начало русскаго театра.

Кіевскіе ученые, явившись впервые въ Москвѣ, были сами въ значительной степени виновны въ томъ, что ихъ московскіе собратья отнеслись къ нимъ непріязненно. Прибывъ въ Москву, они держали себя очень высокомѣрно, ни съ кѣмъ изъ московскихъ книжниковъ не сходились и пребывали больше въ своемъ кружкѣ, сторонясь отъ москвичей.

Нѣкоторое высокомѣріе и обособленность кіевскихъ ученыхъ станутъ намъ, впрочемъ, весьма понятны, если мы припомнимъ, какъ противоположны были бытовыя условія русскихъ городовъ въ Литвѣ и на Волыни, во владѣніяхъ польскихъ королей — и въ центрѣ Московскаго государства, въ „царствующемъ градѣ Москвѣ". Въ

Иоакиму милостию б(о)жиею царствующа
го града Москвы и всеа великия и малыя
и белыя России патриарху грешны(й)
ц(а)рь Феодор поклан сотворю
и благословения твоего божие
лаю да сохранит тя
архиерей вышний Іис(ус)
Х(ристо)с здрава и благоденьству
юща и право правяща
слово б(о)жие
рукою моею
аминь

Автографъ царя Θеодора Алексѣевича: письмо къ патріарху Іоакиму.

Кіевѣ и другихъ русскихъ городахъ, русское населеніе, тѣсно сплоченное, пользовалось самоуправленіемъ и другими правами гражданства, наравнѣ со всѣми остальными гражданами. Грамотность была общимъ достояніемъ, и даже нѣкоторая степень просвѣщенія въ средѣ его была распространена широко и равномѣрно. Нѣкоторыя стѣсненія ощущались только въ области церковно-общественной и религіозной; но и тутъ возможна была борьба, препирательство, оппозиція и отпоръ, скрытый и открытый. Вообще говоря, личность здѣсь имѣла большое значеніе, пользовалась уваженіемъ и была способна называть вліяніе.

Не то было въ Москвѣ, гдѣ личность была подавлена общимъ строемъ жизни, гдѣ авторитетъ власти былъ поглощающій, гдѣ немыслимо было никакое свободное слово, въ особенности въ вопросахъ религіознаго мышленія; гдѣ все и всѣ были стѣснены буквою устава и узкими рамками непоколебимо-установившагося обычая и даже предразсудка, гдѣ все приводило къ застою и неподвижности. Воспитанные вдали отъ этихъ стѣснительныхъ условій, воспринявшіе всю школьную премудрость въ опредѣленной системѣ, отъ ранней юности научившіеся владѣть и живою, ораторскою рѣчью, и силлабическимъ стихомъ, кіевскіе ученые невольно должны были сторониться отъ москвичей. Они чувствовали себя болѣе образованными, болѣе развитыми и смотрѣли нѣсколько свысока на тѣхъ представителей московскаго духовенства или тѣхъ справщиковъ типографіи, съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія въ Москвѣ. И въ этомъ самомнѣніи не послѣднюю роль играло то, что кіевскіе ученые имѣли за собою нѣкоторую литературную извѣстность, понимали значеніе печатнаго слова и были болѣе москвичей опытны во всѣхъ литературныхъ родахъ. Можно сказать даже, что они вносили съ собою въ Москву и московскую словесность такія литературныя произведенія, о которыхъ въ данное время въ Москвѣ не бывало и слыхано. Не говоря уже о томъ, что, именно благодаря вліянію кіевскихъ ученыхъ, возобновлена была въ Москвѣ, въ церквахъ, давно уже умолкнувшая живая проповѣдь, мы должны припомнить и то, что, только благодаря имъ, Москва впервые ознакомилась съ *виршами*, т.-е. со стихотворною формою изложенія мысли, и впервые узнала о существованіи драматическихъ произведеній, когда Симеонъ Полоцкій поставилъ свои духовныя драмы на придворной сценѣ, на Государевомъ Верху.

Вирши. *Вирши* или стихи (отъ латинскаго versus) на русскомъ языкѣ появляются впервые подъ непосредственнымъ вліяніемъ польской поэзіи, на Юго-Западѣ Руси, не позже конца XVI вѣка. Подъ этимъ вліяніемъ русскими грамотными людьми былъ перенятъ съ польскаго совершенно несвойственный русскому языку силлаби-

Царевна Софія Алексѣевна. Снимокъ съ гравюры, напечатанной въ 1687 г. въ Голландіи, по ея заказу.

ческій стихъ [1]). Несмотря на то, что русскій стихъ выходилъ, въ этой формѣ, неуклюжимъ, тяжелымъ и негармоничнымъ, спо-

[1]) Силлабическій стихъ удобенъ только въ языкахъ съ однообразнымъ удареніемъ, какъ, напр., въ польскомъ или французскомъ. Главными основами силлабическаго стиха служатъ: а) количество слоговъ въ строкѣ; б) цезура на срединѣ стихотворной строки и в) удареніе (т.-е. повышеніе голоса) на предпослѣднемъ или на послѣднемъ слогѣ, смотря по тому, какое удареніе преобладаетъ въ языкѣ. При разнообразіи удареній, составляющемъ красоту нашего русскаго языка, стихъ силлабическій оказывался непригоднымъ. Для того, чтобы удовлетворять потребностямъ силлабическаго стиха, приходилось переиначивать русскія слова и дѣлать большое насиліе надъ самымъ расположеніемъ словъ въ русской фразѣ.

собѣ изложенія мысли виршами такъ пришелся по нраву русскимъ людямъ, что „виршеслагательство" быстро вошло въ моду и вскорѣ внесено было въ учебный обиходъ русскихъ школъ Юго-Запада въ качествѣ риторическаго упражненія, какъ это было обычно и въ польско-іезуитскихъ коллегіяхъ, послужившихъ образцами для южно-русскихъ и западно-русскихъ училищъ. И вотъ, въ то время, когда вирши получили на всемъ Юго-Западѣ Руси огромное распространеніе, когда лучшіе представители кіевской учености, не смущаясь, посвящали виршамъ свои досуги, наполняли ими цѣлые фоліанты и придавали этому занятію самое серьезное значеніе—въ Москвѣ вирши представлялись какимъ-то запретнымъ плодомъ, какимъ-то непозволительнымъ новшествомъ; за вирши даже карали, и карали сурово... Мы это можемъ видѣть изъ современнаго сыскного дѣла о князѣ Иванѣ Хворостининѣ, который „въ книжкахъ своего слога писалъ про всякихъ московскихъ людей многія укоризны", и что „ они сѣятъ землю рожью, а живутъ будто все ложью", и притомъ, „оныя укоризненныя слова были у него *писаны на виршъ*, и то знатно, что такія слова говорилъ и писалъ гордостью и безмѣрствомъ своимъ въ разумѣ"... Горькая участь постигла этого перваго русскаго сатирика и виршеслагателя: его, какъ „самомнителя", приказано было сослать въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь со строгимъ наказомъ, чтобы ему не давали въ руки никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, „безъ которыхъ быть нельзя—да не впадётъ въ берегъ погибели"...

Мода на вирши. Такъ было въ началѣ XVII вѣка, а въ другой половинѣ его, когда воспитателемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича явился кіевскій ученый, *Симеонъ Полоцкій* — вирши входятъ въ моду при Московскомъ Дворѣ и въ обществѣ, вирши становятся явленіемъ обыденнымъ и ознаменовываютъ собою каждое, сколько-нибудь выдающееся событіе въ жизни царской семьи и придворной среды. Всѣ свои стихотворенія Симеонъ Полоцкій собралъ въ два объемистые сборника, подъ заглавіемъ: „*Вертоградъ многоцвѣтный*" (1678 г.) и „*Рифмологіонъ*" (того же года). Здѣсь видимъ мы и поздравленія царю и царицѣ отъ имени царевича Ѳеодора, и обширный панегирикъ царю Алексѣю Михайловичу подъ заглавіемъ: „*Орелъ Россійскій, въ солнцѣ представленный*", и утѣшительное посланіе царю по поводу кончины его первой супруги, и привѣтствіе по поводу вступленія царя во второй бракъ, и скорбную элегію на смерть царя Алексѣя Михайловича. Въ 1680 г. Симеонъ Полоцкій дерзнулъ даже напечатать переложеніе Псалтири на церковно-славянскій языкъ силлабическими стихами. Но этотъ, весьма почтенный литературный опытъ былъ встрѣченъ высшимъ московскимъ духовенствомъ настолько недружелюбно, что Симеону

пришлось оправдываться и поставить на видъ строгимъ судьямъ, что Псалтирь и въ еврейскомъ подлинникѣ написана также стихами, да притомъ же существуютъ уже и на другихъ языкахъ стихотворные переводы Псалтири, напр. на латинскомъ, гре-

Образецъ тайнописи XVII вѣка. Письмо царевны Софьи Алексѣевны къ князю В. В. Голицыну.

ческомъ и польскомъ. Любопытна цѣль, ради которой Симеонъ Полоцкій переложилъ Псалтирь въ стихи; онъ хотѣлъ сдѣлать эту священную книгу болѣе доступною для семейнаго чтенія и пѣнія, и съ этою цѣлью приложилъ даже къ своему переводу и „ноты“. Но такія литературныя попытки оказывались еще преждевременными въ московскомъ обществѣ конца XVII вѣка!

С. Медвѣдевъ.

Ближайшимъ и усерднѣйшимъ послѣдователемъ Симеона Полоцкаго въ виршеслагательствѣ былъ его ученикъ, *Сильвестръ Медвѣдевъ*—уже извѣстный намъ настоятель и строитель Заиконоспасскаго монастыря. Кромѣ того обширнаго стихотворнаго посланія, съ которымъ онъ обратился къ царевнѣ Софьѣ, моля ее о распространеніи наукъ въ Россіи [1]), онъ оставилъ еще и другое большое стихотвореніе *„Плачъ и утѣшеніе о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича“* — произведеніе, вполнѣ передающее и духъ времени.

Скоморошескія представленія, въ родѣ кукольной комедіи, въ XVII вѣкѣ. (По рисунку въ Путешествіи Олеарія).

и самые пріемы обработки всѣхъ подобныхъ сюжетовъ. Все это произведеніе, по современному пристрастію къ символизму и сопоставленіямъ, подраздѣлено на 22 пѣсни, по числу лѣтъ жизни покойнаго царя; по изложенію, оно очень напыщенно и переполнено всякими риторическими прикрасами. Достаточно припомнить—для характеристики этого рода поэзіи,—что по усопшемъ царѣ плачутъ не одна только его супруга-царица и родственники, но и духовенство, и воинство, и всѣ сословія, и Великая, Малая и

[1]) Сотрудникомъ его въ созданіи этого посланія былъ извѣстный уже намъ *Каріонъ Истоминъ*.

Бѣлая Россія, и даже „сугубо-главый царскій орелъ, преславный клейнодъ россійскій“... Въ заключеніе, самъ усопшій царь обращается къ оплакивающей его Россіи и говоритъ ей:

«Тѣмъ же, преставши плача, Россія, твоего,
Отъ пришествія въ небо радуйся моего».

Духовная драма при дворѣ.

Симеонъ Полоцкій, о виршахъ котораго мы только-что говорили выше, воспользовался своимъ надежнымъ и вполнѣ установившимся положеніемъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, чтобы ознакомить царское семейство съ еще однимъ новымъ литературнымъ родомъ и въ однообразіе дворцовой жизни внести нѣкоторое душеполезное развлеченіе. Опираясь на то, что и православная церковь допускала въ свой обиходъ нѣкоторыя *„дѣйства“* (обряды драматическаго характера), Симеонъ Полоцкій убѣдилъ царя Алексѣя Михайловича, что ничего грѣховнаго или противузаконнаго не будетъ въ постановкѣ на дворцовой сценѣ *духовной драмы*, заимствованной изъ Библіи. И вотъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны царя и подробныхъ спросовъ у патріарха, послѣ справокъ, изъ которыхъ оказалось, что духовная драма допускалась при дворѣ Византійскихъ Императоровъ, мы видимъ, наконецъ, на дворцовой сценѣ двѣ „комедіи“ Симеона Полоцкаго: *„Комедію [1]) о Блудномъ сынѣ“*, основанную на извѣстной Евангельской притчѣ, и комедію *„о царѣ Навуходоносорѣ“*, заимствованную изъ библейскаго разсказа о трехъ отрокахъ, сохранившихся невредимыми въ пещи вавилонской. Но прежде, чѣмъ сказать подробнѣе обо всѣхъ этихъ первоначальныхъ духовныхъ драмахъ, впервые игранныхъ въ Москвѣ, мы должны будемъ нѣсколько оглянуться назадъ и сообщить нѣкоторыя подробности о первоначальномъ происхожденіи этого литературнаго рода.

Мистерія на Западѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что ни наши духовныя драмы временъ царя Алексѣя Михайловича, ни тѣ немногія „дѣйства“, какія сохранились до XVIII вѣка въ православной церкви и допускаемы были въ московскомъ церковномъ обиходѣ, не имѣли никакой связи съ нашими народными играми драматическаго характера, ни съ представленіями бродячихъ скоморошескихъ ватагъ. Эти драмы были отдаленными отголосками мистерій, которыя происходили на Западѣ въ церквахъ, наканунѣ Рождества Христова или въ концѣ Страстной недѣли, передъ Пасхой. Сначала въ западныхъ церквахъ только наканунѣ Рождества и Пасхи допускались представленія такихъ „мистерій“ (или духовныхъ драмъ), въ которыхъ изображалось

[1]) Здѣсь слово «комедія», какъ терминъ литературный, употреблено не въ своемъ прямомъ, настоящемъ значеніи, а просто въ значеніи «сценическаго представленія».

явленіе Спасителя въ міръ, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ и бѣгство въ Египетъ; а въ канунъ Пасхи—крестныя страданія Спасителя, Его Воскресеніе и Вознесеніе. Первоначально эти представленія имѣли строго-обрядовый характеръ, текстъ ихъ былъ буквальнымъ повтореніемъ текста Св. Писанія, и даже дѣйствующими лицами въ этихъ представленіяхъ могли быть только духовныя лица, принадлежавшія къ церковному причту. Но, позднѣе, духовенство, угождая вкусу толпы, стало разнообразить содержаніе мистерій, то почерпая его изъ евангельскихъ притчей (напримѣръ, изъ притчи о десяти дѣвахъ, о блудномъ сынѣ, о богатомъ и Лазарѣ и т. д.), то дополняя рождественскія и пасхальныя мистеріи эпизодами изъ ветхозавѣтной исторіи или появленіемъ на сценѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ, предвѣщавшихъ пришествіе Спасителя въ міръ. Съ Запада, нѣкоторое подобіе церковныхъ мистерій было позаимствовано и весьма строгою въ обрядовомъ смыслѣ Византіею, и уже черезъ ея посредство (какъ мы это увидимъ далѣе) введено въ обиходъ православной церкви въ Московскомъ государствѣ. Но далѣе немногихъ праздничныхъ обрядовъ мистерія въ Восточной Церкви и не пошла: не развиваясь и не пріобрѣтая никакого значенія, эти обряды такъ и сохранились въ теченіе многихъ вѣковъ въ Восточной Церкви, какъ обломокъ отдаленной и не вполнѣ понятной церковной старины... Не то было на Западѣ. Тамъ мистерія стала пріобрѣтать все болѣе и болѣе опредѣленный мірской характеръ; высшее духовенство увидѣло себя вынужденнымъ вытѣснить, мало-по-малу, мистеріи изъ стѣнъ церковныхъ, и представленія ея перешли сначала въ церковную ограду, а потомъ на площадь, гдѣ и пріобрѣли характеръ вполнѣ народной драмы. Такимъ-то образомъ, постепенно перерождаясь, духовная драма пережила здѣсь еще нѣсколько періодовъ и, наконецъ, обратилась въ драму чисто-мірского характера и легла въ основу европейскаго театра. Мистерія, быстро распространившаяся по всей католической Европѣ, уже очень рано явилась и въ Польшѣ. Здѣсь пришлось ей пережить почти всѣ формы развитія, какія она пережила въ Западной Европѣ, и въ концѣ XVI вѣка она уже сдѣлалась почти исключительнымъ достояніемъ іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ воспитанники, подъ руководствомъ наставниковъ, нѣсколько разъ въ годъ, разыгрывали пьесы духовно-нравственнаго содержанія, то на латинскомъ, то на польскомъ языкѣ. Въ школахъ русскаго Юго-Запада, созданныхъ по образцу польско-іезуитскихъ коллегій, конечно, драма духовная должна была получить такое же важное значеніе, и мы видимъ, дѣйствительно, что наставники здѣсь принимаютъ на себя сочиненіе духовныхъ драмъ, а воспитанники—исполненіе ихъ на сценѣ. Духовныя драмы въ такой степени

нравятся воспитанникамъ Кіево-Могилянской коллегіи, что нѣкоторое подобіе ихъ они переносятъ даже въ народъ [1])... Изъ этихъ первоначальныхъ школьныхъ драмъ ни одна не дошла до насъ, и старѣйшими изъ подобнаго рода произведеній являются тѣ „комедіи“ Симеона Полоцкаго, о которыхъ мы упоминали уже выше.

Церковныя дѣйства.

Не мѣшаетъ припомнить, что до 1672 года ни духовныя драмы, ни вообще какія бы то ни было сценическія представленія не были вовсе извѣстны въ сѣверо-восточной Руси. Но въ церковномъ обиходѣ, еще съ первой половины XVI вѣка [2]), существовали, подъ названіемъ „дѣйствъ“, нѣкоторые обряды, которые были какъ бы отдаленнымъ отголоскомъ первоначальнаго періода мистеріи, когда она еще являлась только нагляднымъ поясненіемъ текста Св. Писанія. Такихъ „дѣйствъ“ было въ русской Церкви три: *дѣйство Страшнаго суда*, происходившее въ воскресенье передъ Масляницей; дѣйство *шествія на осляти*—происходившее въ Вербное воскресенье, въ воспоминаніе о торжественномъ входѣ Спасителя въ Іерусалимъ; и, наконецъ, древнѣйшее изъ всѣхъ, *пещное дѣйство*, въ которомъ изображалось вверженіе трехъ отроковъ въ вавилонскую пещь и чудесное избавленіе ихъ изъ пламени ангеломъ Божіимъ. Это дѣйство совершалось, обычно, въ концѣ Рождества, во время заутрени, въ которой принимали участіе трое юношей, облеченныхъ въ бѣлую одежду и съ золотыми царскими вѣнцами на головахъ, и двое халдеевъ, въ островерхихъ шапкахъ, отороченныхъ заячьимъ мѣхомъ. Въ опредѣленное время службы, „халдеи“ обвязывали отрокамъ руки полотенцами и подводили ихъ къ „пещи“, поставленной среди церкви [3]). Между ними завязывался небольшой діалогъ, въ которомъ халдеи стараются запугать отроковъ пещью, а тѣ отвѣчаютъ: „сія пещь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе“. Послѣ этого небольшого діалога, отроковъ вводятъ въ

---

[1]) На Святкахъ они ходили по домамъ и дворамъ съ вертепомъ—небольшимъ механическимъ, кукольнымъ театромъ—и на сценѣ вертепа представляли рождественскую драму. Одинъ изъ воспитанниковъ говорилъ рѣчи за куколъ; другіе, сопровождавшіе вертепъ, пѣли канты (т.-е. духовныя пѣсни), написанныя силлабическими виршами, и прославляли Рождество. Въ вознагражденіе за это, горожане угощали студентовъ или давали имъ небольшую плату. Обычай этотъ и доселѣ сохранился въ Польшѣ.

[2]) Въ расходныхъ книгахъ новгородскаго архіерейскаго дома о «пещномъ дѣйствѣ» упоминается впервые подъ 1548 годомъ.

[3]) Въ ризницѣ новгородскаго Софійскаго собора сохранилась такая пещь. Она, по формѣ, кругообразная, деревянная, украшенная позолоченною рѣзьбою; въ нижнемъ ярусѣ, составляющемъ почти половину всего сооруженія, въ особыхъ рамкахъ, помѣщены выпукло-рѣзныя изображенія святыхъ. Въ верхнемъ ярусѣ помѣщены были, въ отдѣльныхъ рамкахъ, иконы святыхъ. Въ верхнемъ-же ярусѣ помѣщалась и входная дверь, въ которую, вѣроятно, отроки вступали, поднимаясь по приставной лѣстницѣ. Пещь эта въ настоящее время хранится въ Музеѣ Императора Александра III.

пещь, а халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею, между тѣмъ какъ отроки, внутри пещи, поютъ священныя пѣсни. Въ концѣ стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“ — въ пещь на веревкѣ спускалось изображеніе ангела „съ великою трубою“... При этомъ халдеи падали ницъ, какъ бы пораженные этимъ явленіемъ, и между ними завязывался такой разговоръ:

Первый халдей. «Товарищъ!»
Второй. «Чего тебѣ?»
Первый. «Видишь ли?»
Второй. «Вижу».
Первый. «Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобился сыну Божію».
Второй. «Какъ онъ прилетѣлъ, и насъ побѣдилъ».

Послѣ этого халдеи выпускали отроковъ изъ пещи, и служба продолжалась въ обычномъ порядкѣ, съ тою только разницею, что халдеи и отроки, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, принимали участіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ [1]).

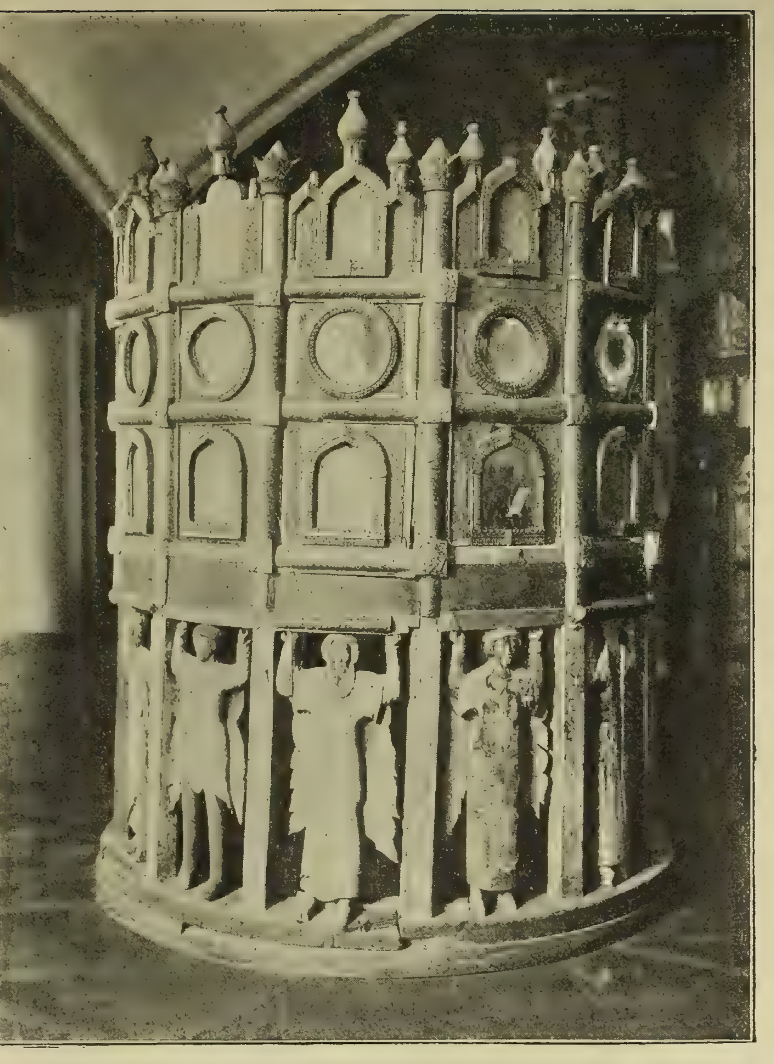
Простой и незамысловатый обрядъ „пещного дѣйства“ представлялся не только толпѣ, но и высшимъ слоямъ общества весьма любопытнымъ и привлекательнымъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, что царь и царица (а за ними, конечно, и весь Дворъ) ежегодно присутствовали при совершеніи *пещного дѣйства*, несмотря на то, что изъ-года-въ-годъ совершалось одно и то же, безъ всякаго измѣненія. Тѣмъ болѣе пріятно былъ пораженъ и царь, и всѣ его приближенные, когда тотъ же сюжетъ, литературно-разработанный Симеономъ Полоцкимъ, былъ представленъ на придворной сценѣ въ полной сценической обстановкѣ, съ занавѣсомъ и кулисами, съ правильнымъ распредѣленіемъ ролей и самого дѣйствія на отдѣльные явленія и выходы.

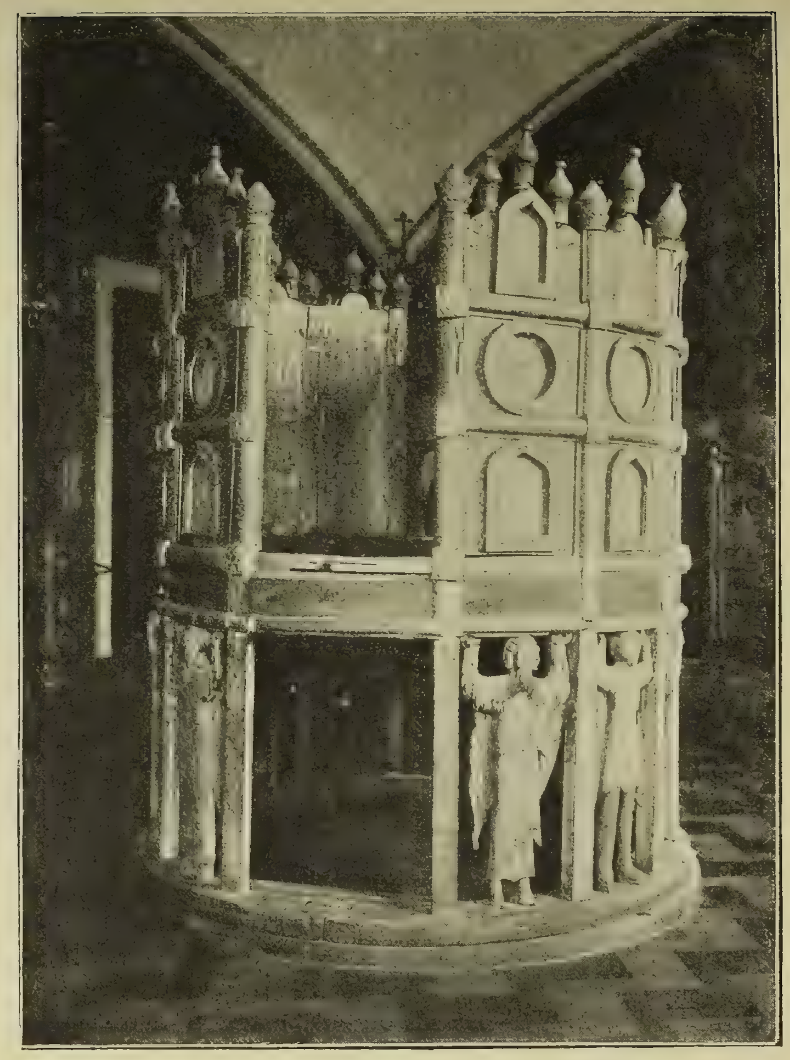
Комедія о Навуходоносорѣ.

Въ началѣ „комедіи о Навуходоносорѣ“ является на сцену самъ Навуходоносоръ и повелѣваетъ вылить изъ золота свое изображеніе, для всенароднаго поклоненія; а боярину своему Зардану приказываетъ близъ того мѣста устроить пещь, и въ ту пещь бросать каждаго, кто не пожелаетъ поклониться истукану. Затѣмъ бояринъ Амиръ возвѣщаетъ царю, что уже всѣ люди стоятъ на полѣ Деирѣ. Царь приказываетъ трубить и играть гудцамъ... „И начнутъ трубити и пискати; народи же поклоняются, а три отроци не поклонятся, что̀ видя Амиръ велитъ поймать ихъ...“ Отроки рѣшительно отказываются исполнить повелѣніе царя: царь угрожаетъ имъ смертью въ „пещи огненной“, и получаетъ отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ:

---

[1]) Послѣ утрени, пещь снималась, изображеніе ангела—также; въ церкви все приводили въ прежній порядокъ; но и въ вечернѣ, и въ обѣднѣ того дня участвовали и отроки, и халдеи.





„Халдейская пещь“, при посредствѣ которой совершалось „пещное дѣйство“ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Хранится, въ настоящее время, въ Музеѣ Императора Александра III.

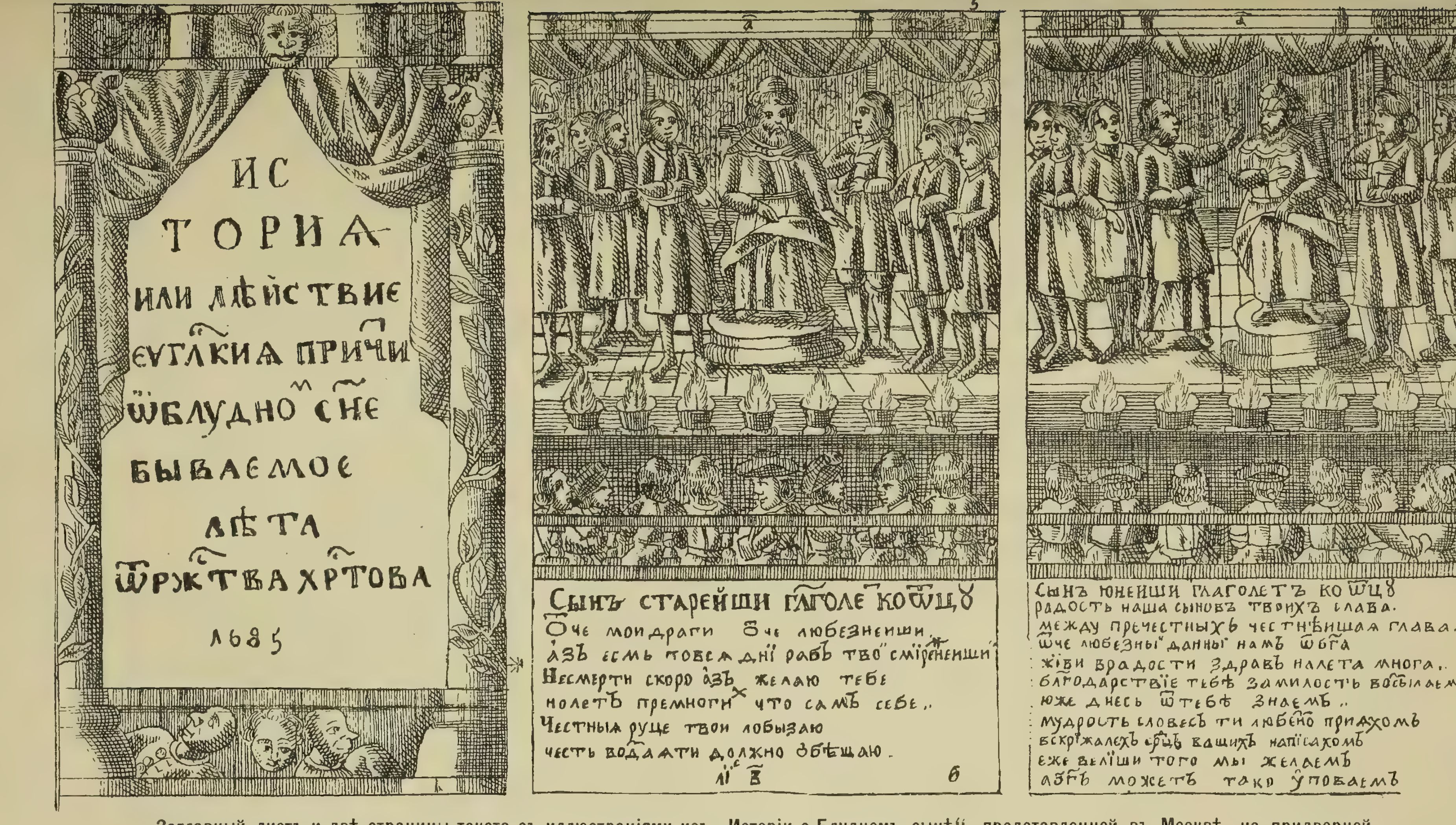
Седрахъ. «Нѣсть тебѣ, царю, намъ то отвѣщати,
Богъ всемогущъ, силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею,
И освободити отъ руку твоею.
Мисахъ. Къ тому вѣждь, царю, яко прещеніе
Огня не введетъ во прельщеніе;
Аще же огнь Богъ хощетъ ны дати,
Мы за честь его готовы страдати.
Авденаго. Живого Бога Небеснаго знаемъ:
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитати —
Творецъ и Богъ нашъ, Того и хощемъ знати»...

Этотъ небольшой отрывокъ достаточно знакомитъ насъ съ характеромъ изложенія и діалогомъ „комедіи“ Симеона Полоцкаго; отмѣтимъ еще только одну любопытную черту въ ней: въ эпилогѣ этой комедіи, авторъ, по обычаю времени, приноситъ благодареніе царю за то, что онъ присутствовалъ на представленіи комедіи и выслушалъ ее терпѣливо отъ начала и до конца:

«Преславный царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый!
Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйство послушати;
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше;
Имъ же негли неугодни быхомъ,
Яко искусства должна не явихомъ:
Разума скудость вину погрѣшаетъ,
А умъ богатый радостно прощаетъ»...

Комедія о блудномъ сынѣ.

Самъ авторъ, въ этомъ заключительномъ обращеніи къ царю, называетъ свое произведеніе *дѣйствомъ*, вѣроятно, сознавая, что его мистерія есть ничто иное какъ драматизированное, литературно-обработанное дѣйство... Въ то же время онъ сознавалъ, что даже и въ этой формѣ его пьеса была смѣлымъ „новшествомъ“ въ царскихъ палатахъ, на придворной сценѣ. Можетъ-быть, онъ даже опасался за это „новшество“? И если опасался, то ошибся— „новшество“ понравилось, насколько мы можемъ судить по тому, что за первою пьесою на придворной сценѣ вскорѣ явилась и вторая—„*Комедія о Блудномъ сынѣ*“—уже по самому характеру сюжета своего дававшая бо̀льшій просторъ фантазіи автора. Эта любопытная комедія сохранилась намъ въ современномъ изданіи, съ гравюрами, изображающими отдѣльныя явленія. На этихъ гравюрахъ видимъ правильно-устроенную сцену съ рампою, изъ-за которой видны большія плошки (или жирники), доставлявшія передній свѣтъ всей сценѣ. Передъ рампою виденъ на гравюрахъ



Заглавный листъ и двѣ страницы текста съ иллюстраціями изъ „Исторіи о Блудномъ сынѣ“, представленной въ Москвѣ, на придворной сценѣ, и напечатанной отдѣльнымъ изданіемъ въ 1685 г.

передній рядъ публики, сидящей на скамьѣ съ рѣзною спинкою. На сценѣ — мебель и бутафорскія вещи; задній занавѣсъ, какъ кажется, состоитъ изъ ковровъ и полотнищъ какой-то матеріи [1]).

Постоянная сцена.

Полагаемъ, что на этихъ любопытныхъ гравюрахъ изображена сцена временная, дворцовая; но несомнѣннымъ оказывается тотъ фактъ, что уже въ концѣ 1672 года царь Алексѣй Михайловичъ принялъ всѣ надлежащія мѣры къ учрежденію сцены постоянной. Три дня спустя послѣ рожденія Петра Великаго, царь указалъ пастору московской лютеранской церкви (въ Нѣмецкой слободѣ), *Іоганну Готфриду Грегори*, „учинить хоромину новую для комедійнаго дѣйствія въ селѣ Преображенскомъ“.

З

Устъ твоихъ слово вѣрцы моемъ вынѣ.
сохраню ано подобаетъ снѣ

Да твое лице хощѫ вынѫ зрѣти.
всю мою радость ѿтебѣ имѣти.

Вничто злато iсребро вменяю.
псiце сокровищъ тебѣ почитаю

Лѣтче стобою iзволяю жити
неже всемъ златомъ ѿботащенъ быти

Ты моя радости ты мнѣ совѣтъ блгiи.
ты моя слава ѿмои ѿче драгiи

Виждѫ азъ свѣтло како насъ любиши
егда твоихъ блгъ ѿбщники твориши.

Нестмь азъ достоинъ тоя блгодати
затвои трѫдъ iнамъ то бгъ волитъ дати

Блгодарствiе ббо бгѫ возсылаю.
атвои рѫцѣ а лобызаю.

Любо приемля блгословения.
обѣщая ти повиновение

Желая вынѫ азъ стобою быти
вобоемъ сщастiи соѿцемъ моимъ жити

Всякия трѫды готовъ подимати.
ѿчия воли прилѣжно слѫшати.

Весь рабъ твои есмь радъ слѫшати
впослѫшанiи жизнь свою кончати.

Ѿцъ паки къснѫ старѣишемѫ глаголе.

Бѫди натебѣ блгословение
всесилнаго бга затвое смирение.

Ты ѿбѣщался снами пребывати
Бгъ имать ната млть излияти

Еще одна страничка изъ «Исторіи о Блудномъ сынѣ» (безъ иллюстрацій).

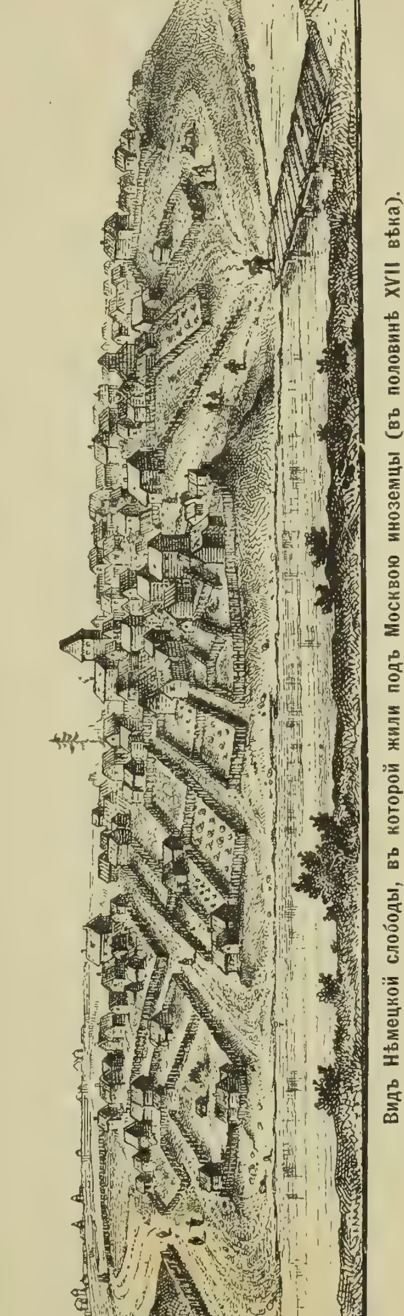
Готфридъ Грегори.

Грегори, человѣкъ (по отзыву современниковъ) ученый и умный, отлично справился съ даннымъ ему порученіемъ, и не только отстроилъ хоромину, удобную для театральныхъ представленій, но, вмѣстѣ съ какимъ-то учителемъ Юріемъ Михайловичемъ, собралъ и труппу „изъ дѣтей разныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка“. Съ ними онъ разучилъ духовную комедію, заимствованную изъ Библіи: „*Исторію объ Эсѳири*“ или такъ-называемое „*Артаксерксово дѣйство*“.

Новая комедія чрезвычайно понравилась царю Алексѣю Михайловичу. Грегори и его комедіанты были щедро награждены,

[1]) Это рѣдчайшее изданіе хранится въ числѣ диковинокъ печатнаго дѣла въ витринѣ Русскаго отдѣла Имп. Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ.

а самый текстъ „Артаксерксова дѣйства“ повелѣно было переплесть въ сафьянный переплетъ съ золотомъ для библіотеки на Государевомъ Верху. Въ слѣдующемъ 1673 году видимъ пастора Грегори уже во главѣ цѣлой школы мѣщанскихъ дѣтей, обучавшихся у него „комидійному дѣлу“ и „превысокая обыклая милость царскаго величества“ неослабно поощряла „неискуссныхъ отрочатъ“ къ совершенствованію въ новомъ для нихъ „комидійномъ“ искусствѣ.



Видъ Нѣмецкой слободы, въ которой жили подъ Москвою иноземцы (въ половинѣ XVII вѣка).

Благодаря тому, что эта первая русская труппа обучалась и воспитывалась подъ руководствомъ учителя-нѣмца, первыя пьесы, представленныя на дворцовой сценѣ, должны были, конечно, заимствоваться изъ запаса пьесъ нѣмецкой сцены; онѣ на скорую руку переводились и передѣлывались съ нѣмецкаго. Намъ извѣстно даже, кто именно былъ сотрудникомъ пастора Грегори въ этихъ передѣлкахъ и переводахъ; а именно: переводчикъ Посольскаго Приказа, *Георгъ Гивнеръ*. Вѣроятно, благодаря этому сотрудничеству, пьесы быстро чередовались одна за другою: вслѣдъ за „*Артаксерксовымъ дѣйствомъ*“ явились, послѣдовательно, комедіи: „*Юдиѳь*“, „*Исторія о странствіи и бракѣ молодого Товіи, сына Товитова*“, „*Малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ Іосифа, сына Израилева*“, „*Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ*“, „*Темиръ-Аксаково дѣйство или Баязетъ и Тамерланъ*“.

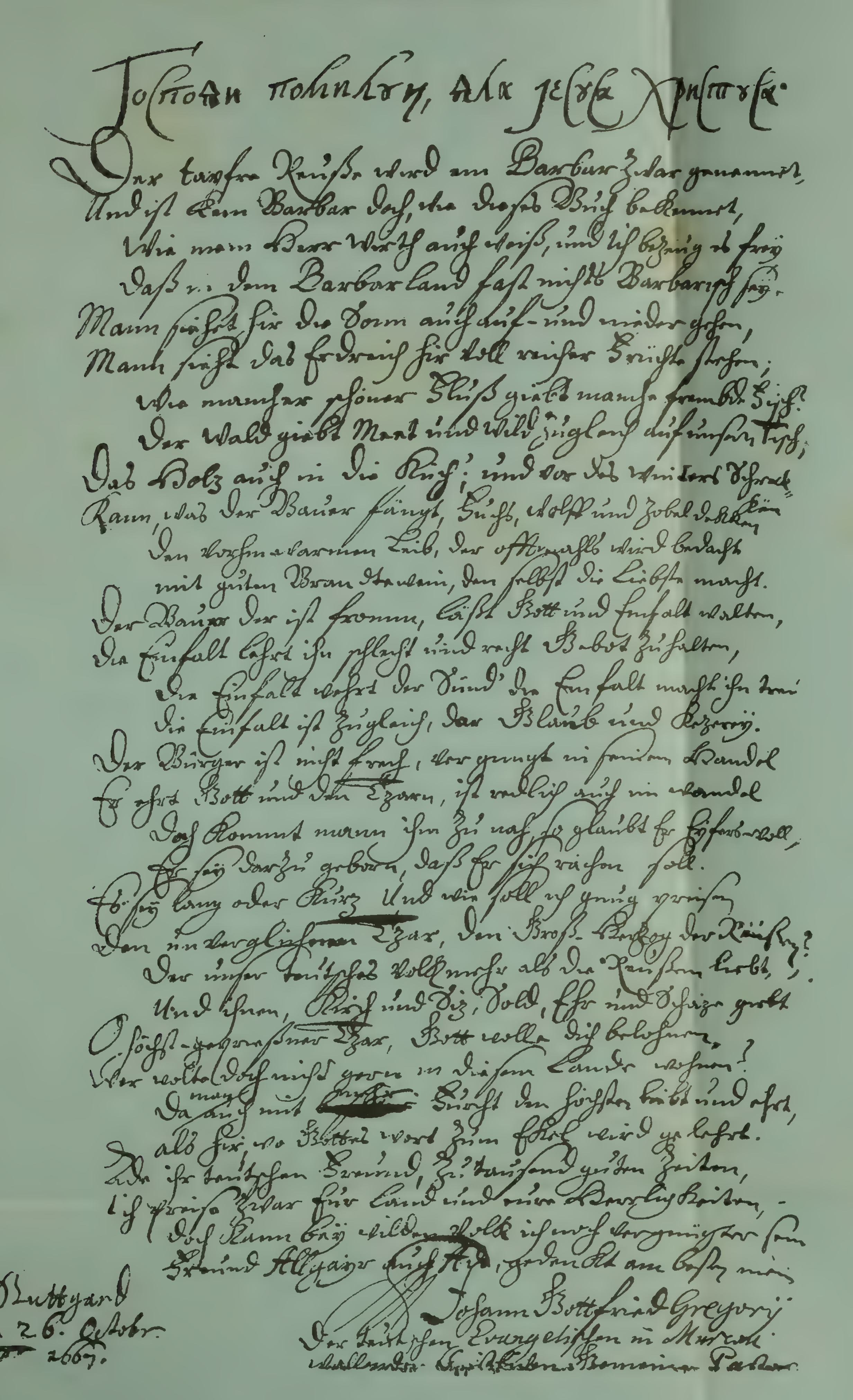
Драмы Дмитрія Ростовскаго.

Сверхъ этого переводнаго репертуара, отъ конца XVII и начала XVIII вѣка, намъ сохранились еще оригинальныя духовныя драмы другого автора—св. Дмитрія Ростовскаго. Ихъ сохранилось

всего шесть: „*Рождество Христово*“, „*Воскресеніе Христово*“, „*Грѣшникъ кающійся*“, „*Эсѳирь и Агасѳеръ*“, „*Драма Успенская*“, „*Драма Дмитріевская*“. По основному содержанію своему, всѣ эти произведенія представляютъ собою нѣчто среднее между мистеріей и тѣми пьесами, духовно-назидательнаго и аллегорическаго характера, которыя извѣстны были въ западно-европейской средне-вѣковой драмѣ подъ общимъ названіемъ *moralités* [1]). Въ этихъ произведеніяхъ св. Дмитрія Ростовскаго мы видимъ, рядомъ съ событіями и лицами, заимствованными изъ Библіи, —лица чисто-аллегорическія, олицетвореніе отвлеченныхъ свойствъ, добродѣтелей и пороковъ. *Натура людская, Надежда, Кротость, Незлобіе, Золотой вѣкъ, Смерть, Желѣзный вѣкъ, Зависть, Брань* (то-есть война), *Жизнь* и т. п. выводятся авторомъ на сцену, вмѣсто живыхъ лицъ. Всѣ пьесы, по современному обычаю, начинаются *прологомъ*, въ которомъ авторъ, устами одного изъ актеровъ, излагаетъ передъ зрителями содержаніе своей пьесы; а иногда указываетъ и на ея связь съ современностью; заканчиваются пьесы

Купецъ-иноземецъ въ Россіи (въ половинѣ XVII вѣка). По современному рисунку.

[1]) Т.-е. пьесъ назидательнаго, правоучительнаго характера.

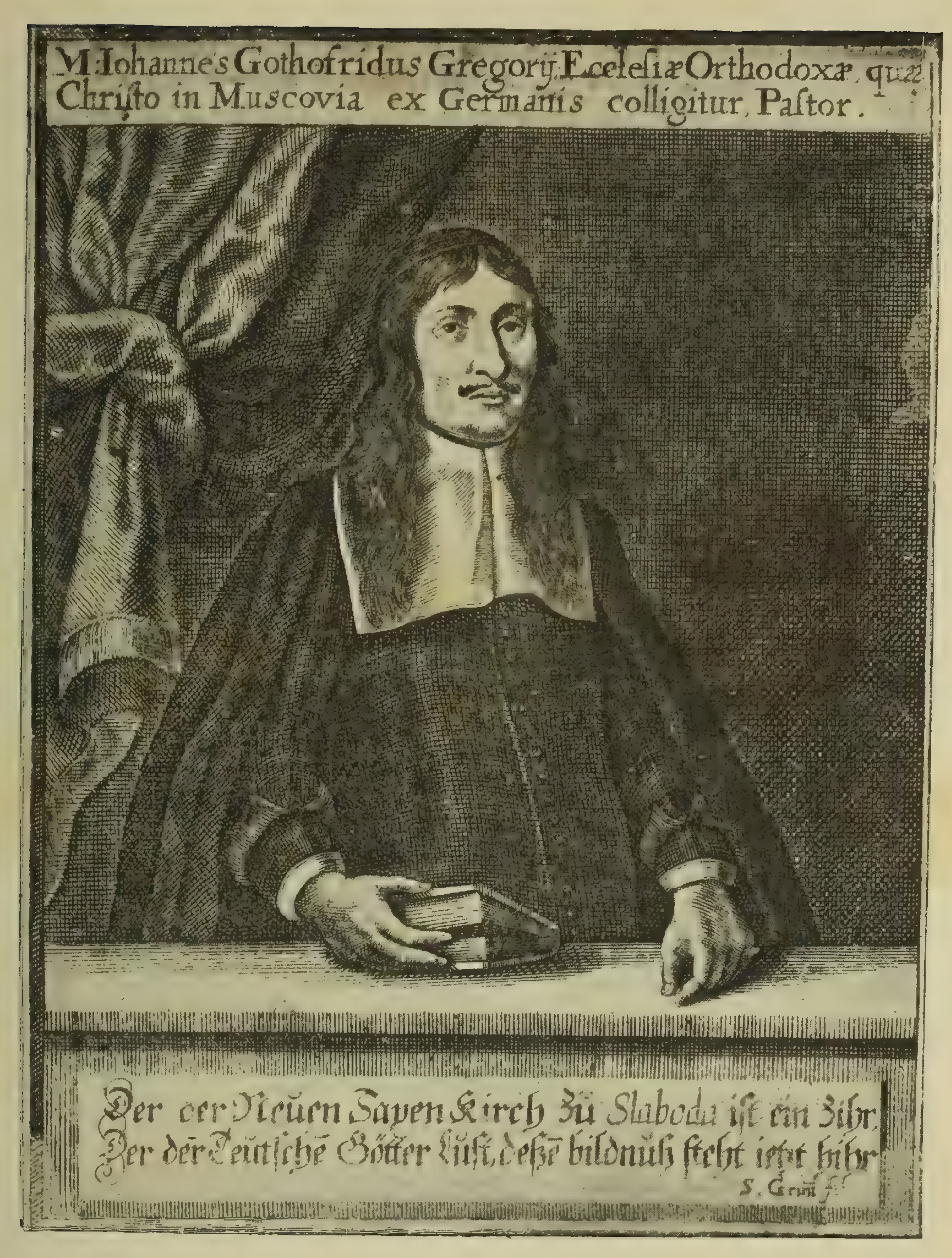


Der tapfre Reüsse wird ein Barbar zwar genannt,
Und ist kein Barbar doch, wo dieses Reich bekannt,
Wie mans Werth auch weiss, und ich bezeüg es frey
dass in dem Barbarland fast nichts Barbarisch sey.
Mann siehet hier die Dorn auch auf- und nieder gehen,
Mann sieht das Erdreich hier voll reicher Früchte stehen;
Wie mancher schöner Fluss giebt manche frembde Fisch!
Der Wald giebt Meht und Wild zugleich auf unsern Tisch,
Das Holz auch in die Küch; und vor des Winters Schreck,
Kann, was der Bauer fängt, Füchs, Wolff und Zobel decken
Den wohlerwärmten Leib, der offtmahls wird bedacht
mit guten Brandtewein, der selbst die Liebste macht.
Der Bauer der ist fromm, lässt Gott und Einfalt walten,
die Einfalt lehrt ihn schlecht und recht Gebot zu halten,
Die Einfalt wehrt der Sünd, die Einfalt macht ihn treu
Die Einfalt ist zugleich das Glaub und Ketzerey.
Der Bürger ist nicht frech, der gengt in seinem Handel
Er ehrt Gott und den Czarn, ist redlich auch im Wandel
Doch kommt mann ihm zu nah, er glaubt er scheint wohl,
Er sey darzu geboren, dass er sich rächen soll.
Es sey lang oder kurz. Und wie soll ich genug preisen
Den unvergleichlichen Czar, den Gross-Herzog der Reüssen?
Der unser teutsches Volck mehr als die Reussen liebt,
Und ihnen Reich und Sitz, Gold, Ehr und Schätze giebt.
O höchst-gepriesner Czar, Gott wolle dich belohnen,
Wer wolte doch nicht gern in diesem Lande wohnen?
Da mann mit Frucht den Höchsten liebt und ehrt,
als hier, wo Gottes Wort zum fleiss wird gelehrt.
Wer ihr teutschen Freünd, zu tausend guten Zeiten,
ich preise zwar hier Land und Herrlichkeiten,
Doch kann bey wildem Volck ich mich vergnügter seyn
Freünd Allgaier auch hier, gedenckt am besten mein

Johann Gottfried Gregorii
Der teutschen Evangelischen in Moscau Gemeine Pastor

Stuttgard
den 26. Octobr.
1667.

Автографъ пастора І. Г. Грегори.



Пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори, обучавшій придворную труппу актеровъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

эпилогомъ, въ которомъ авторъ, пытаясь возвысить значеніе и общее впечатлѣніе пьесы, собираетъ во-едино всѣ выдающіеся черты и моменты ея и сводитъ ихъ къ одному общему выводу [1]).

[1]) Пьесы св. Дмитрія Ростовскаго были написаны имъ еще въ бытность его въ Малороссіи; онѣ были впослѣдствіи поставлены на сцену въ Крестовой палатѣ въ Ростовѣ, когда св. Дмитрій былъ уже митрополитомъ ростовскимъ. Актерами при этихъ представленіяхъ были воспитанники духовнаго училища, основаннаго въ Ростовѣ св. Дмитріемъ.

Народныя сцены въ драмахъ. Любопытною чертою различія между пьесами Симеона Полоцкаго и св. Дмитрія Ростовскаго являются тѣ народныя сцены, заимствованныя изъ живой дѣйствительности, которыя св. Дмитрій весьма искусно и умѣло вводитъ въ самое дѣйствіе своихъ духовныхъ драмъ. Едва ли не лучшею изъ нихъ представляется намъ въ „комедіи на Рождество Христово“ сцена явленія ангела, возвѣщающаго о рожденіи Спасителя пастырямъ. Она заслуживаетъ того, чтобы привести её здѣсь цѣликомъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ангелъ *(къ пастырямъ).*
(Убоятся).

Радость, о пастыріе, отъ меня пріймѣте
И не ужасайтеся, по словамъ внемлѣте.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду родися
Отъ пренепорочныя Маріи, дѣвицы,
Небесныхъ купно земныхъ жителей царицы
Близъ града Вифлеема, въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ ясляхъ, на остромъ сѣнѣ, пеленами звитый,
Нищъ лежитъ всего міра царь пречнаменитый,
Тамъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударь! кто ты таковъ? Ты княжего рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода?

Ангелъ.

Азъ есмь архангелъ не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую,
И тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ Его посланный:
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю, тебе, государь, къ князьямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ: гето ты заблудилъ,
Или не вслухалъ. Вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ.

Ангелъ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоти въ стайкѣ положенный,
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ, пастырей, чаетъ.

Борисъ.

Осударь! надобно-ли что въ поклонъ понести,
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ.

Господь нашъ и Богъ благихъ нашихъ не требуетъ.
Не хощетъ себѣ даровъ, но Онъ да дарствуетъ.
Чисто сердце въ дары тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите,
Глаголанная мною скорѣе сотворѣте,
Азъ буду невидимъ, вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо? Ходѣмъ, украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдіомъ, прaберемся.
Афоня! позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися; пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе:

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
«Христосъ ся вамъ днесь родилъ
Въ Вифлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
Отъ дѣвы Маріи».
Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Вифлеемъ скоро пошли,
Отроча въ ясляхъ знашли,
Матерь съ Іосифомъ.
То дивное рождество
Не наречетъ витѣйство:
Зачала Дѣва сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Пастыріе пришли къ вертепу).

Борисъ.

Постойте же вы здѣся, я посмотрю, пойду,
Есть ли въ яслѣхъ реченный, и знова къ вамъ приду.—
Есть, братцы, есть и не спитъ, и матушка сѣдитъ,
Ангелы поютъ, и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: «здравствуй»; ты рцы: «милость пошли»;
А ты скажи: «прости намъ, что ни съ чимъ здѣсь пришли».

Аврамъ.

Тихонько же отопри. Не спитъ-ли рожденны?
Не замай спитъ, чтобъ не былъ нами возбужденный.

Пѣніе въ вертепъ:

Нынѣ весь міръ да играетъ:
Дѣва Христа раждаетъ,
Младенца первенца,
Небеснаго возлюбенца;
Во вертепѣ днесь раждаетъ
И во яслѣхъ полагаетъ
Исусъ Христа, Бога иста,
Повиваетъ дѣва чиста.

Борисъ *(поклоняется).*

Здравствуй, о Спасителю, намъ нынѣ рожденный,
Самовольно во яслѣхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту!
Чимъ бы Тебѣ нашему согрѣтися свѣту!
На небѣ, якъ сказуютъ, у тебе палатъ много;
А здѣсь, что въ вертепишку лежиши убого,
Въ яслѣхъ, на остромъ сѣнѣ, между буи и скоты,
Нища себѣ сотворивъ, всѣмъ даяй щедроты?
Это намъ, деревенскимъ, здѣ лежать прилично,
А Тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.
Но, понеже извольнѣ такъ себе смиряешь,
Царь царемъ сый, нищету толику примаешь,
Буди благословенный, Боже, въ вѣки вѣковъ,
Возлюбивый насъ грѣшныхъ тако человѣковъ!
И паки реку: буди Богъ благословенный.
На спасеніе міру всему нарожденный!
И ты, того рождьшая, будь благословенна,
Ты, кормилецъ старенькій, буди же хвалимый,
Отъ него же отрокъ здѣ положенъ хранимый!
За лучшее привѣтство на насъ не дивѣте,
Пастухамъ деревенскимъ, молимся, простѣте.

Аврамъ.

И азъ ти кланяюся, Боже воплощенный,
Да насъ возвеселиши, въ плоти умаленный!
Плачеши, здѣ лежащій за грѣхи Адама.
Обрадуй же плачуща и мене, Аврама!
Дай благословеніе всѣмъ намъ, Бога чадо!
Спаси наше, еже мы въ полѣ пасемъ, стадо!
Спаси домы наша и въ нихъ всѣхъ живущихъ!
Помилуй и насъ, нищихъ, здѣ при тебѣ сущихъ!
Мы Тя хвалимъ и хвалить будемъ по вся годы.
Да хвалятъ Тя, Спасе нашъ, во вѣки вся роды!
И тебѣ, Бога Мати, главу преклоняю,
Тебѣ, святой Осипе, челомъ ударяю:
Помолитеся за насъ къ воплощенну Богу,
Да подастъ намъ въ свояси щасливу дорогу.

Афоня.

Напослѣдокъ и я нищъ къ Тебѣ припадаю,
Боже намъ нарожденный, и Тя величаю:
Буди благословенный, Боже нашъ, во вѣки,
Яко еси возлюбилъ тако человѣки!
Оставивши на небѣ златыя палаты,
Изволилъ еси пожить здѣ между быдляты.
На одномъ сѣнцы лежиши, якъ какой сирота;
Всѣхъ одѣваешь, а Тя покрываетъ нагота.
Подобало-бъ, дабы мы чимъ Тя подарили,
Постлали-бъ что мяконько или чимъ покрыли;
Но прости: нищи есмы, имамы ничтоже.
Прости насъ, милостивый и всещедрый Боже!
Прости и благослови и ты, Мати Богу,
И ты, святый Осипе, за милость премногу!
Идѣмо во свояси; насъ благословѣте!

Всѣ.

Въ путь идущимъ и дома сущимъ помозѣте!

Пастыріе *(людемъ возвѣщаютъ).*

Радуйтеся, людіе! Родися Спаситель,
Истинный всего міра Богъ и откупитель
Мы тому самовидцы, своимъ зрѣли окомъ:
При градѣ Виѳлеемѣ, въ вертепѣ глубокомъ
Лежитъ въ яслѣхъ на сѣнѣ отрочокъ маленькій,
Тамъ и матушка его, и Осипъ старенькій.
Мы имъ поклонимся да домой ступаемъ;
А, что тамъ видѣли, всѣмъ вамъ возвѣщаемъ.
Здравствуйте, радуйтеся, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Свѣтская литература въ XVII вѣкѣ.— Повѣсти переводныя и оригинальныя.—Опытъ самостоятельной обработки русскихъ повѣстей.—Обработка сказокъ, въ видѣ смѣхотворныхъ повѣстей и разсказовъ. — Повѣсть о Горѣ-Злочастьи, какъ прямой отголосокъ тяжкой современной дѣйствительности.

Семнадцатый вѣкъ,— вѣкъ всякихъ волненій и смутъ, вѣкъ споровъ и распрей словесныхъ, вѣкъ борьбы различныхъ началъ въ нашей общественной жизни, предшествовавшій ея обновленію и повороту на новый путь,—вызвалъ къ жизни, какъ мы уже видѣли выше (въ предшествующихъ главахъ), обширную и разнообразную литературу духовную, проповѣдническую, политическую и богословскую, породилъ новые роды литературные, создалъ даже нѣчто въ родѣ поэзіи, пріумножилъ литературу историческую цѣлымъ рядомъ новыхъ и важныхъ историческихъ памятниковъ и историческихъ сочиненій... Рядомъ со всѣми этими отраслями литературы, въ XVII вѣкѣ широко распространилась и область литературы свѣтской, богатая и обиліемъ произведеній, и несомнѣннымъ внутреннимъ достоинствомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ памятниковъ, весьма цѣльно и полно отражающихъ живую современность и господствовавшія въ обществѣ стремленія и вѣянія.

Повѣсти и сказки XVII вѣка.

Свѣтская литература XVII вѣка, какъ и свѣтская литература предшествовавшихъ вѣковъ, состоитъ изъ *повѣстей* и *сказокъ*, книжнымъ образомъ обработанныхъ и изложенныхъ. Значительная доля этой легкой литературы, составлявшей, вѣроятно, излюбленное чтеніе грамотныхъ русскихъ людей, была, попрежнему, переводною, пересажденною посредственно или непосредственно съ Запада; другая, меньшая доля, представляетъ собою передѣлку иноземныхъ сюжетовъ или пересказъ русскихъ народныхъ сказокъ и апокрифовъ. Но, рядомъ съ этими переводами и передѣлками, видимъ уже и произведенія вполнѣ оригинальныя, заимствованныя изъ русской жизни, ярко рисующія намъ и бытъ, и нравы, и понятія современниковъ. Это уже не наивный лепетъ съ чужого

голоса, по чужимъ образцамъ и формамъ — это вполнѣ сознательныя, вполнѣ литературныя произведенія: результатъ наблюденій и опыта, яркое выраженіе мнѣній, вѣрованій и даже идеаловъ русскихъ людей этой любопытной эпохи, поколебленной въ своемъ исконномъ міровоззрѣніи.

Относительно переводной свѣтской литературы отмѣтимъ одинъ важный фактъ: насколько въ предшествующій вѣкъ главною сокровищницею всѣхъ иноземныхъ, восточныхъ и европейскихъ сказаній была для Руси Византія и ближайшія къ ней страны славянскія: Сербія и Болгарія — настолько же, въ XVII столѣтіи, главнымъ посредствующимъ звеномъ въ пересадкѣ на нашу почву иноземныхъ сказаній является Польша, съ которою все тѣснѣе и тѣснѣе связываются судьбы Московскаго государства. Польское вліяніе.

Вліяніе польской литературы на возникающую образованность русскаго Юго-Запада было настолько сильно, что черезъ Польшу стали проникать на Русь передѣлки и переводы рыцарскихъ романовъ, итальянскихъ и французскихъ новеллъ, въ родѣ „*Книги о Мелюзинѣ*", „*Исторіи Петра-Златые-Ключи*", „*Повѣсти о княгинѣ Алдорфской*" и, наконецъ, знаменитой „*Исторіи о Бовѣ-королевичѣ*", которыя потомъ, черезъ литературу книжную, перешли даже въ литературу лубочныхъ народныхъ изданій. Характернымъ образчикомъ всѣхъ подобнаго рода рыцарскихъ романовъ, пересажденныхъ на почву русской повѣсти, можетъ служить перешедшая къ намъ изъ чешской литературы „*Повѣсть умилительная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земли*", которую мы и приведемъ здѣсь въ краткомъ изложеніи для нашихъ читателей.

Брунцвикъ остался, по кончинѣ отца своего, королемъ чешской земли. Но онъ, по молодости лѣтъ, не дорожилъ ни королевствомъ, ни молодою женою — и жаждалъ только славы рыцарскихъ подвиговъ. И вотъ, въ погонѣ за славою, онъ пустился въ море съ избранными спутниками. Послѣ долгаго плаванія, во время жестокой бури, корабль ихъ былъ увлеченъ теченіемъ къ магнитной горѣ, и Брунцвикъ со своими спутниками едва успѣли спастись на берегъ необитаемаго острова. Запасы ихъ, однакоже, вскорѣ истощились, и они стали одинъ за другимъ умирать съ голода. Когда въ живыхъ остались лишь двое — Брунцвикъ и его дядька — этотъ старый вѣрный рыцарь рѣшился спасти Брунцвика отъ гибели во что бы то ни стало: онъ зашилъ его въ конскую кожу, обмазалъ кровью и положилъ на гору, на которую, какъ ему было извѣстно, по временамъ прилетала громадная птица Ногъ. Чудовищная птица дѣйствительно прилетѣла, подхватила Брунцвика и унесла за тридевять земель, въ свое гнѣздо, на пропитаніе своимъ дѣтямъ. Но королевичъ перебилъ всѣхъ птенцовъ Нога-птицы, ушелъ изъ ея гнѣзда и пустился на поиски дальнѣй- Повѣсть о Брунцвикѣ.

шихъ приключеній. Бродя по горамъ и отыскивая жилья человѣческаго, королевичъ услышалъ вдали страшное рыканіе: оказалось, что это левъ борется съ дракономъ-василискомъ... Брунцвикъ избавилъ льва отъ десятиглаваго василиска и съ той поры благодарный левъ не покидалъ королевича ни на минуту. Завидя вдали городъ, королевичъ, вмѣстѣ со львомъ, направляется туда и съ ужасомъ видитъ, что въ городѣ живутъ какіе-то чудовищные люди и правитъ ими царь Алимбрусъ, у котораго двѣ пары глазъ — одни спереди, другіе сзади головы. Царь этотъ обѣщаетъ пропустить Брунцвика черезъ свое царство, если тотъ освободитъ его дочь, красавицу Африку, изъ-подъ власти еще одного, ужаснаго василиска. Королевичъ, при помощи льва, проникаетъ въ самое гнѣздо василиска (городъ, окруженный тройною стѣною и охраняемый чудовищами) — послѣ долгой битвы съ василискомъ и окружающими его гадами, чудовищами и „морскими привидѣніями", побѣждаетъ его и возвращаетъ красавицу Африку къ ея отцу, Алимбрусу. Тогда царь сталъ предлагать свою дочь въ жены королевичу и давалъ за нею огромныя богатства въ приданое; но Брунцвикъ отъ всего отказался и только просилъ отпустить его на родину. Такъ какъ царь не захотѣлъ исполнить свое обѣщаніе, то Брунцвикъ, при помощи случайно-найденнаго чудодѣйственнаго меча-кладенца, вырубаетъ все царство Алимбруса и отплываетъ вмѣстѣ со львомъ на родину. Онъ успѣлъ прибыть къ своему стольному городу какъ разъ во-время: его молодая жена, по истеченіи урочнаго времени, собиралась уже вступить во второй бракъ, побуждаемая къ тому своимъ отцомъ... Повѣсть заканчивается очень чувствительно: Брунцвикъ, послѣ долгаго и счастливаго царствованія, умираетъ, оставивъ свое царство сыну; левъ, опечаленный его кончиною, проливаетъ слезы, роетъ землю „отъ великой тоски и жалости" и, наконецъ, умираетъ, подавленный горемъ, на могилѣ Брунцвика.

Смѣхотворныя повѣсти.

Рядомъ съ подобными рыцарскими романами, съ той же самой польской почвы переносились къ намъ на Русь цѣлые сборники небольшихъ *смѣхотворныхъ* повѣстей (фацецій) и *жартъ* (шутливыхъ, анекдотическихъ разсказовъ, въ родѣ новеллъ). Эти переводные сборники нерѣдко пополнялись и русскими оригинальными повѣстями, въ родѣ разсказовъ о царѣ Грозномъ и смышленомъ горшенѣ, или въ родѣ спора „*жидовскаго философа Тараски съ хромымъ скоморохомъ*", который своею смѣлостью и находчивостью вынуждаетъ, наконецъ, „Тараску" отказаться отъ состязанія о превосходствѣ еврейскаго закона надъ христіанскимъ.

Среди оригинальныхъ и русскихъ повѣстей XVII вѣка замѣчаются два направленія, въ равной степени свойственныя самому характеру русскаго человѣка и его постоянному отношенію

къ дѣйствительности: одно — шутливое и веселое, съ оттѣнкомъ легкой и добродушной ироніи; другое — мрачное, безнадежное, суровое даже и въ выраженіи своихъ религіозныхъ вѣрованій и лучшихъ упованій.

Къ первому направленію относятся всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ осмѣивается жалкое состояніе современнаго судопроизводства, ненасытное корыстолюбіе и взяточничество судей и нескончаемая волокита тяжбъ. Сюда относятся, напримѣръ, *„повѣсть о судьѣ-Шемякѣ“*, повѣсть *„о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ“*, извѣстная въ другомъ видѣ, подъ названіемъ *„списка съ суднаго дѣла о тяжбѣ Леща съ Ершомъ“*. Дѣйствующими лицами въ послѣднихъ двухъ произведеніяхъ являются: бояринъ *Осетръ*, воевода *Сомъ*, выборные: *Судакъ* и *Щука*, челобитчикъ *Лещъ* и ябедникъ *Ершъ;* — а все изложеніе разсказа въ нихъ представляетъ собою вѣрный сколокъ съ современныхъ челобитныхъ и иныхъ приказныхъ бумагъ, съ тщательнымъ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ въ то время законныхъ формъ, порядковъ и обычаевъ. На всемъ этомъ лежитъ оттѣнокъ легкой, шутливой сатиры, умной, наблюдательной и добродушной. Подобныя же сатиры, направленныя противъ лицемѣрія и любостяжанія духовенства, нашли себѣ выраженіе въ *„повѣсти о Курѣ* (т.-е пѣтухѣ) *и Лисѣ“*. Къ тому же отдѣлу сатирическихъ произведеній слѣдуетъ отнести и цѣлый рядъ повѣстей въ прозѣ и въ пѣсенномъ складѣ: *„о происхожденіи винокуренія“*, *„о хлѣбномъ питіи“*, *„о хмѣлѣ высокоумномъ“* и т. п., въ которыхъ апокрифическія сказанія о Ноѣ и происхожденіи виноградной лозы сплетаются съ народными сказками о бѣсахъ и объ изобрѣтеніи ими хмѣльного питія. „Хмѣль“ во всѣхъ подобныхъ повѣстяхъ является олицетвореннымъ, въ видѣ добраго молодца, непомѣрно хвастливаго и заносчиваго:

...„Я — Хмѣль“ — говоритъ онъ самъ о себѣ — „и происхожу отъ рода великаго и знатнаго; я силенъ и богатъ, хотя добра у меня за душою нѣтъ никакого. Ноги у меня тонки; зато утроба прожорлива, а руки мои обхватываютъ всю землю. Голова у меня высокоумная, языкъ многоглаголивый, а глаза мои не вѣдаютъ никакого стыда“.

Къ этому же легкому, шутливо-сатирическому роду слѣдуетъ отнести весьма любопытную, по бытовымъ подробностямъ, повѣсть о продѣлкахъ и плутняхъ мелкаго подьячаго и ябедника, который разными кривыми и темными путями выбивается въ люди и достигаетъ благосостоянія. Такая наивная эпопея похожденій русскаго Скапена представляется намъ въ *„Исторіи о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардинъ-Нащокина, Анушкѣ“* — и заслуживаетъ того, чтобы нѣсколько подробнѣе ознакомить читателей съ ея содержаніемъ.

Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ.

Фролъ Скобѣевъ—изъ захудалыхъ и бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ—перебивался кое-какъ, живя со дня на день, пріискивая скудный заработокъ сутяжествомъ и ходатайствомъ въ судахъ по чужимъ дѣламъ. Притомъ не пользовался онъ и доброю славою: не даромъ всѣ звали его „плутомъ, воромъ и ябедникомъ". И вотъ, прослышавъ о томъ, что, по сосѣдству съ нимъ, въ своей новгородской вотчинѣ, проживаетъ дочь боярина Нардинъ-Нащокина, Аннушка, онъ задумалъ пуститься на всякія хитрости, чтобы съ ней познакомиться и какимъ-нибудь обманнымъ образомъ сманить ее за себя замужъ. Для приведенія въ исполненіе этого намѣренія, Фролъ знакомится съ приказчикомъ нащокинской вотчины, а черезъ него съ мамкой „Аннушки", которую подкупаетъ подарками, такъ что та рѣшается быть пособницею въ исполненіи его темнаго плана. Мамка, по желанію Аннушки, сзываетъ дѣвицъ окрестныхъ дворянъ на вечеринку, и въ томъ числѣ — сестру Фрола Скобѣева; а та, подъ видомъ дѣвицы-сосѣдки, вводитъ въ дѣвичій теремъ и своего брата, переодѣтаго въ дѣвическое платье. Обманъ открывается, но Фролъ еще разъ подкупаетъ мамку и та сама способствуетъ его сближенію съ Аннушкой. Аннушка сначала смутилась, увидѣвъ себя наединѣ съ мужчиной; но потомъ, запуганная оглаской, согласилась на все, обѣщала выйти за Фрола замужъ и даже подарила ему 300 рублей, въ видѣ залога.

Но вскорѣ бояринъ Нардинъ-Нащокинъ вызываетъ дочь въ Москву, гдѣ за нее сватается женихъ. Туда же спѣшитъ и Фролъ и пускается на новые обманы и хитрости. Онъ узнаетъ, что за Аннушкой должна прислать карету ея тётка-монахиня, къ которой родители отпускаютъ ее гостить. Скобѣевъ выпрашиваетъ у одного пріятеля-стольника карету, самъ переодѣвается въ прислужническое платье, пріѣзжаетъ за Аннушкой въ домъ Нардинъ-Нащокина, будто бы изъ монастыря, и увозитъ Аннушку изъ родительскаго дома. Тайно повѣнчавшись съ боярышней, онъ начинаетъ съ нею жить въ Москвѣ тайкомъ, выжидая, что будетъ дальше. Когда отецъ Аннушки хватился пропавшей дочери, донесъ государю о ея похищеніи и сталъ искать ее, то Скобѣевъ бросился къ пріятелю-стольнику, который давалъ ему карету, и просилъ, чтобы тотъ за него ходатайствовалъ предъ разгнѣваннымъ отцомъ. „Ежели ты предстательствовать за меня не будешь, — угрожаетъ Фролъ пріятелю: — то я донесу на тебя, что ты давалъ мнѣ лошадей и карету; и ежели бы ты не далъ, то мнѣ бы это не учинить безъ тебя". Волей - неволей пришлось стольнику взяться за непріятныя хлопоты, и послѣ долгихъ усилій онъ добивается того, что Нардинъ-Нащокинъ обѣщается не преслѣдовать и не карать Фрола за его обманъ. Принявъ это рѣшеніе, бояринъ поѣхалъ за совѣтомъ къ женѣ; поговорили они и стали жалѣть

Изображеніе пишущаго монаха взято изъ Кёнигсбергскаго (иначе: Радзивиловскаго) списка нашей лѣтописи, хранящагося въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Это довольно любопытный образчикъ рукописной миніатюры ранняго періода.

Текстъ лѣтописи, приводимый нами здѣсь, читается такъ:

„Феодосиеви же живущу въ монасты-
ре—и правящу добродѣтельная житие и чернецкое пра-
вило. и принимающу всякого приходяща(го) к(ъ) нему. к(ъ) не-
му ж(е) и азъ приид(о)хъ худыи. пріятъ мя лѣ(тъ) ми сущу ꙁ҃і
отъ рожения моег(о). се-же написа(хъ) и положи(хъ) в(ъ) кое лѣто началъ
быти монастырь. и что ра(ди) зоветь(ся) печерскыи. а о фе(до)-
сиеви житьи. паки скажемъ...“

Списокъ лѣтописи, изъ котораго заимствована прилагаемая миніатюра и отрывокъ текста, писанъ полу-уставомъ конца XV или начала XVI вѣка. Эта рукопись была поднесена князю Богуславу Радзивилу Станиславомъ Зеновичемъ, а имъ подарена библіотекѣ Кёнигсбергскаго Университета въ 1668 году. Петръ Великій приказалъ снять съ нея списокъ; а въ 1761 г. и самый подлинникъ ея былъ пріобрѣтенъ для Академіи Наукъ.

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Феωсиеви же живущю в монасты
ри. и правящю добродѣтелнаа житие. и чернецкое пра
вило. и приимающю всякого прихода, к нему. к не
му же и азъ приидохъ худыи. приатъ мя лѣтъ ми сущю. 17
от рожениа моего. се же написахъ и положих. в кое лѣто почалъ
быти монастырь. и что ради зовется печерскый. а о Фе
осиеве житьи. паки скажемъ.

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. ИЗЪ РАДЗИВИЛОВСКОЙ РУКОПИСИ АКАДЕМІИ НАУКЪ (листъ 93-й).
(Въ натуральную величину).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

о дочери, почему и рѣшили послать къ ней своего человѣка — узнать о ея здоровьѣ. Скобѣевъ, узнавъ о приходѣ посланнаго, тотчасъ уложилъ Аннушку въ постель, велѣлъ ей притвориться больной, а посланному сказалъ: „видишь самъ, мой другъ, каково ея здоровье! Все отъ родительскаго гнѣва. Они ее бранятъ и клянутъ, а она изъ-за нихъ при смерти. Донеси ихъ милости, чтобы они заочно ей благословеніе дали“. Родители тотчасъ же прислали заочное благословеніе и дорогой образъ, а потомъ и запасовъ на шести подводахъ. Затѣмъ, пообождавъ немного, дозволили своему зятю съ дочерью явиться къ нимъ въ домъ, простили ихъ послѣ строгаго внушенія, и даже пиръ имъ задали. Во время этого пріема, Нардинъ-Нащокинъ не велѣлъ никого къ себѣ пускать, кто бы ни пріѣхалъ: „всѣмъ, молъ, сказывайте, что мнѣ недосугъ, что я съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкой, кушаю“. При прощаніи, бояринъ подарилъ зятю вотчину въ Симбирской области въ 300 дворовъ, и еще 300 руб. деньгами. Скобѣевъ зажилъ припѣваючи, и впослѣдствіи, по смерти тестя, наслѣдовалъ всѣ его земли и богатства.

Вѣроятно, такія случайности бывали не рѣдки въ описываемую эпоху [1]), потому что авторъ этой повѣсти, повидимому, нисколько не смущается за своего героя и во всѣхъ его дѣяніяхъ видитъ только одну ловкость и изворотливость, — качества, вѣроятно (по тому времени), являвшіяся нѣкоторою самозащитою отъ гнета, который долженъ былъ на себѣ выносить бѣдный, захудалый дворянчикъ со стороны богатыхъ и знатныхъ вельможъ. Какъ бы то ни было, „*Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ*“ рисуетъ намъ бытовую картину весьма неутѣшительную и свидѣтельствующую о весьма невысокомъ уровнѣ нравственности въ русскомъ обществѣ конца XVII вѣка.

Духовныя повѣсти.

Но далеко не всѣ произведенія свѣтской литературы этого періода носятъ на себѣ отпечатокъ такого же игриваго и веселаго настроенія, такого же легкаго и насмѣшливаго отношенія къ жизни. Цѣлый большой отдѣлъ повѣстей и сказаній, которыми переполнены рукописные сборники XVII вѣка, отличается чрезвычайно мрачнымъ и сурово-аскетическимъ оттѣнкомъ своего духовно-нравственнаго содержанія, напоминающимъ большинство произведеній нашей аскетической литературы XII—XIII вѣка. Содержаніе этихъ произведеній заимствовано преимущественно изъ народныхъ и книжныхъ, русскихъ и иноземныхъ, духовныхъ легендъ: здѣсь преобладаетъ все „*чудесное*“, разсказывается объ упорной борьбѣ человѣка съ бѣсами, о страшномъ паденіи людей, поддавшихся

[1]) Повѣсть, повидимому, относится къ 1680 году, т. е. къ послѣднему двадцатилѣтію XVII вѣка.

искушенію и потомъ искупившихъ свой грѣхъ раскаяніемъ и тяжкими подвигами самоизнуренія, самоистязанія. Личность человѣка выставляется въ этихъ разсказахъ ничтожною, ограниченною, слабою въ ея борьбѣ съ подавляющимъ зломъ, съ торжествующею смертью, съ скрежещущимъ адомъ, полнымъ нескончаемыхъ мукъ. Къ числу такихъ сказаній принадлежатъ повѣсти: „*О благочестивомъ рабѣ*", „*О грѣшной матери*", „*О корыстолюбиѣ*", „*Объ игрокѣ*", „*О роскошномъ житіи и веселіи*", „*О женской злобѣ*", „*О витязѣ и смерти*" [1]), „*О бѣсноватой женѣ Соломоніи*", „*О Саввѣ Грудцынѣ*".

Послѣдняя повѣсть настолько характерна по своимъ подробностямъ и въ такой степени наглядно и ярко передаетъ намъ преобладающее настроеніе всѣхъ подобныхъ повѣстей, что мы считаемъ не излишнимъ ознакомить читателей съ ея содержаніемъ. Любопытною отличительною чертою „*Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ*" представляется намъ то, что ея авторъ опредѣленно указываетъ и время, и мѣсто дѣйствія своей повѣсти, и даже вводитъ въ нее, въ качествѣ дѣйствующихъ, завѣдомо-историческія лица.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

Въ Казани, въ царствованіе царя Михаила Өеодоровича, жилъ богатый купецъ, Өома Грудцынъ-Усовъ. Онъ велъ обширныя торговыя дѣла не только въ Поволжьи, но и за Хвалынскимъ моремъ, въ Шаховой области (т. е. въ Персіи); къ своимъ торговымъ дѣламъ онъ пріучалъ и сына своего, Савву Грудцына. Однажды, онъ послалъ сына съ товарами въ Соликамскъ. Савва, пользуясь полной свободой, загулялъ и повелъ такую дурную жизнь, что подпалъ власти дьявола. Когда онъ прожилъ всѣ товары и очутился въ нуждѣ, дьяволъ явился къ нему подъ видомъ торговаго человѣка изъ Устюга, и обѣщалъ вывести его изъ затруднительнаго положенія, если онъ дастъ ему на себя рукописаніе. Полуграмотный Савва, не вникая въ смыслъ рукописанія, поставилъ подъ нимъ свою подпись, и такимъ образомъ отдалъ дьяволу свою душу и отрекся отъ православной вѣры. Напрасно призывалъ его больной отецъ, прослышавшій о дурной жизни сына: дьяволъ побуждалъ его укрыться отъ отца и пойти искать счастья по другимъ городамъ. Такъ, послѣ нѣкотораго странствованія по разнымъ городамъ, Савва пришелъ съ дьяволомъ въ городъ Шую, гдѣ происходилъ въ то время наборъ войска для похода подъ Смоленскъ противъ польскаго короля. Оба товарища записались въ солдаты и вмѣстѣ съ другими солдатами были отправлены въ Москву. Здѣсь, при помощи дьявола, Савва оказалъ такіе быстрые успѣхи въ военномъ искусствѣ, что ему сразу поручили три роты новобранцевъ подъ его начало, и самъ царскій шуринъ

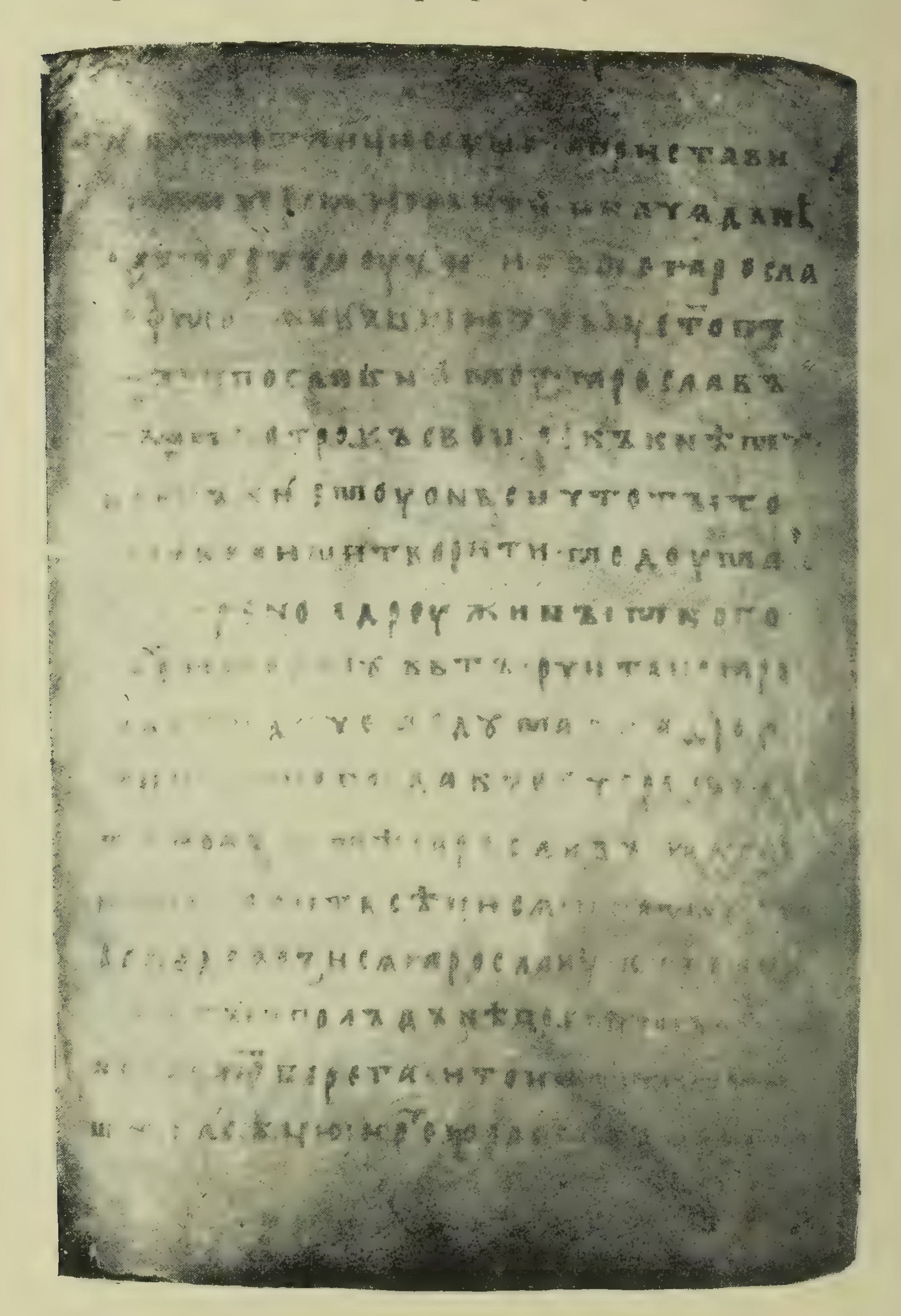
[1]) Эта повѣсть извѣстна еще подъ названіемъ: «Повѣсть о преніи Живота со Смертью» и была распространена во многихъ варіантахъ.

оказалъ ему особо-милостивое вниманіе: даже пригласилъ его къ себѣ на житье. Такую же дѣятельную и постоянную помощь оказывалъ дьяволъ Саввѣ и подъ Смоленскомъ, гдѣ онъ совершилъ цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ, такъ что и самъ главный воевода, бояринъ Шеинъ, ему позавидовалъ и отослалъ его домой. Но Савва домой не поѣхалъ, а вернулся въ Москву и здѣсь вдругъ заболѣлъ такъ жестоко, что смерть его, повидимому, была неминуема. Тогда онъ почувствовалъ, что настаетъ для него время расплаты съ дьяволомъ за его услуги! Когда его стали исповѣдовать, въ ту комнату, гдѣ онъ лежалъ, явилась цѣлая толпа бѣсовъ подъ началомъ самого дьявола, который пришелъ на этотъ разъ уже не въ образѣ товарища и спутника его, а въ своемъ настоящемъ, бѣсовскомъ видѣ, и, желая укорить Савву, показалъ ему роковое рукописаніе. При этомъ бѣсы такъ страшно стали мучить Савву, что всѣ окружающіе ужаснулись и даже приставили къ Саввѣ стражу, чтобы онъ въ отчаяніи и изнеможеніи отъ мукъ не наложилъ на себя руки. Но вотъ, въ сонномъ видѣніи, явилась Саввѣ Пресвятая Дѣва и сказала ему въ утѣшеніе, что она спасетъ его душу и отниметъ его рукописаніе отъ дьявола, если Савва дастъ обѣтъ постричься въ монахи. Савва согласился и далъ обѣтъ въ душѣ своей. И вотъ, 8-го іюля, въ праздникъ Казанской иконы Божіей Матери, Савва пожелалъ, чтобы его повели въ церковь. Вдругъ, во время пѣнія херувимской пѣсни, сверху, на средину храма, упало рукописаніе Саввино—и все написанное на немъ оказалось изглаженнымъ, какъ бы никогда не было писано. Послѣ этого Савва вскорѣ выздоровѣлъ и постригся въ монахи въ Чудовомъ монастырѣ.

Повѣсть о Горѣ Злосчастіи.

Эта повѣсть, сама по себѣ, не представляетъ ничего оригинальнаго русскаго: сюжетъ ея не болѣе, какъ одинъ изъ множества разсказовъ о чудесахъ Богоматери, обильно разсѣянныхъ по всей Европѣ, въ различныхъ обработкахъ, редакціяхъ и сопоставленіяхъ. Оригинальна только русская бытовая обстановка, въ которую это чудо Богоматери вставлено, да пожалуй еще конецъ, приложенный къ разсказу совершенно во вкусѣ XVII вѣка, когда для многихъ удаленіе въ монастырь являлось желательнымъ, завиднымъ идеаломъ, а для иныхъ—даже единственнымъ исходомъ изъ того тяжкаго положенія, въ которое они сами себя поставили или были поставлены силою обстоятельствъ. Такъ же точно заканчивается и другая, горестная и мрачная эпопея того же времени — „*Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ*“. Эта повѣсть была отыскана въ половинѣ нынѣшняго столѣтія извѣстнымъ русскимъ ученымъ А. Н. Пыпинымъ, посвятившимъ много труда на изученіе обширной литературы древнихъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Она вхо-

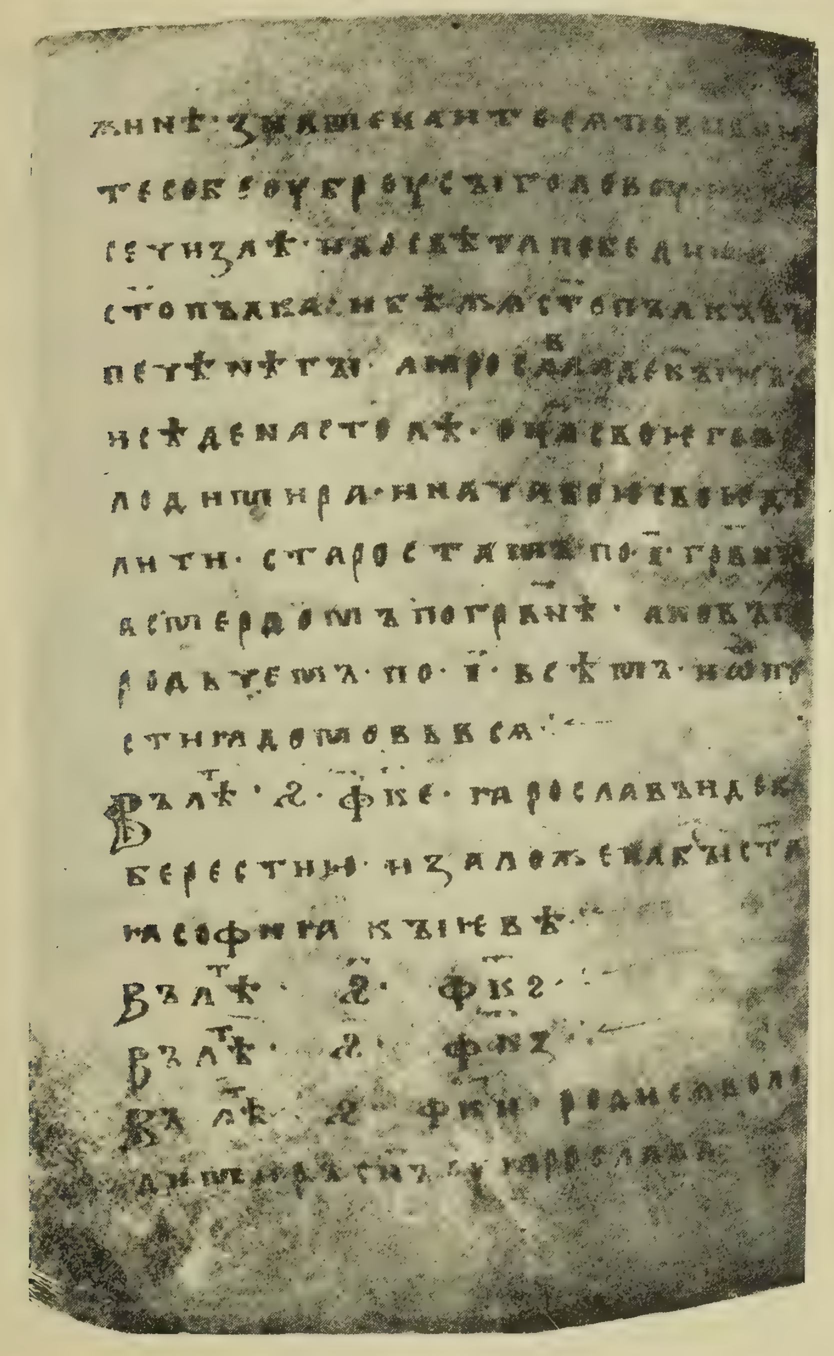
дила въ составъ одного изъ рукописныхъ сборниковъ XVII вѣка, принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ въ



Начало Новгородской лѣтописи, писанной на пергаменѣ, около 1262 г.

С.-Петербургѣ; она была напечатана—и поразила всѣхъ своею сумрачною поэзіею... Всѣ ученые въ одинъ голосъ признали ее такимъ же глубоко-прочувствованнымъ и высоко-поэтическимъ

памятникомъ древне-русской словесности, какъ и „Слово о полку Игоревѣ“, уже извѣстное намъ изъ предыдущаго (см. выше стр. 99—105).



Продолженіе той же лѣтописи.

Содержаніе „Повѣсти о Горѣ-Злочастіи“ очень не многосложно; его не трудно передать въ двухъ словахъ. Назиданіе, составляющее цѣль и основу всего произведенія, совершенно оче-

видно и ясно въ немъ выражено; въ изложеніи сюжета нѣтъ никакихъ эффектныхъ подробностей, никакихъ замысловатыхъ приключеній; но общій колоритъ всего произведенія такъ хорошо выдержанъ, краски такъ ярки, образы, выставленные авторомъ повѣсти, такъ естественны и такъ хорошо выражаютъ основную идею всего произведенія, что оно невольно оставляетъ въ насъ сильное впечатлѣніе.

Росъ добрый молодецъ у отца съ матерью и былъ ихъ любимымъ дѣтищемъ; какъ только онъ „вошелъ въ разумъ", родители

Учить его начали, наказывать [1]),
На добрыя дѣла наставливать...

Но молодецъ не захотѣлъ ихъ слушать: „захотѣлъ жить, какъ ему любо". И вотъ, „нажилъ онъ пятьдесятъ рублевъ", и тотчасъ же „нашлось у него пятьдесятъ друговъ". Довѣрившись имъ и своему названному брату, молодецъ сталъ гулять съ ними и бражничать—и гульба кончилась тѣмъ, что они однажды напоили его до̀-пьяна и обобрали до̀-чиста. Увидалъ онъ себя покинутымъ всѣми: въ головахъ у него кирпичъ положенъ, въ ногахъ—лапотки-ото̀почки; самъ онъ покрытъ „гунькою кабацкою", то-есть отрепьями, рубищемъ... Молодцу стыдно стало своего положенія—не захотѣлъ онъ вернуться къ отцу съ матерью и къ прежнимъ друзьямъ: надѣлъ на себя нищенское платье и пошелъ „на чужу сторону, дальну-незнаему". Тамъ онъ сталъ учиться уму-разуму у чужихъ людей: принялъ онъ ихъ наставленіе и зажилъ припѣваючи. И вотъ онъ нажилъ на чужой сторонѣ много имѣнія, сталъ жить богато и, присмотрѣвъ себѣ невѣсту, по обычаю, сталъ ужъ думать о томъ, чтобы жениться. И возгордился онъ, и сталъ передъ людьми похваляться.

А всегда гнило слово похвальное:
Похвальба живетъ человѣку пагуба.

И дѣйствительно, Горе-Злочастіе подслушало его хвастливыя рѣчи и говоритъ ему:

«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богатествомъ:
Бывали люди у меня, Горя,
И мудряя тебя, и досужае,
И я ихъ, Горе, перему̀дрило.
Учинися имъ несчастіе великое:
До смерти со мною боролися».

И вотъ, оно насѣдаетъ на молодца и начинаетъ его преслѣ-

[1]) Въ смыслѣ: давать наставленія, поучать «Наказаніе» въ древне-русскомъ то же, что—поученіе, назиданіе.

довать, научая на все злое и дурное, совѣтуя отказаться отъ помысловъ о женитьбѣ, и пропить-прогулять все имѣніе...

Молодецъ не захотѣлъ ему вѣрить. И вотъ Горе-Злочастіе излукавилось: оно архангеломъ Гавріиломъ молодцу явилося и повторило тѣ же рѣчи. Тогда молодецъ повѣрилъ этимъ рѣчамъ, „сошелъ онъ пропивать свои животы“ и допилъ-догулялъ до того, что опять пришлось ему покрыть тѣло бѣлое „гунькою кабацкою“. И опять направился онъ отъ стыда на чужбину. А поперекъ его дороги протекала быстрая рѣчка; за рѣкою—перевозчики и просятъ у него перевознаго, а у него и дать нечего,—самъ не ѣлъ ужъ больше сутокъ. Вотъ и вздумалъ онъ съ горя топиться; но чуть только подошелъ онъ къ рѣкѣ, какъ Горе-Злочастіе выскочило изъ-за камня,

Бо̀со, на̀го, нѣтъ на Го̀рѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано».

Воскликнуло оно богатырскимъ голосомъ: „Стой ты, молодецъ. Отъ меня, Горя, не уйдешь никуда“,—и стало надъ нимъ издѣваться, доказывая, что „въ горѣ жить—не кручинну быть“. А къ издѣвательствамъ своимъ оно еще прибавило ему въ назиданіе, чтобы еще болѣе усилить горечь его положенія:

«Постыдился ты родителямъ поклонитися,
А захотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе-Злочастіе».

И требуетъ Горе-Злочастіе, чтобы добрый молодецъ поклонился ему до сырой земли, покорился бы ему до конца,—предался бы въ его полную власть. Тогда и перевозчики-то его перевезутъ даромъ, и накормятъ еще, напоятъ его до-сыта. Видитъ молодецъ бѣду неминучую, поклонился Горю-Злочастію до сырой земли. И что же? Все вдругъ измѣнилось.

«Утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе,
А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у меня нѣтъ ничего,
И тужить мнѣ не о чемъ!»

Запѣлъ онъ, подходя къ берегу, веселую „молодецкую припѣвочку“, и она такъ перевозчикамъ полюбилась, что они перевезли молодца за рѣку безденежно, напоили и накормили его, сняли съ него гуньку кабацкую, дали ему платье крестьянское. Дали ему и добрый совѣтъ: идти на родную сторону, помириться съ отцомъ, съ матерью, выпросить у нихъ себѣ благословеніе.

И пошелъ-было онъ на родину, да Горе его въ чистомъ полѣ встрѣтило, поперекъ дороги ему стало, „учало надъ молодцомъ граяти, какъ злая ворона надъ соколомъ“—и видитъ молодецъ, что никуда не уйти ему отъ Горя-Горинскаго.

Полетѣлъ молодецъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;

Евангеліе, по преданію, писанное самимъ Св. Алексѣемъ митрополитомъ.

Пошелъ молодецъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы [1]).
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,

[1]) Выжлецы—охотничьи собаки.

Изображеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго (изъ Троицкаго списка житія его съ лицевыми изображеніями). Рукопись XVI вѣка.

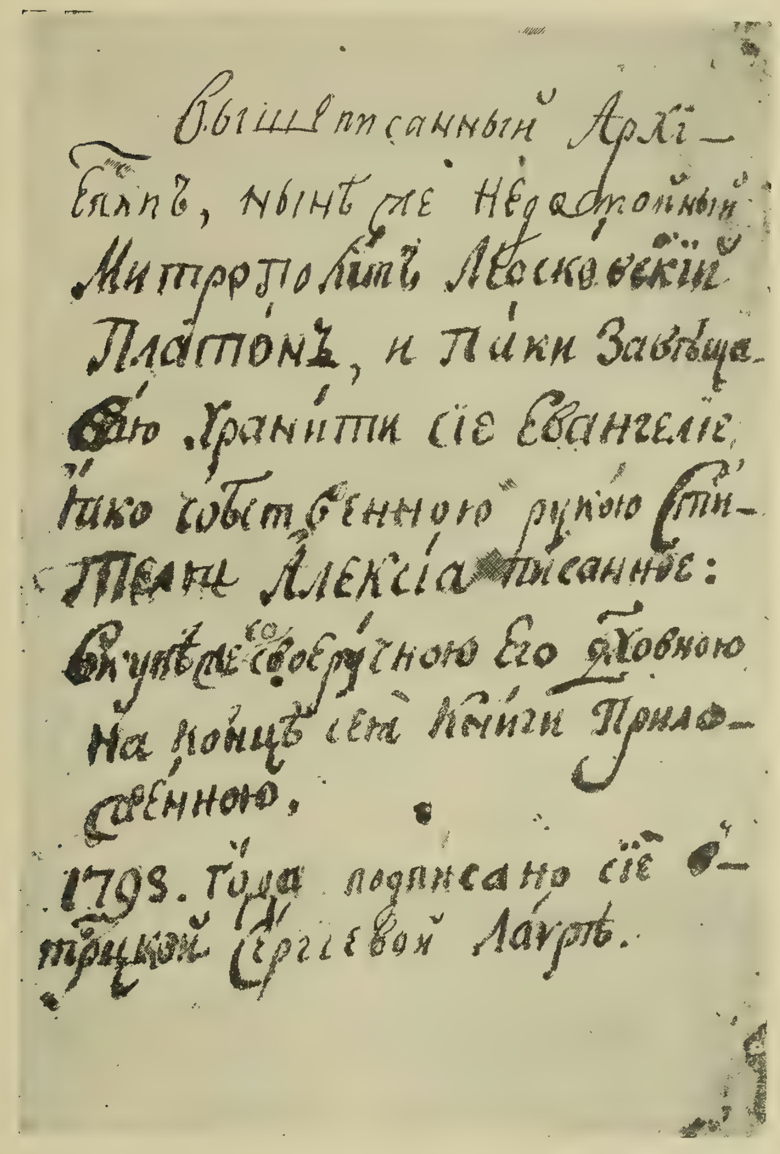
Изображеніе это, подобно многимъ другимъ современнымъ рукописнымъ миніатюрамъ, не отличается правильностью рисунка (въ особенности, въ размѣрахъ фигуры); все вниманіе художника, видимо, сосредоточивалось на отдѣлкѣ подробностей и украшеній и на роскоши и пестротѣ въ сочетаніи красокъ, въ позолотѣ фона и т. д.

Надпись на верху изображенія, около сіянія надъ главою угодника гласитъ: *„Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ“*. На свиткѣ грамоты въ рукѣ преподобнаго: *„Не скорбите убо, братіе, но по сему разумѣйте...“*

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.
(Изъ Троицкаго списка его житія съ лицевыми изображеніями. Рукоп. XVI в.).

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцомъ насмѣялося:
«Лежать тебѣ, травонька, посѣченной,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».


Вышеписанный Архі-
еппъ, нынѣ же недостойный
Митрополитъ Московскій
Платонъ, и паки завѣща-
ваю хранити сіе Евангеліе,
яко собственною рукою Сви-
тителя Алексія писанное:
Вкупѣ же своеручною его духовною
на концѣ сей книги прило-
женною.
1798. года подписано сіе в Тро-
ицкой Сергіевой Лаврѣ.

Свидѣтельство митрополита Платона о подлинности Алексѣевскаго Евангелія, приписанное въ концѣ его.

Пошелъ молодецъ путемъ-дорогою, а неразлучный спутникъ его съ нимъ рука-объ-руку, и шипитъ молодцу на ухо злыя рѣчи, нашептываетъ ему, чтобы разжился чужимъ добромъ, убилъ бы и ограбилъ бы: хочетъ молодца подъ позорную казнь подвести. И тутъ вспомнилъ молодецъ „о спасёномъ пути“, и пошелъ молодецъ въ монастырь постригатися,—зналъ, что Горе у воротъ обители останется и не посмѣетъ къ нему привязаться:

«А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избавь, Господи, вѣчныя муки
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ—аминь».

На этомъ заканчивается скорбная повѣсть о добромъ молодцѣ, который дерзнулъ понадѣяться на свои силы и жить по своей волѣ! Послѣдній отголосокъ древне-русскихъ воззрѣній на жизнь,—на грани того новаго, грядущаго періода, который, прежде всего, долженъ былъ вызвать къ дѣятельности людей, сильныхъ волею, не доступныхъ никакому унынію, ни Горю-Горинскому,—людей, все побѣждающихъ трудомъ и энергіей.

Отмѣтимъ въ этой замѣчательной, поэтической повѣсти ея странную двойственность — укажемъ на то, что она служитъ какъ бы связующимъ звеномъ между произведеніями книжной, писанной литературы и произведеніями литературы народной, устной. Планъ повѣсти такъ же простъ, какъ и ея изложеніе: складъ той мѣрной рѣчи, которой она написана, напоминаетъ отчасти складъ древнихъ былинъ и бытовыхъ пѣсенъ. Но въ особенности привлекаетъ къ себѣ вниманіе главное дѣйствующее лицо повѣсти—этотъ странный злой духъ, олицетворяющій людскую духовную немочь—это неотвязчивое Горе-Злочастіе! Оно цѣликомъ, какъ олицетвореніе и воплощеніе отвлеченной силы, заимствовано авторомъ повѣсти изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ о Горѣ. Многія черты, даже отдѣльныя выраженія несомнѣнно занесены авторомъ въ его повѣсть изъ произведеній народной поэзіи. Но дѣло не въ этихъ заимствованьяхъ, а въ томъ замѣчательномъ умѣньѣ, съ которымъ авторъ ими воспользовался,—онъ такъ искусно усвоилъ ихъ своему произведенію, что мы должны признать въ немъ автора-художника, способнаго проникнуться духомъ народной поэзіи и сочувствіемъ къ тѣмъ „молодцамъ", которыхъ Горе-Злочастіе низводило на послѣднюю ступень общественной лѣстницы и которыхъ оберечь отъ гибели могъ только одинъ „спасёный путь".

Многія черты повѣсти поражаютъ насъ своимъ поэтическимъ колоритомъ и правдивостью, свѣжестью образовъ, которые авторъ набрасываетъ легко и изящно, то изображая преслѣдованія неотвязчиваго Горя-Горинскаго, то коварныя ласкательства лукавыхъ друзей, то рисуетъ передъ нами живую и прелестную картину матери, любующейся своимъ ненагляднымъ дѣтищемъ.

Безпечальна мать меня породила,
Гребешкомъ кудёрцы расчесала,
Драгими порты меня одѣяла,
И, отшедъ, подъ ручку посмотрѣла:
«Хорошо ли, мое чадо, во драгихъ портахъ [1])?

[1]) *Порты*—древнее слово, обозначающее платье вообще. Отсюда и слово «*портной*».

А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣту!»
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!

Такая необычайно-милая картина, полная жизни и красокъ, и вставленная въ общій, мрачный фонъ всей эпопеи—сдѣлала бы честь любому изъ русскихъ поэтовъ, и намъ остается только жалѣть, что имя автора прекрасной повѣсти XVII вѣка осталось доселѣ неизвѣстнымъ.

Древніе изразцы Московскаго печатнаго двора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Народная поэзія въ XVII вѣкѣ. Русскія историческія пѣсни, записанныя англичаниномъ.—Малороссійскія думы.—Духовные стихи и духовныя пѣсни.—Вліяніе раскола на духовные стихи.—Пѣснь про осаду Соловецкаго монастыря

Въ то время, когда историческая жизнь народа шла своимъ опредѣленнымъ путемъ—то нѣсколько продвигаясь впередъ, то замедляясь и задерживая ростъ Русскаго государства,—жизнь низшихъ слоевъ народа, оставалась на той же, почти первоначальной стадіи развитія и не выходила изъ тѣхъ условій, въ которыя она была поставлена пять-шесть вѣковъ тому назадъ. Въ концѣ XVI вѣка крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и жизнь народа, конечно, не стала отъ этого ни легче, ни лучше. Затѣмъ наступила, въ началѣ XVII вѣка, эпоха общаго экономическаго и нравственнаго броженія—Смутное время,—съ его нескончаемыми раззореніями, опустошеніями и неисчислимыми утратами и ущербами народнаго богатства и благосостоянія. За Смутнымъ временемъ послѣдовали войны съ сосѣдями, въ которыхъ главныя тягости опять-таки выпадали на долю народа; а въ то же время поднялась и выросла *смута церковная*, въ которой народъ невольно принялъ участіе, руководимый изувѣрными расколоучителями, и внесъ въ свою жизнь новыя страданія, новыя гоненія и преслѣдованья... Къ концу XVII вѣка тягости народной жизни возросли до крайности: недовольство сдѣлалось общимъ и съ одной стороны стало

Древнія переплеты книгъ Типографской библіотеки при Сунодальной типографіи въ Москвѣ.

выражаться открытыми бунтами и возстаніями; съ другой—тѣмъ, что цѣлыя волости разбѣгались врозь. Одни уходили въ недоступные лѣса и дебри, другіе выселялись за литовско-польскій рубежъ, третьи шли пополнять собою шайки привольно-гулявшей и грабившей поволжской вольницы или донского казачества.

Всѣ эти явленія и условія народной жизни въ XVII вѣкѣ

Древніе переплеты книгъ Типографской библіотеки.

нашли себѣ, конечно, болѣе или менѣе полное выраженіе и въ народной поэзіи, которая, въ этотъ періодъ, представляется намъ особенно отзывчивой и разнообразной.

Разнообразны въ народной поэзіи этого періода, конечно, не формы. Формы остаются все тѣ же: *былина* или подобная былинѣ по складу *историческая пѣсня, пѣснь лирическая*, преимущественно съ элегическимъ оттѣнкомъ, и *духовный* стихъ. И мораль этой

поэзіи остается точно такою же простою и,—если можно такъ выразиться,—такою же прямолинейною, какъ и всегда. Но и въ области пѣсни являются новые виды, новыя направленія, новые герои; и въ духовномъ стихѣ нарождаются новые идеалы, новые образы, новыя стремленія.

Пѣсни XVII вѣка.

Бытовыя или историческія пѣсни XVII вѣка сохранили намъ не только память объ историческихъ событіяхъ и лицахъ—о нечестіи и гибели Гришки-Растриги, о несчастной участи Борисовой дочери, о загадочной кончинѣ юнаго героя Скопина Шуйскаго—въ этихъ пѣсняхъ выразился и взглядъ народа на современныя событія и на дѣянія современниковъ. Такъ, напримѣръ, гибель Самозванца народъ объясняетъ въ пѣснѣ тѣмъ, что онъ былъ *не прямой царь* (т. е. не законный) и не уважалъ русской вѣры и обычаевъ; смерть Скопина Шуйскаго народъ приписывалъ отравѣ, а злодѣйскій умыселъ противъ него объясняетъ завистью бояръ къ молодому, талантливому воеводѣ, и въ этомъ объясненіи намъ слышится отголосокъ народной молвы, вѣроятно, широко распространенной въ свое время. Отмѣтимъ кстати очень любопытный фактъ: шесть пѣсенъ XVII вѣка дошли до насъ чрезвычайно оригинальнымъ, окольнымъ путемъ. Нѣкто Ричардъ Джемсъ, баккалавръ Оксфордскаго университета, состоялъ въ 1619—1620 годахъ священникомъ при англійскомъ посольствѣ, пребывавшемъ въ это время въ Москвѣ; внимательно наблюдая все русское, этотъ любознательный иноземецъ, между прочимъ, записалъ въ своей памятной книжкѣ шесть слѣдующихъ пѣсенъ: *„Въѣздъ Филарета въ Москву“*, *„Смерть Скопина-Шуйскаго“*, *„Двѣ пѣсни о Ксеніи Борисовнѣ“*, *„Весновая служба“* и *„Набѣгъ Крымскихъ Татаръ“*. Приведемъ здѣсь одну изъ этихъ пѣсенъ, вложенную въ уста Ксеніи Годуновой и полную глубокаго лиризма:

А сплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже Спасъ милосердый!
За что наше царство загибло:
За батюшково-ли согрѣшенье,
За матушкино-ли немоленье?
А, свѣтъ вы, наши высокія хоромы,
Кому вами будетъ владѣти
Послѣ нашего царскаго житья?
А свѣты браные-убрусы,
Береза-ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки,
Лѣсы-ли вами дарити?
А свѣты яхонты-серёжки,
На сучьё ли васъ задѣвати,
Послѣ царскаго нашего житья,

А свѣтъ Бориса Годунова?
А что ѣдетъ къ Москвѣ Разстрига
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ, царевну, поймати,
А на Устюжну на желѣзную послати,
Меня хочетъ, царевну, постритчи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити.
Ино, ахти мнѣ, горевати,
Какъ мнѣ въ темну келію вступати,
У игумены благословитися?»

Любопытнымъ и новымъ видомъ эпической пѣсни являются въ XVII вѣкѣ пѣсни *разбойничьи*; особенное изобиліе ихъ, конечно, должно быть объяснено тѣмъ, что и разбойничество съ конца XVI вѣка сдѣлалось повсемѣстнымъ, общераспространеннымъ явленіемъ русской жизни, противъ котораго правительство оказывалось безсильнымъ въ борьбѣ, потому что не могло въ корнѣ уничтожить тѣ бытовыя условія, которыя приводили многихъ изъ народной массы къ этому страшному промыслу. Разбойничьи пѣсни, близко соприкасаясь съ бурлацкими и казацкими, стали, въ концѣ XVII вѣка, группироваться около крупной личности страшнаго Стеньки Разина, который, для огромнаго большинства народа, представлялся идеаломъ беззавѣтной удали и дерзкаго молодечества; а неприглядныя условія народной жизни, о которыхъ мы уже упоминали выше, придавали этому темному дѣятелю въ глазахъ неразвитой народной массы обаятельное значеніе — возводили его чуть ли не въ народные герои. Масса народа видѣла въ Стенькѣ Разинѣ мстителя за свои обиды и страданія, народнаго вождя, призваннаго освободить народъ отъ власти помѣщиковъ, отъ притѣсненій воеводъ и отъ корысти приказныхъ. Благодаря такому значенію Стеньки Разина въ глазахъ народа, до насъ дошло множество пѣсенъ о немъ, воспѣвающихъ его подвиги, его удаль, его щедрость и широкій разгулъ. Любопытною (хотя и не новою) чертою личности Стеньки Разина, какъ она рисуется въ пѣсняхъ о немъ, является то, что онъ изображается въ нихъ не только богатыремъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, но и *вѣдуномъ-чародѣемъ*, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго, ничего недостижимаго. То онъ *отводитъ глаза* царскимъ воеводамъ, уходя отъ ихъ преслѣдованій; то издѣвается надъ пулями и ядрами, которыми осыпаютъ его царскія войска; то ускользаетъ изъ тюрьмы, усѣвшись въ лодку съ гребцами, нарисованную на стѣнѣ углемъ. Чтобы еще болѣе возвысить въ собственныхъ глазахъ значеніе Стеньки, народъ связываетъ его съ любимымъ героемъ своихъ былевыхъ пѣсенъ: самъ „старый матерой казакъ Илья Муромецъ служитъ у Стеньки есауломъ“... И всѣ тѣ „удалы добры мо-

Пѣсни разбойничьи.

лодцы", изъ которыхъ состоитъ ватага Стеньки, это все не простые воры и разбойники, по представленію народа, а нѣчто иное— словно бы особое сословіе. Такъ они о себѣ и въ пѣснѣ поютъ:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички,

Новоспасскій монастырь въ Москвѣ, въ которомъ долгое время жилъ Максимъ Грекъ.

Есауловы всѣ помощнички.
Мы весломъ махнемъ — корабель возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

Народъ старается придать имъ даже и внѣшность красивую, заманчивую, привлекательную; они нарядны и щеголеваты:

На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьяны сапожки,

Титульный листъ Катехизиса Лаврентія Зизанія.

Заглавная миніатюра его изображаетъ диспутъ, происходившій въ 1627 г. на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, по поводу книги Лаврентія Зизанія, привезенной авторомъ въ Москву на разсмотрѣніе. (См. выше, стр. 245 и сл.).

Ниже миніатюры, въ текстѣ, читаемъ:

„Книга, глаголемая, по гречески ка
тихисисъ. По литовски оглашеніе. Русскимъ же языкомъ
нарицаема бесѣдословіе. Избрана отъ божественныхъ писаній
Евангельскія проповѣди. Апостольскихъ ученій святыхъ
богоносныхъ отецъ. Въ вопросѣхъ и отвѣтехъ. Рекше во образѣ
хотящаго разумѣти. Во образѣ могущаго разумъ
дати. Вопросъ:

Понеже вся наша мудрость христіанская въ семъ пред
лежитъ еже Господа Бога намъ знати и самѣхъ себе,
сего ради вопрошаю тя, что еси ты. *Отвѣтъ:*
азъ есмь человѣкъ, созданіе Божіе словесно, тво
реніе руку его. по образу его и по подобію его:
Вопросъ: чесо ради тя Богъ человѣка сотвори:

Книга глаголемая по гречески ка

тихисис. По литовски оглашение. Рускими же языко

нарицае беседословие. Избрана ѿ бжтвены писаніи.

Еѵаггльскія проповеди. Аплскіи ученіи. Стых

бгоносных оц. В вопросех и ѿветех. Рекше по ѡбразу

хотящаго разумети. И по ѡбразу могущаго разум

дати. Вопрос.

Понеже вся наша мудрость хртіанская все пре

лежит. еже Га Бга на знати. и самех себе.

Сего ради вопрошаю тя. что еси ты. Ѿвет.

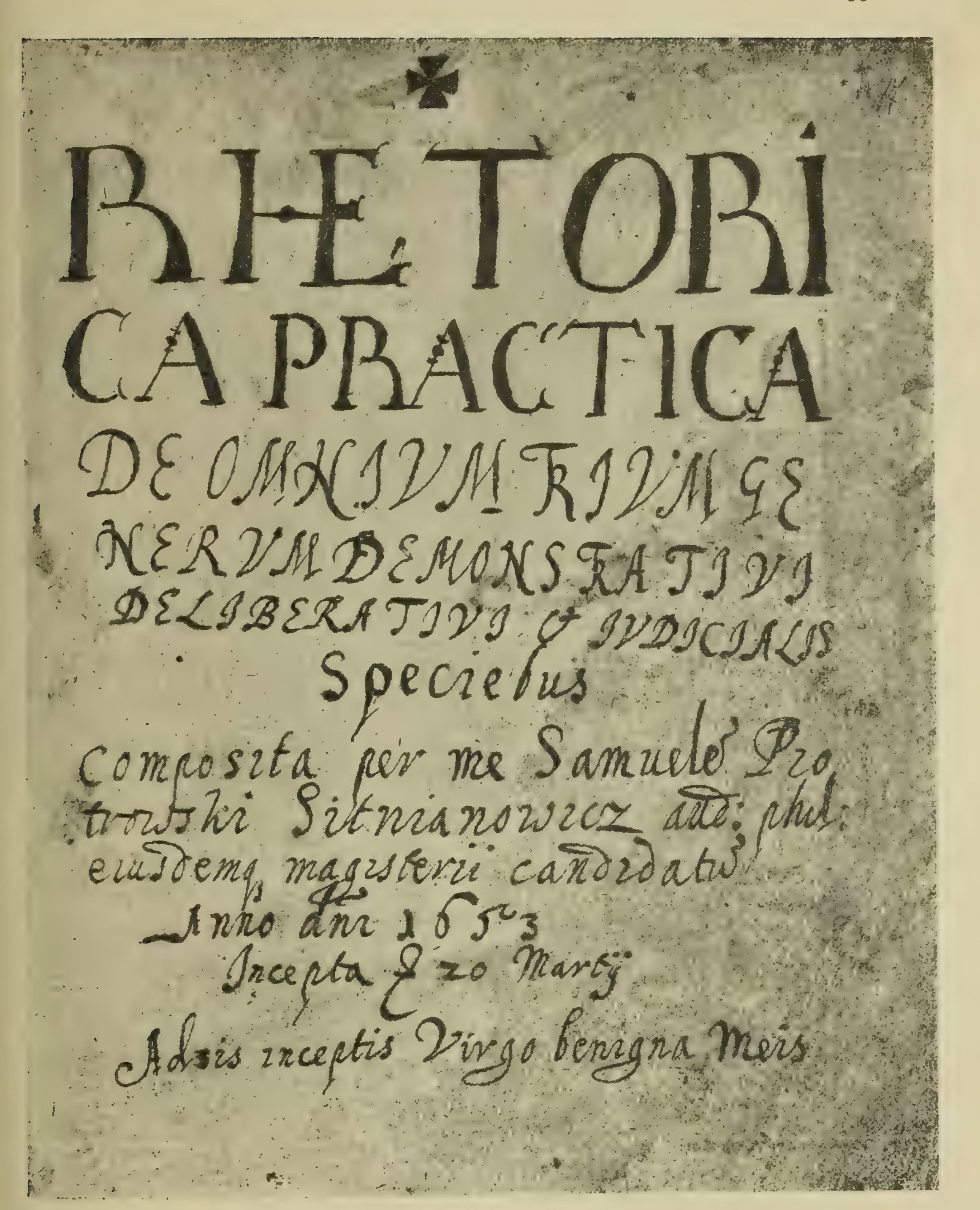
Аз есмь члкъ, созданіе бжіе словесно. тво

реніе руку его. по ѡбразу его и по подобію его.

Вопро. Чесо ради тя Бг члка сотвори.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ РУКОПИСНАГО „КАТИХИЗИСА“ ЛАВРЕНТІЯ ЗИЗАНІЯ.
(Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 г. по поводу исправленія «Катихизиса» Лаврентія Зизанія.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.



RHETORI
CA PRACTICA
DE OMNIUM TRIUM GE
NERUM DEMONSTRATIVI
DELIBERATIVI & IUDICIALIS
Speciebus
composita per me Samuele Pro
tvoski Sitnianowicz art: phil:
eiusdemq magisterii candidato
Anno dni 1653
Incepta [illegible] 20 Martij
Adsis inceptis Virgo benigna meis

Автографъ Симеона Полоцкаго, въ Типографской библіотекѣ.

На нихъ штаники кумачны, во три строчки строчены,
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ.

Народное преданіе даже и самому Стенькѣ приписываетъ сочиненіе одной изъ пѣсенъ—той, въ которой онъ, прощаясь съ

товарищами, проситъ ихъ предать его тѣло землѣ на перекресткѣ, между трехъ дорогъ: „межъ Московской, Астраханской, славной Кіевской"... Съ достоинствомъ и сознаніемъ своего значенія въ народѣ, онъ дѣлаетъ и дальнѣйшія распоряженія:

Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается —
Что лежитъ тутъ воръ, удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоѳеевичъ, по прозванію.

Духовные стихи.

Прямою противоположностью этимъ пѣснямъ объ „удалыхъ добрыхъ молодцахъ" являются въ XVII вѣкѣ *духовные стихи.* Мы уже знакомы съ этимъ видомъ народной поэзіи, уже сообщили въ своемъ мѣстѣ (см. выше стр. 166) мнѣнія ученыхъ о происхожденіи духовныхъ стиховъ, упомянули о древнѣйшихъ произведеніяхъ этого вида, стоящихъ въ тѣсной связи съ двоевѣрнымъ періодомъ нашей культуры. Указывали мы тамъ же на главнѣйшіе сюжеты, полагаемые въ основу духовныхъ стиховъ: на житія святыхъ, на евангельскія притчи и апокрифическія сказанія. Въ XVII вѣкѣ— вѣкѣ усиленной религіозной борьбы, вѣкѣ сомнѣній и споровъ, открытой и рьяной проповѣди расколоучителей и суровыхъ преслѣдованій за религіозныя мнѣнія и убѣжденія — духовные стихи становятся болѣе разнообразными по содержанію и пріобрѣтаютъ особый оттѣнокъ. Тяжелыя и сумрачныя условія современной исторической жизни налагаютъ свою печать на произведенія этой области народной поэзіи: страшный судъ, мученія, ожидающія грѣшниковъ въ аду, вѣчное пребываніе во тьмѣ кромѣшной и въ огнѣ неугасимомъ — вотъ о чемъ поютъ духовные стихи этой эпохи. Полнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ благамъ жизни, мертвящее и принижающее человѣка сознаніе своего ничтожества, сознаніе суетности всѣхъ трудовъ, заботъ и усилій человѣка передъ всепоглощающею властью смерти — вотъ чѣмъ полны эти скорбные, мрачные отголоски печальной, невыносимо-тяжелой дѣйствительности. Поэтому, среди духовныхъ стиховъ видимъ во множествѣ такія произведенія, какъ стихъ „о страшномъ судѣ", стихъ „о разставаніи души съ тѣломъ", стихъ „о мукахъ грѣшниковъ" и цѣлый рядъ различныхъ обработокъ одного и того же излюбленнаго сюжета — „борьбы человѣка со смертью". Чаще всего этотъ сюжетъ излагается въ видѣ спора „между Жизнью и Смертью" или же въ видѣ бесѣды между сильнымъ и могучимъ богатыремъ „Аникою-воиномъ", котораго „Смерть" приходитъ скосить своею острою косою среди славныхъ его подвиговъ, не внимая никакимъ его мольбамъ и просьбамъ. Въ этомъ послѣднемъ сюжетѣ намъ

слышится какъ бы отдаленный отголосокъ распространеннаго и въ западныхъ литературахъ, и въ западномъ искусствѣ средневѣковаго сказанія о „пляскахъ Смерти“, всюду торжествующей надъ человѣкомъ, какое бы ни занималъ онъ общественное положеніе.

Болѣе утѣшительнымъ, болѣе примирительнымъ характеромъ отличаются духовные стихи, въ которыхъ отразилось благотворное вліяніе, оказываемое природою на человѣка, ищущаго среди нея уединенія и покоя: это тѣ, въ которыхъ воспѣвается „пустыня“ или „мать-пустыня“; многіе ихъ нихъ извѣстны подъ названіемъ „похвала пустыни“ или „разговоръ съ пустынею“ и отличаются несомнѣнными поэтическими красотами. Приводимъ отрывокъ одного изъ подобныхъ духовныхъ стиховъ, извѣстнаго подъ названіемъ „стихъ Іосафа-царевича къ пустынѣ“.

Стихъ начинается съ того, что „младой царевичъ Осафій“ проситъ мать-пустыню принять его въ свое лоно. Отвѣчаетъ ему „прекрасная мать-пустыня“:

«Ты, младый царевичъ Осафій,
Не жить тебѣ во-пустынѣ...
Нѣтъ во мнѣ царскаго ѣства,
И нѣтъ во мнѣ царскаго пойла;
Ѣсть-воскушать — гнилая колода;
Пить-испивать — болòтна водица».
Отвѣщуетъ младый царевичъ:
«Прекрасная ты моя пустыня,
Любимая моя мати!
Не стращай ты меня, мать-пустыня,
Своими великими страстями.
Могу я жить въ пустыни,
Вóлю Божію творити;
Житье наше, мать, часовое,
А богатство наше, мать, временное,
Радъ я на тебя работати,
Земные поклоны справляти
До своего смертнаго часу.»
Отвѣщуетъ прекрасная пустыня:
«Ты, младый царевичъ Осафій,
Не жить тебѣ во пустыни:
Придетъ мать-весна крàсна—
Лузья-болòта разòльются,
Древа листами одѣнутся
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами;
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!»
Отвѣщуетъ младый царевичъ:
«Прекрасная мать-пустыня!

Любезная моя мати!
Хоть прійдетъ мать весна-красна,
И лузья-болота раздльются,
И древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами—
Не прельщусь я на благовонные цвѣты,
И не буду взирать на вольное царство,
Изъ пустыни я вонъ не изыду,
И тебя, мать прекрасная, не покину».

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти стихи, обращенные къ „пустыни", сложены были именно раскольниками; до такой степени живо передается въ нихъ то глубокое впечатлѣніе, которое дѣвственные лѣса нашего Сѣвера, съ ихъ непроницаемыми чащами и болотными дебрями, должны были производить на людей, убѣгавшихъ въ ихъ лоно и отъ „прелестей міра", и отъ жестокости суровыхъ гоненій. Но далеко не всѣ раскольничьи стихи производятъ такое же примиряющее впечатлѣніе, какъ вышеприведенный нами стихъ; въ нѣкоторыхъ проявляется ихъ сектантская нетерпимость, описываются мученія грѣшниковъ въ аду, и при этомъ указывается на несоблюденія самыхъ мелкихъ обрядовъ, какъ на поводы для осужденія на вѣчную муку.

Пѣсня объ осадѣ Соловецкой обители.

Раскольникамъ же, конечно, принадлежитъ и ѣдкая сатира, осмѣивающая Никоновскія новшества и указывающая на то, что во многихъ мѣстахъ эти новшества вводились силою. Сатира эта нашла себѣ выраженіе въ извѣстной „пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря", — осадѣ, памятной всѣмъ своею продолжительностью и тѣмъ несокрушимымъ упорствомъ, которое было выказано раскольниками въ этой открытой борьбѣ съ властью.

Пѣснь начинается съ того, что въ Москвѣ бояре выбираютъ изъ своей среды воеводу, „Ивана Петрова, изъ того ли рода Салтыкова", и становятъ его предъ царскія очи. И говоритъ ему царь:

Охъ, ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Къ тому монастырю непокорному,
Къ Соловецкому;
Ты нарушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую.

„Любимый царскій воеводушка", конечно, выражаетъ удивленіе и начинаетъ утверждать, что „нельзя объ этомъ и подумати, нельзя объ этомъ и помыслити". Царь на это „распаляется", и воевода, вынужденный къ повиновенію, проситъ, чтобы царь ему далъ войско большое и сильное.

Затѣмъ пѣсня переходитъ къ идиллически-привлекательной картинѣ монастырской тишины и благоговѣйнаго смиренія:

Какъ и было въ самый-ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было —
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ,
Честны старцы молитвы пѣли...

Какъ вдругъ бѣжитъ пономарь и объявляетъ чернецамъ, что къ стѣнамъ обители идетъ большое войско и съ пушками; при этомъ онъ выражаетъ сомнѣніе насчетъ намѣреній подступающаго войска православнаго: „Не то они идутъ ратитися, не то они идутъ молитися…“

Старцы отвѣчаютъ пономарю съ укоризною: „Охъ ты, глупый звонарь, неразумный пономарь! Вѣдь это же войско православное: не идетъ оно ратитися, а идетъ оно молитися“. И тотчасъ послѣ того пѣсня добавляетъ:

На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрышко калёное,
Забивали въ пушечку мѣдную,
Палили въ тотъ честно́й монастырь,
Въ Соловецкій.

Такъ заканчивается пѣсня — печальный памятникъ безплодной борьбы, вызванной духовною распрею, которая привела къ еще болѣе печальному историческому недоразумѣнію…

Древніе изразцы Московскаго Печатнаго Двора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Недовольство существующимъ порядкомъ вещей.—Голосъ обиженныхъ и обойденныхъ.—Котошихинъ и его критика современнаго общества.—Крижаничъ; его порицанія и разсужденія о благѣ и пользѣ Московскаго Государства.

Изъ того общаго, хотя и краткаго обзора различныхъ отраслей литературы XVII вѣка, который приведенъ нами въ предшествующихъ главахъ, не трудно видѣть, что жизнь умственная въ этомъ періодѣ сдѣлала большіе успѣхи въ опредѣленномъ смыслѣ пробужденія сознательнаго отношенія къ дѣйствительности... Весьма естественно, это возрастающее и крѣпнущее самосознаніе должно было выразиться, между прочимъ, и въ формѣ осужденія и порицанія, вызываемыхъ критическимъ отношеніемъ къ существующему порядку вещей. Мы видѣли первые, робкіе и нетвердые шаги русской сатиры, въ виршахъ князя Хворостинина; видѣли суровыя, рѣзкія, ожесточенныя обличенія и горькія насмѣшки протопопа Аввакума и его собратій надъ церковными „новшествами" Никона. Гораздо болѣе важными по своему критическому значенію являются два другихъ труда, въ которыхъ современная русская жизнь подвергнута весьма полному и разностороннему анализу, и этотъ анализъ даетъ намъ возможность всмотрѣться въ разнообразныя ея проявленія и ознакомиться съ ними довольно подробно и близко. Мы говоримъ о двухъ замѣчательныхъ трудахъ, сохранившихся намъ отъ XVII вѣка: о книгѣ Котошихина, озаглавленной *„О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича"* и о книгѣ Крижанича, которой новѣйшій издатель придалъ произвольное и весьма неопредѣленное заглавіе: *„Русское государство въ половинѣ XVII вѣка"* [1]). Какъ то, такъ и другое сочиненіе заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Котошихинъ и его трудъ.

Григорій Котошихинъ былъ подьячимъ Посольскаго Приказа, гдѣ на службѣ (даже и въ низкихъ степеняхъ) состояли обыкновенно люди болѣе или менѣе образованные, знакомые съ иностранными языками и иноземными обычаями. Во время второй польской войны, начавшейся въ 1660 году, мы видимъ Котошихина на службѣ при воеводѣ князѣ Долгорукомъ, вѣроятно для сношеній по дипломатической части. Во время этой службы онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ, который подговаривалъ его донести на своего товарища-воеводу, и, опасаясь (не безъ основаній) мести князя, увидѣлъ себя вынужденнымъ бѣжать сначала въ Польшу, потомъ въ Пруссію, и наконецъ еще дальше—въ Швецію.

---

[1]) Такъ назвалъ книгу Крижановича издавшій ее П. Безсоновъ, хотя въ подлинникѣ, какъ мы увидимъ далѣе, она носитъ совсѣмъ другое заглавіе.

Здѣсь онъ жилъ въ Стокгольмѣ, вѣроятно занимаясь какою-нибудь профессіею или проживая нажитый на службѣ достатокъ, и обратилъ на себя вниманіе просвѣщеннаго вельможи, канцлера Магнуса де-ла-Гарди, сына Якова де-ла-Гарди, извѣстнаго по той роли, какую онъ игралъ въ Московскомъ Государствѣ въ эпоху Смутнаго времени. Вѣроятно, по его желанію и настоянію, а можетъ быть даже и по заказу, Котошихинъ здѣсь и написалъ свою любопытнѣйшую книгу (между 1666 — 1667 г.г.).

Одна изъ залъ бывшей Патріаршей, нынѣ Сѵнодальной, библіотеки въ Москвѣ.

Такъ можемъ мы заключить по тому, что книга эта была впослѣдствіи переведена на шведскій языкъ, по желанію того же канцлера. Самъ же авторъ, несмотря на то, что его положеніе было такъ, повидимому, хорошо обставлено въ странѣ, которая дала ему убѣжище, кончилъ жизнь очень печально: онъ былъ казненъ за убійство хозяина того дома, въ которомъ жилъ; убійство произошло во время ссоры, и причиною ссоры были отношенія Котошихина къ женѣ домохозяина.

Собственно говоря, книгу свою Котошихинъ долженъ былъ бы назвать: „*Нравы и обычаи Московскаго Государства*", и никакъ не ограничивать ея содержанія заглавіемъ, въ которомъ упоминается только о царствованіи Алексѣя Михайловича, между тѣмъ

какъ онъ даетъ весьма полную картину быта высшихъ слоевъ русскаго общества въ томъ видѣ, какъ этотъ бытъ сложился при великокняжескомъ дворѣ, въ концѣ XV вѣка, и установился при царяхъ, въ XVI и XVII вѣкѣ. Низшихъ сословій и народа Котошихинъ не касается, потому-ли, что не считалъ ихъ бытъ достойнымъ описанія, или потому, что бытъ этихъ сословій и народа менѣе интересовалъ того высокаго покровителя-иноземца, который побудилъ его написать книгу.

Свое сочиненіе Котошихинъ начинаетъ съ краткаго повѣствованія о предкахъ царя Алексѣя Михайловича, и ведетъ свой разсказъ со временъ перваго царя московскаго, Іоанна Грознаго. Свой разсказъ о временахъ Алексѣя Михайловича онъ ведетъ отъ его вступленія на престолъ и вѣнчанія на царство, а затѣмъ переходитъ къ его женитьбѣ; пользуясь этимъ, онъ подробно описываетъ весьма сложные свадебные обряды и пиры на царской свадьбѣ. За этимъ слѣдуетъ, въ прямой послѣдовательности, описаніе внутренняго быта царской семьи и жизни дворца во всѣхъ ея внутреннихъ и внѣшнихъ проявленіяхъ. Къ описанію дворцовыхъ порядковъ и обычаевъ примыкаетъ такое же обстоятельное и подробное описаніе двора и всѣхъ чиновъ, окружающихъ царя и царицу. Весьма понятно, почему Котошихинъ такъ подробно останавливается на описаніи русскихъ посольствъ къ иностраннымъ дворамъ и пріемѣ иноземныхъ пословъ въ Московскомъ Государствѣ: ему, какъ бывшему подьячему Посольскаго Приказа, были до мелочей извѣстны всѣ обычаи и обстановка подобныхъ отправокъ и пріемовъ. Затѣмъ, отъ обстоятельнаго описанія царскаго быта и быта придворной, ближайшей къ царю среды, Котошихинъ отвлекается въ сторону и въ нѣсколькихъ главахъ говоритъ о государственномъ строѣ и управленіи Московскаго Государства, о различныхъ Приказахъ и завѣдываньи ими, о земельномъ устройствѣ, о войскѣ, о торговлѣ и сословіяхъ. Въ концѣ книги онъ вновь переходитъ къ описанію жизни, обычаевъ и нравовъ боярскаго сословія, и рисуетъ намъ картину подробную, любопытную, но далеко непривлекательную. Замѣчательно, что о церкви и духовенствѣ Котошихинъ не упоминаетъ вовсе; было-ли это съ его стороны заранѣе принятымъ намѣреніемъ, или явилось только слѣдствіемъ того, что онъ не успѣлъ вполнѣ окончить свою книгу по опредѣленному плану? Но даже и при этомъ важномъ пробѣлѣ, книга Котошихина — по справедливому замѣчанію нашего историка — должна была представляться весьма важною и цѣнною для иностранца, такъ какъ она „даетъ свѣдѣнія, которыя, по понятіямъ того времени, составляли канцелярскую тайну и иноземцу были не доступны“.

Котошихинъ писалъ свою книгу за границей, вдали отъ вся-

Razgowori ob Wladátelystwu

Predgowórie

Автографъ Юрія Крижанича.

Двѣ страницы (1-я и 2-я) изъ его рукописи «Разговоры о владательству», хранящейся въ Москвѣ, въ Типографской библіотекѣ.

Predgovorie.

2

Tverdnost, Precenba, Zakonostavie.

=ženiu cárstva: ob umnoženiu sil: i ob vsakich vratnich promislech. Ob breženiu czeiti: i velicestva: rečzi: i tákako znat potrebni, i do= =sele (zako sumnyaiu) nikoli otnyud neobrečzeni. Ob zakonech, i obicaiech, i ob zakonostáwiu: Kako ono so vremenom biwaet naváreno. Kako dobrich zakonow breč v celosti; a zlich izkorenyati.

Ob nedugech, libo nuzach Narodnich.

4 Swetiy Ambroziy govoreč ob onom mertvecu, koego Spasitely voskresil v gradu Naimu, sice velit: Mertveca onogo ko grobu nosiachu, czetiri perwosotvórnye wešči: kotórye vsyem nawodat tljenie, i ko grobu neustaino vlekut vsá= =ko czlowečeskoe telo.] Powedaiut bo, telo naše sostawlyeno biti iz czé= =tirech perwosotvórnich wešczey: iz ziemlyi, wodi, wozducha, i Og= =nya. Pokazaia paki taia mežu soboiu sut supročina: i edno iest razor= =ityivo drugomu (vsegda bo sucho z mokrim, i teplo so studenim se borit) zaradi togo nemožet v nyich prebiwat mir, ni obitaialno bit sostawlyenie nyichovo. Zaradi togo, telo naše, ot takowa svo= =yich czastey nezgodia, vsegdášnyiui vad v sebye nosit, i iscezaet: i potrebna mu iest iezedeny kormowaia poprawa. Kogda bo neb ot iestii i pitia (na vreme i ot vosczestia) obnawlyena bila iego sila, borzo bi ono razvalilo i zgiblo. Tako pravo vsako wladatelystwo iest sostawlyeno iz mnogich nezgodnich czastey. Koe swoyim nezgodiem, i borieniem, wladatelystwu nawodat tljennuiu nužu: i prystoiat k iego naruseniu ili razoreniu. To iest, iere wo vsako vreme, neocztinim nacinom, podowchodat domašnyi zli zakoni, a narodnichevskie libo nawike, libo chibosti: koyimi gdarstwo, budto nedugmi, zarazaetse, chi= =reet, i tlit: i potrebna mu iest neustaina poprawa.

Gdarstwa, chorobam podveržena.

5 Tljenie paki, ili nechorenie narodnoe razumijeet se biat po mnogich priczinach. I Aiere kralyestwo dospyet pod oblast inich naroda: iakože Polyske, gde inoplemenniki kralyuiut.

Chorob: rospolarstwenye

кихъ нескромныхъ взглядовъ, въ полной безопасности отъ всякихъ доносовъ, и потому обо многомъ говорилъ откровенно, не стѣсняясь, не стараясь ни представить въ измѣненномъ видѣ, ни прикрасить неказистую дѣйствительность. Въ одномъ только можно заподозрить Котошихина: въ нѣкоторой односторонности воззрѣній и въ слишкомъ мрачномъ взглядѣ на современную русскую жизнь, общество и семью—въ которыхъ онъ не видитъ никакихъ свѣтлыхъ сторонъ, ничего утѣшительнаго, подающаго надежду на лучшее будущее. Такая односторонность взгляда была, очевидно, слѣдствіемъ того раздраженія, которое было вызвано въ Котошихинѣ его неудачами и необходимостью покинуть отечество и искать убѣжища на чужбинѣ. Это раздраженіе въ значительной степени способствуетъ тому, что все *западное* ему нравится и что всюду, гдѣ онъ имѣетъ случай сравнить наши учрежденія съ учрежденіями европейскими, онъ безусловно отдаетъ преимущество послѣднимъ. Нельзя, однакоже, усомниться въ томъ, что онъ вполнѣ искренно проникнутъ идеею необходимости просвѣщенія для Россіи и твердо вѣритъ, что лишь оно можетъ способствовать исправленію многихъ золъ и неправдъ, тяготѣющихъ надъ его отечествомъ. Вотъ почему онъ, указывая на несостоятельность бояръ, какъ правителей и совѣтниковъ царскихъ, говоритъ съ увѣренностью о причинѣ этой несостоятельности, которую видитъ въ томъ, что многіе изъ нихъ „грамотѣ не ученые и нестудерованные". Указывая на многія мрачныя стороны семейной жизни въ боярской средѣ, Котошихинъ и тутъ видитъ причину ихъ въ томъ, что „*Московскаго государства женскій полъ неграмотный*". Съ ужасомъ и отвращеніемъ упоминая о разныхъ нестроеніяхъ въ общественной жизни, достигшихъ крайняго предѣла развитія, Котошихинъ повторяетъ ту же пѣсню: „надо учиться, у иностранцевъ учиться, и дѣтей къ нимъ же для обученья посылать". И эта мысль лежитъ въ основѣ всего его труда, весьма замѣчательнаго, при многихъ его недостаткахъ.

Трудъ Крижанича, о которомъ мы упомянули выше, рядомъ съ трудомъ Котошихина, представляетъ собою нѣчто иное и является, во всякомъ случаѣ, плодомъ болѣе разносторонняго, болѣе глубокаго наблюденія и болѣе безпристрастнаго отношенія къ русской жизни.

Юрій Крижаничъ былъ, по происхожденію, хорватъ, а по званію—католическій священникъ. Родился онъ въ 1617 г.[1]), въ Загребской жупаніи, и происходилъ отъ одного изъ весьма древнихъ и знатныхъ, но обѣднѣвшихъ и захудалыхъ, мѣстныхъ дворянскихъ родовъ. Подобно многимъ другимъ бѣднымъ дво- Ю. Крижаничъ.

[1]) Въ Россію онъ прибылъ въ 1659 году, слѣдовательно на 42 году—въ цвѣтѣ силъ и физическихъ, и нравственныхъ.

рянамъ, Юрій Крижаничъ вынужденъ былъ избрать духовную карьеру; при этомъ ему, какъ юношѣ талантливому и умному, удалось обратить на себя особенно-милостивое вниманіе загребскаго епископа Винковича, который сталъ ему покровительствовать и направилъ его, на свои средства, сначала въ вѣнско-хорватскую семинарію (около 1638 г.), а затѣмъ даже и въ Болонью, для изученія высшихъ наукъ, преимущественно юридическихъ. Однакоже Юрій Крижаничъ этимъ не удовольствовался; онъ перебрался изъ Болоньи въ Римъ и здѣсь поступилъ въ коллегію св. Аѳанасія, учрежденную папами съ цѣлью распространенія Уніи между славянами. Здѣсь Крижаничъ впервые сошелся съ нѣкоторыми выходцами изъ Россіи и Польши, которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, бывало въ этой коллегіи не мало. Есть основаніе думать, что, при ихъ именно помощи, ученый хорватъ ознакомился съ языками русскимъ и церковно-славянскимъ; отъ нихъ же получилъ онъ первыя понятія о Россіи и русскомъ народѣ. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ свѣдѣній о могущественномъ и обширномъ славянскомъ государствѣ, живой и воспріимчивый Крижаничъ сталъ мало-по-малу переходить отъ идеи Уніи церковной — къ болѣе широкой и болѣе привлекательной идеѣ Уніи государственной, при посредствѣ которой должно было создаться, въ будущемъ, громадное всеславянское государство подъ непосредственнымъ главенствомъ Россіи. Крижанича побуждало къ увлеченію этой идеей то жалкое положеніе, въ которомъ онъ видѣлъ хорватовъ и всѣ родственныя имъ племена славянскія (кромѣ поляковъ и русскихъ), изнывавшія подъ тяжкимъ гнетомъ турокъ и нѣмцевъ. Онъ чрезвычайно вѣрно угадалъ, что государственный строй Россіи болѣе проченъ и надеженъ по отношенію къ будущему, нежели строй вольнолюбивой Польши; и вотъ, въ 1659 году, Крижаничъ, черезъ Галицію, отправился въ Малороссію. Здѣсь и въ Бѣлоруссіи онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и хорошо изучилъ отношеніе коренного русскаго населенія къ пришлому и господствующему польскому; затѣмъ уже Юрій Крижаничъ явился въ Москву. Самъ онъ говоритъ, что явился въ Россію для выполненія слѣдующихъ трехъ главныхъ задачъ: „во-первыхъ, хотѣлъ поднять славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобы мы могли правильно говорить и писать и чтобы было у насъ изобиліе рѣченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ; во-вторыхъ, думалъ написать исторію славянства, и въ ней опровергнуть нѣмецкія лжи и клеветы; въ-третьихъ, обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ, славянъ“. Задачи эти, въ важнѣйшей ихъ части, онъ и выполнилъ; но уже—въ Тобольскѣ, куда онъ былъ отправленъ

въ 1661 году, очевидно, въ ссылку. Ссылкѣ этой приданъ былъ видъ почетнаго порученія, такъ какъ въ указѣ государевомъ Крижаничу повелѣвается: „быть въ Тобольскѣ у Государевыхъ дѣлъ у какихъ пристойно". Историкъ нашъ, Соловьевъ, предполагаетъ, что причинами ссылки слишкомъ рьянаго и черезчуръ откровеннаго хорвата были, вѣроятно, его выходки противъ заѣзжаго греческаго духовенства, пользовавшагося большимъ вліяніемъ и значеніемъ въ Москвѣ, и которое Крижаничъ старался изобличить въ своекорыстіи и злоупотребленіи щедростью и довѣрчивостью русскихъ людей... Какъ бы то ни было — но это была ссылка, какъ мы можемъ видѣть изъ сохранившагося „благодарственнаго посланія Крижанича къ царю Ѳеодору Алексѣевичу за его освобожденіе" (по смерти царя Алексѣя Михайловича, въ 1676 году). Крижаничъ былъ, слѣдовательно, возвращенъ изъ Сибири, но дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; есть, впрочемъ, основаніе думать, что онъ умеръ внѣ Россіи.

Во время пребыванія въ ссылкѣ, гдѣ Крижаничъ провелъ пятнадцать лѣтъ, онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій богословско-догматическаго содержанія; написалъ и грамматику славянскую; написалъ и самое важное изъ своихъ сочиненій — „*Политику*", — которое и было издано у насъ, полъ-вѣка назадъ, подъ весьма неопредѣленнымъ и невѣрнымъ общимъ заглавіемъ: „*Русское государство въ половинѣ XVII вѣка*", хотя въ рукописи Крижанича оно называется: „*Разговоръ о владательству*".

„Политика" Крижанича—это весьма обширный и замѣчательный трактатъ, изложенный въ формѣ разговоровъ и отдѣльныхъ разсужденій, въ которыхъ онъ развиваетъ теорію устройства государствъ вообще и Русскаго государства въ частности, притомъ сравнительно съ другими славянскими и европейскими государствами. Затѣмъ уже онъ переходитъ къ подробному разсмотрѣнію русской современности, т. е. состоянія Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но между трудомъ Крижанича и трудомъ Котошихина существуетъ огромная разница: Котошихинъ, по личнымъ поводамъ, все огуломъ отрицаетъ или порицаетъ; Крижаничъ, съ поразительнымъ безпристрастіемъ, отличаетъ хорошее отъ дурного, и въ характерѣ, и въ бытѣ, и въ обычаяхъ русскаго народа, и, порицая что-либо, старается тотчасъ же указать и средства, необходимыя для исправленія зла, настаиваетъ на необходимости преобразованій, отмѣчаетъ повсемѣстную нужду въ просвѣщеніи, причемъ ко всему относится съ большимъ критическимъ тактомъ, выказывающимъ въ Крижаничѣ человѣка не только образованнаго, но и просвѣщеннаго.

Вся „Политика" Крижанича раздѣляется на три части: въ первой онъ говоритъ „о народномъ и державномъ благѣ и богат-

ствѣ"; во второй, посвященной царю Алексѣю Михайловичу—„о силѣ державной"; въ третьей—„о мудрости державной". Первая часть касается вопросовъ чисто-экономическихъ, къ которымъ Крижаничъ относится такъ разумно и практично, что многіе изъ его совѣтовъ и предположеній и теперь бы еще могли имѣть значеніе и примѣненіе, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ говоритъ и о ремеслахъ, и о торговлѣ, и о промышленности, подробно останавливаясь на всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства [1]).

Во второй части авторъ говоритъ о силѣ государства, т. е. о крѣпостяхъ, оружіи и войскѣ. Здѣсь, между прочимъ, Крижаничъ возстаетъ противъ современнаго русскаго обычая—избирать иноземцевъ въ начальники надъ полками и поручать имъ обученіе войска. Но самою важною частью „Политики" является у Крижанича третья, въ которой онъ разсуждаетъ о мудрости вообще, и въ частности—о мудрости государственной. Здѣсь-то и высказываетъ онъ много весьма справедливыхъ сужденій о Россіи—много истинъ, и до настоящаго времени не утратившихъ своего значенія въ отношеніи къ жизни народной и государственной. „Высшій даръ человѣка есть разумъ", — говоритъ Крижаничъ;—„дѣятельность разума выражается въ мудрости; мудрость же пріобрѣтается ученіемъ и книгами. Мудрость столько же нужна для государей, какъ и для обыкновенныхъ людей; при живыхъ совѣтникахъ нужны еще лучшіе совѣтники мертвые — книги! Книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью—книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину"... Любопытны по своей вѣрности и опредѣленности и дальнѣйшія разсужденія Крижанича. „Никто не можетъ сказать",—говоритъ онъ:—„чтобы намъ, славянамъ, опредѣленіемъ неба, закрытъ былъ путь къ знанію, какъ бы намъ вовсе не слѣдовало усваивать себѣ науки; вѣдь и другіе народы не въ одинъ день или годъ научались, но мало-по-малу перенимали отъ другихъ; такъ же точно и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся... И теперь именно время учиться, когда Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какого прежде никогда не бывало; а у иныхъ народовъ мы видимъ, что науки тогда и начинаютъ цвѣсти, когда государство достигаетъ наибольшей силы... Скажутъ пожалуй: между мудрыми рождаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости... А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, некнижныхъ мужиковъ? Отъ огня, воды и желѣза умираютъ многіе; а, между тѣмъ, люди не могутъ жить безъ нихъ: такъ же точно и мудрость потребна людямъ".

Мудрость *государственная*, по мнѣнію Крижанича, заключается

[1]) Не поддаваясь никакимъ современнымъ русскимъ предразсудкамъ, Крижаничъ, напр., прямо совѣтуетъ разводить табакъ, считая табаководство весьма прибыльнымъ.

только въ слѣдующемъ: „*народъ долженъ познать самого себя и не вѣровать инородникамъ* (т. е. иноземцамъ)". Для поясненія своей мысли Крижаничъ прибѣгаетъ къ такому наглядному сравненію: врачъ не можетъ лѣчить человѣка, пока не узнаетъ его болѣзни: такъ точно и политикъ, не узнавъ своихъ силъ и нуждъ, не можетъ ни поправить своихъ дѣлъ, ни промыслить о своихъ нуждахъ. Все зло въ народѣ происходитъ отъ незнанія своихъ силъ и способностей, своихъ пороковъ и недостатковъ: „въ этомъ случаѣ", — добавляетъ Крижаничъ удивительно тонко: — „люди сами себя и свои обычаи излишне любятъ, и считаютъ себя и сильными, и богатыми, и мудрыми, не будучи таковыми на самомъ дѣлѣ". Послѣ этого совершенно вѣрнаго заключенія, Крижаничъ переходитъ къ перечисленію народныхъ пороковъ, не спеціально русскихъ, но обще-славянскихъ, и опять-таки вполнѣ вѣрно намѣчаетъ важнѣйшіе изъ нихъ: лѣность, чрезмѣрную расточительность и рядомъ съ нею скудость, пированіе, пьянство и излишнее гостепріимство, жестокость къ подвластнымъ, какъ слѣдствіе расточительности, недостатокъ благородной гордости, неумѣренность во власти, какъ слѣдствіе склонности къ крайностямъ, гибельную страсть мѣшаться въ чужія дѣла и неумѣнье поддержать миръ между собою. И, вслѣдъ за этимъ перечисленіемъ нашихъ недостатковъ, Крижаничъ укоряетъ насъ въ томъ, что мы почти половину года проводимъ въ праздникахъ и праздниками пользуемся только для того, чтобы упиться „на-уморъ". Но всѣ эти пороки и недостатки русскаго народа и всѣхъ славянъ вообще Крижаничъ почитаетъ за ничто, въ сравненіи съ пристрастіемъ славянъ и русскихъ къ иностранцамъ и ко всему иноземному, и даже придаетъ этому пристрастію особое названіе „чужебѣсія", которое почитаетъ смертоносною болѣзнью. „Неисчислимы бѣдствія и срамоты, какія терпѣлъ и терпитъ нашъ народъ отъ того, что мы черезчуръ довѣрчивы къ иноземцамъ и допускаемъ ихъ дѣлать въ своей землѣ все, что они хотятъ". Самымъ лютымъ врагомъ славянъ Крижаничъ почитаетъ нѣмцевъ; но въ то же время весьма опредѣленно высказываетъ свою непріязнь и къ грекамъ. Очень оригинально проводитъ онъ различіе между тѣми и другими, какъ между двумя крайностями. „Нѣмцы", —говоритъ онъ: — „убѣждаютъ насъ ко всему новому, хотятъ, чтобы, презрѣвши всѣ похвальныя наши древнія учрежденія и нравы, мы сообразовались съ ихъ развращенными нравами и законами. Греки же рѣшительно осуждаютъ всякую новизну. Кричатъ и повторяютъ, что все новое—зло. Нѣмцы стараются насъ увлечь въ свою школу... а греки осуждаютъ всякую науку, всякое знаніе и внушаютъ намъ невѣжество... Расходясь такъ далеко между собою, въ большей части вопросовъ, они въ томъ только отлично соглашаются между собою,

что тѣ и другіе ищутъ надъ нами господства [1]).“ Само собою разумѣется, что Крижаничъ, укоряя своихъ соплеменниковъ въ чрезмѣрной приверженности ко всему иноземному, самъ ужъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи всего чужого, позабывая, что цивилизація всегда строила свое зданіе прогресса, пользуясь различными, уже готовыми элементами и все подводя подъ одинъ общій уровень.

Въ противоположность Котошихину, который, набросавъ мрачную картину быта и нравовъ современнаго ему общества, видитъ одно спасеніе въ томъ, чтобы всему учиться у Запада и все съ Запада перенимать—Крижаничъ, перечисливъ всѣ пороки, недостатки и пробѣлы, какъ въ характерѣ русскаго народа, такъ и въ самомъ строѣ его жизни, тутъ же рядомъ указываетъ и предлагаетъ различныя преобразованія и нововведенія, которыя, по его мнѣнію, должны принести русскому народу существенную пользу. При этомъ, съ поразительною проницательностью, онъ оцѣниваетъ значеніе той страшной мощи, которая сосредоточена въ рукахъ русскаго царя. Обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу и умоляя его собрать во-едино всѣхъ славянъ подъ своимъ скипетромъ, онъ высказываетъ ему, какъ бы подъ внушеніемъ особаго вдохновенія, слѣдующее:

„О царь, въ твоихъ рукахъ чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, которымъ ты можешь творить дивныя чудеса: въ твоихъ рукахъ самодержавіе—совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Давно уже на свѣтѣ не было такого царя или владѣтеля, который бы имѣлъ силу творить такія чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать, и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земного царства, царство небесное“.

Затѣмъ, устами самого царя, Крижаничъ излагаетъ планъ предполагаемыхъ имъ преобразованій, въ подробности которыхъ мы не вдадимся, отмѣтивъ, однакоже, что разумною основою всѣхъ этихъ преобразованій являются у Крижанича — уничтоженіе всякихъ монополій и общее, равное для всѣхъ сословій, правосудіе.

Значеніе труда Крижанича.

Въ заключеніе того, что̀ высказано нами выше о Юріи Крижаничѣ, мы должны добавить, что придаемъ его „Политикѣ“ весьма серьезное значеніе по отношенію къ наступившей вскорѣ послѣ того Эпохѣ Преобразованій. Сочиненіе Крижанича, какъ достовѣрно извѣстно, находилось въ числѣ прочихъ книгъ „на

[1]) При этомъ Крижаничъ приводитъ весьма любопытный анекдотъ, который отлично характеризуетъ отношеніе грековъ къ Московскому государству: «Я знавалъ одного грека, который сердился на блаженнаго Кирилла Солунскаго за то, что тотъ изобрѣлъ намъ и передалъ славянскія буквы и перевелъ Св. Писаніе. Онъ говорилъ, что слѣдовало бы не давать тѣмъ людямъ буквъ и не переводить Св. Писанія, а принудить ихъ, чтобы они учились языку и буквамъ грековъ; пусть бы, такимъ образомъ, нуждались всегда въ греческихъ учителяхъ».

Верху Государевомъ", т. е. въ Царской Дворцовой библіотекѣ. Можно предположить почти безошибочно, что книга ученаго хорвата, если и была въ рукахъ у царя Алексѣя Михайловича и его благородныхъ совѣтниковъ, то, конечно, не могла имъ понравиться по своему содержанію—по смѣлости мыслей и сужденій, и многимъ другимъ своимъ сторонамъ. Но зато можно утверждать съ полною увѣренностью, что та же книга не миновала рукъ царя Петра, который, конечно, съ юныхъ лѣтъ все перерылъ и перечиталъ въ библіотекѣ своего отца, и изо всѣхъ книгъ, попадавшихся ему подъ руку, сумѣлъ, со свойственною ему живостью и воспріимчивостью, извлечь то, что ему было потребно. Ему должны были прійтись по сердцу совѣты умнаго и ученаго хорвата — воспользоваться единодержавіемъ для введенія необходимыхъ преобразованій въ Россіи *сверху*, чисто-административнымъ путемъ, не обращая вниманія на сопротивленіе массы и не затрудняясь имъ. Ему должны были понравиться и строгія осужденія Крижанича по отношенію къ той лѣни и праздности, которыя онъ указывалъ въ числѣ существеннѣйшихъ недостатковъ русскаго народа; должны были даже показаться весьма пригодными и умѣстными взгляды, высказываемые Крижаничемъ на образованіе [1]), въ значительной степени сходившіеся съ его утилитарными воззрѣніями на науку и обученіе. Энергичная рѣчь безкорыстнаго и восторженнаго поклонника русской мощи, его громкія и горячія воззванія къ царю московскому, какъ къ царю всеславянскому, его настойчивыя указанія на то, что каждый народъ долженъ сознательно относиться къ своимъ силамъ и способностямъ и слѣдовать своей самостоятельной стезѣ въ политикѣ — всѣ эти мысли должны были глубоко запасть въ душу юнаго Петра и несомнѣнно найти себѣ отголосокъ въ его будущей дѣятельности.

Древніе изразцы Печатнаго Двора въ Москвѣ.

[1]) «Только дѣти высшихъ классовъ», — говорилъ по этому поводу Крижаничъ — «и то не всѣ, а самыя богатыя, могутъ учиться греческому и латинскому языкамъ, исторіи, философіи и политикѣ, а люди низшіе и убогіе должны заниматься полезными науками, такъ называемыми *трудовыми*—математикой, астрономіей, медициной» и проч.

Виньетка Петровскаго времени съ видомъ Московскаго Кремля.

Зачало изъ рукописнаго Евангелія 1587 г.

Эта рукопись XVI вѣка принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ рукописнымъ сокровищамъ и, по красотѣ письма, по изяществу, богатству и разнообразію украшеній, внесенныхъ въ текстъ, можетъ быть названа перломъ нашей древней письменности.

Текстъ приводимаго нами зачала читается такъ:

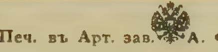
Отъ Матѳея святое благовѣствованіе глава

Книга родства іисусъ христова сына давидова,
сына авраамля, авраамь роди
ісаака, ісаакъ же роди яко
ва, яковъ же роди іуду
и братію его, іуда же роди
фареса и зара отъ ѳамары.
фаресъ-же роди есрома
есромъ-же роди арама, арамъ же
недѣля предъ рождьствомъ христовѣмь св. отецъ.

Книга родства ІѴ ХА сна двдова,
сна авраамлѧ. авраамь ро
исаака. исаакже, роди іак
ва. іакѡвже роди, іоудѫ
и братію его. іоуда же роди
фареса и зара ѿ ѳамары.
фаресже роди, есрѡма.
есрѡмже роди, арама. арамже

„ЗАЧАЛО“ ИЗЪ РУКОПИСНАГО ЕВАНГЕЛІЯ 1537 Г.
(Уменьшено въ два раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ.

Печ. въ Арт. зав.  А. Ф. Маркса. СПБ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

Другое зачало изъ того же Евангелія 1537 года.

Текстъ приводимаго нами зачала читается такъ:

Отъ Луки святое благовѣствованіе глава 1-я:

Понеже убо мнози начаша
чинити повѣсть о извѣ
стованыхъ въ насъ вещехъ яко
же предаша намъ иже испе
рва самовидцы и слугы бы
вшеи словеси, изволи
ся и мнѣ послѣдовавшу
выше всѣхъ испытно поря

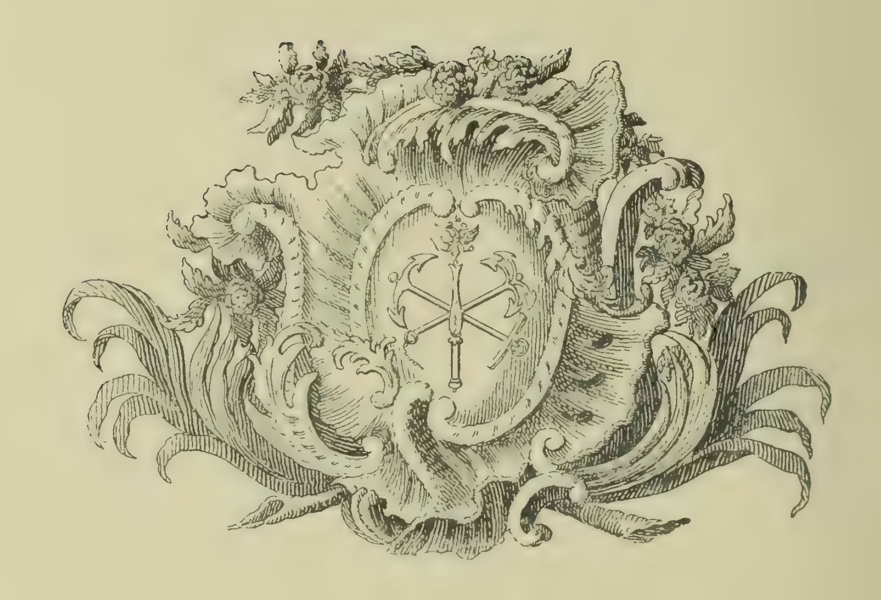
На рождество честнаго предтечя и крестителя іоанна лит.

ДРУГОЕ „ЗАЧАЛО“ ИЗЪ РУКОПИСНАГО ЕВАНГЕЛІЯ 1537 Г.
(Уменьшено въ два раза.)

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

Исторія Русской Словесности

въ XVIII и XIX вѣкѣ.



Виньетка Петровскихъ временъ съ гербомъ города Петербурга.

Періодъ первый.

Эпоха Преобразованій отъ начала XVIII вѣка до начала царствованія Императрицы Екатерины II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе Эпохи Преобразованій.—Петръ Великій и его заслуги по отношенію къ русскому просвѣщенію.—Заботы о книгахъ и школахъ.—Сношенія съ иностранными учеными.—Поощренія переводческой дѣятельности.—Публичный театръ.

Многознаменательная, памятная въ историческомъ смыслѣ и плодотворная по своимъ культурнымъ результатамъ Эпоха Преобразованій не была вовсе чѣмъ-нибудь случайнымъ, не являлась полною неожиданностью для современниковъ, хотя и была весьма крупнымъ и чрезвычайно крутымъ переворотомъ, до неузнаваемости измѣнившимъ русскую жизнь и русское общество въ теченіе какого-нибудь тридцатилѣтія. Въ сущности, Эпоха Преобразованій была только крайнимъ развитіемъ того просвѣтительнаго и культурнаго движенія, которое еще съ шестнадцатаго вѣка проявилось на Юго-Западѣ Руси, отчасти, подъ вліяніемъ движенія, охватившаго всю Европу въ Эпоху Возрожденія, отчасти же—вызвано было мѣстными потребностями національно-религіозной борьбы между русскою и польско-литовскою народностью. Зародившись

здѣсь, это движеніе, вслѣдствіе совершенно иныхъ побужденій и случайныхъ историческихъ столкновеній, перешло на Сѣверо-Востокъ Руси, въ Москву, гдѣ, среди сна и застоя, въ центрѣ громаднаго государства, окруженнаго китайскою стѣною, все же ощущалась потребность въ обновленіи, въ усиленіи свѣта, въ измѣненіи тягостныхъ условій жизни, стѣснявшихъ и личность, и волю, и всѣ проявленія духовной дѣятельности человѣка. Но какъ измѣнить? На что промѣнять,—когда ужъ изстари внушенъ страхъ ко всякой новизнѣ, ко всякой перемѣнѣ? Когда все запечатлѣно благословеніемъ или заклятіемъ... Кому довѣриться, когда всѣ извѣрились въ Востокъ и его лукавыхъ представителей—грековъ, и когда, въ то же время, всѣ привыкли ненавидѣть латинскій Западъ, опасаясь его козней и ухищреній?.. Но, съ половины XVII вѣка поворотъ на новый путь, хотя и медленный и едва примѣтный, начинаетъ совершаться въ высшихъ слояхъ общества и въ самомъ правительствѣ. Ощущается настоятельная потребность въ ученыхъ, въ опытныхъ, знающихъ людяхъ, которые помогли бы намъ въ разработкѣ нашихъ естественныхъ богатствъ, научили бы насъ преодолѣвать техническія трудности въ различнаго рода сооруженіяхъ, промыслахъ и производствахъ... И мы, поневолѣ, обращаемъ взоры къ Западу, и хотя съ большими оговорками и затрудненіями, но все же допускаемъ переселеніе въ предѣлы Московскаго Государства все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества иноземцевъ. Подъ самою Москвою наростаетъ ихъ цѣлая слобода, и процвѣтаетъ, и богатѣетъ съ каждымъ днемъ, и живетъ своею особою жизнью — веселою, привольною, нестѣсняемою строгими правилами Домостроя и суровыми требованіями искони установившагося обычая. Изъ этой-то нѣмецкой слободы постепенно и понемногу начинаютъ проникать въ тѣсный кружокъ московскихъ „западниковъ“ кое-какія европейскія диковинки и соблазнительныя новинки, такія, какъ хоровая музыка, какъ музыкальные заводные инструменты, какъ театральныя представленія, какъ роскошь и удобства европейской домашней обстановки. Все это дѣйствуетъ постепенно и понемногу способствуетъ развитію желанія сблизиться съ Западомъ; но дѣло сближенія идетъ черепашьимъ шагомъ и возможность его предвидится лишь въ весьма далекомъ будущемъ.

И вдругъ, во главѣ этой горсти западниковъ и сторонниковъ новизны является молодой царь, рано присмотрѣвшійся къ нѣмецкой слободѣ, къ западнымъ обычаямъ и строю жизни, проникнутый страстнымъ влеченіемъ къ совершенствованію и къ неутомимой борьбѣ съ тѣмъ вялымъ равнодушіемъ, съ тѣмъ праздным застоемъ, которые онъ видитъ кругомъ себя.

Уже съ юныхъ лѣтъ этотъ геніальный царь понимаетъ нуж-

ды своего отечества лучше старыхъ и опытныхъ государственныхъ мужей и въ особенности главную изъ нуждъ — настоятельную нужду въ просвѣщеніи, въ ученіи, принимая это слово въ самомъ широкомъ его значеніи. „А для этого надо сблизиться съ Западомъ—сблизиться не только дипломатическимъ или военнымъ путемъ, а путемъ тѣснаго, внутренняго сближенія, путемъ уподобленія своей жизни, своихъ воззрѣній и потребностей — тому, что̀ существуетъ на Западѣ“. Геніальнымъ умомъ своимъ, царь Петръ понимаетъ, что для этого нужна громадная ломка, упорная борьба, долгая и неутомимая работа — и ничего этого не пугается, и, надѣясь на свою несокрушимую энергію, на свою желѣзную волю, смѣло приступаетъ къ дѣлу пересозданія всей русской жизни по новому, западному образцу. Тогда-то, съ первыхъ шаговъ Петра по этому новому пути, наступаетъ Эпоха Преобразованій— одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ тягостныхъ въ жизни русскаго общества и русскаго народа.

Тяжка была школа, которую въ эту эпоху приходилось проходить русскимъ людямъ; неумолимо-суровъ былъ и учитель ихъ; но за то изумительны были и результаты, которыхъ онъ достигъ въ сравнительно короткое время. Россія, двинутая по новому пути могучею рукою Преобразователя, вступила въ семью европейскихъ государствъ и, несмотря на многія невыгодныя условія историческія, несмотря на всѣ усилія рьяныхъ приверженцевъ старины, не могла уже повернуть на старый путь—вернуться къ идеаламъ своего прошлаго.

Не вдаваясь въ подробныя и всестороннія обсужденія „Эпохи Преобразованій“, ни въ разсмотрѣніе давно уже возникшаго среди нашихъ ученыхъ спора о томъ, въ какой именно степени эта эпоха борьбы и ломки была вредна или полезна по своему вліянію на дальнѣйшій ходъ развитія русской жизни, — мы укажемъ на тѣ стороны этой знаменательной эпохи, которыя значительно способствовали развитію нашей литературы въ первой половинѣ XVIII вѣка и придали нѣкоторое опредѣленное направленіе нашему просвѣщенію.

Громадною заслугою Петра по отношенію къ нашему русскому просвѣщенію было то, что онъ призналъ образованіе одною изъ первыхъ и насущнѣйшихъ потребностей человѣка, и право на образованіе призналъ за всѣми равное. Мало того, онъ и самое образованіе сталъ понимать гораздо шире, нежели до него понимали всѣ русскіе люди, которые держались того взгляда, что образованіе должно быть исключительно религіозное (а потому и составлять главнымъ образомъ достояніе духовенства); а на образованіе свѣтское, примѣненное къ достиженію мірскихъ цѣлей и къ удовлетворенію мірскихъ потребностей, смотрѣли недовѣрчиво.

Печать при Петрѣ.

Другою немаловажною заслугою Петра, по отношенію къ развитію нашей литературы, должно признать усвоенное имъ воззрѣніе на значеніе печатнаго слова. Несмотря на то, что типографское искусство существовало въ Россіи до Петра уже въ теченіе цѣлыхъ полутораста лѣтъ, примѣненіе его являлось крайне ограниченнымъ, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что количество книгъ, напечатанныхъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, было значительно менѣе того, которое вышло изъ-подъ типографскаго станка въ продолженіе одного царствованія Петра Великаго. Онъ первый примѣнилъ печатное слово къ насущнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни, и придалъ русской книгѣ возможно широкое распространеніе, способное удовлетворять быстро нарождающимся потребностямъ въ чтеніи разнообразномъ и общеобразовательномъ. Не надѣясь на то, что русскія типографіи въ состояніи будутъ выполнить эту задачу успѣшно и во̀время, Петръ не затруднился этою ограниченностью средствъ въ Россіи и заручился помощью одной изъ европейскихъ типографій, которой сдалъ подрядъ на печатаніе русскихъ книгъ. То была извѣстная типографія амстердамскаго богатаго купца *Яна Тессинга*, съ которымъ Петръ познакомился въ бытность свою въ Голландіи. По порученію Петра, Тессингъ завелъ типографію съ спеціальною цѣлью: печатать книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, „тако и славянскимъ и голандскимъ языкомъ по-особну, отъ чего бы русскіе подданные много службы и прибытка могли получить и обучатися во всякихъ художествахъ и свѣдѣніяхъ“— такъ гласитъ данная Тессингу грамота. Въ помощь Тессингу приданъ былъ нѣкто *Илья Копіевичъ* (или Копіевскій), по происхожденію полякъ или, можетъ-быть, уроженецъ Западной Руси, хорошо знакомый съ книжною русскою рѣчью; онъ долженъ былъ слѣдить за изданіями и переводить на русскій языкъ книги по порученію Петра [1]). По возвращеніи въ Россію изъ перваго путешествія, Великій Преобразователь поощрялъ и въ Россіи развитіе типографскаго дѣла и до такой степени цѣнилъ услуги, которыя ему оказывалъ типографскій станокъ, что въ дальнихъ походахъ своихъ, въ послѣдніе годы жизни, постоянно имѣлъ подъ руками свою небольшую походную типографію (см. стр. 372).

Сначала, когда Петръ только-что принялся за свои реформы и почувствовалъ необходимость въ усиленіи грамотности, въ распространеніи образованія и увеличеніи образовательныхъ средствъ, онъ, очевидно, при множествѣ другихъ дѣлъ, не составилъ себѣ (да и не могъ составить) такого опредѣленнаго плана, на осно-

---

[1]) Сначала они работали вмѣстѣ, потомъ разссорились, и Копіевичъ завелъ свою особую типографію, на которую Петръ выдалъ ему особую привилегію на печатаніе русскихъ книгъ, въ теченіе 15 лѣтъ.

Портретъ Петра I въ юности

ваніи котораго первоначальное или среднее образованіе, въ которомъ ощущалась наибольшая нужда, могли бы болѣе или менѣе равномѣрно распространиться по Россіи.

Школы при Петрѣ.

Одновременно съ отправкою многихъ молодыхъ русскихъ людей для обученія за границу, Петръ озаботился также и объ улучшеніи преподаванія въ Московской Академіи и о расширеніи программы преподаванія въ этомъ заведеніи. Но это не могло привести къ желаемымъ результатамъ. Преобразованіе Академіи Московской, по образцу Кіевской, произошло уже только въ 1701 г., когда „протекторомъ“ ея былъ назначенъ *Стефанъ Яворскій*, митрополитъ Рязанскій. Преобразованная имъ „Славяно-греко-латинская академія“ утратила свой исключительно духовный характеръ и обратилась въ учебное заведеніе, пригодное и для духовнаго, и для гражданскаго сословія. Въ нее стали поступать всѣ, желавшіе получить необходимую подготовку, какъ для продолженія ученія за границей, такъ и для поступленія въ иныя, новыя, только при Петрѣ явившіяся, школы.

Ученики московскихъ школъ. Пробный листъ къ букварю Каріона Истомина.

Одновременно съ преобразованіемъ этого главнаго учебнаго центра на Сѣверо-Востокѣ Руси, по настоянію Петра, въ разныхъ городахъ стали открываться епархіальныя школы, и мы имѣемъ свѣдѣнія о такихъ школахъ въ Смоленскѣ, Ростовѣ, Тобольскѣ и т. д., а въ 1706 г., при посредствѣ извѣстныхъ уже намъ братьевъ Лихудовъ, въ Новгородѣ было заведено среднее учебное заведеніе подъ названіемъ *Славяно-греческой школы*, въ которую также поступали дѣти не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей. Въ концѣ царствованія Петра Великаго изъ этой новгородской школы, какъ изъ разсадника, возникло въ разныхъ мѣстахъ около полутора десятка низшихъ школъ.

Но для быстро развивавшейся, кипучей дѣятельности Петра однихъ обще-образовательныхъ заведеній было мало: ему необходимы были школы спеціальныя, изъ которыхъ бы, по его собственному выраженію, „во всякія потребы люди происходили“. И вотъ, не довольствуясь посылкой молодыхъ людей за границу для обученія различнымъ спеціальностямъ, царь Петръ выписываетъ учителей изъ-за границы и при ихъ помощи заводитъ въ Москвѣ школы, гдѣ бы эти иноземцы могли обучать русское юношество необходимымъ наукамъ. Такимъ образомъ являются

Автографъ Петра Великаго (въ юности).
Письмо къ Виніусу отъ 12-го іюля 1694 года.

въ Москвѣ двѣ новыя школы: *математическая* и *навигацкая*, гдѣ первыми преподавателями были англичане: *Фарворсонъ, Гвиль* и *Грейсъ*. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, слѣдовательно подъ надзоромъ любимцевъ Петра,—адмирала *Головина* и дьяка *Курбатова;* а „вспомоществователемъ“ при иноземцахъ-преподавателяхъ назначенъ былъ извѣстный авторъ перваго учебника по ариѳметикѣ, *Леонтій Магницкій*—человѣкъ добросовѣстный, знающій и толковый. Въ 1703 г. въ школахъ этихъ было уже много учениковъ, и хотя они, вѣроятно, вначалѣ набраны были неволею, но, уже годъ спустя, дьякъ Курбатовъ могъ донести государю о Математической школѣ, что „нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ ту школу дѣтей своихъ, а иные и сами недо-

Письмо къ Петру отъ первой его супруги, царицы Евдокіи Ѳеодоровны.

росли, и рейторскіе дѣти, и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою“.

Значительно позднѣе быстрое возрастаніе новыхъ административныхъ учрежденій привело къ необходимости основать еще иныя, новыя школы, собственно, для подготовки писцовъ и мелкихъ чиновниковъ. Въ ноябрѣ 1721 года царь Петръ предписалъ: „Учинить школу, гдѣ учить подьячихъ ихъ дѣлу, а именно: цыфири, и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя, и кто тому не выучится—къ дѣламъ не употреблять“. Цыфирныя школы.

Программа этихъ новыхъ, такъ-называемыхъ „цыфирныхъ“ школъ была весьма проста: дѣти приказныхъ или сторонніе по своей охотѣ поступавшіе въ „цыфирную“ школу, обучались въ ней ариѳметикѣ, формѣ книгъ и различныхъ таблицъ и „всему, что доброму подьячему вѣдать надлежитъ“. Эти „цыфирныя“ школы

впослѣдствіи приказано было соединить съ тѣми, которыя, по требованію „Духовнаго Ратомента", положено было основать при всѣхъ архіерейскихъ домахъ.

Первыя «Вѣдомости».

Одновременно съ первыми указами объ учрежденіи спеціальныхъ училищъ, Петръ озаботился и еще объ одномъ важномъ примѣненіи печатнаго слова, какъ средства къ расширенію умственнаго кругозора русскаго человѣка. 17-го декабря 1703 года царь указалъ: „о всякихъ дѣлахъ, которыя подлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, *печатать куранты*". И вотъ, съ 1703 года, въ Москвѣ стали издаваться куранты подъ заглавіемъ: „*Вѣдомости* о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ".

Планы высшаго образованія.

Заботясь, такимъ образомъ, о введеніи въ Россіи образованія, о пробужденіи въ русскомъ обществѣ потребности къ чтенію и объ удовлетвореніи этой потребности и книгами, и курантами, царь Петръ въ то же время сознавалъ недостаточность всего этого, неполноту и ограниченность того плана, по которому просвѣщеніе проникало и распространялось по Россіи. Онъ видѣлъ на европейскомъ Западѣ, кромѣ низшихъ и среднихъ, еще высшія ученыя учрежденія, тѣсно съ ними связанныя—университеты и академіи, въ которыхъ ученые спеціалисты занимались разработкою высшей науки. Сознавая всю важность подобныхъ учрежденій, онъ, въ то же время, понималъ, что ихъ нельзя цѣликомъ заимствовать съ Запада и перенести къ намъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ Европѣ; поэтому онъ долго и зрѣло обдумывалъ ту форму, въ которой подобныя учрежденія могли бы принести наибольшую пользу Россіи. Въ тѣхъ же видахъ онъ вступалъ въ сношенія съ европейскими учеными знаменитостями, совѣщался съ ними лично и письменно и даже выплачивалъ имъ пожизненныя пенсіи за составленіе плановъ и проектовъ, по которымъ можно было бы ввести въ Россіи высшее образованіе. Въ числѣ такихъ знаменитостей, въ близкихъ сношеніяхъ съ Петромъ состояли двое ученыхъ нѣмцевъ: *Лейбницъ* и ученикъ его, *Христіанъ Вольфъ*. Первый изъ нихъ былъ человѣкъ широко-образованный—энциклопедистъ, по обычаю многихъ ученыхъ того времени, почти въ равной степени знакомый съ философіей, математикой, филологіей и исторіей. По предложенію Петра, который, при первой же встрѣчѣ, наградилъ его чиномъ тайнаго совѣтника и богатою пенсіею, Лейбницъ весьма охотно принялся за составленіе проектовъ и плановъ по вопросу о просвѣщеніи Россіи. Чрезвычайно любопытно, что Лейбницъ предложилъ Петру, въ своемъ проектѣ о внутреннемъ устройствѣ Россіи, все управленіе раздѣлить на девять коллегій, изъ которыхъ одна вѣдала бы

военную часть, другая—юстицію, третья — торговлю и т. д., и, наконецъ, послѣдняя, девятая — *ученая коллегія* — занималась бы исключительно распространеніемъ научныхъ свѣдѣній, заводила бы учебныя заведенія, высшія, среднія и низшія, устраивала бы библіотеки, обсерваторіи, музеи и т. п. При этомъ, какъ на главные центры научнаго образованія, въ которыхъ слѣдовало бы завести академіи, университеты и школы, Лейбницъ указывалъ на Москву, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ. По проекту Лейбница, академіи должны были быть только высшими учебными заведеніями для обученія юношества, и преподаваніе въ нихъ должно было ограничиваться слѣдующими предметами: богословіе, латынь, ѳизика, медицина, хирургія, исторія, естественное и государственное право, астрономія, географія, химія и разные языки.

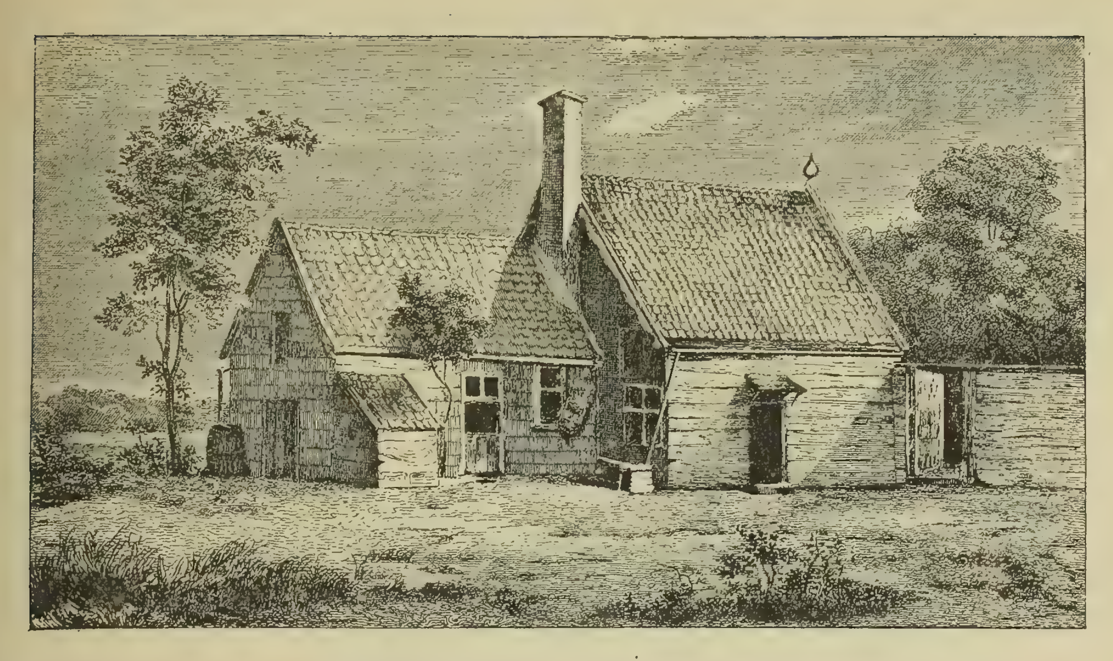
Другой знаменитый ученый, Христіанъ Вольфъ, также былъ энциклопедистомъ и занимался одновременно философіей, физикой, математикой и другими науками. Самъ будучи профессоромъ университета (сначала въ Галле, потомъ въ Марбургѣ), онъ былъ близко знакомъ съ университетскимъ преподаваніемъ и совѣтовалъ Петру заводить въ Россіи не академіи, а университеты, которые, какъ онъ полагалъ, болѣе должны завлекать молодежь къ ученью живостью своего преподаванія.

Собственный планъ Петра.

Но Петръ не послѣдовалъ ни плану Лейбница, ни совѣтамъ Вольфа, а сдѣлалъ по-своему. Принимая въ соображеніе нужды Россіи, онъ выработалъ для Россіи особый и довольно сложный проектъ высшаго учебнаго учрежденія, которое одновременно должно было служить и цѣлямъ научнымъ, и цѣлямъ учебно-образовательнымъ. Въ самомъ концѣ своей жизни, въ указѣ объ учрежденіи академіи наукъ въ С.-Петербургѣ (28 января 1724 г.), великій государь еще разъ выказалъ свой замѣчательный практицизмъ и тонкое пониманіе духовныхъ потребностей современнаго русскаго общества. Приводимъ изъ этого указа важнѣйшее: „Къ распложенію и художествъ и наукъ употребляются обычайно два образа дѣйствія: первый образъ называется университетъ; второй — академія или соціететъ художествъ и наукъ. Понеже нынѣ въ Россіи зданіе къ возращенію художествъ и науки учинено быть имѣетъ, того ради не возможно, чтобы здѣсь слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образцу; но надлежитъ, смотря по состоянію здѣшняго государства, какъ въ разсужденіе обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе учинить, чрезъ которое не токмо слава сего государства для размноженія наукъ по нынѣшнимъ временамъ распространилась, но и черезъ обученіе и распространеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была. При заведеніи простой академіи наукъ обои намѣренья не исполнятся, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ

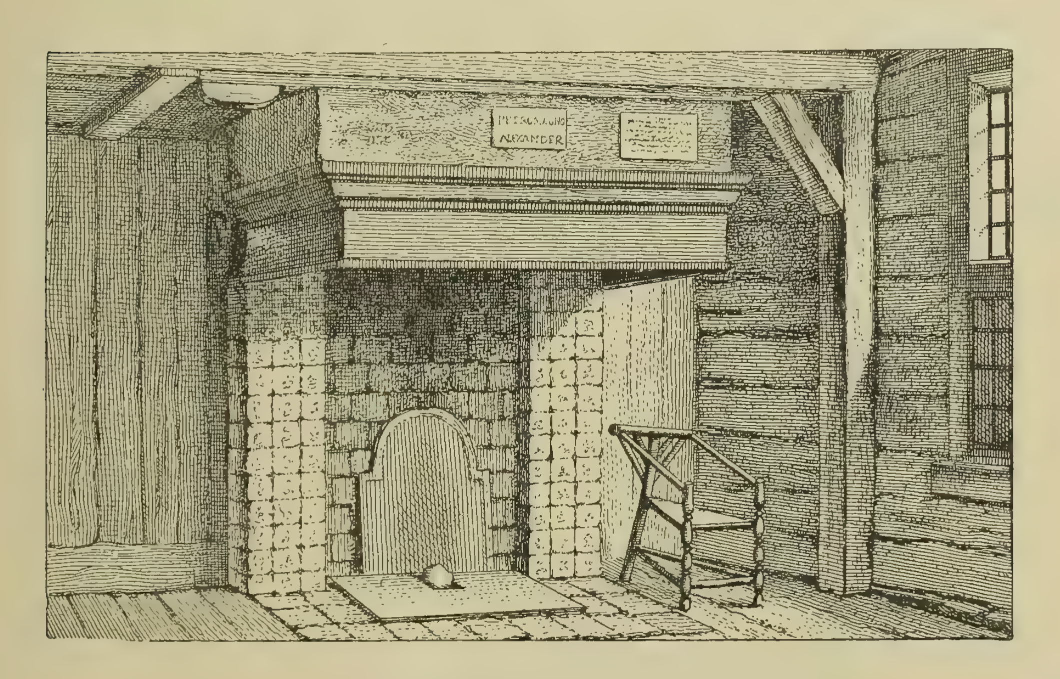
1721

Автографъ Петра Великаго въ зрѣломъ возрастѣ, изъ послѣдняго періода жизни.



Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ. Внѣшній видъ.

состояніи производятся и распространяются, однакоже-де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета—



Тотъ же домикъ Петра Великаго. Внутренній видъ.

меньше того; ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ, нѣтъ, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. Итакъ,

потребнѣе всего, чтобы здѣсь таковое собраніе заведено было, ежели-бъ изъ самыхъ лучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны (т.-е. способны) суть: 1) науки производить и совершить, однакоже-де тако, чтобы они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали и чтобы они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли, и такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ“ [1]).

Такимъ образомъ Петру представлялось возможнымъ выработать для Россіи особый типъ высшаго учено-учебнаго учрежденія, въ которомъ бы, подъ общимъ названіемъ „академіи“, сосредоточены были и подготовительныя для нея среднее и высшее учебное заведеніе. Въ какой степени удачнымъ оказался этотъ замыселъ Великаго Преобразователя Россіи, мы это увидимъ впослѣдствіи, когда намъ придется говорить о первыхъ годахъ существованія академіи наукъ, открытой вскорѣ послѣ кончины Петра; нельзя, однакоже, не признать до нѣкоторой степени вполнѣ законнымъ и справедливымъ желаніе Петра—примѣнить европейское образованіе, при его распространеніи въ Россіи, къ потребностямъ и нуждамъ русскаго народа. Не слѣдуетъ забывать, что, въ томъ обществѣ, среди котораго приходилось жить и дѣйствовать Петру, образованнѣйшіе люди только въ 1717 г. (изъ перевода книги астронома Гюйгенса) впервые получили понятіе о системѣ Коперника.

Цѣли новаго образованія.

Въ заключеніе того, что сказано нами о Петрѣ, какъ главномъ дѣятелѣ Эпохи Преобразованій, замѣтимъ, что, какъ въ понятіяхъ своихъ о потребностяхъ образованія, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ литературѣ, Петръ не преслѣдовалъ никакихъ туманныхъ и отвлеченныхъ цѣлей; напротивъ того, онъ шелъ неуклонно однимъ и тѣмъ же путемъ практицизма и непосредственной пользы, какую можно было извлечь изъ образованія тотчасъ, не ожидая ея отъ далекаго и неизвѣстнаго будущаго. На основаніи такихъ воззрѣній, образованіе представлялось Петру только однимъ изъ средствъ къ тому, чтобы сравняться въ матеріальныхъ силахъ съ сосѣдями, чтобы научиться умѣнью пользоваться природными богатствами Россіи и доставить современному русскому обществу возможность жить съ удобствомъ и достаткомъ. Точно также и литература, свѣтская и духовная, одинаково являлись ему лишь средствомъ къ усиленію, проведенію въ жизнь и оправданію его преобразованій, орудіемъ оборонительнымъ противъ клеветъ и

[1]) Т.-е. академія, университетъ и гимназія.

безсмысленныхъ обвиненій, взводимыхъ иностранцами на Россію, и орудіемъ наступательнымъ противъ внутреннихъ, домашнихъ враговъ: раскольниковъ, ханжей, приверженцевъ старины, невѣжества и застоя. И въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ своей геніальной дѣятельности, Петръ является изумительно-неутомимымъ. Онъ слѣдитъ за переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ, указываетъ, *какъ* ихъ слѣдуетъ переводить и *на что* при переводахъ обращать особенное вниманіе; онъ даетъ проповѣдникамъ тэмы для ихъ проповѣдей и поученій и выправляетъ собственноручно статьи, помѣщаемыя въ „Вѣдомостяхъ“. Подъ его зоркимъ и внимательнымъ наблюденіемъ печатаются и русскія книги для Россіи, и книги на иностранныхъ языкахъ о Россіи, чтобы опровергнуть клеветы враговъ и дать возможность иноземцамъ поближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ новой, преобразованной Петромъ странѣ.

Новыя типографіи.

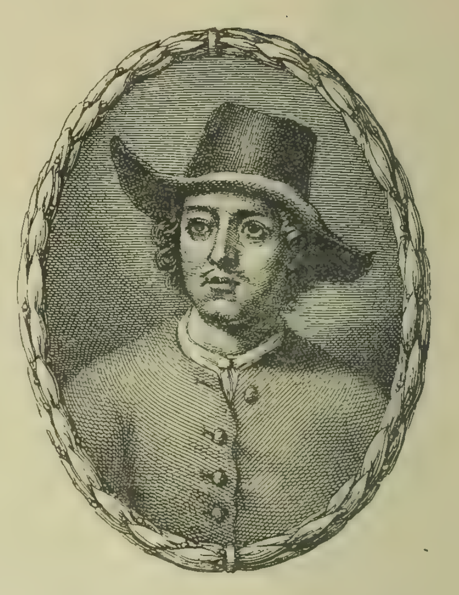
Чтобы дать понятіе о томъ быстро-возрастающемъ значеніи, которое, благодаря Петру, пріобрѣтаетъ въ Россіи книгопечатаніе, достаточно будетъ припомнить здѣсь, что не далѣе какъ въ концѣ XVII вѣка во всей Россіи только и было двѣ типографіи: одна въ Кіево-Печерской лаврѣ, другая въ Москвѣ, на Печатномъ дворѣ. Въ 1711 году появляется *первая типографія* въ Петербургѣ, а съ 1720 года въ той же столицѣ видимъ уже четыре типографіи. Одновременно, въ тотъ же періодъ, и въ Москвѣ является уже не одна, а двѣ типографіи; кромѣ того, новыя типографіи возникаютъ совершенно самостоятельно въ Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Новгородѣ.

Народный театръ.

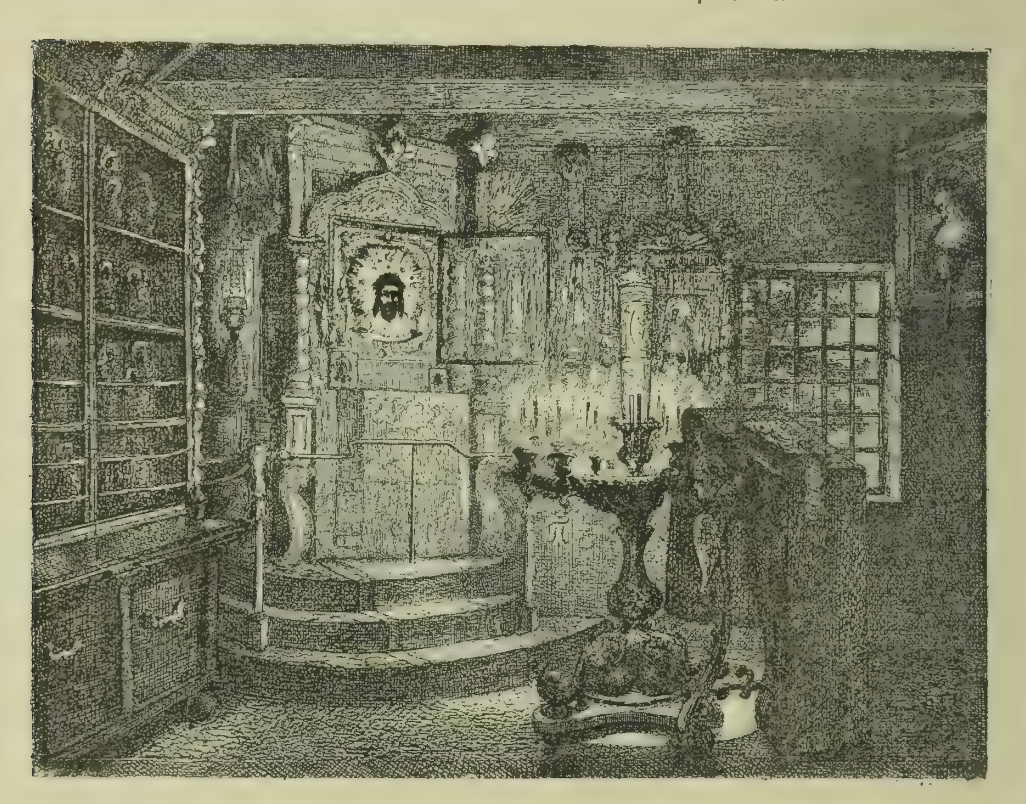
Мы увидимъ далѣе, при обзорѣ различныхъ родовъ и видовъ литературы въ Эпоху Преобразованій, что Петръ не довольствовался только устною проповѣдью и печатною книгою для распространенія своихъ идей въ Россіи: онъ умѣлъ изыскать и иныя средства къ тому, чтобы открыть новымъ понятіямъ наиболѣе удобные и легкіе пути для проникновенія въ массу народа.

Въ числѣ такихъ средствъ не послѣднее мѣсто, по воззрѣніямъ Петра, долженъ былъ занимать и *театръ*, который былъ и забытъ, и заброшенъ по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича. Родной братъ Петра, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, отвращаясь отъ всякихъ „комидійныхъ дѣйствъ“, приказалъ даже (въ 1676 г.) очистить во дворцѣ „палаты, занятыя подъ комедію“. Петръ Великій поступаетъ иначе: не возобновляя театра дворцоваго, домашняго, онъ расширяетъ кругъ дѣйствій театра, даетъ „комидійнымъ дѣйствамъ“ иную публику, иное назначеніе: учреждаетъ *театръ народный*, доступный для всякаго чина людей, для всякихъ „охотныхъ смотрѣльщиковъ“. Мѣсто для новаго театра, по его приказу, избирается самое лучшее, въ центрѣ города, на

Красной площади, близъ такъ называемыхъ „Тріумфіальныхъ избъ“. Въ 1701 году комедіантъ *Иванъ Сплавскій* отправленъ былъ Петромъ за границу и имъ-то въ Данцигѣ заключенъ былъ контрактъ съ содержателемъ одной изъ странствующихъ нѣмецкихъ труппъ, *Іоганомъ Кунштомъ* [1]), и съ іюня 1702 года этотъ новый „Царскаго Величества комидіантскій правитель“ пріѣхалъ въ Москву. Въ началѣ октября того же года собраны были разныхъ приказовъ подьячіе въ Посольскій Приказъ и отданы „подъ началъ“ Куншту „для ученія комидійныхъ дѣйствъ“. Этимъ



Петръ Великій въ одеждѣ голландскаго рабочаго.



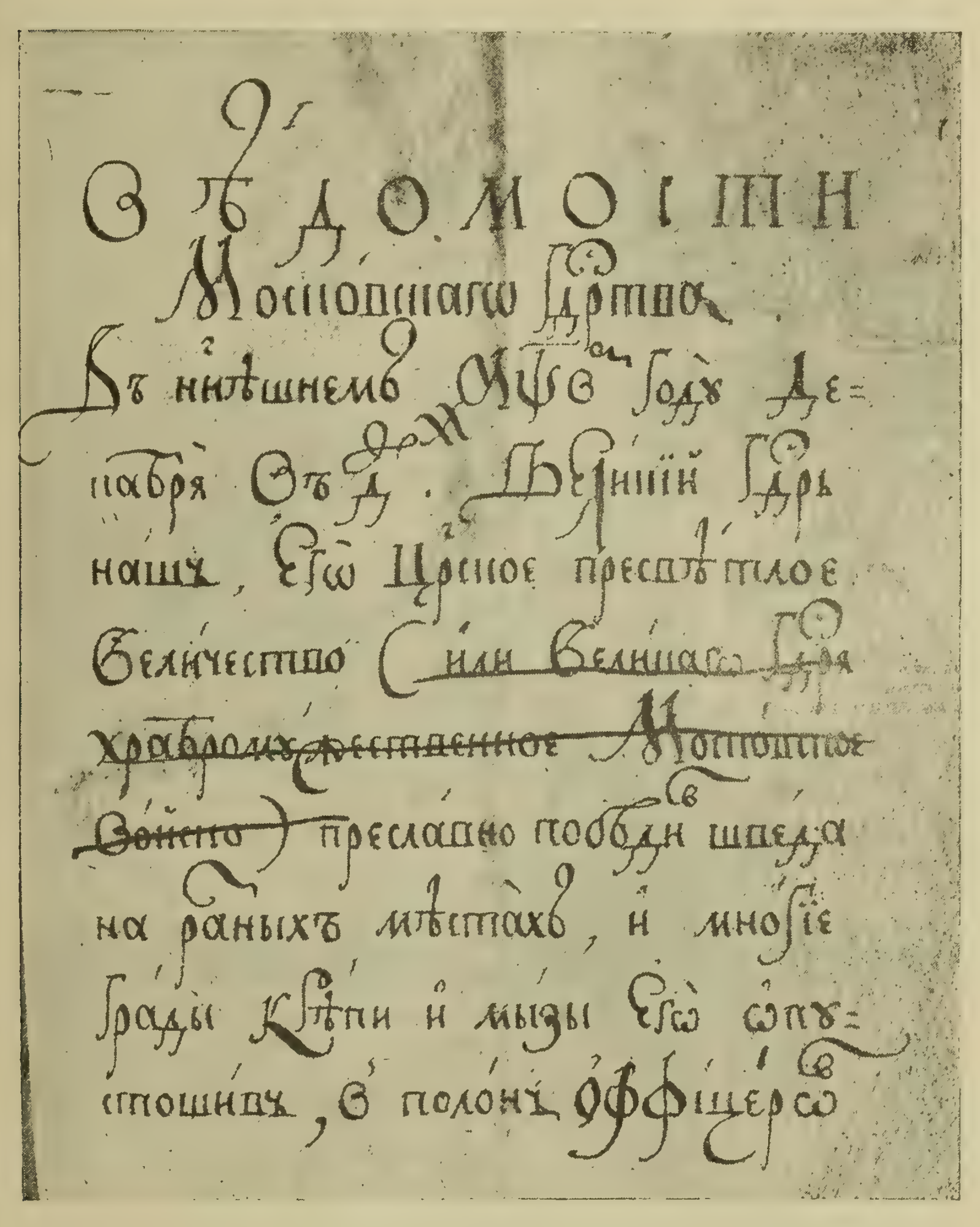
Внутренность домика Петра Великаго въ С.-Петербургѣ, въ настоящее время.

подьячимъ сказанъ государевъ строгій указъ, чтобы они Куншту „были въ ученіи послушны“, а Куншту, въ свою очередь, объяв-

[1]) Іоганнъ Кунштъ вскорѣ умеръ и мѣсто его заступилъ нѣкто Артемій Фюрстъ.

лено, чтобы онъ ихъ „комидіямъ всякимъ училъ съ должнымъ радѣніемъ и со всякимъ откровѣніемъ“.

Русскимъ ученикамъ Кунштa положено было жалованье, „смотря по персонамъ (т.-е. по ролямъ): за кѣмъ дѣла больше, Труппа Кунштa.


Вѣдомости
Московскаго Гсдрства
Въ нынѣшнемъ ҂аѱв годѣ де-
кабря въ д. Великий Гсдрь
нашъ, Єгѡ Црское пресвѣтлое
Величество (~~или Великаго Гсдря~~
~~храбрыхъ [illegible] Московское~~
~~войско~~) преславно побѣди шведа
на разныхъ мѣстахъ, и многїе
грады крѣпки и мызы єгѡ опу-
стошилъ, в полонъ оффицеровъ

Черновые листы первыхъ «Вѣдомостей», хранящіеся въ Типографской библіотекѣ, въ Москвѣ.

тому и дать больше“; и переводчикамъ Посольскаго Приказа была тоже задана работа для возникающаго театра: имъ велѣно было перевести „малыя оперы и комидіи“ Кунштова репертуара, стараясь передавать ихъ „простымъ русскимъ языкомъ, не высо-

кою славянскою рѣчью". Репертуаръ этотъ, заимствованный и отъ французской, и отъ нѣмецкой, и отъ итальянской сцены, былъ очень разнообразенъ: „играли о крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій; Сципій Африканскій или погубленіе королевы Софонизбы; о графинѣ Тріерской Геновевѣ; два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь; порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ; комидія о Баязетѣ и Тамерланѣ". На русской сценѣ всѣ пьесы этого репертуара явились въ свободной обработкѣ, въ которой многое было передано довольно удачно, а иное совершенно искусственно примѣнено къ русскимъ нравамъ, понятіямъ и быту. Камнемъ преткновенія для переводчиковъ оказывались всѣ сцены патетическія и сентиментальныя, всѣ изліянія нѣжныхъ чувствъ, которымъ еще не поддавался мало-обработанный и грубый языкъ русско-славянской книжной прозы. Еще менѣе доступными для перевода оказывались вычурныя, многосложныя заглавія всѣхъ этихъ „на скорую руку" передѣланныхъ для сцены иноземныхъ пьесъ, которыя передавались буквально и часто являлись совершенною безсмыслицей по нашимъ нынѣшнимъ воззрѣніямъ. Таковы заглавія, въ родѣ: „*Докторъ принужденный*" (Medecin malgré lui) или „*Прельщенный любящій или Донъ-Педро, почитанный шляхта*" и, наконецъ, „*Жоделетъ или самый свой тюрмовый заключникъ*" (Jodelet ou le gêolier de soi-même)—могутъ служить весьма любопытными памятниками давно-минувшаго прошлаго, нѣкогда пережитаго русскимъ литературнымъ языкомъ.

Русскія пьесы.

Но Петръ не довольствовался однимъ только переводнымъ репертуаромъ для Кунштовой труппы: онъ желалъ видѣть на русской сценѣ русскія пьесы и притомъ тѣсно связанныя съ русской современностью и дѣйствительностью. По порученію царя, дьяки Посольскаго Приказа требуютъ отъ Куншта, чтобъ онъ „въ скорости, какъ мощно, составилъ новую комедію „*о побѣдѣ и о врученіи великому государю крѣпости Орѣшка*". Въ отвѣтъ на это послѣдовало со стороны Куншта ходатайство къ дьякамъ, чтобы „они дали ему роспись, какъ обложеніе совершилось, закрытыми именами генераловъ и градъ называть"... Вѣроятно такимъ же образомъ созданы были и двѣ другія современныя пьесы: „*Преславное торжество освободителя Ливоніи и присоединеніе къ Россіи Ингерманландіи*" [1]), „*Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе*", въ которой весьма подробно представлена побѣда надъ шведами при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы и т. п.

Не довольствуясь даже и этими заказными пьесами, въ родѣ

---

[1]) Пьесы эти были сочинены префектомъ московской славяно-греко-латинской академіи, *Іосифомъ Туробойскимъ*.

только-что помянутыхъ, Петръ не пренебрегалъ и произведеніями болѣе грубой формы для того, чтобы выставить на общее осмѣяніе тѣ типы современной, общественной и народной жизни, которые подвергались съ его стороны суровымъ, неумолимымъ преслѣдованіямъ. Для этой цѣли, между дѣйствіями пьесъ, представляемыхъ на народной сценѣ, вставлялись „*интерлюдіи*“ или, какъ онѣ назывались на современномъ литературномъ языкѣ, „*между-врошенныя забавныя игралища*“. Въ этихъ интерлюдіяхъ на сцену выводились раскольники, съ ихъ постояннымъ пристрастіемъ къ внѣшнимъ сторонамъ стариннаго русскаго быта, дьячки, оплакивающіе дѣтей, отправляемыхъ въ семинарію, безграмотные ставленники, добивающіеся мѣста незаконными путями, подьячіе, ловящіе въ мутной водѣ рыбу и т. п. Эти интерлюдіи настолько любопытны по общему своему складу и по тѣмъ чертамъ быта и эпохи, которыя въ нихъ сохранились, что заслуживаютъ серьезнаго изученія не только какъ первые образцы грубой площадной сатиры, служившей орудіемъ правительству для его спеціальныхъ цѣлей, но и вообще какъ первыя попытки набросать нѣчто въ родѣ цѣлаго ряда сценъ и очерковъ изъ жизни такихъ слоевъ общества, которые до Петровскаго времени никогда не привлекали къ себѣ вниманія литературы. Интерлюдія.

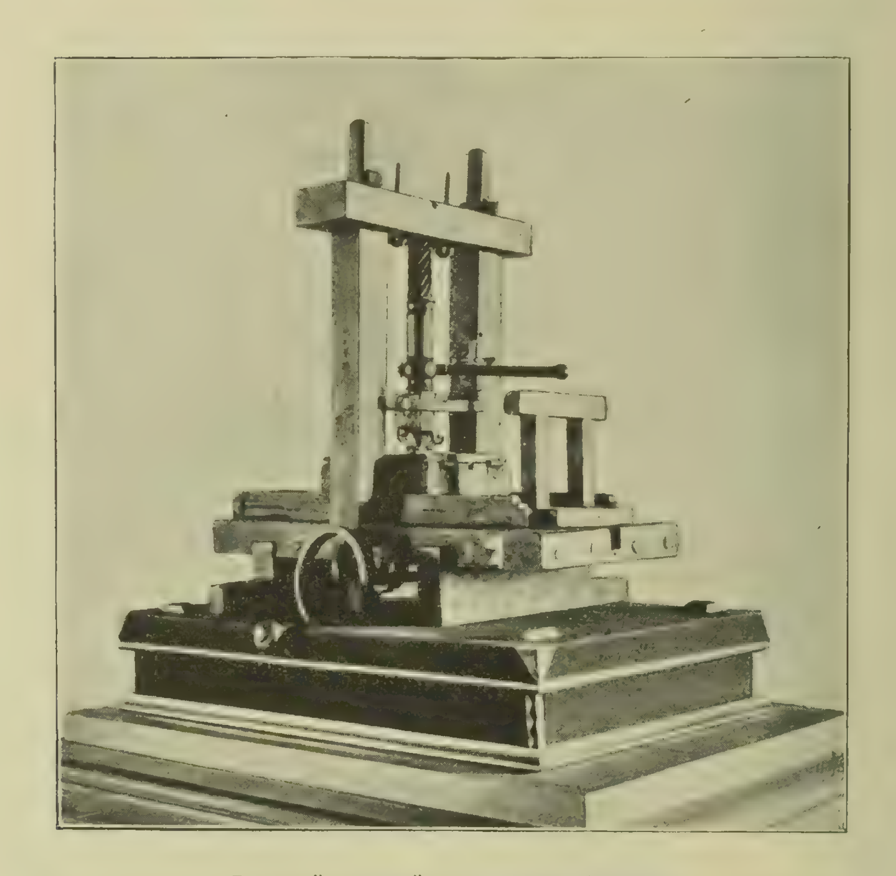
Приведемъ изъ этихъ интерлюдій небольшіе отрывки, которые могутъ ознакомить нашихъ читателей съ общимъ характеромъ этого рода произведеній.

Вотъ, напримѣръ, какъ сѣтуетъ на свою судьбину раскольникъ, приведенный въ ужасъ новыми порядками петровскаго времени:

«Какъ-то нынѣ люди увязли глубоко,
Какъ-то жить въ мірѣ несносно и жестоко.
Послѣднія-бо времена, видимъ, что приспѣли,
Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцевъ антихриста зрѣли.
Подобаше ему пріити на землю, когда нашу стару вѣру попрали
Никонщики проклятые, свою же нѣкую новую незнаемо откуду взяли
И не только вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну
Попрали, но и платье долгое уже премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы,—
И тоё они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ:
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ, яко облезьяны.
Вмѣсто главныхъ волосъ, носятъ паруки, будто нѣмцы поганы...
Куда убѣгнешь отъ строящихъ раздоры
Нашей вѣрѣ старой:—въ воду и горы!»

Въ той же интерлюдіи, въ другой сценѣ, подьячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять дѣтей его въ семинарію. Дьячокъ, конечно, въ отчаяніи и старается ихъ отстоять всѣми силами:

Дьячокъ. Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ меня дѣтей они лишаютъ
И въ семинарію на муку отбираютъ.
Пожалуй, батюшка, умилосердись надъ нами,
Напиши, пожалуй, что они не годны лѣтами.



Походный печатный станокъ Петра Великаго.

Подьячій соглашается и беретъ съ дьячка пятнадцать рублей взятки, какъ вдругъ является *другой подьячій*, и говоритъ:

Ты еще здѣсь, съ дьячкомъ тѣмъ, изволишь балакать;
А намъ, право, тамъ лишь плакать;
Ужъ третью промеморію изъ семинаріи прислали,
Чтобъ вы скорѣе ихъ (т. е. дѣтей дьячка) сыскали.

Первый подьячій. Ну, братъ, какъ-нибудь свободи его дѣтей.
Второй. Боюсь, за это, вѣдь, въ приказѣ схватишь плетей!
Ну, дьячокъ, давай ихъ скоряя,
Нимало не отлагая.

а б в г д е ж ѕ з и і к л м н
ӑ б в г д ё ӂ ѕ з и ї к л м н
А Б В Г Д Е Ж Ѕ З И І К Л М Н

о о п р с т ѹ у ф х ѿ ц ч ш щ
О п р с т ȣ у ф х ѿ ц ч ш щ
О п р с т у ф х ц ч ш щ

ъ ы ь ѣ є ю ѻ ѧ ѡ ы ѯ ѱ ѳ ѵ
ъ ы ь ѣ э ю ѻ ѧ ѯ ѱ ѳ ѵ
ъ ы ь ѣ э ю я ѳ ѵ

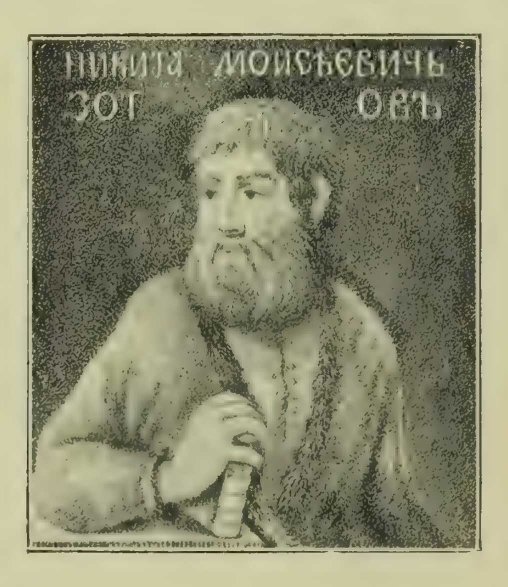
Прототипъ гражданскаго шрифта, гравированный, по заказу Петра Великаго, Петромъ Пикаромъ.

Дьячокъ. Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда!
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проклятую серимарію на муку обираютъ:
О, мои дѣтушки сердечныя:
Не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное.
Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
Того же числа киселемъ задавиться и въ воду утопиться.

О, мои милыя дѣтушки
И бѣлыя лебедушки!
Лучше бы васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ семинарію на муку отдалъ.

Первый подьячій. О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дождаться;
Пора ужъ намъ къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай добрый человѣкъ,
Дай тебѣ Богъ множество лѣтъ;
И впредь, пожалуй, знайся съ нами,
Съ подьячими и приказными строками. *(Уходятъ).*

Эти небольшія сценки, не лишенныя своеобразнаго юмора и написанныя съ знаніемъ народнаго быта и нравовъ, должны были, несомнѣнно, въ однихъ вызывать смѣхъ, въ другихъ негодованіе, и, во всякомъ случаѣ, побуждали задумываться надъ многими явленіями современной жизни, побуждали обсуждать ихъ съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ, театръ, по справедливому замѣчанію профессора Тихонравова, „долженъ былъ служить Петру тѣмъ же, чѣмъ была для него (съ другой стороны) горячая, искренняя проповѣдь Ѳеофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснить всенародному множеству истинный смыслъ дѣяній Преобразователя“ [1]).



Дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, обучавшій Петра Великаго грамотѣ.

[1]) Тихонравовъ. Первое пятидесятилѣтіе русской исторіи. М. 1873 г. Стр. 14.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Средства и способы новаго просвѣщенія, внесеннаго Петромъ.—Перенесенныя къ намъ научныя и общеобразовательныя сочиненія иноземныя.— Усиленная типографская дѣятельность.—Проявляющаяся любовь къ собиранію печатныхъ книгъ.

Несомнѣнною и осязательною гранью древняго періода русской словесности можно назвать тотъ знаменательный 1701 годъ, когда боярину *Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину* указано было вѣдать домъ св. патріарха, архіерейскіе дома и монастырскія дѣла. Тогда же черезъ него было указано, чтобы и „монахи въ кельяхъ, наединѣ, ничего не писали, и ни чернилъ, ни бумаги не держали: а если что и занадобится писать, то писали бы въ трапезной, съ дозволенія начальства, по преданію древнихъ отецъ". Такимъ образомъ, со времени изданія въ свѣтъ этого указа, старинная русская рукописная литература фактически перестала существовать. Между тѣмъ, новая, книжная литература только-что начинала зарождаться, и великій преобразователь Россіи, задумавъ и литературой воспользоваться какъ однимъ изъ орудій для приведенія въ дѣйствіе своихъ плановъ, спѣшилъ создать эту новую литературу, спѣшилъ пополнить ее полезными и необходимыми книгами, хотя бы переводными, за неимѣніемъ оригинальныхъ. Знаніе языковъ Петръ цѣнилъ чрезвычайно; изученіе новѣйшихъ языковъ считалъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ образованія и могущественнымъ орудіемъ для внесенія въ отечественную литературу обильнаго запаса новыхъ и полезныхъ знаній. Одною изъ цѣлей, ради которыхъ онъ заботился объ учрежденіи Академіи Наукъ въ Россіи, являлось именно изученіе языковъ и дѣятельность переводческая [1]). Конецъ лѣтописямъ.

Знаніе языковъ иностранныхъ было весьма мало распространено у насъ въ до-Петровской Руси. Изучались языки только тѣми, кто нуждался въ знаніи языковъ по самой должности своей, т.-е. *толмачами* (или присяжными переводчиками) Посольскаго Приказа; хотя и въ ихъ средѣ, главнымъ образомъ, преобладало знаніе латинскаго языка, общаго дипломатическаго языка того времени. Петръ не замедлилъ ихъ знаніями воспользоваться, и былъ ихъ переводами настолько доволенъ, что слогъ ихъ даже ставилъ въ образецъ другимъ переводчикамъ (преимущественно духовнаго званія). Такъ одному изъ переводчиковъ отъ имени Государя было передано, чтобы онъ исправилъ свой переводъ „не высокими словами славянскими, но простымъ русскимъ языкомъ. Высокихъ Толмачи Посольскаго Приказа.

---

[1]) «Учинить Академію» —такъ писалъ Петръ въ своемъ указѣ 28 января 1724 г.— «въ которой бы *учились языкамъ*, также прочимъ наукамъ, извѣстнымъ художествамъ и *переводили бы книги*».

ГЕОМЕТРІА

СЛАВЕНСКІ

ЅЕМЛЕМѢРІЕ

Іѕдадеся новотипографскимъ тиснениемъ.

повелѣниемъ благочестивѣишаго великаго государя нашего царя, і великаго княѕя,

Петра Алексіевича,

Всея великия. і малыя і бѣлыя россіи самодержца.

при благороднѣишемъ государѣ нашемъ царевичѣ і великомъ княѕѣ

АЛЕКСІИ ПЕТРОВИЧѢ.

Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ.

Въ лѣто мироѕдания 7216. Отъ рождества же по плоти бога слова 1708. Індикта перваго. мѣсяца Марта.

Титульный листъ первой книги, отпечатанной новымъ гражданскимъ шрифтомъ.

ПРІКЛАДЫ
КАКО ПІШУТСЯ
КОМПЛЕМЕНТЫ
разные на немецкомъ языкѣ,
то есть пісанія
ОТЪ ПОТЕНТАТОВЪ
КЪ ПОТЕНТАТОМЪ,
поздравітелные і сожалѣтелные, і іные:
Такожде между сродніковъ
і пріятелеі.

Переведены съ Немецкого на Россіискіі языкъ
напечатаные повелѣніемъ благочесті-
вѣішаго великого Государя Царя,
І великого Князя

ПЕТРА АЛЕКСІЕВІЧА

Всея великія і малыя і бѣлыя Россіі
самодержца.

Прі благороднѣішемъ Государѣ царевічѣ,
і великомъ Князѣ

АЛЕКСІІ ПЕТРОВІЧѢ.

Въ царствующемъ великомъ Градѣ Москвѣ.
Лѣта Господня 1708. Апрілліа.

Титульный листъ второй книги, отпечатанной новымъ гражданскимъ шрифтомъ.

словъ славянскихъ—класть не надобеть, но *посольскаго приказа употреби слова*". Въ числѣ толмачей Посольскаго Приказа бывали и поляки, и другіе иноземцы. Такъ, въ царствованіе Петра, серьезныя услуги были оказаны русской словесности толмачами: *Говзинскимъ*, по рожденію полякомъ, грекомъ *Николаемъ Спафаріемъ* и голландцемъ Андреемъ Виніусомъ, который настолько хорошо зналъ языкъ русскій, что государь поручалъ ему лично не только переводы книгъ, но еще и выправку чужихъ переводовъ. Второе мѣсто за толмачами занимали духовныя лица (воспитанники Кіевской и Московской Академіи) и справщики типографіи; всѣ они знакомы были съ языкомъ латинскимъ, на которомъ въ то время еще писались ученыя сочиненія, и съ языкомъ польскимъ. Къ этому разряду переводчиковъ относились многіе весьма дѣятельные труженики въ этой области литературной: *Гавріилъ Бужинскій*, *Симонъ Кохановскій*, *Ѳеофилактъ Лопатинскій*, *Ѳеофилъ Кроликъ* (знавшій, кромѣ латинскаго языка, еще и языкъ нѣмецкій). Въ число переводчиковъ включены были Петромъ и *братья Лихуды*, которымъ онъ давалъ книги для перевода и въ бытность ихъ Москвѣ, и тогда, когда они переселились изъ Москвы въ Новгородъ, чтобы тамъ основать свое училище; замѣтимъ кстати, что эти ученые греки, кромѣ своего родного и латинскаго языка, знали еще и языкъ итальянскій [1]).

Видное мѣсто между переводчиками занимали справщики типографій, для которыхъ знакомство съ древними языками было обязательно. Наиболѣе дѣятельными въ числѣ ихъ были *Ѳедоръ Поликарповъ* и *Барсовъ*—оба сначала бывшіе справщиками, а потомъ управляющими московской типографіей. Для усовершенствованія переводчиковъ въ ихъ искусствѣ, Петръ, не жалѣя средствъ, отправлялъ ихъ за границу: такъ Ѳеофилъ Кроликъ, Леонтій Воейковъ и ученики славяно-латинской московской школы — *Анюхинъ*, *Козловскій* и *Суворовъ*—были отправлены Петромъ въ Прагу, въ томъ предположеніи, что западнымъ славянамъ, постоянно вращавшимся между европейцами, новѣйшіе языки должны быть болѣе знакомы и потому они легче могутъ научить имъ русскихъ людей.

Когда же, въ 1720 году, учрежденъ былъ Св. Сѵнодъ, представлявшій собою духовную ученую коллегію, то Петръ и членовъ этого учрежденія обязалъ участвовать въ его излюбленной переводческой дѣятельности, и имъ посылалъ чрезъ Ѳеофана Прокоповича книги для перевода, съ указаніями, что̀ именно изъ тѣхъ книгъ слѣдовало выпустить и на что въ нихъ обратить преиму-

---

[1]) Еще до своего перваго путешествія за границу, Петръ прослышалъ, что братья Лихуды частнымъ образомъ обучаютъ философіи, латинскому и итальянскому языкамъ (кромѣ своего преподаванія въ Московскомъ греко-латинскомъ училищѣ), и тотчасъ повелѣлъ, чтобъ у Лихудовъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и иныхъ чиновъ.

щественно вниманіе. Такъ, напримѣръ, при переводѣ одного нѣмецкаго сочиненія о хлѣбопашествѣ, выправленнаго самимъ Петромъ, сохранилось и слѣдующее собственноручное его и весьма характерное примѣчаніе:

„Понеже нѣмцы многими разсказами негодными книги свои наполняютъ только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и выше реченный разговоръ, чтобы не праздной ради красоты, а для вразумленія и наставленія о томъ чтущему былъ, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“.

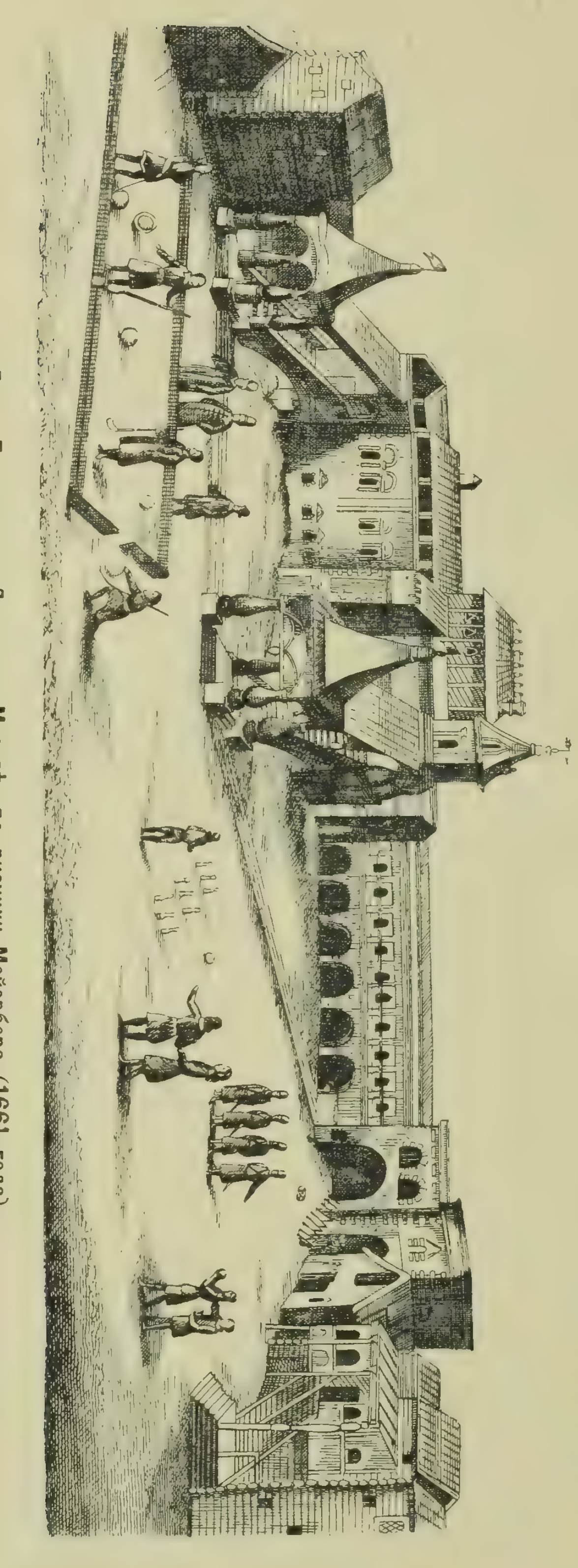
Указъ о переводахъ.

Но этого мало; Петръ не только самъ интересовался всѣмъ, что переносилось съ иноземной почвы на русскую, не только самолично принималъ участіе въ значительной долѣ всего переводимаго съ иностранныхъ языковъ, — онъ постоянно, днемъ и ночью, въ трудахъ и на досугѣ [1]), думалъ о томъ, что̀ еще бы слѣдовало перевести для пользы „чтущихъ“, и даже рѣшился внести въ переводческую дѣятельность строгія правила, подчинить ее извѣстнымъ весьма разумнымъ условіямъ. Эти условія, или, лучше сказать, наставленія переводчикамъ изложены были въ особомъ указѣ, изданномъ въ 1724 году. Въ указѣ этомъ, — который начинается съ заявленія, что переводчики „зѣло нужны для перевода книгъ, а особливо для художественныхъ“ (то-есть спеціально-научныхъ или техническихъ), — встрѣчаемъ указаніе на то, что къ переводческой дѣятельности слѣдуетъ тщательно подготовлять дѣятелей. Подготовленіе это должно было состоять въ слѣдующемъ: „которые умѣютъ языки, а художества не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ, а которые умѣютъ художеству, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ“. Это уже цѣлая теорія, и притомъ совершенно правильно-выработанная на опытѣ, который указываетъ, что „никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть (о немъ) правильно не можетъ“...

При такой ревностной заботливости о распространеніи полезныхъ сочиненій въ средѣ обновленнаго русскаго общества, царь Петръ бывалъ чрезвычайно радъ и доволенъ, если и помимо его, по замыслу частнаго человѣка и безъ всякой казенной поддержки, являлись какіе-нибудь переводы классическихъ произведеній и

---

[1]) Сохранилось любопытное извѣстіе, что однажды, *среди свадебнаго веселья* (на свадьбѣ князя П. Голицына), Петръ обратился къ Мусину-Пушкину, и спрашивалъ его: «почему до сихъ поръ не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній? Книга небольшая, а такъ мѣшкаете»,—замѣтилъ государь.



Видъ Посольскаго Двора въ Москвѣ, по рисунку Мейербера (1661 года).

ученыхъ трудовъ. Такъ сохранилось извѣстіе, что графъ Брюсъ, одинъ изъ близкихъ къ Петру и весьма образованныхъ современниковъ, переводилъ „многія къ знанію нужныя книги" съ англійскаго и нѣмецкаго языка. Рядомъ съ нимъ встрѣчаемъ имена и другихъ вельможныхъ переводчиковъ: князя *Ивана Андреевича Щербатова*, который перевелъ сочиненіе Джона Лоу: *„Деньги и Купечество"*; графа *Петра Андреевича Толстого*, потрудившагося надъ переводомъ *„Метаморфозъ"* Овидія и графа *Андрея Матвѣева*, который перевелъ въ сокращенномъ видѣ обширную *„Церковную Исторію"* Баронія.

Благодаря неистощимой энергіи царя Петра и усердному рвенію многихъ изъ его современниковъ, переводная литература, въ короткій періодъ времени, возросла до весьма значительнаго объема, и по качеству переведенныхъ книгъ представляла собою даже весьма цѣнный литературный вкладъ, прочную основу для будущихъ самостоятельныхъ трудовъ русскихъ образован-

ныхъ людей. Вообще говоря, переводная литература Петровскаго времени отличалась большимъ разнообразіемъ; въ нёй видимъ по нѣскольку капитальныхъ сочиненій, заимствованныхъ весьма толково и осмотрительно изъ различныхъ областей знанія. Тутъ видимъ сочиненія по юриспруденціи и исторіи права, по политикѣ, по исторіи и географіи [1]—и все это представляетъ собою для Петровскаго времени то, что мы привыкли называть *послѣднимъ словомъ науки*. Рядомъ съ сочиненіями научными и обще-образова-

Посольская изба на Посольскомъ дворѣ, въ которой происходили черезъ толмачей переговоры съ иноземными послами (по рисунку Олеарія).

тельными переводились и другія, очевидно предназначавшіяся для легкаго и занимательнаго чтенія и для назиданія юношества въ правилахъ общежитія и свѣтскихъ приличій. Сюда относятся, на-

[1]) Изъ многаго укажемъ на важнѣйшее: *Гуго Гроція: «О законахъ брани и мира»; Самуила Пуффендорфа: «О законахъ естества и народовъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина»; Николая Вернуллія: «Установленій политическихъ книги»; Іоанна Слейдена: «О четырехъ великихъ монархіяхъ»; Стратемана: «Ѳеатронъ или Позоръ историческій»; Мавра Орбини: «О славянахъ»; Гюйгенса: «Книга мірозрѣнія»*, изъ которой впервые русскіе люди ознакомились съ системою Коперника; *Филиппа Клюверія: «Введеніе въ географію древнюю и новую»* (въ шести томахъ); *Бернгарда Вереннія «Всеобщая географія»; Іоанна Гибнера: «Краткіе вопросы по новой географіи»; Аполлодора: «Библіотека о богахъ»; Квинта Курція: «О дѣлахъ, содѣланныхъ отъ Александра Великаго, царя Македонскаго»;* и т. д.

примѣръ, „*Притчи Эзопа*“ и *Ватрахоміомахія*“ (т.-е., бой мышей и лягушекъ), напечатанная въ 1700 году въ Амстердамѣ, съ гравюрами; „*Исторія о раззореніи Трои*“, изданная въ Москвѣ въ 1709 году; „*Апоѳегмата*“, т.-е., *краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги* (Москва, 1716 годъ). Для насъ, въ числѣ этихъ книгъ особенно любопытны двѣ, имѣющія значенія кодексовъ свѣтскихъ приличій для Петровскаго времени. Первая изъ нихъ подъ заглавіемъ: „*Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ*“ — пользовалась большимъ значеніемъ и успѣхомъ въ современномъ обществѣ. Вторая: „*Приклады, како пишутся комплементы*“, т.-е., „посланія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительныя и сожалительныя и иныя, такожде между сродниковъ и пріятелей“ (Москва, 1708 г.)— должна была служить руководствомъ для всякаго рода письменныхъ сношеній, вызываемыхъ общественными отношеніями.

Книги эти были переведены съ нѣмецкаго, по желанію Петра, который не мало заботъ прилагалъ даже и къ тому, чтобы придать русскимъ людямъ пріемы и внѣшность современныхъ европейцевъ, и грубые пріемы междулюдскихъ отношеній замѣнить болѣе тонкими и приличными.

Первые учебники.

Рядомъ съ этими переводными сочиненіями научнаго, общеобразовательнаго и иного характера, пополнялся и весьма еще скудный у насъ запасъ книгъ учебныхъ новыми переводными учебниками и компиляціями, составленными по иностраннымъ источникамъ. Въ числѣ ихъ видимъ книги по исторіи [1]), по грамматикѣ славянской и латинской [2]), по математикѣ и географіи. Очень видное мѣсто между этими учебниками занимаетъ учебникъ ариѳметики, составленный уже извѣстнымъ намъ *Леонтіемъ Магницкимъ*.

Этотъ учебникъ вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведена и воедино собрана и на двѣ книги раздѣлена. Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена*“. Первое изданіе этого учебника вышло въ свѣтъ въ 1703 году, и отъ всѣхъ того же рода книгъ, прежде изданныхъ, отличалось тѣмъ, что въ немъ впервые числа были обозначены арабскими цифрами, а не славянскими буквами [3]).

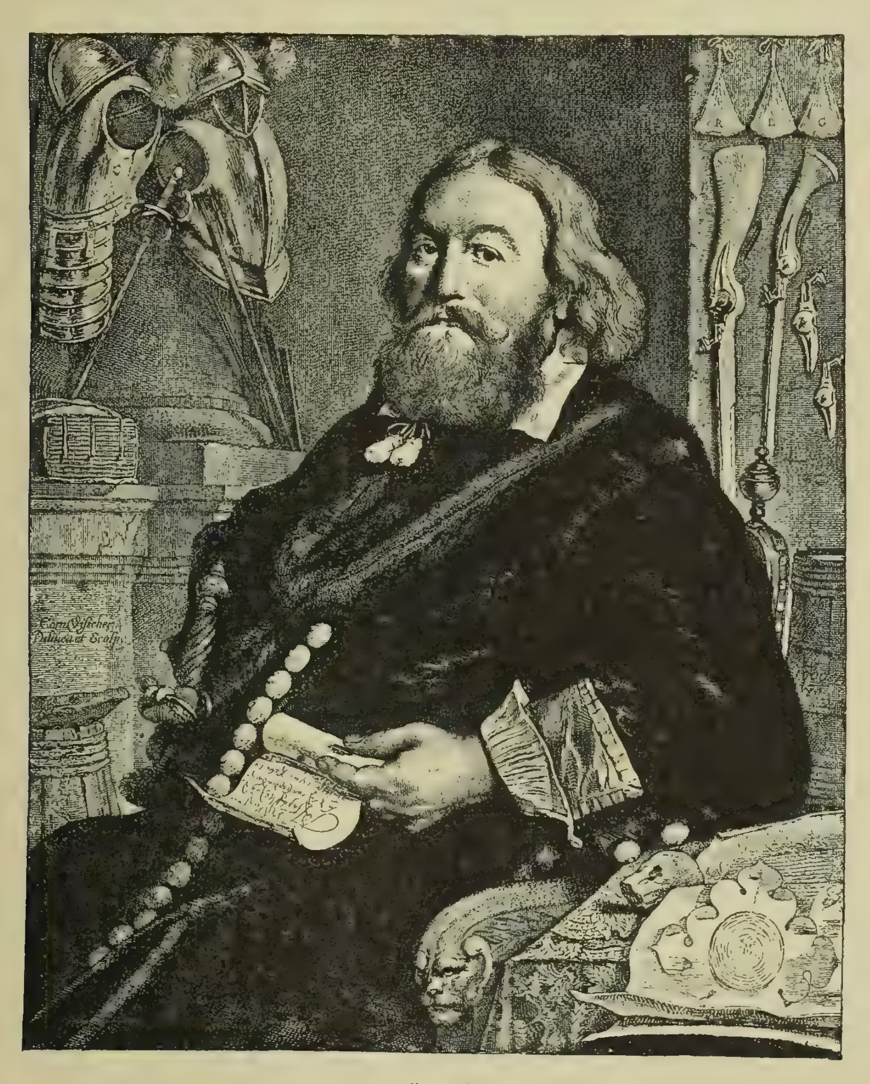
---

[1]) Переводные учебники по исторіи не могли, однакоже, помѣшать тому, что «Синопсисъ» Инокентія Газіеля былъ дважды изданъ при Петрѣ,—такъ быстро сталъ возрастать спросъ на учебныя книги.

[2]) Въ основу учебниковъ грамматическихъ полагалась грамматика Смотрицкаго.

[3]) Очень любопытна виньетка на заглавномъ листѣ этой книги. Она изображаетъ храмъ, на которомъ по-еврейски начертано имя Божіе. Внутри храма — женщина въ коронѣ, съ ключомъ въ рукѣ, изображающая ариѳметику. Къ ея трону ведутъ пять ступеней:

Размножались книги — а вмѣстѣ съ ихъ размноженіемъ начинала проявляться и любовь къ собиранію ихъ, къ составленію обширныхъ библіотекъ. Сохранились современныя свидѣтельства, изъ которыхъ узнаемъ о прекрасной библіотекѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына; о цѣнной и тщательно составленной



Андрей Виніусъ.

библіотекѣ графа Брюса; о значительныхъ собраніяхъ книгъ Виніуса и вице-канцлера Шафирова; о богатыхъ и обширныхъ библіотекахъ митрополита новгородскаго Өеофана Прокоповича и

счисленія, сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія. Портикъ храма съ надписями: «тщаніемъ» и «ученіемъ» поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, навигаціей, географіей и архитектурой. Внизу надпись: «Ариөметика что дѣетъ, на столпахъ то все имѣетъ».

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

историка Татищева. И въ этой области опять встрѣчаемся съ заботами Петра, который зналъ цѣну даже и книжнымъ сокровищамъ. Въ началѣ 1723 года Сѵнодъ получилъ отъ него указъ— „напечатать немедленно и представить ему каталогъ рукописей

Петръ Великій, въ зрѣломъ возрастѣ. Гравюра Губракена.

Патріаршей библіотеки [1]), составленный Скіадою"; весною 1724 г. новый указъ: „содержать библіотеку отдѣльно отъ ризницы патріаршей, а не купно съ нею имѣть, какъ прежде сего донынѣ было". Не этимъ-ли заботамъ Великаго Преобразователя обязаны мы тѣмъ, что эта драгоцѣнная библіотека сохранилась неприкосновенною и до настоящаго времени?

Виньетка Петровскаго времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кіевскіе ученые въ Москвѣ.—Ихъ значеніе и роль въ реформѣ Петра. — Стефанъ Яворскій.—Его проповѣдническая дѣятельность.—Сочувствіе реформамъ и опасеніе за Церковь.—Шаткость положенія во главѣ Сvнода.—Сочиненія Стефана.

Петръ, занятый своею обширною и разностороннею преобразовательною дѣятельностью, прекрасно понималъ значеніе духовенства въ глазахъ народа и весьма усердно искалъ среди него людей, на которыхъ онъ могъ бы опереться съ нѣкоторою увѣренностью. Но онъ зналъ, что среди духовенства московскаго, относившагося къ реформамъ и новшествамъ съ нескрываемою непріязнью, онъ не найдетъ для себя пригодныхъ людей; и онъ сталъ искать между тѣми, которые въ Москвѣ не пользовались ни доброю славою, ни уваженіемъ московскаго духовенства, и даже заподозрѣвались въ пристрастіи то „къ папежскому духу", то „къ люторскому и калвинскому". Однимъ изъ такихъ пригодныхъ людей показался Петру игуменъ Никольскаго Пустынскаго монастыря *Стефанъ Яворскій*, котораго кіевскій митрополитъ Варлаамъ прислалъ въ Москву, къ патріарху Адріану, для посвященія во епископы во вновь учрежденную епархію Переяславскую [2]). Здѣсь-то, въ Москвѣ, Петръ увидѣлъ Стефана, услышалъ

[1]) Съ учрежденіемъ Сvнода, патріаршая библіотека была наименована Сvнодальною.
[2]) Переяславля Южнаго, впослѣдствіи Полтавской губерніи.

его проповѣдь при погребеніи боярина А. С. Шеина, и сразу рѣшилъ, что такого ученаго и краснорѣчиваго духовнаго оратора полезно будетъ всегда имѣть подъ руками. Рѣшеніе это привело къ тому, что Петръ велѣлъ патріарху поставить Стефана въ архіереи одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Это было въ началѣ 1700 года. Весною того же года очистилось мѣсто митрополита рязанскаго, и Стефанъ былъ возведенъ въ этотъ санъ по волѣ государя. Переведенный въ тотъ же годъ изъ Рязани въ Москву, онъ былъ назначенъ государемъ, въ званіи „протектора", начальникомъ московской Славяно-греко-латинской академіи, въ которой, какъ мы уже видѣли выше, произвелъ значительныя улучшенія и ввелъ всѣ порядки Кіевской-Могилянской академіи.

Стефанъ Яворскій (род. 1658 г., ум. 1722 г.) воспитаніе получилъ сначала въ Кіевской академіи, а потомъ дополнялъ свое образованіе въ польскихъ школахъ, во Львовѣ и Познани. Возвратясь въ Кіевъ, онъ поступилъ въ монахи и былъ сначала проповѣдникомъ при церквахъ, а потомъ преподавателемъ въ Академіи и даже префектомъ ея. Изъ различныхъ современныхъ свидѣтельствъ и отношенія къ нему современниковъ, мы можемъ заключить, что Стефанъ былъ человѣкъ способный и знающій, и что онъ умѣлъ свои знанія выставить въ выгодномъ свѣтѣ, такъ что многіе считали его весьма ученымъ знатокомъ въ области Св. Писанія и въ твореніяхъ Св. Отцовъ. Такому выгодному мнѣнію о Стефанѣ много способствовалъ прекрасный даръ слова, которымъ онъ искусно умѣлъ пользоваться. Объ этомъ сохранилось любопытное свидѣтельство одного изъ современниковъ, который былъ прямымъ противникомъ мнѣній Стефана и котораго потому, понятно, можно считать вполнѣ безпристрастнымъ въ его похвалахъ, обращенныхъ къ Стефану; а между тѣмъ онъ прямо говоритъ: „что витійства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли, ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ въ ученіи слушателей привесть плакать или смѣяться, которому (т. е. ученію, поученію) движеніе его тѣла и рукъ, помаваніе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала" [1]). Біографія Стефана.

Вполнѣ довѣряя этому современному свидѣтельству, притомъ же еще высказанному недоброжелателемъ Стефана, мы, однакоже, полагаемъ, что, вѣроятно, эти внѣшніе пріемы, о которыхъ онъ говоритъ и которые считаетъ „природнымъ даромъ" Стефана, какъ духовнаго оратора, придавали особенную красоту

[1]) Такъ пишетъ о Стефанѣ анонимный авторъ «*Молотка*» — книги, заключающей въ себѣ возраженія противъ знаменитаго «*Камня Вѣры*», написаннаго Стефаномъ Яворскимъ.

и силу убѣдительности его проповѣдямъ. Въ сущности же, дошедшія до насъ проповѣди Стефана ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ проповѣдей кіевскихъ проповѣдниковъ и не поражаютъ никакими особенными красотами, никакою силою мысли, никакимъ искреннимъ паѳосомъ. Всѣ онѣ написаны умно, складно, по установленнымъ въ кіевской школѣ правиламъ и образцамъ: всѣ переполнены аллегоріями, сравненіями, уподобленіями, къ которымъ Стефанъ Яворскій добавляетъ еще одну новую черту — страсть къ каламбурамъ, къ игрѣ словъ, иногда весьма натянутой и искусственной, и даже нѣсколько нарушающей гармонію общаго плана проповѣди, какъ произведенія духовнаго ораторства.

Стефанъ о Петрѣ.

Проповѣди Стефана Яворскаго въ теченіе многихъ лѣтъ очень нравились Петру, несмотря на свой, нѣсколько вычурный панегирическій характеръ, нравились, можетъ-быть, потому, что Петръ вѣрилъ въ искренность Стефана, и видѣлъ, что Стефанъ, дѣйствительно, многому въ его дѣятельности сочувствуетъ и понимаетъ его замыслы и намѣренія лучше нѣкоторыхъ изъ числа приближенныхъ къ нему людей. И нельзя не отдать справедливости этому духовному оратору: мѣстами въ его проповѣдяхъ находились прекрасно подмѣченныя черты личности Петра и очень вѣрныя характеристики его дѣятельности. Такъ, въ одномъ изъ своихъ словъ онъ говоритъ:

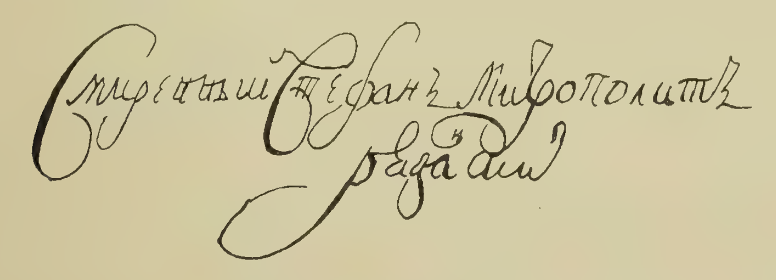
„Петръ нашъ Россійскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толикія тяжести, толикія работы, рабомъ прикладныя на себѣ носитъ. А титла какія? Къ титламъ пресвѣтлымъ царскимъ сердца не прилагаетъ, но простыми воинскими титлами—ово солдатомъ, ово поручикомъ, ово маіоромъ, ово капитаномъ—велитъ себя нарицать... Смотрите, каково его прилежаніе въ наученіи воинскаго чина? Самъ, сущи монархъ, аки единъ отъ солдатъ, вси воинскія и наименьшія степени переходилъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри на корабли, галеры, флоты, кои его промысломъ и рукодѣліемъ построены! Смотри прилежно на его рукодѣліе—чѣмъ упражняется? Монархъ сый, яко единъ отъ работникъ—дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя рукодѣльства: сами по рукамъ его царскимъ мозоли свидѣтельствуютъ“. Выставляя здѣсь на видъ трудолюбіе царя, въ другой, подобной же проповѣди, Стефанъ такъ изображаетъ его простоту въ жизни и обхожденіи со всѣми:

„Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ и піетъ, спитъ, сидитъ, любовнѣ бесѣдуетъ: аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, яки-

Современное гравированное изображеніе Стефана Яворскаго.

лица наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами какъ отецъ съ чадами, — и больше реку: — аки братъ съ братіею житіе свое проводитъ".

Петру нравились проповѣди Стефана, выхвалявшаго его побѣды, его громкія дѣянія, свойства его души и живыя черты его характера, и онъ часто и щедро (по свидѣтельству самого Стефана) награждалъ его за эти проповѣди, хвалилъ и повышалъ Петръ и Стефанъ.



Автографъ Стефана Яворскаго.

быстро по ступенямъ церковной іерархіи, хотя отъ его прозорливости, конечно, не ускользала нѣкоторая двойственность въ дѣятельности (можетъ-быть, даже въ самой натурѣ) Стефана... Онъ возвышаетъ его до первостепеннаго значенія въ Россійской іерархіи: назначаетъ его, по смерти патріарха Адріана, „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“; но не даетъ ему власти, постоянно ограничиваетъ его зоркимъ наблюденіемъ боярина Мусина-Пушкина, поставленнаго видѣть Монастырскій Приказъ. И Стефанъ это чувствуетъ, и тяготится своимъ невѣрнымъ и ненадежнымъ положеніемъ во главѣ Церкви, тяготится и тѣмъ, что ему приходится, скрѣпя сердце, соглашаться на такія „новшества“ въ управленіи Церковью, которымъ онъ самъ не можетъ сочувствовать и которымъ не въ силахъ противиться... Въ результатѣ получается нѣчто весьма странное. Стефанъ, осыпанный милостями государя, состоявшій въ частной перепискѣ съ Петромъ, подписывающійся подъ своими посланіями къ царю не иначе, какъ *„вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій“*—въ то же время избѣгаетъ встрѣчи съ Петромъ, когда тотъ зоветъ его на житье въ Петербургъ, выражаетъ постоянное недовольство своимъ положеніемъ и грозитъ все бросить и посхимиться... И послѣдняя угроза представляется всѣмъ въ такой степени вѣроподобною, что бояринъ Мусинъ-Пушкинъ видитъ себя вынужденнымъ всѣмъ архимандритамъ и священникамъ предписать, чтобы никто Стефана „не схимилъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія!“ Открыто объясниться съ Петромъ, вступить съ нимъ въ какія бы то ни было пререканія — Стефанъ не чувствовалъ въ себѣ ни смѣлости, ни силы; не чувствовалъ себя способнымъ и открыто стать на сторону царя... И только разъ въ жизни онъ измѣнилъ свою молчаливую, пассивную оппозицію на открытую и явную: въ извѣстной проповѣди 17 марта 1712 г. дозволилъ онъ себѣ открыто порицать мѣропріятія правительства (назначеніе фискаловъ), намеками порицать даже и дѣйствіе самого Петра и высказать, какъ бы наперекоръ ему, явныя симпатіи къ нелюбимому царемъ наслѣднику престола, царевичу Алексѣю Петровичу. Но чуть только на эту „предику“ было обращено вниманіе царя, Стефанъ перепугался, смутился и поспѣшилъ униженно молить о прощеніи писаніемъ, *„слезами, а не чернилами писаннымъ“*... И умолилъ, и сохранилъ положеніе, но въ рукахъ его осталась только тѣнь власти, и самое значеніе его сократилось до-нельзя, потому что въ это время уже былъ найденъ человѣкъ, котораго такъ долго искалъ и желалъ найти Петръ: Ѳеофанъ Прокоповичъ входилъ уже въ великую силу и громкую славу.

Напрасно было бы, однакоже, думать, что та двойственность Стефана, о которой мы упоминали выше, была въ немъ основана

на лукавствѣ, лицемѣріи или двоедушіи. Нѣтъ! Стефанъ является намъ постоянно искреннимъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и самъ прозорливый Петръ, не ошибаясь на его счетъ, убѣжденъ въ его искренности. Но Стефанъ — типическій представитель того тяжелаго, переходного времени, въ которое онъ жилъ. Онъ не можетъ не изумляться Петру, онъ преклоняется передъ его величіемъ и не въ силахъ примириться съ суровыми, а подчасъ и жестокими пріемами его дѣятельности. Онъ сочувствуетъ многимъ его реформамъ, но только не въ области церковной, въ которую Петръ вторгается такъ безпощадно, не обращая вниманія ни на какія традиціи, ни на какіе обычаи и уставы... И вотъ, не смѣя вступить съ нимъ въ борьбу и мучаясь своимъ малодушіемъ, Стефанъ искренно хочетъ уйти отъ міра и его соблазновъ, и покоряется только силѣ и непреклонной волѣ монарха, и „оставляетъ свое схимническое житіе, которое обѣщалъ Господу Богу на смертной постели лежачи: хотя и ужасно было сломити обѣтъ, однакоже монаршей волѣ не дерзалъ противиться"... И въ этихъ словахъ—исповѣдь всей его жизни.

Стефанъ Яворскій, кромѣ проповѣдей своихъ, оставилъ два весьма обширныхъ труда, которые, хотя и принадлежатъ по содержанію къ области богословія, но, по своей тѣсной связи съ Эпохою Преобразованія, имѣютъ и важное историко-литературное значеніе. Такое именно значеніе имѣютъ два сочиненія Стефана Яворскаго: „*Знаменія пришествія Антихриста и кончины міра*" и „*Камень вѣры*" [1]). Труды Стефана.

Первое изъ этихъ сочиненій было вызвано тѣми толками и слухами, которые распространялись въ народѣ раскольниками и другими злонамѣренными людьми, утверждавшими, будто приблизилась уже кончина міра и Антихристъ пришелъ на землю въ лицѣ царя Петра. Второе явилось вскорѣ послѣ осужденія Тверитинова (на соборѣ 1713 г.), распространявшаго по Москвѣ новую ересь, происшедшую подъ непосредственнымъ вліяніемъ протестантизма и кальвинизма.

Но написать объемистую книгу и собрать въ ней ученые доводы въ опроверженіе заблужденій иновѣрцевъ и въ предостереженіе русскимъ людямъ было гораздо легче, нежели напечатать ее, такъ какъ во главѣ печати стоялъ строгій и разумный цензоръ—самъ царь Петръ. Разсмотрѣвъ книгу Стефана, Петръ не допустилъ ее печатать, опасаясь того, что масса иноземцевъ, занимавшихъ важныя должности и необходимыхъ ему при его преобразованіяхъ—обидятся нападками Стефана на ихъ религіоз-

---

[1]) Полное заглавіе этого труда слѣдующее: «*Камень вѣры православно-каѳолическія Восточныя Церкви сынамъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе*».

Автографы современниковъ Петра: В. В. Голицына, А. Виніуса, Я. Брюса, И. Гизеля, Блюментроста, И. Копіевскаго, В. Татищева, В. Ясинскаго, Ѳ. Прокоповича.

ныя вѣрованія и книга вызоветъ задорную и нежелательную полемику, въ которой обѣ стороны должны будутъ коснуться вопросовъ весьма щекотливыхъ. Въ результатѣ разсмотрѣнія книги Петромъ получился одинъ непреложный выводъ: печатанье книги было бы не современнымъ... И книга осталась подъ спудомъ, на горе тѣмъ, которые, впослѣдствіи, вздумали ее напечатать [1]).

Стефанъ перенесъ эту неудачу съ глубокимъ огорченіемъ, которое пришлось затаить въ сердцѣ. Поставленный въ положеніе весьма почетное, но совершенно безправное, ограничиваемый

Столпъ цркве восточныѧ, истинны ревнитель,
въ рωссіи патріарша престола блюститель.
СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ силенъ мужъ дѣломъ и словомъ
Пастыремъ дωбрымъ образъ, честь, и бгословωмъ.
Стѣнь лица егω плоти, можеши здѣ зрити
а оума невозможе хитрость изъявити
ω смерте неисцѣлнω ты насъ оуязвила,
егда сего предивна мужа оумертвила
Грыдорова Іва Зубовъ

Стихотворная надпись къ современному портрету Стефана Яворскаго.

не одною только волею Государя, но и волею Сената, который, до учрежденія Св. Сунода, вѣдалъ многими церковными дѣлами, Стефанъ очутился въ положеніи еще худшемъ послѣ учрежденія Св. Сунода. Повидимому, онъ былъ главою этого новаго учрежденія; но рядомъ съ собою на засѣданіяхъ сунодскихъ онъ долженъ былъ видѣть своего злѣйшаго врага — всесильнаго Ѳеофана Прокоповича, и на каждомъ шагу подчиняться тому „*Духовному регламенту*", который былъ отъ первой и до послѣдней строки написанъ Ѳеофаномъ. Жизнь при такихъ условіяхъ была Стефану

---

[1]) Мы не упоминаемъ о его чисто-богословскомъ трактатѣ: «Отвѣтъ Сорбоннской академіи о соединеніи Церквей». О его полемикѣ съ Ѳеофаномъ будетъ упомянуто далѣе.

въ тягость, и душа его постоянно волновалась за грозящія православной Церкви невзгоды.

„Корабль церкви и всего отечества христіанскаго въ морѣ міра сего страждетъ волны бѣдъ“, — такъ восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. — „День отъ дне въ силахъ своихъ изнемогая, близъ есть сокрушенія и потопленія, развѣ самъ Господь,

Одинъ изъ видовъ кораблей, гравированныхъ П. Пикаромъ для Петра Великаго.

ходяй по морю, въ помощь пріидетъ и запретитъ вѣтрамъ и морю, и тишину сотворитъ: той бо обнадежилъ Церковь свою святую, яко врата адова не одолѣютъ ее“.

Питаясь только этою надеждою, онъ тихо скончался, и смерть была для него послѣднимъ утѣшеніемъ. По кончинѣ его, то званіе „мѣстоблюстителя патріаршаго престола“, которое онъ носилъ, было упразднено, и, вмѣстѣ съ этимъ званіемъ, отжили свой вѣкъ всякія притязанія нашего духовенства на „патріаршество“. Новоучрежденный Сѵнодъ полновластно и безповоротно вступилъ въ свои права по управленію Церковью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ и его значеніе въ кругу дѣятелей Эпохи Преобразованій.— Ѳеофанъ, какъ проповѣдникъ и истолкователь идей Петра. — Просвѣтительная дѣятельность Ѳеофана и «Духовный регламентъ».—Ѳеофанъ въ періодъ реакціи.

Если мы назвали Стефана Яворскаго типическимъ представителемъ переходной эпохи отъ старо-московскихъ порядковъ и понятій къ новымъ порядкамъ и понятіямъ, внесеннымъ Эпохою Преобразованій, то самымъ яркимъ выразителемъ этой эпохи слѣдуетъ, конечно, назвать того врага и соперника Стефанова, который разомъ выдвинулся изъ среды духовенства въ самый блестящій періодъ царствованія Петра и, поразивъ всѣхъ блескомъ своего обширнаго, гибкаго ума и силою своего таланта, сразу занялъ первенствующее мѣсто въ кругу лицъ, приближенныхъ къ Великому Преобразователю. Этотъ противникъ Стефана, этотъ искренній другъ Петра и его реформъ былъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ*.

Біографія Ѳеофана.

Онъ родился въ Кіевѣ 7-го іюня 1681 г., и происходилъ изъ купеческаго сословія. Воспитаніемъ его занимался дядя его, по имени тоже Ѳеофанъ Прокоповичъ, занимавшій мѣсто ректора въ Кіевской академіи. Его-то имя, можетъ-быть изъ признательности, и принялъ впослѣдствіи юный Прокоповичъ при поступленіи въ монастырь (въ мірѣ онъ назывался Елеазаромъ). Во время пребыванія его въ кіевскихъ школахъ и въ академіи, Прокоповичъ поражалъ всѣхъ своихъ наставниковъ необычайною даровитостью, живымъ и острымъ умомъ и ненасытимою жаждою знанія. Эта жажда знанія повлекла его и далѣе академіи. Подобно многимъ другимъ своимъ сверстникамъ, онъ пожелалъ отправиться за границу и поступить въ польскія школы. Съ этою цѣлію онъ долженъ былъ принять Унію, такъ какъ православныхъ въ польскія школы не принимали... Но и тамъ Прокоповичъ не нашелъ себѣ удовлетворенія, и вскорѣ, черезъ славянскія земли, черезъ сѣверную Италію, пробрался въ отчизну наукъ и искусствъ—въ Римъ. Здѣсь онъ поступилъ въ знаменитую коллегію св. Аѳанасія, которую папа Григорій XIII учредилъ со спеціальною цѣлью воспитанія молодыхъ людей изъ грековъ и славянъ въ духѣ католической Церкви. Преподавателями въ коллегіи были іезуиты— и Прокоповичъ до конца своей жизни вспоминалъ о нихъ съ любовію и признательностью. Всѣ они полюбили живого, веселаго и высокоталантливаго юношу. Они отличили его отъ всѣхъ его товарищей за его чрезвычайныя способности къ наукамъ и открыли ему доступъ во всѣ библіотеки, гдѣ молодому ученому удалось вдоволь „насладиться книжною сладостью“. Здѣсь-то, въ Римѣ—

центрѣ католическаго міра—Прокоповичъ запасся громадною богословскою ученостью и усвоилъ себѣ блестящее классическое образованіе; здѣсь же собралъ онъ и обильный матеріалъ для правдивой оцѣнки „папежскаго духа“, и, можетъ-быть, потому именно навѣки остался заклятымъ врагомъ Рима.

Около 1702 года Прокоповичъ вернулся въ Кіевъ, былъ разрѣшенъ отъ всякихъ связей съ Уніей, постриженъ въ монахи и принятъ въ Академію преподавателемъ, сначала піитики и рето-

Современный, гравированный портретъ Ѳеофана Прокоповича.

рики, затѣмъ философіи, съ званіемъ префекта, и, наконецъ, богословія — уже въ должности ректора Академіи. При этомъ, не довольствуясь существующими учебниками, онъ самъ составлялъ учебники по преподаваемымъ имъ предметамъ и написалъ трагикомедію „*Владиміръ*“, представленную студентами Академіи 3 іюля 1705 г. Послѣднее произведеніе замѣчательно уже по той смѣлости, съ которой авторъ отрѣшился отъ обязательныхъ въ его положеніи сюжетовъ библейскихъ и предпочелъ имъ сюжетъ, заимствованный изъ отечественной исторіи; кромѣ того, по выработкѣ нѣкоторыхъ выведенныхъ въ ней характеровъ, эта пьеса

стоитъ далеко выше всѣхъ современныхъ ей школьныхъ драмъ. И насколько Ѳеофанъ Прокоповичъ явился оригинальнымъ въ этой своей драмѣ, настолько же оригинальнымъ явился онъ и въ своемъ преподаваніи, въ которомъ сумѣлъ отрѣшиться отъ схола-

Латинскій автографъ Ѳеофана Прокоповича.

стическихъ пріемовъ и отъ польско-католическихъ образцовъ и учебниковъ и въ основу своего изложенія положилъ труды новѣйшихъ протестантскихъ богослововъ.

Встрѣча съ Петромъ.

Первое знакомство съ Петромъ произошло въ 1706 г., когда, во время пребыванія царя въ Кіевѣ, Ѳеофанъ привѣтствовалъ его

горжественной рѣчью, въ которой панегирикъ Петру былъ очень ловко связанъ съ воспоминаніями изъ отечественной исторіи, для которыхъ кіевскіе памятники служили благодарною почвою. Въ концѣ рѣчи, онъ очень тонко польстилъ Петру, выставивъ на видъ простоту его жизни и одежды, и постоянное отвращеніе отъ роскоши. „Множае удивляемся величеству твоему“, — такъ закончилъ рѣчь Ѳеофанъ:—„видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы виденъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество-бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрости и удивленія достойныхъ дѣлахъ...“

Петръ, вѣроятно, замѣтилъ и запомнилъ молодого и энергичнаго проповѣдника; но только три года спустя, обратилъ на него серьезное вниманіе, когда Ѳеофанъ привѣтствовалъ царя другимъ торжественнымъ поздравительнымъ словомъ, двѣ недѣли спустя послѣ Полтавской побѣды (въ іюлѣ 1709 года). Всѣмъ слушателямъ особенно понравилось въ этомъ словѣ чрезвычайно ловко и красиво вставленное въ немъ сближеніе Петра съ библейскимъ Сампсономъ... [1]) „Яко иногда (т. е. нѣкогда) Сампсонъ въ растерзанномъ отъ себя львѣ обрѣте пчелы и медъ, и усладився отъ него... Подобно и тебѣ, пресвѣтлѣй монархо, Божіимъ благословеніемъ случися: растерзалъ еси, аки вторый Сампсонъ, мужественнѣ льва Свейскаго — и се убо обрѣтаеши въ немъ сладкій нектаръ... Се и на тебѣ Сампсоново гаданіе исполняется: „отъ ядущаго изыде ядомое“, — отъ того, иже пожре бяше отеческія твои земли и многихъ народовъ пожре имѣнія, имѣеши ядомое, толикій и толь дивный воинства его плѣнъ, и всѣ пребогатыя корысти. *Отъ крѣпкаго изыде сладкое*—понеже крѣпкій и страшный непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость“. „Слово“ Ѳеофана такъ понравилось Петру, что онъ велѣлъ немедля напечатать его на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ русскими, польскими и латинскими стихами, которыми отовсюду привѣтствовали побѣдителя [2]).

Ѳеофанъ въ Яссахъ.

Съ этого времени Петръ уже не выпускалъ Ѳеофана изъ виду, и всѣмъ стало ясно, что онъ хочетъ приблизить къ себѣ этого умнѣйшаго человѣка и талантливѣйшаго писателя, одинаково искусно и сильно умѣвшаго владѣть и перомъ, и живою рѣчью. Въ 1711 году, во время несчастливаго Прутскаго похода,

[1]) Прокоповичъ воспользовался тѣмъ, что Полтавская битва происходила въ день св. Сампсонія.

[2]) Для характеристики Ѳеофана не мѣшаетъ замѣтить, что онъ, при случаѣ, не забылъ и сильнаго любимца царскаго, Меньшикова, и ему, въ томъ же году, посвятилъ особое похвальное слово.

Петръ вызывалъ Ѳеофана въ Яссы, гдѣ 27-го іюля, въ день воспоминанія Полтавской битвы, Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь. Когда же, пять лѣтъ спустя, Петръ рѣшился окончательно привести въ исполненіе давно назрѣвшіе уже въ его умѣ важныя церковныя реформы, онъ выписалъ Ѳеофана изъ Кіева на постоянное пребываніе въ новой столицѣ, и съ этой минуты Ѳеофанъ пошелъ быстро и неуклонно своимъ путемъ — къ тому высокому назначенію, котораго онъ былъ вполнѣ достоинъ по уму, талантамъ и громадному своему образованію—и еще болѣе по своему страстному и безкорыстному увлеченію тѣмъ великимъ дѣломъ, которому Петръ посвящалъ всю свою жизнь и всѣ свои силы.

Хотя Ѳеофанъ прибылъ въ Петербургъ въ отсутствіе царя, совершавшаго въ это время свое второе путешествіе за границу, хотя и встрѣченъ онъ былъ духовенствомъ весьма недружелюбно—однакоже, онъ, не смущаясь ничѣмъ, тотчасъ принялся за дѣятельность проповѣдническую. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ являлся скорѣе свѣтскимъ ораторомъ, нежели духовнымъ проповѣдникомъ, такъ какъ въ основу ихъ онъ обычно избиралъ изложеніе и разъясненіе современныхъ политическихъ вопросовъ и событій, а также дѣйствій и мѣропріятій правительства и даже видовъ и предположеній его на будущее время. Все это, конечно, было вполнѣ согласовано съ намѣреніями Петра и, въ то же время, было такъ тонко и превосходно изложено, что многое, послѣ проповѣдей Ѳеофана, дѣйствительно представлялось для большинства болѣе яснымъ и болѣе понятнымъ, и проповѣди эти, по отношенію къ современности, имѣли такое важное значеніе, что каждая изъ нихъ тотчасъ же отдавалась въ печать и пересылалась государю за границу. Ѳеофанъ въ столицѣ.

Въ 1718 году, несмотря на открытое противодѣйствіе всего высшаго духовенства и самого Стефана Яворскаго, Ѳеофанъ, по приказанію Петра, возведенъ былъ въ епископы Псковскіе. Незадолго передъ тѣмъ онъ (по поводу прискорбнаго дѣла царевича Алексѣя Петровича) сказалъ свою знаменитую проповѣдь „*о власти и чести царской*“, въ которой сурово укорялъ въ „папежскомъ духѣ“ тѣхъ своихъ противниковъ, которые обвиняли его передъ Петромъ въ „кальвинской ереси“... Ѳеофанъ проводитъ въ своей проповѣди ту мысль, что всѣ сословія въ государствѣ должны быть подчинены и подсудны Государю, и прибавляетъ многозначительно:

„Многіе мыслятъ, что не всѣ весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіе выключаются, именно же: священство и монашество. Се тернъ, или паче рещи, жало; но жало се зміино есть — папежскій се духъ, невѣмъ, какъ-то досягающій и

51*

касающійся насъ. Священство-бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство (въ государствѣ)".

Трудъ Ѳеофана

КАЛЕНДАРЬ
или
МѢСЯЦОСЛОВЪ
На лѣто отъ рождества Господа нашего Іисуса Хрїста, 1722.
указующїи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертми.
Також де время солнечнаго восхожденія и захожденія. долгоденствїе и долгонощїе на всякїи день.
учиненныи по меріdіану, и ширінѣ царствующаго санктъпітербурха.

ѣ санктъпітербургской тїпографїи, лѣта Господня, 1721. Декемврїа въ день.

Титульный листъ перваго русскаго календаря.

Въ этомъ „словѣ" уже ясно видны намеки на подготовляемыя Петромъ важныя реформы въ церковномъ устройствѣ. Въ головѣ Петра уже созрѣлъ около этого времени планъ духовной коллегіи, которой предстояло замѣнить единоличную власть патріарха; и вотъ, въ 1719 году онъ поручаетъ Ѳеофану въ высшей степени трудное дѣло — составленіе устава для будущей духовной коллегіи, который Ѳеофанъ и составляетъ подъ общимъ заглавіемъ „*Духовнаго Регламента*". Современники передаютъ относящійся къ этому времени слѣдующій разговоръ Петра съ Ѳеофаномъ. Петръ спрашивалъ: „скоро ли нашъ патріархъ поспѣетъ (т.-е. регламентъ)?" Ѳеофанъ отвѣчалъ: „скоро; я дошиваю ему рясу".—„А у меня ужъ и шапка для него готова", добавилъ Петръ.

Въ январѣ 1721 года „Регламентъ", по пунктамъ исправленный и дополненный Петромъ, былъ изданъ при манифестѣ, въ которомъ выяснялись поводы къ учрежденію Св. Сѵнода и сущность новаго устройства Церкви. Когда же Св. Сѵнодъ былъ учрежденъ, то (въ 1721 году) Ѳеофанъ былъ назначенъ вторымъ его членомъ [1]), а въ сущности, сталъ во главѣ

[1]) Первымъ былъ предсѣдатель Св. Сѵнода, Стефанъ Яворскій.

Изображенія отдѣльныхъ мѣсяцевъ (Марта, Апрѣля, Іюня и Сентября) со знаками зодіака, гравированными для календаря.

всего церковнаго управленія. Какъ велики были въ это время сила и значеніе Өеофана, это можемъ видѣть изъ той чрезвычайно-рѣзкой проповѣди, которую Өеофанъ произнесъ въ присутствіи государя, по случаю открытія дѣйствій Св. Сѵнода (14 февраля 1721 года). Безпощадно порицая все управленіе церковное до-петровскаго времени, онъ позволялъ себѣ въ этой проповѣди самыя рѣзкія нападки и на современное состояніе духовенства.

Календарная картинка, изображающая въ какіе мѣсяцы слѣдуетъ производить кровопусканіе изъ той или другой части тѣла.

„До того пришло,—говорилъ Өеофанъ,—что пріемшіе власть—наставляти и учити людей,—сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолъ млекомъ нарицаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ та мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ, ученія бѣсовскія предаютъ, и въ преданіи бабьимъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и основательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженіе вмѣсто возмездія пріемлетъ“...

Послѣ смерти Стефана, въ 1724 г., Өеофанъ былъ возведенъ въ архіепископа Новгородскаго и остался въ этомъ санѣ до самой своей кончины (въ 1736 году).

Послѣ кончины Петра.

Кончина Петра была несомнѣнно величайшимъ горемъ, какое пришлось въ жизни испытать Өеофану, потому что Петръ представлялся ему идеаломъ человѣка и царя, и его преданность Петру и дѣяніямъ Петра была безгранична. Обливаясь искренними, нелицемѣрными слезами, Өеофанъ надъ гробомъ Петра сказалъ знаменитое похвальное слово почившему Государю и всѣхъ присутствующихъ растрогалъ своею рѣчью, которую началъ словами:

„До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? *Петра Великаго погребаемъ*! Виновникъ безчисленныхъ благополучій, потѣхъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ такую силу и славу, или паче—рождшій и воспитавшій—прямый отечества отецъ, скончалъ жизнь“.

Өеофану пришлось пережить еще три царствованія, въ теченіе которыхъ „дѣлу Петрову“ неоднократно угрожала большая опасность... Къ чести Өеофана надо сказать, что онъ и въ са-

мыхъ трудныхъ обстоятельствахъ не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ; при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ оставался все тотъ же, что былъ и при Петрѣ Великомъ, и одинъ вынесъ на плечахъ своихъ введенныя въ Русскую Церковь преобразованія. Одинокій среди ожесточенныхъ враговъ, онъ сдѣлался цѣлью ихъ злобныхъ клеветъ, доносовъ и обвиненій всякаго рода и защищался отъ нихъ, какъ умѣлъ, иногда не разбирая средствъ... Онъ самъ на нихъ доносилъ, самъ обвинялъ ихъ въ противозаконныхъ стремленіяхъ, въ государственной измѣнѣ, въ потворствѣ ересямъ—и предавалъ ихъ судьбу въ руки той страшной „тайной

Бумага

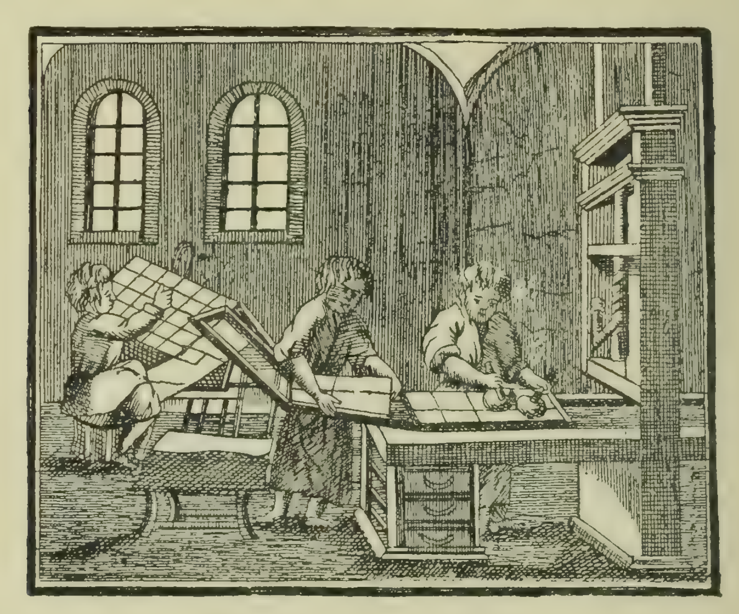
Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая бумажное производство.

канцеляріи", въ которую они тщетно пытались упрятать своего изворотливаго и хитраго врага. Многіе осуждаютъ Ѳеофана за такой способъ дѣйствій и называютъ его „позорнымъ", но, кажется, упускаютъ изъ вида, какое ужасное время приходилось переживать Ѳеофану, который, только благодаря своему необычайно гибкому уму, могъ и самъ уцѣлѣть, и „дѣло Петрово сберечь отъ непрестанно грозившаго ему уничтоженія".

Ѳеофанъ и современники.

Очень многіе современники Ѳеофана, русскіе и иноземцы, сообщили намъ подробныя свѣдѣнія о частной жизни Ѳеофана, о его личномъ характерѣ и дѣятельности, какъ человѣка общественнаго. Какъ ученый, Ѳеофанъ пользовался въ свое время обширною и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Всѣ досуги свои отъ дѣлъ служебныхъ онъ посвящалъ занятіямъ научнымъ и

сношеніямъ съ учеными (германскими и англійскими), съ которыми всю жизнь состоялъ въ постоянной перепискѣ. Не даромъ сказалъ онъ въ „Духовномъ Регламентѣ“: „прямымъ ученьемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престаетъ никогда же учитися, хотя бы онъ Маѳусаиловъ вѣкъ пережилъ“... Онъ оправдывалъ эти слова свои на дѣлѣ: постоянно углубленный въ сокровища своей богатой и обширной библіотеки (заключавшей въ себѣ 30,000 томовъ), онъ зорко слѣдилъ за всѣми новѣйшими явленіями и открытіями въ области науки; всѣ печатанныя въ Россіи русскія книги обязательно прохо-



Типографія.

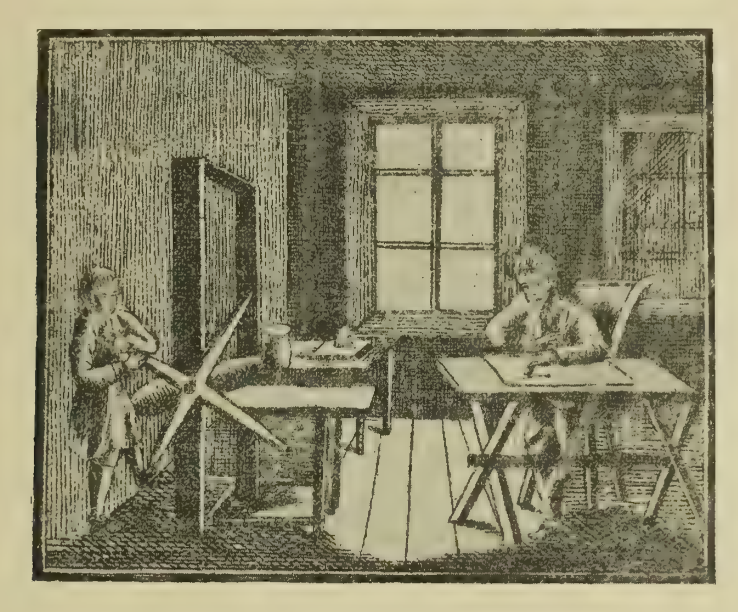
Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая наборъ и печатанье книгъ.

дили черезъ его руки и, по его именно указанію или даже побужденію, многія классическія и иностранныя сочиненія были переведены на русскій языкъ. Нѣкоторые ученые иностранцы (напримѣръ, нѣмецкій путешественникъ фонъ-Гавенъ или академикъ С. Байеръ) отзывались съ восторгомъ о его обязательности, о его увлекательной, несравненной бесѣдѣ, о его радушныхъ пріемахъ въ томъ загородномъ архіерейскомъ домѣ, который былъ построенъ на Аптекарскомъ островѣ, на берегу рѣчки Карповки, впадающей въ Невку. Открыто и пышно жилъ онъ здѣсь, приглашая и роскошно угощая небольшой кружокъ друзей и близкихъ знакомыхъ своихъ. Въ спорахъ и разсужденіяхъ о предметахъ серьезныхъ онъ былъ неподражаемъ по своему спокойствію и логической послѣдовательности; а когда начиналъ мѣшать шутку съ дѣломъ,

то проявлялъ такое блестящее и тонкое остроуміе, что собесѣдники съ жадностью ловили и старались запомнить его изреченія, его латинскія и русскія эпиграммы и шуточныя стихотворенія, которыхъ не мало сохранилось и до настоящаго времени. Къ числу людей, близкихъ къ Ѳеофану, принадлежали всѣ выдающіеся дѣятели его времени и, между прочимъ, русскіе писатели — Кантемиръ и Татищевъ.

Заботы о просвѣщеніи.

Но Ѳеофанъ тратилъ большія матеріальныя средства, которыми онъ обладалъ, не на одни только пріемы и угощенія:—домъ его былъ постоянно открытъ для всѣхъ нуждающихся въ его



Гравировальщикъ

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая гравированіе.

помощи, для всѣхъ иноземцевъ православнаго исповѣданія (грековъ, славянъ и другихъ), для всѣхъ странниковъ съ Аѳона и Ливана. Сверхъ того, въ 1729 году, онъ основалъ у себя въ домѣ, на Карповкѣ, школу для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Въ школѣ преподавали: Законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языкъ, грамматику, реторику, логику, римскія древности, ариѳметику, геометрію, географію, исторію и рисованіе. Эта школа, по тому времени, являлась лучшимъ приготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, и ученики, окончившіе въ ней курсъ, были первыми по времени поступленія воспитанниками гимназіи, учрежденной при Академіи Наукъ. Умирая, Ѳеофанъ оставилъ средства на поддержаніе своей домашней школы и просилъ императрицу Анну не оставлять „его сиротъ“

своимъ высокимъ покровительствомъ: „дать имъ способы продолжать образованіе и поручить ихъ людямъ, достойнымъ довѣрія, пока они сами придутъ въ совершенный возрастъ и разумъ" [1]).

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ исторіи нашей литературы, науки и просвѣщенія въ началѣ XVII вѣка, Өеофанъ представляетъ собою явленіе въ высокой степени привлекательное. Замѣчателенъ Өеофанъ не только своимъ обширнымъ умомъ и талантами, не только блестящею образованностью, не только горячимъ рвеніемъ къ дѣлу „преобразованій", въ которомъ онъ является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ сподвижниковъ Петра: — Өеофанъ еще болѣе замѣчателенъ своимъ умѣньемъ отрѣшиться отъ старыхъ схоластическихъ предубѣжденій и согласовать духовныя традиціи съ непреложными истинами новѣйшей науки. Въ этомъ отношеніи любопытно и поучительно сравнить его съ Стефаномъ Яворскимъ въ ихъ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ:— на солнечную систему Коперника. Стефанъ зналъ о ней, и не только отвергалъ ее, какъ противную Св. Писанію, но даже глумился надъ Коперникомъ: „нѣкоему Копернику приснилось, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противно Св. Писаніямъ". Өеофанъ Прокоповичъ, который не только зналъ о системѣ Коперника, но даже и самъ занимался астрономическими наблюденіями, относился къ этому вопросу совершенно иначе: онъ говорилъ, что тексты Св. Писанія, упоминающіе о движеніи солнца, нимало не противорѣчатъ достовѣрнымъ физическимъ и математическимъ доводамъ ученыхъ: только тексты эти слѣдуетъ понимать не „въ прямомъ, а въ иносказательномъ смыслѣ".

Благодаря такого рода воззрѣніямъ, Өеофанъ, несмотря на свой духовный санъ, несмотря на свою богословскую и церковно-административную дѣятельность, является, въ началѣ XVIII вѣка, первымъ русскимъ свѣтскимъ писателемъ и первымъ русскимъ ученымъ. Онъ указалъ дорогу—другіе за нимъ послѣдовали.

Сочиненія Өеофана.

Өеофанъ оставилъ много и притомъ весьма разнообразныхъ по содержанію сочиненій: кромѣ учебниковъ, составленныхъ имъ еще въ то время, когда онъ былъ преподавателемъ Кіевской Академіи, кромѣ сочиненій чисто-догматическихъ [2]), кромѣ начальнаго краткаго катехизиса подъ заглавіемъ: „*Первое ученіе отрокамъ*", кромѣ массы проповѣдей, сказанныхъ имъ въ разное время, Өеофанъ оставилъ еще нѣсколько сочиненій чисто-историческаго характера. Это—„*Родословная роспись князей и царей*", „*По-*

[1]) Его библіотека была передана въ Невскую Семинарію; его глобусы, математическіе и астрономическіе инструменты—въ Академію Наукъ.

[2]) «Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ», «Увѣщаніе отъ имени Сунода къ учителямъ раскола», «Толкованіе Христовыхъ заповѣдей о блаженствахъ».

вѣсть о Кириллѣ и Меѳодіи" и "*Повѣсть о смерти Петра Великаго*". Но самымъ капитальнымъ трудомъ, и притомъ — трудомъ, имѣющимъ весьма важное историческое значеніе, слѣдуетъ, конечно, считать его "*Духовный Регламентъ*", надъ которымъ Ѳеофанъ Прокоповичъ трудился долго и упорно. Этотъ трудъ есть памятникъ эпохи и живая исповѣдь воззрѣній, мнѣній и убѣжденій, составлявшихъ нравственную физіономію передовыхъ дѣятелей Петрова вѣка.

"Регламентъ" состоитъ изъ трехъ частей. Первая посвящена исключительно разъясненію поводовъ, побудившихъ царя Петра къ учрежденію Сѵнода; во второй опредѣляется кругъ дѣйствій Сѵнода; въ третьей говорится объ обязанностяхъ правителей. Сверхъ того, нѣкоторые, особенно-важные вопросы разсматриваются въ особыхъ прибавленіяхъ, какъ-то: о домахъ училищныхъ, о проповѣдникахъ слова Божія, о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными и т. п. "Регламентъ", въ основѣ своей, возлагаетъ на членовъ Сѵнода обязанность—разыскать и искоренить въ русскомъ народѣ ложные предразсудки, суевѣрія и религіозно-нравственныя заблужденія, и главныхъ орудій для искорененія всего этого предлагаетъ два: съ одной стороны—*проповѣдь*, для которой указываетъ и основы, и предѣлы, и опредѣляетъ общій характеръ [1]); съ другой стороны — ученіе и просвѣщеніе, распространяемое и въ народѣ, и, главнымъ образомъ, въ средѣ пастырей. При этомъ и самый вопросъ просвѣщенія ставится сразу на твердую почву:

„Когда нѣтъ свѣта ученія,"—говоритъ Прокоповичъ въ „Регламентѣ",—„нельзя быть доброму поведенію церкви и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно въ ересяхъ... наши-то раскольники не отъ грубости ли и невѣжества столь жестоко возбѣсновались?.. И если посмотримъ черезъ исторію, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ, временахъ?.."

Затѣмъ авторъ „Регламента" переходитъ къ опредѣленію того, что слѣдуетъ называть истиннымъ ученіемъ, и предлагаетъ „чинъ" (порядокъ, планъ) ученія для тѣхъ академій и семинарій духовныхъ, которыя правительство предполагало завести. Программа этихъ учебныхъ заведеній ужъ очень замѣчательна. Весь курсъ ученія назначается семилѣтній; первый годъ ученія по- „Чинъ" ученія.

[1]) «Регламентъ» изъ Отцовъ Церкви указываетъ, главнымъ образомъ, на Златоуста, какъ на лучшаго руководителя проповѣдниковъ; въ противоположность обычаю кіевскихъ ученыхъ, «Регламентъ» остерегаетъ духовныхъ ораторовъ отъ подражанія «легкомысленнымъ польскимъ проповѣдничишкамъ».

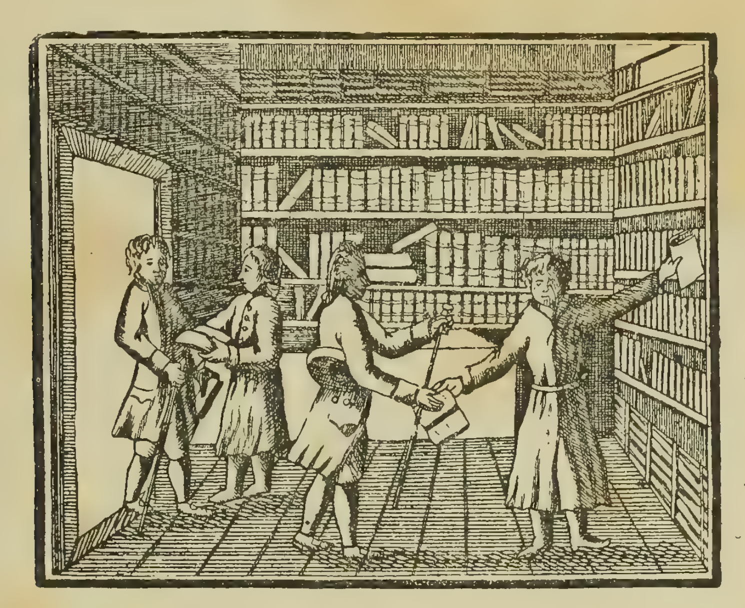
священся грамматикѣ и географіи съ исторіей; во второй — изучается ариѳметика съ геометріей; въ третій — логика съ діалектикой, въ четвертый — риторика и „стихотворное ученіе“, въ пятый — физика съ краткой метафизикой, въ шестой — „политика Пуффандорфова“, въ седьмой и въ восьмой — Богословіе. При этомъ уже имѣются въ виду и учебныя пособія. Такъ, для географіи требуются глобусы и карты, и вообще при школѣ полагается имѣть „библіотеку довольную, изъ книгъ русскихъ и иностранныхъ“. Въ программѣ Прокоповича не забыты и требованія гигіеническія, и требованія эстетическія: при академіи по-

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая училище.

лагается имѣть врача, больницу и аптеку; для развитія же и укрѣпленія физическихъ силъ назначаются прогулки и физическія упражненія; точно также для развитія чувства изящнаго— пѣніе, музыка, „акціи и комедіи“. Обращаемъ особенное вниманіе на то, что „Богословіе“ въ этихъ проектируемыхъ учебныхъ заведеніяхъ предписывалось преподавать въ послѣднихъ двухъ классахъ, т.-е. тогда, когда воспитанникъ уже достаточно подготовленъ къ воспринятію этой „науки изъ наукъ“. Этою важною чертою, какъ и вообще всѣми подробностями плана преподаванія, программа Ѳ. Прокоповича значительно отличается отъ всѣхъ предшествующихъ ей школьныхъ программъ, по какимъ создавались до того времени училища на Западѣ Руси и въ Москвѣ. Какъ въ братскихъ школахъ Сѣверо-Западнаго края, такъ и въ

Кіево-Могилянской академіи и тѣхъ заведеніяхъ, которымъ они служили образцомъ, цѣль обученія была исключительно полемическая; въ ученикахъ старались, довольно односторонне, развить діалектику, какъ орудіе борьбы противъ воинствующаго, гнетущаго католицизма и Уніи. Въ школахъ, предлагаемыхъ Ѳ. Прокоповичемъ, уже имѣется въ виду совсѣмъ иная цѣль,—дать будущимъ пастырямъ церкви основательное и многостороннее общее образованіе и на немъ основать ихъ богословское вѣдѣніе, независимо отъ какихъ-бы-то ни было полемическихъ средствъ и цѣлей.

Вслѣдъ за этими программами преподаванія въ будущихъ



Книгопродавецъ

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая книжную лавку.

академіяхъ и семинаріяхъ духовныхъ, „Регламентъ" и ко всѣмъ епископамъ обращается съ обязательнымъ требованіемъ, чтобы каждый изъ нихъ завелъ въ своемъ домѣ школу „для священническихъ дѣтей и дѣтей другихъ сословій", предназначаемыхъ къ священству. Въ заключеніе, для того, чтобы всѣмъ грамотнымъ людямъ изъ народа сдѣлать доступными важнѣйшія истины вѣры и правила благочестія, „Регламентъ" предписываетъ составить „новыя, краткія, вразумительныя и ясныя книжицы", которыя „могли бы быть куплены малымъ иждивеніемъ".

Конечно, большая и важнѣйшая часть этихъ предположеній „Регламента" временно осталась неисполнимою мечтою, идеаломъ: ни академій, ни семинарій духовныхъ не было заведено по предложенной Прокоповичемъ программѣ, потому что для осуществле-

нія ея не было ни учителей, ни матеріальныхъ средствъ. Но епископскія школы стали мало-по-малу кое-гдѣ появляться и изъ нихъ-то, впослѣдствіи, стали возникать духовныя семинаріи. Стали такъ же, мало-по-малу, являться кое-гдѣ „книжицы“ по образцу составленнаго и изданнаго Ѳеофаномъ „Ученія отрокамъ“. Во всякомъ случаѣ, важно было то, что указанъ былъ путь и намѣчены были идеалы, къ которымъ по этому пути предстояло стремиться: остальное надо было ожидать отъ времени и предоставить работѣ подрастающаго поколѣнія...

Апоѳеозъ Петра Великаго—современная гравюра.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Меньшіе духовные ораторы Петровскаго времени: Ѳеофилактъ Лопатинскій, Гавріилъ Бужинскій и Симонъ Кохановскій. — Исторія одной книги. — Восторженный поклонникъ Петровской реформы.

Наиболѣе крупными дѣятелями литературными въ Эпоху Преобразованій, какъ мы уже видѣли, были двое пастырей церкви: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Они были оба представителями двухъ разныхъ направленій, и около нихъ группировались всѣ, кто только считалъ себя принадлежащимъ къ „ученой дружинѣ“ и прикосновеннымъ къ книжному и печатному дѣлу. На сторонѣ Стефана были всѣ приверженцы старой школы и члены той церковной партіи, которая, хотя и тщетно, однако, все же старалась отстоять старые церковные порядки, не отрицая, впрочемъ, пользу бо́льшей части Петровыхъ преобразованій и даже во многомъ служа дѣлу реформы. На сторонѣ Ѳеофана были всѣ „новые“ люди, всѣ дѣятели, порожденные Эпохою Преобразованій, всѣ мо-

лодые, начинающіе писатели, всѣ люди, которые, съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ, могли назвать себя „передовыми".

Рядомъ съ Стефаномъ Яворскимъ, на поприщѣ духовной проповѣди, видимъ еще троихъ кіевскихъ ученыхъ: *Ѳеофилакта Лопатинскаго, Гавріила Бужинскаго* и *Симона Кохановскаго*. Первый изъ нихъ былъ особенно извѣстенъ своею книжною ученостью, своею добросовѣстностью въ трудѣ и неподкупною, ничѣмъ не поколебимою честностью. Такъ какъ онъ доканчивалъ свое образованіе за границею, то хорошо былъ знакомъ съ языками и поставленъ былъ Петромъ во главѣ переводческой дѣятельности. Все, наиболѣе трудное, отсылалось для переводовъ въ Москву къ „отцу Лопатинскому", и тотъ исполнялъ заданное точно и добросовѣстно [1]). Отлично зная греческій языкъ, онъ много и успѣшно трудился надъ исправленіемъ текста Славянской Библіи. Петръ уважалъ его и какъ ученаго, и какъ проповѣдника. Стефанъ покровительствовалъ ему, какъ ближайшему своему другу и помощнику, и Ѳеофанъ дружилъ съ нимъ, благодаря необыкновенному миролюбію и уживчивости Лопатинскаго. Подъ конецъ царствованія Петра, Лопатинскій былъ уже архіепископомъ тверскимъ и послѣ кончины Стефана Яворскаго, во время царствованія Екатерины I и Петра II, пользовался большимъ значеніемъ и былъ близокъ къ тому, чтобы занять высокій постъ въ духовной іерархіи. Когда, по смерти Петра, при ближайшихъ его преемникахъ, наступила временная реакція и дѣло Петровскихъ церковныхъ преобразованій поколебалось, когда стали даже поговаривать о возстановленіи патріаршества, то всѣ указывали на Лопатинскаго, какъ на единственное духовное лицо, которое могло бы быть избрано въ патріархи... Но ему предназначена была судьбою иная, горькая участь, какой онъ не могъ ожидать и которой онъ подвергся впослѣдствіи безъ всякой вины со своей стороны. Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Гавріилъ Бужинскій, по окончаніи воспитанія въ Кіево-Могилянской академіи, назначенный учителемъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію, также принялъ ревностное участіе въ переводческой дѣятельности „отца Лопатинскаго" [1]), и не упускалъ случая выказать свои недюжинныя ораторскія способности, какъ проповѣдникъ. Петръ оцѣнилъ его, какъ духовнаго оратора, и опредѣлилъ на мѣсто оберъ-іеромонаха во флотъ (1718 года); три года спустя онъ былъ возведенъ въ архіепископы Троице- Гавріилъ Бужинскій

[1]) Переводы его, однакоже, не всегда были удачны. Однажды, когда онъ, переводя книгу Пуффендорфа—«Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ»—вздумалъ выпустить изъ этого сочиненія то мѣсто, гдѣ авторъ дурно и оскорбительно отзывается о характерѣ русскаго народа, Петръ замѣтилъ пропускъ и гнѣвно потребовалъ переводчика къ отвѣту. «Развѣ это переведено?»—закричалъ Петръ:—«тотчасъ пойди и сдѣлай то, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу такъ, какъ она въ подлинникѣ есть».

Сергіевской лавры, былъ совѣтникомъ Сvнода и, наконецъ, въ 1726 году, мы видимъ его въ санѣ епископа рязанскаго.

Бужинскій также принадлежалъ къ числу искреннихъ и восторженныхъ поклонниковъ царя Петра, и многія мѣста его проповѣдей, посвященныя восхваленію доблестей великаго Преобразователя, проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ къ нему и тонкимъ пониманіемъ его характера. Прекрасно то мѣсто одной изъ проповѣдей Бужинскаго, гдѣ онъ говоритъ о самоотверженной любви Петра къ Россіи:

„Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя!"—восклицаетъ проповѣдникъ, примѣняя извѣстный текстъ Св. Писанія. — „Въ сей любви Петръ истинный подражатель Христа Господа не щадяще дражайшія души своея за отечество свое... въ трудахъ и подвигахъ, въ морозѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи;... не щадяще души своей въ баталіяхъ, и въ такомъ былъ случаѣ, яко на дражайшей главѣ его шляпа пулею бысть пробита; не щадяще жизни своей въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть; все же сіе претерпѣвалъ за отечество, полагалъ душу свою за други своя".

Симонъ Кохановскій.

Симонъ Кохановскій, также бывшій іеромонахъ флота, направлялъ свое проповѣдническое краснорѣчіе, главнымъ образомъ, противъ раскольниковъ и тѣхъ приверженцевъ старины, которые изыскивали всѣ мѣры къ избѣжанію царской службы и къ противодѣйствію распоряженіямъ правительства. Въ духовной іерархіи онъ не пошелъ далеко и, удаленный въ 1733 году на покой въ Кіево-Печерскую лавру, умеръ іеромонахомъ.

Послѣ кончины Петра Великаго, когда впервые съ такою силою проявилась борьба различныхъ придворныхъ партій, многіе дѣятели Эпохи Преобразованій очутились въ очень затруднительномъ и неловкомъ положеніи. Партія приверженцевъ старины, которая высоко подняла было голову при Петрѣ II, и, въ лицѣ верховниковъ, задумала даже ограничить державную власть вступавшей на престолъ императрицы Анны — пробудила во многихъ надежды на возможность, до нѣкоторой степени, даже возвращенія къ прошлому и на ослабленіе того значенія, которымъ пользовались въ Россіи иноземцы. Въ этотъ именно періодъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, побуждаемый къ тому нѣкоторыми представителями русской партіи и еще болѣе подстрекаемый своимъ глубокимъ уваженіемъ къ памяти Стефана Яворскаго, рѣшился напечатать лежавшую подъ спудомъ книгу Стефана: „*Камень Вѣры*". Послѣ разныхъ споровъ и пререканій по поводу этой книги въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, книга была напечатана и выпущена

въ свѣтъ; а потрудившійся надъ ея изданіемъ „отецъ Лопатинскій“ и не предвидѣлъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ должно будетъ привести появленіе этой книги.

Роковая полемика.

„Камень Вѣры“ — изданный въ 1728 году — вызвалъ цѣлую бурю между протестантами. Въ Лейпцигскихъ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ“ (Acta eruditorum) помѣщена была жестокая критика на „Камень Вѣры“. Вслѣдъ за этой критикой явилась цѣлая книга, приписываемая ученому Буддею, въ которой всѣ доводы Стефана были подробно разобраны, и самъ онъ подвергся жестокому поруганію. Затѣмъ явились еще и еще диссертаціи и разсужденія разныхъ ученыхъ нѣмецкихъ богослововъ противъ „Камня Вѣры“, а со стороны католиковъ выпущено было въ свѣтъ, въ защиту Стефана и многихъ положеній его книги, сочиненіе доминиканца Рибейры.

Завязалась борьба, въ которой и Ѳеофилактъ Лопатинскій захотѣлъ высказаться въ защиту священной для него памяти Стефана Яворскаго; онъ написалъ „*Апокризисъ или возраженіе на письмо Буддея*“. Но выпустить въ свѣтъ эту книгу было невозможно безъ Высочайшаго соизволенія. Поэтому Ѳеофилактъ сталъ просить разрѣшенія черезъ духовника императрицы Анны.

Ходатайство имѣло успѣхъ. Ѳеофилакта вызвали изъ Твери въ Москву — и императрица дала ему позволеніе писать противъ Буддея, и почти тотчасъ же взяла свое позволеніе обратно, воспретивъ Лопатинскому критиковать Буддея, подъ страхомъ жестокаго наказанія... Лопатинскій вынужденъ былъ молчать — но его противники не приняли на себя этого обязательства. Какъ разъ около того времени, когда на „отца Лопатинскаго“ наложено было невольное молчаніе, явилось новое рукописное возраженіе, подъ заглавіемъ; „*Молотокъ на Камень Вѣры*“ — приписываемое какому-то протестанту. Въ этомъ сочиненіи авторъ порочилъ память Стефана Яворскаго, называя его папистомъ и іезуитомъ, и т. д. И почитатели памяти Стефана должны были молчать... А Ѳеофанъ Прокоповичъ, разгнѣванный тѣмъ, что книга Рибейры указывала на его склонность къ протестантизму, вознегодовалъ, и потребовалъ суда надъ переводчиками книги, членами Сvнода, архимандритами: новоспасскимъ—*Евфиміемъ* и ипатьевскимъ—*Платономъ* (Малиновскимъ). Оба были заключены въ петербургскую крѣпость. Къ начатому слѣдственному дѣлу, по доносу, привлеченъ былъ и Лопатинскій, котораго и Ѳеофанъ Прокоповичъ обвинялъ въ томъ, что онъ „раздражаетъ иностранные народы на россійскій народъ и производитъ внутреннюю въ россійскомъ народѣ смуту“. Лопатинскій былъ вызванъ въ Петербургъ и призванъ къ отвѣту въ начавшемся безконечномъ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ самомъ началѣ его Ѳеофанъ Прокоповичъ скончался

(8 сентября 1736 г.); а въ 1738 году несчастный „отецъ Лопатинскій“ за „злоумышленныя, непристойныя и продерзостныя разсужденія и нареканія“, лишенъ архіерейства, священства и монашества и осужденъ на тяжкое одиночное заключеніе въ выборгскомъ зåмкѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1741 году. Одинъ изъ переводчиковъ книги Рибейры умеръ въ крѣпости во время слѣдствія; другой былъ разстриженъ и сосланъ въ Сибирь.

Посошковъ. Точно такъ же безвинно, жертвою времени, полнаго борьбы и ненависти, погибъ другой, благороднѣйшій дѣятель Эпохи Преобразованій — *Иванъ Тихоновичъ Посошковъ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей начала XVIII вѣка.

И. Т. Посошковъ былъ крестьянинъ какого-то подмосковнаго села Покровскаго. Родился онъ около 1670 года. Онъ не получилъ ровно никакого школьнаго образованія, но одаренъ былъ отъ природы замѣчательнымъ умомъ, глубокимъ и яснымъ, и обладалъ весьма обширною начитанностью, преимущественно въ старыхъ книгахъ и рукописной литературѣ, можетъ-быть, потому, что нѣкоторое время (какъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ) былъ раскольникомъ.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ весьма скудны и притомъ еще отрывочны. Какое было его общественное положеніе, чѣмъ собственно онъ занимался или какія несъ на себѣ обязанности—все это остается для насъ почти загадкою. Въ то же время мы знаемъ, что онъ обладалъ многими практическими свѣдѣніями и имѣлъ понятіе о многихъ техническихъ и механическихъ производствахъ. Такъ, мы знаемъ, что онъ одно время работалъ на денежномъ дворѣ, устанавливалъ тамъ денежные стåны [1]); знаемъ, что онъ же занимался издѣліемъ рогатокъ для огнестрѣльнаго оружія; знаемъ также, что онъ былъ хорошо знакомъ съ винокуреніемъ, носился одно время съ проектомъ большого винокуреннаго завода, а около 1724 года даже и владѣлъ винокуреннымъ заводомъ, къ которому были приписаны и земли, и поселенные на нихъ крестьяне. Несомнѣнно одно, что Посошковъ былъ человѣкомъ не только состоятельнымъ, но почти богатымъ; что онъ много на своемъ вѣку перевидѣлъ и передумалъ, и бывалъ въ сношеніяхъ съ массою людей въ различныхъ слояхъ общества. Мы знаемъ и о его личныхъ отношеніяхъ къ князьямъ Б. А. и Д. М. Голицы-

---

[1]) Въ 1697 году, въ дѣлѣ о монахѣ Авраамін упоминаются: «Покровскаго села оброчные крестьяне — Ивашка да Ромашка Посошковы» — въ числѣ знакомцевъ монаха. При допросѣ, однакоже, «Иванъ Посошковъ сказалъ, что Авраамій знакомецъ ему третій годъ: призвалъ онъ его, Ивашку, къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ Великому Государю, а онъ, Ивашко, никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано (у Авраамія), не говаривалъ». И Авраамій объявилъ, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ. («Исторія Россіи», Соловьева; XIV, стр. 225—226. Первое изданіе).

нымъ, къ боярамъ Л. К. Нарышкину и Ѳ. Головину, къ митрополиту Стефану Яворскому и Ѳ. Прокоповичу. Самому Петру онъ былъ несомнѣнно извѣстенъ по тѣмъ проектамъ и сочиненіямъ, которые ему подносилъ „изъ презѣльной любви къ отечеству“; легко можетъ быть, что былъ извѣстенъ царю и лично [1]). Но лишь этими немногими фактами и ограничивается весь кругъ нашихъ біографическихъ свѣдѣній о И. Т. Посошковѣ; однакоже, скудость свѣдѣній нимало не мѣшаетъ тому, чтобы онъ, какъ живой, представалъ предъ нами, когда мы читаемъ его сочиненія, по счастью, сохранившіяся намъ и сохранившія въ себѣ прекрасный обликъ простого, средняго русскаго человѣка, который былъ горячимъ поклонникомъ Петра и его преобразовательной дѣятельности, и, въ то же время, былъ далекъ отъ всякихъ крайностей, вызываемыхъ борьбою между сторонниками старины и рьяными западниками.

Важнѣйшими сочиненіями Посошкова являются слѣдующія три: 1) „*Завѣщаніе отеческое*“; 2) „*Зерцало, сирѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудрія раскольничьи*“, и 3) „*Книга о скудости и богатствѣ*“ [2]). Кромѣ этихъ сочиненій, извѣстно еще нѣсколько объемистыхъ „доношеній“ Посошкова Стефану Яворскому и другимъ лицамъ, по разнымъ вопросамъ, съ различными проектами, предложеніями улучшеній и практическими указаніями. Труды Посошкова.

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ Посошковъ излагаетъ свои взгляды на жизнь и частную дѣятельность отдѣльнаго лица въ его отношеніяхъ къ ближнему, къ семьѣ и къ обществу. Многіе, не безъ основанія, сравнивали это сочиненіе Посошкова съ „Домостроемъ“ попа Сильвестра по общему его содержанію и по радикальному характеру. Если допустить такое сравненіе, то, въ результатѣ его, мы должны будемъ прійти къ тому убѣжденію, что средній русскій человѣкъ, за полтораста съ небольшимъ лѣтъ, значительно успѣлъ подвинуться впередъ въ смыслѣ нравственномъ и въ смыслѣ расширенія своего умственнаго кругозора.

Свое „Завѣщаніе“ сыну Посошковъ начинаетъ предостереженіемъ его отъ крайностей, которыя представляются ему одинаково зловредными: отъ уклоненія въ расколъ и односторонняго преклоненія предъ стариною, съ одной стороны; а съ другой — отъ неразумнаго увлеченія новымъ европейскимъ образованіемъ и бытомъ, сопряженнаго съ отреченіемъ отъ исконныхъ благоче-

[1]) Это отчасти можно предположить по тому прошенію, при которомъ онъ представилъ царю свою книгу: «О скудости и богатствѣ». Въ этомъ прошеніи онъ говоритъ: «возжелахъ *предъ очи* твоего императорскаго величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлахъ предложити изъявленіе».

[2]) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: «О скудости и богатствѣ сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается нищенская скудость и отъ чего гобзовитое (изобильное) богатство умножается».

1

САНКТЪПІТЕРЗБУРХЪ.

ВѢДОМОСТЬ.

Какова получена сего Генваря 1 числа, 1712.

Отъ полномочного посла князь григорья долгорукова, писанная изъ померании изъ подъ стралзунта, отъ 1 числа декабря, прошлого 1711, о учиненнои виктории

1 дацкихъ

2 Генварь

дацкихъ воискъ надъ шведами подъ городомъ висмаремъ которые вылоску изъ оного чинили.

Третияго дня получена здѣсь въ обозѣ подъ стралзунтомъ отъ висмара вѣдомость, что обрѣтающеися тамо дацкои генералъ порутчикъ господинъ раицовъ послалъ отъ себя для провианту 800 человѣкъ, о чемъ увѣдавъ комендантъ висмарскои, и чая оного раицова быть безъ силна, выслалъ изъ города гарнизонъ состоящеи конницы и пѣхоты въ трехъ тысячахъ, и велѣлъ на дацкие воиска нападение учинить, но помянутои господинъ раицовъ збивъ неприятельскую конницу отрѣзалъ отъ города

2000

Первый номеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: страницы первая и вторая.

стивыхъ обычаевъ и установившагося строя русской жизни. Онъ совѣтуетъ ему избрать средній путь и на немъ стать неподвижно, „яко мраморный столпъ, на неподвижномъ камени утвержденный“.

Нравственный идеалъ, по мнѣнію Посошкова, сводится къ одному евангельскому правилу: „вся, елика хощете, да творятъ вамъ человѣки, и вы творите имъ такожде“... „Такъ живи“,— поучаетъ Посошковъ сына,—„дабы не токмо человѣкомъ, но и скотомъ милъ бы ты былъ; и всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи—угодно ль оно будетъ тебѣ, и аще тебѣ оно угодно, то и инымъ твори безъ сумнѣнія“... Большое и важное значеніе придаетъ Посошковъ воспитанію и обученію дѣтей, причемъ программа обученія представляется довольно сложною и удовлетво-

Генварь 3

2000 пѣхоты, и оную со всѣхъ сторонъ атаковалъ, которая положа ружье въ полонъ отдалась, на мѣстѣ шведовъ побито 470 человѣкъ, а другіе врознь розбѣжалісь, но самое малое чісло въ крѣпость возвратілось.

А сколко какова чіну Офіцеровъ и рядовыхъ взято въ полонъ. тому слѣдуетъ ніже сего роспісь.

Подполковніковъ	2
Маеоровъ	2
Капітановъ	7
Порутчіковъ	14
Прапорщіковъ	16
Отъютантовъ	2
Обознои	1
І того Офіцеровъ	44

Ундеръ

4 Генварь

Ундеръ офіцеровъ	127
Рядовыхъ салдатъ	1330
Раненыхъ	470
І того	1926

Всего офіцеровъ и ундеръ офіцеровъ и рядовыхъ 1970

Да при томже взято пушекъ желѣзныхъ. 9

Первый номеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: страницы третья и четвертая.

рительною: кромѣ обязательнаго чтенія и письма, тутъ видимъ и славянскую грамматику, и „выкладку цифирную", и языки: латинскій, греческій и польскій, и какое-нибудь „художество" (то-есть, ремесло). Большое значеніе Посошковъ придаетъ черченію— умѣнью „нарисовать по размѣру", такъ какъ оно „ко великому мастерству будетъ способно".

Прекрасно характеризуется понятіе Посошкова о супружескихъ отношеніяхъ по тѣмъ указаніямъ, которыя онъ даетъ сыну: „Безъ женинаго совѣта ничего не предпринимай", — говоритъ онъ,—„потому что она отъ Бога дана тебѣ въ помощь"... „И аще кто будетъ жену ничтожить—претворять ее въ рабій образъ, и той будетъ Богу противное чинити; Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною".

Подробно останавливаясь на обрядахъ внѣшняго благочестія и богопочитанія, Посошковъ стоитъ за строгое соблюденіе ихъ, и съ самою безпощадною критикою относится къ церковнымъ обрядамъ нѣмцевъ, которые во время богослуженія „ни одного часа на ногахъ постоять не могутъ", а на вечеринкахъ танцуютъ до упаду, „и тако утрудившеся, спятъ даже до обѣда. И то ихъ житіе, стало-быть, не христіанское, но самое языческое",—замѣчаетъ Посошковъ. Особенно рьяно выступаетъ онъ съ порицаніями противъ модъ и подражаній иностранцамъ въ одеждѣ и ношеніи париковъ [1]). „Намъ ни златомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшать, но въ воинскомъ дѣлѣ храбростью, въ судейскомъ дѣлѣ—правосудіемъ, въ купечествѣ—праведнымъ и неподвижнымъ словомъ... въ духовномъ же дѣлѣ, книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ".

Такими же нападками на подражаніе западнымъ обычаямъ и на усвоеніе западныхъ религіозныхъ воззрѣній переполнено „Зерцало суемудрія раскольничья", написанное Посошковымъ въ 1709 г. Послѣ изложенія краткой исторіи раскола, его происхожденія и его заблужденій, Посошковъ указываетъ на распространеніе въ народѣ просвѣщенія, какъ на единственное средство для успѣшной борьбы съ расколомъ.

Книга о скудости и богатствѣ.

Важнѣе обоихъ вышеупомянутыхъ сочиненій Посошкова, его книга „О скудости и богатствѣ", составляющая, сама по себѣ, явленіе поразительное, какъ вполнѣ самостоятельный трудъ простого русскаго человѣка, затрогивающаго политико-экономическіе вопросы въ такое время, когда политическая экономія, какъ наука, еще не существовала въ Европѣ. Да и вообще авторъ, въ этомъ своемъ сочиненіи, выказываетъ себя человѣкомъ почти геніальнымъ, предлагая, для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, такія мѣры и предположенія, которыя, по достоинству и значенію замысла, далеко опережали современность, окружавшую Посошкова.

Книга „О скудости и богатствѣ" представляетъ собою почти полное изслѣдованіе о внутреннемъ состояніи Россіи во время Петра Великаго и подраздѣлена на девять отдѣловъ, которые скорѣе можно назвать отдѣльными статьями, нежели главами одного сочиненія. Въ этихъ статьяхъ авторъ послѣдовательно говоритъ: „1) о духовенствѣ, 2) о воинскихъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествахъ (т.-е. о ремеслахъ и о

---

[1]) «Перуки» или «паруки», какъ ихъ называетъ Посошковъ, особенно смущали русскаго человѣка. Онъ изумляется тому, что многіе «въ церкви стоятъ въ парукахъ и въ явленіи пресв. Тѣла Христова не снимаютъ ихъ съ главъ своихъ». И онъ настойчиво твердитъ сыну: «аще въ парукѣ стояти (въ церкви) безгрѣшно, то и въ шапкѣ уже безгрѣшно: вся бо сія едино есть покрывало».

мастерствахъ), 6) о разбойникахъ (вообще объ уголовщинѣ), 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянѣхъ, крестьянѣхъ и земляныхъ дѣлахъ, 9) о царскомъ интересѣ".

Посошковъ указываетъ въ книгѣ своей на средства, „коими возможно истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду" и „безпечное житіе народное". Для этого „безпечнаго житія" не нужны вещественныя богатства: для этого „надлежитъ всѣмъ намъ пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть о истинной правдѣ. Правдѣ отецъ — Богъ, и правда весьма богатства и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ — діаволъ и неправда въ нищету приводитъ"... „По моему мнѣнію", говоритъ Посошковъ, „сіе дѣло не великое и весьма нетрудное, еже царская сокровищница наполнити богатствомъ; но то великое и многотрудное есть дѣло, *еже бы народъ весь обогатить:* понеже безъ насажденія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ, явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно".

Въ главѣ о духовенствѣ, которому Посошковъ придаетъ большое значеніе, онъ указываетъ на необходимость имѣть пастырей ученыхъ и образованныхъ и, прежде всего, обезпечить ихъ отъ нужды, въ особенности духовенство сельское, которое, по бѣдности своей, болѣе вынуждено проводить времени въ сельскихъ работахъ, нежели въ поученіи народа и исполненіи требъ.

Переходя отъ духовенства къ другимъ сословіямъ, онъ требуетъ, для общаго блага, чтобы „судъ былъ близкій, прямой и правый", доступный и для высокаго, и для „низкочиннаго человѣка". Съ негодованіемъ восклицаетъ онъ, говоря о злоупотребленіяхъ суда, что „и бусурманы чтятъ судъ правиленъ, — а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная". Для такого „прямого суда" и Уложеніе должно быть составлено заново, по мнѣнію Посошкова. Всѣ сословія, начиная отъ духовенства и боярства, и даже крестьянства—должны участвовать въ составленіи этого „Уложенія", и притомъ такъ, что „новосоставленные пункты должно освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ". Предвидя, что его многіе за это осудятъ, скажутъ, будто онъ „снижаетъ самодержавную власть народосовѣтіемъ", онъ высказывается смѣло и увѣренно: „азъ не снижаю самодержавія, но ради самыя истинныя правды... безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы правити невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ".

Далѣе Посошковъ указываетъ на необходимость ввести въ

народѣ *общее обязательное обученіе грамотѣ*, оградить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, уничтожить черезполосность владѣній новымъ общимъ размежеваніемъ земель; предлагаетъ подушную подать отмѣнить и вмѣсто нея ввести поземельный сборъ со всѣхъ землевладѣльцевъ, какого бы то ни было сословія.

Понятно, что такъ свободно и открыто обсуждать государственные вопросы Посошковъ могъ только въ книгѣ, которую подносилъ Петру, для его личнаго свѣдѣнія и соображенія; но и Петра онъ просилъ, чтобы его имя осталось неизвѣстно „ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ, и любителямъ неправды“, и свои опасенія весьма наивно поясняетъ царю тѣмъ, что если эти „ненавистники и завистники“ увѣдаютъ о его „мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ мой“. Къ сожалѣнію, опасенія эти оказались вполнѣ основательными.

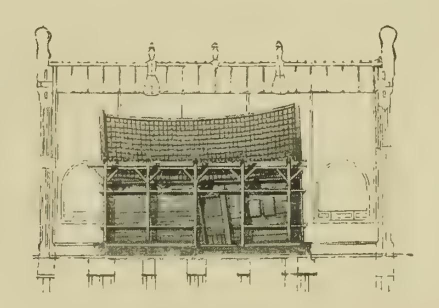
Посошковъ подалъ свою книгу государю въ 1724 году, а вскорѣ послѣ кончины Петра, по неизвѣстной причинѣ, онъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и здѣсь скончался 1 февраля 1729 года. Вмѣстѣ съ нимъ похоронены были его проекты, и труды его были заброшены и забыты, и только уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія были изданы въ полномъ составѣ и оцѣнены по достоинству. Многіе изъ его проектовъ и указаній, только черезъ 120 лѣтъ послѣ смерти Посошкова, могли быть осуществлены и проведены въ жизнь народную, а многимъ суждено осуществиться, вѣроятно, не ранѣе какъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка... Такъ далеко смотрѣлъ въ будущее этотъ замѣчательный русскій человѣкъ!

Виньетка Петровскаго времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Записки русскихъ людей въ Эпоху Преобразованій.—Общій характеръ ихъ и важнѣйшія отличительныя черты. — Записки С. Медвѣдева и Матвѣева, записки Желябужскаго и Крекшина.—Современныя путешествія по Европѣ.

Эпоха Преобразованій, какъ одна изъ тѣхъ, которыя потрясли и всколебали русское общество до самыхъ основъ его, должна была, конечно, найти себѣ различные отголоски въ сердцахъ и въ памяти современниковъ. Яркія впечатлѣнія, рѣзкія противоположности, борьба и напряженіе всѣхъ силъ народныхъ, громкія дѣянія Петра и его сподвижниковъ — все это не могло пройти безслѣдно, не возбудивъ въ свидѣтеляхъ и очевидцахъ Эпохи Преобразованій весьма естественнаго желанія сохранить для потомства память о томъ, что̀ они переживали и испытывали. И дѣйствительно, мы видимъ, что эпоха Петра, властною рукою прекратившаго вѣками освященное веденіе монастырской лѣтописи, положила начало другой, болѣе живой и болѣе подробной хроникѣ



Домикъ Петра Великаго въ его нынѣшнемъ видѣ, подъ каменнымъ шатромъ.

„записокъ“ — хроникѣ личной, иногда пристрастной и односторонней, но зато вводящей насъ во всѣ подробности современнаго быта и нравовъ, рисующей намъ довольно полную картину жизни во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ и фактахъ ея, которыя особенно поразили автора записокъ. Начиная съ Эпохи Преобразованій эти „записки современниковъ“ непрерывною нитью тянутся черезъ весь XVIII вѣкъ и составляютъ одинъ изъ весьма важныхъ источниковъ для его исторіи. Записки современниковъ Петра, впрочемъ, не отличаются живостью и образностью, не блистаютъ яркостью красокъ и красотами слога. На нихъ отразился нѣсколько сухой и строгій характеръ этого исключительно дѣлового и практическаго вѣка, въ который люди не любили тратить лишнихъ словъ, можетъ-быть, потому, что не имѣли лишняго досуга. Отличительною чертою записокъ Петровскаго времени является то глубочайшее уваженіе, почти обожаніе, которое авторы записокъ совершенно искренно питаютъ къ винов-

нику всѣхъ преобразованій, личность котораго своею громадностью заграждаетъ передъ ихъ глазами всѣ минувшія эпохи русской жизни. Самый языкъ этихъ записокъ рѣзко отличается отъ языка предшествующаго періода не только строемъ фразы и многими новыми оборотами рѣчи, но и обиліемъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ общее употребленіе, въ качествѣ необходимой формы выраженія для такихъ новыхъ понятій, которыя еще не нашли себѣ соотвѣтствующаго выраженія въ русскомъ языкѣ.

Записки С. Медвѣдева.

Рядъ „записокъ" Петровскаго времени слѣдуетъ начать съ записокъ *Сильвестра Медвѣдева*, уже извѣстнаго намъ по другимъ сторонамъ своей дѣятельности—литературной и библіографической. Хотя Сильвестръ Медвѣдевъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и не былъ современникомъ Петра, такъ какъ онъ былъ казненъ въ 1689 году, но онъ оставилъ любопытныя записки о времени правленія царевны Софьи и стрѣлецкихъ смутахъ, предшествовавшихъ окончательному воцаренію Петра. Такъ какъ эти волненія и самое правленіе царевны Софьи относятся къ тому времени, когда Петръ, еще отрокомъ, раздѣлялъ престолъ со старшимъ братомъ своимъ Іоанномъ, то записки С. Медвѣдева не могутъ быть отнесены ни къ какому иному времени, кромѣ Петровскаго. С. Медвѣдевъ былъ человѣкъ весьма умный, начитанный и, въ своемъ родѣ, даже ученый. Будучи горячимъ сторонникомъ Софьи, онъ старается снять съ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что стрѣлецкій бунтъ былъ вызванъ ея происками; изъ осторожности, боясь прибавить отъ себя какое-нибудь лишнее слово, С. Медвѣдевъ всюду, гдѣ выставляетъ Софью дѣйствующимъ лицомъ, старается пустить въ ходъ офиціальные документы и не добавляетъ отъ себя ни слова. Оберегая такимъ образомъ Софью, стрѣльцовъ онъ не щадитъ и ничѣмъ не старается смягчать разсказъ о ихъ буйствахъ.

Записки А. А. Матвѣева.

Записки С. Медвѣдева особенно любопытны по сравненіи съ болѣе поздними „*Записками о стрѣлецкомъ бунтѣ*", написанными графомъ *Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ*, сыномъ знаменитаго друга и совѣтника царя Алексѣя Михайловича. Графъ А. А. Матвѣевъ (род. 1666 г., ум. 1728 г.) былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Петрова царствованія и бо̀льшую часть жизни провелъ въ Европѣ, въ качествѣ посланника при разныхъ дворахъ. „Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ" были имъ написаны, вѣроятно, уже въ концѣ жизни; но, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ въ нихъ вполнѣ безпристрастно повѣствовать о страшномъ бунтѣ 1682 г. Онъ самъ такъ много пережилъ во время этого бунта, такъ много натерпѣлся смертнаго страха и понесъ такую тяжкую утрату въ лицѣ своего отца, растерзаннаго стрѣльцами, что, очевидно, и четверть вѣка спустя, не могъ говорить объ этомъ кро-

вавомъ и роковомъ возстаніи съ полнымъ спокойствіемъ. Притомъ, взгляды его на стрѣлецкій бунтъ, видимо, ничѣмъ не разнились отъ нѣсколько односторонняго взгляда самого Петра на это событіе. Онъ винитъ во всемъ Софью и Милославскаго, видитъ въ бунтѣ правильно построенный заговоръ, по замыслу честолюбивой царевны, жаждавшей власти. Но, при всемъ этомъ, онъ сообщаетъ чрезвычайно много интересныхъ подробностей о дѣйствующихъ лицахъ описываемыхъ имъ событій, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о ихъ характерѣ и привычкахъ; разсказываетъ много разныхъ эпизодовъ, которые только ему одному и могли быть извѣстны, а иногда въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно характеризуетъ дѣятелей этой любопытной эпохи.

Записки Желябужскаго.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются записки другого современника и очевидца той же эпохи, *Ивана Афанасьевича Желябужскаго* (род. въ 1638 г.). Записки эти начинаются тоже со стрѣлецкаго бунта 1682 г. и заканчиваются извѣстіемъ о Полтавской баталіи (1709 г.). Авторъ ихъ—стольникъ, а впослѣдствіи окольничій и воевода черниговскій — человѣкъ бывалый и много видѣвшій на своемъ вѣку. Онъ дважды былъ за границей (въ Венеціи, Англіи и Австріи), исполняя порученія, отчасти дипломатическаго характера. Къ веденію „Записокъ“ онъ приступилъ уже въ лѣтахъ весьма зрѣлыхъ, и велъ ихъ, въ видѣ краткихъ, сухихъ повременныхъ записей, съ безстрастіемъ и спокойствіемъ монаха-лѣтописца. Историческихъ событій своего времени Желябужскій почти не касается, но зато сообщаетъ очень много любопытныхъ бытовыхъ данныхъ, характеризующихъ то суровое время; особенно богата фактами уголовная хроника его записокъ, поражающая насъ количествомъ и жестокостью описываемыхъ имъ казней.

Записки Неплюева.

Весьма любопытны и очень живо изложены записки *Ивана Ивановича Неплюева* (род. 1693 г., ум. 1773 г.), который находился въ числѣ молодыхъ людей, въ 1716 году отправленныхъ Петромъ за границу для изученія морского дѣла. Очень рельефно передаетъ онъ впечатлѣніе, произведенное на него строгимъ экзаменомъ, которому подвергъ его Петръ по возвращеніи изъ-за границы. Приставленный сначала къ постройкѣ судовъ, Неплюевъ вскорѣ, подобно многимъ другимъ дѣятелямъ эпохи Петра, получилъ совсѣмъ иное назначеніе: посланъ былъ резидентомъ въ Константинополь и оставался въ этой должности до 1735 года. Дальнѣйшая служебная карьера его была весьма разнообразна и богата любопытными и поучительными эпизодами. Онъ закончилъ ее въ званіи сенатора и конференцъ-министра (около 1760 года). Послѣднія девять лѣтъ жизни онъ провелъ въ деревнѣ, на покоѣ, гдѣ и писалъ свои „Записки“. Интересныя въ общемъ

своемъ составѣ, записки эти особенно любопытны и вѣрны тамъ, гдѣ Неплюевъ разсказываетъ о своемъ управленіи Оренбургскимъ краемъ. Онъ продолжалъ вести свои записки до самой смерти; въ видѣ добавленія къ нимъ, кѣмъ-то изъ его приближенныхъ, описана его кончина.

Современный портретъ графа А. А. Матвѣева.

И. И. Неплюевъ былъ человѣкъ умный и наблюдательный: его „записки“ читаются легко и съ удовольствіемъ, несмотря на то, что онъ упорно остается въ нихъ непоколебимымъ сторонникомъ Петра и его порядковъ; сравнивая царствованіе великаго государя съ послѣдующими царствованіями его преемниковъ, онъ всюду отдаетъ ему предпочтеніе. „На что въ Россіи ни взгляни“,—

говаривалъ И. И. Неплюевъ, — „все Петра началомъ имѣетъ, и что̀ бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“.

Колоссальная личность Великаго Преобразователя Россіи про- **Анекдоты о Петрѣ.**

Автографъ Андрея Нартова.

изводила на всѣхъ его современниковъ такое чарующее, обаятельное впечатлѣніе, что окружавшіе его люди старались уловить каждое его слово, запомнить каждый шагъ его. Такое благоговѣйное отношеніе къ Петру выразилось даже въ видѣ весьма

оригинальнаго памятника: перваго по времени сборника историческихъ анекдотовъ о Петрѣ. Этотъ сборникъ былъ составленъ *Андреемъ Константиновичемъ Нартовымъ*, который въ теченіе двадцати лѣтъ состоялъ при Петрѣ механикомъ и токаремъ, и, слѣдовательно, имѣлъ возможность близко присматриваться и прислушиваться къ царю, весьма любившему токарное мастерство. Многое изъ того, что Нартовъ сообщаетъ о Петрѣ, чрезвычайно любопытно и заслуживаетъ полнаго вниманія историка.

Записки Крекшина.

Петръ Никифоровичъ Крекшинъ, другой почитатель памяти Петра Великаго (род. 1684 г., ум. 1765 г.), къ которому одно время онъ былъ близокъ, также оставилъ намъ объ этомъ времени „Записки“ и нѣкоторые другіе труды. Знаемъ о немъ, что онъ былъ въ Кронштадтѣ смотрителемъ работъ и состоялъ въ большой милости у Петра; въ 1714 году онъ попалъ подъ судъ, по обвиненію въ растратѣ казеннаго имущества, однакоже, былъ по суду оправданъ. Тотчасъ по кончинѣ Петра онъ вышелъ въ отставку и занялся собраніемъ матеріаловъ по исторіи Петра. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ опытовъ, о которыхъ намъ еще придется упомянуть въ слѣдующей главѣ, главнымъ его трудомъ, занявшимъ около двадцати лѣтъ жизни, являются „*Записки объ исторіи Петра Великаго*“, первый томъ которыхъ былъ поднесенъ Крекшинымъ императрицѣ Елисаветѣ въ 1742 г. Изъ всего собраннаго имъ сохранилось, однакоже, очень немногое: первая часть „Записокъ“ до поѣздки Петра за границу (въ первый разъ), и описаніе 1709 года. Авторъ, очевидно, былъ человѣкомъ мало-образованнымъ и не особенно прозорливымъ: онъ все принимаетъ на вѣру, громоздитъ факты безо всякой критики и излагаетъ ихъ съ весьма напыщеннымъ риторизмомъ.

Описаніе путешествій.

Къ „запискамъ“ современниковъ, въ Петровское время, въ значительной степени подходятъ, по общему своему характеру, описанія путешествій, совершенныхъ въ это время русскими людьми по Европѣ. Эти „описанія“, точно такъ же, какъ и „записки“, передавая намъ личныя впечатлѣнія и взгляды современниковъ Петра на Европу, на европейскіе обычаи и культуру, даютъ намъ весьма полное и рельефное представленіе о ихъ нравственномъ обликѣ, ихъ характерѣ, ихъ отношеніи къ проникавшей на Востокъ западной цивилизаціи.

Изъ сохранившихся до нашего времени путешествій Петровскаго времени по Европѣ, болѣе другихъ замѣчательны: „*Путешествіе стольника П. А. Толстою по Италіи*“ (1697—1699 гг.) и описаніе „*Поѣздки графа Матвѣева въ Парижъ*“ (въ 1705 г.). Гораздо менѣе любопытны и менѣе важны по своему историческому значенію два другихъ путешествія: „*Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи*“ (въ 1697—99 гг.), веденный неизвѣст-

нымъ лицомъ, и „*Путешествіе боярина Б. П. Шереметева по Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ*".

„Журналъ" неизвѣстнаго лица любопытенъ только въ томъ смыслѣ, что это лицо входило въ составъ „великаго посольства", отправленнаго Петромъ къ европейскимъ дворамъ въ то время, когда онъ задумалъ совершить первое путешествіе по Европѣ. Одно время высказывали предположенія, что журналъ этотъ принадлежитъ самому Петру, но, по сравненіи маршрута этого „неизвѣстнаго" лица съ маршрутомъ Петра, оказалось, что между ними существуетъ довольно значительная разница, да притомъ и самыя подробности, занесенныя неизвѣстнымъ авторомъ въ его журналъ, и самый способъ веденія журнала — нимало не походятъ на записки и замѣтки Петра. Наблюдательность, выказанная „неизвѣстнымъ", вездѣ представляется намъ чисто-внѣшнею и весьма неглубокою: онъ отмѣчаетъ только то, что его поражаетъ какъ диковинка или какъ курьёзъ, что бросается ему въ глаза какъ проявленіе роскоши и непривычнаго великолѣпія, и нимало не заглядываетъ вглубь той европейской жизни, которую, хотя и мелькомъ, но все же приходится ему наблюдать. Въ общихъ чертахъ описаніе всего, что онъ видитъ въ Европѣ, въ значительной степени напоминаетъ собою „статейные списки" русскихъ посольствъ XVII вѣка, и разница между ними и „Журналомъ" ограничивается только тѣмъ, что въ статейномъ спискѣ перечислялись большею частью только однѣ святыни, мощи, церкви и монастыри, а въ „Журналѣ" наблюдательность автора направлена преимущественно въ сторону свѣтской, мірской жизни. Журналъ неизвѣстнаго.

Недалеко отъ этого „Журнала" ушло и путешествіе боярина Бориса Петровича Шереметева. Само по себѣ, какъ фактъ историческій, оно было явленіемъ любопытнымъ, такъ какъ это было первое путешествіе русскаго вельможи по Европѣ, на свои средства и по собственному желанію. Но какъ памятникъ литературный, описаніе этого путешествія не представляетъ собою ничего заслуживающаго вниманія, такъ какъ содержаніе его составляетъ лишь подробный перечень посѣщенныхъ графомъ мѣстностей и пространное повтореніе привѣтственныхъ рѣчей, сказанныхъ графомъ при тѣхъ или другихъ случаяхъ, во время аудіенцій, которыми его удостоивали царственныя и владѣтельныя особы, а между ними и папа Римскій. Путешествіе Шереметева.

Не тѣмъ духомъ вѣетъ отъ описанія „Путешествія" по Италіи, стольника Петра Андреевича Толстого, который прожилъ довольно долго въ Венеціи и на островѣ Мальтѣ. Это, впрочемъ, и неудивительно: самъ Петръ отзывался о П. А. Толстомъ, какъ объ одномъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени. „Путешествіе" его и теперь можетъ быть прочитано съ Путешествіе Толстого.

большимъ интересомъ — до такой степени многостороннею, разнообразною и острою выказывается въ немъ наблюдательность путешественника. Толстого все интересуетъ, все привлекаетъ, все наводитъ на размышленіе: проѣздомъ черезъ Варшаву, онъ наблюдаетъ поляковъ во время избранія короля, и даетъ очень вѣрную характеристику націи и внутренняго быта Польши. По дорогѣ въ Вѣну, гдѣ возможно, онъ посѣщаетъ библіотеки и академіи; въ самой Вѣнѣ заходитъ въ ратушу, посѣщаетъ загородные дворцы и сады, а по пріѣздѣ въ Венецію присутствуетъ съ большимъ интересомъ на засѣданіи суда и очень вѣрно передаетъ намъ всю мѣстную судебную процедуру. Точно такъ же и при дальнѣйшемъ объѣздѣ Италіи, онъ вникаетъ во всѣ обычаи сословные и народные, въ общественныя моды и нравы, оцѣниваетъ по достоинству итальянскихъ „нобилей“ съ ихъ гордостью и чванствомъ при пустыхъ карманахъ, отзывается не совсѣмъ одобрительно о нравственности высшаго сословія, описываетъ устройство театровъ и отношеніе къ нимъ публики, оцѣниваетъ по достоинству обширныя научныя учрежденія, гдѣ всѣ могутъ учиться безъ платы и т. п. Не забываетъ онъ при этомъ объѣздѣ ни святынь, ни храмовъ, и даже довольно подробно останавливается на ихъ достопримѣчательностяхъ; но этотъ отдѣлъ его сочиненія не перевѣшиваетъ остальные по значенію и размѣрамъ, и нимало не нарушаетъ общаго и цѣльнаго впечатлѣнія всего описанія [1]).

Баронъ П. П. Шафировъ“.

Путешествіе А. А. Матвѣева.

Гораздо меньшимъ по объему и гораздо болѣе ограниченнымъ по самому кругу наблюденія представляется намъ путешествіе въ 1705 году въ Парижъ графа А. А. Матвѣева—уже извѣстнаго

[1]) Это тотъ самый П. А. Толстой, который, позднѣе, пріобрѣлъ, вмѣстѣ съ Румянцевымъ, такую печальную извѣстность по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

Одна изъ картинъ, украшающихъ описаніе путешествія боярина Б. П. Шереметева:—аудіенція у папы.

намъ автора вышеупомянутыхъ нами „Записокъ". Цѣлью его путешествія было заключеніе торговаго договора съ Франціею. Онъ подробно выясняетъ эту цѣль въ началѣ своего путешествія; а затѣмъ умно и талантливо описываетъ все видѣнное имъ въ Парижѣ; не ограничиваясь достопримѣчательностями города, онъ рисуетъ и нравы жителей, говоритъ съ видимымъ удовольствіемъ о томъ значеніи, которымъ пользуются въ обществѣ французскія женщины, и отдаетъ полную справедливость ихъ достоинствамъ. То, что онъ говоритъ о воспитаніи дѣтей во Франціи, гдѣ они растутъ свободно, ничѣмъ не запугиваемыя, и вмѣстѣ съ обученіемъ различнымъ отраслямъ знанія, воспринимаютъ и воспитанность, и „вѣжество" — свидѣтельствуетъ о томъ, что Матвѣевъ былъ несомнѣнно образованнѣйшимъ русскимъ человѣкомъ своего времени и въ понятіяхъ объ общественности значительно опередилъ большинство своихъ современниковъ.

П. А. Толстой.

Повѣсти и сказки о матросѣ.

Чрезвычайно любопытною и характерною чертою многихъ произведеній Петровскаго времени является то, что главною тэмою, главною основою разсказа оказываются въ нихъ дальнія странствованія, поѣздки за границу для ученья, путешествіе на корабляхъ за море, похожденія „матроса", который является героемъ и въ пѣснѣ [1]), и въ сказкѣ, и въ литературномъ изложеніи повѣсти. Примѣромъ въ данномъ случаѣ могутъ служить два повѣствовательныя произведенія Петровской эпохи: „Исторія о россійскомъ матросѣ Василіѣ Коріотскомъ и прекрасной королевнѣ Иракліи, Флоренской земли" и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ". Въ первомъ изъ этихъ про-

[1]) Кому неизвѣстна старинная русская пѣсня, несомнѣнно Петровскаго времени:

«На Васильевскомъ было славномъ островѣ,
Молодой матросъ корабли снастилъ, и т. д.»

Автографъ П. А. Толстого.

изведеній для насъ не важна самая фабула его—весьма немудрая любовная исторія, заканчивающаяся благополучнымъ бракомъ; не важны и всѣ приключенія главнаго героя „гисторіи“, то попа-

дающагося въ плѣнъ разбойникамъ, то являющагося ихъ атаманомъ. Всѣ эти приключенія и подробности легко могутъ быть и заимствованы изъ того или другого западнаго источника. Важно то, что героемъ выступаетъ впервые „россійскій матросъ“, что онъ является искать счастья въ „*Петербургѣ*“, опредѣляется на службу во флотъ — это все живыя черты современности, неотъемлемо-принадлежащія Петровскому времени и впервые внесенныя въ литературное произведеніе.

Герой другого произведенія, „храбрый Александръ“ — также представляетъ собою типъ новый: это „кавалеръ россійскій“, котораго посылаютъ въ чужіе края для того, чтобы онъ тамъ научился всѣмъ премудростямъ. Эта черта нравовъ, сдѣлавшаяся обычною и общераспространенною въ то время, очевидно, уже никого не пугала и потому вносилась въ произведенія повѣствовательной литературы, какъ пріемъ, весьма удобный для нагроможденія и нанизыванья всякихъ приключеній и прикрасъ вымысла. Ясно замѣтно, что Западъ уже начинаетъ представляться русскимъ людямъ не въ видѣ „Уропьскихъ странъ“, пугавшихъ нѣкогда ихъ воображеніе своимъ басурманскимъ обычаемъ, а въ видѣ „Европы“, привлекающей уже молодое поколѣніе „россійскихъ кавалеровъ“ многими сторонами своей пестрой, дѣятельной и разнообразной жизни. Замѣтно и то, что идеи, проводимыя и насаждаемыя Петромъ въ высшихъ слояхъ общества, начинаютъ проникать въ массу и находить въ ней сочувственные отголоски.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пристрастіе Петра къ Исторіи.—Мечты его о возможности создать нѣкоторое подобіе „Исторіи Россійской“.—Первыя попытки историческаго изложенія при Петрѣ: труды Ѳеофана Прокоповича, Шафирова и Манкіева.—Татищевъ и его дѣятельность.

Неутомимый и неистощимый въ своей любознательности, Петръ Великій отлично понималъ значеніе исторіи; понималъ также и значеніе своей эпохи, своихъ трудовъ и дѣяній для исторіи Россіи. Ему хотѣлось, чтобы русскіе люди могли разумно и сознательно относиться къ своему прошлому и сравнивать его съ настоящимъ; хотѣлось, поэтому, еще при жизни своей создать хотя нѣкоторое подобіе болѣе или менѣе правдивой и осмысленной исторіи Россіи до XVIII вѣка и исторіи своего царствованія, которая бы могла оправдать и подтвердить разумными доводами все то, что онъ дѣлалъ и вынужденъ былъ дѣлать для просвѣщенія Россіи, для полнаго преобразованія ея внутренняго быта. Къ тому, что было сдѣлано до начала XVIII вѣка для Русской Исторіи, онъ относился критически: ни трудъ дьяка Грибоѣдова, ни „Синопсисъ“ Иннокентія Гизеля не удовлетворяли его, хотя

послѣдняя книга въ его царствованіе и была дважды издана [1]), за неимѣніемъ другого, лучшаго учебника для школъ. Ему хотѣлось не похвалъ, не риторическихъ упражненій на историческую тэму,—хотѣлось той „правды", которую онъ такъ любилъ встрѣчать вездѣ, и всюду искалъ, и которой никогда не пугался [2]). Съ тѣмъ упорствомъ, которое составляло одну изъ выдающихся чертъ его характера, Петръ долго высматривалъ кругомъ себя такого человѣка, который былъ бы способенъ принять на себя трудъ составленія Русской Исторіи, и долго не могъ ни на комъ остановить свой выборъ. Въ 1713 г. въ С.-Петербургѣ издана была „*Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества Россійскихъ, во взятіи преславныхъ фортецій и разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій, учиненныхъ надъ войсками его королевскаго величества Свейскаго*".

Иннокентій Гизель, авторъ перваго учебника по Русской исторіи.

Этотъ первый опытъ военной исторіи предшествовалъ другому важному историко-критическому опыту—подканцлера Шафирова: „*Разсужденію о причинахъ войны со Швеціею*" [3]). Петръ до такой степени придавалъ этому „*Разсужденію*" важное значеніе, что самъ исправлялъ его и, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ вступленія, приписалъ многое собственноручно. Трудъ Шафирова, видимо, понравился Петру, и это побудило подканцлера приняться за

---

[1]) Въ 1714 г. Синопсисъ былъ впервые напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ.

[2]) Свое правдолюбіе и удивительную скромность Петръ какъ нельзя лучше доказалъ въ такъ-называемомъ «Журналѣ Петра Великаго», въ которомъ описаны были кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ событія Шведской войны. Этотъ журналъ былъ шесть разъ исправленъ Петромъ Великимъ.

[3]) Полное заглавіе книги гласитъ: «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ I къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентатовъ во время сей пребывающей войны болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ, и кто въ продолженіе оной съ толь великимъ разлитіемъ крови христіанскія и раззореніемъ многихъ земель виновенъ, и съ которой воюющей страны та война, по правиламъ христіанскихъ и политичныхъ народовъ, была ведена. Все безъ пристрастія, фундаментально, изъ древнихъ и новыхъ актовъ и трактатовъ, тако-жъ и изъ записокъ о воинскихъ операціяхъ описано съ надлежащею умѣренностью и истиною».

Автографъ Шафирова.

другой трудъ, который оказался гораздо менѣе удачнымъ, можетъ быть потому, что въ немъ авторъ стремился одновременно къ достиженію нѣсколькихъ цѣлей; онъ написалъ „*Дедикацію, или приношеніе царевичу Петру Петровичу* (царевичу не было тогда и

двухъ лѣтъ!) *о премудрыхъ, храбрыхъ и великодушныхъ дѣлахъ его величества государя Петра I-го*". Это сочиненіе явилось и панегирикомъ, и нѣкоторою попыткою набросать общую картину царствованія Петра, сравнительно съ предшествовавшими ему царствованіями царей изъ дома Романовыхъ. Въ какой степени поспѣшно и небрежно относился авторъ къ выполненію своей трудной задачи, видно изъ того, что Шафировъ, перечисляя заслуги царей Михаила, Алексѣя и Өеодора, позабылъ упомянуть объ уничтоженіи мѣстничества при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ; но этотъ важный пропускъ не прошелъ незамѣченнымъ: самъ Петръ, внимательно за всѣмъ слѣдившій, напомнилъ ему объ этомъ въ особой собственноручной припискѣ.

Изъ этого видимъ, что Петръ, лучше, чѣмъ всѣ его приближенные, зналъ исторію своего отечества—и тѣмъ съ большею разборчивостью долженъ былъ относиться къ выбору человѣка, которому предстояло поручить складное и пространное повѣствованіе о давно-минувшемъ прошломъ Россіи. Сначала онъ рѣшилъ, какъ оказывается, поручить этотъ трудъ человѣку ученому и весь свой вѣкъ возившемуся съ книгами — справщику и управителю московскаго печатнаго двора—уже извѣстному намъ Өеодору Поликарпову. Өеодоръ Поликарповъ, труженикъ неособенно талантливый, но знающій и добросовѣстный, усердно взялся за порученную ему работу, несмотря на то, что былъ заваленъ въ это время и другими дѣлами, и, между прочимъ, переводомъ географіи и составленіемъ лексикона. Его историческій трудъ оказался неудачнымъ и не понравился царю (хотя Петръ, цѣня усердіе и старанія Поликарпова, все же приказалъ ему заплатить за работу), и царь, въ виду такой неудачи, рѣшился временно удовольствоваться подготовкою выписокъ и матеріаловъ для исторіи. Такъ, въ 1719 г., Макарову былъ присланъ для просмотра „*Краткій Лѣтописецъ, или выписка о житіи великихъ князей россійскихъ до государствованія царя Ивана Васильевича*"—трудъ, извлеченный, повелѣніемъ Петра, изъ Степенной книги, съ разными урѣзками и сокращеніями. Вскорѣ послѣ того были, одинъ за другимъ, изданы два указа (одинъ въ декабрѣ 1720, другой въ февралѣ 1722 г.); по одному повелѣвалось „во всѣхъ монастыряхъ осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя, також книги историческія, рукописныя и печатныя"; по другому повелѣвалось „изъ всѣхъ епархій и монастырей взять въ Сvнодъ всѣ рукописи (лѣтописей, степенныхъ книгъ, хронографовъ и т. д.), списать ихъ для библіотеки, а подлинники отправить обратно туда, гдѣ рукописи взяты".

Петръ ищетъ историка.

Послѣ долгихъ исканій и колебаній, Петръ рѣшился, наконецъ, составленіе исторіи своего времени поручить Өеофану Про-

Коповичу, который принялся за это дѣло весьма ревностно, судя по перепискѣ, веденной съ Петромъ во время Персидскаго похода. Онъ совѣтовалъ Петру собираніе свѣдѣній о походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ поручить адъютантамъ, а всѣ ихъ записки отдать на руки „обрѣтающемуся въономъ походѣ Лаврентію, архимандриту Воскресенскому, который записывать будетъ простымъ стилемъ, изъ чего можно будетъ своимъ временемъ и съ украшеніемъ исторію сію собрать".

Историческіе труды Ѳ. Прокоповича.

Но „всуе труждались зиждущіе"... Ѳеофанъ, оставившій нѣсколько любопытныхъ и важныхъ историческихъ изслѣдованій, по достоинствамъ своимъ заслуживающихъ вниманія, призналъ себя безсильнымъ и неподготовленнымъ къ выполненію такой обширной задачи, какъ исторія царствованія Великаго Преобразователя Россіи. Онъ написалъ глубоко прочувствованную „*Повѣсть о смерти Петра Великаго*" (С.-Петербургъ, 1726 г.) и „*Краткую Исторію о дѣлахъ Петра Великаго до Полтавской побѣды*",—слабый и блѣдный набросокъ фактической стороны царствованія. Гораздо болѣе имѣетъ значенія одна изъ подготовительныхъ работъ Ѳеофана къ историческому труду: „*Родословная роспись князей и царей*" (С.-Петербургъ, 1720 г.) и „*Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи*"; — но всѣ эти попытки не двинули впередъ тяжелую и сложную задачу написанія общей Русской Исторіи съ древнѣйшихъ временъ до начала XVIII вѣка.

В. Н. Татищевъ, первый русскій историкъ.

Труды Манкіева.

Любопытно, что въ то самое время, когда эти историческія попытки занимали Великаго Преобразователя и многихъ изъ его современниковъ въ Россіи, подобная этимъ еще одна попытка возникла вдали отъ центровъ русской жизни—въ Швеціи. Посланный туда резидентомъ князь А. Я. Хилковъ, съ самаго начала войны со Швеціею, задержанъ былъ тамъ плѣннымъ и умеръ около 1718 г.; при немъ состоялъ секретаремъ нѣкто А. И. Манкіевъ (или Манкѣевъ), который также раздѣлялъ плѣнъ Хилкова.

Автографъ боярина Б. П. Шереметева.

Въ этомъ плѣну Манкіевъ написалъ весьма обширное (состоящее изъ семи книгъ) сочиненіе по Русской Исторіи, подъ заглавіемъ „*Ядро Россійской Исторіи*“. По какимъ-то страннымъ случайностямъ, усердный трудъ Манкіева долгое время приписывался его ближайшему начальнику, Хилкову; съ именемъ Хилкова, какъ автора, этотъ трудъ былъ даже изданъ, въ концѣ прошлаго вѣка, академикомъ Миллеромъ. Но истина выяснилась со временемъ и честь авторства осталась за Манкіевымъ, хотя и не прославила его имени. По заключенію К. Н. Бестужева-Рюмина, въ изложеніи и воззрѣніяхъ на Исторію Россіи, этотъ трудъ не далеко ушелъ отъ „Синопсиса“ Иннокентія Гизеля, съ тою, впрочемъ, разницею, что событія въ немъ изложены до временъ соцарствія Іоанна и Петра Алексѣевичей. Но и эта попытка общаго изложенія исторіи Россіи еще не основывалась на разработкѣ историческаго матерьяла.

Первый, сколько-нибудь замѣтный трудъ по Исторіи Россіи

суждено было создать одному изъ новыхъ людей, вызванныхъ къ дѣятельности реформою Петра, а именно *Василію Никитичу Татищеву*.

Біографія Татищева.

В. Н. Татищевъ (род. 1686 г., ум. 1750 г.) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей начала прошлаго вѣка—къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени. Образованіе свое онъ получилъ отчасти въ Россіи, отчасти за границей, гдѣ ему пришлось быть дважды — въ ранней молодости, по окончаніи курса въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ (въ Москвѣ), и въ зрѣломъ возрастѣ — послѣ службы на горныхъ заводахъ, на Уралѣ. По возвращеніи изъ первой поѣздки за границу, онъ долгое время служилъ въ военной службѣ, въ артиллеріи, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ походахъ Петровскаго царствованья, до Прутскаго включительно, а потомъ опредѣленъ былъ на службу по горнымъ заводамъ на Уралѣ. Здѣсь столкновеніе съ всемогущими на Уралѣ Демидовыми вызвало противъ него всякія нареканія и обвиненія, которыя, отчасти, способствовали тому, что Петръ удалилъ его отъ службы на горныхъ заводахъ, хотя и признавалъ его дѣятельность на этомъ поприщѣ весьма полезною, и вообще цѣнилъ въ Татищевѣ его неотъемлемыя достоинства. Вѣроятно изъ уваженія къ этимъ достоинствамъ, Петръ, удаливъ Татищева со службы на горныхъ заводахъ, далъ ему тотчасъ же весьма почетное порученіе въ Швеціи, также по горной части, хотя оффиціальное порученіе тутъ было не болѣе, какъ предлогомъ для выполненія другого, секретнаго порученія, которое заключалось въ томъ, что Татищевъ долженъ былъ „смотрѣть и освѣдомляться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытныхъ намѣреньяхъ Швеціи“ — такъ гласила данная ему инструкція. Другими словами — Татищевъ долженъ былъ исполнять въ Швеціи обязанности дипломатическаго и военнаго агента. Изъ своей поѣздки въ Швецію Татищевъ вернулся уже послѣ кончины Петра, и, впослѣдствіи, заодно съ своимъ пріятелемъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и съ юнымъ поэтомъ Кантеміромъ, принималъ дѣятельное участіе въ переворотѣ, направленномъ противъ „верховниковъ“. Татищевымъ была написана записка, поданная по этому поводу въ Верховный Тайный Совѣтъ. Эта политическая дѣятельность выдвинула Татищева по службѣ; онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, и оставался на этомъ постѣ до 1746 г., когда былъ вновь удаленъ со службы и даже отданъ подъ судъ [1]) по клеветѣ сильныхъ враговъ своихъ.

[1]) Какъ состоящій подъ судомъ, Татищевъ, по обычаю времени, содержался на домашнемъ арестѣ. Въ его домѣ жили и солдаты Сенатской роты. Только за день до своей кончины онъ былъ по суду оправданъ и награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Тогда же снятъ былъ и караулъ, бывшій въ его домѣ. Съ удивительною твердостью готовясь къ смерти, В. Н. Татищевъ успѣлъ еще написать императрицѣ благодарственное письмо и отослать обратно орденъ.

Послѣдніе четыре года жизни онъ провелъ въ своемъ имѣніи (с. Болдино, Клинскаго уѣзда, Московской губ.).

Петръ и Татищевъ.

Мы сказали выше, что Петръ цѣнилъ достоинства Татищева, и мы убѣждены въ томъ, что Великій Преобразователь не могъ ихъ не цѣнить: Василій Никитичъ былъ прямымъ дѣтищемъ Петровской реформы, истиннымъ сыномъ своего времени. И нравственный типъ, и общее направленіе всей его дѣятельности, и разнообразный, эклектическій характеръ его образованія, и чрезвычайная многосторонность его практическихъ свѣдѣній, удобоприлагаемыхъ ко всякой спеціальности—все это было совершенно въ духѣ Петра, все это подходило къ тому идеалу русскаго человѣка и гражданина, къ какому стремился Петръ. Прибавьте къ этому натуру сурово-закаленную для самыхъ трудныхъ испытаній жизни, чрезвычайно подвижную и неутомимую въ дѣятельности, и умъ здравый, наблюдательный, острый, быстро обнимавшій всякую область изученія, и намъ станетъ понятно, что Петръ, при своей чрезвычайной проницательности, не могъ не оцѣнить такого полезнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе, что этотъ дѣятель со страстью и безпримѣрнымъ усердьемъ посвящалъ всѣ досуги свои выполненію двухъ любимѣйшихъ задачъ Петра: работамъ надъ Русскою Исторіею и Русскою Географіею, которымъ онъ, по всей справедливости, придавалъ такое важное значеніе.

Занятія географіею.

Ближайшимъ поводомъ къ занятіямъ Русскою Исторіею послужили для Татищева именно предварительныя занятія Русскою Географіею. Брюсъ сдѣлалъ Петру представленіе о необходимости составить подробную географію Россіи. Когда Петру вздумалось поручить это дѣло Брюсу, тотъ въ 1719 г. передалъ его Татищеву, который и принялся за дѣло весьма усердно. Уже въ слѣдующемъ году онъ говорилъ съ Петромъ о планѣ порученной ему русской географіи и о необходимости размежеванія Россіи, а также о составленіи общей карты Россіи. Планъ будущей географіи, задуманный Татищевымъ, былъ настолько обширенъ, что оказался невыполнимымъ при его силахъ и при наличныхъ научныхъ средствахъ. Географію Россіи онъ не написалъ, но зато собралъ по ней много матеріаловъ, а впослѣдствіи и новоучрежденную Академію Наукъ побудилъ собирать географическія свѣдѣнія и матерьялы по вопросамъ особой, имъ составленной и весьма подробной программы. Но при этихъ-то подготовительныхъ работахъ по географіи, Татищевъ, по его собственному признанію, почувствовалъ необходимость въ историческихъ свѣдѣніяхъ и, отложивъ на время занятія по географіи, принялся за собираніе матерьяловъ по Русской Исторіи.

Татищевъ историкъ.

Собиралъ онъ усердно и тщательно, роясь въ архивахъ и библіотекахъ, скупая рукописи и у частныхъ владѣльцевъ, и на торжищахъ, и собралъ (сверхъ того, что уже было извѣстно), большой запасъ лѣтописей [1]), хронографовъ, житій и разнаго рода сборниковъ. Въ 1739 г. трудъ его, составлявшій объемистую рукопись, былъ уже настолько готовъ, что онъ, привезя его въ Петербургъ, показывалъ многимъ, прося дополненій и указаній; но встрѣтился съ такимъ множествомъ противоположныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній, что долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія ознакомить многихъ съ своимъ трудомъ въ рукописи. Ему пришлось даже оправдываться отъ укоровъ въ невѣріи и вольнодумствѣ, и прибѣгнуть къ суду высшей духовной власти—митрополиту Амвросію, который ничего не нашелъ зловреднаго въ его трудѣ и просилъ только о переправкѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ пунктовъ. Но все же эта первая попытка обнародованія историческаго труда, повидимому, поколебала въ Татищевѣ намѣреніе издать его въ свѣтъ—и, продолжая надъ нимъ работать до самой смерти своей, онъ все же не напечаталъ его. Не рѣшились напечатать и его наслѣдники, опасаясь толковъ о вольнодумномъ и антирелигіозномъ направленіи труда. Сынъ Татищева, Евграфъ Васильевичъ, подарилъ списокъ первыхъ трехъ томовъ отцовской „Россійской Исторіи" Московскому Университету, и здѣсь, по повелѣнію императрицы Екатерины II, эти три тома были изданы извѣстнымъ ученымъ знатокомъ русской исторіи Г. Ф. Миллеромъ [2]), между 1768—1774 гг. Въ предисловіи къ III тому, который оканчивается нашествіемъ Батыя, ученый издатель Татищевской исторіи заявилъ надежду на то, что найдутся, вѣроятно, со временемъ, списки съ послѣдующихъ томовъ этого труда. Дѣйствительно, отыскался и четвертый томъ, въ которомъ разсказъ былъ доведенъ до кончины Василія Темнаго; но списокъ этого тома былъ такъ небрежно составленъ, такъ неправиленъ, что Миллеръ отказался его печатать; однакоже, онъ былъ-таки напечатанъ въ 1784 г., въ С.-Петербургѣ. И только уже въ 1843 г. извѣстный русскій историкъ, М. П. Погодинъ, открылъ продолженіе Татищевскаго труда въ своей же собственной библіотекѣ, а именно—пятый и послѣдній томъ его исторіи, въ которомъ, впрочемъ, только царствованіе Іоанна III (по счету Татищева онъ Іоаннъ IV) изложено связно и подробно, а послѣдующія за-

[1]) Всѣхъ списковъ лѣтописей у него было собрано 11: одинъ изъ этихъ списковъ Петръ бралъ у него на время и возилъ съ собой въ Персидскій походъ.

[2]) Изданіе «Исторіи Россійской» производилось со списка, потому что подлинная рукопись, вмѣстѣ съ драгоцѣнною библіотекою Татищева, незадолго передъ тѣмъ сгорѣла во время пожара въ его имѣніи, с. Грибановѣ.

тѣмъ княженія и царствованія представляютъ лишь подборъ матерьяла по лѣтописямъ, заканчивающійся царствованіемъ Ѳеодора Іоанновича [1]).

Значеніе труда Татищева.

Само собой разумѣется, что историческій трудъ Татищева не могъ явиться связною, прагматическою исторіею Россіи съ древнѣйшихъ временъ, потому что и самый матерьялъ историческій не былъ еще для этого въ достаточной степени обработанъ. Связь между цѣлыми историческими эпохами, какъ и между отдѣльными историческими событіями, было еще не легко установить, такъ какъ они еще не были освѣщены критикой. Осторожный Татищевъ прекрасно понималъ всю трудность задачи, которую онъ на себя принялъ, и не пускался въ обширныя обсужденія и изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ; онъ довольствовался изложеніемъ фактовъ по лѣтописи, въ той же хронологической послѣдовательности, а свои личные взгляды и свои мнѣнія (какъ, напримѣръ, извѣстное свое мнѣніе о происхожденіи Руси отъ финновъ) онъ рѣшался высказывать лишь въ примѣчаніяхъ. Однакоже, и факты лѣтописные онъ не списывалъ съ лѣтописи буквально, а вносилъ въ свой сводъ съ нѣкоторою критикою, иногда (въ особенности по отношенію Церковной Исторіи) даже довольно смѣлою. Притомъ Татищеву удалось найти новые, никому до него неизвѣстные памятники, напримѣръ, „Рускую Правду“ и „Судебникъ Іоанновъ“, и онъ эти памятники снабдилъ примѣчаніями и объясненіями, весьма важными по сближеніямъ съ фактами и явленіями бытовой жизни до-Петровской Руси.

По сравненію съ трудами предшествующими,—съ изложеніемъ исторіи дьяка Грибоѣдова, съ „Синопсисомъ“ Гизеля, съ „Ядромъ Россійской Исторіи“ Манкіева,—трудъ Татищева представляетъ собою очень крупное явленіе, смѣлый и важный шагъ впередъ. Это уже не рабское, неосмысленное повтореніе чьихъ-то чужихъ баснословныхъ вымысловъ, а вполнѣ разумное сопоставленіе въ хронологическомъ порядкѣ фактовъ, заимствованныхъ изъ лѣтописи, при чемъ авторъ критически взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ не только самые факты, но и тотъ источникъ, изъ котораго онъ эти факты заимствуетъ; предпочитая, напримѣръ, одну лѣтопись другой, онъ повсюду приводитъ въ оправданіе своего предпочтенія болѣе или менѣе вѣскіе доводы. Даже и въ самыхъ первыхъ строкахъ своего „Предъизвѣщенія“ къ исторіи, авторъ является передъ нами не прежнимъ наивнымъ повѣствователемъ, который все объясняетъ однимъ Божьимъ изволеніемъ или исходящими

---

[1]) Этотъ томъ былъ отдѣльно напечатанъ при чтеніяхъ Московской Общ. Исторіи «Древностей Россійскихъ», за 1848 г.

свыше наградами за добродѣтели и наказаніями за пороки людей; онъ говоритъ иное и говоритъ иначе, какъ человѣкъ, искусившійся не одной только богословской премудростью, но и знаніемъ современныхъ новѣйшихъ европейскихъ философовъ. „Ничто само собою, или безъ причины или внѣшняго дѣйствія, приключиться не можетъ; причины же всякому приключенію разныя, яко отъ Бога или отъ человѣка", говоритъ Татищевъ. И затѣмъ, приступая къ изложенію историческаго матеріала, онъ тутъ же, для любопытныхъ, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ подобною историческою теоріею, ссылается на „физику и мораль господина Волфа", въ которой они могутъ найти для себя „достаточное изъясненіе". А такая теорія уже почти неуклонно приводитъ историка къ прагматизму, составляющему главную основу всякаго историческаго вѣдѣнья...

Сочиненіе Татищева.

Тотъ историческій трудъ, надъ которымъ Татищевъ трудился около тридцати лѣтъ и котораго, по выраженію Миллера, „толь жадно искусные исторической науки любители ожидали", достаточно характеризуетъ намъ личность автора, какъ умнаго, настойчиваго труженика, какъ человѣка сознательно относившагося къ нашему прошлому и постигавшаго пользу историческаго изученія, какъ одинъ изъ важныхъ элементовъ образованія. Но все же личность Татищева осталась бы для насъ нѣсколько темною, если бы кромѣ его *Исторіи Россійской* не сохранились намъ еще два другихъ его произведенія, столько же драгоцѣнныхъ для характеристики автора, сколько и для характеристики его времени. Произведенія эти: „*Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ*" и „*Духовное завѣщаніе сыну моему Евграфу Васильевичу*".

Въ первомъ изъ этихъ произведеній, въ діалогической формѣ, Татищевъ разбираетъ всѣ доводы *за* и *противъ* науки, выясняетъ свое мнѣніе о значеніи наукъ для жизни, распредѣляя ихъ на разряды и, наконецъ, въ краткомъ обзорѣ даетъ понятіе о состояніи современныхъ ему русскихъ училищъ. Въ „Завѣщаніи сыну" онъ невольно вскрываетъ передъ нами свой внутренній міръ, рисуетъ идеалъ человѣка и гражданина, даетъ цѣлый рядъ правилъ житейской мудрости и набрасываетъ передъ нами въ общихъ чертахъ типъ современнаго ему общественнаго дѣятеля, семьянина и хозяина. Это завѣщаніе особенно любопытно по сравненіи съ „Завѣщаніемъ" Посошкова, о которомъ мы уже говорили выше.

---

[1]) Самъ Татищевъ, въ сохранившихся спискахъ своего труда, нигдѣ не называетъ его «Исторіею», а «Лѣтописью».

Татищевъ о наукахъ.

Въ „*Разговорѣ о пользѣ наукъ*“ Татищевъ, прежде всего, старается защитить науки и образованность отъ нападковъ невѣждъ и людей предубѣжденныхъ, утверждающихъ, что науки вредны и ведутъ къ погибели. Доказывая, что науки, напротивъ того, способствуютъ болѣе ясному и болѣе сознательному богопознанію, Татищевъ, въ то же время, какъ и Посошковъ, всѣми силами старается опровергнуть ложное мнѣніе, будто народъ слѣдуетъ держать въ невѣжествѣ и темнотѣ, чтобы „онъ былъ простѣе и къ правленію способнѣе“. Татищевъ на этотъ счетъ высказывается рѣзко и прямо, что онъ „радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ“. Чрезвычайно любопытны его собственныя воззрѣнія на науки, отчасти выражающіяся въ томъ систематическомъ раздѣленіи наукъ, которое онъ допускаетъ: на *нужныя*, *полезныя*, *щегольскія*, *любопытныя* и *вредныя*. Къ *нужнымъ* наукамъ онъ относитъ: „домоводство, врачевство, Законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логику и богословіе“. Петровскій реализмъ, требовавшій отъ каждаго, чтобы онъ былъ воиномъ и практикомъ, такъ и сквозитъ въ этой довольно-таки произвольной программѣ. Къ наукамъ *полезнымъ* Татищевъ относитъ: „письмо, грамматику, краснорѣчіе, иностранные языки, исторію, генеалогію, ботанику, анатомію, физику и химію“. Къ *щегольскимъ* наукамъ отнесены всѣ искусства и „волтижированье“. Къ *любопытнымъ*: „астрологія, физіогномика, хиромантія и алхимія“ и, наконецъ, къ *вреднымъ*: „гаданіе и волшебства всякаго рода“. Въ этомъ распредѣленіи нельзя не обратить вниманія на то, что еще понятіе о наукѣ смѣшивается съ понятіемъ объ искусствѣ и что образованнѣйшій представитель своего времени, знакомый съ сочиненіями Макіавелли, Бейля, Локка, Фонтенеля—еще не можетъ отрѣшиться отъ вѣрованья „въ волшебство и гаданье“. Не лишено значенія и то, что въ перечисленіи наукъ у Татищева видимъ мы *астрологію* въ числѣ наукъ *любопытныхъ*, но не видимъ еще *астрономіи*, хотя уже онъ различаетъ химію отъ алхиміи. Особенно важное значеніе, какъ и слѣдовало ожидать, Татищевъ придаетъ знанію языковъ иностранныхъ и совѣтуетъ для изученія ихъ, ѣздить за границу и не довольствоваться тѣмъ полузнаніемъ, которое пріобрѣтается въ Россіи, при плохомъ школьномъ или домашнемъ преподаваніи [2]).

Въ своемъ „духовномъ завѣщаніи“, Татищевъ отъ общихъ разсужденій о своей грѣховности и распоряженій о своихъ похо-

---

¹) Астрономія, еще въ началѣ XVII вѣка, принадлежала, по мнѣнію нашихъ книжниковъ и представителей духовной власти, къ наукамъ запретнымъ.

²) О всѣхъ русскихъ школахъ своего времени,—высшихъ и низшихъ,—Татищевъ, какъ мы увидимъ далѣе, отзывается весьма неодобрительно.

ронахъ (которыя проситъ совершить „безъ всякихъ чиновъ и убранствъ, по закону христіанскому") переходитъ къ изложенію своего взгляда на жизнь, на различныя стороны воспитанія, на отношенія семейныя и общественныя, при чемъ отдѣльно разсматриваетъ всѣ роды службы: военную, гражданскую и придворную. Въ заключеніе даетъ сыну совѣты, какъ слѣдуетъ распорядиться состояніемъ, управлять дѣлами и имѣніями.

Татищевъ о воспитаніи.

Большое значеніе придаетъ Татищевъ въ своемъ „Завѣщаніи" религіозной сторонѣ воспитанія. Сыну своему онъ совѣтуетъ „сверхъ полученныхъ и воспринятыхъ имъ религіозныхъ наставленій, поучаться въ Законѣ Божьемъ день и нощь даже до старости: для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. библію и катехизисъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоуста (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіонзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, а также печатныя, въ нынѣшнія времена, истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, а также букварь или „*Юности честное зеркало*" за лучшее нравоученіе служить могутъ".

Въ этихъ указаніяхъ и совѣтахъ уже слышится вѣяніе новаго времени. Татищевъ, несмотря на всѣ взводимыя на него обвиненія въ вольнодумствѣ и невѣріи, оказывается, судя по его „Завѣщанію", человѣкомъ религіознымъ, хотя въ его религіозности проглядываетъ нѣкоторая доля раціонализма. Онъ вѣруетъ, но желаетъ вѣровать разумно и сознательно, и потому именно, рядомъ съ твореніями св. Отцовъ, рѣшается указывать сыну и на книги, изданныя въ новѣйшее время Прокоповичемъ, къ которымъ большинство духовенства относилось почти враждебно.

Отъ чтенія религіознаго переходя къ общему образованію, Татищевъ въ немъ придаетъ преобладающее значеніе занятію языками (преимущественно нѣмецкимъ), а также „ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и другими математическими науками".

Сверхъ того,—и это опять-таки черта новая и оригинальная,—какъ на важную часть образованія, Татищевъ указываетъ на необходимость изученія отечественныхъ законовъ не только по печатнымъ указамъ и уложеніямъ, но также и изъ бесѣдъ съ искусными въ законахъ людьми. Практикъ и дѣлецъ сказывается при этомъ въ совѣтѣ—изучать и „ябедническія коварства", чтобы при случаѣ умѣть отъ нихъ защититься.

Переходя къ вопросу объ обязанностяхъ семейныхъ, Татищевъ посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ, прочувствованныхъ строкъ необходимому почитанію родителей, и затѣмъ очень подробно говоритъ о выборѣ дѣвушки въ жены и объ отношеніяхъ

мужа къ женѣ. Главнѣйшими качествами жены Татищевъ признаетъ ея происхожденіе изъ хорошей семьи, „разумъ и здравіе"... „Посредственная красота и разность лѣтъ, или жена не менѣе десятью годами моложе къ сожитію есть лучшее". Новымъ духомъ вѣетъ и отъ взглядовъ Татищева на положеніе жены въ семьѣ. Мужу онъ совѣтуетъ болѣе всего избѣгать ревности и жестокости и постоянно помнить, что „жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница: во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ: такъ и тебѣ съ ней должно быть"... Свои совѣты по части женитьбы Татищевъ завершаетъ слѣдующимъ оригинальнымъ замѣчаніемъ: „не дѣлай свадебной церемоніи пышной, чтобы не дѣлать изъ себя живой картинки, какъ мыши кота погребаютъ". Отъ обязанностей семейныхъ Татищевъ переходитъ къ обязанностямъ общественнымъ. Главною основою онъ полагаетъ вѣрность государю и ревностное отношеніе къ службѣ и, прежде всего, предостерегаетъ сына отъ всякаго участія въ какихъ-либо политическихъ переворотахъ. Затѣмъ, имѣя въ виду долгую, почти пожизненную службу дворянина въ Петровское время, онъ совѣтуетъ начинать со службы военной и ей отдавать раннюю молодость (между 18 и 25 годами) и только уже по вступленіи въ зрѣлый возрастъ приниматься за болѣе трудную во всѣхъ отношеніяхъ службу гражданскую[1]). Свои разсужденія о служебныхъ обязанностяхъ Татищевъ заканчиваетъ слѣдующимъ весьма характернымъ заключеніемъ: „никогда о себѣ не воображай, чтобы ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя и обойтись невозможно; равно и о другихъ того не думай: знай, что таковыхъ людей Богъ въ свѣтъ не создалъ".

Татищевъ какъ гражданинъ.

До 50 лѣтъ дворянинъ обязанъ былъ служить, по мнѣнію Татищева, а послѣ этого возраста посвящать все свое время на хозяйственныя заботы по имѣнію, въ которомъ, получивъ отставку, дворянинъ поселяется. Къ чести Татищева должно приписать, что онъ выказываетъ много человѣчности въ своемъ взглядѣ на отношенія помѣщика къ крестьянамъ. Онъ заботится о томъ, чтобы „попъ въ селѣ былъ ученый, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою (проповѣдью) къ совершенной добродѣтели крестьянъ довести могъ". Заботится онъ и о матерьяльныхъ нуждахъ крестьянъ: при имѣніи, по его мнѣнію, должны быть бани, больница, домашній лѣкарь и аптека. Все это необходимо для того, чтобы крестьяне не обращались „къ проклятымъ обманщикамъ, ворожеямъ, шептунамъ и колдунамъ". Помѣщикъ, сверхъ того, обязанъ озаботиться о призрѣніи си-

[1]) Къ службѣ придворной Татищевъ относится крайне непріязненно: «кромѣ повелѣнія монаршаго, никакъ сего чина не ищи», совѣтуетъ онъ сыну.

рыхъ и увѣчныхъ крестьянъ. Но зато и отъ крестьянъ, и отъ дворовыхъ онъ требуетъ постояннаго и усиленнаго труда и за праздность опредѣляетъ суровыя кары. Въ распредѣленіи хозяйственныхъ работъ, которыя Татищевъ подробно излагаетъ въ „Завѣщаніи", виденъ не только опытный и дѣятельный хозяинъ, но и практикъ, привыкшій всѣмъ пользоваться и постоянно помнящій свои интересы.

Свои наставленія и совѣты сыну Татищевъ заканчиваетъ однимъ общимъ выводомъ:

„Не тотъ богатъ, кто денегъ имѣетъ много и еще желаетъ, и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же сожалѣетъ о томъ и не желаетъ: а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ,—роскошь презирать и скупость въ домъ не пускать".

Вообще, въ каждой строкѣ этого замѣчательнаго „Завѣщанія" отражается характерная личность типическаго представителя Петровскаго времени,—человѣка съ яснымъ, практическимъ умомъ и съ желѣзною волею, человѣка, много на своемъ вѣку видавшаго и испытавшаго, и готоваго къ испытаніямъ, какъ неизбѣжнымъ явленіямъ жизни... Но рядомъ съ этою типическою личностью автора, въ „Завѣщаніи" ясно отражается и тотъ несомнѣнный и усиленный прогрессъ общественной жизни русской, которая такъ быстро шагнула впередъ въ краткій періодъ первыхъ трехъ десятилѣтій прошлаго вѣка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Исторія Академіи Наукъ въ первое время ея существованія.—Библіотека и кунсткамера.—Первыя основы Академіи.—Приглашеніе первыхъ академиковъ и ихъ дѣятельность.—Академическія торжества. Времена Бироновщины.—Академическое хозяйство.—Научная дѣятельность академиковъ въ первомъ періодѣ существованія Академіи Наукъ.

Выше уже видѣли мы, какъ зародилась у Петра мысль объ учрежденіи въ Россіи Академіи Наукъ; какъ онъ, по поводу этой мысли, вступалъ въ сношенія съ первѣйшими учеными знаменитостями европейскими, выслушивалъ ихъ мнѣнія и воззрѣнія на будущее ученое учрежденіе, и какъ, наконецъ, пришелъ къ своему, довольно оригинальному плану, который считалъ наиболѣе пригоднымъ для Россіи.

Первая публичная библіотека.

Не мѣшаетъ, однакоже, припомнить, что ранѣе открытія Академіи въ новой Россійской столицѣ было положено основаніе двумъ важнымъ ученымъ учрежденіямъ, которыя потомъ вошли въ составъ Академіи Наукъ. Первое изъ нихъ была библіотека

(нынѣшняя академическая); второе—кунсткамера (нынѣшній академическій музей[1]). Эта нынѣшняя академическая, а попрежнему ея названію „петербургская", библіотека, замѣчательна именно тѣмъ, что она была *первымъ въ Россіи книгохранилищемъ*, которое стало доступнымъ для общественнаго пользованія (съ 25 октября 1728 г.). Основою этому книгохранилищу послужили книги, конфискованныя въ разныхъ городахъ остзейскихъ провинцій во время великой Сѣверной войны. Книги эти складывались, по мѣрѣ накопленія, во дворцѣ, въ Лѣтнемъ саду. Затѣмъ сюда же, къ этому книжному фонду, стали прибавляться книги, получавшіяся съ разныхъ сторонъ. Такъ сюда поступили медицинскія книги изъ бывшаго въ Москвѣ при царяхъ Аптекарскаго Приказа; потомъ небольшая библіотека богословскихъ сочиненій, принадлежавшихъ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу; книги Андрея Виніуса; богатая библіотека Арескина, любимаго медика Петра Великаго; библіотека, конфискованная вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ у Шафирова — и затѣмъ уже въ составъ ея стали входить, въ видѣ пополненія, новыя пріобрѣтенія, закупаемыя за границей по спеціальному порученію царя.

Сообразно этому постепенному возрастанію библіотеки, она переносилась съ мѣста на мѣсто—сначала изъ дворца, въ Лѣтнемъ саду, въ обширныя палаты Александра Кикина, казненнаго по дѣлу царевича Алексѣя; а затѣмъ уже въ то зданіе, въ которомъ она помѣщается съ 1728 года и донынѣ, на Васильевскомъ Островѣ, у Дворцоваго моста. Надзоръ за библіотекой былъ порученъ Петромъ Великимъ его медику Арескину; а тотъ, въ 1714 г., велѣлъ привести эту библіотеку въ порядокъ своему секретарю, Іоанну Даніилу Шумахеру[2]), который, при помощи различныхъ связей и ухищреній, успѣлъ впослѣдствіи выйти въ люди, попасть сначала въ секретари Академіи, а потомъ въ совѣтники и директоры, и не мало вредилъ научнымъ интересамъ Академіи своими личными расчетами.

Первый публичный музей.

Точно такъ же, какъ и библіотека, постепенно создавалась и разросталась и *кунсткамера*—будущій Музей Академіи. Это учрежденіе вначалѣ представляло собою нѣчто весьма туманное и неопредѣленное; зародилось оно просто, изъ страсти Петра къ собиранію разныхъ диковинокъ и рѣдкостей. Собираніе это и началось еще съ перваго путешествія юнаго царя по Европѣ, гдѣ онъ отчасти пріобрѣлъ, отчасти получилъ въ подарокъ рѣдкіе экземпляры птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ; къ этимъ коллекціямъ

[1]) Это старое названіе и до сихъ поръ сохранилось въ народѣ за Музеемъ Академіи Наукъ.

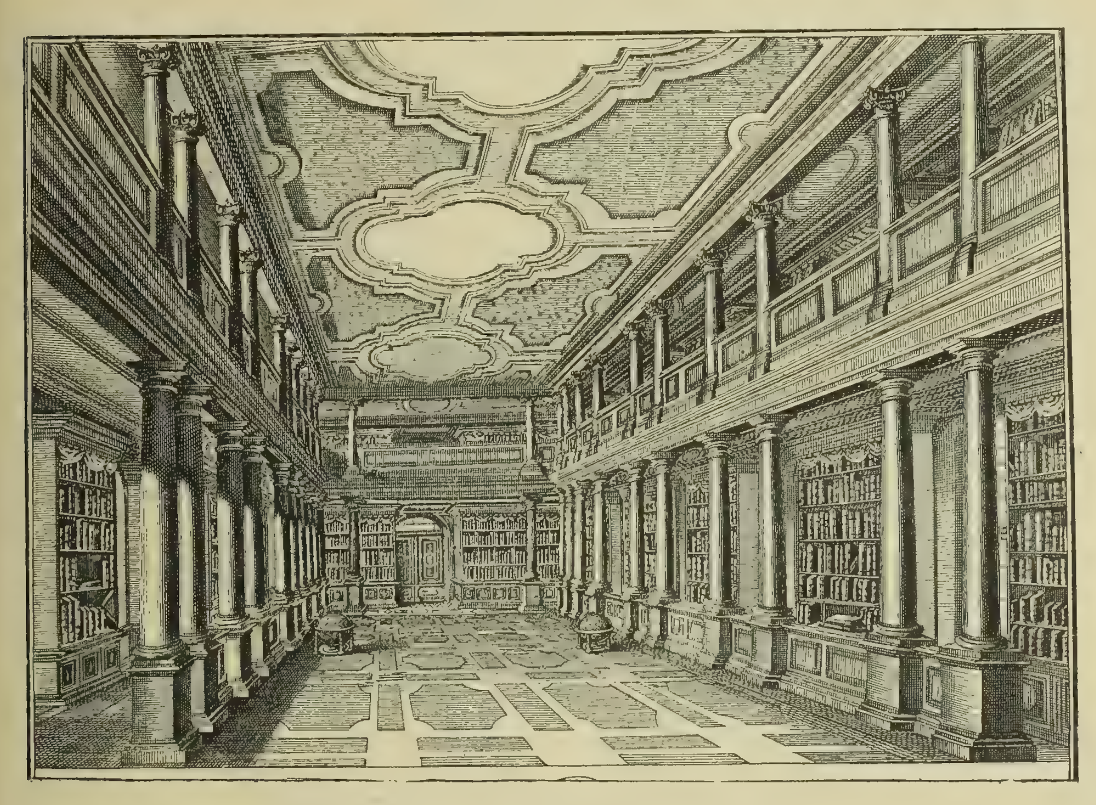
[2]) Онъ былъ женатъ на дочери придворнаго кухмистера Фельтена котораго очень любили и Петръ, и Екатерина I

присоединена была перевезенная изъ Москвы коллекція уродцевъ и анатомическихъ препаратовъ московской царской аптеки. Въ 1714 г. царь закупилъ въ Копенгагенѣ и прислалъ въ Петербургъ цѣлый корабль всякихъ „раритетовъ". Все это хранилось сначала во дворцѣ, въ Лѣтнемъ Саду, потомъ въ двухъ каморкахъ Меньшиковскихъ палатъ; но коллекціи стали такъ быстро возрастать и въ количествѣ, и пріобрѣтать значеніе въ качественномъ отношеніи, что для нихъ потребовалось отвести особое помѣщеніе въ Шафировскихъ палатахъ, взятыхъ въ казну послѣ опалы этого временщика. Въ короткое время царь Петръ пріобрѣлъ въ Дан-

Общій видъ Академической библіотеки и Кунсткамеры (съ Невы), въ началѣ XVIII вѣка.

цигѣ, у дочери Готвальда, коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, и въ Амстердамѣ (за 15,000 флориновъ) весьма извѣстное въ то время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, составленное Себою. Потомъ, за 50,000 флориновъ—богатый анатомическій кабинетъ. По возвращеніи въ Россію изъ второго путешествія, царь издалъ очень важный указъ (13 февраля 1718 года), по которому всякіе „монстры, курьезы и раритеты" предписывалось присылать со всѣхъ концовъ Россіи въ Петербургъ. Въ числѣ тѣхъ же диковинокъ значились и „найденные въ землѣ или въ водѣ каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, старое необыкновенное оружье, посуда и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно"... И за присылку всего этого назначены были опредѣленныя награды. Вскорѣ этотъ

странный, неопредѣленный и расплывчатый Музей разросся уже до такихъ размѣровъ, что для содержанія его въ порядкѣ, кромѣ Шумахера, „надсмотрителя всякихъ раритетовъ и натуралей“, потребовался цѣлый штатъ служителей и довольно значительные расходы. Въ это время коллекціи кунсткамеры были уже настолько обширны и разнообразны, что возбуждали любопытство даже и въ иностранцахъ, посѣщавшихъ Петербургъ. Самъ Петръ посѣщалъ это учрежденіе очень часто и прилагалъ всевозможныя



Одна изъ залъ Академической библіотеки, по современной гравюрѣ, начала XVIII вѣка.

заботы къ его процвѣтанію. Чрезвычайно любопытною чертою времени представляются заботы Петра о томъ, чтобы въ публикѣ возбудить интересъ къ посѣщенію кунсткамеры; съ этою цѣлью онъ приказалъ, на казенный счетъ, *угощать посѣтителей кунсткамеры*, и въ виду этого, Шумахеру на угощеніе посѣтителей отпускалась особая сумма.

Три съ небольшимъ мѣсяца спустя послѣ кончины Петра Великаго, когда уже думали приступить къ открытію Академіи, по представленію перваго ея президента, къ тѣмъ домамъ, въ которыхъ помѣщались уже библіотека и кунсткамера, прибавили еще смежный домъ — бывшія палаты царицы Прасковьи Θеодоровны (въ нихъ и понынѣ помѣщается Академія Наукъ); сверхъ **Открытіе Академіи Наукъ.**

того, для помѣщенія приглашенныхъ въ Россію иностранныхъ академиковъ принаняты были еще дома у частныхъ владѣльцевъ, также на Васильевскомъ Острову.

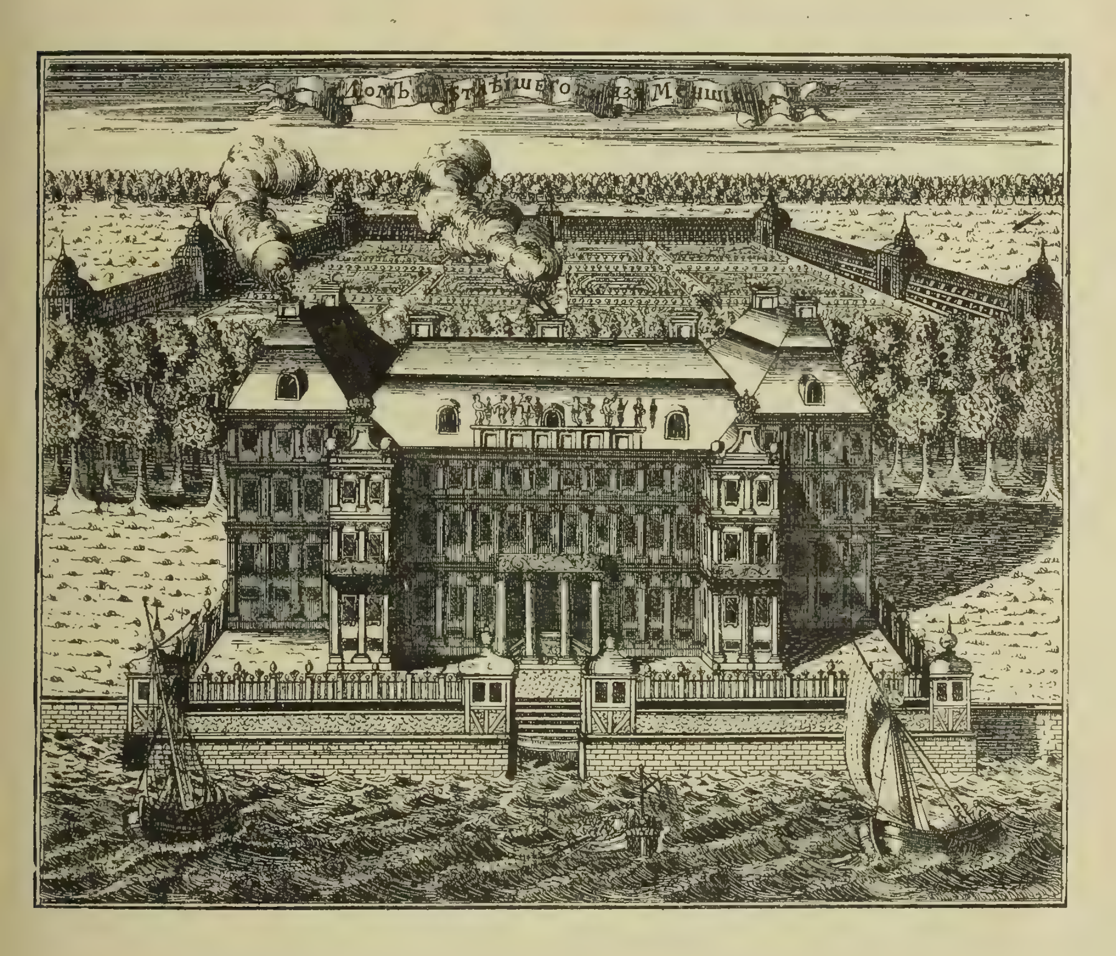
Какъ уже намъ извѣстно, Петръ, еще при жизни своей, началъ обширную переписку о вызовѣ академиковъ изъ чужихъ краевъ и опредѣлилъ на содержаніе Академіи 24.912 р. таможенныхъ и иныхъ доходовъ, которые собирались съ городовъ: Дерпта, Нарвы, Пернова и Аренсбурга. Въ то же время начата была и обширная переписка о вызовѣ ученыхъ изъ Европы для занятія академическихъ каѳедръ при новоучрежденной Академіи. Однакоже, Петру не удалось довести начатое дѣло до конца. Екатерина I, тотчасъ по воцареніи, поспѣшила заявить черезъ русскихъ дипломатовъ и публикаціи въ иностранныхъ газетахъ, что она намѣрена довершить предпринятое Петромъ учрежденіе Академіи Наукъ. Лейбъ-медикъ покойнаго императора, *Блюментростъ*, назначенъ былъ новою императрицею въ президенты Академіи, и, пользуясь своимъ важнымъ значеніемъ при Дворѣ, задумалъ какъ можно лучше обставить и обезпечить Академію, ввѣренную его попеченіямъ. И дѣйствительно, заботливость его объ Академіи простиралась до того, что европейскіе ученые, начавшіе съѣзжаться въ Петербургъ со второй половины 1725 г., увидѣли себя совершенно обезпеченными во всѣхъ, даже и самыхъ мелочныхъ, нуждахъ. 15-го авг. 1725 г. вся ученая коллегія, по желанію императрицы, была ей представлена въ полномъ составѣ. Пріемъ происходилъ въ лѣтнемъ дворцѣ, и — по свидѣтельству одного изъ академиковъ—„даже и важнѣйшіе изъ посланниковъ не могли бы желать аудіенціи великолѣпнѣе и благосклоннѣе данной академикамъ“.

Первое засѣданіе Академіи.

Въ сентябрѣ 1725 г. Блюментростъ представлялъ императрицѣ на утвержденіе проектъ устава Академіи, составленный имъ совмѣстно съ академиками. Но уставъ не былъ утвержденъ, и это повело къ тому, что ученыя занятія и предпріятія академиковъ очутились въ рукахъ лицъ, заправлявшихъ академическимъ хозяйствомъ, что и должно было повести впослѣдствіи къ большимъ неурядицамъ и пререканіямъ. 12-го ноября того же года происходило первое ученое засѣданіе академическаго собранія, котораго протоколъ сохранился и до нашего времени; на 24-е ноября, день тезоименитства императрицы, назначено было первое торжественное засѣданіе Академіи. Но ледоходъ долго мѣшалъ выполненію этого замысла, и собраніе состоялось уже только 27-го декабря, [1]) въ Шафировскихъ палатахъ, въ присутствіи гер-

[1]) Затѣмъ оно неизмѣнно повторялось въ этотъ день до 1776 г., когда, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея Академіи, императрица Екатерина II пожелала присутствовать на торжественномъ засѣданіи и назначила день его 29-го декабря. Съ той поры и донынѣ торжественныя засѣданія Академіи происходятъ въ это число мѣсяца декабря каждаго года.

цога Голштинскаго и всѣхъ высшихъ чиновъ Государства — духовныхъ, придворныхъ и гражданскихъ. Рѣчи говорены были академикомъ *Бильфингеромъ* — любимымъ ученикомъ и талантливымъ послѣдователемъ Хр. Вольфа, и академикомъ *Германомъ*, котораго такъ уважалъ Лейбницъ. На второмъ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ присутствовала (1-го авг. 1726 г.) сама императрица; для нея былъ принесенъ въ Шафировскія

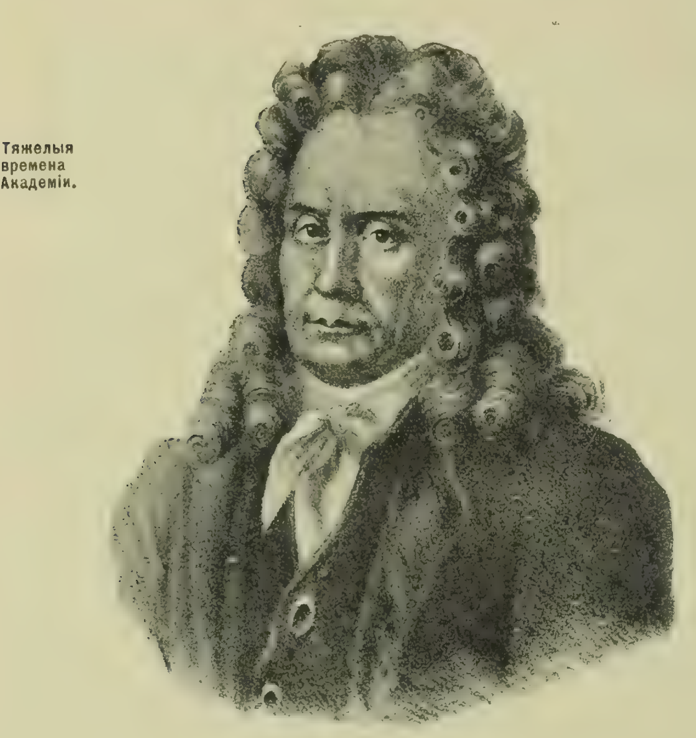


Меньшиковскія палаты, близъ Академіи Наукъ, по современному рисунку.

палаты [1]) изъ Сената Петровскій тронъ съ балдахиномъ; у входа въ Академію былъ поставленъ почетный караулъ, а на балконѣ — музыка, для встрѣчи высокоименитыхъ гостей. Академики встрѣтили императрицу на берегу, когда она съѣзжала съ баржи (мостовъ тогда на Невѣ не было). Входъ императрицы въ академическій залъ былъ встрѣченъ пѣніемъ кантаты, сочиненной академикомъ Бокенштейномъ. Академики размѣстились противъ

[1]) Шафировскія палаты—домъ бывшаго канцлера—стояли въ самомъ аристократическомъ мѣстѣ тогдашняго Петербурга—на Петербургской сторонѣ, близъ мыса Большой Невки.

трона, за особымъ полукруглымъ столомъ, а президентъ сталъ близъ трона, и къ нему, во время рѣчей, императрица обращалась за разъясненіями. Въ началѣ засѣданія академикъ Байеръ произнесъ похвальное слово Екатеринѣ I, которое, въ современной Германіи, почиталось образцомъ краснорѣчія. Затѣмъ, Германъ и Гольдбахъ говорили по-латыни краткія рѣчи по вопросамъ математическимъ. Торжество, по удаленіи императрицы, закончилось пиршествомъ, которое длилось всю ночь [1]).



Блюментростъ, первый президентъ Академіи Наукъ.

Тяжелыя времена Академіи.

Съ кончиною императрицы Екатерины I (6 мая 1727 г.), наступило для Академіи тягостное переходное время... Время сомнѣній и опасеній, вызванныхъ мрачнымъ историческимъ періодомъ, наступившимъ тогда для всей Россіи. Тогда въ Академіи явились и новые люди, и новые порядки, вызванные общественной неурядицей.

Въ первое время по кончинѣ императрицы Екатерины I, перемѣна въ положеніи Академіи была еще не очень чувствительна, хотя академики и съ большою неувѣренностью смотрѣли въ будущее. Однакоже, изъ среды Академіи былъ избранъ воспитатель къ юному Петру II, а нѣкоторымъ изъ академиковъ было поручено составить руководства для преподаванія наукъ императору. Притомъ, и въ средѣ академиковъ тогда еще господствовало полнѣйшее согласіе и единеніе.

Но послѣ паденія Меньшикова, и въ особенности въ то время, когда Петръ II съ Дворомъ отправился въ Москву, Академія

[1]) На первое торжественное собраніе Академіи (27 декабря 1726 г.) были разосланы петербургскому обществу приглашенія, напечатанныя по-латыни и по-русски. «Замѣчательно», говоритъ историкъ Академіи, «что только въ этотъ разъ Академіи приданъ былъ титулъ россійской», тогда какъ впослѣдствіи она уже постоянно называлась «петербургской», а названіе *россійской* (значительно позднѣе) присвоено было другому ученому учрежденію, какъ мы это увидимъ далѣе.

Наукъ увидѣла себя въ очень странномъ и неопредѣленномъ положеніи. Однимъ изъ весьма зловѣщихъ симптомовъ разложенія явилось то, что, прежде всего, опустѣла академическая гимназія: ученики, особенно изъ знатныхъ, уѣхали въ Москву съ семействами своихъ родителей, такъ какъ всѣ, кто только имѣлъ малѣйшую возможность покинуть всѣмъ ненавистный и неудобный Петербургъ, спѣшили воспользоваться первымъ случаемъ къ выѣзду изъ новой столицы. Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что академическая гимназія послѣ этого перваго удара, нанесеннаго ей отъѣздомъ Двора въ Москву, уже болѣе не поднималась [1]), и никогда не имѣла такого количества учениковъ, какъ въ первое время своего существованія. Другою большою невзгодою для Академіи было то, что ея президентъ, Блюментростъ, долженъ былъ послѣдовать за Дворомъ въ Москву, и Академія, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, была предоставлена на произволъ своего деспотическаго секретаря, Шумахера.

Академія очутилась безъ средствъ по очень простой причинѣ: сумма, назначенная отъ казны на ея содержаніе, въ отсутствіе Двора, не отпускалась вовсе. По этому случаю и жалованье академикамъ не выдавалось, и не было возможности покрывать даже и мелкіе расходы. Въ академическомъ архивѣ сохранились весьма любопытные документы изъ этого бѣдственнаго періода, въ теченіе котораго приходилось учрежденію прибѣгать къ всякаго рода ухищреніямъ для покрытія своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Такъ, напр., 26 іюня 1729 г. въ журналѣ Академіи записано было такое постановленіе: „для необходимыхъ нетерпящихъ времени потребностей, также для покупки къ типографіямъ и къ словолитному дѣлу, и къ кузницѣ матеріаловъ, безъ коихъ пробыть невозможно,—взять у кого пристойно взаемъ, на счетъ академическій 500 рублей". Въ другой разъ, канцелярія Академіи должна была даже прямо прибѣгнуть къ обману—заняла желѣзо изъ бергъ-коллегіи, подъ предлогомъ его надобности для академическихъ построекъ, и потомъ распродавала сама это желѣзо въ частныя руки. Понятно, что Шумахеръ могъ въ это время (29 марта 1731 г.) писать къ Блюментросту въ Москву: Безденежье Академіи.

„До сихъ поръ я утѣшеніями побуждалъ къ исполненію обязанностей и работъ, какъ академиковъ, такъ и прочихъ, зависящихъ отъ Академіи лицъ. Но теперь это уже невозможно: вслѣдствіе задержекъ въ полученіи денегъ, каждый недоволенъ и бранчивъ, и я, дѣйствительно, опасаюсь, что нельзя будетъ скоро

[1]) Мы увидимъ далѣе, что и во времена Ломоносова приходилось принимать всякія мѣры для пополненія комплекта учениковъ гимназіи.

поправить такое бѣдствіе, а также предупредить всеобщее возстаніе и полнѣйшее распаденіе Академіи"...

Безпорядки академическаго хозяйства.

Безпорядокъ академическаго хозяйства значительно увеличивался еще тѣмъ, что съ перваго же года ея существованія у нея ежегодно оказывался дефицитъ, постоянно возраставшій, и къ 1732 г. составлявшій уже весьма значительную по тому времени сумму въ 35.818 руб. Дефицитъ происходилъ оттого, что при Академіи заведено было много разныхъ вспомогательныхъ заведеній и мастерскихъ, стоившихъ очень дорого: большая типографія со словолитней, переплетная, мастерская для рѣзьбы на камняхъ, а позднѣе, еще и палаты гравировальная и рисовальная. На эти мастерскія уходило много денегъ, а между тѣмъ правленіе Академіи отказывало академикамъ въ покупкѣ необходимыхъ инструментовъ и въ заведеніи лабораторій. Академики, конечно, на это сѣтовали и жаловались, хотя, въ сущности, надо замѣтить, что академическія заведенія и мастерскія повліяли благодѣтельно на распространеніе въ Россіи разныхъ ремеслъ и даже цѣлыхъ отраслей промышленности [1]). Въ 1729 г. академики даже подавали прошеніе на имя императора Петра II, объясняя, что считаютъ для себя унизительнымъ распоряженіе президента, въ силу котораго онъ предоставилъ Академію (въ своемъ отсутствіи) въ распоряженіе Шумахера; они предлагали выбрать изъ своей среды директора и вторично ходатайствовали объ утвержденіи академическаго регламента. Прошеніе ихъ и на этотъ разъ было оставлено безъ вниманія, и ученая коллегія еще надолго предоставлена была въ распоряженіе чиновниковъ академической канцеляріи.

Хлопоты Блюментроста.

Блюментростъ, въ самомъ началѣ царствованья императрицы Анны Іоанновны, представлялъ ей, что необходимо немедленно уплатить долги Академіи и затѣмъ увеличить ея ежегодное содержаніе на 10.618 рублей. Академики, со своей стороны, представили „разсужденіе", въ которомъ было много дѣльныхъ замѣчаній, а сумма въ 10.618 руб. признавалась недостаточною для покрытія нуждъ Академіи, при которой не было еще ни обсерваторіи, ни физическаго кабинета, ни химической лабораторіи, ни анатомическаго театра. Но всѣ хлопоты Блюментроста и доводы академиковъ оставлены были безъ вниманія. Второму президенту

[1]) Достаточно припомнить здѣсь, что типографія Академіи (до самаго разрѣшенія учреждать подобныя заведенія частнымъ лицамъ) снабжала всѣ казенныя типографіи въ Россіи—станками, шрифтами и др. типографскими принадлежностями; что Академія образовала цѣлую школу весьма замѣчательныхъ русскихъ граверовъ; что на Петергофской академической шлифовальной мельницѣ обучались ученики, присланные изъ Екатеринбурга, гдѣ потомъ шлифованье камней такъ распространилось и доведено было до такого совершенства.

Академіи, барону *Герману фонъ-Кейзерлингу*—пользовавшемуся большимъ значеніемъ при Дворѣ — удалось только выхлопотать для Академіи единовременное пособіе въ 30.000 рублей на уплату долговъ; но этотъ президентъ оставался въ Академіи менѣе года и уступилъ мѣсто третьему президенту — барону *Корфу*, которому приданъ былъ странный титулъ „главнаго командира Академіи Наукъ“ [1]).

Главный командиръ Академіи.

Въ концѣ 1736 г. этотъ „главный командиръ“ увидѣлъ себя вынужденнымъ напомнить правительству, что „ежели Академія скорой помощи не получитъ и не приведена будетъ въ надлежащее и опредѣленное состояніе, то имѣетъ она, безъ сомнѣнія, разрушиться, и толь многія тысячи, купно съ оною честью, которую Академія у иностранныхъ себѣ получила, пропадутъ безъ всякой пользы“... Не менѣе энергичны были представленія и слѣдующаго президента—*Бреверна*, который доказывалъ, что Академіи Наукъ слѣдуетъ ассигновать на содержаніе не менѣе 50.000 р. и, сверхъ того, уплатить ея долги. Но на всѣ подобныя заявленія правительство не обращало вниманія и довольствовалось только выдачею единовременныхъ пособій, которыя нимало не улучшали печальнаго положенія Академіи. Оно измѣнилось къ лучшему только тогда, когда на престолъ вступила императрица Елисавета, съ которой и начинается новый и лучшій періодъ въ исторіи Академіи Наукъ.

Послѣ этого краткаго обзора внѣшней исторіи Академіи за первый періодъ ея существованія, любопытно будетъ взглянуть на ученую дѣятельность Академіи въ тотъ же періодъ, соображая, конечно, эту дѣятельность съ окружавшею ученое общество дѣйствительностью.

Вызовъ иноземныхъ ученыхъ.

При самомъ основаніи Академіи, Хр. Вольфъ не ожидалъ отъ учрежденія ея никакихъ полезныхъ результатовъ и писалъ откровенно Блюментросту, что для Россіи было бы полезнѣе, если бы въ Петербургѣ затѣяли учредить не Академію, а университетъ... „Тогда“ — писалъ Вольфъ, — „и ученыхъ дѣятелей легче было бы отыскать для Россіи; а то съ новою Академіей можетъ, пожалуй, случиться то же, что съ берлинскою, которая въ ученомъ мірѣ извѣстна только по имени“.

Но въ Петербургѣ твердо стояли на своемъ, и германскому философу оставалось только одно: озаботиться вызовомъ въ Россію ученыхъ людей, изъ которыхъ должна была составиться Академія. Вольфъ былъ въ этомъ выборѣ чрезвычайно строгъ и добросовѣстенъ, а потому и приглашенные имъ въ С.-Петербургъ

[1]) До какой степени новый президентъ былъ сторонникомъ канцеляризма въ Академіи, видно изъ того, что онъ распредѣлялъ ея бюджетъ такъ: на содержаніе канцеляріи—4.900 р., а на гимназію—3.840 р., на библіотеку и кунсткамеру—2.350 р. и т. д.

ученые — *Германъ*, *братья Бернулли*, *Бильфингеръ* — успѣли сразу дать ей прочное положеніе въ европейскомъ ученомъ мірѣ, гдѣ и „академическіе комментаріи“ (органъ Петербургской Академіи) были весьма благопріятно встрѣчены всѣми европейскими учеными. Благодаря этимъ первымъ академикамъ, въ новой Академіи установился настолько хорошій духъ и тонъ, какъ у корпораціи ученой, что даже и молодые ученые, приглашенные первыми членами Академіи въ качествѣ адъюнктовъ, быстро пріобрѣли себѣ трудами своими извѣстность въ ученомъ мірѣ. Таковы были, напримѣръ, *Эйлеръ*, *Мюллеръ*, *Гавенъ*, *Крафтъ*, *Вейтбрехтъ*. Каковъ именно былъ духъ, преобладавшій въ ученой академической коллегіи — это легко видѣть изъ слѣдующаго эпизода. Президентъ Блюментростъ, видя Академію въ нуждѣ, хотѣлъ вывести ее изъ этого затруднительнаго положенія, и въ этихъ видахъ придумалъ слѣдующее: побудить академиковъ, чтобы они просили Бирона принять на себя почетное званіе „протектора“ Академіи. Когда Шумахеръ получилъ письмо Блюментроста о протекторствѣ Бирона, то былъ вполнѣ увѣренъ, что академики не дерзнутъ отказаться отъ такого выгоднаго для нихъ предложенія; на этомъ основаніи, 29 ноября 1731 года, Шумахеръ поспѣшилъ увѣдомить президента, что академики въ восторгѣ отъ его предложенія и благадарятъ за хлопоты и старанія объ Академіи. По счастію, его усердіе оказалось слишкомъ поспѣшнымъ: академики не только не одобрили мысль Блюментроста, но и отказались подписать просительное письмо Бирону—и дѣло рухнуло, надѣлавъ не мало хлопотъ Шумахеру, которому пришлось хитрить и выдумывать разныя небылицы для того, чтобы какъ-нибудь вывернуться изъ неловкаго положенія.

Вліяніе академической канцеляріи. Только уже подъ вліяніемъ вреднаго бюрократическаго давленія со стороны канцеляріи, пріобрѣтавшей среди неурядицы все болѣе и болѣе силы и значенія, выборъ въ члены Академической коллегіи сдѣлался менѣе строгимъ, и такъ какъ при этомъ выборѣ мнѣнія ученыхъ не спрашивали, то въ средѣ академиковъ явились и такія лица, которыя были въ состояніи только бойко писать нѣмецкіе стихи на иллюминаціи и фейерверки, и сочинять аллегоріи и надписи къ различнымъ придворнымъ торжествамъ, и ни къ какой научной дѣятельности не были пригодны. Таковы именно были академики *Штелинъ* и *Юнкеръ*. И чѣмъ болѣе канцелярскіе порядки усиливались и пріобрѣтали значенія въ Академіи, тѣмъ болѣе посредственностей и даже ничтожествъ являлось въ средѣ академической коллегіи: тутъ въ число академиковъ затесались и родственники Шумахера, по его протекціи, и люди, пользовавшіеся покровительствомъ сильныхъ міра сего, какъ, напримѣръ, *Штрубе-де-Пирмонъ*, секретарь Бирона, и *Ле-Руа*, учитель дѣтей этого временщика.

Неравенство наукъ въ Академіи.

Чрезвычайно любопытно то мнѣніе, которое историкъ Академіи высказываетъ въ объясненіе преобладанія нѣкоторыхъ наукъ надъ остальными въ академической научной дѣятельности. Быстрые успѣхи у насъ наукъ математическихъ академикъ Пекарскій объясняетъ не только тѣмъ, что геніальный Эйлеръ успѣлъ по себѣ оставить много даровитыхъ учениковъ, но еще гораздо болѣе тѣмъ, что эта отрасль знаній не стояла ни въ какомъ соотношеніи съ постепеннымъ и весьма медленнымъ развитіемъ у насъ идей политическихъ и религіозныхъ, которыя имѣютъ такое преобладающее (и часто такое подавляющее) значеніе въ наукахъ политическихъ и историческихъ. Тогдашній уровень общественнаго развитія не могъ благопріятствовать процвѣтанію этихъ наукъ, потому что въ обществѣ господствовала осторожность и подозрительность, побуждавшая смотрѣть на всякое научное открытіе, какъ на тайну, важную даже и въ смыслѣ государственномъ; притомъ, еще узкій и невѣжественный консерватизмъ побуждалъ общество къ охраненію утвердившихся, хотя бы и ложныхъ, убѣжденій и взглядовъ. Само собою разумѣется, что, при такомъ отношеніи къ научной дѣятельности, историческія и политическія науки должны были оставаться въ небреженіи и съ трудомъ подвигались впередъ... Для характеристики ученыхъ нравовъ описываемаго времени достаточно будетъ припомнить, напр., то, что самъ президентъ Академіи, баронъ Корфъ (21 февраля 1735 г.) приказалъ „въ государственную иностранныхъ дѣлъ, въ военную, адмиралтейскую и коммерцъ-коллегію — послать промеморію, и объявить, дабы изъ оныхъ коллегій... разныя описанія, извѣстія, книги, ландкарты и прочее по вопросамъ Академіи Наукъ профессорамъ и адъюнктамъ *ни подъ какимъ видомъ отпущены бы не были*“. Не мѣшаетъ припомнить и то, что рѣчь академика Делиля, въ которой положительно разрѣшался вопросъ о движеніи земли, нашли невозможнымъ напечатать даже и въ 1728 г., да, сверхъ того, обвинили этого академика въ неблагонамѣренности за сообщеніе его астрономическихъ наблюденій заграничнымъ ученымъ. Дѣло объ этомъ доходило даже до Сената.

Воззрѣнія на Русскую Исторію.

Не менѣе характеренъ и слѣдующій фактъ, приводимый историкомъ Академіи изъ біографіи Мюллера (исторіографа). Занимаясь собираніемъ матерьяловъ по Русской Исторіи, Мюллеръ, между прочимъ, далъ на нѣкоторое время своему знакомцу, Крёкшину, рукописную тетрадь съ выписками изъ иностранныхъ писателей, писавшихъ о Россіи. Въ этихъ выпискахъ говорилось и о томъ, какъ наши великіе князья вынуждены были унижаться передъ татарами. Заполучивъ въ руки злосчастную тетрадь, „знакомецъ“ Мюллера счелъ долгомъ подать доносъ на академика, и въ этомъ доносѣ обвинилъ его по второму пункту—т. е. „въ оскорбленіи величества“.

Едва ли не еще болѣе любопытно и то, что когда Академія Наукъ задумала-было печатать древніе россійскіе хронографы и сообщила о своемъ намѣреніи Сенату, прося на печатаніе хронографовъ разрѣшенія, Сенатъ не рѣшился дать прямой отвѣтъ отъ себя, а препроводилъ ходатайство Академіи на заключеніе Сѵнода; и вотъ какое тамъ по этому поводу состоялось курьезное опредѣленіе:

„Разсужденіе было, что въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ исторіяхъ писаны лжи явныя“... „Изъ приложеннаго для аппробаціи видится, что томовъ тѣхъ исторій будетъ много, и—если напечатаны будутъ—безнадежно, чтобы многіе были къ покупкѣ того охотники. Безнадежно, понеже и штиль единъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту и возымѣли, то, первому то̀му покупку учиня, до послѣдующихъ томовъ весьма не приступятъ: того ради не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какова ущерба“.

Неудивительно, что при такихъ и подобныхъ условіяхъ Мюллеру не удалось при жизни воспользоваться своимъ громаднымъ и драгоцѣннымъ собраніемъ матеріаловъ по Русской Исторіи, такъ что значительная доля его портфелей не исчерпана еще и до сихъ поръ.

Съ дальнѣйшею исторіею Академіи, въ царствованіе Елисаветы, мы ознакомимся въ послѣдующихъ главахъ нашей книги, въ изложеніи біографій Тредіаковскаго и Ломоносова,—въ особенности послѣдняго, неразрывными узами связаннаго съ ученою дѣятельностью и съ общественнымъ значеніемъ Академіи Наукъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Понятіе о поэзіи въ Петровское время. — Піитика, какъ наука и какъ составная часть обученія. — Кантемиръ. — Біографическія свѣдѣнія о немъ. — Его піитическая дѣятельность и значеніе его сатиръ.

Татищевъ, въ своемъ „*Разговорѣ о пользѣ наукъ*“, въ извѣстномъ распредѣленіи наукъ по отдѣламъ, отнесъ всѣ искусства, а въ томъ числѣ и поэзію—къ наукамъ „*щегольскимъ*“, т. е. такимъ, которыя хотя и ни на что не нужны, но, впрочемъ, могутъ служить забавою и пріятною роскошью, украшеніемъ жизни. Есть полное основаніе думать, что Татищевъ, въ данномъ случаѣ, повторялъ мнѣнія весьма многихъ своихъ современниковъ, и въ томъ числѣ самого Петра, который, вѣроятно, тоже видѣлъ въ поэзіи не болѣе, какъ забавную игрушку, и потому не придавалъ ей никакого серьезнаго значенія. Онъ принималъ весьма благосклонно подносимыя ему, по разнымъ случаямъ, поздрави-

тельныя и привѣтственныя вирши, но едва ли можно привесть такой случай, когда бы онъ за такое подношеніе награждалъ подносителя, какъ онъ награждалъ, напр., проповѣдниковъ за удачно сказанную и понравившуюся ему проповѣдь.

Чрезвычайно любопытно намъ, въ настоящее время, при нашихъ нынѣшнихъ воззрѣніяхъ на поэзію, представить себѣ тотъ періодъ въ умственной жизни нашего общества, когда понятія: *поэзія, поэтъ* — не существовали; когда стихотворство (вѣрнѣе — *виршеслагательство*) представлялось чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ поэзіи и независимымъ отъ вдохновенія — результатомъ извѣстнаго обученія, которое входило въ кругъ школьнаго преподаванія и считалось необходимою принадлежностью школьной науки. Такъ смотрѣли у насъ на это дѣло передовые, образованнѣйшіе люди въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, и Ѳеофанъ Прокоповичъ съ полнымъ сознаніемъ внесъ въ „чинъ ученія“ проектируемой имъ высшей духовной школы, противъ четвертаго класса: „реторику купно или раздѣльно съ *стихотворнымъ ученіемъ*“. На основаніи этихъ воззрѣній, стихи (или вирши) могли писать всѣ, нимало не претендуя на высокое назначеніе поэта; и всѣ, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, умѣли писать стихи, т. е. слагать слова въ форму силлабической строки; и высшіе представители духовенства писали стихи очень охотно: — писалъ ихъ и Стефанъ Яворскій, и Ѳеофилъ Кроликъ, и самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, и многіе другіе, не придавая никакого значенія тому, что писали стихи, и влагая въ стихотворную форму лишь самое обыденное, вполнѣ прозаическое содержаніе. Но вотъ, уже при первыхъ преемникахъ Петра, явился человѣкъ, который еще съ ранней юности почувствовалъ въ себѣ призваніе и расположеніе къ стихотворству, и въ неуклюжую форму силлабическаго стиха сталъ влагать вполнѣ-осмысленное содержаніе своихъ наблюденій надъ современною русскою жизнью, стараясь нѣсколько прикрасить ихъ подражаніями хорошо-знакомымъ ему латинскимъ и французскимъ классикамъ. Этотъ первый русскій стихотворецъ, уже заявлявшій нѣкоторыя болѣе или менѣе основательныя притязанія на поэтическое творчество — былъ князь Антіохъ Кантемиръ. Стихотворство.

Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ (род. 1708, ум. 1744 г.) былъ сынъ молдавскаго господаря Кантемира, который перешелъ на сторону Петра во время несчастнаго Прутскаго похода, и затѣмъ вынужденъ былъ бѣжать въ Россію и принять русское подданство. Кантемиръ. Біографія.

Дмитрій Кантемиръ, по отзывомъ Петра, былъ человѣкъ разумный, и не только образованный, но даже ученый. Кромѣ другихъ языковъ, онъ зналъ еще персидскій и арабскій, и оказалъ

Портретъ Кантемира работы Амикони, гравированный Вагнеромъ, въ Лондонѣ.

весьма существенную помощь Петру въ сношеніяхъ съ Востокомъ. Мать Антіоха Кантемира, первая супруга Дмитрія Кантемира, гречанка изъ царственнаго рода Кантакузеновъ, была женщина замѣчательнаго ума и также прекрасно образована. На ней и лежали всѣ заботы о дѣтяхъ, и помощникомъ ея былъ ученый грекъ-священникъ, который замѣнялъ наставника при дѣтяхъ, обучая ихъ греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

При такихъ условіяхъ и заботахъ родителей о дѣтяхъ, никого, конечно, не можетъ удивить раннее развитіе Антіоха Кантемира, который уже на десятомъ году настолько хорошо владѣлъ древними языками, что сказалъ однажды, въ присутствіи Петра, похвальное слово св. Дмитрію Солунскому на греческомъ языкѣ. Это происходило въ церкви, при Московской академіи, гдѣ Антіохъ нѣкоторое время обучался, во время пребыванія его отца въ Москвѣ.

Но вскорѣ послѣ того умерла мать-гречанка, грекъ-священникъ, бывшій въ домѣ Кантемировъ наставникомъ, былъ взятъ Петромъ на службу, въ переводчики, и вся семья перебралась въ Петербургъ изъ Москвы, послѣ второй женитьбы князя Дмитрія Кантемира. Грека-наставника замѣнилъ русскій воспитатель, *Иванъ Ильинскій*, воспитанникъ Московской академіи. Этотъ новый воспитатель, самъ занимавшійся литературными опытами и пристрастный къ виршамъ, вѣроятно, въ значительной степени способствовалъ тому, чтобы и въ воспитанникѣ своемъ развить тѣ же наклонности и пристрастія.

Въ 1724 году, шестнадцати-лѣтній Антіохъ Кантемиръ, въ то время уже потерявшій отца, обратился къ царю Петру со слѣдующимъ прошеніемъ:

„Крайнее желаніе имѣю учиться и склонность въ себѣ усмотряю черезъ латинскій языкъ снискать науки, а именно: знаніе исторіи древнія и новыя, и географіи, и юриспруденціи, и что къ стату политическому надлежитъ. Имѣю паки и къ математическимъ наукамъ не малую охоту, также между дѣлъ и къ минятюрѣ. Но понеже вышепомянутыя науки, какъ рачительно снискиваются, такъ и удобнѣе пріобрѣтаются въ знаменитыхъ окрестныхъ государствъ академіяхъ — требуется къ нѣколико-лѣтнему тамъ пребыванію и денежное иждивеніе; а сиротство мое и крайній въ деньгахъ недостатокъ сами собою Вашему Императорскому Величеству довольно вѣдомы суть; того ради прошу хотя малое что на тамошнее иждивеніе пожаловать.“

Мы рѣшительно не знаемъ, почему Петръ не исполнилъ просьбу молодого Кантемира, хотя просьба эта, вѣроятно, была

ему весьма пріятна [1]). Можетъ быть, онъ только не успѣлъ исполнить его желанія? Какъ бы то ни было, но юношѣ Кантемиру пришлось пополнять пробѣлы своего образованія у первыхъ академиковъ, пріѣхавшихъ въ Россію: при своемъ знаніи иностранныхъ языковъ онъ былъ для нихъ самымъ подходящимъ ученикомъ. А черезъ два года мы видимъ, что 18-ти-лѣтній Кантемиръ уже издаетъ въ свѣтъ свой первый литературный опытъ: „*Симфонію на Псалтирь*". Опытъ, вѣроятно, былъ далеко не самостоятельнымъ, потому что, сколько извѣстно, уже и наставникъ его, Иванъ Ильинскій, занимался составленіемъ подобной же симфоніи на Четвероевангеліе и Дѣянія Апостольскія: его примѣръ завлекъ и юношу Кантемира къ подражанію.

Первый опытъ поэзіи.

Вѣроятно, этотъ первый опытъ обратилъ на юношу вниманіе главнаго цѣнителя и покровителя наукъ и литературы въ Петрово время—Ѳеофана Прокоповича. Если онъ и не былъ до того времени знакомъ съ семьею Кантемировъ (что едва ли возможно предположить), то появленіе въ свѣтъ „Симфоніи" тотчасъ же дало ему право на вступленіе въ кружокъ Ѳеофана, на знакомство съ этимъ обворожительно-любезнымъ и чрезвычайно умнымъ человѣкомъ. Это знакомство, несомнѣнно, имѣло важное значеніе въ жизни Кантемира и повліяло въ значительной степени на развитіе его литературной дѣятельности.

Кантемиръ и Ѳеофанъ.

Вскорѣ послѣ напечатанія „Симфоніи", Кантемиръ (все еще несовершеннолѣтній) поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, въ ожиданіи того времени, когда большое состояніе его отца (около 10.000 душъ крестьянъ) будетъ, по его завѣщанію, раздѣлено между всѣми членами семьи Дмитрія Кантемира. Послѣдующіе четыре года его жизни чрезвычайно важны въ его біографіи; пережитое поэтомъ за это время оказало рѣшающее вліяніе на его дальнѣйшую судьбу, почему намъ и придется войти въ нѣкоторыя біографическія подробности, знаніе которыхъ необходимо для уясненія произведеній Кантемира и его служебной карьеры. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что Кантемиръ въ эти четыре года успѣлъ вполнѣ освоиться съ кружкомъ Ѳеофана и тѣсно сблизиться съ В. Н. Татищевымъ. Ловкій и умный Ѳеофанъ сумѣлъ обворожить юношу и воспользоваться его талантомъ для своихъ видовъ. Поощряя его къ литературнымъ занятіямъ, онъ въ то же время сроднилъ его со своими идеалами и вовлекъ въ борьбу партій, сблизивъ его со своими друзьями и вооруживъ противъ своихъ враговъ. Если бы мы не знали объ

[1]) Это тѣмъ болѣе странно, что, переселяясь въ Россію, Дм. Кантемиръ выговорилъ себѣ нѣкоторыя особыя права и, между прочимъ, дозволеніе—«Сыновей послать для наукъ въ знатные города и иныя христіанскія страны». Объ Антіохѣ просилъ онъ въ томъ же смыслѣ Петра незадолго до смерти.

этомъ сильномъ, преобладающемъ вліяніи „дивнаго первосвященника“ [1]), то намъ было бы рѣшительно непонятно, какимъ образомъ, въ первомъ же своемъ произведеніи, Кантемиръ (которому въ то время шелъ 21-й годъ), могъ дословно повторить идеи Прокоповича и выставлять на посмѣяніе всѣмъ ясно-обрисованные типы [2]) Ѳеофановыхъ враговъ.

По содержанію первыхъ пяти-шести сатиръ, написанныхъ Кантемиромъ до 1731 г., т. е. до отъѣзда за границу, ихъ нельзя не считать навѣянными ему нравственнымъ вліяніемъ кружка Ѳеофанова и самого Ѳеофана, такъ какъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы двадцатилѣтній юноша могъ дѣйствительно такъ твердо и сознательно вѣрить въ идеалы, въ нихъ выраженные, и обладать такою наблюдательностью, которая бы могла уже совершенно опредѣленно и ясно намѣчать ему типы Критоновъ и Хризипповъ, Клеарховъ и Лонгиновъ.

Критически-настроенный умъ, долгая житейская опытность и все осмѣивающая, безпощадная сатира Ѳеофана такъ и сквозятъ въ произведеніяхъ юноши-Кантемира. И если онъ самъ сознается въ томъ, что онъ „въ сочиненіи своихъ сатиръ, наипаче Горацію и Буалу—французу послѣдовалъ“ и „многое отъ нихъ занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“—то мы замѣтимъ, что и на подражаніе имъ и, на „присвоеніе“ (т. е. приспособленіе) къ нимъ русскихъ чертъ жизни и нравовъ онъ, вѣроятно, былъ наведенъ тѣмъ же „дивнымъ первосвященникомъ“, который, конечно, зналъ классиковъ получше Кантемира и, свободно цитируя ихъ на память, легко могъ указывать юношѣ-поэту на удобства сопоставленій и сравненій съ русскою жизнью и дѣйствительностью.

Призрѣвъ и обласкавъ талантливаго юношу, Ѳеофанъ, конечно, могъ его и увлечь, и поощрить къ дѣятельности литературной и — подмѣтивъ особенности склада его ума и таланта — даже преимущественно направить его на сатиру; но этимъ вліяніемъ никакъ еще нельзя объяснить того чрезвычайно-курьезнаго историческаго факта, что юноша-Кантемиръ является однимъ изъ важныхъ участниковъ въ извѣстномъ переворотѣ 1730 г., опрокинувшемъ всѣ замыслы „верховниковъ“... Адресъ „шляхетства“, поданный императрицѣ, былъ написанъ юношей-Кантемиромъ и старымъ, опытнымъ дѣльцомъ В. Н. Татищевымъ. Но этотъ фактъ поясняется намъ, въ значительной степени, тѣми личными огорченіями, которыя молодому поэту пришлось испы-

[1]) Такъ называетъ Кантемиръ Ѳеофана въ своемъ обращеніи къ нему въ III-ей сатирѣ.

[2]) Въ первой сатирѣ «На хулящихъ ученіе», между прочимъ, выведенъ, подъ именемъ Критона, личный врагъ Прокоповича, Георгій Дашковъ, архіерей ростовскій.

59*

тать отъ одного изъ „верховниковъ“ [1]). Эти личныя огорченія и жестокая несправедливость, лишившая Кантемира всего состоянія, должны были озлобить его и способствовали тому, что онъ пошелъ противъ верховниковъ, рука объ руку съ Ѳеофаномъ, Татищевымъ и ихъ партіей, преслѣдовавшими свои цѣли и виды.

Этотъ шагъ опредѣлилъ дальнѣйшую служебную и общественную карьеру Кантемира, которому возвращена была нѣкоторая доля его состоянія; а затѣмъ, при могущественномъ содѣйствіи всесильнаго въ то время при дворѣ князя Черкасскаго, двадцатидвухъ-лѣтній Кантемиръ былъ назначенъ русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ.

Другой портретъ Кантемира, также работы Амикони, гравированный Базаномъ.

Первая сатира.

Первая сатира Кантемира: „Къ уму своему“ или „на хулящихъ ученіе“, переполненная слишкомъ ясными намеками на современную реакцію, наступившую послѣ смерти Петра и Екатерины I, и даже личностями, конечно, писалась не для печати, и не могла быть напечатана въ свое время. Распространилась она въ видѣ рукописей и притомъ, вѣроятно, въ нѣсколькихъ спискахъ, *безъ имени автора*, какъ это можно видѣть изъ того стихотворнаго привѣтствія, которымъ встрѣтилъ эту сатиру Ѳ. Прокоповичъ, писавшій:

[1]) Братъ Антіоха Кантемира, Константинъ, женился на дочери одного изъ верховниковъ, Дм. Мих. Голицына, и воспользовался своими новыми родственными связями, чтобы присвоить себѣ всѣ имѣнія отца, обездоливъ всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ.

«*Не знаю, кто ты,* пророче рогатый? [1])
Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да на что же имя было укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ три краты,
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ столь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты, и безъ счастья, довольно счастливый.» [2])

Здѣсь это „не знаю, кто ты"—конечно, только риторическая прикраса. Ѳеофанъ, несомнѣнно, зналъ, что Кантемиръ былъ авторомъ этой первой сатиры, какъ онъ же былъ авторомъ и остальныхъ пяти-шести сатиръ, написанныхъ впослѣдствіи, до отъѣзда въ Лондонъ; но онъ долженъ былъ прикинуться незнающимъ. Полагаемъ, что вскорѣ послѣ написанія первыхъ двухъ-трехъ сатиръ, и не одинъ Ѳеофанъ, а и очень многіе въ петербургскомъ образованномъ обществѣ узнали о молодомъ авторѣ, который, являясь такимъ остроумнымъ стихотворцемъ въ самомъ юномъ возрастѣ, долженъ былъ представлять собою нѣкоторую диковинку въ ту пору великой скудости въ какихъ бы то ни было литературныхъ талантахъ.

Въ первой сатирѣ, изложенной въ подражаніе одной изъ сатиръ Ювенала въ формѣ діалога, авторъ, обращаясь къ „уму своему", съ горечью высказываетъ ту мысль, что современное ему общество не нуждается въ занятіяхъ наукою и искусствами, такъ какъ въ средѣ его есть много иныхъ путей къ славѣ. И затѣмъ выводитъ отдѣльные типы представителей современнаго ему общества, подъ вымышленными именами Критона, Сильвана, Луки и Медора. Каждаго изъ нихъ онъ побуждаетъ высказывать взгляды на науку и образованность съ ихъ личной точки зрѣнія. Такъ Ханжа Критонъ говоритъ въ его сатирѣ:

«Расколы и ереси науки суть дѣти.
Больше вретъ, кому дано больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ...»

Скряга Сильванъ приводитъ другой доводъ противъ науки:

«Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ.
Живали мы, прежъ сего, не зная латини,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.»

Веселый гуляка Лука недоволенъ наукою потому, что

«Наука содружество людей разрушаетъ...»

—отвлекаетъ людей отъ пировъ и веселья, а ему бы хотѣлось:

---

[1]) Рогатый, здѣсь, въ смыслѣ: бодливый, острый.

[2]) Другое привѣтствіе, писанное латинскими стихами, было получено, за ту же сатиру, Кантемиромъ отъ Новоспасскаго архимандрита Ѳеофила Кролика, также принадлежавшаго къ кружку Ѳеофана.

«Въ весельи, въ пирахъ... жизнь провождати;
И такъ она не долга—на что-жъ коротати?»

Щеголь Медоръ:

«...тужитъ, что черезъ чуръ бумаги много исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не въ чѣмъ уже завернуть завитыя кудри...»

Перебравъ нѣсколько такихъ типовъ, авторъ приходитъ въ заключеніе къ убѣжденію, что живетъ въ такой вѣкъ, въ теченіе котораго „*невѣжество*“ уже сѣло мѣстомъ „*выше*“ науки... Оно гордо ходитъ и подъ митрою, и въ шитомъ (придворномъ) платьѣ, и за краснымъ сукномъ судитъ, и полки водитъ...

И при этомъ все кричитъ:

«...никакой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть головъ полна, пусты руки».

А потому авторъ и проситъ „свой умъ“ успокоиться, и въ такой вѣкъ, неблагопріятный наукѣ и образованности, не побуждать его „руки къ перу“.

Вторая сатира

Во второй сатирѣ, извѣстной подъ заглавіемъ „Филаретъ и Евгеній, или на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“, Кантемиръ осмѣиваетъ дворянскую спесь и притязанія дворянъ на полученіе высокихъ должностей безъ всякаго труда, по однѣмъ заслугамъ предковъ. Въ то же время онъ, конечно, горячо отстаиваетъ введенную Петромъ „табель о рангахъ“, которая, полагая предѣлъ сословнымъ притязаніямъ, открывала путь талантливымъ людямъ изъ низшихъ слоевъ общества къ высшимъ должностямъ государственной службы.

Третья сатира „о различіи страстей человѣческихъ“, посвящена Ѳеофану Прокоповичу, къ которому авторъ обращается съ первыхъ же строкъ за разрѣшеніемъ труднаго вопроса:

«Скажи мнѣ — можешь бо ты — всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа, —
Она-ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?»

За этимъ обращеніемъ слѣдуетъ, какъ и въ первой сатирѣ, рядъ типовъ, взятыхъ изъ современной дѣйствительности — можетъ-быть, даже и портретовъ, заимствованныхъ изъ современности? Между ними особенно рѣзко выступаютъ на первый планъ типы: скупца Хризиппа, мота Клеарха, лицемѣра Варлаама и гордеца Иркана. Самъ Кантемиръ указываетъ на то, что въ этой сатирѣ у него есть и подражанія, и заимствованія отчасти Лабрюеру, отчасти Ювеналу и Горацію.

Болѣе оригинальна четвертая сатира „Къ музѣ своей“ или

„объ опасности сатирическихъ сочиненій“, въ которой авторъ довольно живо передаетъ намъ впечатлѣнія и отзывы, вызванные его сатирами въ современномъ обществѣ, еще не привыкнувшемъ къ „поэтической вольности“ и къ свободному выраженію мыслей и впечатлѣній въ словѣ. Въ виду различныхъ толковъ и мнѣній о его сатирахъ, самъ Кантемиръ обращается къ своей Музѣ съ благоразумнымъ совѣтомъ:

«Муза! Не пора-ли слогъ отмѣнить твой грубый
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что, гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь и кажу себя черезчуръ смѣла...
... Муза, свѣтъ мой! Слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый;
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ».

Послѣ этого совѣта, представляющаго здѣсь не болѣе, какъ риторическій пріемъ, Кантемиръ перечисляетъ различные отзывы о своихъ сатирахъ, отзывы враждебные и недоброжелательные, и еще разъ склоняетъ свою музу къ тому, чтобы она ужъ лучше стала все хвалить, даже пріучилась бы къ лести—лишь бы никого не вооружать противъ себя... Но какъ онъ ни старается измѣнить характеръ своей Музы, онъ убѣждается, что это для него невозможно...

«... когда хвалы принимаюсь
Писать; когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жестки, досадны ушамъ...»

И только тогда онъ вновь чувствуетъ себя „въ своей водѣ“, когда начинаетъ порицать „вредное въ нравахъ“ или изыскивать пороки людскіе. Это побуждаетъ его прійти къ тому убѣжденію, что, подъ вліяніемъ своей Музы, онъ болѣе расположенъ къ сатирѣ, нежели къ другимъ родамъ литературнымъ:

«... Однимъ словомъ, сатиру лишь писать намъ сходно,
Въ другомъ неудачливы...»

Сознавая это, авторъ рѣшается продолжать свою сатирическую дѣятельность—„злой нравъ пятнать вездѣ неотступно“—въ надеждѣ, что добрые граждане („беззлобные“) оцѣнятъ его желаніе принести пользу отечеству.

Это наивное желаніе „*принести пользу отечеству*“ своими сатирами—не громкая фраза, не похвальба, не выраженіе самомнѣнія авторскаго; это просто юношеская мечта, весьма естественная въ 22-хъ-лѣтнемъ поэтѣ, особенно въ ту пору, когда жилъ Кантеміръ. Онъ вѣрилъ въ то, что его полуподражательныя, полу-

оригинальныя произведенія могутъ принести нѣкоторую пользу обществу, какъ приносили ему пользу рѣчи и проповѣди Ѳеофана Прокоповича и подобныхъ ему духовныхъ ораторовъ, какъ должны были приносить ему пользу всѣ выходившія въ свѣтъ переводныя произведенія иноземныхъ авторовъ и труды иноземныхъ ученыхъ, такъ какъ все, выходившее изъ-подъ типографскаго станка, было замѣтнымъ и существенно важнымъ явленіемъ въ молодой, зарождающейся литературѣ новаго періода.

Кантемиръ за границею.

Пятою сатирою и оканчивается поэтическій періодъ дѣятельности Кантемира, какъ стихотворца. Въ 1731 году, какъ мы уже видѣли выше, онъ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ; въ началѣ слѣдующаго, 1732 г., выѣхалъ изъ Россіи, — и уже болѣе не возвращался; до самой кончины онъ прожилъ за границей, сначала въ Лондонѣ, а съ 1788 г. въ Парижѣ, гдѣ молодому дипломату приходилось нести очень тяжелую, хлопотливую службу, которая становилась еще болѣе трудною вслѣдствіе того, что средствъ, получаемыхъ изъ Россіи, было далеко недостаточно для поддержанія чести и достоинства русскаго посла среди другихъ европейскихъ дипломатовъ, жившихъ открыто и сорившихъ деньгами. Но умѣренный и скромный Кантемиръ, страстно преданный литературѣ и наукѣ, сумѣлъ найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія, создавъ себѣ въ Парижѣ небольшой избранный кружокъ друзей въ средѣ знаменитыхъ и всѣми уважаемыхъ ученыхъ и писателей. Тамъ онъ сошелся съ Монтескьё и даже перевелъ на русскій языкъ его „Персидскія письма“; съ аббатомъ Мопертюи, при помощи котораго написалъ книгу по алгебрѣ, и съ Фонтенелемъ, авторомъ книги „О множествѣ міровъ“, которую Кантемиръ также перевелъ. Вообще говоря, онъ пользовался каждою минутою своихъ рѣдкихъ досуговъ, чтобъ писать и работать, заниматься науками (въ самомъ обширномъ смыслѣ слова) и поэзіей. „Если бы изъ цѣлыхъ сутокъ одну четверть часа на письмо употребляли“ — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, — „то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла“... И онъ это доказывалъ на дѣлѣ, успѣвалъ при своихъ весьма сложныхъ служебныхъ занятіяхъ переводить Анакреона и Юстина, Корнелія Непота и Горація; читалъ творенія Отцовъ Церкви—Григорія Богослова и Августина; сносился съ Академіей Наукъ въ С.-Петербургѣ и слѣдилъ за успѣхами просвѣщенія въ Россіи.

Обработка стиха.

Такимъ образомъ онъ ознакомился и съ разсужденіемъ Тредьяковскаго „*о русскомъ стихосложеніи*“, внимательно вникъ въ сущность этого вопроса и, хотя не перешелъ на сторону новой теоріи Тредіаковскаго, однакоже, подъ вліяніемъ ея, нѣсколько видоизмѣнилъ размѣръ своихъ силлабическихъ стиховъ. Любопытно,

что онъ не отдалъ преимущества тоническому стиху передъ силлабическимъ, хотя и понялъ, что опредѣленная послѣдовательность удареній, дѣйствительно, сообщаетъ русскому стиху значительно-бо́льшую гармонію. Желая, видимо, остаться самостоятельнымъ и создать нѣчто среднее между силлабическимъ и тоническимъ размѣромъ, онъ измѣнилъ свой стихъ слѣдующимъ образомъ: далъ опредѣленное мѣсто цезурѣ (между седьмымъ и восьмымъ слогомъ) и, сверхъ того, въ каждой половинѣ стиха, раздѣленнаго цезурой, допустилъ по одному рѣзко-замѣтному ударенію; въ первой части строки, состоявшей изъ семи слоговъ, эти ударенія должны были падать на пятый или седьмой слогъ; во второй половинѣ стиха—непремѣнно на предпослѣдній. Этотъ новый размѣръ былъ примѣненъ Кантемиромъ впервые въ шестой сатирѣ, написанной имъ въ 1738 г.

Шестая сатира.

Эта шестая сатира, озаглавленная „*О истинномъ блаженствѣ*“ (хотя и напоминаетъ нѣсколько Гораціевское „Beatus ille, qui procul negotiis...“), довольно вѣрно передаетъ намъ и тотъ идеалъ счастья, къ которому скромный Кантемиръ стремился въ теченіе всей своей жизни. Сатира эта начинается такъ:

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву;
Гдѣ-бъ съ другомъ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другимъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно: —
Желанья всѣ мои крайни составляетъ».

Эту сатиру, несомнѣнно, можно назвать лучшею во второмъ періодѣ литературной дѣятельности Кантемира.

Остальныя три сатиры его менѣе замѣчательны; еще менѣе заслуживаютъ вниманія опыты Кантемира въ другихъ литературныхъ родахъ — оды привѣтственныя и философскія, пѣсни и басни, экспромты и посланія [1]). Все это не болѣе, какъ пробы пера, доставшіяся автору рядомъ тяжкихъ усилій творчества и

[1]) Сохранилось даже начало эпической поэмы «*Петрида*», написанное Кантемиромъ.

упорной работы надъ языкомъ, еще грубымъ и неприспособленнымъ къ выраженію болѣе тонкихъ оттѣнковъ мысли.

Незадолго до своей смерти, Кантемиръ собралъ всѣ свои стихи въ одну тетрадь съ необходимыми пояснительными примѣчаніями и предисловіемъ въ видѣ „письма къ пріятелю“: — онъ собирался ихъ напечатать... Но ему не удалось привести это намѣреніе въ исполненіе; его сатиры явились въ печати не ранѣе какъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Значеніе Кантемира.

Въ заключеніе всего сказаннаго о Кантемирѣ, мы не рѣшимся говорить ни о „важномъ значеніи“ сатиръ Кантемира, ни объ „идеалахъ его сатиръ“, ни о вліяніи его произведеній на творчество послѣдующихъ поэтовъ. Кантемиръ былъ прямымъ и несомнѣннымъ продуктомъ Эпохи Преобразованій и горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ идей, внесенныхъ въ русскую жизнь Петромъ Великимъ. Идеи его и тѣ идеалы, на которые онъ указывалъ въ своихъ сатирахъ, были совершенно тождественны съ идеалами современныхъ ему проповѣдниковъ и ученыхъ: въ проповѣдяхъ и въ Духовномъ Регламентѣ Ѳеофана Прокоповича, въ трудахъ Татищева и Посошкова вѣетъ тѣмъ же духомъ, высказываются тѣ же стремленія, тѣ же пожеланія и сѣтованія, тѣ же восхваленія и порицанія, какія мы встрѣчаемъ въ сатирахъ нашего перваго сатирика. Вся разница только въ томъ, что общераспространенныя, ходячія идеи лучшихъ представителей своего времени Кантемиръ нашелъ возможнымъ выразить въ болѣе привлекательной формѣ своихъ весьма наивныхъ, даже нѣсколько грубоватыхъ опытовъ сатиры, которыя представлялись просвѣщеннѣйшимъ людямъ того времени чуть не геніальными произведеніями, вслѣдствіе чего всѣмъ имъ милый юный поэтъ, одиноко стоявшій среди своего прозаическаго вѣка, былъ ими превознесенъ и возвеличенъ далеко выше своего достоинства. Съ этою, значительно преувеличенною славою, имя Кантемира перешло и въ послѣдующія поколѣнія, и хотя нельзя не признать, что только изъ-подъ пера очень талантливаго и щедро-одареннаго природою юноши могъ вылиться и этотъ первый, почти дѣтскій лепетъ русской искусственной поэзіи; но все же, толковать и въ настоящее время о значеніи Кантемира, какъ поэта, о его вліяніи на послѣдующее поколѣніе нашихъ поэтовъ, едва ли возможно. Притомъ же не мѣшаетъ замѣтить, что значеніе произведеній Кантемира, въ періодъ дальнѣйшаго развитія нашей поэзіи, было сильно подорвано тѣмъ, что онъ былъ послѣднимъ русскимъ авторомъ, слагавшимъ свои стихотворныя произведенія по старинному и отживавшему свой вѣкъ образцу силлабическихъ виршей. Кантемиру пришлось быть послѣднимъ труженикомъ, тщетно пытавшимся вложить душу въ эту мертвенную и неблагозвучную форму: вмѣстѣ съ его сати-

рами, силлабическій стихъ отжилъ свой вѣкъ и уже никогда болѣе не возникалъ изъ забвенія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

В. К. Тредіаковскій. — Біографическія подробности. — Годы ученія и странствованій. — Научная подготовка и переводческая дѣятельность. — Труды его въ области изученія русскаго литературнаго языка и слога. — Новый способъ стихосложенія. — Положеніе Тредіаковскаго въ Академіи Наукъ. — Отношеніе его къ современникамъ.

Новую эру въ русской поэзіи суждено было начать не поэту, а ученому, — серьезному кабинетному ученому, который не обладалъ ни малѣйшимъ даромъ къ поэтическому творчеству, и каждый разъ, когда рѣшался давать волю своему поэтическому вдохновенію, возбуждалъ противъ себя порицаніе и насмѣшки. Этотъ ученый труженикъ былъ весьма извѣстный въ нашей литературѣ XVIII вѣка *Василій Кирилловичъ Тредіаковскій*.

Біографія Тредіаковскаго.

В. К. Тредіаковскій родился въ Астрахани въ 1703 году и происходилъ изъ духовнаго званія, какъ это отчасти видно уже изъ его фамиліи. И дѣдъ его, и отецъ были священниками. Въ ранней юности онъ свелъ знакомство съ католическими миссіонерами, жившими въ Астрахани (они распространяли католицизмъ въ средѣ армянъ и персіянъ). Тредіаковскій сошелся съ этими миссіонерами и получилъ отъ нихъ первыя свѣдѣнія въ языкѣ латинскомъ и въ словесныхъ наукахъ. На двадцатомъ году жизни, Тредіаковскій — какъ онъ самъ о томъ разсказываетъ въ своей автобіографической запискѣ — „по охотѣ къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ и родителей, убѣжалъ въ Москву“. Тамъ ему удалось поступить въ Славяно-греко-латинскую академію, „прямо въ *риторику*“, такъ какъ онъ, при испытаніи, оказался болѣе другихъ подготовленнымъ. Уже въ бытность свою въ этомъ учебномъ заведеніи онъ высказалъ желаніе заниматься литературою: сталъ писать силлабическія вирши и сочинилъ даже двѣ драмы [1]: „Язонъ“ и „Титъ, Веспасіановъ сынъ“, разыгранныя студентами Академіи на ихъ домашней сценѣ. Въ Академіи онъ пробылъ до 1725 г., а въ 1726 г. онъ „нашелъ способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ обучился французскому языку“. Обучился — и получилъ возможность закончить свое образованіе въ центрѣ современной европейской образованности — въ Парижѣ. При очень скудной помощи со стороны русскаго посланника въ Гаагѣ, графа Головина, „съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности“ (и потому проходя большую часть пути пѣшкомъ) Тредіаковскій съумѣлъ пробраться въ Парижъ. Здѣсь, бла-

[1] Къ тому же времени относится и элегія на смерть Петра Великаго.

Каѳісма первая

Псаломъ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде.

Давидъ представляетъ въ семъ Псалмѣ Блаженство Праведныхъ людей, а злополучіе Нечестивыхъ.

Мужъ поистиннѣ блаженъ!
Кой, съ совѣтомъ Нечестивыхъ,
Не-былъ мнѣніемъ спряженъ;
Ни ходилъ въ него пред льстивыхъ.

* * *

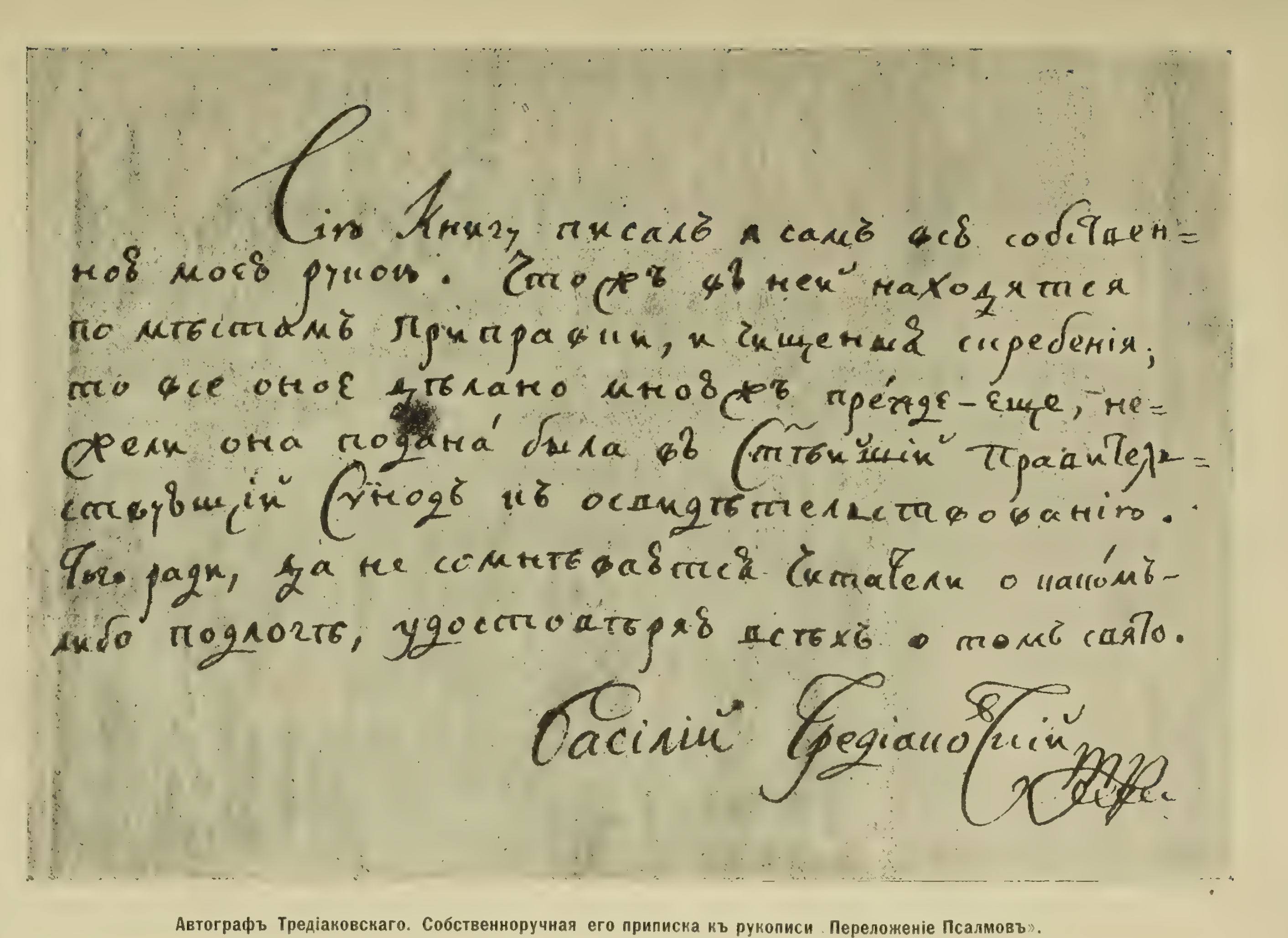
Кой ниже́ когда позналъ
Беззаконныхъ путь лукавый,
И на томъ отнюдъ не сталъ,
Зная, коль есть онъ неправый.

* * *

Кой не сѣлъ и на престолъ,
Пагубниковъ гордо злобныхъ;
Ни на немъ судя проколъ,
Какъ чужи́хъ, такъ и утробныхъ.

* * *

Автографъ Тредіаковскаго. Страница изъ его рукописи «Переложеніе Псалмовъ», хранящейся въ Типографской библіотекѣ, въ Москвѣ.



Сію Книгу писалъ я самъ всю собственною моею рукою. Что же въ ней находятся по мѣстамъ приправки, и чищенныя скребенія; то все оное здѣлано мною же прежде ещё, нежели она подана была въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ на освидѣтельствованіе. Чего ради, да не сомнѣваются читатели о какомъ-либо подлогѣ, удостовѣряю всѣхъ о томъ симъ.

Василій Тредіаковскій

Автографъ Тредіаковскаго. Собственноручная его приписка къ рукописи „Переложеніе Псалмовъ“.

годаря болѣе щедрому пособію, оказанному русскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, Тредіаковскій могъ прослушать полный курсъ математическихъ, философскихъ и богословскихъ наукъ въ Сорбоннскомъ университетѣ, и, согласно обычаю того времени, „содержалъ публичные диспуты въ Мазаринской коллегіи“ и возвратился въ 1730 году въ Россію „съ письменными

засвидѣтельствованьями" своихъ знаній отъ парижскаго университета.

Молодому Тредіаковскому, основательно образованному, прекрасно знавшему нѣмецкій, голландскій и въ особенности французскій языкъ [1]) и словесность, хотѣлось, по возвращеніи въ Россію, посвятить себя всецѣло литературной дѣятельности. И вдругъ увидѣлъ онъ себя совершенно лишнимъ и ни на что не пригоднымъ человѣкомъ, потому что литературою никто въ Россіи спеціально не занимался, да и литература, какъ отдѣльная профессія, еще не существовала въ это время въ Россіи. И вотъ, бѣдный Тредіаковскій, по пріѣздѣ изъ-за границы, очутился въ такомъ положеніи, что радъ былъ радёшенекъ, когда нашелъ себѣ временный пріютъ въ казенной квартирѣ академическаго студента Адодурова, „который принялъ пріѣзжаго въ видахъ извлеченія для себя пользы изъ его знанія французскаго языка".

Первый трудъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда, напуганный своимъ безпомощнымъ положеніемъ въ новой столицѣ, Тредіаковскій на время переселяется въ Москву, вѣроятно, въ надеждѣ получить тамъ какое-нибудь занятіе, и здѣсь издаетъ въ свѣтъ свой переводъ сочиненія Поля Тальмана *„Ѣзда въ Островъ Любви"*. Этотъ переводъ выдвинулъ Тредіаковскаго изъ неизвѣстности... Онъ былъ сдѣланъ толково и добросовѣстно, и, по тому времени, былъ настолько крупнымъ явленіемъ, что новая книга надѣлала шуму, и ловкій Шумахеръ, заправлявшій въ то время судьбами Академіи, поспѣшилъ сблизиться съ молодымъ переводчикомъ и приласкать его, намѣреваясь воспользоваться имъ для академическихъ трудовъ и изданій. И дѣйствительно, съ 1732 г. онъ начинаетъ работать для Академіи Наукъ, которая поручаетъ ему самые трудные переводы иностранныхъ сочиненій, „понеже онъ французскаго языка весьма искусенъ".

Тредіаковскій въ Академіи.

Только уже въ исходѣ 1733 г. Тредіаковскому удалось, наконецъ, получить постоянное мѣсто при Академіи Наукъ, причемъ съ нимъ заключено было формальное условіе, прекрасно характеризующее ученые и литературные нравы того времени, почему мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества принялъ я (Президентъ Академіи) Василія Тредіаковскаго, родомъ изъ Астрахани, въ Академію Наукъ, по слѣдующимъ кондиціямъ:

1) Помянутый Тредіаковскій обязуется чинить, по всей своей возможности, все то, въ чемъ состоитъ интересъ Ея Императорскаго Величества и честь Академіи.

[1]) Французскій языкъ онъ зналъ настолько хорошо, что могъ на немъ совершенно свободно изъяснять и излагать свои мысли изустно и письменно, и прозой, и даже стихами.

2) (Обязуется) *Вычищать языкъ русскіи, пишучи, какъ стихами, такъ и не стихами.*

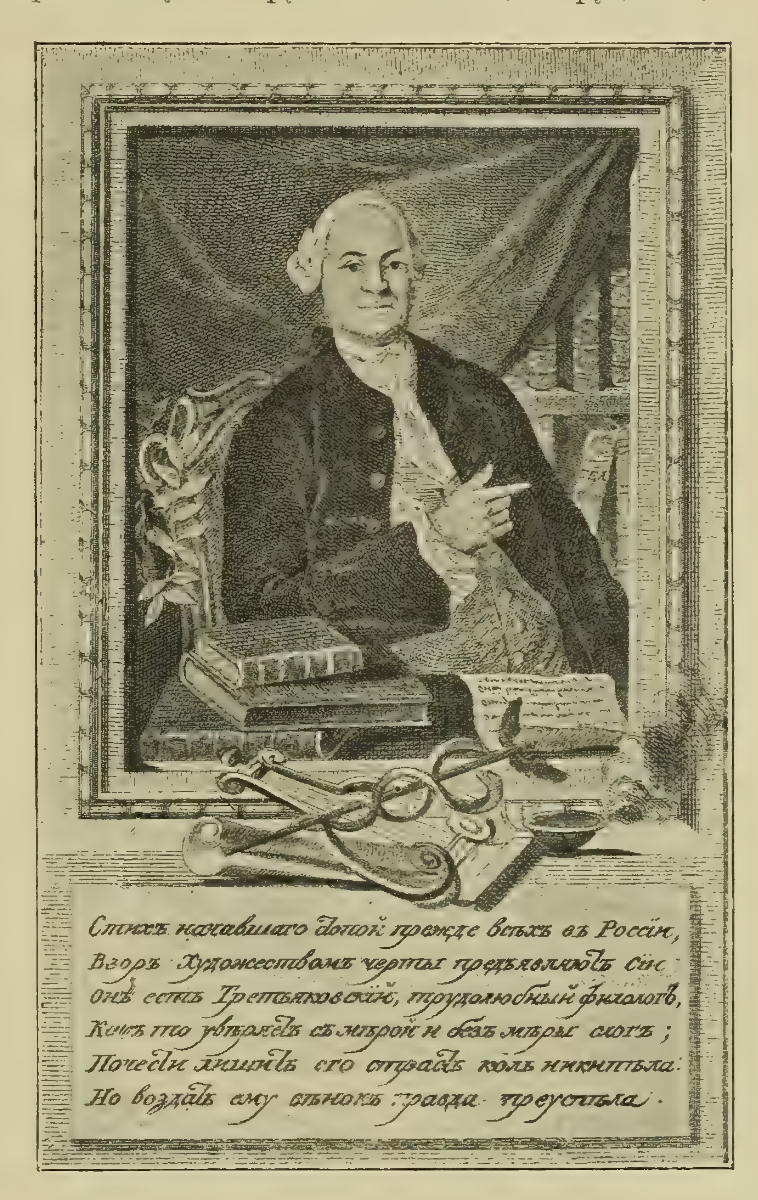
3) Давать лекціи, ежели отъ него потребовано будетъ.

4) Окончить грамматику, которую онъ началъ, и трудиться, совокупно съ прочими, надъ диксіонаріемъ русскимъ.

5) Переводить съ французскаго на русскій языкъ все, что ему дастся.

За сіе будетъ онъ имѣть годоваго жалованья 360 рублей, включая въ нихъ: свѣчи, дрова и квартиру, съ титломъ секретаря" [1]).

Вотъ какъ разнообразны и многосложны были тѣ обязанности, которыя въ то время считалось возможнымъ возложить на одного человѣка за ничтожное содержаніе! Да и то, какъ мы увидимъ далѣе, иногда еще и не выдавалось вовсе по цѣлымъ годамъ, или же выдавалось „книгами изъ Академической книжной



Современный портретъ Тредіаковскаго.

[1]) Года четыре спустя, на запросъ Сената о служащихъ при Академіи, Тредіаковскому пришлось въ своемъ отзывѣ съ особеннымъ удареніемъ поставить на видъ Сенату, что онъ, Тредіаковскій, опредѣленъ «*секретаремъ въ Академіи*», гдѣ онъ и понынѣ упражняется въ разныхъ академическихъ дѣлахъ, «касающихся до наукъ, а не въ приказныхъ». Сенату, очевидно, еще не ясна была разница между секретаремъ Академіи и секретаремъ любой коллегіи.

лавки"... А между тѣмъ переводчику не давали въ трудѣ его ни отдыху, ни сроку! Едва закончивъ „Сенъ-Реміевы Артиллерійскія Записки", онъ принимается за „Военное состояніе Оттоманской Имперіи, сочиненіе графа де-Марсельи" и потомъ за „Древнюю и Римскую Исторію Роллэна", состоящую изъ 26 объемистыхъ томовъ [1]).

Положеніе Тредіаковскаго въ обществѣ.

Но этого мало. Положеніе литературнаго труженика и человѣка владѣющаго перомъ еще является шаткимъ, неустановившимся въ нашемъ молодомъ обществѣ, которое внѣшнимъ образомъ старается подражать европейскимъ нравамъ и обычаямъ, и въ то же время еще не можетъ отстать отъ грубыхъ пріемовъ и замашекъ „добраго стараго времени"... *Писатель, поэтъ* — эти понятія еще являются въ обществѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка понятіями новыми, темными, не вполнѣ выясненными. Въ тотъ періодъ, когда дворецъ императрицы Анны Іоанновны и палаты ея вельможъ оказываются переполнены толпою шутовъ и „дурокъ", и самый секретарь Академіи, Тредіаковскій, являющійся во дворецъ для униженнаго поднесенія своей оды императрицѣ, представляется и ей, и окружающимъ ее сановникамъ не болѣе, какъ однимъ изъ потѣшниковъ—балагуромъ, незаслуживающимъ никакого вниманія или даже вѣжливаго обращенія. Тредіаковскаго, подающаго оду императрицѣ, заставляютъ стать на колѣни и подавать оду Ея Величеству „на головѣ" — т. е. подвергаютъ униженію и глумленію. Къ сожалѣнію, и онъ самъ, по личному характеру своему, слишкомъ слабому и податливому, выказываетъ полное неумѣнье заставить уважать себя и поддержать свое личное достоинство. Онъ заискиваетъ, кланяется, добивается милостей и подарковъ и потому подвергается со стороны своихъ вельможныхъ милостивцевъ и придворныхъ покровителей страшнымъ шуткамъ и невыносимымъ оскорбленіямъ [2]).

Но, если мы,—забывая о личномъ характерѣ Тредіаковскаго и о тѣхъ крайне-непривлекательныхъ условіяхъ, въ которыя онъ становился иногда непроизвольно, а иногда въ силу своего ничтожества и безличности,— взглянемъ на него, какъ на дѣятеля

[1]) Это многотомное сочиненіе было даже дважды переведено Тредіаковскимъ, такъ какъ первый переводъ погибъ въ пожарѣ, случившемся въ квартирѣ переводчика въ 1746 г.

[2]) Кому не извѣстенъ печальный эпизодъ его столкновенія съ Волынскимъ (въ 1740 г.) по поводу шутовской свадьбы и маскарада въ Ледяномъ домѣ, гдѣ Тредіаковскій долженъ былъ читать стихи своего сочиненія? По жалобѣ одного изъ своихъ подчиненныхъ, не разобравши дѣла, Волынскій и самъ избилъ Тредіаковскаго, и другимъ приказалъ его бить, а затѣмъ держалъ его цѣлую ночь подъ карауломъ въ холодной. Опозоренный имъ Тредіаковскій не постыдился, однакоже, послѣ казни Волынскаго, хлопотать о вознагражденіи его «за безчестье и увѣчье»—и получилъ «изъ пожитокъ Волынскаго денегъ 360 рублей».

„Псалтирь съ возслѣдованьемъ“, рукопись 2-й половины XV вѣка.

По красотѣ и разнообразію украшеній, эта рукопись принадлежитъ къ рѣдкимъ и, въ своемъ родѣ, можетъ быть даже названа единственнымъ образцомъ среди нашей древней письменности. Не менѣе замѣчательна она и по чрезвычайному разнообразію почерковъ, которыми она писана, и по прихотливости переходовъ писца отъ одного почерка къ другому. Покойный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ, издавшій образцы письма и украшеній этой рукописи въ томѣ LII — LXXIV изданій Общества Древней Письменности, говоритъ въ предисловіи къ этому изданію:

«Все достоинство описываемой рукописи... въ ея каллиграфическихъ качествахъ и украшеніяхъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ явленіе небывалое, единственное въ своемъ родѣ... Это настоящее собраніе прописей или образчиковъ каллиграфіи. Писецъ будто постоянно занятъ мыслію, какъ бы развлечь себя, позабавить и усладить въ своей трудной и однообразной работѣ переписыванья, постоянно замышляя, какъ бы ему на слѣдующей строкѣ перейти изъ одного почерка въ другой, какъ бы изобрѣсти какую-нибудь небывалую рѣдкость».

Особенно затѣйливою и кудреватою является у писца этой замѣчательной рукописи его вязь, которую онъ разнообразитъ на всѣ лады, нерѣдко «начиняя одну большую букву десятками малыхъ», вслѣдствіе чего «нѣкоторыя изъ такихъ начертаній остаются и до сихъ поръ неразобранными».

Наши снимки заимствованы цѣликомъ изъ прекраснаго изданія Общества Древней Письменности. Оттуда же заимствуемъ и разъясненіе заголовковъ, писанныхъ вязью на приводимыхъ нами листахъ (въ чтеніи Ѳ. И. Буслаева).

Листъ 168. Заглавіе: **Почасіе. І. часа. речетъ молитву.**

Листъ 188. Заглавіе вязью: **въ святую великую субботу вечеръ при часи 10-мъ клеплетъ сбравшеся.**

Внизу того же листа, по замѣчанію Ѳ. И. Буслаева, вязь въ такой степену запутана, что въ ней разобрано только слово: **послѣдованіа** (на концѣ).

Листъ 209. Заглавіе вязью: **канунъ радостенъ пресвятѣй Богородици имѣа краегранесіе.**

Вязь внизу: **поемъ тя пресвятая и славословимъ рожество твое, умилосердися госпоже и удиви милость на убозѣмъ и окаянномъ, помощнице міру дѣвая въ женахъ Владычице помози госпоже моя.**

Листъ 253. Заглавіе вязью: **канунъ отцамъ преподобнымъ гласъ 8. пѣснь 1. пѣснь 2.** Внизу: **твореніе Феодора Студита.**

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ“ ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.
Л. 168.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ" ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. Л. 188.

Дозволено Цензурою. СПБ   Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ.   Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ“ ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.
Л. 209.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ" ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.
Л. 253.

Дозволено Цензурою, СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

въ области литературы и науки, то мы прійдемъ къ тому убѣжденію, что онъ былъ однимъ изъ весьма полезныхъ и даже выдающихся русскихъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка. Въ такомъ взглядѣ на Тредіаковскаго убѣждаетъ насъ даже и самый бѣглый обзоръ того, что онъ сдѣлалъ.

Россійское Собраніе.

Въ первое десятилѣтіе существованія Академіи Наукъ, ея дѣятельность не отличалась самобытностью и проявлялась, главнымъ образомъ, въ чрезвычайномъ обиліи переводовъ различныхъ серьезныхъ научныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ... Въ этомъ отношеніи Академія вполнѣ оправдывала надежды, нѣкогда высказанныя ея геніальнымъ основателемъ. Но эта же переводческая дѣятельность, мало-по-малу, привела къ обсужденію разнаго рода спорныхъ вопросовъ русскаго литературнаго языка и слога, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Потребность въ постепенной обработкѣ слога и въ выясненіи различныхъ, еще темныхъ и неизслѣдованныхъ свойствъ и сторонъ русскаго языка привела къ мысли объ учрежденіи при Академіи Наукъ „*Россійскаго Собранія*“ (въ началѣ 1755 г.)—перваго ученаго общества любителей и присяжныхъ знатоковъ русскаго слова.

Работа надъ языкомъ.

Но работа надъ русскимъ литературнымъ языкомъ еще только начиналась и притомъ могла еще производиться только въ самомъ элементарномъ видѣ; вся Академія еще колебалась на своей основѣ, не вырабатываясь ни въ строго-научное, ни въ общеобразовательное учрежденіе, а потому и дѣйствія новаго, только-что народившагося отдѣла Академіи не могли быть строго-опредѣленными. Петровскія традиціи еще были живы въ Академіи, и она все еще оставалась, главнымъ образомъ, учрежденіемъ, предназначеннымъ для ближайшаго ознакомленія Россіи съ сокровищами западно-европейской науки и литературы—для пополненія Россійской Словесности существовавшими въ ней образцами различныхъ литературныхъ родовъ. На этомъ основаніи, и президентъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ, допуская при Академіи возникновеніе „Россійскаго собранія“, предназначалъ его, главнымъ образомъ, для простой, практической цѣли: исправленія академическихъ переводовъ... Въ эти собранія, по мысли президента Академіи, академическіе переводчики должны были „сносить дважды въ недѣлю“ свои переводы и тщательно исправлять ихъ тамъ сообща...

Въ дѣятельности такого собранія Тредіаковскій, при своемъ знаніи языковъ, долженъ былъ бы, конечно, занять весьма видное мѣсто: онъ и открылъ засѣданіе новаго собранія весьма кстати сказанною рѣчью „о чистотѣ россійскаго слога“. Но къ чести его слѣдуетъ замѣтить, что онъ уже и въ этой вступительной рѣчи показалъ, что въ пониманіи задачъ, предлежащихъ „Рос-

сійскому собранію", онъ стоитъ головою выше не только всѣхъ членовъ, входившихъ въ составъ собранія, но и самого президента Академіи. Увлекаясь будущею дѣятельностью собранія, онъ предложилъ ему такую программу грядущихъ трудовъ въ области словесныхъ наукъ, которая далеко превышала научныя средства почтеннаго собранія.

Труды надъ теоріей слога.

Недаромъ въ одной изъ подписей къ старинному гравированному портрету Тредіаковскаго онъ названъ „*трудолюбнымъ филологомъ*" [1]... Этотъ страстно-преданный своему дѣлу ученый былъ дѣйствительно первымъ русскимъ филологомъ и „трудолюбнымъ" изслѣдователемъ свойствъ русскаго языка, въ формѣ стихотворной и прозаической. Увлекаясь примѣромъ Запада, близко ему знакомаго, онъ уже прямо указывалъ собранію на Академію французскую и въ образецъ предстоящихъ собранію работъ ставилъ прославленные труды членовъ Французской Академіи въ области изученія языка французскаго. Президентъ Академіи ждалъ отъ „Россійскаго собранія" простой выправки академическихъ переводовъ; а Тредіаковскій уже смѣло устремляетъ взоры вдаль и совѣтуетъ собранію заняться составленіемъ „грамматики доброй и исправной, дикціонарія полнаго и довольнаго, риторики и стихотворной науки". Любопытно, что въ этой вступительной рѣчи Тредіаковскаго, сказанной при открытіи „собранія Россійскаго", уже заключается намекъ на будущее и весьма важное открытіе, сдѣланное имъ въ области русскаго слова. „Изъ основательныя грамматики и красныя риторики"—говоритъ въ своей рѣчи „трудолюбный филологъ" — „не трудно произойти восхищающему сердце и умъ слову піитическому; развѣ только одно сложеніе стиховъ неправильностью своею утрудить насъ можетъ... Но и то, мои господа, преодолѣть возможно и привести въ порядокъ: „*способовъ не нѣтъ; нѣкоторые же и я имѣю*". Судя по этому намеку на одинъ изъ своихъ будущихъ и капитальныхъ трудовъ, Тредіаковскій, очевидно, и въ той программѣ, которую онъ предложилъ своимъ коллегамъ, указывалъ съ полнымъ сознаніемъ на область изслѣдованія, постоянно его занимавшую и привлекавшую все его вниманіе въ теченіе долгой и многотрудной ученой и литературной его карьеры.

И дѣйствительно, еще и годъ не успѣлъ минуть со времени учрежденія „Россійскаго собранія" при Академіи Наукъ, какъ уже Тредіаковскій издалъ въ свѣтъ свою замѣчательную книгу: „*Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ россійскихъ*" — книгу,

---

[1] «Онъ есть Тредіаковскій, трудолюбный филологъ,—какъ то увѣряетъ «съ мѣрой и безъ мѣры слогъ». Кажется, что въ этой подписи слово «*филологъ*» является впервые въ нашемъ литературномъ языкѣ.

которая составляетъ эпоху въ исторіи новѣйшаго русскаго стихотворства, такъ какъ здѣсь впервые была выяснена и подробно изложена теорія *тоническаго стихосложенія*, какъ единственнаго свойственнаго и сроднаго русскому языку. Эта книжка явилась въ свѣтъ въ 1735 г.; но первое русское, тоническимъ размѣромъ написанное стихотвореніе было сочинено Тредіаковскимъ еще въ сентябрѣ 1734 года [1]). Какъ изслѣдователь основныхъ законовъ русскаго языка и какъ теоретикъ, Тредіаковскій проявляетъ въ этой книжкѣ большое остроуміе и недюжинную ученую наблюдательность; видно, что онъ много и долго обдумывалъ вопросъ о русскомъ стихосложеніи, изучилъ его прошлое, сравнивалъ нашу просодію съ классическою (греческою и римскою) и, наконецъ, пришелъ къ совершенно правильному выводу: стихъ русскій не можетъ быть ни силлабическимъ, ни метрическимъ, и въ основу нашего стихотворнаго размѣра можетъ быть положенъ только „*тоническій*“ размѣръ, „*въ единомъ удареніи голоса состоящій*“. Чрезвычайно любопытно и то указаніе Тредіаковскаго (въ одномъ изъ послѣдующихъ его сочиненій), что на мысль о тоническомъ стихосложеніи навели его произведенія нашей народной поэзіи и „сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее его разнообразныхъ стопъ паденіе“. Звучность и свободное теченіе русской пѣсни навели серьезнаго изслѣдователя на открытіе основного закона русскаго стихосложенія: это было истинное откровеніе съ одной стороны и немаловажная услуга—съ другой [2]).

За этимъ первымъ и весьма важнымъ трудомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ трудовъ Тредіаковскаго въ той же области теоріи Словесности, и въ этихъ трудахъ онъ выказываетъ съ самой выгодной стороны свою обширную начитанность и разностороннее знакомство съ важнѣйшими источниками по занимающему его предмету. Нельзя при этомъ не отмѣтить одного любопытнаго факта, характеризующаго время и общество, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Тредіаковскій:—близко и основательно знакомый съ древними классиками въ оригиналахъ, онъ все же предпочиталъ плохія подражанія этимъ оригиналамъ, созданнымъ литературой псевдо-классической, и аббату Фенелону отводилъ на своемъ Парнасѣ мѣсто, равное съ Гомеромъ, Виргиліемъ и Овидіемъ. Тредіаковскаго можно даже признать въ такой же степени „отцомъ псевдо-классицизма“ въ Россіи, въ какой мы признаемъ

---

[1]) То было «Покорнѣйшее поздравленіе Превосходительнѣйшему господину барону фонъ-Корфъ» по случаю назначенія его президентомъ Академіи Наукъ (18 сент. 1734 г.).

[2]) Къ вопросамъ о стихосложеніи, о размѣрахъ и различныхъ формахъ стихотворныхъ Тредіаковскій возвращался много разъ и во многихъ своихъ сочиненіяхъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, что знакомство съ стихотворнымъ размѣромъ сербо-далматинскимъ навело его на мысль о тоническомъ размѣрѣ.

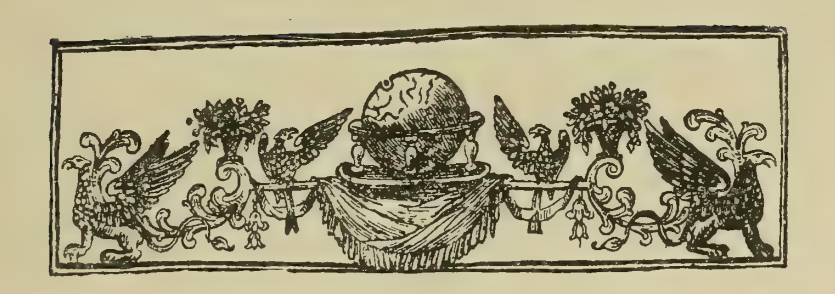
ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ

О ЗДАЧѢ ГОРОДА ГДАНСКА.

Ое трезвое мнѣ піанство.
Слово даетъ къ славной причинѣ?
Чистое *Парнасса* убранство,
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославлять хощу АННУ.

Въ своихъ

Ода Тредіаковскаго на взятіе Гданска. Отдѣльное изданіе, весьма рѣдкое, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.



ТИЛЕМАХІДЫ КНИГА ВТОРАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ разсказываетъ, что онъ взятъ на Кораблѣ Тvрскомъ, Мореходнымъ Сесостріевымъ Строемъ, и отведенъ Плѣнникъ въ Егvпетъ. Описываетъ красоту Егvпетскія земли, и мудрость въ правительствѣ Царя ея. Присовокупляетъ, что Менторъ посланъ Невольникъ въ Еѳіопію; что самъ онъ, Тилемахъ, принужденъ былъ пасти Стадо въ Пустынѣ Оасіи; что Ѳермосірідъ, Жрецъ Аполлоновъ, утѣшилъ его наставленіемъ подражанія Аполлону, бывшему нѣкогда Пастыремъ у Царя Адмита; что Сесострій наконецъ увѣдомленъ о всемъ, дѣлаемомъ отъ него дивномъ между Сопастырями; что его возвратилъ къ себѣ, бывъ удостовѣренъ о неповинности онаго, и обѣщалъ отпустить въ Іѳаку, но смерть сегожъ Царя ввергла его въ новыя злоключенія; что заключенъ онъ въ темницу въ нѣкоей башнѣ, стоявшей на брегѣ морскомъ, съ коея видѣлъ новаго Царя Вокхоря, погибшаго на сраженіи противъ своихъ Подданныхъ забунтовавшихъ, а подкрѣпленныхъ помощію отъ Тvрянъ.

*

Тvрянъ надменіемъ Царь Сесострій на-гнѣвъ преподвигся,
Царствовалъ кой тогда въ Нилотечномъ и-плодномъ Егvптѣ.
Да и-себѣ покорилъ воюя премногія Царства.
Какъ не смѣтное тѣхъ Богатство, притекшее Куплей,
Такъ и-Твердыни всѣ неприступнаго града-ихъ Тvра,

Томъ I. В Стѣны

Страница изъ «Тилемахиды», въ переводѣ Тредіаковскаго.

Наука поэзіи. Ломоносова „отцомъ новой русской поэзіи вообще". Онъ не только перевелъ главные кодексы псевдо-классицизма—„De arte poëtica" Горація и „L'art poëtique" Буало [1])—но еще при каждомъ удобномъ случаѣ старался внушить всѣмъ и каждому важнѣйшія основы псевдо-классической теоріи. Такъ, напримѣръ, своей „*Телемахидѣ*" (переводу Фенелоновой поэмы „Приключенія Телемака"—Les aventures de Telemaque) Тредіаковскій предпослалъ подробное „*Предъизъясненіе объ ироической піимѣ*" и въ немъ изложилъ послѣдовательно всѣ правила, какимъ, по псевдо-классической теоріи, должно быть подчинено сочиненіе эпическихъ поэмъ. Точно такъ же и къ отдѣльному изданію торжественной оды „*на взятіе Гданска*" (Данцига) Тредіаковскій приложилъ „*Разсужденіе объ одѣ вообще*", заимствованное изъ подобнаго же „*Разсужденія*" Буало; а своему переводу одной изъ комедій Теренція придалъ весьма дѣльное „*разсужденіе о комедіи вообще*", составленное на основаніи авторитетныхъ источниковъ западной науки. При этомъ онъ довольно тонко проводилъ разницу между тѣмъ „смѣшнымъ" элементомъ, который составляетъ самую сущность комедіи и „исправляетъ всенародные недостатки боязнью осмѣянія"—и тѣмъ „смѣшнымъ", которое потѣшаетъ толпу въ скоморошескихъ потѣхахъ.

Собственно поэзіи и опредѣленію ея сущности Тредіаковскій посвящаетъ нѣсколько статей: „*Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще*", „*Письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи*" и, наконецъ, „*Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ*". Первую изъ этихъ статей, Тредіаковскій, сообразуясь съ современными понятіями и уровнемъ образованія, начинаетъ совершенно правильно съ того, что истолковываетъ разницу между поэзіей и стихотворствомъ. „Иное быть піитомъ",—говоритъ Тредіаковскій,—„а иное стихи слагать... Прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобы стихи составлять, но чтобы творить, вымышлять и подражать..." Затѣмъ, передавая классическія преданія о происхожденіи поэзіи, авторъ прибавляетъ отъ себя: „праведно утверждается, что она влита въ человѣческіе разумы отъ Бога", и указываетъ на библейскаго Іувала, Ламехова сына, изобрѣтателя „цѣвницы и гуслей", какъ на „перваго изъ человѣковъ, который ощутилъ въ себѣ оное божеское движеніе въ разумѣ"—перваго піиту и музыканта. Далѣе онъ высказываетъ мнѣніе, что первые наши поэты были, вѣроятно, наши языческіе жрецы, и переходитъ къ объясненію происхожденія различныхъ поэтическихъ родовъ.

Отстаивая здѣсь высокое, божественное происхожденіе поэзіи

---

[1]) Первое сочиненіе Тредіаковскій перевелъ прозой, второе—стихами.

и указывая на ея значеніе въ классической древности, Тредіаковскій, въ *„Письмѣ о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи“*, высказываетъ не совсѣмъ благопріятное мнѣніе о поэзіи современной, которою онъ, видимо, недоволенъ... [1]) „Прежде стихи были нужное и полезное дѣло, а нынѣ утѣшная и веселая забава, да къ тому же плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію... такова воздаянія, кое честь есть пустая и скоро забываемая похвала и слава“... И добавляетъ затѣмъ съ нѣкоторою желчностью: „потолику между ученіями словесными подобные стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаньяхъ“.

Ученыя разсужденія.

Въ разсужденіи *„о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“* Тредіаковскій дѣлаетъ историческій обзоръ русской поэзіи отъ древнѣйшихъ временъ и, къ древнему періоду, ко временамъ языческимъ относитъ всю народную поэзію, въ основу которой, по мнѣнію Тредіаковскаго, положенъ былъ размѣръ тоническій... Затѣмъ разсматриваетъ періодъ преобладанія силлабическихъ виршей, перешедшихъ къ намъ изъ Польши, и упоминаетъ о попыткѣ Мелетія Смотрицкаго — ввести къ намъ метрическое стихосложеніе. Читая объ этомъ у Смотрицкаго, Тредіаковскій сознается, что ему приходится „быть смѣющимся Демокритомъ непрестанно“... И далѣе, говоря о новомъ тоническомъ стихосложеніи русскомъ, онъ скромно и застѣнчиво напоминаетъ о томъ, что честь этого открытія въ области Русской Словесности принадлежитъ ему одному [2]).

Гораздо менѣе важны два болѣе позднихъ разсужденія Тредіаковскаго, подъ заглавіями: *„Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ“* и *„Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой“*. Въ первомъ изъ этихъ разсужденій Тредіаковскій, подъ видомъ „витійства“, т. е. краснорѣчія, говоритъ о различныхъ видахъ его проявленія во всякаго рода прозаическихъ сочиненіяхъ; во второмъ, представляя довольно слабый историческій обзоръ извѣстій о церковно-славянской и гражданской азбукѣ, онъ предлагаетъ всю систему орѳографіи построить на произношеніи—*„писать такъ, какъ звонъ требуетъ“*. Система эта, много разъ и впослѣдствіи находившая себѣ сторонниковъ, не выдерживаетъ строгой научной критики; но, по справедливому заключенію историка

---

[1]) Недовольство это, очевидно, вызывалось постоянно враждебными отношеніями Тредіаковскаго къ Ломоносову и Сумарокову — стихотворцамъ, которыхъ слава окончательно затмила извѣстность ученаго поэта-теоретика.

[2]) «Приступая къ описанію новаго нашего стихосложенія, нынѣ отъ всѣхъ стихотворцевъ воспріятаго, принужденъ я объявить, съ нѣкоторымъ по истинѣ устыдѣніемъ и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю».

ЮНОСТИ

ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

ИЛИ

ПОКАЗАНІЕ КЪ ЖІТЕІСКОМУ ОБХОЖДЕНІЮ.

Собранное отъ разныхъ Авторовъ.

НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ

ЦАРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА

ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРХѢ

Лѣта Господня 1719,

Іуліа 5 дня.

«Юности честное зерцало». Титульный листъ. По весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

Академіи Наукъ, она не „содержитъ въ себѣ бо̀льшей запутанности и сбивчивости противъ тѣхъ правилъ, которыя ввелись тогдашними знатоками въ Академіи Наукъ"... Но, къ сожалѣнію, и притомъ прямо въ ущербъ достоинствамъ своего изслѣдованія, авторъ „Разговора" вздумалъ придать своему сочиненію разговорную форму, „чтобы скуку въ читающемъ или развеселить, или бъ оную отъ него отогнать всеконечно"—и именно этимъ пріемомъ

42 Зерцало

Зубовъ ножемъ не чiсти, но зубочiсткою, и одною рукою прiкрои ротъ когда зубы чiстiшъ, хлѣба прiложа къ грудямъ не рѣжъ, ѣшъ что предъ тобою лежiтъ, а индѣ не хватаи. Ежели передъ кого положiть хощешъ, не прiмаи перстами какъ нѣкоторыя народы нынѣ обыкли. надъ ѣствою не чавкаи, какъ свiнiя, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. часто чiхать, сморкать, и кашлять не прiгожо. Когда яси яiцо, отрѣжъ напредь хлѣба, и смотри чтобъ при томъ невытекло, и яждь скоро. яiшнои скорлупы не разбiваи, и пока яси яiцо, не пiи, между тѣмъ не замараи скатерти, и не облiзываи перстовъ, около своеи талерки не дѣлаи забора изъ костеи, корокъ хлѣба

«Юности честное зерцало». Одна изъ страницъ текста.

сдѣлалъ разсужденіе свое непреодолимо скучнымъ и вызвалъ цѣлый рядъ насмѣшекъ со стороны своихъ литературныхъ противниковъ.

Тредіаковскій—цензоръ.

Вообще говоря, отсутствіе вкуса и недостатокъ мѣры въ томъ чрезвычайномъ обиліи литературнаго трудолюбія, которое Тредіаковскій ставилъ себѣ въ большую заслугу — много вредили ему въ глазахъ современниковъ, среди которыхъ, къ тому же, проявились два такихъ замѣчательныхъ представителя литературы, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ. Несмотря на то, что самъ же Тредіаковскій вполнѣ сознательно и разумно писалъ въ одномъ изъ своихъ ученыхъ трактатовъ: „иное быть піитомъ, а иное стихи слагать“ — онъ самъ писалъ стихи постоянно, въ теченіе всей своей жизни, не сознавая того, что они представляютъ собою произведенія уродливыя, никому непонятныя, непріятныя и ненужныя. Мало того, онъ рѣшался даже прозаическія произведенія (какъ, напримѣръ, Фенелоновы „Приключенія Телемака“) переводить своими ужасными гекзаметрами и ставилъ себѣ этотъ невѣроятно-тяжкій трудъ въ большую заслугу „передъ отечествомъ“... При той полной бездарности литературной, которую Тредіаковскій проявлялъ каждый разъ, когда принимался „творить, изображать или подражать“, онъ былъ чрезвычайно строгъ и взыскателенъ къ другимъ авторамъ, когда Академія Наукъ поручала ему разсмотрѣніе ихъ произведеній, и придирчивая критика его несомнѣнно основывалась на зависти, которую въ немъ возбуждалъ ихъ успѣхъ или природная талантливость. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно сравненіе дѣятельности цензора Тредіаковскаго и цензора Ломоносова. Такъ, напримѣръ, 8-го октября 1748 года, въ академической канцеляріи состоялось постановленіе, по которому Ломоносову и Тредіаковскому поручалось разсмотрѣть въ рукописи трагедію Сумарокова „Гамлетъ“; при этомъ академикамъ предлагалось трагедію освидѣтельствовать въ двадцать четыре часа, „нимало не удержавъ“. Ломоносовъ тотчасъ же отвѣтилъ, „что въ оной трагедіи, по его мнѣнію, нѣтъ ничего, что̀ бы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать“. Очевидно, что онъ отнесся къ своей цензорской обязанности, какъ къ простой формальности... Тредіаковскій же, напротивъ того, далъ пространный отзывъ, указывалъ недостатки трагедіи Сумарокова и даже предлагалъ замѣнить въ ней нѣкоторые стихи стихами своего сочиненія. Немного спустя, Тредіаковскому и Ломоносову поручено было цензуровать двѣ стихотворныя эпистолы Сумарокова—и съ ними повторилась такая же исторія. Ломоносовъ, которому Сумароковъ очень льстилъ въ этихъ эпистолахъ, сравнивая его съ Пиндаромъ и Мальзербомъ, отозвался объ эпистолахъ очень мягко, совѣтуя только от-

мѣнить въ нихъ нѣкоторыя преувеличенія; Тредіаковскій, напротивъ того, отозвался крайне неодобрительно. Онъ пишетъ, что въ эпистолахъ „великое чтется язвительство... не пороки пишущихъ больше пятнаются, сколько сами писатели". И при этомъ весьма ядовито замѣчаетъ: „можетъ-быть, что сему моему мнѣнію сопротивляется привиллегія пiитической вольности; однако, опасно, чтобы сія вольность не возросла въ своевольность" и т. д. Сумарокову эпистолы были возвращены для передѣлки, и вновь представлены имъ на одобреніе Академіи. Тогда Тредіаковскій ужъ прямо возсталъ противъ произведеній Сумарокова и въ отзывѣ своемъ рѣзко высказался о томъ, что они „*именемъ только* эпистолы, а самымъ дѣломъ злостныя сатиры, и я поносительныхъ тѣхъ сочиненій по самой безпристрастной совѣсти апробовать не могу". Напротивъ того, умный и проницательный Ломоносовъ справедливо отнесся къ произведеніямъ молодого писателя и совершенно вѣрно замѣтилъ о нихъ, „что они ни до чего важнаго не касаются; но только содержатъ въ себѣ критику нѣкоторыхъ худыхъ писцовъ безъ ихъ наименованія". И тутъ же сослался на то, что въ „Россійскомъ народѣ сатиры князя Антіоха Дмитріевича Кантемира съ общею аппробаціею приняты, хотя въ нихъ всѣ страсти всякаго чина людей самымъ острымъ сатирическимъ жаломъ проницаются".

Само собою разумѣется, что разумное мнѣніе Ломоносова одержало верхъ: эпистолы были напечатаны; но задорный и мстительный авторъ ихъ воспылалъ страшною ненавистью къ своему строгому цензору-критику, котораго безпощадно казнилъ потомъ своими насмѣшками и сатирами до самой его смерти.

Точно такъ же, какъ и въ данномъ случаѣ, Тредіаковскій умѣлъ себѣ вредить и въ другихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, служебныхъ и общественныхъ, и былъ въ этомъ смыслѣ прототипомъ тѣхъ неудачниковъ, которыми изобиловала впослѣдствіи русская литература. Самъ не будучи въ силахъ поддержать свое личное достоинство и отстоять свое положеніе прямымъ путемъ, онъ старался добиваться своихъ цѣлей всевозможными окольными путями и былъ крайне неразборчивъ въ средствахъ, если думалъ, что они могутъ доставить ему успѣхъ, выгоду или хотя бы временное торжество надъ его врагами и противниками. Вся біографія этого усерднаго труженика переполнена тою мелкою борьбою, тяжбами и дрязгами, которыми Тредіаковскій постоянно умѣлъ и себя, и другихъ опутывать, вызывая къ себѣ то ненависть, то холодное презрѣніе. Объемъ нашего труда, къ сожалѣнію, не дозволяетъ намъ вдаваться въ біографическія подробности и передать съ надлежащею полнотою всѣ тяжкія испытанія и удары, какимъ Тредіаковскій подвергался при жизни и которые отчасти самъ на себя накли-

Ссоры и дрязги.

ка̀лъ и вызывалъ; однакоже мы должны будемъ, хотя вкратцѣ, коснуться его служебной академической карьеры, чтобы яснѣе очертить положеніе русскихъ дѣятелей въ той средѣ, которая, главнымъ образомъ, преобладала въ Академіи Наукъ въ первую четверть вѣка отъ начала существованія этого учрежденія.

Хлопоты о каѳедрѣ.

Воспользовавшись вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, которое ободрило всѣхъ русскихъ дѣятелей въ Академіи Наукъ, Тредіаковскій, въ маѣ 1743 г., сталъ просить о повышеніи его по окладу жалованья... Его ходатайство было оставлено безъ отвѣта. Тогда онъ обратился къ своему начальству съ просьбою о томъ, чтобы ему было предоставлено никѣмъ не занятое мѣсто старшаго библіотекаря при Академіи. Опять-таки его оставили безъ вниманія и отвѣта. Тогда уже въ третьемъ прошеніи Тредіаковскій заявилъ о своихъ правахъ на занятіе каѳедры профессора элоквенціи, ссылаясь на свои труды и заслуги, и просилъ, чтобы члены Академіи отмѣтили его знанія и подготовку къ той должности, о которой онъ хлопоталъ...

На это конференція Академіи отвѣтила ему рѣзкимъ отказомъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что въ первоначальномъ проектѣ Академіи, начертанномъ Петромъ Великимъ, о профессорѣ элоквенціи россійской не упомянуто вовсе. Другими словами, конференція дала ему ясно понять, что онъ напрасно будетъ добиваться этого мѣста.

Но Тредіаковскаго не легко было отвадить отъ намѣченной имъ цѣли. Онъ отвѣчалъ конференціи весьма энергичною исповѣдью, въ которой прямо высказалъ, что „хотя есть профессоръ элоквенціи латинской, однако надлежитъ ему быть токмо по то время, пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ россійскихъ, ибо сія Академія учреждена въ пользу россійскихъ людей, какъ то явствуетъ въ прожектѣ Петра Великаго и въ указахъ Академіи Наукъ"...

Получивъ отказъ отъ Академіи, Тредіаковскій обратился къ членамъ Сѵнода съ просьбою о томъ, чтобы они „освидѣтельствовали его въ способности къ элоквенціи какъ латинской, такъ и россійской", и члены Сѵнода выдали ему нѣчто въ родѣ аттестата. Несмотря, однакоже, и на этотъ аттестатъ, дѣло о каѳедрѣ элоквенціи положено было подъ сукно и оставалось болѣе года безъ всякаго движенія. Тогда Тредіаковскій рѣшился самъ о себѣ хлопотать въ Сенатѣ и подалъ туда прошеніе, въ которомъ излагалъ по пунктамъ всѣ права свои на званіе академика и профессора и всѣ мытарства, которыя пришлось ему пройти, добиваясь этого званія. Еще цѣлый годъ протекъ въ собираніи справокъ о неугомонномъ академическомъ переводчикѣ, и Сенатъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, могъ, наконецъ, ходатайствовать о производ-

ствѣ Тредіаковскаго въ профессоры „какъ латинскія, такъ и россійскія элоквенціи“... 25 іюня 1745 года императрица Елисавета пожаловала Тредіаковскаго въ это званіе—и онъ наконецъ добился вожделѣннаго повышенія оклада.

Одновременно съ нимъ императрица пожаловала въ академики Ломоносова, и въ адъюнкты Крашенинникова. Но за этихъ двоихъ ученыхъ ходатайствовала сама Академія, а Тредіаковскій попалъ въ Академики чрезъ Сунодъ и Сенатъ, противъ воли всей коллегіи, и, тѣмъ самымъ, конечно, возбудилъ противъ себя общую непріязнь, которая, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалась вздорными придирками и притязаніями этого новопожалованнаго академика. Академическое начальство старалось всѣми силами ограничивать и сдерживать черезчуръ обильную литературную и ученую дѣятельность Тредіаковскаго, а онъ донималъ академическое начальство то доносами, то нескончаемыми жалобами, то подметными письмами. Болѣе всего обиднымъ казалось „трудолюбному филологу“, что Академія отказывала ему въ печатаніи его сочиненій и переводовъ и, вмѣсто всякихъ объясненій, отвѣчала ему на его прошенія, что онъ можетъ жаловаться кому угодно и искать себѣ защиты у властей.

Отставка Тредіаковскаго.

Четырнадцать лѣтъ такой невыносимой жизни и служебной дѣятельности, такой безплодной и непрестанной борьбы, наконецъ истомили несчастнаго неудачника... Доведенный почти до отчаянія, онъ рѣшился покинуть Академію, и съ половины 1757 г. пересталъ ходить въ Академію, думая, что на его отсутствіе обращено будетъ вниманіе и отъ него затребованы будутъ объясненія. Но ему просто прекратили выдачу жалованья, и онъ самъ вынужденъ былъ подать на имя президента Академіи (графа Разумовскаго) длинное доношеніе, съ начала до конца проникнутое тяжелымъ сознаніемъ безвыходности того положенія, въ которомъ онъ себя видѣлъ. „Ненавидимый въ лицо, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, осуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ“—такъ пишетъ самъ о себѣ Тредіаковскій въ этомъ доношеніи—„я несправедливо осужденъ буду, ежели осужденъ чрезъ удержаніе жалованья умирать голодомъ и холодомъ, какъ будто винный предъ должностью моею... У меня нѣтъ ни полушки въ домѣ, ни сухаря хлѣба, ни дровъ полѣна... Преверховное Правосудіе казнитъ меня за беззаконіе и грѣхи мои... предъ нимъ я виноватъ безъ числа, а не предъ Академіею и Академиками“. Но никакія сѣтованія и вопли несчастнаго труженика не помогли и не измѣнили его тяжкаго положенія къ лучшему: 30-го марта 1759 года онъ получилъ отставку и ему не только не было дано никакой пенсіи, но даже отказано въ незначительномъ денежномъ пособіи.

Кое-какъ перебиваясь литературными и переводными работами, Тредіаковскій прожилъ въ отставкѣ еще десять лѣтъ и скончался въ августѣ 1769 года [1]).

Частныя порученія.

Все сказанное нами о Тредіаковскомъ, о его значеніи, какъ писателя и ученаго, о его многосторонней и разнообразной дѣятельности — было бы не полно, если бы мы не привели здѣсь и еще нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей, характеризующихъ время, въ которое пришлось дѣйствовать этому первенцу русской литературы и науки. Прежде всего припомнимъ, что Тредіаковскому, въ бытность его переводчикомъ при Академіи, приходилось исполнять много такихъ порученій, которыя не имѣли ничего общаго съ его службою при Академіи. Мы не говоримъ даже о томъ, что онъ обязанъ былъ сочинять, по первому требованію начальства, русскія и латинскія надписи и девизы ко всякимъ придворнымъ празднествамъ и торжествамъ, иллюминаціямъ и фейерверкамъ; что онъ писалъ сокращенные тексты итальянскихъ комедій, которыя ставились на придворной сценѣ, и составлялъ либретто для первыхъ, явившихся въ Россіи „драмъ на музыкѣ“ (то-есть, оперъ) [2]); что онъ былъ обязательнымъ цензоромъ и критикомъ для всѣхъ вновь являвшихся произведеній литературы... Этого мало: ему еще давали и порученія дипломатическія... Такъ онъ сопровождалъ извѣстнаго маркиза де-ла-Шетарди въ Москву, по приказанію императрицы Елисаветы, и состоялъ при немъ одно время не то въ качествѣ секретаря, не то въ качествѣ соглядатая... Ему навязывали и гораздо болѣе трудныя порученія литературныя, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго: 29 сентября 1750 года графъ Разумовскій объявилъ въ академической канцеляріи, что императрица Елисавета „изоустнымъ, именнымъ указомъ повелѣла профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову сочинить *по трагедіи*“. Историкъ Академіи Наукъ, сообщая объ этомъ любопытномъ фактѣ, заключаетъ нѣсколько иронически, что „Тредіаковскій и Ломоносовъ тотчасъ же поспѣшили, въ силу Высочайшаго повелѣнія, найти въ себѣ надлежащее вдохновеніе для сочиненія трагедіи“... Тредіаковскій принялся даже за выполненіе Высочайшаго порученія настолько рьяно, что 28 ноября уже извѣщалъ Академію, что онъ „сочинилъ уже самую большую половину“ и даже читалъ ее Господину Президенту Академіи Наукъ. Немного спустя, онъ хлопоталъ уже о напечатаніи трагедіи при академической типографіи и приложилъ къ своему оригиналу „Прожектъ грыдорованаго листочка, имѣющаго быть при трагедіи...“ Академическая канцелярія велѣла-было живописцу

[1]) Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

[2]) Первая изъ этихъ оперъ была: «Сила любви и ненависти»,—напечатанная при Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, въ 1736 году.

Гриммелю сдѣлать рисунокъ по мысли Тредiаковскаго, однакоже этотъ рисунокъ не былъ выгравированъ, такъ какъ и самая трагедiя, называвшаяся „*Дейдамiя*“, по какимъ-то неизвѣстнымъ для насъ обстоятельствамъ, не была напечатана при Академiи: она явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти Тредiаковскаго.

Для полноты характеристики той тяжкой и страшной эпохи, въ которую приходилось дѣйствовать первымъ представителямъ новѣйшаго перiода нашей литературы, приведемъ еще одинъ любопытный эпизодъ изъ жизни Тредiаковскаго.

Въ 1730 году, будучи еще въ Гамбургѣ, Тредiаковскiй, по поводу коронацiи императрицы Анны Iоанновны, написалъ торжественную пѣснь, которую, по возвращенiи въ Россiю, напечаталъ въ типографiи при Академiи Наукъ, съ приложенiемъ нотъ для пѣнiя. Пѣснь эта начиналась стихомъ: Страшное слово.

«Да здравствуетъ днесь Императрiксъ Анна...»

Со времени сочиненiя пѣсни прошло пять лѣтъ. Всѣ экземпляры ея давно уже разошлись въ продажѣ въ столицахъ, а въ провинцiи пѣснь усердно переписывалась разными любителями торжественнаго пѣснопѣнiя. Одинъ изъ нихъ, священникъ Алексѣй Васильевъ, случайно заѣхавъ въ костромское духовное правленiе, просилъ тамъ одного понамаря—нельзя ли отыскать ту пѣсню въ Костромѣ; для памяти онъ и написалъ ему вышеприведенный начальный стихъ. Одинъ изъ писцовъ, увидавъ слово „*Императрiксъ*“, нашелъ его зазорнымъ для Высочайшаго титула, донесъ о томъ по начальству, и тотчасъ же священникъ Васильевъ и дьячокъ Савельевъ, доставившiй ему пѣсню, были отосланы въ Москву, въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ... Тотчасъ поднялось и завязалось дѣло, и притомъ *секретнѣйшее*. Полетѣли запросы въ Петербургъ, въ Тайную Канцелярiю, къ грозному начальнику ея, генералу А. И. Ушакову, который затребовалъ немедленно объясненiй отъ Тредiаковскаго. Сохранившееся намъ письменное объясненiе Тредiаковскаго (отъ 16 окт. 1735 года) чрезвычайно любопытно по тому, что онъ долженъ былъ выяснить начальнику Тайной Канцелярiи значенiе и свойства пентаметра.

„Первый самый стихъ“ (пѣсни),—такъ пишетъ встревоженный пiита,—„въ которомъ положено слово *Императрiксъ*—есть *пентаметръ*, т. е. пять мѣръ или стопъ имѣющiй, и, конечно, въ Россiйскомъ стихотворствѣ одиннадцать слоговъ (ни больше, ни меньше) содержащiй. Слово сiе *Императрiксъ*, есть самое подлинное латинское и значитъ точно во всей своей высокости *Императрица*, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые совершенную силу знаютъ въ Латинскомъ языкѣ. Употребилъ я сiе Латинское слово, Императрiксъ, для того, что мѣра стиха сего тре-

бовала, ибо лишній бы слогъ былъ въ словѣ *Императрица*; но что чрезъ оное слово никакого нѣтъ урона въ Высочайшемъ величіи Ея Императорскаго Величества, то не токмо Латинскій языкъ довольно меня оправдываетъ, но, сверхъ того, еще и стихотворная наука."

Затѣмъ онъ указывалъ на подобныя же стихотворныя сокращенія титула и даже имени Государя, обычныя во французской поэзіи, и заканчиваетъ довольно смѣлой выходкой, которая, вѣроятно, болѣе всего способствовала къ оправданію поэта:

„Тѣ, которые претендуютъ, что симъ словомъ *Императріксъ* прописанъ у меня высочайшій тітлъ Ея Императорскаго Величества, либо весьма глупы, для того, что не зная точныя въ немъ силы претендуютъ; либо весьма злы, для того, что тѣмъ на меня клевещутъ, что мнѣ долженствовало быть въ похвалу, и что̀ я сочинилъ превеликою радостію движимый, какъ самая пѣснь радостный жаръ стихотворства, бывшій во мнѣ тогда, довольно изъявляетъ; либо великіе, наконецъ, вруны, для того, что такъ болтаютъ, въ чемъ нѣтъ, какъ просто говорится, ни складу, ни ладу."

Тайная Канцелярія удовлетворилась этимъ отвѣтомъ, и грозный начальникъ ея послалъ въ Москву приказъ—освободить священника и дьячка, такъ какъ „оный Тредіаковскій объявилъ, что оное слово (Императриксъ) латинское и прочіе, къ тому подлежащіе резоны показалъ".

Отзывы потомства.

Несчастному труженику, претерпѣвшему столько невзгодъ при жизни, гораздо болѣе посчастливилось въ потомствѣ; уже ближайшіе потомки — въ лицѣ Радищева и Новикова — воздали должное памяти ученыхъ и литературныхъ заслугъ почившаго собрата, и въ современной журналистикѣ попытались защищать даже его „Телимахиду" отъ насмѣшекъ, которыми осыпала ее императрица Екатерина въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Всякая всячина" [1]). Впослѣдствіи, Пушкинъ, видимо тронутый печальною участью писателя-труженика, пошелъ даже далѣе: онъ не только отзывался съ похвалою о научной и литературной дѣятельности Тредіаковскаго, не только высказалъ, нѣсколько поспѣшно, что „Сумароковъ и Херасковъ не сто̀ятъ Тредіаковскаго", но даже рѣшился высказать, что Тредіаковскій, по его мнѣнію „былъ почтенный и порядочный человѣкъ". Принимая въ соображеніе все то, что намъ въ данное время извѣстно

[1]) «При Императрицѣ Екатеринѣ II,»—такъ разсказываетъ митрополитъ Евгеній въ словарѣ «Свѣтскихъ писателей»—«въ Эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе: за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ Телемахиды страницу. А за важнѣйшую—выучить изъ оной шесть строкъ». Сей законъ написанъ былъ золотыми буквами на таблицѣ, которая и до нынѣ цѣла (II, 221).

объ авторѣ „Телемахиды“, мы думаемъ, что съ послѣднимъ выводомъ Пушкина согласиться довольно трудно... Тредіаковскаго, по тому времени, когда онъ жилъ, можно и должно назвать „почтеннымъ“ ученымъ, „почтеннымъ“ труженикомъ; можно и должно отнестись съ уваженіемъ къ тому, что было имъ сдѣлано и достигнуто тяжкимъ трудомъ. Но „почтеннымъ и порядочнымъ человѣкомъ“ Тредіаковскаго никакъ нельзя назвать, не измѣнивъ въ корнѣ современное намъ значеніе этихъ словъ, въ ихъ примѣненіи къ личности любого человѣка, любого общественнаго дѣятеля. Этотъ отзывъ Пушкина въ особенности не можетъ быть примѣнимъ къ Тредіаковскому, который самъ себя не уважалъ и нигдѣ не умѣлъ поддержать свое человѣческое достоинство. Не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ несчастнымъ, забитымъ и заслуживающимъ состраданія Тредіаковскимъ стоитъ величавая и мощная фигура того смѣлаго помора, который всѣмъ сумѣлъ внушить уваженіе не только къ себѣ лично, не только къ своему труду, но и къ тому званію ученаго и писателя, которое онъ носилъ съ такою благородною гордостью и съ такимъ полнымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства.

Виньетка изъ «Тилемахиды» Тредіаковскаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Новыя вѣянія въ русской общественной жизни сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка.—Французское вліяніе и меценатство.—Ломоносовъ; легенда о немъ и дѣйствительность.—Дѣятельность ученая, литературная и общественная.—Его характеръ, значеніе и заслуги по отношенію къ просвѣщенію въ Россіи.—Труды Ломоносова по отечественной исторіи.—Ломоносовъ въ потомствѣ.

Сороковые годы прошлаго столѣтія составляютъ эпоху въ исторіи нашей общественной жизни, въ нашемъ просвѣщеніи и въ нашей литературѣ. Вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы заканчивается тотъ мрачный, тяжелый и печальный періодъ броженія различныхъ общественныхъ элементовъ, періодъ борьбы и безплодныхъ усилій, періодъ преобладанія иноземныхъ элементовъ въ нашей государственной жизни и политикѣ, который выражался сухимъ формализмомъ и безсердечнымъ деспотизмомъ въ отношеніяхъ власти и къ обществу, и къ народу. Миновала страшная „Бироновщина", мелькнуло мимолетною тѣнью правленіе императора-младенца, и на престолѣ явилась „дщерь Петрова", къ которой всѣ взоры обратились съ надеждою и упованіями на лучшее будущее...

Елисавета на престолѣ.

Всѣ, пережившіе тяжкій пятнадцатилѣтній періодъ, протекшій со времени кончины Петра, мысленно возвращались къ воспоминаніямъ о царствованіи Великаго Преобразователя, какъ къ золотому вѣку, естественно и справедливо забывая всѣ тягости, всѣ невзгоды, всѣ недочеты этого дивнаго царствованія; всѣ вѣрили, что Елисавета наслѣдовала хотя отчасти великія доблести своего Родителя и сумѣетъ внести миръ и покой, и благоденствіе въ русскую народную жизнь и общественность. И Елисавета, въ значительной степени, оправдала скромныя упованія, возлагаемыя на нее: она внесла болѣе мягкости въ отношеніе власти къ обществу и народу, выказала расположеніе ко всему, что было дорого сердцу русскихъ людей, а главное—въ значительной степени ослабила преобладаніе иноземцевъ, оскорблявшее народную гордость...

Русскіе дѣятели.

Не довѣряя тѣмъ пришельцамъ, которые, преслѣдуя только однѣ свои корыстныя цѣли, такъ долго держали ее въ тѣни и преграждали ей путь къ престолу, Елисавета, видимо, старалась окружить себя природными русскими людьми, ихъ выдвигала и имъ покровительствовала, какъ бы исполняя этимъ завѣтъ своего Великаго Отца, который умѣлъ пользоваться услугами искусныхъ иностранцевъ, но все же важнѣйшія мѣста въ управленіи государственномъ всегда предоставлялъ русскимъ. И вотъ, около Елисаветы образуется цѣлый кружокъ русскихъ людей—Разумов-

скихъ, Шуваловыхъ и Воронцовыхъ,—которые начинаютъ близко къ сердцу принимать интересы русской литературы и просвѣщенія, наравнѣ съ другими насущными нуждами русскаго народа. Въ то же время, въ придворной средѣ и въ средѣ русской знати, приближенной къ престолу, подъ вліяніемъ различныхъ условій политической и государственной жизни Россіи, начинаетъ сильно преобладать французское вліяніе; вводятся французскія моды и общественные обычаи и, благодаря этому новому вѣянію, въ общественные нравы вносится болѣе мягкости, болѣе вѣжества и гуманности.

Смягченіе нравовъ.

Шутовство и скоморошество, по мановенію Елисаветы исчезнувшее при Дворѣ, утрачиваетъ свой прежній смыслъ и значеніе и въ частной жизни вельможъ; является и быстро начинаетъ развиваться стремленіе къ болѣе благороднымъ забавамъ, къ болѣе тонкимъ и изящнымъ наслажденіямъ. Проявляется вкусъ къ литературѣ, къ театру, для всѣхъ доступному и открытому; пробуждается желаніе покровительствовать талантамъ, поощрять дѣятелей науки, поэтовъ и писателей... Грубыя проявленія дикаго произвола по отношенію къ этимъ избранникамъ и жрецамъ искусства оказываются невозможными; наступаетъ пора широкаго, гостепріимнаго и тщеславнаго меценатства, которымъ „знатнѣйшія персоны“ начинаютъ щеголять и кичливо соперничать между собою... Зарождается, хотя еще и въ самомъ элементарномъ зачаткѣ, сознаніе того, что можно назвать истинною народною гордостью, и тѣ, которые проникаются этимъ высокимъ чувствомъ, начинаютъ приходить къ убѣжденію, что слава Россіи не въ одномъ громѣ пушекъ и не въ однихъ завоеваніяхъ...

Въ это время вожделѣннаго отдохновенія и покоя, время просвѣщенія и пробужденія лучшихъ надеждъ и лучшихъ инстинктовъ, суждено было явиться человѣку, который одинъ своею личною дѣятельностью мощно двинулъ впередъ русскую литературу и науку и создалъ около себя цѣлый рой поклонниковъ, послѣдователей и подражателей, безусловно передъ нимъ преклонявшихся. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ*.

Петръ и Ломоносовъ

Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что появленіе и вся дѣятельность Ломоносова были прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ эпохи Преобразованій: безъ Петра не могло быть и не было бы и Ломоносова. Но зато, съ другой стороны, и Ломоносовъ представляется намъ воплощеніемъ того идеала, какой могъ Петръ носить въ душѣ своей, мечтая о будущемъ развитіи въ Россіи наукъ, литературы и просвѣщенія... И Ломоносовъ, въ свою очередь, явился въ нашей литературѣ и наукѣ, и въ исторіи нашего просвѣщенія такимъ же всеобъемлющимъ геніемъ, какимъ Петръ является въ исторіи нашей государственной и народной жизни.

Многосторонній, наблюдательный, одинаково-воспріимчивый и къ явленіямъ природы, и къ призывамъ жизни, неутомимо-дѣятельный и страстный въ своемъ трудолюбіи, неистощимый въ энергіи и въ изысканіи средствъ для ея примѣненія,—Ломоносовъ, на своемъ ограниченномъ поприщѣ дѣятельности, многими сторонами своего нравственнаго типа напоминаетъ намъ величавую личность Великаго Преобразователя. При всѣхъ своихъ большихъ и крупныхъ недостаткахъ, онъ былъ истинно великій человѣкъ—

Легенда и критика.

одинъ изъ тѣхъ, которыхъ не развѣнчиваетъ и отдаленное потом-

Денисовка, родина Ломоносова.

ство, къ которымъ и самое время какъ будто относится снисходительно и съ пощадою... Поэтому неудивительно, что около его личности и его дѣятельности сложилась при жизни его и возросла послѣ его смерти извѣстнаго рода легенда, украсившая его ореоломъ героизма, преувеличившая его дѣянія, сгладившая личныя и мѣстныя краски и оттѣнки... Подъ вліяніемъ различныхъ условій времени и различныхъ воззрѣній, Ломоносовъ въ потомствѣ явился не тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Ломоносовъ представлялся, въ первыя времена разработки его біографіи, жалкимъ юношей, убѣгающимъ изъ родительскаго дома по страсти къ наукѣ и ученію, затѣмъ — самоотверженнымъ труженикомъ, претерпѣвающимъ всякія лишенія, огорченія и невзгоды отъ

нѣмцевъ, и, въ концѣ жизни—жертвою людской неблагодарности, будто бы не признавшей заслугъ и достоинствъ великаго мужа. Въ такомъ видѣ біографія великаго русскаго ученаго и писателя сложилась въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и послужила даже благодарною канвою для назидательнаго романа [1]) и богатымъ сюжетомъ для чувствительной драмы. Но безпристрастная, разборчивая критика, ознакомившись со всѣми документами біографіи Ломоносова, собравъ для нея всѣ матеріалы, сличивъ его собственные отзывы и разсказы о себѣ съ разсказами и свидѣтельствами современниковъ — друзей и враговъ его — прошла по

Мѣсто, гдѣ находился, въ Денисовкѣ, домъ Ломоносова.

всѣмъ этимъ матеріаламъ своимъ неумолимымъ рѣзцомъ, и, разрушивъ созданный воображеніемъ кумиръ, возсоздала живой образъ беззавѣтно-смѣлаго и неустрашимаго помора, одинаково-неутомимаго и въ трудѣ, и въ борьбѣ за преуспѣяніе русской науки. Въ этомъ отношеніи важныя услуги русской наукѣ были оказаны трудами нашихъ ученыхъ, изданными въ свѣтъ по поводу минувшаго столѣтія со смерти Ломоносова. Особенно много дала разработка рукописнаго и архивнаго матеріала, въ которой приняли участіе академики Билярскій, Куникъ, Я. К. Гротъ, Пекарскій и В. Ламанскій.

---

[1]) Кс. Ал. Полевой обратилъ біографію Ломоносова въ обширный и весьма назидательный романъ для юношества; Н. А. Полевой—основалъ на ней свою драму *«Ломоносовъ»*.

Въ сжатомъ и бѣгломъ очеркѣ передадимъ фактическія свѣдѣнія о біографіи Ломоносова, которая, даже и безъ всякихъ прикрасъ, представляетъ собою цѣлый романъ, полный яркихъ эпизодовъ, изумительныхъ случайностей и необычайныхъ приключеній.

Біографическія данныя.

Родился Ломоносовъ около 1712 года, въ нынѣшней Архангельской губерніи, въ селѣ Денисовкѣ, расположенномъ на одномъ изъ островов Двины, невдалекѣ отъ города Холмогоръ, древніе храмы котораго видны съ того бугра, на которомъ раскинулась Денисовка. Отецъ его былъ крестьянинъ Василій Дороѳеевъ, занимавшійся рыбнымъ и звѣровымъ промысломъ, подобно всѣмъ поморамъ. Мать Ломоносова, Елена Ивановна, была дочь дьякона изъ селенія Матигоры, въ томъ же Холмогорскомъ уѣздѣ. Отецъ Ломоносова жилъ безбѣдно, владѣлъ участкомъ собственной земли и для промысловъ имѣлъ нѣсколько судовъ, изъ которыхъ одно было довольно значительныхъ размѣровъ и съ корабельною оснасткою, такъ что на немъ Василій Ломоносовъ, для своего промысла, плавалъ не только по Бѣлому морю, но и по Сѣверному Ледовитому океану [1]). Сынъ Михаилъ былъ неразлученъ съ отцомъ въ этихъ дальнихъ и опасныхъ странствованіяхъ по непривѣтнымъ и бурнымъ волнамъ сѣверныхъ морей; здѣсь, въ непосредственной близости къ суровой и пустынной, но величественной природѣ, онъ пріобрѣлъ и выработалъ въ себѣ желѣзную волю и энергію, несокрушимую никакими препятствіями; здѣсь народились и залегли въ основу нравственнаго типа юноши эти отличительныя черты нашего сѣвернаго помора, которыя ни образованіе, ни дальнѣйшая жизнь, ни странствованія по Европѣ не могли стереть.

Грамотѣ выучился Ломоносовъ поздно; прежде, нежели онъ принялся за ея изученіе, отецъ уже собирался его женить и даже подыскалъ сыну невѣсту, въ Колѣ; слѣдовательно, ему было лѣтъ 18, когда землякъ его, той же волости крестьянинъ, Иванъ Шубный (или Шубной) просвѣтилъ его книжною премудростью. Премудростью этою онъ, къ удивленію всѣхъ, овладѣлъ очень быстро и вскорѣ сталъ лучшимъ чтецомъ на клиросѣ своей приходской церкви. Первыя недуховныя книги попались ему на глаза въ домѣ крестьянина той же Куростровской волости, Христофора Дудина, и совершенно вскружили голову юношѣ, для котораго, далеко за предѣлами его села и волости, открылся какой-то новый, невѣдомый ему міръ, и сталъ манить его къ себѣ, манить неудержимо... Книги эти, которыя впослѣдствіи Ломоносовъ называлъ въ шутку „вратами своей учености“—уже извѣстны намъ:

[1]) По словамъ Ломоносова онъ достигалъ не разъ съ отцомъ до 70° сѣверной широты.

грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго. Ломоносовъ вымолилъ ихъ себѣ у Дудина, носился съ ними, какъ съ самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ, выучилъ ихъ наизусть, уразумѣлъ, усвоилъ—и страстно захотѣлъ учиться. Учиться дома не было никакихъ средствъ, никакихъ способовъ; притомъ, по собственному признанію Ломоносова, его поѣдомъ ѣла злая мачиха, которую, по смерти Елены Ивановны, отецъ ввелъ въ свой домъ—и вотъ явилась мысль: уйти съ родины въ Москву или даже за Москву, и найти во что бы то ни стало способы къ ученью.

Для этого вовсе не пришлось ему тайно бѣжать изъ родительскаго дома, и едва ли даже пришлось идти пѣшкомъ изъ Денисовки въ Москву, какъ нѣкогда гласила Ломоносовская легенда... Въ волостной книгѣ, въ которой записывались взносы податей, сохранилась современная запись:

„1730 г., декабря 7-го дня, *отпущенъ* Михаилъ Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 1731 года; а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался“.

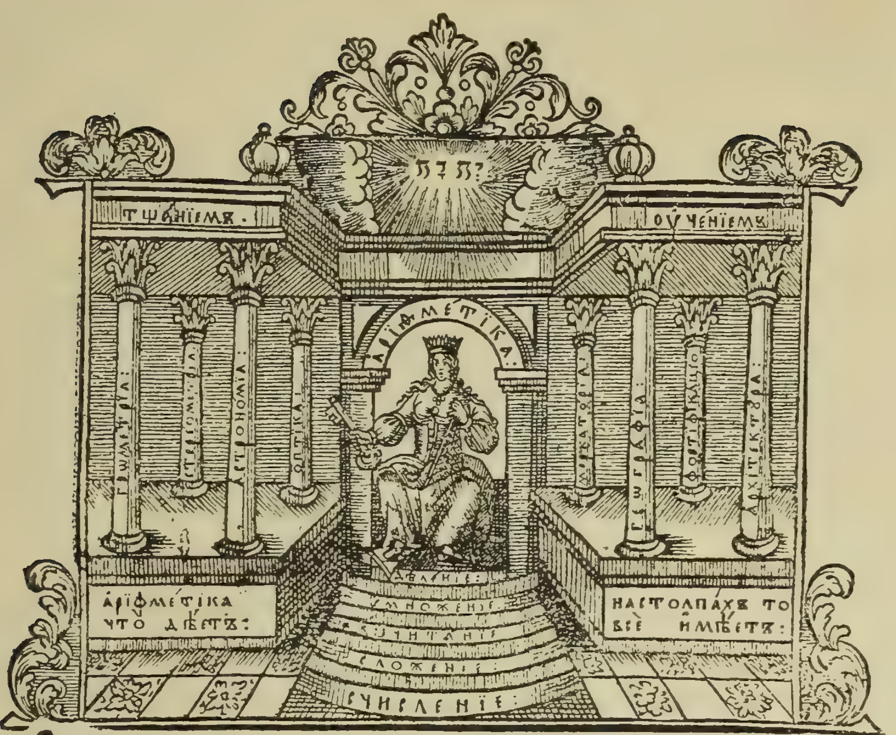
Въ дорогѣ, вѣроятно съ рыбнымъ обозомъ, Ломоносовъ пробылъ менѣе мѣсяца, потому что, по его собственному свидѣтельству, онъ записанъ былъ въ „Московскихъ Спасскихъ Школахъ 15 января 1731 года“, а между тѣмъ мы знаемъ, что до поступленія въ Заиконоспасское училище, онъ находился еще нѣкоторое время въ школѣ при Сухаревой башнѣ [1]). Самый же разсказъ о бѣгствѣ Ломоносова изъ родительскаго дома могъ легко произойти отъ того, что онъ, не вернувшись на родину въ назначенный срокъ, дѣйствительно значился по ревизскимъ сказкамъ „въ бѣгахъ“, и его земляки (сначала отецъ, а по смерти его—односельцы) дѣйствительно вносили за этого мнимаго бѣглеца подати до 1747 года, а потомъ даже и пытались взыскать ихъ съ него.

Въ Заиконоспасской школѣ Ломоносовъ пробылъ около шести лѣтъ и, по его собственному признанію (въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 10 мая 1753 г.), провелъ это время „въ несказанной бѣдности“. На содержаніе ученикамъ въ младшихъ классахъ отпускалось, дѣйствительно, всего 3 копейки (т. е. алтынъ), а въ старшихъ 4 копейки... Приходилось тратить на пропитаніе: „денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды“. Но „несказанная бѣдность“ и лишенія не охладили въ Ломоносовѣ страсть къ ученію: онъ легко справился съ трудно переваримой схоластикой Заиконоспасской школы, усвоилъ

Первая школа.

[1]) Изъ сопоставленія этихъ фактовъ становится ясно, что Ломоносовъ никакъ не могъ пройти весь путь отъ Холмогоръ до Москвы пѣшкомъ... Не слѣдуетъ забывать, что отъ Холмогоръ до Москвы не менѣе 1200 верстъ.

Титулъ ариѳметики Магницкаго—учебника, по которому учился Ломоносовъ.



АРІѲМЕТІКА ПРАКТІКА

ИЛИ ДѢАТЕЛНАѦ.

Что есть арїѳметїка;

Арїѳметїка или числителница, есть художество честное, независтное, и всѣмъ удобопоятное, многополезнѣйшее, и многохвалнѣйшее, от древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена явлшихся изряднѣйшихъ арїѳметїковъ, изобрѣтенное и изложенное.

Коликогуба есть арїѳметїка практїка;

Есть сугуба.

1 Арїѳметїка політїка, или гражданская.

2 Арїѳметїка логїстика, не ко гражданству токмо, но и к движенїю небесныхъ круговъ принадлежащая.

Начальная страница ариѳметики Магницкаго. Виньетка на ней указываетъ надписями на столпахъ храма всѣ примѣненія ариѳметики въ жизни.

всю ту премудрость, какую школа могла ему дать, попытался даже (можетъ-быть по совѣту учителей своихъ) заглянуть въ Кіевскую Академію; но понялъ, что она дастъ ему немного болѣе Заиконоспасской школы, и нѣсколько разочарованный, вернулся опять въ Москву. Вернулся какъ разъ ко времени полученія Высочайшаго указа, которымъ повелѣвалось избрать и отправить въ Петербургскую Академію Наукъ „отроковъ добрыхъ, которые бы въ приличныхъ къ украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли." Исполняя по указу, ректоръ Заиконоспасской школы, архимандритъ Стефанъ, избралъ изъ числа учениковъ двѣнадцать юношей, „остроумія не послѣдняго"—и отправилъ ихъ по назначенію. 2 января 1736 года они прибыли въ Петербургъ, а въ концѣ сентября того же года трое изъ нихъ— *Ломоносовъ*, *Дмитрій Виноградовъ* и *Рейзеръ* — уже плыли изъ Кронштадта по морю, въ Любекъ, отправленные на казенный счетъ за границу для обученія металлургіи и химіи, въ видахъ подготовки ихъ къ горному дѣлу. Цѣлью ихъ странствованія былъ намѣченъ Марбургъ, въ которомъ они должны были слушать курсъ естественныхъ наукъ у знаменитаго въ то время профессора Христіана Вольфа, который, какъ мы уже видѣли выше, состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ и оказалъ ей не мало весьма важныхъ услугъ. Изъ Марбурга молодые русскіе студенты должны были впослѣдствіи направиться во Фрейбергъ и тамъ, у бергъ-физикуса Генкеля, заняться практикою горнаго дѣла.

Отправленіе за границу.

Инструкція, данная молодымъ людямъ изъ Академіи Наукъ, страдала большою неопредѣленностью требованій и отзывалась тѣмъ чрезвычайнымъ эклектизмомъ, который составлялъ отличительную черту учености Петровскаго времени... Въ инструкціи значилось: „ничего не оставлять, что до химической науки и горныхъ дѣлъ касается, а притомъ учиться и естественной исторіи, физикѣ, геометріи и тригонометріи, механикѣ, гидравликѣ и гидротехникѣ (пунктъ 2-й)". И сверхъ того: „стараться о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобы ими свободно говорить и писать могли, а притомъ учиться прилежно рисованію" (пунктъ 5-й).

Не слѣдуетъ забывать, что изъ троихъ посланныхъ Академіею молодыхъ людей, двое — Ломоносовъ и Виноградовъ вовсе не были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ и, слѣдовательно, на первыхъ порахъ должны были преодолѣвать большія затрудненія при слушаніи лекцій. А пославшая ихъ Академія обязывала ихъ, сверхъ всего, всякими отчетами о занятіяхъ и о расходахъ, всякими „трудами въ свидѣтельство прилежанія" и другими формальностями.

Ломоносовъ и Вольфъ.

Студенты работали очень усердно. Привѣтливый и добросовѣстный руководитель ихъ занятій, Христіанъ Вольфъ отзывается о нихъ съ большою похвалою; удивляется ихъ быстрымъ успѣхамъ въ нѣмецкомъ языкѣ и въ особенности о Ломоносовѣ говоритъ (въ своихъ письмахъ къ академическому начальству) почти съ восторгомъ. „На него деньги тратятся не даромъ",—пишетъ Вольфъ,—„по возвращеніи въ отечество, онъ долженъ принести пользу государству" и т. д. Но о поведеніи русскихъ студентовъ Вольфъ не можетъ дать одобрительнаго отзыва: „они чрезъ мѣру предаются разгульной жизни и черезчуръ пристрастны къ женскому полу" — пишетъ онъ неоднократно. И эти отзывы Вольфа, какъ и вообще свѣдѣнія о кутежахъ Ломоносова и его товарищей въ Марбургѣ, побудили очень многихъ біографовъ Ломоносова прійти къ тому выводу, будто „здѣсь развились и слабыя стороны его характера и особенно наклонность къ вину, которая была причиною многихъ несчастныхъ исторій въ его жизни и преждевременно свела его въ могилу". Съ такимъ выводомъ, конечно, нельзя ни въ какомъ случаѣ согласиться; наклонность къ вину легко могла быть пріобрѣтена Ломоносовымъ еще въ Москвѣ, во время пребыванія въ Заиконоспасской школѣ:—отъ этой наклонности страдали и гибли многіе русскіе литературные дѣятели

Заиконоспасскій монастырь, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

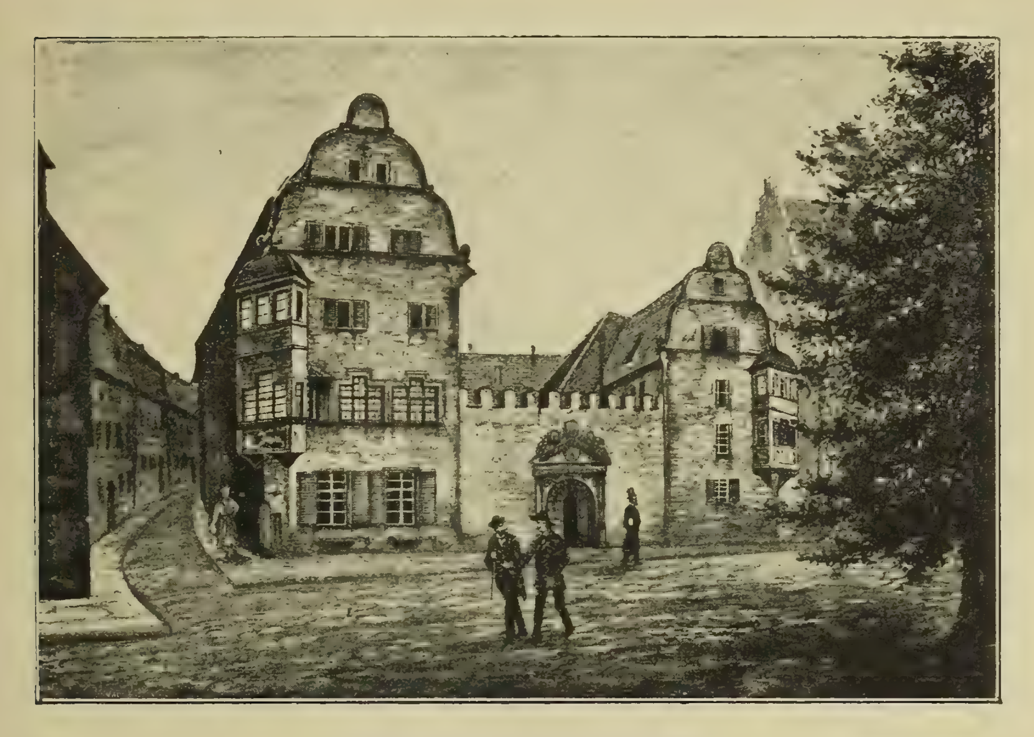
и ученые, даже никогда не заглядывавшіе ни въ одинъ изъ германскихъ университетовъ... Притомъ и стѣсненное положеніе Ломоносова и его товарищей, до нѣкоторой степени, побуждало ихъ къ разгулу, вызывало въ нихъ потребность отъ времени до времени—забыться и махнуть рукой на все. Денегъ Академія давала имъ настолько мало, что они, даже и при большой аккуратности (не свойственной натурѣ славянина), едва ли могли бы свести концы съ концами; да и это скудное содержаніе высылалось Академіею не въ срокъ, иногда съ большими промежутками и промедленіями... А тѣмъ временемъ студенты впадали въ неоплатные долги, которые ихъ угнетали и раздражали, даже приводили въ отчаяніе... Въ концѣ концовъ, на третій годъ пребыванія въ Марбургѣ, Ломоносовъ и его товарищи такъ запутались, что академическому начальству пришлось за нихъ уплатить около 2000 рейхсталеровъ [1]), прежде чѣмъ отправить ихъ далѣе, по назначенію, во Фрейбергъ, для занятія горнымъ дѣломъ. Наконецъ, 20 іюля 1739 года, въ 5 часовъ утра, студенты покинули Марбургъ; Вольфъ самъ ихъ усадилъ въ почтовую карету и каждому передалъ отдѣльно деньги на путевыя издержки. Они очень добродушно и съ самымъ искреннимъ чувствомъ простились со своимъ наставникомъ, который снабдилъ ихъ лучшими рекомендаціями; но не могъ скрыть отъ Академіи, что „отъѣздъ молодыхъ людей освободилъ его отъ многихъ хлопотъ“. Чрезвычайно любопытно при этомъ сообщаемое имъ извѣстіе, что русскіе студенты — дюжіе ребята атлетическаго сложенія — постоянно жили дружно, держались кучно и „такой наводили на всѣхъ страхъ, что всѣ ихъ боялись“. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что изъ этого отзыва почтеннаго профессора было бы весьма опро-

Христіанъ Вольфъ.

---

[1]) Если принять въ соображеніе, что студенты получали всего по 300 талеровъ содержанія въ годъ, чего было далеко не достаточно для безбѣднаго проживанія въ Марбургѣ, то и сумма долговъ, которая была за нихъ уплачена (въ три года), не свидѣтельствуетъ о ихъ чрезмѣрной расточительности.

метчиво дѣлать слишкомъ поспѣшный выводъ относительно русскихъ студентовъ, какъ забіякъ и буяновъ. Не слѣдуетъ забывать, что при томъ замкнутомъ корпоративномъ устройствѣ, ко-



Старое зданіе университета въ Марбургѣ.

торое еще и до сихъ поръ сохранилось во многихъ германскихъ университетахъ, русскіе студенты должны были держаться въ сторонѣ отъ корпорацій, должны были подвергаться съ ихъ сто-

Медали Марбургскаго университета.

роны различнымъ непріятностямъ и насмѣшкамъ, а потому и естественно вынуждаемы были нерѣдко прибѣгать къ ручной расправѣ, чтобы защитить и отстоять свою личность.

Ломоносовъ и Генкель.

Во Фрейбергѣ Ломоносовъ пробылъ недолго—не болѣе года. Здѣсь матеріальное положеніе русскихъ студентовъ сдѣлалось еще хуже, чѣмъ въ Марбургѣ, потому что академическое начальство вздумало взыскивать съ нихъ сумму уплаченныхъ долговъ и потому стало высылать не болѣе 150 рейхсталеровъ на человѣка. И эти высылки еще обставлены были тяжелою опекою бергъ-физикуса Генкеля, которому поручено было ученое руководство занятіями русской молодежи. И Генкель слишкомъ добросовѣстно, слишкомъ тяжеловѣсно наложилъ эту опеку на Ломоносова съ товарищами, хотя самъ въ то же время писалъ въ Академію, что содержанія, высылаемаго студентамъ, не хватаетъ на ихъ самыя насущныя потребности.

Результаты академической экономіи и Генкелевской опеки выяснились вскорѣ и оказались весьма плачевными. Между Генкелемъ и студентами начались пререканія; горячій и въ запальчивости пристрастный Ломоносовъ сталъ писать въ Академію жалобы и доносы на Генкеля, въ которыхъ взводилъ на своего наставника едва ли справедливыя обвиненія. Отношенія эти вскорѣ закончились тѣмъ, что Ломоносовъ самовольно скрылся изъ Фрейберга, въ маѣ, 1740 года, и Генкель, сообщая Академіи (въ сентябрѣ 1740 года) о его долговременной отлучкѣ, о которой и земляки его не могутъ дать ему никакихъ объясненій, въ то же время прибавляетъ:

„При этомъ случаѣ, не могу не замѣтить, что, по моему мнѣнію, г. Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически химію, преимущественно металлургическую, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшейдерское искусство, распознаваніе рудъ, рудныхъ жилъ, земель, камней, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ, по отзывамъ знатоковъ, очень свѣдущъ“ и т. д. И только уже въ октябрѣ 1740 года Генкель спѣшитъ извѣстить Академію, что Ломоносовъ находится въ Марбургѣ.

Но гдѣ же былъ Ломоносовъ отъ мая по октябрь 1740 г.? На это даютъ намъ нѣкоторыя (далеко не полныя) объясненія тѣ письма, которыя Ломоносовъ, время отъ времени, за этотъ періодъ, писалъ къ секретарю Академіи, Шумахеру. Изъ этихъ писемъ узнаемъ, что Ломоносовъ за это время странствовалъ, предпринимая тщетныя попытки — получить отъ заграничныхъ русскихъ посольствъ средства на возвратный путь въ Россію. Съ этою цѣлью побывалъ онъ въ Лейпцигѣ и Кёльнѣ, потомъ во Франкфуртѣ, откуда водою ѣздилъ въ Роттердамъ и Гагу. Въ „Амстердамѣ“, такъ пишетъ онъ, „нашелъ я нѣсколько знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно

отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ возвращаться. Они мнѣ представили кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію. Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже и вспомнить, и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше вовсе умолчу [1]). Въ настоящее время я живу инкогнито въ Марбургѣ у своихъ пріятелей и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи и физикѣ примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторію и взглянуть на рудники въ Гессенѣ и Зигенѣ"...

Въ этомъ письмѣ, писанномъ въ ноябрѣ 1740 года, Ломоносовъ, упоминая о нуждѣ и опасности, какія ему пришлось вынести при странствованіяхъ, не говоритъ ни слова о томъ, на чьи же средства и при чьей помощи совершалъ онъ всѣ эти довольно далекіе переѣзды и переходы по Европѣ? Но еще любопытнѣе то, что онъ обходитъ молчаніемъ фактъ, весьма важный и притомъ весьма положительно отмѣченный въ церковной книгѣ реформатской церкви въ Марбургѣ. Здѣсь именно значится:

„6 іюня 1740 г. обвѣнчаны: Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины (?), сынъ архангельскаго торговца (?), Василія Ломоносова, и Елисавета-Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старшины, Генриха Цильха".

Возвращеніе на родину.

Прошелъ, однакоже, еще почти годъ, прежде чѣмъ Ломоносову удалось опять вернуться на родину. Въ апрѣлѣ 1741 г. онъ пишетъ товарищу своему, Виноградову, что „получилъ изъ Петербурга предписаніе отправиться туда", и проситъ прислать ему изъ Фрейберга „реторику Николая Каузина, книгу о Россіи Петра Петрея и сочиненіе Гюнтера; а остальное имущество все продать"... Наконецъ, на деньги, высланныя Академіею и при добромъ содѣйствіи профессора Вольфа, Ломоносову удалось сдвинуть свой корабль съ мѣста, и онъ вернулся въ Петербургъ 8 іюня 1741 года.

Изложивъ здѣсь эти фактическія подробности, несомнѣнно важныя для біографіи Ломоносова, мы должны нѣсколько оглянуться назадъ и сообщить еще кое-какія свѣдѣнія о томъ, что именно дѣлалъ Ломоносовъ за границей и чѣмъ въ особенности

---

[1]) Здѣсь Ломоносовъ, вѣроятно, намекалъ на довольно-темный эпизодъ своей жизни, о которомъ разсказываетъ его товарищъ Штелинъ, въ своихъ анекдотахъ: во время одного изъ своихъ переходовъ по Германіи онъ попался въ руки прусскихъ вербовщиковъ, которые его подпоили и записали въ прусскую службу, и ему пришлось отправлять эту службу въ крѣпости Везелѣ. Оттуда, спустя нѣкоторое время, онъ бѣжалъ съ опасностью жизни.

успѣлъ обратить на себя вниманіе академическаго начальства; безъ этихъ подробностей намъ были бы не совсѣмъ понятны первые шаги Ломоносова, по возвращеніи въ столицу.

Науки и поэзія.

О занятіяхъ Ломоносова (и притомъ весьма разнообразныхъ) мы уже знаемъ изъ отзывовъ Вольфа и Генкеля, и его собственныхъ писемъ: тутъ и прилежное посѣщеніе лекцій по математикѣ и философіи, по химіи и физикѣ; тутъ и металлургія съ ея различными практическими примѣненіями, и механика, „которую Ломоносовъ способенъ даже основательно преподавать", и алгебра въ ея примѣненіи къ физикѣ и химіи, и изученіе латинскаго и нѣмецкаго языковъ до такой степени совершенства, что на первомъ изъ этихъ языковъ написаны всѣ отправленныя Ломоносовымъ изъ-за границы (въ Академію) диссертаціи, а на второмъ онъ ведетъ свободно свою переписку съ начальствомъ Академіи... Но этою массою пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтаемыхъ знаній не исчерпывалась дѣятельность талантливаго и бурливаго юноши! Значительную долю своего досуга, отъ обязательныхъ занятій и оффиціальныхъ отчетовъ и въ Марбургѣ, и во Фрейбергѣ, онъ посвящалъ еще и такимъ упражненіямъ, о которыхъ ужъ никакъ не могли упомянуть въ своихъ донесеніяхъ ни Вольфъ, ни Генкель. То были упражненія въ Россійскомъ языкѣ, надъ которымъ весьма усердно работалъ Ломоносовъ, по обычаю того времени, стараясь выказать свое умѣнье въ стихотворныхъ опытахъ. Первымъ стихотворнымъ опытомъ, отправленнымъ (въ октябрѣ 1738 года) въ Академію, въ видѣ доказательства успѣшности своихъ занятій языкомъ Россійскимъ, былъ переводъ Фенелоновой оды, воспѣвающей счастіе уединенной сельской жизни вдали отъ свѣта „подъ кровомъ Музъ". Приводимъ здѣсь начало этой оды въ переводѣ Ломоносова:

Горы толь что дерзновенно
Взносите верхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты безпремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками,
Чѣмъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи надо мной гремящи
Слышу, и дожди шумящи,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы...

„Эти четырехстопные хореи важны въ исторіи русскаго стиха"—замѣчаетъ историкъ академіи П. П. Пекарскій — „какъ первая попытка Ломоносова писать стихи размѣромъ, который ввелъ у насъ Тредіаковскій. Въ стихахъ Ломоносова слышится подражаніе послѣднему, но, при всей тяжеловатости своей, они

Университетъ въ Фрейбергѣ.

Медали Фрейбергскаго университета.

все-таки благозвучнѣе стихотвореній Тредіаковскаго 1734—1737 годовъ"... И это служитъ еще новымъ доказательствомъ талантливости всесторонняго и всеобъемлющаго Ломоносова [1]).

Первые ямбы.

Вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ, Ломоносовъ очевидно увлекся своими стихотворными упражненіями и серьезно занялся разслѣдованіемъ свойствъ русскаго стиха. Годъ спустя, онъ вновь отправляетъ въ Академію извѣстную свою оду *„на взятіе Хотина"*, замѣчательную тѣмъ, что въ ней впервые былъ употребленъ ямби-

[1]) До 1738 года извѣстно только одно, силлабическое стихотвореніе Ломоносова, написанное имъ еще во время пребыванія въ Заиконоспасской школѣ.

ческій размѣръ, да и весь языкъ оды оказывался гораздо болѣе гладкимъ и плавнымъ, нежели языкъ всѣхъ русскихъ стихотворныхъ произведеній, написанныхъ въ Россіи до этой оды.

Самая ода, сочиненная начинающимъ, но уже искуснымъ въ стихосложеніи „піитомъ", открывается извѣстною и громкою строфою:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ... и т. д.

Академія приняла эту оду къ свѣдѣнію, а сопровождавшее ее письмо, въ которомъ Ломоносовъ полемизировалъ съ Тредіаковскимъ, препроводила въ „Россійское Собраніе." Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, мы видимъ, что Ломоносовъ уже настолько успѣлъ овладѣть сущностью тоническаго размѣра (который былъ открытъ и введенъ у насъ Тредіаковскимъ), что уже и распоряжается имъ совершенно свободно, и свойства его разумѣетъ гораздо тоньше, чѣмъ самъ Тредіаковскій. Онъ даже не можетъ довольно о томъ нарадоваться, что „россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но подобную онымъ... природную и свойственную версификацію имѣть можетъ." И онъ уже съ полнымъ сознаніемъ и увѣренностію знатока отстаиваетъ возможность и красоту для русскихъ стиховъ въ сочетаніи мужскихъ и женскихъ риѳмъ, наперекоръ Тредіаковскому [1]), и „предлагаетъ нѣкоторые изъ своихъ стиховъ, въ примѣръ стопъ и сочетанія." Строфы эти, какъ можно видѣть изъ предлагаемыхъ здѣсь образцовъ, уже достаточно легки и даже гармоничны. Напримѣръ:

«Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя:
Хоть я не самъ тоя причина:
Люблю Мартиллу, какъ себя.»

Или еще:

«Весна тепло ведетъ,
Пріятный западъ вѣетъ.
Всю землю солнце грѣетъ;

[1]) Не допуская этого сочетанія, Тредіаковскій, въ своемъ «Новомъ и краткомъ способѣ», возстаетъ противъ него съ комическимъ паѳосомъ: «Таковое сочетаніе стиховъ такъ бы у насъ мерзкое и гнусное было, (какъ) когда бы кто наипоклоняемую, наинѣжную и самымъ цвѣтомъ молодости своея сіяющую европскую красавицу, выдалъ за дряхлаго, чернаго и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа...»

Въ моемъ лишь сердцѣ ледъ,
Грусть прочь забавы бьетъ...

Вотъ, эти-то стихотворные опыты, выказывавшіе въ авторѣ если не поэтическій талантъ, то, во всякомъ случаѣ, умѣнье справляться со стихомъ, обратили на себя вниманіе академическаго начальства едва ли не въ большой степени, нежели юношескія диссертаціи Ломоносова. Въ то время такое стихотворческое умѣнье очень цѣнилось людьми, близко стоявшими къ Двору и знати; оффиціальная поэзія — поэзія поздравительныхъ и хвалебныхъ одъ, поэзія напыщенныхъ надписей и льстивыхъ посланій—была въ большомъ ходу и модѣ. Академіи былъ необходимъ такой „піита", который бы умѣлъ, если и не самъ кропать стихи, то хоть сколько-нибудь складно переводить то, что академическіе дѣльцы излагали въ нѣмецкихъ и латинскихъ виршахъ... Притомъ же, Тредіаковскій — единственный человѣкъ, которому можно было заказать стихи „на случай" и къ сроку, писалъ стихи невозможные, тяжеловѣсные, грубо и неуклюже сложенные, способные скорѣе насмѣшить, чѣмъ вызвать пріятную улыбку и заслужить благоволеніе... А тутъ, вдругъ, является молодой стихотворецъ, толковый и способный малый, да еще и не безтактный человѣкъ! Такъ долженъ былъ думать о Ломоносовѣ Шумахеръ, совѣтникъ Академіи, пользовавшійся въ ней, съ конца 30-хъ годовъ, первенствующимъ значеніемъ; такъ, вѣроятно, и дѣйствительно думалъ онъ, потому что провинившійся противъ Академіи студентъ посылалъ свои отчеты и жалобы, и оправданія изъ-за границы не Президенту Академіи (какъ бы надлежало), а именно ему — секретарю Шумахеру. И это вовсе не было случайностью, а расчетомъ, какъ мы это увидимъ ясно, слѣдя за первыми шагами Ломоносова, по его пріѣздѣ въ Петербургъ.

Благодаря именно Шумахеру, человѣку чрезвычайно тонкому и изворотливому, и отлично угадавшему въ Ломоносовѣ человѣка необычайно даровитаго, молодой ученый, вернувшись въ Петербургъ, не подвергся никакой отвѣтственности и былъ встрѣченъ даже съ нѣкоторою предупредительностью, почти съ любезностью... Шумахеръ даже отвелъ ему квартирку въ домѣ, принадлежавшемъ Академіи на Васильевскомъ Островѣ, близъ Тучкова моста. Въ то же время Шумахеръ рекомендовалъ Ломоносова особенному вниманію профессора Аммана, который, чтобы испытать знаніе молодого ученаго, поручилъ ему разсмотрѣть каталогъ минераловъ, принадлежавшихъ Академіи Наукъ. Возвращеніе Ломоносова.

Ломоносовъ занялся этимъ, повидимому, неособенно ревностно; онъ отлично понялъ, что надо было чѣмъ-нибудь инымъ

отличиться и выдвинуться впередъ—и избралъ для этой цѣли болѣе надежный путь хвалебной лирики, которая, какъ мы уже неоднократно говорили, была въ большомъ ходу и модѣ въ то время.

Трудное время.

Не мѣшаетъ припомнить, что это было именно въ годъ злосчастнаго царствованія императора младенца, Іоанна Антоновича, именемъ котораго правила его мать, Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншвейгъ-Люнебургская. И вотъ, Ломоносовъ, не долго задумываясь, принимается за сочиненіе оды ко дню рожденія младенца-императора (т. е. къ 12 авг. 1741 г.), и весьма чувствительно изображаетъ въ ней, „какъ веселящаяся Россія“ лобзаетъ очи, ручки и ножки императора; а нѣсколько дней спустя, пишетъ уже новую оду на побѣду русскихъ надъ шведами при Вильманстрандѣ, и даетъ этой одѣ пышное названіе: „*Первые трофеи Его Величества Іоанна III.*“ Обѣ оды были напечатаны въ „Прибавленіяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ и обратили общее вниманіе на поэта, который (конечно, по тому времени!) умѣлъ такъ ловко владѣть стихомъ и оборотомъ фразы.

Іоаннъ III Антоновичъ—царь-младенецъ.
Съ медальона, рисованнаго миніатюрою на грамотѣ Миниха.

Но положеніе самого поэта оставалось все еще весьма неопредѣленнымъ при Академіи; онъ занимался исполненіемъ ученыхъ порученій, переводилъ научныя статьи по приказу академическаго начальства, но не былъ еще повышенъ въ то положеніе профессора, на которое имѣлъ всѣ права. И всѣ напоминанія его оставались также напрасными... Но судьба сама о немъ позаботилась.

ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ІОАННА III. ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

чрезъ
преславную надъ Шведами побѣду
августа 23 дня 1741 года
въ Финляндіи поставленные,
и
въ высокій день
ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
августа 29 дня 1741 года
въ торжественной одѣ
изображенные
отъ
всеподданнѣйшаго раба
Михайла Ломоносова.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ,
1741 года.

Ода Ломоносова: «На первые трофеи Его Величества Іоанна III».

Восшествіе Елисаветы.

Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 г. совершился извѣстный переворотъ, давно уже ожидавшійся въ петербургскомъ обществѣ: Елисавета Петровна вступила на престолъ, а правительница съ супругомъ и младенцемъ-императоромъ очутилась въ заточеніи. Восшествіе „дщери Петровой" сопровождалось настойчиво-державшимся слухомъ о крайнемъ нерасположеніи новой императрицы къ иноземцамъ и о ея намѣреніи покровительствовать русскимъ людямъ. Тотчасъ же въ Академіи поднялась тревожная суетня: Шумахеръ и его пособники поспѣшили истребить все, что могло напомнить о минувшемъ царствованіи: портреты, хвалебныя оды, торжественныя посвященія сочиненій академическихъ и т. п. А на рожденіе императрицы (18 декабря) оффиціальный поэтъ Академіи Штелинъ, воспѣвавшій послѣдовательно и Бирона, и Анну Іоанновну, и Анну Леопольдовну, поспѣшилъ поднести торжественную оду Елисаветѣ и къ нѣмецкому тексту ея приложилъ русскій стихотворный переводъ Ломоносова.

Повышеніе по службѣ.

Ода понравилась, имѣла успѣхъ, и Ломоносовъ тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія и подалъ прошеніе на Высочайшее имя о повышеніи его въ званіе экстраординарнаго академика... На этотъ разъ его прошеніе было съ замѣчательною поспѣшностью удовлетворено Академіей, и 28 января 1742 г. онъ былъ опредѣленъ при Академіи „адъюнктомъ физическаго класса" съ жалованьемъ по 360 р. въ годъ. Съ этой минуты, и на довольно долгое время, Ломоносовъ какъ бы раздвояется въ своей дѣятельности: усердно занимаясь при Академіи различными отраслями естественныхъ наукъ и выполняя въ то же время всякія научныя порученія, онъ усиленно предается и другой дѣятельности — стихотворческой, которая служитъ ему добрую службу. 10 февраля 1742 г., онъ уже подноситъ императрицѣ „всеподданнѣйшее поздравленіе для благополучнаго и радостнаго прибытія въ Санктпетербургъ его королевскаго высочества государя Петра, внука государя императора Петра Великаго,"—и въ этой одѣ не жалѣетъ куреній и похвалъ по поводу воспѣваемаго героя. 29 апрѣля того же года, по поводу коронованія императрицы Елисаветы. Ломоносовъ стихами переводитъ оду академика Юнкера. Въ началѣ декабря 1742 г., по поводу возвращенія императрицы Елисаветы изъ Москвы—новая (и притомъ одна изъ лучшихъ) ода Ломоносова, начинающаяся строфой:

«Какой пріятный Зе́фиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая краснота яснѣетъ?
Что̀ всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?»

Восхваляя и прославляя въ дальнѣйшемъ теченіи оды „дѣла

Петровой Дщери громки", ловкій и умный авторъ ея не забываетъ ни побѣдъ надъ шведами, ни открытія береговъ Америки экспедиціею Чирикова и Беринга; а въ послѣдней строфѣ говоритъ и о себѣ, и, по справедливому предположенію историка Академіи, недаромъ вплетаетъ туда намекъ на гнѣвъ стихій, который, однакоже, не можетъ повредить его „усерднѣйшей ревности..."

Дѣло въ томъ, что именно около этого времени произошли въ Академіи Наукъ большія передряги, раздоры и ссоры. Русская партія взяла на время верхъ; Шумахеръ былъ отставленъ отъ дѣлъ, посаженъ подъ арестъ и надъ нимъ назначено строжайшее слѣдствіе. Ломоносовъ, который еще не имѣлъ ни малѣйшаго повода враждебно относиться къ Шумахеру, держалъ себя въ сторонѣ и велъ себя очень осторожно... Но на бѣду, его несчастное пристрастіе къ разгулу, весьма некстати, сослужило ему очень плохую службу; явившись въ Академію хмельной, онъ натворилъ академикамъ всякія „продерзости", велъ себя по отношенію къ нимъ крайне неприлично, ругалъ нѣмцевъ и насмѣхался надъ ихъ ученостью. Въ это тревожное время борьбы и вражды такая выходка Ломоносова послужила тотчасъ же для нѣмцевъ ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы отвлечь вниманіе отъ слѣдствія надъ Шумахеромъ; противъ Ломоносова поднялись цѣлой бурей нѣмцы-академики, не хотѣли болѣе терпѣть его въ своей средѣ, требовали его изгнанія, добивались наказанія, полагаемаго по законамъ за „продерзости" — и Ломоносовъ имѣлъ полную возможность раскаяться въ своемъ буйствѣ и разгулѣ во время того долговременнаго ареста, которому онъ былъ подвергнутъ. Притомъ и „наказаніе по законамъ", если бы оно было примѣнено къ Ломоносову въ полной силѣ, грозило ему весьма тягостными послѣдствіями. Подъ арестомъ.

Но бодрость духа не покидала его и подъ арестомъ, и среди той очень крутой нужды, которую онъ терпѣлъ въ это время, благодаря крайнему разстройству академическаго хозяйства, вслѣдствіе котораго, жалованье выдавалось иногда на годъ позже срока, да и то книгами изъ академической лавки. Онъ подъ арестомъ тяготился только тѣмъ, что „ревность его къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, и то время, въ которое бы я другихъ моимъ ученіемъ пользовать могъ, тратится напрасно..."

По его требованію, ему и подъ арестъ доставляютъ всѣ необходимыя средства къ продолженію его научныхъ занятій и опытовъ, и онъ, видимо забывая о грозящихъ ему бѣдствіяхъ, уже хлопочетъ объ учрежденіи при Академіи химической лабораторіи—первой въ Россіи!—прибавляя совершенно искренно къ своему прошенію: „если бъ въ моей возможности было на моемъ

коштѣ лабораторію имѣть и химическіе процессы въ дѣйствіе производить можно было, то я бы Академіи Наукъ утруждать не дерзалъ; но... отъ долговременнаго удержанія заслуженнаго мною жалованья... съ великою нуждою мое пропитаніе имѣю...“

Поэзія подъ арестомъ.

Къ 29 іюня 1743 г. Ломоносовымъ была написана новая ода „на день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича“, а немного позже, и, вѣроятно, также подъ арестомъ, сочинена лучшая изъ его одъ: „Вечернее размышленіе о Божьемъ Величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“ [1]).

Автографъ императрицы Елисаветы Петровны.

[1]) Впослѣдствіи Ломоносовъ ссылался на эту оду, какъ на научное доказательство того, что его теорія сѣверныхъ сіяній разнится отъ Франклиновой: «ода сія и содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что Сѣверное сіяніе движеніемъ эфира произведено быть не можетъ».

Императрица Елисавета Петровна, по гравюрѣ Чемесова 1761 г.

Помилованіе Ломоносова.

Наконецъ, въ началѣ 1744 г., то счастье, которое не разъ въ теченіе жизни служило смѣлому помору путеводною звѣздою, еще разъ спасло его отъ грозившихъ ему бѣдствій. Сенатъ разсмотрѣлъ его дѣло и всѣ поданныя на него жалобы и рѣшеніе положилъ чрезвычайно снисходительное—„подъ вліяніемъ ли придворныхъ почитателей его поэтическихъ дарованій, или же, можетъ-быть, по личному приказанію императрицы, которой онъ не могъ быть неизвѣстенъ послѣ своихъ одъ" (такъ заключаетъ историкъ Академіи):

„Онаго адьюнкта Ломоносова, для довольнаго его обученія отъ наказанія освободить"—такъ гласилъ указъ Сената. Ломоносову вмѣнено было только въ обязанность — извиниться передъ академиками, и назначено было на нѣкоторое время получать половинное жалованье. Но и то было возвращено Ломоносову „по милостивому Высочайшему указу", подписанному самой императрицей, въ половинѣ іюня того же года.

Успокоенный и освобожденный отъ своихъ опасеній, Ломоносовъ съ новымъ и неудержимымъ рвеніемъ принялся за свои разнообразныя научныя наблюденія и опыты, за переводы трудовъ иноземныхъ ученыхъ и собственныя изслѣдованія, при чемъ у него удивительно пестрой чередой смѣнялись въ его занятіяхъ магнитныя обсерваціи, ученыя изслѣдованія свойствъ воздуха и трактаты о теплотѣ и стужѣ, переводы труда Гейнзіуса о кометѣ 1744 г. и сокращенной физики Вольфа—и за ними слѣдовали его собственныя занятія риторикою, которыя и выразились въ его руководствѣ, приготовленномъ къ печати въ томъ же 1744 году. Дѣятельность его начинаетъ привлекать къ себѣ общее вниманіе и мало-по-малу обезпечиваетъ ему при Академіи выдающееся по значенію положеніе.

Ломоносовъ профессоръ.

Въ началѣ 1745 г. Ломоносовъ самъ рѣшается подать прошеніе о повышеніи его изъ адьюнктовъ въ профессоры — и его прошеніе удовлетворяется безпрепятственно. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ возведенъ въ званіе профессора химіи, а другой русскій ученый, Крашенинниковъ — въ адьюнкты естественной исторіи... И рядомъ съ ними, совершенно неожиданно для Академіи, въ то же профессорское званіе, по элоквенціи, возводится (какъ мы уже видѣли выше, см. стр. 493) В. К. Тредіаковскій.

Почти тотчасъ послѣ возведенія въ новое званіе, Ломоносовъ опять выступаетъ съ громкою одою на бракосочетаніе наслѣдника престола съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной. Посвященіе этой оды представляетъ само по себѣ весьма любопытный фактъ въ исторіи нашего просвѣщенія, такъ какъ ода „приносится въ знакъ искренняго усердія, благоговѣнія и

радости отъ всеподданнѣйшаго раба Михаила Ломоносова, *химіи профессора*".

Возрастаніе значенія Ломоносова.

Нельзя не отмѣтить того факта, что именно около этого времени значеніе Ломоносова въ Академіи и въ обществѣ начинаетъ замѣтно возрастать подъ вліяніемъ различныхъ и довольно сложныхъ условій, несмотря на то, что новый президентъ Академіи, графъ К. Г. Разумовскій, подпавшій вліянію Шумахера и Теплова, нимало не способствовалъ возвышенію русской партіи въ Академіи. Съ одной стороны, конечно, вліяла та постоянная и неутомимая научная дѣятельность, которой Ломоносовъ предавался со страстью; съ другой—его литературная извѣстность, возраставшая со дня на день и особенно замѣтная среди того литературнаго безплодія, которое окружало Ломоносова... Но немаловажнымъ элементомъ въ усиленіи и возрастаніи значенія Ломоносова были и тѣ прочныя связи, которыя онъ сумѣлъ завязать и постоянно поддерживалъ при Дворѣ Елисаветы, гдѣ мы уже видимъ людей, искренно интересующихся науками и просвѣщеніемъ. Этотъ фактъ, между прочимъ, отмѣчаетъ и самъ Ломоносовъ, въ своемъ посвященіи Вольфовой физики графу М. Воронцову, гдѣ онъ говоритъ, что въ современной Россіи, не только въ средѣ ученыхъ по обязанности, но и среди знатныхъ особъ „бесѣды рѣдко проходятъ, чтобы притомъ о наукахъ разсужденія съ похвалою не было"... [1]) Разумно и самостоятельно поддерживая эти связи при Дворѣ и среди знати и умѣя при этомъ не поступиться своимъ нравственнымъ достоинствомъ, Ломоносовъ усердно продолжаетъ и свою стихотворческую дѣятельность, очевидно, зная, что она пріятна императрицѣ и полезна для него самого. Такъ, въ 1746 году, въ обычные сроки (въ день восшествія на престолъ и въ день рожденія Елисаветы) Ломоносовъ выступаетъ съ двумя новыми одами, а въ 1747 г. пишетъ свою знаменитую оду:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина» и т. д.

и въ ней до небесъ превозноситъ (впрочемъ отъ лица Академіи) новый уставъ Академіи, данный Елисаветой и противъ котораго Ломоносовъ усиленно ратовалъ и боролся въ теченіе бо̀льшей половины своей жизни. Впрочемъ, поводомъ къ восхваленію могло, быть-можетъ, послужить то обстоятельство, что, по этому уставу, штаты Академіи были удвоены.

---

[1]) То же руководство физики Вольфа остается памятникомъ тяжелой работы Ломоносова надъ созданіемъ русской научной терминологіи. «Принужденъ я былъ», говоритъ онъ въ заключеніи своего предисловія—«искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они со временемъ, черезъ употребленіе, знакомѣе будутъ».

Одна изъ заключительныхъ строфъ этой оды, однакоже, дышитъ полною искренностью и несомнѣнно передаетъ тѣ чувства, тѣ мечты, которыя постоянно жили въ душѣ геніальнаго русскаго ученаго. Вотъ эта строфа:

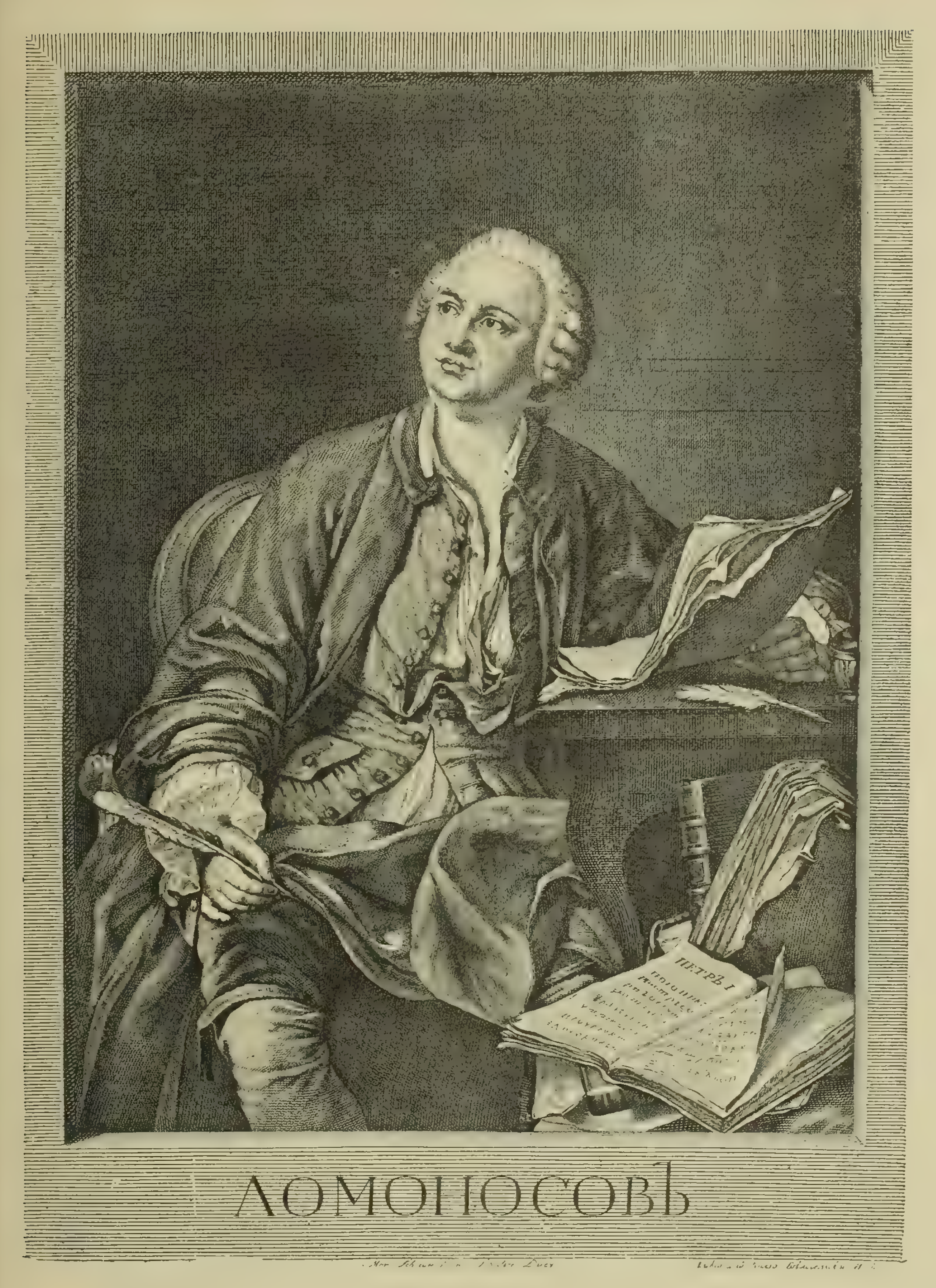
«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,—
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать».

Улучшеніе матеріальнаго положенія.

Въ августѣ 1747 года и матерьяльное положеніе Ломоносова начинаетъ улучшаться, такъ какъ онъ получаетъ цѣлый казенный домъ въ свое распоряженіе и размѣщается въ немъ весьма удобно со своимъ небольшимъ семействомъ. Для характеристики его, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, не мѣшаетъ замѣтить, что, переѣхавъ въ казенный домъ, онъ, прежде всего, озабочивается отводомъ въ немъ мѣста для химической лабораторіи и наиболѣе удобнымъ устройствомъ ея на Высочайше дарованныя средства.

Ломоносовъ и Мюллеръ.

Съ того же, 1747 года, Ломоносовъ становится и во главѣ партіи профессоровъ, недовольныхъ дѣйствіями академической канцеляріи, и начинаетъ очень смѣло и рѣшительно дѣйствовать противъ Шумахера и его сторонниковъ: видно, что онъ самъ сознаетъ свою силу и значеніе... Но, въ то же время, начинаются у Ломоносова распри и со своими товарищами-академиками (изъ нѣмцевъ), и, къ сожалѣнію, именно съ лучшимъ представителемъ ихъ, историкомъ Мюллеромъ. Не примѣшивая никакого патріотическаго пристрастія къ разбору этой давно минувшей вражды, со времени которой прошло уже слишкомъ полтораста лѣтъ, мы должны признать, что въ нихъ обѣ стороны были одинаково виновны. Мюллеръ, оказавшій большія, несомнѣнныя услуги русской исторической наукѣ, былъ человѣкомъ такого же крутого и строптиваго нрава, какъ и самъ Ломоносовъ, и такъ же рѣзокъ въ отзывахъ и неуступчивъ въ спорахъ, какъ и нашъ геніальный академикъ; а потому, каждый вопросъ, который имъ приходилось рѣшать заодно, приводилъ ихъ къ нескончаемымъ препирательствамъ, перекорамъ и къ такимъ пререканіямъ, которыя, не подвигая впередъ разрѣшеніе спора, вызывали обѣ стороны къ печальнымъ крайностямъ и къ жалобамъ по начальству. А такъ какъ Ломоносовъ былъ положительно неправъ въ рѣшеніи



Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, по гравюрѣ Шрейера, изданной княземъ Александромъ Бѣлосельскимъ.

нѣкоторыхъ научныхъ историческихъ вопросовъ и гипотезъ, которыя занимали Мюллера, такъ какъ онъ, пользуясь своими связями и вліяніемъ общественнымъ, внѣ-академическимъ, положительно препятствовалъ Мюллеру въ его историческихъ изслѣдованіяхъ, въ правильной оцѣнкѣ и разработкѣ собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, то и Мюллеръ, возненавидѣвшій Ломоносова, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы, соединившись съ врагами Ломоносова, русскими и нѣмцами, вредить и досаждать ему и, гдѣ возможно было, становился поперекъ его дороги и дѣйствовалъ наперекоръ ему.

Партіи при Дворѣ.

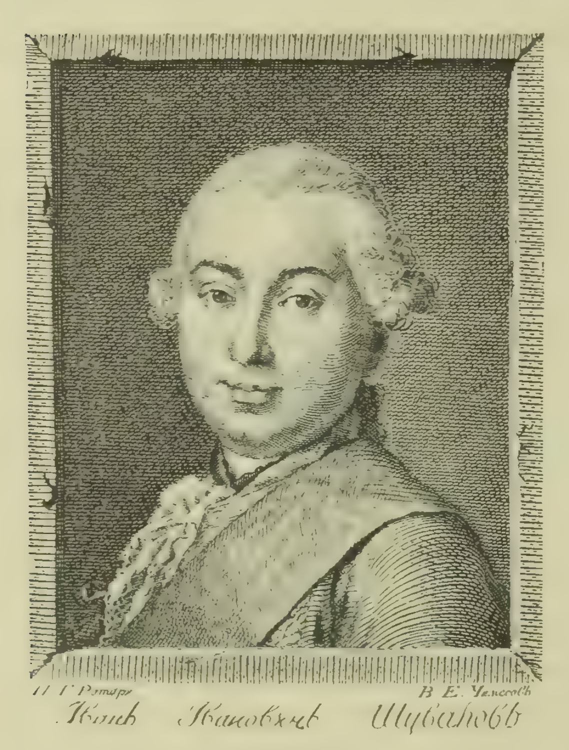
Самымъ ревностнымъ поклонникомъ Мюллера (когда Шумахеръ состарѣлся) явился Таубертъ, зять Шумахера, захватившій въ свои руки всю Академическую канцелярію и оказывавшій сильнѣйшее вліяніе на слабохарактернаго президента Академіи, графа К. Разумовскаго. Замѣтимъ кстати, что эта борьба Ломоносова и его немногихъ сторонниковъ съ нѣмецкою партіей, во главѣ которой стояли Таубертъ и Мюллеръ, особенно обострилась къ концу царствованія Елисаветы, когда весь Дворъ и, отчасти, все высшее общество раздѣлились на двѣ партіи: партію стараго Двора, во главѣ которой стояли Воронцовы и Шуваловы, и партію молодого Двора, главою которой явилась Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, состоявшая въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ президентомъ Академіи, графомъ К. Разумовскимъ. И вотъ, когда возгоралась война въ академическомъ собраніи—одна партія тотчасъ возносила свои притязанія и жалобы къ графу Разумовскому и черезъ него выше; а Ломоносовъ, олицетворявшій въ одной своей особѣ другую партію, обращался съ энергическими представленіями къ всесильному фавориту, И. И. Шувалову, и почти прямымъ путемъ доводилъ свои сѣтованье и требованіе до императрицы, которая была чрезвычайно милостиво расположена къ своему усердному придворному поэту. Она въ такой степени была увѣрена въ его неколебимой преданности и въ высокомъ достоинствѣ его ученой и литературной дѣятельности, что не принимала никакихъ жалобъ на Ломоносова, не слушала никакихъ навѣтовъ, и постоянно выказывала ему свое благоволеніе то денежными наградами, то повышеніями по службѣ, то улучшеніемъ матерьяльнаго положенія Ломоносова, то, наконецъ, приглашеніями Ломоносова ко Двору, гдѣ, въ кругу наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, поэту-академику не разъ приходилось слышать изъ устъ Елисаветы милостивыя рѣчи, ободрявшія его къ новымъ трудамъ и новымъ научнымъ и поэтическимъ замысламъ. Понятно, что, при этихъ условіяхъ, было бы болѣе чѣмъ странно и несправедливо представлять себѣ Ломоносова (какъ это, впрочемъ, уже не разъ дѣлалось у насъ въ лите-

ратурѣ) какою-то жертвою интригъ и происковъ нѣмецкой академической партіи, страдальцемъ за науку и за русское просвѣщеніе, будто бы попираемыя иноземцами... Ломоносовъ, уже и по самой природѣ своей, и по уму, и по характеру, и по желѣзной силѣ воли — не былъ созданъ для роли страдальца. Это былъ могучій борецъ, выносившій на своихъ плечахъ „русское дѣло", въ самомъ обширномъ смыслѣ русской науки, русской литературы и русскаго просвѣщенія, и усердно заботившійся объ избавленіи русскихъ людей отъ иноземной опеки, наложенной на нихъ бездарными преемниками Петра Великаго; но это былъ борецъ страшный, борецъ, передъ которымъ съеживались и трепетали его противники, и съ которымъ даже сильнѣйшіе, даже способнѣйшіе изъ нихъ не выносили борьбы одинъ-на-одинъ. И даже въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда противъ Ломоносова поднималась цѣлая корпорація академическая, онъ выказывалъ въ борьбѣ такую увертливость и ловкость, что избѣгалъ самыхъ сильныхъ, самыхъ мѣткихъ ударовъ, и въ свою очередь, при малѣйшей оплошности противниковъ, наносилъ имъ удары весьма чувствительные, а иногда и неотразимые, умѣя при этомъ сберечь и охранить свое личное достоинство, которое умѣлъ ставить очень высоко.

Самостоятельность Ломоносова.

Ломоносовъ неуклонно поддерживалъ его даже въ тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ съ „высокими персонами", къ которымъ вынуждало его положеніе привилегированнаго придворнаго поэта. Вступая въ эту дворскую среду, зорко слѣдя за общимъ ходомъ отношеній и за всѣми, происходящими въ этихъ отношеніяхъ перемѣнами, сближаясь съ людьми, которые стояли близко къ императрицѣ, Ломоносовъ вносилъ сюда съ собою свою славу, свою извѣстность, свой свѣтлый умъ и проницательность и неистощимую, изумительную талантливость, которая на всѣхъ дѣйствовала обаятельно, и уже очень рано, среди болѣе образованной знати, создала Ломоносову кружокъ искреннихъ и преданныхъ почитателей. Мы видѣли выше его отношенія къ М. Воронцову; а съ конца сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка завязываются у него такія же тѣсныя, такія же неразрывныя связи и съ юнымъ фаворитомъ Елисаветы, Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ — отношенія не только покровительственныя, но и дружественныя, продолжающіяся до самой кончины императрицы Елисаветы. И надо отдать справедливость геніальному уму и способностямъ Ломоносова, которые блистательнымъ образомъ проявляются даже и въ этихъ щекотливыхъ дворскихъ связяхъ и сношеніяхъ. Аккуратно поднося императрицѣ двѣ - три оды ежегодно—одну, неизмѣнно въ день восшествія ея на престолъ, другія въ день рожденія или тезоименитства,—наполняя эти оды напускнымъ паѳосомъ и лестью

въ той беззастѣнчивой формѣ, какая была тогда въ обычаѣ, Ломоносовъ вездѣ и неизмѣнно повторяетъ тѣ же мотивы восхваленій и лести: происхожденіе отъ Великаго Отца и посильное желаніе идти по его стопамъ, покровительствуя русскимъ людямъ и насажденію наукъ въ Россіи... Сближаясь съ любимцами Елисаветы, онъ и къ нимъ подходитъ съ той же стороны—со стороны образованія, просвѣщенія, славы и достоинства Россіи; онъ не потворствуетъ имъ, не поблажаетъ въ нихъ какимъ-нибудь низменнымъ, суетнымъ, ничтожнымъ инстинктамъ,—онъ ставитъ имъ себя въ образецъ, смѣло и увѣренно говоритъ имъ о своемъ значеніи и достоинствахъ, и какъ бы возвышаетъ ихъ до себя, вмѣняя имъ *меценатство* въ обязанность, не ради себя и своихъ временныхъ выгодъ, а ради блага и пользы отечества... И какъ упорно, какъ настойчиво, какъ изумительно смѣло добивается онъ достиженія своей намѣченной цѣли, если только разъ увѣровалъ въ то, что онъ отстаиваетъ доброе и полезное дѣло. Вотъ какъ пишетъ онъ къ И. И. Шувалову—первому изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ—въ одномъ изъ своихъ писемъ:



И. И. Шуваловъ.
По гравюрѣ В. Е. Чемесова.

„...Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы. И для того, Ваше Высокопревосходительство, всеуниженно прошу постараться, чтобы... данъ былъ формуляръ привилегіи по прошенію его сіятельства Академіи наукъ президента. Сіе будетъ больше всѣхъ благодѣяній, которыя Ваше Высокопревосходительство мнѣ въ жизни сдѣлали. По окончаніи сего, только хочу имѣть способы и мѣста, гдѣ бы, чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ высокородныхъ, которые меня низкою моею породою попрекаютъ, видя меня, какъ бѣльмо на глазѣ; хотя я своей чести достигъ не слѣпымъ счастіемъ, но даннымъ мнѣ отъ Бога талантомъ,

трудолюбіемъ и претерпѣніемъ крайней бѣдности добровольно для ученія".

Независимость духа.

Разгнѣванный настойчивыми попытками И. И. Шувалова, во что бы то ни стало примирить Ломоносова съ Сумароковымъ, котораго Ломоносовъ не любилъ и не уважалъ, вотъ какъ выражается онъ въ другомъ письмѣ къ тому же вельможѣ:

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, по гравюрѣ Ф. Шмита, 1762 г.

„Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владыкъ дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ..."

И даже предпринимая хлопоты черезъ вельможъ, близкихъ къ императрицѣ, о повышеніяхъ въ должности, о чинахъ и наградахъ, онъ не проситъ о нихъ униженно и смиренно, а *требуетъ* ихъ или какъ возмездія за свои заслуги, или для того, чтобы

сравниться въ правахъ съ товарищами-нѣмцами, или въ видѣ поощренія къ будущимъ, новымъ трудамъ. И такъ бодро, смѣло и неуклонно идетъ онъ своимъ путемъ въ теченіе всей жизни... Такъ добивается онъ и чиновъ, и почета, и власти въ Академіи, и становится во главѣ дѣла, особенно милаго его сердцу.

Новыя назначенія.

Въ 1748 году, уже будучи профессоромъ и академикомъ, онъ назначается членомъ историческаго собранія при историческомъ департаментѣ Академіи Наукъ и въ томъ же году ему поручается „послѣдняя ревизія" (т. е. редакторство) С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Въ началѣ 1751 года онъ получаетъ чинъ коллежскаго совѣтника и жалованье ему возвышается до 1200 р. Въ 1754 году ему предписывается имѣть высшій надзоръ за „Ежемѣсячными сочиненіями"—новымъ періодическимъ журналомъ, издававшимся съ этого года при Академіи. Въ 1757 г. Ломоносовъ назначается совѣтникомъ при академической канцеляріи, т. е. однимъ изъ троихъ ея членовъ, имѣющихъ право голоса и значеніе въ управленіи всѣми учеными учрежденіями Академіи и всѣмъ ея хозяйствомъ; и назначается онъ на эту должность императрицей, при совершенно особыхъ и весьма любопытныхъ обстоятельствахъ, которыя заслуживаютъ упоминанія.

„Гимнъ бородѣ".

Незадолго до этого назначенія, Ломоносовъ, неизвѣстно чѣмъ именно къ тому побуждаемый, написалъ свое извѣстное сатирическое стихотвореніе „Гимнъ къ бородѣ"—и въ немъ неособенно почтительно относился къ нѣкоторымъ сторонамъ быта нашего духовенства. Стихотвореніе пошло по рукамъ, распространилось въ обществѣ во множествѣ списковъ, потѣшая пріятелей автора, возмущая враговъ его, и вызвало цѣлый рядъ злѣйшихъ эпиграммъ, направленныхъ противъ него, а главное—крайне оскорбило высшихъ представителей духовной власти, которые вообще не очень жаловали Ломоносова. Копія съ „Гимна" была представлена императрицѣ Сѵнодомъ, вмѣстѣ съ жалобою на дерзкаго сочинителя сатиры, при чемъ поставлялось императрицѣ на видъ, что въ узаконеніяхъ ея „вседражайшаго родителя, въ 18-й главѣ, въ 149 пунктѣ, жестокія казни хулителямъ закона и Вѣры чинить повелѣвалось, равно и сочинителямъ подобныхъ пасквилей, а пасквильныя письма черезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено"... Подавшіе жалобу, видимо, разсчитывали на то, что Елисавета, вообще благочестивая и строгая въ соблюденіи обрядовъ церковныхъ, сурово отнесется къ автору сатиры; но эти расчеты и ожиданія, къ счастью, не оправдались. Жалобу Сѵнода Елисавета оставила безъ вниманія и послѣдствій; и не только не измѣнила своихъ постоянно-милостивыхъ отношеній къ Ломоносову, но, немного спустя, даже назначила его на должность совѣтника академической канцеляріи, на которую онъ имѣлъ полное право и которой давно добивался...

На Ломоносова, съ самаго вступленія его въ должность совѣтника академической канцеляріи, было возложено завѣдываніе университетомъ и гимназіею при Академіи Наукъ, т. е. самою слабою частью этого ученаго учрежденія, и притомъ такою, отъ которой всѣ старались уйти и уклониться. И онъ принимается за дѣло такъ горячо, такъ ревностно, что заботы о воспитаніи „россійскаго юношества“ съ этого времени начинаютъ составлять одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его дѣятельности до конца жизни. Заботы эти въ такой степени характерны, по отношенію къ времени, и притомъ рисуютъ намъ характеръ воззрѣній Ломоносова на просвѣщеніе вообще съ такой выгодной стороны, что мы должны непремѣнно подробнѣе ознакомиться съ этою важною страницею его біографіи.

Не слѣдуетъ забывать, что еще въ 1754 г., когда при Дворѣ зашла рѣчь объ основаніи высшаго учебнаго заведенія въ Москвѣ, и остановились, наконецъ, на мысли — учредить университетъ, а разработку этой мысли поручили И. И. Шувалову — Ломоносовъ явился однимъ изъ главныхъ помощниковъ его въ этомъ дѣлѣ, и ему, болѣе чѣмъ кому-либо другому, пришлось поработать надъ общимъ планомъ будущаго университета. Отрывки первыхъ набросковъ плана, составленнаго Ломоносовымъ, сохранившіеся намъ въ одномъ изъ его писемъ къ Шувалову, свидѣтельствуютъ о замѣчательной широтѣ и ясности воззрѣній геніальнаго ученаго на смыслъ и значеніе современнаго ему университета. **Московскій университетъ.**

Отстаивая непремѣнно, чтобы и „московскій университетъ по примѣру иностранныхъ учрежденій былъ“, Ломоносовъ говоритъ между прочимъ: „главное мое основаніе, весьма помнить должно — чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради, несмотря на то, что у насъ нынѣ нѣтъ довольно людей ученыхъ, (слѣдуетъ) положить въ планѣ профессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольное число. Сначала можно приняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели, сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудности ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, опять снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы...“

Переходя далѣе къ подробностямъ въ распредѣленіи преподаванія по факультетамъ, Ломоносовъ, въ одномъ изъ пунктовъ своей программы, особенно настаиваетъ на томъ, чтобы при новоучреждаемомъ университетѣ непремѣнно была учреждена (въ тѣсной связи съ нимъ) и гимназія, „*безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ*“.

Когда же онъ былъ, въ качествѣ совѣтника академической

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ

М. В. Ломоносовъ, по портрету, приложенному къ посмертному собранію его сочиненій.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичь

Полученное отъ вашего Превосходителства сего числа письмо съ радостію прочиталъ и увидѣлъ непремѣнное ваше стараніе о прославленіи бессмертныхъ дѣлъ блаженныя Памяти Гдря Императора ПЕТРА великаго на иностранныхъ языкахъ. Къ сему способствовать Гдна Волтера, никто не можетъ быть способнѣе; только одно обстоятелство нѣсколько подумать должно. Первое что онъ человѣкъ опасный, и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. второе хотя довольно можетъ онъ получить отъ насъ записокъ; однако переводъ на языкъ ему знаемый великаго труда и

вручены требуетъ. Что до сего надлежитъ, то
примечаю, что Волтеръ предлагаетъ следующее.
во первыхъ желаетъ онъ себѣ зделать краткой
планъ, которой можетъ сочиненъ быть изъ
сокращеннаго описанія дѣлъ Петровыхъ, которое
я имѣю, изъ чего онъ и сочиненной мною Пане-
гирикъ небезъ пользы употребить можетъ;
Ежели на французской языкъ переведенъ будетъ
Пространство широкое переводовъ уже великую его
часть; однако о немногихъ упрашаю, чтобъ онъ
прислалъ изъ окончаній; а прибавлять власти
неимѣю. По сочиненіи плана и по его сюда
сообщеніи, думаю, что лутче и къ нему посы-
лать переводы съ записокъ Петровскихъ,
какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не
все вдругъ. Инако станетъ онъ сочинять
начало, между тѣмъ прочей переводъ поспѣ-
вать можетъ, и такъ сочиненіе скорѣе на-
чатое и изъ окончаній приходитъ имѣетъ.
ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ
Волтеровыхъ весьма надобно. —

У меня также читая записки оттуда великого на-
шего Монарха, все для сего предприятия готовы.
О состоянии России во время царствования
Государя царя Михаила Федоровича, должно брать
из иностранных и из летописцев наших,
и для того употребить несколько времени.
Анекдоты принадлежат сего сочинения не только
нужны; примечания же некоторых уже имею, чтобы
действия лета Государевы полнить; однако и
о том пастыреве, чтобы хотя от других
слышанное слышать. Прилежно и честь
честь приславши к вашему Превосходительству
первой лист Моей речи, которую буду гово-
рить в число сего месяца в Академи-
ческом публичном собрании. Сии обыкно-
венно такие речи подаваны были прежде в
5 число ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Всемилостивейшей Государыне: того ради Ваше
Превосходительство всепокорнейше прошу
чтобы я мог удостоиться быть на сие
торжество в Сарском селе, или для

подания речи, также и того: Ваше Превосходительство
поздравить с пресветлым праздником и с воз-
вращением драгоценнаго вашего здравия,
о котором во слабости безпрестанно я соболезновал.
Ожидаю милостиваго соблаговоления с глубочай-
шим высокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства

В Санктпетербурге
Сентября 12 дня
1757 году.

всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов

Снимокъ съ письма М. В. Ломоносова.

Канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ, ревностный почитатель Ломоносова.

канцеляріи, поставленъ во главѣ академической гимназіи и университета и ему же въ іюлѣ 1789 года, по приказанію графа Разумовскаго, было поручено разсмотрѣніе регламента гимназіи и университета, у него явилась совершенно правильно и самостоятельно созрѣвшая мысль объ отдѣленіи обоихъ этихъ заведеній отъ Академіи Наукъ. Составивъ обстоятельный и полный регламентъ для академическаго университета [1]) и гимназіи, Ломоносовъ добился того, что, по приказанію президента Академіи, суммы, назначенныя на содержаніе этихъ заведеній, были отдѣлены отъ прочихъ академическихъ суммъ и предоставлены въ полное распоряженіе Ломоносова; но ему, для пользы дѣла, было этого мало: онъ хотѣлъ полнаго отдѣленія университета и гимназіи (при немъ) отъ Академіи Наукъ. Но какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни заботился, какъ ни докучалъ И. И. Шувалову по вопросу объ отдѣленіи университета отъ Академіи—ему этого не удалось достигнуть, хотя все для того уже было подготовлено. Императрицѣ оставалось только подписать заготовленную для торжественнаго открытія университета привилегію... Сохранилась въ наброскѣ даже и рѣчь Ломоносова, подготовленная имъ для торжественнаго акта „инавгураціи" университета; сохранилось и распредѣленіе лекцій въ новомъ университетѣ, и записки Ломоносова къ Шувалову, въ которыхъ онъ умоляетъ его о скорѣйшемъ рѣшеніи этого дѣла. „Сіе будетъ конецъ моего попеченія объ успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ" — пишетъ онъ любимцу государыни. — „Дѣло весьма вѣдь не трудное и только стóитъ вашего слова, коимъ многіе наукъ рачители обрадованы будутъ..." Но „слово" почему-то не было сказано — и университетъ не былъ отдѣленъ отъ Академіи Наукъ, хотя именно около этого времени И. И. Шувалову былъ порученъ проектъ разработки устава для гимназій, которыя предполагалось открыть во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи.

Хлопоты о чинѣ.

Точно такъ же, какъ и это ходатайство, неудача постигла и личныя хлопоты Ломоносова—о повышеніи его чиномъ, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ его товарищей-академиковъ (болѣе близкими къ графу К. Разумовскому), и объ учрежденіи при Академіи званія вице-президента, которое, по совершенно справедливому настоянію Ломоносова, оказывалось особенно необходимымъ, въ виду долговременныхъ отлучекъ графа-президента, во время

[1]) Много свѣтлыхъ и прекрасныхъ мыслей разбросано въ отдѣльныхъ параграфахъ этого регламента: въ числѣ привилегій, которыхъ Ломоносовъ для университета добивается, видимъ и слѣдующія: пар. 6—студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ Академію; пар. 7—духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, и *особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ.*

которыхъ вся дѣятельность Академіи на время пріостанавливалась и какъ бы замирала.

Кончина Елисаветы.

Этими хлопотами и заботами были заполнены послѣдніе полтора года царствованія императрицы Елисаветы... 25-го ноября 1761 г. Ломоносовъ, какъ и всегда, поднесъ Елисаветѣ обычную оду „на пресвѣтлый торжественный праздникъ Ея Величества восшествія на Всероссійскій престолъ", а ровно черезъ мѣсяцъ (25 декабря 1761 г.) Елисавета скончалась, и Ломоносовъ, огорченный до глубины души ея кончиною, написалъ надгробную надпись ей, проникнутую самымъ искреннимъ чувствомъ горести и почтительной признательности.

Но долго горевать не полагалось... Надо было спѣшить съ торжественною одою на восшествіе на престолъ императора Петра III и не только приравнивать его къ знаменитому дѣду:

«Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ русская страна...»

но даже въ одной изъ строфъ оды упомянуть о Голштиніи, къ которой пристрастіе Петра III было слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ...

Но затѣмъ событія пошли такъ быстро смѣняться и чередоваться, что проницательный придворный поэтъ уже не могъ за ними поспѣть, не могъ ихъ и предусмотрѣть... Въ то время, когда онъ готовилъ торжественную академическую рѣчь, въ которой съ похвалою собирался упомянуть о молодомъ императорѣ, совершилось извѣстное „петербургское дѣйство": Петръ III отрекся отъ престола — а 6-го іюня 1762 г. его уже не было на свѣтѣ... И пораженный всею неожиданностью этого переворота, Ломоносовъ уже писалъ, на основаніи манифеста, обнародованнаго Екатериною, новую торжественную оду на день всерадостнаго восшествія на престолъ „великой государыни Екатерины Алексѣевны", въ которой громилъ пристрастіе Петра III къ иноземцамъ и прусскому королю и восклицалъ:

«Услышьте Судіи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Увольненіе Ломоносова.

Но голосъ его былъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Всѣ друзья и покровители его были въ опалѣ, или въ ожиданіи ея...,

Екатерина,— привыкнувшая видѣть Ломоносова въ тѣсномъ единеніи съ партіей стараго Двора, неблагопріятствовавшей ея восшествію,—отнеслась къ нему совершенно равнодушно, и на первыхъ порахъ, повидимому, даже поддалась навѣтамъ его враговъ. Неизвѣстно, кѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ увольненіи его изъ Академіи: въ концѣ апрѣля Екатерина объ этомъ уже знала и 25-го числа писала Олсуфьеву: „Я чаю—Ломоносовъ бѣденъ: сговоритесь съ гетманомъ (графомъ К. Разумовскимъ)— не можно ли ему пенсіонъ дать и скажите мнѣ отвѣтъ“.

Нѣсколько дней спустя состоялся слѣдующій именной указъ Сенату: „коллежскаго совѣтника Михайлу Ломоносова всемилостивѣйше пожаловали мы въ статскіе совѣтники и вѣчною отъ службы отставкою съ половиннымъ по смерть его жалованьемъ. Екатерина. Москва, мая 2-го дня 1763.“

Едва только вѣсть объ этомъ указѣ дошла до Ломоносова, онъ въ тотъ же день отказался подписать журналъ и протоколы по академической канцеляріи, и уѣхалъ въ свое помѣстье, за Ораніенбаумомъ; а на другой день Мюллеръ уже спѣшилъ извѣстить своихъ германскихъ друзей о томъ, что „Академія освобождена отъ Ломоносова“.

Опять въ Академіи.

Но радость и поспѣшность Мюллера оказались болѣе чѣмъ преждевременными. Екатерина, сдѣлавъ нѣсколько поспѣшный шагъ по отношенію къ Ломоносову, быстро одумалась и сознала свою ошибку. Съ прозорливостью истинно-великой женщины, она поняла, что вынула лучшій перлъ изъ своей короны, и, несмотря на то, что не могла симпатизировать Ломоносову, рѣшилась великодушно исправить свою ошибку. Уже 13 мая 1763 года мы видимъ, что въ Сенатѣ была получена собственноручная записка императрицы Екатерины: „есть ли указъ о Ломоносовской отставкѣ еще не посланъ въ Петербургъ, то сейчасъ его ко мнѣ обратно прислать...“ [1]). И вотъ Ломоносовъ снова явился въ академической канцеляріи, къ ужасу Мюллера и Тауберта и ихъ сторонниковъ — явился, болѣе чѣмъ когда-либо ободренный къ дѣятельности и попрежнему готовый къ борьбѣ, на которую онъ обрекъ себя до смерти.

Послѣ этого Ломоносовъ, ни на часъ не пріостанавливая своей кипучей и разнообразной научной, литературной и административной дѣятельности, прожилъ еще два года, осыпаемый милостями императрицы Екатерины II и удостоиваемый почетомъ со всѣхъ сторонъ: императрица пожаловала Ломоносова чиномъ статскаго совѣтника, возвысила его жалованье до 1,800 руб. слиш-

¹) Историкъ Академіи замѣчаетъ по этому поводу: «что побудило Екатерину II отмѣнить свой указъ объ отставкѣ Ломоносова — остается неизвѣстнымъ; но, несомнѣнно, что это произошло безъ всякаго участія съ его стороны».

комъ; болонская и стокгольмская академіи избрали нашего академика въ свои почетные члены. Наконецъ, императрица Екатерина удостоила знаменитаго русскаго ученаго высокой чести и милости: 7-го іюня 1764 г. императрица посѣтила Ломоносова въ его домѣ [1]), „въ сопровожденіи знатнѣйшихъ Двора своего особъ“, и здѣсь „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества, также новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое Высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ“. Когда императрица, въ концѣ шестого часа, собиралась уѣзжать во дворецъ, Ломоносовъ подалъ ей стихи:

Графъ К. Г. Разумовскій, президентъ Академіи Наукъ.

«Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ,
И славы праведной усугубляетъ звукъ...

[1]) Домъ Ломоносова находился на Большой Морской, почти противъ пѣшеходнаго мостика черезъ Мойку, на мѣстѣ бывшаго почтамта.

Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель».

И кромѣ этихъ, другими торжественными строфами привѣтствовалъ Ломоносовъ Екатерину, принося ей эту поэтическую дань признательности за все то, что̀ она для него сдѣлала. Воспѣвая Екатерину въ одѣ, посвященной графу Григорію Григорьевичу Орлову, онъ не забываетъ въ концѣ ея восхвалить и этого любимца Екатерины и восклицаетъ:

«Блаженъ родитель Твой, такихъ намъ давъ сыновъ,
Не именемъ однимъ, но—свойствами Орловъ».

Но, несмотря на всѣ эти милости и вызванныя ими офиціальныя поэтическія воскуренія, Ломоносовъ все же не чувствовалъ себя ни довольнымъ, ни покойнымъ, и никакъ не могъ примириться съ академическими порядками. Мрачное душевное настроеніе его отразилось очень полно и ясно въ черновомъ наброскѣ того письма къ Эйлеру, которое онъ писалъ незадолго до смерти, и которое осталось въ его бумагахъ неоконченнымъ.

4-го апрѣля 1765 года Ломоносова не стало. Смертные останки его съ большимъ торжествомъ были преданы землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ и теперь надъ могилою великаго помора возвышается изящный мавзолей изъ каррарскаго мрамора, выписанный изъ Италіи канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, — однимъ изъ усерднѣйшихъ почитателей его памяти.

Еще одинъ современный портретъ М. В. Ломоносова.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Разнообразіе и многосторонность ученой дѣятельности Ломоносова.—Занятіе химіей и естественными науками.—Диссертаціи и рѣчи.—Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о его значеніи и заслугахъ.—Литературныя произведенія.—Похвальныя слова и рѣчи.—Занятія грамматикой и исторіей.—Искренніе мотивы лирики.—Общій выводъ.

Послѣ всѣхъ сообщенныхъ выше фактовъ изъ жизни и служебной дѣятельности Ломоносова, несомнѣнно важныхъ для уясненія его нравственаго типа, а также и для характеристики эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, мы должны перейти къ обзору его литературной и научной дѣятельности, обильной, разнообразной, захватывающей разомъ нѣсколько научныхъ областей, ничѣмъ не связанныхъ между собой. Знакомясь съ этою дѣятельностью, мы испытываемъ чрезвычайно странное впечатлѣніе, потому, что наблюдаемъ явленіе исключительное, чрезвычайное, немыслимое въ наше время...

Геній Ломоносова представляется намъ въ такой степени всеобъемлющимъ, что правильная оцѣнка ему не можетъ быть сдѣлана однимъ ученымъ-спеціалистомъ или однимъ критикомъ; для этой оцѣнки необходимъ цѣлый кружокъ ученыхъ и спеціалистовъ... Такъ дѣйствительно и пришлось поступить въ то время, когда, по истеченіи столѣтія съ кончины Ломоносова, Академія задумала праздновать юбилей его, и вся ученая и учащаяся Россія захотѣла принять участіе въ этомъ торжествѣ. Цѣлая фаланга ученыхъ принялась тщательно и усердно изучать все то, что произвелъ Ломоносовъ, все то, надъ чѣмъ онъ въ теченіе жизни работалъ, наблюдая, изыскивая и изобрѣтая... Одни занялись его трудами по математикѣ, физикѣ, химіи и другимъ естественнымъ наукамъ; другіе — его работами по механикѣ и металлургіи; третьи — его словесными произведеніями и трудами по языку и теоріи слога; четвертые—его трудами по отечественной исторіи. Не вдаваясь въ подробности этихъ изслѣдованій, мы, конечно, должны здѣсь ограничиться уже готовыми выводами спеціалистовъ, посвятившихъ себя разбору того, что было сдѣлано Ломоносовымъ по отдѣльнымъ отраслямъ, и самые выводы эти можемъ передать лишь въ формѣ весьма сжатой. Не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который, по громадному объему своихъ свѣдѣній, представлялъ собою цѣлую академію, и въ шутку имѣлъ полное право повторять, что „Академію можно отъ него отставить, но нельзя его отставить отъ Академіи“...

Отчеты о занятіяхъ.

О началѣ академической дѣятельности Ломоносова даетъ нѣкоторое понятіе имъ самимъ (въ началѣ 1745 г.) поданная записка, въ которой онъ говоритъ: „въ бытность мою въ Академіи Наукъ, трудился я, нижайщій, довольно въ переводахъ физическихъ, механическихъ и піитическихъ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ на россійскій и сочинилъ на россійскомъ же языкѣ горную книгу и риторику, и, сверхъ того, въ чтеніи славныхъ авторовъ, въ обученіи назначенныхъ ко мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ... и въ сочиненіи новыхъ диссертацій съ возможнымъ прилежаніемъ упражняюсь"...

Когда же Ломоносовъ получилъ сначала степень адъюнкта, а потомъ профессора, и при квартирѣ его, въ казенномъ домѣ, устроена была, по его плану и желанію, химическая лабораторія (первая, по времени, въ Россіи), тогда работы, опыты и изслѣдованія пошли у него непрерывною чередою. До какой степени они могли быть разнообразны, это мы можемъ видѣть изъ одного его отчета (на 1755 г.), гдѣ онъ указываетъ самъ, что именно было сдѣлано имъ въ теченіе одного года.

„Въ химіи: дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того же года на 14-ти листахъ. Въ физикѣ: сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ коей опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертацій [1]), а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха; 2) сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ Океаномъ. Въ исторіи: сдѣлалъ опытъ описаніемъ владѣнія первыхъ князей россійскихъ: Рюрика, Олега, Игоря. Въ словесныхъ наукахъ: 1) сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи (Академіи): „Слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому". 2) Сочинивъ большую часть грамматики, привелъ къ концу, для печатанья въ нынѣшнемъ году. 3) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ".

И при всемъ этомъ разнообразіи трудовъ и занятій, какая необычайная живость, какая постоянная чуткость въ отношеніи возникающихъ новыхъ и новыхъ вопросовъ научныхъ, какая го-

---

[1]) Не всѣ ученые германскіе критиковали диссертаціи Ломоносова. Одинъ изъ европейски-извѣстныхъ ученыхъ того времени, знаменитый математикъ Эйлеръ, такъ писалъ въ академію по поводу диссертацій Ломоносова, посланныхъ ему на просмотръ:

«Всѣ записки Ломоносова по части физики и химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно не извѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій; (вообще) г. Ломоносовъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія феноменовъ физики и химіи; и желательно было бы, чтобы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, какія совершилъ Ломоносовъ.»

товность всѣмъ и каждому услужить богатымъ запасомъ своихъ наблюденій и опытовъ! Такъ, напримѣръ, когда въ 1754 году заходитъ рѣчь объ академическомъ публичномъ актѣ, который всегда сопровождался научными сообщеніями и торжественными рѣчами, Ломоносовъ тотчасъ входитъ въ академическое собраніе со своими предложеніями такого рода:

Разнообразіе занятій.

„Ежели г.г. академики не изволятъ предложить пристойныхъ матерій (для научныхъ сообщеній), то я могу служить слѣдующими: 1) предложить новую о цвѣтахъ теорію, на физическихъ и химическихъ опытахъ основанную; 2) или же о первоначальныхъ частицахъ, чувствительныя тѣла составляющихъ, 3) или — способы, какъ вѣрнѣе опредѣлять ходъ корабельный и всякаго мореплавателя путь употреблять съ большимъ приращеніемъ знанія въ мореплаваніи; 4) или—новые способы, какъ безопасно мѣрять электрическую силу въ воздухѣ и ослаблять громовую силу въ тучахъ; 5) обсерваторія метеорологическая самопишущая; 6) задачу могу предложить о опредѣленіи количества въ движеніи и о пропорціи количества матеріи къ тягости“.

Вотъ какая масса новаго матеріала заключалась постоянно въ научномъ портфелѣ нашего академика. И весь этотъ матеріалъ не что иное, какъ результатъ его постоянной, каждодневной работы, которая составляетъ для него существенную необходимость—одинъ изъ элементовъ его жизни, и, съ одной стороны, постоянно побуждаетъ его примѣнять свои научныя теоріи и воззрѣнія на практикѣ, въ изобрѣтеніи новыхъ физическихъ и астрономическихъ приборовъ и машинъ, а съ другой — къ составленію руководствъ и учебниковъ, то по физикѣ, то по металлургіи, то по другимъ наукамъ, такъ или иначе соприкасающимся съ его обширнымъ кругомъ научнаго вѣдѣнія и наблюденія. Любопытно будетъ здѣсь привести мнѣнія объ этихъ трудахъ Ломоносова, высказанныя нашими выдающимися учеными спеціалистами, занимавшимися разборомъ отдѣльныхъ отраслей научной дѣятельности Ломоносова, по поводу его столѣтняго юбилея.

Мнѣнія ученыхъ о Ломоносовѣ.

Вотъ, напр., что̀ говоритъ о немъ нашъ извѣстный ученый физикъ, Любимовъ: „Разнообразіе предметовъ, которыми занимался Ломоносовъ съ безграничною пытливостью, переносило его вниманіе отъ одного предмета на другой и не позволяло ему останавливаться на частномъ изслѣдованіи какого-нибудь отдѣльнаго явленія; его умъ всегда уносился въ область теоріи... Ломоносову (поэтому) не суждено было внести какіе-либо новые замѣчательные факты въ науку; но не многіе изъ современныхъ ему ученыхъ понимали явленія природы такъ глубоко и ясно, какъ онъ. Его труды—это блестящія страницы въ исторіи русскаго образованія. Физическія сочиненія Ломоносова любопытны и поучи-

тельны и въ наше время, ибо отличаются двумя великими достоинствами изложенія, которымъ должно учиться у Ломоносова: во-первыхъ — эта ясность пониманія, это умѣнье поставить вопросъ, во-вторыхъ — понятное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящное изложеніе"...

Другой ученый, химикъ Лясковскій, разсматривая химическія сочиненія Ломоносова, говоритъ о немъ: „Химикъ—читатель трактатовъ Ломоносова — съ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостью руководителя въ области химіи, но и необыкновенно-проницательнаго толкователя химическихъ явленій... Трактатъ Ломоносова убѣждаетъ насъ въ его большой начитанности и въ томъ, что, несмотря на распространенныя тогда невѣрныя понятія о многихъ явленіяхъ природы, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ"...

Почти такое же мнѣніе высказывалъ профессоръ Шуровскій о геологическихъ трудахъ Ломоносова, отмѣчая въ особенности вѣрность его мнѣнія о происхожденіи каменнаго угля отъ торфяниковъ, которую онъ „первый высказалъ въ наукѣ"; а также и его мнѣніе относительно янтаря, который „былъ признанъ Ломоносовымъ за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній", между тѣмъ какъ большинство современныхъ ученыхъ либо принимали янтарь за минералъ, либо искали его происхожденіе отъ другихъ началъ.

Открытія Ломоносова.

Отмѣтимъ еще, что профессоръ Московскаго университета М. Спасскій, въ своей рѣчи „Объ успѣхахъ метеорологіи", говоритъ, упоминая о Франклинѣ, что съ этимъ именемъ „мы, русскіе, не безъ гордости можемъ поставить на ряду имя Ломоносова, который, въ „Словѣ" своемъ „о явленіяхъ воздушныхъ", кромѣ полной теоріи образованія грозовыхъ тучъ, весьма замѣчательной — особенно для тогдашняго времени—высказалъ весьма много глубокихъ мыслей относительно всей метеорологіи".

Не менѣе важно и то открытіе, которое сдѣлано было Ломоносовымъ въ маѣ 1761 года, при наблюденіи прохожденія Венеры черезъ Солнце, съ физической стороны. И профессоръ Любимовъ, и академикъ Перевощиковъ говорятъ, что эти наблюденія привели Ломоносова „къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры", что „ему первому принадлежитъ честь этого открытія", „до котораго знаменитѣйшіе европейскіе астрономы [1]) дошли самостоятельными наблюденіями только тридцать лѣтъ спустя.

Чрезвычайно любопытно и поучительно то, что Ломоносовъ

[1]) Шретеръ и В. Гершель, а въ послѣднее время Араго.

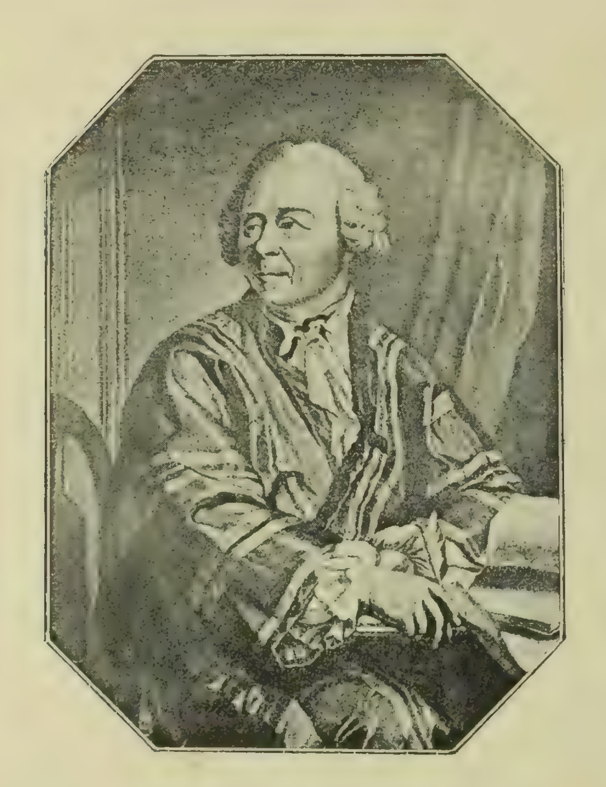
тотчасъ же, и наилучшимъ образомъ воспользовался своимъ открытіемъ на пользу общаго просвѣщенія народной массы и разсѣянія предразсудковъ старины, еще сильно державшихся въ русскомъ обществѣ. Напечатавъ въ общее свѣдѣніе брошюру о „Явленіи Венеры на солнцѣ", Ломоносовъ счелъ за нужное текстами изъ св. Писанія подтвердить основу системы Коперника, доказывая, что она нимало не противорѣчитъ св. Писанію, и даже открыто рѣшился объявить себя сторонникомъ Фонтенеля, ученіе котораго о множествѣ міровъ еще въ 1756 г. вызвало со стороны духовенства особый докладъ императрицѣ Елисаветѣ — докладъ, въ которомъ говорилось прямо о *богопротивности* мнѣній Фонтенеля. Исчерпавъ противъ подобныхъ фанатиковъ всѣ доводы богословскіе, смѣлый русскій ученый, для еще бо̀льшей убѣдительности, переходитъ въ концѣ брошюры отъ серьезнаго къ забавному и разсказываетъ басню о поварѣ, который остроумно́ю шуткою рѣшаетъ споръ между двумя лицами, изъ которыхъ одно держится воззрѣній Коперника, а другое—воззрѣній Птоломея на систему міра. Поваръ этотъ говоритъ имъ:

...«что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака тако̀ва,
Который бы вертѣлъ очагъ вокругъ жарко́ва?»

Занятіе мозаикой.

Переходя отъ занятій теоріею свѣта и различныхъ его цвѣтовъ и оттѣнковъ, къ практикѣ житейскихъ нуждъ, Ломоносовъ много занимался изслѣдованіемъ красокъ, а затѣмъ составомъ цвѣтныхъ стеколъ... Опыты его надъ красками и окраскою стеколъ относятся къ 1749 году, и привели его, въ концѣ концовъ, къ тому, что онъ увлекся мозаикой и въ остальную половину своей жизни значительную долю времени посвятилъ попыткамъ возродить вновь это давно-забытое художество въ Россіи. Упоминаемъ объ этомъ не только потому, чтобы показать, какъ широко разбрасывался всеобъемлющій геній этого великаго человѣка, но еще и потому, что мозаическія затѣи Ломоносова привели его, косвеннымъ путемъ, къ достиженію нѣкотораго благосостоянія, какъ мы это легко можемъ видѣть изъ его письма къ Эйлеру (отъ 12 (23) февраля 1754 г.). Въ этомъ письмѣ Ломоносовъ извѣщаетъ своего знаменитаго друга о разныхъ занятіяхъ своихъ и, между прочимъ, сообщаетъ, что цѣлыхъ три года онъ предавался изслѣдованіямъ о цвѣтахъ; имъ было сдѣлано почти три тысячи опытовъ для производства цвѣтныхъ стеколъ и для усовершенствованія мозаичнаго искусства. Сдѣланный имъ мозаическій образъ Богоматери очень понравился императрицѣ и ему была дана привилегія на устройство стекляннаго завода. „По-

томъ", продолжаетъ Ломоносовъ, „щедроты Монархини много превзошли мои надежды и мои заслуги, понеже 16-го марта 1753 г., всемилостивѣйшая Императрица пожаловала мнѣ въ Ингріи 226 крестьянъ съ тысячью десятинами земли, на которой имѣется довольно полей, луговъ, рыбныхъ ловель и лѣса въ изобиліи. Четыре у меня деревни, изъ которыхъ ближайшая въ 64, а отдаленнѣйшая въ 80 верстахъ отъ Петербурга. Имѣніе прилегаетъ къ морю, и тамъ протекаетъ рѣчка, при которой, кромѣ дома и стеклянпаго завода, уже построенныхъ, возвожу плотину и мельницу хлѣбную и лѣсопильную; наверху ея будетъ устроена самопишущая метеорологическая обсерваторія, описаніе которой, при помощи Божіей, передамъ публично на обсужденіе будущимъ лѣтомъ"... Въ заключеніе письма, Ломоносовъ проситъ Эйлера не удивляться его неаккуратности въ перепискѣ, такъ какъ онъ одновременно исполняетъ обязанности *поэта, оратора, химика и физика*, да сверхъ того сдѣлался еще и *историкомъ* по желанію, выраженному самой императрицей въ бытность его въ Москвѣ [1]).



Леонардъ Эйлеръ (1707—1782 г.)

Это заключеніе письма можетъ служить для насъ лучшимъ переходомъ отъ химическихъ и физическихъ занятій Ломоносова къ его занятіямъ словесностью и исторіей.

Литературныя произведенія.

Минуя придворную лирику Ломоносова, которой мы уже удѣлили достаточно мѣста выше, въ описаніи важнѣйшихъ фактовъ его жизни, мы укажемъ здѣсь на тѣ литературныя произведенія его, которыя къ этой лирикѣ не относятся, а также и на труды его по теоріи словесности и по языку... Изъ литературныхъ произведеній Ломоносова, которыя, кстати сказать, го-

[1]) Это дѣйствительно произошло лѣтомъ 1753 г., когда Ломоносовъ ѣздилъ вслѣдъ за Дворомъ хлопотать о привилегіи на заводъ. Милостиво принятый императрицей, онъ услышалъ отъ нея, что «она желала бы увидѣть Русскую исторію, написанную его штилемъ».

раздо ниже его лирики, слѣдуетъ припомнить здѣсь его двѣ трагедіи: „*Темира и Селимъ*“ и „*Демофонтъ*“, его дидактическое стихотвореніе „*О пользѣ стекла*“, написанное въ видѣ письма къ И. И. Шувалову, эпическую поэму „*Петръ Великій*“ и два „*похвальныхъ слова*— „Елисаветѣ“ и „Петру I-му“.

Трагедіи.

Первая изъ трагедій Ломоносова явилась въ свѣтъ по тому „всемилостивѣйшему указу“ (мы упоминали о немъ выше), которымъ повелѣно было Ломоносову и Тредіаковскому „сочинить по трагедіи“. Это было въ тотъ приснопамятный 1750 г., когда русскій театръ явился любимѣйшимъ

Памятникъ Ломоносову на площади г. Архангельска.

развлеченіемъ при Дворѣ Елисаветы и вдругъ въ такой степени овладѣлъ вниманіемъ императрицы, что она покинула всѣ остальныя развлеченія и забавы, и всецѣло предалась русскому театру и заботамъ о пополненіи репертуара вновь возникающей русской сцены. Ломоносовъ написалъ „Темиру и Селимъ“ стихами, избравъ сюжетъ для трагедіи изъ эпохи Дмитрія Донского и его торжества надъ Мамаемъ, но, по обычаю всѣхъ драматурговъ ложно-классической школы, главными героями пьесы избралъ лица, неимѣющія никакого значенія историческаго: Темира — дочь какого-то „Мумета, царя Крымскаго“, а Селимъ — „царевичъ Багдадскій“. Вся трагедія чрезвычайно растянута, напыщенна и скучна; но, надо полагать, что она очень

понравилась современникамъ, потому что отдѣльное изданіе ея, напечатанное въ 630 экземплярахъ, все разошлось въ теченіе года и потребовалось въ 1751 г. напечатать новое изданіе той же трагедіи.

Не по собственной охотѣ, а по именному повелѣнію императрицы, переданному И. И. Шуваловымъ, приступилъ Ломоносовъ къ написанію и другой трагедіи своей—„Демофонтъ". Онъ видимо чувствовалъ себя не мастеромъ въ этомъ литературномъ родѣ и брался за него неохотно; а тутъ еще приходилось спѣшить, торопиться окончаніемъ трагедіи, отлагая въ сторону всѣ остальныя дѣла и любимыя занятія. Наконецъ, къ сентябрю 1752 г. трагедія, основанная на несчастной любви и гибели „Демофонта", сына Тезеева, и „Филлиды, царевны Ѳракійской"—была окончена и отдана въ печать. Пьеса печаталась день и ночь, и вышла въ свѣтъ въ ноябрѣ. Ни о постановкѣ ея, ни о дальнѣйшей судьбѣ въ публикѣ мы не имѣемъ свѣдѣній; знаемъ, однакоже, что Ломоносовъ, впослѣдствіи, никогда болѣе не возвращался къ драматическому роду.

Эпосъ и дидактика.

Между поэтическими произведеніями Ломоносова находимъ одно, весьма удачное, дидактическое стихотвореніе „О пользѣ стекла" (которому придана форма посланія или письма къ Ив. Ив. Шувалову) и довольно слабое и неудачное начало эпической поэмы, посвященной прославленію Петра Великаго, и извѣстной подъ заглавіемъ „Петръ Великій, героическая поэма". Первое изъ этихъ произведеній явилось въ 1752 г., въ самый разгаръ увлеченія Ломоносова фабрикаціею цвѣтныхъ стеколъ, когда онъ дни и ночи проводилъ надъ опытами въ области этой спеціальности, и въ Сенатъ подавалъ доклады и прошенія, въ которыхъ доказывалъ, какую будущность можетъ имѣть его производство, и у государыни, черезъ своихъ покровителей, хлопоталъ о дарованіи ему средствъ для заведенія фабрики... Въ виду всего этого едва ли нужно повторять здѣсь извѣстный анекдотъ о стеклянныхъ пуговицахъ [1]), который будто бы послужилъ поводомъ къ написанію этого посланія? Оно очевидно родилось изъ болѣе важныхъ и глубокихъ побужденій, и явилось не остроумнымъ экспромтомъ, а глубоко-обдуманнымъ произведеніемъ, на впечатлѣніе котораго авторъ разсчитывалъ, какъ на еще одинъ существенный и важный доводъ въ пользу своего дѣла—и притомъ такой до-

[1]) Говорятъ, будто бы поводомъ къ написанію «Письма о пользѣ стекла» былъ слѣдующій случай. Ломоносовъ явился на обѣдъ къ И. И. Шувалову въ кафтанѣ со стеклянными пуговицами. Кто-то замѣтилъ ему, что стеклянныя пуговицы уже не въ модѣ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что носитъ эти пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и съ увлеченіемъ сталъ разъяснять его пользу въ различныхъ примѣненіяхъ.

водъ, который, быть-можетъ, будетъ выслушанъ охотнѣе и благодушнѣе, чѣмъ остальные дѣловые и серьезные доводы. Это посланіе къ Шувалову начинается извѣстною строфою, которая служитъ приступомъ ко всему произведенію:

«Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь—
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Неломкость лживаго я счастья представляю...
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей конечный раздѣлитель.
Стекло имъ рождено: огонь его родитель» [1]).

И затѣмъ, въ остальныхъ строфахъ, Ломоносовъ перебираетъ различныя употребленія стекла и въ обыденной жизни, и въ научномъ его примѣненіи, какъ составной части различныхъ физическихъ приборовъ и т. д.

Гораздо менѣе удачною представляется намъ его „героическая поэма“, за которую много разъ принимался Ломоносовъ, о которой много говорилъ Шувалову, то обѣщая ускорить ея окончаніемъ, то жалуясь на крайніе недостатки и на неблагопріятныя обстоятельства, препятствующія успѣшному ходу его работы. Но задача, которой онъ придавалъ громадное значеніе, благоговѣя передъ памятью Петра, оказалась очевидно и не по силамъ, и не по характеру поэту — страстному, порывистому, впечатлительному—мало-способному къ спокойной эпической настроенности. Въ 1760 г. явилась въ свѣтъ первая пѣснь поэмы, а въ 1761 г. вторая—и послѣдняя. Къ продолженію этого поэтическаго „труда“ Ломоносовъ не возвращался болѣе, видимо сознавая свою неудачу. Въ первой пѣснѣ поэтъ описываетъ плаваніе Петра Великаго въ бурю по Бѣлому морю и спасеніе отъ бури въ Унской губѣ, прибытіе въ Соловецкій монастырь и бесѣду его съ настоятелемъ обители о расколѣ и стрѣлецкихъ бунтахъ. Во второй — воспѣвается осада и взятіе Шлиссельбурга. Въ торжественномъ посвященіи поэмы И. И. Шувалову Ломоносовъ превозноситъ его значеніе, какъ Мецената и цѣнителя поэтическихъ произведеній:

[1]) Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ этой первой строфѣ намекъ на вышеприведенный анекдотъ.

«Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя Россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья...»

Далѣе Ломоносовъ указываетъ на то, что Виргилій [1]) и Гомеръ служатъ ему образцами и что онъ питаетъ надежду на возможность окончить свою поэму; потомъ, далѣе, что отзывы Мецената ободряютъ его и „какъ бы легкими крылами уносятъ на Парнассъ"... Но если даже жизнь его и „преторжется недоброхотнымъ рокомъ", то продолжать его трудъ будутъ, конечно, „цвѣтущи младостью умы", такъ какъ талантливые люди не переводятся въ Россіи,

«Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ Ты Промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ».

Похвальныя слова.

Два обширныхъ „Похвальныхъ Слова"—Елисаветѣ и Петру Великому—относятся къ разнымъ эпохамъ жизни автора. Первое было сказано тогда, когда Ломоносовъ еще только пріобрѣталъ извѣстность, какъ поэтъ, ученый и ораторъ; когда и общественное положеніе его было еще непрочно установлено, и значеніе при Дворѣ только-что пріобрѣталось... Товарищи-академики, хотя и были убѣждены въ смѣлости Ломоносова (враги говорили даже о его „нахальствѣ"), но все же такая задача, какъ похвальное слово царствующей императрицѣ, представлялась имъ дѣломъ небезопаснымъ и вызывала сомнѣнія. Но Ломоносовъ блистательно разрѣшилъ эту задачу и рѣчь его, сильно и выразительно сказанная, вызвала при Дворѣ общее одобреніе. Самою существенною частью рѣчи, — послѣ обычныхъ восхваленій и ораторскихъ прикрасъ, свойственныхъ всѣмъ ораторскимъ произведеніямъ того времени,—является то мѣсто рѣчи, гдѣ Ломоносовъ, прославляя покровительство императрицы наукамъ, выражаетъ въ словахъ, влагаемыхъ въ уста императрицы, свои искреннія, задушевныя пожеланія:

„Обучайтесь прилежно",—такъ говоритъ въ „Словѣ" Елисавета учащемуся юношеству.—„Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящею желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ. Сего польза и слава отечества, сего

---

[1]) Извѣстный знатокъ Русской Словесности, А. Д. Галаховъ, находитъ въ первой пѣснѣ Ломоносовской поэмы подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ «Энеиды» Виргилія и въ планѣ, и въ подробностяхъ. Такое подражаніе въ періодъ преобладанія псевдо-классицизма было весьма естественно, такъ какъ поэма Виргилія представлялась идеаломъ совершенства.

намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ. Прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію и ревностно старайтесь тѣмъ заслужить мою милость" [1]).

Группа на памятникѣ Ломоносова, работы художника Мартоса.

Похвальное слово Петру Великому было произнесено 26 апрѣля 1755 г., т.-е. въ самый цвѣтущій періодъ развитія литературной, ученой и практической дѣятельности Ломоносова—въ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ годовъ его, какъ мы это могли видѣть изъ вышеприведеннаго его отчета. Это произведеніе, правильно во всѣхъ своихъ частяхъ построенное, отчасти подражающее по формѣ одному изъ ораторскихъ произведеній Плинія Младшаго (пенегирику Траяна), заключаетъ въ себѣ нѣсколько вполнѣ искреннихъ, вполнѣ про-

[1]) Кажется, никто еще не обратилъ вниманія на то, что многія мѣста этого «Слова» (въ томъ числѣ и приведенное нами) почти буквально повторяются въ одахъ Ломоносова.

чувствованныхъ мѣстъ, въ которыхъ Ломоносовъ старался выразить всю силу, всю глубину своего безпредѣльнаго преклоненія передъ личностью Петра [1])... И въ этихъ именно мѣстахъ, Ломоносовъ очень напоминаетъ намъ другого, не менѣе искренняго почитателя Петра Великаго — его друга и помощника Ѳеофана Прокоповича. Такъ, напримѣръ, обрисовывая въ своемъ „Словѣ" неутомимую и многообразную дѣятельность Петра Великаго, Ломоносовъ восклицаетъ:

„Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ между трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между различными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу въ поту, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, а не многіе и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча."

Много вредитъ „Словамъ" Ломоносова, въ нашихъ глазахъ, именно то, что, по мнѣнію современниковъ, составляло ихъ главную красу, а именно: надутость и напыщенность стиля, переполненіе языка громкими и мало употребительными словами, которыя составляли въ то время существеннѣйшую принадлежность высокой, ораторской рѣчи. Да при этомъ еще условныя формы ораторской рѣчи, искусственные переходы отъ одной части къ другой и тяжелые обороты фразы, которую старались неестественно извернуть, на подобіе оборотовъ латинской или нѣмецкой ораторской рѣчи. Эти стилистическія прикрасы ораторской рѣчи тѣмъ обильнѣе являются въ *Словахъ* Ломоносова, что онъ и самъ былъ законодателемъ въ дѣлѣ ораторскаго искусства; — одною изъ первыхъ его книгъ была книга по теоріи слога — „*Краткое руководство къ краснорѣчію*" [2]), написанное имъ еще ранѣе 1744 г. Но, по разнымъ причинамъ, появленіе въ свѣтъ этой книги замедлилось, и она вышла изъ печати только въ 1748 г. Въ предисловіи къ этому руководству Ломоносовъ

[1]) Ломоносовъ—если можно такъ выразиться—боготворилъ Петра, а потому и не удивительно, что въ самомъ патетическомъ мѣстѣ своего «Слова» онъ говоритъ: «ежели человѣка, Богу подобнаго, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю»... Никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые и въ этомъ восхищеніи хотятъ видѣть подражаніе Плинію, только потому, что и у него допущено сравненіе Траяна съ божествомъ.

[2]) Полное заглавіе книги слѣдующее: «*Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Риторика, показующая общія правила обоего краснорѣчія, т. е. ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ словесныя науки.*» Риторикѣ» Ломоносова, въ области его работъ надъ языкомъ и слогомъ, предшествовало его же «*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*», присланное изъ-за границы, вмѣстѣ съ одою «на взятіе Хотина».

высказывалъ то же высокое мнѣніе о природныхъ свойствахъ русскаго языка, которое позднѣе, съ бо́льшою подробностью, проводилъ въ своей грамматикѣ. „Языкъ, которымъ Россійская Держава великой части свѣта повелѣваетъ, по ея могуществу (т. е. сообразно съ ея могуществомъ), имѣетъ природное изобиліе, красоту и силу, чѣмъ ни одному Европейскому языку не уступаетъ. И для того нѣтъ сумнѣнія, чтобы Россійское слово не могло приведено быть въ такое совершенство, каковому въ другихъ (языкахъ) удивляемся. Симъ обнадеженъ, предпріялъ я сочиненіе сего руководства; но больше въ такомъ намѣреніи, чтобы другіе, увидѣвъ возможность, на сей малой стезѣ въ украшеніи Россійскаго слова подвизались.“ По самому заглавію руководства, видно, что за первою книгою должны были слѣдовать еще двѣ: книга вторая—„Ораторія“ и книга третья—„Піитика“. Но онѣ въ свѣтъ не явились, и напечатана была только „Риторика“, составленная Ломоносовымъ по лучшимъ современнымъ руководствамъ, въ примѣненіи къ русскому языку и слогу. Важною новостью и большимъ достоинствомъ Ломоносовскаго руководства было, во-первыхъ, то, что оно явилось на русскомъ языкѣ, тогда какъ всѣ предшествующія риторики были написаны по-латыни; во-вторыхъ, всѣ образцы, переводные и оригинальные, приведенные въ подтвержденіе правилъ (какъ прозаическіе, такъ и стихотворные), принадлежали перу самого Ломоносова.

Семь лѣтъ спустя, Ломоносовъ выступилъ съ новымъ и не менѣе важнымъ трудомъ: 20 сентября 1755 г. Ломоносовъ поднесъ въ рукописи свою „Россійскую грамматику“ великому князю Павлу Петровичу. Эта „Россійская грамматика“ вышла изъ печати въ январѣ 1757 г., хотя на ея заглавномъ листѣ и выставленъ тотъ годъ, въ который она была закончена и поднесена великому князю. Въ предисловіи къ этой книгѣ Ломоносовъ очень картинно изображаетъ существеннѣйшія свойства русскаго языка, по сравненію съ другими европейскими. Россійская грамматика.

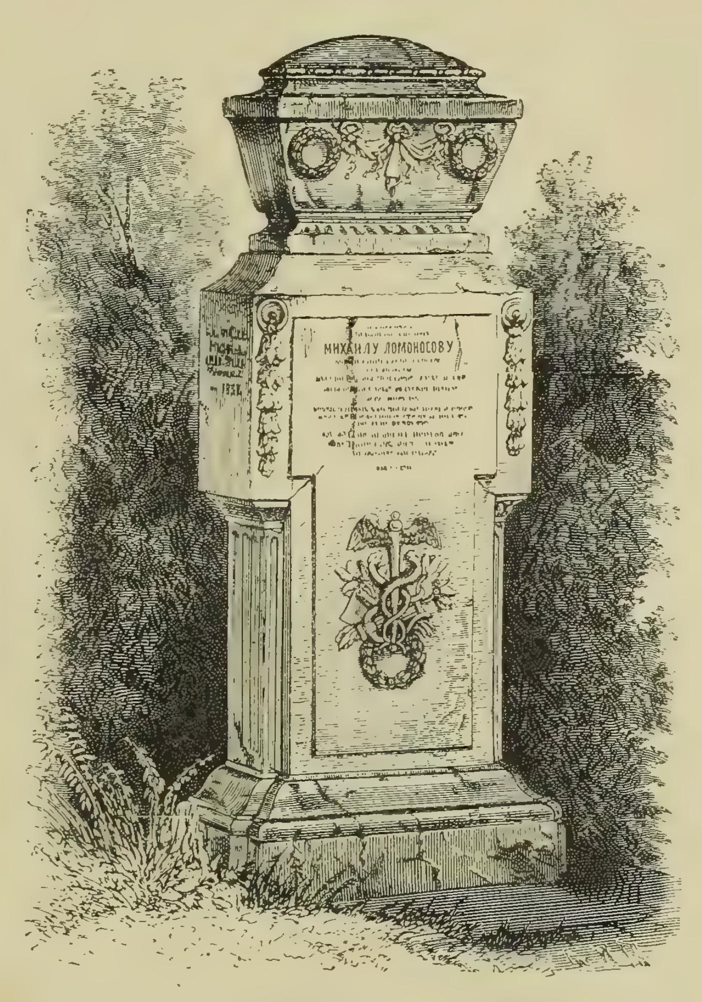
„Карлъ пятый, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ—съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но, еслибы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ-бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ-бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того—богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка.“

Грамматика Ломоносова, конечно, не родилась, какъ Минерва, изъ головы Юпитера, а создавалась постепенно и медленно. Матерьялы для нея Ломоносовъ началъ собирать еще съ

конца сороковыхъ годовъ, задумывая составить грамматику на весьма широкой основѣ и въ связи съ изслѣдованіями коренныхъ свойствъ языка. При составленіи грамматики, Ломоносовъ воспользовался всѣмъ, чѣмъ могъ, и, конечно, заимствовалъ кое-что и изъ грамматики Смотрицкаго, и изъ грамматики адъюнкта Адодурова. Но все заимствованное онъ переработалъ самостоятельно и примѣнилъ на практикѣ по-своему. По справедливому замѣчанію академика Я. К. Грота, „авторъ грамматики обнаруживаетъ удивительное (по тому времени) пониманіе началъ языковѣдѣнія“. Онъ уже дѣлитъ грамматику, какъ науку, на общую (или философскую), занимающуюся общими законами языка вообще, и на „особливую“, научающую „лучшему разсудительному употребленію одного языка“. Весь грамматическій матерьялъ изложенъ въ шести наставленіяхъ, и изъ нихъ — первое имѣетъ значеніе введенія, въ которомъ авторъ толкуетъ о происхожденіи ча-

Титульный листъ къ «Россійской грамматикѣ» Ломоносова.

стей рѣчи и дѣлитъ ихъ на главныя и служебныя [1]); въ остальныхъ наставленіяхъ говорится объ измѣненіяхъ частей рѣчи. Въ какой степени грамматика Ломоносова удовлетворяла потребностямъ времени, это не трудно видѣть изъ того, что въ теченіе столѣтія она была переиздана двѣнадцать разъ, и дважды издана Академіею въ 1855 г., въ воспоминаніе столѣтія, минувшаго со времени выхода въ свѣтъ этого труда Ломоносова.



Памятникъ на могилѣ Ломоносова на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

О пользѣ книгъ церковныхъ.

Въ томъ же году, когда „Россійская грамматика“ Ломоносова вышла въ свѣтъ, въ типографіи, заведенной при Московскомъ университетѣ, напечатано было второе изданіе сочиненій Ломоносова, и въ началѣ его помѣщено „*Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ*“, — не бывшее до того времени въ печати. Въ этомъ разсужденіи, слѣдуя старой классической теоріи (заимствованной изъ ученія Аристотеля и Квинтиліана), Ломоносовъ старается провести ту идею, что языкъ церковно-славянскій всегда служилъ и долженъ служить намъ сокровищницею, изъ которой мы можемъ почерпать недостающіе нашему языку слова для выраженія понятій отвлеченныхъ и высокихъ, и, сообразно бо̀льшей или меньшей степени участія церковно-славянскаго языка въ русской

[1]) Раздѣленіе это теперь принято всѣми и введено въ преподаваніе грамматики.

рѣчи, дѣлить совершенно искусственно слогъ всѣхъ русскихъ сочиненій на *высокій, средній* и *низкій*. Онъ предполагаетъ (и въ подтвержденіе своей мысли ссылается на собственныя свои сочиненія), что искусными заимствованьями изъ церковно-славянскаго языка можно отвратить наплывъ къ намъ словъ изъ чужихъ языковъ, искажающій красоту нашего языка, и при этомъ не допускаетъ даже мысли о томъ, что такія заимствованія изъ церковно-славянскаго языка безобразятъ нашу рѣчь не менѣе, нежели заимствованія изъ языковъ иноземныхъ [1]). Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Елисаветы (1 ноября 1761 г.), Ломоносовъ поднесъ ей знаменитое свое „*Письмо о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа*“ [2]). Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, въ которое, по словамъ самого Ломоносова, вошли „по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли,“ авторъ касается различныхъ сторонъ жизни и быта русскаго народа, и удивительно вѣрно намѣчаетъ тѣ мѣропріятія, которыя могли бы служить народу на пользу. Историкъ Академіи справедливо замѣчаетъ, что это произведеніе, поражающее и теперь широкимъ взглядомъ, чуждымъ мелочности и личностей, затрогиваетъ много вопросовъ, неразрѣшимыхъ и донынѣ... Въ немъ повсюду является такое глубокое знаніе народа, и притомъ оно написано такимъ прекраснымъ, могучимъ языкомъ, что это „Письмо“ Ломоносова можетъ быть названо однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка... „Письмо“ драгоцѣнно для насъ и въ томъ отношеніи, что оно болѣе, чѣмъ всѣ прочія сочиненія Ломоносова, знакомитъ насъ съ его взглядами и убѣжденіями въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Работы надъ Русской исторіей.

Единственная изъ всѣхъ научная область, въ которую, впрочемъ, Ломоносовъ вступилъ почти случайно, и притомъ побуждаемый и вызываемый къ тому настояніями своихъ высокихъ покровителей — область историческаго изученія — оказалась для него чуждою, малодоступною и неясною въ тѣхъ важнѣйшихъ задачахъ, какія она предлагаетъ пытливому изслѣдователю. Враждебныя и чисто личныя отношенія Ломоносова къ академику Мюллеру, весьма охотно, успѣшно и толково занимавшемуся изученіемъ Русской исторіи по первоисточникамъ—отношенія, вызывавшія цѣлый рядъ ссоръ и схватокъ въ теченіе многихъ лѣтъ — прежде всего внушили Ломоносову мысль о томъ, какъ

---

[1]) Но и въ данномъ случаѣ, Ломоносовъ, всегда и во всемъ живой и проницательный, совершенно правильно указываетъ, что «черезъ языкъ церковно-славянскій мы соединяемся со всѣми славянскими народами, которые, хотя и раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, но употребляютъ однѣ и тѣ же церковныя книги».

[2]) Это «Письмо Ломоносова впервые напечатано вполнѣ въ третьемъ выпускѣ Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности», въ 1871 г.»

именно слѣдуетъ писать исторію? По понятіямъ Ломоносова (отчасти перешедшимъ и къ послѣдующему поколѣнію историковъ), историческая истина требовала нѣкоторыхъ прикрасъ и, главнымъ образомъ, краснорѣчиваго изложенія. Взглядъ его на отечественную исторію былъ чисто-патріотическій; событія для историческаго повѣствованія слѣдовало избирать и сопоставлять съ нѣкоторымъ умѣньемъ, и притомъ такъ, чтобы читающій могъ извлечь изъ историческаго повѣствованія полезное назиданіе и примѣръ для подражанія. По мнѣнію Ломоносова, исторія „даетъ государямъ примѣры правленія, подданнымъ—повиновенія, воинамъ—мужества, судіямъ—правосудія, молодымъ—старыхъ разумъ, престарѣлымъ—сугубую твердость въ совѣтахъ...“ „Дѣла праотцевъ должны были побуждать къ похвальнымъ дѣламъ“ — такъ думалъ Ломоносовъ, и не сознавалъ, что этимъ самымъ высказываетъ самый рѣшительный приговоръ исторической истинѣ, потому что обязываетъ историка избирать въ отдаленномъ прошломъ только похвальное...[1]). Но,—увы!—въ XVIII вѣкѣ, такой взглядъ на исторію существовалъ не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ, и объ исторической истинѣ понятія у большинства были весьма темныя и неопредѣленныя.

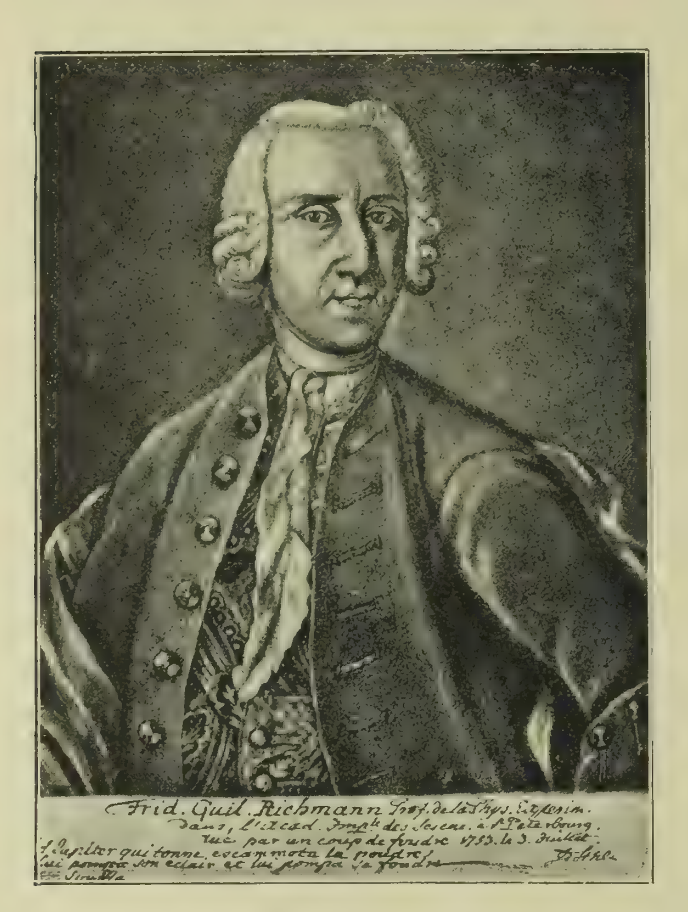
По сохранившейся перепискѣ Ломоносова съ Шуваловымъ почти точно можно опредѣлить тотъ періодъ, въ который знаменитый нашъ академикъ приступилъ къ занятіямъ Русскою исторіею. Мы уже видѣли выше то письмо Ломоносова къ Эйлеру, въ которомъ онъ, упоминая о многосложности своихъ научныхъ занятій, добавляетъ, что онъ еще къ тому же „сдѣлался историкомъ“. Но это, полушутливое, полусерьезное его замѣчаніе относится къ тому времени, когда онъ уже былъ почти такимъ же оффиціальнымъ историкомъ, какъ и оффиціальнымъ поэтомъ:— старанія И. И. Шувалова уже привели къ тому, что императрица Елисавета, при свиданіи съ Ломоносовымъ въ Москвѣ, лѣтомъ 1753 г., сказала ему свое вѣское слово [2]), равносильное повелѣнію—заняться Россійскою исторіею. Но уже и ранѣе этого времени, почти съ самаго начала отношеній и сближенія Ломоносова съ Шуваловымъ, этотъ молодой вельможа, страстно преданный Словесности и даже стихотворству [3]), неоднократно побуждалъ Ломоносова покинуть занятія химіей, физикой и дру-

[1]) Осуждая Мюллера за то, что онъ занялся изслѣдованіями эпохи смутнаго времени, Ломоносовъ ставилъ ему это изслѣдованіе въ укоръ и прямо высказывалъ такую мысль: «Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ-бы, по послѣдней мѣрѣ, и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?»

[2]) См. выше, примѣчаніе на стр. 544.

[3]) По черновымъ тетрадямъ, сохранившимся въ бумагахъ Шувалова, видно, что онъ и самъ писалъ стихи, и учился у Ломоносова піитикѣ и риторикѣ.

гими естественными науками, чтобы всецѣло и окончательно предаться наукамъ словеснымъ и исторіи. Этими настояніями, вѣроятно, и вызвано было извѣстное письмо Ломоносова, въ которомъ онъ чуть не извиняется передъ Шуваловымъ въ томъ, что не можетъ исполнить его нелѣпаго желанія и старается оправдать свои любимыя занятія. Въ отвѣтъ на письмо Шувалова (отъ 28 дек. 1752 г.) Ломоносовъ благодаритъ его (4 янв. 1753 г.) за лестное одобреніе къ сочиненію русской исторіи и затѣмъ продолжаетъ:

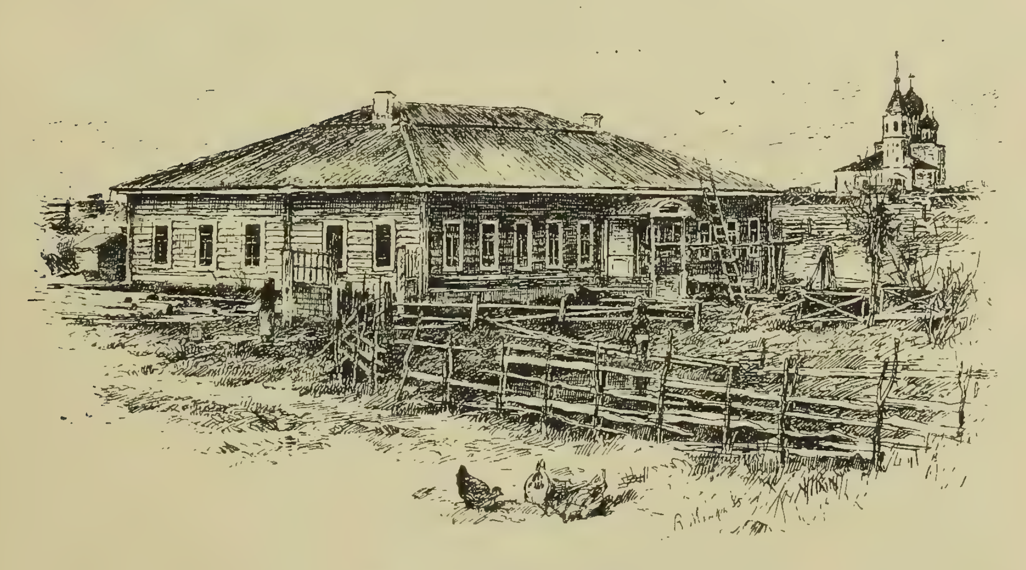


Академикъ Рихманъ, другъ Ломоносова, убитый молніей при наблюденіи надъ силою электричества, 3 іюля 1753 г.

„Коль великимъ счастьемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностью древность россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ вашего превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и, радуясь, по предпріятому моему намѣренію со всякою ревностью въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ отнюдь ничего въ исторіи предпринять не возможно. Могу васъ, милостиваго государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю [1]). Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ труда успокоенія: для того, оставивъ постоянное дѣло,

[1]) Эти упованія, однакоже, не сбылись; начало перваго тома было черезъ Шувалова поднесено императрицѣ Елисаветѣ не ранѣе сентября 1758 г.

Соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ, гдѣ Ломоносовъ, въ юности, читалъ и пѣлъ на клиросѣ.



Школа имени Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отчего я уже давно отказался затѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ, на

успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ, вмѣсто бильярду, употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ, вмѣсто лекарства служить имѣютъ..." Эти драгоцѣнныя строки слишкомъ ясно указываютъ намъ, что сердце Ломоносова болѣе лежало къ его „химическимъ и физическимъ опытамъ", нежели къ навязанному занятію исторіей, къ которому и по натурѣ своей, живой и подвижной, онъ долженъ былъ ощущать въ себѣ такъ же мало расположенія, какъ къ эпосу въ поэзіи.

„Россійская Исторія"

Но, какъ бы то ни было, послѣ многихъ отсрочекъ и оттяжекъ „Россійская Исторія" была, наконецъ, поднесена императрицѣ въ рукописи. Тогда же, т. е. въ 1758 г., было приказано ее печатать и шли толки о заглавной виньеткѣ для этой книги; но печатанье ея почему-то замедлилось (вѣроятнѣе всего потому, что самъ авторъ съ нимъ не спѣшилъ) и оказалось потомъ, что къ февралю 1763 г. было отпечатано только три листа „Исторіи". Опять принялись за это дѣло „съ крайнею поспѣшностью" — и книга все же была окончена печатаніемъ не ранѣе, какъ по кончинѣ Ломоносова. Собственно говоря къ печати Ломоносовымъ была приготовлена далеко не вся Исторія Россіи, а только двѣ части перваго тома: „россійскія дѣянія отъ самой древности даже до кончины великаго князя Ярослава Перваго, т. е. до перваго главнаго раздѣленія самодержавства россійскаго". Двѣ остальныя части перваго тома, по плану Ломоносова, должны были заключать въ себѣ событія „до великаго князя Московскаго Ивана Васильевича, когда Россія вовсе свободилась отъ татарскаго насильства".

Отзывъ С. М. Соловьева.

Безпристрастный историкъ С. М. Соловьевъ прекрасно характеризуетъ этотъ трудъ Ломоносова въ своей статьѣ о „Писателяхъ русской исторіи", и говоритъ между прочимъ: „Геній Ломоносова оказался недостаточнымъ при занятіи русскою исторіею—не помогъ ему возвыситься надъ современными понятіями. Не имѣя возможности изучить вполнѣ русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; вотъ почему онъ и удовольствовался, какъ выражался самъ, „нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими..." Затѣмъ Соловьевъ указываетъ на „блистательное по тогдашнимъ средствамъ науки рѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ", на „любопытныя и правильныя замѣчанія" Ломоносова и добавляетъ ко всему этому:

„Тѣмъ рѣзче чувствуется переходъ собственно къ повѣство-

ванію о событіяхъ русской исторіи, тѣмъ сильнѣе подтверждается правило самого Ломоносова, что насильственные поступки съ Музами не остаются безнаказанными..." [1])

При жизни Ломоносова былъ, собственно говоря, напечатанъ только одинъ его историческій трудъ: „Краткій россійскій лѣтописецъ съ родословіемъ". Вслѣдъ за посвященіемъ книги великому князю Павлу Петровичу, въ ней помѣщено „Показаніе россійской древности, сокращенное изъ сочиняющейся пространной исторіи". Здѣсь изложено мнѣніе Ломоносова о происхожденіи Руси, а затѣмъ краткій обзоръ дѣяній великихъ князей и царей русскихъ, до Петра Великаго включительно. „Родословіе", приложенное къ нимъ, было составлено библіотекаремъ Академіи Богдановымъ.

Собраніе сочиненій.

„Россійская Исторія" Ломоносова менѣе всего имѣла и, по своей незаконченности, менѣе всего могла имѣть успѣха; но всѣ его сочиненія и всѣ руководства по естественнымъ наукамъ и наукамъ словеснымъ—расходились весьма успѣшно и выдерживали по нѣскольку изданій. Особеннымъ успѣхомъ пользовалось „*Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ*", которое раскупалось весьма охотно и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, читалось съ наслажденіемъ и представлялось неизбалованному читателю верхомъ литературнаго совершенства и поэтической гармоніи. Обаяніе, окружавшее лучезарнымъ ореоломъ громкое имя русскаго ученаго и поэта, распространялось и на его произведенія, къ которымъ не только современники, но и ближайшее потомство относились почти съ благоговѣніемъ. И это почтительное отношеніе становится вполнѣ понятно даже и намъ, если мы представимъ себѣ этого богатыря-академика, вѣчно дѣятельнаго, вѣчно подвижного, всегда готоваго на борьбу за „русское дѣло", смѣлаго въ замыслахъ, еще болѣе смѣлаго на словахъ, непреклоннаго въ спорахъ, неподатливаго на уступки и умѣющаго внушить уваженіе къ себѣ даже и тѣмъ, которые, по своему положенію въ обществѣ, стояли гораздо выше его...

Жизненность и энергія Ломоносова.

Но болѣе всего поражала въ немъ современниковъ его неистощимая жизненность, его умѣнье во всемъ сразу отыскать существенную сторону, изъ всего извлечь пользу, все примѣнить къ дѣлу... И какая энергія, какая неистощимая сила и готов-

[1]) Въ послѣднихъ словахъ историкъ намекаетъ на извѣстное мѣсто въ письмѣ Ломоносова къ Шувалову, гдѣ онъ говорилъ: «всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили бы, что Музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасильничать можно: онѣ кого хотятъ того и полюбятъ».

ность къ работѣ во всякое время! Какое умѣнье справляться одновременно съ двумя-тремя работами и переходить отъ одного серьезнаго занятія къ другому, еще болѣе серьезному и совершенно противоположному. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить то, что занимало Ломоносова въ послѣдніе два года жизни. Почти одновременно и рядомъ у Ломоносова шли занятія по составленію „россійской минералогіи“ и по пересмотру регламента Академіи, которую Ломоносовъ стремился сдѣлать чисто-русскимъ учрежденіемъ [1]); въ то же время, по географическому департаменту онъ принималъ самое живое, самое дѣятельное участіе въ снаряженіи экспедиціи къ Сѣверному полюсу; писалъ статью, подъ заглавіемъ „Идеи для живописныхъ картинъ изъ россійской Исторіи“; заботился о составленіи вѣрной карты Россійской Имперіи, и для того предлагалъ послать особую экспедицію, которая бы могла точнѣе опредѣлить долготу и широту важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Россіи. Со всѣми этими занятіями, заботами и трудами совпала и ожесточенная борьба Ломоносова со Шлёцеромъ (кстати сказать, весьма пристрастная и несправедливая со стороны Ломоносова и Мюллера)—борьба, на которую очень много уходило и усилій, и времени, и которая однакоже не помѣшала Ломоносову озаботиться о русскихъ древностяхъ и предложить правительству, чтобы въ старѣйшіе русскіе города былъ посланъ художникъ, который могъ бы снять вѣрныя копіи съ древней стѣнной живописи и другихъ памятниковъ древняго искусства... И все это—при постоянныхъ служебныхъ занятіяхъ по Академіи, по академическому университету и Гимназіи, по химической лабораторіи, при усиленныхъ работахъ по своему мозаичному производству и т. д.

Удивительная жизненная энергія, выражавшаяся въ упорной и постоянной работѣ мысли, не только выдвигала Ломоносова далеко впередъ изъ ряда его современниковъ, но, во многихъ понятіяхъ и взглядахъ, давала ему возможность опережать ихъ на много десятковъ лѣтъ... Прямымъ доказательствомъ того, какъ смѣлы были эти взгляды, и какъ вѣрно пониманіе дѣйствительныхъ нуждъ народа, можетъ служить его „*Записка о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа*“, которая такъ ясно обнаруживала язвы народной жизни и такъ прямо указывала на радикальныя средства къ ихъ исцѣленію, что только въ наше время (и то весьма недавно) эта „Записка“ могла появиться въ свѣтъ безъ цензурныхъ урѣзокъ.

---

[1]) Въ своемъ проектѣ переустройства Академіи, Ломоносовъ пишетъ: «Честь россійскаго народа требуетъ, чтобы показать способность и остроту его въ наукахъ, и что наше отечество можетъ пользоваться собственными своими сынами, не только въ военной храбрости и въ другихъ важныхъ дѣлахъ, но и въ разсужденіи высокихъ знаній».

Особенно широкъ и ясенъ былъ его взглядъ на просвѣщеніе, благами котораго, по его мнѣнію, въ равной степени, должны были пользоваться люди всѣхъ сословій и всѣхъ состояній, безъ всякаго различія. „Во всѣхъ государствахъ — говоритъ онъ — позволено въ Академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьи, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ запертъ... Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россійскаго, и лучше выписывать. Довольно-бъ и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ“.

Въ заключеніе всего, сказаннаго нами о Ломоносовѣ, вернемся еще разъ къ довольно суровому отзыву, впослѣдствіи высказанному Пушкинымъ, объ одахъ Ломоносова, которыя онъ находилъ натянутыми и сухими... Почти такъ же строго отнесся нашъ великій поэтъ и къ шуточному „гимну Бородѣ“, написанному Ломоносовымъ. Но если мы примемъ во вниманіе тѣ трудныя и притомъ обязательныя условія, въ которыхъ приходилось Ломоносову примѣнять свой поэтическій даръ, то мы будемъ въ состояніи только удивляться тому, что онъ все же успѣлъ внести въ свою поэзію такъ много теплаго чувства, такъ много искренности и такую глубину мысли. И тогда, когда онъ писалъ стихи не для иллюминацій и не для подношеній, а прямо изъ желанія выразить въ нихъ чувство, волновавшее его душу—онъ выказывалъ такую силу таланта, съ которою мудрено было-бы тягаться его соперникамъ въ стихотворствѣ. По этому поводу намъ въ особенности припоминается его чрезвычайно милое и гармоническое стихотвореніе „Кузнечикъ“, написанное въ самый разгаръ его настойчивыхъ хлопотъ о дарованія Академическому университету особой привилегіи... Исписавъ десятки листовъ бумаги на всякія „прошенія“ и „доношенія“ по поводу этого вопроса, оббивъ всѣ пороги у своихъ милостивцевъ и покровителей, которые давали все только уклончивые отвѣты и оттягивали рѣшеніе вопроса, составлявшаго въ тотъ періодъ цѣль жизни для Ломоносова — великій борецъ сталъ чувствовать утомленіе и тягость своего незавиднаго положенія, положенія докучнаго просителя, надоѣдающаго знатнымъ господамъ своими проектами, планами и несносными притязаніями. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ-подъ его пера эти строки: Ломоносовъ и Пушкинъ.

«Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ.
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою

И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь;
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты ангелъ во плоти, иль лучше—ты безплотенъ.
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ;
Что видишь—все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому».

Но такіе нѣжные лирическіе мотивы, конечно, бывали очень рѣдкими явленіями въ жизни и дѣятельности могучаго и смѣлаго помора, обладавшаго желѣзною волей и тою „благородною упрямкою", которая такъ много помогла ему сдѣлать въ жизни.

Ломоносовъ въ потомствѣ.

Ближайшее документальное знакомство съ характеромъ и дѣятельностью Ломоносова, значительно-облегченное разработкою архивнаго академическаго матерьяла ко дню столѣтія его кончины (4 апр. 1765 г.), нисколько не способствуетъ идеализаціи Ломоносова какъ человѣка, какъ общественнаго дѣятеля и какъ ученаго. Напротивъ, это ближайшее изученіе вскрываетъ намъ, наравнѣ съ прекрасными и свѣтлыми, — и темныя стороны его нравственнаго типа, обрисовываетъ и выдѣляетъ его способности, его недостатки и многія весьма непривлекательныя черты его характера, которыми онъ такъ много вредилъ себѣ при жизни и такъ много нажилъ себѣ враговъ. Но все же, въ представленіи всѣхъ русскихъ людей, Ломоносовъ останется навсегда геніальнымъ русскимъ писателемъ и ученымъ, и имъ будутъ недаромъ гордиться послѣдующія поколѣнія... Мы можемъ смѣло сказать, что въ немъ воплотились всѣ упованія того Великаго Преобразователя Россіи, котораго онъ такъ боготворилъ, передъ которымъ такъ благоговѣлъ. Нельзя не признать, что въ немъ была еще одна неоцѣненная сторона: „Ломоносовъ горячо любилъ Россію" —говоритъ историкъ Академіи—„ему были дороги успѣхи русскихъ въ наукахъ и на поприщѣ просвѣщенія, такъ какъ въ этихъ успѣхахъ онъ справедливо видѣлъ залогъ будущаго величія и славы родины".

О Ломоносовѣ вспомнилъ при воцареніи своемъ и императоръ Павелъ, который, по свидѣтельству Порошина, любилъ въ юности читать стихи Ломоносова. 22 августа 1798 года повелѣно было племянника Ломоносова, проживавшаго въ холмогорскомъ уѣздѣ, съ нисходящимъ потомствомъ „исключить изъ подушнаго оклада и освободить отъ воинской повинности".

Въ 1825 году явилась мысль воздвигнуть Ломоносову памятникъ въ Архангельскѣ, и по всей Россіи разрѣшено открыть подписку на этотъ памятникъ. Талантливый художникъ И. П. Мартосъ взялся за составленіе проекта памятника; но, къ сожалѣнію, со-

здалъ его въ томъ ложно-классическомъ стилѣ, изъ-подъ опеки котораго долгое время не могло выбиться наше русское искусство. Ломоносовъ изображенъ въ короткой туникѣ и тогѣ, накинутой на плеча; глаза его обращены къ небу и взоръ полонъ вдохновенія, которое онъ готовъ передать струнамъ лиры, подаваемой ему крылатымъ геніемъ, колѣнопреклоненнымъ у ногъ поэта... Эти обнаженныя фигуры, надо сказать правду, плохо мирятся съ тѣмъ суровымъ небомъ и трескучимъ морозовъ, съ которыми неразлучно соединено наше представленіе о родинѣ Ломоносова.

Гораздо болѣе важнымъ и достойнымъ памяти Ломоносова было все то, что, по поводу истекшаго столѣтія со дня его кончины, было предпринято въ память его нашими учеными, писателями и публицистами и, главнымъ образомъ, самой Академіей Наукъ. Мы уже упоминали выше о трудахъ П. С. Билярскаго, А. А. Куника, В. И. Ламанскаго и др., благодаря которымъ новый свѣтъ пролился на жизнь и дѣятельность Ломоносова и на значеніе его личности. Не менѣе важно и въ особенности достойно упоминанія здѣсь классическое изданіе сочиненій Ломоносова, изданное Академіею подъ редакціей академика М. И. Сухомлинова.

Виньетка изъ «Ариѳметики Магницкаго».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Успѣхи русской литературы и поэзіи въ царствованіе Елисаветы Петровны.—Еще одинъ представитель господствующаго въ литературѣ подражательнаго направленія.—А. П. Сумароковъ и біографическія подробности о немъ.—Зарожденіе русскаго «партикулярнаго» театра и первые дѣятели. — Сумароковъ, какъ директоръ театра.—Его драматическія произведенія: трагедіи и комедіи.—Лирика Сумарокова.

Царствованіе Елисаветы тѣмъ преимущественно и отличается отъ царствованія ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, что именно къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка уже успѣли до нѣкоторой степени созрѣть плоды того громаднаго преобразовательнаго движенія, которое было вызвано Петромъ въ началѣ столѣтія, и, направляемое сверху, мало-по-малу охватило всѣ верхніе, свободные слои русскаго народа... Но, до воцаренія Елисаветы, русскіе люди, призванные къ дѣятельности умственной, при подавляющемъ многолюдствѣ иностранцевъ, часто не находили себѣ выхода, не имѣли возможности проявить свой умъ и дарованіе; и великою заслугою Елисаветы является именно то, что она открыла широкое поле дѣятельности русскимъ силамъ, и Ломоносовъ, такъ горячо ее прославлявшій въ своей лирикѣ, отдавалъ ей только должное: не будь покровительства и снисхожденія Елисаветы, можетъ-быть, не было бы и Ломоносова. Но Ломоносовъ и ближайшій его предшественникъ, Тредіаковскій, всецѣло принадлежатъ еще предшествующей эпохѣ: они по всему характеру своей дѣятельности носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ Эпохи Преобразованій. Въ теченіе этой эпохи, наука и литература, хотя и успѣли въ значительной степени освободиться отъ опеки духовенства и монашества, но еще не разграничивались строгими гранями: ученый являлся уже по необходимости и литераторомъ, а иногда и по обязанности—поэтомъ; и съ другой стороны — писатель и ученый стремились непремѣнно извлечь практическую пользу изъ своего назначенія, которое казалось имъ ограниченнымъ и тѣснымъ, если не получало практическаго примѣненія. Писатель, поэтъ и ученый должны были служить на государственной службѣ или нести на себѣ какія-нибудь опредѣленныя обязанности — а литературѣ и наукѣ посвящать часы досуга... Или, по крайней мѣрѣ, пользоваться наукою и литературою для какихъ-нибудь житейскихъ, практическихъ цѣлей. Припомнимъ, какъ князь А. Кантемиръ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, выражаетъ опасеніе, что его будутъ хулить, читая его стихи, за то, что

«... въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличномъ, ни чину...»

и, какъ бы въ оправданіе своей литературной дѣятельности, добавляетъ весьма скромно, что

«... (стихи) не ущербили
Ни малы къ дѣламъ часъ важнѣйшимъ и нужнымъ,» —

а въ „письмѣ къ пріятелю", замѣняющемъ предисловіе къ сатирамъ, прямо называетъ стихи такимъ дѣломъ, которому только въ „лишніе часы прилѣжать позволено..."

Но европейское просвѣщеніе распространялось (по городамъ) довольно быстро; являлась потребность въ новыхъ школахъ и въ обновленіи книгъ; развивался и наросталъ кругъ читателей, требовавшій удовлетворенія своей жажды къ чтенію и, сообразно съ этими новыми потребностями, мѣнялся взглядъ на поэта и писателя въ публикѣ, мѣнялся взглядъ самого писателя на свою дѣятельность и значеніе. И вотъ, рядомъ съ Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ, является уже совсѣмъ новый по тому времени типъ: *литературнаго дѣятеля по преимуществу* — человѣка, открыто посвящающаго себя литературѣ, какъ своему особому призванію. Въ этомъ именно смыслѣ, Сумароковъ стоитъ какъ бы на грани, отдѣляющей Эпоху Преобразованій отъ вѣка Екатерины Великой, тѣмъ болѣе, что онъ является первымъ представителемъ новаго у насъ драматическаго рода, который дается ему легко и къ которому онъ самъ относится со страстнымъ увлеченіемъ. Называя Сумарокова представителемъ новаго, драматическаго рода, мы, конечно, не желаемъ этимъ сказать, чтобы онъ проявилъ самостоятельный драматическій талантъ и создалъ нѣчто выдающееся въ драмѣ. Нѣтъ, онъ явился въ литературѣ нашей такимъ же точно подражателемъ, какъ и Тредіаковскій, и Ломоносовъ, такимъ же, какъ они, послѣдователемъ ложно-классическихъ теорій; но только онъ направилъ свой талантъ на подражаніе французскимъ драматическимъ образцамъ, какъ Ломоносовъ—на подражаніе нѣмецкой лирикѣ, а Тредіаковскій — на подражаніе французскому эпосу. Главная заслуга Сумарокова заключается несомнѣнно въ томъ, что онъ въ изобиліи снабдилъ только-что народившуюся русскую сцену необходимыми ей драматическими произведеніями, въ видѣ трагедій и комедій, и сумѣлъ настолько развить въ обществѣ вкусъ къ сценическимъ представленіямъ, что въ ближайшемъ поколѣніи привлекъ къ участію въ драматической литературѣ людей талантливыхъ, которымъ удалось наконецъ дать Россіи первые образцы вполнѣ самостоятельной русской драмы.

Первый литераторъ.

Изъ трехъ дѣятелей, почти одновременно подвизавшихся на поприщѣ современной литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія — Тредіаковскаго, Ломоносова и Сумарокова — послѣдній

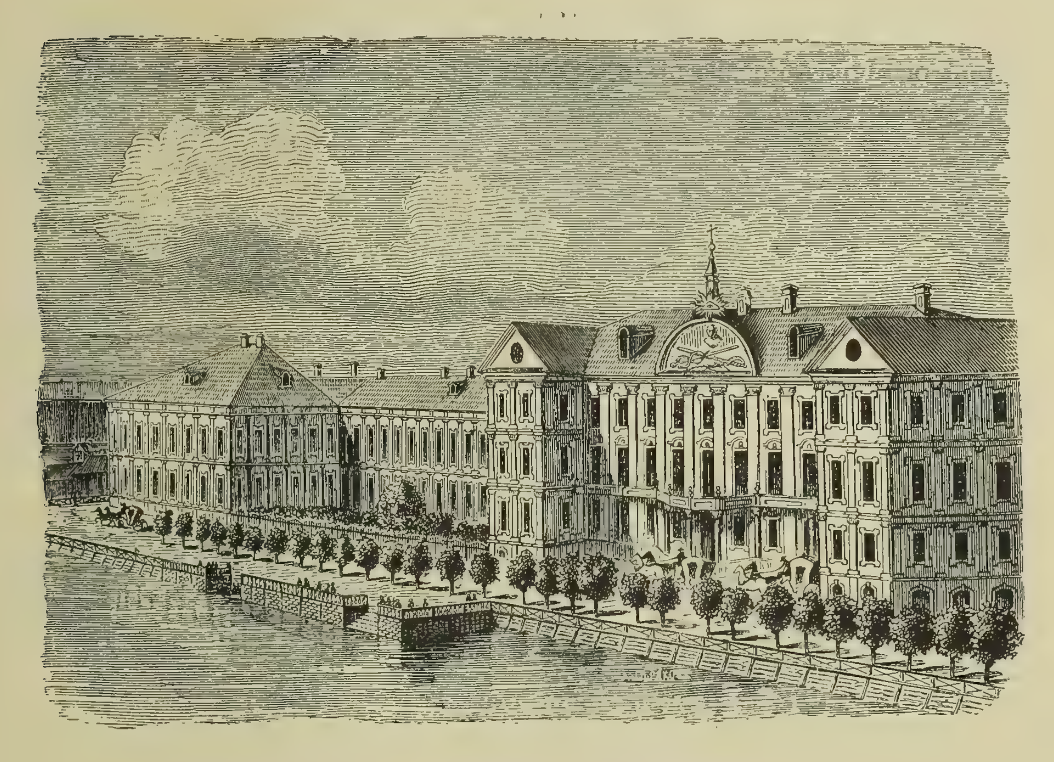
былъ младшимъ по возрасту и позже двухъ первыхъ выступилъ на поприщѣ литературы. Онъ одинъ, изъ всѣхъ троихъ, дожилъ до литературнаго расцвѣта Екатерининскаго вѣка, хотя уже не способенъ былъ ни оцѣнить, ни понять того, что̀ кругомъ его совершалось — и относился почти враждебно къ прогрессу въ об-

А. П. Сумароковъ, по гравюрѣ Уокера.

ществѣ и въ литературѣ... Біографическія подробности его жизни далеко не представляютъ такого интереса, какъ біографія Ломоносова; но по своему литературному типу и по всему характеру и направленію своей литературной дѣятельности, Сумароковъ— явленіе несомнѣнно новое и потому заслуживающее внимательнаго изученія.

Александръ Петровичъ Сумароковъ родился 14 ноября 1717 года (умеръ 1 октября 1777 года), въ Вильманстрандѣ, гдѣ отецъ его находился на службѣ.

Въ противоположность Тредіаковскому, происходившему изъ духовнаго сословія, и крестьянину Ломоносову, Сумароковъ происходилъ изъ стариннаго боярскаго рода и притомъ отецъ его былъ человѣкъ чиновный [1]). Упоминаемъ объ этомъ потому, что самъ Сумароковъ очень гордился своимъ происхожденіемъ, и, во время литературныхъ распрей своихъ, любилъ величаться передъ своими главными противниками (Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ), и родовитостью своею, и чинами. Есть основаніе думать, что Сумароковъ, вѣроятно, получилъ нѣкоторое воспитаніе дома, потому что не ранѣе, какъ на пятнадцатомъ году поступилъ въ Сухо-



Шляхетный корпусъ, по современной гравюрѣ половины XVIII вѣка.

путный Шляхетный корпусъ, основанный фельдмаршаломъ Минихомъ (въ 1730 г.) — заведеніе съ довольно неопредѣленной программой обученія, но едва ли не единственное, въ которомъ можно было въ то время получить хотя кое-какое общее образованіе и нѣкоторый свѣтскій лоскъ. Такъ какъ Сумароковъ поступилъ въ это заведеніе всего на третій годъ его существованія, то онъ, вѣроятно, еще засталъ тамъ преподаваніе всѣхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ, потому что, при основаніи корпуса, не

[1]) Петръ Панкратьевичъ Сумароковъ былъ крестникомъ Петра Великаго, дослужилъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и умеръ уже въ царствованіе Екатерины II (1766 г.).

могли найти въ Россіи преподавателей и большинство ихъ выписали изъ-за границы... Вѣроятно, немного и вынесъ Сумароковъ изъ этой школы, подготовлявшей русское „шляхетное“ (т. е. дворянское) юношество къ военной службѣ; по крайней мѣрѣ, въ аттестатѣ, выданномъ Сумарокову по окончаніи имъ восьмилѣтняго курса въ корпусѣ, мы видимъ какую-то странную и неопредѣленную смѣсь предметовъ—и всего понемногу... Аттестатъ этотъ любопытенъ по своимъ подробностямъ; въ немъ значится, что юноша, окончившій курсъ ученія въ корпусѣ въ такомъ возрастѣ, въ какомъ въ настоящее время молодежь оканчиваетъ университетъ—„обучился геометріи, тригонометріи, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу, въ географіи эпилогъ Гибнеровъ обучилъ, сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части прошелъ; имѣетъ начало въ италіянскомъ языкѣ“ и т. п. По всѣмъ вѣроятіямъ, изъ всей этой пышной программы, въ запасѣ у юноши Сумарокова можно было найти только сносное знаніе французскаго языка (и то поверхностное) и весьма темныя, сбивчивыя понятія обо всемъ остальномъ... По крайней мѣрѣ, современники Сумарокова, принадлежавшіе къ болѣе образованному кругу, постоянно ставили въ укоръ „русскому Вольтеру“ его крайнее невѣжество, въ смыслѣ недостаточности школьнаго образованія. Но въ Шляхетномъ корпусѣ, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ и школахъ современныхъ, распространено было желаніе постоянно напоминать правительству о своемъ существованіи и поддерживать связи съ Дворомъ принесеніемъ униженнѣйшихъ поздравленій и пожеланій по поводу всякихъ празднествъ и высокоторжественныхъ дней. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что уже съ 1735 г. (т. е. съ того времени, когда Сумароковъ уже былъ въ этомъ заведеніи) въ Шляхетномъ корпусѣ введенъ былъ обычай—ежегодно подносить императрицѣ стихотворныя поздравленія съ наступающимъ „новолѣтіемъ“ [1]). Само собою разумѣется, что эти поздравленія писались общепринятымъ силлабическимъ стихомъ до того времени, когда новый размѣръ русскихъ стиховъ, открытый Тредіаковскимъ и проводимый въ жизни Ломоносовымъ, не сталъ входить у насъ во всеобщее употребленіе между нашими словесниками. Вѣроятно, Сумароковъ еще на школьной скамейкѣ (чрезъ учителя или по непосредственному личному знакомству съ Тредіаковскимъ) успѣлъ получить нѣкоторыя понятія о „тоническомъ“ размѣрѣ русскихъ

---

[1]) Легко можетъ быть, что и самый обычай ввелся потому, что кадетъ Сумароковъ, рано проявившій пристрастіе къ «виршамъ», скропалъ болѣе или менѣе удачное поздравительное стихотвореніе и подалъ его начальству.

стиховъ, потому что уже въ концѣ 1739 года императрицѣ были поднесены двѣ поздравительныхъ оды отъ кадетскаго корпуса, „сочиненныя черезъ кадета Александра Сумарокова", и въ одной изъ нихъ уже замѣтно—и въ формѣ, и въ размѣрѣ—подражаніе стихотворнымъ образцамъ Тредіаковскаго [1]).

Первыя произведенія.

Въ 1740 году Сумароковъ окончилъ курсъ ученія въ „Рыцарской академіи" [2]) (какъ тогда назывался Шляхетный корпусъ въ современныхъ актахъ) и окончилъ его въ тотъ періодъ смутныхъ надеждъ и упованій на важныя перемѣны въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которыя волновали все русское общество, утомленное гнетомъ иноземщины. Мы не знаемъ, какъ относился Сумароковъ къ тѣмъ военнымъ кружкамъ, при помощи которыхъ переворотъ 25 ноября 1741 года былъ произведенъ, но, вѣроятно, до нѣкоторой степени, Сумароковъ былъ близокъ къ кому-нибудь изъ дѣятелей, способствовавшихъ восшествію Елисаветы на престолъ, потому что иначе было бы трудно объяснить его быструю служебную карьеру и появленіе его (всего пять лѣтъ спустя) въ „генеральсъ-адьютантахъ" [3]) у знаменитаго фаворита Елисаветы, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, при которомъ онъ нѣкоторое время управлялъ лейбъ-кампанейскою канцеляріею и довольно скоро дослужилъ до бригадирскаго чина. Достовѣрно знаемъ только то, что, и по выходѣ изъ корпуса, онъ не оставилъ своихъ піитическихъ упражненій и что въ началѣ сороковыхъ годовъ „нѣжныя пѣсенки" его сочиненій уже обращались въ современномъ высшемъ обществѣ. Есть основаніе думать, что юный стихотворецъ весьма усердно занимался литературными упражненіями, и притомъ постоянно вращался въ средѣ первыхъ въ то время знатоковъ и спеціалистовъ этого дѣла, потому что, когда завязался между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ извѣстный споръ о предпочтительныхъ достоинствахъ ямба и хорея, и они рѣшились отдать свой споръ на рѣшеніе публики, напечатавъ свои стихотворенія въ одной брошюрѣ, то Сумароковъ, также принимавшій участіе въ спорѣ, былъ обоими „старшими" стихотворцами допущенъ къ участію въ ихъ миролюбивомъ состязаніи. Въ результатѣ появилась въ свѣтъ напечатанная при Академіи Наукъ брошюра: „*Три Оды Парафрастическія псалма 143*,

---

[1]) Хотя заносчивый и тщеславный Сумароковъ впослѣдствіи и писалъ, что «Русскимъ языкомъ и чистотою склада, и стиховъ, и прозы не долженъ я никому»—однако, несомнѣнно, что онъ, по выходѣ изъ корпуса, состоялъ въ частыхъ и пріятельскихъ сношеніяхъ и съ Тредіаковскимъ, и съ Ломоносовымъ, и, конечно, поощряемый ими, многому отъ нихъ научился.

[2]) Вѣроятно, этотъ терминъ былъ не болѣе, какъ переводомъ нѣмецкаго термина: «*Ritterschule*»?

[3]) *Генеральсъ-адьютантъ* — это не болѣе, какъ *адъютантъ при генералѣ*; не слѣдуетъ смѣшивать съ «генералъ-адъютантомъ» въ его прошломъ и нынѣшнемъ значеніи.

сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ, изъ которыхъ каждый одну сложилъ особливо". Произведенiе это вышло въ свѣтъ въ 1744 году, хотя началось печатанiемъ въ 1743 г. Въ предисловiи, которое предпослалъ этому любопытному стихотворному опыту главный затѣйщикъ спора о размѣрахъ, онъ поясняетъ и поводъ къ появленiю въ свѣтъ этой брошюры. Оказывается, что между авторами трехъ одъ былъ „разговоръ о россiйскихъ стихахъ", перешедшiй въ нѣкотораго рода споръ „въ разсужденiи такъ-называемыхъ двусложныхъ стопъ: хорея и ямба"... Двое изъ споривших отстаивали преимущества ямба, а одинъ стоялъ за достоинства хорея. Но противники „не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобы ему сочинить оду „хореическую"—а они сочинятъ по одѣ „ямбической". Общей тэмой для трехъ одъ выбранъ былъ псаломъ 143. „Сей есть случай и причина сихъ трехъ одъ, — двухъ ямбическихъ и одной хореической, — которыя нынѣ Свѣту подаются..." „Но который изъ нихъ которую сочинилъ, о томъ умалчивается: знающiе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая ода черезъ котораго сочинена".

Эта послѣдняя фраза предисловiя брошюры, какъ бы приравнивающая трехъ стихотворцевъ въ ихъ извѣстности передъ обществомъ, указываетъ намъ на то, что Сумароковъ уже и на третiй годъ послѣ выхода изъ корпуса успѣлъ обратить на себя вниманiе образованнаго общества своими стихотворными произведенiями, о которыхъ мы, впрочемъ, ничего не знаемъ. Имя Сумарокова должно было, однакоже, вскорѣ прiобрѣсти значенiе, и притомъ значенiе первенствующее, благодаря особому случаю, разомъ выдвинувшему его изъ ряда его литературныхъ соперниковъ.

Зарожденiе постоянной сцены.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, какъ въ теченiе тридцатыхъ годовъ, въ нашихъ обѣихъ столицахъ не существовало театра для публики и для народа. Попытки учрежденiя народнаго и всѣмъ классамъ доступнаго театра, поощряемыя Петромъ Великимъ, отжили свой вѣкъ вмѣстѣ съ его царствованiемъ и не возобновлялись потомъ въ теченiе четверти вѣка. Не только ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, въ теченiе этого перiода не явилось никакой постоянной сцены для народной комедiи, которая при Петрѣ Великомъ такъ часто и такъ вѣрно служила его цѣлямъ; но и для тѣхъ театральныхъ представленiй, которыя могли быть доступны для высшихъ классовъ общества, не существовало отдѣльной, прочно-устроенной и удобно-приспособленной сцены. Приходилось, въ крайнемъ случаѣ, довольствоваться помѣщенiями временными, такъ-называемою „домашнею сценою", и, кажется, такая домашняя сцена прежде всего явилась въ Шляхетномъ корпусѣ и въ духовныхъ семинарiяхъ. Труппы—итальянскiя, нѣмецкiя, фран-

цузскія—по временамъ заглядывали въ Петербургъ и давали, въ теченіе извѣстнаго времени, свои представленія при Дворѣ, но ни одна изъ нихъ не свивала себѣ прочнаго гнѣзда въ „Сѣверной Пальмирѣ". Иногда пріѣздъ такой труппы бывалъ даже проявленіемъ любезности со стороны одного изъ сосѣднихъ монарховъ; такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Августъ, король польскій, прислалъ изъ Дрездена, на время коронаціи Анны Іоанновны, труппу итальянскихъ актеровъ, которая и давала свои представленія при Дворѣ.

Вѣроятно, эти представленія понравились, потому что въ 1735 году изъ-за границы, по желанію императрицы Анны Іоанновны, была выписана труппа (нѣмецкая?), въ которой были актеры и актрисы, пѣвцы и пѣвицы. Труппа эта ставила на сценѣ и драмы, и оперы, съ которыми тогда впервые ознакомилась русская публика.

Первою (если не ошибаемся) русскою оперою была переведенная Тредіаковскимъ „Сила любви и ненависти", драма на музыкѣ (sic!) — представленная на *новомъ театрѣ* [1]), по указу Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны, самодержицы всероссійской, 1736 г.". Достовѣрно знаемъ, что та же труппа, одинъ разъ въ недѣлю, давала на сценѣ интермедіи и балеты, и что въ этихъ именно представленіяхъ, можетъ-быть, по недостатку персонала, участіе принимало и юношество „рыцарской академіи".

На коронаціи императрицы Елисаветы въ Москвѣ видимъ опять итальянскую труппу, которая ставитъ на сценѣ оперу Метастазіо „Clemenza di Tito" (Титово Милосердіе), къ которой былъ придѣланъ академикомъ Штелинымъ прологъ въ стихахъ, прославлявшій Елисавету [2]). Вскорѣ послѣ того, въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы, видимъ въ Петербургѣ французскую труппу, съ директоромъ Сереньи во главѣ; но ни о какомъ русскомъ театрѣ нѣтъ еще и помина.

Должно, однакоже, предполагать, что подъ впечатлѣніемъ именно этой труппы Сереньи, знакомившей петербургскую публику съ репертуаромъ французской сцены въ произведеніяхъ Расина, Корнеля и Мольера, зародились и первыя попытки создать нѣчто подобное этимъ образцамъ для русской сцены, еще не существовавшей, но на открытіе которой можно было надѣяться въ ближайшемъ будущемъ, при томъ покровительствѣ русскимъ наукамъ

---

[1]) Что это за «новый театръ», о которомъ упоминается въ этомъ заглавіи — предоставляемъ рѣшить знатокамъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ.

[2]) Этотъ прологъ, написанный Штелинымъ на итальянскомъ языкѣ, на русскій языкъ былъ переведенъ нѣкіимъ *Иваномъ Меркурьевымъ*. Текстъ оперы на итальянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1742 г., подъ заглавіемъ «*Милосердіе Титово, опера съ прологомъ*».

и словесности, которое весьма искренно оказывала императрица Елисавета и ея приближенные. И вотъ, первыя попытки создать русскую драму были сдѣланы Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ, который уже въ 1746 году написалъ свою первую трагедію „Хоревъ“.

Первая русская трагедія.

Содержаніе „Хорева“ было заимствовано изъ кіевскихъ преданій, занесенныхъ въ нашей лѣтописи; но, конечно, авторъ воспользовался только нѣкоторыми именами, и преданіе передѣлалъ по своему вкусу и по своимъ понятіямъ о сценическомъ дѣйствіи, на основаніи ложно-классической теоріи, которой въ это время подчинялась вся европейская драматургія. Русскій князь Кій побѣждаетъ кіевскаго князя Завлоха, овладѣваетъ Кіевомъ и держитъ у себя въ плѣну дочь Завлоха, Оснельду. Побѣжденный Завлохъ, много лѣтъ спустя, собирается съ силами, подступаетъ къ Кіеву и требуетъ, чтобы ему была возвращена его дочь-плѣнница. Но она успѣла, во время своего плѣна, полюбить Хорева, брата кіевскаго князя Кія, и тотъ также отвѣчалъ ей взаимностью. Наперсникъ Кія, бояринъ Стальверхъ, поясняетъ это Кію, который, чтобы испытать вѣрность брата, призываетъ его и велитъ ему вести войско противъ Завлоха. Напрасно Хоревъ старается уклониться отъ этого порученія и убѣждаетъ брата не воевать и кончить дѣло миромъ, причемъ выставляетъ ему на видъ всѣ ужасы войны и ея послѣдствій. Кій укоряетъ его въ измѣнѣ, изъ-за любви къ княжнѣ Оснельдѣ, и приказываетъ заключить ее въ темницу. Хоревъ, вынужденный сражаться, побѣждаетъ Завлоха и приводитъ его къ Кію плѣнникомъ. Кій, убѣжденный въ вѣрности брата, спѣшитъ вознаградить его освобожденіемъ Оснельды; но его посланные уже находятъ ее въ темницѣ мертвою. Тогда Хоревъ, съ отчаянія, закалывается; закалывается и Стальверхъ, признающій себя виновникомъ всѣхъ бѣдствій.

Гамлетъ.

Содержаніе этой, въ сущности довольно неуклюжей трагедіи, написанной отъ начала и до конца стихами, которые представлялись современникамъ необычайно звучными и красивыми,— поразило всѣхъ. Трагедія Сумарокова, несомнѣнно, должна была произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе, которое и его увлекло къ дальнѣйшему проявленію своего таланта въ этомъ направленіи. Онъ тотчасъ же задумалъ написать другую трагедію и, не затрудняясь въ выборѣ новаго русскаго сюжета, принялся за обработку „Гамлета“ (вѣроятно, съ какой-нибудь французской передѣлки, которая была въ рукахъ у Сереньи и его труппы).

Академическая цензура.

О появленіи въ свѣтъ этой трагедіи мы узнаемъ изъ одного документа, сохранившагося въ архивѣ Академіи Наукъ, и въ немъ читаемъ: „1748 года, Октября 8-го числа, Его Высокографскаго Сіятельства... графа А. Г. Разумовскаго генеральсъ-адъютантъ

Александръ Сумароковъ въ Канцеляріи Академіи Наукъ взнесъ сочиненія его „Гамлетъ“, трагедію скорописную, которую желаетъ при Академіи напечатать. Того ради опредѣлено: трагедію освидѣтельствовать профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову, не окажется ли въ оной чего касающагося кому до предосужденія; что же касается до штилю, и оное имѣетъ остаться, какъ оно написано“.

Опредѣленіе Канцеляріи Академической было исполнено: профессора „освидѣтельствовали“ трагедію и дали свои отзывы въ двухдневный срокъ. Отзывъ Ломоносова былъ уже приведенъ нами выше. Тредіаковскій, болѣе точный въ исполненіи возложенной на него обязанности, далъ отзывъ подробный и обстоятельный и включилъ въ него любопытныя замѣчанія чисто-теоретическаго характера. Онъ пишетъ:

„По силѣ ордера, полученнаго изъ Академической Канцеляріи, читалъ я новосочиненную Трагедію подъ именемъ „*Гамлетъ*“. Въ ней, по моему мнѣнію, не видно ничего предосудительнаго никому доброму: но, напротивъ того, кажется она мнѣ довольно изрядною. Подлинно, авторъ самую важную погрѣшность, въ первой своей Трагедіи Хоревъ (въ которой порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла), въ сей прилежно исправилъ, и такъ сдѣлалъ, что здѣсь всѣ, — въ чемъ главнѣйшая польза отъ Трагедіи — пороки истреблены, а добродѣтели торжество, съ великимъ удовольствіемъ сердцу читателеву, законно себѣ получили“.

Двѣ пьесы были, слѣдовательно, уже написаны, а между тѣмъ театра еще не было. Трудно, однакоже, себѣ представить, чтобы драматургъ могъ писать пьесы, не разсчитывая ихъ увидѣть на какой-нибудь сценѣ; а потому, мы и должны предположить, что Сумароковъ, создавая своего Хорева и Гамлета, непремѣнно имѣлъ въ виду какую-нибудь сцену, на которой онъ могъ эти пьесы ставить. У насъ нѣтъ на это положительныхъ данныхъ, но на предположенія о существованіи такой частной сцены насъ наводятъ тѣ страницы мемуаровъ императрицы Екатерины II, гдѣ она разсказываетъ, что зимою 1749 г., въ то время, когда Дворъ не былъ въ Петербургѣ, князь Юсуповъ, для своего личнаго развлеченія и для потѣхи оставшихся въ столицѣ вельможъ, заставлялъ играть кадетъ (Юсуповъ завѣдывалъ тогда Шляхетскимъ корпусомъ) русскія пьесы Сумарокова и французскія — Вольтера; послѣднія (по отзыву мемуаристки) сильно искажались въ передачѣ сценической. По возвращеніи императрицы изъ Москвы, приказано было пьесы Сумарокова давать при Дворѣ, и кадеты выступили актерами. Эти представленія очень занимали Елисавету, которая сама слѣдила за костюмами актеровъ и не жалѣла драгоцѣнностей для украшенія ихъ роскошныхъ нарядовъ. Въ

Корпусная сцена.

Сей мужъ отечества смертельная былъ рана:
Зримъ въ образъ єво убійцу и тирана
За варварство злодѣй утратилъ на конецъ,
Безвременно, и жизнь и скипетръ и вѣнецъ

ПРИМѢЧАНІЕ.

Димитрій самозванецъ не вступно только годъ царствовалъ. Сіе вида єго изображеніе, снято съ естампа зделаннаго въ тотъ самый годъ, когда онъ былъ на россійскомъ престолѣ, и вырѣзано въ Аугсбургѣ, не яко Самозванца, но яко Государя московскаго которато будто Всевышній возвелъ въ тронъ ради просвѣщенія россійскаго народа; ибо онъ обѣщался Папѣ Клименту VIII ввести въ Россію исповѣданіе Римской церкви; слѣдовательно сіе изображеніе по всѣмъ обстоятельствамъ вѣрное, такъ ради любопытныхъ людей, а особливо ради Россіянъ сей естампъ достоинъ примѣчанія. Я єво получилъ отъ Госпожи Маріи, Анны Коллотъ Академики Санктпетербургской Императорской Академіи Художествъ, Скульпторы и Пансіонеры ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Нашелъ я сіе начертаніе между прочими портретами тогдашняго времени Государей въ книжкѣ портретной. А въ Россіи єво и не бывало и нынѣ нѣтъ ни у кого. Скорость времени, а отъ того и ошибка въ семъ портретѣ учинена; ибо портретъ сей не на ту сторону вырѣзанъ, такъ должно знати, что бородавки на лицѣ Самозванца на выворотъ изображены у нево онѣ были на правой сторонѣ носа, и на лѣвой лба, а не такъ, какъ здѣсь

Портретъ Дмитрія Самозванца и примѣчаніе къ нему, помѣщенные во главѣ весьма рѣдкаго отдѣльнаго изданія, трагедіи Сумарокова «Дмитрій Самозванецъ», хранящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ.

1750 году русскій театръ былъ уже однимъ изъ любимыхъ развлеченій при Дворѣ.

Такъ разсказываетъ императрица Екатерина; но легко можетъ быть, что пьесы Сумарокова, явившіяся въ свѣтъ въ 1747 и 1748 году, еще и до зимы 1749 года были уже играны на корпусной сценѣ кадетами, и что ими тамъ руководилъ самъ Сумароковъ, который, еще будучи кадетомъ, могъ участвовать въ интермедіяхъ придворной труппы, какъ мы это видѣли выше (стр. 571). Но чрезвычайно любопытенъ и тотъ фактъ, что въ то именно время, когда „русскій" театръ и русскія представленія кадетской любительской труппы стали входить въ моду при дворѣ Елисаветы,—настоящая русская труппа, составленная изъ актеровъ по призванію, явилась въ провинціальномъ захолустьи, и, пользуясь мѣстными благопріятными условіями, положила прочную основу русскому театру.

Основаніе русскаго театра.

Честь основанія русскаго „публичнаго" театра всецѣло принадлежитъ *Ѳеодору Григорьевичу Волкову*, котораго слѣдуетъ считать отцомъ русской сцены. Свѣдѣнія о его біографіи весьма скудны и въ достаточной степени неясны. Знаемъ только, что Ѳ. Г. Волковъ былъ сынъ костромского купца (род. 1720 года, умеръ 1763 года). Воспитаніе получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ, вѣроятно, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, участвовалъ въ представленіи духовныхъ драмъ, которыя были въ Академіи обязательнымъ упражненіемъ для учащейся молодежи. Въ сороковыхъ годахъ ему удалось побывать въ Петербургѣ и видѣть представленія различныхъ пьесъ на кадетской сценѣ, а, можетъ быть, даже побывать и на представленіяхъ французской придворной труппы Сереньи. Театръ до такой степени увлекъ молодого человѣка, что онъ рѣшился во что бы то ни стало устроить нѣкоторое подобіе этихъ представленій въ Ярославлѣ, гдѣ онъ жилъ (въ домѣ своего вотчима). Задумано и сдѣлано. По возвращеніи въ Ярославль, Ѳ. Г. Волковъ, которому тогда было не болѣе 17—18 лѣтъ, собралъ около себя кружокъ своихъ же сверстниковъ изъ молодыхъ купчиковъ, приказчиковъ и подьячихъ, приспособилъ каретный сарай своего вотчима къ театральнымъ представленіямъ и сталъ дѣйствовать, не помышляя о будущемъ и горячо предаваясь упражненіямъ въ сценическомъ искусствѣ. Должно предполагать, однакоже, что преданія Славяно-греко-латинской академіи взяли верхъ надъ новыми петербургскими впечатлѣніями, и первою пьесою на импровизированной сценѣ была духовная драма „Эсфирь".

Представленія молодой труппы очень понравились ярославцамъ; публика стала весьма охотно посѣщать театръ-сарай, и даже не скупилась платить за входъ. Мало-по-малу увлеченіе

охватило не только средніе, но и высшіе классы ярославскаго общества: нашлись даже знатные покровители молодыхъ талантовъ—ярославскій намѣстникъ, Мусинъ-Пушкинъ, и богатый помѣщикъ Майковъ. Благодаря ихъ покровительству и матерьяльной помощи, труппа вскорѣ перешла изъ сарая въ особое, спеціально для театра приспособленное помѣщеніе, настолько обширное, что зрительный залъ могъ вмѣщать до 1,000 зрителей. При этомъ Ѳ. Г. Волковъ — человѣкъ умный и талантливый — былъ душою всего дѣла: онъ былъ и режиссеромъ, и актеромъ, и машинистомъ, и декораторомъ—и даже авторомъ, потому что репертуаръ труппы былъ не обширенъ и приходилось приспособлять и передѣлывать нѣкоторыя пьесы по средствамъ труппы. Но, конечно, любимыми пьесами ярославской труппы были произведенія Сумарокова, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшаго извѣстность [1]).

Въ то время, когда Сумароковъ, отуманенный своимъ успѣхомъ и всей душой предавшійся сценѣ, вѣроятно горевалъ о томъ, что для исполненія его громкихъ и ходульныхъ пьесъ нѣтъ настоящихъ актеровъ — въ Петербургъ изъ Ярославля донеслась вѣсть о томъ, что тамъ давно (уже лѣтъ шесть) существуетъ постоянный театръ и правильно организованная труппа актеровъ... Вѣроятно, Сумароковъ, черезъ своего ближайшаго начальника, графа А. Г. Разумовскаго, первый довелъ объ этомъ небываломъ явленіи до свѣдѣнія императрицы Елисаветы — и она немедленно пожелала увидѣть эту первую русскую труппу актеровъ въ Петербургѣ, на своей дворцовой сценѣ...

Въ Ярославль полетѣли гонцы и переполошили мирный провинціальный городокъ: Волкова и важнѣйшихъ актеровъ его труппы — Дмитревскаго, Шумскаго, Иконникова, братьевъ Поповыхъ и др. — повелѣно было немедленно доставить въ сѣверную столицу, со „всякимъ поспѣшеніемъ"... Вѣроятно, не обошлось дѣло и безъ тревоги, и безъ разнаго рода комическихъ эпизодовъ. И вотъ, ярославская труппа, доставленная въ Петербургъ, стала показывать свое искусство на дворцовой сценѣ; здѣсь, въ присутствіи императрицы были разыграны въ 1752 году: „Хоревъ", „Гамлетъ", „Синавъ и Труворъ" и „Кающійся грѣшникъ". Игра молодыхъ актеровъ понравилась императрицѣ; но въ молодыхъ, талантливыхъ провинціалахъ былъ одинъ большой недостатокъ: имъ недоставало манеръ и свѣтскаго лоска, и потому, по желанію императрицы, лучшіе актеры труппы (и, на первомъ планѣ,

---

[1]) Уже и въ 1750 г., извѣстность эта возросла до того, что и его старшіе собратія по литературѣ—Тредіаковскій и Ломоносовъ—должны были идти по его стопамъ и работать для сцены: мы уже упоминали выше о томъ, какъ имъ былъ объявленъ Высочайшій указъ: «Сочинить по трагедіи»..

Ѳ. Г. Волковъ и Дмитревскій) были оставлены въ Петербургѣ и отданы въ Шляхетскій корпусъ для обученія языкамъ, словесности и свѣтскому обращенію. Четыре года спустя, 30 августа 1756 года, Высочайшимъ указомъ Сенату *существованіе русскаго театра было узаконено*, и во главѣ этого новаго дѣла былъ поставленъ Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Первый директоръ театровъ.

Назначеніе Сумарокова первымъ директоромъ перваго русскаго театра было вызвано не только тѣмъ, что онъ былъ первымъ и плодовитымъ авторомъ драматическихъ произведеній и притомъ обладалъ уже опытностью въ постановкѣ ихъ на сценѣ, такъ какъ много лѣтъ сряду завѣдывалъ и кадетскою, и придворною сценою въ русскихъ спектакляхъ... Цѣль назначенія его на должность директора театра была болѣе дальновидна и болѣе наивна — совершенно въ духѣ того „добраго стараго времени", о которомъ идетъ рѣчь... Эта цѣль весьма наглядно выясняется тѣмъ комментаріемъ, который „Московскія Вѣдомости" (отъ 11 октября

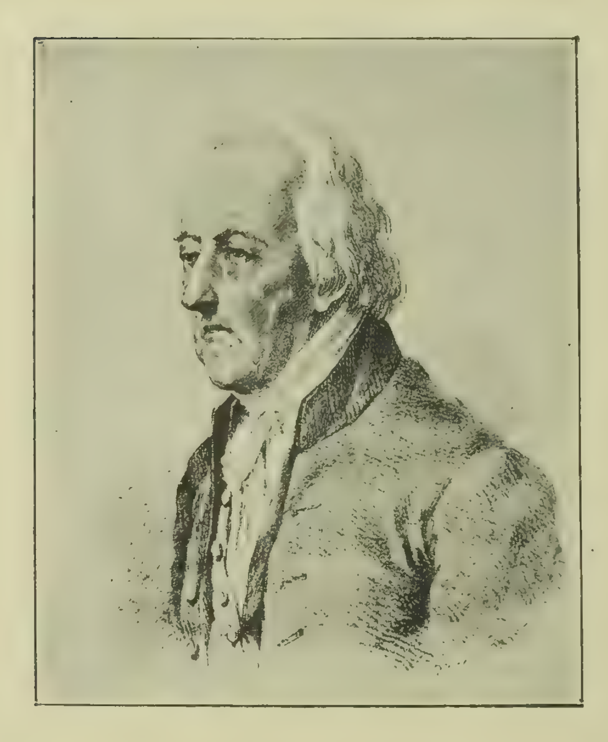
Ѳ. Г. Волковъ—основатель русскаго театра.

1756 года) прибавляютъ къ вышеуказанному указу императрицы Елисаветы: „Ея Императорское Величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, — кои на россійскомъ языкѣ при своемъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли—установить россійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову"... Въ тотъ вѣкъ, въ который можно было ученымъ академикамъ „указать", чтобы они написали „по трагедіи" — стоило только назначить драматурга директоромъ театра, чтобы „пріумножить количество драматическихъ сочиненій" къ общей пользѣ и удовольствію!

Упоминаемъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ не только потому, что начало русскаго театра составляетъ важную эпоху въ

исторіи Русской Словесности, но и потому, что новое поприще дѣятельности, на которое выступилъ Сумароковъ, какъ директоръ новаго театра, составляетъ, въ свою очередь, важную эпоху въ его авторской и общественной дѣятельности.

Актеръ Дмитревскій, по современному наброску.



Дмитревскій въ старости.

Директоромъ театра Сумароковъ оставался въ теченіе пяти лѣтъ, и, благодаря своему задорному и вздорному нраву, благодаря своей высокомѣрной заносчивости и крайней неуживчивости, успѣлъ всѣмъ надоѣсть, всѣмъ опротивѣть и насолить до такой степени, что дальнѣйшее его пребываніе въ должности директора театра оказалось совершенно невозможнымъ. Сохранившаяся отъ этого времени переписка Сумарокова съ И. И. Шуваловымъ, чрезвычайно важная для исторіи нашего театра, одинаково свидѣтельствуетъ и о безтактности, и о чрезмѣрной притязательности перваго русскаго драматурга, и о большой гуманности и снисходительности знаменитаго вельможи и фаворита, который до такой степени входилъ въ роль Мецената, что способенъ былъ стать выше всѣхъ треволненій и всѣхъ притязаній. Надоѣдая Шувалову своими жалобами на

всякія невзгоды, претерпѣваемыя отъ театра, Сумароковъ, въ то же время, самъ вызывалъ эти невзгоды и накликалъ ихъ на свою голову, потому что не ладилъ съ графомъ Сиверсомъ (графу поручена была театральная цензура и общій надзоръ за театромъ) и его чиновниками, которыхъ онъ называлъ „подъячими". Чиновники Сиверса, конечно, не оставались у него въ долгу и не спускали ему ни его вспышекъ, ни дерзкихъ выходокъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что, въ апрѣлѣ 1761 г., Сумароковъ былъ отставленъ отъ должности директора театра, съ пожизненною пенсіею въ 2,000 р. въ годъ.

Отставка Сумарокова.

Эта отставка — явный знакъ немилости со стороны императрицы Елисаветы, въ началѣ такъ благоволившей автору—легко могла быть вызвана и многими иными поводами, не имѣвшими прямого и непосредственнаго отношенія къ дѣятельности Сумарокова, какъ директора театра. Не слѣдуетъ забывать, что въ этотъ ранній періодъ только что развивавшейся и нароставшей русской литературы, въ періодъ ея зависимости отъ тѣхъ вѣяній, которыя преобладали при Дворѣ, каждый литераторъ обязательно долженъ былъ (какъ каждый аѳинскій гражданинъ) принадлежать къ какой-нибудь придворной партіи. Покровительствуемый по службѣ графомъ А. Г. Разумовскимъ, Сумароковъ держался его и тогда, когда его звѣзда померкла и новымъ свѣтиломъ явился И. И. Шуваловъ и его родичи. Разумовскіе примкнули къ партіи Екатерины, которая, въ концѣ царствованія Елисаветы, болѣе и болѣе пріобрѣтала значенія, и Сумароковъ сталъ однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ молодой и обаятельной великой княгини. Незадолго до своей отставки онъ оказывается даже замѣшаннымъ въ весьма серьезное дѣло канцлера графа Бестужева, по которому подвергается большимъ непріятностямъ и строгому допросу—и едва ускользаетъ отъ тяжкой опалы... А въ слѣдующемъ году, Сумароковъ, затѣявшій издавать журналъ подъ заглавіемъ „*Трудолюбивая Пчела*", посвящаетъ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ такое именно время, когда она сама была не „въ фаворѣ", а въ подозрѣніи у императрицы Елисаветы.

Заносчивость Сумарокова.

Безтактный и неосторожный въ своихъ свѣтскихъ и придворныхъ отношеніяхъ, Сумароковъ является совершенно невыносимымъ въ отношеніяхъ къ своимъ литературнымъ собратіямъ. Проникнутый сознаніемъ своей геніальности [1]), убѣжденный въ томъ, что онъ стоитъ головою выше всѣхъ современныхъ ему

[1]) Въ нашей начинающейся литературной жизни, еще бѣдной дѣятелями, каждый изъ нихъ, конечно, былъ весьма высокаго мнѣнія о своихъ заслугахъ «передъ Отечествомъ», потому что и на литературу многіе смотрѣли, какъ на службу государственную. И Тредіаковскій, и Ломоносовъ одинаково оскорблялись всякими отзывами (кромѣ хвалебныхъ) о ихъ сочиненіяхъ; но Сумароковъ, въ своей литературной кичливости, далеко опередилъ ихъ обоихъ.

русскихъ писателей, Сумароковъ оскорблялся всякой, даже и самой легкой критикой, и въ спорахъ со своими литературными противниками не выносилъ никакихъ противорѣчій. Въ своемъ собственномъ журналѣ, онъ удивительно характерно и откровенно высказалъ свой взглядъ на самого себя, на свои заслуги передъ русскимъ обществомъ и на свою дѣятельность по театру:

Портретъ актера Шумскаго.

Автографъ Шумскаго.

„Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, о Россія, стараніемъ моимъ увидѣла! Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена! Всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ, видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ (и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ) однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ“.

При такой заносчивости, при такомъ непомѣрномъ литера-

турномъ тщеславіи, конечно, каждый мелочный фактъ еще болѣе возбуждалъ самолюбіе Сумарокова, истолковывался имъ вкривь и вкось, и преувеличивался до крайнихъ предѣловъ гиперболы. На французскій языкъ переведена была одна изъ его трагедій и удостоилась похвальнаго отзыва въ современномъ парижскомъ журналѣ,—и онъ уже возмечталъ о себѣ, что его имя извѣстно всему Парижу; кто-то изъ меценатовъ, почитателей таланта Сумарокова, способствовалъ его избранію въ почетные члены Лейпцигскаго ученаго собранія—и онъ уже увидѣлъ въ этой простой и обыденной вѣжливости признаніе его литературныхъ заслугъ... „Лейпцигъ и Парижъ!"—восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ статей—„вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня избрать своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, елико возможно... А я выше еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися"...

Въ наше время, когда уже существуютъ давно установившіеся литературные обычаи и приличія, такое самохвальство кажется смѣшнымъ; но въ ту пору оно никого особенно не поражало, какъ никого не заставляло краснѣть, въ похвальныхъ отзывахъ, сравненіе съ Гомеромъ, Гораціемъ и другими классическими или современными знаменитостями.

Чрезвычайно любопытенъ тотъ фактъ, что перемѣна царствованія, которая чуть-было не отозвалась очень тяжело на Ломоносовѣ, не измѣнила нисколько судьбу Сумарокова, и не возвратила ему того положенія при театрѣ, котораго онъ долгое время не переставалъ добиваться послѣ своей отставки. Екатерина наградила преданнаго ей поэта чинами, а впослѣдствіи (1767 года) и Аннинскою лентою; но, вѣроятно, зная его характеръ, не дала ему никакого мѣста при театрѣ. Сумароковъ увидѣлъ себя въ Петербургѣ безъ мѣста и безъ дѣла. Пытался участвовать въ академическомъ журналѣ—въ „*Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*" Мюллера, но поссорился съ редакторомъ, и покинулъ журналъ; пытался затѣвать свой журналъ, „*Трудолюбивую Пчелу*", но перессорился со всѣми и, главнымъ образомъ, съ Ломоносовымъ, который, въ качествѣ академическаго цензора, наложилъ на поэзію Сумарокова свою тяжелую руку. Не дождавшись ничего и при перемѣнѣ царствованія, разочаровавшись во всѣхъ и во всемъ, кромѣ своей геніальности и своихъ высокихъ качествъ, Сумароковъ вообразилъ себѣ, что онъ получитъ возможность лучше устроить свою жизнь и свободнѣе дѣйствовать на литературномъ поприщѣ, если онъ изъ Петербурга переселится въ Москву, „яко въ отечество Россійскаго дворянства". Екатерина не удерживала поэта и, благосклонно принявъ незадолго передъ тѣмъ написан-

Сумароковъ и Екатерина

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КЪ ПОЛЬЗѢ И УВЕСЕЛЕНІЮ служащія.

Генварь, 1755 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.

Титульный листъ перваго русскаго журнала, съ 1755 года издававшагося при Академіи, подъ редакціею Мюллера.

ную Сумароковымъ новую трагедію „Вышеславъ“, приказала выдать автору 1,000 руб. изъ Кабинета на дорогу и дозволила ему пріѣхать ей откланяться (5 марта 1769 г.). Вскорѣ послѣ того

ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА.

Февраль 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Титулъ журнала, который издавалъ А. П. Сумароковъ съ января 1759 года.

онъ и дѣйствительно переѣхалъ въ Москву, гдѣ и жилъ безвыѣздно до самой смерти.

Сумароковъ въ Москвѣ.

Но и въ Москвѣ жизнь Сумарокова потекла не по розамъ: онъ и здѣсь сумѣлъ найти терніи, чтобы терзать себя и портить жизнь другимъ. Принявшись писать для московской сцены и начавъ даже весьма ревностно пополнять ея репертуаръ оригиналь-

ными и переводными произведеніями, Сумароковъ, однакоже, очень скоро вступилъ и здѣсь въ такія же враждебныя отношенія къ директору московской труппы (И. П. Елагину), въ какихъ нѣкогда состоялъ съ графомъ Сиверсомъ, и въ короткое время создалъ себѣ массу враговъ. Понадѣявшись на поддержку со стороны императрицы, онъ (по ея собственному выраженію) *сталъ бомбардировать* ее письмами и докучать ей такими мелкими дрязгами и сплетнями, что Екатерина, несмотря на все свое снисхожденіе къ слабостямъ преданнаго ей поэта, вынуждена была, наконецъ, отъ него отступиться [1]). Мало-по-малу всѣ отъ него отшатнулись, и онъ окончательно погрязъ въ мелочахъ, ссорахъ, тяжбахъ и дрязгахъ той жизни, которую онъ самъ себѣ устроилъ. Къ нуждѣ и другимъ невзгодамъ, въ послѣдніе годы жизни, стали прибавляться и недуги, тѣсно связанные съ безпорядочнымъ и невоздержнымъ образомъ жизни, въ которомъ онъ сталъ искать себѣ печальнаго утѣшенія... Покинутый и забытый всѣми, онъ скончался въ такой бѣдности, что московскіе актеры хоронили его на свой счетъ и на рукахъ снесли его гробъ на кладбище Донского монастыря. Никакой памятникъ не украсилъ его могилы, и она исчезла безслѣдно.

Произведенія Сумарокова.

Переходя отъ біографическихъ подробностей и очерка личности Сумарокова къ обзору его разнообразной и обильной литературной дѣятельности, мы прежде всего должны будемъ вернуться къ его трагедіямъ, которыя доставили ему среди современниковъ такую прочную извѣстность, что Сумароковъ сатирикъ, Сумароковъ журналистъ и лирикъ—совершенно исчезаютъ за Сумароковымъ-трагикомъ. Выше мы уже ознакомились съ содержаніемъ его трагедіи „*Хоревъ*“. Послѣдовавшія затѣмъ трагедіи: „*Гамлетъ*“ [2]), „*Синавъ и Труворъ*“, „*Артистона*“ и „*Семира*“—были написаны Сумароковымъ еще *до основанія* театра въ Петербургѣ; „*Ярополкъ и Дамиза*“ и „*Вышеславъ*“ — *послѣ основанія* театра; а „*Дмитрій Самозванецъ*“ и „*Мстиславъ*“ — по переѣздѣ въ Москву. „Семира“ считалась лучшею изъ пьесъ Сумарокова и приводила въ восторгъ его современниковъ. Вотъ почему мы передадимъ нашимъ читателямъ содержаніе этой трагедіи, заимствованной изъ темной эпохи Вѣщаго Олега. Главныя дѣйствующія лица: самъ Олегъ и сынъ его Ростиславъ, и плѣнникъ Олега, прежній князь кіевскій Аскольдъ, съ сестрою своей Семирой. Аскольдъ, хотя

---

[1]) Сначала она предоставила переписку съ нимъ одному изъ своихъ секретарей (Козицкому), потомъ поручала московскому губернатору «выслушивать бредни г. Сумарокова, и, если ему досугъ—стараться бы ихъ обратить въ общую пользу».—Но затѣмъ она уже рѣшилась махнуть рукой на неисправимаго поэта...

[2]) Самъ авторъ объ этой трагедіи напечаталъ: «Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва, едва походитъ».

Милостивый государь!

іюня 8
1775

Я утруждал Ваше высокопревосх: о исходатайствованіи позволенія для полученія годоваго мнѣ жалованья, которое я получал от 1го мая ежегодно уже лѣт шесть. Мнѣ оно нынѣ нужнѣе всѣх лѣт; ибо я печатав мои сочиненія в Петербург приѣхав на короткое время туда со всѣм прожился, а дом мой без меня со всѣм разорился а в деревнѣ все погорѣло, а особливо покой мой задній и часть людей одежды погорѣли: а я по симходатайствію графов Разумовских имѣю самых лутчих лошадей. Нынѣ не только оставшим лошадям в Москвѣ; но ни ѣздящим моим ни мнѣ самому почти не ѣсть ни пить нечего. Такое состояніе близ смерти, а сверх того долги грозят мнѣ и послѣдняго пропитанія меня лишить. И естьли мнѣ не поможет человѣколюбіе и милосердіе монарше, так я должен погибнуть. О жалованьи я прошу, а прочее теперь оставлю до того времени, когда у меня отнимут остаток мой дом и лишат меня жизни, о которой я мало бы уже и думал желанием не устрашался бѣдности оставших моих дѣтей. Всему сему главная причина бытіе мое по сю пору; ибо я ни сколько полагая и на словесныя науки, не только но о чинах и об имѣніи ради паче о своей музѣ. Книг осталося у меня мало, да и тѣ я много продал, а много в Петербургѣ ста волумин и с полтораста участник сочиненій на прим: опер комедій трагедій и проч: кому то маловажно доньких: желал бы я чтоб сіи книги Петербургскія так долго моей музы доставалися в хорошія руки: я их восемь сотен рублей продав на сем мѣстѣ; не угодно ли Ваше Превосх: приказать их осмотрѣть, и не будут ли они достойны вашей библіотеки? покорнѣйше прошу меня увѣдомить. — Да есть у меня миніатюрной портрет государыни мнѣ И: И: Шуваловым при его отъѣздѣ, который у него украл его Витташ строкой, как достойный времени лутче не изволите ли его приказать посмотрѣть: так же оригинальной и весьма сходной Государыни Императрицы Елисаветы Петровны портрет с котораго в Россіи я думаю не только тысяча копій, или лутче сказать всѣ почти копіи с него. Жду отвѣта а о жалованьи при прошеніи моем всепокорно напоминаю. А сам я стражду между болѣзни разными болѣзнями а еще болѣе терзаем бѣдностію и в ... пребываю. Вашего Высокопревосх: всепокорнѣйшій слуга А. Сумароков.

Снимокъ съ письма А. П. Сумарокова, отъ 8 іюня 1775 года.

и плѣнникъ Олега, оставленъ имъ на свободѣ; онъ замышляетъ вернуть себѣ Кіевъ при помощи своихъ сторонниковъ и подготовляетъ возстаніе, которому вполнѣ сочувствуетъ Семира, хотя она любитъ Ростислава Олеговича. Но вскорѣ наперсникъ Аскольда, Возведъ, открываетъ Олегу замышляемый противъ него заговоръ и выдаетъ ему зачинщика, Аскольда. Олегъ приказываетъ заключить его въ темницу и грозитъ ему смертью. Тогда Семира умоляетъ Ростислава выпустить ея брата изъ заключенія и дать ему возможность бѣжать. Ростиславъ колеблется: онъ видитъ въ этомъ измѣну отечеству. Тогда Семира угрожаетъ ему самоубійствомъ—и Ростиславъ вынужденъ исполнить ея просьбу. Олегъ, узнавъ о бѣгствѣ Аскольда, ищетъ того, кто могъ ему помочь, освободивъ его изъ заключенія; онъ требуетъ отвѣта и отъ Семиры, даже грозитъ ей смертью, но та отвѣчаетъ ему:

«Не мнишь ли, что нашъ полъ къ геройству не способенъ,
И духу мужеску духъ женскій не подобенъ,
Что устремляешься мя къ трепету привлечь?
Нѣтъ робости во мнѣ—твоя безсильна рѣчь»...

Но Ростиславъ, чтобы спасти Семиру, открываетъ отцу, что онъ самъ освободилъ Аскольда. Это признаніе сына наноситъ отцу тяжкій ударъ; — онъ рѣшается казнить сына, въ примѣръ другимъ, какъ измѣнника, и сажаетъ его въ темницу. Слезы и просьбы Семиры не могутъ поколебать рѣшимости отца. Но все кончается благополучно: изъ разсказа, введеннаго въ трагедію, мы узнаемъ, что между Олегомъ и Аскольдомъ произошло сраженіе, что Аскольдъ, смертельно раненый, умирая, просилъ Олега простить сына и бракомъ съ Семирою увѣнчать ихъ давнюю, взаимную любовь.

Синавъ и Труворъ.

Для болѣе близкаго ознакомленія съ драмами этого рода, передадимъ здѣсь же содержаніе еще одной трагедіи Сумарокова— „Синавъ и Труворъ“. Дѣйствіе трагедіи происходитъ въ Новѣгородѣ. Бояринъ Новгородскій, Гостомыслъ, сосваталъ дочь свою, Ильмену, за князя Синава, не зная того, что она любитъ его брата, Трувора, и тотъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же чувствомъ. Но братья сами доходятъ до объясненія. Труворъ признается Синаву въ своей любви къ Ильменѣ, и открываетъ ему, что Ильмена тоже его любитъ; но Синавъ не можетъ побѣдить въ себѣ страсть къ Ильменѣ. Споръ между братьями доходитъ до мечей; но Ильмена является какъ-разъ во-время, чтобы остановить кровопролитіе. Въ дѣло вступается отецъ Ильмены, Гостомыслъ, и уговариваетъ ее выйти за Синава. Труворъ, въ отчаяніи, закалывается мечомъ. Ильмена не въ силахъ перенести роковую вѣсть о смерти милаго—и тоже кончаетъ самоубійствомъ... На самоубійство по-

кушается и Синавъ, но Гостомыслъ и воины его удерживаютъ, и онъ изливаетъ свое горе и раскаяніе въ раздирательномъ монологѣ, которымъ заканчивается трагедія.

Вліяніе псевдо-классическое.

По содержанію трехъ, вышеизложенныхъ трагедій, мы можемъ судить и о всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ этого рода. Всѣ онѣ, одинаково, были и въ общемъ составѣ, и въ частностяхъ, сколками съ французскихъ образцовъ ложно-классической трагедіи, преимущественно Расиновской и Вольтеровской. Отличительною чертою этой трагедіи являлась правильная постановка всего дѣйствія, при очень стѣснительныхъ сценическихъ условіяхъ; а именно: все дѣйствіе подчинялось вовсе не нужнымъ на европейской современной сценѣ [1]) *тремъ единствамъ: времени, мѣста и дѣйствія*. Другою особенностью ложно-классической драмы было совершенно особое, несходное съ нынѣшнимъ, отношеніе автора къ тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, которыхъ онъ выводилъ на сцену трагедіи. Въ ложно-классической трагедіи авторъ избиралъ героями не живыхъ людей въ той обстановкѣ, въ какой они являются въ дѣйствительности, а олицетворенія отвлеченныхъ свойствъ человѣческой души, давалъ имъ болѣе или менѣе громкія полу-историческія, полу-миѳическія имена, и ставилъ ихъ въ разныя, бо̀льшею частью, необычайныя условія и положенія. Притомъ, на сцену дѣйствующія лица выводились только для монологовъ или діалоговъ, бо̀льшею частью очень длинныхъ, а самое дѣйствіе происходило, главнымъ образомъ, за сценой, и доносилось на сцену устами лицъ второстепенныхъ, еще болѣе безцвѣтныхъ и безличныхъ, нежели сами герои пьесы. Лица эти, извѣстныя подъ названіемъ „наперсниковъ“ и „наперсницъ“, не имѣли никакого прямого, дѣйствительнаго значенія въ пьесѣ, и служили только замѣною „вѣстниковъ“ и „хора“, обычныхъ въ древней трагедіи. При такомъ строѣ драмы она сводилась только къ разговорамъ на сценѣ и вынуждала актеровъ къ вычурной декламаціи и неестественной, преувеличенной мимикѣ и жестамъ, которыми они усиливались придать хоть какое-нибудь оживленіе своимъ нескончаемымъ рѣчамъ. Вышеизложенныя условія ложно-классической трагедіи, отдалившія ее отъ дѣйствительности, побуждали авторовъ почерпать сюжеты трагедій преимущественно изъ временъ баснословныхъ и темныхъ, допускавшихъ наибольшій произволъ для изобрѣтенія драматической фабулы; но, въ то же время, авторы нимало не старались входить въ положеніе выведенныхъ ими лицъ, ни сообразоваться съ бытовыми и иными

[1]) *Ненужнымъ* потому, что сцена европейскаго театра была близка къ зрителямъ и обставлена кулисами и декораціями. Но «три единства» имѣли смыслъ при томъ устройствѣ, какое существенно въ театрѣ древнихъ: каменномъ, при каменной, неподвижной сценѣ, при отдаленности сцены отъ зрителей и т. д.

условіями избранной эпохи. По именамъ, и только по именамъ, ихъ дѣйствующія лица являлись Синавами, Хоревами, Громвалами и Ильменами, а всѣми остальными сторонами своей личности и характера вполнѣ принадлежали дѣйствительности XVIII вѣка: говорили языкомъ гостиныхъ и салоновъ, высказывали нѣжныя чувства и убѣжденія, сообразныя съ современною, модною моралью и часто выражали въ рѣчахъ своихъ тѣ упованія, которыми жила лучшая часть современнаго общества.

Недостатки Сумарокова.

Въ трагедіяхъ Сумарокова, конечно, напрасно было бы искать оригинальности въ замыслѣ или въ развитіи основной мысли драмы и ея характеровъ. Онъ кроилъ свои трагедіи съ готоваго образца, прилаживая извѣстныя, другими авторами разработанныя положенія къ русскимъ сюжетамъ, заимствуя иногда изъ иноземныхъ образцовъ монологи и сцены, влагая въ уста своимъ героямъ готовыя рѣчи. Но этотъ недостатокъ оригинальности, эта подражательность произведеній Сумарокова, равно какъ и множество другихъ слабыхъ сторонъ и недостатковъ его трагедій еще не могутъ намъ служить поводомъ для произнесенія надъ ними суроваго критическаго приговора. Не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія были нашими *первыми сценическими пьесами,* что онѣ, внутреннею стороною—выраженными въ нихъ чувствами и понятіями—соотвѣтствовали уровню развитія и образованности публики, присутствовавшей при ихъ представленіяхъ, что онѣ волновали и трогали, вызывали слезы и возбуждали состраданіе, будили лучшія чувства и затрогивали въ душѣ зрителей ея лучшія струны. Не слѣдуетъ забывать, что такія теперь вызывающія улыбку тирады, какъ заключительныя слова Самозванца, закалывающагося кинжаломъ:

«Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна:
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!»

—потрясали и приводили въ ужасъ; а монологъ Семиры, начинавшійся словами:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена;
Должна ли я такъ быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали онѣ премѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ...»

казался милымъ и граціознымъ, и не возбуждалъ смѣха въ публикѣ... Не слѣдуетъ забывать, что, въ трагедіяхъ Сумарокова, публика впервые слышала горячія рѣчи о гражданскихъ доблестяхъ, о вѣротерпимости, о святости обязанностей, о долгѣ правителей и судей, о чести и человѣческомъ достоинствѣ, о нѣжныхъ, возвышенныхъ чувствахъ къ женщинѣ,—и несомнѣнно проникалась тѣмъ, что преподавалось ей со сцены. И самая сцена, въ дан-

номъ случаѣ, несомнѣнно оказывала цивилизующее вліяніе. И въ этомъ заключается значеніе трагедій Сумарокова, вполнѣ признанное современниками, величавшими его „Россійскомъ Расиномъ", въ этомъ и несомнѣнная заслуга автора.

Форма трагедіи, съ ея обязательными пятью актами и неизбѣжной катастрофой въ концѣ, представлялась даже въ такой степени идеально-правильной и совершенной нашему „Расину", что онъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность дальнѣйшаго совершенствованія этой формы, и ужасно возмутился, когда на французской сценѣ явились такъ-называемыя „слезныя комедіи" (comédies larmoyantes), прототипъ нашей современной драмы. Когда нѣкій Николай Пушниковъ дерзнулъ перевести для Московской сцены одну изъ такихъ комедій Бомарше („*Евгенія*"), Сумароковъ разразился бранью и на переводчика, и на актрису, исполнявшую роль *Евгеніи*. Онъ даже писалъ къ Вольтеру о вредѣ новаго драматическаго рода, и отвѣтъ Вольтера, уклончивый и любезный, показался ему подтвержденіемъ его собственныхъ взглядовъ.

Комедіи Сумарокова.

Сверхъ вышеисчисленныхъ трагедій, Сумароковъ сочинялъ и передѣлывалъ для сцены комедіи: всѣхъ комедій онъ поставилъ на сцену двѣнадцать: „*Опекунъ*", „*Лихоимецъ*", „*Три брата совмѣстника*", „*Ядовитый*", „*Нарциссъ*", „*Приданое обманомъ*", „*Чудовищи*", „*Трессотиніусъ*", „*Пустая ссора*", „*Рогоносецъ по воображенію*", „*Мать, совмѣстница дочери*" и „*Вздорщица*" [1]). Всѣ комедіи Сумарокова, по литературному своему достоинству, несомнѣнно ниже его трагедій—и еще менѣе самостоятельны. Лучшими считаются двѣ первыя, но и въ тѣ цѣликомъ внесены характеры, заимствованные у Мольера: а остальныя представляютъ собою не что иное, какъ передѣлки Мольеровскихъ пьесъ, болѣе или менѣе слабыя и произвольныя. Пользуясь готовою рамкою, заимствованною у Мольера, Сумароковъ старается вставить въ нее и лица, и бытовыя сцены, заимствованныя изъ русской современной дѣйствительности: но его наблюденія надъ нею очень поверхностны и мелки, и выводимые имъ типы современности скорѣе напоминаютъ каррикатуры, нежели живыя лица. Притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ каррикатуръ основаны и прямо на личностяхъ; такъ, напримѣръ, мы знаемъ достовѣрно, что въ комедіи „*Трессотиніусъ*", подъ именемъ этого педанта осмѣянъ Тредіаковскій—и всѣ это знали еще во время постановки комедіи на сценѣ, потому, конечно, что самъ авторъ постарался объ этомъ всѣмъ разславить.

---

[1]) Сверхъ всего вышеисчисленнаго, Сумароковъ написалъ еще для сцены лирическую драму «Цефиль и Прокрасъ», либретто балета «Прибѣжище добродѣтели» и драму «Пустынникъ».

Комедія эта, о которой Тредіаковскій отозвался справедливо, что въ ней нѣтъ „ни должнаго узла, ни приличной развязки“ —скорѣе походитъ на фарсъ и, подобно другимъ комедіямъ Сумарокова, достигаетъ только одной цѣли: смѣшитъ публику и забавляетъ ее, но нимало не способствуетъ осмѣянію современныхъ нравовъ и общественныхъ пороковъ въ назиданіе массы.

Драматическія произведенія Сумарокова, въ обширной массѣ его сочиненій, составляютъ лишь небольшую часть всего, написаннаго этимъ плодовитымъ авторомъ. Рядомъ съ драматическими произведеніями, видимъ здѣсь въ подавляющемъ количествѣ лирическія и лиро-эпическія произведенія: эклоги, идилліи, элегіи, оды торжественныя, оды разныя, оды *вздорныя* (sic!) и т. д. Въ полномъ собраніи сочиненій Сумарокова находимъ: около 80 одъ, 39 элегій, 76 эклогъ, 151 пѣсню и, сверхъ всего этого, множество мелкихъ лирическихъ произведеній: стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эпитафій, надписей... Въ этихъ произведеніяхъ очень мало оригинальнаго: это бо̀льшею частью слабыя и безцвѣтныя подражанія не менѣе безцвѣтнымъ образцамъ сентиментальной французской лиро-эпической поэзіи XVII вѣка, которыя, однакоже, видимо нравились русской публикѣ въ половинѣ прошлаго вѣка.

Единственною живою и оригинальною стороною во всей этой массѣ стиховъ являются произведенія *сатирическаго* направленія — сатиры собственно, посланія, басни, эпитафіи и эпиграммы—проникнутыя рѣзкимъ и ѣдкимъ отношеніемъ къ современности. Сатиры Сумарокова.

Тэмы Сумароковской сатиры не блистаютъ разнообразіемъ; это — осмѣяніе дурного устройства правосудія и подьяческихъ ухищреній, рабскаго подражанія иностранцамъ въ языкѣ и обычаяхъ, невѣжества, прикрываемаго внѣшнимъ лоскомъ образованія, и т. п. Внѣшняя сторона сатиры нѣсколько грубовата; но она передаетъ достаточно живо впечатлѣніе автора, недовольнаго современнымъ строемъ русскаго общества. Лучшими сатирами Сумарокова считаются: „*Кривой толкъ*“, „*О благородствѣ*“, „*Наставленіе сыну*“ и „*Хоръ къ превратному свѣту*“; очень любопытна и еще одна его сатира, не только по содержанію, но и потому, что она, и по размѣру, и по внѣшней формѣ, представляетъ собою подражаніе извѣстной народной пѣснѣ: „*Слеталися птицы стадами, садилися птицы рядами*...“ Приводимъ изъ нея отрывокъ, который можетъ служить образцомъ сатиры Сумарокова:

«Прилетала на берегъ синица,
Изъ-за полночнова моря,
Изъ-за холодно-океана.

Спрашивали гостейку пріѣзжу:
«За моремъ какіе обряды?»
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
«Все тамъ превратно на свѣтѣ,
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ—
Никогда не суевѣрятъ,
Не хитрятъ, не лицемѣрятъ:
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ;
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ.
За носъ тамъ писцы судей не водятъ,
. . . .
Со крестьянъ тамъ коки не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ,
. . . .
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ,
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ,
Ихъ отцы и сами въ тѣхъ учились:
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка
Надобны румяна да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣніи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ» и т. д.

Манеру Сумарокова прекрасно передаетъ и другая сатира— „*О благородствѣ*“, общимъ характеромъ напоминающая сатиру Кантемира „на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“. Сумароковъ даетъ ей весьма игривое и рѣзкое вступленіе, которое (по сравненіи съ послѣдующимъ періодомъ литературы) поражаетъ насъ вольностью высказываемыхъ въ немъ мыслей и взглядовъ.

«Сію сатиру вамъ, дворяне, приношу.
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяне безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многіе одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.

На то-ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды, по знатности, глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ,—
И тотъ, и тотъ—земли одушевленный комъ.
И если не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ, и ѣстъ, родился и умретъ.
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ» и т. д.

Тѣ же мысли, тѣ же выраженія, почти дословно повторяются и въ полемическихъ статьяхъ Сумарокова, въ которыхъ онъ также порицаетъ современные нравы и, критикуя общественные пороки, весьма смѣло касается самыхъ больныхъ язвъ нашего быта въ XVIII вѣкѣ. Особенно рѣзко высказывается онъ въ двухъ полемическихъ статьяхъ: „*О безбожіи и безчеловѣчіи*“ и „*О домостроительствѣ*“. Въ послѣдней, гдѣ онъ живыми, яркими красками изображаетъ дурныхъ и своекорыстныхъ помѣщиковъ, исключительно преданныхъ заботамъ о наживѣ, въ ущербъ благосостоянію крестьянъ—есть мѣста, глубоко прочувствованныя и свидѣтельствующія о томъ, что у Сумарокова сердце было прекрасное.

„Помѣщикъ“ — такъ говоритъ Сумароковъ—„обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ названъ быть домоpаззорителемъ. Такой извергъ природы... стократно вреднѣе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, пруды, рыбныя ловли, рукодѣлія и проч.? Но я съ такими домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставитъ онъ дѣтямъ своимъ; но и у крестьянъ его есть дѣти...

Искренно сострадая крестьянамъ, работающимъ у иного дурного помѣщика, Сумароковъ справедливо замѣчаетъ, что „блаженство деревни не во единомъ изобиліи помѣщика состоитъ, но въ общемъ“... и увѣщевая „голову заботиться о мизинцѣ“, проситъ всѣхъ помѣщиковъ помнить, что „и крестьянинъ не ради единаго помѣщика отъ Бога созданъ“.

Нельзя не отмѣтить того важнаго и историческаго факта, что всѣ эти мысли высказывались Сумароковымъ въ концѣ царствованія Елисаветы и въ началѣ царствованія Екатерины II и никто не находилъ ихъ ни преступными, ни зазорными для чести дворянскаго сословія, ни опасными для спокойствія государства, между тѣмъ, какъ въ концѣ царствованія Екатерины II несчастный Радищевъ жестоко поплатился и за гораздо болѣе невинныя сѣтованія объ участи крестьянъ.

Критика и цензура.

По поводу сатиръ и лирики Сумарокова намъ припоминаются и нѣкоторые эпизоды его отношеній къ современникамъ, вызванные произведеніями задорнаго поэта. Эпизоды эти тѣмъ именно и любопытны, и поучительны, что ясно и опредѣленно рисуютъ намъ взгляды современниковъ на условія и основы литературной критики съ одной стороны, и на цензурныя приличія и правила—съ другой. Нельзя не припомнить здѣсь, напр., того, что, въ разгаръ литературной вражды между Тредіаковскимъ и Сумароковымъ, авторъ Телимахиды подалъ формальную жалобу на то, что академикъ Мюллеръ, „по собственному произволенію", рѣшился напечатать въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" нѣсколько произведеній въ высшей степени предосудительныхъ и неприличныхъ. „Кто удостоилъ печати стишки полковника Сумарокова о беззаконной любви?"—восклицаетъ въ этой жалобѣ Тредіаковскій [1]). „Кто дитирамбъ его, т. е. гимнъ Бахусу отъ древнихъ, да и то не отъ трезвыхъ и благоразумныхъ пѣтый? Кто гимнъ, его же въ прославленіе (о беззаконіе человѣка-христіанина!) прескверной изъ богинь б...ѣ, которой имя Венера? Кто—его же духовныя оды, изъ которыхъ одна, на псаломъ 106, въ силу семидесяти переводчиковъ [2]), содержитъ крайне-ложный и крайнебеззаконный смыслъ, а именно: о безконечности зримаго сего міра, который, по справедливости, есть не безконеченъ, ни по вещественностямъ, ни по продолженію времени, ниже, наконецъ, по наполненію..." [3]). Другого рода цензурѣ, менѣе наивной и болѣе пристрастной, подвергался Сумароковъ со стороны Ломоносова, который, напр., не пропустилъ цѣлый рядъ его „вздорныхъ" одъ, приготовленныхъ къ напечатанію въ „Трудолюбивой Пчелѣ", и не пропустилъ только потому, что эти, въ сущности, совершенно безобидныя стихотворенія представляли собою довольно ѣдкія пародіи на его оды. Приводимъ здѣсь двѣ изъ нихъ:

«Трава зеленою рукою
Покрыла многія мѣста;
Заря багряною ногою
Выводитъ новыя лѣта.
Вы, тучи съ тучками, спирайтесь.
Вы громы, въ громы ударяйтесь,

[1]) Стихи эти, помѣщенные въ книжкѣ 1755 г., за іюнь мѣсяцъ, начинаются такъ:
«Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися: безъ любви все въ свѣтѣ суета...»

[2]) Подъ «70-ю переводчиками» Тредіаковскій разумѣетъ здѣсь: «70 толковниковъ».

[3]) Онъ намекаетъ здѣсь на слѣдующія, вполнѣ согласныя съ религіею строки, въ переложеніи 106 псалма:
«Ты царствуешь, Владыко, вѣчно,
И все пространство безконечно
Господства Твоего предѣлъ.»

Борей на воздухѣ шуми!
Пройду нутръ горный и вершину,
Въ морскую свержуся пучину;
Возникни, Муза, и греми!»

«О Роза! Я пою мятежно:
Согласія въ сей Одѣ нѣтъ.
Цѣлуйся ты съ Зефиромъ нѣжно,
Но помни то, что я—Поэтъ.
Какъ если ты сіе забудешь,
Ты въ вѣкъ моей злодѣйкой будешь,
Не стану я хвалить тебя.
А кто Поэта раздражаетъ,
Велико войско вооружаетъ
Противъ несчастнаго себя.»

Раздраженный строгою и далеко не справедливою критикою своихъ литературныхъ соперниковъ, Сумароковъ старается мстить имъ тѣмъ же, и въ журнальныхъ статьяхъ своихъ подвергаетъ ихъ произведенія неумолимому разбору. Осуждая огульно всѣ произведенія Ломоносова, кромѣ одъ, Сумароковъ особенно нападалъ на его грамматику, которую называлъ въ насмѣшку грамматикою „холмогорскаго" нарѣчія, а не русскаго языка. Утверждая, что Ломоносовъ не силенъ ни въ языкѣ, ни въ стихосложеніи, Сумароковъ подвергалъ критикѣ каждое его слово, каждое выраженіе, каждую особенность его слога. Многія замѣчанія Сумарокова справедливы, многія остроумны; но вся его критика любопытна и поучительна для насъ только въ одномъ смыслѣ: она ясно указываетъ намъ, какую тяжелую и разнообразную работу надъ литературнымъ языкомъ приходилось производить и выдерживать каждому автору въ тотъ періодъ младенчества нашей литературы, и какимъ упорнымъ трудомъ слагалась и выработывалась даже и та, еще жесткая, еще грубоватая и маловыразительная поэтическая и прозаическая рѣчь, которою писали наши авторы въ половинѣ прошлаго вѣка. Сумароковъ критикъ.

Но, критикуя Ломоносова и издѣваясь надъ Тредіаковскимъ, Сумароковъ все же не видѣлъ кругомъ себя никого, кто бы, кромѣ нихъ, хотя сколько-нибудь способенъ былъ съ нимъ равняться. И вотъ, одною изъ главныхъ его заботъ является желаніе ни въ чемъ не отстать отъ Ломоносова: ни въ качествѣ произведеній, ни въ производительности, ни въ разнообразіи литературныхъ родовъ. Не довольствуясь своей обычной лирикой, онъ старается обратить на себя вниманіе и своими ораторскими произведеніями и тоже создаетъ два похвальныхъ слова: *Петру Великому* и *Екатеринѣ II;* пускается и въ исторію — издаетъ въ свѣтъ краткую московскую лѣтопись и изслѣдованіе о первомъ и второмъ стрѣ-

лецкомъ бунтѣ; вдается и въ область языкознанія, рѣшая запутанные грамматическіе вопросы... Но все же, въ памяти потомства онъ остается только смѣлымъ и горячимъ сатирикомъ, не лишеннымъ остроумія и наблюдательности, и авторомъ первыхъ русскихъ драматическихъ произведеній, годныхъ для сцены. Вся остальная масса его произведеній, находившая себѣ усердныхъ читателей и цѣнителей въ современной ему русской публикѣ— давно забыта и никогда никѣмъ не будетъ извлечена изъ этого забвенія.

Первый литераторъ.

Въ заключеніе этой главы не излишнимъ будетъ отмѣтить и еще одно новое явленіе въ русской общественной жизни—и именно въ той области ея, которая ближе всего стоитъ къ литературѣ. Въ личности Сумарокова мы видимъ *перваго русскаго литератора*, занимающагося литературой не въ связи съ наукой или иною какою-либо спеціальностью, не какъ забавою на досугѣ и между дѣломъ, а какъ спеціальностью, какъ единственнымъ своимъ дѣломъ—и притомъ еще дѣломъ, составляющимъ для него главную сущность всей его жизни.

Первый актеръ.

Рядомъ съ этимъ весьма любопытнымъ типомъ „перваго литератора“, видимъ и совершенно новый въ русской жизни типъ *перваго актера*—актера по ремеслу и по призванію, актера, всецѣло принадлежащаго сценическому искусству и даже проникнутаго сознаніемъ достоинства и значенія своей спеціальности. Типъ этотъ былъ совершенно неизвѣстенъ у насъ на Руси до основанія русскаго театра въ Ярославлѣ и затѣмъ—въ Петербургѣ и Москвѣ; и надо признаться, что самое появленіе актера-художника въ русской жизни было несомнѣннымъ доказательствомъ быстраго поступательнаго движенія Россіи по пути просвѣщенія и европейскаго прогресса. До основанія театра, актеръ являлся на Руси скоморохомъ, потѣшникомъ — однимъ изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, къ которымъ большинство русскаго общества позволяло себѣ относиться съ презрѣніемъ или съ небрежнымъ снисхожденіемъ, какъ къ такому злу, которое можно терпѣть и допускать. Извѣстно, что даже и тѣ клирошане, которые, по приказу духовныхъ властей, принимали на себя роли халдеевъ въ „пещномъ дѣйствѣ“, считались уже настолько опозоренными даже и временнымъ исполненіемъ своей роли язычниковъ, что должны были, послѣ окончанія дѣйства, подвергаться извѣстнаго рода покаянію и очищать себя говѣніемъ. И впослѣдствіи, когда иноземныя труппы бывали приглашаемы въ Россію для потѣхъ царя Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ, когда подъ руководствомъ такого почтеннаго дѣятеля, какъ Яганъ Грегори, набирались труппы изъ подьячихъ и дьяческихъ дѣтей — взглядъ на актера не измѣнялся даже и въ образованныхъ слояхъ рус-

скаго общества, и онъ, въ общественномъ положенiи своемъ, поднимался немного выше тѣхъ шутовъ и потѣшниковъ, которыми переполнены были и царскiя палаты, и боярскiя хоромы. Даже и тѣ сценическiе дѣятели, которые набирались изъ разныхъ приказныхъ и грамотныхъ людей и становились „подъ началъ" принципала-иноземца, сами смотрѣли на свое ремесло съ отвращенiемъ и пренебреженiемъ, какъ на тягостную и постыдную „страду", которой приходилось подчиняться поневолѣ, потому что того требовало начальство, исполнявшее царскiй указъ. Затѣмъ, въ Эпоху Преобразованiй, взглядъ на сценическое искусство значительно измѣнился къ лучшему—и даже до такой степени, что юношество „Рыцарской академiи" уже охотно принимало участiе въ представленiяхъ иноземной придворной труппы и затѣмъ у себя, на своей домашней корпусной сценѣ, по доброй волѣ и съ увлеченiемъ, разыгрывало первыя русскiя драмы. Но актера русскаго все еще не было—и это званiе не занимало еще никакой ступени на нашей общественной лѣстницѣ.

Первые актеры.

По счастью, первые представители этого званiя, главные дѣятели ярославской труппы — ея основатель, *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ*, и главный его помощникъ, *Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитрѣвскiй*,—были люди талантливые, умные, исполненные всякихъ достоинствъ и вполнѣ заслуживавшiе общаго уваженiя. Это были актеры-художники и актеры-авторы—какъ и всѣ основатели первыхъ театровъ, во всѣхъ странахъ Европы. Ѳ. Г. Волковъ, кромѣ замѣчательнаго сценическаго таланта, былъ вообще человѣкомъ весьма способнымъ и самоучкой научился рисованью, живописи и рѣзьбѣ по дереву. Благодаря такимъ художественнымъ задаткамъ, онъ и могъ быть душою такого предпрiятiя, въ которомъ самъ писалъ декорацiи, мастерилъ машины, устраивалъ освѣщенiе и удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ основанной имъ сцены... На сценѣ онъ восхищалъ всѣхъ своею сильною, выразительною игрою, а внѣ сцены привлекалъ своимъ умомъ и знанiями. Фонъ-Визинъ, видѣвшiй его неоднократно въ юности, въ домѣ своего дѣда, отзывается съ восторгомъ о томъ впечатлѣнiи, которое на него произвелъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Ближайшiе современники, знавшiе Волкова лично, сохранили намъ свѣдѣнiя о томъ, что онъ не лишенъ былъ и литературнаго таланта: удачно сочинялъ стихотворенiя, въ которыхъ подражалъ складу народныхъ пѣсенъ, и даже задумывалъ написать похвальную оду Петру Великому... Но ни одно изъ его произведенiй до насъ не дошло. Ѳ. Г. Волковъ, такъ удачно основавшiй частную сцену въ Петербургѣ, по желанiю императрицы Елисаветы, въ 1759 году былъ отправленъ въ Москву, чтобы и тамъ устроить и пустить въ ходъ новый русскiй театръ. Впослѣдствiи, будучи близокъ къ одному изъ

главныхъ дѣятелей переворота, облегчившаго Екатеринѣ II восшествіе на престолъ, Ѳ. Г. Волковъ принималъ въ этомъ переворотѣ несомнѣнное и довольно видное участіе. Можетъ-быть, по особому расположенію къ нему со стороны императрицы Екатерины, именно ему, а не кому-либо иному, было поручено устройство въ Москвѣ коронаціоннаго маскарада. Ѳ. Г. Волковъ задумалъ для этого торжественнаго увеселенія очень широкій планъ, и придалъ его выполненію грандіозные, невиданные размѣры. 30-го января 1763 г. по улицамъ Москвы — Большой Нѣмецкой, обѣимъ Басманнымъ, Мясницкой и Покровкѣ—тронулась громадная шутовская процессія ряженыхъ, въ которой участвовало болѣе 4,000 человѣкъ. Всѣ ряженые шли и ѣхали въ опредѣленномъ порядкѣ, разбитомъ на 12 отдѣленій. Въ каждомъ отдѣленіи была особая комическая группа, изображавшая извѣстный порокъ, такъ какъ основною идеею всей процессіи было: „Торжество Минервы, въ коемъ изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели"... При каждой группѣ былъ свой хоръ музыки и особый хоръ пѣвчихъ, который распѣвалъ „хоральныя пѣсни", сложенныя Волковымъ, въ объясненіе группы. Сверхъ того, на двухстахъ колесницахъ, запряженныхъ конями, верблюдами и волами, везли въ процессіи различныя аллегорическія изображенія, и при нихъ — на щитахъ и знаменахъ — надписи въ стихахъ, сочиненныхъ юнымъ поэтомъ Херасковымъ, въ поясненіе аллегорій. Это грандіозное зрѣлище, поразившее москвичей и происходившее при трескучихъ морозахъ [1]), оказалось роковымъ для Волкова: онъ простудился на этомъ маскарадѣ, жестоко заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

И. А. Дмитревскій.

Еще болѣе привлекательною представлялась современникамъ личность другого знаменитаго актера и друга Ѳ. Г. Волкова — И. А. Дмитревскаго (род. 1736 г.). Юношей, только-что окончившимъ курсъ въ рязанской семинаріи, Дмитревскій увлекся страстью къ сценѣ и вступилъ въ труппу Волкова, въ которой первоначально исполнялъ только женскія роли. Вмѣстѣ съ Волковымъ помѣщенный въ Шляхетный кадетскій корпусъ, Дмитревскій основательно успѣлъ тамъ ознакомиться съ иностранными языками и, повидимому, впослѣдствіи много трудился надъ пополненіемъ своего образованія. Современники передаютъ намъ о немъ восторженные отзывы, какъ объ одномъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени. При этомъ онъ умѣлъ такъ самостоятельно и съ такимъ достоинствомъ вести себя въ обществѣ, что всѣ относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, чѣмъ онъ не мало способствовалъ возвышенію значенія актера

[1]) Маскарадъ этотъ не закончился однимъ днемъ, и былъ на той же недѣлѣ повторенъ еще два раза.

въ нашей общественной средѣ. Между 1765—1767 гг. онъ былъ за границей и посѣтилъ важнѣйшіе города Голландіи, Франціи и Германіи, изучая европейскія сцены; тогда же дано было ему порученіе составить для Петербурга французскую труппу. Во время этого пребыванія за границей, онъ сообщилъ одному изъ нѣмецкихъ журналистовъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи русской литературы, и эти свѣдѣнія считаютъ „*первымъ*“ очеркомъ русской литературы, написаннымъ толково, безпристрастно и съ знаніемъ дѣла. Сохранились свѣдѣнія и о томъ, будто бы онъ подбиралъ матеріалы для исторіи русскаго театра и даже написалъ ее отчасти, но этотъ трудъ его не дошелъ до насъ. Несомнѣнно, его перу принадлежатъ три пьесы, передѣланныя имъ съ иностранныхъ оригиналовъ и приспособленныя для русской сцены: „Раздумчивый“, „Демократъ“ и „Лунатикъ“. Въ концѣ жизни, И. А. Дмитревскій, наравнѣ съ другими образованнѣйшими изъ современниковъ Екатерины, былъ удостоенъ избранія въ члены тогдашнихъ ученыхъ обществъ: Россійской Академіи, Бесѣды любителей россійскаго слова и Вольнаго Экономическаго.

Иностранныя труппы.

Первые русскіе актеры были, несомнѣнно, люди достойные и высоко-талантливые, но самое появленіе русскаго театра и русской труппы среди труппъ иноземныхъ было явленіемъ до такой степени неожиданнымъ и новымъ, что положеніе русской труппы и русскихъ актеровъ долго не могло установиться и хотя сколько-нибудь приравняться къ тому положенію, которое занимала въ царствованіе Елисаветы французская труппа Сереньи и итальянская труппа Локателли. Какъ та, такъ и другая труппы стояли въ очень выгодныхъ, можно почти сказать, въ исключительно-выгодныхъ условіяхъ. Итальянская труппа, приглашенная для балета и оперы-буффъ, давала представленія на отдѣльной сценѣ — на старомъ придворномъ театрѣ, близъ Лѣтняго сада. Локателли за входъ въ театръ бралъ со всѣхъ по рублю; за наемъ ложи на годовой срокъ ему платили по 300 руб.; сверхъ того, онъ еще получалъ отъ императрицы весьма щедрые подарки (до 5,000 руб. и болѣе). Французская труппа, до 1749 г., играла постоянно въ одномъ изъ флигелей дворца, а потомъ во вновь построенномъ театрѣ, около Полицейскаго моста (на мѣстѣ нынѣшняго дома Елисѣева). Директоръ этой труппы, Сереньи, сумѣлъ заключить съ правительствомъ очень выгодный контрактъ, при чемъ посѣщеніе французскаго театра для всѣхъ придворныхъ и высшихъ чиновъ считалось обязательнымъ [1]).

Русская труппа.

Положеніе русской труппы было совсѣмъ иное и, надо ска-

[1]) Извѣстенъ даже и такой случай, когда императрица, недовольная пустотою зрительной залы въ театрѣ, пригрозила, что за непріѣздомъ въ театръ будетъ назначено съ знатныхъ персонъ по 50 р. штрафа.

зать правду, далеко не завидное. Опредѣленныхъ средствъ на содержаніе труппы отъ казны не выдавалось; труппа должна была существовать сборами съ публики, а между тѣмъ театральные непорядки въ значительной мѣрѣ этимъ сборамъ вредили. Прежде всего, главною невзгодою, постоянно тяготѣвшею надъ русскимъ театромъ, было то, что русская труппа не имѣла опредѣленнаго мѣста для своихъ представленій, которыя давались то на итальянской, то на французской сценѣ, въ тѣ дни, когда та или другая изъ этихъ сценъ была свободна. Большимъ затрудненіемъ было и то, что для каждаго спектакля въ отдѣльности нужно было получить особое разрѣшеніе отъ гофмаршала, а это разрѣшеніе постоянно запаздывало и иногда приходило почти наканунѣ спектакля. Очень часто случалось, что вмѣстѣ съ этимъ разрѣшеніемъ приходило и увѣдомленіе, что придворные музыканты не будутъ даны въ тотъ вечеръ русской труппѣ, потому что они наканунѣ играли въ маскарадѣ и утомились. Тогда поднималась въ труппѣ суетня: и директоръ, и актеры бѣгали по городу, разыскивая наемныхъ музыкантовъ. Неудивительно, что въ подобныхъ случаяхъ, когда положеніе директора театра становилось совершенно безвыходнымъ, почти трагическимъ, Сумароковъ принимался „бомбардировать“ И. И. Шувалова отчаянными и почти „слезными“ посланіями. „Я все бы исправилъ“,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ фавориту, — „ежели бы была возможность; а сегодня послѣ обѣда зачавъ, до завтра не знаю, какъ передѣлать... Подумайте, сколько теперь еще дѣла: нанимать музыкантовъ, покупать и разливать воскъ (для свѣчей), дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ, дѣлать репетиціи, посылать по статистовъ, посылать къ машинисту, дѣлать распорядокъ о пропускѣ, посылать по карауламъ; а людей только два копіиста: они и копіисты, они и разсыльщики, они и портіеры...“

И сколько онъ ни старался о томъ, чтобы правительство обезпечило русскій театръ такими же условіями, въ какія были поставлены иноземныя труппы—ему этого не удалось достигнуть.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Записки современниковъ и очевидцевъ эпохи царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны.—Записки княгини Долгорукой, князя Шаховского. Нащокина и Данилова.—Труды академиковъ-нѣмцевъ по Русской исторіи.—Споры о происхожденіи Руси.

„Времена мѣняются и мы мѣняемся вмѣстѣ съ временемъ"— такъ гласитъ извѣстная латинская пословица, и эти перемѣны, вызываемыя теченіемъ времени—этотъ „прогрессъ"—лучше всего выражаются въ литературныхъ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ той или другой эпохѣ. Выше, въ одной изъ главъ нашей книги, мы дали бѣглый обзоръ мемуаровъ, непосредственно предшествовавшихъ Эпохѣ Преобразованій и писанныхъ въ самомъ началѣ ея; теперь, переходя къ обзору мемуаровъ, относящихся къ царствованіямъ ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, мы не можемъ не отмѣтить въ нихъ значительнаго успѣха, по сравненію съ мемуарами предшествующей эпохи. Всѣ они писаны гораздо лучше, писаны простымъ, не книжнымъ и не вычурнымъ русскимъ языкомъ, и всѣ принадлежатъ перу людей не просто грамотныхъ, а уже вкусившихъ отъ плодовъ просвѣщенія и прошедшихъ извѣстную школу. Это уже не грубыя, краткія, аляповатыя записи о событіяхъ, неосвѣщенныя никакою критикою, несвязанныя между собою никакою нитью въ живое повѣствованіе; это уже плавно изложенныя записки людей, которые не просто записываютъ на память событія, совершавшіяся передъ ихъ глазами, а передаютъ и впечатлѣнія свои, высказываютъ и мнѣнія, вставляютъ въ разсказъ и мѣткія замѣчанія, и наблюденія свои. Наконецъ, здѣсь мы встрѣчаемся впервые съ *авторомъ-женщиною*, которая оставила намъ въ своихъ „Запискахъ" прекрасное, глубоко-прочувствованное произведеніе — памятникъ нѣжной привязанности къ любимому человѣку и глубокаго смиренія передъ Провидѣніемъ. А подобное явленіе нельзя не считать новымъ и замѣчательнымъ; нельзя не указать на него, какъ на важный симптомъ наступленія новаго періода въ исторіи русской жизни и общественности. До-Петровская женщина была безмолвна и безгласна, а ея радости и ея страданія такъ мало привлекали чье бы то ни было вниманіе, что ни одной изъ женщинъ той отдаленной эпохи не пришло бы въ голову описывать событія своей жизни... Притомъ и образованіе женщинъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, поднималось даже до уровня простой грамотности и начитанности въ Св. Писаніи или въ произведеніяхъ религіозно-нравственной письменности. Нѣчто совсѣмъ иное встрѣчаемъ мы въ „Запискахъ" княгини Н. Б. Долгорукой...

Первая писательница.

Н. Б. Долгорукая.

Наталья Борисовна Долгорукая—дочь Бориса Петровича Шереметева, фельдмаршала и любимца Петра Великаго—принадлежала къ знатному и уже изстари-богатому роду бояръ Шереметевыхъ. Отецъ Натальи Борисовны, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ первыхъ вельможъ Петрова Двора, которые по доброй волѣ и съ полною готовностью перешли отъ прежняго московскаго быта къ европейскимъ условіямъ и обстановкѣ жизни; онъ озаботился и о томъ, чтобы дать дочери образованіе, сообразное съ потребностями наступившей новой эпохи. Красивой, богатой, знатной, молодой дѣвушкѣ жизнь сулила впереди всѣ блага, все счастіе, какое доступно человѣку на землѣ. Но на бѣду ея, наступилъ въ жизни русскаго общества именно тотъ страшный и мрачный періодъ, въ теченіе котораго люди такъ же быстро восходили до высшей степени почестей, богатства и славы, какъ быстро и падали, и лишались всего разомъ, а иногда платились даже жизнью за свое краткое торжество и блескъ. Такъ случилось и съ Натальей Борисовной. Изъ всѣхъ жениховъ, искавшихъ руки богатой невѣсты, ей болѣе другихъ понравился любимецъ Петра II, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій — „первая персона въ государствѣ"; ему отдала она руку свою и сердце. Обрученіе молодой счастливой четы было обставлено сказочнымъ великолѣпіемъ и роскошью: вся царская фамилія присутствовала на этомъ торжествѣ, вся знать, всѣ высшіе сановники въ государствѣ. Брильянты, золото, безцѣнные дары—рѣкою лились на жениха и невѣсту, окруженныхъ лестью, услугами, всѣмъ торжествомъ и блескомъ, какіе могутъ прійти въ голову избалованному счастіемъ человѣку... И вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, все это исчезло, разлетѣлось прахомъ. Анна Іоанновна вступила на престолъ и „верховники" пали: ихъ постигла безпощадная опала и ссылка въ далекій, страшный Березовъ... И вотъ именно въ этотъ трагическій моментъ высказалось высокое, героическое благородство характера Натальи Борисовны: въ то время, когда всѣ друзья и родные уговаривали ее отказать опальному жениху и выйти замужъ за другого, который уже готовъ былъ воспользоваться несчастіемъ Долгорукаго, Наталья Борисовна рѣшилась выйти замужъ за избранника своего сердца и раздѣлить съ нимъ всѣ ужасы и бѣдствія ссылки. Прекрасно характеризуетъ ее то мѣсто „Записокъ", въ которомъ она передаетъ свое душевное состояніе въ этотъ трудный моментъ своей жизни:

„Какое это мнѣ (было бы) утѣшеніе, и честна (ли была бы) эта совѣсть, (что) когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему... Я такъ положила свое намѣреніе: когда сердце одному отдавъ—жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви...

Я не имѣла такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него вышла"...

Но героинѣ и испытанія предстояли геройскія. Послѣ того, какъ она провела со своимъ мужемъ семь или восемь лѣтъ въ тяжкой и бѣдственной ссылкѣ, дѣля съ нимъ горе и претерпѣвая всякія лишенія, злобные враги нѣкогда гордыхъ и сильныхъ временщиковъ еще разъ вспомнили о нихъ, и убѣдили императрицу, что „дѣло" ихъ еще разъ надо переслѣдовать—еще разъ ихъ допросить и судить... Несчастныхъ князей Долгорукихъ приказано было взять изъ ссылки и привезти въ Новгородъ; здѣсь они были подвергнуты вторичному допросу и пыткѣ; и затѣмъ казнены... Наталья Борисовна, оставленная въ ссылкѣ, узнала объ ужасной смерти мужа только черезъ три года послѣ того, какъ голова его пала на плахѣ... Возвращенная изъ ссылки императрицею Елисаветою Петровною, въ 1742 году, она жила нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ домѣ брата своего, и занималась здѣсь воспитаніемъ своихъ дѣтей; какъ только ей удалось устроить ихъ судьбу, она удалилась въ Кіевъ и постриглась въ монахини, а потомъ приняла схиму. Горестная повѣсть ея жизни, увѣковѣченная ея прекрасными и высоко-назидательными записками, заканчивается извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Березовъ. Легко можетъ быть, что „Записки" случайно оборвались на этомъ фактѣ; а, можетъ-быть, ихъ авторъ, по весьма понятному внутреннему побужденію, не захотѣлъ вести ихъ далѣе. Какъ бы то ни было, но эти „Записки" всегда останутся однимъ изъ цѣнныхъ памятниковъ нашей литературы прошлаго вѣка. Въ заключеніе сказаннаго нами не

Н. Б. Долгорукая.

можемъ не привести здѣсь же еще нѣсколько строкъ изъ „Записокъ“ Натальи Борисовны, ясно указывающихъ на то, что у ней, при составленіи этой скорбной повѣсти, была своя весьма опредѣленная и прекрасная цѣль.

„Господи!—Дай силъ изъяснить мои бѣды!“ восклицаетъ она, „чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, всѣ дни живота проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученія съ милымъ,—все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрѣпляла...“

Трагическая судьба Натальи Борисовны вдохновила одного изъ нашихъ поэтовъ, Козлова, избрать этотъ привлекательный типъ женщины въ героини трогательной поэмы [1]). Нѣсколько сглаживая тѣ историческія условія, въ которыхъ происходили событія жизни избранной имъ героини, поэтъ сумѣлъ прекрасно передать тѣ чувства, которыя должны были волновать несчастную женщину при извѣстіи о кончинѣ мужа, когда отчаяніе вынуждало ее желать смерти, а долгъ матери напоминалъ о необходимости выполнить обязанности свои къ сыну... Когда

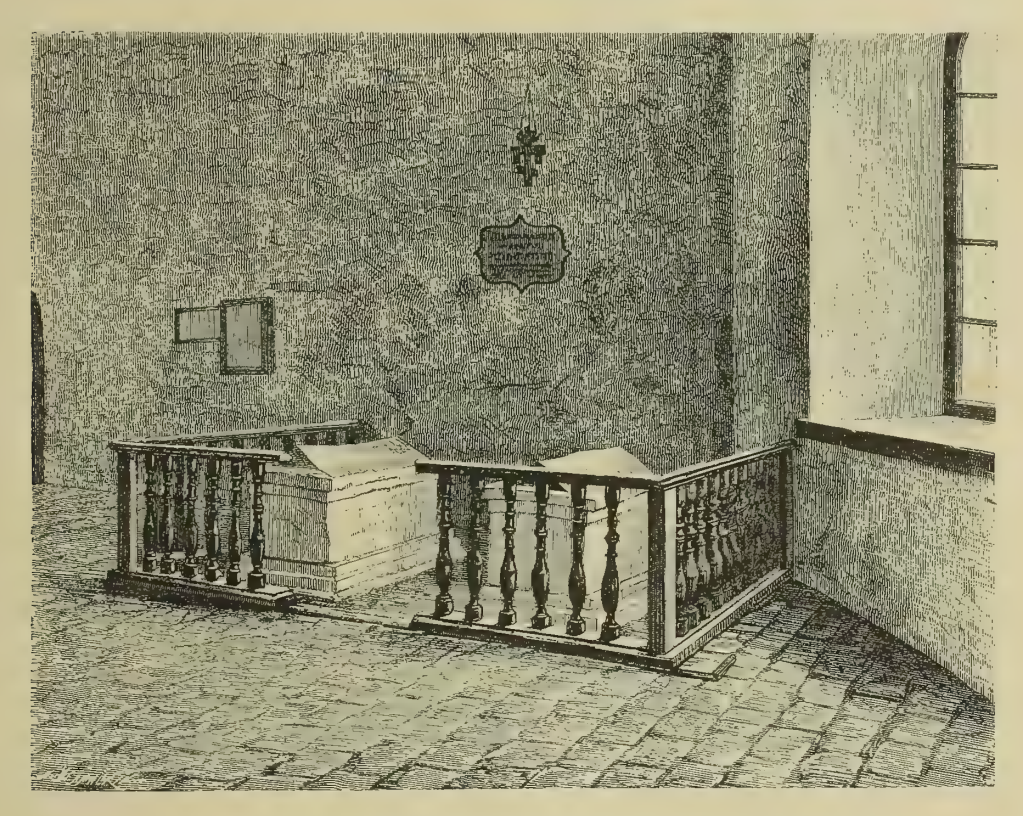
«Его кровавая могила,
Страша, къ себѣ ее манила;
А долгъ святой велитъ терпѣть:
Нельзя ни жить, ни умереть...
Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою...»

Записки Нащокина.

Прямую противоположность живымъ и высоко-поучительнымъ „Запискамъ“ Натальи Борисовны Долгорукой составляютъ „*Записки Василія Александровича Нащокина*“ и „*Записки князя Якова Петровича Шаховского*“. Эти мемуары возстановляютъ передъ нами во всѣхъ подробностяхъ типы двухъ „русскихъ служилыхъ людей XVIII вѣка: одного — военнаго, другого статскаго. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ „Запискахъ“ мы знакомимся не столько съ личною жизнью, воззрѣніями и убѣжденіями авторовъ, сколько съ ихъ служебною дѣятельностью и карьерою, и съ тою обстановкою, въ которой эта карьера совершалась въ прошломъ вѣкѣ. Подробности объ этой служебной дѣятельности, видимо составляющія единственный интересъ въ жизни автора, даже очень прискучаютъ намъ въ „Запискахъ“ В. А. Нащокина (род. 1707 г.,

[1]) Поэма Козлова и озаглавлена: «*Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.*

† 1761 г.), который отъ ранней молодости попалъ въ военную службу и прошелъ въ ней всѣ чины до генералъ-лейтенанта включительно. Внѣ военной службы, для него нѣтъ ни людей, ни событій, на которыя бы стоило обращать вниманіе: даже о такомъ событіи, какъ открытіе университета въ Москвѣ, В. А. Нащокинъ говоритъ только со стороны тѣхъ служебныхъ льготъ, которыя пребываніе въ новомъ высшемъ учебномъ заведеніи можетъ доставить. Притомъ же, Нащокинъ и самъ—человѣкъ простой, ограниченный, и не просвѣщенный даже въ самомъ невзыскательномъ смыслѣ слова; многими своими воззрѣніями и поня-



Могилы князей Долгорукихъ въ Новгородѣ, въ храмѣ во имя Николая Чудотворца, что на Красномъ полѣ.

тіями онъ напоминаетъ намъ своихъ предковъ XVII вѣка, да и вообще недалеко отъ нихъ ушелъ.

„Записки“ князя Я. П. Шаховского (род. 1705 г., † 1772 г.), состоявшаго на службѣ при трехъ императрицахъ, въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ, видѣвшаго всѣ удивительные перевороты, такъ быстро возводившіе и низвергавшіе людей—съ самыхъ верхнихъ, на низшія ступени общественной лѣстницы—представляютъ болѣе интереса, нежели „Записки“ Нащокина, хотя и читаются не особенно легко, потому что писаны тяжелой канцелярской прозой прошлаго вѣка. Дѣловитый и точный служака, извѣстный

Записки Шаховского.

76*

своею честностью и безкорыстіемъ, князь Я. П. Шаховской и на „Записки" свои смотритъ тоже, какъ на „дѣло", и ихъ излагаетъ „умѣренно" и „аккуратно", какъ служебный журналъ или протоколъ, не волнуясь, не прибавляя красокъ, не внося въ описываемое имъ ни чувства, ни сердечнаго жара. Благодаря такому настроенію душевному, авторъ часто не различаетъ даже событій и по степени важности: одинаково-ровнымъ тономъ разсказываетъ онъ о своихъ мелкихъ служебныхъ невзгодахъ и о томъ, напр., какъ ему пришлось отправлять въ ссылку своихъ недавнихъ покровителей и милостивцевъ. Но все же, и по личности автора — человѣка умнаго и наблюдательнаго, и достаточно образованнаго— и по положенію, которое онъ, какъ сенаторъ, оберъ-прокуроръ и генералъ-кригсъ-комиссаръ, занималъ въ обществѣ — „Записки" князя Я. П. Шаховского весьма интересны и имѣютъ даже не маловажное историческое значеніе. Его личныя сношенія съ первѣйшими чинами Двора—такими, какъ Биронъ, Минихъ, Волынскій, Шуваловъ и др.,—знакомятъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое эти историческія лица производили на безпристрастнаго сторонняго наблюдателя; а подобныя впечатлѣнія наблюдателей-современниковъ всегда прибавляютъ живыя черты къ характеристикѣ историческихъ личностей.

Записки М. В. Данилова.

Гораздо болѣе важными для изученія бытовой стороны русской жизни прошлаго вѣка оказываются *„Записки" артиллеріи-маіора Михаила Васильевича Данилова* (род. 1722 г., † 1790 г.), которыя положительно даютъ намъ ключъ къ пониманію многихъ типовъ нашей провинціи XVIII вѣка, мѣтко схваченныхъ и живьемъ внесенныхъ въ литературу и журналистику Екатерининскаго времени. Въ этомъ отношеніи „Записки" М. В. Данилова—памятникъ весьма характерный и достойный полнаго вниманія: авторъ ихъ поднимаетъ завѣсу, прикрывающую темные углы захолустной жизни средняго и мелко-помѣстнаго дворянства, коснѣвшаго въ застоѣ, невѣжествѣ и нечистоплотной грубости нравовъ. При этой новости и живости содержанія, „Записки" Данилова отличаются еще однимъ важнымъ достоинствомъ: удивительною простотою языка и изложенія, безъ малѣйшаго притязанія на стиль или риторическія прикрасы. И, несмотря на эту простоту, передъ глазами нашими развертывается полная и живая картина непривлекательнаго, темнаго помѣщичьяго быта, съ его нелѣпыми воспитательными пріемами, съ его дикими понятіями, съ безсмысленною жестокостью въ дѣлѣ обученія, съ его грубымъ насиліемъ и ужасными расправами. Безхитростныя страницы скромнаго бытописателя переносятъ насъ въ темныя, ветхія, покривившіяся хоромы этихъ барскихъ усадьбъ и вводятъ насъ въ среду интересовъ обитающаго въ нихъ мелкаго дворянства, со

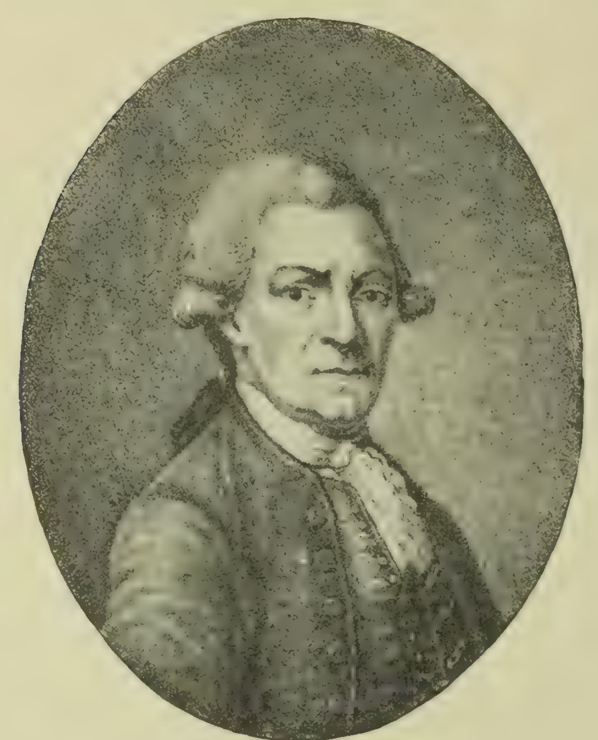
всѣми его причудами и предразсудками, со всѣмъ нестройнымъ міровоззрѣніемъ, со всѣми опасеніями со стороны постоянно угрожающаго ему произвола властей или насилія разбойниковъ, пользующихся полною свободою дѣйствій среди административной неурядицы. Многія страницы „Записокъ" Данилова, послѣ прочтенія ихъ, навсегда врѣзываются намъ въ память и возобновляются въ ней во всей свѣжести своихъ красокъ при чтеніи комедій Екатерины, Фонвизина и Капниста, или при пересмотрѣ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени, ратующихъ противъ остатковъ невѣжества и застоя въ среднихъ слояхъ общества и провинціальнаго дворянства.

Я. П. Шаховской, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ.

Изученіе русской исторіи.

Рядомъ съ „Записками" и мемуарами, составляющими одинъ изъ важныхъ матерьяловъ для исторіи нашего общества, нелишнимъ считаемъ здѣсь же вкратцѣ указать на то, что въ этотъ переходный и темный періодъ (отъ Петровскихъ временъ и до царствованія Елисаветы) было сдѣлано въ области изученія Русской исторіи вообще. Выше мы видѣли уже тѣ первые общіе труды по исторіи Россіи, которые, въ Эпоху Преобразованій, явились важнымъ симптомомъ времени — на смѣну наивнымъ, полу-лѣтописнымъ, полудьяческимъ трудамъ Гизеля и дьяка Грибоѣдова. Труды Манкіева и Татищева уже не напоминаютъ собою труды этихъ предшественниковъ; мы уже видимъ въ нихъ попытки создать нѣчто послѣдовательное и цѣльное на основаніи сырого матерьяла, избираемаго съ нѣкоторою критическою осмотрительностью. Татищевъ, какъ мы видѣли уже, сознавалъ и важность изученія и обнародованія древнихъ памятниковъ Русской исторіи и русскаго быта, и важность изученія географіи и топографіи Россіи, которыя находились еще въ зачаточномъ состояніи. Быть-можетъ, именно отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ плановъ изученія Россіи, которые старался провести Татищевъ, но еще гораздо болѣе подъ вліяніемъ предначертаній самого Петра Великаго, съ самаго учре-

жденія Академіи Наукъ, изученіе Русской исторіи пошло рука-объ-руку съ изученіемъ Русской географіи и, при широко пробуждавшемся самосознаніи общественномъ, двинулось впередъ быстрыми шагами. И правительство, и общество въ равной степени желали поскорѣе увидѣть первый связно-изложенный трудъ по Русской исторіи... Въ данномъ случаѣ, впрочемъ,—по всей справедливости,—слѣдуетъ воздать должную честь именно тѣмъ дѣятелямъ-иностранцамъ, которые, пріѣхавъ въ неизвѣстную имъ, едва только еще призванную къ жизни страну, отнеслись къ ней съ просвѣщеннымъ вниманіемъ европейцевъ и посвятили изученію Россіи лучшіе годы своей жизни и массу матерьяльнаго труда. Во главѣ этихъ иноземныхъ ученыхъ стоятъ два имени дорогихъ для русскаго сердца: Байеръ и Мюллеръ.



Крашенинниковъ, первый изслѣдователь Камчатки.

Путешествіе академиковъ.

Въ то самое время, когда одни обращались къ изученію Россіи изъ горячаго чувства патріотизма, какъ ревностные любители [1]), Академія Наукъ, въ первые же и многотрудные годы своего существованія, обратила вниманіе своихъ членовъ на ту же неисчерпаемо-обильную и обширную область наблюденій. Уже въ 1733 году задумана была и снаряжена въ путь первая ученая экспедиція въ Сибирь и Камчатку, и во главѣ ея поставлены академики Мюллеръ (будущій исторіографъ) и Гмелинъ (естественникъ), а въ помощь имъ и для облегченія ихъ сношеній съ народомъ приданы студенты Красильниковъ и Крашенинниковъ. Эта экспедиція продолжалась около десяти лѣтъ и доставила богатѣйшій матерьялъ по исторіи, географіи, этнографіи и археологіи Россіи,

[1]) Такими именно любителями являются много оказавшіе услугъ Русской географіи и типографіи—И. К. Кирилловъ и П. И. Рычковъ. Первый, воспользовавшись Петровскими ландкартами, собранными въ Сенатѣ (гдѣ онъ служилъ оберъ-секретаремъ), издалъ около 1734 г. первый атласъ Россіи; второй трудился съ успѣхомъ надъ топографіей Оренбургскаго и Астраханскаго края.

а также и по изученію минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ въ предѣлахъ Россіи. Труды этой экспедиціи, изданные впослѣдствіи (хотя и далеко не въ полномъ составѣ), послужили образцомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій Россіи позднѣйшими путешественниками изъ академиковъ, значительно подвинувшими впередъ наше отчизновѣдѣніе [1]).

Изученіе историческихъ источниковъ. Г. С. Байеръ.

Въ связи со всѣми подобными попытками пробуждающагося самопознанія шли и попытки критическаго изученія *основныхъ началъ и древнѣйшихъ источниковъ русской исторіи*. Русскія силы были еще не достаточно подготовлены для этого кропотливаго труда и за него взялись болѣе просвѣщенные, болѣе опытные въ наукѣ иноземцы, волею Великаго Преобразователя вызванные въ Россію. Согласно общему характеру изслѣдованій историческихъ того времени, и эти иноземцы ранѣе всего обратили вниманіе на область историческаго наблюденія, наиболѣе темную и, можетъ-быть, потому именно наиболѣе возбуждавшую пытливость ученыхъ изслѣдователей. Первымъ за эти изслѣдованія принялся *Готлибъ-Сигфридъ Байеръ* (род. 1694 г., сконч. 1738 г.), выписанный изъ Германіи для занятія въ Академіи Наукъ каѳедры „или древностей, или восточныхъ языковъ, или исторіи, или же, наконецъ, чтобы сдѣлаться исторіографомъ Ея Императорскаго Величества“. Такъ значилось въ посланномъ къ нему предложеніи отъ Академіи. Байеръ, знакомый съ языками семитическими, особенно много занимавшійся китайскимъ языкомъ и одинъ изъ первыхъ европейскихъ ученыхъ, признавшій важность изученія санскрита— избралъ каѳедру древностей и восточныхъ языковъ, на которую былъ принятъ въ Академіи. Продолжая заниматься своею спеціальностью, онъ, однакоже, увлекся древнею русскою исторіею, а также скиѳскою и сѣверною скандинавскою; увлекся и мѣстными древностями, представлявшими тогда еще никѣмъ не обслѣдованную область археологіи. Отлично знакомый съ классическими и восточными языками, онъ, по какому-то странному упорству воли [2]), не хотѣлъ приняться за изученіе русскаго языка, и потому въ своихъ изслѣдованіяхъ по части русской исторіи ограничивался только тѣмъ періодомъ, въ которомъ могъ безъ русскаго языка обходиться, основываясь на писателяхъ иноземныхъ (вопросами

[1]) Собственно говоря, въ этой экспедиціи участвовалъ еще и третій академикъ, Делиль-де-ля-Кройеръ (родственникъ Делиля астронома); но онъ положительно ничего не дѣлалъ: почти шесть лѣтъ ни единою строчкою не давалъ о себѣ знать въ Академію, и болѣе занимался пьянствомъ и запретнымъ торгомъ пушными товарами и табакомъ, нежели научными наблюденіями. Онъ умеръ отъ цынги на кораблѣ Беринга, когда тотъ подъѣзжалъ къ Камчаткѣ, возвращаясь отъ береговъ Сѣверной Америки.

[2]) Мюллеръ въ своихъ свѣдѣніяхъ о Байерѣ совершенно невѣрно говоритъ, будто «заняться русскимъ языкомъ не допустили Байера его лѣта и другія занятія». Байеръ пріѣхалъ въ Россію не старше 31—32 лѣтъ.

о Скиѳахъ, Варягахъ, о древней географіи по Константину Порфирородному и Скандинавамъ). Будучи глубокимъ ученымъ и весьма проницательнымъ критикомъ, онъ прежде всѣхъ высказалъ мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ и собралъ всѣ важнѣйшія доказательства этой теоріи, какими и донынѣ пользуются ученые послѣдователи такъ-называемой „скандинавской школы". Изслѣдованія свои Байеръ писалъ по-латыни [1]) и ими исключительно наполнялъ, въ первые годы изданія, историческій отдѣлъ „Комментаріевъ Академіи"; многія изъ этихъ изслѣдованій, впослѣдствіи, были переведены на русскій языкъ Киріакомъ Кондратовичемъ и Тредіаковскимъ.

Г. Ф. Мюллеръ.

По слѣдамъ Байера вскорѣ пошелъ другой смѣлый ученый *Герардъ Фридрихъ Мюллеръ* (род. 1705 г., ум. 1783 г.), прибывшій въ Россію на двадцатомъ году и привязавшійся въ такой степени къ своему новому отечеству, что онъ уже и не покидалъ его до самой кончины. Извѣстный историкъ нашъ, покойный Бестужевъ-Рюминъ, называетъ его „*настоящимъ отцомъ русской исторической науки*". Чрезвычайно любопытны были тѣ поводы, которые побудили его къ пріѣзду въ Петербургъ. Вызванъ онъ былъ сюда академикомъ Колемъ (о заслугахъ его намъ еще придется говорить впослѣдствіи), который зналъ талантливаго юношу еще въ Германіи и очень желалъ видѣть его у себя въ Россіи помощникомъ. Чтобы соблазнить юношу къ пріѣзду въ Петербургъ, Коль писалъ ему: „мнѣ такъ же хорошо въ Петербургѣ, какъ и въ Германіи",—и добавлялъ (зная слабость молодого человѣка къ книгамъ): „библіотека при Академіи превосходная. Nihil deest ad altiora nitenti... Вы и сами со временемъ можете здѣсь быть библіотекаремъ".

Мюллеръ явился въ Петербургъ въ 1725 г., въ скромномъ званіи „студента", съ 200 р. жалованья въ годъ, и два года сряду занимался преподаваніемъ латинскаго языка, исторіи и географіи въ академической гимназіи. Но его тотчасъ же оцѣнили и дали ему занятія по способностямъ, сначала при архивѣ академіи, а потомъ при изданіи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и „*Примѣчаній*" къ нимъ. Около того же времени онъ, по собственной охотѣ, занялся составленіемъ родословныхъ таблицъ, которыя, по его собственному признанію, подготовили его къ занятіямъ Русскою исторіею. Мало-по-малу, Мюллеръ вошелъ въ роль настоящаго помощника Шумахера, и не далѣе, какъ въ 1730 году, былъ даже посланъ за границу отъ Академіи съ различными учеными порученіями. Вспоминая объ этомъ путешествіи въ своей автобіографіи, Мюллеръ говоритъ о себѣ, между прочимъ: „Съ молодыхъ

[1]) На этомъ же языкѣ переписывался и постоянно сносился онъ со своими русскими друзьями, княземъ Антіохомъ Кантемиромъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Tobolsk d. 26 Martii 1734

Hochedelgebohrener

Hochzuehrender Herr Professor

Wenn bisshero meine Schuldigkeit im Schreiben gegen Ew. Hochedelgeb. aus der acht gelassen, so ist gewiss die Ursache diese gewesen, dass die vielen Reise-Geschäffte zu der Zeit da eine Gelegenheit abgegangen, mir solches nicht erlaubet haben. Ich gratuliere Ew. Hochedelgeb. zu demjenigen [illegible], welches der H. Agent Lange, und der schon vorhin abgereisete H. Puchert, um andere [illegible] Literatur [illegible] zu bringen [illegible] machen werden. Meine bisherige Arbeit ist hauptsächlich in Beschreibung der Reise und der angetroffenen verschiedenen Nationen bestanden. Auch habe in denen Russischen Städten zu Aufklärung der [illegible] Genealogie u. Historie einige wenige Nachrichten gesammlet, [illegible] wünsche, dass sie Ew. Hochedelgeb. Approbation finden mögen. Allhier bin am meisten mit Durchsuchung des Tobolskischen Archivs beschäfftiget, aus welchem excerpiren u. abschreiben lasse was mir nöthig dünket. Ich empfehle mich Ew. Hochedelgeb. nebst der [illegible] Liebsten u. [illegible] gantz gehorsamst und [illegible]

Ew. Hochedelgeb.

ergebenster Diener

G. F. Müller

Hr. Prof. Bayer

Снимокъ съ письма академика Мюллера изъ Тобольска, отъ 26 марта 1734 года.

лѣтъ до возвращенія моего изъ путешествія по Англіи, Голландіи и Германіи, я былъ болѣе полигисторомъ и занимался болѣе исторіею учености и свѣдѣніями, которыя требуются отъ библіотекаря: обширная библіотека отца воспитывала во мнѣ эту склонность. Въ Петербургѣ я счелъ нужнымъ проложить другой ученый путь;—это была *русская исторія*, которую я вознамѣрился не только самъ прилежно изучать, но и сдѣлать извѣстною другимъ

Академикъ П. С. Палласъ.

въ сочиненіяхъ по лучшимъ источникамъ. Смѣлое предпріятіе! Я еще ничего не сдѣлалъ въ этой области и былъ еще не совсѣмъ опытенъ въ русскомъ языкѣ, однако полагался на литературныя познанія и на мое знакомство съ тѣми изъ находившихся въ академической библіотекѣ книгами и рукописями, которыя я учился переводить при помощи переводчика". „Ничего еще не сдѣлалъ", но твердо вознамѣрился сдѣлать—и избралъ для этого самый вѣрный и правильный путь: основательное изученіе русскаго языка. И вотъ, ободряемый Байеромъ, онъ уже въ 1732 г.

издаетъ первый, а въ слѣдующемъ—второй и третій выпуски „*Сборника матерьяловъ по русской исторіи*" (Sammlung russischer Geschichten), которымъ начался длинный рядъ его изслѣдованій и изданій по русской исторіи.

Сибирская экспедиція.

Въ августѣ 1733 года Мюллеръ отправился вмѣстѣ съ академикомъ Гмелинымъ въ вышепомянутую нами Сибирскую экспедицію, черезъ Казань и Екатеринбургъ, и въ концѣ января достигъ Тобольска. Здѣсь впервые онъ приступилъ къ архивнымъ разысканіямъ, которыя дали ему возможность накопить драгоцѣнный запасъ свѣдѣній по исторіи Сибири, и не только открыть, но и сохранить для потомства массу грамотъ и иныхъ памятниковъ, въ высшей степени важныхъ для исторіи этой отдаленной окраины обширнаго Русскаго Царства. „Я былъ такъ счастливъ", — разсказываетъ Мюллеръ, — „что досталъ въ Тобольскѣ старинную *Сибирскую лѣтопись* съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія (по вопросу о завоеваніи Сибири) и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность" [1]).

П. И. Рычковъ.

[1]) Рукопись эту Мюллеръ получилъ отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича—дяди того Василія Мировича, который былъ казненъ при Екатеринѣ II за покушеніе освободить заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости принца Іоанна Антоновича.

Съ Тобольска началась работа Мюллера въ сибирскихъ архивахъ и *надъ* сибирскими архивами, такъ какъ онъ не довольствовался тѣмъ, что всѣ архивы просматривалъ и приказывалъ дѣлать себѣ изъ архивныхъ матерьяловъ важныя и нужныя по его соображенію выписки, но еще и приводилъ самые архивы въ строгій порядокъ, располагая ихъ по годамъ, въ хронологической послѣдовательности. Изъ Тобольска—по р. Иртышу, по р. Тарѣ—Мюллеръ отправился въ Омскъ, Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ, и съ восторгомъ описываетъ это путешествіе: „по такой странѣ, гдѣ прежде ихъ никто не бывалъ, который бы о сихъ мѣстахъ извѣстіе сообщить могъ". Заѣхавъ въ Колывань, потомъ въ Кузнецкъ, академики посѣтили Томскъ, Енисейскъ и Красноярскъ, и въ мартѣ 1735 г. пріѣхали въ Иркутскъ. Цѣлый годъ провели они въ поѣздкахъ въ Селенгинскъ, Кяхту и Нерчинскъ; а слѣдующую зиму провели въ Якутскѣ. Здѣсь у Мюллера и Гмелина явилась мысль отдѣлиться отъ экспедиціи, которая должна была далѣе слѣдовать въ Камчатку, и съ разрѣшенія Академіи Наукъ продолжать свое путешествіе по Сибири [1]). Изъ Якутска направились они въ Енисейскъ и въ теченіе 1789 г. изслѣдовали различныя мѣстности и достопримѣчательности Сибири около Енисейска и Красноярска. Въ 1740 г. Мюллеръ, посѣтивъ Красноярскъ, поѣхалъ въ Томскъ, гдѣ изучалъ бытъ остяковъ, посѣтилъ Нарымъ, Сургутъ и пробрался въ Березовъ. „Здѣсь я имѣлъ счастіе,—разсказываетъ Мюллеръ,—при розысканіяхъ въ архивѣ, открыть много старинныхъ и полезныхъ извѣстій, которыя велѣлъ списать для будущаго пользованія". Затѣмъ занимался изученіемъ быта вогуловъ, и вернулся въ Тобольскъ. Объѣздивъ и обслѣдовавъ всѣ окрестныя и близкія къ Тобольску мѣста, осмотрѣвъ замѣчательные историческіе памятники (въ родѣ „Писанаго Камня" и „Чудской палатки"), Мюллеръ провелъ еще два года въ посѣщеніи различныхъ мѣстностей Пермскаго края и въ изученіи пермскихъ архивовъ. Отсюда, изъ Верхотурья, черезъ Соликамскъ, Устюгъ Великій, Вологду, Бѣлоозеро и Старую Ладогу, Мюллеръ 14 февраля 1743 г. вернулся въ Петербургъ, пробывъ въ экспедиціи безъ малаго десять лѣтъ и проѣхавъ, по собственному исчисленію, 31.362 версты.

Сибирскіе архивы.

Результаты, добытые Мюллеромъ изъ такого продолжительнаго и труднаго путешествія, были неисчислимы: сверхъ всего того, что онъ пріобрѣлъ для русской науки въ области исторіи и этнографіи, ознакомившись съ мѣстными промыслами и условіями жизни въ отдаленнѣйшихъ областяхъ и окраинахъ Россіи,

Результаты экспедиціи.

---

[1]) Въ Камчатку, съ Берингомъ и Делилемъ-де-ла-Кройеръ поѣхалъ только студентъ Крашенинниковъ, который и пріобрѣлъ себѣ описаніями этой страны почетное имя въ наукѣ.

онъ имѣлъ полное право сказать, что „привелъ въ полную ясность Сибирскую исторію собраніемъ всѣхъ, до нея принадлежащихъ актовъ, и имѣлъ счастіе извлечь изъ архивовъ подробныя извѣстія о всѣхъ главныхъ происшествіяхъ, случившихся (въ Сибири) съ 7101 года, по греческому времясчисленію". Другими словами, онъ собралъ всѣ свѣдѣнія по исторіи Сибири, кромѣ первыхъ 16 лѣтъ отъ ея завоеванія Ермакомъ, такъ какъ объ этихъ годахъ никакихъ свѣдѣній въ сибирскихъ архивахъ не сохранилось. Такимъ образомъ, Мюллеру удалось уже заранѣе подготовить полный матерьялъ по исторіи одной изъ окраинъ Россіи въ то время, когда для исторіи самого государства и народа Русскаго матерьялъ только еще начиналъ подбираться.

Мюллеръ и его враги.

Встрѣченный въ Академіи массою непріятностей со стороны Шумахера и его партіи, несправедливо-лишенный обѣщанной отъ правительства награды, Мюллеръ, зная себѣ цѣну, не унывалъ; онъ продолжалъ трудиться и работать въ той области, которая отнынѣ и на всю жизнь стала его любимою и исключительною спеціальностью, и, годъ спустя послѣ пріѣзда изъ Сибири въ Петербургъ, онъ уже представилъ „*Предложеніе объ учрежденіи при Академіи Наукъ историческаго департамента для сочиненія исторіи и географіи Россіи*". Къ этому своему предложенію онъ присоединилъ прекрасно составленные и вполнѣ разумные планы, по которымъ будущій историческій департаментъ долженъ былъ дѣйствовать при собираніи матерьяловъ по исторіи и географіи Россіи, которыя онъ справедливо считалъ одинаково важными для нашего просвѣщенія и одинаково „*находящимися во младенчествѣ*". Но и въ этомъ предложеніи, какъ и во всѣхъ своихъ трудахъ, и во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, Мюллеръ встрѣтилъ помѣхи и препятствія всякаго рода со стороны своихъ заклятыхъ враговъ, Шумахера и Теплова, а впослѣдствіи и Ломоносова, когда тотъ пріобрѣлъ вѣсъ и значеніе въ дѣлахъ академическихъ. Какого рода были эти препятствія и помѣхи—теперь даже и повѣрить трудно... Враги Мюллера слѣдили за каждымъ его шагомъ и къ каждому шагу его придирались, чтобы сдѣлать ему хотя что-нибудь непріятное и хоть чѣмъ-нибудь затмить блескъ несомнѣнно заслуженной имъ славы. Такъ, напримѣръ, ему постоянно дѣлали всевозможныя затрудненія въ печатаніи его трудовъ, навлекали на него, по поводу именно его занятій исторіею и географіею Россіи, всевозможныя подозрѣнія со стороны президента Академіи и даже правительства, мѣшали ему въ его занятіяхъ историческими изслѣдованіями [1]), запрещали публичное чтеніе рѣчей только по-

[1]) Такъ, напримѣръ, отъ него требовали подписки въ томъ, что онъ не будетъ заниматься составленіемъ родословныхъ таблицъ.

тому, что находили приводимые въ нихъ факты несогласными съ требованіями узкаго патріотизма [1]) и т. п. Всѣ эти непріятности и мелкая внутренняя академическая борьба еще въ значительной степени усиливались и усложнялись вслѣдствіе того, что Мюллеръ обладалъ такимъ же твердымъ и неукротимымъ нравомъ, какъ и Ломоносовъ, и въ порывахъ гнѣва забывалъ все и готовъ былъ на всякія крайности... Но его мощная, богато-одаренная натура дала ему возможность, какъ и Ломоносову, выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ дрязгъ и борьбы — и не сбиться съ неуклонно-намѣченнаго пути. По возвращеніи изъ Сибири, онъ продолжалъ издавать прежде начатый имъ „*Сборникъ по русской исторіи*“ (на нѣмецкомъ языкѣ) и до 1765 г. издалъ еще семь частей его.

Труды Мюллера.

Академикъ А. Шлецеръ.

Затѣмъ онъ началъ по частямъ издавать свою „*Сибирскую исторію*“, занимаясь въ то же время дѣлами Академіи, какъ конференцъ-секретарь, и дѣлами академическаго университета, въ качествѣ ректора. Наконецъ, съ 1755 г., онъ затѣялъ при Академіи изданіе ежемѣсячнаго журнала, главною цѣлью котораго было ознакомленіе русской читающей публики съ Россіею. Журналъ Мюллера назывался „*Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*“, и, по заключенію историка Академіи, „при изданіи этого журнала, отъ редактора его требовалось много любви къ

[1]) Ломоносовъ вооружился противъ той актовой рѣчи, которую Мюллеръ собирался посвятить вопросу «*о происхожденіи Руси*», и только потому, что онъ производилъ Русь отъ Варяговъ-Норманновъ. Точно также Ломоносовъ не допустилъ печатаніе статьи Мюллера о завоеваніи Сибири, потому что въ ней упоминалось о разбойничествѣ Ермака.

самому дѣлу и настойчивости несовсѣмъ обыкновенной“ — такъ тяжка была борьба Мюллера съ цензурой, съ общими въ то время притязаніями патріотическими и съ массою неудобствъ, въ родѣ недостатка въ хорошихъ переводчикахъ, корректорахъ и иныхъ мелкихъ дѣятеляхъ въ области литературы.

Норманнскій вопросъ.

О дальнѣйшей дѣятельности Мюллера, какъ исторіографа и литератора, дѣятельности, которой была посвящена вся остальная половина его жизни, намъ придется говорить далѣе—при изложеніи исторіи просвѣщенія въ царствованіе императрицы Екатерины II. Настоящую же главу намъ будетъ удобнѣе всего закончить напоминаніемъ объ одномъ историческомъ вопросѣ, который ведетъ свое начало отъ первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ нашими учеными на поприщѣ изученія отечественной исторіи и—остается неразрѣшеннымъ, спорнымъ вопросомъ до нашихъ дней. Мы разумѣемъ вопросъ о происхожденіи Руси и о первыхъ русскихъ князьяхъ...

„ученое общество для историческаго изданія Русскихъ Лѣтописей.

A. L. Schlözer

Автографъ А. Шлёцера.

Повторяя мнѣніе Байера и вполнѣ раздѣляя его, Мюллеръ избралъ тэмою для одной изъ своихъ рѣчей на торжественномъ академическомъ актѣ вопросъ „*О происхожденіи народа и имени россійскаго*“. Въ этой своей рѣчи, опровергая разныя вымышленныя происхожденія русскаго народа отъ баснословныхъ родоначальниковъ, Мюллеръ пытается доказать, что варяги „Русь“— были скандинавы, и что, такимъ образомъ, и названіе свое, и первыхъ князей русскихъ народъ получилъ отъ варяговъ, или что то же, отъ скандинавовъ. Когда рѣчь была отдана на разсмотрѣніе историческаго собранія, въ которомъ (какъ мы уже говорили выше) Ломоносовъ былъ однимъ изъ членовъ, нашъ академикъ-патріотъ съ ожесточеніемъ напалъ на дерзновеннаго собрата-иноземца. Опроверженія Мюллеромъ даже и такихъ нелѣпостей, какъ наименованіе „Москвы“ отъ Мосоха (сына Іафетова) и названія „россіянъ“ отъ р. Росси—Ломоносовъ находилъ „темной ночи подобными“; ставилъ Мюллеру въ большую вину то, что онъ „о св. Несторѣ-лѣтописцѣ говоритъ весьма продерзостно и хулительно: *ошибся Несторъ*—и сіе неоднократно“; называлъ мнѣніе его о происхожденіи Руси „скареднымъ“, а всю рѣчь Мюллера „весьма недостойной“ и „русскимъ слушателямъ и смѣшной, и досадительной“ [1])...

[1]) На основаніи этого отзыва, рѣчь Мюллера была опечатана и, впослѣдствіи, запрещена.

Пользуясь разборомъ рѣчи, Ломоносовъ высказываетъ и собственныя свои соображенія о происхожденіи Рюрика съ братьями изъ Пруссіи; въ своей „Древней Россійской Исторіи“, впослѣдствіи, Ломоносовъ еще энергичнѣе поддерживалъ (хотя и весьма слабо доказывалъ) славянское происхожденіе Руси.

Тредіаковскій, одновременно съ Ломоносовымъ призванный къ разсмотрѣнію рѣчи Мюллера, отнесся къ ней не такъ сурово— не нашелъ въ ней „никакого предосужденія“ для русской національной гордости; но съ теоріей Байера, обновляемой Мюллеромъ, не согласился и предложилъ свою теорію о славянскомъ происхожденіи Руси. Онъ высказалъ ее въ своихъ разсужденіяхъ: 1) „о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ“; 2) „о первоначаліи Россовъ“, и 3) „о Варягахъ-Руссахъ словенскаго званія, рода и языка“. Доказательства свои онъ преимущественно почерпаетъ въ области филологическихъ производствъ и сравненій словъ по созвучію, при чемъ придаетъ этимъ сравненіямъ характеръ полнаго произвола и тѣмъ отнимаетъ у своего пріема всякую научную основу. Въ концѣ концовъ, онъ предлагаетъ свою теорію о происхожденіи Руси отъ померанскихъ Ружанъ (славянъ Ругіевъ) и утверждаетъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были Ругенскіе (т.-е. Рюгенскіе) князья.

Къ тому же мнѣнію о славянскомъ происхожденіи Руси и древнѣйшихъ русскихъ князей примкнулъ и Сумароковъ, высказавшійся по этому вопросу въ статьѣ „О происхожденіи россійскаго народа“; но доводы свои, подобно Тредіаковскому, онъ почерпалъ изъ той же области произвольныхъ филологическихъ сближеній и игры созвучіями словъ. Этотъ роковой вопросъ, впослѣдствіи много разъ поднимавшійся вновь въ средѣ русскихъ ученыхъ, такъ и остался историческою загадкою.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Духовная литература и важнѣйшіе представители ея во второй четверти XVIII вѣка. Важнѣйшія сочиненія въ этой области, оригинальныя и переводныя.—Еще одно странствованіе къ св. мѣстамъ.—Духовная драма.

Кіевская исключительно-схоластическая школа, какъ мы видѣли выше, сослужила свою службу Московскому Государству и въ Эпоху Преобразованій дала Петру нѣсколько весьма почтенныхъ, весьма полезныхъ литературныхъ дѣятелей и, наконецъ, самого геніальнаго Θ. Прокоповича, который проявилъ свои таланты не только на поприщѣ литературы и науки, но и на болѣе обширномъ поприщѣ государственной дѣятельности. И значеніе, и дѣятельность схоластически-построенныхъ духовныхъ школъ Кіевской и Московской мало измѣнились въ долгое царствованіе Петра; онѣ продолжали играть преобладающую роль не только при его ближайшихъ преемникахъ, но и въ Екатерининское время. Всюду, гдѣ нужны были люди съ прочною учебною подготовкою, съ положительными свѣдѣніями въ наукахъ и классическихъ языкахъ, люди умѣлые и опытные въ изложеніи своихъ мыслей на русскомъ языкѣ — Правительство прямо обращалось къ Кіевской, Московской и (позднѣе основанной) Петербургской Академіи, вербовало тамъ способнѣйшихъ изъ числа молодыхъ людей для отправки за границу, для пополненія Академическаго Университета и гимназіи, и эти молодые люди на всѣхъ поприщахъ русскаго просвѣщенія становились первыми піонерами, пролагавшими пути для послѣдующихъ дѣятелей. Но школа духовная, нѣсколько обновленная подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній Эпохи Преобразованій, представляла собою такую прочную основу, такой обильный разсадникъ силъ умственныхъ и нравственныхъ, что, несмотря на отвлеченіе многихъ учениковъ на поприще гражданской службы и чисто-свѣтской ученой дѣятельности, поприще дѣятельности духовной (въ видѣ духовной литературы и духовнаго краснорѣчія) все-же не оскудѣвало людьми талантливыми и усердно преданными дѣлу духовнаго просвѣщенія. Дѣятельность ихъ, какъ въ предшествующую Эпоху Преобразованій, такъ и въ царствованіе Елисаветы, выражалась, главнымъ образомъ, въ проповѣдяхъ, которыя, нѣсколько упрощаясь и обновляясь въ языкѣ, въ общемъ характерѣ своемъ оставались вѣрны старымъ образцамъ, т. е. проповѣдямъ Стефана Яворскаго и Θ. Прокоповича. Разница заключалась въ томъ, что Эпоха Преобразованій далеко не во всѣхъ представителяхъ духовнаго сословія возбуждала одинаковыя чувства, и лишь немногіе изъ духовныхъ ораторовъ стояли на сторонѣ Θеофана Прокоповича,

который явился такимъ разумнымъ и смѣлымъ истолкователемъ Петровскихъ реформъ; напротивъ того, въ эпоху Елисаветы, всѣ высшіе и образованнѣйшіе представители духовенства въ одинъ голосъ прославляли и восхваляли всѣ дѣянія императрицы, ни на шагъ не отставая отъ восторженной и хвалебной лирики того же времени.

Всѣ проповѣдники въ царствованіе Елисаветы составляютъ какъ бы одинъ согласный хоръ, восхваляющій добродѣтели и благодѣянія „дщери Петровой“, которая „вернула златыя времена, времена Константина Великаго, времена Θеодосія благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины царицы, защищавшихъ благочестивую вѣру“. Всѣ единогласно превозносятъ въ ней „преславную побѣдительницу, избавившую отечество отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ“... Въ этихъ похвалахъ и превозношеніяхъ, какъ и въ нѣсколько-преувеличенныхъ восторгахъ лирическихъ поэтовъ, есть несомнѣнно значительная доля искренности, потому что духовенство наше, сильно встревоженное „*Духовнымъ Регламентомъ*“ Петра и послѣдовательнымъ проведеніемъ „Регламента“ въ жизнь, еще болѣе вынесло тяжкихъ впечатлѣній въ царствованіе Анны Іоанновны и въ правленіе Бирона, когда иноземцы и иновѣрцы получили въ государствѣ такое преобладающее значеніе, и когда духовенство не дерзало поднимать голосъ въ защиту православія или возставать въ проповѣдяхъ противъ общественныхъ нравовъ и обычаевъ, которые были несогласны или даже прямо противны установившимся обычаямъ Православной Церкви. Мы уже видѣли выше, что даже всякая полемика съ лютеранами и протестантами въ области догматической вызывала правительственные запреты и даже могла довести провинившагося въ такой полемикѣ до Тайной Канцеляріи. Понятно, что, когда послѣ этого вступила на престолъ Елисавета Петровна, государыня весьма благочестивая, богомольная, строго соблюдавшая всѣ обязанности по отношенію къ Церкви, любившая заботиться о благолѣпіи храмовъ и церковнаго богослуженія, обратившая серьезное вниманіе на распространеніе православія среди инородцевъ въ Россіи и въ Сибири, давшая многія серьезныя льготы духовенству — всѣ высшіе представители духовной власти радостно привѣтствовали наступившую новую эру ихъ благоденствія. Но и кромѣ этой благодарной и неистощимой тэмы почтительныхъ и признательныхъ восхваленій новаго царствованія, которому противополагалась мрачная эпоха *бироновщины*, у проповѣдниковъ Елисаветинскаго вѣка, впослѣдствіи, была и еще одна излюбленная тэма—порицаніе роскоши и распущенности нравовъ, которыя, дѣйствительно, вмѣстѣ съ французскими модами, французскими свѣтскими обычаями и легкою французскою литерату-

Духовные ораторы.

рою, стали быстро проникать въ Россію и въ ней широко распространяться. На эту тэму обильно проповѣдывали всѣ лучшіе проповѣдники Елисаветинской эпохи: *Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Стефанъ Калиновскій, Дмитрій Сѣченовъ, Сильвестръ Кулябка* и *Гедеонъ Криновскій* [1]).

Амвросій Юшкевичъ.

Въ первые два-три года царствованія Елисаветы всѣ проповѣди—и придворныхъ, и иныхъ проповѣдниковъ—вращались около одной общей тэмы: восхваленія новаго царствованія и самыхъ рѣзкихъ, самыхъ безпощадныхъ порицаній недавно-минувшей эпохи преобладанія иноземщины. Самыми рьяными въ числѣ этихъ проповѣдниковъ-порицателей и обличителей зловреднаго вліянія иноземцевъ были—*Амвросій Юшкевичъ*, занявшій около 1740 г. каѳедру новгородскаго епископа, и *Кириллъ Флоринскій*, ректоръ Московской академіи (около 1741 г.). Ни тотъ, ни другой не жалѣли красокъ на изображеніе страданій и притѣсненій, перенесенныхъ Россіею въ царствованіе Анны Іоанновны и кратковременное правленіе Анны Леопольдовны. Изображая „внутреннихъ и сокровенныхъ враговъ", которые „отечество наше раззорили", Амвросій восклицаетъ:

„Во-первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ поразстригли и перемучили! Спроси-жъ за что̀? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему не годенъ... Сіе же все дѣлали такою хитростью, чтобы вовсе въ Россіи истребить священство православное и завести свою нововымышленную безпоповщину... (?)" и далѣе: „Подъ образомъ будто бы храненія чести, здравія и интереса государства, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали... Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ... искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, вотчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали..."

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти проповѣдники были воспитанниками либо Кіевской, либо Московской духовной академіи.

Кириллъ Флоринскій, не довольствуясь подобными картинами, позволялъ себѣ въ проповѣдяхъ, для усиленія впечатлѣнія ихъ, нападать на личности павшихъ временщиковъ, и, забывая русскую пословицу: „лежачаго не бьютъ“—осыпалъ желчными укорами и бранью Остермана и Миниха, называлъ ихъ и ихъ „стадище“—„человѣкоядными (т. е. хищными) птицами“, „эмиссаріями дьявольскими“ и т. п., позабывая о томъ, что эти дѣятели не мало принесли и пользы Россіи.

Прославляя Елисавету за то, что она разрѣшила „отъ узъ“ извѣстную уже намъ книгу Стефана Яворскаго „Камень Вѣры“, а слѣдовательно и полемику съ иновѣрцами въ области догмата, проповѣдники Елисаветинскаго времени широко пользуются этимъ разрѣшеніемъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный духовный ораторъ, *Дмитрій Сѣченовъ* (ум. 1767 г.), въ проповѣди, сказанной имъ въ присутствіи императрицы, даже и прямо ставилъ въ укоръ иновѣрцамъ то, что они не согласуются съ нами въ религіозныхъ догматахъ и церковныхъ обычаяхъ: Дмитрій Сѣченовъ.

„Коликое гоненіе противницы наши на Церковь Христову и на благочестіе возставили! Ихъ были година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали... Догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; Ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую Помощницу, Покровъ и Прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста Христова, его же бѣси трепещутъ, гнушалися...“

Впрочемъ, у того же талантливаго проповѣдника встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ и чрезвычайно мѣткія характеристики, и любопытныя картины современныхъ нравовъ, и остроумныя сопоставленія, указывающія на постоянныя противорѣчія помысловъ съ дѣяніями человѣческими:

„Поносимъ праотца нашего Адама“,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей:—„что за яблоко душу продалъ, а мы — за чарку вина, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святой за курочку — душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставлю, — возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть...“

Прекрасную картину встрѣчаемъ въ другомъ словѣ Дмитрія Сѣченова, гдѣ онъ говоритъ о всепоглощающей роскоши, побуждающей всѣхъ забывать о нуждахъ Церкви:

„Осмотримся, какъ любимъ мы Христа? Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрас-

ные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви въ тѣхъ же селѣхъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю

Георгій Конисскій, епископъ Бѣлорусскій. Подъ портретомъ его автографъ.

Христа: у меня златотканыя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы Тайны крошенинным покрываются покровомъ...“

Гедеонъ Криновскій.

Особенно любимымъ проповѣдникомъ Елисаветы былъ *Гедеонъ Криновскій* (ум. 1763 г.), получившій первоначальное воспитаніе въ Казанской семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ сталъ уже извѣстенъ

своими проповѣдями (а въ особенности чрезвычайнымъ умѣньемъ ихъ произносить) настолько, что ему дали мѣсто придворнаго проповѣдника и онъ оставался въ этой должности до самой кончины императрицы Елисаветы. Современники безусловно восхищались и ораторскимъ искусствомъ Гедеона, и самымъ содержаніемъ его проповѣдей; но ближайшіе къ той эпохѣ критики церковные находили ихъ недостаточно самостоятельными и укоряли Гедеона въ излишнемъ подчиненіи ораторскимъ произведеніямъ Ильи Миніата или Минятія (ум. 1714 г.), у котораго онъ заимствовалъ манеру внесенія историческихъ примѣровъ и иносказательныхъ притчей въ изложеніе проповѣди. По общему характеру, проповѣдь Гедеона, преимущественно обличительная, тѣсно связана съ порицаніемъ современныхъ нравовъ, закравшагося къ намъ религіознаго вольнодумства, пренебреженія духовными нуждами въ воспитаніи дѣтей и недостаточной заботливости о спасеніи души отъ всякихъ мірскихъ соблазновъ. На послѣднюю тэму онъ прекрасно говоритъ въ своемъ словѣ въ недѣлю 3-ю Великаго поста, и мы приводимъ здѣсь это мѣсто, чтобы ознакомить съ его пріемомъ разсужденія въ проповѣди:

„Есть ли у насъ домъ, — мы огораживаемъ его, покрываемъ и всевозможными образы отъ воздушныхъ защищаемъ напастей. Суть-ли хорошіе сосуды, перемываемъ, перетираемъ и чистимъ ихъ почти ежедневно. Суть-ли въ саду красныя и плодовитыя деревья, поливаемъ ихъ, обрѣзываемъ и еще стражей приставляемъ, чтобы не поломали птицы вѣтвей ихъ... И о статуяхъ, которыя у насъ при палатахъ или въ садахъ, не забываемъ: чтобы ихъ морозъ не повредилъ, сукнами, или чѣмъ инымъ, обертываемъ ихъ... на всякій годъ ихъ починиваемъ, подкрашиваемъ, позлащаемъ, не жалѣя никакого на то иждивенія. А о душѣ ни малѣйшаго попеченія нѣтъ въ насъ: — цѣла-ли она, или повреждена, одѣта или нага, сыта или голодна, — того спросить никогда на умъ не прійдетъ.“

Отмѣтимъ въ проповѣдяхъ нашихъ духовныхъ ораторовъ Елисаветинскаго времени одну новую и весьма любопытную черту: въ нихъ впервые мы слышимъ обращенные къ обществу укоры въ *„аѳеизмѣ“*, *„фреймасонствѣ“* (или *„фармазонствѣ“*), хотя и надо сознаться, что укоры эти еще весьма туманны и неопредѣленны. Не слѣдуетъ забывать, что и просвѣщеннѣйшіе изъ этихъ проповѣдниковъ еще упорно держались весьма обветшалыхъ схоластическихъ предубѣжденій во многихъ научныхъ вопросахъ, хотя они уже были внесены въ учебники въ той формѣ, въ которыхъ ихъ установили научныя открытія великихъ европейскихъ ученыхъ XVII вѣка. Такъ, напр., тотъ же Гедеонъ Криновскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей высказываетъ, по поводу разрушенія Лисса- Отношеніе къ наукѣ.

бона землетрясеніемъ, такое мнѣніе, что тутъ несомнѣнно силами природы руководилъ перстъ Божій, карающій городъ за грѣхи; а не далѣе какъ въ 1756 г. весь Синодъ, *in corpore*, входилъ къ императрицѣ Елисаветѣ съ докладомъ о необходимости „воспретить" всякія печатныя объявленія о „множествѣ міровъ", а на этомъ основаніи — изъять изъ продажи и переведенное княземъ Кантемиромъ сочиненіе Фонтенеля „О множествѣ міровъ", и ту книжку Мюллеровскихъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій", въ которой помѣщена была ода Сумарокова, упоминавшая о „множествѣ міровъ". Но надо, однакоже, отдать справедливость императрицѣ Елисаветѣ въ томъ, что она, будучи весьма религіозной и весьма расположенной къ соблюденію всѣхъ обрядовъ православной Церкви, въ то же время умѣла разумно относиться къ заблужденіямъ и предразсудкамъ духовенства, все еще не признававшаго науки въ ея современномъ положеніи, значеніи и развитіи. Она ничего не отвѣтила на докладъ Сvнода и, что называется, положила его подъ сукно, точно такъ же (мы уже видѣли это выше), какъ и съ спокойнымъ достоинствомъ отнеслась къ другому докладу, въ которомъ жестокія кары призывались на главу Ломоносова за его шутливый „*Гимнъ Бородѣ*". Время брало свое, и область вѣдѣнія духовныхъ властей все болѣе и болѣе суживалась и ограничивалась...

Новыя духовныя книги.

Но Елисавета, не поощрявшая вмѣшательства духовныхъ властей въ дѣла мірскія, въ то же время,—въ противоположность предшествующему темному періоду, когда не только людей, „но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли"— разрѣшила полемику съ католичествомъ и лютеранствомъ, въ защиту православія. Поэтому, въ самомъ началѣ ея царствованія (въ 1744 г.), было выпущено въ свѣтъ новое изданіе „*Камня Вѣры*" Стефана Яворскаго и написанное Арсеніемъ Мацѣевичемъ опроверженіе на извѣстный пасквиль, подъ заглавіемъ „Молотокъ на Камень Вѣры". Позднѣе, духовная наша литература обогатилась въ царствованіе Елисаветы новыми и важными изданіями; такъ, въ 1756—1757 гг., были изданы вновь *Четьи-Минеи Св. Дмитрія Ростовскаго* въ исправленномъ и пересмотрѣнномъ видѣ, а въ 1759 г. явилось исправленное и дополненное изданіе „*Печерскаго Патерика*". Тогда же было закончено изданіе такъ-называемой *Елисаветинской Библіи*, надъ исправленіемъ текста которой еще въ царствованіе Петра Великаго началъ трудиться Ѳеофилактъ Лопатинскій, а затѣмъ его труды продолжали многіе другіе дѣя-

[1]) Выше мы уже упоминали о полемикѣ, вызванной «Камнемъ Вѣры»; упоминали и о «*Молоткѣ на Камень Вѣры*". Хотя авторъ этого пасквиля и остался неизвѣстенъ, однакоже русская партія считала авторомъ ея Ѳ. Прокоповича.

тели, и къ окончанію привели—*Варлаамъ Лящевскій*, учитель піитики, и іеромонахъ *Яковъ Блонницкій*, учитель греческаго языка въ Московской духовной академіи.

Странствованіе къ Св. мѣстамъ.

Въ заключеніе этой главы, замѣтимъ, что въ духовной литературѣ XVIII вѣка еще занимаютъ не послѣднее мѣсто такіе памятники, которые являются отголосками предшествующихъ и, отчасти, — даже весьма отдаленныхъ эпохъ русской народной жизни. Мы говоримъ о духовныхъ драмахъ, которыя ввелись въ нашихъ духовныхъ училищахъ, вѣроятно, еще съ конца XVI вѣка, въ подражаніе польско-іезуитскимъ образцамъ, и о тѣхъ *странствованіяхъ къ святымъ мѣстамъ*, которыя продолжались, по исконному навыку, и въ XVIII вѣкѣ. Описаніе одного изъ нихъ представляется памятникомъ въ такой степени любопытнымъ, что возбуждало къ себѣ интересъ даже и въ образованнѣйшихъ русскихъ людяхъ XVIII вѣка, и понынѣ не вполнѣ утратило этотъ интересъ. Описаніе это принадлежитъ перу человѣка замѣчательнаго—нѣкоего *Василія Григоровича Бѣляева*, родившагося въ Кіевѣ, но по предкамъ своимъ происходившаго изъ города *Бара* (нынѣ Подольской губ.). Получивъ воспитаніе сначала въ Кіевской, а потомъ въ Львовской академіи, Василій Григоровичъ въ 1723 г. (будучи юношей 22 лѣтъ), по врожденной страсти къ странствованію по святымъ мѣстамъ, отправился пѣшкомъ сначала въ Италію, гдѣ посѣтилъ Римъ, Неаполь, Флоренцію и Венецію. Оттуда направился въ Грецію, Палестину и Египетъ. Два раза побывалъ онъ въ Іерусалимѣ, провелъ много времени на Аѳонѣ, гдѣ внимательно изучалъ жизнь аѳонскихъ монастырей, осматривалъ ихъ библіотеки, перечитывалъ книги и рукописи. Шесть лѣтъ провелъ на островѣ Патмосѣ и въ странствованіяхъ по Греціи, два раза побывалъ въ Царьградѣ и, наконецъ, вернулся въ Кіевъ, проведя въ этихъ странствованіяхъ около 24 лѣтъ [1]). Здѣсь онъ и скончался въ 1747 году. Онъ оставилъ подробное, обстоятельное и весьма правдивое описаніе своихъ странствованій, въ которомъ особенно ярко изобразилъ положеніе восточныхъ христіанъ подъ мусульманскимъ игомъ. Это „*Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ*“ стало сначала извѣстно въ рукописи, и очень быстро распространилось повсюду во множествѣ списковъ. Тридцать лѣтъ спустя, оно было издано (въ царствованіе Екатерины II), и издатель книги сообщаетъ въ предисловіи, что „сію книгу съ превеликою жадностью списывали всѣ тѣ, до коихъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ нѣтъ ни

---

[1]) Во время этихъ странствованій, въ 1734 г., въ Дамаскѣ, Василій Григоровичъ былъ постриженъ въ монахи антіохійскимъ патріархомъ Сильвестромъ.

одного мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірянъ за великія деньги доставали оную". Отголоски древней Руси сказались въ этомъ общемъ интересѣ, возбужденномъ книгою самоотверженнаго странника по св. мѣстамъ, разсказами своими объ Іерусалимѣ и Аѳонѣ пробудившаго въ русскихъ людяхъ тѣ живыя связи, которыя съ поконъ вѣка соединяли ихъ съ далекимъ православнымъ Востокомъ.

Трагедокомедіи.

Духовныя драмы второй четверти XVIII вѣка любопытны въ другомъ смыслѣ — какъ указаніе на чрезвычайную живучесть схоластическихъ традицій, свившихъ себѣ прочное гнѣздо въ Кіевской Руси. Традиціи эти были настолько сильны, что даже и тогда, когда уже тоническій стихъ вполнѣ укоренился въ русской словесности и пріобрѣлъ всѣ права въ кругу людей, такъ или иначе прилежавшихъ къ поэзіи,—духовныя драмы, продолжавшія существовать въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и составлявшія тамъ даже обязательное (до нѣкоторой степени) школьное упражненіе, писались неизмѣнно, попрежнему, силлабическими виршами. И эта школьная драматическая литература развивалась, повидимому, совершенно самостоятельно въ Кіевѣ, не находясь ни въ какой связи или зависимости отъ того литературнаго движенія, которое нарождалось въ двухъ главныхъ центрахъ русской жизни—въ Москвѣ и Петербургѣ. Излюбленными формами драматическихъ произведеній въ Кіевскихъ школахъ того времени являлись *трагедокомедіи* и *комедіи* или *комическія дѣйства,* которыя, впрочемъ, ничего „комическаго", въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ себѣ не заключали; такъ, напр., „*Комическое дѣйство на Рождество Христово*", сочиненное іеромонахомъ *Митрофаномъ Довгалевскимъ*, представляетъ собою ничто иное, какъ средневѣковую Рождественскую мистерію, начинающуюся со выступленія на сцену пророковъ, предсказывающихъ пришествіе Спасителя въ міръ, и продолжающуюся явленіями, въ которыхъ изображается поклоненіе пастырей и волхвовъ новорожденному Христу, опасенія Ирода и избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ. Въ концѣ послѣдняго явленія на сцену выступаетъ „Человѣколюбіе" и „Божье Милосердіе" и возвѣщаетъ зрителямъ о спасеніи рода человѣческаго. Комическій элементъ въ этой мистеріи, какъ и во всѣхъ остальныхъ школьныхъ духовныхъ драмахъ, выдѣленъ въ особыя *интермедіи* (междудѣйствія), въ которыхъ выводятся на сцену мужики, казаки, поляки, цыгане и жиды — и разыгрываютъ передъ зрителями аляповато и грубо набросанныя сценки изъ народнаго быта, въ которыхъ весь юморъ заключается въ искаженіи на разные лады русской рѣчи и въ весьма дешевомъ остроуміи.

„Трагедокомедіи“ и „комедіи“, по содержанію своему, пріурочиваются преимущественно къ Рождеству и Пасхѣ, и потому распадаются на *рождественскія* и *пасхальныя*. Содержаніе „рождественскихъ“ комедій, большею частью сходно съ вышеизложеннымъ „комическимъ дѣйствомъ“ Довголевскаго; содержаніе „пасхальныхъ“ пьесъ пріурочивается къ другому, нѣсколько болѣе сложному плану, такъ какъ онѣ начинаются, большею частью, съ грѣ-

Видъ Аѳонскаго полуострова съ его монастырями. По картинѣ, приложенной къ одному изъ западныхъ путешествій XVIII вѣка.

хопаденія человѣка [1]) и изгнанія его изъ рая; затѣмъ пророки предсказываютъ явленіе Спасителя, и сценическое дѣйствіе прямо переходитъ къ представленію страданій и смерти Христа на крестѣ, къ погребенію Его и воскресенію, а заканчивается „*изведеніемъ Адама изъ челюстей ада*“. Такова трагедокомедія іеромонаха *Сильвестра Ляскоронскаго*, подъ заглавіемъ „*Милость Божія*“, и весьма

[1]) Нѣкоторыя пасхальныя драмы начинаются даже и съ созданія человѣка, и съ жизни его въ раю, даже съ совѣщанія между Правосудіемъ и Милостью Божіей, на которомъ рѣшается вопросъ о созданіи человѣка.

близкая къ ней пасхальная пьеса „*Властотворный образъ человѣколюбія Божія*“, сочиненная Митрофаномъ Довголевскимъ.

Кромѣ пьесъ „пасхальныхъ“ и „рождественскихъ“, въ обычаѣ были еще и особаго рода школьныя драмы, въ родѣ западныхъ „нравственныхъ“ комедій (moralités), въ которыхъ на сцену, вмѣсто живыхъ дѣйствующихъ лицъ, выходили олицетворенныя свойства человѣческой души, въ видѣ пороковъ и добродѣтелей — вступали между собою въ діалогъ, который заканчивался споромъ, и, конечно, торжествомъ добродѣтелей надъ пороками. Такою именно нравственною комедіей является „*Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седмью грѣхами смертными*“ іеромонаха Іоасафа Горленка.

Въ 1744 г., когда императрица Елисавета отправилась въ Кіевъ для поклоненія кіевскимъ святынямъ, ее тамъ встрѣтили торжествомъ особаго рода: въ Кіевской духовной академіи устроено было представленіе духовной драмы „*Благоутробіе Марка Аврелія*“, сочиненной префектомъ академіи, іеромонахомъ *Михаиломъ Казачинскимъ*. Въ драмѣ этой излагалась исторія Марка Аврелія въ ближайшемъ примѣненіи главныхъ основъ ея къ исторіи императрицы Елисаветы; и драмѣ предшествовалъ, тѣмъ же авторомъ сочиненный, панегирикъ Елисаветѣ, написанный силлабическими виршами, которыя были передъ государынею продекламированы студентами.

Нѣсколько инымъ характеромъ и направленіемъ отличаются два драматическихъ произведенія, принадлежащія къ тому же разряду школьныхъ пьесъ: трагедокомедія Варлаама Лящевскаго; „*О награжденіи дѣлъ въ будущей жизни вѣчной*“ и трагедокомедія Георгія Конисскаго: „*Воскресеніе мертвыхъ*“ [1]). Оба эти произведенія, исходя отъ напоминанія о грядущей вѣчной мукѣ и вѣчномъ блаженствѣ, пользуются этою тэмою для того, чтобы приплести къ ней обличеніе и порицаніе живой современности, въ которой указываютъ на распущенность нравовъ, на отсутствіе правосудія, на преобладаніе алчныхъ животныхъ инстинктовъ надъ высшими духовными стремленіями человѣка. Серьезность и глубина содержанія этихъ двухъ произведеній не избавляетъ ихъ, однакоже, отъ соблюденія авторами установленной формы всѣхъ подобныхъ школьныхъ драмъ; духовный и нравственно-назидательный элементъ въ нихъ отдѣленъ отъ комическаго, и между дѣйствіями трагедокомедій Лящевскаго и Конисскаго вставлены такія же интерлюдіи, какія мы уже видѣли выше, между дѣйствіями рождественскихъ и пасхальныхъ мистерій.

---

[1]) Довольно одиноко среди кіевскихъ школьныхъ драмъ стоитъ и трагедокомедія *Георгія Щербацкаго* «Фотій», чисто-догматическая по своей основѣ. Въ ней изображается наглядно самый фактъ отступленія Западной Церкви отъ Восточной.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ученая и учебная литература Елисаветинскаго времени по различнымъ отраслямъ науки.—Академія Наукъ и первый русскій университетъ въ ихъ взаимномъ соотношеніи.—Словари и грамматики.—Первые опыты по исторіи литературы русской и всеобщей.—Переводная и легкая литература.—Журналистика и ея общее направленіе.

Намъ уже неоднократно приходилось говорить выше, въ тѣхъ главахъ, которыя мы посвящали важнѣйшимъ научнымъ и литературнымъ дѣятелямъ второй четверти XVIII вѣка, о томъ значеніи, которое болѣе свѣтлая и болѣе спокойная эпоха царствованія Елисаветы имѣла въ расцвѣтѣ нашей литературы и науки, какъ и вообще въ исторіи нашихъ общественныхъ нравовъ и во всей исторіи нашего просвѣщенія. Мы видѣли изъ предыдущихъ главъ, что все двинулось впередъ, все заговорило и оживилось, все стало разсуждать и думать, и относиться осмысленно къ окружающей дѣйствительности. Центровъ просвѣщенія было еще мало; средствъ и способовъ къ воспріятію его — еще менѣе; но движеніе умственное уже началось и стало обосновываться, интересъ къ наукѣ и ученію проявился съ значительною силою — инерція была побѣждена и свѣтъ начиналъ уже проникать въ различные слои общества, еще недавно коснѣвшіе во мракѣ упорнаго невѣжества и застоя. Но, по всѣмъ признакамъ и явленіямъ, доступнымъ нашему наблюденію, и эта болѣе свѣтлая, болѣе свободная въ проявленіяхъ ума и воли, болѣе утѣшительная эпоха Елисаветы все же, несомнѣнно, относится къ той же Эпохѣ Преобразованій, которую она счастливо и удачно заканчиваетъ: мы это видимъ изъ того, что въ теченіе этой эпохи, какъ и въ первой четверти XVIII вѣка, наука у насъ еще рѣзко отдѣляется отъ литературы, и литература, и журналистика, по отношенію къ ней, занимаютъ еще, до нѣкоторой степени, положеніе зависимое и служебное. Наука, какъ и при Петрѣ Великомъ, все еще ищетъ себѣ примѣненія на практикѣ; назначеніе и роль литературы еще не опредѣлились съ полною ясностью. Дѣятельность умственная вообще является еще расплывчатой, излишне разносторонней — еще какъ будто опасается ограниченія строгими гранями какой-нибудь спеціальности... Отчасти, въ этомъ, конечно, сказывается и общее направленіе всей европейской современной науки, въ которой энциклопедизмъ знанія ставился такъ высоко; отчасти же отзывается и другая сторона, уже исключительно свойственная русской жизни во второй четверти XVIII вѣка, когда всѣмъ русскимъ людямъ предстояло такъ много дѣла, а дѣятелей было еще такъ мало...

Академія — разсадникъ наукъ.

Но только изучая исторію Словесности этого переходнаго времени къ Екатерининскому вѣку, мы начинаемъ понимать, какъ плодотворно и важно было въ ту пору значеніе Академіи Наукъ, основанной Петромъ—Академіи, которая и сама являлась. какъ бы учрежденіемъ энциклопедическимъ, потому что захватывала въ кругъ своей дѣятельности все, что могло хотя сколько-нибудь имѣть отношенія къ просвѣщенію, къ цивилизаціи Россіи. Академія второй четверти XVIII вѣка—это уже вовсе не то скромное учрежденіе, которое должно было, по первоначальному плану Петра, „переводить полезныя книги и въ то же время двигать науку"—это былъ обширный институтъ наукъ и художествъ, обнимавшій всѣ отрасли знанія и стремленій человѣческаго ума, ненасытимаго въ своей пытливости... Это было цѣлое собраніе учено-литературныхъ и литературно-научныхъ обществъ, стоявшее въ тѣсной связи съ обширной издательской фирмой, съ Академіей Художествъ, съ цѣлымъ рядомъ техническихъ заведеній, съ книжной торговлей, съ журналистикой и прессой... То, что теперь выполняется десятками ученыхъ обществъ и ученыхъ учрежденій, десятками всякаго рода органовъ, основанныхъ на казенной или частной иниціативѣ, десятками торговыхъ и промышленныхъ предпріятій—то все въ зародышѣ носила и воспитывала въ себѣ одна Академія Наукъ Елисаветинскихъ временъ. Понятно, что при такомъ центральномъ и основномъ положеніи ея, Академія должна была служить разсадникомъ для другихъ просвѣтительныхъ центровъ Россіи и опорою всего просвѣтительнаго движенія, которое стало шире и шире распространяться во всѣ стороны при ближайшихъ преемникахъ Петра.

И дѣйствительно, мы видимъ, что, какъ только основался Московскій университетъ, профессорами въ немъ явились, рядомъ со всѣми полезными и почтенными дѣятелями изъ иноземцевъ, воспитанники Академіи Наукъ — профессора: *Поповскій* и *Барсовъ*. Но, служа разсадникомъ научныхъ дѣятелей для вновь возникающихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій, Академія, въ воспитанныхъ ею первыхъ профессорахъ, посылала въ новые центры людей, которые сохраняли въ своей дѣятельности академическія традиціи Эпохи Преобразованій: каждый изъ нихъ могъ замѣнить многихъ, и свободно переходя отъ одной спеціальности къ другой, преподавалъ студентамъ то одинъ, то другой предметъ или даже два совершенно различные предмета одновременно. Такъ, напримѣръ, Поповскій, занимавшій при Московскомъ университетѣ каѳедру философіи, преподавалъ въ послѣдніе годы жизни Словесность; а по кончинѣ его, ту же каѳедру Словесности занималъ Барсовъ, бывшій профессоръ математики при Московскомъ университетѣ. Сверхъ того, каждый изъ воспитанныхъ

Академіею научныхъ дѣятелей, оставался во всю жизнь, по давнему навыку и доброй волѣ, *переводчикомъ*, и охотно посвящалъ свои досуги пересажденію на русскую почву различныхъ классическихъ произведеній иностранной словесности или, по примѣру своего великаго учителя, Ломоносова, переводилъ учебники по важнѣйшимъ отраслямъ знанія. Благодаря, именно, воспитанникамъ Академіи Наукъ, смѣнившимъ бывшихъ переводчиковъ Посольскаго Приказа и справщиковъ московской типографіи—переводная литература наша стала быстро разрастаться и обогащаться во второй четверти XVIII вѣка. Къ сожалѣнію, многое полезное и заслуживающее полнаго вниманія въ научномъ отношеніи, еще пропадало безъ пользы для Русской Словесности, потому что какъ въ самой Академіи, такъ и въ Московскомъ университетѣ, по старому схоластическому обычаю, многія руководства, изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ и торжественныя рѣчи, все еще писались на языкѣ латинскомъ. Упомянемъ здѣсь о важнѣйшихъ дѣятеляхъ и важнѣйшихъ явленіяхъ въ этой области ученой и учебной литературы, какъ оригинальной, такъ и переводной.

Прежде всего и ранѣе всего посчастливилось философіи. *Николай Никитичъ Поповскій* (род. 1730 г., ум. 1760 г.), опредѣленный на каѳедру философіи съ самаго основанія Московскаго университета, открылъ свои лекціи рѣчью „*О пользѣ и важности теоретической философіи*“. Опредѣливъ въ этой рѣчи важное значеніе философіи, какъ основы всѣхъ наукъ, онъ доказываетъ, совершенно справедливо, что эту „науку всѣхъ наукъ“ можно преподавать и по-русски, ибо „нѣтъ такой мысли, которую бы по-россійски изъяснить было невозможно.“ Онъ и заявляетъ о своемъ намѣреніи преподавать философію такъ, „чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться“. Слѣдуя примѣру своего учителя, Ломоносова, написавшаго посланіе къ Шувалову „о пользѣ стекла“, Поповскій обратился къ Шувалову, какъ куратору Московскаго университета, съ посланіемъ „*О пользѣ наукъ*“ — слѣдовательно, написаннымъ на такую тэму, которая въ тотъ вѣкъ была еще и модною, и для всѣхъ одинаково представлялась интересною и поучительною. Что эта тэма была далеко не всѣмъ одинаково близка и ясна — это не трудно видѣть изъ эпизода, случившагося съ однимъ изъ юношескихъ произведеній Поповскаго. Еще будучи студентомъ Академіи Наукъ, онъ перевелъ стихами съ французскаго прозаическаго перевода первое письмо „*Опыта о человѣкѣ*“, — сочиненія англійскаго поэта Попе. Тихонравовъ съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагаетъ, что этотъ переводъ былъ даже „заказной тэмой Ломоносова“, который и представилъ произведеніе молодого сту-

Н. Н. Поповскій.

дента Шувалову, отзываясь о переводѣ Поповскаго съ большою похвалою. Шуваловъ пожелалъ напечатать этотъ переводъ, но встрѣтилъ серьезное препятствіе въ духовной цензурѣ, которая заявила, что „издатель оныя книги ни изъ Св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей Церкви догматовъ ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ поясняетъ, присовокупляя къ тому и *Коперникову систему и мнѣніе о множествѣ міровъ*—съ Св. Писаніемъ несогласныя"... Шувалову стоило большихъ хлопотъ провести этотъ злосчастный переводъ черезъ руки духовенства, при чемъ, однакоже, всѣ стихи, „Св. Писанію несогласные", были замѣнены стихами духовнаго цензора, и самый переводъ явился въ свѣтъ спустя три года, когда студентъ Поповскій былъ уже профессоромъ Московскаго университета [1]).

Научные труды.

Различнымъ вопросамъ философіи же были посвящены рѣчи и другихъ двухъ профессоровъ Московскаго университета—*Д. С. Аничкова* и *А. М. Брянцева*, проводившіе въ науку систему новой философіи Бэкона, Декарта и Лейбница въ истолкованіи Вольфа и его ученика Баумейстера. Эта система не только во всей Европѣ, но и у насъ на Руси явилась на смѣну отжившей свой вѣкъ философіи схоластической школы, и очень быстро проникла не только въ духовныя академіи наши, но даже и въ образованнѣйшіе классы обществъ, гдѣ многихъ занимало рѣшеніе различныхъ отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ. На такое пристрастіе къ философіи,—въ томъ весьма обширномъ смыслѣ, какое придавали ей въ прошломъ вѣкѣ,—указываетъ и самое появленіе книги адъюнкта Академіи Наукъ, Г. Н. Теплова, подъ заглавіемъ: *„Знанія, до философіи вообще касающіяся"*.

Къ отвлеченному вопросу о пользѣ наукъ и о ихъ значеніи въ жизни и воспитаніи возвращается (послѣ кончины Поповскаго) и его товарищъ по Московскому университету, Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, занявшій его каѳедру Словесности. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ разбираетъ вопросъ о томъ, *„съ какимъ мы намѣреніемъ наукамъ обучаться долженствуемъ"*. Въ этой рѣчи мы должны отмѣтить одну любопытную и важную черту: допуская, по нуждѣ, и всякое практическое примѣненіе наукъ для матеріальной пользы, Барсовъ, однакожъ, признаетъ, что, главнымъ образомъ, „мы должны учиться наукамъ для наукъ, т. е. чтобы разумъ нашъ пополнить потребными въ жизни знаніями". Это уже значительный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ узкимъ утилитаризмомъ, который служилъ главнымъ побужденіемъ ко

[1]) Шуваловъ совѣтовалъ Поповскому обработать и сгладить стихи цензора; но тотъ не только не захотѣлъ этого сдѣлать, а еще напечаталъ стихи цензора особымъ, болѣе крупнымъ шрифтомъ, какъ бы слагая съ себя всякую за нихъ отвѣтственность.

введенію наукъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Тотъ же Барсовъ, преподавая Словесность въ Московскомъ университетѣ, руководствуясь примѣромъ своего учителя Ломоносова, внесъ значительное обновленіе въ преподаваніе этого предмета тѣмъ, что не довольствовался уже однимъ изложеніемъ теоріи (риторики и піитики) и приведеніемъ образцовъ и примѣровъ на правила, а занимался на лекціяхъ разборомъ произведеній классическихъ писателей римскихъ—Виргилія, Горація, Цицерона—а изъ русскихъ писателей — Ломоносова, риторикой и грамматикой котораго онъ постоянно пользовался при всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ.

Къ тому же времени, т. е. къ концу царствованія Елисаветы, относятся и первыя попытки послѣдовательно изложенныхъ обобщеній въ области исторіи Словесности Россійской и иностранной. Пріятно отмѣтить тотъ фактъ, что первыя подобныя попытки исходятъ почти одновременно отъ русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.

Г. Н. Тепловъ.

Труды изъ словесности.

Не останавливаясь на трудахъ академика Якова Штелина [1]) и датчанина Адама Селлія [2]), такъ какъ они были изданы на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и только впослѣдствіи переведены на русскій языкъ, припомнимъ здѣсь уже упомянутое нами выше „*Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ*“, составленное И. А. Дмитревскимъ, извѣстнымъ актеромъ; въ этомъ „Извѣстіи“ заключаются весьма толково и ясно изложенныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ русскихъ писателяхъ, начиная отъ временъ Петра Великаго. Этотъ небольшой, но весьма толково составленный трудъ былъ сначала напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ „Лейпцигской библіотекѣ“, журналѣ Христіана Вейссе (въ 1768 г.), затѣмъ явился и во французскомъ переводѣ; но для насъ онъ особенно важенъ тѣмъ, что послужилъ главнымъ побужденіемъ и основой для послѣдующаго историко-литературнаго труда Новикова, который принадлежитъ къ первоисточникамъ нашей Исторіи Словесности. Немного ранѣе этого труда, Сумароковъ написалъ свою довольно обстоятельную и довольно безпристрастную статью „*О россійскомъ духовномъ крас-*

---

[1]) Яковъ Штелинъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ «*Записку о современныхъ ему русскихъ писателяхъ*» и двѣ статьи о русскомъ театрѣ и русскихъ танцахъ и балетахъ. Болѣе извѣстны его *сборники* «*Анекдотовъ*» о Петрѣ Великомъ и о Ломоносовѣ.

[2]) Адамъ Селлій составилъ по-латыни «Каталогъ писателей, писавшихъ о церковно-политической исторіи Россіи». Тамъ перечислены 164 писателя.

норѣчіи", довольно любопытную по характеристикамъ русскихъ духовныхъ ораторовъ, которыхъ Сумароковъ сравниваетъ съ проповѣдниками французскими. Около того же времени, директоръ Академіи Наукъ, *С. Г. Домашневъ* напечаталъ (въ 1762 году, въ журналѣ „Полезное увеселеніе"), статью „*О стихотворствѣ*";—въ сущности бѣглый обзоръ исторіи поэзіи у различныхъ народовъ, начиная отъ классической древности, отъ Гезіода и Гомера и до новѣйшихъ временъ поэзіи европейской. Первымъ русскимъ поэтомъ, почему-то, названъ тамъ Симеонъ Полоцкій, а затѣмъ помянуто очень коротко и о поэтическихъ произведеніяхъ Кантемира, Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова и Хераскова.

Переводы и словари.

Рядомъ съ этими первыми и весьма еще скромными по объему трудами по Русской Словесности, возрастала и множилась весьма разнообразная и обильная *литература переводная*, при посредствѣ которой, главнымъ образомъ, развивался и вырабатывался нашъ литературный языкъ и слогъ. Уже съ самаго начала сороковыхъ годовъ, многіе, весьма почтенные дѣятели, посвящали, съ легкой руки Тредіаковскаго, труды свои на составленіе необходимѣйшихъ пособій, которыя бы могли облегчить трудъ переводчика, т. е. на составленіе грамматикъ и словарей. Смѣлый и предпріимчивый Мюллеръ и здѣсь положилъ первый камень къ будущему зданію: въ 1731 году онъ издалъ *нѣмецко-латинскій лексиконъ Вейсмана* съ переводомъ словъ на русскій языкъ и съ небольшимъ очеркомъ основъ русскаго языка (на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ). Этотъ лексиконъ служилъ долгое время единственнымъ пособіемъ для нѣмцевъ, желавшихъ знакомиться съ русскимъ языкомъ, и для русскихъ, изучавшихъ языкъ нѣмецкій. Вслѣдъ за тѣмъ явился *французскій лексиконъ* (довольно обширный)—съ объясненіемъ словъ на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, составленный (въ 1755 г.) С. С. Волчковымъ, переводчикомъ и секретаремъ Академіи Наукъ. Въ 1762 году Барсовъ перевелъ съ нѣмецкаго латинскую грамматику Целларія. Около того же времени, причетникъ Русской посольской церкви въ Лондонѣ, нѣкто *Михаилъ Пермскій*, составилъ самостоятельно *первую на русскомъ языкѣ грамматику англійскаго языка*.

Самое появленіе всѣхъ этихъ пособій указываетъ уже на значительное оживленіе потребности къ изученію иностранныхъ языковъ и къ знакомству съ иностранными литературами. Въ началѣ Эпохи Преобразованій, при Петрѣ Великомъ, кругъ переводимыхъ книгъ былъ весьма ограниченнымъ и строго опредѣленнымъ: „только полезное и необходимое" — было постояннымъ девизомъ Петра, да еще и изъ этого выпускалось многое, признаваемое излишнимъ многословіемъ. Въ концѣ второй четверти XVIII вѣка, условія общественной жизни значительно измѣни-

лись; кругъ образованныхъ людей расширился, явилась не только потребность, но и мода на чтеніе, а удовлетворять этой потребности одними произведеніями русской словесности было немыслимо. Даже и академическихъ переводчиковъ уже не хватало для той массы литературнаго и ученаго матеріала, которую требовалось перенести съ Западно-Европейской почвы на нашу отечественную. Академическая канцелярія, вслѣдствіе этого, въ 1748 году, нашла себя вынужденною объявить, чтобы „каждый, кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго или съ другихъ какихъ языковъ—тѣ бы явились въ канцелярію Академіи Наукъ". И Академія Наукъ, дѣйствуя по указу и волѣ императрицы Елисаветы, стала отвлекаться отъ своего спеціально-научнаго назначенія, и, сообразуясь съ новыми потребностями русскаго общества, „*печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ*". Другими словами, рядомъ съ литературою ученою, серьезною и полезною, въ самомъ тѣсномъ практическомъ смыслѣ, стала подниматься литература легкая, беллетристическая, предназначенная для развлеченія, для удовлетворенія потребности развивающагося изящнаго вкуса.

Легкое чтеніе.

Отцомъ этой новой и легкой переводной литературы—какъ ни странно это сказать—былъ несомнѣнно Тредіаковскій, угодившій чрезвычайно русской публикѣ своимъ переводомъ повѣсти Тальмана: „*Путешествіе на островъ Любви*". Лучше другихъ знакомый съ современнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ, Тредіаковскій старался переводить эту повѣсть какъ можно проще, не примѣшивая къ своему языку никакихъ прикрасъ высокаго слога, требовавшихъ заимствованія изъ церковно-славянской рѣчи. „Языкъ славянскій" —говоритъ по этому поводу Тредіаковскій,— „у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мірская..." Притомъ: „языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ есть очень теменъ и многіе, его книги читая, не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна". Въ этихъ словахъ — цѣлая эпоха въ исторіи русскаго сознанія. Нарождающаяся „мірская" литература должна создавать для себя новый „мірской языкъ", для всѣхъ одинаково понятный и вразумительный... Тредіаковскій, въ предисловіяхъ къ другимъ своимъ переводамъ („De arte poëtica" Горація и „L'art poétique" Буало) старается даже преподать и внушить переводчикамъ важнѣйшія правила переводческаго искусства. Самъ онъ среди современниковъ, даже и враждебно относившихся къ нему, считался превосходнымъ переводчикомъ, съ которымъ на одну степень достоинства не могъ быть поставленъ ни одинъ изъ его

современниковъ и ни одинъ изъ академическихъ присяжныхъ переводчиковъ, а между тѣмъ число этихъ переводчиковъ было весьма значительно [1]). Минуя переводы уже извѣстныхъ намъ литераторовъ, о которыхъ мы, своевременно и въ своемъ мѣстѣ, упоминали выше, не упоминая здѣсь ни объ извѣстныхъ намъ переводахъ Кантемира, ни о передѣлкахъ Сумарокова, остановимся только на указаніи важнѣйшихъ произведеній нашей переводной литературы Елисаветинскаго времени.

Въ противоположность Петровскому времени, меньшинство книгъ составляютъ исключительно научныя сочиненія, а значительное большинство—сочиненія чисто-литературныя, повѣствовательныя, драматическія и поэтическія. Изъ классиковъ переведено очень немногое. *Иліада и Одиссея—Кондратовичемъ*, исторія Геродота—*Нартовымъ*. Тотъ же Кондратовичъ перевелъ *избранныя рѣчи Цицерона*: *Козицкій—„Превращенія"* Овидія: *Барсовъ—сатиры Горація* и *Басни Федра*. Изъ англійской литературы—*„Потерянный рай"* Мильтона переведенъ *Амвросіемъ Серебренниковымъ*, архіепископомъ Екатеринославскимъ; изъ итальянской — *„Влюбленный Орляндъ"* Аріосто переведенъ былъ Булгаковымъ. Болѣе же всего было переведено съ французскаго; тутъ видимъ и драматическія пьесы Мольера, Вольтера и Дидро, переведенныя *Дмитревскимъ, Ельчаниным, Елагинымъ, Кропотовымъ и Ольсуфьевымъ;* и нравоучительныя повѣсти Мармонтеля, Вольтера и аббата-Прево—переведенныя Полунинымъ, Домашневымъ и Елагинымъ; и философскія сочиненія: Монтаня и Монтескьё—въ переводахъ С. Волчкова и А. Мятлева. Очень немногое переведено съ нѣмецкаго: двѣ комедіи Гольдберга [2]) и одна комедія Лессинга. Широкимъ потокомъ вливалась къ намъ во времена Елисаветы и въ послѣдовавшій затѣмъ ближайшій вѣкъ Екатерины II, все болѣе и болѣе входившая въ моду, французская литература, а нѣмецкая надолго отодвинулась на задній планъ; и при этомъ легкая и граціозная французская беллетристика начинала въ такой степени преобладать надъ всѣми остальными литературными родами, что одинъ изъ выдающихся современныхъ проповѣдниковъ, указывая на недостатокъ новѣйшаго воспитанія, ставитъ въ особый укоръ родителямъ именно то, „что они своимъ дѣтямъ не Евангеліе Христово, не Законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втираютъ..."

Вѣдомости. Одновременно съ этими первыми шагами на пути развитія у

---

[1]) Важнѣйшіе изъ нихъ, во 2-й четверти XVIII в., были: Адодуровъ, Ильинскій, Поповскій, Волчковъ, Кондратовичъ, Барсовъ, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Свѣтовъ, Нартовъ и др.

[2]) Одна изъ нихъ, «Генрихъ и Пернила», приводила въ восторгъ Ф. Визина въ юности.

насъ легкаго и пріятнаго чтенія, явилась и стала весьма успѣшно развиваться и *журналистика*, въ которой приняли участіе всѣ наличныя литературныя силы и открылась возможность печатанія первыхъ литературныхъ опытовъ для молодыхъ, начинающихъ талантовъ. Исторія нашей прессы и нашей журналистики, въ первой половинѣ XVIII вѣка, очень небогата фактами и немногосложна. До-Петровская Русь, какъ мы видѣли выше, не знала ни прессы, ни журналистики, въ которыхъ русское общество XVII вѣка совсѣмъ не нуждалось. „Куранты" не были, въ собственномъ смыслѣ слова, газетами и имѣли спеціальное, дипломатическое назначеніе. Потребность въ газетѣ—въ такомъ изданіи, которое должно было сообщать необходимыя для всѣхъ свѣдѣнія и новости—явилась не ранѣе, какъ при Петрѣ Великомъ, который понималъ значеніе органа, сообщающаго во всеобщее вѣдѣніе извѣстія о дѣйствіяхъ правительства и о политическихъ событіяхъ. Такою первою газетою въ Россіи и были „*Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ*". Эти „Вѣдомости" первоначально стали выходить въ свѣтъ въ Москвѣ съ 1703 г.; онѣ печатались еще церковнымъ шрифтомъ, выходили безсрочно и въ неравномъ числѣ листовъ. Печатались въ количествѣ 1000 экземпляровъ. По мѣрѣ того какъ центръ тяжести политической жизни переносился въ Петербургъ—туда же должно было перейти и изданіе первой нашей газеты, которая съ 1710 г. стала печататься гражданскимъ шрифтомъ, а въ слѣдующемъ году окончательно перешла въ Петербургъ, хотя нѣкоторое время номера ея и перепечатывались въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ смерти Петра, который былъ и первымъ редакторомъ—и первымъ сотрудникомъ первой русской газеты, она прекратилась (въ 1727 г.)... Но уже въ слѣдующемъ году возродилась вновь въ видѣ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей*, которыя стали издаваться подъ редакціею студента (будущаго академика и исторіографа) Мюллера. Мюллеръ до половины 1730 года завѣдывалъ редакціей газеты, печатавшейся одновременно на двухъ языкахъ — русскомъ и нѣмецкомъ. Мюллеру пришла въ голову счастливая мысль — печатать при „Вѣдомостяхъ" особыя „*Примѣчанія*", служившія объясненіемъ для читателей всего, что могло быть не совсѣмъ понятно читателю въ текстѣ газеты. Эти „Примѣчанія", состоявшія изъ отдѣльныхъ статей, заключали въ себѣ любопытныя и поучительныя научныя свѣдѣнія и очень понравились публикѣ. Самъ Мюллеръ говоритъ о нихъ, что „въ первый годъ онъ предназначалъ „Примѣчанія" только для русскихъ читателей", но потомъ, убѣжденный въ хорошемъ пріемѣ ихъ, „сталъ печатать и на нѣмецкомъ". Въ изданіи этихъ Примѣчаній принимали участіе,

кромѣ Мюллера, и другіе академики: Эйлеръ, Гмелинъ, Бекенштейнъ. Они писали статьи на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а Тредіаковскій и Адодуровъ переводили ихъ на русскій.

Около того же времени предпринято было и другое, весьма полезное изданіе, и также при Академіи Наукъ: это такъ называемое „*Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ*", т. е. извлеченіе изъ латинскаго періодическаго изданія Академіи [1]). Изданіе предполагалось сдѣлать періодическимъ; но вышла только одна часть его, въ 1728 году; слѣдующія двѣ, изготовленныя къ печати, почему-то не явились въ свѣтъ.

Академическіи журналъ.

Тотъ же неутомимый, живой и подвижной Мюллеръ, по возвращеніи изъ своего долгаго десятилѣтняго странствованія по Сибири, въ самый разгаръ своей ученой и литературной дѣятельности, затѣялъ изданіе при Академіи Наукъ новаго органа, также предназначеннаго для массы публики; органъ этотъ назывался: „*Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія*". Онъ послужилъ прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ учено-литературныхъ русскихъ журналовъ, и издавался съ успѣхомъ въ теченіе десяти лѣтъ — отъ 1755 г. до 1764 г. [2]). Само собою разумѣется, что и заглавіе журнала, и весь его планъ, и значительная доля содержанія, заимствованы были Мюллеромъ изъ иностранной журналистики, такъ какъ и въ Англіи, и въ Германіи около этого времени журналистика была сильно развита. Въ ней преобладало направленіе поучительное, назидающее—и, отчасти, оно было внесено и въ журналъ Мюллера, гдѣ, среди литературнаго отдѣла, преобладало нравоученіе, то въ формѣ притчей, то въ формѣ аллегорическихъ разсказовъ и всякаго рода иносказаній. Въ большомъ ходу были статьи нравственно-религіознаго и нравственно-философскаго содержанія, иногда излагавшіяся въ формѣ разговоровъ, иногда въ формѣ размышленій на самыя разнообразныя тэмы. Въ отдѣлѣ статей ученыхъ, Мюллеръ помѣщалъ свои и чужія статьи по русской географіи, исторіи и вообще отчизновѣдѣнію; и всѣ онѣ были прекрасно написаны и изложены общедоступнымъ и понятнымъ языкомъ. Много помѣщалось и переводныхъ статей, какъ въ ученомъ, такъ и въ литературномъ отдѣлѣ; въ послѣднемъ, напр., были помѣщены повѣсти Вольтера: *Задигъ* и *Микромегасъ*, статьи Даламбера, Гольберга и другихъ. Сотрудниками „Ежемѣсячныхъ сочиненій" были всѣ выдающіеся литературные дѣятели и всѣ литературные работники того времени [3]),

---

[1]) Полное заглавіе этого изданія было: «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae».

[2]) Журналъ Мюллера расходился въ количествѣ отъ 600 до 700 экземпляровъ.

[3]) Между сотрудниками «Ежемѣсячныхъ сочиненій» встрѣчается, между прочимъ, и имя знаменитаго впослѣдствіи героя, А. В. Суворова.

кромѣ Ломоносова, который былъ въ постоянной ссорѣ съ Мюллеромъ и съ самаго начала относился къ его журналу съ крайнею непріязнью. Вначалѣ и Сумароковъ былъ однимъ изъ усердныхъ вкладчиковъ Мюллерова журнала; но потомъ разссорился съ редакторомъ и вздумалъ основать свой органъ. Нѣкоторое время въ немъ сотрудничалъ и Тредіаковскій, но затѣмъ подвергся, со стороны Мюллера, за разныя свои неблаговидныя продѣлки усиленному гоненію, и, сгорая желаніемъ непремѣнно участвовать въ этомъ общераспространенномъ журналѣ, пускался даже и на презабавныя хитрости. „Сочинилъ я оду",—такъ разсказываетъ онъ самъ,—„назвавъ ее „*Вешнее Тепло*", и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ-секретарю (т. е. Мюллеру) посторонними руками. Расхвалена сія ода и въ книжкахъ напечатана. Хотя жъ мнѣ и посчастливилось въ подставѣ чужого автора, однако сей самый успѣхъ низвергъ меня, почитай, въ отчаяніе — ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои".

Частные журналы.

Успѣхъ, которымъ Мюллеровъ журналъ пользовался непрерывно въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ, вызвалъ подражателей, также задумавшихъ привлечь къ себѣ вниманіе и расположеніе публики. Въ Петербургѣ, одновременно, въ 1750 году, явились два журнала: „*Праздное время, въ пользу употребленное*", издававшееся при Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (еженедѣльно по одному листу въ 16 страницъ), и „*Трудолюбивая Пчела*", которую Сумароковъ задумалъ издавать на свои средства. Оба журнала не просуществовали болѣе года; но они прекратились по совершенно различнымъ поводамъ. Первый представлялъ собою рабское подражаніе журналу Мюллера и составлялъ какъ бы сколокъ съ отдѣла „Ежемѣсячныхъ сочиненій". Но, видимо, у журнала не было опредѣленнаго плана, при чемъ былъ недостатокъ въ матерьялѣ и въ сотрудникахъ, и онъ погибъ естественною смертью. Не то было съ „Трудолюбивою Пчелою" Сумарокова. Этотъ журналъ, исключительно литературный, составлялся очень живо и талантливо. Въ сотрудникахъ не было недостатка; въ числѣ ихъ мы видимъ Тредіаковскаго, Дмитревскаго, Нартова и неизбѣжныхъ академическихъ переводчиковъ — Козицкаго, Мотониса, Полетику [1]). Публика относилась къ журналу очень сочувственно, и раскупала книжки его весьма охотно [2]). Но Сумароковъ, по свойственной

---

[1]) Въ то время отношеніе сотрудниковъ къ редактору было чрезвычайно оригинальное: сотрудники считали для себя за честь что-нибудь напечатать въ журналѣ изъ своихъ произведеній; платы за это никакой не полагалось; единственный гонораръ, на который они могли разсчитывать, заключался въ оттискахъ ихъ статей.

[2]) Впослѣдствіи, по кончинѣ Сумарокова, Академія Наукъ сочла полезнымъ перепечатать «Трудолюбивую Пчелу» вторымъ изданіемъ.

ему суетливой горячности и полной непрактичности, постоянно со всѣми ссорился и постоянно нуждался въ матерьяльныхъ средствахъ для изданія; а Ломоносовъ, пользовавшійся въ то время большимъ значеніемъ въ Академіи и постоянно враждовавшій съ Сумароковымъ, не упускалъ случая тѣснить его и въ разсчетахъ съ академической типографіей, и въ смыслѣ цензурномъ. И Сумароковъ, раздраженный частыми столкновеніями изъ-за журнала, рѣшился прекратить его печатанье. Не слѣдуетъ, однакожъ, забывать, что это была попытка замѣчательная: *первая попытка частнаго лица издавать журналъ на свои средства.* За этою попыткою, какъ видимъ далѣе, появились, въ царствованіе Екатерины, и другія подобныя же, но болѣе плодотворныя по результатамъ.

Московскіе журналы.

Въ то время, когда въ Петербургѣ, благодаря „Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ" Мюллера и такому литературному центру, какъ Академія Наукъ, произошло значительное оживленіе въ области журналистики, Москва также старалась не отстать отъ своей младшей соперницы. Здѣсь, послѣ учрежденія Московскаго университета, который основанъ былъ въ 1755 г., тоже является и своя, мѣстная газета, и свои журналы. Послѣ перенесенія „Вѣдомостей" изъ Москвы въ Петербургъ, въ Москвѣ не издавалось никакой газеты, и только съ 1756 года стали издаваться при университетѣ и печататься въ собственной университетской типографіи „*Московскія Вѣдомости*", подъ редакціею первыхъ двухъ русскихъ профессоровъ—сначала Поповскаго, потомъ Барсова. Очень долгое время, почти въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія, „Московскія Вѣдомости" имѣли исключительно офиціальный характеръ: въ нихъ печатались Высочайшіе указы, приказы мѣстнаго начальства, придворныя извѣстія и казенныя объявленія. Никакихъ добавленій къ этому, литературныхъ или научныхъ—не было вовсе.

При томъ же Московскомъ университетѣ (очевидно, что другого умственнаго центра въ Москвѣ, около этого времени, не было) появились, года три-четыре спустя, и два первые московскіе журнала: „*Полезное Увеселеніе*" и „*Собраніе лучшихъ сочиненій, къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія*" [1]).

Послѣдній журналъ былъ нѣчто въ родѣ сборника разнородныхъ статей по естественнымъ наукамъ и вопросамъ техническимъ и другимъ, относящимся къ практической жизни. Издателемъ журнала былъ профессоръ Московскаго университета, Рейхель, а сотрудниками—студенты университета, которые являлись въ данномъ случаѣ только переводчиками, такъ какъ статьи, помѣщаемыя въ журналѣ Рейхеля, были исключительно перевод-

[1]) Это длинное заглавіе было въ сущности еще длиннѣе, и продолжалось такъ: «или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вопросахъ».

ныя. Цѣль издателя заключалась въ томъ, чтобы доставить желающимъ чтеніе полезное и пригодное для жизни.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличался другой журналъ: *„Полезное Увеселеніе“*, также издававшійся при Московскомъ университетѣ въ 1760—1762 гг. Во главѣ его стоялъ небольшой (впослѣдствіи разросшійся) литературный кружокъ, собиравшійся въ радушномъ домѣ М. М. Хераскова, служившаго при университетѣ членомъ конференціи. Херасковъ, незадолго передъ тѣмъ начавшій свою литературную дѣятельность въ *„Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“* Мюллера, былъ самъ издателемъ *„Полезнаго Увеселенія“*; онъ съумѣлъ придать журналу тотъ же, чисто-литературный характеръ, который такъ нравился публикѣ въ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова. Ближайшею помощницею Хераскова, при изданіи его журнала, была его супруга, по свидѣтельству современниковъ, *„также извѣстная того времени стихотворица“*. Страницы журнала Хераскова открыты были, какъ и его богатый и радушный домъ, не только тѣмъ сотрудникамъ, которые уже заявили себя кое-какими трудами въ литературѣ, но и начинающей молодежи изъ числа студентовъ Московскаго университета: между именами сотрудниковъ „Полезнаго Увеселенія“ подъ статьями этого журнала встрѣчаемъ уже имена юношей — Фонъ-Визина и Богдановича, будущихъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей, всецѣло принадлежащихъ Екатерининскому вѣку... Заря этого новаго, блестящаго вѣка нашей литературы, блестящаго расцвѣта всѣхъ ея отраслей, уже начинается...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Оглавленіе.

„Исторія Русской Словесности“

П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ начала татарщины до временъ Грознаго.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ начала XVI вѣка и до половины XVII вѣка.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отъ половины XVII вѣка до эпохи Преобразованій.

Исторія Русской Словесности въ XVIII и XIX вѣкѣ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха преобразованій отъ начала XVIII в. до начала царствованія Екатерины II.

Списокъ рисунковъ перваго тома

Исторіи Русской Словесности.

Списокъ хромолитографическихъ и другихъ приложеній къ I тому.

Примѣчаніе 1. Между этими снимками №№ 14, 15, 20, 21, 22, 23—заимствованы нами изъ превосходныхъ изданій «Общества Древней Письменности».

Примѣчаніе 2. Всѣ объясненія, транскрипціи и переводы рукописныхъ памятниковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ перваго тома «Исторіи Русской Словесности» (какъ напр. на стр. 324, 325, 328 и др.), а также и въ приложеніяхъ къ тексту (какъ напр. № 12 или 16)—будутъ нами приведены въ концѣ всего нашего труда.